

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

[АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО].

INSTITUT

BADAŃ LITERACKICH PAN

BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77

Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова и
съ приложеніемъ портрета П. И. Мельникова-Печерскаго.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1909.

<http://rcin.org.pl>

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

24.152/2

ОЧЕРКИ ПОПОВЩИНЫ.

ЧАСТЬ I.

I.

Начало раскола старообрядства.

Въ старые годы грамотныхъ людей на Руси было очень мало, а полу-грамотные переписчики церковныхъ книгъ, по невѣжеству, вносили въ нихъ самыя грубыя ошибки. Къ тексту, исполненному такого рода ошибками, предки наши постепенно привыкали. Черезъ два-три поколѣнія ошибка переписчика дѣлалась уже святынею для набожныхъ людей, строгихъ ревнителей обряда и буквы. Такая порча книгъ началась издавна: такъ-называемые „худые номокануны“ были у насъ еще въ XII вѣкѣ.

То же самое и относительно обрядовъ. Отъ недостатка книжнаго наученія не только міряне, но и духовные путались во множествѣ сложныхъ обрядовъ. Это особенно замѣчалось въ Новгородѣ и Псковѣ. Оттуда и пошли по сѣверной Руси обряды, несогласные съ древними греческими, неизвѣстные въ южной, кievской Руси, но получившіе значеніе неприкосновенной святыни въ глазахъ ревнителей старины сѣвернаго края. Таковы: сугубая аллилуія, двуперстное сложеніе, ходы посолонь и пр. На сѣверѣ, то-есть во всей Великой Россіи, всѣ эти обряды стали сильно распространяться и утверждаться съ 1410 года, или со времени раздѣленія русской митрополіи на двѣ половины—московскую и литовскую; окончательно же они утвердились во времена первыхъ московскихъ патріарховъ *).

*) И. Д. Вѣляевъ такъ опредѣляетъ происхожденіе двуперстнаго сложенія, обряда, которому старообрядцы наши придаютъ особенно важное догматическое значеніе. «Двуперстіе распространилось въ XIV вѣкѣ въ Галицкой Руси по случаю распространенія тамъ армянъ-монофизитовъ. Отсюда, въ XV вѣкѣ, оно перенесено въ Новгородъ и было усвоено многими, какъ оппозиція ереси Схарія, или такъ-называвшихся «жидовствующихъ». Затѣмъ Феодоритъ, ученикъ св. Зосимы Соловецкаго, написалъ

полная, автокефальная независимость московской церкви обуславливали невмѣшательство восточныхъ патріарховъ въ великорусскія церковныя дѣла; между тѣмъ литовская половина Руси до конца XVII столѣтія зависѣла вполнѣ и непосредственно отъ цареградской патріархіи и всегда находилась въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ восточными православными церквами, чѣмъ московская. Этимъ объясняется замѣчательное и въ наше время явленіе: въ южно-русскихъ областяхъ не было и нѣтъ испорченныхъ обрядовъ и не образовалось раскола; до сихъ поръ въ Малороссіи и Западномъ краѣ расколъ чуждъ коренныхъ жителей и содержится одними выходцами изъ Великой Россіи.

Еще при Иванѣ Грозномъ искаженіе обряда и буквы въ Московскомъ государствѣ было уже такъ велико и такъ повсемѣстно, что обратило на себя вниманіе самого царя. Вѣрнѣйшимъ средствомъ отвратить дальнѣйшую порчу книгъ малограмотными переписчиками признано было книгопечатаніе. Стали печатать книги въ Москвѣ, но по тѣмъ невѣрнымъ спискамъ, которые были во всеобщемъ употребленіи. Самое же исправленіе книгъ отлагалось отъ времени до времени. Смутное время, въ началѣ XVII вѣка, и послѣдствія его надолго задержали дѣло рѣшительнаго исправленія книгъ. Такъ и шло дѣло до половины XVII вѣка.

Въ это время бархатную мантию съ золотыми источниками надѣлъ Никонъ, мордвинъ, родомъ изъ села Вельдеманова *), человекъ обширнаго ума и непреклонной воли, „собинный другъ“ царя Алексея Михайловича. Онъ принялъ рѣшительное намѣреніе — во что бы то ни стало исправить книги и исправленными одновременно и повсемѣстно замѣнить порченныя, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Въ 1654 году Никонъ издалъ „Служебникъ“. Въ немъ отмѣнялись нѣкоторые обряды, къ которымъ привыкли и поны и міряне въ продолженіе не одного столѣтія. Ужасомъ поражены были люди набожные, строгіе ревнители ста-

известное «Слово Оеодоритово», вошедшее въ Стоглавъ (см. «День» 1863, №№ 9 и 10). Двойная аллилуія, другой важный, по мнѣнію старообрядцевъ, обрядъ, пошесть, какъ известно, изъ Пскова, тоже въ XV столѣтіи. Во время архіепископа новгородскаго Геппадія (1485—1504) и двоили и троили аллилуію, какъ видно изъ слѣдующей отписки къ нему Дмитрія Старога (Дмитрія Толмача) изъ Рима: «Господину преосвященному архіепископу Новагорода и Пскова, владыцѣ Геннадію, слуга вашъ, святительства твоего, Дмитрій Старый челомъ бьетъ. Велѣлъ еси, господине, отписати къ себѣ о трегубной *алъ иль уіа*, высмотрѣвъ въ книгахъ. Ино, господине, того и здѣсь въ книгахъ не описано, какъ говорити: трегубно ли, сугубно ли. Но мнѣ ся помнѣть, что и у насъ споръ бывалъ межъ великихъ людей, и они обоя одново осудили *алъ иль уіа*, и въ четвертое *слава Тебѣ, Боже*, является трипостасное божество и единосущнаго, а сугубное *алъ иль уіа* является въ двѣ естество едино божество. Ино, какъ глаголетъ человекъ тою мыслию, тако добро. *Алъ иль уіа* толкуется: *алъ* — пріиде, *иль* — явился, *уіа* — Богъ, — пойте и хвалите живого Бога. — Инако толкуется: *алъ иль уіа* — хвалите Богу или хвалите Господа или Сущаго хвалите, якоже и Давидъ воіаше, глагола: Богъ явѣ пріидеть, Богъ нашъ не премолчатъ».

*) Нижегородской губерніи, Книгининскаго уѣзда, на горѣ Тяпкнвой.

рины и обряда; для ненабожныхъ было все равно. Недовольство патриархомъ обнаружилось тотчасъ же. И гдѣ же? Рядомъ съ патриархіей, въ кремлевскихъ теремахъ, на половинѣ набожной и благочестивой царицы Марьи Ильиничны.

Воспитанная въ старыхъ обрядахъ, свято чтимыхъ Милославскими и всѣми ихъ родственниками и свойственниками, набожная, но неразвитая, благочестивая, но не наученная книжной мудрости, царица съ негодованиемъ встрѣтила Никоновы „новшества“. Всѣ окружавшіе ее, самые близкіе къ ней люди недоброхотно смотрѣли на дѣло Никона. Старикъ Соковнинъ, ея ближайшій совѣтникъ, завѣдывавшій ея частнымъ хозяйствомъ; сыновья его, бывшіе при царицыномъ дворѣ; его дочери—Морозова и княгиня Урусова, самая любимыя царицею боярыни, сверстницы ея по воспитанію *); вся родня ея, то-есть Милославскіе, Хованскіе, были истые ревнители обряда и старинны. Съ ненавистью смотрѣли они на Никона и хулили его дѣло въ царицыномъ теремѣ. Самъ духовникъ Марьи Ильиничны, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, прежде пріятель Никона, теперь явно ему воспротивился и много недобраго внушалъ своей духовной дочери о „новосоставленныхъ, Никономъ измышленныхъ“ обрядахъ. Главные соборяне кремлевскихъ соборовъ были одиѣхъ мыслей съ царскимъ духовникомъ. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ церковнаго раздора, во главѣ противниковъ Никона стала царица московская съ ближними къ ней людьми и самое высшее бѣлое духовенство московскаго Кремля.

Царь и бояре, кажется, принимали въ этомъ дѣлѣ мало участія. Со времени изданія „Служебника“ Алексѣй Михайловичъ безъ малаго два года почти безъ выѣзда находился въ Литвѣ, побѣдоносно воюя съ польскимъ королемъ.

Изъ кремлевскихъ теремовъ поднялся расколъ по московскимъ улицамъ, а изъ Москвы, изъ всѣхъ заставъ ея, разлился во всѣ стороны по городамъ, по селамъ и деревнямъ. По городамъ во главѣ раскола стало также высшее бѣлое духовенство. Въ числѣ первыхъ расколуучителей видимъ протопоповъ и поповъ: Никиту—въ Суздаль, Аввакума—въ Юрьевцѣ, Лазаря—въ Романовѣ, Данила—въ Костромѣ, Логгина—въ Муромѣ, Никифора—въ Симбирскѣ, Андрея—въ Коломнѣ, Серапіона—въ Смоленскѣ, Варлаама—во Псковѣ и проч. По селамъ пріобыкшіе къ старому обряду попы сначала преспокойно положили новоисправленныя книги на клиросахъ и, не заглядывая въ нихъ, пѣли службу по-старому. На первыхъ порахъ сельскій народъ и не замѣтилъ переменны. Но въ монастыряхъ, гдѣ иночествующая братія была относительно развитѣе и разумнѣе приходскаго духовенства, новый обрядъ былъ принятъ. Въ монастыряхъ служили по-новому, въ приходяхъ—

*) Изъ нихъ Алексѣй Прокофьевичъ вмѣстѣ съ Циклеромъ казненъ Петромъ I; Морозова и кн. Урусова умерли въ Боровскѣ въ тюрьмѣ, гдѣ содержались за расколъ.

по-старому. Народъ, видя такую разность, соблазнялся. И пошли толки. Между тѣмъ монахи, патріаршіе десятильники и заказчики доносили святѣйшему, что сельскіе попы „ему ослушны: по новымъ книгамъ его исправленія службы Божіей въ приходныхъ церквахъ не поютъ“. По такимъ доносамъ начинались розыски: съ поновъ, уличенныхъ въ службѣ по Іосифовскимъ книгамъ, брали денежные пени, сажали ихъ по монастырямъ подъ началь, упорнѣйшихъ держали въ монастырскихъ поварняхъ на цѣпяхъ. Иногда ослушниковъ воли патріаршей смиряли и батогами. Наказанія ожесточали, и попы дѣлались упорнѣе, думая, что страдаютъ за правду, за старую отеческую вѣру. Стали нѣкоторыхъ, болѣе вліятельныхъ, посылать въ ссылки. Народъ смотрѣлъ на нихъ какъ на мучениковъ за „старую вѣру“, укрѣплялся въ стояніи за старину и слушать не хотѣлъ никакихъ увѣщаній о покореніи волѣ святѣйшаго Никона. А между тѣмъ изъ Москвы, изъ палатъ и хоромъ политическихъ враговъ патріарха, бывшего тогда почти полновластнымъ правителемъ государства, неслись по сельщинѣ и деревенщинѣ недобрыя вѣсти: „Никонъ старую вѣру рушить!..“ И задумались православные. Задумались и въ Москвѣ, и на Волгѣ, и на Сѣверѣ, и въ Сибири.

И встарь, какъ и теперь, рускій народъ каждое событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и близко касающееся его домашняго быта, его собственныхъ дѣлъ, объяснилъ по-своему. Объясненія бывали и бываютъ иногда до крайности нелѣпы, но они всегда замѣчательны, какъ выраженіе народныхъ симпатій даннаго времени. Такъ было и при исправленіи церковнаго обряда Никономъ.

Откуда эти „новшества“? Кто возбудилъ Никона рушить старую вѣру? Чье велѣніе творить онъ? Такіе вопросы двѣсти лѣтъ тому назадъ задавали себѣ на Руси ревнители старины. Первымъ виновникомъ оказался, разумѣется, дьяволъ, всегда искій кого поглотити, исконный пакостникъ роду христіанскому. А за нимъ — папа римскій, которому на этотъ разъ, разумѣется, и въ голову не приходило ничего подобнаго. Въ то время и великоруссы и южноруссы были страшно озлоблены противъ поляковъ и римскаго костела. Въ Московскомъ государствѣ у всѣхъ еще на свѣжей памяти были недавнія событія смутнаго времени и фанатическое звѣрство римскихъ католиковъ въ самыхъ стѣнахъ Кремля. Люди Московскаго государства были современниками польскихъ неправдъ и неистовствъ при варварскомъ, насильственномъ, кровавомъ обращеніи южноруссовъ и бѣлоруссовъ въ унию. Малороссія только-что поддалась „подъ высокую руку“ православнаго царя, избѣгая польско-католическаго ига. Царь въ Литвѣ побѣдоносно мстилъ обиды и многія неправды польскаго короля и пановъ рады. Уже Вильно и Гродно были наши, сама Варшава трепетала въ ожиданіи очереди сдѣлаться московскимъ пригородомъ. Москвитяне находились въ напряженномъ состояніи. Всякое зло приписывалось ненавистнымъ полякамъ и кознямъ рим-

скаго двора и іезуитовъ. Эта ненависть поддерживалась и усиливалась разными сочиненіями, писанными въ литовской Руси съ цѣлью охранить православіе отъ католицизма. По тогдашнимъ московскимъ понятіямъ, злѣе, душепагубнѣе латинства во всемъ мірѣ другой ереси не было. И пустили враги Никона по народу слухъ нелѣпый, но зато быстро распространившійся отъ Двѣбра до Байкала и повсюду принятій за истину, не требующую доказательствъ: „Поляки да римскій костель, чрезъ врага Божія, Никона, хотять замутиль русскую землю“. И пошли по народу одни толки за другими. И пошла по людямъ мірская молва, что по морю морская волна. И было много смятенія въ людяхъ.

„Православный государь за многія неправды польскаго короля и пановъ рады и всей Рѣчи-Посполитой, съ помощію Божіею и своимъ государевымъ счастіемъ, отмщеніе чинить и храбрствомъ своимъ, добротствомъ же и многою службою и кровавыми ранами и пѣтомъ христіюлюбиваго воинства, православныя церкви отъ прелестнаго папезскаго насилія боронить,—а на Москвѣ сидитъ мордвинъ и всѣмъ царствомъ мутиль, держа руку государевымъ злодѣямъ и послѣдуя богоотметному римскому костелу“. Такъ говорили въ Московскомъ государствѣ.

„Яко новый Іуда и святыхъ православныя вѣры догматовъ отменикъ, Исидоръ митрополитъ зломудренный на злочинномъ флорентскомъ соборѣ латинскую ересь прія и римскому папезу любезно прилѣпился; яко бѣсовскій сынъ и страдникъ Игнатій-грекъ, во дни растригины на патриаршемъ престолѣ бывшій и Божіимъ попусценіемъ, врага же чловѣческаго, діавола, дѣйствомъ, жезлъ святителя Петра въ скверной руцѣ своей державшій, пагубному костелу и зловѣрнымъ езувитамъ, тако же и папезу римскому себѣ предаде;—такъ и сей многомятежный Никонъ, смутитель російскія земли, латинскую, Богомъ ненавидимую ересь прія, къ римскому костелу прилѣпился, повелѣнія зломудраго папеза творяй, проклятаго папы Формоза и сына погибельнаго Петра гугниваго преданія соблюдай, крайнюю лествь богомерзкаго латинскаго ученія... въ людяхъ Московскаго государства проповѣсть, хотяя всѣхъ православныхъ христіанъ широкими путями пространнаго житія въ кромѣшную бездну адову ко отцу своему, діаволу, привести“. Такъ говорили на Москвѣ, такъ говорили по городамъ, по селамъ, по деревнямъ.

„Никонъ, толковали, пріемшій латинскій (четвероконачный) крѣзь, ругаяся истинному и животворящему кресту Господню, трисоставному, осьмиконечному, нашиль его, святыиѣ и Богу Всевышнему ругаяся, на своихъ башмакахъ, да скверныма своими ногама ежечасно попираеть святое знаменіе, его же бѣси трепещуть и еже вселенную утверди“.

„Никонъ, говорили, отметнувъ святыи жезлъ Петра чудотворца, повелѣ его своимъ страдникамъ въ пуждную яму вкинути, а на своемъ скверномъ жезлѣ зміи антихрестови нѣмецкою хитоостію устрои, и егда

свою литургію богоотметную служить, благочестивые и хриstopодражательніи людіе воочію зрять, яко не святыи омофоръ, но нѣкій мерзкій и престашный, чермный змій на плечахъ его висить, ползая и трегошуща“.

Таковы были народныя толки о Никонѣ *). И раздался по городамъ и селамъ, по лѣсамъ и пустынямъ, тотъ самый йсаакъ **), который лѣтъ сорокъ до того „воздвигъ отъ сна уснувшихъ“, по выраженію Минина ***). Йсаакъ тотъ былъ: „погибаеъ вѣра православная!“ . Еще живы были старики, чтѣ въ юности порадили дѣлу земскому, ходили съ Кузьмой Захарьевичемъ да съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ очищать Москву „отъ польскихъ людей и отъ русекихъ воровъ“ . „На то ли мы бороили святоотеческую, православную церковь,—говорили они теиерь:—чтобы съ Никономъ—отступникомъ зловѣрїю послѣдовать и, впадже въ смрадную яму еретичества, душами и тѣлесамъ погибнуть?“ Противленіе патріарху до того дошло, что не только по многимъ церквамъ царствующаго града Москвы, но и въ самомъ Успенскомъ соборѣ священники и причтъ не переставали служить по старому, по-Іосифовски. При самомъ служеніи патріарха въ этомъ храмѣ, священникъ Иванъ Нероновъ не допускалъ чтецовъ тронть аллилуію и много разъ споривалъ о томъ съ самимъ Никономъ, къ явному соблазну богомольцевъ. Нероновъ былъ въ милости при дворѣ, и Никонъ въ то время еще не рѣшился строго поступить съ нимъ °). „И мнози,—говорить одинъ изъ извѣстнѣйшихъ расколыническихъ писателей:—яко отъ священныхъ, тако и отъ мірскихъ, о того (Никона) новинахъ смущахуся, и великія молвы и мятежи въ Россійской земли совершаху“ °°).

А между тѣмъ чума ходила по Россіи, и были повсемѣстныя неурожаи. Страшная была гибель народа. Мы, современники холеры, не можемъ вполнѣ представить всѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось моровое повѣтріе 1654 года. Города опустѣли; посадскіе люди и крестьяне, которые не умерли, разбрелись врознь. Хоронить было некому; трупы гнили въ домахъ; нияя деревни вымерли поголовно °°°). Поля остались не засѣянными, кустарниками поросли. Оттого голодъ пошелъ, и на все непомѣрная дороговизна. Народъ молился, женщины по ночамъ

*) Все это буквально взято изъ расколынической рукописи: «Пореченіи на новоявленнаго Арія, Несторія же и Діоскора, рекше Никона патріарха». Рукопись въ восьмушку, 152 страницы, безъ конца, новаго письма, нынѣшняго столѣтія; но она, по всему видно, списокъ съ сочиненія, современнаго Никону. Рукопись, какъ видно изъ надписи, принадлежала Тарасу Колосову, старообрядцу Балахонскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

**) Кликъ.

***) «Ельнинскій хронографъ». См. «Отеч. Записки», 1842, № 7.

°) Семена Денисова «Россійскій виноградъ. Повѣсть о Никонѣ патріархѣ».

°°) Тамъ же.

°°°) Акты Нижегородскаго Печерскаго монастыря.

таинственно опахивали селенія, мужчины по обѣту строили „обыденныя“ церкви, обрѣтались чудотворныя иконы и, какъ гласятъ благочестивыя преданія, избавляли цѣлые города отъ мора. Народъ страдалъ и всю бѣду сваливалъ на того же Никона. „То — Божіе наказаніе, — гоиорилъ онъ:— за то, что многіе христіане, послѣдуя за Божимъ врагомъ, отринули святоотеческіе завѣты и преданія“. Стояли необычайныя морозы, были страшныя бури, градомъ выбивало поля, а на небесахъ то и дѣло видимы были знаменія: столпы кровавыя ходили, солнце меркло, явилась огромная звѣзда съ метлой... „Зрите, православныя, зрите знаменія гнѣва Господня, излія бо Вышній фіалъ ярости Своя, грѣхъ ради нашихъ. А за то всеблагій Творецъ родъ христіанскій наказуетъ, что многіе пошли по слѣдамъ врага Божія и Пречистыя Богородицы — волка Никона!“

И малая доля подобныхъ толковъ, проникая въ крестовую патріаршую палату, могла бы смутить всякаго, носившаго жемчужныхъ херувимовъ на головѣ и бархатную мантию на плечахъ, но не таковъ былъ Никонъ. Онъ, ужъ по природѣ своей, никакъ не могъ своротить съ разъ избраннаго пути, никакъ не могъ сдѣлать какой-либо уступки, — словомъ, ни одного шага назадъ. Препятствія лишь усиливали его энергію, и онъ, нисавшійся „Божією милостію великимъ государемъ и патріархомъ“, веѣмъ объемомъ души вѣрилъ въ свое божественное право не только учить, но и повелѣвать. За отсутствіемъ царя, онъ правилъ государствомъ, и передъ нимъ, вельдемановскимъ мордвиномъ, крестьянскимъ сыномъ, волей-неволей преклонялись гордые, заносчивые, родословные люди Московскаго государства. Боярская дума думала такъ, какъ хотѣлось Никону. Во веѣхъ приказахъ творилась воля его; для непокорныхъ же — тюремъ и застѣнковъ было не занимать стать. Врачъ душевный караль тѣлеса и караль тяжко. Непокорные попы томились въ ссылкахъ или въ монастырскихъ поварняхъ и погребяхъ съ цѣпями на шеѣ. Дрожали и вельможи. Сама царица не считала себя вполнѣ безопасною. Здоровье ея сильно разстраивалось.

Никонъ счелъ нужнымъ строго, властію всей церкви, утвердить исправленный обрядъ. По правиламъ, это возможно было лишь посредствомъ помѣстнаго собора. Собору же быть безъ воли и личнаго присутствія государя, по тѣмъ же правиламъ и по веѣмъ бывшимъ примѣрамъ, какъ въ русской, такъ и въ византійской церкви, нельзя. А государь все въ Литвѣ. И невольно медлил Никонъ, досадуя, давая волю гнѣву, и, въ то же время постясь, молясь и нося тяжелыя вериги, умерщвлялъ плоть свою. Въ это время онъ начиналъ уже дѣятельную переписку съ восточными патріархами. Объ уступкахъ, о снисхожденіи, объ усмиреніи народа патріархъ и не помышлялъ: онъ презиралъ народъ и его желанія не меньше, чѣмъ впоследствии Петръ.

Какъ скоро Алексѣй Михайловичъ воротился въ Москву, Никонъ созвалъ соборъ русскихъ архіереевъ (1656), еще разъ утвердившій ново-

исправленный обрядъ, приравнявшій двуперстіе къ ересямъ несторіевою и армянской и проклявшій крестящихся двумя перстами *). Тогда же, для повсемѣстнаго прекращенія службы по-старому, Никонъ приказалъ во всеѣмъ приходамъ, и городскимъ и сельскимъ, отобрать старыя книги. Поступая такимъ образомъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду примѣръ патріарха Филарета, не только повсюду отобравшаго, но даже и сжегшаго „Уставъ“, напечатанный въ Москвѣ въ 1610 г. Но что удалось царскому отцу, то не прошло благополучно при сынѣ вельдемановскаго мордвина. Двуперстники на соборную апаѳему отвѣчали анаоемой, а разосланнымъ для отобранія старыхъ, свято чтимыхъ книгъ „многимъ городамъ и селамъ не отдавали и служить по нимъ не переставали“. Посланные мѣстами прибѣгали къ насиліямъ; бывали драки и даже увѣчья изъ-за книгъ, а изъ нѣкоторыхъ церквей мірскіе люди тайкомъ брали старыя книги и, какъ драгоценность, уносили съ собою въ лѣса, въ пустыни, въ тундры отдаленнаго сѣвера. До крайности крутая мѣра отобранія старинныхъ книгъ на всемъ пространствѣ Московскаго государства потрясла всеѣхъ, а особенно людей простыхъ. „Какъ же,—говорили они:—вѣдь по этимъ книгамъ столько лѣтъ божественную службу правили, вѣдь по этимъ книгамъ святые тайны совершали и насъ освящали, а теперь эти книги не въ книги? По этимъ книгамъ святые отцы Богу угодили, а теперь онѣ негодны стали! Кто же правѣе, кто же святѣе: святые отцы и преподобные или Никонъ?“ Вразумлять такъ говорившихъ, что таинство и души человѣческія освящаются не внѣшнимъ обрядомъ и не старыми или новыми книгами, а вѣрою и благодатію, что исправленіе обряда необходимо—было совершенно невозможно. Простые сердцемъ и не книжные люди этого не понимали, да и понять не могли. Что же вышло? Всеѣ люди набожные, всеѣ люди, предавшие церкви, уклонились отъ Никона и образовали *расколь*. Сюда принадлежало преимущественно простонародіе, особенно женщины. Напротивъ, люди болѣе или менѣе равнодушные приняли все, введенное Никономъ. Сюда принадлежало большинство людей высшихъ классовъ тогдашняго общества. Нелегко было и имъ перучиваться креститься: по привычкѣ, усвоенной съ младенчества, правая рука все складывала для крестнаго знаменія два перста, но понемногу эти люди приобрѣли навыкъ креститься по-новому.

Никонъ въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на авторитетъ восточныхъ православныхъ патріарховъ и надѣялся на нихъ, какъ на каменную стѣну. Но люди Московскаго государства грековъ ставили ни во что. Въ XVII столѣтіи патріархи, митрополиты, архимандриты, монахи и купчины греческіе то и дѣло къ намъ ѣздили: привозили они четки іерусалимскія, иконы, камешки отъ святыхъ мѣстъ Палестины и вза-мѣнъ того получали червчатые бархаты вешнейскіе, дорогіе аксамиты

*) «Скрижаль», I, л. 11, на обор.

и алтабасы, сибирскихъ соболей, кафимскій жемчугъ и золотые ефимки. Чтобы получить побольше милостыни отъ набожнаго царя и благочестивыхъ его подданныхъ, греки возбуждали ихъ къ большей щедрости преувеличенными нерѣдко разказами о паденіи православія на Востокѣ. „Отъ тѣсноты и гоненія агарянскаго,—говорили они:—померче православія свѣтъ на Востокѣ; только во единой Москвѣ, семь третьемъ Римѣ, истинная вѣра сіяетъ, яко свѣтило“. Такія рѣчи приходились русскимъ по-сердцу; онѣ льстили народному самолюбію. Иные греки говорили: „къ вамъ, въ Москву, надо ѣздить учиться благочестію“. Это еще болѣе радовало русскихъ и прибавляло хорошіе лишки къ милостынь, подаваемой „разореннымъ грекамъ“. Но уважать грековъ—не уважали. Слова: „суть же греци льстивы (то-есть обманщики) до сего дня“ со временъ преподобнаго Нестора не выходили изъ сознанія русскихъ людей. Бывавшіе въ Москвѣ греческіе патріархи и митрополиты (1649—1654 *), видя рознь московскихъ обрядовъ съ греческими, не одобряли ея и совѣтовали Никону поскорѣе приступить къ рѣшительному исправленію. Афонскіе старцы тоже говорили, что московскій обрядъ нехорошъ, и жгли книги московской печати. Русскій народъ не слушалъ ни патріарховъ ни афонскихъ монаховъ, зато послушалъ старца Арсенія Суханова, своего, русскаго, посланнаго царемъ и Никономъ на Востокъ досматривать тамошніе обряды. Сухановъ все, что видѣлъ, описалъ въ своемъ „Проскинитаріи“, и списки съ этого сочиненія быстро разошлись въ народѣ. Въ немъ русскій паломникъ описалъ всѣ несходства обряда греческаго съ нашимъ, но еще болѣе описывалъ небреженіе грековъ къ обряду. А для русскихъ людей это больше всего значило. Равнодушіе грековъ къ памятникамъ святости, сообщенія ихъ съ иновѣрцами, несоблюденіе постовъ въ томъ строгомъ видѣ, въ какомъ установились они въ послѣднее время у насъ на сѣверѣ, странная для московскаго глаза одежда духовныхъ лицъ и самихъ монаховъ, ношеніе мірянами европейскаго платья — все это до глубины души возмущало Суханова, и онъ съ наивностью паломника записалъ свои впечатлѣнія. Особенно поразило нашихъ предковъ, когда они прочитали у Суханова о гречанкахъ. На Москвѣ женщины были особенно набожны и приходили въ церковь не иначе, какъ подъ фатой, и становились особо отъ мужчинъ. Гречанки же, по словамъ Суханова, „ходятъ по-франкски (то-есть по французской модѣ), рубанекъ не застегаютъ, груди всѣ голы, вся шея до сисекъ нага и держатъ шею и сиськи чисто гораздо, якобы для прелести. И такъ ходятъ не токмо жены, но и дѣвцы. И женятся греки у франковъ и франки у гре-

*) Павсій, патріархъ Іерусалимскій, въ 1649 г.; Гавріиль, митрополитъ Назаретскій, въ 1652 г.; Аванасій, патріархъ Константинопольскій, въ 1653 г.; Макарій, патріархъ Антиохійскій, и Михайль, патріархъ Сербскій, въ 1654 г.

ковъ“ *). Это на московскіе глаза было самою страшною ересью и самымъ сильнымъ развратомъ. Никогда не пользовавшіеся добрымъ мифніемъ нашихъ предковъ, греки, съ появленіемъ сухановскаго „Проскинитарія“, упали еще ниже. Въ то же время узнали на Русѣ, что многіе греки признали главенство папы римскаго, что изъ самихъ константинопольскихъ патріарховъ нѣкоторые склонялись къ латинству, что въ Константинополѣ нѣкоторые греки уклонились и въ кальвинство. Еще двадцати лѣтъ не минуло, какъ тамошній патріархъ, Кирилль Лукарисъ, явный протестантъ, былъ утопленъ турками. И не только въ западной Руси, въ самой Москвѣ явились-было кальвинисты, послѣдователи Лукариса. Хотя дѣло объ этомъ ведено было въ большомъ секретѣ, однакоже слухъ о патріархѣ-кальвинистѣ ходилъ по Москвѣ **).

„У грековъ вѣра пестра,—говорили двуперстники: — въ взятіи турецкимъ салтаномъ Царьграда православіе у нихъ погибло, и они теперь, подѣ личиною православія, содержатъ ереси: латинскую, кальвинскую и армянскую“. — „А Никонъ къ намъ хочетъ вводить сію пеструю вѣру!“ — говорили другіе. И когда указывали имъ на восточныхъ патріарховъ, сидѣвшихъ на апостольскихъ престолахъ, что и они содержатъ тѣ самые обряды, которые Никонъ теперь велѣлъ на Москвѣ исполнять, что эти патріархи вполне одобрили новыя книги, — слушать ничего не хотѣли двуперстники, начитавшіеся „Проскинитарія“, и отвѣчали увѣщателямъ: „Знаемъ мы тѣхъ патріарховъ, знаемъ мы, какъ они съ богомерзкими турками съ одного блюда мясо ѣдятъ“. А тутъ Аввакумъ-протопопъ изъ заточенія разсылаетъ грамотки, двуперстники переписываютъ ихъ въ сотняхъ экземпляровъ. И говоритъ Аввакумъ вслухъ всей Россіи: „мудры б—ны дѣти греки; да съ варваромъ турецкимъ съ одного блюда патріархи кушаютъ рафленныя курки, а русачки миленькіе не такъ: въ огонь полѣзутъ, а благовѣрія не предадутъ“ ***).

Задавали себѣ русскіе люди, ревнители старины и стараго обряда, вопросъ: „православны ли греки?“ — и всегда почти рѣшали такой вопросъ отрицательно. „Вѣдь сами же греки сказывали, что имъ надо ѣздить въ Москву учиться православію, а теперь хотятъ насъ учить“.

„Сказываютъ, — толковали на Руси и въ домахъ, и на базарахъ, и на другихъ многочисленныхъ собраніяхъ: — сказываютъ, что и крещены-то греки не въ три погруженія, а обливаны, какъ обливаютъ въ римскомъ костелѣ. А крещеніе такое нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе. И въ черкасскихъ городѣхъ (Малороссіи) тоже обливаютъ, и въ Кіевѣ водится та же ересь, и у бѣлорусцевъ, а все оттого, что тамошніе люди всегда были подѣ греческимъ, цареградскимъ патріархомъ, а не

*) Арсеній Сухановъ, «Проскинитарій». Описаніе острова Хіо.

**) Дѣло о послѣдствіяхъ уклоненія Лукариса въ кальвинство до сихъ поръ, кажется, запечатано, хотя и миновали уже два вѣка послѣ его производства.

***) Аввакумъ, «Второе посланіе къ Симеону».

подъ нашими, православными. Оттого святѣйшій Филаретъ, патріархъ московскій, и велѣлъ крестить бѣлорусцевъ совершенно“ *).

„Вездѣ нарушена вѣра православная, только въ Московскомъ государствѣ до дней нашихъ стояла она твердо и сіяла яко солнце. А теперь и у насъ врагъ Божій Никонъ хочетъ ее извести“... — „Что же это значитъ? Къ чему все это идетъ?“—спрашивали грамотеевъ скорбные, упавшіе духомъ люди. Грамотеи раскрывали свято почитаемую народомъ и опороченную Никономъ „Книгу Вѣры“, собирали вокругъ себя кружки и, возгласивъ: „внемлите, православные!“ , такъ читали и толковали:

„По тысячи лѣтъ отъ воплощенія Вожія Слова бысть развязанъ сатана, и Римъ отпаде со всеми западными церквами отъ восточныя церкви. Въ 595 лѣто по тысячи жители въ Малой Руссиі къ римскому костелу приступили и па всей воли римскаго папы заручную грамоту дали ему. Се второе оторваніе христіанъ отъ восточныя церкви. Егда же исполнится 1666 лѣтъ, да нѣчто бы отъ прежде бывшихъ винъ зла нѣкаковаго не пострадати и намъ“.

Роковой годъ приближался. Число 666 есть число апокалипсическаго звѣря. Не народился ли въ лицѣ Никона антихристъ? Такой вопросъ возникъ у дуперстниковъ и былъ рѣшенъ положительно. Возненавидѣли Никона все отъ мала до велика, и не было ему другого имени, какъ врагъ Божій да антихристъ. А онъ строилъ себѣ свой Воскресенскій монастырь, по подобію великой іерусалимской церкви, спорилъ съ боярами, поссорился и съ царемъ. Самовольно оставивъ престоль святителя Петра, засѣлъ онъ въ своемъ Новомъ-Іерусалимѣ

---

*) Ложный слухъ о поливательномъ крещеніи у грековъ введенъ былъ позднѣе въ самый «Проскинитарій» Арсенія Суханова безпоповцами, что много послужило къ распространенію между русскими старообрядцами убѣжденія, будто греки не имѣютъ правильнаго, въ три погруженія, крещенія. Старообрядцевъ, авторъ написаннаго въ 1861 году сочиненія: «Сказаніе о первоначальномъ учрежденіи ипѣ существующей въ нашей древнеправославной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся», такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: «Есть выпущенная тетрадь, въ видѣ отрывка Арсеніева въ путешествіи описанія, въ которой доказывается, что якобы Арсеній видѣлъ обливательное крещеніе у грековъ, но это совершенная ложь; ибо оная тетрадь, какъ мы безсомнительно дознались, сочинена поморскими безпоповцами съ такою дѣлью, чтобы поддержать свою, на песокъ основанную, секту. Что въ подлинной книгѣ Арсеніева путешествія, которую мы сами отъ перваго даже до послѣдняго листа съ великимъ прилежаніемъ изслѣдовали, отнюдь не обрѣтается; нѣтъ сего и во всехъ списанныхъ съ опой у многихъ частныхъ лицъ находящихся книгахъ. Сверхъ того, тетрадь, доказывая время и мѣсто Арсеніева самовидѣнія, сама открываетъ подлогъ, ибо по описанію самимъ Арсеніемъ путешествія его съ означеніемъ времени и мѣста, когда и гдѣ находился, онъ въ то время тамъ вовсе не былъ». Подлинникъ «Проскинитарія» находится въ библиотекѣ Троицко-Сергіевской лавры.

и ни шагу въ Москву. Между тѣмъ расколъ церковный съ каждымъ днемъ развивался болѣе и болѣе. Государь то и дѣло изъ всѣхъ концовъ царства получалъ челобитныя на Никона, съ просьбою возстановить нарушенный имъ обрядъ. Двуперстники твердо были увѣрены, что долго созываемый соборъ для суда надъ Никономъ отвергнетъ его „новшества“. Соборъ какъ нарочно собрался въ роковомъ 1666 году. Никонъ былъ осужденъ, но всѣ распоряженія его по исправленію обряда одобрены и утверждены, а ревнители старинны преданы анаемѣ.

„Погибло православіе!“ — завопилъ народъ, ревностно преданный старинѣ. И былъ стонъ и плачь по селамъ и деревнямъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Стали ждать съ часу на часъ трубы архангела. „Міръ кончается, антихристъ явился, близокъ часъ страшнаго суда Христова!“ — говорили повсюду.

При такомъ настроеніи умовъ совершился въ русской церкви *расколъ старообрядства*.

II.

Первая мысль исканія архіерейства.

На сторонѣ противниковъ Никона, ревнителей упрядненнаго въ господствующей церкви обряда, оказались не исключительно одни бѣлые священники: были и монахи, были даже архіереи. Таковы, по сказаніямъ раскольниковъ, былъ: Макарій новгородскій († 1663), Маркеллъ вологодскій († 1656), Александръ вятскій († 1679) — три іерарха сѣверной части Великой Россіи, гдѣ первоначально появились, долѣе употреблялись и сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь укрѣпились обряды, отвергнутые Никономъ и проклятые соборомъ 1667 года. Изъ названныхъ архіереевъ дожилъ до этого собора одинъ только Александръ. Онъ былъ призванъ къ соборному суду, раскаялся въ своемъ заблужденіи, былъ принятъ въ общеніе съ церковью, но черезъ семь лѣтъ опять пошелъ по старинѣ, самовольно оставилъ вятскую кафедру и удалился въ пустыню, подлѣ Сольвычегодска. Не видно однакоже изъ письменныхъ памятниковъ того времени, какъ церковныхъ, такъ и раскольничьихъ, не сохранилось и въ преданіяхъ, чтобы архіереи новгородскій, вологодскій и вятскій при самомъ началѣ раскола поставили для старообрядцевъ изначала желаемаго ими архіерея.

Болѣе явно, болѣе гласно воспротивился Никону епископъ Павелъ коломенскій. Онъ былъ землякъ Никоноу, и у нихъ были старые между собою счеты. Подъ соборнымъ постановленіемъ 1654 года (при изданіи „Служебника“) Павелъ написалъ слѣдующій протестъ: „аще кто отъ обычныхъ преданій святяго кааолнческаго церкви отыметъ, или приложить, или инако развратить, анаеема да будетъ“. Никонъ увлекся: осудилъ личнаго врага своего *безъ собора* и сослалъ его въ монастырь Палеостровскій, чтд на берегу Онежскаго озера.

Имѣли старообрядцы поновъ довольно, но не было у нихъ архіерея. Отдѣляясь отъ господствующей церкви не изъ-за догматовъ, не изъ-за формъ церковной администраціи, а лишь изъ-за обряда, они признавали, согласно православному ученію, что въ истинной церкви, которая, по слову Спасителя, будетъ стоять до скончанія міра, необходимо нужны три чина іерархіи: епископскій, іерейскій и дьяконскій, съ преемственнымъ отъ самихъ апостоловъ рукоположеніемъ. Необходимость имѣть архіерея была для нихъ крайне чувствительна. Потому приходившіе къ Павлу въ палеостровское заточеніе, для собесѣдованія и ради благословенія, старообрядцы-двуперстники просили его о посвященіи имъ архіерея. Видно, Палеостровскій монастырь вовсе не былъ такою крѣпкою тюрьмой, какою представляютъ его нѣкоторые раскольническіе писатели, рассказывая о темничномъ заточеніи страдальца Павла. Къ нему имѣли свободный доступъ. Онъ поучалъ приходящихъ, приказывалъ имъ свято хранить преданія и крѣпко держаться іосифовскихъ книгъ и старыхъ обрядовъ, поддерживалъ въ нихъ ревность къ старинѣ, ненависть къ Никону и его „новшествамъ“, но, вопреки нѣкоторымъ позднѣйшимъ сказаніямъ, рѣшительно отказывался отъ посвященія не только архіерея, но даже и священника.

— Какъ же сохранимъ въ благочестіи, владыка святой? — говорили Павлу, слезно рыдая, ревнители стараго обряда. — Какъ же мы сохранимъ въ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, понеже ни единый архіерей подобенъ тебѣ остался? Все они (архіереи) волею и неволею Никоновой книги и новые чины пріяли. Посвяти намъ епископа правовѣрнаго.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Павелъ: — не могу сего сотворить, понеже, хотя безвинно осужденъ есмь, самому же ся отмстить не повелѣно. Уже праведный Судья, Христосъ, Богъ нашъ, будетъ насъ съ Никономъ судить.

— Но какъ же намъ быть безъ епископа, владыка святой?

— Поищите отъ епископовъ, — отвѣчалъ палеостровскій заточенникъ: — хоть они и подписались Никоновы преданія хранить, но еще благодать Божія, по нуждѣ, за преступленіе, отъ нихъ до времени не отступила.

Много и неустанно молили Павла старообрядцы, но онъ оставался непреклоннымъ. Безъ сомнѣнія, самъ Павелъ не воображалъ, какъ далеко зайдетъ расколъ церковный вполсѣдствіи. Слѣдую его совѣту, двуперстники искали кого-либо изъ великороссійскихъ архіереевъ, который бы пошелъ къ нимъ, или бы согласился посвятить для нихъ особаго епископа, но „сего сдѣлать, лютаго ради гоненія, не могоша“ *).

*) Иона Курносый, рукопись XVIII ст. въ 8-ку. Отсюда взятъ буквально разговор старообрядцевъ съ Павломъ коломенскимъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ разговоры заимствованы мною, также буквально, изъ сочиненія Ионы. Иона Курносый, раскольническій писатель поновщинскаго толка, жилъ во второй половинѣ XVIII ст. въ Комаровскомъ скиту (верстахъ

и умеръ Павелъ, не поддавшись на многія и частыя прошенія приходившихъ къ нему старообрядцевъ.

Въ 1667 году московскій соборъ предалъ непокорныхъ господствующей церкви двуперстниковъ анаемѣ; они на анаему отвѣчали анаемой. Дѣло зашло уже слишкомъ далеко, такъ далеко, какъ не думали и не предвидѣли первые поборники стараго обряда, толковавшіе о Никоновыхъ „новшествахъ“ въ боярскихъ хоромахъ и въ теремахъ царицы Марьи Ильиничны. Примиреніе сдѣлалось невозможнымъ. Отлученные отъ церкви хорошо понимали, что имъ уже нѣтъ возврата въ ея нѣдра. Но такъ какъ они не отвергали ни догматовъ, ни правилъ православія, ни уставовъ церковныхъ, дѣйствовавшихъ до Никона, а только нѣкоторые обряды вишняго богопочтенія совершали по старинѣ, по-іосифовски, то естественно должны были озаботиться о полнотѣ священнаго чина въ своей церкви, которую считали единою истинною и православною. Въ священникахъ на первый разъ недостатка у нихъ не было: бѣлаго духовенства, уклонившагося въ расколъ при самомъ началѣ его, было довольно; но гдѣ же взять епископа, который бы рукополагалъ имъ новыхъ священниковъ, освящалъ миро и антимысы, судилъ духовныя дѣла и правоправилъ клиромъ и церковью?

Въ первое время послѣ анаомы, провозглашенной въ московскомъ

въ 25 отъ города Семёнова, подлѣ деревни Елѣимовой), основанномъ раскольникомъ Комаромъ, пришедшимъ сюда, на Керженецъ, изъ Тверской губерніи. Въ этомъ скиту была мужская обитель, въ которой въ половинѣ прошлаго вѣка былъ настоятелемъ старецъ Ефремъ; въ его-то обители и жилъ Іона, одинъ изъ самыхъ умныхъ и начитанныхъ старообрядцевъ того времени. Въ Комаровѣ крѣпко держались правла, чтобы приходившихъ отъ великороссійской церкви поповъ и мірянъ принимать *вторымъ чиномъ*, т.-е. посредствомъ миропомазанія. Хотя «дьяконовщина» (требовавшая отъ приходившихъ только «исправы» и «проклятія ересемъ») (пріемъ *третьимъ чиномъ*) возникла здѣсь же, на Керженцѣ, отъ Александра-дьякона, казненнаго въ мартѣ 1720 года въ Нижнемъ, однако послѣдователей этого толка мало осталось здѣсь: послѣдователи его почти всё ушли въ Стародубье; на Керженцѣ же оставались немногіе въ Оленевскомъ скиту, гдѣ и держались даже до 1853 года. Іона Курносый былъ ревностный приверженецъ ученія «перемазыванія» и на московскомъ соборѣ повощины, бывшемъ въ 1779 году и окончательно утвердившемъ это правило, крѣпко стоялъ за него (Анд. Іоан. Журавлева «Ист. изв. о раскольникахъ», стр. 321 и слѣд.). Онъ написалъ для этого собора «Исторію о бѣгствующемъ священствѣ» и другія сочиненія; его «Исторію о бѣгствующемъ священствѣ» не должно смѣшивать съ сочиненіемъ Ивана Алексѣева подъ тѣмъ же названіемъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ» Іоны Курносаго напечатана Г. В. Есиповымъ въ приложеніяхъ ко второму тому «Раскольничьихъ дѣлъ XVIII столѣтія», гдѣ однако не означено почему-то имя автора. Рукописная исторія Іоны Курносаго, та самая, что напечатана Г. Есиповымъ, 20-го іюня 1799 года была представлена казанскимъ архіепискомъ Амвросіемъ (см. *дѣло* московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ 1799 г. № 181171, на 20 листахъ). У Г. Есипова недостаетъ конца исторіи Іоны Курносаго. Особенно важно для исторіи архіерейства у старообрядцевъ «Письмо соборнаго старца, первѣйшаго во время собра-

Кремль на нешкорныхъ двуперстиковъ, заботы ихъ объ отысканіи архіерея не были очень сильны. Тогда, какъ сказано уже, распространилось въ народѣ всеобщее глубокое убѣжденіе въ близкой кончинѣ міра. Повсюду слышались толки, что наступили послѣднія времена, что скоро померкнетъ солнце, звѣзды снадутъ съ неба и сгоритъ земля, а на ней и все дѣла человѣческія. Были твердо и несомнѣнно убѣждены, что царство антихриста началось съ 1666 года, согласно пророченію автора „Книги Вѣры“.

По Апокалипсису же, власть антихриста должна продлиться ни болѣе ни менѣе, какъ два съ половиною года. Стало-быть, въ 1669 году кончина міра неминуемо должна послѣдовать. И вотъ по Поволжью, гдѣ особенно силенъ былъ расколъ, а также въ лѣсахъ и пустыняхъ отдаленнаго сѣвера, собираются люди толпами, ностятся, молятся, приносятъ другъ другу покаяніе въ грѣхахъ, ирѣобщаются старинными дарами и, простившись съ земнымъ міромъ, ожидаютъ въ страхѣ и трепетѣ трубы архангела. Одни надѣваются черныя рясы монашества, другіе отказываются отъ пищи и добровольно умираютъ голодною смертію— „запощеваются“. Изстари было и до сихъ поръ повсемѣстно сохранинія или соборванія о нужнѣйшихъ случаяхъ застѣдателя». Оно, повидному, писано было къ заводскимъ старообрядцамъ, т.-е. къ ушедшимъ съ Керженца и поселившимся на Уралѣ, на заводахъ Демидова (Нижнетагильскомъ и др.), гдѣ нѣкоторое время жилъ Іона и едва ли не тамъ и писалъ «Посланіе соборнаго старца». На это посланіе мы преимущественно ссылаемся въ этомъ сочиненіи. Въ предисловіи къ посланію говорится между прочимъ: «кунно согласовалъ онъ, писатель (Іона), и свосму игумену, отцу Ефрему, и ирочимъ старшимъ отцемъ, помудреніе его, написателя». Іона Курносый считается у керженскихъ старообрядцевъ праведнымъ; у его гробницы (въ Комаровскомъ скиту) растетъ большая ель, называемая *Іониною елью*; стволъ ея весь изгрызенъ. Набожныя старообрядцы приходятъ на гробницу для поклоненія, поютъ «канопъ за единоумершаго» и молятся. Особенно много ходитъ сюда большихъ зубами. Приписывая «Іониной ели» силу чудотворенія, она грызутъ ее и, какъ увѣряютъ, пѣвляются. Послѣ Ефрема, Іона былъ настоятелемъ обители, которая съ того времени и получила названіе «Іониной». Въ этой обители до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія сохранились сочиненія Іоны (см. іеросхимонаха Іоанна «Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольническихъ толковъ». Москва, 1841 г., стр. 42). Въ 1832 году умеръ послѣдній настоятель Іониной обители, Павелъ. Онъ былъ *тайный православный*, оставаясь ради житейскихъ выгодъ игуменомъ раскольнической обители. По духовному завѣщанію, все строеніе и движимое имущество обители, официально значившіяся частною его собственностию, завѣщавалъ онъ въ церковь села Пафнутава и тамошнему священнику, свосму тайному духовнику. Куда при этомъ дѣвались рукописи — неизвѣстно. Оставшіеся монахи и бѣльцы, въ числѣ 8 человекъ, послѣ смерти Павла разошлись по сторонамъ. Старая большая деревянная часовня съ колокольнею, построенная еще Іоною, и ветхія деревянные келіи, со службами, оставлены были безъ всякаго призору и разваливались постепенно; въ 1850 г. въ нихъ уже опасно было ходить; ихъ сломали. Было въ началѣ сороковыхъ годовъ намѣреніе устроить въ нихъ женскую единовѣрческую общину, но, по недостатку денежныхъ средствъ, это не состоялось.

лось въ русскомъ народѣ суевѣрное убѣжденіе, будто кончина міра посядетъ не иначе, какъ ночью, въ самую полночь, или съ субботы на воскресенье передъ масленицей, — въ это воскресенье, въ старину, въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, совершался даже особый обрядъ страшнаго суда, — или въ ночь на Троицынъ день. Эти ночи въ 1669 году старообрядцы нижегородскіе, а вѣроятно, и другихъ мѣсть, безъ сна проводили въ лѣсахъ и опрагахъ. Надѣвъ чистыя рубахи и саваны, ложились они въ заранѣе приготовленные долбленные гробы и, лежа въ нихъ, пѣли заунывнымъ, протяжнымъ, за душу хватающимъ напѣвомъ:

Древянь гробъ сосновый,
Ради мене строень.
Въ немъ буду лежати,
Трубиа гласа ждати.
Ангелы вострубятъ,
Изъ гробовъ возбудятъ.
Я, хотя и грѣшенъ,
Пойду къ Богу на судъ.
Къ судѣ двѣ дороги,
Широкія, долги;
Одна-то дорога —
Во царство небесно,
Другая дорога —
Во тьму кромѣшну *).

Другіе по чину церковному сами себя отпѣвали, ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ земля потрясется, камни распадутся, солнце и луна померкнутъ, звѣзды, какъ дождь, посыплются на землю, и протекуть рѣки огнennыя, и пожрутъ тѣ рѣки всю тварь земнородную. Не только излишнимъ, но даже богоборнымъ дѣломъ считали заботы о земномъ. Еще съ осени 1668 года забросали поля, не пахали, не засеивали, а въ 1669 забросили и домъ. Голодная скотина, брошенная на произволъ судьбы, бродила безъ пастуховъ и жалобнымъ мычаніемъ вторила заунывному пѣнію лежавшихъ въ гробахъ хозяевъ. Ясачная мордва и бортники, а вмѣстѣ съ ними и русскіе люди, не подвергшіеся вліянію нравственной эпидеміи, забрали безпризорный скотъ и расхищали дочиста покинутыя деревни **).

Миновали страшныя ночи, миновалъ и весь роковой годъ, а міръ стоитъ попрежнему.

Что же это? Какъ же не исполнилось святое, не мимо идущее слово Апокалипсиса? Два съ половиной года прошли, а кончины міра не бывало. Не знаемъ, много ли было благоразумныхъ, отрезвившихся при этомъ, но мысль о близкой кончинѣ міра долго и послѣ того не покидала старообрядцевъ. Вспомнили, что „Книга Вѣры“ начинается свое

*) Это — пѣсня такъ называвшихся въ XVIII столѣтіи «гробопологателей», которую они пѣли во гробѣхъ. Вѣроятно, она перешла къ нимъ изъ описываемой эпохи.

***) Акты Печерскаго монастыря.

пророческое лѣтосчисленіе съ года Рождества Христова, а вѣдь сатана, говоряли они, былъ связанъ въ день спасительнаго воскресенія Иисуса Христа. Разсчитали поэтому, что антихристъ придетъ въ 1699 году, конецъ же міра наступитъ не ранѣе половины 1702 года, ибо тридцать три года было земной жизни Спасителя. Тогда будетъ кончина міра, тогда непременно будетъ антихристъ чувственный, антихристъ, во плоти пришедшій. И завладѣетъ онъ царствомъ, и надѣнетъ на главу свою вѣнецъ, и на мѣстѣ святѣ учинитъ мерзость запустѣнія, Данииломъ пророкомъ прореченную, и муками и великими прещеніями истребитъ онъ поклоненіе Господу Иисусу Христу. Это вѣрованіе подготовило Григорія Талицкаго и иныхъ, огласившихъ Петра I антихристомъ и тѣмъ навлекшихъ на раскольниковъ страшныя гоненія со стороны правительства. Начались толки о пришествіи въ 1666 году антихриста не во плоти, не „чувственного“, а пока еще „духовнаго“. Начались выкладки и расчисленія апокалипсическихъ двухъ съ половиною лѣтъ и даниловыхъ седмиць. День страшнаго суда отерочили, но ненадолго; съ часу на часъ ждали антихриста во плоти. Глава раскола, Аввакумъ, прежде сильно и искреннею рѣчью поддерживалъ въ старообрядцахъ твердую увѣренность въ дѣйствительность совершившагося уже въ 1666 году пришествія „чувственного“ антихриста. Онъ даже прямо, какъ будто очевидецъ, писалъ прежде своимъ приверженцамъ: „Я, братія моя, видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную; право, видѣлъ. Плоть у него вся смрадъ и зѣло дурна, огнемъ пышетъ изо рта, а изъ поздрей и изъ ушей пламя смрадное исходитъ, по немъ царь нашъ послѣдуетъ, и власти, и множество народа“ *). Теперь онъ, цустозерскій заточенникъ, заговорилъ иное: „А о послѣднемъ днѣ и о антихристѣ не блазнитесь: еще онъ, послѣдній чортъ, не бывалъ. Нынѣшніе бояре коишатные, ближніе друзья его, еще возятся, яко бѣси, нуть ему подстилаютъ и имя Христово выгоняютъ. А какъ вычистятъ вездѣ, такъ еще Илья и Енохъ, обличители, прежде придуть, а потомъ антихристъ въ свое время“ **). Слова „изящнаго страдальца“ за старую вѣру, „протосингела россійской церкви“, какъ называли раскольники Аввакума Петровича, какъ и самъ онъ называлъ себя, были въ ту пору высшимъ авторитетомъ для отлучившихся отъ общенія съ церковью. Смутное время денно-нощнаго ожиданія архангельской трубы прекратилось, но зато день за день ждали Илью и Еноха, а за ними и настоящаго антихриста.

Но годы шли за годами, а труба архангельская все не гремѣла, и жизнь міра все попрежнему шла своею обычною чередою. Въ семействахъ старообрядцевъ младенцы возмужали, люди взрослые постарѣли, пожилые сопли въ могилу дряхлыми стариками, не дождавшись свѣто-

*) Аввакумъ: «Посланіе о видѣніи антихриста» (рукопись).

***) Онъ же: «Посланіе изящнаго страдальца, преосвященнаго Аввакума, протосингела россійскія церкви, еже посла изъ темницы своєю, живши на брезѣ окіяна» (рукопись).

преставленія. А поповъ съ каждымъ годомъ становилось у нихъ меньше да меньше, къ исходу же XVII вѣка и совсѣмъ вымерли попы, чѣд оставили господствующую церковь при самомъ появленіи икононскаго „Служебника“, тѣ, которые ни разу не обошли налоя противъ солнца, ни разу не перекрестились тремя перетами. Смерть брала свое.

При такомъ „оскудѣніи священства“, одиѣ расколыническія общины рѣшились остаться вовсе безъ поповъ. „Самъ Христосъ, — говорили они: — будетъ для насъ невидимымъ свитителемъ, какъ непреложно есть Онъ невидимый глава церкви православной“. „Сами себя освящайте, сами себѣ священники бывайте“, — эти слова златоустовскаго „Маргарита“ сдѣлались теперь для нихъ основнымъ пунктомъ догматствованія. И, не отвергая священства по принципу, они отвергли его по факту. „Благодать Божія взята на небо, — сказали они: — нѣтъ болѣе ни священства ни освященія и не будетъ его до кончины міра, она же не законнѣетъ“. Такъ образовался расколъ *безпоповицы*, вскорѣ распавшійся на многие толки. Безпоповщина рѣшительно отвергла бракъ и снисходительно отнеслась къ блудной жизни и самому разврату. Идеаломъ ея было общество монаховъ, самый суровый аскетизмъ и всеподавляющая мертвая обрядность. Послѣдователи этого толка явились первоначально въ Заонежскомъ краѣ, въ Поморьѣ, въ лѣсахъ Сѣвера и Сибири, вдали отъ городовъ и большихъ селеній, среди пустынной, унылой, мертвенной природы. Эта суровая, мрачная природа имѣла немалую долю вліянія на ту суровость міросозерцанія, которую истые безпоповицкие расколыники всецѣло удержали даже до дней нашихъ.

Не то было въ городахъ и большихъ селеніяхъ, и вообще въ мѣстахъ, гдѣ населеніе жило тѣснѣе, гдѣ было больше жизни, гдѣ изстари тѣснѣе были завязаны узы общественныя и семейныя. Тамъ образовалась такъ-называемая *поповщина*. Послѣдователи ея не чуждались міра и связей семейныхъ, считая ихъ необходимыми, и необходимымъ считали правильное церковное благословеніе брачнаго сожитія, т.-е. таинство брака. Они твердо держали въ своей памяти, что бракъ, какъ и другія таинства, пріемлемыя православіемъ, должны, по слову Спасителя, существовать до скончанія міра. Поэтому считали необходимымъ священство, считали еще болѣе необходимымъ имѣть поповъ, какъ совершителей таинствъ. Но, не имѣя архіерея, преемственно отъ апостоловъ получившаго власть святительскую, который бы имѣлъ право и власть рукополагать новыхъ поповъ, старообрядцы толка поповщины стали привлекать къ себѣ священниковъ отъ господствующей церкви „старого“, т.-е. до-Икононскаго рукоположенія и „старого“ крещенія. Черезъ немного лѣтъ вымерло поколѣніе поповъ, посвященныхъ ранѣе 1654 года, по старымъ книгамъ. Тогда поповщина „нужды ради“ стала принимать къ себѣ поповъ „новаго“ рукоположенія, но крещенія „старого“. Прошли еще годы, и вымерло почти все поколѣніе людей, родившихся прежде 1654 года и крещенныхъ по Іосифовскимъ книгамъ.

Это почти совпало съ тѣмъ временемъ, когда южнорусскія церкви подчинены были духовной власти московскаго патріарха и вслѣдъ затѣмъ много священниковъ, а особенно архіереевъ, родомъ изъ Малороссіи, явилось по городамъ великорусскимъ. Это были люди ученые, получившіе въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ такое образованіе, о какомъ и не смилось тогдашнимъ людямъ Московскаго государства. Но раскольники давно уже заподозрѣли Малороссію въ нѣкоторомъ отступленіи отъ православія, въ уклоненіи къ римскому костелу, чему особенно подавало поводъ „обливательное крещеніе“, нерѣдко бывшее въ малороссійскихъ церквахъ, да и въ Великой Россіи, въ крайнихъ случаяхъ, т.-е. въ случаѣ болѣзни младенца, допускавшееся „Требникомъ“ перваго московскаго патріарха Іова. Обливательное крещеніе, по понятіямъ раскольниковъ, есть еретическое, а крещеніе еретическое, сказано въ старыхъ книгахъ, „нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе“. Потому, рѣшившись принимать бѣлыхъ поповъ отъ церквей православныхъ, послѣдователи старообрядческой поповщины поставили непремѣннымъ условіемъ принимать поповъ лишь великороссійскихъ, а отнюдь не малороссійскихъ, и притомъ такихъ, которые бы получили рукоположеніе отъ архіереевъ-великоруссовъ, крещенныхъ въ три погруженія *).

Затѣмъ возникъ вопросъ, какъ принимать поповъ великороссійскихъ: перекрещивать ли ихъ, какъ еретиковъ, или миропомазывать, какъ схизматиковъ, или же ограничиваться одною „исправою“ (покаяніе) съ проклятіемъ ересей. Объ этомъ было много толковъ, споровъ и словопрений. Для рѣшенія этихъ вопросовъ собирались на Керженцѣ особые соборы. Первоначально поповъ, переходившихъ въ расколъ, перекрещивали, потомъ принимали ихъ только съ „исправою“, затѣмъ стали принимать „вторымъ чиномъ“, т.-е. посредствомъ миропомазанія. Такъ ведется и до сего времени, особенно съ 1779 года, когда на соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ, окончательно было рѣшено „перемазаніе“.

Но архіереевъ все не было въ поповщинѣ, хотя послѣдователи этого согласія и употребляли много трудовъ, много стараній, чтобы „снискать чинъ епископскій“. Мысль, что старообрядчество не есть истинная церковь, ибо не имѣетъ трехъ чиновъ духовной іерархіи, тяготила совѣсть отдѣлившихся отъ православія. Неграмотные или мало сидѣвшіе надъ свято-чтимыми книгами, люди молодые, которымъ было все равно, относились къ этому предмету равнодушно, но пожилые грамотеи рано или поздно дочитывались въ старыхъ книгахъ, что безъ епископа церковь не церковь, а „самочинное сборище“. Они приходили въ ужасъ отъ такихъ словъ, сказанныхъ святыми отцами, и говорили набожнымъ людямъ: „у насъ нѣтъ епископа, стало-быть, церковь наша не истинна, стало-быть, нѣтъ въ ней спасенія; тщетны наши труды, тщетны наши страданія, напрасны лишенія и самопожертвованія!“

*) Іона Курносый.

Въ угѣшеніе ли себѣ, въ подкрѣвленіе ли колеблющихся, старообрядцы еще въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка распустили слухъ, что хотя они и не имѣютъ въ Россіи епископа, но есть на землѣ мѣста сокровенныя, Богомъ снасаемые грады и обители, гдѣ твердо и нерушимо соблюдается „древлее благочестіе“ и епископы правовѣрные сіяютъ, какъ солнце. „Иначе и быть не можетъ, — говорили они: — вѣдь должна же церковь Христова съ богопреданнымъ священствомъ и епископами стоять до скончанія міра“. „Удобнѣйше есть солнцу отъ теченія своего престати, неже церкви Божіей безъ вѣсти быти“ *). Какая же вѣсть о ней? Гдѣ она, эта святая церковь по древлему благочестію? Въ какой странѣ, въ какомъ царствѣ?

— Далеко-далеко, тамъ, на Востокъ, — говорили поборники старообрядства, но гдѣ именно на Востокъ, точно сказать не умѣли.

И вотъ, Богъ знаетъ когда, Богъ знаетъ откуда, распространился слухъ, что не вѣ восточные патріархи отъ притѣненія турецкаго ослабѣли въ правовѣрїи и неказили вѣру Христову латинскою и кальвинскою ересями, что патріархъ антиохійскій, съ подвѣдомственными ему церквами, непреложно и нерушимо хранитъ святоотеческія правила, преданія и обряды во всемъ, и твердо содержитъ „древлее благочестіе“. Почему именно старообрядцы отнесли это къ антиохійскому, а не къ другому патріарху, трудно теперь сказать. Развѣ оттого, что Арсеній Сухановъ, не бывъ въ Антиохіи, ничего не говорилъ о ней. Антиохійскій патріархъ Макарій два раза былъ въ Москвѣ и даже проѣзжалъ Волгою; жилъ нѣкоторое время въ Желтоводскомъ Макарьевѣ монастырѣ, вокругъ котораго расколъ былъ въ полномъ разгарѣ. Отлучившіеся отъ церкви своими глазами могли видѣть и видѣли, что „патріархъ Божій града Антиохіи“ не соблюдаетъ ихъ обрядовъ. Но они говорили: „такъ, Макарій дѣйствительно отступилъ отъ православія, это вѣрно; но Господь не допустилъ его до Божія града, да не внесетъ въ него разврата и еретическаго ученія: на пути онъ злою смертію издше, и благочестіе сіяетъ въ Антиохіи попрежнему“. Слухъ объ антиохійскомъ патріархѣ былъ принятъ за неопоримую истину не только поповщиной, но и безпоповцами. Онъ держится даже до сихъ поръ. Въ XVIII столѣтіи, по всей вѣроятности, во второй уже половинѣ его, распространилось по раскольническимъ обществамъ рукописное путешествіе безпоповщинскаго инока Марка изъ монастыря Топозерскаго **). Ходилъ этотъ старецъ въ Сибирь, добрался до Китая, перешелъ стень Гоби и добрался до Японіи, до „Опоньскаго царства“, что стоитъ на океанѣ-морѣ, называемомъ „Бѣловодіе“, на семидесяти островахъ. Искавъ съ долгимъ терпѣніемъ древляго благочестія на Востокъ, Марко нашелъ его будто бы въ Японіи. Тамъ видѣлъ

*) «Иринскій Сборникъ» (рукопись), л. 147 на оборотѣ.

**) Топозерскій безпоповщинскій скитъ въ Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда, на берегу Топозера, основанный въ концѣ XVII ст. и существовавшій до 1854 г.

онъ 179 церквей „асирскаго языка“. Тамошніе христіане, говорятъ Марко, имѣютъ своего, православнаго патріарха, антиохійскаго поставленія, и четырехъ митрополитовъ. А русекіхъ церквей въ Японіи сорокъ, и русскіе имѣютъ митрополита и епископовъ, которыхъ посвятилъ тотъ патріархъ „асирскаго языка“. Отъ гоненія римскіхъ еретиковъ много народу (греческаго?) уклонилось въ тѣ самыя восточныя предѣлы, а россіяне, во время измѣненія благочестія, уклонились сюда изъ Соловецкія обители и изъ прочихъ мѣстъ; много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто *). Что въ китайскіхъ владѣніяхъ (въ принадлежащей те-

*) «Путешественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Ононское царство, писанъ дѣйствительнымъ самовидцемъ, инокомъ Маркомъ, Топозерской обители, бывшимъ въ Ононскомъ царствѣ. Его самый путешественникъ» (рукопись). Вотъ эта замѣчательная рукопись: «Маршрутъ, сирѣчь путешественникъ. Отъ Москвы на Казань, отъ Казани до Екатеринбурга и на Тюмень, на Каменогорскъ, на Выбернузъ деревню, на Избенскі, вверхъ по рѣкѣ Кагуни на Красноярскъ, на деревню Устьюбу, во оной спросити страннопримца Петра Кирилова. Около нихъ пещеръ множество тайныхъ, и мало подалѣ отъ нихъ сибговія горы распространяются на триста верстъ, и сибгъ никогда на оныхъ горахъ не таетъ. За оными горами деревня Умьменска (по другому списку, Устьменска) и въ ней часовня; инокъ, схимникъ Иосифъ. Отъ нихъ есть проходъ Китайскимъ государствомъ, 44 дин ходу, черезъ Губань (Гоби?), потомъ въ Ононское государство. Тамъ жители имѣютъ пребываніе въ предѣлахъ окіяна-моря, называемое Бѣловодіе. Тамъ жители на островахъ семидесяти, нѣкоторые изъ нихъ и на 500 верстахъ разстояніемъ, а малыхъ острововъ нечислится невозможно. О тамошнемъ же пребываніи оного народу извѣщено христоподражателямъ древляго благочестія святыя соборныя и апостольскія церкви. Со истинною завѣряю, понеже и самъ тамъ былъ, со двѣма иноками, грѣшный и недостойный старецъ Марко. Въ восточныхъ странахъ съ великимъ нашимъ любобнствомъ и стараніемъ искали древляго благочестія православнаго священтва, которое весьма нужно ко спасенію, съ помощію Возже и обрѣли асирскаго языка 179 церквей, имѣютъ патріарха православнаго, антиохійскаго поставленія, и четыре митрополита. А россійскіхъ до сорока церквей тоже имѣютъ митрополита и епископовъ, асирскаго поставленія. Отъ гоненія римскіхъ еретиковъ много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто. А кто имѣетъ сомнѣніе, то поставлю Бога во свидѣтеля нашего: имать приноситися безкровная жертва до второю пришествія Христа. Въ томъ мѣстѣ приходящихъ изъ Россіи принимаютъ первыя чиномъ: крестятъ совершенно въ три погруженія желающихъ тамъ пребыть до скончанія жизни. Бывшіе со мною два инока согласились вѣчно остаться: приняли святое крещеніе. И глаголють они: «вы всѣ осквернились въ великихъ и разныхъ ересяхъ антихристовыхъ, писано бо есть: изыдите изъ среды сихъ нечестивыхъ челоѣки и не прикасайтесь имъ, змія, гонящагося за женою: невозможно ему постигнути скрывшейся жены въ разсѣлины земныя». Въ тамошнихъ мѣстахъ тѣбы и воровства и прочихъ противныхъ закону не бываетъ. Свѣтскаго суда не имѣютъ; управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти. Тамо древа равны съ высочайшими древами. Во время зимы морозы бывають необычайныя съ разсѣдинами земными. И громы съ землетрясеніемъ немалымъ бывають. И всякіе земныя влады

перь Россіи Амурской области) издавна селились бѣглецы изъ Сибири раскольники, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: объ этомъ произошло нѣсколько дѣлъ. Но о старообрядцахъ въ невѣдомой Японіи говорить, сколько намъ извѣстно, одинъ лишь Марко Топозерскій, да еще въ 1807 году поселянинъ Бобылевъ подавалъ объ нихъ правительству особую записку. Не отрицаемъ и не утверждаемъ, во всякомъ случаѣ,

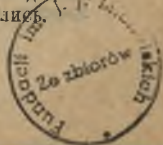
бываютъ; родится виноградъ и сорочинское пшено. И въ «Шведскомъ путешествіи» сказано, что у нихъ золота и серебра нѣтъ числа, драгоценнаго каменія и бисера драгого весьма много. А оныя онопцы въ землю свою никого не пуcaютъ, и войны имъ съ кѣмъ не имѣютъ: отдаленная ихъ страна. Въ Китаѣ есть градъ удивительный, яко подобнаго ему во всей подсолнечной не обрѣтается. Первая у нихъ столица — Кабанъ.

«Шведскій путешественникъ», о которомъ упоминаетъ старецъ Марко Топозерскій, есть подобное же раскольническое сочиненіе о старообрядцахъ, живущихъ въ Финляндіи, Норвегіи и Швеціи. Въ немъ говорится о богатствѣ металлами тѣхъ странъ и затѣмъ присовокупляется, что «на восточныхъ остоѣхъ, идѣ же отъ древнѣйшихъ временъ блюдетсѣ истинная вѣра, золота и сребра и драгоценнаго каменія еще множае».

Въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть дѣло объ японскихъ и китайскихъ раскольникахъ, производившееся въ 1807 году (по архивной описи № 1). Въ 1807 году пріѣхалъ въ Петербургъ поселянинъ Томской губерніи Бобылевъ и донесъ министерству, что на морѣ-океанѣ, въ Бѣловодѣ, живутъ старообрядцы, русскіе подданные, ушедшіе туда во время церковныхъ раздоровъ, бывшихъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во время осады Соловецкаго монастыря царскими войсками. Тамъ, говорилъ Бобылевъ, они имѣютъ *своихъ епископовъ*, священниковъ и церкви, въ которыхъ служатъ по старымъ книгамъ; при крещеніи младенцевъ и при бракѣ ходятъ посолоны, молятся двурустными крестомъ, книги, напечатанныя при Николи патріархѣ и послѣ него, не принимаютъ, за государя и за войско молятся. Когда дошелъ до нихъ слухъ, что государь Александръ Павловичъ позволилъ старообрядцамъ строить церкви по старому закону, то они изливали желаніе служить его величеству, вѣрно, нести всѣ тягости и повинности, и испрашиваютъ за оставленіе отечества прощенія. Живутъ они, по увѣренію Бобылева, въ трехъ мѣстахъ; къ нимъ ѣхать надо по дорогѣ изъ Бухтарминской волости черезъ китайскую границу; въ одномъ мѣстѣ ихъ слишкомъ тысяча душъ, въ другомъ до семисотъ, а въ «Бѣловодѣ» болѣе полумиліона. Дани никому государству не платятъ. Бобылевъ вызывался отправиться къ нимъ и исполнить все, что будетъ ему приказано, для того, чтобы тѣ старообрядцы возвратились въ подданство русскаго императора. Правительство приняло предложеніе Бобылева. Ему дали 150 руб. и приказали явиться къ сибирскому генералъ-губернатору, отъ котораго онъ получить дальнѣйшія приказанія. Но Бобылевъ къ генералъ-губернатору не явился и пропалъ безъ вѣсти. Его разыскивали, но нигдѣ не нашли. Въ декабрѣ 1839 года къ семеновскому исправнику Граве представленъ былъ бродяга, взятый въ Поломскихъ мѣстахъ, гдѣ жилъ и, вѣроятно, доселѣ живутъ въ землянкахъ раскольническіе пустынножители, близъ керженскихъ скитовъ. На вопросъ, кто онъ такой, — бродяга сказался подданнымъ Японскаго государства и старообрядцемъ. Онъ увѣрялъ, что въ Японіи живетъ много русскихъ людей-старообрядцевъ, что тамъ много церквей старообрядческихъ, есть и архіереи старообрядческіе и даже патріархъ. Разумѣется, все это было принято за сказку. Бродягу, какъ неомышлаго родства (онъ такъ и сказался), сослали на по-

любопытнаго извѣстія о русскихъ въ Японіи. Немудрено, что сибирскіе раскольники и пробрались на Курильскіе острова, а оттуда въ Японію, по патріархъ японскій, и митрополиты, и 179 православныхъ церквей, по всей вѣроятности, — плодъ изобрѣтательной способности старца Марка. Тѣмъ не менѣе извѣстіе его убѣдило русскихъ старообрядцевъ въ томъ, что у нихъ есть своя іерархія, хотя они и оторваны отъ нея дальностью разстоянія и другими обстоятельствами. Это успокоивало ихъ совѣсть. „У насъ есть епископы, стало-быть, церковь наша истинна“, — говорили они. Толки о „патріархѣ асирскаго языка“, живущемъ въ Японіи, сильнѣй и сильнѣй распространялись впослѣдствіи, и наконецъ распространились по всему русскому старообрядчеству, точно такъ же, какъ въ средніе вѣка распространилось и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій признавалось за неоспоримую истину — существованіе гдѣ-то на востокѣ пресвитера Іоанна. И дѣйствительно, вся обстановка средне-вѣковаго пресвитера Іоанна вполне сходна съ обстановкой раскольниковъ „асирскаго патріарха, чтѣ въ Опоньскомъ царствѣ“. И тотъ и другой — первосвященники, и тому и другому подсудны всѣ мірскія дѣла. „Тамъ свѣтскаго суда не имѣютъ, — говоритъ Марко: — управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти, и преступленій тамъ нѣтъ“. Совершенно то же, чтѣ и въ царствѣ Іоанна-пресвитера. Далѣе вся обстановка таинственной земли Опоньской, эти земныя разсѣдины, эти необычайные морозы, при которыхъ однако растутъ и виноградъ и рисъ, эти землетрясенія и безпрестанные громы и молніи — все это такъ сходно, если не совсѣмъ похоже на средне-вѣковыя европейскія сказанія о таинственныхъ земляхъ отдаленнаго Востока. Старообрядцы твердо были увѣрены въ дѣйствительности патріарха и епископовъ въ „Бѣловодѣ“, и нерѣдко бывали случаи, что люди недобросовѣстные, въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, пользовались увѣренностью раскольниковъ въ дѣйствительности японской іерархіи: самозванцы-попы сказывались священниками, ходившими за посвященіемъ въ Опоньское царство, пока-

селеніе въ Сибирь. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія многіе изъ жителей Бухтарминскаго края бѣжали въ китайскіе предѣлы для поселенія въ загадочномъ «Бѣловодѣ». Скитался тамъ долгое время по степямъ и истощивъ свѣтныя припасы вмѣстѣ съ прочимъ достояніемъ, которое они взяли съ собою, искали Опоньскаго царства въ самомъ жалкомъ состояніи возвратились въ мѣста своего жительства, не найдя того Эльдорадо, о изобиліи котораго и богатствѣ ходили между ними обольстительные слухи. Впослѣдствіи, по случаю отлучки за граниду двухъ инородцевъ Бобровыхъ, находившихся тамъ въ бѣгахъ болѣе трехъ лѣтъ, въ іюнѣ 1861 года изъ деревень Бухтарминской волости, Алтайскаго горнаго округа, начались снова отлучки крестьянъ за китайскую границу для отысканія загадочнаго «Бѣловодья». Бѣжавшіе всѣ были раскольники безпоповщинскаго толка. Вслѣдствіе возврата на родину нѣкоторыхъ изъ ходившихъ и не нашедшихъ «Бѣловодья» и Опоньскаго царства съ «патріархомъ асирскаго языка», въ 1862 году движеніе за китайскую границу и самыя толки о загадочной странѣ между бухтарминскими раскольниками нѣсколько уменьшились.

зываютъ какія-то ставленныя грамоты отъ небывалыхъ архіереевъ и собирали деньги за исправленіе требъ.

Увеличенію и разнообразію раскольническихъ толковъ о „сокровенныхъ епископахъ древляго благочестія“ немало помогала и народная фантазія. Пошли по народу толки о невидимыхъ городахъ и монастыряхъ, колокольный звонъ которыхъ бываетъ будто бы слышенъ въ тихія лѣтнія ночи. Пошли толки о Млевскихъ монастыряхъ^{*)}, о невидимомъ градѣ Большомъ-Китежѣ, о старцахъ горъ Архангельскихъ, или Кирилловыхъ, и Жигулевскихъ и т. п. ^{**}). Ко всемъ этимъ и подобнымъ имъ мѣстамъ народная фантазія, подъ влияніемъ раскола, пріурочивала и „архіереевъ древляго благочестія“.

*) Млевскіе монастыри въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Это древніе земляные окопы на р. Мстѣ, близъ села Млева. Рассказываютъ, что тутъ были монастыри, но когда-то опустелись въ землю, что до сихъ поръ въ нихъ живутъ монахи и монахини, къ которымъ можно пройти, но съ чрезвычайными затрудненіями. Говорятъ, что по большимъ праздникамъ бываетъ слышенъ звонъ невидимыхъ Млевскихъ монастырей.

) Большой-Китежъ — невидимый городъ на берегу озера Свѣтлояра, въ нижегородскомъ Заложѣ (Макарьевского уѣзда, Нижегородской губерніи, подлѣ села Владимірскаго, имѣнія князя Сибирскаго). Другой Китежъ, Малый, на Кирилловыхъ (по другимъ, на Архангельскихъ) горахъ, въ селѣ Городцѣ (Балахонскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, на Волгѣ). Жигули, или Жигулевскія горы — на Волгѣ же, въ Симбирской и Самарской губерніяхъ. Городъ Китежъ не упоминается въ лѣтописяхъ, но имя его встрѣчается въ народныхъ былинахъ о древнихъ богатыряхъ (см. «Ильи» Кирѣенскаго, т. I, выпускъ 4, прим. стр. СХVIII — СXXXII). Кажется, въ Китежѣ было свое братство богатырей, подобное кievскому братству при дворѣ Владиміра Краснаго Солнышка. Вообще Китежъ въ народныхъ преданіяхъ представляется стольнымъ городомъ суздальской великороссійской земли, какъ Кіевъ стольнымъ городомъ кievской южно-русской. Въ «Китежскомъ лѣтописцѣ» (рукопись, особенно распростраенная между поволжскими раскольниками) говорится, что когда подступилъ къ Большому-Китежу Батый — «градъ сдѣлался невидимымъ, и будетъ онъ стоять невидимымъ до скончанія вѣка». Тамъ есть и церкви, и монастыри, и множество народа; лѣтними вечерами на Свѣтлояромъ озерѣ слышится звонъ китежскихъ колоколовъ. Въ «Китежскомъ лѣтописцѣ» описываются эти церкви, монастыри, городскія стѣны, ихъ длина и пр. Въ большомъ ходу у раскольниковъ, даже и у православныхъ, «Посланіе къ отцу отъ сына изъ онаго сокроенаго монастыря, дабы о немъ сокрушенія не имѣли и въ мертвы не вѣяли скрывавашагося изъ міра. Въ лѣто 7209 (1702) іюня въ 20 день. Приводимъ это посланіе, заимствуя его изъ рукописнаго сборника второй половины XVIII ст. Оно даетъ понятіе о томъ возвращеніи, какое имѣлъ и имѣеть нашъ народъ на невидимые монастыри: «Г. I. X. С. В. п. н. а. (то-есть: Господи Ісусе Христе Сыне Вожій, помилуй насъ, аминь). Родителямъ моимъ, батюшкѣ моему, имя рекъ, и матушкѣ моей, имя рекъ. **Вдрави будьте. Пишу вамъ азъ, родители мои, о семъ, что вы хотите мени поминать и псалтирь говорить друга моего свѣтнаго (жену) заставляете. И вы о семъ престаньте: азъ еще живъ; егда придетъ смерть, тогда я вамъ вѣдомость пришлю, нынѣ же сего не творите. Азъ живу въ земномъ царствіи, съ отцы святыми, въ мѣстѣ покойнѣ. Поистинѣ, родители мои, царство земное. И покой, и тишина, и веселье, и радость духовная, а ме

— Но сказочное антиохійское старообрядческое архіерейство и рассказы о Яноніи, Китежѣ, Млевскихъ монастыряхъ и т. п. не могли вполнѣ удовлетворить старообрядцевъ, искавшихъ не фантастическаго архіерейства. Они съ каждымъ годомъ сильнѣй и сильнѣй чувствовали необходимость епископовъ въ своей средѣ. Велѣдствіе того еще въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія возникло у нихъ сильное стремленіе какимъ бы то ни было способомъ добыть себѣ архіерея. Но какъ и откуда взять его? За мѣстомъ его водворенія, за безопасностью отъ неминуемыхъ преслѣдованій со стороны правительства дѣло не стало бы. Много было укромныхъ мѣстъ и дома, а еще болѣе за границей. Но къ великороссійскимъ архіереямъ и подступитъ было нельзя съ предложеніемъ перейти въ расколъ; къ малороссійскимъ еще болѣе, да къ тому же они все поголовно заподозрѣны были въ обливаниствѣ. Есть преданіе, будто бы нижегородскій митрополитъ Исаія (1699—1707), человекъ престарѣлый и набожный, приверженъ былъ къ старымъ обрядамъ и потворствовалъ раскольникамъ *), что раскольники питали надежду на его согласіе перейти къ нимъ. Но это преданіе требуетъ подтвержденія, тѣмъ болѣе, что оно, кажется, не отличается древностью, а сложилось въ позднѣйшее время **). Былъ еще въ то время архіерей, сочувствовавшій раскольни-

тѣлесна. Си бо святѣи отци, съ ними же азъ живу, процвѣтоша. яко крини сельные, и яко финики, и яко кипарисы, и яко каменіе драгое и многоцѣнный бисеръ, и яко древа не старѣющіяся, и яко звѣзды небесныя. И отъ устъ ихъ непрестанная молитва къ отцу небесному, яко оуміамъ благоуханный, и яко кадило избранное, и яко муро добровольное. И едва ноцъ придесть, тогда отъ устъ ихъ молитва видима, яко столпы пламенные со искрами огненными, и яко отъ мѣсяца и звѣздъ веліи не токмо мѣсту оному свѣтъ, но и всей странѣ оной свѣтъ, яко молнія. Въ то время книги чести или писати можно, безъ свѣщнаго сіянія. Иже возлюбиха Бога всемъ сердцемъ и всею душею и всемъ помышленіемъ своимъ, тѣмъ и Богъ ихъ возлюби и преклони ухо свое съ высоты святыхъ своихъ, и возлюби ихъ, яко мати любимого си чада, и что просятъ въ молитвѣ своей отъ Бога, все подастъ. Иже возлюбиха безмолвіе и вси добродѣтели исправиша всемъ сердцемъ, и Богъ ихъ возлюби, и хранитъ ихъ, яко зѣницу ока, и покры ихъ невидимо дланію своею, иже достойнѣ и праведнѣ Тому припадающимъ, по словеси Господню, могутъ горы преставити съ мѣста на другое. Но того убо не похотѣша отци наши, но паче желаютъ житія на небесѣхъ, ниже богатство временное, но паче возлюбиха богатство на небесѣхъ, егда придесть Господь судити живыхъ и мертвыхъ; и воздастъ имъ за труды ихъ царство небесное и покой, и радость, и веселье. Вы же, родители, чего ради возлюбихи сей свѣтъ прелестный и временный, и богатство тѣльное? Но паче поищити себѣ богатства на небесѣхъ, яже и тля не тлѣтъ, ни молие поядаютъ, ни татіе крадутъ. И еще другу моему любимому (женѣ) поклонъ отъ мене отдайте. Аминь». На озерѣ Нестіарѣ (Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи) тоже слышится звонъ невидимыхъ монастырей. Подобныя мѣста есть въ Архангельской губерніи и въ Сибири.

*) Макарія архимандрита: «Исторія Нижегородской іерархіи». См. «Ниж. Губ. Вѣд.», 1848, № 34.

***) Дѣло о сеорѣ митрополита Исаіи съ Ив. Алекс. Мусинымъ-Пушки-

камъ: Игнатій Тамбовскій, пріятель Григорія Талицкаго, распространившаго около 1700 года мѣтніе, что Петръ I есть антихристъ. Этого Игнатія лишили сана и сослали въ Солонецкій монастырь, въ Головленкову тюрьму*). Но ни изъ дѣла о немъ не видно, ни преданій не сохранилось, чтобъ онъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми раскольниками.

пымъ я о ссылкѣ его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь извлечено изъ архивовъ профессоромъ С. М. Соловьевымъ, который въ замяткѣ своей о «Старообрядческихъ архіереяхъ» сказалъ слѣдующее: «Дѣло о ссорѣ митрополита Исаія съ Мусинымъ-Пушкинымъ извлечено нами изъ архивовъ, и мы считаемъ своею обязанностію поспѣшить разъясненіемъ вопроса, поставленнаго г. Мельниковымъ. Дѣло состоитъ изъ двухъ донесеній: 1) Поручика Тютчева и 2) дьяка Нестерова. 1) 1707 года, мая 9, драгунскаго полка поручикъ. Василій Аванасьевъ, сынъ Тютчевъ, при разпросѣ сказалъ: 707 года, въ февралѣ мѣсяцѣ, изъ монастырскаго приказа посланъ онъ былъ въ Нижній-Новгородъ для розыску про нижегородскаго Исаи-митрополита. И онъ, митрополитъ, выслушавъ его слова, на него кричалъ и говорилъ ему такіа слова: «Ты овца, вамъ ли, овцамъ, про насъ, пастырей, разыскивать? Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ напалъ на церкви Божіи, вотчины наши вѣдаетъ, а мынѣ у насъ и данныи и вѣчные деньги отнимаетъ, и если тѣ сборы у меня отнимутъ, и я своей епархіи всѣ церкви затворю и архіерейство покину. Какое мое архіерейство, что мое у меня отнимаютъ? Какъ хотятъ иные архіереи, а я за свое умру, а не отдамъ, а ты по наказу своему разыскивай правдою. И такъ вы пропадете, что черви; шведы васъ побиваютъ, а все за наши слезы, а за ваши неправды, да и впредь, буде не отстанете отъ неправды, шведы васъ побьютъ». 2) Преображенскаго приказа дьякъ Нестеровъ былъ посланъ къ архіерею для допроса, и архіерей сказалъ: «Какъ пріѣзжалъ въ Нижній-Новгородъ боярина Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина свойственникъ, Василій Тютчевъ, и въ то время, будучи въ мірскомъ домѣ, о своей присылкѣ ему сказывалъ, и онъ, Исаія-митрополитъ, къ тѣмъ его словамъ, ему, Василію, говорилъ разговоромъ, а не крикомъ: «Ты овца, вамъ ли, овцамъ, про насъ, пастырей, разыскивать?»—говорилъ къ тому правила св. апостолъ и св. отецъ и изложеніе вселенскихъ патріарховъ. И бояринъ Иванъ Алексѣевичъ сыскивать объ немъ прислалъ свойственника своего, нападкою на него, митрополита, яствя недружбу, и напалъ онъ, бояринъ, не на него, митрополита, на церковь Божію, потому, по исполнимымъ великихъ государей указамъ опредѣлены на всякія нужды, безъ которыхъ въ церкви пробыть не мочно, безъ вина церковнаго, безъ просвири, и воску, и ладану, и масла, и иныхъ вещей, сборы съ церквей, данныи и вѣчныи деньги отнимаетъ, и если тѣ сборы отняты будутъ, еборныи церкви его дому безъ вышеописанныхъ нуждъ онъ затворитъ, и архіерейскому дому правитися будетъ нечѣмъ, и архіерейству быть не у чего, и за неволю архіерейство будетъ покинуто; какое архіерейство, что данное въ домъ отымаютъ? Безъ именнаго государева указа онъ, Исаія митрополитъ, тогобору вѣчныхъ и съ церквей данныхъ денегъ не отдастъ. Такъ и о томъ, чтобъ по наказу разыскалъ онъ правдою и помнилъ бы видимое, лежащее на нихъ за преумноженіе грѣхъ ихъ и неправдъ пошленіе, что шведы стоятъ толикое продолжительное время противно». Стало-быть, митрополитъ Исаія былъ не поборникъ раскола, а предшественникъ Георгія Дашкова и Арсенія Мацеевича, ростовскихъ митрополитовъ, защитниковъ неприкосновенности духовныхъ имѣній,

*) Г. В. Есипова «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія», I, 59—84.

Кажется, всего бы проще было старообрядцам избрать из своей среды вліятельнаго, уважаемаго и достойнаго человѣка и возвести его на степень первосвятительства. Но, по первому апостольскому правилу и по шестидесятому карагенскаго помѣстнаго собора, необходимо, чтобъ еписковъ былъ рукоположенъ епископами и притомъ не менѣе какъ двумя или тремя. Стало-быть, старообрядцамъ надобно было просить православныхъ архіереевъ, чтобъ они посвятили имъ епископа. Иного средства не было. Но ни великороссійскіе ни малороссійскіе архіереи ни въ какомъ случаѣ не согласились бы исполнить такую просьбу раскольниковъ. Они были довольно обезпечены, а въ случаѣ согласія на просьбу старообрядцевъ, имъ предстояло бы по меньшей мѣрѣ кончить жизнь на Соловецкомъ островѣ или въ Рогервикѣ. Оставалось обратиться къ православнымъ архіереямъ заграничнымъ, которые, не зная русскаго языка и не разумѣя хорошо, въ чемъ именно состоитъ образовавшійся въ русской церкви расколъ и чтѣ такое значатъ слова: „старый обрядъ“ и „древлее благочестіе“, могли посвятить старообрядцамъ архіерея. Старообрядцы и остановились на этой мысли.

Эта мысль явилась у нихъ еще въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія. Поповщинскія общины рѣшили послать на востокъ, къ грекамъ, хорошаго человѣка, искуснаго въ церковныхъ уставахъ, чтобъ онъ извѣдалъ, какова въ самомъ дѣлѣ у грековъ вѣра, и можно ли отъ нихъ принять епископа. Выборъ палъ на старца Леонтія. Въ концѣ 1701 года онъ поѣхалъ въ Кіевъ, а отсюда въ февралѣ 1702 года пустился въ заграничное странствіе. Черезъ польскія владѣнія и черезъ Ясы Леонтія проѣхалъ въ Галанъ и отсюда плылъ водой до Константинополя. Пробывъ здѣсь четыре мѣсяца, отправился онъ въ Египетъ и Іерусалимъ и въ іюнѣ 1703 года воротился въ Россію. Вѣсти, привезенныя Леонтіемъ, были неутѣшительны для старообрядцевъ. Онъ не нашелъ нигдѣ на востокѣ такого православія, о какомъ мечтали наши ревнители „древляго благочестія“. Въ его сочиненіи: „Разгласіе грековъ съ древнимъ святымъ отецъ преданіемъ восточныя церкви“ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ „Проскинитаріи“ Суханова представлены мнѣя отступленія отъ православія восточныхъ христіанъ. Такъ начинается это сочиненіе старообрядческаго паломника: „Греки въ крещеніи обливаются, а не погружаются; крестовъ на себѣ не носятъ, крестятся въ моленіи неистово, ни на чело ни на плечо не доносятъ рукою, махаютъ сѣмо и овамо; въ церкви стоятъ въ шалкахъ, не скидаютъ, какъ молятся; въ церкви стоятъ въ стойлахъ *), искривяся, гордо, а глядятъ на стѣну, а не ко образамъ святымъ; служатъ литургію на одной просфорѣ, и то на черствой; мірскіе у нихъ, не говѣвъ, общаются, патріархи, митрополиты и прочій духовный чинъ табакъ

*) Это такъ-называемыя «формы», находящіяся въ греческихъ церквахъ, особенно же монастырскихъ.

пюютъ и въ грѣхъ того не ставятъ; патріархи, митрополиты и ионы усы себѣ подбриваютъ, и гүменцовъ не подстригаютъ, но иѣкакъ странно—снizu голову кругомъ подголяютъ до полголовы, какъ обысы махаметанскіе подбриваютъ, такъ брится у нихъ научилися; въ постъ великій всякія гадины и ползающія животныя въ морѣ и въ рѣкахъ ѣдятъ, и въ прочіе дни также тѣ ползающія ѣдятъ; мірекіе и женскій полъ сквозѣ царскія двери въ алтарь ходитъ, и затворяютъ двери жены, а кадятъ простолудины по-поповски: когда ионъ съ переносомъ идетъ, а мужикъ идетъ передъ попомъ задомъ, кадиломъ машетъ на святыхъ; греки, когда за трапезу придутъ, то садутъ, „Отче нашъ“ сидя говорятъ, также послѣ трапезы за „Достойно“ не встаютъ, сидя говорятъ. Евангеліе въ церкви чтутъ, оборота на западъ. Патріархъ греческій церкви на откупъ погодно отдастъ по 100 рублей и по 200. А кто больше талярей дасть въ годъ, хоць таляръ передастъ, такъ тому и церковь отдастъ. Свѣчи у нихъ воскъ съ саломъ да съ смолою мѣшаютъ, а воскъ бѣлый, а когда въ церкви свѣчи горять, свѣжему человѣку зѣло тяжело, а когда свѣтильня на свѣщи нагоритъ, и тогда, снявъ свѣчу съ подсвѣчника, наступя ногою, да и оторветъ свѣтильню—странно зѣло! Часовъ предъ обѣднею не поютъ, развѣ обѣдни не будетъ; греки на заутренѣ „Вотъ Господь“ никогда не поютъ, а иѣсени во неалтирѣ предъ канономъ всегда говорятъ; а церкви у нихъ, какъ простая хоромина: крестовъ на нихъ нѣтъ, ни звону нѣтъ, противъ воскресенія ходитъ пономарь по улицамъ, кричитъ, чтобы шли до церкви... а въ домахъ ихъ иконъ нѣтъ, съ турками во всемъ смѣсились. Греки вѣстоинныи и обманчивы, точію христіанами слывуть, а ислѣду благочестія въ нихъ нѣтъ, да и неоткуда имъ благочестію и научиться, ибо книги имъ печатаютъ латыни въ Венеціи; каковыя пришлютъ латыни, по ихъ и служатъ и поютъ. Греки нравы и поступки виѣшніе и духовные держатъ всѣ съ турецкаго переводу; духовный чинъ у грековъ хуже простого народа. Крестьяне странно въ церкви: рукою махнеть, а самъ то на ту сторону, то на другую озирается, что коза; а митрополиты и въ церкви зѣло неискусны, во время иѣнія со стороны на сторону съ греками говорятъ крикомъ и смѣются, что и иѣнія не слышать отъ ихъ неискусства... Грекамъ жену или сына поучить и побить нельзя, скажетъ: „я потурчуся“. Греки московскихъ людей зѣло не любятъ... Сами греки сказывали Леонтію московитянину: ни близь-де христіанства не хранятъ, въ посты и въ великій постъ, такоже во весь годъ среду и пятокъ мясо ѣдятъ; греческія власти (архіереи) у себя въ келии красяковъ держатъ, а греки о семъ ихъ весьма злословятъ и поносятъ недобрымъ именемъ. Турки милости-вѣе грековъ, и жида нравами лучше грекъ“ и т. д. *).

*) Въ рукописномъ «Цѣтликѣ» XVIII ст. въ 8-ку (изъ подписи видно, что принадлежалъ добрянскому мѣщанину Петру Тихонову Головневу) помѣщена, вслѣдъ за сочиненіями Аввакума-протопопа противъ грековъ, большая выписка изъ «Проскинитарія» Арсеція Суханова, раскольникъ

Такого рода „разгласіи“ греческихъ обычаевъ съ старорусскимъ обрядомъ было больше чѣмъ достаточно для совершеннаго убѣжденія тогдашнихъ нашихъ раскольниковъ, что ни въ Царьградѣ ни въ Іерусалимѣ и нигдѣ на Востокѣ нѣтъ истиннаго православія. Особенно смущало ихъ то обстоятельство, что греки, по словамъ Леонтія, совершаютъ обливательное крещеніе. Это всегда смущало русскихъ старообрядцевъ и даже въ настоящее время значительную часть поповщины отвращаетъ отъ бѣлокрыницкой іерархіи, главою и источникомъ которой былъ грекъ (?) Амвросій, многими заподозрѣнный въ обливанствѣ.

Но нужду въ архіереѣ такъ сильно чувствовали старообрядцы, осо-

редакция, потомъ «Такіонъ, еже есть чиновникъ, какъ грекъ церковный чинъ и пѣніе содержать». За нимъ статья «Изъ похождения Леонтія старца въ Іерусалимѣ. Лѣта 7211. Разгласіе грековъ з древнимъ святыхъ отецъ преданіемъ восточныя церкви». Начало этой статьи здѣсь напечатано. За нею слѣдуетъ: «Хожденіе было Леонтіево лѣта 7210», и затѣмъ лѣточъ въ родѣ поденной заниски путешествія. Потомъ въ «Цвѣтникѣ», между прочимъ, находится: «Житіе Марка фряческаго», «Сказаніе Меодія Александрійскаго объ Александрѣ Македонскомъ и о послѣднихъ дняхъ», «Слово на Рождество Христова обличительное противъ святочныхъ увеселеній» и пр. Въ «Русскомъ Архивѣ», издаваемомъ на 1863 годъ при Чертковской бібліотекѣ П. И. Вартелевымъ, помѣщено: «Путешествіе въ Святую землю московскаго священника Ивана Лукьянова церкви Покрова пресвятыя Богородицы» и ему предпослана данная ему отъ имени Петра I проѣзжай грамота отъ 15 іюня 1710 года. Оказывается, что «Разгласіе» старца Леонтія и статья изъ «Путешествія Лукьянова», названная «О несогласіи греческомъ съ восточною церковью» («Русск. Арх.» II, 154—155)—одно и то же. Маршрутъ съ означеніемъ чиселъ и мѣсяцевъ хожденія Леонтія и Лукьянова совершенно сходны. Кто же ходилъ въ Палестину: старообрядческій старецъ Леонтіи москвитянинъ или московскій попъ Лукьяновъ? Когда было хожденіе? Въ 1702 и 1703, какъ у Леонтія, или въ 1711 и 1712 году, какъ у Лукьянова? Леонтіи говорить, что онъ выѣхалъ изъ Кіева 3-го февраля 7210, то-есть 1702 года; Лукьяновъ—3-го февраля 1711. Въ томъ же году, 22 марта (и тотъ и другой показываютъ) прибыли въ Константинополь, — въ четвертокъ пятой недѣли поста, — прибавляетъ Лукьяновъ. Но въ этомъ году четвертокъ пятой недѣли былъ 29-го марта. Леонтіи говорить, что изъ Іерусалима въ Константинополь онъ пріѣхалъ 1703 года, апрѣля 21-го въ день Преполовенія: въ этомъ году дѣйствительно Преполовеніе приходилось въ это число. Кто же у кого списалъ хожденіе? Попъ ли Лукьяновъ, ѣздившій въ 1711 и 1712 году, списалъ «хожденіе Леонтія», бывшее въ 1702 и 1703 году, или старообрядцы въ послѣдствіи сдѣлали выдержки изъ путешествія Лукьянова и, приписавъ его Леонтію, отнесли къ 1702 и 1703 году? Замѣтимъ однако, что въ проѣзжай грамотѣ, напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» № 1 и отнесенной къ 1710 году, говорится, что Лукьяновъ ѣдетъ въ «государство великаго государя Мустафы», и о турецкомъ султанѣ говорится, какъ о союзникѣ. Но Мустафа изложенъ еще 23 августа 1703 года, а въ 1710 году Россія была въ разрывѣ съ Ахмедомъ III, а въ ноябрѣ 1710 г., то-есть еще до выѣзда Лукьянова, Турція объявила войну Россіи. Еще: Лукьяновъ въ 1711 г. говорить о Паліи и Паліевщинѣ, а Палій былъ убитъ въ полтавскомъ сраженіи 27-го іюля 1709 года (Конисскаго «Исторія Руссовъ», стр. 109).

бенно на Вѣткѣ, что вскорѣ началось исканіе архіерейства — въ Молдавіи.

III.

Зарубежные старообрядцы. Исканіе архіерейства въ Молдавіи.

Въ XVIII столѣтіи, когда старообрядцы поповщинскаго толка начали искать архіерейства, ихъ общины находились уже не только въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но и за границей. Преслѣдованія раскола со времени собора 1667 года, а въ особенности извѣстныя двѣнадцать статей царевны Софьи Алексѣевны 1685 года, апрѣля 7-го *), были причиной переселеній раскольниковъ за границу.

Раскольники уходили изъ городовъ и селились по лѣсамъ и, какъ нѣкогда казаки, отодвигались далѣе и далѣе отъ Москвы къ украинамъ государства. Вскорѣ отдаленное Поморье и южныя украинны на Дону, на Волгѣ, на Яикѣ, въ Сибири — наполнились старообрядцами. Казаки поступили въ расколъ почти поголовно. Московское правительство не ослабляло между тѣмъ мѣръ преслѣдованій: костры горѣли, рѣзались языки, рубились головы, удары кнута раздавались въ застѣнкахъ и на площадяхъ, тюрьмы и монастыри были полны раскольниками. Царевна Софья, или, вѣрнѣе сказать, ея богомолецъ, святѣйшій патріархъ Іоакимъ, малороссъ, самый ужасный изъ вѣхъ гонителей раскола, въ 1689 году велѣлъ „смотрѣть накрѣпко, чтобы раскольники въ лѣсахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся — самихъ съслать, пристанища ихъ разорять, имущества продавать, а деньги присылать въ Москву“ **). Преосвященный Макарій въ своей „Исторіи раскола“ говоритъ, что „расколъ рѣшительно былъ запрещенъ въ Россіи, и никто ни въ городахъ ни въ селеніяхъ не смѣлъ открыто держаться его. Потому раскольники или таили вѣру свою, или убѣгали въ пустыни и лѣса, гдѣ заводили для себя пріюты. Но и тамъ ихъ отыскивали, жилища ихъ разоряли, а самихъ приводили къ духовнымъ властямъ для убѣжденій,

*) По этимъ статьямъ полагалось: а) *Жечь въ срубѣ*: тѣхъ, которые хулять господствующую церковь и производить въ народѣ мятежь или соблазнъ и остаются упорными, а также и тѣхъ, которые на казни покорятся св. церкви, но снова обратятся въ расколъ; тѣхъ, которые увлекали другихъ къ самосожигательству. б) *Казнить смертью*: тѣхъ, которые перекрещивали людей въ свою секту; тѣхъ, которые, перекрестившись, не соглашались возвратиться къ церкви. в) *Вить кнутомъ и съслать въ дальніе города*: раскольниковъ, скрывающихъ принадлежность свою къ расколу, хотя бы поелъ и раскаялся; всякаго званія людей (то-есть и не раскольниковъ), укрывшихъ раскольниковъ у себя въ домѣ, зная, что они раскольники, и не донесшихъ о нихъ начальству. Имѣніе казенныхъ и съслаемыхъ конфисковалось на томъ основаніи, что на прогоны и на жалованье «сыщикамъ» по государству раскольниковъ «много пло государевой казны». — См. «Поли. Собр. Зак. Росс. Имп.» т. I, и «Акты Арх. Эксп.» т. IV.

***) Макарія, епископа винницкаго (потомъ архіепископа харьковскаго), «Исторія русскаго раскола», стр. 133.

а, въ случаѣ нераскаянности, предавали градскому суду и часто смерти“ *). И этихъ словъ достаточно для уразумѣнія того безвыходнаго страшнаго положенія, въ какомъ находились раскольники, особенно во время Іоакимова патріаршества. Имъ не позволялось жить ни въ городахъ, ни въ волостяхъ, ни въ лѣсахъ, ни въ пустыняхъ. Куда же было дѣваться? Ушли они въ лѣса поморскіе, сибирскіе, печорскіе, чердынскіе, кайгородскіе, керженскіе; ушли туда, гдѣ, быть-можетъ, до того и ноги человѣкъ не накладывалъ, но сыщики и тамъ ихъ находили. Ихъ ловили, и если они объявляли себя раскольниками, но не отказывались отъ своихъ вѣрованій, не присоединялись въ виду казни къ господствующей церкви, готовъ былъ ерубъ или костеръ. Если не сознавались въ расколѣ, готовъ былъ кнутъ, а за нимъ ссылка и конфискація имѣнія. Если же наконецъ они обращались въ православіе, имъ все-таки, на основаніи Софійныхъ статей 1685 года, „чинили наказаніе“, послѣ чего отправляли въ домъ патріарха или епархіальнаго архіерея „ради исправленія“ на тяжкія работы, за замки и затворы, на хлѣбъ и на воду. Раскольники бѣгали по лѣсамъ, съ разоренныхъ жилищъ въ глубокія трупцы, за болота, за трясины, но усердные сыщики и здѣсь отыскивали ихъ.

Въ это тяжкое для старообрядцевъ время изъ конца въ конецъ русской земли раздался голосъ наставниковъ раскола: „за рубежомъ древлее благочестіе во ослабѣ“ **). И громадныя толпы бросились въ Швецію, въ Пруссію, въ Польшу, въ Турцію, за Кавказъ, въ китайскія владѣнія и даже, если вѣрить Марку Топозерскому, въ Японію.

Переселеніе за рубежъ въ случаѣ какой-либо невзгоды на родинѣ—одно изъ самыхъ старыхъ и самыхъ обыкновенныхъ явленій русской жизни. До XVII столѣтія оно составляло даже весьма важное и въ теченіе долгаго времени упорно отстаиваемое право аристократіи, право, для сокрушенія котораго Иванъ Грозный употреблялъ самую энергическія мѣры, а все-таки не смогъ въ конецъ сокрушить его. Самая торная, въ продолженіе вѣковъ протоптанная русскими выходцами дорога вела за литовскій рубежъ, въ то время не очень далекій отъ Москвы. По этой-то дорогѣ преимущественно и устремились раскольники. Особенно сильно было переселеніе ихъ по кончинѣ царя Ѳедора Алексѣевича.

Московскій попъ Кузьма, прихода Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, бывшій въ числѣ тѣхъ бѣлыхъ священниковъ города Москвы, которые съ самаго начала церковнаго раздора открыто пошли противъ Никона, поддерживалъ въ средѣ уважавшихъ его за добрую жизнь и благочестіе прихожанъ отвращеніе отъ „новшества“ и ревность къ старому обряду. Прихожане по большей части были посадскіе люди, занимавшіеся городской промышленностью и мѣстной торговлей. Люди были все достаточ-

*) «Акты историческіе», V, № 223.

**) То-есть за границей старообрядство свободно, не преслѣдуется.

Сочиненія П. Мельникова. Т. VII.

ные. Когда соборъ 1667 года провозгласилъ анафему, поиъ Кузьма не захотѣлъ оставаться въ Москвѣ, которую теперь называлъ „Вавилономъ“. Съ двѣнадцатью семействами самыхъ ревностныхъ къ старому обряду прихожанъ бѣжалъ онъ на самый рубежъ литовскій, въ Украину Стародубскую. Здѣсь у него былъ пріятель, вѣроятно, одинъ изъ сотниковъ Стародубскаго полка *), Гаврила Ивановичъ. Снисходи къ просьбѣ попа Кузьмы, велѣлъ онъ курковскому атаману Ломакѣ поселить московскихъ выходцевъ въ мѣстечкѣ Понуровкѣ. Подлѣ этого мѣстечка, на рѣкѣ Ревитѣ, явилось въ 1669 году первое раскольниковское поселеніе въ Стародубѣ. Слухъ объ этомъ прошелъ между старообрядцами въ Москвѣ и въ около-московныхъ городахъ. О Кузьмѣ говорили, какъ о нѣкоемъ святителѣ, странствующемъ „ради старыя вѣры“. Въ первый же годъ бѣглые изъ Россіи раскольники, стремившіеся по слѣдамъ поща Кузьмы, населили четыре слободы: Вѣлпн-Колодець, Синій-Колодець, Шелому и Замѣшево. Пятнадцать лѣтъ жили они спокойно въ лѣсахъ стародубскихъ. Сюда къ нимъ пришелъ и другой священникъ изъ города Вѣлева, по имени Стефанъ, и съ нимъ много старообрядцевъ изъ нынѣшнихъ Тульской и Калужской губерній. Они основали слободу Митьковку. Царевна Софья и патриархъ Іоакимъ узнали объ этихъ поселеніяхъ. Тамошнему полковнику повелѣно было примѣнить относительно поселившихся въ Стародубѣ 12 статей 1685 года и возвращать ихъ на родину. „Таковому указу разгласившуся,—говоритъ одинъ раскольниковскій писатель:—ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшася... Гоненію же въ Великороссіи на старообрядцы належащу, мнози оставляюще своя отечества“ **). Насельники старообрядческихъ слободъ перешли рубежъ литовскій, бывший отъ нихъ всего верстахъ въ пятнадцать. Здѣсь, у самой почти русской границы, они нашли для себя удобное мѣсто. На пустомъ островѣ р. Сожи, текущей въ Днѣпръ, недалеко отъ нынѣшняго города Гомеля, они построили первую слободу, названную, по имени острова, Вѣткою. Иванъ Халецкій, которому принадлежалъ этотъ островъ, былъ очень радъ пришельцамъ, отвелъ имъ пустовавшую дотолѣ у него землю и, получая за нее отъ старообрядцевъ хорошей чинши (оброкъ), защищалъ ихъ, сколько могъ. Это было въ 1685 году. Послѣдователи поповщины, жившіе въ Россіи и подвергавшіеся преслѣдованіямъ, узнавъ, что за литовскимъ рубежомъ „старая вѣра во ослабѣ“, устремились изъ разныхъ мѣстъ „во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствоваши

*) А не стародубскій полковникъ, какъ пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ своей «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ» (Н. С. Тихонравова, «Лѣтописи русской литературы и древности», т. IV, смѣсь, стр. 56. Ср. преосвященнаго Макарія, «Исторія русскаго раскола», стр. 293). Изъ стародубскихъ полковниковъ не было ни одного, котораго бы звали Гаврилою Ивановичемъ (Маркевича, «Исторія Малороссіи», V, 1169).

***) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности», т. IV, смѣсь, стр. 58).

паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ. И сицевыми народы пустая мѣста и звѣрошаственная населяхуся, и вмѣсто древствъ людей умноженіе показася, трава и тернии растущія въ вертограды и садовія обратшася, гради вторіи показашася населеніемъ челоувѣкъ, ими же наполнилися Косецкая, Романово, Леонтіева“ *). Всего въ самое короткое время старообрядцы населили четырнадцать большихъ слободъ.

Черезъ десять лѣтъ по основаніи, Вѣтка сдѣлалась средоточіемъ всей поповщины, какъ бы ея митрополіей. Это случилось вслѣдствіе переселенія сюда изъ Керженскихъ скитовъ чернаго попа Θεодосія. Много странствовалъ на своемъ вѣку этотъ челоувѣкъ. При началѣ церковнаго раздора ушелъ онъ изъ Рыльскаго монастыря на Донецъ, но былъ пойманъ, судимъ и, по лишеніи сана, заточенъ въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Здѣсь сидѣлъ Θεодосій семь лѣтъ и обратился къ церкви, но когда его заставили читать синодикъ и дали ему нѣкоторую свободу, онъ бѣжалъ въ Поморье, а оттуда въ Керженскіе лѣса, гдѣ, вмѣстѣ съ пошехонскимъ дворяниномъ Θεодоромъ Яковлевичемъ Токмачевымъ, поселился сначала на Белмашѣ, а потомъ въ скиту Смольяны **), который былъ тогда центромъ всего Керженца и Чернораменя. Прежде жилъ тутъ Діонисій Шуйскій, у котораго былъ довольный запасъ мира и св. даровъ, освященныхъ еще при патріархѣ Іосифѣ. Это возвысило Діонисія на степень главы старообрядчества, а жительство его, Керженецъ, сдѣлало какъ бы митрополіей всѣхъ послѣдователей поповщины. Не имѣя ни антиминовъ ни одиконовъ, — ни Діонисій ни другіе пош, уклонившіеся въ расколъ, не могли служить литургій, и тотъ, у кого было болѣе старыхъ запасныхъ даровъ, дѣлался самымъ вліятельнымъ челоувѣкомъ. За дарами пріѣзжали на Керженецъ издалека, и повсюду

*) Тамъ же.

**) Этотъ скитъ былъ основанъ Сергіемъ Саятыковымъ, Ефремомъ Потемкинымъ и другими смольянами, пришедшими изъ Бизюкова монастыря на Керженецъ около 1656 года. Это мѣсто недалеко отъ деревни Ларіонова, что близъ города Семенова. За Шарпанскимъ скитомъ, уничтоженнымъ въ 1853 году, въ густомъ лѣсу, по болоту, есть тропинка. На ней мѣстамъ уцѣлѣли полустгнившія сосновые и еловые кладки. Конной ѣзды, кажется, тутъ никогда и не бывало. Тропинка приводитъ нѣпехода до признаковъ стараго скита, уже поросшихъ матерымъ лѣсомъ. Замѣтны погребныя ямы, слѣды огородныхъ грядъ и кладбища. На кладбищѣ 12 могилъ, на могилахъ двѣнадцать камней. Тутъ похоронены Діонисій Шуйскій, бывший нѣкогда главою поповщины, и другіе одинадцать поповъ. Урочище это называется «Смольяны» или «Смольяные». Преданіе говоритъ, что тутъ былъ большой скитъ, разоренный еще прежде Питирима, въ которомъ жили царскіе бояры, не захотѣвшіе принять Никоновыхъ нововведеній. Это «Старый Керженецъ», первый раскольниковскій скитъ, основанный еще въ 1656 году. Белмашъ, рѣчка, впадающая въ Керженецъ (въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, на самой почти границѣ съ Нижегородскою). Здѣсь, на устьѣ Белмаша, въ XVII столѣтіи, старообрядцы устроили скитъ, уничтоженный Нитиримомъ, который, по указу Петра въ 1708 году, устроилъ тутъ Троицкій Белмашскій женскій монастырь, доселѣ существующій.

распространялась слава Діонисія и Керженца, въ то время еще не раздѣлившагося на секты. Θεодосій около 1690 года сдѣлался преемникомъ Діонисія и вмѣстѣ съ Токмачевымъ правилъ всѣмъ Керженцомъ: собиралъ соборы, распространялъ и поддерживалъ расколъ, и этимъ обратилъ на себя зоркое вниманіе правительства. Начались розыски. Токмачевъ былъ арестованъ, его судили и сожгли, а другъ и собесѣдникъ его Θεодосій успѣлъ бѣжать въ Калугу. Смольяны были разорены до тла. Это было въ 1694 году. Θεодосій, не имѣя при себѣ ни мира ни запасныхъ даровъ, которые при скоромъ бѣгствѣ оставилъ въ Смольянахъ, чувствовалъ, что онъ лишился вліянія на старообрядцевъ, что слава его, какъ главы раскола, миновала. Въ Калугѣ представился однако ему счастливый и совершенно неожиданный случай поправить дѣла. Выше сказано было, что старообрядцы въ то время нигдѣ не служили обѣдни, и что у нихъ повсюду чувствовался крайній недостатокъ въ святыхъ дарахъ *). Въ Калугѣ стояла одна ветхая церковь Покрова Богородицы. Много лѣтъ уже не отправлялось въ ней, за ветхостью, церковной службы; но церковь не была нарушена: въ ней былъ и престолъ и антиминсъ, освященные еще при патріархѣ Іосифѣ, и иконостасъ время Івана Грознаго. Старикъ Θεодосій, уже болѣе полувѣка не служившій обѣдни, изыскалъ случай ночью, въ великій четвертокъ 1695 года, совершить въ этой запустѣлой церкви литургію и освятить запасные дары. Все сдѣлано было сообразно требованіямъ самыхъ строгихъ ревнителей стараго обряда. Въ до-никоновской церкви, на до-никоновскомъ антиминсѣ, до-никоновскаго рукоположенія священникъ совершилъ литургію по старому „Служебнику“. Святость даровъ, освященныхъ Θεодосіемъ, была для всѣхъ несомнѣнна; даже самые безпощадны просили у него совершенныхъ имъ даровъ. Θεодосій разослалъ частицы ихъ по всѣмъ сторонамъ, гдѣ жили старообрядцы, и его падавшая-было слава возникла въ новомъ, большемъ прежняго блескѣ. Осталось неизвѣстнымъ, какимъ образомъ Θεодосій получилъ доступъ въ калужскую церковь, но полагать надобно, что тутъ дѣйствовали деньги, ибо вскорѣ послѣ того Θεодосій сдѣлался владѣтелемъ Іоанновскаго иконостаса, сто лѣтъ слишкомъ находившагося въ калужской церкви, въ которой удалось ему отслужить обѣдню, доставившую ему столько славы и вліянія. Въ русскихъ предѣлахъ съ такими пріобрѣтеніями Θεодосію оставаться было небезопасно; розыски его не кончились. За литовскимъ рубежомъ было непримѣръ надежнѣе и безопаснѣе. На Вѣтку усердно звали его тамошніе старообрядцы, свѣдавъ, какимъ сокровищемъ онъ обладаетъ. Вѣтковскіе отцы послали искуснаго старца Нифонта и другихъ въ Калугу съ просительными письмами къ Θεодосію,

*) Запасные дары мѣшали съ мукой и испеченные изъ этой муки хлѣбы принимали, какъ таинство; тѣсто съ крупницами святыхъ даровъ намазывали на полотно и доскутками его пріобщались. См. Андрея Іоаннова Журавлева, «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 279.

приглашая его къ себѣ на жительство. Θεодосій согласился и въ 1695 году перешелъ литовскій рубежъ и явился на Вѣткѣ, „все же радостными привѣтствы возблагодариша приходъ его къ нимъ и все радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возглашающе, ликующе, купно и веселящися на вступленіе того, все увядшіе печалію весело хождаху“ *).

Посмотрѣлъ Θεодосій; видитъ—вѣтковская моленная мала, не можетъ вмѣщать всѣхъ богомольцевъ, ибо съ каждымъ днемъ населеніе тамошнихъ слободъ увеличивалось бѣгавшими за границу старообрядцами. И велѣлъ ее распространять. Обрадованные вѣтковцы живо схватились за топоры и въ нѣсколько дней срубили изъ дубоваго лѣса большую церковь. Θεодосій поставилъ въ ней калужскій иконостасъ и вмѣстѣ съ двумя попами—роднымъ братомъ своимъ Александромъ и пріѣхавшимъ изъ Москвы Григорьемъ—освятилъ церковь во имя Покрова Богородицы, на антиминосѣ, который былъ на Вѣткѣ еще до водворенія въ ней Θεодосія. Предшественнику его, вѣтковскому попу Іоасафу, привезла этотъ старинный антиминосѣ, по всей вѣроятности, выкраденный изъ какой-нибудь православной церкви, старица изъ города Бѣлева, по имени Меланія. Это была первая раскольническая церковь, и литургія, совершенная тремя попами въ день освященія вѣтковской церкви, была первая раскольничья обѣдня.

Вѣтка съ церковью и обѣднями стала быстро возвышаться; толпы за толпами приходили на берега Сожи. Русскіе старообрядцы вскорѣ населили здѣсь четырнадцать большихъ слободъ. Въ нихъ было до сорока тысячъ жителей. Явились монастыри, мужскіе и женскіе. Міряне занимались торговлей и управлялись выборными людьми. Θεодосій сдѣлался главою всей поповщины; онъ разсылалъ благословеніе и святые дары по всѣмъ общинамъ, принималъ бѣглыхъ отъ господствующей церкви поповъ и разсылалъ ихъ по разнымъ мѣстамъ. Нигдѣ не могли принять попа безъ благословенія настоятеля вѣтковской Покровской церкви. Самый Керженецъ преклонился передъ Вѣткой: туда, въ это бывшее дотолѣ средоточіе всей поповщины, Θεодосій посылалъ грамоты, какъ власть имѣющій. Недоставало мира: старое, Іосифовское, старообрядцы разбавляли деревяннымъ масломъ. Черезъ полвѣка и разбавленнаго такимъ образомъ было очень мало. Θεодосій сварилъ и миро.

Во время вторженія Карла XII и измѣны гетмана Мазены, раскольники вѣтковскіе, а также и оставшіеся въ Стародубѣ, сами собрались и стали противъ враговъ русской земли. Они оказали услугу Петру I, отбивая у шведовъ обозы, нападая на малые отряды,—однимъ словомъ, ведя въ это время партизанскую войну. Нѣсколько сотъ шведовъ было убито старообрядцами, а захваченныхъ плѣнниковъ жители стародубскихъ слободъ представили лично Петру. Государь былъ доволенъ та-

*) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», стр. 62.

кимъ доказательствомъ ихъ вѣрности, простилъ бѣглецовъ и утвердилъ за ними тѣ земли Стародубья, на которыхъ они поселились. Вѣтковцевъ онъ не велѣлъ трогать. Это обстоятельство много способствовало къ возвеличенію тамошнихъ раскольническихъ общинъ. Стародубскія слободы, запустѣвшія-было за двадцать передъ тѣмъ лѣтъ, вновь заселились больше прежняго. Черезъ нѣсколько лѣтъ онѣ были сильны и вліятельны не менѣе самой Вѣтки.

Гоненія были только въ Москвѣ, на Керженцѣ и по Волгѣ. Петра вооружили противъ тамошнихъ старообрядцевъ распространяемые ими по народу толки о томъ, что Петръ—нѣмецъ, шведъ, подметный царь, антихристъ, что не повиноваться ему, „братися съ нимъ, яко со врагомъ Господнимъ, яко съ антихристомъ“, самъ Богъ повелѣваетъ. Мы уже говорили, что въ 1669 году ошибшіеся въ расчисленіяхъ о кончинѣ міра раскольники высчитали, что антихристъ придетъ въ 1699 году, а кончина міра послѣдуетъ въ 1702 году. Въ 34 году по Р. Х. распять былъ Спаситель,—говорили они,—и тогда же связанъ сатана на тысячу лѣтъ, то-есть до 1034 года, когда отпала римская церковь отъ православія. Съ этого времени до явленія антихриста долженствовало исполниться число лѣтъ, равное апокалипсическому числу въ имени антихриста, то-есть 666. Итакъ, онъ долженъ явиться въ 1699 или 1700 году, а черезъ два съ половиной года, то-есть въ 1701 или 1702 году, должно послѣдовать свѣтопреставленіе. Когда исполнились эти года, Петръ I воротился изъ-за границы, обритый, въ нѣмецкомъ платьѣ, и сталъ передѣлывать Русь на „нѣмецкій манеръ“. Свѣдали старообрядцы, что, возвратясь въ Москву, онъ, не заѣзжая ни въ Кремль, къ тамошнимъ чудотворцамъ, ни къ Иверской Божьей Матери, прямо проѣхалъ на Кокуй, въ Нѣмецкую слободу, въ домъ виноторговца Монса, гдѣ съ его дочерью и Лефортомъ прокутилъ цѣлую ночь. На другой день по пріѣздѣ, когда представлялись къ нему бояре, онъ обрилъ ихъ, кромѣ только двухъ, и затѣмъ велѣлъ всѣхъ русскихъ людей бороды лишать и всѣмъ нѣмецкое платье надѣвать. Черезъ пять дней, въ день Новаго года (1-го сентября), вопреки древнему, свято чтимому обычаю, Петръ не явился на Кремлевской площади въ царскомъ облаченіи и не принималъ, по древнему обыкновенію, благословенія патріарха и поздравленія отъ бояръ и отъ народа, и самъ не „здравствовалъ народъ“ съ новолѣтіемъ. Зато въ этотъ самый день былъ на пиру у Шеняя, много пилъ и велѣлъ шутамъ рѣзать послѣднія боярскія бороды *). Черезъ недѣлю по пріѣздѣ, былъ пиръ у Лефорта, на пиру бритый царь, бритые бояре и пѣмцы съ женами и дочерьми сильно выпили. Музыка гремѣла; царь плясалъ съ пѣмками. Черезъ двѣнадцать дней по пріѣздѣ, не допустивъ царицу на глаза, постригъ ее и заточилъ въ Суздальскіи

*) Устряловъ. «Исторія царствованія Петра Великаго», III, 621. Донесеніе Гваріента императору Леопольду отъ 12 сентября 1668 года.

монастырь. Отправивъ такіе пиры, принялся Петръ за кровавый пиръ— за стрѣльцовъ: черезъ три недѣли по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ начался стрѣлецкій розыскъ. Стѣны Кремля были утыканы стрѣлецкими головами, и самъ царь, въ Преображенскомъ, рубилъ головы стрѣльцамъ. Петръ публично ѣлъ скоромное по постамя. Измѣнилъ исчисленіе, перенесъ Новый годъ съ сентября на январь. Соблазнялись и смутились русскіе люди больше, чѣмъ сто лѣтъ передъ тѣмъ смущались они во дни Гришки Отрепьева. „Да впрямь царь ли онъ? Не по-царски поступаетъ. Не новый ли это у насъ Гришка Разстрига объявился?“—заговорили въ народѣ. И пошли толки: „благочестивый царь Петръ Алексѣевичъ поѣхалъ въ Стеклянное государство *) и тамъ пропалъ безъ вѣсти“. Исключительно русское воззрѣніе! Стали спрашивать: „а кто же теперь на Москвѣ царство держитъ?“ Отвѣчали: „сказываютъ, что нѣкій жидовинъ отъ колѣна Данова **). Какъ скороде онъ наѣхалъ на Москву и все сталъ творить по-жидовски: у патриарха благословенія не принялъ, въ домъ Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, на поклоненіе ризъ Господней, пречестной Владимірской иконой Богородицы, писанной Лукой евангелистомъ, и къ цѣлбоноснымъ мощамъ московскихъ чудотворцевъ не пошелъ, потому что зналъ—сила Господня не допуститъ его, окаяннаго, до святого мѣста. Къ Архангелу не ходилъ, гробамъ прежнихъ благочестивыхъ царей не поклонился, для того, что они ему чужи и весьма ненавистны. Въ кремлевскіе чертоги не вошелъ, глумясь надъ ними и сожечь ихъ замышляя. Никого изъ царскаго рода: ни царицы, ни царевича, ни царевенъ не видалъ, боясь, что они обличатъ его, скажутъ ему, окаянному! „ты не нашъ, ты не царь, а жидъ проклятый“. Для того царицу и царевенъ постригъ, а маленькаго царевича, сына благочестиваго царя Петра Алексѣевича, коему бы достояло теперь пріяти великій скипетръ московскаго государства и всея Россіи, нѣмцамъ отдалъ, а потомъ убилъ. Народу въ день поволѣтія не показался, чая себѣ обличенія, якоже и Гришкѣ Разстригѣ обличеніе народное было, и во всемъ по-разстригнутому поступаетъ: святыхъ постовъ не содержитъ, въ церковь не ходитъ, въ банѣ каждую субботу не бываетъ, живетъ блудно, съ погаными нѣмцами заедино, и нынѣ на Московскомъ государствѣ нѣмецъ сталъ великъ человекъ. Самый лядашій нѣмецъ теперь выше боярина и самого патриарха. Да онъ же, жидовинъ, съ блудницами-нѣмками всенародно пляшетъ. Вояръ перебрилъ и въ нѣмецкіе кафтаны обрядилъ и всѣхъ русскихъ людей велѣлъ бороды лишать и всѣмъ нѣмецкіе кафтаны носить. Пьетъ вино не во славу Божью, а нѣкакo нелѣпо и безобразно во пьянствѣ валяясь и глумясь во пьянствѣ; своихъ же пьяницъ оваго

*) Русскіе Стокгольмъ называли «Стекольно», отсюда и Стеклянное царство.

***) По сказаніямъ, антихристъ будетъ еврей изъ колѣна Данова и явится на сѣверѣ.

святѣйшимъ патріархомъ нарицаеть, овыхъ же митрополитами, и архієпископы и єпископы, себя же протодіакономъ, горло веліе имѣя и срамоты со священными глаголы смѣшивая, велегласно воиша на поѣху своимъ нѣмецкимъ людемъ, паче же на поруганіе святыни. Самъ табакъ пьеть и другихъ пить сіе треклятое зеліе повелѣваеть, а при благочестивыхъ царѣхъ тѣмъ, кто табакъ пьеть, носы рѣзали. Патріаршіи чинъ упраздни, и митрополитовъ такожде упраздняя. У Бога восемь лѣтъ укралъ *), чая да не явится въ людѣхъ прореченное о немъ тайновидцемъ Іоанномъ Богословомъ исчисленіе временъ, — да не явится антихристомъ, въ міръ пришедшимъ, еже и бысть. Страдничества же того жидовина и всякихъ дѣлъ его нечестивыхъ всѣхъ по ряду невозможно описати, аще бы вся богопротивныя дѣла сего жидовина описати, мню со евангелистомъ Іоанномъ, міру цѣлому не вмѣстити нишемыхъ книгъ. Оле! разоренія благочестія, оле! поуранія святыни Господней, оле же запусѣнія на мѣстѣ святѣ, прореченнаго Даніиломъ пророкомъ (**).

*) Въ свято чтимыхъ раскольниками старопечатныхъ книгахъ говорилось, что отъ сотворенія міра до Р. Х. не 5508, а ровню 5500 лѣтъ. Когда Петръ замѣнилъ старинное лѣтоисчисленіе отъ сотворенія міра общепринятымъ въ Европѣ счисленіемъ отъ Р. Х. и при этомъ 7208 годъ стали считать не 1708. а 1700, отъ этого и пошелъ толкъ о томъ, что Петръ I у Бога восемь лѣтъ укралъ. Этотъ толкъ внесень во многія раскольническія сочиненія.

**) «Сказаніе вкратцѣ о послѣднихъ губительныхъ временахъ крайняго антихриста» — въ сборникѣ XVIII ст., въ которомъ помѣщены и другія раскольническія сочиненія. Изъ Преображенскаго приказа видно, что на Керженцѣ и между кержаками, переселившимися въ Пермскую губернію и Сибирь, были такіа рѣчи: «Петръ шведъ обмѣнный, потому, догадывайся, дѣлаеть Богу противно: противъ солнца крестятъ и свадыбы вѣнчаютъ, и образа нишуть съ шведскихъ персонъ, и поста не можетъ воздержать, и платье возлюбилъ шведское, и со шведами пьеть и ѣсть, и изъ ихъ королевства не выходитъ, а паче того догадывайся, что онъ извелъ русскую царицу и отъ себя сослалъ въ монастырь въ монастырь, чтобы съ ней царевичевъ не было, и царевича Алексѣя Петровича извелъ: своими руками убилъ для того, чтобъ ему, царевичу, не царствовать, и взялъ за себя шведку, царицу Екатерину Алексѣевну, и та царица дѣтей не родить, и онъ (Петръ I) сдѣлалъ указъ, чтобы за предбудущаго государя крестъ дѣловать — и то крестъ дѣлуетъ за шведа; одноконечно станеть царствовать шведъ, родственникъ царицы Екатерины Алексѣевны или братъ; и великій князь Петръ Алексѣевичъ (Петръ II) родился отъ шведки — мѣрью въ аршинъ съ четвертью, съ зубами — не простъ человекъ: онъ антихристъ... а онъ (Петръ I) съ царицею Екатериною Алексѣевою сплелся прежде вѣнца»... (Г. В. Есповъ. «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія», II, 41, 46, 47). Когда царствовала Елизавета Петровна, при которой раскольниковъ преслѣдовали, они говорили, что она не прямая царица... а что настоящій, законный царъ есть — Иванъ Антоновичъ, отрасль благочестиваго царя Ивана Алексѣевича, за котораго стрѣльцы стояли и головы свои за него сложили, по той причинѣ, что царъ Иванъ Алексѣевичъ будто бы былъ старообрядецъ. За такіа разглашенія трое керженскихъ келейныхъ жителей въ 1741 году биты плутомъ съ вырваніемъ поздравей и сосланы въ Пермскіе на горные заводы.

Подъ вліяніемъ подобныхъ толковъ образовалось въ раскольникахъ убѣжденіе, что антихристъ, ожидаемый ими въ 1699 году, не кто другой, какъ Петръ I. Явились грамотеи, прилежно занявшіеся составленіемъ выписокъ объ антихриствѣ изъ разныхъ книгъ, съ примѣненіемъ ихъ къ личности Петра I. Тотчасъ по возвращеніи его изъ-за границы такими выписками, между прочими, занялся переписчикъ книгъ Григорій Талицкій *). Писанія его одобрялись не только священниками, но даже однимъ архіереемъ — тамбовскимъ Игнатіемъ. Подражателей Талицкому было много: немало было ихъ и на Керженцѣ и по Волгѣ. Фанатики гибли на кострахъ и плахахъ, умирали съ радостью, утѣшая себя мыслью, что гибнуть отъ руки самого антихриста и потому несомнѣнно будутъ удостоены царства небснаго. По мѣстамъ являлись люди, называвшіе себя кто Енохомъ, кто Иліей пророкомъ, пришедшими для обличенія антихриста. Въ 1701 году опять явились „гробопологатели“ и, лежа въ саванахъ, опять отпѣвали себя, опять тосливо пѣли:

Древянь гробъ, сосновый,
Ради мене строень,
Въ немъ буду лежати,
Трубна гласа ждати...

По городамъ толковали, и Талицкій писалъ, какъ Петръ пойдетъ на войну, начинавшуюся тогда со шведами, то бы разосланнымъ стрѣль-

*) Выписка изъ дѣла о Григоріи Талицкомъ, представленная въ 1750 году императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, напечатана Г. В. Есиповымъ («Раскольническія дѣла XVIII столѣтія», I, 59—86). Его пытали на Красной площади передъ народомъ. Желябужскій говоритъ: «въ томъ же году (1704) мучень разными пытками на Красной площади вѣдомый воръ Гришка Талицкой въ великомъ государственномъ дѣлѣ, и сожженъ; и многіе великихъ чиновъ люди и отъ приходоу изъ монастырей дѣячки ловлены и пытаны; и розыски были великіе» (Сахарова, «Записки русскихъ людей», «Записки Желябужскаго», стр. 86). Епископъ Игнатій тамбовскій за сношенія съ Талицкимъ, по лишеніи сана, сосланъ въ Соловки; епархія тамбовская уничтожена, три попа, одинъ понамарь и одинъ иконникъ казнены вмѣстѣ съ Талицкимъ; девять человекъ бито кнутомъ и сослано въ Сибирь; жену Талицкаго, двухъ понадей и жену иконника сослали въ Сибирь. Талицкій набравъ свое сочиненіе выпустилъ въ видѣ прокламаціи, и для того иконникъ вырѣзывалъ его на деревѣ. Кажется, Григорій Талицкій былъ родомъ изъ Талицъ, отчего и прозывался Талицкимъ. Талицы Большія и Талицы Малыя—двѣ смежныя, составляющія одну населенную мѣстность, деревни, Макарьевского уѣзда, Костромской губерніи, на границѣ Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, близъ рѣки Узолы, извѣстнаго по своей торговлѣ удѣльнаго села Ковернина. Населеніе Талицъ сплошь раскольническое. Верстахъ въ пятнадцать отъ Талицъ начинались керженскіе и чериораменскіе скиты. Раскольники въ Талицахъ самые закоренѣлые. Въ окрестностяхъ жители, желая сказать о комъ-нибудь, что онъ упорный раскольникъ, говорятъ: «да онъ чѣт твой Талицкой». Мысль, что Петръ I — антихристъ, по сихъ поръ держится въ Талицахъ, и сохранилось преданіе, что кого-то изъ ихъ деревни антихристъ-Петръ мучилъ: на Москвѣ живьемъ жегъ.

памъ собраться въ Москву и посадить царевича Алексѣя Петровича на царство, а если и онъ въ жидовство пошелъ и иѣмдемъ во всемъ учинился, то выбрать царя православнаго. Указывали даже на кандидата въ цари, на престарѣлаго и богатаго князя Михаила Алегуковича Черкаскаго, которому и Петръ не посмѣлъ обрить бороды. Петръ приказалъ Стефану Яворскому написать книгу „О знаменіяхъ пришествія антихристова“, чтобы народъ, читая ее, не вѣрилъ раскольническимъ разглашеніямъ, а раскольниковъ объявилъ „лютыми неприятелими, государству и государю непрестанно зло мыслящими“. Особенное вниманіе обратилъ онъ на Керженскіе дѣса, которые св. Дмитрій Ростовскій называлъ Брынескими *). Тамъ было 77 скитовъ и въ нихъ болѣе семисотъ монаховъ и слишкомъ 1800 монахинь; деревенскій же народъ поголовно былъ въ расколѣ. Тамъ писались выписки и слагались розеказни о Петрѣ-антихристѣ, тамъ бывали раскольническіе соборы, тамъ принимались бѣглые отъ церкви попы и разсылались по Россіи.

Въ 1706 году жившій самъ прежде въ кельяхъ на Керженцѣ и находившійся долгое время въ расколѣ, игумень Переславскаго Никольскаго монастыря, Питиримъ, посланъ былъ раздраженнымъ Петромъ на Керженецъ для истребленія раскола. Этотъ Питиримъ своими „равноапостольскими“ **), по выраженію Петра, подвигами почти въ конецъ разорилъ скиты керженскіе и чернораменскіе. Изъ разоренныхъ имъ скитовъ старообрядцы бросились за рубежъ, на Вѣтку. Питиримъ и до Вѣтки сталъ добираться. Ровно за двадцать лѣтъ до „вѣтской выгонки“, въ 1715 году, предлагалъ онъ Петру разорить раскольничьи селенія за рубежомъ, а особенно церковь на Вѣткѣ, говоря, что „велия будетъ въ томъ польза, понеже бѣжать будетъ некуда ***). На разореніе Вѣтки, находившейся въ чужихъ владѣніяхъ, Петръ, какъ видно, не рѣшился, хотя во время розысковъ надъ несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и посылалъ зачѣмъ-то на Вѣтку рекомендованнаго ему Питиримомъ Юрьевца-Поволжскаго Успенскаго монастыря монаха Авраамія ****). Результаты Аврааміевой поѣздки остались намъ

*) Дѣйствительно — *Рыменіе*. Такъ называются сопредѣльные съ Керженскими дѣса въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, по селеніямъ Большой и Малый Рымы, на рѣчкѣ Черный Лухъ, впадающей въ Унжу.

**) Собственноручная резолюція Петра I на дописаніи отъ Питирима 8 марта 1815 года; находится вмѣстѣ съ другими письмами Петра къ Питириму въ нижегородской духовной консисторіи.

***) Г. В. Есипова, «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія», II, 220.

****) Въ нижегородской духовной консисторіи въ книгу — «Переписка Петра I съ Питиримомъ» — переплетены: а) паеъ, данный Авраамію 10-го марта 1718 года въ Москвѣ, за собственноручнымъ подписомъ Петра (во время розыска о царевичѣ никому не давалось паспортовъ о подорожныхъ иначе, какъ съ личнаго дозволенія царя и за его подписомъ), и б) подорожная на двѣ лошади, данная Авраамію 12 марта 1718 за подписомъ графа Ивана Мусина-Пушкина. Въ этой подорожной сказано: „отъ Москвы до

неизвѣстны. Вѣтка между тѣмъ благоденствовала. Паденіе Керженца, ослабленнаго Феодосіевою церковью, внутренними раздорами и безполадными преслѣдованіями Питирима, придало еще болѣе блеска и значенія Вѣткѣ. У нея не стало соперника. Въ безопасности своей тамошніе жители были вполне увѣрены. Они платили хорошій чиншъ пану Халецкому, и Халецкій стоялъ за нихъ горою. „У Петра рука долга, а сюда не хватитъ“, — говорили самодовольные вѣтковцы. „И наста (на Вѣткѣ) тихое житіе и лѣта изобильна“ *).

Вѣтковцы не довольствовались такимъ, сравнительно съ оставшимися въ Россіи ихъ одновѣрцами, счастливымъ положеніемъ. Они хотѣли большаго блеска, большей славы въ средѣ старообрядцевъ, большаго вліянія на нихъ своей Вѣтки. Они хотѣли сдѣлать ее дѣйствительною митрополіею всѣхъ ревнителѣй стараго обряда, гдѣ бы они ни жили.

Мысль, что только та церковь истинна, въ которой сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи, мысль, что должно имѣть самостоятельную церковь со святителями, а не „обкрадывать церковь великороссійскую“, занимала почти всѣхъ вліятельныхъ людей на Вѣткѣ. Отчасти побуждала вѣтковцевъ искать архіерея и увеличивающаяся подлѣ нихъ съ каждымъ годомъ сила Стародубья.

Съ 1715 года началось у старообрядцевъ дѣятельное *исканіе архіерея*. Дѣло, какъ сейчасъ сказано, было начато за рубежомъ. Въ Россіи не всѣ старообрядцы поповщинскаго толка были согласны на исканіе архіерейства. Въ Стародубѣ нашлось много дьяконовцевъ, сочувствовавшихъ вѣтковскому предпріятію, а также въ общинахъ Московской, Тверской, Новоторжской, Ржевской; но Керженецъ, еще не павшій въ то время отъ руки Питирима, и старообрядцы, ушедшіе съ Керженца на Демидовскіе уральскіе заводы **), а также жившіе въ Казани и по Волгѣ, были несогласны на пріемъ архіерея. Не знаемъ, какъ была принята эта мысль на Дону, гдѣ все казачество находилось въ расколѣ. Такимъ образомъ на востокъ, вдали отъ зарубежной церкви, оказалось среди старообрядцевъ несогласіе на исканіе епископа, но чѣмъ ближе жили старообрядцы къ литовскому рубежу, тѣмъ болѣе замѣчалось сочувствія къ этому предпріятію. Впрочемъ, и здѣсь многіе блазнились, говоря: „Какъ же мы отъ обливанцевъ епископа примемъ? Не будетъ ли сія послѣдняя вещь горше первыя? Не будетъ ли такое дѣло еретичествомъ, паче самого никоніанства?“ Вѣтковскіе старшины,

Калуга, и до Брянска, и до Стародуба, и до польскаго рубежа... Отпущенъ онъ по Его, Великаго Государя, именному указу, по желанію его, въ Польшу“.

*) Иона Курносый.

**) Демидовъ, получивъ отъ Петра I земли на Уралѣ, сзывалъ туда поселниковъ изъ другихъ мѣстъ. Съ Керженца много пришло туда раскольниковъ. Оттого въ Пермской губерніи до сихъ поръ всѣхъ раскольниковъ зовутъ *кержачами*, даже слова: «содержать расколъ», «раскольничать», заимѣняютъ словомъ: «кержачить».

предвидя, какія огромныя выгоды будетъ получать ихъ слобода, если въ ней поселится старообрядческій епископъ, сколько денегъ перевезется на Вѣтку изъ разныхъ концовъ Россіи, сначала и думать не хотѣли объ обливанствѣ, опасенія строгихъ ревнителей называя блажью. Къ тому же, живя въ Вѣлоруссіи и видя, что тамошніе православные священники не поливаютъ, а погружаютъ въ три погруженія, не очень-то и довѣряли они тому, что у грековъ содержится обливательное крещеніе. Тѣмъ не менѣ рѣшились искать архіерейства не у грековъ, а въ Яссахъ, у молдавлахійскаго митрополита: онъ былъ поближе, и притомъ поселившіеся въ Бессарабіи и Молдавлахіи русскіе выходцы, старообрядцы, съ клятвою увѣряли, что въ тамошнихъ мѣстахъ у православныхъ о поливательномъ крещеніи и слуху нѣтъ, а водится оно только у подвластныхъ римскому костелу униатовъ.

Но предварительному соглашенію съ Вѣткой, жившіе въ Молдавіи старообрядцы вошли въ сношеніе съ тамошнимъ митрополитомъ Антоніемъ, обѣщавъ ему за поставленіе епископа построить для него въ Яссахъ каменную церковь. Они „удобоприступна себѣ яскаго митрополита Антонія обрѣтоша, — говоритъ Иванъ Алексѣевъ въ своей „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ: — къ нему же тамо живущіе старообрядцы свободный входъ въ разговоръ имуще, чрезъ многа, тѣмъ и дерзновенно просиша его, да посвятитъ имъ отъ нихъ челоуѣка во епископа. Онъ же на се соизволи и повелѣъ подати доношеніе, кое подалное явѣ сотворено бысть господарю и совѣтникомъ его“. Господарь-фанаріотъ былъ не прочь: и онъ и Антоній едва ли хорошо знали, что такое русскій расколъ и въ чемъ состоитъ раздѣленіе русской церкви. „И вси радостно соизволяху на то“, — прибавляетъ Иванъ Алексѣевъ. Это было въ 1730 году.

Молдавскіе раскольники не замедлили сообщить своимъ вѣтковскимъ одновѣрцамъ объ успѣхѣ дѣла. Немедленно черныи попъ Власій, игумень Вѣтковского монастыря, собралъ соборъ изъ духовныхъ и мірскихъ; на соборѣ были и выборные изъ стародубскихъ слободъ дьяконовекаго толка. Избрали кандидата и вмѣстѣ съ выборными людьми, какъ вѣтковскими, такъ и стародубскими, въ 1731 году отправили его въ Яссы. Здѣсь явились они и господарю Михаилу *) и митрополиту Антонію, тому и другому поднесли грамоты отъ Власія и отъ всего собора. Дѣло совсѣмъ было-уладилось, но, на бѣду старообрядцевъ, неожиданно-негаданно пріѣхалъ въ Яссы константинопольскій патріархъ, въ зависимости отъ котораго были и молдавская митрополія и Западная Русь, гдѣ находилась Вѣтка. Антоній доложилъ патріарху объ некательствѣ старообрядцевъ. Патріархъ пожелалъ видѣться съ ними и лично переговоритъ.

*) Съ 1716 по 1727 годъ былъ господаремъ Михаилъ Раковяца I, а съ 1727 по 1733 — Григорій Гика, оба фанаріоты. Очевидно, старообрядческіе писатели путаются въ хронологіи. Вѣроятно, ихъ попытки были ранѣе 1727 года.

Старообрядцы представились патриарху, подали и ему прошение. Фанариотъ обошелся съ ними ласково, привѣтливо, ибо люди они были богатые, митрополиту дорогую каменную церковь вызывались построить. Много говорить съ старообрядцами патриархъ не могъ: онъ не зналъ по-русски, они — по-гречески, однакожь передалъ имъ черезъ переводчика, что объ ихъ дѣлѣ онъ, по возвращеніи въ Царьградъ, посовѣтуется съ другими вселенскими патриархами и пришлетъ отвѣтъ въ Яссы. Черезъ нѣсколько времени обѣщанный отвѣтъ дѣйствительно былъ полученъ Антоніемъ. Это были двѣнадцать пунктовъ, принятіе которыхъ кандидатомъ во епископы патриархи вселенскіе поставляли непремѣннымъ условіемъ. Тутъ произошелъ совершенно неожиданный для старообрядцевъ оборотъ дѣла, такъ хорошо было-поседшаго. Вѣтковцы со стародубскими дяконовцами хотя и заодно пріѣхали и объ одномъ хлопотали, однакоже, не имѣя между собою общенія „ни въ ястиі, ни въ питіи, а тѣмъ паче въ рѣчей согласованіи“, дѣйствовали каждая сторона особо. Когда въ Яссахъ получены были патриаршіе пункты, написанные, разумѣется, по-гречески, вѣтковцы, отдѣльно отъ стародублянъ, пришли къ митрополиту. Онъ показывалъ имъ пункты. Вѣтковцы просили перевода ихъ на русскій языкъ, и Антоній исполнилъ ихъ просьбу. Получивъ переводъ, вѣтковцы не сказали о томъ стародублянамъ. Эти, въ свою очередь, пошли къ митрополиту узнать, нѣтъ ли какого отвѣта изъ Царьграда. Антоній усомнился, но показалъ имъ патриаршіе пункты. Когда же стародубскіе старообрядцы также попросили перевода, митрополитъ разсердился и „возмѣя шпирство нѣкое отъ нихъ быти, яростно ихъ отела отъ себѣ“ *). Двѣнадцать пунктовъ, или статей, о которыхъ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ при разсказѣ объ этомъ происшествіи, составляли именно то исповѣданіе вѣры, которое, по церковному уставу, всякій новопосвященный архіерей долженъ передъ хиротоніей прочесть вслухъ всѣхъ предстоящихъ въ церкви, въ отвѣтъ на вопросъ старшаго изъ посвящающихъ: „како вѣруеши?“ **). Прочитать вѣтковскому кандидату символъ и правила по-своему — значило бы не получить хиротоніи; читать противное убѣжденію не дозволяла совѣсть и было зазорно отъ своихъ и отъ чужихъ. Вообще страннымъ представляется поступокъ митрополита, какъ о немъ разсказываетъ Иванъ Алексѣевъ, изъ сочиненія котораго преимущественно заимствовали мы разсказъ о посольствѣ старообрядцевъ въ Яссы 1731 года. Сначала соглашаются на предложеніе и господарь, и митрополитъ, и даже патриархъ, а потомъ вдругъ отказъ изъ-за самой пустой причины, изъ-за того, что ста-

*) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», въ «Лѣтоп. русск. ист. и древн.», IV, смѣсь, стр. 64.

) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», стр. 64: «пункты же оныя присланные 12 бяху въ таковомъ разумѣ, да хотѣи ставитися, исповѣданіе **дѣять новоторные догматы хранити и въ нихъ спасеніе вѣровати и прочихъ сему научити».

рообрядцы во второй раз попросили перевода. Скорѣй можно было бы предположить, что Антоній, узнавъ точнѣе, въ чемъ состоитъ расколъ, образовавшійся въ великороссійской церкви, не захотѣлъ имѣть дѣла съ его послѣдователями и посвящать для нихъ епископа. Но въ такомъ случаѣ, какъ же онъ послѣ того хотѣлъ-было освятить Варлаама Казанскаго, зная также, что онъ раскольникъ. Не тянулъ ли онъ дѣло нарочно подольше, чтобы получить отъ прѣѣхавшихъ за архіерействомъ больше денегъ, а когда получилъ ихъ достаточное количество, прогналъ отъ себя старообрядцевъ, придравшись къ ничтожному предлогу. Подобный поступокъ былъ совершенно въ нравахъ тогдашней румынской церкви и фанариотовъ, которыхъ присылали туда изъ Царьграда на митрополичьи и епископскія каюдры.

Пока вѣтковцы и стародубцы хлопотали въ Яссахъ, у поморскихъ безпоповцевъ также возникло желаніе получить епископа изъ-за границы. И ихъ, видно, тяготила мысль, что церковь ихъ не организована сообразно каноническимъ правиламъ и остается безъ пастырей и святителей. Избравъ изъ своей среды благочестиваго и набожнаго старика, Якова Сидорова, большого начетчика и искуснаго въ догматствованіи, они снарядили его въ заграничное иутешествіе и дали значительную сумму денегъ для полученія хиротоніи. По приговору ихъ, Сидоровъ долженъ былъ ѣхать не въ Грецію и не въ Молдавію, а къ автокефальному патріарху Сербіи, независимому отъ патріарха цареградскаго. Не знаемъ объ обстоятельствахъ поѣздки Сидорова, но она почему-то также не увѣнчалась успѣхомъ.

Тогда и поповщина и безпоповщина, испытавъ, каждая въ свою очередь, по неудачѣ, рѣшились дѣйствовать сообща. Соглашеніе происходило въ Стародубѣ. Послали на Востокъ трехъ выборныхъ: одного изъ вѣтковской поповщины, другого отъ стародубской дьяконощины, третьяго отъ безпоповцевъ поморскаго согласія. Соглашеніе было истиннымъ праздникомъ для старообрядцевъ. Видя то и дѣло вновь возникающіе изъ-за обряда толки и разгласія, видя, что старообрядство болѣе и болѣе распадается на секты, изъ которыхъ одна ненавидитъ другую, они думали, что наконецъ-то настанетъ теперь полное согласіе между всѣми ревнителями стараго обряда, и „будетъ едино стадо и единъ пастырь“. Не теряя прежде другъ друга какъ еретиковъ, они вошли теперь въ общеніе и въ умиленіи душевномъ пѣли за общей трапезой: „се чтò добро и чтò красно, но еже жити братіи вкупѣ“. Не понравились однако такое сближеніе и такіе замыслы безпоповцамъ ни въ Поморьѣ, ни въ Москвѣ, ни на Керженцѣ. Но кого, изъ которой партіи избрать чловѣка, который бы сдѣлался у всѣхъ епископомъ и первостоятелемъ церкви? Рѣшеніе этого вопроса, каково бы оно ни было, непременно перессорило бы соединившіяся секты. Отвращая это и зная притомъ уже по опыту, что трудно, даже невозможно получить за границей хиротонію для раскольника, какова бы толка онъ ни былъ, собравшіеся

па соборъ въ Стародубѣхъ рѣшились на то, что удалось потомкамъ ихъ лишь въ 1846 году. Они приговорили стараться склонить къ себѣ какого-либо безудѣльнаго епископа, какихъ на Востокъ много и теперь, много было и тогда. И такого епископа, „исправивъ“, признать за святителя всехъ старообрядцевъ. Главнымъ руководителемъ этого дѣла былъ поморецъ Михаилъ Ивановичъ Витатинъ, одинъ изъ самыхъ влиятельнѣйшихъ людей своего времени, пользовавшійся самымъ высокимъ уваженіемъ не только отъ единомысленныхъ съ нимъ поморцевъ, но и отъ старообрядцевъ прочихъ согласій. Это былъ одинъ изъ самыхъ ученѣйшихъ людей, какіе только были въ расколѣ съ самаго начала его. Много онъ странствовалъ и по Россіи и въ чужихъ краяхъ, много видѣлъ, много зналъ и обладалъ необыкновеннымъ даромъ привлекать и искренно привязывать къ себѣ людей, какихъ бы религіозныхъ убѣжденій они ни были. Но и эта попытка не удалась. Долго странствовали соединенные отъ разныхъ согласій посланцы и нигдѣ не успѣли. Витатинъ умеръ въ 1732 году, 65 лѣтъ отъ роду, въ галицкомъ городѣ Кутахъ, въ небольшомъ расколыническомъ монастырѣ, незадолго передъ тѣмъ построенномъ на тогдашней польско-молдавской границѣ *). Слутники его воротились безъ всякаго успѣха.

Вѣтковцы послали новое посольство, не дожидаясь результатовъ поѣздки Витатина. Хотѣлось имъ какъ можно поскорѣе обзавестись архіереемъ. Инициатива новаго предпріятія принадлежала попу Василию Кондратьевичу Казанскому, незадолго передъ тѣмъ перешедшему литовскій рубежъ **). Это былъ чрезвычайно энергическій человекъ, гордый, неуживчивый, сварливый, но обладавшій большими свѣдѣніями въ писаніи и необыкновеннымъ даромъ убѣжденія. Вѣжавъ отъ великороссійской церкви, долго онъ священствовалъ у старообрядцевъ въ Казани и былъ главою поволжскаго раскола. Оттого и прозвали его Казанскимъ. Онъ не давалъ много воли мірскимъ людямъ, которые по

*) Куты или Куть на галицкомъ берегу рѣки Черемоша, текущаго въ Прутъ и составляющаго границу Галиціи съ Буковиной, а въ XVIII ст. границу королевства Польскаго съ Молдавіей. Противъ Кута, на буковинской сторонѣ Черемоша, городъ Вишница. Это недалеко отъ знаменитой нынѣ Бѣлой-Крилицы, тогда еще не существовавшей. Въ Кутахъ остались ученики Витатина, ѣздившіе съ нимъ. Вѣтковцы и стародубцы воротились по смерти своего предводителя домой, а поморцы такъ любили Витатина, что не хотѣли разстаться съ его могилой. Впослѣдствіи съ ними видѣлся безпоповщинскій писатель Алексѣевъ, авторъ сочиненія «Тайна брака» (см. «Описаніе сочиненій, писанныхъ расколычниками», сочиненіе Александра Б., изданіе Д. Е. Кожанчикова, I, 269). Но здѣсь г. Александръ Б. смѣшалъ двухъ Ивановъ Алексѣевыхъ: автора «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ» и автора «Тайны брака», принявъ два разныя лица за одно. Такая же ошибка перешла въ Энциклопедическій словарь, въ статью г. Аристова: «Алексѣевъ». Павелъ Любопытный въ своемъ «Историческомъ словарѣ Старовѣрческой церкви» увѣрляетъ, что Витатинъ умеръ въ Палестинѣ. См. «Чтенія Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн.» 1863, № 1, стр. 157.

**) Онъ былъ рукоположенъ астраханскимъ архіереемъ.

своему богатству и вліянію на народъ давно господетвовали во всѣхъ поповщинскихъ общинахъ и управляли дѣлами секты. Василій Кондратьевичъ, по ссорѣ съ „мірскими правителями“, оставилъ Казань, предавъ проклятію своихъ недоброхотовъ, и ушелъ на Керженецъ. Онъ былъ еще не старый человекъ, и на Керженцѣ о немъ сомнѣвались, не посвященъ ли онъ епископомъ малороссійскимъ обливанцемъ, хотя въ дѣйствительности рукоположенъ онъ былъ митрополитомъ казанскимъ Тихономъ, уроженцемъ Нижняго-Новгорода, стало-быть, ни въ какомъ случаѣ не обливанцемъ *). Разсорясь съ жителями Керженца и Чернораменья, Василій Казанскій уѣхалъ на Демидовскіе заводы, на Уралъ, но и тутъ, по тѣснымъ постояннымъ связямъ тамошнихъ жителей съ Керженцомъ, былъ заподозрѣнъ въ полученіи своего сана отъ архіерея-обливанца. Тогда, проклявъ и керженскихъ и заводскихъ старообрядцевъ, поѣхалъ онъ за литовскій рубежъ. На Вѣткѣ, какъ уже замѣчено, не очень вѣрили обливанству, по крайней мѣрѣ была тамъ сильная партія, не вѣрившая въ обливанство малороссіянъ и бѣлоруссовъ. Василій Казанскій сошелся съ ними и очаровалъ ихъ своимъ умомъ, знаніемъ св. писанія и учительскими дарованіями. Въ то время сама Москва, въ которой еще и въ заводѣ не было Рогожскаго кладбища, когда на мѣстѣ его еще хоронили тѣла запытавшихся въ Преображенскомъ раскольниковъ, сама Москва (то-есть московскіе старообрядцы) просила Вѣтку прислать въ нее священника, мужа учительнаго и истиннаго пастыря душъ человѣческихъ. Вѣтка послала Василю. Онъ былъ въ Москвѣ, ѣздилъ и по другимъ городамъ и волостямъ „дондеже наполни чпакъ серебромъ и златомъ“ **). Возвратясь на Вѣтку съ большими деньгами, поѣхъ Василій Казанскій постригся въ монахи и былъ нареченъ Варлаамомъ. Возвратился онъ на Вѣтку въ то самое время, когда тамъ кипѣло дѣло объ исканіи архіерейства. Василій Казанскій, или теперь уже Варлаамъ, присталъ къ сторонѣ, нетерпѣливо желавшей имѣть какъ можно скорѣе архіерея. Такъ учительно и такъ красно говорилъ онъ о необходимости имѣть епископскій чинъ, такія выказалъ при этомъ способности на соборѣ вѣтковскомъ, что всѣ, даже и несогласные до тѣхъ поръ на новое посольство въ восточныя страны, не дождавшись результатовъ поѣздки Витатина, убѣдились словами Варлаама. Единогласно рѣшили вѣтковцы послать въ Яссы къ митрополиту Антонію кого-либо изъ своихъ, чтобы посвятилъ его въ епископы. Зашла рѣчь о томъ, кого послать, кого епископомъ имѣть. „Ты, отецъ Варлаамъ, поѣзжай“, — заговорили всѣ въ одинъ голосъ. А онъ тому и радъ: давно желалъ архіерейства.

Варлаамъ поѣхалъ въ Яссы съ своими собственными и вѣтковскими деньгами. Видно, на деньги онъ уже очень надѣялся, — не хотѣлъ сми-

*) По другимъ, онъ посвященъ астраханскимъ архіереемъ, Лаврентіемъ Горкой, малороссіаниномъ.

**) Иона Курносый.

рить своего нрава и передъ митрополитомъ: говорилъ съ нимъ свысока, пускался въ многоглаголаніе, желая учить его; вообще велъ себя „съ бойствомъ и велерѣчіемъ“, какъ выражается Іона Курносый. Митрополитъ принялъ однако прошеніе Варлаама, принялъ и „подарунки“, то-есть подарки, конечно, не дешевые, были привѣтливъ и любезенъ съ грубымъ, высокомѣрнымъ, но щедрымъ и богатымъ просителемъ, и сказалъ ему: „Будь готовъ къ посвященію“. Варлаамъ сталъ готовиться. Осуществлялось давнишнее, усердное желаніе старообрядцевъ, исполнялось горячее желаніе властолюбиваго Варлаама. День хиротоніи былъ назначенъ. Наканунѣ призываетъ его митрополитъ и бесѣдуетъ съ нимъ наединѣ.

— Знаю, что ты изъ раскольниковъ, — говоритъ Антоній. — Но когда я посвящу тебя во епископы, какъ ты будешь меня разумѣть? Благочестивъ я или нѣтъ?

Варлаамъ помолчалъ и уклончиво отвѣчалъ митрополиту:

— Твое благочестіе съ тобой пребудетъ, а я въ чемъ стою, то со мной.

Антоній понялъ, въ чемъ дѣло, и оскорбился. Слово за слово, и закричалъ раздражительный грекъ:

— Такъ ты меня благочестивымъ не хочешь не только разумѣть, но даже назвать! Фельдшера сюда!

Фельдшеръ явился по зову, и митрополитъ, указывая на Варлаама, сказалъ:

— Обрей этому раскольнику и еретику бороду и волосы. А потомъ въ рудники его, въ шахты, въ оковы!.. Пусть, скованный, руду копасть.

И обрилъ фельдшеръ въ митрополичьихъ покояхъ честную брану Варлаама Казанскаго, и попалъ будущій вѣтковскій архіерей въ тюрьму. Посланные съ нимъ изъ Вѣтки, видя такой неожиданный оборотъ дѣла, перетрусили и не знали, что дѣлать и какъ быть. А падо же чѣмъ-нибудь пособить обриту кандидату во епископы. Стали ходить съ подарками къ яскимъ властямъ, стали ихъ улащать и просить, чтобы заступились за Варлаама, походатайствовали бы за него у грознаго митрополита. И едва умоленъ былъ Антоній: не послалъ Варлаама въ рудники. Избавившись отъ бѣды, онъ, съ товарищами и съ пустымъ чпагомъ, наскоро усакалъ изъ Молдавіи, пожилъ гдѣ-то въ укромномъ мѣстѣ и, когда отросла борода, пріѣхалъ въ Вѣтку. Тамъ, передъ соборомъ духовныхъ и мірскихъ, Варлаамъ и съ нимъ бывшіе рассказали все, что происходило въ Яссахъ. И не похвалили вѣтковцы Варлаама за то, что такъ отвѣчалъ митрополиту. „Ты все дѣло испортилъ“, — сказали они *).

Выбрали другого кандидата и послали въ Яссы.

*) Іона Курносый. Слова Антонія и Варлаама приведены буквально.

Сочиненія П. Мельникова. Т. VII.

Видя однако по двумъ неприятнымъ опытамъ, что дѣлу ихъ оттого больше уснѣха нѣтъ, что яскій митрополитъ затрудняется посвятить раскольника, вѣтковцы повелѣли посланному исполнить всѣ обряды, не принятые старообрядцами, и называть себя принадлежащимъ къ великороссійской церкви, только бы получить желаемое архіерејство.

„Послѣ исправу примешь и проклянешь ереси“, — говорили они на соборѣ смутившемуся кандидату.

Онъ затруднялся: человекъ былъ совѣтливый, какъ и оба его предшественника.

„Хоть присягу прими, — говорили ему вѣтковцы: — а не дѣлай такъ, какъ Варлаамъ: грѣхъ твой на всю церковь беремъ“.

И отправились въ Яссы.

По въ это самое время по старообрядческимъ общинамъ вдругъ усилились толки о поливательномъ крещеніи у грековъ и вообще въ заграничныхъ православныхъ церквахъ. Причиною того была изданная Теофаномъ Прокоповичемъ книга: „Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ“. Она возбудила сильные толки. „Стало-быть, справедливо, — заговорили старообрядцы даже и на Вѣткѣ: — что въ Малороссіи и въ грекахъ есть поливательное крещеніе, когда Теофанъ, самъ сущій поливанецъ, защищаетъ и похваляетъ таковое, святыми отцами не преданное крещеніе“. Много было отъ этой книги Прокоповича соблазна для православныхъ, а еще болѣе для раскольниковъ. Посланный вѣтковцами новый кандидатъ во епископы, прибывъ на мѣсто, сталъ прежде всего разыскивать, какъ крестятъ въ Молдавіи у грековъ: въ тѣрп погруженія или поливательно? Откуда родомъ Антоній и какъ онъ крещенъ? Вѣрно или невѣрно сказали ему, что яскій митрополитъ крещенъ поливательно? Не желая получить хиротоніи отъ обливанца, посланный воротился на Вѣтку и сказалъ, отчего онъ много не хлопоталъ о хиротоніи. Не поправилось и это на Вѣткѣ, гдѣ всѣмъ, и мірскимъ и духовнымъ, очень хотѣлось хоть какого-нибудь да своего архіерея. „Они, слышавши, прискорбни бѣша“, — говоритъ Іона Курносый.

IV.

Епископъ Епифаній.

Пока Стародубе и Вѣтка, не жалѣя ни денегъ ни трудовъ, хлопотали въ Яссахъ объ епископѣ, великороссійскіе старообрядцы нашли себѣ архіерея въ самой Москвѣ.

Въ концѣ 1731 года между московскими старообрядцами разнесся неясный вначалѣ слухъ, что при синодальной конторѣ содержится подъ арестомъ одинъ колодникъ, привезенный изъ Кіева, что хотятъ его послать куда-то далеко въ заточеніе, и что зтотъ загадочный колодникъ —

чуть ли не архіерей. Въ то время подобный слухъ не могъ показаться невѣроятнымъ: по вліянію Прокоповича, незадолго до того одинъ епископъ (Левъ воронежскій) съченъ былъ кнутомъ, а четверо (Игнатій коломенскій, Георгій ростовскій, Варлаамъ кіевскій, Сильвестръ казакскій) были лишены сана. Стали старообрядцы разубивать, какой это архіерей и за что онъ посаженъ. Начали они ходить въ синодальную контору и покупать у сторожей свиданія съ таинственнымъ лицомъ. Видятъ, — сидитъ старецъ въ оковахъ, небольшого роста, приземистый, толстый, съ блѣднымъ широкимъ лицомъ съ сѣрыми глазами, съ большою черною бородой и съ черными, съ просѣдою, волосами *).

— Кто ты такой? — спрашивали старообрядцы у колодника.

— Смиранный епископъ Епифаній, — отвѣчалъ онъ.

— За что же тебя посадили за приставы?

— За то, что въ Яссахъ, въ чужомъ государствѣ, посвящался.

— Какъ твое дѣло?

— Ссылають въ Соловецкій монастырь подь смиреніе **).

Это дѣйствительно былъ епископъ Епифаній, посвященный предмѣстникомъ уже извѣстнаго намъ Антонія, яскимъ митрополитомъ Георгіемъ. Вотъ похождения этого челоуѣка, чрезвычайно замѣчательнаго по превратности судьбы. Онъ былъ малороссіянинъ, родился въ Кіевѣ около 1685 года, учился въ школѣ при кіевскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, поступиць въ число монашествующей братіи Кіево-Печерской лавры и былъ нареченъ Епифаніемъ. По отцѣзвали его Яковлевичъ. Черезъ нѣсколько времени Епифаній былъ посвященъ въ іеромонахи. Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ былъ къ нему благосклоненъ, приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ экономомъ своего архіерейскаго дома ***). Будучи знатокомъ въ приказныхъ дѣлахъ, Епифаній завѣдывалъ въ то же время у Ванатовича и его канцеляріей. Были у него въ Кіевѣ близкіе родственники, все люди бѣдные, постоянно нуждавшіеся въ средствахъ къ жизни; онъ ихъ очень любилъ и почти все, что ни добывалъ, отдавалъ имъ. Къ тому же, хотя и монахъ, а грѣшный челоуѣкъ — охотникъ былъ до молоденькихъ женщинъ и притомъ любилъ выпить. На все это нужны были деньги и притомъ немалыя. И вотъ однажды послалъ архіепископъ Варлаамъ своего любимаго

*) Такъ примѣты его описаны въ указѣ св. синода 30 марта 1733 года.

**) Иона Курносый. Разговоръ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, удержанъ буквально.

***) Преосв. Макарій («Исторія русскаго раскола», стр. 301) говоритъ, что Епифаній былъ простой монахъ Козельскаго монастыря, но изъ дѣла, о немъ производившагося, изъ «Посланія керженскихъ отцовъ» (расколн. рукопись) и изъ Ионы Курносаго видно, что Епифаній былъ іеромонахомъ и экономомъ кіевского архіерейскаго дома. Н. И. Надеждинъ въ своемъ сочиненіи: «О заграничныхъ раскольникахъ» называетъ Епифанія монахомъ Кіево-Печерской лавры.

мага эконома въ Козельскій монастырь *) по какимъ-то хозяйственнымъ дѣламъ. Тамъ Епифаній положилъ въ свой карманъ 240 р. монастырской казны—сумма довольно значительная по тому времени. Эти деньги отдалъ онъ родитѣ. Въ то же время онъ обличень былъ въ растлѣніи одной дѣвушки **). Какъ ни любилъ Епифаній Варлаамъ, однако дѣлъ его замять никакъ не могъ: очень ужъ они огласились по Кіеву и произвели большой соблазнъ какъ въ Софійскомъ домѣ, такъ и въ лаврѣ. Началось слѣдствіе, но пока домашнее. Предвидя неизбежно дурной исходъ дѣла, Епифаній рѣшился лучше бѣжать куда-нибудь, чѣмъ быть разстриженнымъ или сидѣть въ лаврской тюрьмѣ. Должность эконома Софійскаго дома была весьма почетная; онъ имѣлъ большое вліяніе на духовенство всей обширной кіевской епархіи,—и вдругъ съ такого мѣста да въ тюрьму. Но куда бѣжать? Сыщутъ вездѣ. И рѣшился онъ направить стопы своя за границу. Изъ находившихся въ его вѣдѣніи дѣла кіевской митрополіи отрѣзалъ онъ на всякій случай отъ какой-то грамоты львовскаго (чтѣ въ Галиціи) православнаго епископа висулю печать, вырѣзалъ поддѣльную печать кіевского митрополита и съ ними отправился въ кіевскую губернскую канцелярію выправлять себѣ заграничный паспортъ, будто бы для осмотра зарубежныхъ домовыхъ вотчинъ митрополичьяго дома, бывшихъ неподалеку отъ Триполя ***). Какъ софійскому эконому, часто ѣздившему для осмотра зарубежныхъ вотчинъ, губернская канцелярія выдала ему паспортъ безпретензивно. Перебравшись благополучно за границу, Епифаній не зналъ, чтѣ затѣмъ ему дѣлать: зорно и небезопасно было ему воротиться въ Кіевъ; горько было также лишиться выгоднаго экономскаго мѣста и притомъ удалиться, быть-можетъ, навсегда, отъ роднаго мѣста и любимыхъ родственниковъ. Въ этомъ раздумьѣ пришла ему мысль—сдѣлаться *бродячимъ архіереемъ*. Въ то время, при полномъ господствѣ уни въ южно-русскихъ и западно-русскихъ областяхъ, бывшихъ подъ польскимъ владычествомъ, перѣдко встрѣчались безудѣльные православные епископы, которые, иногда съ разрѣшенія даже епархіальныхъ униатскихъ архіе-

*) Козельскій Георгіевскій монастырь въ четырехъ верстахъ отъ гор. Козельска, Черниговской губерніи, и въ 70 вер. отъ Кіева, на берегу рѣки Остра, основанъ въ 1654 году.

***) Въ «Дѣлѣ» объ Епифаніи сказано: «обличень въ блудодѣяніи», а у Ионы Курносаго: «за неурядки, пьянство и за растлѣніе насильно чистыя дѣвы, изъ священства и эконоства своими обливанцами извержена быша, и по изверженіи, по сердцу сказующа на своихъ важное дѣло, изловленъ и, сидѣвъ долго, приговоренъ къ розыску, и послѣшавшему милостивому указу отъ розыску и сиденія освобожденъ».

****) Мѣстечко Триполь въ Киевскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Днѣпра, на устьѣ рѣки Красной, извѣстно еще съ 1093 г. Самый Триполь принадлежалъ Россіи съ 1681 года, но митрополичьи маестности, близъ него находившіяся, были въ тогдашнихъ польскихъ еще владѣніяхъ. Теперь Триполь замѣчательнъ только живописнымъ видомъ, если подѣзжать къ нему изъ Кіева.

ресвъ, бродили по православнымъ приходамъ для отправленія богослуженія. Особенно такихъ епископовъ довольно много встрѣчалось въ Подолии, на Волыни и въ Галиціи, гдѣ населеніе было тогда почти сплошь православное, за исключеніемъ помѣщиковъ и шляхты. Уніаты и уніатскіе епископы съ пренебреженіемъ обращались съ этими „бискупами хлопской вѣры“, но въ крестьянскихъ (хлопскихъ) хатахъ для такихъ настырей всегда былъ готовъ искренній, радушный пріемъ. Для полученія епископскаго сана, Епифаній отправился въ Яссы, къ тамошнему митрополиту Георгію. Въ бессарабскомъ городѣ Сорокахъ написалъ онъ подложную грамоту отъ имени львовскаго православнаго епископа къ этому Георгію и привѣсилъ къ ней выкраденную въ Кіевѣ львовскую епископальную печать. Написалъ такія же подложныя грамоты будто бы отъ Варлаама Ванатовича къ яесскому митрополиту и молдавскому господарю и привѣсилъ къ нимъ подложныя, имъ вырѣзанныя еще въ Кіевѣ, печати. Представившись обоямъ въ Яссахъ, онъ показывалъ тому и другому тоже подложный, составленный будто бы жителями Чигирина, приговоръ о желаніи имѣть Епифанія у себя епископомъ. Въ подложной грамотѣ, писанной отъ имени Варлаама, Епифаній выражалъ то недовольство кіевлянъ, которое затаенно дѣйствительно существовало въ нихъ со времени отчисленія Кіева и Малороссіи изъ вѣдѣнія константинопольскаго патріарха. Учрежденіе святѣйшаго синода и изданіе „Духовнаго регламента“, въ которомъ находится немало антиканоническаго, еще болѣе усилило недовольство мѣстнаго духовенства. Прежде кіевскіе митрополиты были „экзархами патріаршаго орону“ и малымъ чѣмъ рознились отъ автокефальныхъ первостоятелей церквей. Теперь они были поставлены на ряду съ прочими архіереями и даже изъ митрополитовъ низведены на степень архіепископскую. Упразднивъ санъ патріарха, Петръ I уничтожалъ постепенно и митрополичьи кафедръ, такъ что къ апрѣлю 1724 года, по смерти Тихона казанскаго, во всей Россіи не было ни одного митрополита. Оставался въ живыхъ Сильвестръ смоленскій, — и его перевели въ Тверь епископомъ. Оскорбительно это было и вообще для русскаго духовенства, а для Кіева, гдѣ рядъ митрополитовъ восходилъ до дней самого св. Владиміра, это было больше чѣмъ оскорбленіе. Прежде въ Кіевѣ митрополитъ правилъ церковь самостоятельно, а теперь, по указу его императорскаго величества — изъ святѣйшаго правительствующаго синода. Прежде въ Кіевѣ сѣзжались къ митрополиту южно-русскіе православные епископы, теперь кіевскій владыка самъ долженъ былъ ѣздить не на соборъ, а на чреду священнослуженія въ далекій и новый Петербургъ. Членами святѣйшаго синода были не только архіерей, но и архимандриты, даже протопопы и іеромонахи *), между тѣмъ какъ архіереи первенствовавшей со дней

*) Напримѣръ: Иваць, протопопъ Троицкой церкви въ Петербургѣ, по 1723 годъ; Петръ, протопопъ Петропавловской крѣпости, по 1726; іеромо-

св. Владиміра кафедръ не были синодальными членами и находились въ зависимости не только отъ великорусскихъ архіереевъ, но и отъ петербургскихъ протопоповъ. Все это въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ расписалъ Епифаній въ подложномъ письмѣ отъ Ванатовича. „Избраніе во епископа, по правиламъ апостольскимъ и св. вселенскихъ соборовъ, — писалъ онъ: — должно происходить въ присутствіи *митрополита*, какъ 19 правило святаго Антіохійскаго помѣстнаго собора повелѣваетъ. По 4 правилу перваго вселенскаго собора, утверждати епископа долѣтъ *митрополиту*, и тогда лишь совершается рукоположеніе. Поставленный же *безъ соизволенія митрополита* не долженъ быть епископомъ по 6 правилу перваго вселенскаго, чѣдъ въ Никееѣ, собора. А у насъ нѣтъ митрополита нигдѣ, во всей Великой и Малой Россіи, и азъ, смиренный владыка и пастырь святыхъ славныхъ и великихъ церкви кіевскія и всея Малой Россіи — точию *архіепископъ*, власти епископы поставлять, по божественному писанію, не имѣю“. Въ заключеніе присоединена была просьба *архіепископа* Ванатовича къ *митрополиту* Георгію совершить епископомъ Епифанія, мужа благоговѣйна, съ давняго времени испытанна въ словѣ вѣры и въ житіи, сообразномъ правому слову, какъ подобаеть по 12 правилу Лаодикійскаго помѣстнаго собора, безбрачнаго же и промеднаго низшія степени служенія благоговѣино и незаворно. Цѣль посвященія Епифанія во епископы объявлялась тѣмъ, чтобъ онъ могъ рукополагать во священники и дьяконы для зарубежныхъ приходовъ кіевской митрополіи, о которыхъ и знать не хотѣли ни петербургскій синодъ ни великороссійскія власти.

Посланіе, въ такомъ духѣ написанное, не могло не польстить самолюбію молдавлахійскаго митрополита. Подкрѣплено оно было „великими подарунками“, которые, по свидѣтельству Ивана Алексѣева, поднесъ Епифаній и митрополиту и господарю *). Кіевскій экономъ достигъ желаемаго: въ яскомъ кафедральномъ соборѣ 22-го іюля 1724 года Георгій возложилъ на него омофоръ. Получивъ епископскій санъ, Епифаній писалъ къ львовскому и владимірскому (на Волини) уніатскимъ епископамъ, прося ихъ позволенія жить въ ихъ епархіяхъ и посвящать въ попы, и затѣмъ отправился въ Украину. Здѣсь онъ познакомился съ раскольниками, которые, нуждаясь въ священникахъ, просили Епифанія посвящать избранныхъ ими лицъ. Епифаній согласился, разумѣется, не даромъ, и въ продолженіе какого-нибудь мѣсяца поставилъ имъ 14 поповъ и дьяконовъ. Въ сентябрѣ того же 1724 года онъ былъ схваченъ

нахъ Варлаамъ Овсянниковъ, впоследствии лишенный сана; іеромонахъ Теофілъ Кроликъ; іеромонахъ Анастасій Кондонди, грекъ, выѣхавшій изъ Молдавіи съ княземъ Кантеміромъ, до 1728 года; протопопъ Иванъ московскаго Успенскаго собора съ 1730 по 1733 годъ; протопопы московскаго Благовѣщенскаго собора: Иванъ (1730—1737), Петръ (1738—1747).

*) «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», въ «Лѣтописяхъ русск. ист. и древн.», т. IV, смѣсь, стр. 65.

людьми прежняго своего благодѣтеля Ванатовича и посаженъ подъ арестъ въ Кіевѣ.

Кіевскій архієпископъ донесъ объ Елифаніи святѣйшему синоду. Синодъ потребоваль его въ Петербургъ. Весной 1725 года Елифанія былъ привезенъ въ столицу; но не до него тогда было святѣйшему синоду: вступленіе на престолъ Екатерины I и процессъ новгородскаго митрополита Θεодосія на нѣкоторое время отдалили рѣшеніе его дѣла. Сентября 3-го наконецъ синодъ лишилъ Елифанію священства и монашества и, какъ мірянина, передалъ гражданскому суду въ юстицъ-коллегии. И здѣсь дѣло продолжалось немалое время: лишь въ іюнѣ слѣдующаго 1726 года послѣдовалъ о немъ приговоръ „высокаго сената“, по которому „велико онаго Елифанія для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императорскаго величества (Петра I) *), по мнѣнію юстицъ-коллегии, отъ розыска и наказанія учинить свободна; только за оныя его важныя вины на волю его не освобождать, но сослать въ Соловецкій монастырь и держать тамо до смерти неисходно и употреблять въ работу, въ какую будетъ удобенъ“ **).

*) А не Екатерины I (ум. 1727), какъ сказано у преосвященнаго Макарія въ «Исторія русскаго раскола», стр. 302.

**) Исслѣдованіе поступковъ Елифанія производилось въ святѣйшемъ синодѣ, и перечень ихъ отосланъ въ сентябрѣ 1725 г. въ юстицъ-коллегію. Вотъ онъ: «1) Будучи въ Кіевской епархіи, въ Козельскомъ монастырѣ забралъ монастырской казны 240 рублей и родственникамъ своимъ роздалъ монастырское имущество. 2) Обличенъ въ блудодѣяніи. 3) Взялъ изъ кіевской канцеляріи паспортъ о пропускѣ его на заставѣ черезъ караулъ, будто до Триполя для смотрѣнія домовою вотчины, и, проѣхавъ караулъ, бѣжалъ за границу лодкой. 4) За Днѣпромъ, будучи въ городѣ Сорокѣ, писалъ своеручно письмо отъ лица кіевского архієрея къ ясскому митрополиту, чтобы тотъ посвятилъ его во епископы, и именемъ его подъ тѣмъ письмомъ подписался и печать софійскую нарисоваль и вырѣзалъ, и то письмо самъ воровски запечаталъ. Также другія фальшивыя письма писалъ, будто люди города Чигиряна жаждутъ и просятъ его къ себѣ во епископы. 5) Въ томъ же письмѣ написалъ онъ ложныя на св. синодъ клеветы, а именно: все-де духовенство на Украинѣ жаждетъ попрежнему митрополита, а св. синодъ, невѣдомо чего ради, убавилъ чести митрополита кіевскаго и учинилъ архієпископство, запретилъ-де во всей Россіи за патриарховъ молитися и почитать ихъ, а наипаче-де отъ синода установлено — кіевскому архієрею ѣздить къ Москвѣ на годовую священнослуженія чреду; а въ Кіевѣ-де для постановленія поповъ быть некому. 6) Пріѣхавъ въ Яссы, подалъ вышеписанному митрополиту оное письмо своеручно, имъ самимъ писанное, и тѣмъ митрополитомъ по тому письму во епископы на Украину, въ Чигиринъ въ 1724 году, іюля 22-го дня посвященъ. 7) Отѣхавъ отъ того митрополита изъ Яссъ, посвятилъ на Украинѣ въ іеродіакопъ и поповъ больше четырнадцати человекъ раскольниковъ. 8) Онъ же, будучи въ Волосской землѣ, писалъ ко львовскому и володимірскому епископамъ письма, — а оныя епископы униаты, — рекомендуя себя подъ ихъ протекцію и прося о позволеніи житія въ ихъ епархіяхъ, для посвященія въ попы». Все это составлено на основаніи сношеній съ яскимъ митрополитомъ кіевского архієпископа, которому синодъ велѣлъ войти въ эти сношенія. Въ архивѣ св. синода дѣла объ Елифаніи нѣтъ: оно находится въ сенат-

леги препроводили Епифанія въ синодъ, и черезъ семнадцать дней послѣ сенатскаго приговора синодъ, или, вѣрнѣе, Оеофанъ Прокоповичъ, еще разъ помиловалъ земляка своего: для того же поминовенія Петра I, вѣдно было возвратить ему клубукъ и камилавку и быть попрежнему монахомъ.

Въ Соловкахъ прожилъ Епифаній почти три года, въ числѣ монастырской братіи. Не сидѣлось нылкому чернецу на уединенномъ островѣ Вѣлаго моря. Исполнилось пять лѣтъ, какъ онъ все сидѣлъ да сидѣлъ въ заточеніи то въ Кіевской лаврѣ, то въ Петербургской крѣпости, то на Соловецкомъ островѣ, гдѣ хотя и пользовался свободой, но ни подѣ какимъ предлогомъ не могъ съѣзжать на материкъ. Тянуло чернеца на волю, туда, на далекій югъ, на берега дѣвировскіе, въ Кіевъ, гдѣ бы можно было повидаться съ горячо любимыми родственниками, въ Задупровскую Украину, гдѣ бы можно было снова архіерействовать. Каждое лѣто, какъ извѣстно, на Соловецкій островъ стекается множество богомольцевъ на поклоненіе свв. Зосимъ и Савватію. Толпами приплываютъ они въ монастырь на карбасахъ, толпами и отплываютъ на матерую землю. Какъ-то, удчивъ удобное время, Епифаній, въ іюлѣ 1729 года, вмѣшался въ толпу отѣѣзжавшихъ богомольцевъ и благополучно переправился на материкъ. Въ Соловкахъ его хватились; началась тревога, послали погоню, но Епифанія и слѣдъ простыли. Много труда и немало лишеній принять онъ, страствуя по архангельскимъ пустынямъ, бродя окольными путями, для избѣжанія поисковъ, наконецъ присталъ къ богомольцамъ, которые, помолясь въ Соловкахъ, шли на другой конецъ Россіи поклониться святой Кіево-Печерской лаврѣ и кіевскимъ печерскимъ угодникамъ. Въ Кіевѣ Епифаній былъ тайно принятъ своими родными, съ которыми такъ давно не видался, о которыхъ изболѣло его сердце и въ Петропавловской крѣпости и на Соловецкомъ островѣ. Долго оставаться въ Кіевѣ ему было опасно, и опять пошелъ онъ знакомыми дорогами за рубежъ, а одѣтъ былъ въ монашеское платье и скрывался іеромонахомъ Софійскаго дома, Антошіемъ. Пришелъ онъ на заставу и ужъ получилъ-было дозволеніе на пропускъ, но дѣло вдругъ приняло неожиданный оборотъ. Въ то время, какъ Епифаній говорилъ съ заставнымъ офицеромъ, въ заставномъ домѣ прилучился одинъ монахъ Красногорскаго Зазуловскаго монастыря *), который, на бѣду нашего странника, лично зналъ и Антонія и самого Епифанія. Зазуловскій монахъ сказалъ тихонько офицеру, что прохожій его

скомъ архивѣ. Выдержки изъ него напечатаны у Андрея Іоаннова Журавлева («Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 228 — 243), но Андрей Іоанновъ, повидимому, замѣствовалъ его изъ кіевского консисторскаго архива.

*) Красногорскій Зазуловскій монастырь находился въ подгородной города Золотоноши (Полтавской губерніи) слободѣ, Зазуловкѣ. Упраздненъ въ 1786 году.

обмануть хотеть, что онъ вовсе не Антоній, а извѣстный Епифаній, что онъ взятъ былъ въ Петербургъ и по суду заточенъ въ Соловки. Епифанія задержали на форпостѣ и отправили подъ крѣпкимъ карауломъ въ Кіевъ. Здѣсь началось о бѣглецѣ новое дѣло. Почему-то не сочли нужнымъ или возможнымъ держать его подъ стражей въ Кіевѣ; отправили въ Переяславль и посадили въ тамошнемъ Михайловскомъ монастырѣ^{*)}. Здѣсь монастырская братія была вся знакома бывшему кіевскому отцу-законому: все друзья да пріятели, помнившіе хлѣбъ-соль Епифанія, когда онъ былъ во времени. Надзоръ за нимъ былъ слабъ, больше все кутили смиренные иноки, поминаючи прежнее житье-бытье Епифанія, ублажая своего „братчика“ и браня, на чемъ свѣтъ стоитъ, правительство за то, что оно унижаетъ духовенство и вздумало еще вмѣшиваться въ управленіе монастырскими вотчинами, во что не только что гетманы, да и сами короли польскіе, за ихъ панованье въ Кіевѣ, не вмѣшивались. Съ вѣдома ли, безъ вѣдома ли добрыхъ своихъ пріятелей, Епифаній изъ монастыря „утікъ“. Выбравшись благополучно изъ Переяславля, перешелъ онъ и руближъ, спустившись по Днѣпру на лодкѣ. Въ Заднѣпровской Украинѣ, въ вотчинахъ Пустынно-Николаевскаго монастыря^{**)}, началъ онъ-было ужъ и обѣдни по-архіерейски служить, но отслужилъ ихъ не очень много. Его схватили и опять привезли въ Кіевъ. Дѣло его, по обыкновенію, тянулось, и не ранѣе 1731 года Епифаній, по требованію святѣйшаго синода, отправленъ былъ въ Москву, гдѣ и посаженъ подъ арестъ въ синодальной конторѣ, въ арестантской, по-тогдашнему названію—въ „бѣдности“. Въ этой „бѣдности“ содержался чигиринскій епископъ цѣлые полтора года: съ ноября 1731 до половины февраля 1733 г. Въ это время и познакомились съ нимъ московскіе старо-обрядцы.

— Хочешь ли ты къ намъ?—спрашивали они Епифанія.

— Куда?

— У насъ есть монастырь въ Польнѣ. Слыхалъ ли? На Вѣткѣ.

— Да вѣдъ вы расколыники?

— Мы только по старопечатнымъ книгамъ послѣдуемъ.

И пошли толки, и совѣщанія, и соглашенія. Все, какъ водится.

*) Михайловскій монастырь былъ въ городѣ Переяславлѣ (Полтавской губерніи). Основанъ въ 1069 году и былъ въ XI и XII ст. престольною митрополіей кіевскою, ибо кіевскіе митрополиты тогда жили болѣе въ Переяславлѣ, да и монастырь Михайловскій былъ въ то время гораздо лучше Кіево-Печерской лавры. Потомъ онъ былъ каедральнымъ монастыремъ епископовъ переяславскихъ,—теперь же городской соборъ уѣзднаго города.

***) Пустынно-Николаевскій монастырь находился въ Кіевѣ, на берегу Днѣпра. Онъ основанъ св. Владиміромъ тотчасъ по принятіи христіанства. Во время отъема монастырскихъ имуществъ, оставленъ первокласснымъ, а въ 1831 году императоромъ Николаемъ I переданъ въ вѣдѣніе кіевскаго коменданта съ переименованіемъ сей древней обители въ *военный* соборъ. Братія при этой церемоніи переведена въ Кіево-Слуцскій монастырь.

Задумался Епифаній. Какъ ни противны были ему церковные отщепенцы, но впереди ему были двѣ дороги: въ Соловецкую тюрьму, изъ которой ужъ вѣтъкъ не убѣжать, и архіерейство, богатство и — что для него важнѣе всего — возможность помогать своимъ бѣднымъ кіевскимъ родственникамъ. Для нихъ онъ готовъ былъ на все.

Приходили къ нему старообрядцы не разъ и не два и все соблазняли на переходъ въ расколъ. Епифаній, не любившій раскольниковъ, долго колебался.

— Хорошо бы такъ, какъ говорите вы, — сказалъ онъ наконецъ. — Но какъ же тому быть? Вѣдь я подѣ судомъ и подѣ неволею.

— Ты только дай намъ слово, что хочешь къ намъ, — отвѣчали ему: — только согласишься быть нашимъ епископомъ, а ужъ на волѣ будешь. Это дѣло наше *).

Епифаній согласился и далъ слово. И стали ходить къ нему въ „бѣдность“ каждый день московскіе старообрядцы и благословенія отъ него просили. „Онъ же приходящихъ къ нему всякаго чина людей благословлялъ и отиравлялъ въ епитрахили часы по чину священническому“ **). Старообрядцы учили непривычнаго кіевлянина своимъ старымъ обрядамъ, чтобы послѣ, когда будетъ священнодѣйствовать на вѣтъкѣ, не произвелъ онъ какого-нибудь соблазна никоніанскимъ своимъ служеніемъ.

Вмѣстѣ съ Епифаніемъ содержался въ московской синодальной „бѣдности“ архимандритъ Спасо-Преображенскаго, что въ Казанскомъ кремлѣ, монастыря, отецъ Питиримъ ***). Онъ видѣлъ и слышалъ все

*) Разговоръ изъ Ионы Курносаго.

***) Дѣло юстицъ-коллегіи въ сенатскомъ архивѣ.

****) Питиримъ былъ келейникъ митрополита казанскаго Сильвестра, бывшаго изъ роду Волинскихъ, восьмидесятилѣтняго старика, враждовавшаго съ казанскимъ губернаторомъ, едва ли не родственникомъ своимъ, извѣстнымъ Артеміемъ Петровичемъ Волинскимъ. Сильвестръ былъ подчиненъ вліянію Питирима. Членъ святѣйшаго синода (1725—1735), архимандритъ Спасо-Преображенскаго въ Казани монастыря Иона (потомъ разстрига Іоасафъ Сальникѣвъ) былъ обличенъ Сильвестромъ въ расхищеніи монастырскаго имущества. Питиримъ во время производства надъ Іоною слѣдствія, по словамъ Арт. Петр. Волинскаго, который называлъ его плутомъ, «неправильно выписки сочинилъ и подъячихъ архіерейскаго приказа справлявать неволею и страхомъ принудилъ». Сильвестръ этого любимца своего назначилъ на мѣсто Ионы Сальникѣва архимандритомъ Спасо-Преображенскаго монастыря. Вражда двухъ Волинскихъ, казанскаго губернатора и митрополита, происходила въ 1730 году. Въ это время въ синодѣ производилось дѣло о воронежскомъ епископѣ Львѣ Юрловѣ. По пропискамъ всемогущаго тогда Прокоповича, къ этому дѣлу былъ привлеченъ членъ синода, коломенскій митрополитъ Игнатій (Смола), который «за медленіе дѣла о Львѣ Юрловѣ», по лишеніи сана, былъ посланъ въ Свіяжскій монастырь Казанской епархіи. Здѣсь Сильвестръ, митрополитъ и наперникъ его Питиримъ обращались съ Игнатіемъ не какъ съ разстригою, а какъ съ архіереемъ, при чемъ однажды Сильвестръ, порицаи дѣйствія Анны Іоанновны, низложившей при самомъ началѣ царствованія

и репертоваль обо всемъ по начальству. Это было 26 іюня 1732 года. Епифанія съ тѣхъ поръ стали держать строже, по деньги старообрядцевъ были, видно, сильнѣе доносовъ Птиримовыхъ и попрежнему доставляли богатымъ старообрядцамъ доступъ въ „бѣдности“ къ будущему ихъ архипастырю.

8 января 1733 года состоялось въ Москвѣ рѣшеніе по дѣлу Епифанія. Вотъ оно: „Монаха Епифана Яковлева, учиня ему жестокое наказаніе плетьми, отослать въ Соловецкій монастырь *на его коштѣ* и тамо содержать его всегда скована, не выпуская отнюдь изъ монастыря, и о томъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода конторы въ С.-Петербургу святѣйшему правительствующему синоду вѣдѣніе того же января 9 дня сообщено“.

Въ Петербургѣ взглянули на дѣло Епифанія гораздо строже. „Февраля 22, святѣйшій правительствующій синодъ, разсуждавъ онаго Епифанія вины, и что уже за показанными къ нему, какъ бы святѣйшаго правительствующаго синода милосердіями, дерзнулъ изъ онаго Соловецкаго монастыря уйти, и съ немалымъ трудомъ пойманъ, и чтобы потому-жь и нынѣ обыкновенной утечки учинить не могъ, *приказали*: синодальное января 8 дня объ ономъ монахѣ Епифаніи опредѣленіе отмѣнить и его, Епифанія, паки въ Москву, въ канцелярію святѣйшаго синода возвратить; и, по возвращеніи, за продерзости его, монашескаго чина лишитъ, и съ прописаніемъ всеѣхъ винъ его отослать въ свѣтскій судъ, для ссылки на сибирскіе горные заводы въ вѣчную работу, при указѣ, безъ продолженія времени“. Вѣдѣніе изъ синода послано въ Москву 26 февраля, получено 5 марта. Но Епифаній въ это время скакалъ уже па перемѣнныхъ, подставныхъ лошадяхъ въ зарубежную Вѣтку.

Московскіе старообрядцы снеслись съ вѣтковцами о согласіи Епифанія перейти въ расколъ, сдѣлаться архипастыремъ всего старообрядства. Вѣтковскій игумень Власій и все тамошнее общество духовныхъ и мірекихъ было очень радо, тѣмъ болѣе, что водвореніе у нихъ Епифанія, какъ они надѣялись, скрѣпило бы тѣснѣе московскихъ старообрядцевъ съ вѣтковскими, въ то время, по причинѣ нѣкоторыхъ обрядовыхъ споровъ, замѣтно поколебавшееся. Московскіе употребили все зависѣвшія отъ нихъ средства и немалыя деньги, чтобы приговоръ надъ Епифаніемъ былъ немедленно исполненъ. Епифанія высѣкли плетьми и

четырехъ архіереевъ (Льва воронежскаго, Игнатія коломенскаго, Георгія ростовскаго, Варлаама кievскаго), выразился рѣзко. За это онъ отправленъ былъ въ Петербургъ, гдѣ 31-го декабря 1731 г. низложенъ и заточенъ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ и умеръ. Его несчастію много содѣйствовалъ врагъ его, тогда сильный Артемій Вольнскій. Птирижъ же, наперникъ Сильвестра, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ и содержался при конторѣ синода одновременно съ Епифаніемъ (см. «Дѣло святѣйшаго синода о воронежскомъ епископѣ Львѣ»). Ср. «Чтеніе Императорскаго Москов. Общ. Исторіи и Древностей», 1861 года, IV, сѣнь, стр. 125 и 126).

послали въ Соловки, не дожидаясь отвѣта изъ Петербурга. Это было 14 февраля.

Замѣтательно, что Епифанія, высѣченного плетьюми, везуть въ Соловки на его счетъ, не по пересылкѣ, какъ обыкновенно отправляли подобныхъ людей, а на ночтовыхъ лошадахъ (ямскихъ подводахъ). Правда, его везли скованнаго, подъ карауломъ двухъ солдатъ (Николая Лапандина и Семена Честнова), но везли на *двухъ* подводахъ: на одной сидѣлъ Епифаній съ солдатомъ, на другой его имущество съ другимъ караульнымъ. Не такъ возили въ то время другихъ, посылаемыхъ въ ссылку людей. Вѣроятно, все было предусмотрено и предупреждено старообрядцами.

Повезли Епифанія на Ярославль. Нѣсколько старообрядцевъ, у которыхъ за атамана былъ нѣкто Артемій Андреевъ, на вольныхъ лошадахъ, запряженныхъ въ кибитки парами, выѣзжали изъ Москвы одновременно съ пересыльнымъ Епифаніемъ. Дорѣгой они сказывались купцами и такъ пригоняли время, чтобы каждый разъ останавливаться на ночлегъ на одномъ постояломъ дворѣ съ колодникомъ. Тогда этаповъ еще не было: по селамъ и деревнямъ, да и въ самыхъ городахъ, пересылаемыхъ колодниковъ обыкновенно помѣщали въ частныхъ домахъ, большею частью на тѣхъ же постоянныхъ дворахъ, на которыхъ останавливались и проѣзжавшіе по своимъ надобностямъ. Такимъ образомъ и доѣхали старообрядцы до Ярославля, гдѣ и почевали вмѣстѣ съ Епифаніемъ съ 16 на 17 февраля. Чѣмъ свѣтъ поднялись они и выѣхали изъ Ярославля часами тремя раньше Епифанія. Не доѣзжая первой станціи по вологодскому тракту, Вокшерскаго-Яму, они своротили въ сторону, въ Коломинскій лѣсъ *), верстахъ въ 25 отъ Ярославля, и заѣхали вблизи дороги. Одна пара съ мнимыми купцами осталась въ Ярославлѣ и выѣхала изъ города вмѣстѣ съ Епифаніемъ. Ъхала она впереди. Зима тогда была снѣжная, вьюжная, въ февралѣ нанесло большіе сугробы; дорога изъ Ярославля въ Вологду была узенькая: ѣздили по ней гуськомъ. Когда доѣхали до условленнаго мѣста засады,—а это было на разсвѣтѣ,—передняя пара остановилась, старообрядцы поставили свою кибитку поперекъ дороги и вывернули оглоблю. Наѣзжаютъ повозки съ Епифаніемъ и солдатами. Ни разѣхаться ни объѣхать нельзя. Ямщикъ Дмитрій Ивановъ, везшій Епифанія, закричалъ: „Ярочъ съ дороги! Чтѣ сталъ?“ Начались обычныя перебранки. Вдругъ, слышавъ крикъ Дмитрія Иванова, высылали старообрядцы изъ-за лѣса,

*) Деревня Вокшерскій-Ямъ, подлѣ села Сандырева, находится въ Романовскомъ уѣздѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Ярославля. Коломинскій (а не Коломенскій, какъ у преев. Макарія въ «Исторіи русскаго раскола», стр. 302) лѣсъ и волокъ начинаются верстахъ въ 18-ти отъ Ярославля. Деревня Коломино, по имени которой лѣсъ этотъ называется, вправо отъ большой ярославско-вологодской дороги, на границѣ Ярославскаго и Романовскаго уѣздовъ. На специальной картѣ Шуберта она есть.

кто съ дубиной, кто съ колыями. А атаманъ мнимыхъ разбойниковъ, Артёмій Андреевъ, былъ впереди и кричалъ:

— Коли ихъ! Руби заvertки! Руби гужи! Вяжи солдатъ!

Окружили повозку; солдаты не защищались. Дмитрій Ивановъ и другой ямщикъ, Иванъ Ивановъ, стояли у лошадей, понутивъ головы. Дѣлать было нечего: разбойниковъ много.

— Эй, ты, голоусый!—крикнулъ Артёмій Андреевъ солдату.—Кто у васъ тутъ сидитъ?

Солдатъ не отвѣчалъ; Артёмій хватилъ дубиной по кибиткѣ и крикнулъ ясакъ:

— Лишпы, шомуйке! *).

Мнимые разбойники мигомъ выбрали изъ повозки имущество Епифанія. Вытащили и его самого.

*) Это на такъ-называемомъ тарабарскомъ языкѣ, который въ извѣстныхъ случаяхъ, а также и въ перенискѣ, до сихъ поръ употребляется раскольниками. Это тотъ же русскій языкъ, но согласныя буквы въ каждомъ словѣ замѣняются одиѣ другими, гласныя остаются тѣ же. Вотъ ключъ тарабарскаго языка:

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н,
щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п.

Надобно брать б вмѣсто ш, щ вмѣсто б, в вмѣсто ш и т. д. Есть люди, бѣгло говоряще на этомъ языкѣ. Тарабарскій языкъ давно у насъ въ употребленіи: есть памятникъ его, относящійся даже къ XV вѣку (см. Востокова, «Описаніе Румянцевскаго музея», стр. 255). *Лишпы! шомуйке! свиньи! воруйте!* Нынѣ раскольники для секретной переписки, а иные и устно, употребляютъ три тайные языка: *тарабарскій, офенскій* и *иносказательный*. Офенскій—это языкъ ходебщиковъ, трипичниковъ, вязниковцевъ, которые съ тесемочками, пуговками и всякимъ другимъ мелочнымъ товаромъ кустарной промышленности ходятъ по Россіи отъ Кяхты до Варшавы. Языкъ этотъ образовался болѣе 150 лѣтъ и раздѣляется на нѣсколько вѣтвей: собственно *офенскій* (во Владимірской губерніи), *галиванскій* (въ Галичѣ, Костромской губерніи) и *матрайскій* (въ Нижегородской и Рязанской губерніяхъ). Языкъ этотъ, подобно языку петербургскихъ мазуриковъ, приволжскихъ праховъ и т. п., искусственный: слова придуманы (напримѣръ. *Стосъ*—Богъ, *грутсецъ*—отецъ, *возранъ*—городъ), а грамматика русская. Въ иносказательномъ языкѣ каждое слово имѣть не прямое, а другое, условное значеніе. Нерѣдко соединяютъ иносказательный языкъ съ тарабарскимъ. Для разговора на такомъ языкѣ нужно необыкновенно быстрое соображеніе. Вотъ примѣръ двойного тайнаго языка раскольниковъ: «ры туниси досъ ца лымюу, имолувиси на мочохтажъ и лыгнаси шъ дудѣтъ». По переводу съ тарабарскаго языка это будетъ: «мы купили соль, да сырую, просушили на рогожкахъ и ссыпали въ сусѣкъ». На иносказательномъ языкѣ *соль* значить священникъ (вы есте соль земли), *сырая* — неисправленный, великороссійскій, *сушитъ* — исправить, совершить приемъ бѣлаго попа, *рогожка* — Рогожское кладбище въ Москвѣ, *ссыпать*—помѣстять, водворить, *сусѣкъ*—часовня, молельная. Такимъ образомъ приведенная фраза означаетъ: «мы достали попа, но не исправленного, исправили его въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и помѣстили при часовнѣ». Иногда, но это уже только въ письмѣ, употребляется тройное тайнописаніе, т.-е. и тарабарское, и иносказательное, и офенское.

— Заколоть его!—крикнулъ Артемій Андреевъ.

На Епифанія бросились.

— Пстой, пстой!—крикнулъ атаманъ.—Здѣсь, па дорогѣ, нельзя: кровь на снѣгу замѣтять.

И, бросивъ въ сани колодника, умчали его въ лѣсъ. Остались на дорогѣ два солдата да два ямщика, и сначала придумать не могли, что это за разбойники, что у нихъ колодника отбили, а рѣзать въ лѣсъ утащили *).

На другой день, т.-е. 18 февраля, и солдаты и ямщики явились въ ярославскую провинціальную канцелярію. Оба солдата и ямщикъ Иванъ Ивановъ показали, что у нихъ Епифанія воровскіе люди отбили, а ихъ, солдатъ, били и увѣчили. Другой же ямщикъ, Дмитрій Ивановъ, на допросѣ показалъ и на очныхъ ставкахъ уличалъ солдатъ и своего товарища, что они Епифанія отпустили своею волею, а воровскіе люди того колодника не отбивали, и воровскихъ людей они не видали. Изъ этого можно заключить, что Честновъ и Лашандинъ были подкушлены старообрядцами, а также и ямщикъ Иванъ Ивановъ. Солдатъ отправили въ Петербургъ, въ синодъ, „для подлиннаго слѣдствія“; затѣмъ виновные были преданы военному суду, наказаны шпицрутенами и сосланы въ „сибирскіе гарнизоны“.

Между тѣмъ какъ изъ синода по вѣсьмъ епархіальнымъ архіереямъ и по вѣсьмъ ставропигіальнымъ монастырямъ разсылались циркулярные указы (30 марта) „о крѣпкомъ колодника старца Епифанія во вѣсьхъ мѣстахъ разысканіи, о поимкѣ и о присылкѣ его въ св. синодъ, въ Москву, подъ опаснымъ и добрымъ конвоемъ“, — Епифаній былъ уже за рубежомъ. Везли его однако не торомясь: больше трехъ мѣсяцевъ. Отбили его 18 февраля, а доставили вѣтковскимъ отцамъ 28 мая. Вѣроятно, опасаясь розысковъ по горячимъ слѣдамъ, держали Епифанія гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, въ самой ли Москвѣ, или въ ея окрестностяхъ, а когда опасность поимки на дорогѣ миновалась, повезли свою добычу за рубежъ. На Вѣткѣ были рады дорогому гостю. Игуменъ Власій и Варлаамъ Казанскій, уже отростившій бороду въ прежнюю мѣру, думали: „ну, теперь онъ насъ во епископы поставитъ“. Монахи вѣтковскіе тому были рады, что теперь, при архіереѣ, монастырь ихъ еще больше процвѣтетъ, прославится и разбогатѣетъ отъ подаяній, какъ изъ Россіи, такъ и отъ зарубежныхъ старообрядцевъ. Рады были и причетники и бѣльцы: „поставитъ, говорили, насъ владыка святой въ попы, и жены наши матушки-попадѣи будутъ“. Но тогда же среди мірянъ и другія рѣчи слышались. „Епифанъ родомъ изъ Кіева, — говорили они:—мнится, не обливанецъ ли онъ, не опоганитъ бы намъ души свои его архіерействомъ“. Вообще водвореніе епископа на Вѣткѣ было, по видимому, дѣломъ одного старообрядческаго духовенства — монаховъ,

*) Иона Курносый. Разговоры и крики удержаны буквально.

поповъ и причетниковъ. Міряне, кажется, были въ сторонѣ. Поэтому-то вѣтковскіе отцы и не держали пока Епифанія въ самой Вѣткѣ, а помѣстили его въ какой-то пустынкѣ, бывшей неподалеку. Пришлось старцу, уже девять лѣтъ переходившему изъ тюрьмы въ тюрьму, и здѣсь жить болѣе года почти какъ въ темничномъ заключеніи. Скучно было ему; не такой жизни онъ ожидалъ. До того была ему тяжела такая жизнь, что онъ, просидѣвъ цѣлый годъ въ пустынкѣ, писалъ въ Кіевъ письма, прося взять его отъ раскольниковъ и предавая себя въ руки правительства. Письма эти, посланныя лѣтомъ 1734 года, разумѣется, секретно и отъ мірянъ и отъ вѣтковскихъ отцовъ, имѣли, какъ увидимъ, весьма важныя послѣдствія; но, не получая на нихъ долго отвѣта и даже не зная навѣрное, дошли ли они по назначенію, Епифаній покорился своей участи.

Между тѣмъ міряне, провѣдавъ, что сидитъ въ пустынкѣ архіерей, привезенный московскими старообрядцами изъ Ярославля, стали ходить къ нему и допытываться, кто онъ такой, откуда, какого града былъ епископомъ, и, слыша его малороссійское произношеніе, тотчасъ же спрашивали: „А тебя какъ крестили? Обливали или погружали въ три погруженія?“

А Епифаній дѣйствительно, какъ кажется, былъ крещенъ обливательнымъ крещеніемъ; и такъ какъ былъ онъ человѣкъ простодушный, безхитростный, и могъ, пожалуй, паговорить приходящимъ и такого, отъ чего по людямъ пошла бы большая молва и крамола, то главные затѣйщики дѣла, московскіе старообрядцы, чтѣ отбивали его въ Коломинскомъ лѣсу и привезли за рубежь, учили его, какъ отвѣчать любознательнымъ и чтѣ говорить въ оедосіевой, вѣтковской церкви, когда его будутъ принимать и исправлять. „Когда будутъ тебя вопрошать: како крещенъ, обливанъ ли или погруженъ, то скажи: „погруженъ“; а вопросятъ: ты какъ вѣдаешь?—скажи: малыя дѣти, на улицѣ играя, „утопленникомъ“ дразнили, и отецъ и мать дразнили сызмаленька „утопленникомъ“ *).

Былъ созванъ соборъ на Вѣткѣ въ тамошнемъ монастырѣ. Игуменъ Власій предѣдательствовалъ, засѣдали священно-иноки: Іовъ, Варлаамъ Казанскій, Варсонофій, Исаія, Савва, казначей Павелъ и рядовые старцы. Было на соборѣ немало и мірскихъ людей. Совѣщались о томъ, какъ и какимъ чиномъ принять Епифанія. Единогласно рѣшили: принявъ Епифанія, по исправѣ и проклятій имъ всѣхъ ересей, требовать, чтобы онъ рукоположилъ другого епископа, „да корень епископства возрастаетъ“. Затѣмъ, не приступая пока къ приему, послали вѣрныхъ людей въ Петербургъ, въ Москву, въ Кіевъ, въ Яссы, чтобы подкупами и просьбами добыть вѣрныя справки изъ дѣлъ о личности Епифанія. Справки собирались довольно долго — болѣе года, а Епифаній

*) Иона Курносый.

все сидѣлъ да сидѣлъ, какъ въ затворѣ какомъ, въ пустынкѣ, сучаль, томился неволею, бранился съ старообрядцами. „Ужь лучше было мнѣ въ Соловкахъ сидѣть, чѣмъ у васъ, въ раскольнической темницѣ“, — говорилъ онъ имъ. „Потерпи, владыка святой, — отвѣчали ему: — скоро такого дѣла сдѣлать не можно“. И прежде любилъ Епифаній выпить, теперь же въ горькѣ отказу не было, только постное ѣшь, а пей водку, сколько душѣ угодно. И сталъ Епифаній съ горя да съ печали шить темную, и дошелъ до водянки. Очень сталъ хворать, а все шлъ.

Между тѣмъ справки о немъ вѣрными людьми были собраны. До того, что Епифаній обокралъ Козельскій монастырь, составлялъ подложныя письма и растлилъ какую-то дѣвочку, старообрядцамъ дѣла не было. Обокралъ и обманулъ онъ „враговъ Божьихъ, никоніанъ“, — разсуждали они: — то не грѣхъ; дѣвчонка — и это не грѣхъ, а только паденіе; изъ писанія видно, что многіе святые отцы впадали въ блудъ, да угодили Богу покаяніемъ. Извѣстный выводъ старообрядцевъ всѣхъ толковъ!.. Важно было для вѣтковцевъ то, что Епифаній, по справкамъ, оказался не самозванцемъ, что онъ дѣйствительно былъ хиротонисанъ митрополитомъ Георгіемъ. Одного не могли дознаться никакими справками, обливанецъ Епифаній или въ три погруженія крещень? А это было всего важнѣе для старообрядцевъ: если онъ обливанъ, то его слѣдуетъ крестить вновь. А по правиламъ вселенскихъ соборовъ, кто крестится вновь, тотъ хиротоніи не сохраняеть.

Въ то довольно продолжительное время, которое употреблено было вѣтковскими отцами на собраніе справокъ о личности пріобрѣтеннаго ими епископа, они сдѣлали и другое дѣло. Желая, чтобы отысканный послѣ столь долгихъ и тщетныхъ ожиданій епископъ былъ принятъ всѣми старообрядцами поповщинскаго толка единодушно, чтобы не произошло между ними изъ-за него какого-либо раздора или раздѣленія, вѣтковскіе отцы, „да будетъ то дѣло общимъ дѣломъ всего христіанства древляго благочестія“, — писали въ Москву и къ старшимъ отцамъ на Керженецъ, а также по городамъ: въ Тверь, въ Торжокъ, въ Казань, въ Тулу и другіе. Все происходило въ глубочайшей тайнѣ. Съ стародублянами сносились не только письменно, но лѣсами неоднократно ходили къ нимъ за рубежъ для совѣта. Съ Керженца былъ полученъ рѣшительный отказъ признать Епифанія за епископа. Тамоніе отцы писали вѣтковскимъ, что они „къ совѣту ихъ пристати, яко Богу не угодно, не токмо не спасительну, но народодушепагубну отказашась не соизволивше“ *). Въ Стародубѣ одни были согласны на пріемъ Епифанія, другіе — нѣтъ; такое же разногласіе было и въ Москвѣ и Торжкѣ. Но Тверь и Тула согласились; Казань, едва ли не по вліянію керженскихъ жителей, отказалась. Всѣ эти переговоры и ссылки Вѣтки

*) Иона Курносый.

съ разными старообрядческими общинами продолжались годъ и два съ половиной мѣсяца. Много было денегъ извѣзжено, много денегъ на поѣздки и всякія хлопоты истрчено. Наконецъ, 6 августа, въ день Преображенія Господня, 1734 года, Епифаній былъ привезенъ изъ пустыньки на Вѣтку и торжественно принятъ въ старообрядство *). Черный попь Ювъ **), старшее духовное лицо на Вѣткѣ (игумень Власій не имѣлъ священства), привелъ Епифанія къ исправѣ. Принимаемый епископъ торжественно, при всемъ духовенствѣ и огромномъ стеченіи народа, проклялъ ереси ***) и затѣмъ былъ введенъ въ алтарь

*) Иванъ Алексѣевъ, «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», въ «Лѣтописяхъ русской исторіи и древности», т. IV, смѣсь, стр. 69. Онъ говоритъ, что Епифаній «въ ~~пѣткѣ~~ пустынькахъ» до пріема пробылъ десять недѣль, значить, съ конца мая по 6 августа. Но онъ ошибается ровно на одинъ годъ, полагая, что Епифаній отбыть въ Коломинскомъ лѣсу въ февралѣ 1734 г., между тѣмъ какъ изъ дѣла объ Епифаніи видно, что это было въ 1733 г.

**) Пошъ Иванъ, въ постриженіи Ювъ. Онъ былъ взятъ при «первой выгонкѣ» раскольниковъ и разореніи Вѣтки въ 1735 году. Ювъ былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ учителей и проповѣдниковъ старообрядства на Вѣткѣ. По опредѣленію св. синода 21 декабря 1736 года, онъ, закованный въ кандалы, былъ отправленъ въ Николаевскій (въ Переяславлѣ Залѣскомъ) монастырь «для достодожднаго о его суевѣрнн разглагольствіи и увѣщанія къ соединенію святѣй, правотѣрній церкви, понеже того монастыря настоятель то съ нимъ разглагольствіе пмѣть можетъ». Въ этомъ монастырѣ Ювъ долженъ былъ содержаться въ цѣпяхъ. Но такъ какъ онъ, «по довольному увѣщаніи, отъ раскольническаго своего заблужденія ко обращенію ко святой церкви явился непокоривъ и состоялъ въ раскольнической своей ереси не превратенъ», то, по опредѣленію св. синода, 11 февраля 1737 года сосланъ въ Валдайскій Иверскій монастырь для неисходнаго въ кельѣ заключенія подъ крѣпкимъ карауломъ и съ иресѣченіемъ всякихъ сношеній съ другими лицами. Здѣсь Ювъ и умеръ, но когда — неизвѣстно.

***) Вотъ формула исправы, которую въ XVIII ст. читали принимаемые въ расколъ попы и Епифаній въ 1734 г.:

«Предстоятель кладеть *начало* (семь поклоновъ), п потомъ приходщій также семь поклоновъ. Предстоятель начинаетъ, глаголя: «За молитвъ святыхъ», «Царю небесный», «трисвятое» и по «Отче нашъ»,—«Придите поклонимся» трижды, псаломъ 50: «Помниуй мя, Боже». И поставляетъ его передъ церковью, откровенну главу имуща. И повелить ему исповѣдаться явъ и отрпгаться, и укоряти, п проклинати богомерзкую вѣру, въ ней же былъ, и вся законы ихъ и обычай, въ нихъ же совратишася и осквернишася. И начинатьъ проклинати ереси отъ яковитовъ, сице глаголя: «Азь, ямя рекъ отъ гнусныя яковитовъ п ханцыпарскія ереси, и отъ мудрствующихъ съ латвыи и пріобщающихся отчасти еретическому и папешскому ученію — днесь прихожду ко истинному, православному христіанскія вѣры закону, преданному отъ св. апостолъ и утвержденному богоносными отцы святыхъ вселенскихъ седми соборовъ. Прихожду же не отъ нужды, или бѣды, или тѣсноты, или страха, или налога, или иѣкоей вещи, на мя воздвигаемѣй, или чести ради мірскія, и благодарованій иѣкихъ общаемыхъ, или лѣнностію, или лицемѣриемъ, но отъ всея души и сердца п чиста неблаженна, Христа любяще и того истинныя вѣры животнаго закона желая получитьи. Прежде отрицаются мудрствующихъ и

Покровской церкви игуменомъ Власіемъ и Варлаамомъ Казанскимъ. Не выходя изъ церкви, онъ соборне отслужилъ обѣдню по старопечатнымъ книгамъ. Затѣмъ, служа довольно часто, онъ посвятилъ 12 поповъ и 6 дяконовъ, и сварилъ миро *).

сообщающихся отчасти еретическому ученію. Проклинаю отрехшихся Ісуса и почитающихъ его равноухимъ, вѣрующихъ во Ісуса и святую аллилуію тройственну четверящихъ: да будутъ прокляты. Проклинаю творящихъ развратно святое крещеніе, аще и во имя Отца и Сына и Святаго Духа глаголютъ, но обаче крещаютъ водою во едино погруженіе, а трижды не погружаютъ, иже же только обливаютъ водою; и почитающихъ всякое омываніе крещеніемъ, а въ трехпогрузительномъ нужды нѣсть: да будутъ прокляты. Аще кто си не креститъ въ два перста, яко же и Христосъ, да будутъ прокляты. И творимое нѣкое благословеніе, пятію персты, а Христомъ преданное двуперстное почитающихъ отъ нѣкоего чорта изданнымъ: да будутъ прокляты. Проклинаю богоненавидимую и блуднаго образа прелесть, еже остригати браду, но и всегда поощряющихъ остригати браны своя, и усы притинати постригали и бритвами. Проклинаю вся враги, крестъ Христовъ наридающихъ «брытскимъ», а плавающихъ латинскому кресту; иже не исповѣдуютъ безкровныя жертвы суца тѣлеси Госнода нашего Ісуса Христа. Иже аще ясть млеко и яйца въ великій постъ, въ субботу и недѣлю; съ ними же и иную всякую ересь проклинаю, явную и неявную, и иже прежде соборовъ, или послѣдѣ на церковь благочестивую возстана и люди Господни отсѣкати и отторгати начинающе, вся еретичи соотротивно мысляще святымъ всей вселенныи седмии соборовъ: да будутъ прокляты».

«И вопрошаешъ предстоятель: «общаешилися Христу?» И отвѣщаетъ имъ речъ: «общаваюся Христу». И глаголетъ: «вѣрую во единого Бога Отца» весь до конца, трижды, «Господи помози!» сто; и пакы глаголетъ: «И тако вѣрую и исповѣдую святую единосущную Троицу истинною любовію, всею душею моею, и всѣмъ сердцемъ моимъ, и всѣмъ помышленіемъ моимъ, не имѣя въ себѣ никакого лукавства. И тако покоряюся и приагаюся благочестивому преданію святыхъ отецъ, право исправльшихъ слово истины, иже на всѣхъ седмии соборѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ. И тако причитаюся святѣи и апостольской церкви, единомудренно со всѣми правовѣрными, душевное тѣло мое имѣя, требую совершенно святымъ, истиннымъ покаяніемъ очищенія отъ всѣхъ еретическихъ совращеній и оскверненій, всякихъ прегрѣшеній плотскихъ и душевныхъ. Еще же желаю, со страхомъ и трепетомъ и радостію сердечною, причастникъ быти святыхъ и животворящихъ тѣл и крове Христа Бога нашего, яко да будетъ ми во освященіе души и тѣлу моему, и до кончины живота моего въ наслаждіе живота вѣчнаго царствія небеснаго, молитвами Пречистыи Владычиды нашей Богородицы и присно дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ, иже отъ вѣка Богу угодившихъ. Аминь» (Рукописный сборникъ конца XVIII столѣтія, писанный на Иргизѣ). Въ XIX или въ концѣ XVIII столѣтія эта формула нѣсколько измѣнена. Она будетъ приведена въ своемъ мѣстѣ.

*) Иона Курносый: «во время припятія Епифаніева и посвященія имъ поповъ и дяконовъ и *свещеніи мѣра* и масла». Стало-быть, Епифаній варилъ миро не въ великій четвертокъ, какъ слѣдуетъ по уставу. Онъ былъ припятъ 6 августа 1734 года, а великій четвертокъ 1735 года былъ 3 апрѣли, вѣтка же была занята Сытиннымъ и Епифаній взятъ 1 апрѣли,

Великая была радость на Вѣткѣ. Всѣ духовныя лица ликовали и много гордились тѣмъ, что наконецъ добыли епископа, имѣютъ наконецъ святителя и архипастыря. „Нельзя теперь про насъ сказать, что церковь наша хрома: всѣ три чина имѣемъ, — и честное дьяконство, и боголюбивыхъ іереевъ, и самого преосвященнаго епископа“, — говорили они. Поповъ, рукоположенныхъ Епифаніемъ, немедленно разослали по городамъ и волостямъ, — разумѣется, за хорошія деньги, данныя за то общинами старообрядцевъ, — и крѣпко падѣлялись все старообрядство такимъ средствомъ подчинить своему влиянію и власти. Одного попа повезъ въ Москву самъ Варлаамъ Казанскій, имѣвшій большой вѣсъ у тамошнихъ старообрядцевъ. Игумень Власій со всѣмъ соборомъ вѣтковскимъ приговорили, чтобы Варлаамъ утвердилъ всѣхъ московскихъ старообрядцевъ въ правильности архіерейства Епифаніева и, подчинивъ такимъ образомъ успливавшуюся московскую общину Вѣткѣ, пріѣзжалъ какъ можно скорѣй домой, гдѣ Епифаній долженъ былъ хиротонисать его во епископы. Таково было желаніе и мірянъ Вѣтки, изложенное въ особомъ приговорѣ, зарученномъ многочисленными подписями.

Скучно было Епифанію у старообрядцевъ. Десять лѣтъ онъ уже архіереемъ и почти всѣ десять лѣтъ провелъ въ тюрьмахъ кіевскихъ, московскихъ, въ петербургской крѣпости, въ Соловкахъ, а потомъ еще годъ и два съ половиной мѣсяца въ пустынкѣ, гдѣ его тоже держали почти какъ колодника. Не лучше ему пришлось и въ самой Вѣткѣ. Онъ былъ совершенно чуждъ раскольникамъ, не только не раздѣлялъ ихъ убѣжденій, но, и ставъ во главѣ ихъ, кажется, довольно смутно понималъ, изъ-за чего они отдѣлились отъ церкви. Все разъединяло его съ новою его паствой, и образъ жизни и привычки. Сердце его лежало въ Кіеву, а тутъ долженъ былъ онъ выстоявать длинныя службы, къ которымъ не привыкъ въ Кіевѣ, вести строгую жизнь и ни подъ какимъ видомъ не давать воли своему веселому, пылкому характеру. Тоска по родственникамъ мучила его, и хотя вѣтковскія дѣвицы, по отзыву самихъ старообрядцевъ, не отличались цѣломудріемъ, а Епифаній былъ охотникъ до женщинъ, но за епископомъ зорко слѣдили сотни глазъ, и ему рѣшительно было невозможно завести съ какою-либо вѣтковою красавицей нѣжныхъ отношений. А больше всего противны были Епифанію обряды вѣтковцевъ. Уже былъ онъ принятъ ими въ общеніе, уже служилъ обѣдни и рукополагалъ поповъ, какъ два ушата, жившіе по сосѣдству съ Вѣткой, перешли въ расколъ и, какъ обливанцы, на основаніи заповѣди Филарета патріарха, перекрещены старообрядческимъ попомъ въ три погруженія. Противно на это было

то-есть во вторникъ на страстной недѣлѣ. Да притомъ еще ранѣе новаго яварскаго 1735 года у Епифанія были уже большіе нелады съ вѣтковцами, и онъ ужъ не служилъ въ Покровской церкви.

*) Иона Курносый.

смотрѣть Епифанію. Когда новокрещенные выходили изъ церкви, позвалъ онъ ихъ къ себѣ въ келью и принялся кричать, понося ихъ необходимыми словами: „Благочестивое крещеніе, — говорилъ онъ имъ:— отложили, раскольниковымъ крестились во второе. А первое-то вамъ развѣ не крещеніе было?“ *).

И былъ большой соблазнъ отъ того на Вѣткѣ. Пошли объ этомъ слухи и на сторону. „Какой же это епископъ? — говорили міряне: — это не пастырь, а волкъ“. Много журили вѣтковскіе отцы своего епископа за такую выходку. Епифаній отмалчивался. Оттого-то и хотѣлось вѣтковскимъ отцамъ, чтобы онъ поскорѣй посвятилъ имъ Варлаама. Тогда бы Богъ съ нимъ, съ Епифаніемъ; дали бы ему денегъ и пустили бы на всѣ четыре стороны: иди, куда знаешь, — и жили бы съ своимъ епископомъ, отъ всей души и всего сердца преданнымъ старому обряду.

Не понравился Епифаній иноку Аоанасію, древнему старцу, живущему въ Вѣткѣ съ первыхъ годовъ ея существованія. При самомъ заведеніи Вѣтки былъ онъ уставщикомъ, и когда понѣ Θεодосій освящалъ Покровскую церковь, онъ подписывалъ антимины старицы Меланіи. Больше сорока лѣтъ былъ Аоанасій уставщикомъ, зналъ правила и уставы лучше всѣхъ, строго наблюдалъ за совершеніемъ „уставной службы“ въ вѣтковской церкви и теперь, на старости лѣтъ, увидя, какъ старые уставы нарушаются завезеннымъ на Вѣтку епископомъ, много ссорился съ игуменомъ и отцами и, не стерпя больше „злочинія церковнаго“, ушелъ изъ Вѣтки въ Россію. Аоанасій пробрался въ Москву, гдѣ Варлаамъ Казанскій утверждалъ тогда старообрядцевъ въ правильности Епифаніева епископства. И въ Москвѣ, въ Гуслицахъ **) ходилъ старецъ Аоанасій изъ дома въ домъ и разсказывалъ старообрядцамъ, чтѣ дѣлается на Вѣткѣ съ того дня, какъ владыкою тамошнимъ učinился Епифаній. Онъ утвердительно называлъ его „вѣдомымъ обливанцемъ“; много говорилъ и противъ Варлаама Казанскаго, главнаго поборника Епифаніева, ходившаго съ попомъ его поставленія. „Влюдитесь, — говорилъ старецъ:— блудитесь опасно ихъ, яко не сущимъ погамъ имъ, по волкамъ“. А Варлаама знали и почитали въ Москвѣ очень многіе; знали его и по городамъ около-московнымъ и по волостямъ. Вездѣ у него было много духовныхъ дѣтей, и его очень уважали за строгую, подвижническую жизнь, за горячую преданность старымъ обрядамъ и „древлему благочестію“, за его слово учительное, „преизящно философією и мудростію христіанскою украшенное“. Ходя съ Епифаніевымъ попомъ изъ дома въ домъ, ночуя то тамъ, то тутъ, онъ каждое утро, возставъ отъ сна, и каждый вечеръ, ложась спать, по молитвѣ, сначала самъ благословлялъ своего спутника, а потомъ отъ него принималъ бла-

*) Иона Курносій.

**) Гуслицы, или Гуслицкая волость, въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, почти сидишь населенная раскольниками поповщинскаго толка.

гословеніе. И дѣлалъ это всегда такъ, чтобы всѣ видѣли и не сомнѣвались бы о попѣ Епифаніева рукоположенія: такой же-де онъ, какъ и я, попъ. Служа всенощныя и молебны по домамъ старообрядцевъ, Варлаамъ всегда на ектеніяхъ номиналъ епископа Епифанія, и если кто изъ его духовныхъ дѣтей изъявлялъ хоть малѣйшее сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства, тому онъ съ яростью говаривалъ: „Проклятъ буди, кто изъ сыновъ моихъ духовныхъ и дочерей къ Епифаніевымъ ставленнымъ попамъ не пойдетъ подъ руку и па духъ! Богъ благословить! Мы рачимъ и стараемся, чтобы священство умножить и благочестіе расплодить, а вы мятежь чините!“ Но какъ ни великъ былъ авторитетъ Варлаама, а много въ Москвѣ и въ Гуслицахъ явилось сомнѣвающихся въ Епифаніи. Стали толковать ужъ и о томъ: „да ужъ сохранилось ли древлее благочестіе на Вѣткѣ, не пошли ли старообрядцы за рубежомъ широкимъ путемъ никоніанства?“ А это все уставщикъ Аванасій разсѣивалъ сомнѣнія. Немало употребили московскіе и гуслицкіе старообрядцы денегъ на то, чтобы собрать подъ секретомъ самыя точныя справки объ Епифаніи въ синодальной канторѣ и списать копіи со всѣхъ дѣлъ, о немъ производящихся. Нашли, что дѣйствительно онъ посвященъ яскимъ митрополитомъ во епископы, а обливанъ онъ или крещенъ въ три погруженія, того допекаться не могли, а между тѣмъ молва, что Епифаній обливанецъ, росла болѣе и болѣе. А распускалъ ее все тотъ же Аванасій.

Разъ, въ Гуслицахъ, призвалъ Варлаамъ Аванасія къ себѣ на квартиру. Аванасій не ухоронился, пришелъ.

— Какъ ты смѣешь, — закричалъ Варлаамъ: — учить моихъ дѣтей духовныхъ, чтобы не ходили они къ попамъ Епифаніевымъ? Какъ ты смѣешь ихъ волками нарицать?

— Волки они и есть, — смиренно, но рѣшительно отвѣчалъ Аванасій.

Пылкій Варлаамъ не вытерпѣлъ, схватилъ палку и началъ колотить сѣдого, дряхлаго старика. И билъ его, сколько хотѣлось. Аванасій, по иноческому смиренію, не защищался отъ ударовъ, но, какъ ни горячился, лютя надъ нимъ, Варлаамъ, Аванасій кротко, но громко, одно говорилъ:

— Волки они, а не пастыри стада Христова, и Епифаній-обливанецъ такой же волкъ!

Были свидѣтели этого проишествія. Слухъ о побояхъ, претерпѣнныхъ престарѣлымъ вѣтковскимъ уставщикомъ отъ дюжей руки Варлаама Казанскаго, распространился по Москвѣ и во всей Гуслицкой волости. Пали вѣсти о томъ и на Вѣтку. Нигдѣ не хвалили Варлаама, и еще сильнѣе пошло сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства. На Вѣткѣ также произошелъ большой раздоръ изъ-за него. Мы уже сказали, что пріемъ Епифанія былъ дѣломъ поповъ и монаховъ: міряне мало принимали въ немъ участія. Теперь, когда пошли слухи объ его

обливанствѣ, о томъ, что онъ не настоящій архіерей, не такой, какой имъ требуется,—міряне заволновались. Поступокъ Епифанія съ уніатами (быть-можетъ, и дѣйствительно Епифаній на тотъ разъ вылить лишнюю чарку горѣлки, какъ старались оправдать его отцы передъ мірянами) увеличилъ ропотъ, волненія и раздоры. Во главѣ враговъ Епифанія сталъ нѣкто Заверткинъ, крѣпкій ревнитель „древляго благочестія“, сбѣжавшій за рубежъ съ уральскихъ заводовъ, куда припелъ съ Керженца, другъ и почитатель Аѳанасія-уставщика. Онъ всенародно порицалъ Епифанія, вазывая самый пріемъ его великимъ соблазномъ для всей старообрядческой церкви и браня вѣтковскихъ отцовъ, еще державшихъ сторону своего епископа. Онъ и другіе міряне укоряли Власія и соборныхъ старцевъ за то, что они такого волка пустили въ стадо Христово, твердо пребывавшее дотолѣ въ „древлемъ благочестія“. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе народа стало чуждаться Епифанія, а рукоположенныхъ отъ него поповъ и дьяконовъ не пускали близко и къ домамъ своимъ, и стали отбирать у нихъ даже силою данныя имъ отъ Епифанія ставленныя грамоты. Были и такіе міряне, которые преданы были Епифанію. „И бысть,—говоритъ Іона Курносый:—мятежъ и молва на Вѣткѣ не мала: сталося раздѣленіе между собою у нихъ даже до драки“. Сойдутся, бывало, противники на улицѣ; одни станутъ похвалять Епифанія и хвастаться тѣмъ, сколь великую славу получило мѣсто ихъ, богоспасаемая Вѣтка, отъ водворенія въ ней епископа, а принадлежавшіе къ свѣту Заверткина пойдутъ спорить и укорять ихъ, говоря, что Епифаній облаванецъ и сущій еретикъ, не пастырь добрый, а евангельскій волкъ въ овчей шкурѣ. Пойдутъ споры, книги изъ домовъ вытащатъ, отъ писанія доказательства каждый свои читаетъ, а толпа увеличивается, и словопреніе обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что спорщики примутся въ кулаки да за дубины, и пойдетъ свалка и бой. Бывали и тяжкія увѣчья, даже смертоубійства изъ-за Епифанія. И день за день таково было на Вѣткѣ. Епифаній пересталъ служить, ибо Заверткинъ и его сообщники громко кричали на улицахъ: „за волосы его, пса, вытащу изъ святого алтаря, убью до смерти, только смѣй онъ служить“.

Нѣкоторые изъ братіи, особенно же казначей Павелъ, сами стали сомнѣваться въ искренности перехода въ старую вѣру Епифанія и въ томъ, что онъ крещенъ правильнымъ крещеніемъ, и стали сознавать вины свои, говоря, что не дѣло сдѣлали, съ такими хлопотами и издержками добывъ себѣ нехорошаго епископа. Епифаній сидѣлъ въ своей кельѣ, какъ заточенникъ, цилъ и перебранивался, но всегда съ обычнымъ своимъ добродушіемъ.

По старообрядческимъ общинамъ въ Великой Россіи тоже немало было споровъ и толковъ по поводу Епифаніева архіерейства. Керженецъ, Казань, Поволжье, Демидовскіе заводы — еще болѣе утвердились „въ своемъ противленіи новопрданному архіерейству“. Въ Москвѣ и въ Гуслицахъ произошло большое раздѣленіе, и съ каждымъ днемъ рѣдѣли

ряды людей, бывших сначала за Епифанія. Варлаамъ, побивъ Аванасія, много потерялъ авторитета. Тверь, Торжокъ и Ржевъ были совершенно равнодушны къ дѣлу. Стародубье почти поголовно отступилось отъ Епифанія.

Вѣтковскіе отцы лучше другихъ, отдаленныхъ отъ нихъ оновѣрцевъ знали поведеніе своего епископа. Но, чтобы не погрѣшить, рѣшились они предварительно искутить своего архипастыря. Главное, хотѣлось имъ вывѣдать отъ него, обливанъ онъ или въ три погруженія крещенъ; еще хотѣлось узнать, искренно ли онъ принялъ старообрядство и не держится ли въ тайнѣ никоніанства, исполняетъ ли установленные посты, келейное правило и другіе уставы. Хотя они, послѣ соблазнительнаго поступка Епифанія съ униатами, послѣ ропота мірянъ и укоровъ Заверткина съ товарищами, значительно охладѣли къ Епифанію, но совершенно отступиться отъ него и торжественно, передъ всѣмъ народомъ, сознаться въ винѣ своей, въ той опрометчивости, съ которою они приняли его къ себѣ за архипастыря, рѣшились не прежде, какъ по совершенномъ увѣреніи въ томъ, что онъ дѣйствительно обливанецъ, или что не исполняетъ положенныхъ правилъ принятаго имъ старообрядчества. Призвалъ къ себѣ казначей Павелъ Епифаніева келейника и говоритъ ему:

— Искуси ты его, не пожелаетъ ли курочки ясти?

Келейникъ, истый вѣтковецъ, принялся за искушеніе. Говоритъ однажды онъ сидѣвшему, какъ въ темницѣ, воли и власти не имѣющему епископу и крѣико разболѣвшемуся:

— Неможешь ты, святыи владыка, все хвораетъ, худо кушаетъ. Не желаешь ли курочки жареной?

— Свѣдаютъ ваши,—грустно отвѣчалъ Епифаній:—крамолить будутъ. Вѣдь у васъ епископы не вкушаютъ...

— Я не монахъ, а бѣлецъ,—отвѣчалъ келейникъ:—миѣ можно ѣсть курочку. Повели, владыка святыи, я, пожалуй, припасу, какъ бы про себя, а ты и покушай.

Лакомый епископъ охотно согласился на предложеніе келейника. Давно не ѣдалъ онъ вкусной пищи. Келейникъ такъ и сдѣлалъ, какъ говорилъ. Сжаривши монастырскую курочку, подалъ на столъ епископу; но въ то самое время, когда Епифаній занялся запретнымъ блюдомъ, по знаку, непримѣтно для него данному искусителемъ-келейникомъ, вошли одинъ за однимъ казначей Павелъ съ другими старцами. Вошли, посмотрѣли и, слова не сказавъ, пошли вонъ изъ кельи, будто за надобностью какою приходили, да не во-время. А Епифаній, какъ скоро они ушли, пеняетъ келейнику:

— Что бы тебѣ дверь-то запереть, а ты не заперъ.

А келейникъ его, какъ малаго ребенка, уговариваетъ:

— Ничего, владыка святыи. Ты вѣдь больше ихъ — они тебѣ не указъ.

Епифаній согласился съ келейникомъ.

Казначей Павелъ съ прочими свидѣтелями соблазнительной трапезы вѣтковскаго епископа не пустили дѣла въ огласку. Имъ нужнѣ всего было то, чтобы навѣрное узнать, обливанъ Епифаній или погруженъ, и дѣйствительно ли онъ приверженъ къ старообрядству. Дали келейнику, которому добродушный епископъ совершенно ввѣрился, новое наставленіе.

Однажды Епифаній, здоровье котораго таяло какъ свѣчка, сидѣлъ грустный, задумчивый. Подошелъ къ нему келейникъ.

— А что, владыка святой, спрашивается, есть ли у тебя родственники въ Кіевѣ?

Этотъ вопросъ за живое тронулъ Епифанія. У него вся душа была въ родныхъ. Сердце у него было доброе и довѣрчивое, и пустился онъ въ откровенные разговоры съ келейникомъ.

— Есть же, кажу,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ: — есть племянники и внучата есть...

На то келейникъ ему:

— Худое тебѣ житье здѣсь, владыка. Не влюбили тебя и поны и старцы.

— И самъ я вижу, что не влюбили,—отвѣчалъ Епифаній: — и что дѣлать, право, не знаю и не придумую.

— Да напиши ты къ своимъ письма, — сказалъ келейникъ: — увѣдомь о себѣ, что живъ. Они о тебѣ обрадуются и понекутся о тебѣ.

„Простъ онъ былъ человѣкъ, — замѣчаетъ, передавая этотъ разговоръ, Іона Курносый:—повѣрилъ келейнику“. Сейчас же сѣлъ за столъ и сталъ писать письмо. Написавъ, говоритъ:

— Я, кажу, написалъ, да съ кѣмъ пошло?

— Повѣрь мнѣ, владыка, письмо твое, — сказалъ келейникъ: — я добрыхъ людей отыщу.

Довѣрчивый, простодушный Епифаній отдалъ письмо, а келейникъ прямо его къ казначею Павлу.

Читаютъ вѣтковскіе отцы письмо Епифанія. Пишетъ онъ, „какъ раскольники его оболестили, и какъ разбоемъ на пути отнять, и какъ въ Польшу его препроводили и привезли до своихъ *еретическихкихъ вертеповъ*, гдѣ церковь ихъ и раскольнической монастырь и слобода жителей-раскольниковъ. „Учинили меня раскольники епископомъ, и поставилъ имъ по ихъ просьбѣ двѣнадцать поповъ и шесть дьяконовъ, чего душа моя раскольниковъ изъ младенчества ненавидѣла. Они же меня и возненавидѣли и держатъ подъ карауломъ. И не иное что помышляю себѣ отъ ихъ, токмо какъ смерти“ *).

Тогда на Вѣткѣ и послѣдніе оставшіеся у Епифанія сторошники отступились отъ него. Но нашлись благопріятели въ иномъ мѣстѣ.

Неподалеку отъ Вѣтки было мѣстечко (нынѣ уѣздный городъ) Го-

*) Іона Курносый.

мель, населенное тоже русскими выходцами, раскольниками. Гомельскіе старообрядцы и числительностью, и богатствомъ, и связями превосходили вѣтковскихъ, но Вѣтка все-таки была какъ бы столицей всего старообрядства, ибо въ ней въ одной была церковь, въ ней одной служилась обѣдья. Пребываніе при ней архіерея еще болѣе возвысило эту слободу, и Гомелю при всемъ богатствѣ невозможно было съ нею соперничать. Завидуя Вѣткѣ и не будучи очевидцами соблазновъ, которые тамъ производилъ Епифаній, но узнавъ объ охлажденіи къ нему вѣтковцевъ, міряне Гомели предложили ему переселиться къ нимъ. Епифаній съ радостью согласился. Построили они деревянную церковь, во всемъ подобную вѣтковской; Епифаніевы поны освятили се во имя Преображенія Господня, а Епифаній, еще до размолвки съ вѣтковскими отцами освятившій нѣсколько антиминовъ, послалъ одинъ для гомельской церкви *). Когда вѣтковскіе міряне стали чуждаться поновъ и дьяконовъ Епифаніева рукоположенія, гомельскіе жители приняли ихъ всѣхъ и рѣшились во что бы то ни стало сдѣлать свою Преображенскую церковь каедральнымъ соборомъ старообрядческаго епископа. И усиленнѣе прежняго звали Епифанія къ себѣ. Но Вѣтка не давала его, ибо недешево ей стоилъ Епифаній. Гомельскіе жители хотѣли купить у вѣтковцевъ архіерея и денегъ не жалѣли, но вѣтковцы не брали никакихъ тысячъ за Епифанія, предвидя, что, въ случаѣ пріобрѣтенія гомельцами епископа, много убавится блеска у вѣтковской церкви.

— Да отдайте же намъ епископа Епифанія, когда вамъ не надо-бенъ,—говорили гомельскіе старообрядцы.

— Не отдадимъ. Онъ ваши души оноганитъ, потому что онъ обливанецъ. Погибнете вы душами вашими, когда его возьмете,—отвѣчали вѣтковцы.

— Не ваше дѣло; коли грѣхъ, такъ тотъ грѣхъ на насъ будетъ. Отдайте Епифанія и берите что хотите.

— Не надо намъ никакихъ тысячъ,—стояли на своемъ вѣтковцы:—

*) Иона Курносый. Онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ, что самъ Епифаній святилъ эту церковь, а въ другомъ, что Епифанію некогда было освятить се, а святили Варлаамъ Казанскій съ пошамъ Епифаніева поставленія. Последнее извѣстіе болѣе сообразно съ ходомъ дѣла. Послѣ каждой выгонки зарубижныхъ раскольниковъ, гомельская церковь (1735) была перевезена въ Стародубе, но не потонула, какъ вѣтковская, ибо строена была не изъ дуба. Объ этомъ Иона Курносый такъ рассказываетъ: «Она церковь сломаше, по совѣту неправильныхъ поновъ своихъ (то-есть Епифаніемъ рукоположенныхъ), Іоакима и священно-инока Матвѣя, склавше плотами, но той же рѣцѣ (Союзу) приплавивше къ слободѣ поставиша, какъ и на мѣстѣ стояла. И приспѣвшу времени священніи, Іоакимъ попъ повелѣ святиати сыну своему духовному Матвѣю. Онъ собралъ соборъ отъ обливанцевъ Епифаніева согласія, какъ и онъ Матвѣй, и съ ними оную церковь освятилъ и сталъ въ ней служить и пречистыя тайны совершатъ». Поставлена была эта церковь въ двухъ верстахъ отъ слободы Клипцовъ.

а Епифанія-обливанца не отдадимъ, грѣха на себя не примемъ: соблазна въ васъ не усилимъ; сказано бо въ св. писаніи: „горе тому человѣку, имъ же соблазнъ въ міръ придетъ, унѣе тому человѣку, да обѣсится камень жерновый о выю его и вверзится въ море“. И подь такою клятвою самого Господа нашего Ісуса Христа быть мы не хотимъ и обливанца-еретика вамъ въ пастыри не отдадимъ.

И много было ссоры, много раздора и крамолы между вѣтковскими и гомельскими старообрядцами; нерѣдко бывали между ними и драки. Священнодѣйствовавшіе въ гомельской Преображенской церкви попы, особенно же бѣлый Іоакимъ и черный Матвѣй, оба рукоположенные Епифаніемъ, стали во главѣ гомельцевъ. Приѣхавъ изъ Москвы, Варлаамъ Казанскій много уговаривалъ вѣтковцевъ отдать Епифанія гомельцамъ, когда имъ не угоденъ. Вѣтковцы и слушать не хотѣли. Тогда гомельскіе слобожане, желая, чтобы въ наступающій великій четвертокъ (3 апрѣля) Епифаній сварилъ въ ихъ церкви миро, собрались въ вербное воскресенье (30 марта) и пошли къ Вѣткѣ—вооруженною рукою добывать мироварителя.

Но дѣло вдругъ приняло неожиданный оборотъ: 1 апрѣля 1735 года не стало ни Вѣтки, ни Гомеля, ни епископа Епифанія.

Мы уже сказали, что лѣтомъ 1734 года, когда непринятый еще въ старообрядчество Епифаній проживалъ въ пустынкѣ, онъ, стосковавшись по горячо любимымъ племянникамъ и внучатамъ, писалъ къ нимъ въ Кіевъ письмо. Въ это письмо вложилъ онъ другія два: одно къ старинному своему другу, духовнику софійской каеодры Іакову, другое къ самому Рафаилу, тогдашнему архіепископу кіевскому. Епифаній, кажется, не сознавалъ вполне своей виновности ни передъ церковью ни передъ правительствомъ, и писалъ эти письма, прося взять его отъ раскольниковъ и поставяя условіемъ, чтобы ему „при софійской каеодрѣ житіе имѣть свободное, попржнему“ (то-есть какъ было до перваго побѣга его въ 1724 году). Съ кѣмъ и какъ отправилъ онъ эти письма, мы не знаемъ, но, не получая на нихъ долго отвѣта, онъ наконецъ въ августѣ принялъ старообрядство, ставилъ поповъ, святилъ миро и антимиасы и, разумѣется, не сказывалъ никому про посланныя письма. А дѣло по поводу ихъ въ Кіевѣ и въ Петербургѣ шло своимъ обычнымъ чередомъ. „Невѣдомый человѣкъ“, то-есть, по всей вѣроятности, племянникъ или внукъ Епифанія, подалъ письма духовнику Іакову, а духовникъ—архіепископу 12 іюля 1734 года. Черезъ два мѣсяца, 18 сентября, Рафаилъ донесъ объ этомъ синоду, и потомъ вслѣдствіе синодскаго указа писалъ къ Епифанію письмо и звалъ къ себѣ въ Кіевъ. Это было уже въ началѣ 1735 года. Черезъ кого кіевскій архіепископъ пересылался съ старообрядческимъ вѣтковскимъ епископомъ, и получилъ ли даже послѣдній письмо отъ Рафаила, не знаемъ; но извѣстно, что Епифанію никакъ не удавалось, по приказу Рафаила, секретно уйти отъ старообрядцевъ. Въ это время изъ-за него разгорѣлась

вражда между Вѣткой и Гомелемъ, и вѣтковцы держали вѣсчастнаго Епифанія въ кельѣ, какъ въ тюрьмѣ, уже совѣмъ безвыходно. Хотя и не знали они, что Епифаній хочетъ бѣжать въ Кіевъ, но крѣпко боялись, чтобы онъ не ушелъ въ Гомель.

Когда въ Петербургѣ узнали о пребываніи Епифанія на Вѣткѣ, правительство Анны Ивановны озаботилось не столько о „колодникѣ Епифаніи, скраденномъ воровскими людьми въ Коломинскомъ лѣсу“, не столько о томъ, что у старообрядцевъ явился наконецъ давно желанный ими архіерей, сколько о зарубежныхъ раскольническихъ поселеніяхъ. Уже нѣсколько лѣтъ знали въ Петербургѣ, что въ однѣхъ слободахъ Вѣтковскихъ живетъ болѣе 40.000 бѣглыхъ русскихъ людей, и сверхъ того заселены такими же бѣглыми старообрядцами слободы въ Киевскомъ воеводствѣ по рѣкѣ Припети *), на Волини, въ окрестностяхъ Житомира и Новгорода-Волинскаго **), въ Подоліи, по берегамъ рѣки Буга ***)) и Днѣстра ****)) и даже въ Бессарабіи и Молдавіи. Не столько политическія, сколько экономическія соображенія побудили русское правительство внимательнѣе заняться этимъ дѣломъ. Еще въ 1733 году именемъ императрицы Анны Ивановны было объявлено зарубежнымъ раскольникамъ, чтобы они возвращались въ Россію безбоязненно, что государыня вивы ихъ имъ отдаетъ и ихъ совершенно прощаетъ. Но ни одинъ изъ зарубежныхъ старообрядцевъ не воспользовался этимъ приглашеніемъ; напротивъ, многіе изъ старообрядцевъ, жившихъ въ Россіи, избѣгая тяжелыхъ податей и частыхъ рекрутскихъ наборовъ, значительными толпами устремились за границу. Въ 1734 году приглашеніе было повторено, но также безуспѣшно. Тогда рѣшено было принять самыя энергическія мѣры относительно вѣтковскихъ слободъ и во что бы то ни стало возвратить бѣжавшихъ туда на родину. Польша въ это время давно уже отжила красныя дни свои и быстро клонилась къ паденію, раздираемая внутренними междоусобіями. Политическія обстоятельства благопріятствовали правительству Анны Ивановны: въ 1733 году умеръ польскій король Августъ II и начались обычныя шляхетскіе рокоши и усобицы въ Рѣчи Посполитой по случаю избранія новаго короля. Для поддержанія кандидатура саксонскаго курфюрста Августа противъ Станислава Лещинскаго, поддерживаемаго Франціей, императрица послала въ Польшу русскія войска подъ командою фельд-маршала Ласси. Русскіе заняли самую Варшаву; наше войско стояло и въ Литвѣ и въ Польшѣ, и русское правительство распорядилось за

*) Черноболь, Замошье, Красяловка.

**) Роговка, Ягоденка, Желѣзняки, Пилюпы, Коровниці.

***)) Слобода Борская, Курникъ, Красняцка, Ефимовка, Перепелячье, Черятицъ, Жуковцы, Петроши, Жешковцы, Людовка, Матвѣйковская, Пеньковская, Бушинка, Сорокодубье, Шуры.

****)) Ставучаны, Хребтовка, или Хребтѣва, Хидицоны, Кулишовка, Грубное, Вѣтрянка, Чобурчи.

литовскимъ рубежомъ, какъ у себя дома. Не считали нужнымъ и входить въ какія-либо дипломатическія сношенія: просто велѣли полковнику Якову Григорьевичу Сытину, стоявшему съ своимъ драгунскимъ полкомъ въ Стародубѣ, — „очистить Вѣтку“, для чего и дали ему подъ команду отрядъ, состоящій изъ пяти полковъ *). Съ ними, въ февралѣ 1735 года, Сытинъ перешелъ границу. Это никою не удивило: ни коренныхъ жителей Бѣлорусскаго края ни раскольниковъ.

Московскіе старообрядцы предостерегали вѣтковцевъ. Но на Вѣткѣ не все послушались этихъ предостереженій. Впрочемъ, многіе ушли далѣе: на Волынъ, въ Подолію и даже въ Молдовлахію. Февраль и мартъ полки Сытина переходили вокругъ Вѣтковскихъ слободъ изъ селенія въ селеніе, а въ этихъ слободахъ никто и не догадывался, что опасность дѣйствительно близка и неизбежна. Полки окружаютъ наконецъ слободы со всехъ сторонъ, а между Вѣткой и Гомелемъ идутъ ссоры и драки изъ-за Епифанія, и самъ виновникъ этихъ ссоръ, больной, измученный душевною пыткой, сидитъ взаперти и ждетъ не дождется, какъ бы убраться куда-нибудь изъ Вѣтки.

Марта 30-го гомельскіе жители, какъ уже сказано, пошли на Вѣтку отбивать вооруженною рукою для своей церкви святителя Епифанія. Но дордогъ видятъ они на другой день, что полки Сытина со всехъ окружающихъ мѣстъ двинулись и идутъ на Вѣтку и на другія слободы. Спрашиваетъ гомельская рать у солдатъ, куда они идутъ? — „Походъ сказанъ въ Бѣлую-Церковь“, — отвѣчаютъ солдаты. Походъ въ „Бѣлую-Церковь“ дѣйствительно былъ, нарочно цевѣрно, объявленъ солдатамъ, чтобъ они не разболтали настоящей цѣли похода. А Сытину надо было отвлечь вниманіе раскольниковъ, а затѣмъ внезапно и разомъ окружить слободы, чтобы врасплохъ захватить всехъ слобожанъ безъ изъятія. Гомельцы однако, видно, догадались, къ чему идетъ дѣло, и воротились домой. Рано утромъ 1 апрѣля Вѣтка была окружена войсками. Къ Покровской церкви и къ монастырю приставили караулы, отцовъ привели къ Сытину. Епифаній былъ въ числѣ ихъ.

— Гдѣ вашъ епископъ? — строго спросилъ командиръ у отцовъ вѣтковскихъ.

Они указали на Епифанія. А этотъ стоитъ ни живъ ни мертвъ, не понимая, что вокругъ него дѣлается. Сытинъ подошелъ къ Епифанію подъ благословеніе и сказалъ:

— Ты не бойся, преосвященный, государыня послала насъ тебя выручить.

Епифаній ожилъ. Радостью загорѣлись его живые, черные глаза. Перекрестился онъ и сказалъ, съ низкимъ поклономъ, Сытину:

— Слава Богу! Благодарю нашу всемилостивѣйшую государыню и вѣкъ долженъ за нее Бога молить.

*) Драгунскій, два казацкихъ и два тыслчныхъ: Стародубскій и Черниговскій.

Отцовъ разсадили по кельямъ подь караулъ, а Епифанію дали нѣкоторую свободу и обращались съ нимъ почтительно, какъ съ дѣйствительнымъ архіереемъ.

Когда разсвѣло, вошелъ Сынтинъ въ Покровскую церковь и велѣлъ выносить книги и записывать число ихъ, а также образа, ризы, сосуды, снялъ съ колоколни колокола и запечаталъ церковь *). Всего въ слободахъ захватилъ онъ сорокъ тысячъ народа. Такимъ образомъ совершилась первая вѣтковская вымонка.

Епифаній былъ крѣпко нездоровъ. У него, какъ уже было сказано, развилась водяная болѣзнь. Съ конвоемъ, состоявшимъ изъ драгунъ, подь командой поручика, отправили его въ Кіевъ, но имущество осталось на Вѣткѣ: 250 рублей денегъ, одежда разная, серебра на 300 рублей, сакось, омофоръ, митра. Дорѣгой обращались съ нимъ хорошо, поручикъ и солдаты называли его не иначе, какъ преосвященнымъ; вообще были внимательны къ нему, предупредительны. Поручикъ былъ особенно почтителенъ къ Епифанію; по всей вѣроятности, онъ и не зналъ, что сопровождаетъ лишеннаго сана іеромонаха, и считалъ его за дѣйствительнаго архіерея. Добродушный Епифаній искренно полюбилъ поручика и дорѣгой, откровенно разговаривая съ нимъ о своемъ житѣ-бытѣ у раскольниковъ, со слезами благодарилъ императрицу за то, что приказала она его выручить, по его выраженію, изъ того вертепа, въ которомъ былъ онъ два года, яко Даніилъ во рвѣ львиномъ. Бѣднякъ былъ и въ самомъ дѣлѣ увѣренъ, что войска приходили въ Вѣтковскія слободы единственно для его выручки. Въ первыхъ числахъ мая привезъ его поручикъ въ Кіевъ. Здѣсь Епифанія посадили въ крѣпость. Тутъ только увидалъ онъ, что не жить ему свободно при софійской кафедрѣ, на что онъ такъ сильно надѣялся. Такое разочарованіе до того потрясло больного старика, что онъ слегъ въ постель и уже не вставалъ. Мая 31-го написалъ онъ письмо къ архіепископу Рафаилу. Говоря, что чувствуетъ приближеніе смертнаго часа, Епифаній просилъ прислать къ нему духовника. Его исповѣдали, приобщили, и на другой день онъ умеръ. Такъ кончилась многмятежная жизнь Епифанія, исходившаго русскую землю отъ Дуная до Вѣлаго моря и пересидѣвшего въ десяти тюрьмахъ, не считая пустыньки и Вѣтки.

Умирая, онъ все просилъ, чтобы взять оставшееся у него на Вѣткѣ имущество и отдать его племянникамъ и внукамъ. Добрый старикъ не позабылъ и приласкавшаго его дорѣгой поручика. У него ничего не было въ крѣпости, кромѣ пуховыхъ подушекъ. Онъ завѣщалъ ихъ офицеру **).

Епифанія схоронили возлѣ церкви св. Θεодосія въ Кіево-Печерской крѣпости. Отпѣвали, какъ мірскаго человѣка.

*) Иона Курносый.

**) Иона Курносый и указъ пзъ синода къ Рафаилу, 21 іюля 1735 года.

Варлаамъ Казанскій, самый горячій, самый ревностный защитникъ Епифанія, остался вѣренъ ему и по смерти. Будучи высланъ въ Россію, онъ поселился съ попами Епифаніева поставленія и съ большею частью гомельскихъ приверженцевъ покойнаго въ слободѣ Клинцахъ *). Сюда перевезли они гомельскую Преображенскую церковь и въ двухъ верстахъ отъ слободы, рядомъ съ нею, поставили другую — во имя Николая Чудотворца. При этихъ церквахъ устроили старообрядческій Николо-Пустынскій монастырь, существовавшій до пятидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Варлаамъ клятвенно всѣхъ увѣрялъ, что Епифаній старообрядство принялъ искренно и умеръ, не принявъ передъ смертью православнаго священника **). То же проповѣдывали и попы Епифаніева поставленія, Іоакимъ и Матвѣй. Послѣдній былъ настоятелемъ Николо - Пустынскаго монастыря. Они пѣвали по Епифанію панихиды, какъ по епископѣ „древляго благочестія“, и даже распускали молву, будто онъ принялъ кончину мученическую, крѣпко стоя за старую вѣру. Скоро огласили его святымъ и начали ходить въ Кіевъ на поклоненіе его могилѣ. Варлаамъ жилъ не болѣе года въ Стародубѣ. Когда узнали о его прошломъ и о томъ, какое значеніе имѣетъ онъ у раскольниковъ, его арестовали и, по опредѣленію синода, 11 февраля 1737 года отправили въ заточеніе въ Нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ.

Попы Іоакимъ, Матвѣй и другіе, поставленные Епифаніемъ, продолжали священнодѣйствовать въ Клинцахъ. Въ этомъ посадѣ число принимавшихъ правильность Епифаніева архіереиства до того было значительно, что въ 1789 году они выстроили въ посадѣ еще церковь Михаила Архангела, которую и освятилъ 10 февраля бѣглый отъ великороссійской церкви попъ, Данила Воскобойниковъ ***). Попъ Епифаніева постановленія, Іаковъ, дожилъ въ Клинцахъ до 1790 года. Онъ былъ послѣднимъ.

Почитавшіе за свято память Епифанія и принимавшіе поповъ его рукоположенія въ XVIII столѣтіи были извѣстны подъ именемъ *епифановщины* ****), гдѣ образовалось ихъ средоточіе. Немало ихъ было въ

*) Нынѣ Клиновскій посадъ, Черняговской губерніи.

***) Іопа Курносый.

****) Андрея Іоанновича Журавлева «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 337.

*****) Монастырь епифановщины, Николо-Пустынскій, существовалъ до послѣдняго времени, но уже находился въ самомъ жалкомъ состояніи. Вотъ что писалъ о немъ извѣстный ученый статистикъ нашъ К. И. Арсеньевъ, въ 1850 году обозрѣвавшій стародубскіе старообрядческіе монастыри: «Монастырь Никольскій, въ 2 верстахъ отъ Клиновъ, не пользуется никакимъ уваженіемъ окрестныхъ жителей; въ немъ живетъ 5 монаховъ и 12 бѣльцовъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ отъ 60 до 90 лѣтъ, одинъ только инокъ 46 лѣтъ и облеченъ въ блудной жизни и прижитіи дѣтей; другой, казначей монастыря, обманываетъ убогихъ стариковъ и употребляетъ монастырскіе доходы преимущественно на свое семейство въ посадѣ Клинцахъ. Монастырь

возобновленной Вѣткѣ и другихъ зарубежныхъ мѣстахъ, были въ Москвѣ и въ Гуслицахъ. Явились они даже и на Керженцѣ, гдѣ при жизни Епифанія и слышать о немъ не хотѣли, Въ Никанориинѣ обители Оленевского скита (Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи), уничтоженной въ 1853 году, до послѣдняго дня существованія этой обители свято сохранялась память Епифанія, и его имя было записано въ синодикахъ рядомъ съ именемъ Павла Коломенскаго. Такіе синодики случалось намъ видѣть у нѣкоторыхъ старообрядцевъ Владимірской, Московской и Черниговской губерній.

Въ настоящее время, когда возникла въ Бѣлой Криницѣ старообрядческая іерархія, извѣстная болѣе подъ именемъ *австрійства*, добрая память о добродушномъ Епифаніи восстановлена во мнѣніи всѣхъ принявшихъ эту новую іерархію. Они не хотятъ вѣрить, чтобъ Епифаній тяготился своимъ положеніемъ на Вѣткѣ, чтобъ онъ тайно переписывался съ Кіевомъ, даже съ самимъ Рафаиломъ, и чтобъ умеръ, возвратившись въ нѣдра православной церкви. Ихъ нимало не соблазняетъ его обливанство, такъ много смущавшее ихъ пращѣдовъ, они совершенно объ этомъ умалчиваютъ и представляютъ Епифанія великимъ святителемъ, положившимъ душу свою за овцы своя, мученикомъ, страдальцемъ за „древлее благочестіе“ и за старый обрядъ. Такъ, напримеръ, въ новое сочиненіе объ основаніи бѣлокриницкой іерархіи, написанное недавно (въ 1861 году) и уже весьма распространенное между старообрядцами *), введенъ слѣдующій рассказъ объ Епифаніи. „Къ достиженію же сей цѣли (отысканія архіерея) предпринимали разныя средства. Первыя покушенія у нашихъ христіанъ для отысканія епископа были еще въ царствованіе Петра I, для чего они обращались въ Молдавію и Грецію, но безуспѣшно. Потомъ достигли своего желанія. Рукоположенный въ Молдовлахіи яскимъ митрополитомъ Антоніемъ, въ 1724 г., епископъ Епифаній обратился въ нашу православную вѣру и, по общему всѣхъ вѣтковскихъ христіанъ согласію, принять былъ въ Покровскомъ монастырѣ, чтд на Вѣткѣ, священникомъ Іовомъ, въ лѣто 7232 (1724?). И по принятіи, епископъ Епифаній совершилъ божественную литургію и отправлялъ святительскую должность: онъ рукоположилъ до четырнадцати человѣкъ въ священнослужители, то-есть въ попы и дьяконы. Но какъ только разнесся объ этомъ слухъ, то вдругъ на сего православнаго епископа наведено со стороны правительства строжайшее преслѣдованіе; онъ былъ взятъ и послѣ разныхъ извурі-

---

этотъ походить болѣе на богадѣльню, чѣмъ на обитель иноковъ». Любопытная записка К. И. Арсеньева находится въ архивѣ департамента общинныхъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ (Дѣло 1850 года, № 140).

*) «Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древлеправославной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся».

тельныхъ послѣдствій скончался въ Кіевѣ. Рукоположенные же имъ священники дѣйствовали даже до конца жизни⁴.

Не такъ смотрѣли на Епифанія его современники. Въ XVIII столѣтіи значительное большинство старообрядцевъ поповщинскаго толка и въ Россіи и въ зарубежныхъ мѣстахъ нимало не уважали памяти Епифанія, и въ нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненіяхъ Вѣтка подвергалась сильнымъ укорамъ за принятіе этого епископа *).

Вотъ, напримѣръ, чтò говорилъ, лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ Епифанія, Иона Курносый, который можетъ считаться отголоскомъ не только Керженца, гдѣ онъ писалъ свое сочиненіе, но и вообще старообрядцевъ по повощинѣ, жившихъ въ восточной части Европейской Россіи: „Ныѣшніе епифаняне попы и послѣдующіе имъ и поняѣ исчезнувшу Епифанію въ отступленіи, вѣру къ нему мертвому душою и тѣломъ, яко аріане Арію, въ проходѣ пораженну, главу въ порты забиту, вѣру храниху, сице епифаняне къ Епифанію. А понеже отцы наши (керженскіе) до приему Епифаніева вѣтковскихъ поповъ согласія отказашася и причастія ихъ служенія приимати отрекошася и во время требованія совѣта къ пріятію Епифанія за епископа отказалася и общимъ совѣтомъ положиша вѣздящимъ въ Москву къ понамъ московскимъ подъ руку ко благословенію не ходити, и во время ихъ служенія за службу молитися не ходити, ни съ дѣтьми духовными ихъ ни ясти, ни пити, ни молитися, якоже и было, и быти неотложно сему узаконенію твердо быти. Но понеже, яко же пишется, пастыремъ о овцахъ небреженіе и людское ко священникомъ непокорства палежаніе, зане вси по своей волѣ ходять, особливо здѣшній народъ, не хочетъ время плачевное призвати — время опасное сѣтовное. Пользувахомся священствомъ, священниками, священноиноками, и иноками честными и инокинями, глубокою старостию

*) Есть у раскольниковъ сочиненіе: «Альфа и Омега въ седми толковомъ Апокалипсисѣ прореченная, отъ него же иѣчто на исправленіе прорекъ сущимъ во Асіи Малороссійской». Она написана въ Стародубѣ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и заключаетъ въ себѣ обличеніе старообрядцевъ семи слободъ: Клиповъ, Злынки, Климовой, Зыбкой, Вѣтки, Крушца и Воронка. Здѣсь Епифаній послужилъ поводомъ для укора Вѣткѣ. Вотъ обличеніе ея: «Ангелу вѣтковскія церкви палиши: вѣмъ твои дѣла, яко ни студенъ еси ни теплъ, сего ради изблевати ты имамъ, зане, *егда держался еси благочестія лавры Кіева* и догматовъ Аввакумовыхъ, *то стяжалъ еси епископа и владыку еси и посылалъ еси, иде же не съялъ*. Но егда вознесся еси паче Капернаума, то и низпалъ еси, яко же блудница оная вавилонская, отъ вина же ея любодѣянія упишася никопіане и языцы мнози. Но и ты исполнилъ еси мѣру ихъ, чего ради отъята бысть благодать твоя и преседена во обитель Климовскую (наемъ на перенесеніе первой раскольнической Покровской церкви послѣ выгонки 1735 года изъ Вѣтки въ стародубскую слободу Климову), яко есть Новый Іерусалимъ. И ты убо притецы я припаде къ сосуду моему избранному, Михаилу блаженному (попъ Михаилъ Калмыкъ, одна изъ замѣчательныхъ личностей въ расколѣ, жившій въ слободѣ Климовой), да спасеши отъ недуга своего и исцѣлѣши. Имѣй уши слышати, да слышишь».

и сѣдинами и разумомъ духовнымъ украшенными, егда была священпоинокъ Никифоръ, священноіерей Іоаннъ (іже потомъ отъ Никифора постриженъ священпоинокомъ) Іовъ *) и съ нимъ Василій Торжковецъ и по нихъ Іаковъ Варламовъ, не ошибитися бы, мнитися Аврааміемъ Галицкимъ принятый, но много разства видится отъ тогда бывшихъ священниковъ и отъ сущихъ нынѣ. Тѣ сами не хотяще своя души погубити, знавше премѣну благочестія оставляюще приходы, приходяще ко священпоинокомъ, священникомъ и инокомъ, хотяще токмо при нихъ спасти своя души, а не паствити, учитися, а не учити; и по усмотрѣнію отецъ умоляеми, народныя ради пользы и принуждаеми пужды ради спасительная исправлять и не хотяще; а нынѣшнихъ посылають не кати яко на положенное и принашенное. Ссыкавъ умоляемъ: „Поѣдемъ, рѣчемъ имъ: видно, скудное житіе твое, а у насъ и тысящи пажить можешъ“. И привезши соборумъ, како исправимъ. И аще мы до глубокой старости ищемъ ихъ по подобію, яко по чужимъ житницамъ не зерны, но охоботіе и паздеріе собираемъ, а младыя дѣти гдѣ получатъ будутъ и ссыкивати, что не отъ обливанцевъ? Всѣ говоримъ: „невозможно безъ пона быти: Господь не умираеть и священство его не престаеть“. Подлинно у епифановщины не перестанеть. Почто перестать? Вся вселепная полна поповъ, не токмо поповъ, но и большаго чина всякаго полна вселенная, церковнаго причта“.

Еще сильнѣе были укору со стороны бозпоповщинскихъ расколниковъ, напримѣръ, Ивана Алексѣева въ „Исторіи бѣгствующаго священства“. Многіе самыя горячіе приверженны Епифанія и поставленныхъ отъ него поповъ стыдились черезъ нѣкоторое время сознаться, что оны когда-то принадлежали къ согласію епифановщины.

V.

Аѳингенъ.

Какъ паденіе стараго Керженца способствовало возвышенію Вѣтки, такъ въ свою очередь паденіе Вѣтки было причиною быстрого возвышенія слободъ Стародубскихъ. Здѣсь поселилась большая часть выведенныхъ Сытинимъ изъ-за литовскаго рубежа старообрядцевъ. До того въ Стародубѣ мало было поповъ, и жившіе въ тамошнихъ лѣсахъ старообрядцы такъ одичали, что болѣе походили на какихъ-то грубыхъ инородцевъ, чѣмъ на русскихъ людей. Грамотныхъ у нихъ вовсе почти

*) Іовъ ушелъ потомъ на Уралъ къ расколникамъ, на Демядовскіе заводы, и пользовался огромнымъ уваженіемъ тамошнихъ старообрядцевъ. Похороненъ онъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, на старообрядческомъ кладбищѣ Нижне-Тагильскаго завода, и признается святымъ. Ежегодно 29-го мая, на день его ангела, и 4-го сентября, на день его смерти, стекается до пяти тысячъ народа для его поминовенія и для поклоненія его гробницѣ (см. дѣло департам. об. дѣлъ мн. ви. дѣлъ, 1837 года, 17-го мая, № 64).

не было, и кто съ трудомъ и запинаясь на каждомъ словѣ умѣлъ читать „Часословъ“, тотъ считался уже великимъ богословомъ. Старики правили службу только по „Часослову“ и „Псалтыри“, другихъ книгъ и знать никто не хотѣлъ. Такъ, когда однажды въ слободу Злынку привезъ одинъ старообрядецъ изъ Москвы старопечатный „Октоихъ“ и велѣлъ читать по немъ канонъ, то едва успѣли сказать начальныя слова первой иѣсни: „Колеснищегонителя Фараона погрузи“, поднялся страшный шумъ. „Что это за книга?—кричали злынковскіе старообрядцы:—зачѣмъ она здѣсь? Чтò въ ней за колеса да фараонъ? Это по новой вѣрѣ! Это книга никоніанская, еретическая. Въ печь се, да сжечь!“ Когда же поселялись здѣсь вѣтковскіе раскольникіи, жизнь въ Стародубѣ измѣнилась: явились промышленность и торговля, завелись вскорѣ и фабрики. Въ Клинцахъ особенно развилась фабрикація суконъ. Начались дѣятельныя сношенія съ Москвою и Петербургомъ, явились значительныя капиталы. Построеніе церквей и появленіе поповъ въ достаточномъ количествѣ придало большой блескъ Стародубю, и оно сдѣлалось средоточіемъ всей разсѣянной по Руси и по зарубежнымъ мѣстамъ поповщины. Неблагосклонно смотрѣли однако коренные стародубляне. Когда зарубежныя выходцы стали у нихъ въ слободахъ ставить церкви, они возроптали и произвели мятежъ. „Зачѣмъ намъ дерквы?—говорили они.—Наши отцы отъ дерквы изъ Россіи ушли; у насъ церквей слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынѣ дерквы и въ нашихъ мѣстахъ строить“,—и чуть не сожгли ихъ. Когда въ новопостроенныхъ церквахъ начали служить обѣдно, большой ропотъ опять поднялся отъ коренныхъ жителей Стародубя:

— Чтò это за попь? — говорили они. — Самъ причастье работаетъ! Развѣ это можно? У насъ было причастье старое, а это все новая вѣра!

Снустя нѣсколько лѣтъ смягчилось пемное правы стародубскихъ дикарей, и они мало-по-малу слились съ зарубежными пришельцами въ одиѣ общины. Упорныхъ осталось немного. Но въ нѣкоторыхъ слободахъ *) все-таки никакъ не могли рѣшиться на постройку церквей, довольствуясь часовнями, хотя и имѣли въ свое время полную возможность и достаточно средствъ къ устройству церквей.

Въ слободѣ Зыбкой (нынѣ уѣздный городъ Новозыбковъ, Черниговской губерніи) была въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія часовня дяконовщины, на мѣстѣ которой, не ранѣе 1771 года, построена была церковь Рождества Христова. При ней, съ 1739 года, былъ бѣглый попь Патрикій, ревностный послѣдователь дякона Александра, казненнаго въ 1720 году, въ Нижнемъ-Новгородѣ, на Нижнемъ базарѣ. Патрикій былъ человекъ хитрый, умный, начитанный и

*) Въ Воронкѣ, Ардонѣ, Святской, Радулѣ, Млинкѣ, Митьковкѣ, Шеламѣ, Чуровичахъ, Деменкѣ и Тимошкиномъ-Перевозѣ. Тутъ были только часовни. Церкви были въ Кляповой, Зыбковой, Злынкѣ, Клинцахъ, Лужкахъ, Еленкѣ и Добрянкѣ.

честолюбивый. Онъ приобрѣлъ огромное вліяніе на старообрядцевъ дьяконового согласія, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Высокій ростомъ, съ бѣлыми волосами, съ бородой едва не до колѣнъ, сановитый, съ важною поступью, — онъ внушалъ къ себѣ чрезвычайное уваженіе. Жизни былъ строгой, подвижнической и самыхъ честныхъ правилъ. Его называли даже „патріархомъ“. И во всемъ „дьяконовомъ согласіи“ онъ дѣйствительно былъ верховнымъ правителемъ духовныхъ дѣлъ: назначалъ поповъ, судилъ ихъ и мірянъ, разсылалъ увѣщательныя и обличительныя посланія. Словомъ, Патрікій стоялъ во главѣ сильной еще тогда дьяконовицины.

Тревожила нерѣдко и Патрікія мысль, не оставлявшая издавна старообрядцевъ. „Вѣдь только та церковь свята и истинна, — думалъ онъ: — гдѣ преетственно сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи; а гдѣ у насъ епископы?“

Въ 1749 году явился въ Зыбку молодой монахъ, по говору великорусскъ, человекъ пылкаго характера, остраго ума, отлично знавшій церковныя уставы, краснорѣчивый, ученый, знавшій даже по-латыни, говорившій по-французски и по-польски. Наружность его была чрезвычайно красива: высокаго роста, дородный, съ блѣднымъ лицомъ, съ блестящими умными глазами, съ черными, какъ смоль, волосами и съ такою же широкою, длиною, окладистою бородой. Голосъ у него былъ свѣтлый и громкій, держалъ онъ себя сановито и имѣлъ самую изящную манеру, доказывавшія, что онъ, если не постоянно, то весьма часто обращался въ хорошемъ обществѣ. Молодой чернецъ говорилъ, что происходитъ онъ изъ дворянской фамиліи, какой — мы не знаемъ. И это было вѣрно, что онъ хорошаго роду. Платье на этомъ чернецѣ-дворянинѣ было обыкновенное монашеское, старообрядческое, но камилавка и кафтырь какъ-то особенно ловко сидѣли на немъ. На кафтырь и на келейной мантии, которую старообрядческіе монахи и монахини носятъ какъ пелеринку, обычная красная оторочка въ родѣ кантика выложена была изъ яркаго кармазиннаго сукна, бросавшагося издали въ глаза. Все было на чернецѣ такъ чисто, такъ опрятно, такъ щеголевато. Называлъ онъ себя священноинокомъ (то-есть іеромонахомъ) Аоиногеномъ, говоря, что, познавъ истину „древляго благочестія“, презрѣлъ онъ почести и славу и пошелъ, Бога ради, странствовать, изыскивая хорошаго мѣста между ревнителями стараго обряда, гдѣ бы могъ проводить до конца дней своихъ тихое и безмятежное житіе.

Въ Зыбкой приняли новаго пришельца. Тамъ всякаго принимали. Съ первыхъ же дней замѣтилъ Аоиногенъ, что зыбковскіе слобожане имѣютъ слѣпую вѣру къ Патрікію. Чтѣ Патрікій скажетъ, то и законъ для всѣхъ. И сталъ онъ употреблять всѣ средства, чтобы понравиться стародубскому „патріарху“. Старикъ Патрікію крѣпко по душѣ пришелся красивый, скромный, ученый молодой чернецъ; онъ полюбилъ его, какъ сына, и даже помѣстилъ у себя въ домѣ, проводя съ нимъ все

время въ разумныхъ и учительныхъ бесѣдахъ. Аоиногенъ совершенно очароваль Патрикiя своимъ бойкимъ умомъ и обширными свѣдѣнiями, а вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенною набожною и подвижничествомъ.

Патрикiй нахвалиться не могъ своимъ нареченнымъ сыномъ. „Его самъ Богъ ровно съ небесъ послалъ къ намъ“, — говариваль онъ и прочилъ Аоиногена себѣ въ преемники. И быстро разнеслась добрая слава объ Аоиногенѣ по всему Стародубью и во вновь возникшихъ на пеплѣ разоренныхъ Сытинымъ слободахъ Вѣтковскихъ. Однажды, въ задушевной бесѣдѣ, Патрикiй высказаль сынку своему тяготившую его мысль о необходимости имѣть правильнаго епископа. Молодой чернецъ совершенно соглашался съ Патрикiемъ, но съ какою-то таинственностью постоянно уклонялся отъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

Еще казалось страннымъ Патрикiю, что, несмотря на доброе и спокойное житiе въ Зибкой, подъ крылышкомъ самого Патрикiя, Аоиногена все тянуло за границу. Таинственно намекаль онъ, что у него въ Петербургѣ есть сильные враги, власть имѣющiе, которые никакъ не простятъ того, что онъ позналь „древлее благочестiе“ и ушелъ странствовать, что они опасаются, чтобъ Аоиногенъ не разсказаль кое-чего ему извѣстнаго, а отъ этого-де пойдетъ по государству великая крамола, и многимъ сильнымъ людямъ не споситъ тогда головы. Хитро намекаль Аоиногенъ и на то, что вотъ недавно по милости Еуифанiя разорили Вѣтку и всѣ зарубужныя слободы, а если про него въ Петербургѣ узнають, гдѣ онъ находится — во всемъ Стародубѣ камня на камнѣ не останется. „А я не желаю, чтобъ изъ-за меня грѣшнаго пострадали православныя христiане, свято хранящiе древнiе уставы“.

— Но кто же такой? Какiя у тебя обстоятельства были съ сильными мiра сего?—спрашиваль у Аоиногена Патрикiй.

— Честный отче! — отвѣчалъ чернецъ: — ты видѣль мои бумаги, знаешь, что я не кто другой, какъ грѣшный священникъ Аоиногенъ. Не искушай меня болѣе. Мое со мною и останется.

И заводилъ Аоиногенъ рѣчь о томъ, какъ, при бывшихъ недавно перемѣнахъ въ правленiи, лица, стоявшiя на самыхъ высокихъ степеняхъ, падали и въ Сибирь отсылаемы были на вѣчное житiе, что самъ бывший императоръ Иванъ Антоновичъ и мать его, бывшая правительница государства, томятся въ безвѣстномъ заключенiи.

— А если бы, — говорилъ онъ: — Анна Карловна *) съ Божьею помощью возвратилась, и сѣлъ бы на престолѣ царь Иванъ Антоновичъ, процвѣло бы тогда „древлее благочестiе“, такъ же, какъ и при царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ, потому что и Анна Карловна и царь Иванъ Антоновичъ, въ несчастiи находясь, истинную вѣру познали.

Патрикiй, въ свою очередь, уклонялся отъ подобныхъ разговоровъ. Въ то время за подобныя слова угрожала тайная канцелярiя, кнутъ, и

*) Анну Леопольдовну въ народѣ звали больше Анной Карловной.

если не смертная казнь, то ужь навѣрное сибирскіе рудники или неисходное житье въ какомъ-нибудь Рогервикѣ или Шлиссельбургѣ.

Пріѣхаль въ Зыбкую зарубежный старообрядецъ, по имени Марко, и привезъ отъ жителей главной побужской слободы, Борской, просительную грамоту на Вѣтку, въ которой они умоляли тамошнихъ отцовъ, „на утѣшеніе духовныхъ печалей, яко народъ жаждетъ священника“, для исправленія духовныхъ требъ прислать достойнаго іерея. Побужскій посланецъ на Вѣткѣ, едва возникшей послѣ разгрома 1735 года, нашель „великое оскудѣніе священства“. Оттуда некого было послать на Бугъ: тамошніе отцы сами просили у стародублянъ попа своего согласія. Марко поѣхаль далѣе, перебрался черезъ границу и прибыль въ Стародубье. Зная, чтоу Патрикія много было стараго при частія, Марко обратился къ нему, прося его пріѣхать на время въ Борскую слободу или же прислать кого-либо за себя съ достаточнымъ запасомъ причастія. Честолюбивому Патрикію было очень лестно такое приглашеніе, но самому нельзя было предпринять дальнюю поѣздку: и преклонность лѣтъ, и необходимость пребыванія въ Стародубѣ, гдѣ кипѣли тогда раздоры между старообрядцами, препятствовали его поѣздкѣ, да стародублине его согласія, пожалуй, и не пустили бы его. Онъ придумаль послать вмѣсто себя любимаго сына своего. Когда онъ сказалъ о такомъ намѣреніи Аоиногену, тотъ смиренно отвѣчалъ, что чувствуетъ себя недостойнымъ идти на такой великій, апостольскій подвигъ, но готовъ творить волю посланнаго.

Вотъ что писалъ Патрикію старѣйшинамъ Борской слободы, Пимену Иванъ вичу и Ивану Кондратьевичу:

„Господамъ моимъ, предавшимъ себе за свидѣтельство Ісусъ Христово, Пимену Ивановичу, Ивану Кондратьевичу, и всѣмъ православнымъ христіаномъ слободы Борской благодать Божья и благословеніе да умножатся. Извѣстившеся чрезъ посланнаго отъ васъ, раба Божья Марка, съ писаніемъ на Вѣтку, яко зѣльнѣ народъ жаждетъ священника, на утѣшеніе духовныхъ вашихъ печалей, обрѣтше священноинока Аоиногена, посылаемъ вамъ въ настыря, котораго для нѣкоторыхъ нуждъ, понеже должно послать въ Великую Россію, того ради какъ придетъ время, молю васъ самого дѣля Христа Господа, ему споспѣшествуйте, самого же его, аки мою утробу, примите, повинующеся во страсъ Божіи; несомнѣнно бо уповаемъ, яко егда получите его, и дѣло православнаго ученія и послуженія со страхомъ Божіимъ будетъ въ васъ содѣльваемо. Возвѣщаемъ же, братія, яко древлее наше благочестіе отвсюду гошимо, въ настырехъ скудость, а овцы всюду умножаются. Тѣмъ же съ сущюю въ васъ церковію молитесь, да не внидемъ въ напасть, но да здравы, обще съ вами, мирно потерпимъ дне Господня. Аминь. Всегда молящійся о душахъ вашихъ и промышляющій о добрѣ ихъ вѣчною, свидѣтель Господа нашего Ісуса Христа іерей, Патрикій. 1750 года“.

Другое подобное посланіе писалъ Патрікій на Вѣтку въ Пахоміевъ, что на рѣкѣ Сожѣ, въ 8 верстахъ отъ Вѣтковой слободы, дьяконовскаго согласія монастырь *), къ тамошнему настоятелю, черному пону Игнатію съ братіей, которымъ рекомендовалъ Аѳиногена. „Слышахомъ,—писалъ онъ:—васъ болѣзнующихъ лишеніемъ духовнаго пастыря и отца (вѣроятно, Пахомія, основателя монастыря, незадолго передъ тѣмъ умершаго), болѣзнь вашу съ нашею соединяемъ и купно сострадаемъ и зѣлнѣе соболѣзнуемъ... дотолѣ страдахомъ и рыдахомъ, доколѣ всеблагій промышленникъ не услыша насъ и плача нашего не остави и бездѣльно возвратитися въ нѣдра наша, и не посла въ общее утѣшеніе ваше и наше, *аки свыше*, священноинока Аѳиногена. То получивше, отрохомъ слезы наша, зане обрѣтохомъ и православно мудрствующа, и готова суда, рекше послушествовати къ вамъ, его же абіе и послахомъ“ **).

Перейдя рубежъ, Аѳиногенъ вздохнулъ свободнѣе, ибо были въ его жизни обстоятельства, по которымъ ему дѣйствительно было небезопасно оставаться въ русскихъ предѣлахъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Гомелѣ и Пахоміевомъ монастырѣ, онъ проѣхалъ на Вугъ, и тамъ, въ слободѣ Борской, старшины Пименъ Ивановичъ и Иванъ Коидратьевичъ и всѣ старообрядцы встрѣтили его съ большимъ почетомъ. Поселившись здѣсь, вскорѣ успѣлъ онъ привлечь къ себѣ всѣхъ жителей побужскихъ слободъ. Это люди были богатые, зажиточные; хорошее житіе у нихъ было Аѳиногену. Одною только недоставало имъ: давно желали они имѣть вмѣсто часовенъ хоть одну церковь, на что не пожалѣли бы никакихъ денегъ, да антимиаса не было, стало-быть, и церковь нельзя было святить. Узнавъ о такомъ желаніи ихъ, Аѳиногенъ сказалъ однажды на общемъ сходѣ: „у меня есть древній антимиасъ, строите церковь, а я могу освятить ее“. Въ Борской слободѣ построили деревянную церковь, и Аѳиногенъ освятилъ ее во имя Знаменія Богородицы. Благодарные старообрядцы щедро вознаградили Аѳиногена за антимиасъ и освященіе церкви, при которой онъ и остался священнодѣйствовать. Здѣсь онъ велъ самую строгую жизнь, что въ глазахъ старообрядцевъ составляетъ главное. Блѣдное лицо говорило о его постничествѣ, и онъ дѣйствительно былъ великій постникъ и неуклонно исполнялъ всѣ обѣты монашества и всѣ правила устава. Говорилъ онъ красно, учителью, поражалъ грубыхъ, малосвѣдующихъ старообрядцевъ блестящимъ умомъ и обширными свѣдѣніями по разнымъ отраслямъ знаній, удивлялъ ихъ бѣглымъ разговоромъ по-польски и основательнымъ знаніемъ латинскаго языка. Дѣйствительно, кромѣ поморскихъ расколотчиковъ, князей Мышецкихъ, расколъ до того времени не имѣлъ еще такого ученаго человѣка, каковъ былъ Аѳиногенъ. Уваженіе къ нему

*) Нынѣ упраздненъ. Въ немъ двѣ запечатанныя церкви, молельная и келья—все деревянное, ветхое.

***) У Андрея Іоаннова Журавлева, стр. 287—290.

росло, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Водясь съ старообрядцами уже два года, онъ замѣтилъ, какъ всѣ они чувствуютъ необходимость имѣть своего епископа, и притомъ такого, который бы не былъ обливанцемъ, подобно Епифанію. Почти всѣ зарубежныя старообрядцы рѣшительно желали епископства; въ Россіи главнымъ мѣстомъ проповѣди о необходимости имѣть святителя было Стародубье, и именно тѣ общины, которыя держались дьяконовскаго толка. Оттуда еще въ 1745 году разсылались увѣщательныя письма о томъ, чтобы всѣми силами и общими средствами искать правильнаго архіерея. Одно изъ такихъ посланій сохранилъ о Журавлевѣ въ своемъ сочиненіи *): „желаемъ отъ васъ тщаніе о лучшемъ, сказано въ немъ, сіе есть елико сила ходатайствовать святительство: источникъ священства“. Замѣтивъ, что и поселившіеся на Бугѣ старообрядцы весьма желаютъ получить епископа, Аоиногенъ рѣшился сдѣлаться архіереемъ. Искать хиротоніи у яскаго или у другого какого-либо митрополита было затруднительно, и мало было надежды на успѣхъ, а потому и рѣшился онъ на поступокъ небывалый до того времени въ средѣ старообрядцевъ — сдѣлался самозванцемъ-епископомъ. Довкій Аоиногенъ очень хитро повелъ дѣло. Придутъ, бывало, къ нему въ келью съ какою-нибудь надобностью, а онъ сидитъ задумавшись и, услышавъ шаги вошедшихъ, какъ бы опомнится и благословитъ обѣими руками, по-архіерейски, а потомъ смутится, замѣшается и поведетъ рѣчь о чемъ-нибудь постороннемъ. Положить, бывало, въ углу подъ образами вмѣстѣ съ епитрахилью и омофоръ, чтобы приходившіе къ нему могли это замѣтить. Аоиногенъ очень любилъ дѣтей; встрѣтить, бывало, на слободской улицѣ ребятишекъ, непременно подойдетъ къ нимъ, каждого порознь благословитъ, въ головку поцѣлуетъ, орѣхами, пряниками и другими лакомствами всѣхъ одѣлитъ. Мальчики полюбили добраго пона, стали къ нему въ келью ходить; онъ ихъ грамотѣ училъ, гостинцами одѣлялъ. Такая любовь къ дѣтямъ, разумѣется, еще болѣе увеличила приверженность родителей къ Аоиногену. Иной разъ распахнутся нежданно двери его кельи, вбѣжитъ рѣзвая толпа дѣтей, и стануть мальчики молча, какъ вкопанные: ихъ добрый пощъ, ихъ любимый учитель молится Богу въ еватрахили и омофорѣ. Дѣти и говорятъ дома, что застали они пона на молитвѣ, а стоитъ онъ и молится не въ одной, а въ двухъ епитрахильяхъ — одна, какъ надо быть у пона, а другая еще на плечахъ положена. Пошли тайственные толки. Заводятъ наконецъ старики рѣчь съ Аоиногеномъ объ одномъ предметѣ, но онъ всячески уклоняется отъ разговоровъ. Говорятъ ему про дѣтскіе рассказы, а онъ отвѣчаетъ, улыбаясь: „Что про нихъ говорить! Извѣстное дѣло, — малыя дѣти, неразумныя. Мало ли чего они, по глупости своей, ни насажутъ!“ Пришелъ Троицынъ день;

*) Андрей Іоанновичъ Журавлевъ. «Историческое извѣстіе о расколнникахъ», стр. 280—285.

Аониогенъ въ Знаменской церкви служилъ обѣдно и вечерно. Въ эту вечерню читается особая молитва Св. Духу. У насъ, въ православной церкви, во время чтенія ея все стоятъ на колѣняхъ, а у старообрядцевъ, по ихъ обряду, „лежать на листу“, то-есть падаютъ ницъ на цвѣты и листья, которые держать въ рукахъ, и остаются въ такомъ положеніи до самаго конца молитвы. Кончивъ ее, Аониогенъ благословилъ лежащій народъ обѣими руками, какъ епископъ. Это было замѣчено; пошелъ новый говоръ, сильнѣе прежняго, но, какъ ни приставали къ Аониогену, онъ рѣшительно отказался отъ всякихъ объясненій, говоря, что видѣвшимъ, будто онъ благословляетъ обѣими руками, должно-быть, почудилось. Черезъ нѣсколько времени проѣзжалъ черезъ Борское старообрядческій попъ. Аониогенъ воспользовался случаемъ, чтобъ исповѣдаться. Духовникъ сталъ его исповѣдывать, какъ священноинокъ *); Аониогенъ остановилъ его.

— Отче,—сказалъ онъ:—азъ емь епископъ, а потому исповѣдать, разрѣшать и молиться за меня, грѣшнаго и недостойнаго, изволь надлежащимъ порядкомъ. Я епископъ Лука...

Въ смущеніе пришелъ духовникъ. И не смѣлъ много его спрашивать. Аониогенъ самъ сказывалъ:

— Получилъ азъ, смиренный, великаго архіерейства хиротонію отъ сибирскаго митрополита Антонія **), удѣльной епархіи у себя не имѣлъ, а находился при нѣкоемъ великоважномъ темничникѣ. И, узнавъ старую правую вѣру, оставилъ всю честь свою и достоинство, и предпріялъ Бога ради странствовать.

— Кто же этотъ темничникъ?—спросилъ духовникъ.

— О немъ никому неизвѣстно, — отвѣчалъ колѣнопреклоненный Аониогенъ, смиренно поинкнувъ головой.

— Но рцы ми тайну сію,—возразилъ духовникъ.—Мнѣ, какъ отцу твоему духовному, *подобаетъ* знати вся сокровенная души твоей, не мнѣ бо, недостойному, глаголати будещи, но самому Господу Богу и Спасу нашему Іесуу Христу.

— Дай мнѣ того Господа нашего во свидѣтели, — отвѣчалъ испо-

*) Послѣдованіе исповѣди архіерейской, по уставу, нѣсколько отлично отъ исповѣди священнической.

**) Пресвященный Макарій въ своей «Исторіи русскаго раскола» (стр. 309) говоритъ, что Антонія, митрополита сибирскаго, не бывало. Напротивъ, въ XVIII ст. было два Антонія, митрополита сибирскихъ. Одинъ, по фамиліи Стаховскій, изъ архимандритовъ Новгородъ-Сѣверскаго Спасскаго монастыря, рукоположенъ въ санъ архіепископа черниговскаго въ 1713 году; въ 1720 онъ переведенъ былъ въ Тобольскъ, гдѣ и былъ, именуясь «сибирскимъ и тобольскимъ» митрополитомъ, до 27 марта 1740 г., когда скончался. Другой, по фамиліи Нарожницкій, изъ намѣстниковъ Троицко-Сергіевской лавры посвященъ въ митрополиты сибирскіе 26-го сентября 1742 года и скончался въ Тобольскѣ 9 октября 1748 года. Аониогенъ говорилъ, конечно, о Нарожницкомъ (см. пресвященнаго Амвросія «Исторію російской іерархіи», т. I, стр. 111, 112).

вѣдникъ:—что, когда я объявлю тебѣ нѣкую о себѣ тайну, тебѣ бы оную никому не открыть.

— Даю во свидѣтели Господа нашего Іеуса Христа,—сказаль попь.

— Присягни же передъ животворящимъ крестомъ и святымъ евангеліемъ.

Пошь присягнуль и снова спросиль Аоиногена:

— Какой же это темничникъ, при коемъ мало что священноіерея, а даже и епископа парочно держать?

Аоиногенъ склонился еше ниже передъ священниковъ и едва слышнымъ голосомъ сказалъ:

— Императоръ и самодержецъ всероссійскій Іоаннъ Антоновичъ.

— Гдѣ же онъ?

— Въ Сибири *), въ дальнихъ мѣстахъ, томится въ заключеніи вмѣстѣ съ своею родительницею, великою княгиней Анною Карловною. Долго находился я при нихъ высокихъ особахъ; уразумѣвъ же древлее благочестіе, бѣжалъ изъ дворца ихъ императорскаго величества и переименовалъ себя Аоиногеномъ **).

И сталъ духовникъ исповѣдывать епископа Луку по чину архіерейскому.

Духовникъ ли огласилъ тайну исповѣди, самъ ли Аоиногенъ, — неизвестно, но молва объ его архіерействѣ росла болѣе и болѣе. Въ разговорахъ же съ старообрядцами Борской слободы онъ попрежнему держалъ себя уклончиво, избѣгая разспросовъ объ его прежней судьбѣ, но въ то же время писалъ много писемъ въ разныя зарубежныя старообрядческія мѣста, не называя прямо себя архіереемъ, „но хитро давая знать о себѣ нѣчто великое“. Тайнственность, которою окружилъ Аоиногенъ свою личность, увеличивала съ каждымъ днемъ число его приверженцевъ.

*) Въ то время никто не зналъ, гдѣ содержится бывшій императоръ Іоаннъ и мать его Анна Лесопольдовна. Мѣсто заключенія ихъ сохранилось въ глубочайшей тайнѣ. Вообще же полагали, что они въ Сибири. Поэтому и Аоиногенъ, рассказывая вымышленную имъ исторію, говоритъ тоже о Сибири. Притомъ же принцесса Анны въ то время уже не было въ живыхъ. Она скончалась въ Холмогорахъ 7-го марта 1746 года; тѣло ее привезено въ Петербургъ и похоронено публично въ Александро-Невской лаврѣ со всѣми должными почестями.

**) «Дѣло святѣйшаго синода» 1757 года. По архивной описи № 337. Письмо лжеепископа Анеима къ яскому митрополиту Іакову, отъ 12-го декабря 1756 года. Въ 1744 году было покушеніе похитить трехлѣтняго Івана Антоновича и увезти его за границу. Покушеніе это сдѣлалъ какой-то монахъ. Его и Івана Антоновича поймали въ Смоленскѣ. Что сдѣлалось съ монахомъ—неизвестно, а несчастнаго ребенка переименовали въ Григорія и увезли въ Шлиссельбургъ (ср. Вейдемейера, «Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи». Спб. 1835, т. III, стр. 96). Нѣтъ ли тутъ чего общаго съ Аоиногеномъ? Дѣла объ Аоиногенѣ въ св. синодѣ нѣтъ, и мнѣ неизвестно, въ какомъ архивѣ находится изслѣдованіе объ этомъ загадочномъ человѣкѣ.

По зарубежнымъ старообрядческимъ общинамъ пошелъ сильный говоръ о новоявившемся епископѣ и достигъ до Молдавіи. Въ этой странѣ тогда уже было много бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ, какъ поповщинскаго, такъ и беспоповщинскаго толка. Въ Сучавскомъ цинуть, верстахъ въ двѣнадцать отъ города Фальгичени, близъ большой дороги изъ Яссъ въ Буковину, они построили большую слободу Мануиловку, которая и теперь считается главнѣйшимъ мѣстомъ старообрядцевъ, живущихъ въ румынскихъ княжествахъ. У нихъ было два мужскихъ и одинъ женскій монастырь и, сверхъ того, приходская церковь во имя Покрова Богородицы. Кромѣ того, въ самой молдавской столицѣ, въ Яссахъ, старообрядцы населили особое предмѣстье Забахлуйское. Въ городахъ Буташиѣ, Тыргуль-Фрумесѣ, Хирлеу, Бакео, Вислуй, Херце, Дорохоѣ, Ромаѣ, Бырлатѣ, Текуче, Фальча, Хушѣ, Пятрѣ и Нямецѣ старообрядцы составляли болѣе или менѣе значительную часть мѣстнаго населенія, а нѣсколько деревень, называвшихся Липовенами *), подобно Мануиловкѣ, были сплошь населены старообрядцами **). Такія же неключительно старообрядческія селенія были Браташти и Костешти, близъ дороги изъ Яссъ въ Буковину. Въ нынѣшней Бессарабской области, тогда принадлежавшей Молдавіи, въ такъ-называемой Хотинской Раи, были также значительныя поселенія старообрядцевъ, въ селеніи Вѣтрынка былъ у нихъ монастырь, а въ селеніи Долгая-Поляна — церковь. Даже въ Валахіи явилось нѣсколько старообрядческихъ поселеній — деревня Липовени близъ Букареста, другая подлѣ Браилова, третья на Дунаѣ противъ Черноводы. Въ городахъ Браиловѣ и Фокшанахъ также жили русскіе старообрядцы и имѣли свои часовни. Всѣ молдовлахійскіе старообрядцы были довольно зажиточные; занимались они городскими промыслами, ремеслами и торговлей; весьма немногіе поселившіеся въ деревняхъ занимались хлѣбопашествомъ. Собственныхъ земель у нихъ не было, но они нанимали угодыя у разныхъ владѣльцевъ, а болшую часть у православныхъ монастырей и церквей. Народъ все ловкій, смысленный, проворный.

Молдовлахійскіе старообрядцы тоже желали имѣть особеннаго епископа и, когда дошелъ до нихъ слухъ объ Аѳиногенѣ, послали къ нему звать его въ Волощину (такъ называли русскіе въ то время Молдовлахію или нынѣшній дунайскія княжества). Посланцы пріѣзжали не одинъ разъ въ Борекую слободу и представляли Аѳиногену жизнь въ Волощинѣ въ такомъ привлекательномъ видѣ, что онъ съ тѣхъ поръ только и думалъ, какъ бы поскорѣе перебраться за рѣку Прутъ. Но старооб-

*) Липовенами или Липованами зовутъ въ Румынскихъ княжествахъ Австріи и Пруссіи русскихъ раскольниковъ. Иначе «Пилипоны», что, по всей вѣроятности, происходитъ отъ слова «Пилипповщина», послѣдователи которой были одни изъ первыхъ переселенцевъ за границу.

**) Подлѣ города Бутушаны, подлѣ города Вислуй и три деревни около Газаца.

рядцы побужскихъ слободъ не выдавали своего сокровища запрутскимъ единовѣрцамъ. Эти хотѣли-было силою отнять у нихъ Аониогена, и оттого бывали въ Борской слободѣ драки, — чуть до смертоубійства дѣло не доходило. Повторилась такая же вражда изъ-за епископа, какая была лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ между слобожанами вѣтковскими и гомельскими.

Аониогенъ однако перехитрилъ жителей Борской слободы. Онъ всѣмъ говорилъ, что не хочетъ въ Волощину, что, найдя у нихъ спокойное жителство, желаетъ жить и умереть въ Борской, и такимъ образомъ совершенно увѣрилъ ихъ, что онъ и не подумаетъ уйти отъ нихъ. Поэтому за нимъ не присматривали, и онъ развѣжалъ свободно. Вдругъ получаетъ онъ извѣстie, что отецъ Патрикій послалъ вѣрныхъ людей въ Петербургъ и Москву для собранія справокъ объ его личности. Тогда онъ выѣхалъ изъ Борской слободы куда-то по соеѣдству, для исправленія духовныхъ требъ, и очутился за Прутомъ. Сначала онъ былъ въ Мануиловкѣ, потомъ жилъ въ Яссахъ, гдѣ представился господарю и митрополиту, Оба повѣрили, что Аониогенъ дѣйствительно русскій епископъ, и господарь далъ ему особую грамоту. Съ этою-то грамотою и развѣжалъ онъ по молдавскимъ и валахскимъ старообрядческимъ слободамъ, но чаще всего находился близъ Хотина, въ слободѣ Вѣтринкѣ, Здѣсь онъ ли, его ли приближенные — распустили молву, что онъ посвященъ во епископы не въ Россiи, а въ турецкомъ городѣ Рени, проживавшимъ тамъ православнымъ браиловскимъ митрополитомъ Даниломъ *). Слава о старообрядческомъ епископѣ распространилась по всѣмъ зарубежнымъ слободамъ: изъ Польши и изъ Молдовлахiи многіе пріѣзжали къ нему для поставленія поповъ, для испрошенія мира и аптимисовъ. На послѣдніе однакоже Аониогенъ былъ очень скупъ. Богатѣль же онъ не по днямъ, а по часамъ.

Но возвратимся въ Стародубье, въ слободу Зыбку, къ отцу Патрикію. Туда, въ 1750 году, переѣхали изъ Орла и Коломпы нѣсколько богатыхъ кунцовъ; одинъ изъ нихъ, орловскій выходецъ, Федоръ Григорьевичъ Сусловъ, отличался ревностію къ старому обряду, доходившею до фанатизма, и обширною начитанностію. Сусловъ и пріѣхавшіе съ нимъ вошли въ тѣсную связь съ Патрикіемъ. Они также сознавали, что церковь не можетъ быть безъ архіерея, и много хлопотали объ отысканіи епископа. Но исторія Епифанія научила ихъ быть крайне осторожными. Заподозривъ всю Малороссiю въ обливанствѣ, они непремѣннымъ условіемъ поставляли, чтобъ отыскиваемый ими архіерей непременно былъ родомъ изъ Великой Россiи и, стало-быть, несомнѣнно крещенный въ три погруженія. Но въ это время (1750) изъ всѣхъ православныхъ архіереевъ только четверо было природныхъ великоруссовъ:

*) Такъ доносилъ нашъ резидентъ, находившійся въ Турціи, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Дѣло святѣйшаго синода (1757 г., № 337).

Алекѣй рязанскій, Иларіонъ астраханскій, Варсонофій архангельскій и Теофилактъ воронежскій. Всѣ остальные были или малороссіяне, или греки. Конечно, ни на одного изъ этихъ четырехъ епископовъ — великоруссовъ старообрядцы не могли разсчитывать и потому старались какимъ бы то ни было образомъ доставить кому-либо изъ своихъ архіерейскій сапъ. Сусловъ, бывъ по какимъ-то дѣламъ въ Борской слободѣ, говорилъ объ этомъ съ Аоиногопомъ и чрезвычайно обрадовался, когда узналъ отъ него за великую тайну, что онъ, будучи кореннымъ великоруссомъ по происхожденію, будучи крещенъ въ три погруженія, имѣеть сапъ епископа. Говоря о своемъ архіерействѣ, Аоиногенъ разсказалъ и Суслову придуманную имъ сказку о мнимомъ пребываніи при низложенномъ императорѣ. О чемъ такъ много и напрасно думали, на что едва смѣли надѣяться старообрядцы, само безъ хлопотъ явилось.

— Увѣрите въ истинѣ словъ моихъ отца Патрикія, — говорилъ Аоиногенъ, прощаясь съ Сусловымъ: — и убѣдите его пріѣхать поскорѣе ко мнѣ въ Борскую; я преподамъ сему свѣтильнику церкви архіерейскую хиротонію. Но скажите ему, чтобъ онъ не медлилъ. За великую тайну скажу вамъ, что мнѣ и здѣсь, въ областяхъ польскаго короля, отъ вашей русской царицы небезопасно. Хочу уѣхать подальше.

Съ Сусловымъ онъ послалъ къ Патрикію письмо, въ которомъ, увѣряя въ преданности, прямо объ архіерействѣ своемъ не писалъ, и даже подписался іеромонахомъ, но упомянулъ, что Суслову извѣстно, кто онъ. Вотъ это письмо:

„Всемогущаго Бога избраннѣйшему іерею и тайнъ Его вѣрному служителю, благочестивѣйшему господину, господину Патрикію, червь, а не человекъ, землекасательное поклоненіе. Аще добраго пастыря долъ, оставя девяносто и девять овецъ въ пустыни, сотной пойдтить, еже взыскивать, и обрѣтше оную на рамо возложакъ Отцу иривестъ, то сего словеснаго стада пастырю, владыко твой Христосъ взыскуеть по тебѣ. Сіе пишу, не уча духопросвѣщенную твою душу, но горящую спасенія жаждою мысль хотя прохладити. Имѣши мя, ожидаюци благословенія твоего, имѣши душу, самовольно пришедшую во овчарню Христову, имѣши наконецъ человекъ, иже, кромѣ тебя, никому же можетъ открыти *тайну, всему благочестію необходимо нуженую*. Чтѣ же объявлено отъ меня Божію угоднику, присланному отъ васъ, Фѣодору Григорьевичу, и то только о лицѣ моемъ, а не о намѣреніи. Пріиди убо, свѣтильниче міра, ниже презри написаннаго, аще же укосиши или не послушаеши, то Богъ отъ руку твою многи души взыщеть. Цѣлованіе усть моихъ ногамъ твоимъ, цѣлованіе единомысленной братіи, ихъ же имена въ книгѣ животнѣй. Азь, оканчивая, пребываю грѣшный о вашемъ здравіи молитвенникъ, іеромонахъ *Аоиногенъ*» *).

*) Анд. Іоани. Журавлева «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 295—296.

Патрикій, какъ ни хотѣлось ему самому сдѣлаться архіереемъ, медлилъ отъѣздомъ въ Борскую слободу. Чтобы не впасть въ обманъ, рѣшили собрать предварительно въ Москвѣ и Петербургѣ справки о личности Аѳиногена. Ъхали туда двое изъ коломенскихъ купцовъ, переселившихся въ Стародубье; имъ и поручено было развѣдываніе.

Прождавъ понапрасну немало времени Патрикія, Аѳиногенъ послалъ къ нему новое приглашеніе черезъ старшину Борской слободы, Ивана Кондратьевича, которому также сказалъ про себя, что онъ епископъ Лука, находившійся при императорѣ Иоаннѣ. Но и на этотъ разъ въ письмѣ, посланномъ въ Зыбкую, онъ не называлъ себя архіереемъ, на нѣкоторое время „хотя (оставаться), какъ писалъ онъ, но въ образѣ прикровеннымъ, страха ради отъ лжебратіи, и ради своихъ же“. Патрикій, получивъ это письмо, сказалъ Ивану Кондратьевичу, что ужъ послано въ Москву и Петербургъ для удостовѣренія въ истинѣ сказываемаго Аѳиногеномъ, а до полученія оттуда вѣрныхъ свѣдѣній ни онъ ни стародубляне его согласія не предпримуть ничего рѣшительнаго. Какъ скоро Аѳиногенъ узналъ, что старообрядцы, жившіе въ Стародубѣ, не такъ легковѣрны, какъ онъ полагалъ, то, ожидая, что справки о немъ будутъ вовсе не въ его пользу, уѣхалъ изъ Борской слободы. Находясь уже въ Яссахъ, онъ послалъ въ Зыбкую къ отцу Патрикію своего старца Митрофана съ новымъ приглашительнымъ письмомъ, въ которомъ уже называлъ себя епископомъ. Настоятельно просилъ онъ Патрикія, а также уставщика Григорія Яковлевича и другихъ изъ стародубской братіи, пріѣхать къ нему, чтобъ получить отъ него архіерейскую хиротонію, „дабы тѣмъ возстановить чинъ церковный и не быти отъ иновѣрныхъ въ томъ поруганіи, въ которомъ даже донынѣ пребываемъ“. Пользуясь покровительствомъ господаря, Аѳиногенъ уже не опасался за свою личность и просилъ Патрикія, прочитавъ публично его посланіе, разослать „точно описанное безъ прибавки и убавки въ великороссійскіе грады, дабы чтущіе и слышащіе оное прославляли Бога, творящаго дивная и ужасная, великая же и славная“.

Но не пришлось Патрикію разсылать письма Аѳиногеновы по городамъ Великой Россіи. Коломенцы воротились въ Стародубье и привезли объ Аѳиногенѣ нехорошія вѣсти: онъ оказался самозванцемъ.

Случилось посланному изъ Стародубья ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ *). Они разговорились, и коломенскій купецъ

*) Можетъ-быть, съ Гурьевымъ, который въ 1745 году отвозилъ Іоанна и его родителей изъ Ораніенбаума (а не Раненбурга). Впрочемъ, подлежитъ большому сомнѣнію, чтобъ офицеръ сталъ въ то время разговаривать о «секретной комиссіи» съ какимъ-нибудь попутчикомъ. Изъ сохранившихся дѣлъ о содержаніи подъ стражею Брауншвейгской фамиліи извѣстно, что всѣ по какимъ-либо случаямъ выбывавшіе изъ этой комиссіи давали подписку въ томъ, что не будутъ ни съ кѣмъ говорить объ этомъ предметѣ, подъ опасеніемъ смертной казни за малѣйшую нескромность. Изъ духовныхъ лицъ при Брауншвейгскомъ семействѣ былъ одинъ іеромонахъ Иларіонъ.

узналъ отъ него, что онъ отвозилъ императора Іоанна. Тогда, заклиная офицера Богомъ живымъ, купецъ просилъ сказать ему, былъ ли сосланъ съ Іоанномъ кто-либо изъ духовнаго чина. Офицеръ съ клятвою увѣрилъ купца, что никого изъ духовныхъ тутъ не было. Добравшись до Петербурга, стародубскій посланецъ отыскалъ брата встрѣтившагося съ нимъ офицера и его тоже разспрашивалъ. И тотъ сказалъ, что дѣйствительно братъ его былъ посланъ при Іоаннѣ, но духовнаго чина при немъ не было. А изъ Москвы были получены извѣстія еще хуже. Тамъ свѣдали и въ дѣлахъ синодальной конторы выправили, что Аѳиногенъ не Аѳиногенъ и не Лука, не епископъ и даже не попъ, а іеродьяконъ Амвросій, бывшій въ Новомъ-Іерусалимѣ ключаремъ, растратившій монастырское имущество и, изъ опасенія законнаго наказанія, убѣжавшій къ зарубежнымъ раскольникамъ *).

Стародубье было озадачено такими извѣстіями. Очень боялись розысковъ и преслѣдованій со стороны правительства, если узнаютъ, что у нихъ, въ Зыбкой, нашелъ себя убѣжище такой преступникъ и довольно долгое время скрывался между тамошними старообрядцами. Тѣ, у которыхъ лобезный сынокъ отца Патрикія исправлялъ требы, крайне соблазнялись, ибо оказалось, что онъ не только архіереемъ, но и попомъ никогда не бывалъ. Попы-самозванцы бывали между старообрядцами, — это не было какою-нибудь чрезвычайною новостью, но такого грѣха, такого соблазна, чтобъ явился лжеепископъ, еще не бывало. Посыпались на поповщину рѣзкіе укоры и язвительныя насмѣлки изъ слободы Злынки, отъ жившихъ тамъ безоповцевъ. Федоръ Сусловъ, дотолѣ приверженецъ Аѳиногена, привозившій изъ Борской слободы къ Патрикію его пригласительное письмо и на словахъ передавшій вѣсть объ его архіерействѣ, проклиналъ теперь лжеепископа и сталъ проповѣдывать о самомъ строгомъ изслѣдованіи прежнихъ обстоятельствъ, не только по отношенію къ епископамъ, но и попамъ, говоря, что правльные попы и архіереи не только должны быть непременно великороссіяне, но притомъ такіе, которые бы рукоположеніе имѣли по восходящей линіи постоянно отъ архіереевъ-великороссіянъ, несомнѣнно въ три погруженія, а не обливательно крещенныхъ, до временъ патріарха Іосифа,

*) Іона Курносый говоритъ: «непусти Богъ, ради препростыхъ душъ, сипцевымъ престестникомъ прелыцати христіаль, ибо въ то самое время приде сирапка изъ Москвы, что онъ, Аѳиногенъ, въ епископахъ не бывалъ, ни во іеромонахахъ, по церковь, при ней же діакономъ былъ, окралъ драгія вещи, каменіе, привѣсы, и въ Польшу бѣжа». Въ доношеніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ свѣтѣйшій синодъ, 27 мая 1757 года, сказано: «бѣжавшій напередъ сего изъ московскаго Воскресенскаго, называемаго Новый Іерусалимъ, монастыря іеродіаконъ Автиногенъ (sic) за границу, въ польскую раскольническую слободу Вѣтку, а оттуда въ Волощину, и, назвавъ себя архіереемъ, многихъ посвящалъ въ іереи и діаконы». См. «Дѣла свѣтѣйшаго синода» 1757 года, № 337. Но на Вѣткѣ Аѳиногенъ не бывалъ, только временно былъ въ Пахоміевомъ монастырѣ, близъ города Гомеля.

безъ участія малороссіянъ, поголовно подозрѣваемыхъ въ обливанствѣ *). Отъ проповѣди Сулова произошли раздѣленія и раздоры въ поповщинскихъ общинахъ, какъ зарубежныхъ, такъ и великороссійскихъ.

О самозванствѣ Аѳиногена навѣрное узнали не ранѣе 1753 года. Патрікій немедленно написалъ къ нему письмо, въ которомъ не только не называетъ его епископомъ, но даже и іеромонахомъ, обращаясь къ нему, какъ къ монаху, съ обычнымъ титуломъ: „пречестный отецъ“, и даже не посылая своему любезному сынку благословенія. Вотъ это письмо, замѣчательное по чрезвычайной уклончивости:

„Пречестному отцу Аѳиногену лицеземное поклоненіе. Вѣдомо ти буди, писаніе ваше чрезъ старца Митрофана и другое, нынѣ чрезъ посланнаго вашего человѣка, я получилъ, въ которыхъ о себѣ объявляешь и Бога свидѣтели поставляешь, что сущая истина, и желаешь насъ прибыти къ вамъ; но обаче, пока не провѣдаемъ, не буду. А о чемъ прежде посланные наши, прибывшіе отъ васъ **), возвѣстили намъ о вашей фамиліи ***), слыша о васъ, и о чинѣ °), чрезъ кого бы увѣдомитися, то изнарочно отъ насъ посланъ былъ человѣкъ до Москвы и до Петербурга, и того всего не сыскалось. Тожъ случилось ему ѣхать изъ Москвы до Петербурга съ офицеромъ, который-де офицеръ, между прочимъ, въ разговорахъ дордою о себѣ извѣстилъ, что былъ онъ посланъ съ показаннымъ тобою лицомъ, а духовнаго-де чина съ нимъ не было; то-де онъ на его словахъ не утвердился, но проѣхалъ до Петербурга, ходилъ изнарочно къ брату его родному, который тамо живетъ. И онъ тоже показалъ, что братъ его посланъ былъ при томъ лицѣ, а духовнаго-де чина такова при немъ не имѣлось. И потому люди наипаче пришли въ сомнѣніе, а больше память о имени Амвросіевъ, и нынѣ еще намѣрены послать до васъ человѣка изнарочно, да явиши ему чрезъ кого-бъ именно, о чемъ сказашъ, въ Нѣжинѣ грековъ и старцевъ, и бѣльцовъ увѣдомитися свидѣтельствомъ °°), чтобы что о тебѣ подлинно дознати и самую

---

*) Проповѣдь Сулова произвела раздѣленіе въ поповщинѣ. Образовалось такъ-называемое «Сулово мнѣніе», особенно принятое въ стародубскомъ посадѣ Лужкахъ и оттого въ настоящее время извѣстное подъ именемъ «Лужковского согласія». Гона Курносый принадлежалъ, кажется, къ этому согласію; онъ въ своемъ сочиненіи говоритъ, что въ его время былъ одинъ только архіерей великороссійнинъ, Дмитрій Сѣменовъ, да и тотъ рукоположенъ обливанцемъ Стефаномъ Яворскимъ: поэтому ни новыхъ поповъ ни новыхъ архіереевъ, по его мнѣнію, быть болѣе не можетъ. Но онъ ошибается, что Сѣменовъ рукоположенъ Яворскимъ. Онъ получилъ хиротонію при императорѣ Іоаннѣ I сентября 1741 года, т.-е. 19 лѣтъ по смерти Яворскаго, но посвящали его Амвросій Юшкевичъ, архіепископъ повгородскій, и Стефанъ Калиновскій, епископъ псковскій, — оба малороссіяне.

**) Суловъ и Кондратьевъ.

***) О педошедшей до насъ дворянской фамиліи Аѳиногена.

°) То-есть объ епископскомъ санѣ.

°°) Обстоятельство, остающееся необъясненнымъ. Вѣроятно, Аѳиногенъ

истинную правду показать могъ, понеже вещь сія не малая, и дѣло сіе суда правильна. Того ради, не испытавъ извѣстно, безъ сомнѣнія быти невозможно. Самъ разсуди праведно. И аще еуть истина, яко же ты глаголени, то не скрый отъ насъ, но яви подлинно кѣмъ увѣдомиться, безъ того бо о тебѣ единомъ увѣритися сомнительно. При семъ вамъ доброжелательный и отецъ духовный іерей *Патрикій* кланяюсь. Не поскорбѣти о семъ и не гнѣватися“ *).

Слухи о самозванствѣ Аоиногена распространились еще быстрее, чѣмъ предшествовавшіе имъ слухи объ его архіерействѣ. Они росли съ каждымъ днемъ, ряды приверженцевъ лжеепископа значительно рѣдѣли. Напрасно жившій у молдавскихъ старообрядцевъ, бѣглый изъ Россіи поповъ Варлаамъ съ клятвою увѣрялъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, что Аоиногенъ есть истинный и правильно поставленный епископъ; напрасно онъ увѣрялъ, что Аоиногенъ, бывъ у него на исповѣди, присягу въ томъ принималъ; напрасно попы, рукоположенные лжеепископомъ, горячо стояли за своего архіерея и громогласно проповѣдывали о дѣйствительности принятаго имъ на себя сана, — слухи о его недобросовѣстности, объ обманѣ простодушныхъ, но ревностныхъ къ старому обряду людей до такой степени усилились въ Месахъ, что самъ господарь, считая и себя обманутымъ этимъ ловкимъ пройдохою, велѣлъ его поймать и хотѣлъ повѣсить. Аоиногенъ въ-время свѣдалъ о грозившей ему опасности и, наскоро собравшись, бѣжалъ въ Вуковину, а оттуда пробрался въ покинутую-было имъ Борекую слободу. Но и здѣсь старообрядцы встрѣтили его холодно, а ревностнѣйшіе хранители стараго обряда хотѣли даже убить его за соблазнъ, сдѣланный всему христіанству древляго благочестія. Перетолковывая евангельскія слова о тѣхъ, посредствомъ которыхъ вносятся въ міръ соблазны, они намѣревались въ самомъ дѣлѣ привязать ему жерновъ на шею и, за неимѣніемъ по близости моря, бросить въ Бугъ. Но Аоиногенъ счастливо избѣгнулъ и этой опасности, бѣжалъ и изъ Борекой слободы, но куда ни приходилъ, вездѣ встрѣчалъ или холодный пріемъ, или даже угрозы схватить его и выдать русскому правительству. Онъ воротился-было на Вѣтрянку, но и тамъ не могъ долго оставаться. Приходилось лжеепископу разстаться съ своимъ омофоромъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. „Отъ стыда и ерамоты,— говоритъ Іона Курносый: — борзо собрався и склався, на возъ сѣдши, погна борзо“, и, прискакавъ въ первый пограничный городъ королевства Польскаго, Каменецъ-Подольскій, скинулъ здѣсь архіерейское платье, принялъ католическую вѣру, обрелся, надѣлъ парикъ и записался въ каменецкій гарнизонъ жолнеромъ. Изъ самозванца-архіерея

въ чемъ-нибудь ссылался на нѣжпнекихъ грековъ въ доказательство мнѣмаго своего архіерейства. Нѣтъ ли тутъ рѣчи о посвященіи его греческимъ митрополитомъ Даниломъ въ Рени?

*) Андр. Іоани. Журавлева, «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 303, 304.

вышелъ красивый, блестящій жолнеръ. Ловкость обращенія, пріятныя манеры, достаточное образованіе и значительныя деньги, добытыя архіерействованіемъ у старообрядцевъ, открыли Аоиногену входъ въ дома шляхетскіе и даже вельможныя; ему покровительствовали іезуиты, въ награду за обращеніе въ римскую церковь, а женщины были въ восторгѣ отъ красавца-авантюриста. Дочь одного богатаго папа влюбилась въ бывшаго архіерея. Увѣрившись въ ся любви, онъ посватался-было, но гордый панъ наотрѣзъ отказалъ ему. Аоиногенъ однако женился на своей возлюбленной и, кажется, не безъ романтическихъ приключеній. Съ богатымъ приданымъ жена принесла ему связи съ значительными людьми, посредствомъ которыхъ бывший старовѣрческій епископъ въ короткое время сдѣлалъ большіе успѣхи въ королевской службѣ. Черезъ четыре года послѣ того, какъ онъ бѣжалъ въ Каменецъ-Подольскій (въ 1757 г.), онъ былъ уже капитаномъ въ Краковѣ и жилъ тамъ съ женою и дѣтми въ довольствѣ и роскоши. Потомъ, если вѣрить раскольническимъ сказаніямъ, былъ онъ полковникомъ и даже генераломъ *).

*) Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ святѣйшему синоду, 27-го мая 1757 г., въ дѣлѣ синода 1757 г. № 337. «По подлинному удостовѣренію отъ посланныхъ въ Россію двухъ человекъ раскольниковъ явилось, что Ливтиногенъ (sic) живо называлъ себя бывшимъ въ Россіи епископомъ, который, услыша многое на него отъ раскольниковъ роптаніе, изъ Волоцины въ польскій пограничный городъ Каменецъ-Подольскій бѣжалъ и, остави тамъ епископскій чинъ, принялъ католичскій расколъ и записался въ томъ городѣ въ гарнизонъ жолнеромъ, а нынѣ находится капитаномъ и посланъ оттуда въ Краковъ, гдѣ и до сего времени жительство имѣетъ съ женою и дѣтми, о чемъ того посылаемаго изъ Кіева увѣрилъ и находящійся въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ комендантъ». Иона Курносій: «Доухавъ (Аоиногенъ) до нѣкоего панства, къ пану пристушивъ, дары драгіе поднесе, прошаше пріятіи во услуженіе; онъ же, панъ, пріишше его, Аоиногена, пристави его надъ свѣими жолнерами полковникомъ». Изъ Борской слободы старообрядцы такъ писали впослѣдствіи къ Патрикію въ Зыбкую: «Во отцѣхъ отцу, священноіерею Патрикію, желаемъ вашего отеческаго благословенія и пр. Нужно вашему благословенію возвѣщаемъ вкратцѣ и слезно нашего настырства просимъ, нынѣ мы оспротѣхомъ безъ священства. Который отъ вашего благословенія священникъ Савва, по пріѣздѣ Андреяна, и отъ насъ ушелъ, и въ поступкахъ христіанскихъ весьма былъ непостояненъ, и теперь остаемся безъ священства, и просимъ твое благословеніе всѣ слезно: Господа ради, чтобы ты насъ посѣтилъ и ты бы наше сомнѣніе рѣшилъ объ Аоиногенѣ, понеже онъ нынѣ генераломъ и ходитъ по-цѣмечки, и въ парикахъ, и борода обрита, и тамъ многіе люди были и видѣли; Иковъ Яковлевичъ Панкѣевъ былъ тамъ и сказывалъ намъ, что сватался у пана къ дочери, и онъ не отдалъ. Осадчій слободы Приворотни видѣлъ и говорилъ съ нимъ, что онъ уже обриту. И пишемъ самую сущую правду». Андр. Иоанн. Журавлева «Историч. извѣстіе о раскольникахъ», стр. 306, 307. Преемникъ Аоиногена, Аполмъ, такъ говоритъ объ этомъ поступкѣ своего предмѣстника въ письмѣ къ молдавскому митрополиту Іакову, отъ 12-го декабря 1756 года: «Мужъ въ поученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ: не стерпѣ бо зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убоялся сильныхъ руки императорскія, вдался до рим-

Изъ какой фамилии былъ Аюногенъ — не знаемъ, но что онъ былъ дворянскаго происхожденія, это положительно вѣрно, иначе онъ не могъ бы поступить въ королевскую службу и такъ скоро сдѣлаться капитаномъ, а можетъ-быть, и генераломъ. Въ Польшѣ это было невозможно. Вѣроятно, въ архивѣ московской синодальной канторы или въ Новомъ-Иерусалимѣ сохранилось какое-нибудь дѣло о расхищеніи ключаремъ Амвросіемъ монастырскаго имущества и объ его побѣгѣ. Въ немъ, конечно, есть извѣстіе и о томъ, изъ какой фамилии происходилъ этотъ ловкій авантюристъ.

VI.

А н е и м ъ .

Смиранный епископъ, преобразившійся въ ловкаго капитана, дѣломудренный постникъ, женившійся на польской красавицѣ, произвелъ громадный скандалъ во всемъ русскомъ и зарубежномъ старообрядствѣ. Всѣ и повсюду признали его обманщикомъ и самозванцемъ, кромѣ поповъ, имъ рукоположенныхъ, которымъ не хотѣлось разстаться съ полученнымъ священствомъ, доставлявшимъ хорошія средства къ жизни. Но и имъ плохо приходилось: ихъ никто не принималъ въ дома съ требами, надъ ними смѣялись, называя въ шутку „капитанами“ и „жолнерами“. Но Аюногенъ былъ не послѣднимъ лжеепископомъ. Вслѣдъ за нимъ явился новый, называвшій себя *архіепископомъ кубанскимъ и Хотинскій Раи*. Звали его Аюнимъ.

Какъ Аюногенъ отличался своею красивою, привлекательною наружностью, такъ преемникъ его неблагообразіемъ. Лѣтъ пятьдесятъ отъ роду, средняго роста, плечистый, лицо полное, красное, обезображенное оспой и покрытое угрями, глаза кровавые, небольшая черная борода, длинные черные волосы и рваныя палачомъ ноздри — вотъ наружность новоявленнаго у зарубежныхъ старообрядцевъ епископа *).

Родомъ былъ онъ съ Дону, но неизвѣстно, изъ казаковъ или изъ поповичей. Былъ человекъ начитанный, свѣдущій въ писаніи и церковныхъ уставахъ — качества, весьма цѣнимыя старообрядцами и во вся-

скихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и до днесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства». *Дѣло* о раскольниковомъ арх. Аюнимѣ, въ архивѣ синода 1757 года, № 337.

*) Указъ изъ московской канторы святѣйшаго синода кievскому просвѣщенному 1751 года 24-го іюня: «а примѣтами оный Аюнимка: росту средняго, плечистъ, лицо круглое, угреватое, побитое рябинами, ноздри съ обѣихъ сторонъ рваныя, пытанъ, глаза кровавые, волосы на головѣ черныя, длинные, борода малая, лѣтъ въ пятьдесятъ». Посланный кievскимъ вице-губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Костюринымъ, въ Яссы и Хотинъ въ 1757 г., для развѣдываній объ Аюнимѣ, донесъ о примѣтахъ его такъ: «среднихъ лѣтъ, плечистъ, борода малая, обѣ ноздри рваныя, лицо полное, угреватое, въ словахъ рѣчистъ» (см. «Дѣло святѣйшаго синода о раскольниковомъ арх. Аюнимѣ» 1757 года).

кое время доставлявшія въ средѣ ихъ большой авторитетъ тому, кто обладалъ ими. Но въ то же время Аноимъ, по выраженію современника его, Ивана Алексѣева, былъ „мужъ забѣлаго ума, своеиравенъ и безсовѣстенъ“. Великую извѣстность, великое уваженіе получилъ онъ сначала между старообрядцами, ибо много пострадалъ за старый обрядъ и „древлее благочестіе“, что доставило ему и славу „страдальца“. Сдѣлался онъ столпомъ старообрядчества, и вдругъ гордость и любоначалие до того обуяли его, что натворилъ онъ дѣлъ необычайныхъ, какихъ „вѣдущіе его отнюдь и въ мысли имяху“. Предметъ всеобщаго благоговѣйнаго уваженія сдѣлался предметомъ смѣха. „Велию,—говоритъ Иванъ Алексѣевъ:—тотъ Аноимъ науку собою показа внимающимъ, что дѣетъ любоначалиство и коимъ концомъ любящіе мірскія чести овѣнчиваютъ“*).

По словамъ самого Аноима **), онъ тридцати лѣтъ отъ роду рукоположенъ былъ воронежскимъ епископомъ, несчастнымъ Львомъ Юрловымъ (1727—1730), въ дьячки, а вскорѣ потомъ поступилъ въ число братіи Кременскаго монастыря ***) и здѣсь воронежскимъ же епископомъ Іоакимомъ Струковымъ (1730 — 1742) посвященъ въ іеродьяконы и іеромонахи. Познакомившись съ старообрядцами, которыхъ и тогда, какъ и теперь, на Дону было много, Аноимъ ушелъ къ нимъ, но, не оставаясь долго между донцами, отиравался странствовать по Россіи. О первоначальныхъ похожденіяхъ его между старообрядцами намъ ничего неизвѣстно, но въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія мы находимъ его уже схимникомъ. Принявъ схиму, конечно, въ какомъ-нибудь старообрядческомъ скитѣ, Аноимъ, вслѣдствіе сенатскаго указа 1746 года, декабря 13, о томъ, чтобы „сыскивать богопротивной ереси наставниковъ и предводителей и ихъ сообщниковъ, а по сыску, заковавъ въ ручныя и ножныя желѣза, отсылать ихъ въ слѣдственную о раскольникахъ комиссію (бывшую въ Москвѣ при синодальной конторѣ) въ самой скорости, безо всякаго задержанія“, былъ гдѣ-то пойманъ и представленъ въ Москву. Его судили, пытали, присудили къ кнуту, вырванію ноздрей и ссылкѣ въ Сибирь на каторжную работу. Съ каторги ли, на пути ли въ Сибирь, того не знаемъ, ему удалось бѣжать, и онъ послѣ того долгое время попрежнему странствовалъ между старообрядцами. Позорныя клейма, наложенныя рукой палача, рваныя ноздри, слѣды кнутахъ рубцовъ на спинѣ Аноима—были чествуемы ревнителями „древляго благочестія“, какъ святыя, доблія раны великаго страдальца

*) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ» въ «Лѣт. русск. ист. и древн.» т. IV, смѣсь, стр. 65 и 66.

**) «Дѣло святѣйшаго синода о расколн. архіерей Аноимѣ».

***) Кременскій Вознесенскій монастырь, нынѣ Донской, а тогда Воронежской епархіи, былъ основанъ въ 1711 году на правомъ берегу рѣки Дона, въ 10 верстахъ отъ Кременской станицы. Онъ былъ упраздненъ въ 1788 г., но по просьбѣ допскихъ казаковъ возстановленъ въ 1798 году. Онъ въ 3 классѣ и есть единственный во всей Землѣ Войска Донскаго мужской православный монастырь; содержится на счетъ войска.

за имя Христово. Лишь только появился онъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, среди горячихъ своихъ почитателей, какъ уже сходились къ мученику за „старую вѣру“ и старъ и младъ, и мужчины, и женщины, и дѣти; какъ святыню, со слезами лобызали они слѣды раиъ Аноимовыхъ и отверзтою душой слушали его поученія. А онъ былъ рѣчиствъ. Помнилось каждое слово учительнаго ехимника, честно хранилась каждая незначительная вещь, даваемая странникомъ - страдальцемъ на благо-словеніе. Но недолго продолжался этотъ второй періодъ странствій Аноима: въ 1750 году его о'вить поймали и опять переслали въ Москву, въ комиссію.

Сидитъ Аноимъ-страдалецъ въ московской тюрьмѣ каменной, приходитъ народъ къ колодникамъ сотворить святую милостыню и слышитъ учительныя слова Аноима; слышитъ о томъ, какъ прежде былъ мучимъ краспорѣчивый ехимникъ за „древлее благочестіе“, какъ впереди предстоятъ ему новыя, еще болѣшнія страданія. Старообрядцевъ множество посѣщало Аноима въ „бѣдности“, приходило множество и православныхъ. И эти заслушивались рѣчей краспорѣчиваго Аноима, и они удивлялись „разуму ученія его“.

Въ „бѣдности“ у Аноима было особое помѣщеніе, и къ нему представлятъ былъ для караула особый сержантъ. Приходившіе къ „батюшкѣ“ Аноиму старообрядцы давали тому сержанту „почестъ“, то-есть, попросту сказать, подкупали его, чтобы онъ не пренебрегалъ бесѣдамъ ихъ съ „страдальцемъ“. Одна богатая старуха, вдова, дворянскаго рода, часто посѣщала „батюшку Аноима“ и приводила къ нему жившихъ у нея двухъ дѣвушекъ; одна изъ нихъ была дочь купеческая, другая — секретарская. „Онъ же употреблю я, сказую древляго благочестія содержимыя церковныя узаконенія и обычаи, измѣненные Никономъ“. Всѣ три почувствовали сильную привязанность къ страдальцу Аноиму и, прельщенные его словами, уклонились въ расколъ. Аноимъ, зная, что московская барыня очень богата, вздумать съ помощью ея освободиться изъ тюремнаго заключенія, избавиться отъ неминуемаго тяжкаго наказанія и укрыться вмѣстѣ съ нею и ея богатствами въ какомъ-либо надежномъ, недоступномъ для московскихъ преслѣдователей мѣстѣ *).

И сталъ онъ ее уговаривать, чтобы „ей съ нимъ убраться въ польскіе предѣлы, наче же на Вѣтку, мня пріятъ быти тамошними отцы“. Всѣ мысли, всѣ помысленія барыни-старушки были въ волѣ Аноима; она въ религіозномъ фанатизмѣ, увлекшись учительными словами „батюшки-страдальца“, своей воли болѣе не имѣла и возражать ему, не только словомъ, но и мыслью, не могла. Обѣ дѣвушки были въ такомъ же настроеніи духа. Но побѣгъ изъ крѣпкой тюрьмы былъ возможенъ лишь при участіи караульнаго сержанта. Хоть и сержантъ смотрѣлъ на своего заключенника, какъ на святого, однакоже его не такъ легко

*) Иона Курносый.

было подговорить къ бѣгству за границу. Понемножку, исподволь, осторожно сталъ Аноимъ склонять его къ побѣгу, представляя въ самыхъ обольстительныхъ краскахъ будущее ихъ житье-бытье на Вѣткѣ. „Съ нами бы поѣхала одна богатая барыня, денегъ у нея счету нѣтъ, не то что намъ — тысячѣ человѣкамъ достанетъ на самый долгій вѣкъ прожить на эти деньги во всякомъ удовольствіи и спокойствіи. Тамъ, за рубезжомъ, нѣтъ ни службы ни грознаго начальства; тамъ всякій человѣкъ самъ себѣ господинъ, а здѣсь, на солдатской своей службѣ, знаешь ты только горе да недостатки, каждый день не доспишь, и отъ начальства мѣку принимаешь, а тамъ, что только на умъ вспадетъ — все будетъ тотчасъ же готово по твоему желанію“. Сержантъ немалое время колебался, но обѣщаемое будущее такъ было привлекательно, что онъ далъ свое согласіе... Тогда барыня наскоро собралась съ двумя дѣвушками, будто бы въ Кіевъ на поклоненіе тамошнимъ угодникамъ, и поѣхала изъ Москвы. Сержантъ избралъ удобное время и ночью на 27 августа 1750 года бѣжалъ вмѣстѣ съ Аноимомъ. На дорогѣ пристали они къ барынѣ. Опасаясь погони, бѣглецы ѣхали на перемѣнныхъ лошадахъ до Стародубья и здѣсь на время нашли надежный пріютъ у старообрядцевъ. Нѣсколько дней спустя они, перебравшись черезъ литовскій рубежъ, благополучно достигли Вѣтки *).

Можетъ-быть, успѣхъ Аноимовъ подалъ мысль честолюбивому Аноиму сдѣлаться зарубежнымъ старообрядческимъ епископомъ. Славолубіе, такъ долго питаемое уваженіемъ старообрядцевъ, доходившимъ чуть не до обожанія, возрастило въ сердцѣ его гордость и страстное желаніе начальствовать, повелѣвать. Но при первомъ шагѣ за границу его гордости нанесенъ былъ сильный ударъ. До Вѣтки и вообще до зарубежныхъ старообрядческихъ слободъ не достигла еще слава Аноима-„страдальца“, столь громкая на Дону, на Волгѣ и въ Сибири. Его приняли какъ обыкновеннаго выходца. Это оскорбило Аноима, не привыкшаго къ равнодушнымъ встрѣчамъ. „Постой же, — думалъ онъ: — коли такъ, примете же вы меня, павши ницъ передо мною“. И онъ сказался вѣтковскимъ отцомъ, что получилъ онъ въ Великой Россіи великую архіерейства хиротонію, и просилъ принять его въ соединеніе, общеніе и согласіе по древлецерковному благочестію. Проученные уже Епифаніемъ, вѣтковцы отвѣчали Аноиму, что въ скоромъ времени принять они его не могутъ. „Просто какъ мірянна принять тебя нельзя, потому что объявляешь себя епископомъ, а чтобы за епископа тебя признать, то, по божественному писанію и по правиламъ, достоинъ намъ справиться, на которой ты епископій и въ которомъ градѣ былъ и которыми епископами поставленъ“. Аноимъ, видя, что вѣтковцы не такъ легковѣрны, какъ онъ предполагалъ, замолчалъ, ибо не зналъ, какъ и сказать, въ какомъ онъ

*) Иона Курносый и допросъ казаку волжскаго казачьяго войска, Семѣну Чижову, снятый въ астраханской губернской канцеляріи 30 мая 1763 г. См. «Дѣло о раскольник. архіереѣ Аноимѣ».

городъ былъ архіереємъ и какими епископами рукоположенъ. „Пойдутъ справки въ Россіи,—думалъ онъ:—и ложное показаніе рано или поздно обличится“. Съ досадою, съ плохо скрываемымъ озлобленіемъ ушелъ онъ съ собора вѣтковскихъ отцовъ и тотчасъ же далъ волю своему пылкому, своенравному, не терпѣвшему ни малѣйшихъ противорѣчій характеру. Что ни день, то новая какая-нибудь ссора происходила у Аноима съ вѣтковцами, которымъ въ короткое время онъ до того надобѣлъ, что они не знали, какъ и отдѣлаться отъ незваного гостя. То и дѣло онъ ругалъ и злословилъ ихъ, „изрицая поносная, ругательная, измѣтая отъ злаго сокровища сердца своего злая глаголанія“.

— Вы бѣглецы! — кричитъ, бывало, на вѣтковскихъ отцовъ самъ такой же бѣглець Аноимъ: — забилсь сюда, въ чужую державу, какъ сверчки!

И прискорбны были такія слова отцамъ вѣтковскимъ, и писали отцы въ Москву, жалобясь на выѣхавшаго оттуда обидчика и ругателя. Въ Москвѣ старообрядцы немало дивились вѣтковскимъ вѣстямъ и никакъ не могли понять, что бы такое могло случиться съ такимъ, славнымъ учительствомъ своимъ и страданіями, человѣкомъ. Между тѣмъ, увидавъ, что ужиться съ вѣтковцами невозможно, Аноимъ уѣхалъ отъ нихъ съ своими домохадцами отыскивать такого пана, который бы отвелъ ему въ своихъ маестностяхъ хорошенькое мѣстечко для заселенія его новою слободой русскихъ старообрядцевъ, которые тогда во множествѣ переходили за рубежъ *). Вѣлорусскіе землевладѣльцы находили для себя весьма выгоднымъ отдавать участки довольно пустынныхъ и притомъ неплодородныхъ земель своихъ подъ старообрядческія слободы, ибо получали отъ этихъ поселенцевъ такой доходъ, какого не могли бы извлечь изъ своего имѣнія никакими средствами. Поэтому они съ большою готовностію и позволяли имъ водворяться за извѣстный чиншъ на своихъ земляхъ, и потомъ, когда образовывались слободы, берегли ихъ, какъ самую лучшую доходную статью свои. При такихъ условіяхъ богатому богатствомъ московской барыни Аноиму нисколько не затруднительно было найти ясновельможнаго пана, который пустилъ бы его на свою землю. И ему не пужно было очень далеко ѣздить: сосѣдній землевладѣлецъ, князь Чарторыйскій, владѣлецъ мѣстечка Гомеля, отвелъ ему прекрасное и удобное мѣсто въ шести миляхъ отъ Вѣтки, внизъ по рѣкѣ Сожу, въ урочищѣ, называемомъ Боровицы, гдѣ находилась и старая пустая часовня, едва ли не оставшаяся еще послѣ вѣтковского разоренія 1735 года. На деньги московской барыни Аноимъ въ самое короткое время привелъ Боровицу въ блестящее состояніе. Въ часовнѣ

*) Все о побѣтѣ наъ Москвы и о пребываніи въ Вѣткѣ заимствовано у Юны Курносаго. Согласно съ Юной, что Аноимъ тотчасъ по прибытіи на Вѣтку назвалъ епископомъ, показалъ при допросѣ, 30 мая 1763 года, въ астраханской губернской канцеляріи, казакъ волжскаго казачьяго войска Чижовъ.

явились древнія иконы съ дорогими окладами, богатая ризница, полный кругъ богослужбныхъ книгъ, драгоценные сосуды, диски и другая утварь. Аноимъ немедленно началъ отправлять въ этой часовѣ богослуженіе, а между тѣмъ приступилъ къ постройкѣ церкви и двухъ монастырей — мужского и женскаго. Кельи были немедленно выстроены для того и другого. Въ мужскомъ сдѣлался настоятелемъ самъ Аноимъ. За братією дѣло не стало; слухъ о несмѣтныхъ, неизсчитанныхъ богатствахъ строителя Боровицкихъ монастырей быстро распространился по Россіи; чернецы, уставщики, послушники немедленно явились въ Аноимовомъ монастырѣ. Приходили къ нему даже съ отдаленныхъ береговъ низовьевъ Волги *). Въ женскомъ монастырѣ игуменьей сдѣлалась московская барыня; ее постригъ Аноимъ и назвалъ въ иночествѣ Елизаветой; пріѣхавшія съ ней дѣвушки также приняли монашество и поступили въ Боровицкій монастырь: одна наречена Аноимомъ при постриженіи Андра (?), Пелагеей, другая Алкаветой (?); чрезъ нѣсколько времени Аноимъ рукоположилъ обѣихъ въ древній санъ дьякониссъ **). Кромѣ нихъ, было немало и другихъ монахинь и бѣлицъ въ новоустроенной обители матушки Елизаветы. Вокругъ обоеихъ монастырей вскорѣ образовалась довольно многолюдная слобода.

Аноимъ былъ такой человѣкъ, что если разъ заберетъ онъ что-нибудь себѣ въ голову, такъ ужъ чего бы то ни стоило, а пойдетъ добиваться задуманнаго до послѣдней крайности. Не было силы, которая бы могла остановить его: упрямый былъ человѣкъ, гордый, и, считая себя умнѣе всѣхъ, не слушался ничьихъ совѣтовъ. „Мужъ безсовѣтенъ былъ“ — сказала о немъ Иванъ Алексѣевъ, можетъ-быть, знавшій его лично. Страсть повелѣвать, ненасытное желаніе видѣть толпу преклоняющуюся, благоговѣнно слушающую каждое его слово, принимающую каждое его велѣніе безпрекословно, безъ разсужденія, — этотъ духъ любоначалія преобладалъ въ Аноимѣ. Этотъ-то духъ гордыни и вовлекъ его въ тѣ поступки, которые, въ глазахъ даже самыхъ приверженныхъ къ нему старообрядцевъ, наложили темное пятно на память этого „великаго страдалца“. Удовлетворить его любоначаліе теперь могъ только архіерейскій омофоръ; его-то и сталъ онъ искать всѣми средствами, не разбирая ихъ нравственнаго достоинства. Бхать въ Яессы и, подобно Епифанію, получить тамъ архіерейскую хиротонію — сдѣлалось цѣлью его жизни; онъ былъ увѣренъ, что рано ли, поздно ли, но такими или иными средствами, а ужъ достигнетъ онъ архіерейства, и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, съ совершеннымъ спокойствіемъ, сталъ называть себя „нареченнымъ епископомъ“. Какъ въ старину „нареченные епископы“

*) Показаніе Семена Чижова, казака волжскаго казачьяго войска: «и я, будучи въ Боровицахъ, во всеночной на клиросѣ пѣлъ, а братъ мой, Иванъ Оловинишниковъ, стихѣры разсказывалъ подь Николинъ день».

***) Показаніе казака Чижова въ «дѣлѣ» синода, 1757 г., о раск. арх. Аноимѣ».

управляли церковью и дѣйствовали по-святительски, воздерживаясь только служить по-архіерейски и рукополагать священниковъ и дьяконовъ *), такъ и Аноимъ сталъ теперь управлять въ Боровицахъ по-епископски, тайно сносясь съ молдавскими старообрядцами и собирая свѣдѣнія, какъ, гдѣ и отъ какого греческаго митрополита удобнѣе будетъ получить хиротонію. Онъ имѣлъ въ виду и митрополита яесскаго, и митрополита браилловскаго, и архіепископа крымскаго. Подкунность фанаріотовъ была ему хорошо извѣстна, и, располагая заплатить за омоворъ деньгами Елизаветы въ такомъ размѣрѣ, какого они потребуютъ, Аноимъ, у котораго на памяти были всѣ церковные уставы, не смущался правилами, по которымъ за деньги рукополагающей во епископы и рукополагаемый—оба подлежатъ лишенію сана и изверженію изъ церкви **). Не каноны смущали его, а затруднительность дѣла. Надо ѣхать за Днѣстръ или въ Крымъ, надо просить господаря или хана, надо ожидать неминуемыхъ пренятствій со стороны мѣстныхъ липованъ или же искать ихъ любви и покровительства, а это было для него невозможно: его гордая, высокомерная натура никогда бы не допустила его до такого, по его мнѣнію, униженія. Въ это время (въ 1752 г.) былъ предѣлахъ польскихъ Аоиногенъ. Аноимъ и обратился къ нему за хиротоніей. „Не вѣмъ, кому дивиться,—говоритъ по этому случаю Иванъ Алексѣевъ въ своей „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“:—народному ли нечувствію или толикой страшной дерзости Аноимовъ? Яко толикій мужъ вѣдущій, и толико терпѣніе за древнее пострадаввій, легкими юзами любоначальства связанъ, тако наде и многимъ смѣхъ на себѣ привлече, разумнымъ же страхъ, яко тако скорыма ногама къ подложному епископу притече и неиспытно веліе на себе обязательство оному даде, во вся дни потати и покорятися тому и прочая“ ***).

Аоиногенъ, получивъ значительную сумму денегъ изъ сундука московской барыни, преобразившейся въ раскольническую игуменью, обязалъ горделиваго Аноима клятвою послушанія себѣ и посвятилъ, но только пока еще въ санъ архимандрита, обѣщаясь, впрочемъ, со временемъ произвести его и въ архіереи. Дѣлать было нечего; смирился передъ молодымъ красавцемъ старикъ Аноимъ, никому не покорный, но, служа, какъ архимандритъ, святительствовавъ, какъ „нареченный епископъ“. Надѣвъ архимандричью шапку, „нареченный епископъ“ не очень стѣснялся въ правахъ своихъ: тотчасъ же, по извѣстію Юны Курносаго, началъ поповъ святить и разсылать ихъ по старообрядческимъ зарубежнымъ слободамъ. При крайнемъ недостаткѣ поповъ, старообрядцы и ихъ принимали; у нихъ былъ достаточный запасъ святыхъ даровъ, совершаемыхъ Аноимомъ въ Боровицахъ, а этого было уже слишкомъ достаточно для

*) Такъ, напримѣръ, дѣлалось это въ древнемъ Новгородѣ.

***) Вселенскаго IV собора 2 правило, Вселенскаго VI собора 22 правило, Вселенскаго VII собора 5 и 19 правила. Правило апостольское 22.

****) Иванъ Алексѣевъ. «Исторія о бѣгств. свящ.», стр. 66.

тогдашних старообрядцевъ. Въ попы на первый разъ онъ поставилъ только двухъ самыхъ приверженныхъ себѣ и болѣе другихъ угождавшихъ его властолюбивому характеру людей: родныхъ братьевъ — Михаила и Иосифа Буркиныхъ. Съ ними вмѣстѣ и со всѣмъ своимъ церковнымъ кругомъ и съ дьякониссами, освятилъ онъ новую Боровицкую церковь и постригалъ чернецовъ *). Въ это время получилъ онъ извѣстіе, что въ Москвѣ старообрядцы крайне нуждаются въ священникахъ, и немедленно послалъ одного изъ поповъ своего поставленья въ Гуслицкую волость. Аноимовскій попъ пріѣхалъ въ Гуслицу и тотчасъ же принялся за поповское дѣло: сталъ исповѣдывать, крестить, вѣнчать, хоронить. Немало нашлось и для него духовныхъ дѣтей. Но скоро и въ Москвѣ и въ Гуслицѣ свѣдали, что за архіерей такой Аноимъ-страдалецъ и что за попъ его ставленникъ. Воротили попа за рубежъ къ посланному его и велѣли говорить Аноиму: „Почто ты, отецъ архимандритъ Аноимъ, поповъ поставляешь? Вѣдь архимандриту поповъ поставлять писанія и правилъ нѣтъ“. И умолчалъ Аноимъ, видя, что дѣло его худо и другимъ не спасительно **). Послѣ этого онъ пуще прежняго сталъ добиваться у Аѳиногена архіерейской хиротоніи. Аѳиногену нельзя было для этого ѣхать въ Боровицу; мы уже знаемъ, въ какомъ положеніи находился онъ въ исходѣ 1752 и началѣ 1753 г.: онъ уже бѣгалъ тогда изъ мѣста въ мѣсто, ежечасно опасаясь за самую жизнь свою. Аноиму же ѣхать за Днѣстръ и принимать хиротонію отъ находившагося въ столь незавидномъ положеніи епископа тоже было небезопасно. Какъ же помочь горю, какъ выйти изъ безвыходнаго почти положенія?

Старообрядцы въ своихъ дѣйствіяхъ весьма часто держатся правила св. писанія: „по пуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“ ***). Поэтому они хотя и говорятъ, что всѣ правила и уставы церковные должны сохраняться неуклонно и точно, однакоже, „нужды ради“, въ случаѣ необходимости, допускаютъ большія уклоненія отъ правилъ. Не находя положительныхъ правилъ въ уставахъ, они ищутъ примѣровъ въ церковномъ преданіи; если ихъ не отыскиваютъ, обращаются къ примѣрамъ церковной практики, ищутъ какихъ-либо исключительныхъ случаевъ, бывшихъ въ древней христіанской церкви. Такъ, напримѣръ, за неимѣніемъ церкви, допускаютъ они иногда совершеніе литургіи въ домѣ, примѣняясь къ тому, что св. Лукіанъ даже въ темницѣ на своихъ персяхъ совершилъ евхаристію; такъ, принимая бѣглыхъ поповъ, ссылаются они на житіе Саввы Освященнаго и другіе примѣры церковной исторіи, и т. д. Словомъ, совершеніе дѣйствія, не узаконеннаго правилами, но въ то же время и не воспрещеннаго прямо, имѣетъ для нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ со-

*) Показаніе казака Семена Чижова въ «Дѣлѣ святѣйшаго синода о раск. арх. Апопійѣ».

**) Іона Курносый.

***) Послание къ евреямъ, VII, 12.

вершленную силу закона. Случается, и довольно нерѣдко, что примѣрамы, взятые изъ церковной исторіи, они даютъ широкое и даже слишкомъ широкое толкованіе, оправдывая себя въ такомъ случаѣ тѣми же словами апостола Павла: „по нуждѣ и закону премошеніе бываетъ“. Въ правилахъ вселенскихъ соборовъ и св. отецъ нигдѣ не говорится о дозволеніи совершать хиротонію заочно, но и нигдѣ не воспрещена заочная хиротонія. А церковная практика представляетъ примѣръ подобнаго посвященія, совершеннаго епископомъ Фединомъ *) надъ св. Григоріемъ Неокесарійскимъ. Аноимъ ухватился за этотъ примѣръ, какъ утопающій за соломинку. Написалъ къ Авоиногену посланіе, въ которомъ, приводя въ примѣръ св. Григорія, просилъ его послѣдовать, нужды ради, примѣру епископа Федима и рукоположить его заочно **). „Благодать Святого Духа,—писалъ онъ:—всегда немощная врачующая и не оскудѣвающая, не стѣсняется предѣлами земными, но вездѣ и присно дѣйствуетъ. Служи божественную литургію въ предстоящій великій четвертокъ въ своей церкви и въ положенное время читай молитвы святой хиротоніи, азъ же, смиренный, въ тотъ самый часъ буду возлагать на себя одежды архіерейскія“. При посланіи приложено было золото ***). Авоиногенъ согласился. Увѣдомилъ онъ Аноима, чтобы готовился онъ къ хиротоніи и возлагалъ бы на себя священныя одежды архіерейскаго сана въ великій четвертокъ, 11 апрѣля 1753 года.

Наступилъ этотъ день. Аноимъ началъ въ Боровицкой церкви служить литургію соборнѣ съ своими понами, какъ архимандритъ. Послѣ малаго входа съ евангеліемъ, вошелъ онъ въ алтарь и сталъ на колѣна предъ престоломъ, наклонивъ голову. Въ церкви было молчаніе. Знали, что въ эти минуты тамъ, далеко, за Дунаемъ, въ иномъ государствѣ, епископъ Авоиногенъ, положивъ руку на разогнутое евангеліе, возглашалъ молитву хиротоніи... Аноимъ всталъ, священники подали ему омофоръ, егколній, митру, и онъ надѣвалъ ихъ, при пѣніи клироса: „аксіосѣ“. Затѣмъ взялъ въ руки свѣчи троеплетенную и двуплетенную ****), вышелъ на амвонъ и осѣнилъ предстоящихъ при громогласномъ пѣніи „исполла эти деспота“. Народъ палъ ницъ предъ епископомъ. Кончая литургію, какъ архіерей, Аноимъ тогда же посвятилъ попа и дьякона. Это было сдѣлано гласно, открыто, торжественно, отнюдь не тайкомъ. Никто не сомнѣвался въ правильности обряда, ибо напередъ было объявлено, что совершается такой обрядъ нужды ради, гонительнаго ради належапія отъ еретикъ, по примѣру Федима епископа, посвятившаго иѣкогда подобнымъ образомъ св. Григорія во епископы Новой Кесаріи.

*) Минея Чети подъ 17 полорл.

***) Ивана Алексѣева «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», стр. 66.

****) Иона Курносый говоритъ — 20 червонцевъ, а Андрей Иоанновичъ Журавлевъ въ «Историч. изв. о раскольникахъ» упоминаетъ о цѣломъ иѣшкѣ съ червонцами.

*****) Трикирій и дикирій.

Аноимъ достигъ цѣли — былъ архіереємъ, былъ владыкою старообрядцевъ; ненасытное его самолюбіе вполне было удовлетворено. Успокоивъ совѣтъ примѣромъ св. Григорія, онъ искренно вѣрилъ въ несомнѣнную правильность принятаго имъ сана, посвящалъ много поповъ и дьяконовъ и разсылалъ ихъ по старообрядческимъ слободамъ. Михаила Буркина и Іосифа онъ „дополнилъ чиномъ“, то-есть вновь рукоположилъ, уже какъ епископъ. Увѣренныхъ въ правильности его архіерейства было много даже въ самой Вѣткѣ, гдѣ такъ не возлюбили-было вначалѣ Аноима; начались толки о томъ, не слѣдуетъ ли сего „страдальца за древлее благочестіе“ признать православнымъ епископомъ... И вдругъ... каково это было узнать Аноиму? Приходить вѣсть, что 11 апрѣля, когда Аноимъ въ Боровицкой церкви надѣвалъ архіерейское облаченіе, Аиногенъ не только не служилъ обѣдни, но уже былъ католикомъ и, обритый, щеголялъ по улицамъ Каменца-Подольскаго въ ловко-сшитомъ кунтушѣ польскаго жолнера! „И остался Аноимъ въ скорби и печали о неполученіи нарекованія епископомъ“, — говоритъ Іона Курносый. Скинуть омофоръ, торжественно надѣтый, было несообразно съ своенравнымъ характеромъ Аноима; оставаться въ литовско-бѣлорусскихъ краяхъ, гдѣ всѣ знали, какъ и въ какой именно день посвященъ Аноимъ, было также невозможно. Въ этихъ мѣстахъ никто не повѣрилъ бы правильности его архіерейства. При такихъ обстоятельствахъ рѣшился онъ кинуть только-что устроенную имъ Боровицу и ѣхать подальше отъ мѣсть, гдѣ онъ возложилъ на себя архіерейское облаченіе. Аноимъ рѣшился ѣхать туда, гдѣ въ послѣднее время находился Аиногенъ, чтобы вѣрише узнать, въ какой именно день бѣжалъ онъ въ Каменецъ и совершалъ ли онъ заочную хиротонію. Въ случаѣ же неблагоприятныхъ для себя по сему случаю извѣстій, онъ намѣревался искать новой хиротоніи или утвержденія въ архіерейскомъ санѣ отъ яскаго митрополита Іакова.

Показаніе двухъ старообрядческихъ писателей прошлаго вѣка, сохранившихъ извѣстіе о старообрядческихъ архіереяхъ того времени, совершенно противорѣчивы. Иванъ Алексѣевъ, безповедецъ, писавшій по слухамъ и притомъ съ видимою цѣлью показать нелѣпность исканія поповщиной архіерейства, говоритъ, что Аноимъ удовольствовался небывалымъ заочнымъ рукоположеніемъ польскаго жолнера. „Въ то мнимое его (Аноима) поставленіе, говоритъ онъ, уже Аиногенъ не епископомъ, но у нѣкоего пана капитаномъ сотворися, обаче нѣкимъ слѣпымъ Аноимъ за епископа вмѣнился и дѣйствова епископская и во діаконы и въ попы поставляша, кои попы имяху немалыя подзоры (подозрѣнія), ихъ же онъ постави и доншѣ священная дѣйствуетъ“ *). Охтенскій протопопъ Андрей Іоанновъ Журавлевъ, имѣвшій, какъ видно, нѣкоторые неизвѣстные намъ источники, говоритъ объ Аноимѣ весьма кратко, но

*) Иванъ Алексѣевъ, «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», стр. 66.

такъ же, какъ и Иванъ Алексѣевъ, замѣчаетъ, что онъ удовольствованъ заочно хиротоніей Аѳиногена *). Но Іона Курносый въ своемъ „Посланіи“, основываясь также, конечно, на слухахъ, распространенныхъ по старообрядству Аноимовыми приверженцами, говорить, что Аноимъ „много думая и мысля — и яко отъ духа нечиста наде ему на умъ: поѣду въ Яссы, негли могу желаніе получитьи — во епископы поставлюся. И сему бывшу, — продолжаетъ Іона: — прибывъ въ Яссы, подаде исповѣданіе согласно, яко такожде вѣруетъ и исповѣдуетъ, яко и олъ, ясской, подавъ прошеніе и дары немалы — все госпожи оныя нажитіе; онъ же, епископъ ясскій, посвяти его, Аноима, епископомъ и отпусти, куда ему годѣ“. Но не совѣмъ такъ было на самомъ дѣлѣ. Изъ дѣла объ Аноимѣ, паходящагося въ архивѣ синода, видно, что основанныя на слухахъ извѣстія Ивана Алексѣева, Іоны Курносаго и отца Андрея Журавлева одинаково неточны: ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ нѣтъ настоящей истины. Въ дальнѣйшемъ описаніи судьбы Аноима, этого „мужа забѣглаго ума“, будемъ держаться преимущественно этого дѣла.

„Епископъ Лука, переименовавшій себя въ Аѳиногена, мужъ въ наученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ непостояненъ, не стерпѣ зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убосяся сильныя руки императорскія, вдался до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и доднесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства. И преподаде намъ, смиреннымъ, великое сумнѣніе и *неимовѣрство* о своемъ святительствѣ, поже намъ, смиреннымъ, хиротонисаннымъ бывшимъ имъ епископомъ Лукою, отъ игуменскаго степени даже до епископства. И пужда мнѣ належаала вдатися до святительскаго суда и принять своему сумнѣнію рѣшеніе и *дѣйствительное благословеніе*. Въ которомъ намѣреніи 7261 (1753) изъ державы Польскія поѣхалъ до вашего преосвященства (въ Яссы) и достигъ даже до Рущеръ, чѣ въ повѣтѣ Сочавскомъ, въ митрополіи вашего преосвященства. И тамо живущіе липоване много мнѣ препятствія сотворили, чрезъ которое ихъ препятствіе мы, смиренніи, не могли видѣтися съ вашимъ преосвященствомъ и пріять отъ васъ благословеніе и сомнѣнію своему рѣшеніе“. Такъ писалъ Аноимъ къ ясскому митрополиту Іакову въ 1756 году, когда между ними началась переписка **). Само собою разумѣется, что Аноиму во всемъ вѣрить нельзя, что препятствія со стороны липованъ, не допустившихъ будто бы его до свиданія съ Іаковымъ, были имъ придуманы впоследствии, какъ бы въ видѣ оправданія. Но всей вѣроятности, дѣло было такъ: Аноиму нельзя было оставаться въ вѣтковскихъ и гомельскихъ предѣ-

*) Андр. Іоани. Журавлевъ. «Историч. извѣстіе о раскольникахъ», стр. 304—305.

**) «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Аноимѣ», 1757 года, по архивной описи № 337. Письмо Аноима къ ясскому митрополиту Іакову 12 декабря 1756 года.

лахъ. Оставивъ поповъ Буркиныхъ и Елизавету съ дьякониссами Андрой-Пелагеей и Алкаветой въ Боровицахъ, онъ одинъ поѣхалъ за Днѣстръ, къ молдавляйскимъ старообрядцамъ, сказавъ, что ѣдетъ въ Яссы за *дѣйствительнымъ благословеніемъ*, то-есть за довершеніемъ хиротоніи посредствомъ яскаго митрополита. Прибывъ же въ Молдавію, онъ, умалчивая объ Аоиногенѣ, „объявилъ о себѣ, яко бы онъ, будучи въ Россіи, отъ святѣйшаго правительствующаго синода посвященъ епископомъ“ *). Въ Мануиловкѣ и другихъ старообрядческихъ молдавскихъ слободахъ, а равно и въ Забахлуйскомъ предмѣстьѣ города Яссы, онъ не могъ въ то время найти себѣ приверженцевъ. Объ его „крѣпкомъ стояніи за древлее благочестіе святоотеческія преданія“, объ его „страданіяхъ“ и великомъ подвижничествѣ въ отдаленныхъ странахъ Россіи тамъ не знали и даже не слышали, а извѣстіе о мнимомъ посвященіи его петербургскимъ синодомъ приняли недовѣрчиво. Еще полугода не прошло съ тѣхъ поръ, какъ между ними былъ другой такой же „свѣжакъ“ **), и тотъ также рассказывалъ про себя, что посвященъ онъ въ Россіи, однакоже архіерейство его оказалось самозваннымъ, и онъ, избѣгая достойной за свой обманъ кары, перешелъ въ католичество и, къ небывалому еще, безпримѣрному соблазну, женился и поступилъ въ военную службу. Аноимъ былъ встрѣченъ въ Молдавіи насмѣшками. Нелегко было перенести это такому славолубивому и своенравному человеку. Онъ возненавидѣлъ молдавскихъ липованъ и, не доѣзжая Яссы, поворотилъ изъ Руцера назадъ, за Прутъ. Здѣсь, въ Хотинскомъ цинутѣ, въ слободѣ Вѣтрянкѣ, встрѣтилъ онъ радушный пріютъ у тамошнихъ старообрядцевъ и въ 1753 году основалъ тутъ свое пребываніе.

Въ Вѣтрянкѣ онъ обдумалъ планъ своихъ дѣйствій. Православнымъ румынамъ, славянамъ и грекамъ рассказывалъ, что онъ—русскій архіерей, удалившійся изъ отечества, и не распространялся о прежнихъ своихъ обстоятельствахъ. Да и не для чего распространяться: въ Россіи часто низлагали въ то время епископовъ и почти всегда безвинно; немало было и такихъ, которые сами удалялись изъ епархіи. Самые слѣды публичнаго наказанія па лицѣ Аноима не могли особенно удивить молдавскихъ православныхъ, ибо у нихъ ходили даже преувеличенные слухи о „гоненіи русскихъ епископовъ“ Прокоповичемъ, „вдавшимся въ лютерскую ересь“, и единомышленниками его Бирономъ и иными нѣмцами. Знали и то, что рукоположившій Аноима въ дьячки Левъ воронежскій былъ сѣченъ кнутомъ публично и притомъ безвинно ***). Да и вообще

*) Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ святѣйшему синоду 27 мал 1757 года въ *Дѣлѣ* о раск. Аноимѣ № 337.

**) Такъ заграничные раскольники зовутъ недавнихъ выходцевъ изъ Россіи.

***) Никогда не было у насъ такъ много низлагаемо архіереевъ, какъ въ теченіе сорока лѣтъ, съ 1718 по 1758. Въ это время казненъ смертию Досифей ростовскій 1718; сѣченъ кнутомъ Левъ воронежскій 1730; лишены

молдаванъ и грековъ не могли особенно удивлять ни клейма на лбу и скулахъ Аноима, ни рваныя его ноздри, ни покрытая кнутовыми рубцами спина: у нихъ, во владѣннхъ турецкаго султана, бывали архіереи съ рѣзанными ушами. Это за важное не считалось. Аноиму легко было сказатья однимъ изъ русскихъ низложенныхъ архіереевъ передъ греками и румынами, но не такъ легко было огласить это среди жившихъ въ Молдовахн раскольниковъ: они бы павели, хотя бы посредствомъ Вѣтки или Стародубя, справки въ Петербургѣ и Москвѣ, и ложь Аноима рано или поздно открылась бы. Ему нужно было, чтобы румынскіе архіереи признали его за архіерея, за своего брата и сослужбника: тогда не послали бы за справками въ Россію. Съ этой цѣлью, вскорѣ по водвореніи въ Вѣтрикѣ, поѣхалъ онъ въ Буковину, въ знаменитый тамошній православный монастырь Драгомирну, что на рѣкѣ Сучавѣ. Здѣсь жилъ въ то время на покоѣ престарѣлый митрополитъ Мисаилъ, бывшій прежде радауцкій *). Аноимъ обратился къ этому добродушному, кроткому старцу, нуждавшемуся въ средствахъ, какъ вообще нуждаются на Востокѣ не имѣющіе епаршескихъ доходовъ архіереи. За подарками дѣло не стало, — казны московской барыни было еще много у Аноима, но одними подарками нельзя было склонить Мисаила. Потому Аноимъ, явсь къ нему, какъ архіерей, ищущій ради успокоенія совѣсти святительскаго суда, просилъ исповѣдать его грѣхн и преподать въ нихъ разрѣшеніе. Мисаилъ принялъ его на духъ.

— Вамъ извѣстно, пресвященный владыка, — говорилъ ему Аноимъ: — что въ адѣшнихъ предѣлахъ есть много христіанъ восточныя вѣры, именуемыхъ липованами. Они не суть какіе-либо еретики, но отдѣлились отъ великороссійскія церкви единственно изъ-за грамматическихъ разгласій и нѣкоторыхъ виѣшнихъ обрядовъ, которые почитаютъ за свято и за велико. По простотѣ своей, ибо нѣтъ между ними людей ученыхъ и разумныхъ, они разгласіе свое съ великороссійскою церковью поставляютъ нѣкимъ догматствованіемъ и не могутъ соединиться съ російскою церковью во едино стадо. Россійскіе же епископы мнѣя силою ихъ въ общеніе привести и токмо паче раздражили ихъ до того, что, избѣгая мукъ и страданій, они оставляютъ свое отечество и забѣгаютъ въ чужія государства, какъ и въ сіи. Но, слѣдуя апостолу Павлу, иже съ немощными былъ, яко немощенъ, нѣкоторые изъ нашея братіи, еписко-

сана и заточены: Осодосій новгородскій 1725; Игнатій коломенскій 1730; Сильвестръ казанскій 1731; Георгій ростовскій 1731; Варлаамъ кіевскій 1731; Оеофилактъ тверской 1735; Досіеиъ бѣлгородскій отлученъ 1736; Гоннадій костромской отрѣшенъ 1757; удалились въ монастыри: Ааронъ корельскій 1721; Флаосей тобольскій 1727; Иродіонъ черниговскій 1734; Иларіонъ тоже черниговскій 1738; Варлаамъ псковскій 1738; Петръ бѣлгородскій 1742; Леонидъ крутицкій 1742; Гавріилъ устюжскій 1748.

*) Радауць или Редовуць — городъ въ Буковинѣ, на рѣкѣ Сучавѣ, недалеко отъ монастыря Драгомирны и нынѣшней старообрядческой митрополіи — Бѣлой-Криницы.

повь, оставя честь свою и сѣдѣніе во славѣ, пошли къ тѣмъ липованамъ пасти церковь Христову, да не погибнетъ какая-либо изъ овецъ заблудшихъ. Таковъ былъ въ Липованахъ епископъ Лука, который бѣжалъ изъ Великой Россіи, изъ дворца ихъ императорскихъ величествъ, и преименовалъ себя Аоиногеномъ, — мужъ въ наученіи хитръ, обаче въ вѣрѣ неостояненъ: не стерпя бо зрѣти суевѣрій липованскихъ, еще же убоясь сильныя руки императорскія, вдался до римскихъ бископовъ, у которыхъ пребываетъ даже и доднесь, кромѣ святительскихъ дѣйствъ, въ лицѣ панства. Отъ того епископа Луки, когда онъ въ благочестіи еще пребывалъ, получилъ я хиротонію по всеѣмъ степенямъ отъ игуменства даже до епископства. И отступленіемъ своимъ до римскихъ бископовъ преподале онъ, епископъ Лука, намъ, смиреннымъ, великое сумнѣніе и неимовѣрство о своемъ святительствѣ. И потому нужда мнѣ подлежала вдатися до твоего святительскаго суда и принять своему сумнѣнію рѣшеніе и дѣйствительное благословеніе, — подобаетъ ли мнѣ священнодѣйствовать, какъ епископу?

Митрополитъ Мисаиль, видя, что дѣло идетъ только о томъ, что хиротонисовавшій Аноима, уже послѣ его хиротоніи, уклонился въ римское католичество, отвѣчалъ:

— Не умереть сынъ, отца ради, но душа согрѣшившая, та въ грѣхѣ.

Исповѣдавъ, далъ Аноиму разрѣшеніе въ грѣхахъ и, благословивъ его, написалъ ему разрѣшительную грамоту.

Аноимъ и то сказалъ Максиму, что онъ, по затруднительнымъ случаямъ, нужды ради и гоенія и тѣсноты обстоянія, рукоположенъ епископомъ Лукою не лично, но заочно, подобно тому, какъ Федимъ епископъ рукополагалъ св. Григорія въ санъ архіепископа Новой Кесаріи.

— Дѣйствительна ли моя хиротонія, — спрашивалъ онъ старца митрополита: — и чтѣ должно мнѣ дѣлать, чтобы она была совершенна?

— Для этого, — совѣтовалъ Мисаиль: — надо, чтобы митрополитъ какія-либо области благословилъ тебя съ рукоположеніемъ и молитвами, не хиротонисую вторично, ибо, какъ человѣкъ дважды не родится, такъ и хиротонія не повторяется.

Аноимъ просилъ Мисаила совершить надъ нимъ этотъ обрядъ, но тотъ уклонился, говоря, что это должно сдѣлать правительствующему митрополиту, сидящему на престолѣ своемъ, а ему, Мисаилу, того сдѣлать не можно, потому что онъ съ своей митрополіи сошелъ и въ Драгомириѣ пребываетъ на покое. И совѣтовалъ ему обратиться къ Іакову, митрополиту молдавскому, въ Яссахъ пребывающему, „во еже приняти отъ него дѣйствительное благословеніе“. На Іакова Мисаиль указалъ, по всей вѣроятности, потому, что монастырь Драгомириа, гдѣ происходила бесѣда его съ Аноимомъ, находился тогда въ епархіи яскаго митрополита.

„И многу пользу и разсужденіе пріялъ отъ его святыни“, — говорилъ послѣ Аноимъ о Мисаилѣ.

Но, опасаясь ля старообрядцевъ Забахлуевского предмѣстья, не надѣясь ли на Гакова, Аноимъ и теперь въ Яссы не поѣхалъ, а воротился въ свою Вѣтрянку. А можетъ-быть, онъ и то соображалъ, что такъ какъ Вѣтрянка, гдѣ онъ жилъ, и весь Буджакъ (нынѣ Бессарабія) принадлежали къ епархіи браиловскаго, а не ясскаго митрополита, то ужъ лучше и правильнѣе просить руковожденія у него, у браиловскаго. Кстатѣ же онъ вскорѣ и прибылъ въ Хотинъ, обозрѣвая свою митрополию. Звали этого митрополита Даніиломъ, жилъ онъ въ монастырѣ при городѣ Рени и, какъ отзывался о немъ въ 1757 году ясскаго митрополита русскому агенту, посланному въ Молдавію для развѣдыванія объ Аноимѣ, „человѣкъ былъ ученый, постоянный и всякой чести достойный, которому по его благочестію знатная епархія поручена“ *).

Аноимъ, этотъ высокомѣрный человѣкъ, не признававшій никого выше себя, требовавшій отъ всѣхъ одного поклоненія и нѣмого раболѣбства, теперь смиренно, рабски предсталъ предъ Даніиломъ въ Хотинѣ, съ развѣшительною грамотой Мисаила въ рукахъ. Извѣстно, какъ и зачѣмъ развѣзжали и развѣзжаютъ фанариоты-епископы по своимъ вотчинамъ-епархіямъ. Аноимъ предсталъ предъ Даніиломъ, какъ непредвидѣнная въ митрополичьемъ бюджетѣ статья, и потому неудивительно, что липованскій архіерей былъ любезно принятъ и предупредительно выслушанъ браиловскимъ владыкой. Аноимъ подалъ ему особую бумагу, въ которой изложилъ всѣ свои обстоятельства въ такомъ видѣ, какъ рассказывалъ Мисаилу, еще подробнѣе говорилъ онъ Даніилу „на рѣчахъ“ и подалъ грамоту, добытую въ Драгомириѣ. Браиловскій митрополитъ нѣсколько не усомнился, похвалилъ разсужденія Мисаила и, согласившись совершить надъ Аноимомъ обрядъ руковожденія для подкрѣпленія заочной его хиротоніи, велѣлъ приходить въ слѣдующее воскресенье въ хотинскій соборъ.

Полонъ былъ этотъ соборъ въ назначенное время. Много собралось туда старообрядцевъ той стороны. Даніилъ служилъ литургію, сослужителемъ былъ Аноимъ. Во время „трисвятаго“, когда, по обычаю православной церкви, совершается архіерейская хиротонія, Даніилъ возложилъ на колѣнопреклоненнаго Аноима руки и прочиталъ надъ нимъ молитву благословенія. Обѣдню дослужили оба вмѣстѣ. Повѣщенные напередъ Аноимомъ старообрядцы изъ Вѣтрянки и слободъ, находящихся близъ Каменца, были ери этомъ обрядѣ и разгласили повсюду о хиротоніи Аноима. Даніилъ благословилъ послѣ того Аноима управлять духовными дѣлами липованъ, живущихъ въ браиловской

*) «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Аноимѣ».

епархіи, и во утверженіе подписать грамоту, данную ему Мисаиломъ *).

Аноимъ, утвердившій, какъ сказано, свое мѣстопробываніе въ Вѣтрянкѣ, съ согласія Даниїла, выхлопоталъ въ Портѣ фирманъ на построеніе въ этой слободѣ большой каменной церкви, которую задумалъ сдѣлать митрополіею всѣхъ липованъ, живущихъ во владѣніяхъ турецкаго султана. А такъ какъ липоване молдавскіе не захотѣли бы имѣть его своимъ главою, то властолюбивый и своенравный Аноимъ думалъ подчинить ихъ властью свѣтскою и православныхъ митрополитовъ. Въ старообрядческихъ обществахъ вездѣ, а особенно за границей, и тогда, какъ и теперь, всякаго рода дѣла рѣшаются выборными отъ міра старшинами, которые ворочаютъ всѣмъ. Духовныя лица тамъ только исполнители распоряженій старшинъ и находятся въ совершенной зависимости отъ богатыхъ и вліятельныхъ прихожанъ. Это не могло нравиться Аноиму, желавшему повелѣвать и требовавшему, чтобы каждое его слово исполнялось, какъ велѣніе свыше. Отсюда цѣлый рядъ столкно-

*) Впослѣдствіи, именно въ 1757 году, яскій митрополитъ о руковожденіи, совершенномъ Данииломъ, такъ говорилъ агенту, посланному для разслѣдованій объ Аноимѣ отъ кіевскаго вице-губернатора: «а въ прошломъ 1756 году каковы прислалъ означенный жеархіепископъ (Аноимъ) къ нему, ясскому митрополиту, два письма; оныя, такожъ и грамоту, по которой будто онъ, Аноимъ архіепископъ, посвященъ, показывалъ и о грамотѣ упоминалъ, то оная фальшивая, и ежели-бъ она была подлинная, то должна-бъ быть на греческомъ діалектѣ». Но грамота, о которой говоритъ здѣсь Іаковъ (она помѣщена ниже въ примѣчаніи), дана была Аноиму впослѣдствіи не на санъ архіерея: эта грамота «избирательная» въ «архіепископы всего православія», то-есть въ главные архіереи надъ всѣми, бывшими тогда, старообрядческими архіереями. Не знаи по-русски, Іаковъ, вѣроятно, принялъ эту грамоту за настольную на епископство, или за благословенную отъ Мисаила и Даниїла. Но вѣдь Аноимъ писалъ же Іакову, что эту грамоту отнял у него католическій епископъ въ Радомыслѣ. Напротивъ, если бы грамота, которую представилъ Аноимъ Іакову, была написана по-гречески, она бы должна была почесться за фальшивую, ибо старообрядческіе архіереи ни въ какомъ случаѣ не написали бы ея по-гречески. Далѣе Іаковъ говоритъ русскому агенту: «А чтобы браиловскій греческій митрополитъ объявленнаго жеца въ архіепископы посвятилъ, то неправда: оный митрополитъ Даниїлъ человекъ ученый, постоянный и всякой чести достойный, которому по его благочинію знатная епархія поручена, и чтобы такого плута въ такое знатное архіепископство посвятилъ, и подумать нельзя, да и безъ патріаршаго благословенія никакъ митрополиту въ архіепископы посвятить не можно. Однакоже Елифаній былъ посвященъ яскимъ митрополитомъ безъ патріаршаго благословенія. Отъ самого Даниїла посланный изъ Кіева узнать ничего не могъ, ибо онъ въ то время (1757) уже пропалъ безъ вѣсти. Этому посланному такъ говорилъ митрополитъ Іаковъ: «А объявленный греческій митрополитъ Даниїлъ въ прошломъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, былъ въ турецкомъ городѣ Вѣлградѣ, и оттуда куда и зачѣмъ отѣхалъ и гдѣ нынѣ находится, или отъ разбойниковъ на дорогѣ убитъ, — о томъ никакого объ немъ слуху въ Яссахъ и понынѣ не имѣется».

веній его съ липованами, кончившійся гибелью этого властолюбиваго и гордаго чловѣка.

Первымъ дѣйствіемъ липованскаго архіерея въ Бессарабіи было за-
прещеніе священнодѣйствовать попамъ, поставленнымъ Аеиногеномъ *).
Такъ высоко почиталъ Аеинимъ рукоположеніе Даніила, что уже не
признавалъ дѣйствительности хиротоніи Аеиногеновой, хотя и не отри-
цалъ вполнѣдствіи, что самъ отъ него получилъ архіерейство. Весьма
можетъ быть, что попы Аеиногенова посвященія не хотѣли признать
Аеинима своимъ владыкою, и онъ за то наложилъ на нихъ запрещеніе.

Окончательно рѣшившись утвердить свою кафедру въ Вѣтрянкѣ,
Анфимъ собрался ѣхать въ вѣтковскіе предѣлы, въ свою Воровицу, гдѣ
давно ожидали его Елизавета съ дьякониссами и попы Буркины, гдѣ
много было у него церковной утвари, которою теперь намѣревался онъ
украсить новую свою вѣтрянскую церковь, гдѣ наконецъ находилась
значительнѣйшая часть богатства, вывезеннаго Елизаветой изъ Москвы.
Уже онъ совсѣмъ было собрался въ путь, какъ совершенно неожиданное
обстоятельство заставило его отложить поѣздку.

Въ 1753 году къ нему явилось посольство отъ кубанскихъ старо-
обрядцевъ **). Они, узнавъ о старообрядческомъ епископѣ, живущемъ

---

*) Доношеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ синоду. Въ «Дѣлѣ о раск.
арх. Анѣимѣ» 1757 года, № 337.

**) Въ царствованіе Петра I произошелъ на Дону извѣстный бунтъ
Кондратія Булавина (1708). Когда это возмущеніе, принявшее-было грома-
дные размѣры, было подавлено воеводой кн. Долгоруковымъ, одинъ изъ
главныхъ предводителей возстанія, атаманъ Игнатъ Некрасовъ, съ 2.000 ка-
заковъ, убѣжалъ на р. Кубань, подвластную тогда крымскому хану подъ
верховнымъ владычествомъ султана турецкаго. Всѣ бѣглецы были старо-
обрядцы по повиновенію. Пришедши на Кубань, они въ такъ-называемыхъ
Гребеняхъ завели много станицъ и заселили край, поступивъ въ поддан-
ство султана. Къ нимъ на «свольныя, обфальныя земли» стали во множе-
ствѣ приходить казаки-старообрядцы съ Дона, Волги и Яика. Переселеніе
на Кубань было такъ значительно, что обратило на себя вниманіе рус-
скаго правительства, тѣмъ болѣе, что кубанскіе казаки, съ вѣдома крым-
скаго хана и съ помощью кубанскихъ татаръ, дѣлали частыя вторженія
въ предѣлы Россіи. Объ этомъ Петръ I писалъ въ іюлѣ 1710 года султану
Ахмету III, но напрасно. Во время войны Петра съ Турціей, кубанцы,
уѣзненные русскими войсками, во множествѣ переселились вмѣстѣ съ
Некрасовымъ въ Турцію. Построивъ каяки, они переплыли Черное море
и явились въ Константинополь, прося у султана земель для поселенія и
предлагая службу противъ враговъ его, а въ особенности противъ Петра I.
Просили они поселяться поближе къ русскимъ казакамъ и Запорожью.
Имъ отведены были мѣста въ Добруджѣ и Бессарабіи по устьямъ Дуная,
по рукаву Дуная, Дунавцу, и при озерѣ Разельмъ. Въ Добруджѣ они за-
селили три большія слободы: Серакой (по-русски Серяково), гдѣ теперь
больше 600 домовъ, такой же величины слободу Слава и третью, Жури-
лово, съ 500 домами. Другая, меньшая часть вышедшихъ въ Турцію съ
Некрасовымъ казаковъ была поселена между Мраморнымъ моремъ и
Архипелагомъ, неподалеку отъ устья рѣки Марпцы, впадающей въ Энос-
скій заливъ. Тамъ, близъ города Эноса (родина перваго бѣлокриницкаго

въ Хотинской Раѣ, обратились къ нему, прося пріѣхать къ нимъ и у нихъ, въ Гребеняхъ, построить и освятить церковный причетъ. Вмѣстѣ съ просьбою кубанцевъ, посланцы привезли Анѣиму приглашеніе и отъ крымскаго хана, въ завѣдываніи котораго находились кубанцы. Анѣимъ съ радостью принялъ сильно льстившее его самолюбію приглашеніе и немедленно собрался въ путь. Пріѣхавъ въ Крымъ, онъ прежде всего явился къ тамошнему православному архіепископу Гедѣону, жившему въ Херсонесѣ, чтѣ близъ нынѣшняго Севастополя. Это крайне не понравилось сопровождавшимъ его гребенскимъ кубанцамъ, которые во всякомъ сближеніи съ православнымъ духовенствомъ видѣли самое большое нарушеніе своей вѣры. Подозрѣніе въ томъ, не придерживается ли Анѣимъ никоніанства, западъ въ душу этимъ грубымъ людямъ, но Анѣимъ былъ не изъ такихъ, чтобы сталъ обращать на подобныя вещи вниманіе. Гедѣонъ принялъ его любезно, много бесѣдовалъ съ нимъ и далъ грамоту, которою передавалъ въ его вѣдѣніе всѣхъ старообрядцевъ, жившихъ въ обширной его митрополіи, съ тѣмъ, чтобы онъ дѣйствовалъ среди нихъ архіерейски, ни отъ кого независимо. Еще не доѣзжая Крыма, въ Добруджѣ, гдѣ въ слободахъ Славѣ, Журиловкѣ и Серяковой жили также кубанцы, переселившіеся сюда съ своимъ атаманомъ Некрасовымъ и потому называвшіеся „некрасовцами“, онъ встрѣтился съ другимъ старообрядческимъ архіереемъ — Θεодосіемъ, и поладилъ съ нимъ. Этотъ Θεодосій былъ посвященъ въ санъ раскольническаго „епископа кубанскаго и терскаго“, то-есть для оставшихся въ Кубани гребенскихъ казаковъ — архіепископомъ крымскимъ. Гребенскіе кубанцы, чувствуя нужду въ епископѣ и слыша, что въ другихъ зарубежныхъ мѣстахъ, у одновѣрцевъ ихъ,

---

митрополита Амвросія), есть селеніе Казакъ-Кіюй. Третья, также небольшая часть кубанскихъ казаковъ, поселена была въ Малой Азіи. Тамъ, неподалеку отъ Мраморнаго моря, есть большое селеніе, ими занимаемое, Банъ-Эвле, на рѣчкѣ Мандрозѣ. Другое поселеніе старообрядцевъ въ Малой Азіи, тоже называемое Казакъ-Кіюй, находится близъ устья р. Кизиль-Ирмака. Третье, тоже называемое Казакъ-Кіюй, — близъ черноморскаго лимана Дерконъ, куда по зимамъ выѣзжаютъ старообрядцы изъ Банъ-Эвле для рыбной ловли. Во время войны султана Махмуда II съ египетскимъ пашой Мегемедъ-Али, 3000 казаковъ отправлены были въ Сирію, и которые участвовали въ сраженіяхъ, тѣ поселились въ Сиріи и Киликіи. Наконецъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, русскіе старообрядцы есть въ Египтѣ, даже въ самомъ Каирѣ, и около Багдада. Кубанцы въ Турціи извѣстны подъ именемъ *Инатъ-казакъ* (по имени предводителя ихъ Игната Некрасова), по-русски же больше называются «некрасовцами». Это народъ грубый и невѣжественный, но сохранившій всецѣло русскую народность во всѣхъ условіяхъ своего домашняго и общественнаго быта. Изъ Кубани не всѣ казаки выселились съ Некрасовымъ въ Турцію. Потомки оставшихся и до сихъ поръ входятъ въ составъ кубанскаго казачьяго войска. Всѣ они старообрядцы. Называются также «гребенскими казаками». Къ ихъ-то предкамъ и ѣздилъ Анѣимъ въ 1753 году.

есть такіе, обратились къ самому султану, прося его, чтобы онъ велѣлъ патріарху или крымскому архіепископу рукоположить имъ архіерея. Султанъ велѣлъ Гедеону исполнить желаніе кубанцевъ, а имъ приказалъ везти въ Херсонесъ выборнаго челоуѣка, котораго они считаютъ достойнымъ быть у нихъ архипастыремъ. Они привезли монаха Θεодосія. Гедеонъ всячески уклонялся отъ посвященія его, но, когда посланный султаномъ паша съ янычарами вошелъ въ церковь и именемъ султана велѣлъ Гедеону рукоположить его, крымскому владыкѣ дѣлать было нечего, и онъ неволею рукоположилъ Θεодосія въ санъ епископа кубанскаго и терскаго *). Но почему-то Θεодосій не остался у гребенскихъ кубанцевъ, а водворился у кубанцевъ-некрасовцевъ, жившихъ въ Добруджѣ.

Изъ Крыма Анѳимъ отправился на Кубань съ проѣзжею грамотой отъ хана, которому представлялся въ Бисараѣ. Сначала кубанцы приняли дорогого гостя радушно и съ великими почестями. Онъ устроилъ для нихъ монастырь и посвятилъ архимандрита, а по слободамъ—многое число поповъ, и далъ имъ универсалы, чтобы имѣть имъ по своимъ обрядамъ церковное служеніе. Потомъ рукоположилъ для Кубани двухъ епископовъ **), имена которыхъ намъ неизвѣстны. Недолго однако продолжалось доброе согласіе Анѳима съ гребенскими казаками. Онъ хотѣлъ властвовать, хотѣлъ стать во главѣ всего тамошняго казачества, требовалъ, чтобы не только другіе начальные люди, но и самъ атаманъ ничего не дѣлалъ безъ его благословенія, а кубанцы хотѣли, чтобы архіерей зналъ свою церковь да поповъ, а въ ихъ дѣла не мѣшался. Пошли ссоры, брань, своенравный Анѳимъ слушать никого не хотѣлъ, и каждый день являлись съ его стороны новыя требованія и притязанія, а при малѣйшемъ противорѣчій онъ грозилъ анаемой. Ужитья ему съ кубанцами было невозможно; притомъ же эти грубые, закоренѣлые въ невѣжествѣ полудикари, суетвѣрные до крайней степени, заподозрѣли его въ никоніанствѣ, потому что у него былъ „Чиновникъ архіерейскаго служенія“, напечатанный въ Москвѣ во времена Петра I. Всѣ Гребени возмутились. „Какъ,—кричали казаки:—по еретической книгѣ намъ поповъ наставилъ да и самъ по ней служитъ! Мы отъ такихъ книгъ изъ Россіи ушли, а онъ, еретикъ, врагъ Божій, сюда къ намъ ихъ завезъ! Въ куль его да въ воду и съ книгами-то!“ Анѳимъ бѣжалъ, и казаки едва не пожгли всѣ церкви, имъ освященные, называя ихъ еретическими, никоніанскими. Волненіе однако чрезъ нѣкоторое время утихло: нашлись между казаками люди благоразумные и притомъ вліятельные на ихъ кругахъ, которые убѣдили толпу, что Ан-

*) Инокъ Парееій въ своей книгѣ «О Промыслѣ Божіемъ», Москва, 1757 г., стр. 185, хотя и говоритъ, что крымскій архіепископъ (а не митрополитъ) посвятилъ Θεодосія только во іеромонахи, но изъ дѣла синода 1757 года. № 337, видно, что Θεодосій былъ епископомъ.

**) Доношеніе коллегіи иностран. дѣлъ синоду, 27 мая 1757 года.

оима прогнали они безъ достаточнаго основанія. Кубанцы раскаялись и послали къ нему новыхъ посланцевъ съ письменнымъ всенароднымъ моленіемъ, прося у него прощенія за свой поступокъ и приглашая его снова на Кубань. Они догнали его на дорогѣ, но Аноимъ былъ не изъ такихъ, чтобы прощать подобныя обиды. „Аще изгонять васъ изъ града, бѣгайте въ другой,—отвѣчалъ онъ посланнымъ.—Нога моя не будетъ у васъ, крамольники. Мира и благословенія вамъ не даю,—ступайте откуда пришли“. И воротились посланные ни съ чѣмъ. Рукоположенные Аноимомъ два епископа продолжали однако архіерействовать на Кубани. Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба ихъ, но, судя по нѣкоторымъ толкамъ старообрядцевъ позднѣйшаго времени, можно предполагать, что поставленные Аноимомъ архіереи въ свою очередь посвятили другихъ, и что такимъ образомъ на Кавказѣ раскольническая іерархія, происшедшая отъ Аноима, не прекращалась *).

Возвратясь въ Вѣтрянку въ 1754 году, Аноимъ сталъ называться „епископомъ кубанскимъ и Хотинскія Раи“. Изъ Вѣтрянки поѣхалъ онъ наконецъ въ Боровицу, гдѣ московская барыня, а теперь игуменья Елизавета, съ молоденькими дьякониссами и съ попами Буркиными уже болѣе года нетерпѣливо ожидали возвращенія своего архипастыря. Въ вѣтковскихъ предѣлахъ онъ пробылъ самое короткое время,

*) Еще до начала бѣлокриницкой митрополіи раскольники поповщинскаго согласія были несомнѣнно увѣрены, что на Кавказѣ, въ недоступныхъ русскому правительству мѣстахъ, есть старообрядческія поселенія, а тамъ и архіереи. Въ одномъ «Сказаніи о заграничныхъ раскольникахъ» говорится о старообрядцахъ, живущихъ гдѣ-то около Багдада, гдѣ у нихъ три епископства, а затѣмъ прибавлено: „есть христіане между землею Турскою и Персидскою при рѣкѣ Куръ, именуемые *стрѣльцы*“ (см. «Дѣло въ архивѣ московскаго военнаго генералъ-губернатора», 13 декабря 1837 г., по описи № 100). Въ сочиненіи «Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей святой древле-православной церкви священноіерархїи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся», писанномъ въ Москвѣ, въ 1861 году, говорится, что Геронтій и Павелъ, отыскивавшіе епископа для старообрядства и путешествовавшіе по разнымъ мѣстамъ почти 10 лѣтъ, прежде всего (въ 1837 году) отправились на Кавказъ: «И, по слухамъ, будто бы въ закавказскихъ ущельяхъ находятся единотѣрные намъ православные епископы, прежде обратившіе въ Грузію и прибыли въ городъ Тифлисъ, но тамъ ничего подобнаго сыскать не могли». Извѣстно, что въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія раскольниковъ за нарушеніе «уставовъ благочинія и благоустройства», а также за вторичное уклоненіе въ расколъ, сослали на Кавказъ. Всѣ секты считали это за особенное милосердіе Божіе, видными путями приводящее ихъ къ соединенію. Каждый толкъ имѣлъ для сего основаніе: молокане—близость Арарата, скопцы—близость р. Ріона, акиньевщина—Шемаху, и т. д., а старообрядцы поповщинскаго толка—близость къ епископамъ древляго благочестія, живущимъ въ ущельяхъ Кавказа. До того была сильна ихъ увѣренность въ дѣйствительномъ существованіи іерархїи на Кавказѣ. Теперь изъ дѣла синода объ архіепископѣ Аноимѣ оказывается, что въ прошломъ столѣтіи дѣйствительно были на Кавказѣ старообрядческіе архіереи.

необходимое только для сборовъ въ дальній путь. Въѣстъ съ Елизаветой и дьякониссами, съ попами и клириками, имъ рукоположенными, и нѣкоторыми своими приверженцами изъ мірянъ, всего съ 15 человѣками, поѣхалъ онъ въ Хотинскую Раю, гдѣ общалъ своимъ домохозяевамъ тихое и безмятежное житьельство. Дордогой Аноимъ очень сблизился съ молодыми дьякониссами: объ онѣ едѣлались беременны *). Проѣзжалъ Аноимъ гласно, съ нѣкоторою даже торжественностью, называя себя православнымъ епископомъ, посланнымъ будто бы отъ русскаго правительства въ польскія владѣнія и въ Молдовляхю отыскивать тамъ бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ и вывозить ихъ назадъ въ Россію. Такъ сказался онъ и въ мѣстечкѣ Радомыслѣ **). Случившійся въ то время въ этомъ мѣстечкѣ епархіальный католическій епископъ, узнавъ отъ своихъ людей о такой миссіи проѣзжавшаго Аноима, хотѣлъ подробнѣе и точнѣе удостовѣриться въ томъ и послалъ за Аноимомъ, требуя, чтобъ онъ немедленно явился къ нему. Аноимъ перепугался и поскакалъ наскоро по дорогѣ въ Житомиръ. Его бѣгство возбудило въ бискупѣ сильное подозрѣніе; была послана погоня, и въ двухъ миляхъ отъ Радомысла Аноимъ со спутниками былъ схваченъ и привезенъ къ бискупу. Бискупъ разсмотрѣлъ Аноимовы бумаги и удостовѣрился, что онъ обмалчикъ и никакого порученія отъ русскаго правительства не имѣетъ. Вообще Аноимъ показался ему лицомъ подозрительнымъ. Неточныя, неопредѣлительныя и сбивчивыя его отвѣты, а больше всего рваныя поздры внушили прелату подозрѣніе, что это какой-нибудь преступникъ, бѣжавшій съ русской каторги. Онъ посадилъ Аноима въ тюрьму вмѣстѣ съ дьякониссами и всѣмъ его причтомъ. „А которые были съ бородами попы и мужики, тѣхъ всѣхъ перебрлпъ, а его (Аноима) не брлпъ, и деньги и сосудъ его церковный и ризницу, которой у него было сотъ на пять, обралъ“ ***). Нѣсколько недѣль Аноимъ,

*) Показаніе казака Семена Чижова: «И оной пазываемой епископъ ѣздилъ чрезъ Польшу въ Волотчину и на дорогѣ тѣхъ дьякониссъ учинилъ неспрадныхъ... гдѣ будучи (въ Чебарчѣ) дьякониссы его родили одна мальчика, а другая дѣвочку». См. «Дѣло о раск. арх. Аноимѣ».

***) Уѣздный городъ Кіевской губерніи, тогда бывшій въ польскихъ владѣніяхъ. Въ допросѣ Семена Чижова онъ названъ «Радомижемъ».

****) Допросъ казака Чижова въ «Дѣлѣ о раск. арх. Аноимѣ» № 337. Объ этомъ происшествіи съ Аноимомъ говорить и Иванъ Алексѣевъ въ своей «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ», стр. 66: «Послѣ бо сего дерзновенія (рукоположенія отъ Аноимогена) Аноимъ отшедь, и тако по нѣкимъ странамъ проходи, апостольствуя, рукополагал прочихъ, возвратися отгуду, возмездіе своего дѣла воспрія: ятъ бо бысть нѣкимъ въ Польшѣ и могилевскому епископу вданъ, и той остриже ему главу и брану, въ темницу затвори повола. И тако прокаженъ едина отгуду утче и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скрися». Если такъ, то это былъ православный могилевскій епископъ Іеронимъ (Возчанскій), предшественникъ знаменитаго Георгія Конисскаго. Но Чижовъ зналъ вѣрнѣе; онъ прямо говоритъ, что это былъ католическій епископъ; то же послѣ писалъ и самъ Аноимъ къ Іакову.

со всѣми его приближенными, томился въ каменной тюрьмѣ Радомысля. Впослѣдствіи Аноимъ, объясняя яскому митрополиту это обстоятельство, говоритъ, что польскіе бискупы хотѣли его обратить въ унию. „Того ради много озлобленія пріяхомъ за правовѣріе наша восточная церква,—писалъ онъ къ этому митрополиту:—и того ради насъ замуrowаша въ каменную стѣну, и едва, Вышняго Бога помощію, ушелъ изъ рукъ ихъ, а имѣніе мое, и люди, и кони, и всѣ грамоты даже и до днесъ въ рукахъ ихъ“ *). На счастье Аноима, вступился за него панъ Лабуньскій, владѣлецъ слободы Рудницкой, которая была населена старообрядцами, признавшими правильность епископства Аноимова. Они просили Лабуньскаго, а Лабуньскій, весьма дорожившій поселившимися на его земляхъ старообрядцами, ибо они доставляли ему отличный доходъ, принялся хлопотать у епископа за Аноима и вскорѣ успѣлъ его выручить. Пробывъ двѣ недѣли въ слободѣ Рудницкой, среди выручившихъ его одновѣрцевъ, Аноимъ съ дьякониссами отправился въ Бессарабію, но почему-то не поѣхалъ въ Вѣтрянку, а поселился въ слободѣ Чебарчи, или Чобурчи, на берегу Днѣпра **).

Въ началѣ слѣдующаго 1755 года, въ слободу Чобурчи прибыло новое посольство къ Аноиму. Оно было изъ Добруджи отъ тамошнихъ кубанцевъ, или некрасовцевъ. Всѣ три слободы ихъ, будучи недовольны епископомъ Θεодосіемъ за то, что онъ не хотѣлъ признавать православныя церкви, греческія и русскія, полными всякаго нечестія и не имѣющими ни малѣйшаго слѣда благочестія, звали къ себѣ Аноима для водворенія церковнаго благочинія и благоустройства. И въ Славѣ, и въ Журиловкѣ, и въ Серяковѣ шла тогда большая неурядица въ духовныхъ дѣлахъ. Смятенія были до того велики, что старообрядческой епископъ Θεодосій со своими приверженцами принужденъ былъ удалиться изъ Добруджи, гдѣ грубые, буйные некрасовцы грозили ему смертью. У нихъ, какъ и на Кубани, расправа была короткая: соберутъ „кругъ“ и начнутъ совѣтоваться; старики приговорятъ: „въ куль да въ воду“, а молодые тотчасъ и исполняютъ приговоръ. Едва избѣжавъ смерти, Θεодосій поселился на лѣвой сторонѣ Днѣстра, неподалеку отъ возникшаго впослѣдствіи города Одессы. Здѣсь онъ построилъ старообрядческую слободу Маяки, чтѣ нынѣ городъ Херсонской губерніи. Онъ и умеръ впослѣдствіи въ Маякахъ и похороненъ тамъ. До сихъ поръ жители этой слободы, считая Θεодосія святымъ, благоговѣнно чтутъ могилу этого „епископа кубанскаго и терскаго“.

Аноимъ прибылъ къ некрасовцамъ въ слободу Славу вмѣстѣ со всѣми

*) Письмо Аноима къ митрополиту Іакову 12 декабря 1756 г. «Дѣло о раск. арх. Аноимѣ», № 337.

**) Чобурчи, или Чебарчи, нынѣ казенное село Аккерманскаго уѣзда Бессарабской области, съ 212 дворами, на правомъ берегу Днѣпра. Противъ него, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Одесскомъ уѣздѣ, есть другое село Чобурчи съ 217 дворами.

своими присными: съ дьякониссами, съ попами Іосифомъ и Матвѣемъ Буркиными и всѣмъ клиромъ церковнымъ. Сначала онъ поладилъ съ казаками и, кажется, даже успѣлъ помирить съ ними Θεодосія, освятилъ для нихъ церковь, наставилъ поповъ и дьяконовъ столько, сколько имъ хотѣлось. Некрасовцы тоже были довольны Аноимомъ и предложили ему поселиться у нихъ и быть „архіепископомъ всего православія“. Аноимъ не заставилъ долго просить себя и церковь въ слободѣ Славѣ сдѣлать своей митрополіей, наименовавъ ее „соборною церковью всего православія“. Самыхъ горячихъ своихъ приверженцевъ онъ пристроилъ къ этой церкви: Матвѣя Буркина сдѣлать „экономомъ соборной церкви всего православія“, а брата его Іосифа „логоуемомъ“. Самъ же принялъ на себя званіе „архіепископа всѣхъ старообрядцевъ“, живущихъ въ подданствѣ турецкаго султана и крымскаго хана *). На соборъ, бывшій по этому случаю 20 апрѣля 1755 года въ Славѣ, призжалъ изъ Маяковъ и Θεодосій. Съ епископами, находившимися на предгоріяхъ Кавказа, на рѣкѣ Кубани, снеслись заблаговременно, и отъ нихъ получено было согласіе на возведеніе Аноима въ санъ „архіепископа“.

*) На соборѣ 20 апрѣля 1755 года была составлена слѣдующая грамота на возведеніе Аноима въ санъ архіепископа:

«Божією милостію смиренный Аноимъ, архіепископъ всего православія.

«Боголюбивый епископъ Θεодосій, кубанскій и терскій.

«По благодати, дару и власти Всесвятаго и Живоначальнаго Духа, данной намъ отъ самаго великаго архіерея, Господа нашего Ісуса Христа, черезъ святыхъ и священныхъ его апостоловъ, и ихъ намѣстники и преемники, другъ-другопріимательнѣ даже до насъ порученной, со общаго соборнаго совѣту, по правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, избраніемъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и всего причта церковнаго, въ брахѣмъ благочестиваго сего епископа Аноима кубанскаго и Хотинскія Раи во архіепископы, во еже быти ему старѣйшимъ епископомъ и наблюдателю и правителю православныя церкви греческаго исповѣданія православныя вѣры, древле-церковнаго преданія, великороссійскія церкви всего православія, наполняющу мѣсто отценазачальниковъ и имѣющу честь и сѣданіе архіепископа и по обычаю святыхъ восточныхъ и апостольскія церкви, благодатію того же Всесвятаго и Животворящаго и Всесовершающаго Духа, произведомъ и рукоположимъ его на святопрезидициѣйшій степенъ архіепископства всего православія, не имъ падающей церкви и гонимѣй отъ безбожныхъ языкъ и отъ еретиковъ, обаче благодатію Христовою укрѣпляемѣй, но по неложному Его, Спасителя нашего Бога, обѣщанію, рекшаго сице: «се азъ съ вами во вся дни до скончанія вѣка». Долженъ же онъ, архіепископъ Аноимъ, по своему обѣщанію и по излившейся на нѣ благодати Всесвятаго Духа, имѣти стражбу о священныхъ канонѣхъ, божественныхъ правилъ храненія, поручено бо есть ему твердо соблюдати я, да ничто же отъ нихъ преступасмо и забытїемъ не минуемо, ни изысканіемъ оставяемо въ мукахъ онѣхъ изыскано будетъ, и древле-церковная преданія великороссійскія церкви сохраняти и защищати, и расширяти, и умножати, и вся, по правилѣмъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, совершати, и никакого насилія, и обидъ, п лихоимства не творити; сущимъ

Но Аноимъ недолго ладилъ съ некрасовцами. Своимъ характеромъ, своимъ стремленіемъ подчинить себѣ всѣхъ атамановъ до такой степени, чтобы не могли они безъ его воли ничего предпринимать, своими высокоумѣнными выходками онъ возбудилъ всеобщее на себя неудовольствіе; притомъ же отношенія его къ дьякониссамъ были слишкомъ явны и производили большой соблазнъ между Игнатъ-казаками, которые хотя и не отличались скромностью и цѣломудріемъ, однако не могли терпѣть соблазна, производимаго ихъ архипастыремъ. Но всего болѣе раздражали ихъ отзывы Аноима о православныхъ греческихъ архіереяхъ. Мы уже видѣли, какъ онъ искалъ благосклонности митрополитовъ яесскаго, браиловскаго, редовуцкаго, крымскаго; это узнали некрасовцы и были тѣмъ крайне недовольны. Когда же, говоря о разныхъ духовныхъ дѣлахъ, Аноимъ сталъ ссылаться на этихъ митрополитовъ, какъ на авторитеты, и отзываться о нихъ съ почтеніемъ, а не съ ругательствами и проклятіями, на которыя такъ щедры были некрасовцы, они его возненавидѣли едва ли не больше, чѣмъ бывшаго у нихъ до того Θεодосія. Первые заводчики смуты противъ Аноима были, впрочемъ, не сами некрасовцы, а народъ пришлый изъ молдавскихъ старообрядческихъ слободъ. Но крайней мѣрѣ такъ говорилъ впоследствии самъ Аноимъ. Замутились некрасовцы, а съ ними и попы не Аноимова поставленія, и черницы, и уставщики, и клшрь. Раздался извѣстный кликъ: „въ кулъ да въ воду!“. Но Аноимъ и на этотъ разъ избѣжалъ бѣды: онъ успѣлъ уйти въ Чобурчи съ дьякониссами, логоветомъ и экономомъ. Некрасовцы послали за нимъ погоню. На дорогѣ догнали архіепископа, ограбили его дочиста и едва не убили *). Добравшись до Чобурчей, Аноимъ

подъ нимъ епископомъ, имъ церкви Божія отъ службы упражнати, злата и сребра, или иного нѣкаго вида; яко да не преступникъ Вождихъ заповѣдей и апостольскихъ вѣднѣй обращается, по 4 правилу 7 Вселенскаго собора. И безъ совѣта сущихъ подъ нимъ епископовъ ничто же творити, но предлагати на всяко лѣто нужнѣйшія вещи всему освященному собору, яко правило святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ повелѣваетъ. Во увѣреніе же сего написанія здѣ краткая соборная грамота, руками подписанная и печатью запечатанная. Лѣта мірозданія 7263 (1755) году, мѣсяца апрѣля въ 20 день.

«Экономъ соборныхъ церквей, священноіерей Матвѣй Буркинъ.

«Логоветъ, священноинокъ Іосифъ».

Копія съ этой грамоты хранится въ архивѣ синода.

*) Письмо Аноима къ яесскому митрополиту, 12 декабря 1756 года.

«Третіе озлобленіе отъ сихъ суевѣрниковъ и своевольниковъ, поповъ, и чернцовъ, и мужиковъ, наводненіемъ и совѣтомъ обрѣтающихся въ митрополиі вашей: разбили меня на дорогѣ въ проѣздѣ моемъ съ Кубани (некрасовцы въ бумагахъ того времени зовутся еще кубанцами, самыя поселенія ихъ въ Добруджѣ — Кубанью) на Чебарчи, и какво руганіе показаша, ни едно слово представити можетъ и въмалѣ, такожде смерти меня не предаша и имѣніе мое вся взяша; обаче сіи злотворцы изысканы ханскою грамотою и рукой вѣрныхъ нашихъ и нами, а иныя имѣются еще не сысканы въ митрополиі вашего преосвященства, о которыхъ обидникахъ и прошеніе послалъ до вашего преосвященства, но еже сыскать тѣхъ обид-

сдѣлался отцомъ семейства: обѣ дьякониссы родили — одна мальчика, другая дѣвочку. Послѣ такого скандала ему нельзя было оставаться въ Чобурчахъ, и онъ водворился на старомъ мѣстѣ, въ Вѣтрянкѣ. Здѣсь онъ началъ искъ противъ ограбившихъ его, жаловался крымскому хану и самому султану. По распоряженію хана и по султанскому фирману, кое-что изъ пограбленнаго имущества было найдено, но далеко не все. Послѣ грабежей въ Радомыслѣ и на пути изъ некрасовскихъ слободъ, Аноимъ обѣдѣлъ: почти все, чтѣ досталось ему отъ московской барыни, почти все, чтѣ было нажито архіерействованіемъ, осталось въ рукахъ хищниковъ. На послѣдніа деньги онъ принялся однако строить въ Вѣтрянкѣ давно задуманную имъ каменную церковь, но 24 ноября 1756 года, когда самого Аноима въ Вѣтрянкѣ не было, изъ старой деревянной церкви воры украли заготовленные на постройку немалыа деньги и также все церковное украшеніе, потиры, митры, ризы и пр. *). Украли и всю архіерейскую ризницу, такъ что Аноиму и служить было не въ чемъ. Онъ подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ враждебныхъ ему старообрядцевъ и, кажется, не безъ основанія. Совѣзмъ обездолили они такъ недавно еще богатаго Аноима. Теперь онъ былъ почти нищій.

А между тѣмъ паства его умалаялась; его уже знать не хотѣли и бѣгали, какъ еретика, и некрасовцы, и жившіе въ Молдавіи старообрядцы, и жившіе въ польскихъ владѣніяхъ. Лишь немногіе изъ бессарабскихъ старообрядцевъ да жители села Хребтовки, чтѣ въ Подолии, еще признавали его своимъ архипастыремъ. На Кубани, кажется, забыли Аноима. Отшатнувшись отъ Аноима и прогнавъ его поповъ, задѣйствованная поповщина попрежнему, съ большими трудами, съ большими пожертвованіями, стала добывать себѣ бѣглыхъ поповъ изъ Россіи, и эти попы естественно сдѣлались самыми сильными и самыми опасными врагами Аноима. Изъ нихъ самыми вліятельными на народъ оказались священствовавшіе въ Сальцахъ—черный попь Макарій, родомъ южно-руссь (руснякъ) и, если вѣрить Аноиму, бывшій уніатъ, да попь Иванъ Андреевъ, священствовавшій прежде въ Россіи, но потомъ лишенный сана, отданный въ солдаты и бѣжавшій къ старообрядцамъ за границу. Оба они безпрестанно и ревностно оглашали Аноима самозваннымъ архіереемъ и еретикомъ, продавшимъ свою совѣсть и древлее благочестіе греческимъ митрополитамъ за мірскія почести. На все, чтѣ пришлось Аноиму вытерпѣть на Кубани и въ Добруджѣ, они указывали, какъ на сильные аргументы его еретичества. „Вотъ, смотрите, православные,—говорили они:—такіе ревнители, такіе поборники древляго благочестія, каковы оныя кубанцы, первые увидали подъ овчей кожей алчнаго волка: отъ нихъ не можетъ скрыться никакое еретическое дѣй-

никовъ и намъ ихъ выдать, на что и салтанская грамота, именно на нихъ, дана и велѣно ихъ взять изъ вашей области». «Дѣло святѣйшаго синода о раскольническомъ архіепишкѣ Аноимѣ», № 337.

*) «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Аноимѣ», 1757 г., № 337.

ство“. Разсказывая объ отношеніяхъ Аноима къ обѣмъ дьякониссамъ, о томъ, что онъ живетъ съ двумя семьями, попы насмѣшливо говорили: „Вотъ Аноимъ ужъ и впрямь архіерей по чину Мелхиседекову! У него, что у турки, двѣ жены, коли не завелъ третьей!“ И Макарій и Иванъ Андреевъ говорили, что изъ всѣхъ ересей, какія когда-либо бывали па свѣтѣ, нѣтъ и не бывало злѣе ереси Аноимовой, и потому даже перекрещивали и перевѣчивали крещенныхъ и вѣнчанныхъ попами аноимовскаго поставленья. Были и другіе попы, обличавшіе Аноима, называвшіе его еретикомъ и отклонявшіе отъ него народъ. Изъ нихъ особенно вліятеленъ былъ жившій въ слободѣ Крочковѣ (въ Молдавіи) престарѣлый іеромонахъ Авраамій, котораго молдавскіе и бессарабскіе старообрядцы звали своимъ „патріархомъ“, и другой, по имени Николай, жившій въ Долгой-Полянѣ, чѣдъ въ Бессарабіи.

Плохо приходилось Аноиму; со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ врагами; положеніе его было хуже того, въ какомъ находился Аноимъ передъ бѣгствомъ въ Каменецъ. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ вздумалъ онъ прибѣгнуть къ митрополитамъ и патріарху константинопольскому. Онъ подаль доношеніе Даніилу браиловскому, прося его представить его просьбу самому цареградскому патріарху, а черезъ нѣсколько времени послалъ другое такого же рода доношеніе къ митрополиту молдавскому. Вотъ этотъ, во многихъ отношеніяхъ любопытный документъ:

„Великому господину, преосвященнѣйшему архіепископу Іакову, митрополиту всея Молдавскія земли.

Довошеніе.

„Доносить вашему преосвященству Аноимъ, епископъ кубанскій, а о чемъ мое доношеніе, тому слѣдуютъ пункты:

„I. Извѣстно вашему преосвященству, что въ митрополіи вашей имѣется многочисленнаго народа, великороссійскихъ людей, именуемыхъ *липовени*, и зовутся христіане греческаго исповѣданія, а отъ патріарховъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и всего священническаго чина дѣйствительныхъ священниковъ отступили и вси ни во что вмѣняютъ и всѣхъ таинствъ церковныхъ не принимаютъ, токмо нѣкоторые. Изъ нихъ имѣютъ у себя поповъ бѣглыхъ изъ Великороссіи и отъ прочихъ епархій и *отъ своихъ архіереевъ запрещенныхъ*, оныхъ разстриженныхъ, оныхъ безмѣстныхъ, и весьма грубыхъ, и неразумныхъ, и невѣждей сущихъ, о чемъ ясно описано мною въ поданномъ отъ меня доношеніи Даніилу, митрополиту Проилаву (Браилову?), которе послано и до святѣйшаго *нашего* патріарха константинопольскаго, Кирилла.

„II. И оныхъ поповъ пріимаетъ у нихъ попъ, который къ нимъ, мужикамъ, прежде пришелъ. И съ ними, мужиками, пришедшаго къ нимъ попа пріимаетъ сице: повелитъ ему проклясть всѣхъ восточныя церкви архіереевъ и прочіе чины и уставы, дѣйствуемые въ восточной церкви;

и приносить оный попъ всѣмъ у нихъ прощеніе чернцамъ и черницамъ, и мужикамъ и бабамъ, яко бы былъ въ ереси, и тако благословеніе принявъ отъ нихъ шарверомъ (?) дѣйствуетъ у нихъ и учить и утверждаетъ тако, что можетъ-де приходящихъ отъ ереси пріять и попъ попа; и благословить его священнодѣйствовать, зане-де іерейское благословеніе съ архіерейскими равно есть, и тако восточныя церкви архіеревъ всѣхъ еретиками имянуютъ, точію себя православными зовуть, и въ нихъ общанію Христову глаголютъ исполнитися, рѣченному спше: „се Азъ съ вами до скончанія вѣка“.

„III. А ежели кто, бывъ въ нихъ и познавъ ихъ прелестъ, приидетъ въ сообщеніе соборныя церкви и приметъ разрѣшеніе своимъ согрѣшеніямъ, и дѣйствительное благословеніе отъ преосвященныхъ архіеревъ, яко же и азъ, смиренный *), бывши въ ихъ заблужденіи и пріялъ благословеніе и исполненіе святыни съ руковожденіемъ и молитвами чрезъ преосвященнѣйшаго митрополита Даниіла и совершенную власть епископскую съ подписаніемъ рукъ отъ его преосвященства Проилава, Даниіла и архіепископа Гедеопа крымскаго и духовнаго моего отца проинъ епископа Мисайлы редовуцкаго, то они отступницы, липовени, такового зовуть еретикомъ и отступникомъ отъ православныя вѣры, и многія клеветы и укоризны произносятъ на православныхъ служителей всюды, дабы точію ихъ прелестъ славна была и вездѣ распространялась въ сынахъ погибельныхъ и въ невѣжественныхъ и заблудныхъ человѣкахъ, яко овцахъ, немущихъ настырей.

„IV. А отъ насъ, смиренныхъ, восточныя церкви благочестивыхъ священниковъ, крещенныхъ человѣковъ, ежели кто приидетъ въ ихъ прелестное мудрованіе, то оныхъ перекрещиваютъ, овыхъ муромъ помазываютъ, котораго муръ у нихъ и не бывало, и другъ послѣ друга перекрещиваютъ, и браки перевѣнчиваютъ, яко же чинится нынѣ въ митрополіи вашего преосвященства отъ нихъ, неосвященныхъ липованскихъ священниковъ.

„V. Есть въ Замостіи черныи попъ Макарій, который родомъ руснакъ, поставленъ въ попы во уніи, и отъ нихъ, уніатовъ, ушелъ и крестился у липованъ, и былъ простымъ мужикомъ, потомъ паки въ унію своими епископы уніатскими пріять во унію, и служилъ года съ три, и паки къ липованамъ пришелъ въ митрополію вашего преосвященства, и отъ липованскаго попа постригся въ монахи, и благословеніемъ чернцовъ и мужиковъ священнодѣйствуетъ и до днесь на Замостіи и на Сокольницахъ и на прочихъ слободахъ, — крестить, исповѣдуетъ, браки вѣнчаетъ и прочія дѣйствія дѣйствуетъ, что ему повелятъ мужики, яко же у лютеранъ: ратушею пастора избираютъ и даютъ черную епанчу, а не архіереи рукополагаютъ.

*) Стало-бытъ, Аноимъ не считалъ уже боже себя старообрядцемъ, а обратившимся изъ раскола въ православіе.

„VI. А послѣ сего попа Макарія, нынѣ явившійся на Сальцахъ попъ Иванъ Андреевъ перекрещиваетъ второе и браки перевѣнчиваетъ. А сей попъ Иванъ Андреевъ былъ въ Россіи разстриженъ по правильной винѣ, и въ солдаты отданъ, и ушедъ, здѣ дѣйствуетъ въ митрополиі вашего преосвященства. Такжеже и другіи чернецы, попъ Панфутій, бывшій разстриженъ, и той дѣйствуетъ въ митрополиі вашей, ѣздя по веѣмъ лишованамъ. А нынѣ имѣется на Долгой-Полянѣ и черныи попъ Николай, который постриженъ отъ попа чернаго, иешущаго архіерейскаго благословенія и ставленныя грамоты, и священнодѣйствуетъ на Кроковѣ у вашего преосвященства. И еще попъ Авраамій имѣется на Долгой-Полянѣ, такжеже бывшій бѣлый попъ, и постригся отъ чернаго же пона, иешущаго епископскаго благословенія, и самъ не имѣетъ іеромонашескія грамоты, а священнодѣйствуетъ въ митрополиі вашей святыни. Сего попа они имѣютъ яко патріарха, старости ради. И сіи вышепоказанные неосвященнии священники дѣйствуютъ во веѣхъ слободахъ въ митрополиі вашего преосвященства, не опасаяся никого, яо надѣясь на гроши мужиковъ, а вашему преосвященству о семъ неизвѣстно, что они какіе люди. И черные ихъ поны дѣйствуютъ вся мірскія потребности безъ благословенія епископскаго, въ противность правиламъ святыхъ отецъ и всея восточныя церкви.

„VII. А нынѣ вѣдомо учинилось нашему смиренію, что оныя пустопопы между собой совѣтъ учинили, дабы поставить себѣ церковь въ митрополиі вашего преосвященства, на Долгой-Полянѣ, позволенія времени чрезъ мужиковъ отъ великаго вашего государя. И вашему преосвященству о семъ извѣстно ли? Аще ли вѣдомо, то убо не подобаетъ о семъ вашему архіпаству не радѣть, дабы таковыя своевольники церковь имѣли внутрь митрополиі вашего преосвященства, но подобаетъ всяко тщаніе имѣть и совѣтовать съ великимъ государемъ и не попускать церковь строить таковымъ прелестникомъ на утверженіе прелести ихъ, дондеже приложить подъ паству или вашего преосвященства живущіе въ митрополиі вашей, или къ намъ, смиреннымъ, да имѣютъ покореніе братскія любве насъ, смиренныхъ, съ вашимъ преосвященствомъ, какъ и его преосвященство Даніиль митрополитъ и его преосвященство Гедеонъ архіепископъ позволили, и благословили, и подписалися, дабы миѣ имѣть власть и смотрѣніе надъ таковыми людьми, а не своеволиемъ и разбойническимъ правомъ, въ противность правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, яко же вышепоказанные своевольники безчинствомъ своимъ говорятъ; ибо сіи ругатели восточныя церкви—откуда имѣютъ муро? Откуда аптиминсы? И подъ паствою котораго архіерея хотятъ быть? Развѣ въ своеволіи церковь имѣть хотятъ сіи разстриги, яко же обычай имъ есть, да удобѣе свою прелесть и своеволіе утвердятъ и распространятъ? И о семъ вашему преосвященству не подобаетъ небрежнн, но всяко тщаніе имѣть, дабы таковыя ереси покуль не имѣли растенія внутрь митрополиі вашего преосвя-

щенства и отъ братіи своея, преосвященныхъ архіереовъ, зазрѣнія не было, зане вамъ имѣется всяка власть и свобода ко возбраненію такоуя прелести во всей митрополіи.

„VIII. Егда же сіи своевольники, мужики, просятъ что имѣть у вашего преосвященства или церковь поставить или о которомъ попѣ именно, то подобаеъ вашему преосвященству ихъ спросити: съ вѣдома ли они просятъ о церкви нашего смиренія у вашего преосвященства, и имѣется ли отъ мене письменное прошеніе о томъ до вашего преосвященства, и попъ оный, о которомъ они просятъ, имѣеть ли ставленную или правильную грамоту и за подписаніемъ ли руки нашего смиренія, понеже мы, смиренніи, имъ, липованамъ, пастыри есми, аще оии и чинятся непокорные отъ своеволія, обаче намъ, пастыремъ сущимъ, подобаеъ всякое имѣть разсужденіе, да братство и любовь будутъ и исполнятся на насъ реченное Спасителемъ нашимъ Исусомъ Христомъ: „о семъ познають вси, яко Мои есте ученицы, аще любовь имате между собою“. А не смотрѣть бы вашему преосвященству ни на какія ихъ, мужиковъ, оговорки, что будутъ клеветать на наше смиреніе, ибо наши люди весьма лукави, и вашему преосвященству ихъ пронырства неудобъ можетъ достижно уразумѣться, ибо они не хотятъ никакимъ образомъ подъ паствою пастыря быть, но токмо въ самочиніи и въ отчужденіи восточныя церкви, о чемъ пространіе будемъ имѣть разговоръ о всемъ съ вашимъ преосвященствомъ, когда персонально видѣться будемъ.

„Того ради нынѣ ваше преосвященство прошу сіе мое доношеніе принять и о вышеписанномъ разсмотрѣніе учинити и такимъ своевольникамъ церковь строить не поущать безъ вѣдѣнія нашего смиренія и поповъ ихъ всеѣхъ освидѣтельствовать, а таковыхъ бы ересей имъ творити возбранити, что по дважды и по трижды крестить каждаго челоуѣка, такожде и вѣнчать по дважды, и постригать черницовъ и черницъ по дважды, а неимущимъ самимъ власти ни единыя отъ преосвященныхъ архіереовъ, а быть бы подъ властію архіерейскою имъ, попамъ, а не по своей волѣ, а съ нашимъ смиреніемъ вашему преосвященству союзъ любви и братства имѣть и о всемъ къ намъ писать въ домъ нашего смиренія въ Хотинскую Раю въ село Вѣтрянку.

„Преосвященнѣйшій владыка, прошу вашего архипастырства о семъ моемъ прошеніи благоразсудительное усмотрѣніе учинити. 7264 году іюня 30 дня.

„Smirenniy Anfim Archiepiskop Kubanskiy i Chotinskiia Ray Lipovenz“ *).

Это былъ чистѣйшій доносъ старообрядческаго архіерея на свою непокорную паству. Своенравному, властолюбивому Аноиму хотѣлось на-

*) «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Аноимѣ», 1757 г., по архивной описи № 337.

конецъ силою предержавшей власти заставить липованъ признавать его своимъ духовнымъ главою. Онъ представляетъ липованъ людьми опасными и особенно обращаетъ вниманіе яесскаго митрополита на то, что они митрополитовъ и епископовъ ни во что вмѣняютъ, а это во всякомъ случаѣ не могло понравиться фанариоту Іакову, гордому божественностью своего права. Донося на старообрядцевъ, Аноимъ подстрекаетъ молдавское правительство на крутыя мѣры, подобныя тѣмъ, какія были тогда во всей силѣ въ Россіи. Само собой разумѣется, что, когда липоване узнали о перепискѣ „архіепископа всего православія“ съ православными греческими митрополитами и даже съ самимъ константинопольскимъ патріархомъ, они пуще прежняго возненавидѣли его и объявили еретикомъ. Молдавскій митрополитъ отвѣчалъ Аноиму, но письмо его намъ неизвѣстно *). Изъ второго Аноимова посланія видно однакоже, что Іаковъ спрашивалъ его, когда и кѣмъ онъ поставленъ въ архіереи, звалъ къ себѣ въ Яесы для свиданія и изъявлялъ готовность поручить подъ его паству всѣхъ старообрядцевъ, жившихъ въ его обширной Молдовлахійской епархіи. На это письмо Аноимъ отвѣчалъ 12 декабря 1756 года. Разказавъ, что онъ посвященъ епископомъ Лукою, переименовавшимъ себя въ Авиногена, что въ Драгомирѣ онъ благословленъ митрополитомъ Мисаиломъ, и что въ хотинскомъ соборѣ митрополитъ Даніилъ благословилъ его съ руковозложеніемъ, объяснивъ всѣ бѣдствія и озлобленія, которыя испыталъ онъ отъ кубанцевъ, римскихъ бискуповъ и липованъ, представивъ славекую грамоту на санъ „архіепископа всего православія“, — Аноимъ такъ заключаетъ свое посланіе къ Іакову: „Ваше преосвященство, прошу дать позволеніе моимъ священникамъ священнодѣйствовать въ митрополіи вашей, въ нашихъ липованскихъ людѣхъ, которые требуютъ благословенія нашего смиренія, баламутникамъ, попамъ и черндамъ и прочимъ своевольникамъ запретить, дабы они пакости отселѣ поставленнымъ отъ нашего смиренія священникомъ не творили, и добровольнѣ хотящихъ людей приходить до нашихъ священниковъ не ругали. Такжеже прошу ваше преосвященство и о семъ: егда время будетъ и вещи зовущи, дать позволеніе входа намъ, смиреннымъ, до своихъ намъ людей въ митрополіи вашей, во еже

*) Второе письмо Аноимъ писалъ къ Іакову 12 декабря 1756 г. Оно начинается такъ: „*Получихъ вашего преосвященства писаніе, посланное до насъ, смиренныхъ, и въ немъ познахъ братосоюзную, начальнѣйшую главизну Христовыхъ ученикъ, о ней же самъ Спаситель нашъ рѣче: «О семъ познають вси, яко Мои есте ученицы, аще любовь имате между собою».* И вашего преосвященства сія главизна, пребывающая въ васъ, до насъ простресея, желающая видѣти насъ и готовы суще всяка строеніе дѣла нашего званія намъ поручить, яко же и мы, смиренніи, ваше преосвященство, издавна имѣемъ желаніе видѣти васъ, но возбраняемся сатаною даже доселѣ, о которомъ возбраненіи вашему преосвященству объявили кратко, какъ и ваше преосвященство изволили уразумѣть отъ поданнаго вамъ доношенія нашу отважность въ противостояніи липованскихъ забобонъ». «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Аноимѣ» 1757 года, № 337.

осмотрѣти ихъ и поучити закону Божію и совершенству христіанства, и позволеніе испросити намъ о всемъ у сіятельнѣйшаго князя вашего, за что и за его сіятельство отъ насъ, смиренныхъ, Богъ (sic) молить будемъ, такожде и за ваше преосвященство“ *).

Между тѣмъ слухи объ Анѣимѣ дошли и до Петербурга. Въ ноябрѣ 1756 года канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ получилъ отъ нашего резидента въ Турціи донесеніе, что „живущіе на Кубани и въ Волошинѣ россійскіе люди, раскольники, имѣли стараніе о посвященіи къ нимъ епископа: во-первыхъ, у живущаго въ Крыму митрополита, да у волосскаго архіерея, живущаго въ монастырѣ, называемомъ Гуцахъ, но ими не посвященъ; напослѣдокъ живущимъ подъ Дунаемъ, въ турецкомъ владѣніи, въ монастырѣ, называемомъ Рени, греческимъ митрополитомъ Даниломъ желаемый тѣми раскольниками епископъ посвященъ, коему имя Анвтиногенъ, и жительство имѣеть въ близости Хотина, въ монастырѣ Вѣтрянка, гдѣ тѣхъ раскольниковъ въ жительствѣ много имѣется, а на Кубани учреждена тѣмъ раскольническимъ епископомъ архимандрія и поставленъ отъ него архимандритъ, и по слободамъ многое число поповъ, и даны имъ отъ него универсалы, и имѣютъ они по своимъ обрядамъ церковное служеніе, и что для того съ Дону крымскою областію на Кубань, и отъ Смоленска Польшею, уходя къ тому епископу, приходятъ и поселяются на житъе, по близости того монастыря, гдѣ тотъ епископъ находится“. Графъ Бестужевъ-Рюминъ, передавъ такое извѣщеніе резидента въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, призналъ болѣе удобнымъ и полезнымъ поручить развѣдываніе о заднѣстровскомъ раскольническомъ архіерей кievскому губернскому начальству. Кіевскій вице-губернаторъ, тайный совѣтникъ Костуринъ, получивъ указъ иностранной коллегіи, тотчасъ же отправилъ за границу надежныхъ людей въ Могилевъ на Днѣстрѣ, въ Хотинъ и въ Яссы. Они узнали, что Анѣиногена, о которомъ упоминалъ резидентъ, у старообрядцевъ уже нѣтъ, а вмѣсто него есть Анѣимъ, и что этого Анѣима старообрядцы за своего архіепископа больше не признаютъ, въ чемъ всячески увѣряли старообрядцы, жившіе по торговымъ дѣламъ въ Могилевѣ, и могилевскій комендантъ. Въ Могилевѣ же агентъ, посланный изъ Кіева, видѣлся съ Анѣимовыми служителями и съ его живописцемъ, пріѣхавшими по его приказанію за покупками. Они сказали, что Анѣимъ живетъ въ Вѣтрянкѣ и въ церкви этой слободы служитъ по-архіерейски, что при немъ десять человекъ поповъ и дьяконовъ, и что, сверхъ того, онъ посвящаетъ поповъ для старообрядцевъ. Яскій митрополитъ, узнавъ отъ агента, посланнаго Костуринимъ, что на Анѣима, находящагося съ нимъ въ перепискѣ, обращено вниманіе русскаго правительства, и что оно по собраніи предварительныхъ свѣдѣній намѣрено дипломатическимъ путемъ требовать его выдачи, тотчасъ измѣнилъ свои отношенія къ Анѣиму и, вмѣсто

*) «Дѣло святѣйшаго синода о раск. арх. Анѣимѣ».

оказательства „братосоюзной“ къ нему любви, разослать по всей своей епархіи ордера, чтобъ Анѳима, „гдѣ онъ явится, тотчасъ поймать и, связавъ, привести въ Яссы съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ему, лжеархіепископу, бороду обрить и въ ссылку, въ которыхъ мѣстахъ соль ледовую бьютъ, сослать“. Съ ордерами разосланы были и примѣты Анѳима. Выгораживая себя и митрополита брацловскаго Данила изъ дѣла объ Анѳимѣ, яскскій митрополитъ умалчиваетъ однако о Мисаилѣ редовуцкомъ и его отношеніяхъ къ лжеархіепископу; онъ передаетъ агенту два письма Анѳимовы и славскую грамоту на санъ „архіепископа всего православія“, но копій съ своихъ писемъ къ Анѳиму не доставляетъ. Вообще Іаковъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ довольно загадочно.

Получивъ такія свѣдѣнія объ Анѳимѣ, святѣйшій синодъ поручилъ кіевскому митрополиту Тимоѳею войти въ непосредственныя сношенія съ молдавскимъ митрополитомъ и самымъ энергическимъ образомъ требовать отъ него, чтобъ онъ прекратилъ, возникшее въ его епархіи незаконное и ложное раскольниковское архіерейство. За болѣзнь митрополита Тимоѳея, кіевская консисторія писала объ этомъ въ іюлѣ 1757 года къ Іакову молдавскому, но былъ ли какой отвѣтъ отъ него, изъ дѣла не видно.

Положеніе Анѳима было самое непріятное; оно было несравненно хуже, чѣмъ положеніе Авиногена передъ обращеніемъ его въ католическую вѣру. Съ одной стороны, отыскиваетъ его русское правительство, съ другой — люди яскаго митрополита ищутъ, чтобъ обрить и отправить въ солянныя копи, съ третьей — некрасовцы, самые сильные теперь враги его, стерегутъ Анѳима и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ казаки, ищутъ, что если гдѣ появится „еретикъ Анѳимъ“, тогчасъ же его „въ куль да въ воду“. Находясь въ такомъ положеніи, онъ не смѣлъ никуда выгнаться изъ Вѣтрянки, гдѣ еще были у него немногіе приверженцы. Но и эти отстали, когда получено было посланіе отъ вѣтковскихъ отцовъ, въ которомъ они увѣряла своихъ оновѣрцевъ, что Анѳимъ сушій обманщикъ и никогда въ архіереи законнымъ образомъ посвященъ не былъ, что онъ даже и въ іеромонахи-то никогда посвященъ не былъ и сказанъ священникомъ ложно. Анѳимъ, видя, что и въ Вѣтянкѣ отъ него отступаютъ, бросился въ Чобурчи, но здѣсь ожидала его подготовленная некрасовцами бѣда. Войти слободы Чобурчей, Назаръ Алексѣевъ, получивъ отъ некрасовцевъ требованіе утопить Анѳима за то, что онъ, будучи у нихъ, „много пакости учинилъ“, давно поджидаль несчастнаго лжеепископа. Какъ только онъ появился въ Чобурчахъ, Назаръ Алексѣевъ собралъ „кругъ“ на мосту черезъ рѣку Днѣстръ и объявилъ вины Анѳима и требованіе некрасовцевъ. „Въ куль да въ воду!“ — закричали слобожане. Молодые схватили Анѳима, связали ему руки и ноги, къ шеѣ привязали чужаль и бросили съ мосту въ Днѣстръ*).

*) Въ 1763 году, мая 30, въ астраханскую губернскую канцелярію присланъ былъ при отпискѣ отъ Волжскаго войска «писатель воровскихъ пасочиненія П. Мельникова. Т. VII.

Такъ кончилъ жизнь свою Аноимъ, сначала пользовавшійся громаднѣмъ авторитетомъ у старообрядцевъ, а потомъ ненавидимый ими и пустившійся въ доносы къ православнымъ митрополитамъ и патриарху на своихъ обновѣрцевъ, которыхъ считалъ своею паствой. Не сохранилось о немъ доброй памяти ни въ одной раскольниковческой общинѣ. Остались вѣрными ему только — игуменья Елизавета, дякониссы съ малолѣтними дѣтьми, да два попа: Матвѣй и Иосифъ Буркины. Эта обѣдѣвшая семья несчастнаго лжеепископа не могла оставаться въ Вѣтрянкѣ: тамъ всѣ смѣялись надъ ними, и нельзя было поручиться, чтобъ участь Аноима не постигла рано или поздно и его приверженцевъ. Собравъ остатки расхищеннаго имѣнія, они уѣхали въ вѣтковскіе предѣлы и жили тамъ въ Боровицахъ *). Раскаялась ли Елизавета въ томъ, что растеряла все свое богатство на Аноима, и долго ли горевали хорошенькія дякониссы по своему милому архіепископѣ, — не знаемъ.

УІІ.

Исканіе архіерейства въ концѣ XVIII столѣтія.

Соблазнъ, произведенный между старообрядцами въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія лжеепископами Аоиногеномъ и Аноимомъ, не охладилъ ревнителей „древляго благочестія“ въ исканіи архіерейства. Они попрежнему собирались на соборы, попрежнему толковали о необходимости имѣть своего епископа и попрежнему пытались добыть его. Иванъ Алексѣевъ говоритъ, что въ 1755 году, то-есть когда Аноимъ еще былъ въ чести у некрасовцевъ и принималъ санъ „архіепископа всего православія“, вѣтковскіе и гомельскіе жители, вмѣстѣ съ старообрядцами стародубскихъ слободъ, послѣ долгихъ разсужденій о необходимости имѣть епископа для поставленія поповъ и освященія мира и антиминовъ, рѣшились подать просьбу о томъ, чтобы великороссійскіе архипастыри рукоположили имъ выборнаго отъ нихъ человѣка **). Алексѣевъ не знаетъ, чѣмъ кончилось это дѣло, что отвѣчали на челобитную старообрядцевъ. Мы тоже не знаемъ, ибо не встрѣтили въ архивныхъ дѣлахъ уноминанія объ этой просьбѣ. Безъ сомнѣнія, старообрядцамъ было отказано въ ихъ ходатайствѣ. Не такое было время.

Съ кончиною императрицы Елизаветы Петровны настали новыя, луч-

---

портовъ, дѣлатель печатей, раскольникъ, казачій сынъ Семень Чижовъ», приговоренный къ отсѣченію головы, но по смягченіи приговора отправленный въ нерчинскіе рудники на работу. Въ своихъ показаніяхъ ои много разсказалъ объ Аноимѣ, котораго зналъ лично; оиъ же подробно передалъ и о смерти его (см. «Дѣло о раскольник. архіереѣ Аноимѣ»). О судьбѣ Аноима Иона Курносый говоритъ: «прибывъ въ Польшу во свои и нѣкими съ мосту рѣки утопленъ бысть, яко фараонъ». Сравни. Андр. Голин. Журавлева «Историч. извѣстіе о раскол.», стр. 305.

*) Показаніе Семена Чижова.

***) Ивана Алексѣева «Исторія о бѣгствующемъ священ.», стр. 66.

шія для старообрядцевъ времена. Въ преемникъ, Петръ III, тотчасъ по вступленіи на престолъ издалъ относительно старообрядцевъ такое узаконеніе: „никакого въ содержаніи закона, по ихъ обыкновению, возвращенія не чинить, ибо во всероссійской его императорскаго величества имперіи и иновѣрцы, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники—христіане, точію во единомъ застарѣломъ суевѣрїи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ бесполезно, и для того его императорское величество высочайше указать соизволилъ, о томъ сочиня сенату обстоятельное учрежденіе предложить къ высочайшей апробаціи“ *). Это было первое доброе слово, сказанное о раскольникахъ съ самаго начала раскола. Кратковременность царствованія Петра III была причиной, что этотъ государь не успѣлъ докончить задуманнаго имъ дѣла. При Екатеринѣ II послѣдовалъ цѣлый рядъ узаконеній, отмѣнявшихъ прежнія крутыя, петровскія мѣры противъ раскольниковъ и постепенно расширявшихъ ихъ гражданскія права. Зарубежнымъ старообрядцамъ объявлено было прощеніе за ихъ бѣгство изъ отечества, они вызваны были въ Россію, имъ отведены были для поселенія плодородныя и обширныя земли въ Сибири и въ цынѣшной Самарской губерніи. При этомъ было предписано мѣстнымъ начальствамъ, чтобы „возвращавшимся изъ-за границы старообрядцамъ и слѣдовавшимъ въ мѣста избранныхъ ими поселеній не только въ пути ни малѣйшаго задержанія не было, но до опредѣленныхъ къ населенію ихъ мѣстъ свободно пропускаемы и квартиры имъ вездѣ безпрепятственно даваемы были, равно-жъ и по прибытіи въ опредѣленные мѣста, въ поселеніи ни отъ кого никакого препятствія чинимо не было-бъ, и не отбирая и не требуя изъ нихъ имѣній ничего, оказаны были имъ при томъ новомъ поселеніи всѣ удобовозможныя вспоможенія“ **). Вслѣдъ затѣмъ раскольническая контора, вѣдавшая дотолѣ дѣла старообрядцевъ, была уничтожена, и они были подчинены общимъ присутственнымъ мѣстамъ. Въ указѣ Екатерины 14 декабря 1762 года зарубежные раскольники призывались въ Россію вмѣстѣ съ иноземцами (колонисты). Замѣчательно, что самыя земли тѣмъ и другимъ были отведены въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ: въ саратовскомъ Заволжьѣ, а потомъ въ Новороссійскомъ краѣ. Число выселившихся изъ польскихъ владѣній старообрядцевъ было значительно, ибо, вызывая ихъ въ отечество, правительство, кромѣ всепрощенія, кромѣ разрѣшенія носить бороду и ходить не въ указанномъ платьѣ съ желтымъ козыремъ, освобождало ихъ на шесть лѣтъ отъ всякихъ пошлинъ и податей и предоставляло имъ избирать родъ жизни

*) Первое «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», XV, № 11.205.

**) Первое «Полное собраніе Законовъ Россійской Имперіи», XVI, № 11.738.

по ихъ желанію: или записываться за прежними помѣщиками, или поступать въ государственные крестьяне и въ купечество (то-есть въ городское сословіе) по собственному ихъ желанію, „а противъ желанія, прибавлено было въ указѣ, никто инако приневольенъ быть имѣть“ *). Вскорѣ затѣмъ послѣдовали новыя узаконенія, имѣвшія цѣлью уже прямо успокоеніе умовъ старообрядцевъ посредствомъ возвращенія имъ гражданскихъ правъ, которыхъ со временъ Петра I и даже ранѣе они были лишены. Сюда относятся: указы 1764 и 1782 объ уничтоженіи двойного оклада, который платили они въ силу постановленій Петра I, 1769 года о дарованіи имъ права судебного свидѣтельства и 1785 г. о дозволеніи имъ вступать въ общественныя должности. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ узаконеній было водвореніе старообрядцевъ въ городахъ, на что до тѣхъ поръ права ихъ были значительно стѣснены. Старообрядцы вообще и прежде были и теперь остались плохими хлѣбопашцами; въ ихъ общинахъ всегда преимущественно развивались промышленная и торговая дѣятельность. Но въ купечество, то-есть въ городское сословіе, старообрядцамъ, принадлежавшимъ къ сельскимъ обществамъ, до указа 1764 года приписываться было почти невозможно; теперь они поселились въ городахъ, преимущественно въ большихъ, и въ обихъ столицахъ. Быстро развились въ ихъ рукахъ капиталы, что слѣдуетъ отнести вообще въ отличающей ихъ домовитости и бережливости, а въ особенности къ внутренней связи, скрѣпляющей ихъ общества, въ которыхъ взаимное вспомошествованіе составляетъ едва ли не главнѣйшую основу. Достоверно извѣстно, что въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія значительная часть русскихъ капиталовъ оказалась у старообрядцевъ, принадлежавшихъ къ городскимъ сословіямъ.

Вслѣдствіе сказаннаго, центры старообрядческихъ обществъ измѣнились; старые упали, возвысились дотолѣ незначительные, возникли новые. Вѣтка снова была опустошена. Такъ какъ тамошніе жители не послушались пригласительнаго указа Елизаветы и притомъ производили разбои какъ въ польскихъ владѣніяхъ, такъ и, переходя границу, въ предѣлахъ имперіи, то въ 1764 году посланъ былъ генералъ-майоръ Масловъ съ войскомъ, который разорилъ слободу и 20 тысячъ старообрядцевъ вывелъ въ Россію. Ихъ водворили въ Сибири. Зато возвысились стародубскія слободы, снова возникли и усилились опустошенные сначала Питиримомъ, а потомъ переселеніями старообрядцевъ за границу **) скиты керженскіе и чернораменскіе, явились большіе, богатые деньгами и попами монастыри на Ирғизѣ, сдѣлавшіеся въ концѣ XVIII столѣтія митрополіей поповщины.

Явились монастыри и у казаковъ: на Уралѣ, на Дону и въ Гребеняхъ.

*) Первое «Полн. Собр. Законовъ Росс. Имп.», XVI, № 11.725.

**) Съ 1719 по 1762 г. изъ керженскихъ и чернораменскихъ скитовъ ушло за границу семь восьмыхъ всего населенія. «Полн. Собр. Зак. Росс. Имп.», XV, № 11.435.

Все это принадлежало поповщинѣ. Въ городахъ образовались обширныя общины, у нихъ явились церкви, священники и даже монастыри. Такъ, на Волгѣ явился цѣлый рядъ сильныхъ общинъ поповщины: во Ржевѣ, Твери, Романовѣ, Городцѣ, Казани, Малыковѣ (впоследствии Вольскѣ) и Саратовѣ. Еще сильнѣе ихъ сдѣлалась община въ Москвѣ. Построивъ на костяхъ своихъ мучениковъ обширныя церкви и „палаты“, извѣстныя подѣ скромнымъ названіемъ Рогожскаго кладбища, или богадѣленнаго дома *), московскіе старообрядцы поповщинскаго толка того усилились, что ихъ община сдѣлалась главною не только во всей Россіи, но и за границей, особенно послѣ собора 1779 года, на которомъ утверждено было перемазываніе миромъ входящихъ изъ нашей церкви (*софонтіевщина*). До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія Рогожское кладбище уступало только Иргизу, но и самый Иргизъ былъ какъ бы колоніей Москвы: и тамъ все творилось по волѣ и приговору рогожскому. Многочисленность московской общины, огромныя богатства ея членовъ, ворочавшихъ милліонами и находившихся въ короткихъ связяхъ съ людьми вліательными, занимавшими даже высшія государственныя должности, наконецъ самое имя *Москвы*, гдѣ были въ свое время патріархи Филаретъ и Іосифъ, столь уважаемые старообрядцами, все это взятое вмѣстѣ было причиною того, что прочія поповщинскія общины стали въ полную зависимость отъ Рогожской. Сложилась даже по этому поводу пословица. Такъ, въ керженскихъ и чернораменскихъ скитахъ и по заволжскимъ селамъ и деревнямъ говорили и доселѣ говорятъ: „что положить на Рогожѣ, на томъ станеть Городецъ, а на чемъ Городецъ—на томъ и Керженецъ“. Въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ и въ самой Москвѣ говорили: „на Рогожскойдохнуть, на Иргизѣ попа дадутъ“. Всѣ сколько-нибудь важныя дѣла поповщины стали рѣшаться на Рогожскомъ кладбищѣ. Естественно, что и самое исканіе архіерейства перешло въ московскую общину.

Въ 1765 году московская поповщина, послѣ долгихъ переговоровъ, согласилась съ московскою поморскою общиною слиться воедино, подѣ духовною властію одного *архіерея*. Опыты прежнихъ лѣтъ достаточно вразумили ихъ, что отъ русскихъ епископовъ имъ не дождаться своего архіерея: ни одинъ изъ нихъ ни самъ не согласится къ нимъ перейти, ни рѣшится рукоположить имъ выборнаго изъ нихъ чловѣка. На заграничную хиротонію также мало было надежды; притомъ же греки были въ то время поголовно заподозрѣны въ обливательномъ крещеніи. Если,

*) Рогожское кладбище находится близъ Покровскаго монастыря, основаннаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ «на убогихъ домахъ». Когда устроили этотъ монастырь, убогіе дома перенесли дальше. На мѣстѣ убогаго дома, въ которомъ хоронили запитанныхъ въ Преображенскомъ приказѣ старообрядцевъ (сравн. «Раскольниковскія дѣла» Г. В. Есипова, т. I, стр. 608), при Екатеринѣ II во время *чумы* возникло кладбище для погребенія старообрядцевъ поповщинскаго толка и тогда же построены на немъ церкви и палаты для богадѣленъ.

быть-можетъ, нѣкоторые старообрядцы и знали объ архіереяхъ на Кавказѣ, поставленныхъ Анѳимомъ, то ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы искать у нихъ хиротоніи, ибо самозванство Анѳима было имъ достовѣрно извѣстно. Созвали соборъ для совѣщаній. Въ немъ приняли участіе знаменитѣйшіе по уму, начитанности и знаніямъ старообрядцы. Между ними былъ Никодимъ изъ Стародубья, авторъ „Никодимовыхъ отвѣтовъ“, дьяконовскаго согласія. Ему было въ то время еще только двадцать лѣтъ отъ роду, но, несмотря на молодость, онъ пользовался уже громаднымъ вліяніемъ на одновѣрцевъ. Ему принадлежала первая мысль о соединеніи всѣхъ старообрядцевъ и поповскаго и безпоповскаго согласій во едино стадо подъ паствою одного пастыря, и послѣ первой неудачи онъ семнадцать лѣтъ постоянно и съ полной энергіей отыскивалъ архіерейства. Никодимъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Потемкинымъ, былъ извѣстенъ Екатеринѣ и пользовался большимъ вѣсомъ между своими. Поморцы, для совѣта и рѣшенія этого общаго для всего старообрядства дѣла, вызвали въ Москву изъ Выгорѣцкаго монастыря Андрея Борисова. Этотъ человѣкъ, тогда еще 31 года отъ роду, былъ, по словамъ Павла Любопытнаго *), „громкій членъ поморской церкви и (впослѣдствіи, 1780—1791) главный киноіархъ Выгорѣцкой киновіи“, авторъ пятнадцати сочиненій, знаменитый не только между старообрядцами, „но и у владыкъ міра, поименованъ отъ послѣднихъ *патріархъ старосырческой церкви*. Со многими вельможами находился онъ въ перепискѣ, многократно же писалъ посланія къ высокому, извѣстнѣйшему князю Потемкину, его благодѣтелю и другу“. Имя этого человѣка доселѣ дорого для старообрядцевъ, потому что онъ, какъ человѣкъ умный и смѣлый, старался извлечь пользу для раскола изъ своихъ связей съ вельможами, особенно съ такимъ всесильнымъ, какъ Потемкинъ. По вліянію Андрея Борисова на Потемкина, были отмѣнены двойной окладъ, платимый старообрядцами (1782 года), и наименованіе въ официальныхъ бумагахъ старообрядцевъ „раскольниками“ **). Былъ въ этомъ соборѣ казенный крестьянинъ, тридцатилѣтній Василій Емельяновъ, глава московской поморской общины, основатель и первый настоятель такъ-называемой Мовинской моленной, другъ Андрея Борисова. Былъ тутъ Иванъ Васильевъ, бывший впослѣдствіи чугуевскимъ монахомъ Венедиктомъ, ученый поморецъ, авторъ замѣчательнаго сочиненія: „Разговоръ Тарасія съ Трифилліемъ“, или „Извѣщеніе разглагольствія“, и написавшій кромѣ того 30 „поэмъ въ стихахъ“. Ему было въ то время только двадцать одинъ годъ, но, по словамъ Павла Любопытнаго, „московскій ученый кругъ благочестивыхъ всегда поставлялъ его на ступени мудрецовъ и давалъ ему особенное преимущество

*) Павелъ Любопытный. «Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви». Москва, 1861, стр. 42.

**) Павелъ Любопытный. «Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви», стр. 43.

въ его витійствѣ и ловкости“ *). Всѣ, какъ изъ этого видно, были люди молодые, нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Никодимъ и Венедиктъ, еще юноши, но эта молодежь составляла цвѣтъ старообрядчества, это молодое поколѣніе раскольниковъ отличалось энергіей, обширностью свѣдѣній и въ то же время фанатическимъ усердіемъ къ дѣлу отцовъ и дѣдовъ. Московскіе купцы также участвовали на соборѣ.

„Цѣлое,—писали они въ своемъ соборномъ дѣяніи:—цѣлое миновало столѣтіе, какъ православная церковь постепеннаго священства лишилась, и мы остаемся безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей. Въ смутное Никоново время, хотя и оставался Павелъ епископъ, за древнее благочестіе изгнаніе претерпѣвшій, но преемниковъ по себѣ никого намъ не оставилъ. Также при жизни его и послѣ, хотя и обрѣтались кое-гдѣ православные древніе священники, но и тѣ всѣ, Богу тако опредѣлившу, прешли въ вѣчныя кровы. Мы же, хотя послѣдователи и ученики ихъ, но руковожденія и освященія къ служенію въ Вожей церкви таинствъ ни одинъ изъ насъ ничего не имѣетъ. И потому мы въ крайней нуждѣ и настоящемъ расточеніи паходимся, нужда же всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнять не обязана, но свободна. Слѣдовательно мы теперь должны держать ту цѣль, которая единымъ предметомъ есть нашей нужды и нашего желанія“.

Стали искать въ церковныхъ правилахъ, нѣтъ ли тамъ какого-нибудь, хотя и не очень подходящаго дозволенія рукоположить епископа не рукою епископа; искали прилежно и не нашли. Обратились къ примѣрамъ церковной практики, но и въ ней такого примѣра не встрѣтили: ни въ старыхъ книгахъ, ни въ Четьи-Минеехъ, ни въ лѣтописяхъ ничего подобнаго не говорилось. Поморцы, менѣе старообрядцевъ поповщинскаго толка обращавшіе вниманіе на правила и примѣры, были и редакторами соборнаго дѣянія и главными дѣятелями собора. Воплѣвъ убѣжденные, что „нужда законныхъ правилъ исполнять не обязана, но совершенно свободна“, они отыскали примѣръ въ лѣтописяхъ отечественной церкви и предложили собору примѣнить его къ настоящему случаю. Въ 1147 году великій князь Изяславъ велѣлъ русскимъ епископамъ поставить ученаго затворника Климента Смолятича въ кievскіе митрополиты безъ патріарха константинопольскаго. Епископы отказались, говоря, что митрополита долженъ ставить патріархъ. Изяславъ настаивалъ. Тогда черниговскій владыка Онуфрій сказалъ: „азъ свѣде достоинъ ны поставити (митрополита), а глава у насъ есть святого Кли-

* Андрей Иоани. Журавлевъ въ «Истор. пзв. о раскол.», стр. 197, и за нимъ преосвящ. Макарій въ «Исторіи русскаго раскола», стр. 352, называютъ еще Ивана Фодоровича Ерша, саратовскаго поморца, по онъ умеръ за десять лѣтъ до этого собора, въ 1755 году (П. Любопытнаго «Каталогъ», стр. 95). Журавлевъ, а за нимъ и преосвященнѣйшій Макарій называютъ Венедикта, вѣроятно, ошибкою, Иваномъ Ивановымъ, а не Иваномъ Васильевымъ; Журавлевъ притомъ—монахомъ чудовскимъ, а не чугуевскимъ.

мента, якоже ставять греци рукою святого Ивана. И тако сгдавші епископи, главою святого Климента поставивши митрополитомъ“ *). Приняли этотъ примѣръ къ подражанію. Есть въ Успенскомъ соборѣ глава св. Іоанна Златоустаго, говорили молодые поморцы, ею можно исполнить то дѣло. Другіе, а особенно Никодимъ, воспротивились и сказали: „Произведеніе Климентово было не по закону, а по волѣ великаго князя Изяслава, и притомъ какъ сія тайна называется хиротонія, то-есть *руководженіе*, то лучше *рукою* св. Іоны митрополита или другого иѣвкого святителя сіе учинить, подведя къ мощамъ ставленника и отъ мощей руку на главу его возложя, и, читавши принадлежащія молитвы, облачить новопоставляемаго во *вся архіерейская*“. Это мнѣніе было принято единогласно, при чемъ въ главное основаніе брали то, что въ самомъ Цареградѣ патріархи не рукою архіерейскою, а рукою мощей Іоанна Златоустаго хиротонисаны бывали. Заготовили старообрядцы богатое архіерейское облаченіе и стали искать случая—посредствомъ денегъ попасть въ Успенскій соборъ въ такое время, когда не бываетъ службы. А если бы не удалось поладить съ ивановскими звонарями и соборными сторожами, то положили на соборѣ—ѣхать въ Новгородъ, гдѣ не было въ то время архіерея, почему и надѣялись, что въ тамошній Софійскій соборъ попасть будетъ имъ легче, чѣмъ въ оберегаемый ивановскими звонарями Успенскій соборъ. Всѣ были рады такому соглашенію, и хотя сознавали, что предложенное ими дѣйствіе не будетъ вполнѣ законно, правильно, но оправдывали себя нуждою и „тѣснымъ обстояніемъ“, имѣя болѣе въ виду то, что хотя корень ихъ епископства будетъ и не совсѣмъ правиленъ, за то всѣ секты старообрядцевъ соединятся во едино стадо паствою едиаго святителя. Этимъ больше всего и оправдывали они свое начинаніе. „Мы будемъ правы, ежели не по закону, то по политикѣ, когда скитающійся и разсыпанный мѣстами и мыслями народъ соберемъ воедино“, писали они въ своемъ дѣяніи. Уже намѣревались приступить къ избранію кандидата на кафедру старообрядческаго архіерея, но вдругъ возникли недоразумѣнія, а за ними и несогласія. Кто-то изъ находившихся на соборѣ сказалъ: „Любезная братія! Когда будетъ рукополагатися нашъ избранникъ во епископы, и когда будемъ мы его облекать во священная, тогда рукополагая его святой, коего руку мы будемъ держать надъ главою рукополагаемаго, безъ сомнѣнія, будетъ молчать устами. А сіе молчаніе сильно привести насъ можетъ въ сомнѣніе, во-первыхъ, потому, что мы не знаемъ, угодна ли будетъ наша выдумка святителю сему, и будетъ ли святой сей съ нами согласенъ на все то, что мы ни дѣлаемъ; второе, кто же изъ насъ долженъ руководзлагательныя молитвы вмѣсто архіерея читать, которая кромѣ его мы, простіи, никакъ не должны и не можемъ при толь великомъ дѣйствіи произносить?“ Всѣхъ поразило та-

*) Игнатъевская лѣтописъ. «Полн. Собр. русскіихъ лѣтописей», II, 30.

кое возраженіе и произвело оно большое разногласіе между соборовавшими. Представители поповщины говорили, что молитвы хиротоніи можетъ читать ихъ попѣ; поморцы, отвергая правильность ихняго попа, какъ взятаго отъ „смущенныя никоніанскія церкви“, рѣшительно возстали противъ такого предложенія и въ свою очередь предлагали своего наставника; кончилось тѣмъ, что послѣ долгихъ споровъ и переговоровъ обѣ стороны разошлись далеко не въ такомъ дружелюбномъ согласіи, въ какомъ собрались. Замыселъ о соединеніи старообрядческихъ церквей воедино былъ оставленъ, какъ неосуществимый; оставлено было и предположеніе о „возстановленіи архіерейскаго чина“ *). Поморцы съ поповщинцами разошлись. Первые остались при томъ мнѣніи, что возстановленіе пресѣкшагося архіерейства возможно лишь посредствомъ придуманнаго на соборѣ 1765 года дѣйствія, а о такъ названной ими „вѣчной хиротоніи“, то-есть преемственной отъ апостоловъ, и слышать не хотѣли, и никакъ не соглашались заимствовать архіерейство отъ православной іерархіи, выставляя въ числѣ прочихъ доказательствъ, что пресѣкалась же на цѣлыя столѣтія православная іерархія во времена аріанства, иконоборства, и потомъ возникала же вновь, когда на всей землѣ не было православныхъ епископовъ. Иванъ Васильевъ (Венедиктъ) вооружился сильнымъ словомъ противъ поповщины, признававшей „вѣчную хиротонію“, неизсякшую въ великороссійской церкви. Кромѣ знаменитаго своего „Извѣщенія разглагольствія“ (Тарасія съ Трифиліемъ), написалъ онъ 15 вопросовъ къ старообрядцамъ поповщинскаго толка „о ихъ суевѣрномъ заблужденіи по предметамъ хиротоніи и крещенія російской церкви“. Въ жизни своей онъ, однакоже, по извѣстію Павла Любопытнаго, „яко человекъ, впалъ въ пронасть зломудрїа о вѣчномъ бытіи хиротоніи“ **), то-есть призналъ необходимость преемственности отъ самихъ апостоловъ епископскаго сана.

Никодимъ, ученый юноша, бывшій однимъ изъ представителей дяконовщины на соборѣ 1765 года, сдѣлался послѣ него самымъ ревностнымъ искателемъ архіерейства; но не иначе хотѣлъ онъ возстановить старообрядческую іерархію, какъ заимствовавъ ее отъ православія. Много труда приложилъ этотъ замѣчательный человекъ для достиженія своей цѣли; семнадцать лѣтъ онъ преслѣдовалъ ее, поддерживая своимъ учительнымъ словомъ московскую и другія поповщинскія общины и сближая ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи съ православною церковью. Сначала онъ жилъ въ Москвѣ, потомъ въ Стародубѣ, гдѣ на земляхъ посада Злынки построилъ Троицкую пустынь, извѣстную болѣе подъ именемъ Никодимовой. Здѣсь-то ревностный искатель архіерейства, къ сожалѣ-

*) Андрея Юаннова Журавлева «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 197—201; Виталія «О церкви и о раскольникахъ», гл. 16; рукопись Макарія «Исторія русскаго раскола», стр. 352, 353.

**) Павла Любопытнаго «Каталогъ», стр. 97 и 98.

нію, такъ рано умершій *), сдѣлался основателемъ, такъ сказать, *единовѣрія*. Самыми ревностными, самыми добросовѣстными пособниками Никодимову дѣлу явились купцы Иванъ Кузнецовъ и Бѣляевъ, а также монахи Іоакимъ. Они не жалѣли ни трудовъ ни издержекъ для осуществленія своего плана.

Вскорѣ послѣ того, какъ, не сдѣлавъ ничего, разошелся соборъ 1765 года, московская община старообрядцевъ въ самой Москвѣ приступила къ новому исканію архіерейства, при посредствѣ того же Никодима. Жилъ въ то время въ Москвѣ Аонасіи, митрополитъ грузинскій, который служилъ при Аргангельскомъ кремлевскомъ соборѣ, ради поминовенія покойныхъ царей и великихъ князей, въ немъ похороненныхъ. Къ нему въ 1766 году обратились старообрядцы, прося, чтобы рукоположилъ имъ епископа, и предполагая послѣ хиротоніи „исправить его“. Аонасіи отвѣчалъ: „здѣсь, въ Москвѣ, и вообще въ областяхъ, подчиненныхъ синоду, я этого для васъ сдѣлать не могу безъ его благословенія; а вотъ мой совѣтъ—поѣзжайте вы къ намъ, въ Грузію; она отъ русскаго синода не зависить, а тамъ есть у насъ свой автокефальный патріархъ, блаженнѣйшій католикосъ Антоній. Просите его,—можетъ-быть, видя ваше усердіе и мольбу, онъ и согласится исполнить вашу просьбу“. Послушалось московское старообрядческое общество митрополита Аонасіи и нарядило посольство въ Тифлисъ. Немалое время продолжались сборы, наконецъ въ 1768 году поѣхали за Кавказъ монахи Никодимъ и Іоакимъ и купецъ Иванъ Кузнецовъ, чтобы просить царя Ираклія II и католикоса Антонія о поставленіи имъ епископа. Едва ли не Іоакима предполагали они возвести въ этотъ санъ. Но посольство московскихъ старообрядцевъ отъ предгорій Кавказа поворотило назадъ. Въ то время Екатерина II хотя и не начинала еще блистательной для русскаго оружія войны съ турками, но 3-я армія, подъ командою генерала де-Медема, заняла уже предгорія Кавказа, съ цѣлью держать въ страхѣ подчиненныхъ султану и крымскому хану старообрядцевъ, жившихъ въ Гребеняхъ, въ кубанскихъ станицахъ, а также кабардинскую орду и горцевъ. Пропуска за Кавказъ никому изъ Россіи не было. Никодимъ съ товарищами возвратился ни съ чѣмъ.

Война съ турками отрѣзала русскихъ старообрядцевъ отъ заграничныхъ православныхъ архіереевъ, у которыхъ бы можно было получить хиротонію: въ Грузію не было пропуска, въ Молдавіи стояли русскія войска, ясекій митрополитъ и подумать не смѣлъ сдѣлать что-либо несогласное съ видами русскаго правительства. Путь къ сербскому патріарху и автокефальному болгарскому архіепископу былъ отрѣзанъ.

Между тѣмъ усиливались толки и споры въ поповщинскихъ общинахъ „о томъ, коимъ чиномъ пріимати приходящихъ отъ великороссійскія церкви поповъ и мірянъ“. Въ однихъ мѣстахъ принимали ихъ вто-

*) Въ 1784 году, 12 мая, 39 лѣтъ отъ роду.

рымъ чиномъ, перемазывая во второй разъ миромъ (*вѣтковское согласіе, прежняя софонтіевщина*), въ другихъ—третьимъ чиномъ, по проклятіи ересей и „исправъ“, то-есть исповѣди у старообрядческаго попа (*дьяконовщина или дьяконово согласіе* *)). Чтобы положить конецъ раздорамъ и несогласіямъ изъ-за этого предмета, собрался въ 1779 году въ Москвѣ соборъ. На этомъ соборѣ, открытомъ ноября 1-го, въ домѣ московскаго купца Ямщикова, собрались представители поповщинскихъ общинъ и вѣтковаго и дьяконова согласій, изъ Москвы, Стародубья, Скопина, Керженца **), Иргиза, Галича и другихъ мѣсть. Собранія происходили въ домахъ Ямщикова, Павлова и Мальцева до половины февраля. Вольшинство рѣшило „перемазывать“, то-есть вѣтковское согласіе взяло верхъ. Къ этому пристало московское общество, представители Керженца, Иргиза и др. мѣсть. Перемазываніе означало большое удаленіе отъ господствующей церкви. По каноническимъ правиламъ, перемазываютъ схизматиковъ или раскольниковъ, а подцерковниковъ, то-есть не отдѣлившись отъ церкви, а только уклонившихся отъ нея, принимаютъ лишь по проклятіи ересей. Меньшинство (дьяконовщина), во главѣ котораго былъ Никодимъ, не соглашалось посредствомъ перемазыванія удалиться отъ господствующей церкви и признать ее такимъ образомъ расколомъ. Произошло раздѣленіе. Партія перемазанцевъ хотя и желала архіереевъ, но полагала, что „нужды ради“ можно какъ-нибудь и безъ нихъ обойтись. Мира безъ архіерея сварить нельзя—такъ сварилъ его на Рогожскомъ кладбищѣ попъ Василій. Никодимъ съ своей партіей отвергалъ такое миро и желалъ епископа.

Никодимъ уѣхалъ изъ Москвы въ свой монастырь, что въ Стародубьѣ, подлѣ Злынки; но единомышленники его остались и въ Москвѣ, и въ Торжкѣ, и даже на Керженцѣ и Иргизѣ, хотя и малочисленные. Между ними происходили частыя и дѣятельныя сношенія по предмету исканія архіерейства.

Еще до собора, бывшаго въ Москвѣ, въ томъ же 1779 году, Никодимъ, попъ Михаилъ Калмыкъ, купецъ Кузнецовъ и другіе ревнители старообрядства, дьяконова согласія, жившіе въ Стародубьѣ, рѣшились, по прежнимъ примѣрамъ, искать себѣ архіерейской хиротоніи на Востокѣ. Война съ турками кончилась — проѣхать было можно. И снарядили они посольство въ Грецію и Палестину, чтобы пригласить кого-либо изъ греческихъ православныхъ епископовъ перейти въ старооб-

*) Такъ называлось оно по имени Александра-дьякона, казеннаго Петромъ I въ 1720 году. Онъ училъ, что не слѣдуетъ мирномазывать проходящихъ отъ православія, четырехконечному кресту должно воздавать равную честь съ восьмиконечнымъ, кадить, какъ въ православной церкви, а не крестообразно, какъ у старообрядцевъ; по послѣднему пункту его ученія, дьяконовщину зовутъ еще *кадильниками*.

**) Съ Керженца былъ въ числѣ другихъ Іона Курносый изъ скита Комаровскаго.

рядство и поселиться въ Стародубѣ. Мало сохранилось извѣстій объ этой посылкѣ, но и по отрывочнымъ извѣстіямъ, до насъ дошедшимъ, видно, что она была задумана точно на такихъ же основаніяхъ, на какихъ десятка три лѣтъ тому назадъ московскіе старообрядцы снарядили посольство для отысканія архіерея и водворенія его въ Бѣлой-Криницѣ. Монахъ Іоасафъ, принадлежавшій къ вѣтковскому согласію, изъ главнаго стародубскаго монастыря Покровскаго, чтò въ слободѣ Климовой, и другой стародубскій инокъ, по имени Рафаилъ, отправились на Востокъ. Современникъ этой посылки монахъ Виталій *), въ своемъ сочиненіи „О церкви и раскольникахъ“, рассказываетъ, что Іоасафъ, завидуя богатству и славѣ попа Михаила Калмыка, бывшаго въ то время какъ бы патріархомъ старообрядства, обратился къ дьяконамъ съ предложеніемъ ѣхать въ многотрудное путешествіе для отысканія какого-либо восточнаго архіерея, а самъ думалъ о томъ, какъ бы самому надѣтъ омофоръ. У Рафаила то же было въ умѣ. Оба посланца, разѣзжая по Востоку, не очень хлопотали о приглашеніи тамошнихъ архіереевъ въ Россію, въ среду старообрядцевъ, а больше искали хиротоніи собственно для себя. Не съ одной тысячей стародубскихъ червонцевъ отправились они въ Константинополь, но тутъ не нашли желаемаго. Изъ Царьграда поѣхали на Афонъ; здѣсь, въ 1781 году, епископъ Герасимъ посвятилъ Іоасафа въ іеромонахи, но преподать ему архіерейскую хиротонію безъ патріарха не рѣшился. Изъ Афона стародубскіе паломники отправились въ Іерусалимъ. Видя, что ни одинъ митрополитъ или епископъ греческой не посвятитъ ихъ въ архіереи, рѣшились они обратиться къ самому патріарху. Въ Іерусалимѣ былъ тогда патріархъ антиохійскій Даниилъ. Не имѣя понятія о русскомъ расколѣ и желая побольше денегъ „на выкупъ христіанъ изъ турецкой неволи“, какъ объяснилъ онъ свою симонію, патріархъ Даниилъ посвятилъ Іоасафа въ архимандриты, но въ архіерен не посвятилъ. „Привезешь другую тысячу червонцевъ, — говорилъ онъ: — посвящу и въ архіереи“. Столько денегъ у Іоасафа налицо не было, и онъ воротился въ Россію за червонцами въ ноябрѣ 1782 года, когда въ Стародубѣ о заграничномъ епископствѣ ужъ и думать перестали, по причинѣ совершенно измѣнившихся обстоятельствъ **). Виталій, изъ сочиненія котораго мы заимствуемъ этотъ рассказъ, не говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ Рафаила. Теперь извѣстно, что онъ, вѣроятно,

*) Виталій, сначала старообрядецъ, потомъ единовѣрецъ, написалъ замѣчательное сочиненіе «О церкви и раскольникахъ», отрывки котораго напечатаны въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1854 г.

**) Іоасафъ остался у стародубскихъ старообрядцевъ, а по присоединеніи вмѣстѣ съ ними къ единовѣрью, признанъ былъ синодомъ въ званіи архимандрита и былъ пастыремъ сначала Успенскаго Никодимова, чтò подлѣ Злынки, а потомъ Корсунскаго единовѣрческихъ монастырей. Умеръ около 1802 года.

имѣя не одну тысячу червонцевъ, получилъ отъ патріарха Даніила хиротонію, но, возвращаясь въ Россію, умеръ гдѣ-то въ Турціи *).

*) Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Оленевскомъ скитѣ, что на Керженцѣ, замѣтилъ я съ однимъ часовенномъ синодикѣ, послѣ именъ московскихъ патріарховъ, рядъ которыхъ доведенъ до Іосифа включительно, слѣдующія имена: «*епископа Павла коломенскаго, епископа Епифанія, епископа Рафаила*». Скитницы на мои вопросы не объяснили, кто такой этотъ Рафанл; по всей вѣроятности, сначала они не хотѣли объяснить, отзываясь невѣдніемъ. Обитель, въ которой былъ синодикъ (Никапорина), придерживалась дьякоповщины и находилась въ связяхъ съ Малиновымъ островомъ. Потомъ въ синодикахъ старообрядцевъ разныхъ мѣстъ Нижегородской, Владимірской и Костромской губерній тоже случалось мнѣ встрѣчать, вслѣдъ за именами Павла и Епифанія, имя епископа *Рафаила*. Стало-быть, онъ былъ послѣ Епифанія. Впослѣдствіи оленевскія материкелейницы, болѣе сблизившись со мной, говаривали, что Рафанлъ былъ епископъ «по древнему благочестію», посланный въ Россію къ стародубскимъ отцамъ отъ антиохійскаго патріарха, котораго, вѣроятно, на основаніи приведенныхъ въ первой главѣ этого сочиненія сказаній, онѣ считали старообрядцемъ. На основаніи этихъ свѣдѣній, въ своей «Запискѣ о русскомъ расколѣ», написанной въ 1857 г. для великаго князя Константина Николаевича и напечатанной г. Кельсиевымъ въ Лондонѣ, я сказалъ: «въ памятникахъ нижегородскихъ, владимірскихъ и костромскихъ раскольниковъ встрѣчается рядомъ съ именемъ Епифанія еще имя *какого-то* епископа Рафаила». Послѣ составленія этой записки и встрѣчалъ имя Рафаила, также вслѣдъ за именами Павла коломенскаго и Епифанія, въ нѣкоторыхъ синодикахъ старообрядцевъ Черниговской губерніи, а затѣмъ недавно получилъ старообрядческую рукопись новаго письма, въ которой находится полное объясненіе загадочной личности Рафаила, которое вмѣстѣ съ тѣмъ согласуется и съ неясными намеками оленевскихъ матерей. Вотъ эта рукопись:

«Сказаніе вкратцѣ о православныхъ епископахъ, въ гонительное время бывшихъ.

«Бѣгствующая и бѣдствующая, отъ лѣтъ Никона, патріарха московскаго, и отъ послѣдующихъ ему, церковь епископовъ, къ намъ приходящимъ въ православіе, пмѣеть: 1) Епископа *Павла коломенскаго*, пострадавшаго тогда за благочестіе, въ Палеостровскомъ монастырѣ, повелѣніемъ російскаго царя Алексѣя. 2) Епископа *Епифанія чигирискаго*, приемшаго хиротонію отъ господина Георгія, митрополита яскаго и пострадавшаго за благочестіе въ Соловецкомъ монастырѣ и паки въ Кіевѣ повелѣніемъ російской царицы Анны. 3) Епископа *Рафаила злынскаго*, приемшаго хиротонію отъ Даніила, патріарха антиохійскаго. Той епископъ области своей не достиже, но волею Господа въ Туречинѣ на пути животъ свой скончалъ. 4) Архіепископа *Амвросія ब्लюкриницкаго* и митрополита всѣхъ православныхъ христіанъ, бывшаго митрополита босанскаго, познавшаго тщету вѣры греческія и возвратившагося въ лоно единыя, соборныя апостольскія церкви, пострадавшаго же за благочестіе въ градѣ Циллѣ, повелѣніемъ австрійскаго царя Фердинанда (въ подлинникѣ Фердина). 5) Архіепископа *Кирилла ब्लюкриницкаго*, митрополита всѣхъ православныхъ христіанъ, бывшаго епископа майновскаго, приемшаго хиротонію отъ высокопреосвященнаго Амвросія митрополита. 6) Архіепископа *Аркадія славскаго и російскаго* (?), приемшаго святую хиротонію отъ руки высокопреосвященнаго Амвросія митрополита, пострадавшаго за благочестіе во градѣ Суждалѣ (здѣсь подъ словомъ *пострадавшаго* разумѣть должно

Въ то время, когда Іоасафъ и Рафаиль странствовали по Востоку и безъ согласія стародублянъ добывали для себя въ Іерусалимѣ архимандричьи шапки и архіерейскіе омофоры, поць Михаилъ Калмыкъ и Никодимъ, думавшіе уже, что посланцы ихъ гдѣ-нибудь запропали, получили изъ Вѣтки, тогда уже вошедшей въ предѣлы имперіи, извѣстіе, что въ Подоліи *), въ мѣстечкѣ Немировѣ, временно проживаетъ греческій митрополитъ Евсевій, который не прочь посвятить для старообрядцевъ епископа. Рядомъ съ Немировымъ расположены по берегу Буга старообрядческія слободы: Ворская, въ которой нѣкогда проживалъ Аонногепъ, Курникъ, Перепеличье и другія. Онѣ находились еще подъ владычествомъ Польши. Вѣтковскіе отцы изъ монастырей Лаврентьева, Нахоміева и Макаріева писали въ Злынку къ попу Михаилу Калмыку и Никодиму, чтобы они вошли въ сношенія съ Евсевіемъ и уговорили его за извѣстную плату посвятить какого-либо старообрядца въ епископы. Никодимъ, съ свойственною ему энергіей, схватился за

Аркадія, а не Амвросія). 7) Епископа *Онуфрія браиловскаго*, приѣмшаго святую хиротонію отъ руки высокопреосвященнаго Амвросія, митрополита всѣхъ православныхъ христіанъ. 8) Епископа *Софронія симбирскаго*, приѣмшаго святую хиротонію отъ высокопреосвященнаго господина митрополита Кирилла. 9) Архіепископа *Аркадія задунайскаго*, приѣмшаго святую хиротонію отъ господина Кирилла митрополита всѣхъ христіанъ. 10) Епископа *Олимпія тульчинскаго*, приѣмшаго святую хиротонію отъ руки преосвященнаго Аркадія, архіепископа славскаго и русскаго, Онуфрія, епископа браиловскаго. Скопча животъ въ нуждѣ и заточеніи во градѣ Суждалѣ. 11) Архіепископа *Антонія владимірскаго и всея Россіи*, приѣмшаго святую хиротонію отъ высокопреосвященнаго митрополита Кирилла. 12) Епископа *Израиля уральскаго*. 13) Епископа *Виталія*, отъ того святителя (Антонія) хиротонію приѣмшимъ. 14) Епископа *Конона новозыбковскаго*, во градѣ Суждалѣ пострадавшаго. 15) Епископа *Аванасія саратовскаго*. 16) Епископа *Геннадія скатеринбургскаго*, нынѣ пострадавшаго. 17) Епископа *Пафнутія московскаго*. 18) Епископа *Варлаама балтовскаго*. 19) Епископа *Іустина*. 20) Епископа *Іова казанскаго*. 21) Епископа *Пафнутія казанскаго*. 22) Епископа *Константина оренбургскаго*. 23) Епископа *Савватія тобольскаго*. 24) Епископа *Сергія тульскаго*. И нѣи на епархіяхъ въ Австріи, Молдавіи, Турціи же и Египтѣ, въ Спріи же и Палестинѣ поставлены высокопреосвященнымъ архіепископомъ блѣдокриницкимъ и митрополитомъ всего православія).

Въ послѣднее время получили мы извѣстіе еще о двухъ епископахъ — *Варсонофійи* и *Викентіи скатеринбургскомъ*. Послѣдній посвященъ въ Москвѣ лѣтомъ 1865 года изъ дяконовъ оренбургскаго епископа Константина.

Вотъ кстати и синодикъ Рогожскаго кладбища, найденный въ августѣ 1855 г. Онъ начинается такъ: «За здравіе. Помяни, Господи, *митрополитовъ*: Амвросія, Кирилла; *архіепископовъ*: Аркадія, Антонія, Аркадія; *епископовъ*: Онуфрія, Олимпія, Софронія, Виталія; *архимандритовъ*: Геронтія, Аванасія, Аркадія» и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ имена священниковъ, иноковъ и инокинь.

*) А не на Воляни, какъ сказано у преосвященнаго Макарія въ «Исторіи русскаго раскола», стр. 354. Немировъ — въ Брацлавскомъ уѣздѣ Подольской губерніи.

этотъ неожиданный, негаданный случай. Богъ знаетъ, воротятся ли Іоасафъ съ Рафаиломъ, думалъ онъ, а если и привезутъ они епископа, лишій не помѣшаетъ. И начались въ стародубскихъ и вѣтковскихъ слободахъ совѣщанія, кого бы послать къ Евсеію въ Немировъ для получения хиротоніи. Въ совѣщаніяхъ прошло немало времени. Наконецъ избрали находившагося въ Малиновоостровскомъ монастырѣ, что неподалеку отъ Злынки *) и близъ монастыря Никодимова, бѣглаго іеромонаха Іосифа и послали его въ Немировъ. Но онъ не засталъ Евсеію въ этомъ мѣстечкѣ: за десять дней до его пріѣзда, митрополитъ уѣхалъ въ Грецію.

Въ 1781 году Никодимъ и попъ Михаилъ Калмыкъ были въ Вешенкахъ, имѣніи графа Румянцева-Задунайскаго, тогда главнаго начальника Малороссіи, къ которой причислялось и Стародубье. Разговаривая съ ними о старообрядствѣ, герой Кагула коснулся необходимости для церкви архіерейскаго сана и подалъ собесѣдникамъ мысль искать епископа не крадучись, а *путемъ законнымъ, то-есть просить императрицу и синодъ о назначеніи особаго для нихъ архіерея и такимъ образомъ воссоединиться съ православною церковью*. Никодимъ и Михаилъ сомнѣвались въ успѣхѣ, но Румянцевъ обнадежилъ ихъ, общая и съ своей стороны ходатайствовать предъ государыней и синодомъ. Начались у стародубской дьяконовщины совѣщанія объ этомъ предложеніи Румянцева, начались частыя и дѣятельныя сношенія съ одновѣрцами, не принявшими въ 1779 году московскаго догмата о „перемазаніи“ и жившими въ Москвѣ, Торжкѣ, на Керженцѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ мѣстахъ. Въ сентябрѣ 1781 года Никодимъ писалъ уже о намѣреніи своемъ къ знавшему его лично и любившему входить съ нимъ въ богословскіе споры, всеильному князю Потемкину. Потемкинъ, такъ же, какъ и Румянцевъ, общалъ старообрядцамъ свое ходатайство и обнадеживалъ, что императрица и митрополитъ петербургскій Гавріилъ непременно согласятся дать имъ особаго епископа, для служенія по старому обряду. Въ началѣ 1782 года Никодимъ былъ въ Петербургѣ; Потемкинъ представилъ его Екатеринѣ. Она также обнадежила его, что имъ дадутъ законныхъ священниковъ и архіерея для служенія по обрядамъ до-никоновскимъ, если на этомъ условіи они согласятся воссоединиться съ православіемъ. Никодимъ вмѣстѣ съ другими старообрядцами былъ не разъ и у митрополита Гавріила и много говорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ. Наконецъ рѣшились подать просьбу объ епископѣ.

*) Малиновоостровскій Рождественскій монастырь при рѣкѣ Іпутѣ, впадающей въ Сожъ; находится въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, близъ самой границы Бѣлороссіи. Церковь въ немъ освящена въ 1771 году бѣглымъ іеромонахомъ Киромъ. Это былъ въ послѣдствіи главный монастырь всей дьяконовщины, но перешедшей въ единовѣріе. Онъ уничтоженъ въ 1849 году.

По возвращеніи изъ Петербурга, въ томъ же 1782 году, Никодимъ и другіе согласные съ нимъ искали по Россіи законнаго архіерейства. Они ѣздили въ Новгородъ, въ Новый-Іерусалимъ, въ Задонскъ, въ Нижній-Новгородъ приглашать къ себѣ жившихъ тамъ на покоѣ, оставившихъ свои епархіи, русскихъ архіереевъ. Прежде всего обратились они къ епископу воронежскому Тихону, жившему съ 1767 года на покоѣ въ Задонскомъ монастырѣ. Благочестивая, истинно христіанская жизнь этого святителя, его учительное слово были извѣстны и старообрядцамъ. Вообще нерасположенные къ православному духовенству, особенно къ вышему, не могли они не отдавать полной справедливости святой жизни Тихона, и теперь Никодиму и его единомысленникамъ особенно хотѣлось, чтобы во главѣ ихъ сталъ такой благочестивый святитель. Къ нему въ Задонскъ пріѣзжалъ изъ Москвы одинъ саратовскій купецъ и, говоря, что уже императрица согласна дозволить имѣть особаго епископа для служенія по старому обряду, просилъ дать свое согласіе на поступленіе къ нимъ. Святитель Тихонъ не далъ прямого отвѣта, но сказалъ: „Къ чему же я приступлю? Пока вы сами еще пусты!“

Другіе старообрядцы ѣздили изъ Москвы въ Новый-Іерусалимъ, гдѣ въ то время жилъ на покоѣ бывшій крутицкій епископъ Сильвестръ, но и отъ него не получили прямого отвѣта. Нижегородскіе старообрядцы обращались къ проживавшему съ 1778 года въ тамошнемъ Печерскомъ монастырѣ, бывшему рязанскому епископу Палладію. Этотъ также не далъ рѣшительнаго отвѣта, но сказалъ: „подумаю“. Наконецъ изъ Торжка ѣздили старообрядцы въ Новгородъ, гдѣ въ Юрьевѣ монастырѣ жилъ Іоанникій, бывшій викарій новгородскаго митрополита, епископъ коломенскій и кексгольмскій. Чтò отвѣчальъ имъ Іоанникій — не знаемъ, хотя новоторы и увѣряли своихъ одновѣрцевъ, что онъ ужъ согласился перейти къ нимъ *).

Не найдя такимъ образомъ русскаго епископа, который бы изъявилъ рѣшительное согласіе служить по до-никоновскому обряду, старообрядцы подали просьбу, не поименовывая архіерея, но прося прислать изъ синода, при указѣ ея императорскаго величества, какого угодно епископа, но только родомъ великорусса. Всѣ боялись обливанства малороссіянь. Вотъ этотъ пунктъ просьбы:

„3-й пунктъ. Прислать, при указѣ ея императорскаго величества, изъ святѣйшаго правительствующаго синода поставленнаго изъ великороссійской породы хорепископа **), то-есть сельскаго или слободскаго,

*) О приглашеніи Тихона и Іоанникія см. Андр. Іоаннова Журавлева «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 362 и 363. О приглашеніи Сильвестра и Палладія сохранились преданія у нижегородскихъ и московскихъ старообрядцевъ.

**) *Хорепископъ* — санъ, высшій іерейскаго, но низшій епископскаго, существовалъ въ древней православной церкви, но съ теченіемъ времени

которому быть не относительно до спархіального архіерея, а подлежать святѣйшему правительствующему синоду“.

Прошеніе подалъ Никодимъ въ апрѣлѣ 1783 года всецельному тогда князю Потемкину-Таврическому *) въ слободѣ Добрянкѣ. Началось дѣло о присоединеніи старообрядцевъ къ господствующей церкви. Мы не будемъ теперь распространяться о томъ, какъ оно шло. Скажемъ одно, что и Румянцевъ и Потемкинъ усердно хлопотали, чтобы сдѣлано было все согласно данному ими общанію... Но измѣнились обстоятельства.

Никодимъ въ маѣ 1784 года умеръ. Дѣло затянулось. Затѣмъ одинъ за другимъ умерли и Потемкинъ и Румянцевъ. Скончалась и Екатерина. Митрополитъ Гавріилъ былъ въ немилости у Павла I; дѣло передали учителю этого императора, московскому митрополиту Платону. Оно продолжалось, но объ особенномъ архіерей для старообрядцевъ, о просимомъ ими хорепископѣ, не было и рѣчи. Составлены были Платономъ и въ октябрѣ 1800 года утверждены Павломъ I „правила единовѣрія“. Они не удовлетворили ожиданіямъ старообрядцевъ. О хорепископѣ пройдено молчаніемъ, и, сверхъ того, Платонъ не согласился простить бѣглыхъ поповъ, бывшихъ у старообрядцевъ. „Прежнихъ изъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей сана своего, къ таковой (единовѣрческой) церкви не допускать“, — написалъ онъ на второй пунктъ просьбы старообрядцевъ, желавшихъ оставить у себя бывшихъ у нихъ священниковъ, къ которымъ они привыкли, которымъ вручили свою совѣсть. Такимъ образомъ мѣра, инициатива которой принадлежитъ Румянцеву-Задунайскому, не состоялась вполнѣ, и потому не были удовлетворены ожиданія ни той ни другой стороны. Усиѣхи единовѣрія были слабы. Поповищница дьяконовскаго согласія, отвергнувшіе постановленіе московскаго перемазанскаго собора 1779 года, теперь отделились отъ церкви болѣе, перейдя почти всѣ въ согласіе „перемазанцевъ“, иначе называвшееся „вѣтковскимъ“, „иргизскимъ“, „рогожскимъ“. Дьяконовщина, бывшая столь близкою къ господствующей церкви, вслѣдствіе воздвигнутаго на нее гоненія со стороны Рогожскаго кладбища за инициативу единовѣрія, пала. Слабые остатки ея удержались въ Малиноостровскомъ монастырѣ, который бѣднѣлъ съ каждымъ годомъ, въ Орлѣ и немного въ Оленевскомъ скитѣ, на Керженцѣ **).

упразднился. Теперешніе викаріи архіерей — нѣчто въ родѣ древнихъ хорепископовъ. Въ «Кормчей книгѣ» есть посланіе св. Василія Великаго къ *хорепископамъ*, изъ котораго видно, что въ его время въ каждомъ селеніи былъ свой хорепископъ, которому было поручено мѣстное духовенство. Никодимъ съ другими просили помѣстить хорепископа въ слободскій Успенскій монастырь (Никодимову пустынь), что между посадами Зыбкой (городъ Новозыбковъ) и Зыбкой.

*) Прошеніе это напечатано въ «Чтеніяхъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей», 1858 г. № 4.

***) Въ 1848 году въ этомъ скитѣ было только 12 человекъ дьяконовщины.

Появилось много полемиических сочинений, направленных против единовѣрческой церкви. Изъ нихъ особенно замѣчательны были: Андреяна Сергѣева „Два отвѣта петропольскимъ униатамъ на ихъ вопросы о причинѣ, не позволившей съ ними быть во единой вѣрѣ и богослуженіи“; Гаврилы Скачкова „Критическое показаніе въ стихахъ и прозѣ о битіи въ Россіи трехъ церквей: никоновъ, униатской и старообрядческой или поповщины“; Павла Онуфріева Любопытнаго „Отвѣтъ петропольскимъ униатамъ о несовмѣстности соединенія съ ними въ вѣрѣ Христовой церкви“. Были даже сатиры въ стихахъ, писанныя старообрядцами. Единовѣрцы не отвѣчали *).

VIII.

Поповщина въ началѣ XIX столѣтія. Рязановъ.

Необходимость имѣть епископа сознавалась преимущественно въ дьяконономъ согласіи поповщины. Итимъ толкомъ преимущественно и были предпринимаемы въ прошломъ столѣтіи попытки получить архіерейство. Съ самаго Александра-дьякона, основателя этого толка, каменноваго въ 1720 году, громко высказывается необходимая нужда въ епископствѣ. Въ своихъ „Керженскихъ отвѣтахъ“ онъ прямо говоритъ о нуждѣ въ святительскомъ чинѣ. Изъ его послѣдователей неизвѣстныя имя по имени старообрядецъ писалъ въ 1745 году какому-то отцу Тихону энергическое посланіе о печальномъ состояніи безпастырскаго старообрядства. Въ этомъ посланіи онъ требуетъ: „слько силъ ходатайствовать святительство — источникъ свѣдѣнія“. Во второй половинѣ XVIII столѣтія изъ дьяконономъ общинъ почти непрерывно поднимаются одни за другими голоса въ пользу исканія архіерейства. Для осуществленія этого заветнаго желанія дьяконономскія общины не жалѣютъ ни трудовъ ни денегъ, смѣло идутъ навстрѣчу серьезнымъ опасностямъ, посылать своихъ людей въ дальнія странствованія, пробуютъ всѣ воз-

*) Андрей Ивановичъ Журавлевъ въ «Историческомъ извѣстіи о раскольничествахъ», стр. 362, 363, говоритъ: «Живше за границею по св сторону Дѣлара старообрядцы отаривали отъ себя въ крымскому нитрополиту, чтобы поставилъ ихъ епископомъ, но онъ безъ благоволенія константинопольскаго патриарха не хотѣлъ того сдѣлать, а произвелъ изъ только игумена Іоанна, волею бѣдства да одного дьякона». О. Журавлевъ не упоминаетъ, когда это было, но полагать надобно — до 1768 года. Въ 1772 г. уже не было больше старообрядцевъ за границею по св (по дѣлаю) сторону Дѣлара. По первому раздѣлу Польши, весь Дѣларъ принадлежалъ Россіи. А между 1768 и 1772 годами вѣтовскіе старообрядцы (рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о нихъ) не могли пробраться въ Крымъ, по той причинѣ, что русскими войсками дорога была отравлена. Но въ 1768 году вѣтовскіе слободы едва ли еще возникли послѣ разоренія 1764 года. Въ память восточникакъ нѣтъ ничего объ этой попыткѣ вѣтовцевъ въ Крымъ, но думатьъ, что извѣстіе о Журавлевѣ относится еще по временамъ царствованія Елизаветы, по всей вѣроятности, въ періодъ времени между 1768 и 1769 г.

можныя для нихъ средства къ установленію правильной іерархіи въ старообрядствѣ.

Другія согласія хотя и принимали по временамъ болѣе или менѣе участія въ исканіи епископства, но никогда не были разборчивы въ средствахъ и, давая слишкомъ широкое примѣненіе словамъ апостола Павла: „по нуждѣ и закона премѣненіе бываетъ“, прибѣгали къ средствамъ антиканоническимъ. Напротивъ, дьяконовцы въ дѣлѣ исканія свитительскаго чина поставляли непремѣннымъ условіемъ строгое исполненіе правилъ, установленныхъ вселенскими соборами и уставами св. отецъ. Дѣло Епифанія было чуждо имъ, и если вполнѣдствіи нѣкоторые изъ дьяконовцевъ и принимали поповъ его поставленія и сохраняли имя его въ синодикахъ, то лишь потому, что Епифаній, хотя и обманомъ, но получилъ правильную хиротонію. Притомъ же въ то время старообрядцы поповщинскаго толка были убѣждены въ подлинности писемъ, привезенныхъ Епифаніемъ въ Яссы отъ кіевскаго архіепископа, архіепископа дѣйствительно недовольнаго Петербургомъ и Москвою. Аопногенъ хотя и былъ прежде у дьяконовцевъ въ Зыбкой, но, находясь между ними, не посмѣлъ объявить себя епископомъ, а когда самозванно принялъ за рубежомъ этотъ санъ, дьяконовцы немедленно прекратили съ нимъ всякія сношенія. Анонма, съ самаго появленія его, дьяконовцы считали обманщикомъ. Въ Москвѣ, на соборѣ 1765 г., дьяконовцы остановили странную затѣю другихъ старообрядцевъ рукоположить епископа рукою мшею св. Іоны.

Наконецъ дьяконовщина, и одна только дьякоповищина, въ концѣ XVIII столѣтія искала *правильнаго архіерейства* какъ за границей, такъ и въ Россіи. Одна только дьяконовщина *просила законнаго архіеря у законнаго правительства.*

Такимъ образомъ исканіе архіерейства, правильнаго и законно поставленнаго, по справедливости считается однимъ изъ отличительныхъ признаковъ дьяконовской вѣтви поповщины.

Дьяконовцы (они же лысеновщина и кадилъники), теперь почти не существующіе, были гораздо ближе къ господствующей церкви, чѣмъ все другія отрасли старообрядства. Разномысліе свое съ нею относительно нѣкоторыхъ обрядовъ они не считали дѣломъ большой важности и признавали ее „православною“, говоря, что вѣра состоитъ не въ обрядахъ, которые и прежде разисествовали по мѣстамъ, а въ исповѣданіи. На этомъ основаніи дьяконовцы принимали бѣглыхъ православныхъ поповъ и вообще православныхъ безъ миропомазанія — третьимъ чиномъ, то-есть послѣ исповѣди. Четырехкопечный крестъ, надъ которымъ ругались другіе старообрядцы, называя его знаменіемъ антихриста, латинскимъ крестомъ и т. д., дьяконовцы почитали наравнѣ съ восьмикопечнымъ. Они открыто пошли-было къ сближенію съ господствующей церковью, прося у правительства хорепископа. Мы знаемъ, къ какому привело это результату. Явилось такъ-называемое *единовѣріе.*

Съ тѣхъ поръ, какъ представители дьяконовщины, Никодимъ и попъ Михаилъ Калмыкъ, начали законнымъ путемъ искать у правительства особаго архіерея, прочіе толки старообрядства стали враждебно смотрѣть на нихъ. „Кадильники измѣняютъ древлему благочестію и во всемъ смѣшались съ никонианами“,—говорили перемазанцы. Много скорбей претерпѣлъ Никодимъ и единомысленные съ нимъ, но бодро переносили они испытаніе, надѣясь на благополучный исходъ дѣла, надѣясь, что законный архіерей, котораго дастъ имъ правительство, по малому времени соединитъ расточенное стадо вѣхъ старообрядцевъ во едину церковь. Дьяконовецъ осыпалъ насмѣшками, называли ихъ „хромыми“, укоряли въ отступничествѣ и даже прибѣгали относительно ихъ къ насиліямъ *). Богатыя общины — московская, петербургская и др. — прекратили свои вспомошествованія и въ другія общины разсылали увѣщанія и запрещенія не помогать дьяконовцамъ ни деньгами ни другими подаваніями и не имѣть съ ними ни въ чемъ общенія. Дьяконовщина обвѣщала. Немалая часть ея послѣдователей еще до 1800 года присоединилась къ перемазанцамъ. Въ самомъ Стародубѣ перемазанцы (по тамошнему юрженцы) съ каждымъ годомъ усиливались и преимущественно насчетъ дьяконовцевъ. Послѣ утвержденія правилъ единовѣрія, дьяконовскій толкъ почти совсѣмъ упалъ, но борьба съ нимъ московскаго Рогожскаго кладбища продолжалась до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Рогожское кладбище восторжествовало **).

*) Такъ, напримѣръ, было съ Сергѣемъ Иргазскимъ, когда онъ принялъ намѣреніе присоединиться къ плану Никодима.

**) Надавшая дьяконовщина не вдругъ однако уступила рогожданъ. Въ началѣ XIX столѣтія, для умиротворенія старообрядства поповщинскаго согласія, то-есть для согласенія перемазанцевъ съ дьяконовцами, былъ соборъ въ Макарьевомъ монастырѣ (Могилевск. губерніи, Бѣлицкаго, имѣя Гомельскаго, уѣзда). Рогожцы послали туда своихъ уполномоченныхъ со множествомъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ. Эту бібліотеку везли на особыхъ подводахъ. Кромѣ рогожцевъ были на соборѣ старики изъ Стародубя, изъ Вѣтки, изъ Ораа (дьяконовцы), пріѣхало двое старообрядцевъ изъ Молдавіи — монахъ и безграмотный мірянинъ. Соборъ, какъ и московскій 1779 года, не достигнулъ церковнаго мира; не было даже составлено соборнаго дѣланія. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ большое вліяніе на ослабленіе дьяконовщины и усиленіе перемазанства, ибо московскіе старообрядцы рѣшительно объявили, чтобы никто изъ непріемлющихъ перемазанія не только не надѣялся на какую-либо ихъ помощь, но знали напередъ, что будутъ принимаемы вѣтѣры къ совершенному уничтоженію дьяконовскаго толка. Самого Александра-дьякона объявили они еретикомъ. Дьяконовцы доказывали на Макарьевскомъ соборѣ, что перемазаніе началось не болѣе, какъ лѣтъ сорокъ передъ тѣмъ (въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія). Московскіе не могли доказать противнаго и замолчали. Тогда дьяконовцы обратились къ вѣтковскимъ отцамъ, чтобъ они доказали древность перемазанія, но тѣ не сказали ничего положительнаго; одни изъ нихъ говорили: «не наше дѣло, мы готовимся ужъ умереть»; а другіе: — «не должно о миропомазаніи споры умножать». Но Макарій, настоятель монастыря, и молдавскіе старообрядцы приняли сторону дьяконовцевъ.

Дьяконовцы, даже и во время исхода несчастной для нихъ борьбы съ рогожцами, не покидали мысли о необходимости архіерейства, хотя, за неимѣніемъ денежныхъ средствъ и малочисленностью своею, не могли уже предпринимать такихъ попытокъ, какими отличались ихъ предшественники въ минувшемъ столѣтіи. Такъ, послѣдній борецъ дьяконовщины, орловскій мѣщанинъ Дмитрій Варолюмеевичъ Тужилинъ, въ 1816 году, въ посланіи своемъ на Рогожское, упомянувъ о плачевныхъ раздорахъ и расприхъ въ старообрядчествѣ, говорилъ: „Откуда сія Богомъ ненавидимая и злообразная страсть въ сердцахъ православныхъ христіанъ оживляетъ свой корень? Не оттого ли, яко чрезъ долговременное лишеніе свойственныхъ имъ пастырей каждо пріобыкль ходить по своимъ волямъ? Отъ сего церковное тѣло раздѣлися на многія части... Симъ недугомъ (неимѣніемъ архіереевъ) будучи поражены, христіане, вмѣсто еже бы всего честице краситися титлою званія христіанскаго,

Послѣ этого собора московскіе старообрядцы произвели большія смуты въ Стародубѣ. По ихъ приказу, мѣщане и крестьяне посада Митьковки произвели большіе безпорядки въ главнѣйшемъ монастырѣ Стародуба, Покровскомъ (въ Климовой слободѣ), гдѣ были и перемазанцы и дьяконовцы. Узнавъ, что тамъ приняты бѣглый отъ господствующей церкви попп безъ миропомазанія, они собрались во множествѣ съ дубинами, окружили монастырь и угрожали вмѣстѣ съ намазаннымъ попомъ перебить всѣхъ живущихъ въ немъ. Въ виду дубинъ поппа перемазали. Въ другой разъ подобныя смуты были въ монастырѣ Николо-Пустынскомъ (подлѣ Климовъ). Въ храмовой праздникъ Николая Чудотворца собрались сюда, по обыкновенію, богомольцы изъ разныхъ слободъ. Были и дьяконовцы, которые вмѣстѣ съ другими молились Богу. Поборники рогожской партіи закрамолли. Они кричали монастыренимъ: «вы, отцы, худо о церковныхъ вещахъ смотрите; знатъ, вы съ московскими общенія имѣть не хотите!» И напоинили имъ про митьковскія дубинки у Покровскаго монастыря. Много было шуму и вопля; дьяконовцевъ выгнали. Это было въ 1815 году. Вслѣдъ затѣмъ (22 марта 1816 года), отъ имени московскаго старообрядческаго общества, попочетели Рогожскаго кладбища, Михаилъ Ивановичъ Самойловъ и Тимофей Андреевичъ Остряковъ, писали въ Николо-Пустынской и другіе стародубскіе монастыри и посады слѣдующее посланіе: «Увѣдомлены мы о вашихъ монастыряхъ и посадахъ, что иноки и старообрядцы исповѣданія нашего имѣютъ совокупленіе съ жителями дьяконовской секты и невозбранно имѣютъ входъ къ богослуженію и къ отиравленію требъ, и вы ихъ въ такомъ случаѣ не гнушаетесь и всегда въ сообщеніи съ ними, равно и милостыни приимаете по умершихъ ихъ родственникахъ, кои въ ересяхъ уже и померли, и тѣмъ мѣшаете свѣтъ со тьмою. А потому, и у насъ бывши, въ Москвѣ, множество соблазнили да нѣкоторыхъ и развратили ходомъ своимъ въ домъ Мошанскихъ, къ тому же и прочіе возникаютъ соблазны. То мы въ такомъ случаѣ слезно, лицомъ всея церкви, просимъ оставить такое развратное дѣло. Если же не оставите и не послѣдуете отеческимъ преданіямъ единодушно съ нашимъ обществомъ, какъ оное издревле содержать и принимаютъ вторымъ чиномъ, то таковыхъ, яко татей и разбойниковъ, по евангелію, отрѣшаемъ и лишамъ сообщенія и милости общества нашего, и будете яко не брегущие священнаго правила божественныхъ отецъ нашихъ, еже церковь утверждаетъ и все христіанское жителство укрѣпляетъ. Такожде угодно было обществу нашему и изволили намъ при-

имѣютъ различныя нарицаїя: овъ глаголетъ себѣ быти „вѣтковскаго“ исповѣданія, другіе же нарицаются „безпоповщинскаго“ разумѣнія и другихъ многихъ различныхъ наименованій отъ мѣстъ, отъ учителей — въ старообрядцахъ много обрѣтаются“ *). Въ Москвѣ въ то время до того ненавидѣли дьяконовцевъ, что и думать не хотѣли объ архіерействѣ, чтобы не уподобиться ненавистной сектѣ, у которой стремленіе къ архіерейству было однимъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ. Но по временамъ и изъ среды враговъ падающаго толка поднимались голоса о необходимости епископскаго чина. Такъ, перемазанецъ города Вольска, купецъ Иванъ Петровичъ Ооминъ писалъ въ 1799 году къ другу своему, купцу Ивану Ивановичу Мухину, послѣднему члену Рогожской общины: „Увы, брате, да не оскорбимъ васъ словомъ, уже бо ковчина приближается наша; видно по всему писанію, что основаніе нашей вѣры на песцѣ, а не на твердомъ камени. Не имѣемъ мы ни епископа ни священника, благословеннаго отъ власти церковной, но ожидаемъ, по мнѣнію нашему, особеннаго епископа. Сохрани пасъ, Боже, чтобы и мы не такъ же ожидали себѣ епископа, какъ жида ожидаютъ пришествія Мессіи“ **). Такъ, около 1820 года неизвѣстный намъ по имени иргизскій инокъ писалъ: „О новый Израилю! Уты, утолетѣ, ушпрѣ и забылѣ

казать, чтобы непременно увѣдомить всѣ монастыри. Въ разсужденіи чего и требуемъ скорѣйшаго увѣдомленія (Мошанскіе, упоминаемые въ этомъ посланіи, были зажиточные московскіе старообрядцы, отцы или дѣды которыхъ принимали живое участіе въ дѣлахъ собора 1779 года и прозидали по колотить Никодима и попа Михаила Калмыка. Тѣ Мошанскіе, о которыхъ говорится въ посланіи, были одни изъ первыхъ старообрядцевъ, которые перестали гнущаться общественною жизнью, ѣздили на гулянья, посѣщали театры и пр.). Дьяконовцы города Орла сильно возстали противъ рогожцевъ за это посланіе. Глава тамошней дьяконовской общины, мѣщанинъ Дмитрій Варолюмовичъ Тужилинъ, оставившій нѣсколько сочиненій въ прозѣ и стихахъ, писалъ Самойлову и Острикову «Посланіе», въ которомъ, сболбѣзавъ о раздорахъ въ старообрядствѣ и угрожалъ гнѣвомъ самого Бога виновникамъ несогласій, просилъ рогожскихъ попечителей объяснить, почему они дьяконовцевъ почитаютъ за еретиковъ. Прошло два года; отвѣта изъ Москвы не было. Тужилинъ написалъ язвительную для рогожцевъ «Повѣсть о томъ, что сдѣлалъ Рогожскаго кладбища попечитель 1816 года», въ прозѣ и стихахъ. Московскіе старообрядцы отнеслись къ этой повѣсти съ презрѣніемъ и на всѣ возраженія и обличенія дьяконовщины отвѣчали упорнымъ молчаніемъ. Впрочемъ, и отвѣчать имъ было нечего — ихъ дѣло было неправо. Но, благодаря богатству и вліянію, окончательная побѣда осталась на сторонѣ рогожцевъ.

*) Д. В. Тужилинъ. «Посланіе къ попечителямъ Рогожскаго московскаго кладбища, Михаилу Ивановичу Самойлову и Тимоѣю Андреевичу Острикову». 1816 года.

**) «Письмо Ив. Петр. Оомяна къ Ив. Ив. Мухину» напечатано въ 1841 году въ видѣ приложенія въ книгѣ іеросхимонаха Іоанна, обратившагося изъ раскола въ православіе: «Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольниковыхъ толковъ», стр. 85 и слѣд. И. Ооминъ и Мухинъ, не дождавшись общаго старообрядческаго епископа, обратились въ православіе.

еси Бога, создавшаго тя! Уты богатствами и мірекими почестями, ушрѣ фабриками, капиталами и иными дѣлами торговыми, уголетѣ въ иностранномъ житіи сластолюбіемъ, чревоугодіемъ, объяденіемъ же и пьянствомъ! Забылъ еси Бога и послужилъ проклятой мамонѣ и золотому тельцу, прилѣпился всею душою твоею и всѣмъ помышленіемъ твоимъ. Окрадая смущенную никоніанскую церковь, новшество пренепопленную, и святые догматы дерзостно поправшую, тщетно хвалишиися, о, Новый Израилю, яко бы священства чинъ въ тебѣ не изсякаетъ. Всеу хвалишиися! Гдѣ той неизсякаемый источникъ, гдѣ преемственная отъ рукъ апостольскихъ хиротонія? Имѣши ли епископскій чинъ, безъ него же церковь Божья стояти не можетъ? Имѣши ли священное руковозложеніе, муросовершенство, антиминовъ священіе, епископское благословеніе и разрѣшеніе, равно и судъ церковный? Кто можетъ въ тебѣ пресвитеровъ и діаконовъ поставляти, муро совершати, дѣвъ освящати и всѣ дѣла со разсужденіемъ творити по 9 правилу святого Антіохійскаго собора и по 6 Карфагенскаго?“ *). Со стороны безпоповцевъ обильно сыпались на поповщину укору и обличенія. Въ этихъ обличеніяхъ, хотя въ виду иныхъ интересовъ и съ иной точки зрѣнія, — указывали они на немѣніе епископства и на неспасительность дѣйствій, совершаемыхъ бѣглыми отъ господствующей церкви попами. „Такіе попы ваши не суть пастыри, но волки и наемники, которые, оставивъ церковь свою и епископовъ своихъ, приходятъ къ вамъ по двумъ причинамъ: или интереса ради изъ бѣдныхъ приходоу, узнавши, что вы щедро за требы ихъ награждаете, или же отъ бѣды укрываются. Таковыя попы ваши не суть священники, ибо безглавыи, не имѣюще у васъ никоего епископа, а прежняго своего тайно отбѣгоша и потомъ проклятію предаваше“ **). Одинъ изъ представителей самыхъ крайнихъ мнѣній безпоповщины, саратовскій мѣщанинъ Тимошей Васильевичъ Бондаревъ, основатель Бондаревскаго согласія самокрещенцевъ, говорилъ: „сколько керженскіе старцы ни алчны были къ епископамъ, однакожь, чтобъ онымъ быть до скопчанія вѣка отнюдь не сказали... Иргизская соимница, хотя и со всѣмъ безглавная: ни главы, ни очей, ни рукъ, ни ногъ не имѣющая, но трупъ единый, — но всякое дѣйство отъ нея же великороссійскія церкви заимствуютъ, то не все ли равно, когда ноуь единою главою,

*) «Возглашеніе синоуъ святля, древиенправославныхъ, каюолическія церкви, въ царствующемъ градѣ Москвѣ пребывающимъ, отъ недостойнаго и послѣдняго, во грѣсѣхъ же перваго инока святля Верхнепреображенскія обители, что на Иргизѣ. Въ рукописномъ сборникѣ (in 4-to, 458 листковъ), писанномъ полууставомъ на Иргизѣ.

**) Рукопись, заключающая въ себѣ отвѣты и обличенія поморянна, направленные противъ поповщины. Если не ошибаюсь, это сочиненіе Тимошей Андреева «Духовный щитъ». Въ рукописи, находящейся у меня, нѣтъ ни начала ни конца сочиненія, и потому не могу навѣрное опредѣлить, кто его авторъ. Ооминъ (см. выше), кажется, ссылается на это сочиненіе.

единымъ пастыремъ пасутся и управляются? Аще бо и мнятся разнствова-
вати, но вся та прелесть суть“ *).

Рогожское было глухо къ укоризнамъ и своимъ и чужихъ. Столпы
московскаго старообрядства и слышать не хотѣли объ архіерействѣ. Имъ
были бы попы.

А поновъ въ началѣ XIX столѣтія по всему старообрядчеству было
изобильно, — такъ изобильно, какъ никогда не бывало. Со вступленіемъ
на престолъ Екатерины II, находившіеся у старообрядцевъ бѣглые попы
не навлекали болѣе на себя преслѣдованій со стороны правительства,
если не совершали уголовныхъ преступленій, и въ такомъ только случаѣ
были лишаемы сана и даже заточаемы въ монастыри, если по какимъ-
нибудь обстоятельствамъ попадали въ руки духовнаго начальства. Вы-
зывая старообрядцевъ изъ-за литовскаго рубежа, Екатерина обѣщала
имъ свободу богослуженія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ поселены.
Этимъ для поповщины обусловливалось въ нѣкоторой степени право
имѣть поповъ, безъ которыхъ, по ихъ правиламъ, они не могутъ совер-
шать богослуженія. Подъ поселеніе выпедившихъ изъ тогдашнихъ поль-
скихъ провинцій старообрядцевъ отведено, между прочимъ, 70 тысячъ
десятинъ превосходной земли по р. Иргизу (въ нынѣшней Самарской
губерніи); здѣсь старообрядцы тотчасъ же устроили три мужскіе и два
женскіе монастыря съ церквами **). Кромѣ зарубежныхъ выходцевъ,
много поселилось здѣсь старообрядцевъ, пришедшихъ изъ разныхъ краевъ
Россіи; вскорѣ иргизскіе монастыри и возникшія кругомъ ихъ слободы
сдѣлались весьма многолюдны. Такъ какъ попы на Иргизѣ были дозво-
лены, то ихъ всегда бывало здѣсь много. Считаясь иргизскими, они раз-
сылаемы были по разнымъ старообрядческимъ общинамъ и жили тамъ
временно и даже постоянно, для совершенія требъ. Какъ иргизскіе, т.-е.
какъ дозволенные правительствомъ, эти попы были повсюду безопасны
отъ преслѣдованій, жили открыто съ паспортами, выдаваемыми мѣст-
нымъ начальствомъ ***) , и разъѣзжали свободно, иногда даже на почто-

*) «Самокрещенскіе отвѣты Бондарева» писаны въ 1836 г. Я цитирую
по принадлежащему мнѣ автографу Бондарева (in 4-to, 294 листка за
скрѣпной илюка Мельхиседека Якубовскаго). Вышеписанное мѣсто на листкѣ
247 и на оборотѣ 250.

**) Здѣсь, въ 1762 году, монахъ Авраамій основалъ *Ильиневоскресенскій*
монастырь (подлѣ слободы Криводулье), а черный попъ Исаакій — *Верх-
непреображенскій* на берегахъ Иргиза и озера Калача; въ 1764 г. чер-
ный попъ Пахомій построилъ *Средненикольскій* монастырь на берегу
Иргиза, подлѣ нынѣшняго города Николаева. Женскіе монастыри были
основаны: *Покровскій* (въ 5 верстахъ отъ Верхнепреображенскаго) въ
1762 монахиней Маргаритой, а *Среднеуспенскій* (подлѣ Средненикольскаго)
въ 1783 монахиней Анноной.

***) Въ нынѣшнемъ столѣтіи попы получали паспорта изъ саратовской
удѣльной конторы, которая завѣдывала иргизскими поселеніями, а до того
изъ дворцовой канцеляріи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ попы получали пас-
порты отъ саратовскаго губернатора. Въ 1811 году охтенскій протопопъ

выхъ по подорожнымъ, въ которыхъ прописывалось званіе проезжающаго. Такая свобода имѣть поповъ доставила Иргизу огромное значеніе въ средѣ старообрядцевъ, какого не имѣли ни Керженецъ, ни Вѣтка, ни Стародубье, когда были средоточіями поповщины. Послѣ перемазанскаго собора 1779 года на Иргизѣ были большія пренія по предмету, обсуждавшемуся въ Москвѣ, и было два собора: 2 августа 1782 и 5 марта 1783 г., на которыхъ приняты и утверждены рогожскія правила перемазанія. Это было весьма важно и для московскихъ старообрядцевъ и для Иргиза. Московскіе и все многочисленныя ихъ единомышленники въ союзѣ съ Иргизомъ получили сильное для себя подкрѣпленіе и видѣли въ немъ обезпеченіе своихъ правилъ въ будущемъ, ибо въ одномъ только Иргизѣ можно было тогда имѣть дозволенныхъ поповъ и только оттуда свободно и открыто разсылать ихъ по Россіи. Иргизъ, въ свою очередь, получилъ сильную поддержку въ матеріальномъ отношеніи. Принявъ перемазаніе, Иргизъ, по просьбѣ старообрядческихъ обществъ, московскаго, вольскаго и уральскаго, разослалъ написанное инокомъ Сергіемъ окружное посланіе въ утвержденіе этого правила *).

Андрей Іоанновъ Журавлевъ, авторъ извѣстнаго и часто приводимаго нами сочиненія о раскольникахъ, донесъ о бѣгломъ попѣ Василии Андреевѣ, жившемъ съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія при поповщинской молельной Королева въ Петербургѣ. При производствѣ слѣдствія оказалось, что попъ съ Иргиза и проживавшій по паспорту за подписомъ саратовскаго гражданскаго губернатора Панчулидзева. Въ этомъ паспортѣ онъ названъ «отпущеннымъ въ С-Петербургъ священникомъ Нижневоскресенскаго монастыря» («Дѣло департ. общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1816 года, № 4). Дѣло это кончилось слѣдующею резолюціей Александра I, написанною 20 августа 1811 года: «не дѣлать какихъ-либо о ней (Королевской часовнѣ) распоряженій, поелику оная часовня не есть вновь заведенная, а оставить ее попрежнему до общаго разсмотрѣнія подобныхъ сему обстоятельствъ». Саратовскій губернаторъ, 30 августа 1815 года, доносилъ министерству полиціи, что тамошняя удѣльная контора выдаетъ паспорта для заработковъ въ разныхъ городахъ Россійской имперіи иргизскимъ монахамъ, которые поступили въ это званіе изъ удѣльныхъ крестьянъ, и отлучки ихъ изъ монастырей имѣютъ единственною цѣлью только распространеніе ереси ихъ, и что хотя монахамъ сямъ и слѣдовало бы прекратить отлучку изъ ихъ жилищъ, но, принимая въ соображеніе убѣдительную просьбу настоятелей старообрядскихъ иргизскихъ монастырей, онъ, губернаторъ, предложилъ удѣльной конторѣ снабжать означенныхъ монаховъ для отъѣзда въ другія губерніи письменными видами на 4 мѣсяца, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ видахъ этихъ означено было, для какихъ именно надобностей они отправляются, и дабы люди сіи нигдѣ ученія своего не распространяли и духовныхъ требъ не совершали подъ опасеніемъ строжайшаго взыскапія. Министръ полиціи, графъ Вязмитиновъ, сообщилъ объ этомъ министру удѣловъ, который согласился съ мнѣніемъ саратовскаго губернатора *впредь до времени определенности по предмету сему особаю правила до старообрядцевъ относиться*. Но это осталось лишь на бумагѣ, дѣйствительно же монахи и попы разъѣзжали попрежнему («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1815 года, № 10).

*) Оно было послано въ Москву, въ Стародубскія слободы, на Керже-

съ тѣмъ разсланы были повсюду, и повсюду приняты — другія правила, постановленныя на иргизскомъ соборѣ 1783 года. Изъ нихъ особенно важно было слѣдующее: „чтобы нигдѣ вновь не принимали приходившихъ священниковъ, кромѣ святѣй церкви (Иргиза), но отсылать бы всѣхъ таковыхъ ко святѣй церкви для лучшаго законопавильнаго во всемъ разсмотрѣнія; а кто хотя гдѣ по какой необходимой нуждѣ какого вновь приходившаго священника и примуть, то о томъ бы въ скорости дать отъ того мѣста знать ко святѣй церкви“. Это единодушно и повсемѣстно принятое правило доставило Иргизу главенство во всемъ старообрядчествѣ. Братство иргизскихъ монаховъ получило въ нѣкоторой степени значеніе епископа. Въ 1792 и 1805 году на Иргизѣ были новыя соборы, на которыхъ утверждена форма исправы какъ поновъ, такъ и мірянъ. Она нѣсколько отличалась отъ той, которая употреблялась прежде **).

Другое обстоятельство еще болѣе возвысило значеніе Иргиза. Мы видѣли, какимъ образомъ въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка приходъ Θεодосія на Вѣтку возвысилъ эту слободу на степень старообрядческой митрополіи. Такое значеніе дала Вѣткѣ церковь съ антиминсомъ, освященная Θεодосіемъ. То же самое случилось и на Иргизѣ. Въ 1776 году

недѣ, въ Сибирь, въ Поморье, въ Гуслицу, въ Уральскъ, въ Дунплого, въ Шую, въ Городецъ, на Терекъ, въ Тулу, въ Каадугу, въ Коломну. «Православный Собесѣдникъ» 1857 г., стр. 404.

*) Прежняя формула приведена нами при разсказѣ о принатіи вѣтковцами епископа Елифанія. Новая иргизская испрва состояла въ слѣдующемъ. Принимаемый попъ надѣвалъ епитрахиль, фелюхъ и поручи, исповѣдывался у монастырскаго священника, потомъ съ амвона, обратясь на западъ, читалъ слѣдующее: «Азъ, священноіерей (имя рекъ), отъ гнушения никоніанскія ереси къ непорочнѣй всею душою приступаю вѣрѣ. Проклинаю вси отреченная святыми отцы: аще кто не креститъ въ три погруженія съ приглашеніемъ «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», но обливаетъ, да будетъ проклятъ. Аще кто служитъ божественную литургію на пяти просфорахъ, а не на семъ, да будетъ проклятъ. Аще кто приглашаетъ божественную пѣснь «аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже», да будетъ проклятъ. Молящіяся въ три перста, а не двѣма, да будутъ прокляты. Аще кто благословляетъ пятію персты странно іѣкако, не по преданію святыхъ отецъ, — да будетъ проклятъ. Знаменія на просфорахъ четвероконечныя кресты, а не восьмиконечныя и на ихъ служатъ — да будутъ прокляты. Аще кто чтетъ молитву Господню «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ» съ приложеніемъ литеры І, а не по-древнему: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ» — да будетъ проклятъ. Въ заключеніе наконецъ и всѣхъ нововведенныхъ преданій, отъ Никона патріарха содержимыхъ нынѣ Грекороссійскою церковію, отрицающъ и проклиная, и анаоемъ предаю, и иже изволитъ имъ и послѣдуетъ — анаосма и да будетъ проклятъ». Потомъ, за немѣніемъ мира, попъ мазалъ его священнымъ масломъ съ приглашеніемъ словъ: «печать дара Духа Святаго». По окончаніи этой церемоніи настоятель монастыря и вся братія подходили къ новопринтому подъ благословеніе, и онъ допускаемъ былъ къ священнодѣйствию и совершенію требъ. Тѣмъ же чинномъ принимали и мірянъ («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1838 года, № 96, листы 4 — 9).

въ Верхнепреображенскій монастырь пришелъ изъ Вѣтки инокъ Сергій Юршевъ съ полотняною церковью и антиминсомъ. Въ то время нигдѣ у перемазанцевъ не было освященной церкви, стало-быть, не было и запасныхъ даровъ. Вдругъ разносится радостная для старообрядцевъ вѣсть, что на Иргизѣ въ вѣтковской церкви служатъ литургію. Толпы двинулись въ Верхнепреображенскій монастырь къ обѣднѣ—изъ Москвы, Петербурга, Сибири и со всего Поволжья. За одинъ разъ приходило по пяти и по шести тысячъ богомольцевъ, особенно лѣтомъ и во время суходождства. Благолѣпіе церкви, благочиніе при отправленіи службы, искусные пѣвчіе, строгій монастырскій порядокъ приводили въ восхищеніе приходящихъ и умножали иргизскія богатства. Но иргизскіе монахи не поступали такъ, какъ нѣкогда вѣтковскіе и стародубскіе: они не раздавали своихъ запасныхъ даровъ всякому желающему, но давали ихъ только рассылаемымъ попамъ и въ рѣдкихъ случаяхъ монахамъ и даже монахинямъ изъ другихъ старообрядческихъ мѣстностей. Такія дѣйствія объясняемы были уваженіемъ къ дарамъ, которыхъ не должны имѣть у себя непосвященные, но скорѣи могутъ быть объяснены заботою объ охраненіи иргизской монополіи на обѣдню, которая доставляла тамошнимъ монастырямъ огромныя выгоды. Для особенно богатыхъ или особенно вліятельныхъ мірянъ дѣлались исключенія. Стремленіемъ сохранить монополію обѣдни объясняется и то, что во все время господства Иргиза (1780 — 1836) не только нигдѣ не являлось новыхъ церквей съ антиминсами, но и стародубскія церкви, по переходѣ ихъ въ перемазанное согласіе, мало-по-малу упразднялись. Одно только Рогожское съ 1813 года имѣло церковь и обѣдню. Иргизъ протестовалъ по этому случаю, но вліяніе московскаго общества было такъ сильно, что онъ замолкъ.

Поповъ на Иргизѣ было всегда много, но еще болѣе бывало ихъ въ развѣздахъ или на постоянномъ жительствѣ по разнымъ старообрядческимъ общинамъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія ихъ проживало по разнымъ мѣстамъ болѣе двухсотъ человекъ *). Они доставляли значительныя выгоды Иргизу, ибо за каждаго пона общество платило отъ 200 до 500 руб., если онъ посылаемъ былъ на время, и отъ 500 до 2.000 руб., если отправлялся на постоянное жительство. Кромѣ того, общины платили за запасные дары и мнимое миро, которымъ отъ времени до времени снабжали разосланныхъ поповъ. Разсылка иргизскихъ

*) Для примѣра, въ какомъ количествѣ брали въ ниня мѣста поповъ съ Иргиза, представляю слѣдующее. Около 1780 года скитъ Старый Улангеръ, находившійся въ Макарьевскомъ округѣ Костромскаго намѣстничества, сгорѣлъ отъ молніи въ пору необычную: въ крещенскій сочельникъ (5 января). Старицы и бѣлицы въ ужасѣ разбѣжались. Узнали про то галицкая помѣщица Акулина Степановна Свѣчина, старообрядка, и племянница ея, помѣщица же, Федосья Федоровна Сухонина, собрали разбѣжавшихся матерей и на свой счетъ построили Новый Улангеръ, на рѣкѣ Козленцѣ (въ Семеповскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи), гдѣ онъ и до

поповъ по разнымъ мѣстамъ въ концѣ XVIII столѣтія была совершенно свободна, а съ 1803 года даже узаконена. Въ этомъ году, по просьбѣ села Городка *), высочайше разрѣшено имѣть при часовнѣ поповъ изъ иргизскихъ монастырей, и въ томъ же году на вопросъ малороссійскаго генераль-губернатора князя А. В. Куракина, какъ поступать съ раскольниковыми полами, находящимися во ввѣренныхъ управленію его губерніяхъ, было объявлено повелѣніе императора Александра I такого содержания: „какъ изгнаніе таковыхъ священниковъ изъ волостей могло бы болѣе ожесточить раскольниковъ въ ихъ суевѣрїи и лишить ихъ способовъ крещенія и погребенія мертвыхъ, то и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы, и не подавать имъ однакоже явнаго вида покровительства“ **). Около 1814 г. въ городѣ Кузнецкѣ, Саратовской губерніи, тамошній мѣщанинъ Серебряковъ построилъ часовню и обратился въ Иргизъ за попомъ. Иргизъ послалъ ему попа Ивана Петрова. О новой часовнѣ и о попѣ при ней дошло до Петербурга, и при этомъ воспрещено было попу Петрову лишь явное богослуженіе (въ часовни) и колокольный звонъ ***). Обращаясь съ просьбами къ правительству о дозволеніи имѣть иргизскихъ поповъ ****), старообрядцы присоединяли иногда просьбы и другого рода.

сихъ поръ находится. На старомъ мѣстѣ строить не рѣшились, считая молнію зимой за особенное знаменіе гнѣва Божья. Свѣчница и Сухонина всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ обратили въ старообрядческихъ монахинь и бѣлищъ; къ нимъ присоединились еще нѣсколько бѣдныхъ чухломскихъ и галицкихъ помѣщицъ съ своими крѣпостными дѣвушками. Свѣчница все свое имѣніе, впрочемъ, незначительное, употребила на построенный ею монастырь. Она очень любила торжественную службу, и при жизни ея въ Улангерѣ бывало заразъ поповъ по двѣнадцати, присылаемыхъ изъ Иргиза по ея требованіямъ. Такъ продолжалось, кажется, до 1815 года, когда скитъ Свѣчной сгорѣлъ; тогда она перешла въ Комаровскій скитъ, гдѣ векорѣ и скончалась. Последній изъ улангерскихъ поповъ, черный пошъ Ефремъ жилъ въ Улангерѣ до 1827 года. Въ Комаровскомъ скиту бывало жить сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ до пяти иргизскихъ черныхъ поповъ. Последній изъ нихъ, Евимїй, взятъ и заключенъ въ Саратовской пустыни въ 1831 году. Въ Екатеринбургѣ было по пяти и болѣе иргизскихъ поповъ въ одно время. Еще болѣе бывало ихъ у казаковъ на Дону, на Уралѣ, а особенно на Кавказской линїи.

*) Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, на Волгѣ. Часовня въ немъ построена въ 1789 году и доселѣ считается одною изъ главнѣйшихъ въ старообрядцествѣ. Въ ней доселѣ не признается правильнымъ «австрійское» архіерейство.

**) «Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода». С.-Петербургъ, 1860, томъ II, стр. 18. «Собраніе постановленій по части раскола». С.-Петербургъ, 1858, стр. 2.

***) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1815 года, № 15.

****) Объ этомъ просили, напримѣръ, въ декабрѣ 1814 года, старообрядцы Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1850 года, № 1). Чердынскіе (Пермской губерніи) пустынножители также получили поповъ съ Иргиза («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1810 года, № 5).

Такъ, старообрядческая община въ городѣ Ростовѣ-на-Дону, въ іюнѣ 1815 года, послала въ Петербургъ своего повѣреннаго Акимова хлопотать, чтобы сдѣлано было распоряженіе, по которому бы выдавали иргизскимъ попамъ паспорта, а то они перестали ѣздить въ Ростовъ *).

До 1822 года не было однако общаго дозволенія имѣть старообрядцамъ при своихъ часовняхъ бѣглыхъ поповъ. Давасмы были разрѣшенія только по отдѣльнымъ случаямъ, безусловное же разрѣшеніе держать иргизскихъ поповъ имѣла одна лишь Городецкая часовня. Оттого въ архивныхъ дѣлахъ первыхъ двадцати лѣтъ нынѣшняго столѣтія встрѣчается непрерывный рядъ ходатайствъ разныхъ старообрядческихъ обществъ о дозволеніи имѣть поповъ съ Иргиза, строить вновь или поправлять пришедшія въ ветхость часовни и т. п. Ходатайства просителей были уважаемы, но не всегда; бывали случаи, что дозволялось имѣть попа, для служенія по іосифовскому обряду и старопечатнымъ книгамъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ зависѣлъ отъ епархіальнаго архіерея; другими словами, предлагалось еднновѣріе **), на что старообрядцы не изъявляли согласія и держали иргизскихъ поповъ тайно. Обыкновенно же подобнаго рода домогательства старообрядцевъ отлагались правительствомъ *впредь до общаго распоряженія по сему предмету*. Дѣло оставлялось *statu quo*.

Объ общемъ распоряженіи относительно старообрядцевъ весьма заботились въ началѣ царствованія Александра I, когда были предприняты разнообразныя реформы по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. По разнымъ обстоятельствамъ, особенно же отечественная война, замедлили ходъ дѣла, и только въ 1815 году вопросъ этотъ вновь обратилъ на себя вниманіе. Задача состояла въ томъ, чтобы успокоить милліоны раскольниковъ дарованіемъ имъ свободы богослуженія (полными гражданскими правами они въ то время пользовались), но съ тѣмъ, чтобы и господствующая православная церковь была вполне обезпечена отъ всякаго ущерба со стороны раскола. Болѣе или менѣе одиночные случаи проявленія фанатизма въ разныхъ сектахъ (не старообрядческихъ) много вредили этому дѣлу. Изувѣрныя самоубійства въ Копенгахъ ***), Пермской губерніи, ученіе Гнусина на Преображенскомъ кладбищѣ, убійства у духоворцевъ на Молочныхъ-Водахъ, торжественный входъ въ Тамбовъ молокана Укленина съ 70 учениками для проповѣдыванія „новой вѣры“ и истребленій „идолопоклонства“ (то-есть почитанія иконъ), сборища скопцовъ въ Петербургѣ у Кондратія Сели-

*) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ мн. вл. дѣлъ», 1815 г., № 7.

**) Такое предложеніе дѣлано было, напримѣръ, старообрядцамъ города Ярославля въ 1811 году, села Ипанова (Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи) въ 1816 году, города Саратова въ 1817 году; см. «Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода», С.-Петербургъ, 1860, томъ II, стр. 87, 117, 122.

***) Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

ванова, признаваемого сыномъ Божимъ и русскимъ царемъ, и другія подобныя явленія вызывали опасенія. Эти проявленія фанатизма были обобщаемы, и нерѣдко случай, бывшій гдѣ-нибудь въ одной сектѣ, возбуждалъ недоувѣріе и къ другимъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ тою сектою и даже враждебнымъ ей. Раскола не знали, и все вообще уклоненія русскихъ людей отъ православія, все вообще виды религіознаго разномыслія считали чѣмъ-то общимъ *). Старобрядчество поповщинскаго согласія было въ этомъ отношеніи счастливѣе, чѣмъ другія религіозныя разномыслія. Оно было ближе къ православію, и его знали лучше, а потому къ концу царствованія Александра I послѣдователи его получили нѣкоторыя льготы относительно богослуженія.

Неуспѣхъ единовѣрія былъ признаваемъ всеми, и больше чѣмъ кому другому былъ онъ извѣстенъ старообрядцамъ. Не безъ основанія говорили въ 1819 г. екатеринбургскіе кушцы министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицыну: „Вашему сіятельству небезызвѣстно, когда правительство, успокоивая старообрядцевъ, по разнымъ до сего жалобамъ, позволило имѣть церкви на пунктахъ митрополита Платона. Что же изъ сего вышло? Изъ церквей сихъ нѣкоторыя запусѣли, другія остались при нѣсколькихъ семействахъ,—слѣдовательно только расселили старообрядцевъ, а если-бъ оно тогда же позволило приблизиться болѣе къ коренному нашему положенію **), не было бы ни единаго раздѣленія, и нынѣ, чѣмъ ближе и неизмѣннѣе то у насъ останется, что было до

*) Н. В. Варадиновъ въ «Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ», VII, стр. 103 и 104, говоритъ: «Въ Москвѣ и Московской губерніи возникли разныя недомыслія между гражданскимъ и духовнымъ начальствомъ по поводу публичнаго появленія раскола, при раскольническихъ моленныхъ, въ томъ числѣ и при моленной на Рогожскомъ кладбищѣ. Замѣчательно, что въ министерствѣ не было тогда (1823) «ни малѣйшаго извѣстія объ этомъ кладбищѣ, и что въ докладѣ департамента министру выписаны свѣдѣнія объ немъ изъ сочиненія протоіерея Іоанинова (А. І. Журавлева «Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ» 1793)... цифра прихожанъ показана за 1796 годъ... изъ чего можно заключить, какъ мало расколъ былъ извѣстенъ министерству, и какъ слѣдовательно распоряженія его были случайны. Впрочемъ, изъ самыхъ распоряженій ясно видно, что министерство разсматривало каждое проявленіе раскола только съ точки зрѣнія полицейской и уголовной, не заботилось объ изученіи его и преслѣдовало въ немъ лишь нарушение существовавшихъ постановленій. Изъ тѣхъ же распоряженій видно, что все они дѣлались съ высочайшаго соизволенія, то-есть, что министерство не разрѣшало ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго случая проявленія раскола безъ доклада государю. Расколъ распространялся и укоренялся въ народѣ, скрываясь отъ наблюденія гражданскихъ властей и самого министерства, которыя не имѣли свѣдѣній ни о числѣ раскольниковъ, ни о ихъ толкахъ, ни о ихъ моленныхъ, ни о мѣстахъ ихъ жительства. Одно только публичное нарушеніе раскольниками постановленій, да и то не всегда, обращало на нихъ вниманіе министерства, и дѣла рѣшались сообразно важности случая безъ системы, послѣдовательности и однообразія.

**) Здѣсь разумѣется независимость изъ епархіальныхъ архіереевъ.

лѣтъ Никона патріарха, тогда не только всѣ старообрядцы соединятся съ первородною, древнею, но и самыя перекрещенцы, безпоповщина и прочіе надежно убѣдятся (ихъ произвело одно и то же гонительное время патріарха Никона), и духовное правительство узрѣть однихъ прямо старообрядцевъ не по своимъ какимъ-либо умствованіямъ, но по тѣмъ же сватымъ преданіямъ, догматамъ и уставамъ, отъ крещенія князя Владиміра до лѣтъ Никона свято и всѣми чтимыхъ“ **). Главная причина неуспѣха единовѣрія заключалась въ томъ, что старообрядцы не получили просимаго Никодимомъ архіерея и оставлены были подъ властью православнаго епархіальнаго начальства. Зависимость по духовнымъ дѣламъ отъ пастыря, признающаго до-никоновскіе обряды неправильными, — тѣ самыя обряды, въ которыхъ ревнители „древляго благочестія“ въ заблужденіи своемъ видятъ самую сущность вѣры, — была противна ихъ совѣсти, и потому они присоединеніе къ православной церкви на условіяхъ единовѣрія считали отсутствіемъ отъ тѣхъ убѣжденій, за которыя отцы и дѣды ихъ гибли на кострахъ и плахахъ, терпѣли пытки, ссылки и всякаго рода преслѣдованія. Притомъ же опытъ показалъ, что не всѣ епархіальные начальники смотрѣли снисходительно на единовѣріе, въ которомъ, по ревности своей къ исправленнымъ при Никонѣ обрядамъ, нерѣдко видѣли тотъ же расколъ ***). Немало воспрепятствовали успѣхамъ единовѣрія двукратный и рѣшительный отказъ настоятелю старообрядческаго Высоковскаго скита Герасиму и братіи въ присоединеніи ихъ къ господствующей церкви на условіяхъ единовѣрія ****). Это случилось черезъ полтора года по утвержденіи императоромъ Павломъ единовѣрія и притомъ одновременно съ разрѣшеніемъ близкой къ скиту Городецкой часовни имѣть иргизскихъ поповъ. Излишне говорить, какое впечатлѣніе на умы старообрядцевъ, желавшихъ примиренія съ церковью, произвело это несчастное стеченіе обстоятельствъ. Старообрядцы-фанатики были рады этому; въ тогдашней перепискѣ Керженскихъ скитовъ съ Москвою и Иргизомъ на неудачи Герасима указывалось, какъ на побѣду, какъ на милость Божью.

*) «Шельмо 15 екатеринбургскихъ купцовъ» къ князю А. Н. Голицыну въ мартѣ 1819 года.

**) Еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія еднновѣрческая церковь въ городѣ Ярославлѣ, по этой причинѣ, была отдана въ вѣдѣніе костромскаго преосвященнаго, и въ 1848 г. постановлены для нея особыя правила, напечатанныя въ «Собраніи постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». СПб. 1860 г., т. II, стр. 461 и слѣд. Такъ продолжалось до 1852 года, когда поступилъ въ Ярославль новый архіепископъ.

***) Высоковскій скитъ поповщинскаго согласія въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, близъ верховьевъ р. Керженца, существовалъ съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія. Въ 1802 году настоятель его Герасимъ съ братіей просилъ отдать имъ почти опустѣвшій Кривоозерскій монастырь на Волгѣ, противъ города Юрьевца, и устроить тамъ еднновѣрческую оби-

Само правительство, какъ видно изъ нѣкоторыхъ записокъ того времени и изъ писемъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князя А. Н. Голицына, человека извѣстнаго старообрядцамъ и пользовавшагося особенною довѣренностью императора Александра I, пришло къ убѣжденію, что правила 27-го октября 1800 года не достигаютъ ожидаемаго успѣха, и что для примиренія старообрядцевъ съ церковью необходимо сдѣлать въ этихъ правилахъ дополненія и исправленія. Это было извѣстно старообрядцамъ, и они не упустили случая воспользоваться такимъ расположеніемъ правительства.

Дѣло началось въ Екатеринбургѣ. Тамъ было сильное старообрядческое общество, и къ нему принадлежало много богатыхъ людей. Старообрядство въ Зауральѣ началось еще въ XVII вѣкѣ и особенно усилилось въ царствованіе Петра I, когда утѣсняемые Питиримомъ керженскіе жители во множествѣ удалились на заводы Демидова. Центромъ ихъ былъ Шарташскій скитъ, подлѣ котораго образовалось большое селеніе *). По учрежденіи Екатеринбурга, многіе изъ жителей Шарташа поселились въ новомъ городѣ и составили ядро старообрядческаго общества, со временемъ получившаго огромное значеніе. Здѣсь, а также на заводахъ Верхъ-Исетскомъ ***) и Уктусскомъ ****), Невьянскомъ, Нижне-Тагилскомъ, Бинговскомъ, Сысертскомъ, Шайтанскомъ, Уткинскомъ, Висимскихъ и др., число старообрядцевъ и заведенныхъ ими по лѣсамъ около заводовъ скитовъ и келій такъ умножилось, что правительство Анны Ивановны въ 1735 году признало необходимымъ посылать туда черезъ каждые три года опытныхъ миссіонеровъ изъ православнаго духовенства для увѣщанія, по это не имѣло успѣха °). Особенно много развелось скитовъ въ лѣсахъ Висимскихъ по западному склону Уральскаго хребта °°).

тель, но получилъ отказъ. Затѣмъ Герасимъ просилъ по крайней мѣрѣ ихъ Высоковскій скитъ обратить въ единовѣрческую обитель и изъ часовни сдѣлать церковь, но въ іюлѣ 1804 года и на это получилъ отказъ. Синоду нашель, что единовѣріе учреждено лишь для приходящихъ церквей, а не для монастырей («Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». С.-Петербургъ, 1860, т. II, стр. 11—16, 6, 337), хотя въ тридцати верстахъ отъ Херсона съ 1787 года существовала Корсунскій единовѣрческій монастырь. Герасимъ и высококовская братія столь ревностно желали примиренія со святою церковью, что, несмотря на эти отказы, несмотря на насмѣшки, оскорбленія и даже притѣсненія старообрядцевъ, почти двадцать лѣтъ хлопотали о томъ, чтобъ имъ дозволено было присоединиться къ православію на условіяхъ единовѣрія, и лишь въ 1820 г. имѣли утѣшеніе достигнуть желаемаго.

*) Селеніе въ 5-ти верстахъ отъ Екатеринбурга съ 1.768 душами обоого пола.

***) Въ одной верстѣ отъ Екатеринбурга съ 8.973 душами обоого пола.

****) Въ пяти верстахъ отъ Екатеринбурга съ 2.150 душами обоого пола.

°) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». С.-Петербургъ, 1860 г. т. I, стр. 259 — 263, 374, 375, 393—398.

°°) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣй-

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія екатеринбургское старообрядческое общество распространило свое вліяніе не только на окрестныхъ одновѣрцевъ, но и на сибирскихъ. Получая поповъ съ Иргиза, оно высылало ихъ по заводскимъ старообрядцамъ и такимъ образомъ достигло нѣкотораго рода власти надъ ними. Всѣ они находились въ повиновеніи старшинѣ екатеринбургской часовни. Эти старшины, избираемые старообрядческимъ обществомъ изъ почетнѣйшихъ своихъ членовъ, преимущественно въ качествѣ посредниковъ и ходатаевъ предъ правительствомъ по дѣламъ духовнымъ, а также для управленія хозяйственной частью часовни, пріобрѣли власть не только надъ простолудинами, но и надъ самыми понами, которые находились у нихъ въ безмолвномъ повиновеніи и не смѣли совершить никакой требы безъ ихъ письменнаго разрѣшенія *). Старшинѣ бывало по нѣскольку человекъ, и обыкновенно случалось такъ, что одинъ изъ нихъ, отличавшійся умомъ, богатствомъ свѣдѣній, житейскою ловкостью, связью съ лицами, властью имѣющими, богатствомъ, почетомъ—становился во главѣ ихъ и дѣлался такимъ образомъ самовластнымъ начальникомъ общины. Такимъ главою екатеринбургскаго и заводскихъ старообрядческихъ обществъ, считавшихъ въ себѣ болѣе 150 тысячъ человекъ мужского пола, былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія богатый купецъ Якимъ Меркурьевичъ Рязановъ.

Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей старообрядства. Одаренный обширнымъ умомъ и необыкновенною энергіей, онъ своею честною дѣятельностью и благотвореніями пріобрѣлъ всеобщее уваженіе не только между своими одновѣрцами, но и между православными. Онъ имѣлъ огромный капиталъ, золотые прииски, богатія рыбныя ловли и принималъ значительное участіе въ дѣлахъ россійско-американской компаніи. Онъ находился въ близкихъ связяхъ съ главными торговыми дѣятелями Москвы, Петербурга, Сибири и былъ близокъ къ разнымъ лицамъ, занимавшимъ высшія государственныя должности. Рязановъ находился въ короткихъ отношеніяхъ и съ православными архіереями. Пермскій епископъ, когда бывалъ въ Екатеринбургѣ, всегда останавливался у него въ домѣ, и ему Рязановъ представилъ однажды тысячу рублей отъ имени старообрядцевъ въ пользу духовной семинаріи. Для поповщины Рязановъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Ковылинъ былъ для оедосеевцевъ; пермскіе и сибирскіе старообрядцы считали его главою своихъ общинъ, и всякое слово Рязанова было для нихъ закономъ. Будучи избранъ въ старшины екатеринбургскаго старообрядческаго общества въ

шаго синода». Спб. 1860 г., т. I, стр. 401. Въ Висимскихъ лѣсахъ въ 1741 году было четыре бѣлые попа (Иикита, Иванъ, Авраамій и Максимъ) и два черные (Илья и Иона).

*) Объ этомъ писалъ пермскій губернаторъ Тюфяевъ въ 1827 году («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1826 года, № 13).

первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, онъ болѣе двадцати лѣтъ находился въ этомъ званіи и возвысилъ свою общину на такую степень значенія, что она малымъ чѣмъ уступала московской. Сотрудникомъ его былъ другой старшина, вмѣстѣ съ нимъ избранный, Тома Казанцовъ, который, дѣйствуя всегда согласно съ Рязановымъ, былъ дѣятельнымъ его помощникомъ. Самыми близкими людьми къ Рязанову и во всѣхъ дѣлахъ главными его совѣтниками были извѣстные богачи того края, управляющіе Яковлевскими заводами, Китаевъ и Полузадовъ, и Расторгуевскими заводами, Зотовъ и зять его Харитоновъ. Это были всеявленные люди.

Рязановъ былъ человѣкъ строгой жизни и строгихъ правилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ довольно начитанъ и не лишенъ свѣтскаго образованія. Будучи ревнителемъ стараго обряда, онъ въ то же время хорошо понималъ, что устройство старообрядческой церкви неправильно и несогласно ни съ каноническими постановленіями ни съ условіями общественнаго благоустройства. Безъ высшей степени духовной іерархіи, безъ архипастыря, церковь не полна и не устроена, но искать архіерея тѣмъ путемъ, какимъ намѣревались приобрѣсть его старообрядцы XVIII столѣтія, Рязановъ не хотѣлъ, ибо зналъ, что такая іерархія была бы противна государственной власти, не могла бы быть прочною и навлекла бы на всѣ старообрядческія общины новый рядъ преслѣдованій. Идти по слѣдамъ Никодима, просить у правительства законнаго епископа — и помышлять было невозможно. Если при ходатайствѣ всеявнаго Потемкина и графа Румянцева, при обѣщаніи самой Екатерины, дѣло Никодимова имѣлъ исходомъ неудовлетворявшія ни ту ни другую сторону правила 27-го октября 1800 года, то чего могъ надѣяться Рязановъ? А между тѣмъ онъ, хотя и былъ приверженъ къ іосифовскому обряду, оставался вполнѣ преданнымъ церкви и всею силою души желалъ соединенія старообрядцевъ съ господствующимъ исповѣданіемъ.

Въ 1802 году открыта была пермская епархія, и архіереемъ назначенъ Іустинъ, епископъ свіяжскій, человѣкъ прескрасно образованный, бывшій передъ тѣмъ долгое время при русскомъ посольствѣ въ Венеціанской республикѣ. Онъ познакомился съ Рязановымъ, сблизился съ нимъ и, когда бывалъ въ Екатеринбургѣ, останавливался въ его домѣ. Рязановъ, отъ лица старообрядческаго екатеринбургскаго общества, давалъ ему значительныя пожертвованія на устройство въ Перми духовной семинаріи и открылъ ему свое намѣреніе „мало-по-малу преклонить старообрядцевъ къ православной вѣрѣ“. Это намѣреніе Рязановъ открылъ епископу въ 1816 году; что оно было искренно, и что обѣщанія его не были происками хитреца, какъ обѣщанія Ковылина *), Рязановъ

*) Утверждаютъ, что Ілья (Василій) Алексѣевичъ Ковылинъ имѣлъ цѣлью своихъ дѣйствій, по соединеніи всей безпоповщины подъ главенствомъ московскаго Преображенскаго кладбища, идти къ той же цѣли, къ которой намѣревался идти Рязановъ. Но это сомнительно. Можетъ-быть,

доказаль черезъ 22 года. Истопивъ всѣ средства къ достиженію независимаго отъ святѣйшаго синода старообрядческаго духовенства, претерпѣвъ постыдное, при его положеніи въ свѣтѣ, мѣсячное содержаніе подѣ арестомъ при полиціи *), получивъ по высочайшему повелѣнію запрещеніе ходатайствовать по дѣламъ старообрядцевъ, Рязановъ увидѣлъ, что тридцатилѣтнія энергическія и настойчивыя дѣйствія его не имѣли успѣха, но не сдѣлался закоренѣлымъ врагомъ церкви, какимъ его считали, а совершенно безкорыстно, и единственно вслѣдствіе глубокаго убѣжденія, обратился на условія единовѣрія къ православію, которому былъ постоянно преданъ, несмотря на видимую борьбу съ нимъ. Обращеніе Рязанова было столь искренно и усердіе къ святой церкви столь велико, что не болѣе, какъ черезъ годъ послѣ того, святѣйшій синодъ ходатайствовалъ предъ государемъ не только о прощеніи прежнихъ его поступковъ, сдѣланныхъ въ расколѣ, но и объ оказаніи ему особой монаршею милости за усердіе къ православной церкви **).

Полную программу своихъ дѣйствій Рязановъ никому не открывалъ. Иначе и поступать онъ не могъ. Говорить о своихъ обширныхъ замыслахъ, а тѣмъ болѣе повѣрять ихъ бумагѣ, значило бы разрушить ихъ въ самомъ началѣ, подорвавъ довѣріе къ своимъ дѣйствіямъ екатеринбургскихъ и сибирскихъ старообрядцевъ, подчинявшихся его неотразимому вліянію. Онъ былъ поставленъ въ такое положеніе, что, ведя дѣло сближенія двухъ враждебныхъ сторонъ, не могъ открыть системы своихъ дѣйствій и конечной ихъ цѣли ни той ни другой. Будучи уже ревностнымъ сыномъ церкви, онъ, по поводу возсоединенія униатовъ (въ 1839 году), высказывалъ довѣреннымъ лицамъ неудавшуюся свою программу. Униаты, говорилъ онъ, были уведены изъ православія архіереями и священниками и черезъ два съ половиною вѣка архіереями же и священниками были приведены обратно въ нѣдра церкви; подобнымъ образомъ, во времена Никона, значительная часть народа уведена была изъ церкви тоже архіереями и священниками, и только одно, пока независимое отъ синода и епархіальныхъ архіереевъ, старообрядческое духовенство можетъ со временемъ, при помощи Божьей, привести отдѣли-

---

Ковылинь и говорилъ это кн. Куракину, ища его покровительства и ходатайства передъ Александромъ I, но онъ хитрилъ. Во всякомъ случаѣ, онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ (1809) законнымъ раскольникомъ.

*) По положенію комитета министровъ 7-го августа 1834 года, Рязановъ былъ выдержанъ въ продолженіе одного мѣсяца при екатеринбургской управѣ благочинія и заплатилъ 100 руб. штрафа за богоугодныя заведенія за содержаніе бѣлаго попа Шабурова, за употребленіе въ пользу екатеринбургской часовни денегъ 100 руб., полученныхъ имъ съ одного крестьянина на водвореніе въ Тисовскомъ заводѣ бѣлаго попа и за сообщеніе своимъ одновѣрцамъ высочайше утвержденныхъ о бѣглыхъ понахъ правилъ 26-го марта 1822 года («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1833 года, № 33).

**) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1840 года, № 55.

впихся въ общеніе и возстановить миръ церковный. Уніаты имѣли независимое духовенство, управляемое особою духовною коллегіей, которая сначала зависѣла отъ католиковъ, потомъ была самостоятельною, потомъ находилась при святѣйшимъ синодѣ; наконецъ послѣдовало и соединеніе. Къ воссоединенію старообрядцевъ также нѣтъ иного пути и иныхъ способовъ: кто увелъ, тотъ и приведетъ. „Путь указанъ,—привавлялъ Рязановъ, разумѣя воссоединеніе уніатовъ: — имѣяй уши слышати да слышитъ!“

Сткрывшись епископу Іустину, Рязановъ, въ исходѣ 1817 года, рѣшился начать ходатайство о дарованіи старообрядцамъ независимаго священства и объ учрежденіи въ Екатеринбургѣ „старообрядческой духовной кcovтoры“. Съ письмомъ Іустина къ князю А. Н. Голицыну *) онъ отправился въ Москву, гдѣ тогда находилась императорская фамилія и главные государственные люди. Князь Голицынъ принялъ Рязанова благосклонно. Вслѣдъ затѣмъ Рязановъ былъ представленъ государю и подалъ всеподданнѣйшую просьбу о дарованіи екатеринбургскому обществу священниковъ для служенія по старопечатнымъ книгамъ въ устраиваемой каменной часовнѣ. Государь передалъ просьбу князю Голицыну и приказалъ разсмотрѣніе ея отложить до возвращенія въ Петербургъ.

Рязановъ былъ нѣсколько разъ у министра духовныхъ дѣлъ, одинъ и вмѣстѣ съ Казанцовымъ. Поставивъ князя въ извѣстность о своемъ значеніи и вліяніи въ средѣ екатеринбургскихъ и сибирскихъ старообрядцевъ, онъ открылъ ему намѣреніе склонить мало-по-малу своихъ одновѣрцевъ къ соединенію съ православною церковью, но просилъ для этого предварительно оградить старообрядцевъ отъ притѣсненій приходскихъ священниковъ и исходатайствовать у государя признаніе полной независимости старообрядства отъ духовенства господствующей церкви. Незадолго передъ тѣмъ, въ октябрѣ 1817 года, были утверждены права и привилегіи евангелическаго общества Аугсбургскаго исповѣданія (лютеранъ). Рязановъ просилъ тѣхъ же привилегій. Онъ ходатайствовалъ о признаніи правительствомъ старообрядства за особое исповѣданіе и о подчиненіи его департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; однимъ словомъ, искалъ полной самостоятельности для старообрядцевъ.

Любопытный разговоръ Рязанова съ княземъ сохранился въ ихъ перепискѣ. На ходатайство о самостоятельности старообрядства кн. Голицынъ сказалъ:

— Откровенно вамъ говорю, Якимъ Меркурьевичъ, что въ томъ видѣ, какъ вы желаете, устроить ваше общество государю нельзя будетъ со-

*) Вотъ письмо Іустина: «Сей письмоподатель, Якимъ Меркурьевичъ Рязановъ, есть достаточный купецъ и старообрядческой въ Екатеринбургѣ часовни попечитель. Въ его домѣ я, во время моего епархіи обзорѣнія, въ прошедшемъ году, квартировалъ нѣсколько дней по его просьбѣ. Онъ самый собралъ отъ своего общества тысячу рублей».

гласиться. Я напередъ это вижу, потому что его величество, принадлежа самъ къ грекороссійской церкви, не можетъ своимъ лицомъ признать за истинную церковь тѣхъ, которые отдѣляются отъ нея.

— Но вѣдь обряды и богослуженіе у старообрядцевъ тѣ же самые, какъ и въ грекороссійской церкви, — замѣтилъ Рязановъ: — разница только въ старопечатныхъ книгахъ.

— Такъ. Но по истинному духу евангелія, въ обрядахъ ли состоитъ единство вѣры? Конечно, нѣтъ, ибо вездѣ сказано въ священномъ писаніи, что едина вѣра во Іисуса Христа Богочеловѣка, распята и воскресшаго для нашего спасенія, составляетъ единство церкви, и что ежели благодатію Господа чудеса будемъ творить, такъ что горы переставлять съ мѣста, но не будемъ имѣть любви: ничто же есть.

Рязановъ говорилъ на это, что совѣсть старообрядцевъ смущается подчиненіемъ ихъ священниковъ духовной власти архіереевъ, отвергающихъ старый обрядъ, и потому просилъ сдѣлать снисхожденіе, дозволить имъ имѣть священниковъ, зависимыхъ, подобно пасторамъ Аугсбургскаго исповѣданія, отъ министра духовныхъ дѣлъ, а на мѣстахъ отъ гражданскаго начальства.

— Вы во всемъ ссылаетесь на старопечатныя книги, — возразилъ князь. — Я вамъ сдѣлаю вопросъ: найдите мнѣ въ этихъ старопечатныхъ книгахъ, гдѣ было бы позволено іереямъ и прихожанамъ церкви чуждаться своего епископа и зависѣть отъ начальства мірскаго. А вѣдь теперь полиція управляетъ вашими церковными дѣлами. Сообразно ли это съ правилами?

Рязановъ просилъ снисхожденія, припоминалъ слова апостола Павла, который съ немощными былъ, аки немощенъ. Рязановъ поставлялъ на видъ, что сдѣланное старообрядцамъ снисхожденіе будетъ началомъ сближенія ихъ общинъ съ церковью.

— Чѣмъ ближе правительство оставить насъ къ коренному до лѣтъ Никона положенію, — говорилъ онъ: — тѣмъ единственнѣе и единообразнѣе будемъ, а теперь дѣлимся на секты. Всѣ эти секты, въ прежнее время гонительствомъ старообрядства порожденныя, скорѣе уничтожатся. Приобщеніе насъ и потомковъ нашихъ въ церкви предоставьте времени и исправленію Божью. Если приобщенію быть, то въ премудрыхъ судьбахъ Господа Бога что начертано, то да сбудется безъ всякаго принужденія. Если Богу будетъ угодно, то мы, если и не по разуму, то по чистой совѣсти познаемъ...

— Намѣренія у васъ хороши, — отвѣчалъ князь: — но надо дѣйствовать въ духѣ Христовомъ; тогда тотчасъ послѣдуетъ легкость и всякое удобство.

Рязановъ просилъ князя быть посредникомъ между ними и святѣйшимъ синодомъ и просить снисхожденія.

— Хорошо. Я согласенъ. Но если я долженъ просить святѣйшій синодъ о снисхожденіи, надобно, чтобъ и вы, какъ дѣти, отлучившіяся

отъ своей матери, непременно согласились отступить отъ нѣкоторыхъ закоренѣлыхъ упрямствъ. Тѣ, которые, какъ я теперь буду, дѣлають миръ между двухъ сторонъ, должны имѣть довѣренность отъ обѣихъ, и надо, чтобы каждая уступила нѣсколько своихъ правъ или претензій; безъ того трудно сдѣлать приступъ.

Рязановъ согласился съ этимъ, но сказалъ, что не можетъ одинъ за все общество согласиться ни на какія уступки.

— Совершенно справедливо,—замѣтилъ князь:—и потому я вамъ предлагаю согласить свою собратію, чтобы письменно мнѣ прислали свою довѣренность.

Рязановъ обѣщаль исполнить это, но не тотчасъ. По торговымъ дѣламъ онъ долженъ былъ немедленно ѣхать въ Ирбитъ и не ранѣе окончанія тамошней ярмарки могъ собрать денугатовъ отъ разныхъ заводовъ и селеній Сибирскаго края для обсужденія затѣяннаго дѣла. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ Рязановымъ князь Голицынъ упомянулъ, что въ довѣренности, которую онъ будетъ ожидать, должно быть означено число народа и духовенства въ старообрядческомъ сибирскомъ обществѣ, и подаль мысль объ особомъ въ Екатеринбургѣ учрежденіи, которое бы имѣло въ завѣдываніи церковныя дѣла старообрядцевъ, для того, чтобъ устранить несвойственное завѣдываніе ими полиціей. Это учрежденіе, которому старообрядцы предполагали дать имя „старообрядческой конторы“, князь Голицынъ предложилъ лучше назвать „старообрядческимъ духовнымъ правленіемъ“.

— Здѣсь,—говоришь князь:—по избранію вашему, могли бы засѣдать почтеннѣйшіе изъ вашего духовенства и изъ старшинъ вашихъ свѣтскихъ, также почетнѣйшихъ, по ихъ правиламъ. И это учрежденіе завѣдывало бы всѣми старообрядческими приходами, по разнымъ епархіямъ разсыянными.

Рязановъ согласился, но просилъ, чтобъ это учрежденіе было независимо отъ епархіальныхъ архіереевъ, а подчинено гражданской власти, и „чтобъ ему, министру духовныхъ дѣлъ, быть главнымъ начальникомъ, какъ онъ есть начальникъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій“.

— Въдъ прочія исповѣданія, въ Россіи терпимыя, находящіяся подъ начальствомъ вашего сіятельства, остаются покойны, и намъ только этого и желательно, — сказалъ Рязановъ.

— По я не начальникъ ни надъ однимъ вѣроисповѣданіемъ,—возразилъ князь: — каждая вѣра имѣеть свое начальство духовное, въ Россіи устроенное, которое поступаетъ по своимъ правиламъ, и въ случаѣ отдаленія я остававливаю такія дѣйствія и предписываю держаться законовъ.

Рязановъ повторилъ князю, что старообрядцы не согласятся быть подчиненными епархіальнымъ архіереямъ, что единовѣріе отъ сего и успѣха не имѣеть и не будетъ имѣть.

— Вотъ какая мысль пришла мнѣ, — сказалъ министръ. — Пусть

ваше духовное правленіе будетъ независимо отъ епархіальныхъ архіереевъ и находится подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ святѣйшаго синода, такъ, какъ теперь ставропигіальные монастыри и московскій Успенскій соборъ, которые прежде завѣдываемы были одними патріархами, а теперь синодомъ, занимающимъ мѣсто патріарха, какъ и всѣ вселенскіе патріархи ему грамотами такое право приписали. Тогда мнѣ бы вся удобность была покровительствовать вамъ явнымъ образомъ. Эта мысль мнѣ одному принадлежитъ, и я не прежде могу открыть ее синоду, какъ получу отъ вашего общества отвѣтъ. Тогда, бывшіе у васъ браки и крещенія признавъ и благословивъ единожды, не будутъ дѣлать никакихъ разсужденій и судовъ. Нынешнее ваше духовенство будетъ оставлено на своихъ мѣстахъ, и священники ваши, если они бѣглые или гдѣ подъ судомъ находятся, будутъ разрѣшены. Имѣя такое ваше полномочіе, я старался бы, испросивъ дозволеніе государя, ходатайствовать у святѣйшаго синода, чтобъ онъ сдѣлалъ такое снисхожденіе, и если бы случилось какое-нибудь возраженіе, я бы къ вамъ отнесся, или бы вы пріѣхали въ Петербургъ съ полномочіемъ отъ общества.

Рязановъ сказалъ, что онъ передастъ все это обществу и пришлетъ отвѣтъ.

— Ежели бы, — сказалъ въ заключеніе князь: — Господь благословилъ такое дѣло, чтó несомнительно, ибо Онъ ничего не желаетъ, какъ чтобы распри уничтожились, и всѣ, яко братія, другъ друга любили, служба Господу въ духѣ и истинѣ, то какія бы были выгоды для вашего общества! Все внутреннее управленіе осталось бы у васъ попрежнему, но явнымъ образомъ. Духовные ваши были бы разрѣшены въ совѣсти и не были бы связаны отлученіемъ отъ церкви, богослуженіе было бы у васъ публичное, и ненависть, столь богопротивная, къ вашимъ соотечественникамъ прекратилась бы. Какая радость была бы на небесахъ о семъ примиреніи!

Рязановъ уѣхалъ. Собратье выборныхъ отъ разныхъ заводовъ и селеній Пермской, Тобольской и Оренбургской губерній можно было не ранѣе весны. Не дожидаясь этого собранія, Рязановъ составилъ записку объ устройствѣ старообрядческихъ дѣлъ и, вмѣстѣ со всеподданнѣйшею просьбой, послалъ ее 20 февраля къ князю Голицыну. Онъ писалъ ее отъ своего лица, говоря, что мысли общества ему извѣстны. Въ письмѣ отъ 6 апрѣля 1818 года Рязановъ писалъ князю:

„Доцмановъ, коему мы съ Казанцовымъ поручили доставить вашему сіятельству записку отъ 20 февраля, увѣдомляетъ насъ, что по дѣлу здѣшняго старообрядческаго общества, хотя ваше сіятельство его императорскому величеству докладывать и изволили, но его величество оставитъ оное соизволивъ до возвращенія своего въ Петербургъ. Увѣрею будучи на милостивѣйшее и высокое расположеніе вашего сіятельства къ намъ, снисхожденіе въ Москвѣ оказанное, осмѣливаюсь довести вашему сіятельству до свѣдѣнія слѣдующее. Во-первыхъ, желая испол-

нить порученіе вашего сіятельства въ изложеніи „дополнительныхъ правилъ“ сколь можно поспѣшнѣе, сочли мы нужнымъ, по окончаніи дѣлъ своихъ въ ирбитской ярмаркѣ, послать обвѣщанія свои во всеѣ жительства старообрядцевъ, здѣшнее общество составляющихъ, съ нарочными, съ тѣмъ, чтобы, для совокупнаго по сей части совѣщанія, каждое селеніе, избравъ изъ среды своей достойныхъ и довѣріе заслуживающихъ по одному или по два человѣка, прислали въ Екатеринбургъ непременно къ 25 числу апрѣля, что, надѣюсь, будетъ ими исполнено; между же тѣмъ, такъ какъ мысль здѣшнихъ старообрядцевъ мнѣ извѣстна, то, изложивъ оную особымъ дополненіемъ, честь имѣю къ вашему сіятельству препроводить. Надѣюсь, что ваше сіятельство, разсмотрѣвъ оную, по милостивѣйшему спихожденію своему, осчастливите меня—рѣшеніемъ по оной не оставите. Во-вторыхъ, духовныя консисторіи, особенно пермская, не токмо не престають наносить обществу старообрядцевъ всякаго рода утѣсенія, но паче и паче оныя приумножаютъ. Разославши нынѣ пермская консисторія указъ правительствующаго сената о раскольниковыхъ часовняхъ по всемъ приходамъ съ таковымъ предписаніемъ, чтобы приходскіе священники всюду, гдѣ бы ни встрѣтили старообрядческихъ нашихъ священниковъ, искали и поступали съ ними по всей строгости, чѣмъ самымъ мысль приходскихъ священниковъ и всеѣхъ церковнослужителей воспламенилась до того, что всеѣ они, оставя не только долгъ званія своего, но и самое ученіе Христа Спасителя, его императорскимъ величествомъ въ рескриптѣ г. херсонскому военному губернатору въ 9 день декабря 1816 года всемилостивѣйше изложеномъ, превратясь въ сыщиковъ, 17 марта схватили ѣдущаго съ требою нашего священника *) и попустили съ нимъ, какъ съ самымъ злостивѣйшимъ преступникомъ... по каковому случаю общество здѣшнихъ старообрядцевъ вынужденнымъ нашлось препроводить всеѣхъ пребывающихъ у себя старообрядческихъ священниковъ въ самые уже необитаемые пустыни и лѣса, потому болѣе, что ни перенести сихъ стѣсеній ни по-ставить оныя на видъ вашему сіятельству въ такомъ видѣ, въ какомъ оныя здѣсь существуютъ, невозможно“.

(Затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшія жалобы на приходское духовенство и просьба довести обо всемъ до свѣдѣнія государя императора).

Изъ другого письма Рязанова къ князю Голицыну, отъ 20-го мая, видно, что 30 апрѣля состоялось въ Екатеринбургѣ собраніе старообрядцевъ. На немъ было 1.370 выборныхъ изъ разныхъ мѣстъ Пермской, Оренбургской и Тобольской губерній. Они, „учиня общій совѣтъ, сдѣлали изложеніе правилъ, присовокупляя къ тому и выписку изъ законовъ, на коихъ послѣ бывшаго гоненія начался нашъ бытъ и постепенно

*) Старообрядческой поль Михаилъ Григорьевъ Головцовъ былъ схваченъ (безъ полиціи) близъ Сысертскаго завода тамошнимъ священникомъ Зодотизовымъ, 17-го марта 1818 года. Онъ жилъ при Екатеринбургской часовнѣ съ конца 1810 года.

даровалась свобода неотъяснительнаго богослуженія во всемъ по уставу до того измѣненія (Никона) бывшаго. — Это „изложеніе правилъ“ было послано князю Голицину, и при немъ приложена записка о новыхъ стѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ приходскимъ духовенствомъ, и одиннадцать довѣренностей за 1.370 подписями Рязанову на ходатайство по дѣламъ екатеринбургскаго и сибирскаго старообрядческаго обществъ.

Рязановскій проектъ, или такъ-называемыя „Дополнительныя правила“, составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ актовъ старообрядческой исторіи *). Изъ него видно, что старообрядцы, совершенно обходя

*) Вотъ эти *Дополнительныя правила*:

«1818 года, апрѣля 30-го числа екатеринбургское старообрядческое общество съ прилегающими селеніями Сибири, будучи въ общемъ собраніи, по выслушаніи всеподданнѣйшаго прошенія, екатеринбургскими купцами Икимомъ Рязановымъ и Оамой Казанцовымъ его императорскому величеству поданнаго, въ дополненіе присогласовали:

«Вѣрителей нашихъ и насъ самихъ предки суть изъ числа кореннаго народа, нося иныѣ купеческое, мѣщанское и крестьянское званіе и на ряду съ другими платя установленныя подати, исполнять по званію каждаго въ обязанности, но отуравненію же службы всемогущему Богу носить имя *старообрядцевъ*, составляя до яѣтъ патріарха Никона единое совокупное христіанское стадо и единую христіанскую церковь со всеми августѣйшими нынѣ царствующаго монарха предками.

«Но со временъ патріарха Никона, когда кнпки, уставы и обряды древле-грекороссійской церкви, пѣніе и самое рукоположеніе перстовъ получило измѣненіе, то предки наши, съ одной стороны, желая соблюсти тѣ древніе уставы свято, а съ другою, не могли снести по тогдашнему времени лютой принужденности, остави дворинскія и посадскія права, дома и имѣнія, удалились одни на границы польскія, а другія — въ сибирскія малообитаемыя тогда пустыни и степи, заселяя обще съ удалившимся священствомъ, стенили подъ бременемъ пудобонзяснимыхъ притѣсеній, поработя себя нѣкоторые казеннымъ и частнымъ промысламъ и заводамъ, отпращивая службу Божью въ тайнѣ, и потому преслѣдованія и наказанія преевосходили мѣру всякаго другаго преступленія.

«Вѣчной славы достойная императрица Екатерина Великая, удостовѣривъ о такомъ утѣснительномъ ихъ положеніи и охотномъ снесеніи всякаго рода стѣсненій, разореній, ссылки, заточеній и наказаній, изъ монаршаго собогѣзнованія даря всемилостивѣйше всемъ находящимся въ предѣлахъ отечества прощеніе и дозволеніе имѣть имъ богослуженіе по древнему чиноположенію, обѣщая всякое имъ покровительство, а изъ-за границы высочайше дозволяя возвратиться въ отечество, не опасаясь ни судани слѣдствія, по каковому монаршему, всегда священному слову, возвратившіеся изъ Польши, заселись одни въ слободахъ Стародубскихъ, а другіе въ Саратовской губерніи на рѣкѣ Иргизѣ, построили и имѣютъ церкви. Предки же наши, пребывающіе въ отечествѣ своемъ въ краяхъ Сибири, вошедъ въ разныя обязанности и повинности заводскія и даже самое рабство, не могли возвратиться на мѣста прежняго своего жительства, возвести для славословія Вседержителю молитвенные храмы, смаружи въ самомъ унизительномъ видѣ, не имѣющіе ни креста ни звона, влутрь же вся почину церковному, исправляя богослуженіе и все христіанскія трыбы чрезъ священниковъ, пріявщихъ равное съ ними уединеніе, а потомъ получали и подучаемъ изъ иргизскихъ монастырей рукоположенныхъ россійскими епархіальными архіереями, уединившихся отъ нихъ безиорочно, сначала безъ

поданную княземъ Голицынымъ мысль о подчиненіи духовнаго ихъ правленія (или конторы) святѣйшему синоду, просили, чтобъ оно было въ зависимости единственно отъ свѣтскаго начальства, и приводили въ примѣръ устройство лютеранскаго исповѣданія въ Россіи. Затѣмъ они ходатайствовали: о дозволеніи старообрядческимъ священникамъ приводить старообрядцевъ къ присягѣ; о разрѣшеніи поправлять ветхія и строить новыя церкви и часовни; объ учрежденіи старообрядческой конторы (или духовнаго правленія) въ Екатеринбургѣ изъ выборныхъ попечителей (а о членахъ изъ духовенства умолчано), которая бы, между

вѣдома правительства, а потомъ съ вѣдома и съ полученіемъ отъ саратовскаго гражданскаго губернатора открытыхъ видовъ, нынѣ же наки, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, должны имѣть безъ видовъ, споса и претерпѣвая самыя оскорбительныя притѣсненія единственно потому, что не имѣемъ точной опредѣленности ни въ перестройкѣ старыхъ молитвенныхъ храмовъ, отъ долговременности въ вѣстость пришедшихъ и подавленіемъ народа угрожающихъ, ни въ возведеніи, по умноженію народонаселенія, новыхъ, ни въ содержаніи священниковъ безъ крайнихъ и уже несносныхъ и малоопредѣленныхъ затрудненій, влекущихъ за собою время отъ времени непрерывную цѣль угнетеній. Почему, руководствуясь духомъ истиннаго христіанства и *высочайше дарованными святилчскому обществу аусбургскаго исповѣданія* въ 27 день октября 1817 года привилегіями, осмѣливаемъ всеподданнѣйше испрашивать:

«1. Дабы исповѣданіе вѣры обществу старообрядцевъ Сибирскаго края всемилостивѣйше дозволено было имѣть по точному ученію и обрядамъ древле-грекороссійской церкви, до лѣтъ патріарха Никона существовавшимъ, дозволяя притомъ во всѣхъ случаяхъ принимать присягу по тѣмъ же обыкновеніямъ при посредствѣ старообрядческихъ священниковъ.

«2. Высочайше дозволить обществу старообрядцевъ Сибирскаго края устраивать и учреждать, подъ руководствомъ и управленіемъ попечителей, на древнихъ антиминсахъ, въ главныхъ селеніяхъ церкви, а въ малыхъ—молитвенныя дома, каменные и деревянные, съ надежащимъ приличіемъ, безъ всякаго въ томъ препятствія и вліянія епархіальнаго и высшаго духовнаго начальства, и въ нихъ сходиться непрежнему свободно единственно тѣмъ, кои уставамъ симъ слѣдовать себя предуготовили.

«3. Высочайше дозволить священникамъ и дьяконамъ, рукоположеннымъ Россійскими архіереями, безпорочно *удинчившимся* къ намъ прямо или чрезъ иргизскіе монастыри, отправлять богослуженіе, моленіе и всѣ христіанскія требы по установленіямъ и чиноположеніямъ древле-грекороссійской церкви, не поставляя имъ того ни въ побѣгъ ни въ преступленіе.

«4. Высочайше дозволить обществу старообрядцевъ Сибирскаго края имѣть по дѣламъ симъ собственное свое между собою начальство изъ попечителей, подъ именемъ *конторы*; попечителямъ симъ дозволить имѣть особую конторскую печать, и состоящимъ въ обществѣ томъ священникамъ и дьяконамъ выдавать для проѣзда во всѣ селенія старообрядцевъ открытыя виды.

«5. Священникамъ симъ и дьяконамъ всемилостивѣйше предоставить быть вѣдомымъ единственно токмо старообрядческой конторѣ, которая о поступленіи ихъ имѣетъ доносить съ приложеніемъ подлинныхъ ставленныхъ грамотъ, и быть подчиненною министру духовныхъ дѣлъ.

«6. Священниковъ и дьяконовъ дѣти, до поступления и послѣ поступленія рожденныя, не обучавшіяся еще въ семинаріи, если пожелаютъ на

прочимъ, давала письменные виды священникамъ для ихъ развѣздовъ и зависѣла бы непосредственно отъ министра духовныхъ дѣлъ; о представленіи права дѣтямъ старообрядческихъ священниковъ избирать родъ жизни на основаніи указа 9-го іюня 1803 года; о подачѣ всѣмъ старообрядцамъ посемейныхъ о себѣ списковъ городничимъ и исправникамъ, съ тѣмъ, чтобъ эти чиновники, сочиня изъ нихъ надлежащія вѣдомости, сообщили ихъ какъ епархіальному начальству, такъ и старообрядческой конторѣ, а контора бы послѣ того вела метрику и представляла ихъ въ казенныя палаты; и наконецъ объ утвержденіи всѣхъ доселѣ совершенныхъ браковъ и крещеній и о непривлеченіи къ суду находящихся у старообрядцевъ священниковъ. Въ заключеніе помѣщено было ходатайство объ утвержденіи всѣхъ просимыхъ старообрядцами правъ особою высочайшею грамотою.

основаніи указа 1803 года, іюня 9 дня, избрать себѣ родъ жизни гражданскій, таковыхъ всемилостивѣйше повелѣть записывать, когда бы сіе ни случилось.

«7. Поеліку старообрядцы Сибирскаго края въ духовныхъ росписяхъ приходскими священниками представляются въ числѣ своихъ прихожанъ безъ точной опредѣленности и различія, и даже такъ, что не бывшихъ у исповѣди и причастія пишутъ бывшими, отчего и происходятъ непрерывныя слѣдствія, въ престѣненіе таковыхъ неудобствъ и дабы усовершенствовать въ семь случаевъ прямое единообразіе, всемилостивѣйше дозволить всѣмъ обитающимъ въ краю Сибири старообрядцамъ, кои означеннымъ уставамъ слѣдовать себя предуготовили, подать о семействахъ своихъ, съ происхожденіемъ отъ нихъ потомствомъ, особыя вѣдомости, прямо отъ себя: живущимъ въ городахъ—городничимъ, а живущимъ въ уѣздахъ—земскимъ исправникамъ, съ тѣмъ, дабы городничіе и земскіе исправники, по поданнымъ отъ старообрядцевъ спискамъ сочиня надлежащія вѣдомости, дали знать какъ мѣстному духовному начальству, такъ и старообрядческой конторѣ.

«8. Съ того времени всѣ старообрядцы Сибирскаго края по части духовныхъ дѣлъ состоятъ должны единственно въ зависимости старообрядческой конторы, и потому метрическія книги о вновь родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся должны быть доставляемы со стороны попечителей въ старообрядческую контору, а со стороны конторы — въ казенныя палаты.

«9. Учиненныя понынѣ старообрядческими священниками крещенія, браковѣчанія и прочія христіанскія требы высочайше повелѣть оставить не прикосновенными никакому слѣдствію, розыску или разрушенію, и потому всѣ тѣ слѣдствія и по судебнымъ мѣстамъ приговоры, разрывающіе браки, учинить ничтожными.

«10. Въ заключеніе всего вышеозначеннаго, всеподданнѣйше просимъ принять общество старообрядцевъ Сибирскаго края въ особенное его императорскаго величества покровительство и всемилостивѣйше удостоить на право онаго высочайшею грамотою, повелея всѣмъ начальствамъ и присутственнымъ мѣстамъ, въ потребномъ случаѣ, попечителей, старообрядческую контору составляющихъ, и всѣхъ старообрядцевъ отъ всякаго стѣсненія охранять и по отношеніямъ попечителей оказывать всякую помощь, защиту и покровительство».

Поданный подписанъ екатеринбургскимъ старообрядческимъ обществомъ и 1.370 депутатами изъ 13 желѣзнодорожныхъ заводовъ, 39 волостей, состоящихъ въ 13 уѣздахъ Пермской, Тобольской и Оренбургской губерній.

Князь Голицынъ отвѣчалъ Рязанову собственноручнымъ письмомъ болѣе чѣмъ черезъ полгода (12-го декабря 1818 года). Напомнивъ ему весь разговоръ, бывшій у себя въ Москвѣ, князь Голицынъ такъ кончилъ письмо свое: „Вамъ слѣдовало бы въ прямомъ духѣ Христовомъ соединиться на основаніи правилъ Платоновыхъ (единовѣріе), но я вамъ предлагаю болѣе снисхожденія; ибо, будучи только подъ синодомъ, натурально, вліяніе его не можетъ быть на внутреннія ваши дѣла, а только въ томъ, гдѣ можетъ быть вамъ нужда духовная. Подумайте хорошенько, и ежели меня уполномочите, я радъ буду стараться доставить спокойствіе вамъ прочное и правильное. Совѣсть ваша успокоится, и потомство ваше будетъ благословлять васъ, и Господь Иисусъ Христосъ, ищущій всѣхъ насъ спасти, поможетъ намъ силою своею въ семъ дѣлѣ, истинно христіанскомъ“. Рязановъ не отвѣчалъ на это письмо. Онъ, повидимому, совершенно устранилъ себя отъ перениски; послѣ январскаго разговора ему неловко было отвѣчать отказомъ, а старообрядцы никакъ не соглашались подчиниться синоду. Въ мартѣ 1819 года отвѣчали Голицыну 15 екатеринбургскихъ кушцовъ, говоря, что они получили письмо отъ 12-го декабря во время отлучки Рязанова изъ Екатеринбурга и спѣшать отвѣтомъ. Повторяя въ болѣе обширномъ видѣ вступленіе къ запискѣ 30-го апрѣля и жалуясь на притѣсненія, дѣлаемыя приходскимъ духовенствомъ, они, повторяя слова Рязанова, сказанныя князю Голицыну въ январѣ, писали:

„Принимая въ уваженіе причины, чтобы вмѣсто свѣтской власти по приличію быть вѣдомымъ чрезъ посредство вашего сіятельства святѣйшему синоду, имѣя *старообрядческое духовное правленіе* въ Екатеринбургѣ, синодъ, спадевая, по выбору нашему, увольняемымъ священствомъ, токмо вѣдалъ, но освободилъ бы и священство и насъ отъ всякаго вліянія на внутреннее богослуженіе, по древнему чиноположенію исправляемое. Увѣрены будучи, что ваше сіятельство, сообразя всю готовность и *невозможность* нашу, сами согласятся изволите по вышеизъясненнымъ причинамъ, чѣмъ ближе правительство насъ оставить къ коренному до лѣтъ Никонова патріаршества положенію, тѣмъ единственнѣе и единообразиѣ будемъ, и всѣ другія секты, гонительствомъ порожденныя, скорѣе уничтожатся. Пріобщеніе же насъ и потомковъ нашихъ предоставитъ времени и исправленію Божью. Если ему быть, то въ премудрыхъ судьбахъ Его что начертано, то да сбудется безъ всякаго принужденія. Мы же, если что и не по разуму, то по чистой нашей совѣсти познаемъ“.

Получивъ это письмо, князь Голицынъ былъ немало удивленъ. Въ письмѣ говорилось уже о *невозможности* и о томъ, чтобы съ синодомъ имѣлъ сношенія министръ духовныхъ дѣлъ, а сами бы они или ихъ духовное правленіе не имѣли никакихъ прямыхъ съ нимъ сношеній. Да и синоду екатеринбургскіе старообрядцы желали предоставить только спаженіе ихъ попами, и то по ихъ выбору. Князь хотѣлъ видѣть въ

этомъ письмѣ недоразумѣніе и написалъ еще письмо—послѣднее письмо къ Рязанову. Вотъ оно:

„Письмо, за подписью 15 особъ изъ вашего общества, служащее отвѣтомъ на посланное мною къ вамъ отъ 12-го декабря прошлаго года, я получилъ сего марта 17-го дня. Съ удовольствіемъ усматривая изъ онаго готовность общества вашего къ пребыванію въ мирѣ съ членами господствующей грекороссійской церкви, долженъ я однако замѣтить, что въ письмѣ семъ не содержится рѣшительнаго отвѣта на предложеніе мое, въ прежнемъ письмѣ вамъ сдѣланное,—согласны ли вы состоять подъ вѣдомствомъ святѣйшаго правительствующаго синода, сохраняя, впрочемъ, обряды свои и духовное свое правленіе, на томъ основаніи, какъ въ прежнемъ письмѣ моемъ вамъ изъяснено? Пока не имѣю отъ васъ яснаго отзыва по сему пункту, не могу я приступить къ посредничеству между синодомъ и вами. Хотя собратія ваша въ заключеніе письма своего и говорить, что пріемлютъ въ полное уваженіе причины, чтобы вмѣсто свѣтской власти по приличію быть вѣдомымъ, чрезъ посредство мое, святѣйшимъ синодомъ и имѣть старообрядческое духовное правленіе въ Екатеринбургѣ и пр., но далѣе упоминаютъ о *невозможности* своей, не изъяснивъ, о какой именно. Они присовокупляютъ, что чѣмъ ближе правительство оставить ихъ къ коренному до лѣтъ Никонова патріаршества положенію, тѣмъ единственнѣе и единообразнѣе они будутъ, и пр. Но я спрошу васъ: что можетъ быть ближе къ тому состоянію, коего вы желаете, какъ не самое то, которое я вамъ предлагаю? Совѣтую вамъ еще разъ внимательно прочесть прежнее письмо мое и отвѣчать мнѣ на оно рѣшительно; но до отвѣта вашего подумать о послѣдствіяхъ того рѣшенія, которое вы мнѣ дадите, ибо отъ онаго зависѣть будетъ благосостояніе многихъ тысячъ народа и ихъ потомства. Въ ожиданіи отвѣта вашего, пребуду съ искреннимъ желаніемъ вамъ любви и соединенія во Христѣ. Князь Александръ Голицынъ“.

Юня 30-го екатеринбургскіе старообрядцы дали требуемый княземъ Голицынымъ отвѣтъ въ письмѣ, подписанномъ 97 лицами. Подписи Рязанова тутъ не было. Настойчиво прося объ исполненіи всего, что изложено ими въ условіяхъ 30-го апрѣля 1818 года, старообрядцы положи- тельно не согласились зависѣть отъ синода на томъ основаніи, на какомъ зависятъ отъ него ставропигіальные монастыри, и попрежнему просили объ учрежденіи старообрядческаго духовнаго правленія, которое бы состояло изъ однихъ мірянъ, безъ участія духовенства, и зависѣло бы непосредственно отъ министра духовныхъ дѣлъ. Вотъ это письмо:

„Вникая въ отеческую мысль вашего сіятельства, чтобы внимательно прочесть прежнее письмо вашего сіятельства, отъ 12 числа декабря прошлаго 1818 года послѣдовавшее, мы понимаемъ изъ сего то, чтобы согласиться быть зависимыми, на основаніи ставропигіальныхъ монастырей, святѣйшему правительствующему синоду, вслѣдствіе чего пріемлемъ смѣлость вашему сіятельству донести, что постоянное и непрелож-

ное желаніе нашего общества есть то, чтобы существованіе нашего богослуженія основано было по точнымъ законамъ коренной святой греко-россійской церкви, премудростію Божьею и многими святителями озарившую, и потому не могли и не можемъ сдѣлать отъ оныхъ преданій, существующихъ болѣе шестисотъ пятидесяти лѣтъ, до самыхъ временъ патріарха Никона, никакихъ отступленій, какъ чтимыхъ тогда единственными и господствующими во всей имперіи, отъ коихъ самонаиболѣе отступленіе и измѣненіе есть совѣсти нашей противно, и оное повергнуть можетъ общество наше, въ Сибири болѣе ста пятидесяти тысячъ душъ обитающее, въ совершенное раздробленіе и разномысліе. Слѣдственно правительство, пекущееся о устроеніи всѣхъ составовъ государства, не узритъ изъ того никакой пользы, кромѣ умноженія различій, которыя въ самомъ началѣ породили утѣшенія и затрудненія, во избѣжаніе коихъ всякій изъ насъ скорѣе можетъ согласиться, оставя вѣтви промышленности и хлѣбопашества, только для государства полезнѣйшія, удалиться въ прочія мѣста Россійской имперіи, гдѣ, какъ извѣстно, древнее богослуженіе и понынѣ еще терпимо.

„Предаваясь на дальновиднѣйшее и благое вашего сіятельства разсмотрѣніе, какъ особы, истину и просвѣщеніе во всѣ сословія водружающей, осмѣливаемся утруждать отъ лица всего общества старообрядцевъ Сибирскаго края всеубѣдительнѣйшею просьбой объ исходатайствованіи намъ у престола всемилостивѣйшаго монарха нашего на отправленіе богослуженія и устроеніе того порядка, каковой изложенъ нами 30-го апрѣля 1818 года, и дозволеніе имѣть намъ въ Екатеринбургѣ по духовной части старообрядческое правленіе или контору, состоящую изъ степенныхъ и почетнѣйшихъ старшинъ, кои, находясь подъ покровительствомъ и повелѣніемъ особы вашей, по званію министра духовныхъ дѣлъ, во священнѣйшую обязанность вмѣнять будутъ исполнять все то, что въ пунктахъ нашихъ, отъ 20 мая 1818 года къ вашему сіятельству представленныхъ, изъяснено.

„Сіятельнѣйшій князь, не усѣкните древа во время смиренія его и не умножьте страданій людямъ въ правлахъ непорочности предками посѣяннаго, но умножьте плоды мирныхъ гражданъ и поселянъ, ищущихъ покрова въ скорби, многое время сердца ихъ подавляющей; воздвигните неразрушаемый въ сердцахъ нашихъ памятникъ великодушія возведеніемъ въ обществѣ нашемъ свободнаго по древнимъ уставамъ въ святыхъ храмахъ жертвоприношенія Творцу и Создателю всѣхъ. Симъ единымъ средствомъ благоустроенное верховное правительство достигнетъ своего спокойствія отъ жалобъ и слѣдствій, въ чемъ среди вождѣннѣйшаго мира, неизреченными судьбами и тельными всеобщими къ Господу Богу молитвами дарованнаго, не токмо не можемъ мы отчаиваться, но ласкаемъ себя сильнѣйшею надеждою быть водворенными въ то же терпѣніе и положеніе, коимъ ограждены всѣ прочія исповѣданія и даже самые дуборядцы, совершенно отъ святой церкви и ся таинства удалившіеся.

„Посему на принятое вашимъ сіятельствомъ въ замѣчаніе употребленное нами слово „сообразя всю готовность и невозможность“ разумѣли и разумѣемъ въ томъ смыслѣ, какъ ваше сіятельство усмотрѣть изволили, что мы не могли принять новаго, желаемъ остаться при древнемъ положеніи, просимъ всенижайше единой токмо свободы на храмы паши, священство и богослуженіе, сообразной со всѣми прочими вѣроисповѣданіями, не ищемъ ни безначалія ни рѣшительнаго отдаленія себя отъ взора правительства; но умолиемъ высокую особу вашего сіятельства принять общество сіе подѣ единственнымъ вѣдѣніе и покровительство, на томъ точно основаніи, на какомъ общество екатеринбургскихъ старообрядцевъ съ повѣренными многихъ другихъ таковыхъ же обществъ изложило и къ вашему сіятельству, отъ 20 мая 1818 года, препроводило особые пункты, съ тѣмъ, чтобы духовное наше правленіе или контора во всѣхъ случаяхъ представленія свои по дѣламъ духовнымъ производила къ особѣ вашего сіятельства и получала на оныя разрѣшенія и предписанія единственно отъ министерства духовныхъ дѣлъ; потребныя же въ таковыхъ случаяхъ сношенія съ святѣйшимъ синодомъ просимъ всенижайше ограничить токмо между онымъ правительствующимъ синодомъ и министерствомъ духовныхъ дѣлъ.

„Засимъ, не обременяя болѣе особу вашего сіятельства, дорожа безцѣнно всякой минутой, но изложивъ мнѣнія и намѣренія общества старообрядцевъ всего Сибирскаго края, повергаемъ судьбу свою единому покровительству и высокими добродѣтелямъ вашего сіятельства, слезно умоляемъ не отрещись отъ принятія на себя хотя новаго и труднаго, но для нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ спасительнаго бремени, и всенижайше просимъ предстать ко вселюбивѣйшему и милостивѣйшему монарху нашему съ ходатайствомъ и прошеніемъ милосердаго о насъ соболѣзнованія, за которое съ благоговѣніемъ и умиленіемъ приносить будемъ всѣхъ Царю усердныя и теплѣйшія наши молитвы, чувствуя въ полной мѣрѣ, колико много зависить участь наша и нашего потомства отъ милостиваго содѣйствія особы вашего сіятельства въ дѣлѣ, въ которомъ есть вѣра, спасеніе и животъ“.

Тѣмъ и кончилось дѣло, начатое Рязановымъ. Просьбы екатеринбургскаго общества остались безъ послѣдствій. Старообрядцы думали, что отказомъ отъ предложенія князя Голицына они нажили себѣ въ немъ сильнаго врага. Не можемъ сказать, насколько были они въ этомъ правы, но недлиннымъ считаемъ замѣтить, что увольненіе его отъ должности министра духовныхъ дѣлъ всѣ старообрядцы считали особеннымъ для себя божескимъ благодѣніемъ *).

*) Въ 1824 г. пермскій губернаторъ Тюфяевъ представилъ письмо екатеринбургскихъ старшинъ: Луки Тарасова, Фомы Казанцова, Якимы Рязанова и Якова Михайлова, отъ 20 іюня 1824 года, къ старообрядскому обществу Чимѣвской волости (находится въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1819 г., № 2), въ которомъ, между

Сколько извѣстно, ни московское ни другія общества старообрядцевъ не принимали участія въ екатеринбургскомъ дѣлѣ. Были и такіе суетвѣрные ревнители старины, которые весьма недоброжелательно смотрѣли на предпріятія Рязанова, желавшаго узаконенія правъ и свободы старообрядческаго богослуженія. По ихъ мнѣнію, искать у никоніанъ чего-либо для старой вѣры значило мѣшать свѣтъ со тьмою. „Кое общеніе Христу съ Велиаромъ?“—говорили они и никакъ не соглашались выступить изъ своего замкнутого круга. Тѣмъ не менѣе ихъ очень интересовалъ исходъ рязановскаго дѣла—дадутъ ли поповъ, позволятъ ли строить кельи и поправлять старыя часовни. О дозволеніи имѣть поповъ ходатайствовали въ то же время общества московское, саратовское, тверское и другія.

прочимъ, сказано: «Общество здѣшнее, изъ многихъ полученныхъ свѣдѣній, давно уже замѣчало, что министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, желалъ, за несогласіе наше къ подчиненности синоду, моленіе въ старообрядческихъ церквахъ, часовняхъ и молитвенныхъ домахъ вовсе воспретить, что изъ словъ его превосходительства, новаго вашего губернатора (тобольскаго, А. М. Тургенева) было примѣтно. Но, пострадавший для спасенія рода человѣческаго, Христомъ Спасителемъ нашимъ, вѣдый всѣ сердца и помышленія, чрезъ споспѣшествующихъ Его человѣколюбивой благодати, отъ управления духовными дѣлами какъ его, князя Голицына, такъ и директора сего департамента, генерала Тургенева, вселюбезнѣйшій нашъ государь удалилъ». Рязановъ, еще до рѣшительнаго отвѣта екатеринбургскихъ старообрядцевъ Голицыну, хлопоталъ о дозволеніи кончить начатую постройкой еще въ 1814 г. огромную каменную церковь и перенести въ нее богослуженіе изъ ветхой деревянной, и о дозволеніи имѣть иргизскихъ поповъ. Церковь достроить и служить въ ней дозволилъ, а императоръ Александръ, въ бытность въ Екатеринбургѣ (въ октябрѣ 1824 г.), дозволилъ поставить на ней крестъ. Рязановъ настойчиво хлопоталъ о полахъ и дозволеніи екатеринбургскому старообрядческому обществу пользоваться самостоятельностью, но не имѣлъ успѣха. Въ 1829 году, возвратясь изъ Петербурга, онъ сложилъ съ себя званіе попечителя и старшины. Однако и послѣ того, въ продолженіе девяти лѣтъ, Рязановъ не переставалъ быть руководителемъ и ходатаемъ екатеринбургскихъ старообрядцевъ («Дѣло департам. общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1831 г., № 17). Сотрудникомъ его, вмѣсто умершаго Казанцова, былъ Егоръ Катаевъ, управлявшій Верхъ-Исетскимъ заводомъ гг. Яковлевыхъ. Последнее усліе Рязанова достигнуть столь настойчиво преслѣдуемой имъ цѣли относится къ 1837 году. Онъ, вмѣстѣ съ другими богатыми старообрядцами Екатеринбургскаго края, подалъ главному начальнику горныхъ заводовъ, генералу Глинкѣ, прошеніе о томъ, чтобъ имѣть независимыхъ отъ сархіальнаго вѣдомства священниковъ съ подчиненіемъ ихъ главному начальнику горныхъ заводовъ Уральскаго хребта. Генералъ-лейтенантъ Глинка, представляя просьбу ихъ, присоединилъ и свое ходатайство, написанное въ сильныхъ и энергическихъ выраженіяхъ. Въ мартѣ 1838 года приславъ былъ отказъ, и при этомъ повелѣно было обязать Рязанова и другихъ подписавшихъ прошеніе подписками, чтобъ «они впредь не осмѣливались утруждать начальство подобными ухищренными просьбами». Тогда Рязановъ, вида неудавшимся долговременныя свои ходатайства, обратился къ православію, на условіяхъ единовѣрія. Построенная имъ церковь обращена въ единовѣрческую. Рязановъ умеръ въ Екатеринбургѣ 14 декабря 1849 г.

IX.

Бѣгле попы въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ.

Въ мартѣ 1822 года послѣдовали наконецъ столь долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемыя старообрядцами правила „о понахъ и молитвенныхъ домахъ“. Въ правилахъ этихъ, высочайше утвержденныхъ 26 марта, было сказано:

I. *Касательно бѣглыхъ священниковъ, у раскольниковъ находящихся*: 1) Буде они не сдѣлали никакого уголовного преступленія, о чемъ губернаторы должны сами разыскивать и спрашивать у епархіальныхъ архіереевъ, то оставлять ихъ на мѣстѣ, какъ такихъ людей, кои не дорожатъ. 2) На требованія же епархіальныхъ архіереевъ о высылкѣ таковыхъ священниковъ отвѣчать, что они находятся при своихъ мѣстахъ. 3) Если-жъ бѣглый священникъ появится у раскольниковъ, и объ немъ откроется, что онъ учинилъ побѣгъ отъ своего мѣста по причинѣ содѣланнаго имъ преступленія, то по требованію епархіальныхъ архіереевъ ихъ высылать. 4) Гдѣ у раскольниковъ нѣтъ молитвенныхъ домовъ ни церковей, тамъ не держать ни подъ какимъ видомъ бѣглыхъ священниковъ. 5) Священникамъ, оставленнымъ у раскольниковъ, приказать для порядка вести метрики и представлять о томъ вѣдомости ежегодно гражданскому начальству.

II. *Касательно церковей расколичьихъ*: 1) О тѣхъ, кои давно построены, не входить ни въ какое дальнѣйшее разсмотрѣніе и оставлять ихъ безъ разысканія. 2) Вновь же строить не позволять ни по какому случаю *).

Правила эти, офіціально считавшіяся „секретными“, были разосланы только губернаторамъ, и то черезъ полгода послѣ ихъ утвержденія **). Въ первый разъ они были напечатаны только въ 1858 г., то есть черезъ тридцать лѣтъ послѣ ихъ отбѣны, и когда явились въ печати, то имѣли уже значеніе единственно какъ историческій документъ. Но еще осенью 1822 г. на Рогожскомъ кладбищѣ происходили совѣщанія по поводу новыхъ правилъ, которыя, несмотря на ихъ офіціальную секретность, тотчасъ по утвержденіи находились въ тысячахъ копій у всѣхъ старообрядцевъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ, кромѣ московскаго общества, принимали участіе старообрядцы городовъ Коломны, Егорьевска, Подольска и Вереи, селенія Вохны (Цавловскій посадъ), Гуслицкой волости, и разныхъ селеній Коломенскаго, Бронницкаго, Дмитровскаго, Серпуховскаго, Егорьевскаго, Зарайскаго и Покровскаго

*) «Собраніе постановленій о расколѣ». С.-Петербургъ, 1858 г., стр. 75 и 76. — Н. К. Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», томъ VIII, стр. 101 и 102.

**) Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ 30 сентября 1822 года.

увѣздовъ. Тогда же подобныя совѣщанія происходили въ Ржевѣ, Торжкѣ, Твери, Калугѣ, Тулѣ, Боровскѣ. Что касается до Екатеринбургa, то, по совѣщанію тамошняго общества, Рязановъ и Казанцовъ разослали правила 26 марта старшинамъ всѣхъ старообрядческихъ обществъ Пермской и Tobольской губерній съ тѣмъ, чтобы они составили по каждому селенію именныя списки старообрядцевъ, долженствующихъ быть основою для веденія метричь *). Получивъ затребованные списки, Рязановъ и Казанцовъ, 25 іюня 1823 года, представили ихъ формально въ пермское губернское правленіе, ссылаясь на правила 1822 года и нисколько не подозрѣвая официальнаго секрета. Письма, подобныя екатеринбургскимъ, были разсылаемы и изъ другихъ обществъ. Словомъ, къ концу 1822 года вся поповщина отъ Бессарабіи до Байкала знала о высо-

*) Вотъ одно изъ писемъ къ екатеринбургскимъ старшинамъ, отъ 3 ноября 1823 года: «М. г. Еровей Никитичъ! Какое послѣдовало, по неизреченнымъ судьбамъ и Промыслу Всемогущаго, по высочайшей волѣ предписаніе (т. е. высочайше утвержденныя правила 26 марта 1822 года) отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ къ пермскому гражданскому губернатору, при семъ вамъ прилагаемъ копію, согласно коему получить долженъ и тобольскій губернаторъ. Изъ предписанія сего вы усмотрите, что моленіе, какое производилось во всѣхъ нашихъ молитвенныхъ храмахъ, до сего устроенныхъ, дозволяется производить и впредь безъ всякаго препятствія, а священниковъ, коихъ мы пріемлемъ изъ иргизскихъ монастырей, дозволяется имѣть при всѣхъ тѣхъ молитвенныхъ храмахъ гласно и свободно. Священникамъ снѣмъ не только дозволяется, но и оставляется въ обязанность имѣть о всѣхъ старообрядцахъ метрическія книги и по онымъ доставлять о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ въ губернское правленіе вѣдомости. Слѣдовательно, на основаніи сихъ всемілостивѣйше дарованныхъ намъ установленій, никто уже не долженъ быть изъ старообрядцевъ вѣдомъ по-прежнему приходскимъ священникамъ, но повсемѣстно надлежитъ установить особые старообрядческіе приходы. Почему и просимъ васъ обѣсѣднить о семъ всѣхъ живущихъ по Шадринской округѣ христіанъ, дабы они, съ подученія сего, нимаю не медля, во всякомъ селеніи о состоящихъ въ старообрядчествѣ составили вѣдомости по приложенной при семъ формѣ (форма приложенная та же, каковая употребляется и въ православныхъ церквахъ), и оныя прислали съ избранными изъ главнѣйшихъ селеній двумя или тремя человѣками сюда. Но какъ при таковомъ отчисленіи отъ приходовъ російской церкви могутъ возродиться со стороны приходскихъ священниковъ, вступившихъ въ старообрядчество, притязанія, то, дабы сіе устроить единожды и ко всегдашнему спокойствію, необходимо нужно было бы сочиненныя вами вѣдомости засвидѣтельствовать въ волостныхъ правленіяхъ, при приходскихъ священникахъ, или по крайней мѣрѣ въ одномъ волостномъ правленіи. Гдѣ же именно и въ какихъ мѣстахъ нужно будетъ вамъ по Шадринской учредить приходъ, то-есть пребываніе священника, о семъ просимъ васъ посоветоваться и насъ съ означенными посланными вѣдомить. А дабы все сіе Вседержитель помогъ намъ всемогущею Своею десницею устроить ко всеобщему успокоенію и спасенію, то просимъ васъ соборнѣ молиться и воздавать Искупителю нашему, челоуколюбцу Богу, хвалу и благодареніе, о всемъ святомъ Его благоустроеніи» («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1827 г., № 102).

За это письмо, черезъ 12 днѣй, Рязановъ былъ выдержанъ при полиціи въ теченіе мѣсяца.

чайше утвержденныхъ правилахъ, а между тѣмъ правила эти считались „секретными“. Гласное принятіе священника къ моленной зависѣло не отъ этихъ правилъ, а единственно отъ личнаго взгляда на дѣло начальника губерніи. Такимъ образомъ въ Московской, Тверской, Калужской, Тульской, Саратовской, Могилевской, Черниговской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ тотчасъ же явилось по нѣскольку „дозволенныхъ“ поповъ, а въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ Пермской, и прежде бывшихъ ирпизскихъ поповъ брали подъ стражу и отсылали въ тѣ епархіи, изъ которыхъ они бѣжали.

Правила 1822 года въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчены были недоброжелательно. Въ Лужкахъ *)), напримѣръ, старообрядцы-перемазанцы рѣшительно отказались имѣть у себя гласныхъ поповъ, считая самую подачу метрикъ противною совѣсти зависимостью отъ никоніанцъ. Они образовали особую секту, извѣстную подъ именемъ *Лужковского согласія*, или *тайной церкви*. У нихъ были попы, но держались въ большой тайнѣ. Они отвергали присягу, военную службу и паспорта, видя въ нихъ печать антихриста, избѣгали всякихъ сношеній съ правительственными мѣстами и лицами и вели пропаганду, особенно на Дону. Секта эта была признана особенно вредною, и въ 1845 году, по докладу наказнаго атамана, донскимъ казакамъ даже было запрещено ѣздить въ Лужки **). Сначала лужковская секта была у старообрядцевъ

*) Посадъ Стародубскаго уѣзда, Черниговской губерніи, въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города.

***) «Собраніе постановленій по части раскола». С.-Петербургъ, 1858, стр. 452 и 453. Лужковская секта открылась по случаю отказа одного казака Войска Донскаго отъ присяги на вѣрность службы и отъ подписанія отобраннаго отъ него допроса. Наставникомъ этой секты оказался бѣглый попь въ Лужкахъ. Последователи жили въ четырехъ посадахъ Черниговской губерніи: Лужкахъ, Воронкѣ, Еленкѣ и Гуровичахъ, и распространились въ небольшомъ числѣ въ Землѣ Войска Донскаго и въ Боровскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи. Они, какъ сказано, не принимали бѣглыхъ поповъ, извѣстныхъ правительству, и потому скрывали своихъ отъ мѣстныхъ властей; признавали какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ не своей секты за еретиковъ; избѣгали всякаго съ ними сообщенія; отлучившихся изъ своихъ селеній считали осквернившимися и, по возвращеніи, очищали ихъ молитвою, которую читали надъ ними тайные попы. Считали за грѣхъ носить мундиры, принимать присягу, брать паспорта для отлучекъ и подписывать правительственныя бумаги, относившіяся къ ихъ расколу. Въ моленныхъ своихъ надѣвали одежду, какую носили ихъ предки, отпавшіе отъ церкви во время Никона, и приходившихъ въ другой одеждѣ въ моленную не пускали. Секта эта была первоначально въ общемъ пренебреженіи у раскольниковъ, но когда въ посадахъ Черниговской губерніи не стало дозволенныхъ бѣглыхъ поповъ и приняты строгія мѣры къ преслѣдованію ихъ переѣздовъ, то многіе раскольники другихъ посадовъ начали ѣздить въ Лужки и исправлять тамъ духовныя требы у тайнаго бѣглаго попа. Жители этого посада, особенно отлучаясь унорствомъ въ своихъ заблужденіяхъ, прямо и открыто объявили, что они не имѣютъ ни малѣйшаго желанія присоединиться къ единовѣрію. Посадъ Лужки получилъ

въ пренебреженіи, но когда дозволенныхъ поповъ не стало, многіе обратились въ Лужки, и секта „тайной церкви“ появилась не только на Дону, но и на Волгѣ, и на Уралѣ, и на Камѣ, и на Двѣстрѣ, и на Вугѣ.

Городецкіе старообрядцы не приняли поповъ на основаніи правилъ 1822 года, удерживая за собою полученное ими одними, въ 1803 году, право брать поповъ съ Иргиза безъ всякихъ обязательствъ относительно метрикъ и т. п. На Керженцѣ новыми правилами не воспользовались.

Но, вообще говоря, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ губернаторы дозволили старообрядцамъ воспользоваться снисхожденіемъ правительства, они были довольны своимъ положеніемъ, обзаведясь достаточнымъ количествомъ поповъ и даже дьяконовъ. Такъ, въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, поповъ было девять, дьяконовъ трое. Иргизъ удержалъ право исправлять поповъ, но, несмотря на то, разсылка ихъ по старообрядческимъ общинамъ значительно уменьшилась. Уменьшились черезъ то и доходы иргизскіе.

Недолго однако пользовались старообрядцы данными льготами. Съ 1827 года начинается рядъ постановленій, сначала ограничивавшій, а потомъ и вовсе отмѣнившій права и льготы, полученныя старообрядцами при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Представляемъ краткій перечень этихъ отмѣнъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Мы видѣли, что, согласно правиламъ 26-го марта 1822 года, губернаторы должны были отпирать къ епархіальнымъ архіереямъ, по ихъ требованіямъ, тѣхъ только изъ находящихся у старообрядцевъ бѣглыхъ поповъ, о которыхъ откроется, что они бѣжали отъ церкви *по причинѣ содѣяннаго ими преступленія*. Такъ какъ здѣсь не объяснено, какія именно преступленія въ отношеніи къ бѣглымъ попамъ должно считать уголовными, то многіе губернаторы затруднялись исполненіемъ требованій преосвященныхъ и спрашивали разъясненія министра внутреннихъ дѣлъ. Управляющій министерствомъ В. С. Ланской, незадолго передъ тѣмъ энергически заявившій свою дѣятельность по дѣламъ раскола *),

между раскольниками названіе Новаго Іерусалима. Въ 1845 году, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, бѣглый попь въ Лужкахъ былъ пойманъ и отосланъ къ духовному начальству, молитвенное зданіе ихъ запечатано, вмѣсто него построена деревянная едифовѣрческая церковь и опредѣленъ туда единовѣрческій священникъ (Н. В. Варадинова «Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ», т. VIII, стр. 477 и 478). Теперь въ Лужкахъ старообрядцевъ 5,316 обоего пола, а единовѣрцевъ 37. Священника единовѣрческаго болѣе нѣтъ. По случаю распространенія въ Лужкахъ, Елецкѣ, Воронкѣ и Чуровичахъ лужковской секты, въ 1847 учреждены въ нихъ особые полицеймейстеры, а въ другихъ посадахъ только помощники становыхъ.

*) 1827 года, мая 24, воспрещено бѣглымъ попамъ переѣзжать изъ одного уѣзда въ другой; юлія 5-го воспрещено исправлять починками и возобновлять молитвенные дома раскольниковъ; ноября 11-го постановлено, чтобы раскольническія книги, противныя церкви, по отобраніи ихъ, были отсылаемы къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода. См. «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858, стр. 106 — 112.

укловился отъ рѣшенія возбужденнаго вопроса и передалъ его на обсужденіе святѣйшаго синода, который, послѣ перечисленія разныхъ уголовныхъ преступленій, во мнѣніи своемъ прибавилъ слѣдующее: „Святѣйшій синодъ, какъ мѣсто, которому ввѣрено охраненіе ненарушимости священныхъ правилъ и церковнаго благочинія, не можетъ не признать *самаго побѣга священника* отъ своего мѣста и должности къ раскольникамъ за *преступленіе тяжкое*“ *). По такому разъясненію святѣйшаго синода, каждый бѣглый священникъ, у старообрядцевъ находящійся, былъ преступникъ, котораго, на основаніи правилъ 1822 года, должно было губернатору высылать къ требующему его епархіальному архіерею. На этомъ основаніи должно было бы немедленно взять всѣхъ поповъ, находившихся у старообрядцевъ. Но въ то же время состоялось относительно этого предмета особое высочайшее повелѣніе, вошедшее впослѣдствіи и въ сводъ законовъ. Московскій генераль-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ вѣдомость о дозволенныхъ полахъ Рогожскаго кладбища, а Ланской представилъ ее государю. Покойный императоръ, разсмотрѣвъ эту вѣдомость, повелѣлъ увѣдомить князя Голицына, чтобъ онъ „нынѣ находящихся (поповъ) оставилъ въ покоѣ, но новыхъ не позволялъ отнюдь принимать“ **). Наконецъ, въ январѣ 1832 года, представлена была графомъ Д. Н. Блудовымъ, бывшимъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, записка, въ которой было сказано, что дальнѣйшее оставленіе бѣглыхъ поповъ у раскольниковъ не соотвѣтствуетъ ни достоинству господствующей православной церкви, ни гражданскому устройству, но какъ таковое снисхожденіе, по необходимости правительствомъ допущенное, уже обратилось, по секретнымъ правиламъ 1822 года, въ постановленіе и руководство для гражданскихъ начальствъ, то и не можно приступить къ общимъ распоряженіямъ по сему предмету, а въ частныхъ случаяхъ полезно дѣлать распоряженія, чтобы вновь не появились у раскольниковъ бѣглые попы“. По обсужденіи записки, постановлено: „для постепеннаго установленія порядка, свойственнаго благоустроенному государству, принять къ руководству по гражданской части правиломъ: когда дойдетъ до свѣдѣнія правительства о вновь бѣжавшемъ къ раскольникамъ попѣ, то такового возвращать въ епархію, въ распоряженіе епархіальнаго архіерея, какъ то уже и дѣлалось, а со временемъ распространить и на всѣ губерніи послѣдовавшее высочайшее повелѣніе для С.-Петербурга, Москвы и Пермской губерніи, чтобы вновь не позволять появляться бѣглымъ попамъ у раскольниковъ, но прежнихъ оставить въ покоѣ, какъ давно живущихъ на мѣстахъ“ ***).

Вслѣдствіе этого распоряженія находившіеся у старообрядцевъ попы

*) «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1860 г., т. II, стр. 199 — 203.

***) «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858 г., стр. 111.

***) Тамъ же, стр. 131 — 134.

были одинъ за другимъ вызываемы гражданскимъ начальствомъ къ епархіальнымъ архіереямъ, и въ пять лѣтъ (до 1837 г.) было взято у старообрядцевъ и отправлено къ преосвященнымъ болѣе пятидесяти бѣглыхъ поповъ. Большая часть дѣлъ о нихъ, подавшихъ поводъ къ требованію ихъ высылки, возникла по случаю крещеній и браковъ, совершенныхъ ими надъ такими лицами, которыя хотя и состояли въ старообрядствѣ, но въ приходскихъ книгахъ были записаны православными *). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ высылка старообрядческихъ поповъ была производима уже съ такимъ усердіемъ, что графъ Блудовъ счелъ нужнымъ поставить нѣкоторыя границы распоряженіямъ губернскихъ начальствъ относительно этого предмета. Такъ, въ 1834 году, по поводу распоряженій пермскаго губернатора Тюфяева, который въ дѣлѣ истребленія раскола постоянно отличался чрезвычайною ревностью, графъ Блудовъ вынужденъ былъ разослать ко всѣмъ губернаторамъ особыя предписанія о томъ, какъ должны они поступать, получивъ отъ епархіальныхъ архіереевъ отношеніе о вновь бѣжавшемъ къ раскольникамъ попѣ. Губернаторамъ предписывалось, отыскавъ попа и учредивъ за нимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится, секретный полицейскій надъ зорь, предварительно доносить министерству внутреннихъ дѣлъ, не дѣлая никакихъ распоряженій и, до разрѣшенія, не давая никакого отзыва архіерею **). На основаніи этого распоряженія изъ Черниговской губерніи въ 1837 году было получено донесеніе о *тридцати попахъ*, находящихся въ Стародубѣ, высылки которыхъ настоятельно требовали преосвященные разныхъ епархій. Изъ нихъ графомъ Блудовымъ признаны были подлежащими высылкѣ только три попа и одинъ дьяконъ, что и было утверждено покойнымъ императоромъ ***).

Поповъ, взятыхъ у старообрядцевъ, — конечно, не всѣхъ, но довольно многихъ, — по суду лишали сана и исключали изъ духовнаго званія. Естественно, что такое наказаніе, справедливое съ точки зрѣнія господствующей церкви, не считалось правильнымъ и дѣйствительнымъ старообрядцами. Поповъ, лишенныхъ такимъ образомъ сана, они считали мучениками, пострадавшими за истину и за ревность къ „древлему благочестію“, и если такому разстриженному попу удавалось снова найти себѣ пріютъ у старообрядцевъ, онъ совершалъ всѣ требы попрежнему и

*) Указаніе этихъ дѣлъ находится у Н. В. Варадинова въ «Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ», VIII, стр. 300 — 301.

**) «Собраніе постановленій по части раскола». Сиб. 1858 г., стр. 171. Подтверждено 12 апрѣля того же года. Тамъ же, стр. 179.

***) Попъ Евдокимъ Смирновъ — какъ вновь появившійся, дьяконъ Петровъ и іеромонахи Елифаній и Викторъ — на томъ основаніи, что правила касались только бѣглыхъ священниковъ, а не дьяконовъ и не монаховъ. «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858 года, стр. 253 и 254. Распоряженіе о томъ, чтобы всѣхъ дьяконовъ, находящихся у старообрядцевъ, выслать къ епархіальнымъ архіереямъ, было сдѣлано еще прежде — 11-го марта 1836 года. Тамъ же, стр. 210.

пользовался еще бѣльшимъ, чѣмъ прежде, почетомъ и уваженіемъ. Такой случай открылся въ Екатеринбургѣ въ 1835 году. Находившійся въ Шарташскомъ селеніи бѣглый попъ Иванъ Грузинскій былъ лишенъ сана и записанъ въ тульскіе мѣщане. Пріѣхавъ въ Екатеринбургъ, подъ предлогомъ продажи принадлежавшаго ему въ Шарташѣ дома и другого имущества, онъ продолжалъ совершать требы. Это дошло до свѣдѣній правительства, и тогда было принято за правило, чтобы съ каждымъ бѣглымъ попомъ, лишеннымъ сана, поступаемо было такъ, какъ определено въ „Сводѣ законовъ“ о состояніяхъ относительно лишенныхъ монашества; на этомъ основаніи такому разстриженному священнику не дозволялось проживать, а тѣмъ менѣе приписываться къ городскимъ или сельскимъ обществамъ той губерніи, гдѣ онъ былъ священникомъ, и той, въ которой онъ находился у раскольниковъ, равно какъ и въ обихѣ столицахъ. Съ такихъ разстригъ велѣно было брать подински въ выполнении ими сего правила, подъ опасеніемъ за нарушеніе его быть отосланнымъ въ Закавказскія провинціи на всегдашнее пребываніе *). Но это мало дѣйствовало и на раскольниковъ и на бѣглыхъ поповъ. По причинѣ крайняго недостатка въ священствѣ, старообрядцы не переставали тайно содержать разстригъ и даже стали брать къ себѣ для совершенія духовныхъ требъ поповъ, разстриженныхъ не за уклоненіе въ расколь, а за разные проступки. Оттого впоследствии велѣно было всѣхъ лишенныхъ сана священниковъ заключать въ монастырь **).

Самымъ важнымъ, по своимъ послѣдствіямъ, распоряженіемъ правительства тридцатыхъ годовъ было уничтоженіе иргизскихъ монастырей и обращеніе ихъ въ единовѣрческіе. Доселѣ Иргизъ еще сохранялъ то значеніе, которое пріобрѣлъ онъ на старообрядческомъ соборѣ 1783 года. Онъ попрежнему пользовался у старообрядцевъ внутренней и восточной Россіи исключительнымъ правомъ принимать подъ исправу поповъ, приходившихъ отъ господствующей церкви въ какое бы то ни было старообрядческое общество. Въ 1834 году, когда еще не всѣ иргизскіе монастыри были закрыты, саратовскій губернаторъ донесъ, что на Иргизѣ, несмотря на воспрещеніе 1832 года, приняли трехъ поповъ и одного изъ нихъ уже отправили къ старообрядцамъ села Поима, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, и что исправу поповъ и разсылка ихъ попрежнему дѣлается исключительно на одномъ Иргизѣ. Поэтому въ 1836 году признано было необходимымъ: „принять мѣры къ прекращенію такой исправы бѣглыхъ поповъ, сколь постыдной для нихъ, столь же прискорбной для православной церкви, и предписать саратовскому губернатору обязать настоятелей иргизскихъ монастырей подинсками впредь не принимать въ сіи монастыри на исправу бѣглыхъ поповъ, такъ какъ сіе противно и церковнымъ и гражданскимъ законамъ, съ

*) Тамъ же, стр. 186 и 187.

***) Въ октябрѣ 1849 года. «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода». Спб. 1860 г. Томъ II, стр. 475—480.

тѣмъ, что ежели кто осмѣлится сдѣлать такую исправу, то допустившіе сіе настоятели, а равно совершившіе и принявшіе оную поны будутъ преданы суду, какъ распространители ереси“ *). Это распоряженіе сильно поколебало Иргизъ: оно лишило его громаднаго дотолѣ вліянія на все старообрядство. Вскорѣ послѣдовало и совершенное паденіе Иргиза; монастыри его были обращены въ единовѣрческіе.

Въ то время, когда гражданскимъ правительствомъ принимаемы были исчисленныя мѣры противъ бѣглыхъ поповъ, духовное начальство въ предѣлахъ своего вѣдомства предиринимало иныя мѣры для предупрежденія самыхъ побѣговъ священниковъ къ старообрядцамъ. Главнѣйшею причиною уклоненія сельскихъ священниковъ въ расколъ была бѣдность ихъ и неразвитость. Вполнѣ и безвыѣдно зависимые въ матеріальныхъ средствахъ отъ прихожанъ, православные сельскіе священники всю жизнь свою боролись съ нуждою и всякими лишеніями и, за весьма малыми исключеніями, оставались почти нищими. Безотрадно смотрѣли они на дѣтей своихъ, зная, что и имъ и внукамъ ихъ предстоитъ та же участь, наслѣдованная отъ отцовъ и дѣдовъ. По жалкой обстановкѣ своей жизни, рѣдкіе изъ священниковъ могли внушить къ себѣ уваженіе прихожанамъ. Но эта грустная истина слишкомъ извѣстна, чтобъ о ней распространяться.

Переходъ въ расколъ всегда сузилъ круглому бѣдняку если не богатство, то ужъ непремѣнно вполнѣ обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи содержаніе и надежду, что дѣти его не останутся безъ куска хлѣба и не будутъ всю жизнь свою нищенствовать. Тульскій епископъ въ 1836 году, не обинуясь, допосилъ святѣйшему синоду, что священники уклоняются въ расколъ по причинѣ своей необразованности и скуднаго содержанія при бѣдныхъ приходахъ; а калужскій, изъ епархіи котораго въ десять лѣтъ бѣжало двадцать священниковъ, такъ объяснялъ причину этого прискорбнаго явленія: „Старообрядцы, — говорилъ онъ: — знакомые съ священниками, разными способами стараются войти къ нимъ въ довѣренность и затѣмъ прельщаютъ ихъ, описывая ихъ сельскую жизнь, скучную и бѣдную, и совѣтуя имъ перейти къ нимъ, обѣщая спокойное и безотчетное пребываніе и во всемъ избытокъ. Священники, особенно тѣ, которые знаютъ за собой пороки, или опасаются доносовъ и преслѣдованій со стороны мѣстнаго и высшаго начальствъ, иныя же по вдовству и неимѣнію дѣтей, а другіе наконецъ отъ обремененія семействомъ, за лучшее для себя почитаютъ удалиться къ раскольникамъ и дѣйствительно уѣзжаютъ къ нимъ. Между тѣмъ семейства ихъ остаются въ епархіи, и дѣти, обучаясь въ семинаріяхъ, при пособіяхъ, присылаемыхъ имъ отцами изъ раскольническихъ слободъ, оканчиваютъ се-

*) «Собраніе постановленій по части раскола». Сиб. 1858 г., стр. 199 и 200. «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1836 г., № 12. Н. В. Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», VII, 303.

минарскій куретъ наукъ и занимають священническія мѣста, и нерѣдко случалось, что бѣжавшіе къ раскольникамъ священники съ богатымъ приданымъ и значительною суммою денегъ выдавали дочерей своихъ за лучшихъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи и за учителей, поступившихъ въ священники. Есть примѣры, что нѣкоторые изъ священниковъ, находящихся въ расколѣ, вызывали туда же, къ раскольникамъ, отецъ сына, тещъ зятя, и самые таковые въ расколъ бѣжавшіе священники записываются, какъ извѣстно, въ мѣщанскія общества“*). Прямымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ отвращенію подобныхъ случаевъ уклоненія священниковъ въ расколъ, конечно, было бы улучшеніе положенія ихъ хоть до такой степени, чтобы предложенія старообрядцевъ не могли быть для нихъ соблазнительными. Приняты были однако иныя мѣры. Святѣйшій синодъ, по обсужденіи донесенія калужскаго преосвященнаго, постановилъ: 1) объявить всѣмъ ученикамъ семинарій и прочимъ лицамъ, намѣревающимся поступить на священнослужительскія должности, чтобъ они не вступали въ бракъ съ дочерьми бѣжавшихъ къ раскольникамъ священнослужителей, подъ опасеніемъ оставленія въ званіи причетника, пока не загладятъ своего поступка и не докажутъ благонадежности къ священству, 2) предписать благочиннымъ, подъ страхомъ отвѣтственности предъ начальствомъ, наблюдать за подвѣдомственными священнослужителями въ отношеніи къ образу мыслей ихъ о православной церкви и доносить епископу о подозрительныхъ, а епископу вызывать такихъ въ архіерейскій домъ, отбирать грамоту на санъ и возвращать по удостовѣреніи въ благонадежности, 3) преосвященнымъ вмѣнить въ обязанность, при выдачѣ священнослужителямъ паспортовъ на отлучки въ другую епархію, и отъ состоящихъ подъ судомъ и сомнительныхъ въ образѣ мыслей и поведеніи, отбирать грамоты до возвращенія изъ отпуска **). Нельзя сказать, чтобъ эти распоряженія достигли цѣли и уменьшили число бѣглыхъ священниковъ, уходящихъ къ старообрядцамъ; по крайней мѣрѣ мы не замѣчаемъ, чтобы значительно уменьшилась цифра ежегодныхъ случаевъ этого рода послѣ изданія приведенныхъ правилъ. Что же касается до прекращенія возможности ученикамъ семинарій жениться на дочеряхъ бѣглыхъ поповъ, то богатая невѣсты находили жениховъ лучше ихъ. Такъ, дочь одного рогожскаго попа (Петра Ермиловича Русанова) вышла замужъ за штабъ-капитана, а дочь другого (Ивана Матвѣевича Ястребова), съ стотысячнымъ приданымъ, за человѣка весьма значительнаго въ своемъ кругу. Сыновья бѣглыхъ поповъ перестали учиться въ семинаріяхъ, зато дѣлались заки-

*) Донесеніе калужскаго преосвященнаго въ «Собраніи постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». Спб. 1860, т. II, стр. 305—306. Н. В. Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», т. VIII, стр. 304.

**) Н. В. Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», т. VIII, стр. 304.

точными членами городских обществъ; такъ, сынъ дозволеннаго ржевскаго попа Василя Смирнова (умершій въ 1857) былъ однимъ изъ значительныхъ купцовъ города Твери и жилъ совершенно по-свѣтски, а два сына дозволеннаго же тульскаго попа Павла, оставаясь въ православіи, получили отъ него большой домъ, множество разныхъ вещей и весьма значительный капиталъ. Старообрядцы зазирали пона Павла, говорили, что по 31 и 92 правиламъ Кароагенскаго помѣстнаго собора *) онъ, за предоставленіе наслѣдства и приобрѣтеннаго отъ священнослуженія имѣнія сыновьямъ своимъ никоніанамъ, подлѣжитъ проклятію. Но чувство отца пересилило въ Павлѣ обязанности раскольникяго попа; онъ пребрегъ укорами и даже произнесеннымъ надъ ними лѣтъ пять тому назадъ старообрядческимъ архіепископомъ Антоніемъ съ соборомъ отлученіемъ, анаемой и проклятіемъ. Онъ служить и до сихъ поръ въ Тулѣ, имѣетъ много прихожанъ и, признавъ-было въ 1847 году законность бѣлокриницкой іерархіи, теперь провозглашаетъ ея незаконность. Это единственный теперь дозволенный поппъ во всей Россіи, послѣдній изъ поповъ 1822 года.

Въ 1835 году по духовному вѣдомству принята была еще новая мѣра для уменьшенія числа старообрядческихъ поповъ — мѣра, совершенно другого характера, чѣмъ послѣдовавшая по донесенію калужскаго епископа. По случаю добровольнаго обращенія въ православіе одного иргизскаго попа, Виноградова, велѣно было простить его, и объ этомъ предписано было губернаторамъ объявить чрезъ довѣренныхъ лицъ въсѣмъ старообрядческимъ попамъ, не изъявлять ли и они готовности предстать предъ своимъ начальствомъ съ раскаяніемъ, подобно Виноградову **). Въ Москвѣ самъ митрополитъ принялъ на себя «сдѣлать такое внушеніе попамъ Рогожскаго кладбища ***). Дѣйствительно, послѣдовали обращенія къ православію, но они не были многочисленны: только одинъ поппъ и одинъ дьяконъ, жившіе у старообрядцевъ Саратовской губерніи, явились къ мѣстному архіерею. Они были прощены ****).

*) Правило 31: Епископы и состоящіе въ клирѣ не уевопвають ничего тѣмъ, кои не суть православные христіане, хотя бы то были сродники, ничего изъ своихъ вещей, какъ речено, да не упрочиваютъ таковымъ посредствомъ дара епископы и состоящіе въ клирѣ. — Правило 92: Аще который епископъ еретиковъ или язычниковъ, сродниковъ или непринадлежащихъ къ сродству, оставитъ наслѣдниками своимъ и предпочтетъ ихъ церкви, таковому и по смерти да будетъ изречена анаема, и его имя никогда отъ іересей Божіихъ да не возносится. Да не можетъ быть ему въ оправданіе и то, аще безъ завѣщанія отидеть; понеже, бывъ поставленъ епископомъ, по приличію долженъ былъ учинити назначеніе своего имущества, сообразное своему званію. «Кормчая». Изданіе 1843 года, стр. 181 и 204.

**) «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858, стр. 175—176.

***) «Журналъ московскаго комитета о раскольникахъ», 10 мая 1835 г., статья 5.

****) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода». Спб. 1860, т. II, стр. 302—303.

Строгія мѣры относительно бѣглыхъ поповъ произвели такъ-называемое «оскуднѣніе священства». Поповъ, дозволенныхъ правилами 1822 года и оставленныхъ до смерти при своихъ мѣстахъ, оказалось крайне недостаточно для пяти милліоновъ поповщины, разсѣянной отъ Хотина до Байкала и отъ Петербурга до Ленкорани, тѣмъ болѣе, что имъ строго запрещено было, какъ мы уже видѣли, переѣзжать не только изъ губерніи въ губернію, но даже изъ одного уѣзда въ другой. Правда, много было и теперь у старообрядцевъ бѣглыхъ поповъ, содержимыхъ втайнѣ и переѣзжавшихъ изъ мѣста на мѣсто для совершенія требъ, поповъ, которые стали извѣстны подъ именемъ *проѣзжающихъ священниковъ*. Но положеніе такихъ бродячихъ поповъ было крайне для нихъ тягостно. Находясь подъ денно-нощнымъ страхомъ ареста и суда, они постоянно были въ тревожномъ состояніи духа, которое старались хоть сколько-нибудь заглушить водкой. Пьяныхъ съ утра до ночи перевозили ихъ въ коробахъ, подъ рогожками, укрывали въ подпольяхъ; но, несмотря на такія предосторожности, попы все-таки нерѣдко попадали въ руки полиціи. Отсюда произошла небрежность при совершеніи требъ, постоянно соблазнявшая истыхъ ревнителей „древляго благочестія“. По отзыву самихъ старообрядцевъ, невозможно было имѣть трезваго и благоговѣйнаго священника. Такіе попы, дѣйствительно недостойные своего высокаго призванія, находились въ полной зависимости отъ мірянъ: отъ старшинъ старообрядческихъ обществъ, отъ попечителей часовень. Безъ ихъ позволенія они не смѣли исправить ни одной требы, не могли отслужить ни одной службы. вмѣстѣ съ тѣмъ, они принуждены были исполнять всевозможныя приказанія своихъ „хозяевъ“, въ такомъ даже случаѣ, если и сами видѣли, что отъ нихъ требуется незаконное. Такимъ образомъ вѣнчаемы были браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства, въ малолѣтствѣ и т. п. Особенно много было совершено бѣглыми попами браковъ въ малолѣтствѣ. Извѣстно, что до царствованія императора Николая у насъ дѣйствовалъ византійскій законъ, внесенный въ Кормчую, по которому вступать въ бракъ можно было мужчинамъ 14, а женщинамъ 12 лѣтъ. Императоръ Николай для отвращенія многихъ бѣдственныхъ случаевъ, бывавшихъ вѣдствіе такихъ раннихъ браковъ, заключаемыхъ между дѣтьми, повелѣлъ не вѣнчать мужчинъ ранѣе восемнадцатилѣтняго, а женщинъ ранѣе шестнадцатилѣтняго возраста. Этотъ *новый* законъ старообрядцы не считали для себя обязательнымъ, считали его даже нарушеніемъ священныхъ правилъ. Бѣглые попы вѣнчали по-византійски, и оттого возникали русскія слѣдственные дѣла. Мало того, нерѣдко бывали случаи, что, по приказу старшинъ, браки между старообрядцами расторгались, и попъ вѣнчалъ бывшихъ супруговъ съ другими. Это особенно случалось, когда та или другая сторона обращалась въ православіе *).

* Изъ *дѣла* о инокѣ Варлаамѣ (Василѣ Перепелкинѣ), произведеннаго въ 1847—1849 годахъ, видно, что православный мѣщанинъ Пестрь

телей на поповъ, дозволенныхъ правилами 1822 года, было еще не такъ велико; зато бѣглецы попы, тайно у нихъ жившіе, были совершенными ихъ рабами. Старшины, какъ невольниковъ, покупали поповъ на Иргизѣ, покупали ихъ навсегда или на время, смотря по условію, и торговали ихъ профессіей, собирая деньги съ исправлявшихъ духовныя требы. Явился особый родъ промышленниковъ, которые торговали „проѣжающими“ попами. Сменявъ попа и исправивъ его на Иргизѣ, или въ Стародубскихъ слободахъ, или даже у другого „проѣжающаго“, они возили *своего* попа изъ одной старообрядческой мѣстности въ другую и наживали хорошія деньги. Изъ такихъ промышленниковъ особенно замѣча-

Сунгуровскій, женатый на старообрядкѣ, дочери варнавинскаго купца Осокина, и вѣнчанный въ православной церкви, былъ разведенъ Варлаамомъ, а жена его потомъ въ посадь Дубовкѣ (Саратовской губерніи) была обвѣнчана съ другимъ (дѣло въ архивѣ Семіновскаго уезднаго суда). Такихъ примѣровъ много. У попа Рогожскаго кладбища, Петра Ермилова Русанова, была дочь Манеева (а не Макара, какъ она названа въ «Разсказѣ о Рогожскомъ кладбищѣ», помѣщенномъ въ «Сборникѣ изъ исторіи старообрядчества» Н. П. Попова, стр. 145). Овдовѣвъ не больше какъ черезъ недѣлю по водвореніи въ Рогожскомъ, попь Русановъ воспиталъ дочь при себѣ и, когда она выросла, сосваталъ ее за одного штабсъ-капитана, бывшаго впоследствии въ одномъ изъ городовъ Вологодской губерніи непремѣннымъ засѣдателемъ земскаго суда. Кладбищенскіе старшины и вообще всѣ вліятельные люди Рогожскаго общества подняли сильный ропотъ, какъ можетъ старообрядческій священникъ выдавать дочь за никонаианина, да еще за благороднаго, значить, за бритаго, и, призвавъ пона на совѣтъ, уговаривали его отказать жениху. Петръ Ермиловичъ, подходя къ каждому тутъ бывшему, говорилъ: «хорошо, будетъ по-твоему: откажу жениху; только и ты сдѣлай по-моему: женись на Манеевѣ». Изъ бывшихъ на совѣщаніи кладбищенскихъ тузовъ, миллионеровъ, людей, конечно, большею частью пожилыхъ и женатыхъ, не нашлось жениховъ для Манеи Петровны. Петръ Ермиловичъ, обругавъ почтенное собраніе дураками и скотами необузданными (любимое выраженіе покойника), не простясь ушелъ изъ собранія и дочь выдалъ за штабсъ-капитана. Этотъ бракъ очень соблазнялъ всѣхъ кладбищенскихъ, и особенно духовныхъ дѣтей Петра Ермиловича. Стали они уговаривать его и давать много денегъ (а онъ былъ очень корыстолюбивъ), чтобъ онъ какъ-нибудь *поправилъ дѣло*. Петръ Ермиловичъ поправилъ, разстроивъ супружество дочери. Манея Петровна въ 1835 году уѣхала отъ мужа къ отцу, забравъ все приданое, и на Рогожскомъ обратилась къ старообрядству. Самъ отецъ расторгъ ея бракъ, прочитавъ надъ ней какую-то молитву въ часовнѣ. Манея Петровна жила то у него на Рогожскомъ, гдѣ пользовалась большимъ почетомъ, то въ Москвѣ на квартирѣ. Напрасно мужъ требовалъ у попа жены своей... («Дѣло канцеляріи московскаго военнаго генераль-губернатора», 12 іюня 1839, № 73). Свадьбы несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ законнаго возраста для вступленія въ бракъ, вѣнчались были проѣжающими попами во множествѣ; подобныя свадьбы бывали и тамъ, гдѣ были дозволенные попы и велись метрики. Объ этомъ возникало много дѣлъ. Были и такіе примѣры, что, и не бывъ вѣнчаны, многіе сказывались обвѣнчанными. Изъ многихъ случаевъ приведу одинъ, бывший въ Москвѣ. Въ 1842 году сорокапятилѣтній крестьянинъ деревни Городка (Вогородскаго уѣзда), Савелій Андреевъ, вступилъ на 14-лѣтней дѣвочкѣ, Афимьѣ

теленъ былъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ московскій мѣщанинъ, уроженецъ Боровскаго уѣзда, содержавшій въ Рогожской части, въ Вороньемъ переулкѣ, постоялый дворъ, Степанъ Трифоновичъ Жировъ. Про него даже ходили между старообрядцами слухи, будто онъ одного возимаго имъ попа Егора, польстившись на накопленные имъ деньги, утопилъ въ какой-то рѣкѣ. Этотъ слухъ не помѣшалъ однако ему сдѣлаться *первымъ* русскимъ старообрядческимъ архіеремъ. Это Софроній, епископъ симбирскій, лишенный впоследствии епархіи, теперь находящійся подъ запрещеніемъ и оставшійся въ 1863 году на сторонѣ Кирилла бѣлокриницкаго, отвергнутаго московскимъ обществомъ старообрядцевъ.

„Оскуднѣніе священства“ до того довело старообрядцевъ, что у нихъ зачастую стали появляться такъ-называемые «*сумлѣнные*» попы. Бывали случаи, и бывали нерѣдко, что какой-нибудь бѣглый солдатъ или другой обманщикъ, добывъ настоящую или фальшивую ставленную грамоту, сказывался попомъ и исполнялъ духовныя требы у легковѣрныхъ старообрядцевъ, жившихъ въ какой-нибудь глуши. Бѣглые дьяконы зачастую надѣвали священническія ризы и совершали священнодѣйствія, которыхъ не въ правѣ были совершать; монахи, не имѣвшіе рукоположенія, крестили, исповѣдывали, приобщали и даже вѣнчали браки. Все оправдывалось словами: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“. Но множество старообрядцевъ чувствовало и открыто говорило, что безчинство ихъ священнослужителей смущаетъ ихъ совѣсть.

Большинство бѣглыхъ поповъ не отличалось хорошею жизнью. Въ винѣ хотѣли они утопить и испытываемыя ими тревоги и ежеминутное опасеніе бѣтъ пойманнымъ, а можетъ-быть, и просыпавшуюся по временамъ совѣсть, напоминавшую имъ отступничество отъ церкви и торговлю святыней. Почти всеѣ попы у старообрядцевъ были вдовы, и рѣдкіе изъ нихъ подавали духовнымъ дѣтямъ своимъ примѣръ цѣло-

---

Денясовой, православной, которую однако мать ея водила на исповѣдь на Рогожское. Юня 8, въ самый Духовъ день, женихъ съ невѣстой поѣхали въ Москву, но рогожскій попъ почему-то ихъ не обвѣнчалъ, хотя женихъ и имѣлъ у себя свидѣтельство изъ волостного правленія. На возвратномъ пути женихъ уговорилъ невѣсту сказать въ деревнѣ, что они вѣнчаны. Такъ и сдѣлали. Афимья родила сына, котораго крестили и черезъ пять мѣсяцевъ схоронили на Рогожскомъ. Вскорѣ послѣ этого Андреевъ собрался на житье въ Москву, но молоденькая сожительница его, наскучивъ старымъ мужемъ, объявила, что она ему не жена, и притомъ, что она православная. Андреева выдержали въ тюрьмѣ три мѣсяца, а Афимью, какъ малолѣтнюю, отдали на рѣшеніе совѣстнаго суда; мать же ея, за соvrращеніе дочери въ расколъ, лишили всеѣхъ правъ состоянія и сослали въ Закавказскій край («Дѣло московской уголовной палаты» сентября 19-го 1845 года, по описи № 29). Мы могли бы наполнить сотни страницъ рассказами о подобныхъ случаяхъ, заимствуя ихъ изъ дѣлъ, выписки изъ которыхъ находятся у насъ подъ руками, но считаемъ это совершенно излишнимъ.

мудрія *). Удержатъ поповъ отъ неприличной жизни, обличить ихъ, наказатъ и, въ случаѣ неисправимости, судить—было некому. Это дѣло епископа и притомъ, на точномъ основаніи каноническаго права, судъ надъ священникомъ принадлежитъ не одному, а семи епископамъ, ибо по 12 и 29 правиламъ Кароагенскаго помѣстнаго собора: „пресвитера судятъ шесть епископовъ и свой“. Одно могли сдѣлать старшины и попечители съ безнравственнымъ попомъ—прогнать его. Но это было не-

*) Въ дѣлахъ сохранилось множество примѣровъ зазорной жизни старообрядческихъ бѣглыхъ поповъ. Сергій Иргизскій («Зерцало для старообрядцевъ», прибавл. къ 1 книгѣ, стр. 78 и 79) рассказываетъ о попѣ, бывшемъ въ Москвѣ и находившемся шесть лѣтъ въ связи съ дѣвушкой, которую выдавалъ за родную сестру; когда же прихотале стали укорять его за это, онъ донесъ начальству, что на Рогожскомъ варили миро, ушелъ на Вѣтку, потомъ на Иргизъ и тамъ священнодѣйствовалъ. «На Иргизѣ,—нищеть уставщикъ и ризничій тамошняго Нижневоскресенскаго монастыря, Платонъ:—къ бѣглымъ попамъ имѣлъ невозбранный входъ женскій полъ; такое же гостепріимство было и у монашествующихъ: они не зазорно принимали каждый свою гостью; женщины даже донускались ночевать въ ихъ кельяхъ, и для того всѣ изъ своей кельи имѣли сквозь монастырскую ограду калитку и оными выходили безъ вѣдома начальствующихъ» («Православный Собесѣдникъ» 1857 г., стр. 552). Пользовавшійся большою извѣстностью въ Москвѣ и на Кержендѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ бѣглый іеромонахъ Иларій (умершій въ 1848 г. холерой) въ Комаровскомъ скиту, въ обители Игнатъевой, открыто имѣлъ любовницу Авдотью Константинову, сестру игуменъ обители Игнатъевыхъ Александры; онъ постригъ ее въ монашество подъ именемъ Елизаветы и имѣлъ отъ нея двухъ дочерей: Клавдію и Александру («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 1848 г., № 94). Въ другой женской обители Комаровскаго скита, Манеиной, жилъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ черный попъ отецъ Евимій. Ходить за нимъ, т.-е. убирать его комнату, платье и проч., назначалась обыкновенно молоденькая послушница, и онъ нерѣдко мѣнялъ одну за другую. Было изъ кого выбрать. Кромѣ того, у него внѣ обители жила еще любовница, романовская мѣщанка Наталья Вароломеева, которая послѣ взята отца Евиміа, сосланаго въ Саратовскую пустынь, сохранила оставленный ей симъ іеромонахомъ сувениръ: кадило и епитрахиль (въ томъ же дѣлѣ). Въ 1839 году, въ Москвѣ, производилось дѣло по жалобѣ мѣщанки, вдовы Афіимы Поликарповой Шишеевой, на рогожскихъ попечителей, отнявшихъ у нея, при помощи и личномъ участіи чиновниковъ полиціи, разное имущество и 5.000 р. денегъ изъ дома, принадлежащаго ей и находившагося въ оградѣ Рогожскаго кладбища. Шишеева указывала на разныя злоупотребленія и объясняла расхищеніе ея имущества тѣмъ, что попу, Ивану Матѣевичу Ястребову, хотѣлось вырчить находившуюся у Шишеевой перенеску его съ оставленною уже имъ любовницею его, Елизаветою Авксентьевой, замѣненною другою, Анною Федоровой. Въ дѣлѣ есть копія съ письма покинутой Елизаветы къ попу. Вотъ оно: «Здравствуй! Любезному моему Ивану Матѣевичу. Забыли, какъ меня любили, а нынѣ забыли. Я была молода, согласилася съ тобою—ты хотѣлъ вѣчно любить. Вамъ какая я пришла? Честь свою нарушила, отъ тебя затяжелѣла и, страха ради, ушла замужъ. Грѣхъ вамъ будетъ меня забыть! Какъ вы меня обещали разными ласками: «Лизавета Авксентьевна, когда ты придешь ко мнѣ—только и ра-

безопасно. Бывали примѣры подобныхъ изгнаній, о нихъ свидѣтельствуя архивныя дѣла. Но эти изгнанія всегда почти дорого обходились не только изгонявшему безпутнаго попа попечителямъ, но и дѣльмъ общинамъ. Озлобленный попь, изъ мщенія, доносилъ въ такомъ случаѣ гражданскому или духовному начальству, прибавляя къ дѣйствительному, конечно, и свои вымыслы. Начинались слѣдствія; попечителей или другихъ вліятельныхъ членовъ общества предавали суду. Иногда терпѣла и цѣлая община: напримѣръ, въ случаѣ запечатанія часовни, если по доносу попа, что она противозаконно была поправлена, оказывалось при производствѣ формальнаго слѣдствія, что дѣйствительно въ ней были недавнія починки. Съ другой стороны, „оскуднѣе священства“ было такъ велико и такъ ощутительно, что старообрядцы волей-неволей принуждены были терпѣть поповъ, каковы бы они ни были; мало того, они вынуждены были дорожить ими. И чѣмъ меньше

дости!» Вы меня загубили передъ Богомъ и передъ мужемъ, вы любите Анну Федоровну и покоите ее, а она съ стрикулистами таскается и тобою похвается, твой капоть на левантии продала знакомымъ моимъ и говоритъ: «я не хочу посить». А хорошіе люди за вами зазираютъ. Бывало, вы какъ въ письмахъ писали ко мнѣ и заочно меня цѣловали полдюжины, аки лично, а нынче забыли. Вспомни обо мнѣ, мой любезный. Извините меня, что я такъ нехорошо написала: я съ тѣхъ поръ не писывала, какъ къ тебѣ. Заочно кланяюсь вамъ. Елизавета Авксентьева. Эта записка, написанная гдѣ 16 передъ тѣмъ, то-есть въ 1823 или 1824 году, надѣлала большихъ хлопотъ цѣлому Рогожскому кладбищу, а не меньше того и полиціи. При производствѣ слѣдствія, задаренная съ одной стороны Авксентьева отреклась и отъ письма и отъ бывшей связи съ попомъ; мужъ ея и разныя лица подъ присягой показали, что она и грамотѣ не знаетъ. Анну Федорову даже не спросили; отъ попа письменно потребовали объясненія; онъ отрекся. Очной же ставки съ Шишевой полиція ему не дала, оправдываясь вполслѣдствіи тѣмъ, что попь *пользуется уваженіемъ старообрядцевъ*. Для сличенія почерка Авксентьевой потребованы были изъ конторы кладбища обыскныя брачныя книги за 1823 и 1824 годы, гдѣ, при запискѣ брака Авксентьевой, должна была находиться ея подпись. Попечители отозвались, что книги сгорѣли въ 1831 году. Но изъ другихъ дѣлъ видно, что въ 1833 и 1834 годахъ изъ этихъ дѣлъ были дѣланы выправки. Дѣло, разумѣется, кончилось ничѣмъ, а Шишева ни имущества, ни денегъ, ни дома не получила. Поступокъ чиновниковъ полиціи былъ переданъ на обсужденіе губернскаго правленія, но что было тамъ постановлено,—мнѣ неизвѣстно («Дѣло канцеляріи московскаго военнаго генераль-губернатора» 1839 г., № 171). Вторая любовница попа Ивана Матвѣевича, Анна Федоровна, имѣла отъ него сына, и, когда онъ выросъ, изъ него вышелъ такой кутила, какихъ мало на свѣтѣ бываетъ: отцовыхъ денегъ онъ тысячь сто промоталъ. Всѣ старообрядцы знали слабость Ивана Матвѣевича къ прекрасному полу, всѣ и въ Москвѣ и по инымъ городамъ знали, какъ онъ ѣздитъ по вечерамъ къ Аннѣ Федоровнѣ, какъ онъ ей домъ купилъ у Троицы въ Садовникахъ, несмотря на то, что, по словамъ его прежней любовной, эта Анна Федоровна съ молодыми «стрикулистами» ставила рога отцу Іоанну. Но все прощали ему, ничѣмъ не облазнялись, ибо дорожили дозволенными въ 1822 году попами, а Иванъ Матвѣевичъ былъ изъ числа ихъ. Другой попь Рогожскаго клад-

становилось у старообрядцевъ поповъ, тѣмъ попы эти дѣлались безправственнѣе; алчность же ихъ и безстыдная, наглая симонія выходили изъ всякихъ границъ. Вотъ, наиримѣръ, что писалъ одинъ членъ Рогожскаго общества, уже по появленіи въ Бѣлой-Криницѣ Амвросія: „Къ Рогожскому кладбищу принадлежить нѣсколько тысячъ душъ и для такого количества имѣють только двоихъ священниковъ (Петра Ермиловича Русанова и Ивана Матвѣевича Ястребова), которые не успѣвають исполнять для нуждающихся духовныхъ требъ. Оныя священники, какъ уже не имѣють надъ собой никакой власти, то и дѣлають только то, что имъ разсудится. Для нихъ ничего не значить, если умереть некрещенный младенецъ (а это бываетъ очень часто), или больной безъ исповѣди и причащенія умираеть. Таковыя нужды въ скорости исполняются только для тѣхъ, у кого много денегъ, а бѣдные даже не имѣють къ

бища, Петръ Ермиловичъ Русановъ, тоже имѣлъ любовницу и не одну; отъ главной и гласной были у него и дѣти. Эта женщина однажды пожаловалась попечителямъ Рогожскаго кладбища, что Ермилычъ, много лѣтъ имѣя съ нею связь, теперь оставляетъ ее, не обезпечивъ ни ся ни ихъ ребенка. «Обращаюсь,—писала она:—къ вамъ, господа, съ покорнѣйшею просьбой удовлетворить мои законныя требованія; въ противномъ случаѣ я подамъ просьбу высшему начальству». За мировую требовала она сто тысячъ ассигнаціями. Собралась попечители и вліятельнѣйшіе люди Рогожской общины, пришли къ попу, и ужъ не они ему, а онъ имъ сталъ каяться. «Вспомните вы,—говорилъ онъ имъ:—что для васъ оставилъ перковъ; вспомните, какъ вы меня смаливали и обѣщались всегда выручать. Вотъ и выручайте теперь, а я дѣйствительно грѣшенъ, потому, сами вы знаете, что жена моя умерла, недѣли не проживъ на кладбищѣ: беременная, она зимой изъ бани безъ сорочки прибѣжала, потому настращала ихъ кто-то въ банѣ и все платье укралъ. Богъ за отступничество мое наказалъ меня, и я, по тогдашней моей молодости, связался съ этою женщиной; но она это вретъ, что я оставляю ее безъ всякаго вниманія, концакрая нѣтъ разнымъ подаркамъ, которые я передарилъ ей во время нашей связи. Теперь же, находясь при старости лѣтъ, я оставляю ее и чисто-сердечно вамъ каюсь въ моемъ грѣхѣ. Простите меня Христа ради и помогите. Если я вамъ нуженъ—помогите мнѣ, а если нѣтъ, я за грѣхи мои готовъ нести должное наказаніе: пусть правосудіе поразить меня». Жаль было разстаться съ попомъ Ермилычемъ; онъ грозилъ, по своему обыкновению, что уйдетъ съ кладбища и пойдетъ къ митрополиту пресить у него суда и наказанія за отступничество отъ церкви. Но жаль было и ста тысячъ. Молча думали въ конторѣ тузы Рогожскаго кладбища, какъ дѣлу помочь. Тогда богатый фабрикантъ, почетный гражданинъ Василій Ефремовичъ Соколовъ, слѣпой уже старикъ, первый заговорилъ: «не хочу предавать на посмѣяніе отца моего духовнаго: жертвую для утешенія этого дѣла десять тысячъ рублей». За нимъ послѣдовалъ коммерціи совѣтникъ Антипъ Дмитріевичъ Шеллапутинъ. Деньги собрали, не выходя изъ конторы, но послали прежде попечителей къ поповой любовницѣ поторговаться. Сладились за 35 тысячъ. Петръ Ермилычъ и послѣ этой исторіи не переставалъ ѣздить къ своей возлюбленной, а Шеллапутинъ сказывалъ, что онъ самъ и смастерилъ всю эту шутку, чтобы узнать, какъ его дѣлать на кладбищѣ, да и деньги, должно-быть, ему тогда были нужны (ср. «Сборникъ изъ исторіи старообрядства», стр. 142—145).

тому никакой возможности. Понудить или выговорить такимъ пошамъ никто не можетъ: ни хозяева ни попечители оному кладбищу, потому что боятся разсердить, ибо они имъ грозятъ тѣмъ, что служить у васъ не будемъ. Оныя же попы, желая поддержать общество старообрядцевъ, зная ихнее малодушіе и твердую ихъ къ себѣ приверженность, и зная, что оныя маловѣры зазреть ихъ ни въ чемъ не могутъ, потому что за слабость жизни и за выдумки въ дѣлѣ духовныхъ дѣйствій судить ихъ не смѣютъ по правиламъ Номоканона, то хотя и дѣйствуютъ противъ постановленія церкви и уложенія святыхъ отецъ, но на оное ссылаются, и оправдываются тѣмъ, что будто бы „нужды ради“. Вотъ дерзкій ихъ поступокъ: что они разрѣшили и благословили (какъ бы власти) простымъ инокамъ и избраннымъ мірянамъ исполнять требы все, исключая только маслособорованія и браковѣчанія. И обложили окладъ и цѣну за всякую потребу, именно съ бѣдныхъ: за свадьбы 6 руб. 50 коп., за помазаніе миромъ младенца 3 р., за погребеніе 3 р. серебромъ. За помазаніе называется потому, что оныя поны сами не погружаютъ, а только помазуютъ. Вѣчаютъ свадьбы вдругъ по десяти браковъ, погребеніе ноктъ тоже по пятидесяти вдругъ *). Съ богатыхъ сто рублей серебромъ за каждую почти потребу, а если взять священника на домъ, то непременно, чтобы карета была. И что видя, прихожане изъ крестьянъ села Коломенскаго, которыхъ старообрядцы почитаютъ самыми твердыми въ вѣрѣ, сіе незаконное дѣйствіе и дозволеніе священниковъ, чрезъ то возмутились“ **).

*) Такія свадьбы называютъ у старообрядцевъ *отпѣвать гуеькомъ*. У аналой стоитъ попь, а за нимъ одна пара за другою. При обходѣ аналой попь беретъ епитрахилью за руки только переднюю пару (за то она и платитъ дороже), а прочія пары за ними ходятъ. А иногда и такъ бывало, что попь водилъ одну пару послѣ другой вокругъ аналой. Свадебъ особенно много вѣчалось передъ масленицей, и въ это-то время особенно были въ ходу «свадьбы гуеькомъ». *Погребенія* (то-есть отпѣваніе покойника) пѣли надъ тѣлами только богатыхъ и жителей самого кладбища, а прочіихъ нерѣдко безъ попа зарывали въ могилы, и послѣ того попь въ церкви или надъ зарытыми уже могилами пѣлъ общее «погребеніе» нѣсколькимъ покойникамъ заразъ. Въ Москвѣ обыкновенно хоронили мертвыхъ, прочитавъ «канонъ за единоумершаго» и положивъ покойнику въ руки заранѣе приготовленную имъ самимъ разрѣшительную молитву за подниесь попа. Послѣ того посылали на Рогожское пѣть «погребеніе» заочно, ибо отпѣваніе никто не имѣлъ права совершать, кромѣ попа. Когда настало повсемѣстное «оскудѣніе священства», на Рогожскомъ пѣть «погребенія» заказывали тамопнимъ пошамъ изъ Петербурга, съ Волги, изъ Стародубья, съ Дону и даже изъ Сибири. Говорятъ, что оба попа въ послѣднее время ихъ пробыванія на Рогожскомъ кладбищѣ ежегодно пѣли заочныя «погребенія» надъ двадцатью тысячами покойниковъ и болѣе. Стало-быть, отъ однихъ «погребеній» каждый получалъ тысячъ по пятидцати, ибо половина поступала въ пользу кладбища. Это былъ самый главный доходъ рогожскихъ поповъ.

***) «Записки о возмущеніи Коломенскихъ и поученіи священника Ивана Матвѣевича». Рукопись.

Отступленія отъ устава, по которому положено совершать разные священнодѣйствія, были не въ одной Москвѣ: они были повсемѣстны. Старообрядцы, предки которыхъ отпали отъ церкви вслѣдствіе нѣкоторыхъ, немногихъ измѣненій въ обрядѣ, сдѣланныхъ Никономъ, ежедневно видѣли теперь совершенное отступленіе отъ древле-установленныхъ обрядовъ, но, извѣпя и себя и поповъ своихъ извѣстнымъ изреченіемъ: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“, несомнѣнно считали себя ревнителями и самими строгими исполнителями стараго обряда.

Едва ли не больше всего отступленій отъ устава допускаемо было старообрядческими попами при совершеніи таинствъ покаянія и евхаристіи. Попы, не успѣвая исповѣдывать всѣхъ, передавали это право монахамъ, мірянамъ, даже женщинамъ. На Рогожскомъ кладбищѣ, гдѣ все-таки чинъ священнодѣйствій сохранялся болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, въ трехъ часовняхъ собиралось по пятидесяти и болѣе исповѣдниковъ въ одно время; причетникъ, называемый дячкомъ, громкогласно читалъ имъ молитвы, положенныя передъ исповѣдью, потомъ по „Требнику“ читалъ вопросы о всѣхъ грѣхахъ по порядку. Кающіеся, безъ различія пола и возраста, громкогласно отвѣчали на каждый вопросъ: „грѣшенъ, батюшка“. Тутъ выходили смущенія и соблазны, какъ рассказывали потомъ сами исповѣдники, и бывало немало смѣха, когда женщины каялись въ такихъ грѣхахъ, которыхъ онѣ по своему полу дѣлать не могутъ, и наоборотъ. Мужчины, напримѣръ, каялись въ томъ, что истребили во чревѣ своемъ младенцевъ, женщины въ растлѣніи дѣвицъ, дѣти въ нарушеніи супружеской вѣрности и т. п. На другой день всѣ допускались къ причастію. Отъ такой гласной исповѣди избавлялись только одни богатые прихожане: они исповѣдывали свои согрѣшенія у себя въ домахъ нарочно привозимымъ въ каретахъ священникамъ *). Если это бывало на Рогожскомъ, чтѣ же было въ другихъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ являлся „профзжающій священникъ“ съ жоакомъ въ родѣ Степана Трифоновича Жирова? Причастіе постоянно находилось только на Рогожскомъ, на Иргизѣ и въ Стародубскомъ Покровскомъ монастырѣ; оттуда оно развивалось по разнымъ мѣстамъ и хранилось не только у поповъ и монаховъ, но и у многихъ мірянъ въ особыхъ крестахъ и иконахъ, въ которыхъ дѣлались такъ-называемые *тайники* для вложенія частицъ. Иногда развозили запасные дары въ орѣховыхъ свищахъ **). Но не вездѣ и не всегда бывали дѣйстви-

*) «Занеки о раскольниковскихъ кладбищахъ 1844—1849». Руконис. записки 26-го апрѣля 1848 года, № 104.

**) Въ 1837 году, въ городѣ Георгіевскѣ (нынѣшней Ставропольской губерніи), у высланныхъ туда жителей Иргизскаго Верхненикольскаго монастыря было отобрано до 62 разныхъ церковныхъ вещей и утвари: мѣдные кресты и иконы, два подручника, всенощный хлѣбъ, нѣсколько книгъ, серебряные вызодоченные сосуды, съ такими же ложечками, и *запасные дары въ орѣхахъ* («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1832 года, № 131. Опись этихъ вещей на 431 листѣ).

тельно освященные на литургии запасные дары; большею частью они замѣнялись всенощнымъ хлѣбомъ, т. е. просвирами, благословляемыми на литіи во время всенощныхъ подь большіе и малые праздники. Такіе хлѣбы могъ имѣ благословить въ часовняхъ, и даже въ домахъ, каждый погнѣ. Ими и замѣнялся агнецъ, а вмѣсто крови употребляли богоявленскую воду, которую иные ревнители „древляго благочестія“ уважали едва ли не болѣе, чѣмъ самое таинство, и повелѣвали соблюдать „честіе самихъ пречистыхъ свитыхъ танихъ“^{*}). Оттого лѣтъ пятнадцать тому назадъ старообрядцы за богоявленской водой прѣзжали къ 5-го января въ Городецъ изъ-за 400 и 500 верстъ^{**}); то же, вѣроятно, было и на Рогожемъ. Бывали случаи, что старообрядцы позуали для своихъ поново у сельскихъ православныхъ священниковъ запасные дары и употребляли ихъ, какъ святыню, созиавая такимъ образомъ присутствіе благодати при совершеніи таинства въ православныхъ церквахъ^{***}). Иные старообрядческіе попы доходили до такого кощунства, что приобщали и больныхъ и здоровыхъ сухарями изъ простого калача^{****}). Это въ особенности относится къ попамъ *сумланнымъ* или самозванцамъ, которымъ ни Иргизъ, ни Рогожское, ни Покровскій монастырь, конечно, не удѣлили бы никогда настоящихъ частицъ запаснаго агнца. Чаше и чаще, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, старообрядцы узнавали о такихъ безчинствахъ и, боясь прогнать поповъ, утѣшались текстомъ, бывшимъ у нихъ въ сильномъ ходу: „но нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“. Но нерѣдко бывали и смущенія. Вооружались противъ попочителей крамолами въ часовняхъ, и попы иногда должны были съ большими предосторожностями, чѣмъ отъ полиціи, спастись бѣгствомъ отъ духовныхъ чадъ своихъ. Немногіе ревнители

*) Въ разныхъ старообрядческихъ сборникахъ новаго письма встрѣчаются «заповѣди о водѣ св. Богоявленій», по которымъ святость этой воды ставится выше святости тѣла и крови Спасителя. Г. Щаповъ («Русскій расколъ старообрядства», стр. 448) говоритъ, что это встрѣчается въ сборникахъ XVII и даже XVI столѣтія Соловецкой библиотеки, находящейся теперь въ казанской духовной академіи. Желательно было бы, чтобъ ученые, знакомые съ археографіей, удостовѣрили, дѣйствительно ли сборники, упоминаемые г. Щаповымъ, относятся къ XVI даже столѣтію.

**) «Дѣло объ отысканіи бѣлаго попа Костромской епархіи, Андрея Аванасьева» 1849 г. въ архивѣ нижегородскаго губернскаго правленія.

***) Объ этомъ производились лѣтъ 20 и 30 тому назадъ дѣла въ Семеповскомъ и Бадахинскомъ уѣздахъ Нижегородской губерніи; по формальнымъ слѣдствіями продажа доказана не была. Слухи о подобной продажѣ были и въ Костромской и во Владимірской губерніяхъ.

****) Въ 1778 году въ Вольскѣ (тогда еще селеніе Малыково) былъ взятъ проживавшій въ Средненикольскомъ Иргизскомъ монастырѣ бѣглый попъ Тимошей Тимошеевичъ, который при допросѣ показалъ, что онъ, разѣзжая по старообрядческимъ селеніямъ, исповѣдывалъ больныхъ и, за пеймѣнемъ запасныхъ даровъ, приобщалъ сухенымъ калачомъ. Иеросхимонаха Іоанна «Духъ мудрованія нѣкоторыхъ раскольническихъ толковъ», стр. 89. Письмо Ивана Петровича Оюмина къ Мухину: «буду приобщаться тѣла и крове Христовой, а не калачомъ, какъ у насъ бывало».

старообрядства стали переходить въ православіе; не дремала въ это время и безпоповщинская пропаганда: еодосеевскіе и поморскіе учителя многихъ старообрядцевъ увлекли въ свои толки. Особенно сильна была такая пропаганда въ Сибири. Впрочемъ, и въ самой Москвѣ перемазанцы перѣдко перекрещивались въ Ханиловскомъ пруду—этомъ Іорданѣ еодосеевцевъ Преображенскаго кладбища, или переходили въ Покровскую моленную „Моина согласія“. Гораздо болѣе, чѣмъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, отступали отъ старообрядства, приѣмлющаго священство, въ другія секты—на Волгѣ. Въ губерніяхъ Саратовской, Самарской, Симбирской, Нижегородской, толкъ „Спасова согласія“ съ каждымъ годомъ усиливался, прибрѣтая значительное число новыхъ послѣдователей изъ поповщины, и, не имѣя руководителей, распадался на мелкія разномыслія. Тамъ, по причинѣ „оскуднѣнія священства“, одни старообрядцы стали исповѣдываться у бродившихъ по разнымъ мѣстамъ монаховъ, у скитницъ и даже у канонницъ, что высылаемы были Керженскими скитами къ богатымъ старообрядцамъ для чтенія псалтыря по умершимъ и для такъ-называемаго „стоянія неугасимой свѣчи“; другіе стали исповѣдываться предъ образомъ Спасителя по *скитскому покаянію* *), оправдываясь словами „Маргарита“ **): „самъ Спасъ исповѣдникъ и причастникъ“; третьи—у начетчиковъ изъ своихъ мірянъ, которые сдѣлались такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ безпоповщинскихъ „отцовъ съ Потребникомъ“; наконецъ многіе изъ старообрядцевъ стали совершать крещенія и браки въ церквахъ православныхъ, въ которыя послѣ того не заглядывали во всю свою жизнь. Послѣднее обстоятельство имѣло послѣдствіемъ замѣчательное распоряженіе святѣйшаго синода по епархіямъ Пермской, Оренбургской, Вятской и Донской (1840—1842). Было позволено въ этихъ епархіяхъ вѣчать старообрядцевъ въ единовѣрческихъ и даже въ православныхъ церквахъ, не требуя отъ нихъ перехода въ единовѣріе или православіе,

*) Книга, составленная у старообрядцевъ и нѣсколько разъ напечатанная въ Супраслѣ (1778, другое изданіе безъ года съ приложеніемъ «Соловецкой челобитной»), въ Клиндахъ, а также и въ секретныхъ типографіяхъ, возникшихъ у старообрядцевъ по закрытіи Клинцовской и Махловской (въ мѣстечкѣ Яновѣ) гласныхъ типографій. Впрочемъ, одна изъ такъ-называемыхъ секретныхъ раскольническихъ типографій, безпоповца Михѣева, существовала довольно гласно въ Московской части города С.-Петербурга до апрѣля 1857 года («Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858, стр. 660). Въ ней старообрядческія книги печатались безъ означенія года и мѣста печатанія. При *скитскомъ покаяніи* обыкновенно помѣщается: «Чинъ, како подобаетъ самому себе приобщити... св. таинъ».

**) «Маргаритъ» св. Іоанна Златоустаго въ первый разъ напечатанъ въ Острогѣ 1596 года in-4. Рѣдкое и весьма уважаемое старообрядцами всѣхъ толковъ изданіе. Уважаются не менѣе его московское изданіе 1610 года in-folio.

не оглашая ихъ браковъ и внося ихъ въ особыя тетради *). Въ то же время многіе старообрядцы, особенно въ Пермской, Вятской и Тобольской губерніяхъ, не имѣя поповъ, не желая вѣнчаться въ православныхъ церквахъ согласно упомянутому сейчасъ распоряженію, стали крестить младенцевъ сами и заключать такъ-называемые *сводные браки* или же сходиться на брачное сожитіе *по благословенію родителей*. Это тоже было своего рода уклоненіемъ въ безпоповщину. Мертвых **) хоронили они безъ поповъ. Такъ образовался толкъ „самосправщиковъ“, у котораго нѣтъ ни наставниковъ, ни учителей и ничего общаго. Каждый околотокъ знаетъ только своихъ, а съ людьми другихъ околотковъ рѣдко имѣетъ сношенія, хотя бы они и держались одного вѣроученія и однихъ обрядовъ. Чтобы судить о томъ, до какой степени значительно было отпаденіе отъ поповщинскаго старообрядства, по причинѣ оскуднѣнія „священства“ и во избѣжаніе соблазновъ отъ „сумлѣнныхъ“ поповъ, достаточно упомянуть, что въ однихъ нагорныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, болѣе двадцати тысячъ человѣкъ сдѣлались „самосправщиками“. Изъ самосправщиковъ весьма многіе переходили въ *Спасово согласіе*, въ *Ньтовщину*, въ *Петрово крещеніе* и даже въ *Глухую ньтовщину*, *Дрождинки* и *Самокрещенцы Бондаревскаго согласія*. Изъ безпоповщинскихъ толковъ, особенно въ Саратовской и частью въ Самарской губерніяхъ, раскольники въ значительномъ количествѣ переходили въ молоканство, а отсюда въ *унитары* (іудействующіе или субботники ***)). Въ то же время въ разныхъ мѣстностяхъ Нижняго Поволжья, а также въ Вятской, Пермской и Оренбургской губерніяхъ, стали появляться *тайные православные*. Это были тѣ, которые, безпристрастно разсуждая о розни между старообрядствомъ и господствующею церковью и видя въ своихъ общинахъ нескончаемые беспорядки и отету-

*) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». Спб. 1860, т. II, стр. 374, 380—384, 387—392.

**) Покойный архіепископъ тобольскій Георгій требовалъ у генералъ-губернатора Западной Сибири, чтобы подобнаго рода браки старообрядцевъ именовались не браками, а «сводною случкой», или «сводною связью», или «своднымъ союзомъ блуда», или «своднымъ развратомъ». «Мнѣ кажется, — говорилъ преосвященный: — что такое терпимое беззаконіе называть «своднымъ бракомъ» оскорбительно для св. церкви, такъ какъ сводная связь не другое что, какъ беззаконное сожительство блуднаго съ наложницей или содержанкой, что хуже всякаго беззаконнаго брака, и, мнѣ кажется, противно этакую строптивую дерзость величать именемъ своднаго брака: кто ихъ вѣнчалъ бракомъ?» Святѣйшій синодъ, до свѣдѣнія котораго было доведено ходатайство тобольскаго преосвященнаго, оставилъ его безъ послѣдствій, съ присовокупленіемъ, что преосвященному не слѣдовало простирать требованія, не опредѣленнаго закономъ. «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода». Спб. 1860, т. II, стр. 498—500.

***) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1856 года, № 29.

нленія отъ существеннѣйшихъ правилъ и уставовъ древляго благочестія, приходили къ заключенію, что церковь, управляемая мірскими людьми (старшинами и попечителями), съ ея бѣглыми попами и монахами, но безъ духовнаго святительскаго суда и безъ самихъ святителей, ни въ какомъ случаѣ не можетъ почитаться спасительною, какъ отступившая отъ самыхъ главныхъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Они видѣли источникъ спасенія въ церкви православной, но по житейскимъ расчетамъ, по зависимости въ торговыхъ и другихъ дѣлахъ отъ закоренѣлыхъ старообрядцевъ, не рѣшались открыто, гласно присоединиться къ господствующему исповѣданію. И стали они, для примиренія съ совѣстью, тайно прибѣгать къ православнымъ или единовѣрческимъ священникамъ для исправленія духовныхъ требъ, прося ихъ хранить въ тайнѣ принадлежность ихъ къ церкви. Церковь дѣлала имъ такое снисхожденіе, памятуя апостола Павла, который съ немощными былъ аки немощенъ. Въ числѣ тайныхъ православныхъ бывали даже настоятели и настоятельница старообрядческихъ монастырей. Таковъ былъ, наприкладъ, Павелъ, послѣдній настоятель Іониной обители Комаровскаго скита, что въ Черной-Раменѣ *). То же есть и теперь, но понятно, что называть ихъ по именамъ, оглашать ихъ тайну, пока они живы, не должно.

Таковы были послѣдствія „оскуднѣнія священства“ и попустковъ большей части бѣглыхъ поповъ. Эти послѣдствія весьма заботили главные общины перемазанцевъ, а особенно Иргизъ, Рогожское и Покровский монастырь въ Стародубѣ. Общины эти пытались возстановленіемъ забытаго правила Аввакума протопопа о заочной исповѣди отвратить до нѣкоторой степени соблазнъ, происходившій вследствие появленія поновъ-самозванцевъ и дерзости нѣкоторыхъ монаховъ, исправлявшихъ требы безъ разрѣшенія и благословенія поповъ дѣйствительныхъ. Постановили: „ради тѣсноты обстоянія и великаго оскуднѣнія древле-благочестиваго священства, заочно, на хартіи, исповѣдывать въ дальнихъ мѣстахъ обрѣгающихся христіанъ, соблюдающихъ истинную вѣру и древнія святоотеческія преданія“. И на основаніи такого постановленія стали исповѣдывать *по почтѣ* или *съ оказіей*. Для совершенія такой исповѣди, находящійся вдали отъ попа старообрядецъ писалъ исповѣданіе грѣховъ своихъ на особомъ листкѣ и посылалъ его къ духовнику. Погъ, прочитавъ по „Требнику“ послѣдованіе исповѣди и письменное покаяніе заочнаго духовнаго сына, разрѣшалъ его и, написавъ на присланномъ отъ него листкѣ: „*чадо, прощастъ тѣ Христосъ невидимо и азъ, грѣшныи іерей NN*“, отсылалъ его тѣмъ же путемъ, какимъ и получалъ **).

*) Семеповекаго уѣзда, Нижегородской губерніи. О немъ было говорено въ началѣ настоящаго сочиненія.

**) Въ архивныхъ дѣлахъ немало находится такихъ исповѣдныхъ листовъ. Въ архивѣ нижегородскаго губернскаго правленія есть производи-

Аввакума Петровича не принесло однако существенной пользы, какъ ожидали того иргизскіе, рогожскіе и стародубскіе ревнители. Во-первыхъ, такая исповѣдь доступна была только грамотнымъ; во-вторыхъ, не всякій же старообрядецъ могъ послать свои грѣхи по почтѣ къ незнакомому полу.

Болѣе и болѣе чувствовалась настоятельная потребность выйти изъ того неурейства, въ какомъ находилось старообрядство. Подавались просьбы за просьбами то отъ одной, то отъ другой старообрядческой общины о дарованіи имъ права брать отъ православной церкви хорошихъ священниковъ, которые бы, находясь при часовняхъ и моленныхъ, были въ полной независимости отъ епархіального начальства. При этомъ просители обязывались поповъ, которые по поступкамъ своимъ окажутся неблагонадежными, немедленно возвращать въ вѣдѣніе мѣстнаго архіерея для святительскаго суда надъ обвиненными. Въ этихъ просьбахъ всехъ настойчивѣе было общество московское *).

Все просьбы старообрядцевъ оставляемы были безъ всякихъ послѣдствій.

Вотъ доводы, на основаніи которыхъ отказываемо было старообрядцамъ въ ихъ просьбахъ: „1) Раскольники при новомъ своемъ предложеніи не пріемлютъ наименованія „единовѣрцевъ“. Изъ сего ясно видно ихъ намѣреніе держаться попрежнему въ видѣ общества, отдѣльнаго отъ церкви, слѣдственно попрежнему враждовать противъ церкви и по возможности отторгать отъ нея православныхъ. Если въ семь успѣвали они силою богатства и общественныхъ связей доннѣи, когда непризнаніе ихъ священниковъ правительствомъ болѣе или менѣе затрудняетъ ихъ и унижаетъ, то, безъ сомнѣнія, должно опасаться умноженія совращеній, когда ихъ священство получить видъ законности передъ гражданскою властью. 2) Шестъ екатеринбургскихъ расколыводителей **)

вшееса въ 1848 году «Дѣло по жалобѣ крестьянина Арефья Иванова о притѣсненіяхъ, сдѣланныхъ ему семеновскимъ исправникомъ въ угоду Керженскому склту». Въ немъ находится такой разрѣшительный листъ, подписанный рогожскимъ попомъ Иваномъ Матвѣевичемъ Ястребовымъ, и самое показаніе этого попа, какимъ образомъ производится у старообрядцевъ заочная исповѣдь. На основаніи этого показанія и разсказа мною обрядъ заочной исповѣди. Попъ Ястребовъ прибавилъ, будто, по разрѣшеніи грѣховъ, списокъ ихъ непремѣнно сожигается отъ лампы, горщей предъ образомъ. Но это несправедливо. Иначе какъ бы могли попасть въ архивныя дѣла собственноручныя его разрѣшенія на письменныхъ показаніяхъ?

*) Такія просьбы подаваемы были даже и по водвореніи старообрядческихъ архіереевъ въ Россію. Послѣдняя просьба Рогожскихъ относится къ марту 1857 года.

***) Извѣстные уже намъ Никимъ Рязановъ, Владиміръ Казанцовъ, Иванъ Харитоновъ, Иванъ Полузадовъ, Титъ Зотовъ и Егоръ Китаевъ. Послѣ подписались еще 12 человекъ.

никовъ изъ всѣхъ россійскихъ епархій: право весьма обширное и безпримѣрное! Удивительна отважность, съ которою назначаютъ себя права шесть расколоводителей. 3) Когда раскольники выберутъ себя священника и дьякона, то по ихъ требованію гражданскій начальникъ долженъ отнестись къ епархіальному архіерею о томъ только, чтобъ онъ доставилъ свѣдѣніе о ненахожденіи избраннаго подъ судомъ и чтобъ исключилъ его изъ своего вѣдомства. Если такимъ образомъ раскольники будутъ брать у архіереевъ кого хотятъ, не заботясь о томъ, согласенъ ли онъ уволить его, это опять будетъ право безпримѣрное и съ благоустройствомъ управленія несомвѣстное. Для разстройства дисциплины въ какомъ бы то ни было управленіи, трудно выдумать средство столь дѣйствительное, какъ то, чтобъ открыть дорогу подчиненнымъ уходить изъ-подъ власти своего начальника, даже не просясь у него, и переходить туда, куда выгодиѣ, гдѣ больше воли, а меньше надзора и отчета. Сіе средство употребляютъ уже раскольники противъ дисциплины церковной, принимая бѣглыхъ поповъ, а теперь домогаются даже узаконить сіе средство. 4) Если предположить, что предлагаемая раскольниками правила будутъ въ дѣйствиіи, и что раскольники, на основаніи оныхъ, возьмутъ у епископа священника, чрезъ извѣстное начальство въ извѣстное мѣсто, то, по правиламъ церковнымъ, епископъ не долженъ остаться бездѣйствительнымъ зрителемъ сего случая. По 15 правилу апостольскому и по 3 Антиохійскаго собора, удалившагося изъ-подъ власти своего епископа священника епископъ долженъ требовать обратно, а въ случаѣ невозвращенія объявить лишеннымъ всякаго священническаго служенія и самаго сана. Если епископъ сего не исполнить, то поступитъ противно правиламъ церковнымъ, а если исполнить, то гражданское начальство будетъ въ противорѣчій съ духовнымъ, признавая дѣйствительнымъ священникомъ и покровительствуя у раскольниковъ тому, котораго духовное начальство почитаетъ лишеннымъ сана. 5) Зависимость священниковъ у раскольниковъ отъ самихъ раскольниковъ и отъ свѣтскаго начальства и независимость отъ духовнаго — есть несообразность, за которою по необходимости должны слѣдовать другія несообразности. Кто, на примѣръ, будетъ смотрѣть, чтобы священники сіи не вѣнчали браковъ въ малолѣтствѣ, въ родствѣ, отъ живыхъ женъ или мужей, чтобы не хоронили убитыхъ безъ доведенія до свѣдѣнія полиціи? Свѣтскій начальникъ (начальникъ губерніи, горный начальникъ) лично сего сдѣлать не можетъ: итакъ, опредѣлитъ ли свѣтскій начальникъ благочинныхъ надъ раскольническими священниками? Или учредить раскольническія духовныя правленія? Такъ или иначе, но дѣло пойдетъ къ тому, что у раскольниковъ образоваться будетъ свое, особаго рода, смѣшанное съ свѣтскимъ, духовное управленіе, и раскольники, которые теперь суть только толпа, мало-по-малу организуются будутъ въ отдѣльное, съ особыми формами, общество, чего они и домогаются и что не только навсегда отдѣ-

зять ихъ отъ церкви, но будетъ неблагопріятно и другого рода единству, потому что они стремятся къ формамъ демократическимъ *). 6) Требованіе раскольниками права отсылать отъ себя священника или дьякона, если онъ по какимъ-нибудь дѣйствіямъ окажется имъ ненужнымъ, есть не что иное, какъ требованіе полномочія на самоуправство. Священникъ, подчиненный духовному начальству, за неправильныя дѣйствія судится, и если недоволенъ мѣстнымъ судомъ, можетъ перенести дѣло къ высшему начальству; раскольники же хотятъ имѣть право отрѣшить священника безъ суда, или сами судить его, и притомъ безъ апелляціи. Первое преступленіе, за которое симъ образомъ постраждетъ священникъ, безъ сомнѣнія, будетъ то, когда онъ покажетъ расположеніе къ сближенію съ православіемъ или откажется отъ такъ-называемой у раскольниковъ *исправы*, т.-е. отъ обряда принятія въ общество раскольниковъ, соединеннаго съ проклятіями на православную церковь. 7) Исправа сія должна быть принята здѣсь въ соображеніе. Если переходящій къ раскольникамъ священникъ откажется отъ нея, то не будетъ принятъ ими, а если допуститъ сдѣлать оную надъ собою, то сдѣлается отступникомъ отъ церкви. Благочестивое правительство, безъ сомнѣнія, не расположено узаконить распоряженіе, которое прямо вело бы священника къ отступничеству отъ церкви. Можетъ-быть, думаютъ, что раскольники, вѣроятно, согласятся не дѣлать исправы. Но если-бъ они расположены были согласиться не дѣлать исправы, или, что то же, не осуждать православную церковь подъ именемъ еретиковъ-никоніанъ, то не было бы имъ причины не принять

*) Несправедливая мысль о стремленіи раскольниковъ (признающихъ ипквейскій символъ) къ демократизму происходила отъ одного лишь книжнаго изученія раскола и отъ недостатка личнаго знакомства съ старообрядцами. Эту мысль, составлявшую основную идею правительственныхъ дѣйствій прошедшаго царствованія, въ послѣднее время, когда правительственный взглядъ на расколъ уяснился и вслѣдствіе того послѣдовалъ рядъ узаконеній, облегчившихъ по мѣрѣ возможности стѣсненное положеніе раскольниковъ, раздѣляли нѣкоторые органы петербургской журналистики, также вслѣдствіе одного лишь книжнаго изученія и совершеннаго незнакомства съ старообрядцами и раскольниками. Лондонскіе *рефюзье*, также много начитанные, но мало знакомые съ дѣйствительностью русской народной жизни, рассчитывали даже на старообрядцевъ, какъ на сильный демократическо-революціонный элементъ. Были и въ Россіи люди того же убѣжденія; они слушать не хотѣли, когда ихъ увѣряли, что наши раскольники не имѣютъ политическаго будущаго и не только революціонерами, но и орудіемъ революціонной партіи никогда быть не могутъ. Надъ этимъ они смѣялись... Но вотъ началось польское возстаніе; лондонскіе «рефюзье» и поляки рассчитываютъ на содѣйствіе милліоновъ раскольниковъ, проникнутыхъ революціонно-демократическимъ духомъ, а они подаютъ всеподданнѣйшіе адреса, лавлятъ мятежныхъ пановъ, вооружаются на защиту законной власти, составляютъ свои сотни, дерутся съ польскими мятежниками въ имперіи и въ Царствѣ, съ презрѣніемъ отвертываются отъ «Общаго вѣча», а въ Тамбовской губерніи хватаютъ распространителей подложныхъ манифестовъ. Каковы революціонеры! Каковы демократы!

наименованія единовѣрцевъ, а они сего не хотятъ. Доколѣ не соглашаются они называться единовѣрцами, дотолѣ даже общаніе не дѣлать исправы, если-бъ они сдѣлали оное на словахъ, будетъ значить только намѣреніе сдѣлать опую тайно, за чѣмъ усмотрѣть начальству не можно. Слѣдственно просимое раскольниками распоряженіе прямо вело бы священниковъ къ искушенію поступить противъ священнической совѣсти. Можетъ ли на такомъ началѣ основаться какое-либо благо или польза? 8) Если дозволено будетъ раскольникамъ взятаго ими священника, почему-либо имъ неугоднаго, отсылать отъ себя, то что должно будетъ дѣлать съ нимъ послѣ сего? Лишить его сана безъ духовнаго суда было бы противно общему законному порядку. Производить о немъ изслѣдованіе и судъ духовному начальству было бы неудобно, потому что поступки, подлежащія суду, сдѣланы имъ у раскольниковъ, а раскольники не хотятъ допускать до себя никакого слова и дѣйствія духовнаго начальства. Что же дѣлать? Если просто возвратить его въ православную епархію, — сіе было бы для епархіи и затруднительно, и вредно, и неблаговидно; ибо сіе значило бы дать волю раскольникамъ брать изъ епархіи, что имъ нравится, а негодное для нихъ бросать обратно въ епархію, какъ въ мѣсто беззащитное и неуважаемое. 9) Если предлагаемая нынѣ раскольниками правила о священникахъ сравнить съ извѣстными правилами 1822 года, то окажется, что они требуютъ не только того же, но и гораздо большаго; ибо прежде отступающихъ отъ церкви въ расколъ брали они украдкою, а правительство какъ бы не замѣчало сего, а теперь они хотятъ тѣхъ же священниковъ брать открыто и формально и сему незаконію священниковъ дать видъ законности. Прежде, по видамъ нужды, терпимы были у нихъ только священники, теперь они просятъ и дяконовъ. 10) Прискорбно видѣть, какъ дерзновенно расчитываютъ раскольники на непроницательность начальства. Они знаютъ, что цѣль правительства есть сблизить ихъ съ православною іерархіей. Они сего не хотятъ, но надобно же сдѣлать видъ, будто они не совѣмъ противъ сего. Для сего вставили они въ свои правила неискреннюю статью, что свѣтскій начальникъ можетъ дать духовному начальству свѣдѣніе о раскольническихъ метрикахъ и о священникахъ, къ нимъ ноступающихъ и отъ нихъ выбывающихъ, и думаютъ, что обмануть симъ признакомъ сближенія, тогда какъ они не уступаютъ духовному начальству ни суда, ни надзора надъ ихъ священниками, ни даже права призвать и спросить ихъ священника, о чемъ можетъ быть нужно по дѣламъ“ *).

Такимъ образомъ старообрядцы поповщинскаго согласія потеряли всякую надежду имѣть когда-либо дозволенныхъ, но независимыхъ отъ православныхъ архіереевъ священниковъ. Ни возстановленія указа

*) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1838 года, № 1. «Собраніе постановленій по части раскола». Спб., 1858, стр. 280—285.

1803 г. о томъ, чтобы на бѣглыхъ поновъ смотрѣть какъ бы сквозь пальцы, ни возобновленія правилъ 26 марта 1822 года правитель-ство не допускало и не могло допустить. Были толки о возвышеніи единовѣрія, о постановленіи единовѣрческаго обряда совершенно наравнѣ съ употребляемымъ нынѣ въ русскихъ православныхъ церквахъ, что это возможно лишь при дарованіи единовѣрцамъ особыхъ архіе-реевъ и при свободномъ переходѣ какъ отъ единовѣрія въ правосла-віе, такъ и наоборотъ, но эти толки не имѣли никакого практическаго примѣненія.

При этомъ нельзя пройти молчаніемъ того, что съ 1827 года рас-колъ не только не ослабѣлъ, но значительно усилился, и число рас-кольниковъ чрезвычайно умножилось. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1827 году ихъ считалось 825.391, а въ 1837 году 1.003.816 *). Правда, эта цифра къ 1850 году казалась значительно уменьши-вшеюся (749.981 **); но когда вслѣдъ затѣмъ, для приведенія въ возможно-точную извѣстность статистическихъ данныхъ о расколѣ, произведены были (1852 — 1854) особая специальная изслѣдованія, то по семи губерніямъ ***) приведено въ извѣстность 1.059.742 раскольника. Во всей же Россіи оказалось ихъ приблизительно свыше 10 милліоновъ ****).

Положеніе старообрядцевъ, дѣлавшихся невольно безпоповцами, было весьма затруднительно, можно сказать, безвыходно. Затолковали прежде всего на Иргизѣ, въ кельяхъ Верхнепреображенскаго игумена Силуяна, о необходимости архіерейства. Этотъ Силуянъ съ казначеемъ своимъ

*) Н. В. Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ». Томъ VIII, стр. 179 и 375.

**) Тамъ же, стр. 576.

***) Ярославской 278.417, Московской 186.000, Нижегородской 172.000, Оренбургской 145.000, Саратовской 125.000, Самарской 85.194 и Новгородской 68.131. См. «Статистическія таблицы Россійской имперіи, изданныя по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ». Спб., 1863 год, стр. 235.

****) А. Б. фонъ-Бушенъ въ «Статистическихъ таблицахъ», о которыхъ сейчасъ было говорено, полагаетъ, что всѣхъ старообрядцевъ, раскольни-ковъ и еретиковъ въ Россіи до 8 милліоновъ, а вѣрнѣе, одна шестая всего православнаго населенія, что составитъ 8.579.033. Онъ предпола-гаетъ: хлыстовъ и скопцовъ 110.000 (?), молоканъ и духоборцевъ 110.000 (?), поповщины 5.000.000, покорцевъ 2.000.000, едесесевцевъ, филипповцевъ, бѣглецовъ и т. п. 1.000.000. Итого 8.220.000. Но въ исчисленіи этомъ опущена дѣлая отрасль сектъ, составляющихъ середину между поповщи-ной и безпоповщиной. Это — *Спасово согласіе*, которое особенно распро-странено въ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Са-марской, Оренбургской, Сибирской и Казанской губерніяхъ. Съ помор-цами они мало имѣютъ общаго, и потому, конечно, г. фонъ-Бушенъ не считалъ ихъ во 2-мъ отдѣлѣ раскола по его дѣленію. Бѣольшая часть ихъ въ православныхъ церквахъ крестить дѣтей и вѣнчаютъ браки. Такихъ болѣе двухъ милліоновъ, что вмѣстѣ съ цифрою г. фонъ-Бушена и соста-вить слишкомъ 10 милліоновъ.

Аванасіемъ, съ симбирскимъ кунцомъ Платономъ Васильевичемъ Вандышевымъ и горбатовскимъ уроженцемъ Аванасіемъ Кузьмичомъ Кочевымъ *), первые придумали то, о чемъ уже давно перестали думать старообрядцы. Имъ принадлежитъ инициатива бѣлокриницкой іерархіи. На Рогожскомъ, въ Петербургской поповщинской общинѣ, въ Стародубѣ, въ слободахъ Вѣтковскихъ, въ общинахъ и монастыряхъ Юго-Западнаго края иргизская мысль принята была съ полнымъ сочувствіемъ.

Х.

Рогожское кладбище.

Учрежденіе заграничной старообрядческой іерархіи было по преимуществу московскимъ дѣломъ. Такъ-называемое Рогожское старообрядческое общество, то-есть московская поповщина, и начала и довершила это дѣло. Поэтому прежде разсказа о томъ, какъ зачиналась бѣлокриницкая митрополія, необходимо представить краткій очеркъ этого общества и Рогожскаго кладбища, составляющаго его средоточіе.

Рогожское кладбище имѣетъ свою исторію, богатую любопытными подробностями. Для составленія этой исторіи въ петербургскихъ и московскихъ архивахъ матеріаловъ достаточно. Они давно ожидаютъ изслѣдователя, который когда-нибудь въ подробной исторіи рогожцевъ выведетъ на свѣтъ Божій множество такихъ фактовъ, которые изумятъ незнакомыхъ съ ними доселѣ читателей. Поставивъ главною задачей настоящихъ очерковъ изложеніе дѣйствій старообрядцевъ по исканію архіерейства и по учрежденію своей особой іерархіи, мы не можемъ вдаваться въ эти подробности и ограничиваемся краткимъ очеркомъ Рогожскаго кладбища, основываясь на архивныхъ документахъ и другихъ достовѣрныхъ источникахъ. Въ этой главѣ, вслѣдъ за очеркомъ Рогожскаго общества, скажемъ о часовняхъ, богадѣльняхъ, женскихъ обителяхъ и другихъ учрежденіяхъ, существовавшихъ и отчасти до сихъ поръ существующихъ въ оградѣ Рогожскаго кладбища, скажемъ о замѣчательнѣйшихъ лицахъ рогожскаго духовенства за послѣднее время и наконецъ о моленныхъ въ Москвѣ и Московской губерніи, находившихся въ зависимости отъ Рогожскаго кладбища.

Московское старообрядческое общество многочисленно. Въ 1845 году всѣхъ вообще раскольниковъ въ Москвѣ и Московской губерніи официально показывалось 73.484 обоого пола, но по частнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ вскорѣ послѣ того министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ спеціальною цѣлью опредѣлить дѣйствительную силу раскола,

*) Силуянъ, Вандышевъ и Кочевъ умерли, первые двое на свободѣ, послѣдній въ Суздальскомъ монастырѣ. Аванасій — теперь (1867) старообрядческой епископъ саратовскій.

ихъ оказалось 186.000 *). Изъ этого около двухъ третей, то-есть 120 т., поповщины. Одна половина послѣдней цифры относится къ городу Москвѣ, другая—къ губерніи. Для показанія—какъ увеличивалась эта цифра, укажемъ на слѣдующій фактъ. Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Москвѣ раскольниковъ поповщинскаго согласія считалось 20.000 **). По удостовѣренію покойнаго протоіерея Арсеньева, жившаго двадцать семь лѣтъ на Рогожскомъ кладбищѣ и бывшаго потомъ благочиннымъ всѣхъ единовѣрческихъ церквей въ Черниговской епархіи, въ Москвѣ въ 1822 году прихожанъ Рогожскаго кладбища было не болѣе 35.000, но въ слѣдовавшіе затѣмъ три года расколъ до того усилился въ древней столицѣ, что въ 1825 году Рогожское кладбище насчитывало въ ней уже до 68.000 своихъ прихожанъ ***). Быстрое распространеніе раскола подъ самыми стѣнами Кремля, оказавшееся въ послѣдніе годы царствованія Александра I, вызвало главнѣйшимъ образомъ тѣ строгія правительственныя мѣры противъ раскола въ Москвѣ и во всей Россіи, которыя продолжались черезъ все тридцать лѣтъ слѣдующаго царствованія. Отвѣтомъ поповщины на эти мѣры была созданная Москвою Бѣлая-Криница.

О многочисленности и силѣ московской поповщины можно заключить также изъ числа моленныхъ, до сего времени существующихъ въ старой столицѣ и въ ея губерніи. Теперь (1867) ихъ въ Москвѣ 15, а въ уѣздахъ 35 °). Но это лишь тѣ, которыя считаются дозволенными и значатся въ полицейскихъ спискахъ. Лѣтъ 40 тому назадъ ихъ было вдвое больше. И въ настоящее время число молитвенныхъ домовъ поповщинскаго толка въ Московской губерніи составляетъ около десятой доли моленныхъ этого согласія во всей Россіи, хотя число поповцевъ Московской губерніи и составляетъ лишь одну сороковую долю всѣхъ послѣдователей этого толка, живущихъ въ русскихъ предѣлахъ.

Не менѣе значительна московская поповщина и по богатству своихъ членовъ °°). Издавна къ ней принадлежали многіе богатые купцы. Древ-

*) «Статистическія таблицы Россійской имперіи», изданныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Спб. 1863 г., стр. 235.

***) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1854 г., № 79.

****) «Записка о Рогожскомъ кладбищѣ» протоіерея Арсеньева, находящаяся въ «Слѣдственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Авоонія Кочуева и другихъ раскольниковъ», произведенномъ по высочайшему повелѣнію особою комиссіей въ 1854 и 1855 годахъ. Оно хранится въ архивѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ при дѣлѣ 7-го мая 1854 г. № 8—519. Это дѣло чрезвычайно замѣчательно по множеству подлинныхъ документовъ, собственноручныхъ писемъ и т. п., раскрывающихъ разныя тайности московскаго поповщинскаго раскола, особенно въ средѣ богачей. Мы пользуемся этимъ дѣломъ.

°) «Списки населенныхъ мѣстностей Россійской имперіи», изд. центральнымъ статистическимъ комитетомъ, часть XXIV. Спб. 1862 г.

°°) Изъ находящагося у насъ подъ руками именного списка главнѣй-

няя слава первопрестольной русской столицы, въ стѣнахъ которой подвизались уважаемые старообрядцами святители, отъ Петра митрополита до патріарха Іосифа, слава царствующаго града, въ которомъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь сохранилось завѣтныхъ памятниковъ русской старины, постоянно тянула къ Москвѣ старообрядцевъ. Ни застѣнки Преображенскаго приказа, ни существовавшая до 1763 года въ Москвѣ „Раскопническая канцелярія“, ни окупъ на заставахъ бороды деньгами, ни указное платье съ желтымъ козыремъ — не въ состояніи были удержать старообрядческаго люда отъ стремленія къ „московскому житію“. Какъ русскихъ людей, неизмѣнно вѣрныхъ историческимъ преданіямъ родины, ихъ влекло въ Бѣлокаменную, а особенно тѣхъ, которые занимались торговлей и промышленностью. Уступивъ первенство Петровой столицѣ, старая Москва удержала за собой значеніе средоточія торговопромышленной дѣятельности русскаго народа. Торговые старообрядцы стремились къ этому средоточію, и здѣсь, по переносѣ центральной администраціи на берега Невы, житье имъ стало свободнѣе и льготнѣе, чѣмъ было въ XVII столѣтіи. Въ покинутой центральною администраціей столицѣ не было ни Іоакимовъ и Павловъ сарскихъ, ни дьяковъ въ родѣ Ларіона Иванова; зоркое око генерала Ушакова не могло ясно видѣть всего, что дѣлалось за восемьсотъ верстъ на Таганкѣ и у Тверскихъ воротъ; а благодушные Салтыковы, получая грозныя бумаги изъ Петербурга, по возможности смягчали тѣ изъ нихъ, которыя относились до московскаго старообрядчества.

Въ прошломъ вѣкѣ, въ средѣ московскаго торговопромышленнаго сословія постоянно бывали старообрядцы, владѣвшіе значительными капиталами, фабриками, заводами и т. п. Но тогда ихъ было несравненно меньше, чѣмъ теперь. Старообрядцы прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія были люди стараго закала; патріархальные домовладыки, они жили подобно своимъ до-петровскимъ предкамъ и согласно образцу, преподаванному нѣкогда попомъ Сильвестромъ въ знаменитомъ его „Домостроѣ“. Старообрядцы были бережливы, расчетливы, осторожны въ торговыхъ предпріятіяхъ и не только не подчинялись, но даже враждебно относились къ модной роскоши. Потомки бояръ, окольныхъ и иныхъ думныхъ и служилыхъ людей старой Москвы проживали дѣдовскія наслѣдства и, легкомысленно относясь къ родовымъ памятникамъ семейной жизни предковъ, кидали ихъ за бездѣнокъ, чтобы на вырученныя деньги завести щегольскіе цуги, золотошвейные кафтаны и робы, французскіе парики, алансонскія кружева, рѣдкостныя табакерки и т. п. Раскопники съ охотой покупали у нихъ старинную домашнюю утварь, прадѣдовскія рукописи, которыя для русскихъ петиметровъ не имѣли

шихъ прихожанъ Рогожскаго кладбища за 1838 годъ видно, что изъ нихъ московскихъ 1 и 2 гильдіи купеческихъ семействъ было 138 и, кромѣ того, потомственные почетные граждане, коммерціи и мануфактуръ-совѣтники и т. п.

никакой цѣны, ибо не при нихъ были писаны. Особенно старались старообрядцы скупать древнія родовыя иконы, когда-то стоявшія въ „крестовыхъ“ горницахъ у наперсниковъ первыхъ четырехъ царей Романовыхъ, а теперь, какъ старый хламъ, убранныя въ кладовыя московскихъ и петербургскихъ петиетровъ, легкомысленно презиравшихъ родную старину. Эту древнюю боярскую святыню старообрядцы сохранили какъ зѣницу ока, какъ безцѣнное наслѣдіе той эпохи, предъ которою они безусловно благоговѣли. Сохраненіемъ древнихъ рукописей и памятниковъ старорусскаго искусства расколъ, а въ особенности московскіе раскольники оказали неопцнимую заслугу русской исторіи и археологіи. Безъ нихъ все бы безслѣдно погибло. За имѣніями движимыми стали переходить въ руки богатѣвшихъ съ каждымъ днемъ старообрядцевъ и недвижимыя имѣнія боярскихъ внуковъ и правнуковъ. Боярскія палаты обращались въ жилища купцовъ-раскольниковъ или превращались въ ихъ промышленныя и торговыя заведенія. Такъ шло донныѣ, когда наконецъ и самыя подмосковныя села старорусскихъ бояръ и вельможъ XVIII столѣтія, въ родѣ Кунцова, стали переходить въ руки старообрядцевъ. Расчетливые, бережливые и осторожные въ дѣлахъ своихъ, старообрядцы постепенно накапливали милліоны и, что гораздо важнѣе, умѣли сохранять ихъ неистраченными въ своихъ родахъ. Они не банкротились вслѣдствіе рискованныхъ торговыхъ предпріятій; они не пускали сыновей своихъ въ государственную службу, и оттого дѣти и внуки ихъ не превращались изъ купцовъ, ворочавшихъ милліонами, въ промотавшихся дворянъ со вчерашнимъ гербомъ и съ дворянскимъ дипломомъ, пріобрѣтеннымъ посредствомъ прапорщичьяго чина. Милліонными придаными не покупали они дочерямъ своимъ титулы сіятельства и превосходительства. Постоянно съ чувствомъ презрѣнія относясь къ откупамъ, московскіе старообрядцы никогда въ нихъ не участвовали. Ведя такимъ образомъ свои дѣла, они не расточали, а постоянно собирали богатства, и ко времени французскаго разгрома въ Москвѣ было уже немало старообрядцевъ, владѣвшихъ милліонами. Оставаясь въ своемъ замкнутомъ кругу, они помогали во всемъ другъ другу, дѣла торговопромышленныя вели сообща и всячески поддерживали членовъ своей корпорации, для которой сектаторство было и знаменемъ и личною. Въ свой кругъ, недоступный для посторонняго богача, настѣжъ отворяли они двери всякому бѣдняку, лишь бы онъ оставался неуклонно вѣрнымъ Рогожскому или Преображенскому знамени. Старообрядцы въ концѣ прошлаго, а особенно въ первыя тридцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія, завели множество фабрикъ въ самой Москвѣ и въ ея губерніи, особенно въ первомъ станѣ Богородскаго уѣзда, обыкновенно называемомъ Гуслицами. Одни крестьяне окрестныхъ деревень дѣлались рабочими на фабрикахъ, приказчиками, конторщиками и т. п., другіе стали работать въ своихъ домахъ по заказамъ фабрикантовъ. Караси и ткацкіе станки появились чуть не въ каждомъ домѣ, и прежнее бѣд-

няки-хлѣбопашцы и лѣсники вскорѣ обратились въ зажиточныхъ промышленниковъ. Богачи ихъ поддерживали, давая средства наживаться, богатѣть и самимъ дѣлаться фабрикантами и миллионерами. Такимъ образомъ росли и умножались богатства рогожцевъ, и въ то же время быстрымъ ходомъ шла впередъ около-московная промышленность. Но фабриканты-старообрядцы лишь тѣмъ изъ крестьянъ давали заработки, лишь тѣмъ помогали и доставляли возможность самимъ дѣлаться богачами, которые стояли съ ними подъ однимъ знаменемъ. Отсюда быстрое распространеніе раскола. Въ тѣ годы, въ которые фабричная около-московная промышленность дѣлала особенно большіе успѣхи, сильно распространялся и расколъ. Такимъ образомъ особенно быстро пошла фабричная промышленность послѣ тарифа въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Въ 1823, 1824 и 1825 годахъ открылось множество фабрикъ въ Москвѣ и около Москвы, особенно хлопчатобумажныхъ издѣлій. Въ эти же самые годы было и самое сильное развитіе московскаго раскола. Пронаганда его происходила не въ часовняхъ и кельяхъ Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ, а на фабрикахъ, заводахъ, въ лавкахъ и магазинахъ. Проповѣдь держали не за аналоемъ рогожскаго попа или преображенскаго наставника, но за карасемъ, за машиной. Проповѣдь раскола дѣйствовала не на сердце, не на умъ адептовъ, а на ихъ карманъ. Не упованіе на блаженство въ загробной жизни, а вѣрный расчетъ на житейскія блага міра сего давали Рогожекому кладбищу новыхъ прихожанъ. Въ этой сильной проповѣди ни единого слова не произносилось о предметахъ религіозныхъ; рѣчь шла о жалованьи, о заработной платѣ, о ссудахъ, о прощеніи долговъ, о выкупѣ изъ крѣпостной зависимости, о покупке рекрутскихъ квитанцій. Такая проповѣдь была ничѣмъ неотразима. Напрасно церковные пастыри, исполняя долгъ свой, говорили колебавшимся о высшей наградѣ тѣмъ, которые останутся вѣрными истинному православному ученію: земныя награды брали верхъ надъ чаяніемъ наградъ будущей жизни. Изъ одного слѣдственнаго дѣла по Московской губерніи, производившагося въ началѣ нынѣшняго столѣтія, видно, что одинъ небогатый крестьянинъ, до сѣдыхъ волосъ бывшій самымъ усерднымъ и благочестивымъ прихожаниномъ православной церкви, совратился въ расколъ при поступленіи въ услуженіе къ одному-тильному богатствомъ и вліяніемъ московскому раскольнику. Священникъ, съ которымъ этотъ крестьянинъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, увѣщевалъ его остаться вѣрнымъ церкви, обѣщая воздаяніе въ небесной жизни будущаго вѣка.

— Ватюшка, — отвѣчалъ ему крестьянинъ: — не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки.

Его осудили за соvrращеніе въ расколъ и богохульство, но осужденный съ семьей остались раскольниками, и сыновья осужденнаго изъ крестьянъ сдѣлались богатыми московскими купцами.

Развитіе около-московной фабричной промышленности приносило громадную пользу Россіи въ экономическомъ отношеніи, но по стеченію обстоятельствъ принесло въ то же время большой ущербъ православной церкви. Сто лѣтъ тому назадъ въ Гуслицахъ хотя и были раскольники, но не составляли и десятой доли общаго населенія; теперь тамъ почти сплошь раскольники. Какой же исходъ изъ столь печальнаго положенія? Единственный—народное образованіе. Пропаганда за станками отвлекла отъ православной церкви многочисленныхъ ея членовъ; пропаганда за школьными столами рано или поздно возвратитъ потомство отступившихъ въ нѣдра истинной церкви. Расколъ старообрядчества, чтѣ бы ни говорили писатели, знающіе его по наслышкѣ, а больше по собственному измышленію, есть порожденіе невѣжества, и больше ничего. Предъ свѣтомъ просвѣщенія ему не устоять. Но школы надо устраивать толково и вести дѣло толково, иначе и школы не помогутъ.

Представивъ краткій очеркъ возникновенія и умноженія богатствъ московскихъ раскольниковъ путемъ бережливости, расчетливости и взаимной помощи, путемъ весьма похвальнымъ, нельзя обойти молчаніемъ и другой стороны этого предмета. Поставивъ себѣ задачею безпристрастно излагать и свѣтлыя и темныя стороны дѣйствій какъ раскольниковъ, такъ и борющихся съ ними послѣдователей господствующей церкви, мы обизаны указать еще на одинъ источникъ нѣкоторыхъ громадныхъ рогожскихъ богатствъ, основываясь на источникахъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію.

Нѣсколько громадныхъ капиталовъ въ средѣ людей, стоящихъ теперь подъ рогожскимъ знаменемъ, возникло точчасъ послѣ разгрома Москвы въ 1812 году. Нѣкоторые крестьяне села Вохны *) и Гуслицкой волости, бывшіе до 1812 года бѣдными крестьянами, черезъ четыре-пять лѣтъ ворочали милліонами, а впоследствии сдѣлались первостатейными купцами и стали во главѣ Рогожскаго общества. Не упомянемъ именъ, хотя бы всѣ эти скороснѣлые богачи теперь уже и сошли въ могилу. Не важны въ нашемъ разсказѣ имена, а важенъ фактъ. А онъ вотъ въ чемъ состоялъ:

Наполеонъ I, какъ извѣстно, принесъ съ собою въ Москву фальшивыя русскія ассигнаціи, часть которыхъ и осталась у насъ въ обращеніи послѣ его бѣгства изъ Россіи. Гуслицы и Вохна изегари носятъ заслуженную ими репутацію по части дѣланія фальшивой монеты. Еще въ царствованіе Алексея Михайловича вохонскимъ мужикамъ заливали горло оловомъ за дѣланіе „воровскихъ денегъ“; въ XVIII столѣтіи немало гусялковъ досталось въ руки палачей за такую же фабрикацію. Изъ опубликованныхъ въ послѣдніе годы свѣдѣній извѣстно, что правительствомъ и въ настоящее время найдены въ этой мѣстности люди,

*) Нынѣ Павловскій посадъ, въ Богородскомъ уѣздѣ, на линіи Нижегородской желѣзной дороги.

занимавшіеся дѣдовскимъ ремесломъ. Распущенное фраипузами небольшое, впрочемъ, количество русскихъ фальшивыхъ ассигнацій подало поводъ нѣкоторымъ гусякамъ и вохонцамъ съ успѣхомъ заняться насльдственной работой. Благо было на кого свалить. Ассигнаціи же наши до 1818 года по формѣ своей были таковы, что поддѣлка ихъ не представляла какихъ-либо особенныхъ трудностей. Вотъ источникъ богатства нѣкоторыхъ рогожскихъ богачей. Кромѣ того, быстро разбогатѣли и сдѣлались владѣльцами милліоновъ нѣкоторые старообрядцы, бывшіе до 1812 года бѣдными московскими мѣщанами. По изгнаніи непріятеля изъ Москвы, когда не было ни таможенъ ни тарифа, контрабандисты ввозили въ Россію столько запрещеннаго товара, сколько могли; ввозили его свободно, безъ малѣйшаго опасенія. Нѣкоторые московскіе мѣщане-старообрядцы, познакомившись съ контрабандистами, получали отъ нихъ въ 1813 году товары и развозили ихъ по домамъ собиравшихся въ Москву на свои пенелища помѣщиковъ и купцовъ. Быстрая распродажа прекрасно отдѣланныхъ и сравнительно дешевыхъ товаровъ пріобрѣла этимъ мѣщанамъ довѣріе заграничныхъ контрабандистовъ до такой степени, что одному изъ нихъ они ввѣрили цѣлый обозъ товаровъ. Благочестивый прихожанинъ Рогожскаго кладбища разеудилъ, что совершенно излишне давать богоубійцамъ-жидамъ и всякой нѣмецкой нехристи средства наживать деньги, и воспользовался всемъ басурманскимъ обозомъ. Хозяева стали у него требовать расчета, но ловкій мѣщанинъ отвѣчалъ: „Буде имѣете законныя доказательства на принадлежность вамъ товара, ищите законнымъ порядкомъ“. Иса, разумѣется, не было, и старообрядецъ пріобрѣлъ разомъ около милліона. Вскорѣ онъ, до 1812 года отъ бѣдности бившійся какъ рыба объ ледъ, имѣлъ десять милліоновъ ассигнаціями, посессионную суконную фабрику, большой домъ въ Москвѣ, въ которомъ, какъ говорится, была „полная чаша“.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ другое обстоятельство послужило источникомъ богатства для нѣкоторыхъ членовъ Рогожскаго общества. Разумѣемъ голодные годы. Закупивъ во-время муку по 80 к. асс., они въ дорогую пору продали ее по 3 р. 80 к. и нажили громадныя деньги. Конечно, своимъ единовѣрцамъ продавали они по цѣнѣ уменьшенной и тѣмъ пріобрѣли въ ихъ средѣ большое значеніе. Часть закупленнаго хлѣба, но часть весьма небольшую, пустили они и на вольную продажу по уменьшеннымъ цѣнамъ, за что и удостоились почетныхъ отличій.

Нѣсколько страннымъ, быть-можетъ, покажется читателю, что, говоря о сильныхъ и вліятельныхъ по богатству своему милліонерахъ Рогожскаго общества, мы вдругъ перейдемъ къ содержателямъ постоянныхъ дворовъ и ямщикамъ. Но эти люди въ свое время играли весьма важную роль въ учрежденіи бѣлокриницкой іерархіи, и обойти ихъ молчаніемъ нельзя. На ямщикахъ и содержателяхъ постоянныхъ дворовъ были основаны важнѣйшія спекуляціи обоюдо рода пріобрѣтателей богатства

послѣ 1812 года. У однихъ они были переводчиками фальшивыхъ ассигнацій, для другихъ привозили и скрывали контрабанду. И то и другое послужило основаніемъ богатства рогожскихъ ямщиковъ и содержателей постоянныхъ дворовъ—не высшихъ постоянныхъ дворовъ безъ постоя, но съ распивочною водкой, а настоящихъ, паходившихся въ Рогожской, а также въ Тверской и Прѣненской частяхъ города Москвы. Ямщики и содержатели постоянныхъ дворовъ въ сектаторскомъ отношеніи потому еще имѣли значеніе, что посредствомъ ихъ развозились по мѣстамъ и у нихъ укрывались бѣглецы и другія лица, состоявшіи подъ преслѣдованіемъ правительства, посредствомъ ихъ производились сношенія московскаго старообрядческаго общества съ иногородными, разсылка рогожскихъ агентовъ, большею частью монаховъ, по разнымъ мѣстамъ Россіи для сохраненія непрерывныхъ связей и сношеній между главными пунктами старообрядчества, для наблюденія за духомъ народа и для передачи, обсужденія и истолкованія въ рогожскомъ смыслѣ каждаго новаго правительственнаго распоряженія. Въ подтвержденіе важности въ Рогожскомъ обществѣ ямщиковъ и содержателей постоянныхъ дворовъ, можно привести сверхъ сказаннаго и то, что первый старообрядческій архіерей, водворившійся въ предѣлахъ Россіи, вышелъ изъ ихъ среды. Эта среда была несравненно дѣятельнѣе въ достиженіи сектаторскихъ цѣлей, а въ томъ числѣ и въ учрежденіи Бѣлокриницкой митрополіи, чѣмъ самая среда московскихъ и петербургскихъ богачей. Богачи только развизывали туго набитые кошель, но дѣятельное участіе принимали въ этомъ дѣлѣ гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Ихъ общественное положеніе, ихъ довольство въ жизни и стремленіе къ почестямъ и отличіямъ, до которыхъ они всегда были надки,—словомъ, опасеніе скомпрометировать свое имя передъ правительствомъ удерживало милліонеровъ отъ прямого и непосредственнаго участія въ сектаторскихъ дѣлахъ; ямщики же, содержатели постоянныхъ дворовъ и тому подобные люди, не мечтавшіе о медаляхъ и почетномъ гражданствѣ, а потому не очень боявшіеся скомпрометировать свое неважное имя, работали насколько хватало силъ и умѣнья, не оглядываясь ни назадъ ни по сторонамъ. Располагая денежными средствами, щедро отпускаемыми изъ сундуковъ рогожскихъ милліонеровъ, они были настоящими дѣятелями по учрежденію заграничной митрополіи.

Связи рогожскихъ капиталистовъ, большихъ и малыхъ, основаны были на узакъ секты, которую они поддерживали для большаго обогащенія. Такъ, напримѣръ, московскимъ хлѣбнымъ торговцамъ нужны были вѣрные агенты для выгодной закупи хлѣба въ плодородныхъ губерніяхъ, и они такихъ имѣли въ Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской и Саратовской губерніяхъ, въ средѣ тамошнихъ старообрядческихъ общинъ. Посредствомъ ихъ они постоянно получали точныя свѣдѣнія не только о цѣнахъ на хлѣбъ, но и о томъ, какъ растетъ хлѣбъ, каковы надежды поселянъ на урожай,

каковы запасы помѣщиковъ и проч. Рыбные торговцы имѣли вѣрныхъ людей изъ своихъ единовѣрцевъ — на Дону, на Уралѣ и на низовьяхъ Волги. Они доставляли въ Москву скорыя и вѣрныя свѣдѣнія объ уловѣ рыбы, о дѣлѣ на нее, о количествѣ забранной изъ казенныхъ запасовъ соли, о добычѣ икры, вязиги, клею и другихъ рыбныхъ товаровъ, о фрахтахъ перевозки, о количествѣ порожнихъ судовъ и т. п. Торговцы скотомъ, посредствомъ своихъ единовѣрцевъ съ Дона, изъ скатерино-славскихъ степей, изъ губерній Самарской и Оренбургской, получали вѣрныя свѣдѣнія обо всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до нихъ торговли. Губерніи Ярославская, Владимірская, Тверская, Костромская, Вологодская, доставляющія въ Москву съѣстные припасы, отчасти находились въ рукахъ рогожскихъ, и притомъ не только капиталистовъ, но и содержателей постоялыхъ дворовъ. На все рогожскій старообрядческо-торговый союзъ устанавливались цѣны не только въ Москвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, но мѣрѣ зависимости ихъ отъ Москвы въ торговомъ отношеніи. Ходобички, или офени, Владимірской губерніи зависѣли также отъ московскаго старообрядческаго общества: на ярмаркахъ Нижегородской, Коренной и другихъ великороссійскихъ и при развозѣ товаровъ по всемъ закоулкамъ Россіи, на всемъ ея пространствѣ до отдаленныхъ мѣстъ Сибири, даже въ Вухарѣ и Хивѣ, они повышали или понижали цѣны на русскія издѣлія подобно расчетамъ рогожскихъ тузовъ, но ихъ волѣ, которая для нихъ была непрекаема. Такъ дѣйствовалъ никогда не регламентированный, но самъ собою сложившійся и доселѣ подъ знаменемъ Рогожекаго кладбища процвѣтающій торгово-промышленный союзъ. Другой такой же союзъ, но менѣе сильный, хотя, быть-можетъ, не менѣе богатый, образовался подъ знаменемъ Преображенскимъ **).

Еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія московская поповщина имѣла общественныя моленные, устроеныя въ домахъ богатыхъ людей, и, кромѣ того, два особія кладбища: одно близъ Донскаго монастыря, другое за Тверскими воротами ***). При каждомъ изъ нихъ были устроены

*) Все сказанное основано на множествѣ торгово-сектаторскихъ писемъ, находившихся при разныхъ дѣлахъ и слѣдственныхъ производствахъ въ архивахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, московскаго военскаго губернатора и нѣкоторыхъ провинціальныхъ.

**) На Рогожскомъ кладбищѣ, на такъ-называемой «моровой могилѣ», въ которую зарываемы были чумные, находится памятникъ съ слѣдующею надписью: «Мѣсто сіе отведено для погребенія усопшихъ старовѣровъ въ лѣто отъ сотворенія міра 7279, вмѣсто таковыхъ, до сего бывшихъ двухъ кладбищъ, единого у Донскаго монастыря, а другого за Тверскими воротами». На другомъ памятникѣ написано о погребеніи *перво*го чумнаго (Матвѣй Васил. Суминъ) 11-го сентября 1771 года. Слѣдовательно Рогожское кладбище началось ранѣе Преображенскаго безпоповщинскаго, ибо приказъ объ отводѣ послѣдняго данъ изъ правительствующаго сената 15-го сентября 1771 г. («Сборникъ изъ исторіи старообрядчества», П. Погова, 1—78).

часовни и отдѣльные дома, въ которыхъ жили бѣглецы отъ православной церкви поны и вышедшіе изъ старообрядческаго общества уставщики и дячки. Во время чумы 1771 года московской поповщины было отведено мѣсто за Покровской заставой, на землѣ, принадлежавшей деревнѣ Новоандроновкѣ, населенной старообрядцами же. Здѣсь московскіе старообрядцы устроили знаменитое *Рогожское кладбище* *).

Рогожское кладбище находится въ Москвѣ, за Камерь-коллежским валомъ, подлѣ Рязанскаго шоссе, неподалеку отъ временной московской станціи Нижегородской желѣзной дороги. Оно занимаетъ площадь пространствомъ больше чѣмъ въ 22 десятины и обнесено высокою, бревенчатою, уже почернѣвшею отъ времени стѣною, съ одними воротами, обращенными къ городу, кромѣ существовавшихъ, а можетъ-быть, и донынѣ существующихъ тайниковъ, для прохода къ Рязанскому шоссе и

*) О правахъ Рогожскаго общества на занимаемую его кладбищемъ землю производилось въ 1835 году *дѣло*, находящееся въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора (3 декабря 1835 г., № 68 — 34). Попечители кладбища, на запросъ о документахъ, отвѣчали такъ: «во время моровой комиссіи (1771 г.), по распоряженію правительства, для устройства ихъ старообрядческаго кладбища отведено было мѣсто за Рогожской заставой; документъ же сей во время нашествія непріятеля въ 1812 году утраченъ, а журналъ оного, полагать надобно, долженъ находиться при дѣлахъ оной комиссіи». Попечители при этомъ представили два рескрипта императора Александра I, одинъ начальнику московской стоаницы графу Салтыкову, а другой — вятскому губернатору, тайному совѣтнику Руничу, по представлению котораго состоялись эти рескрипты. Вотъ оба документа:

1) Графъ Иванъ Петровичъ! Узнавъ, что прихожанамъ новоустроенной церкви во имя Введенія Пресвятыи Богородицы, что за Салтыковымъ местомъ, отведено кладбище близъ старообрядческаго Рогожскаго противъ воли старообрядцевъ и съ отнятіемъ у казенныхъ крестьянъ деревни Новоандроновки хлѣбопашенной ихъ земли, и нахожу дужнымъ примѣтить, что земскій судъ, учинившій сей отвѣдъ, неправильно поступилъ, не спесясь въ ономъ съ духовнымъ правительствомъ, по распоряженію коего прихожанамъ Введенскіи церкви предоставлено было уже имѣть погребеніе мертвыхъ въ Покровскомъ монастырѣ или на мірокѣмъ кладбищѣ. Посему и поручаю вамъ, сходственно мнѣнію пресвященнаго митрополита Платона, основанному на взаимныхъ отношеніяхъ старообрядцевъ къ симъ введенскимъ прихожанамъ и на устройствіи церковной тишины и спокойствія, землю, имъ отведенную отъ деревни Новоандроновки, возвратить въ прежнее ея владѣніе, а прихожанамъ симъ объявить, чтобы они слѣдовали рѣшенію, данному на ихъ прошеніе отъ митрополита. Въ прочемъ пребываю къ вамъ благосклонный. *Александръ*. Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 17-го дня 1802 года. Сію копію засвидѣтельствовалъ тайный совѣтникъ, вятскій гражданскій губернаторъ Павелъ Руничъ.

2) Господинъ тайный совѣтникъ Руничъ! Внявъ представленію вашему о каадищѣ, отведенномъ въ Москвѣ въ смежности съ старовѣрческимъ Рогожскимъ кладбищемъ, каковъ данъ мною указъ московскому военному губернатору, генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову, съ оного для свѣдѣній вашего пригагаю при семъ списокъ, пребывая въ прочемъ къ вамъ благосклонный. *Александръ*. Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 17-го дня 1802 года.

Введенская церковь, о которой упоминается въ первомъ рескриптѣ, есть единавѣрческая.

къ деревнѣ Новоандроновкѣ. Въ этой оградѣ построены цѣлый городокъ, населеніе котораго въ былое время превышало населеніе нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ городовъ. Оно постепенно возрастало; въ 1823 году составляя лишь 990 человекъ, въ 1845 году достигло до 1.588. Но здѣсь сочтены еще не все рогожскіе жители, а только одни такъ-называемые „лицевые“, то-есть показываемые въ ежегодныхъ вѣдомостяхъ, подаваемыхъ кладбищенскою конторой московской полиціи. Кромѣ „лицевыхъ“ немало бывало „не лицевыхъ“, „подпольныхъ“, то-есть такихъ, о которыхъ неудобно было доносить полиціи: безпаспортныхъ, бѣглыхъ, пришлыхъ изъ разныхъ мѣстъ монаховъ и монахинь и т. п. Сверхъ того, на кладбищѣ всегда проживало много народа посторонняго. Это были временные жители: пріѣзжавшіе для совершенія требъ, друзья и родственники постоянныхъ кладбищенскихъ жителей, гостившіе у нихъ по цѣлымъ годамъ, и проч. т. п.

При учрежденіи Рогожскаго кладбища въ 1771 году, была построена небольшая деревянная часовня. Черезъ пять лѣтъ она была замѣнена обширною каменною во имя Николая Чудотворца *). Въ 1790 году рядомъ съ нею была построена огромная холодная часовня Покрова Пресвятыя Богородицы, едва ли не самая обширная изъ всѣхъ московскихъ церквей, за исключеніемъ развѣ соборовъ. Въ 1804 году кладбищенскій попечитель Шевяковъ исходатайствовалъ у тогдашняго начальника московской столицы, Беклешова, дозволеніе построить третью часовню. Эта обширная зимняя каменная часовня, во имя Рождества Христова, находится на югъ отъ главной, Покровской; построена она по плану архитектора Жукова **). На одной изъ внутреннихъ стѣнъ Рождественской часовни находится надпись, гласящая, что въ 1812 году, во время опустошенія Москвы непріятелемъ, рогожскія часовни, по особенному Божью къ мѣсту сему покровительству, не пострадали и не потеряли ничего изъ находящагося въ нихъ. Въ этой часовнѣ собирались большіе рогожскіе соборы, то-есть гѣ, въ которыхъ принимали участіе и рогожское духовенство и депутаты иногороднихъ старообрядческихъ обществъ, и разсуждали о дѣлахъ, касающихся не одной Москвы, но вообще всего русскаго старообрядчества. Часовни были украшены великолѣпно. Иконы превосходнаго деревянаго письма — рублевскія, строгоневскія и др., въ богатыхъ сребропозлащенныхъ ризахъ съ драгоцен-

*) Въ 1854 году она обращена въ единовѣрческую церковь.

**) Билетъ, выданный московскою управой благочинія попечителю Рогожскаго кладбища, купцу Ильѣ Фокину Шевякову, 21-го декабря 1804 г., № 1.070, на постройку каменной зимней часовни, длиною на 22 сажени, а шириною на 11 сажень, и жилого строенія (ночь богадѣльню) на 22 сажени длиною и 10 аршинъ шириною, — находится въ ~~дѣлѣ~~ о правахъ Рогожскаго старообрядческаго богадѣльнаго дома пріобрѣтати въ собственность движимое и недвижимое имущество и о духовномъ завѣщаніи Воцаклина, 3-го декабря 1835 года, № 34, въ архивѣ московскаго генерал-губернатора.

ными камнями и жемчугомъ, серебряныя паникадила и подевѣчники съ нудовыми свѣчами, богатая илащаницы, золоченыя иконостасы, великолѣпная утварь—все свидѣтельствовало какъ объ усердіи, такъ и о богатствѣ рогожскихъ прихожанъ.

Хотя часовни были устроены съ алтарями и престолами, но ни одна изъ нихъ никогда не была освящена. Потому и литургій въ нихъ не совершалось. Богослуженіе ограничивалось вечернями, всенощными, часами. Кромѣ того въ часовняхъ совершались вѣчанія свадебъ, исповѣдь, причащеніе, крещеніе младенцевъ, а иногда и взрослыхъ, отпѣваніе умершихъ; въ нихъ же попы служили молебны, панихиды и проч.

Свадебъ вѣчалось много, особенно въ мясоѣдъ передъ масленицей. Вѣчатся пріѣзжали на Рогожское кладбище не только жившіе въ Москвѣ старообрядцы, но и жители уѣздовъ Московской губерніи. Во множествѣ пріѣзжали и изъ другихъ губерній, иногда самыхъ отдаленныхъ. Когда поповъ было на кладбищѣ много, въ иные дни въ каждой часовнѣ вѣчали по нѣскольку свадебъ, одну за другою, а при „оскуднѣніи священства“ стали даже вѣчать по десяти свадебъ заразъ, „туескомъ“, какъ говорилось. Въ двухъ часовняхъ два попа послѣдняго времени въ одинъ разъ вѣчали по двадцати свадебъ. Для этого и устроено было двадцать паръ совершенно одинаковыхъ бронзовыхъ вѣнцовъ, хранившихся въ Рождественской часовнѣ**).

Исповѣдывали попы каждый своихъ прихожанъ въ часовняхъ, а иногда и у себя на дому. Для записыванія исповѣдниковъ велась на кладбищѣ въ конторѣ особыя метрическія книги, но въ нихъ, судя по бывшей у насъ подъ руками книгѣ за 1841 годъ, вносились далеко не все исповѣдники**). Едва ли и десятая доля исповѣдниковъ записывалась, тѣмъ болѣе, что иные закорелѣлые раскольники изъ простого народа и фанатическіе жители кладбища смотрѣли на записку какъ на

*) «Описъ вещей на Рогожскомъ кладбищѣ», составленная въ 1854 г., въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1854 г., № 79. Для вѣчанія богатыхъ свадебъ были вѣнды серебряныя вызолоченныя съ бриллиантами, жемчугомъ и драгоценными камнями. Относительно вѣчанія свадебъ, на Рогожскомъ соборѣ 16-го февраля 1823 г. было постановлено: «браковъ на всѣ вселенскія субботы не вѣчать». Въ другомъ постановленіи (безъ означенія года, но, вѣроятно, того же 1823 г.): «члнвъ второго брака неупустительно стараться исполнять». Подлинныя постановленія за подписью поповъ и попечителей въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ», 7-го мая 1853 года, № 519.

***) Въ 1841 году было четыре попа. Изъ нихъ у старшаго, Ивана Матвѣевича Нестрובה, записано исповѣдниковъ 413 мужчинъ и 509 женщинъ, у Александра Ивановича Арсеньева — 505 мужчинъ и 935 женщинъ, у Петра Ермиловича Русанова — 135 мужчинъ и 196 женщинъ, у Ивана Максимова — 167 мужчинъ и 168 женщинъ, всего только 1220 мужчинъ, 1.808 женщинъ, 3.028 обоего пола. Здѣсь, кромѣ московскихъ жителей, записаны нѣкоторые крестьяне и даже раскольники изъ другихъ губерній.

дѣло грѣховное, установленное не церковью, а свѣтскимъ правительствомъ *).

Причащали запасными дарами послѣ часовъ, въ часовнѣ. Для этого четверо священниковъ съ потирами въ рукахъ выходили изъ алтара въ ризахъ и становились по двое у праваго и лѣваго клиросовъ, двое на самихъ клиросахъ и двое позади ихъ — въ сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ алтара. Каждый приобщалъ своихъ духовныхъ дѣтей.

Младенцевъ крестили непременно въ часовняхъ. Чтобы судить о числѣ привозимыхъ для крещенія дѣтей изъ Московской и сосѣднихъ съ нею губерній, достаточно сказать, что въ Рождественской часовнѣ находилось 46 купелей. Совершались иногда крещенія и взрослыхъ: если, напримѣръ, въ рогожское согласіе кто-либо переходилъ изъ безпоповщинской секты, въ младенчествѣ не крещенный къ православной церкви. Православныхъ принимали вторымъ чиномъ, то-есть посредствомъ миропомазанія и проклятія ересей, что совершалось, разумѣется, всегда въ тайнѣ.

Умершихъ отиѣвали преимущественно въ Никольской часовнѣ. Тамъ же пѣлись и заочныя погребенія. За немѣнимъ священниковъ, старообрядцы въ разныхъ городахъ и селеніяхъ хоронили своихъ мертвыхъ, отиѣвъ надъ гробомъ лишь „канонъ за единоумершаго“, и потомъ посылали деньги въ Москву по почтѣ или съ „оказіей“ и заказывали на Рогожскомъ кладбищѣ кому-либо изъ тамошнихъ поповъ отслужить „погребеніе“ заочно. Случалось, и нерѣдко, что такимъ образомъ отиѣвали покойника черезъ полгода и болѣе послѣ преданія его землѣ.

Молебны служились больше въ Рождественской часовнѣ, а въ лѣтнее время въ большой, Покровской. Въ большіе праздники, въ царскіе дни и „викторные“ служились „молебны соборные“, то-есть всѣми поами, находившимися на кладбищѣ **).

*) Изъ сличеній неповѣдной книги съ именнымъ спискомъ жителей самаго кладбища видно, что изъ нихъ лишь нѣсколько десятковъ записаны бывшими на неповѣди. За границей, въ Австріи и Молдавіи, старообрядцы также долго осаривали у правительства возлагаемую на нихъ обязанность вести метрическія книги. Въ 1863 г. молдавскіе раскольники жаловались даже великому визирю на князя Кузу за то, что оный приказалъ имъ вести метрическія книги, называя такое дѣйствіе князя стѣсненіемъ ихъ вѣры.

**) Молебны въ царскіе дни и въ «викторные» (то-есть въ дни воспоминанія побѣдъ), благодарные молебны служились неупустительно. По 4-й статьѣ «Постановленія Рогожскаго собора» 1823 г. (подлинникъ его висѣлъ на стѣнѣ въ часовнѣ, теперь находится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ» 7-го мая 1853 г., № 519) сказано: «священники и дьяконы въ соборныхъ служеніяхъ, какъ-то: господскіе праздники, крестные ходы, царскіе дни... имѣютъ обязанность быть все за общимъ молитвенсловіемъ непременно». Въ первой статьѣ «Рогожскаго постановленія о церковномъ благочиніи» (подлинникъ тамъ же): «А въ викторные, въ нихъ же токмо поются благодарные молебны, то въ оныя какъ погребенія, такъ и напхидъ не пѣтъ только до молебна, а послѣ оного совершать, ибо по апостолу (?): *воздавалъ Божии Боюви, а кесарсва кесареви*».

Крестные ходы—6-го января, въ день Преполовенія и 1-го августа для освященія воды, а также въ заутрени Великой Субботы и Пасхи и въ нѣкоторые другіе праздники, вокругъ часовень, въ то время, какъ было еще много на кладбищѣ поповъ, совершались съ большою торжественностью. Весь путь устилаемъ быть зеленымъ сукномъ и коврами. „Впереди шли съ хоругвями избранные носильщики, все въ кафтанѣхъ стараго покроя, — говорить въ своихъ „Запискахъ“ покойный В. А. Сафѣлкинъ, водворитель единовѣрія на Рогожскомъ кладбищѣ:— за ними слѣдовали такіе же избранные прихожане съ иконами, потомъ священники въ дорогихъ ризахъ, и все это чинно, въ строгомъ порядкѣ. Зрѣлище, до глубины сердца умилившее истаго старообрядца!“ *) Для освященія воды, на востокъ отъ часовень, саженихъ въ сорока отъ нихъ, нарочно выкопанъ прудъ (60 сажень длины, 15 ширины) съ обдѣланнымъ протокомъ воды, выведеннымъ на югъ къ Рязанскому шоссе. На пруду устроена деревянная іордань, въ которой поны святити воду три раза въ годъ, какъ установлено церковнымъ чиноположеніемъ.

Для совершенія службъ и требъ, рогожскіе старообрядцы постоянно имѣли на кладбищѣ достаточное количество поповъ, бѣглыхъ отъ православной церкви. Въ 1822 году, когда послѣдовали извѣстныя правила о бѣглыхъ понахъ, рогожцы заявили правительству о двѣнадцати священникахъ и четырехъ дьяконахъ, у нихъ находящихся **). Все они большею частью были старики, изъ нихъ до 1827 года два пона обратились въ православіе, а пять поповъ и два дьякона умерли. Когда послѣдовалъ воспретительный указъ вновь принимать поповъ и вовсе не принимать дьяконовъ (1827 г.), первыхъ на Рогожскомъ кладбищѣ оставалось пятеро, послѣднихъ двое. Хотя съ 1823 по 1825 годъ число прихожанъ Рогожскаго кладбища, по свидѣтельству протоіерея Арсеньева, удвоилось, однако рогожскіе старшины не позаботились о привлеченіи на свое кладбище новыхъ бѣглыхъ поповъ, хотя въ то время ходатайство ихъ и не было бы отринуто. Увеличенію штата рогожскаго духовенства всего больше противились сами попы. Алчность рогожскихъ священнослужителей къ стяжаніямъ была неимоверна. Когда ихъ было много, были они помоложе и еще не такъ богаты, какъ впоследствии, то столь усердны были они къ доходной для кармана ихъ службѣ, что даже *перехватывали* другъ у друга требы. Для этого становились они на паперти или въ самой часовнѣ и отбивали другъ у

*) «Записки В. А. Сафѣлкина». «Русскій Вѣстникъ» 1864 года, № 11, стр. 190 и 191.

**) Попы: 1) Иванъ Ефимовъ, бѣжавшій отъ церкви еще въ прошломъ столѣтіи, 2) Иванъ Матвѣевъ, 3) Тимофей Алексѣевъ, 4) Петръ Алексѣевъ, 5) Іоакимъ Петровъ, 6) Ефимъ Федоровъ, 7) Петръ Никифоровъ, 8) Александръ Ивановичъ Арсеньевъ, 9) Петръ Ермиловичъ Русаловъ, 10) Иванъ Максимовъ, 11) Иванъ Михайловъ, 12) Василій Михайловъ. Дьяконы: 1) Алексѣй Ивановъ, 2) Никифоръ Григорьевъ, 3) Евдокимъ Никитинъ и 4) Иванъ Семеновъ.

друга желающихъ отслужить молебенъ, панихиду и т. п. Даже отправляя службу, въ то время, когда происходило пѣніе или чтеніе, рогожскіе пастыри оставляли мѣста свои и въ ризахъ перебѣгали изъ одной часовни въ другую, подобно гостинодворскимъ мальчишкамъ, зазывая къ себѣ исполнить какую-либо потребу. Мало того, они совершали по двѣ требы заразъ, чтобы такимъ образомъ побольше добыть денегъ. Молебны служили, какъ говорилось, „на курьерскихъ“. Правда, по заказамъ богатыхъ и именитыхъ прихожанъ, поны служили чинно и благоговѣнно, зато бѣднякамъ съ возмутительнымъ цинизмомъ говорили: „За твой гривенникъ я тебѣ и „Господи помилуй“ не скажу; хочешь молиться, такъ сложишь съ другими, чтобы было изъ чего мнѣ служить“. Что касается до дьяконовъ, то они, во время служенія молебновъ, панихидъ и погребеній разными попами въ разныхъ часовняхъ, перебѣгали отъ одного къ другому; въ одной часовнѣ прочтеть ектенію и побѣжить, подобравъ полы стихаря, въ другую провозгласить: „воимемъ!“—чтобъ и тамъ и тутъ получить дьяконскую свою долю.

Такая торговля святыней вызвала сильный ропотъ прихожанъ, и въ 1823 году по этому случаю былъ на Рогожскомъ кладбищѣ соборъ, на которомъ попы, дьяконы и попечители составили „Постановленіе о благочиніи церковномъ“, подписали его и повѣсили на Рождественской часовнѣ. „Постановленіе“ это начинается словами: „Работайте Господу со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ!“ Подлинникъ этого „Постановленія“ теперь, какъ уже было упомянуто, хранится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вотъ нѣкоторыя статьи этого „Постановленія“, доказывающія дѣйствительность разсказанныхъ сейчасъ безобразій, творимыхъ „мздою ослѣпленными“, по выраженію раскольника Никола Тимофеевича, рогожскими попами во время отправленія ими требъ:

„*Статья 2.* Священники и служащіе при нихъ ни подъ какимъ видомъ не дерзали бы на паперти и въ молитвенномъ храмѣ *требы* *перехватывать* и тѣмъ нарушать благочиніе церковное. Имѣющій нужду самъ можетъ о томъ просить, когда должно.

„*Статья 3.* Изъ соборныхъ панихидъ, погребеній, молебновъ и требъ, не окончивши одно, за другіе не переходить, кромѣ смертнаго случая, такъ дьяконамъ къ священникамъ безъ нужнаго случая во время служенія не подходить и отъ одного къ другому, не окончивши потребу, не переходить.

„*Статья 5.* Священники, безъ нужнаго случая, а паче въ священныхъ ризахъ, отъ службы Божьей и требы, какой ни есть, не выходили бы внѣ молитвеннаго храма.

„*Статья 6.* Священникамъ молебны болѣе шести канонѣвъ не начинать, ибо сіе невѣстимо, а болѣе по усердію просителей оставлять на другой разъ, дабы молитва могла быть со вниманіемъ, а не дерзостью“.

„Статья 7. Дѣлѣ требы вдругъ не править.

„Статья 9. Священникамъ особенно имѣть во вниманіи, дабы требующіе ихъ по бѣдности и по неимѣнію дерзновенія къ нимъ не презрими были, но наипаче сильныхъ и богатыхъ покровительствуемы, по словеси Спасителя міру: „Не презрите единого отъ малыхъ сихъ, ибо ангели ихъ выну видятъ лице Отца Моего, иже есть на небесахъ“.

„Если же кто, забывъ страхъ Божій и свое священноначальническое званіе, вышеописанное оставить въ неисполненіи или небреженіи, такового 10 статьею наказывать судомъ духовнымъ“.

„Собственное свидѣтельство паче всякаго иного свидѣтельства“.

Подъ этимъ „Постановленіемъ“ подписались всѣ поны и дьяконы рогожскіе *).

О томъ, что дѣлалось на Рогожскомъ кладбищѣ до водворенія въ немъ австрійскаго священства, любопытныя указанія находятся также въ „Келейныхъ совѣтахъ, письменно предложенныхъ господишу епископу Онуфрїю отъ Семена Семенова и Ивана Захарова“ **). Вотъ что говорятъ эти вліятельные и пользующіеся большою славою старообрядцы:

*) Петръ Ермиловичъ счелъ нужнымъ къ своей подписи добавитъ слѣдующія слова: «Обязуюсь исполнить по вышеписанному». Кролѣ того подписались попечители: Павелъ Дуняковъ, Ларіонъ Абрамовъ, Иванъ Окороковъ, Трифонъ Лубковъ, Давидъ Щекинъ, Федоръ Боконъ, Николаѣ Царскій. Вслѣдствіе упомянутыхъ поступковъ рогожскихъ поновъ, особенно же вслѣдствіе ихъ аличности къ стяжаніямъ, старообрядцы изъ престопа родья переходили въ другія секты или вовсе оставались безъ всякой вѣры. Въ «дѣлѣ о раскольникѣ Ниаѣ Тимошевѣ» (23-го марта 1840 г. № 58, въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора) есть показаніе этого крестьянина, жившаго въ Москвѣ, что онъ «прежде былъ по Рогожскому кладбищу и назадъ тому три съ половиною года (значитъ, 1836 г. осенью) отошелъ изъ оной вѣры и разсматриваетъ, какую лучше ему избрать, но еще не избралъ; женилъ сына и крестилъ дочь не на Рогожскомъ кладбищѣ, потому что находясь въ тамошней вѣрѣ *разныя упушенія и безпорядки, несообразныя съ правилами св. отца, ибо мзда заслуживаетъ тамошнихъ священниковъ*».

**) Въ августѣ 1861 года происходилъ шумный московскій старообрядческій соборъ, ознаменованный многими соблазнами, причиною которыхъ были сначала Антоній, архіепископъ владимірскій, а потомъ Аванасій, епископъ саратовскій. Августа 25-го Аванасій, котораго избрали-было на московскій престолъ, подалъ собору прошеніе (напечатано въ 3-й книжкѣ «Чтеній въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1865 года, стр. 239—243), въ которомъ требовалъ, чтобы уставы и чиноположенія исполнялись такъ же, какъ исполнялись они на Вѣткѣ, въ пргзскихъ монастыряхъ и на Рогожскомъ кладбищѣ. Епископы имѣли о томъ совѣщаніе и составили такъ-называемое «Соборное разсужденіе о мѣстныхъ обычаяхъ» 30-го сентября 1861 года. Конецъ дѣлу должны были положить ожидаемые Москвою митрополитчи послы: епископъ Онуфрїй, намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита, священнопопкъ Евфросинъ и инокъ Алипій, которые и прибыли около 9-го декабря 1861 года. Въ это время начетчики и знатоки устава и старыхъ обычаевъ: дьякъ духовнаго совѣта Семенъ Семеновъ (крестьянинъ Серпуховскаго уѣзда) и Иванъ Захаровъ, писмоводитель Антонія владимірскаго, люди вліятельные

„Совѣтъ 5-й. Богопротивное исповѣданіе епископа Аванасія, значущееся въ его прошеніи, никакъ не принимать. Онъ написалъ, что было на кладбищѣ до архіепископа Антонія, все то свято, что и подтвердилъ словами: „како вѣрую и исповѣдую“. Но на кладбищѣ до архіепископа Антонія было вотъ что: а) Всѣ кладбищенскіе поны правительству были обязаны подпискою отъ ереси приходящихъ (то-есть православныхъ) не принимать. б) Нашимъ православнымъ христіанамъ, не принадлежащимъ по жительству къ Московской губерніи, никакихъ требъ не исправлять. в) За крещеніе младенцевъ установлена была такса, 1 руб. 25 коп. сер. за крещеніе, для чего въ конторѣ содержали нарочнаго писаря, который и собиралъ за крестины деньги. г) Также и епископъ (Софроній *), въ бытность его на кладбищѣ съ епископомъ Аванасіемъ, бывшимъ того архимандритомъ и экономомъ**), установили таксу: съ московскихъ поновъ половину, а съ деревенскихъ третью часть дохода брать епископу, а который попь хотя мало что утайлъ, такового подвергали части Ананія и Сапфиры. Именно въ такомъ родѣ была написана бумага, и всѣ поны были вынуждены къ ней подписаться. Это есть суцная симонія. д) Въ крещеніи младенцевъ постригали въ 12 лицъ, еже есть въ четыре троицы, что прямо противно не только изложенному о семь предметѣ преданію въ „Потребникахъ“, но противъ и 49 правила святыхъ апостолъ, о чемъ зри въ „Стоглавъ“ глава 17. А въ древлеписменныхъ „Кормчихъ“ и въ „Посланіи Фотія митрополита въ Псковъ“ такое приглашеніе названо многобожіемъ. е) Въ причастіе святыхъ таинъ теплоты никогда не вливали, но всегда причащали съ холодною водою, также и сіе противно святыхъ отецъ преданію. ж) Во всѣхъ древнихъ „Уставахъ“, въ „Служебныхъ Миніяхъ“ и „Октяхъ“, въ „Служебникахъ“ на возгласъ: „слава святѣи“ положено кадить, а на кладбищѣ вмѣсто кажденія благословляли рукой. То же дѣлали и на „Свѣте тихій“, что прямо противно всѣмъ древлепечатнымъ книгамъ и уста-

въ Рогожскомъ обществѣ, подали Онуфрію на бумагѣ такъ-называемые «Келейные совѣты», въ которыхъ предагали ему сдѣлать разныя распоряженія, которыя, по ихъ мнѣнію, могли умирить старообрядческое общество и водворить миръ и тишину церкви. Между прочимъ, они «исповѣданіе Аванасія», выраженное въ его просьбѣ 25-го августа, признали «богопротивнымъ» и въ доказательство того изложили перечень вольныхъ и невольныхъ отступленій рогожскихъ поновъ отъ церковныхъ правилъ. Подлинникъ «Келейныхъ совѣтовъ» находится у Онуфрія, вышѣ (1867) православнаго инока, присоединившагося къ святой церкви на условіяхъ единовѣрія. Изъ этихъ-то «совѣтовъ» и приводимъ выписку.

*) Первый назначенный Бюрокриникимъ митрополитомъ въ Россіи епископъ рукоположенъ 4-го января 1849 года, за симонію запрещенный и потомъ изверженный, но, несмотря на то, до сихъ поръ продолжающій дѣйствовать по-архіерейски.

**) Бывшій экономъ Верхнепреображенскаго монастыря, возведенный Софроніемъ въ архимандриты, а въ 1855 году рукоположенный Антоніемъ въ епископы.

вамъ. з) Браки вѣчали вдругъ по пятнадцати. Одну свадьбу, которая позначительнѣе, около аналоя вѣдеть ночь, а прочія всѣ за нимъ сами идутъ. Такжеже и сіе не только не согласно, по противно церковному преданію. и) Кладбищенскіе поны въ послѣднее время еще ввели-было лютеранскую исповѣдь, а именно по 200, а иногда и по 300 человекъ исповѣдывали вмѣстѣ и, прочитавъ только однѣ молитвы и поновленіе безъ исповѣди, причащали всѣхъ безъ разбору^{*)}. Итакъ, спрашивается, можно ли все это почитать святымъ и богоугоднымъ и, какъ написать въ прошеніи своемъ епископъ Аванасій, тако вѣровать и исповѣдывать? Да не будетъ намъ сего никогда же на умъ пріятн⁴.

„Совѣтъ 6-й. Почему нововыдуманые обычаи, несогласные древлепечатнымъ патріаршимъ книгамъ, неспремѣнно нужно уничтожить, а прошедшее оставить въ судьбѣ Вожей: иначе мы не можемъ называться „старобрядцами“, но „староглядцами“ или, просто сказать, по Никонѣ возникшими „новообрядцами“, чрезъ что могутъ возникнуть смуты и непримиримые раздоры, отъ чего сохрани насъ, Воже, и помилуй Своею благодатью. Если же всѣ церковные дѣйствія и обычаи учредятся и будутъ дѣйствовать по старопечатнымъ книгамъ, безъ сомнѣнія, водворится повсемѣстно миръ и тишина, и свѣтло возсіяетъ никогда и никѣмъ неоспоримая древлецерковная истина. Хотя вначалѣ иѣщые неразумные, коихъ очень мало (?), и покрамолятъ, но послѣ и они, опомнившись, возблагодарятъ истиннаго Бога и похвалятъ законную ревность древле-православныхъ пастырей“.

Воспретительный указъ 1827 года засталъ Рогожское общество враислохъ. Съ ужасомъ увидѣли ревнители старообрядчества, что близко и неизбѣжно время, когда за немѣнѣемъ поновъ надо будетъ или власть въ безпопощину, или присоединиться къ православной церкви на условіяхъ единовѣрія. Къ счастью ихъ, изъ оставшихся дозволенныхъ поповъ послѣдніе дожили на кладбищѣ даже до 1854 года, но имъ ужъ невозможно было исправить всѣхъ требъ. Поэтому на Рогожскомъ кладбищѣ раскольники стали держать секретно бѣглыхъ поповъ вдобавокъ дозволеннымъ. Они большею частью жили у богатыхъ купцовъ, преимущественно же у содержателей постоялыхъ дворовъ: на кладбищѣ бывали временно и укрывались тамъ въ женскихъ обителяхъ матерей Пульхерин и Александры, а также въ особомъ тайникѣ, нарочно устроенномъ въ общественномъ саду на кладбищѣ^{**)}.

*) Объ этой исповѣди мы говорили выше, но, на основаніи рукописной «Записки о московскихъ раскольническихъ кладбищахъ 1844 — 1849 гг.», упомянули только о пятидесяти исповѣдникахъ вдругъ. Волѣ свѣдущіе и не подлежащіе сомнѣнію въ этомъ отношеніи Семенъ Семеновъ и Иванъ Захаровъ увеличиваютъ цифру до 200 и даже до 300. Не можемъ не вѣрить такимъ компетентнымъ свидѣтелямъ.

**) Изъ «дѣла о возвращеніи имущества крестьянкѣ вдовѣ Татьянѣ Васильевой, жившей на Рогожскомъ кладбищѣ подъ именемъ дѣвки» (9-го марта

Изъ этихъ поповъ въ сороковыхъ годахъ особенно уважаемы были старообрядцами бѣглый изъ Казани іеромонахъ Иларій и попъ изъ села Никола-Станъ, Калужской губерніи, Оедоръ Соловьевъ. Въ 1825 или 1826 году рогожцы обзавелись-было даже греческимъ архимандритомъ, но пьянство его было до такой степени безобразно, что и привыкшіе къ безобразіямъ поповъ своихъ старообрядцы не могли долго терпѣть его и вскорѣ постарались вышпроводить изъ Москвы. Ниже скажемъ по нѣскольку словъ объ этихъ пастыряхъ Рогожскаго кладбища. Кромѣ бѣглыхъ недозволенныхъ поповъ, дозволеннымъ рогожскимъ понамъ, при „оскудѣніи священства“, помогали въ исправленіи требъ раскольниковъ чернецы, не имѣвшіе рукоположенія. Они съѣзжались въ Москву, особенно къ Великому посту, изъ Стародубя (преимущественно изъ Злынки), съ Вѣтки изъ монастырей Макарьева, Лаврентьева и Пахомьева, съ Иргиза, пока онъ существовалъ, и съ Керженца. Чернецы эти проживали больше при часовняхъ, устроенныхъ въ домахъ богатыхъ старообрядцевъ. Пробывъ въ Москвѣ Великій постъ и отпраздновавъ Пасху, они разѣзжались по своимъ мѣстамъ, или же пускались въ странствованія по Россіи въ качествѣ рогожскихъ агентовъ для сохраненія непрерывныхъ сношеній между главными пунктами поповщины *).

Выше было сказано, что рогожскія часовни не были освящены, но литургіи служились на Рогожскомъ кладбищѣ въ походныхъ полотняныхъ церквахъ. Еще въ 1789 году московскіе старообрядцы добыли на Иргизѣ одну такую церковь, будто бы стариннаго освященія, и въ ней попы служили литургіи тайно, съ большими предосторожностями, одинъ разъ въ годъ, для освященія запасныхъ даровъ. Но съ 1813 года литургіи на Рогожскомъ кладбищѣ совершались, хотя и рѣдко, въ большіе только праздники, но безъ особенныхъ предосторожностей и притомъ въ самихъ часовняхъ, въ алтарѣ которыхъ раскидывали освященную налатку. Это завелось вотъ по какому случаю. По изгнаніи Наполеона изъ Москвы, столицу заняли донскіе казаки, въ числѣ которыхъ много было старообрядцевъ. Рогожскіе попы исправляли имъ требы, а войсковой атаманъ, графъ Платовъ, самъ тоже старообрядецъ, оставилъ, какъ увѣряли впоследствии рогожцы, на кладбищѣ походную церковь, освященную во имя Пресвятыя Троицы. Тогдашній начальникъ московской сто-

---

1833 года въ архивѣ московскаго генераль-губернатора), видно, что нѣкоторые недозволенные бѣглые попы, какъ, напримѣръ, Александръ Гавриловъ изъ Калужской губерніи, проживали на кладбищѣ и даже открыто участвовали въ крестныхъ ходахъ.

*) Такихъ монаховъ въ Москвѣ въ 1845 году было до сорока. Въ томъ же году, 23-го декабря, на освященіи вновь устроенной богатой моленной за Москвой-рѣкой, въ домѣ Досуева, находилось одиннадцать монаховъ и въ числѣ ихъ схимникъ Иринухъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ при моленной Саввы Борисова, Андреяна Маркова и Николая Осипова монахи жили постоянно, а при другихъ моленныхъ лишь временно.

лицы далъ имъ словесное разрѣшеніе служить въ этой церкви общини *). Кроме платовской и иргизской полотняныхъ церквей, на Рогожскомъ кладбищѣ были и другія, находившіяся въ женскихъ обителяхъ у матерей Пульхеріи и Александры, а въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, сверхъ того, у бѣлаго іеромонаха Иларія была своя полотняная церковь, освященная во имя Симеона Столпника. Протоіерей Арсеньевъ въ своей „Запискѣ о Рогожскомъ кладбищѣ“ говорить, что въ 1817 году онъ самъ былъ принятъ въ расколъ въ одной изъ такихъ палатокъ **).

Съ 1822 года, по случаю усилившагося уклоненія православныхъ жителей въ Москвѣ въ поповщину и по случаю совершенія браковъ православныхъ съ старообрядками въ рогожскихъ часовняхъ, обращено было строгое вниманіе на рогожскихъ поповъ и попечителей. Въ 1823 году, 13 и 14 января, въ Рождественской часовнѣ поставлена была новая полотняная церковь, и нѣсколько поповъ соборнѣ служили литургіи при огромномъ стеченіи народа и въ томъ числѣ православныхъ. Православный купецъ Яковъ Игнатьевъ довелъ объ этихъ соблазнительныхъ для православія богослуженіяхъ до свѣдѣнія мѣстнаго начальства. Былъ сдѣланъ осмотръ всѣхъ заведеній кладбища, и въ алтарѣ Рождественской часовни нашли полотняную церковь. Она была отобрана, и всѣ часовни запечатаны. Старообрядцы пришли въ ужасъ, но, по свидѣтельству жившаго въ то время на Рогожскомъ кладбищѣ протоіерея Арсеньева, благодаря просьбамъ и ходатайству тогдашнихъ попечителей, Антипы Дмитріевича Шеланутина и Василья Ефремовича Соколова, чрезъ нѣсколько дней часовни были открыты. Это подтверждается и архивными дѣлами. Святѣйшій синодъ, при сужденіи дѣла о полотняной церкви и рогожскихъ часовняхъ, постановилъ: „по неимѣнію доказательства, что полотняная церковь дѣйствительно существовала на Рогожскомъ кладбищѣ до нынѣшняго ея открытія въ 1823 году, на основаніи указа 1818 года, быть ей не дозволять, а церковь возвратитъ въ тотъ монастырь, изъ коего взята“. Императоръ Александръ Павловичъ при докладѣ святѣйшаго синода изволилъ сказать: „если хочетъ Рогожское кладбище сохранить эту церковь, пусть присоединится къ едиповѣрью, а если не согласится—отправить церковь“ ***). Попечители были обязаны подпиской впредь не дозволить на ихъ Рогожскомъ кладбищѣ служенія литургіи, но литургіи, хотя рѣдко и тайно, но совершались въ часовняхъ по ночамъ, куда допускались весьма немногіе и самыя надежныя люди. Въ этомъ удостовѣряетъ самъ рогожскій священно-

*) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1823 года. № 10.

**) «Слѣдственное дѣло о дѣйствіяхъ Авраамія Кочуева и другихъ раскольниковъ», произведенное по высочайшему повелѣнію въ особой слѣдственной комисіи 1854 и 1855 годовъ, находится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

***) «Дѣло святѣйшаго синода 1823 г. о Рогожскомъ кладбищѣ».

служитель, протоіерей Арсеньевъ, служившіи такіа обѣдни. Онъ же говоритъ, что вслѣдъ затѣмъ дозволенные поны стали опасаться служить въ полотняныхъ церквахъ, и недостатокъ въ запасныхъ дарахъ случался у нихъ ежегодно, даже по нѣскольку разъ въ годъ. Въ такомъ случаѣ поны обращались къ попечителямъ съ просьбой сдѣлать распоряженіе о запасныхъ дарахъ. И они выписывали ихъ съ Иргиза или изъ Стародубья отъ тамошнихъ настоятелей (отъ Силуяна въ Верхне-преображенскомъ на Иргизѣ, отъ Рафаила въ Покровскомъ, Новозыбковскаго уѣзда, и отъ Сергія въ Никольскомъ, Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи). Получивъ дары, попечители приглашали поновъ въ контору кладбища и дѣлили между ними присланное. По закрытіи иргизскихъ и стародубскихъ монастырей, не стало откуда брать причастіе, а запасные дары по правиламъ церковнымъ должно пополнять ежегодно. Тогда стали служить обѣдни недозволенные бѣлые поны въ кельяхъ рогожскихъ матерей Пульхеріи и Александры, у которыхъ были свои полотняныя церкви, а также въ тайникѣ рогожскаго общественнаго сада *). Первая архіерейская обѣдня въ полотняной церкви на Рогожскомъ кладбищѣ совершена была въ одномъ изъ богадѣленныхъ зданій, извѣстномъ подъ названіемъ „холерной палаты“.

При каждомъ дозволенномъ попѣ были свой дячокъ, или уставщикъ, и свои пѣвчіе. Въ часовняхъ поны служили поочередно. Вотъ записка о поповскихъ очередяхъ 1845 года, когда поповъ оставалось только трое:

„Попъ первой очереди — Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ, при немъ дячокъ Василій Ивановъ. При нихъ 14 пѣвчихъ, изъ которыхъ Антонъ Полевиковъ, Назаръ Семеновъ и Исаакъ Антоновъ уважаются кладбищемъ, какъ искуснѣйшіе знатоки священнаго писанія.

„Попъ второй очереди — Петръ Ермиловичъ Русановъ, дячокъ его — Титъ Софроновъ. При нихъ 15 пѣвчихъ, изъ коихъ Иванъ Григорьевъ Донской, Федоръ Васильевъ Жигаревъ и Тимофей Прокофьевъ считаются знатоками церковнаго порядка, особенно Иванъ Донской“.

„Попъ третьей очереди — Иванъ Максимовъ, при немъ дячокъ Евсей Мартыновъ и 19 пѣвчихъ“.

При недостаткѣ поповъ, дячкамъ предоставлено было отправлять вмѣстѣ съ пѣвчими вечерни, заутрени и молебны. Дячки и нѣкоторые пѣвчіе извѣстны и уважаемы были старообрядцами не меньше самихъ поповъ. Они имѣли значительные доходы **).

*) Тайники были въ обителяхъ Пульхеріи и Александры, подлѣ Александріиной обители и въ общественномъ саду. «Записки о Рогожскомъ кладбищѣ» протоіерей Арсеньева. Въ «дѣлѣ о возвращеніи имущества Татьянѣ Васильевой» 9-го марта 1839 г., № 32 (въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора), есть указаніе Васильевой московской полиціи на потаенныя мѣста, но они не были освидѣтельствованы.

**) Въ 1845 году Василій Ивановъ имѣлъ 50 т. р. капитала. Титъ Софроновъ 10 т. р., Евсей Мартыновъ 5 т. р. и кромѣ того дома на

Попы были вполнѣ независимы другъ отъ друга, и даже въ то время, когда ихъ было по двѣнадцати, не было между ними благочиннаго. Въ „Постановленіи о благочиніи церковномъ“ статья 10 хотя и говорила о „всеобщемъ соборномъ судѣ“, которому подлежали небрежно отирававшіе службу, но намъ неизвѣстны случаи примѣненія этого правила на практикѣ. Попы имѣли большіе доходы; половина ихъ должна была отчисляться въ кладбищенскій капиталъ и на содержаніе рогожекныхъ богоугодныхъ заведеній, но едва ли это всегда исполнялось. Всѣ попы имѣли въ оградѣ кладбища свои дома, выстроенные имъ отъ общества, а Петръ Ермиловичъ имѣлъ даже два дома. Попы жили въ большомъ довольствѣ. Несмотря на то, что незаконнорожденный сынъ Ивана Матвѣевича Ястребова промоталъ сто тысячъ отцовскихъ денегъ, но смерти этого пона осталась, какъ говорятъ, не одна сотня тысячъ. Дочь Петра Ермиловича сама говорила, что у ея отца былъ въ процентныхъ бумагахъ стотысячный капиталъ *).

Переходимъ къ очерку разныхъ заведеній на Рогожскомъ кладбищѣ.

Вблизи часовенъ, находящихся въ самой серединѣ рогожской ограды, стоитъ каменный двухэтажный домъ. Это кладбищенская контора. Въ верхнемъ этажѣ ея четыре комнаты. Чтобы судить объ ихъ помѣстительности, достаточно сказать, что въ одной изъ комнатъ верхняго этажа, кромѣ дивана и двухъ столовъ, разставлено было 42 стула, по числу старшинъ, попечителей и почетныхъ прихожанъ, собравшихся на совѣщанія. Комнаты были убраны безъ особой роскоши, но чисто и опрятно; вся мебель была сдѣлана изъ красного дерева, и въ числѣ ея, какъ вѣкая свѣтыя, съ 1853 года сохранилось мягкое кресло на колесикахъ, обитое зеленымъ сафьяномъ и бывшее въ употребленіи у старшаго рогожскаго пона Ивана Матвѣевича Ястребова. Цѣлые полявка проживалъ этотъ пошъ въ Рогожскомъ, и когда одряхлѣлъ, — совершалъ требы, даже свадьбы вѣнчалъ въ этихъ креслахъ. Для того и колесики были къ нимъ прилажены: брачующіеся, въ вѣнцахъ, ходя посоловъ вокругъ аналая, возили пона въ креслахъ. Въ главной комнатѣ, въ которой собирались совѣты старшинъ и попечителей, висѣли три подлинныя грамоты: московскаго митрополита Антонія 1576 года и патріарховъ Филарета Никитича 1632 и Юсафа I 1639 года **), портреты цар-

кладбищѣ. Та же «Записка о поповскихъ очередяхъ», составленная въ 1845 г.

*) «Русскій Вѣстникъ» 1864 г., № 11. «Записки В. А. Савѣлкина», стр. 217.

**) Грамота митрополита Антонія 14 марта 1576 года іеродьякону Стасю (19 лѣтъ бывшему бѣлымъ дьякономъ Степаномъ Ермѣевымъ рукоположенному митрополитомъ Макаріемъ и постриженному въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ) о дозволеніи ему перейти въ ростовскую епархію. Грамота съ печатью и собственноручною подписью Антонія, и на оборотѣ подписи ростовскихъ владыкъ: Ионы и Давида. Другая грамота храмозданная, но какой церкви — неизвѣстно, ибо верхъ утраченъ, данная па-

ствующаго государя и императрицы, планъ Рогожскаго кладбища, карта Европы и портреты воеа Ивана Матвѣевича и попады его Афинья, той самой, которая некогда въ порывѣ ревности подошла докъ мужинныхъ палачницъ и едва не спалила все Рогожское кладбище. Въ верхнихъ комнатахъ конторскаго дома велсь кладбищенскій дѣлъ, происходили совѣщанія старшнхъ и попечителей, бывали *малые* старообрядческіе соборы (безъ духовенства и иногородныхъ депутатовъ) по дѣламъ, касавшимся одной московской общины. Здѣсь же самые первые богачи останавливались на ночлегъ во время говѣнья и передъ заутренями на великіе праздники. Тутъ же они сиравляли для рогожскаго причта поминки по своимъ усопшимъ, для чего въ нижнемъ этажѣ конторскаго дома устроена была небольшая, но весьма хорошая кухня; въ кладовой находилась кухонная посуда, мозный столовый приборъ на 42 персоны, а въ погребѣ и подвалахъ не переводились большіе запасы хлѣба, рыбы, винъ, масла и другихъ припасовъ, независимо отъ огромныхъ запасовъ, находившихся въ другихъ погребахъ и сараяхъ и назначенныхъ для содержанія призраваемыхъ въ богадѣльныхъ *). Въ нижнемъ этажѣ конторскаго дома находился запасъ погребальныхъ принадлежностей. Въ 1854 году, при пріемѣ кладбища въ правительственное вѣдомство, здѣсь найдено 119 большихъ и 150 младенческихъ гробовъ, 48 погребальныхъ покрововъ для взрослыхъ и 12 для дѣтей. Тутъ же найдено 300 монашескихъ власяницъ, доказавшихъ, что на Рогожскомъ кладбищѣ, несмотря на воспрещенія правительства, въ значительномъ числѣ

тріархомъ Филаретомъ 10-го марта 1632 года. Третья грамота патріарха Іоасафа I, данная 16-го марта 1639 года, объ утвержденіи дячка Леонтія Оедорова, рукоположеннаго крутицкимъ владыкою, въ санѣ іерея и о назначеніи его къ церкви въ Костромской уѣздѣ. Теперь всѣ три грамоты находятся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ «Дѣлѣ департамента общнхъ дѣлъ» 1854 года. № 79.

*) Поминки дѣлались въ конторѣ во исполненіе 7-й статьи «Постановленія о единообразномъ дѣйствіи», состоявшагося на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1825 г. Подписаны, за *воднью* семи поповъ, двухъ дяконовъ, уставника Терентія Заболотскаго и попечителей: Павла Дуликова, Ларіона Абрамова, Ивана Окоркова, Трифона Лубкова, Давида Щекина, Оедора Бопова и Николая Парскаго, находится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ («Дѣло департамента общнхъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1853 г. № 516). Вотъ эта статья: «Для поминовенія усопшихъ, по случаю смѣшенія съ невѣрными, и дабы не податъ соблазна и претяканія, то на обѣдъ какъ священникамъ, дяконамъ, такъ и всѣмъ при нихъ служащимъ отъ сего не ходить и не ѣздить, а если кому изъ желающихъ будетъ угодно, то можетъ уготовить всемъ на то изготовленнымъ, во всеобщемъ гостинномъ покоѣ, оную исполнить во славу Божию и на память усопшему въ слѣдующемъ порядкѣ». Попъ Петръ Ермиловичъ этого постановленія не подписаль и ему не подчинялся. Онъ любилъ ѣздить по гостямъ, даже и позданыи, и наводилъ трепеть на хозяевъ и гостей своимъ безобразіемъ въ пьяномъ видѣ. Впрочемъ, и прочіе попы не соблюдали правъа 1825 г. и обѣдали обыкновенно и въ конторѣ и у хозяина: два обѣда заразъ.

совершались постриженія въ чинъ иноческій. Особенно много постригалось здѣсь въ сороковыхъ годахъ (1842—1848), когда пребывалъ на Рогожскомъ бѣглый и лишенный сана іеромонахъ Иларій. Но правиламъ, въ монашество можетъ постригать только священноинокъ, то-есть іеромонахъ, а такихъ, кромѣ Иларія да пьянаго греческаго архимандрита Геронтія, на Рогожскомъ кладбищѣ не бывало. И въ пять лѣтъ этотъ Иларій, о которомъ рѣчь впереди, постригъ, говорятъ, на Рогожскомъ болѣе тысячи иноковъ и инокинь. Въ нижнемъ этажѣ конторы находились огромные запасы воску и восковыхъ свѣчей, меду для кануновъ, деревяннаго масла, ладану и сверхъ того 256 аршинъ ковровъ и 114 аршинъ свѣтло-зеленаго сукна для устилания пути во время торжественныхъ крестныхъ ходовъ и на случай посѣщенія кладбища важными особами. Въ конторскомъ же домѣ помѣщалась канцелярія Рогожскаго кладбища, которою завѣдывалъ особый конторщикъ. Эту должность, очень видную и весьма вліятельную, тридцать лѣтъ сряду (1814 по 1844 годъ) занималъ Кондратій Никифоровичъ Синицынъ; мѣсто его заступилъ купецъ Дмитрій Корнѣевъ. Оба они играли важную роль при учрежденіи заграничной іерархіи. У Синицына въ качествѣ помощниковъ находились: купецъ Авеошій Кузьмичъ Кочуевъ, уроженецъ города Горбатова, которому принадлежитъ самая инициатива бѣлокриницкой іерархіи, Петръ Осиповичъ Смысловъ и другіе „ученые“ рогожцы, редакторы важнѣйшихъ сектаторскихъ бумагъ. Въ конторѣ находились и архивъ Рогожскаго кладбища, но самыя важныя бумаги обыкновенно прятались подъ деревянную колокольню, устроенную подлѣ часовенъ. Тамъ была устроена подземная кладовая, гдѣ хранились замѣчательнѣйшіе акты, полотняныя церкви, антимисы и т. п. Входъ въ этотъ тайникъ дозволенъ былъ только конторщику, старшинамъ, понечителямъ, а изъ поповъ — одному только Мстробову; другіе попы входа туда не имѣли *). Самыя важныя бумаги находились въ домахъ конторщиковъ. Куда дѣвались бумаги, бывшія у конторщиковъ и въ тайной кладовой подъ колокольней, — неизвѣстно. Одни говорятъ, что сгорѣли во время какого-то пожара на Рогожскомъ кладбищѣ; другіе увѣряютъ, что онѣ переданы въ руки именитѣйшихъ членовъ Рогожской общины, и называютъ ихъ даже по именамъ; третьи наконецъ сказываютъ, что драгоценныя бумаги находятся у наслѣдниковъ Синицына и Корнѣева. Какъ бы то ни было, онѣ безслѣдно пропали для изслѣдователей русскаго раскола. А для исторіи его онѣ составляютъ чрезвычайно важный матеріалъ.

Частью въ конторѣ, частью на хорахъ и въ кладовыхъ при часовняхъ — хранились ризницы и знаменитая рогожская библіотека.

При приемѣ Рогожскаго кладбища въ правительственное вѣдомство

*) «Записка протоіерея Арсеньева», находящаяся въ «Слѣдственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Авеолія Кочуева и другихъ раскольниковъ» 1854 и 1855 годовъ.

въ 1854 году, найдены лишь остатки ризницы и библіотеки. Все болѣе цѣнное и болѣе замѣчательное въ какомъ-либо отношеніи было заблаговременно перевезено въ дома богатыхъ членовъ Рогожскаго общества. Несмотря на то, найдено:

Ризъ священническихъ 1.150. Въ томъ числѣ бархатныхъ, золотыхъ и серебряныхъ парчей въ холодной Покровской часовнѣ 18, въ Рождественской 16, на хорахъ въ холодной часовнѣ 33, въ кладовыхъ при Рождественской часовнѣ 462 и въ другихъ кладовыхъ 837.

Епитрахилей 66.

Поручей 228 парч.

Орарей 50.

Стихарей 59.

Кромѣ многочисленныхъ иконъ, поставленныхъ въ часовняхъ, въ разныхъ кладовыхъ ихъ найдено еще 494 *).

Рогожская библіотека была замѣчательна не столько по своей обширности, сколько по рѣдкости находившихся въ ней книгъ. Она была съ особенною тщательностью собираема въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. На пріобрѣтеніе рѣдкихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ въ это время богачи денегъ не жалѣли. Завѣдывали ею конторщики, а собираніемъ книгъ въ тридцатыхъ годахъ занимался ученый рогожскій старообрядецъ Кочуевъ. Къ сожалѣнію, рогожская библіотека, не описанная ученымъ образомъ, была въ послѣдствіи частью разхищена, частью разнесена по разнымъ мѣстамъ. Но и въ 1854 году, при пріемѣ кладбища въ правительственное вѣдомство, найдено въ ней было 517 книгъ и въ томъ числѣ нѣсколько чрезвычайно замѣчательныхъ. Изъ рукописей — древнѣйшая относится къ XIV столѣтію, это „Никона Черныя Горы“, писанная въ 1366 году; затѣмъ слѣдуютъ: „Толковое Евангеліе“ 1407 года, „Служебное Евангеліе“ 1551 года, полная „Миная мѣсячная“ 1557 года, „Ирмосы пѣвчіе“, писанные въ Ростовѣ 1622 года, и до тридцати другихъ древлепечатныхъ пѣвчихъ книгъ. Мы не можемъ приблизительно даже опредѣлить, къ какому времени относятся остальные уцѣлѣвшія рогожскія рукописи, такъ какъ опись, которою пользуемся, составлена съ совершеннымъ отсутствіемъ библіографическихъ правилъ **). Изъ книгъ старопечатныхъ замѣтимъ: „Библію“

*) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1854 года, № 79.

**) Вотъ ихъ перечень: «Евангелій служебныхъ» 2 экземпляра, «Благоустройство» 1, «Уставовъ» 3, «Кормчихъ» 2, «Номоканонъ» 1, «Щалтырей» 11 (слѣдованныхъ 3, учебныхъ 7, толковыхъ 1), «Служебникъ» 1, «Триодь цвѣтная» 1, «Трефолой» 1, «Осмогласникъ» 1, «Канонникъ» 1, «Требниконъ» 5; «Торжественникъ» 1, «Святцевъ» 2, «Соборникъ» 1, «Апокалипсисовъ» 2, «Златоустовъ» 3, «Діонисія Ареопагита» 2, «Григорія Синаита» 2; затѣмъ по одному экземпляру: «Іоаннъ Схоластикъ», «Матвій Иерусалимскій», «Исаакъ Сириинъ», «Іосифъ Волоцкій», «Просвѣтитель Максимъ Грекъ», «Цвѣтникъ» Симеона Нового, «Цвѣтникъ» Корнилія,

(Острогъ, 1581 года), „Евангеліе наирестольное“ (Радышевскаго, Москва, 1606 г.), „Апостоль“ (Москва, 1635 г.), „Уставъ“ (Москва, 1640 г.), „Уставъ“ или „Око церковное“ (Москва, 1641 г.), „Евангеліе“ (Москва, 1648, другое 1651 г.) и „Кормчую“ (Москва, 1850 г.).

Кромѣ часовенъ и конторъ въ оградѣ Рогожскаго кладбища находятся дома каменные и деревянные съ разными хозяйственными принадлежностями, частью расположенные улицами, хотя и неправильными. Въ томъ числѣ шесть палатъ, въ которыхъ помѣщаются богадѣльни, сиротскій домъ, домъ умалишенныхъ и пріютъ. Эти дома считались общественною собственностью, остальные же назывались частными, хотя еѣ дѣйствительности тоже принадлежали обществу.

Богадѣльни помѣщались въ шести палатахъ, устроенныхъ въ разное время, частью на общественный счетъ, частью богатыми прихожавами, по имени которыхъ и доселѣ называются.

Первая палата, каменная, двухъэтажная, называется „Новою“. Въ ней съ 1854 г. было призрѣваемо 215 женщинъ.

Другая палата „Козина“ — также каменная, двухъэтажная. Въ ней было 116 женщинъ. При ней устроена огромная келарня (кухня со столовой) и квасня. Здѣсь готовили кушанье, пекли хлѣбъ и варили квасъ для призрѣваемыхъ, для большей части остальныхъ жителей кладбища, а частью для пріѣзжихъ.

Третья каменная двухъэтажная палата называется „Шѣвчей“. До 1835 года въ ней помѣщалось рогожское училище, потому жили здѣсь пѣвчіе. Въ 1854 г. въ Шѣвчей палатѣ жили 64 мужчины.

Четвертая палата — „Константиновская“; нижній ея этажъ каменный, а верхній деревянный. Наверху въ 1854 г. жило 39 женщинъ, а внизу 4 мужчины, назначенные для прислуги и надзора за помѣщеніемъ для пріѣзжихъ, находившимся въ той же палатѣ. Это была огромная комната съ парамп, въ которой останавливались пріѣзжавшіе крестить младенцевъ, вѣнчаться и пр. Она назначена была для простонародья; для людей побогаче устроенъ былъ особый пріютъ; червостатейные же богачи останавливались въ самой конторѣ. Въ комнатѣ Константиновской палаты пріѣзжихъ бывало иногда въ разъ человекъ по сту и болѣе.

«Прологъ», «Патерикъ Египетскій», «Патерикъ Кіевскій», «Синаксаръ житій» Филиппа митрополита, Солоненскихъ чудотворцевъ: Александра Свирскаго (2 экземпляра), Николая Чудотворца, Иоанна Богослова, «Хронографъ», «Лѣтописецъ», «Степенная книга», «Бароній», «Раймундъ Люлій» (2 экземпляра), «Сылъ церковный», «Цѣпь золотая», «Яковъ Жидовскій», «Преніе о вѣрѣ», «Духовныя грамоты», «Алфавитъ», «Стоглавъ», «О церковныхъ митечникахъ», «Изложеніе правилъ апостоловъ», «Величаніе праздниковъ», «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» и два «Демественика». Изъ новыхъ рукописей замѣтимъ: «Собраніе (сочиненій) инока Никодима» (начавшаго дѣло единовѣрія), «Проксинитарій» и «Иггиримова рѣчь». Въ интересахъ науки весьма желательно, чтобъ обзорніе этихъ остатковъ знаменитой икогда и бывшей совершенно недоступной бібліотеки сдѣлано было ученымъ образомъ.

Пятая каменная одноэтажная палата называется „Холерною“. Въ 1854 году въ ней было 44 женщины. Въ ней отъ времени до времени служилась тайно литургія, а 19-го іюня 1850 года Софроній отслужилъ первую архіерейскую обѣдню.

Шестая палата „Антоновская“ деревянная. Въ ней въ 1854 году было 36 женщинъ.

Въ каждой палатѣ поставлены были деревянные кровати съ тюфяками и стегаными одѣялами. Желѣзныхъ кроватей въ богадѣльню не вносили, какъ „ношество“; флазелевыя одѣяла были, но хранились въ кладовыхъ, а кровати прикрываемыхъ были ими накрываемы лишь во время прѣзда важныхъ лицъ на кладбище. Вѣлье и платье прикрываемыхъ въ богадѣльняхъ приготавлились на общественный счетъ, но каждому сверхъ того дозволялось имѣть свое. Во всякой палатѣ устроены были иконостасы, передъ ними стояли подевѣтнички и апалогіи, за которыми постоянно читались, ради назиданія прикрываемыхъ, Псалтырь, Прологъ и другія книги. Читали особо назначенныя для того женщины, извѣстныя подъ названіемъ „читалокъ“, или „канонницъ“. Оня же въ палатахъ отправляли часы, вечерни, заутрени.

Кромѣ прикрываемыхъ въ палатахъ, прикрывалось 25 мужчинъ, жившихъ въ семи караульныхъ избахъ, построенныхъ въ разныхъ мѣстахъ кладбища. Они несли посильныя работы: чистили дворъ, кололи дрова, носили воду и такимъ образомъ замѣняли работниковъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ палатахъ Рогожскаго кладбища жило слишкомъ тысяча человекъ. Уменьшеніе послѣдовало съ 1835 года, когда кладбище было переименовано „Рогожскимъ богадѣльнымъ домомъ“ *) и изъ него разрѣшено было жить только престарѣлымъ и страждущимъ да небольшому числу прислуги, полагая по одному человеку на десять прикрываемыхъ.

Особый домъ назначенъ былъ для прирѣвія дѣтей, онъ назывался „Сиротскимъ домомъ“. Здѣсь воспитывались такъ-называемые „рогожскіе подкидыши“. Ихъ приносили на кладбище изъ разныхъ мѣстъ, но обыкновенно это не были осиротѣвшіе младенцы, оставшіеся послѣ неминующихъ родителей: воспитанники Рогожскаго кладбища были преимущественно дѣти, несчастно рожденныя дѣвушками, дочерьми зажиточныхъ старообрядцевъ, рогожскими читалками и канонницами, и наконецъ приносимыя изъ деревень бѣдными родителями, особенно солдатами, ради избавленія ихъ отъ участи военныхъ кантонистовъ. Бывали случаи, что отдавали на Рогожское кладбище своихъ новорожденныхъ дѣтей помѣщичьи крестьяне, для избавленія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Кормилицъ на Рогожскомъ не было; младенцевъ воспитывали на рожкѣ и, разумѣется, никогда не дѣлили. Смертность дѣтей была столь огромна, что едва ли изъ сорока одинъ достигалъ отроческаго

*) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 216.

возраста. Такою смертностью объясняется и запас полутораэта дѣтскихъ гробовъ, найденный на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1854 г. Когда число младенцевъ увеличилось до того, что ихъ невозможно было всѣхъ помѣстить въ сиротскомъ домѣ, нѣкоторыхъ помѣщали въ домѣ уменьшенныхъ. Столь странное совмѣщеніе дѣтей съ сумасшедшими было прекращено министромъ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Вибликовымъ въ 1853 году, что возбудило ропотъ со стороны нѣкоторыхъ изувѣровъ, но понятіямъ которыхъ что сумасшедшій или юродивый, что младенецъ— все одна ангельская душа *).

Для подкидышей и дѣтей, отдаваемыхъ на Рогожское кладбище въ сиротскомъ возрастѣ для обученія, существовало до 1835 г. училище **). Въ немъ дѣти обучались чтенію, письму, арифметикѣ и церковному пѣнію. Училище было основано на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Гребенниковское въ Ригѣ, закрытое въ 1843 году и возстановленное съ высочайшаго соизволенія 4-го февраля 1866 г. Изъ Рогожскаго училища выходили тѣ пѣвицы, которыми въ свое время славилось Рогожское кладбище, выходили изъ него даже уставщицы. Подкнутыя дѣвочки учились грамотѣ у читалокъ и каноникъ, приготовляясь со временемъ въ свою очередь сдѣлаться такими же читалками и канонницами и произвести на свѣтъ новое ихъ поколѣніе. По вліянію жившихъ на кладбищѣ монахинь и богадѣльницъ старухъ, пропитанныхъ духомъ крайняго аскетизма, почти никогда рогожскія воспитанницы не выходили замужъ.

Рогожскій сиротскій домъ значительно уменьшился въ 1834 году, когда воспрещено было держать въ немъ дѣтей свыше трехлѣтняго возраста, по достиженіи котораго велѣно было отдавать ихъ въ Императорскій Воспитательный Домъ ***). Въ слѣдующемъ 1835 году закрыто было и училище, какъ не находившееся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и не подходившее по своему устройству подъ уставъ учебныхъ заведеній 1828 года. При этомъ учениковъ велѣно было раздать родителямъ, а безродныхъ взять въ кантонеты. Тогда Рогожское училище было тайно перенесено за девять верстъ отъ Москвы въ удѣльную деревню Новянка, что близъ села Коломенскаго, гдѣ оно и существовало до 1839 года при тамошней часовнѣ. Въ этомъ году оно закрыто по распоряженію управляваемаго московскою удѣльною канторой. Но въ 1840 г. открылось, что училище не уничтожено, но пере-

*) А въ то же время уменьшенныхъ не искала въ часовнѣ на могилѣ. Въ «Постановленіи о единообразномъ дѣйствіи» 1825 года, въ статьѣ VI было сказано: «блгспующимся не молиться съ вѣрными по 79 праву апостолю».

**) Есть мысль возобновить его на правахъ рижскаго Гребенниковскаго училища, высочайше утвержденныхъ въ февралѣ 1866 г.

***) Въ томъ же году 54 мальчика отъ 3 до 15 лѣтъ были взяты въ Воспитательный Домъ, а 14, имѣвшихъ болѣе 16 лѣтъ, въ кантонеты.

песево въ село Коломенское, къ тамошней часовнѣ, и находится подъ покровительствомъ мѣстнаго удѣльнаго головы *).

Въ особомъ домѣ помѣщены были умалишенные. Въ 1854 году ихъ было 7 мужчинъ и 14 женщинъ **). Никакого лѣченія не было. Въ комнатахъ устроены были нары. Кожаныхъ рубахъ для безокоинныхъ больныхъ не употребляли, такъ какъ это „новшество“; ихъ замѣняли старинными цѣпями. Двѣ такія цѣпи утверждены во внутреннихъ стѣнахъ зданія. На ту же цѣпь сажали провинившуюся прислугу; сиживали также на ней, за пьянство и безобразіе, и бродячіе раскольниковы монахи. Говорятъ, будто въ 1829 году сидѣлъ нѣкоторое время въ этомъ домѣ на цѣпи и греческій архимандритъ Геронтій. Не имѣя на то документальныхъ доказательствъ, не утверждаемъ и не отвергаемъ этого, но передаемъ какъ слухъ, впрочемъ, весьма вѣроятный.

Домъ, извѣстный подъ названіемъ „Пріюта“, назначенъ былъ для пріѣзда свадебъ, а также для отдохновенія, между часовенными службами во время говѣнья и передъ заутренями на большіе праздники, прихожанъ, жившихъ въ отдаленныхъ отъ Рогожскаго кладбища мѣстностяхъ столицы. Для сего самые почтеннѣйшіе помѣщались въ конторѣ, средніе въ пріютѣ, а простонародье въ нижнемъ этажѣ Константиновской палаты.

На Рогожекомъ кладбищѣ находились женскія обители или монастыри. Въ 1845 году ихъ было пять: а) *Пульхеріи* обитель съ 6 монахинями и 40 послушницами, б) *Александры* съ 28 монахинями и послушницами, в) *Деворы* съ 38 послушницами, г) *Маргариты* съ 4 монахинями и 38 послушницами и д) *Меланіи* съ 10 послушницами. Всего съ настоятельницами въ 1854 г. осталась одна только обитель матери Пульхеріи и ничтожные остатки обители Александриной.

Направо отъ вѣзда на кладбище, въ узенькихъ закоулкахъ, стоитъ невысокій деревянный, но обширный и помѣстительный домъ съ цѣлымъ лабиринтомъ внутреннихъ переходовъ, боковушекъ, свѣтелокъ, чулановъ, подклѣтовъ и подпольевъ, съ нѣсколькими выходами наружу и даже, какъ носились правдоподобные слухи, съ подземными переходами въ сосѣдніе дома. Этотъ домъ, уже довольно старый, состоялъ изъ двухъ отдѣленій: одно называлось „Марьянъ домъ“, другое „Маргаритинъ домъ“, по имени бывшихъ настоятельницъ двухъ женскихъ обителей, построенныхъ подъ одну крышу. Постройка этихъ домовъ совершенно

*) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 161, 162, 172 и 176. «Журналъ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета», 22-го ноября 1839 г. и 10-го апрѣля 1840 г., въ архивѣ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора.

**) Изъ 14 умалишенныхъ женщинъ одна была неизвѣстно кто такая. При пріѣмѣ Рогожской богадѣльни подъ пріимательственный надзоръ въ 1844 году, кладбищенскіе раскольники отозвались незнаемъ, кто такая и откуда пришла на Рогожское эта загадочная женщина, а сама она не могла объяснить этого.

такая же, какъ и постройка въ керженскихъ женскихъ обителяхъ. Это обитель матери Пульхеріи.

Въ прошломъ столѣтіи, въ первые годы существованія Рогожскаго кладбища, поступила сюда несмысленнымъ еще ребенкомъ мѣщанская дѣвочка Пелагея Анисимова Шелюкова, принявшая въ ранней молодости иночество съ именемъ Пульхеріи, а въ 1848 году — и схиму. Безъ малаго девяносто лѣтъ житье она на Рогожскомъ и въ столь преклонныхъ лѣтахъ сохранила память и бодрость, обладая притомъ рѣдкимъ даромъ слова и большою начитанностью. Пульхеріа — живая лѣтописъ Рогожскаго кладбища, но, къ сожалѣнію, эта лѣтописъ, по весьма понятнымъ причинамъ, далеко не всемъ доступна. Строгая аскетическая и притомъ вполне безупречная жизнь ея, безграничная ревность къ расколу, строгое благочестіе, тяжелыя желѣзныя вериги, которыя она носитъ, огромная начитанность, правдивость со своими и ловкая хитрость съ нераскольниками, особенно съ чиновниками, — давно поставили ее высоко во мнѣніи старообрядцевъ. Московскія купчихи-раскольницы постоянно ѣздили и ѣздятъ къ ней на поклонъ и для испрошенія молитвъ ея и совѣтовъ по семейнымъ дѣламъ. Слупая методичную рѣчь красноглазовой матушки Пульхеріи, купчихи „таяли умомъ и сердцемъ“, по выраженію одной изъ нихъ. И не только московскіе старообрядцы, но и все знавшіе ее иногородные — питаютъ къ Пульхеріи глубокое уваженіе. Громко имя ея въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ старообрядческаго населенія. Такъ, въ нѣкоторыхъ обителяхъ скитовъ керженскихъ и чернораменскихъ безъ предварительнаго совѣта и благословенія матушки Пульхеріи не предпринималось ничего важнаго. Она считается святою женщиной, и почитатели ея приписываютъ ей даже даръ прозорливости и пророчества. При такой обстановкѣ мать Пульхеріа приобрѣла огромное вліяніе на дѣла московской старообрядческой общины и сумѣла сохранять его во всю жизнь свою, никогда не возвышая голоса, никогда не переступая за ограду Рогожскаго кладбища. Во время оскуднѣнія священства она вмѣстѣ съ конторщиками много заботилась и много приложила труда и обольщеній для привлеченія къ побѣгамъ на Рогожское кладбище православныхъ священниковъ, а по возвращеніи ихъ въ расколъ укрывала бѣглецовъ въ своей обители и потомъ отправляла въ какую-либо нуждающуюся въ попѣ старообрядческую общину. У матери Пульхеріи была полотняная церковь, и въ ней взрѣдка, тайно, по ночамъ, служили укрываемые въ женской обители попы литургію. У Пульхеріи постоянно были запасные дары, которые разсылала она по разнымъ мѣстамъ, особенно же по селеніямъ Гуслицкой волости. По удостовѣренію протоіерея Арсеньева, мать Пульхеріа въ то время, какъ онъ жилъ на кладбищѣ (1817 — 1844), принимала самое дѣятельное участіе въ возвращеніи православныхъ мірянъ въ свою секту. Въ цвѣтущее время Рогожскаго кладбища подъ ея игуменствомъ живало по пятидесяти и болѣе монахинь и бѣлицъ. Въ 1854 году, когда

съ кладбища были уже высланы все иногородния и имѣющіе менѣе 50-лѣтняго возраста, у матерн Пульхеріи осталось еще десять монахинь *) и шесть послушницъ. Кроме того въ такъ-называемомъ „Маргаритиномъ домѣ“ оставались семь женщинъ, не имѣвшихъ иночества. Это остатки бывшей обители Маргаритиной.

Черезъ нѣсколько домиковъ отъ Пульхеріиной обители находилась другая женская обитель, въ которой игуменствовала мать Александра. Обитель эта помѣщалась въ домѣ, нарочно для того построенномъ бывшимъ почетелемъ Рогожскаго кладбища Степаномъ Тихоновичемъ Миловымъ, который въ свое время былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по устройству заграничной старообрядческой іерархіи. Черезъ него производилась значительная часть заграничной переписки. Въ этомъ домѣ, такъ же, какъ и въ Пульхеріиной обители, устроены были внутренніе переходы, тайники и подземелья для отправленія тайныхъ требъ, ночныхъ обѣднъ въ полотняной церкви, миропомазанія православныхъ, переходившихъ въ расколъ, постриженія въ иночество и пр. т. п. По учрежденіи митрополіи въ Вѣлой-Криницѣ, мать Александра туда перенесла свою обитель, а въ іюль 1852 года сдѣлалась игуменьею Успенскаго Вѣлойкриницкаго женскаго монастыря **). Съ Александрой переселились

*) Московскія ибиданки: Гаффа 71 г. (Татьяна Рѣбцова), Алевтина 74 л. (Анна Макарова), Тансиа 70 л. (Татьяна Оксанова), Назараида 71 г. (Принна Еремѣева), Ософанія 50 л. (Ведосла Пикитина); государственныя крестьянки: Манева 67 л. (Маремьяна Никитина), Деввора 62 л. (Домна Аванасьева) и Александра 59 л. (Анна Пванова), солдатка Евсевиіа 69 л. (Людмила Андреевна) и крѣпостная крестьянка Оеодвота 64 л. (Оеода Панфилова). О самой Пульхеріи: «Разсказъ диди Онсеима» и пѣсь «Записокъ В. А. Савѣлкіна» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1863 и 1864 г.

**) Объ устройствѣ сего монастыря сказано въ «Намятникѣ происходившихъ дѣлъ Вѣлойкриницкаго старообрядческаго монастыря съ октября мѣсяца 7354 (1846) по прибытіи г-на митрополита Амвросія», заключающемся въ себѣ 213 постановленій митрополіи (по 25 марта 1863 г.). До 1854 года 146 постановленій писаны рукой ивока Павла Великодворскаго, затѣмъ до 171 № включительно до 1855 года рукой Нафрутія (послѣ епископа колоченскаго, а нынѣ единообрядческаго ивока), потомъ до 185 № включительно до 17-го января 1855 г. рукой епископа Онуфрія, нынѣ обратившагося въ единообріе. Затѣмъ пропускъ за два года; въ 1859 году рукою Алипія Забѣрева-Милорадова записано только одно постановленіе о составленіи въ помѣ села Вѣлой-Криницы дьякона Никиты Куряілопа, сына митрополита Кирилла. Затѣмъ съ 1860 года постановленія до конца записаны рукою архидьякона Филарета, нынѣ единообрядческаго ивока. Благодаря поному содѣйствию профессора П. И. Субботина обзаваны мы знакомству съ этими и другими подлинными документами Вѣлой-Криницы, за что пріятно обязанностью считаемъ выразить признательность этому безмерно лучшему знатоку времѣни и современнаго русскаго раскола старообрядчества. Въ «Намятникѣ», составленномъ, такъ сказать, дѣлоискомъ Вѣлой-Криницы, подъ № 110, июля 8-го 1852 г. записано: «Освищеніа церковь въ здѣшемъ женскомъ скиту во имя Успенія Пресвятыи Богородицы, которая выстроена до благозвѣщенія здѣшняго Вѣлойкриницкаго верховнаго свѣтителя митрополита Кирилла, деревянная на каменномъ фундаментѣ, длиной въ 10, а

въ Вѣдую-Кривцу бывшія при ней на Рогожскомъ монахини: Варсонофія, Порфирія и Алевтина — вдова ямщика города Валдая, Василія Великодворскаго, мать знаменитаго въ исторіи русскаго раскола Павла, который вмѣстѣ съ Алипіемъ Звѣревымъ-Милорадовымъ, уроженцемъ посада Крылова, отыскалъ для раскольниковъ архіерея. Александръ уважали московскіе старообрядцы не менѣе чѣмъ Пульхерію, и обитель ея была едва ли не богаче всѣхъ другихъ. Въ 1854 году въ ней оставались только двѣ престарѣлыя инокини: слѣпая Варсонофія да больная Измарагда.

Отъ обителей Девворы и Мелавинъ въ 1854 году и слѣдовъ не оставалось.

Въ женскихъ обителяхъ Рогожскаго кладбища устроено было общежитіе. Каждая изъ нихъ имѣла значительныя средства. Хлѣбъ, квасъ, капусту, огурцы, рыбу, масло и другіе запасы жительницы обителей получали отъ кладбища и независимо отъ того пользовались щедрыми подаваніями московскихъ и иногородныхъ богачей-раскольниковъ. Подаванія эти раздавались къ большимъ праздникамъ, а также по случаю смерти какого-нибудь раскольника. Рождественки умершаго обыкновенно заказывали въ обителяхъ читать псалтырь и платили за то широкою рукою. Кромѣ того богатые старообрядцы брали изъ обителей въ дома свои послушницъ, а иногда и самихъ монахинь, читать псалтырь, что называлось „стоять свѣчу“, за что и послушницы и обитель получали денежное вознагражденіе. За сборами обительницы рогожскихъ монастырей по городамъ не ѣздили; это водилось во всѣхъ скитахъ и монастыряхъ, но никогда въ обителяхъ рогожскихъ. Московскіе старообрядцы были такъ многочисленны и богаты и на подаванія столь щедры, что рогожскимъ матерямъ не было никакой надобности разѣзжаться по Россіи и подвергать себя разнымъ дорожнымъ затрудненіямъ и лишеніямъ для какой-нибудь тысячи рублей. Кромѣ „уставной службы“, то-есть чтенія и пѣнія часовъ, вечерень и заутренъ, монахини и послушницы занимались рукодѣльями. Рукодѣлья раздѣлялись на „бѣлоручныя“ и „черныя“. Къ первымъ относились вышивашье по канвѣ шелками, сянелю и шерстью, вязанье кошелековъ, поясовъ, лѣстовоковъ, золотошвейныя и бисерныя работы. На продажу эти работы не посту-

пиршею въ 6 сажень. Въ томъ же корпусѣ заключаются нѣсколько келій съ кухней и кладовою для служащихъ при церкви и для жительства прочихъ безпріютныхъ одной нашей религіи женскаго пола сиротъ, вдовицъ и старицъ, т.-е. въ видѣ сиротскаго прирѣдья. При сей церкви первая игуменья поставлена отъ самого г. митрополита Кирилла инокиня схимница Александра». Подъ № 205 записано: «9-го августа 1862 г. преставилась игуменья Александра». Преемницею ея была гл. Бѣлоричицкомъ Успенскомъ скиту мать Вираксія, переселившаяся вмѣстѣ съ Александрой ел. Рогожскаго кладбища, но она возвратилась въ 1865 году въ Москву, гдѣ и умерла въ концѣ этого года, въ домѣ навѣтнаго теперь по старообрядческимъ дѣламъ Крючкова. См. «Русскій Вѣстникъ» 1866 г., № 1, стр. 222.

пали, но назначались обыкновенно для подарковъ богатымъ раскольникамъ, которые въ долгу, разумѣется, не оставались. Къ чернымъ работамъ относились: пряденіе льна, приготовленіе холста, полотна для употребленія въ обители. Тѣми же работами занимались и призываемыя на Рогожскомъ кладбищѣ женщины, пока въ силахъ были работать.

Кромѣ исчисленныхъ заведеній, на Рогожскомъ кладбищѣ было 36 домовъ, называющихся частною собственностью, всѣ деревяшныя и только одинъ каменный (куща Тарбѣева). Изъ нихъ въ 1854 году двѣнадцать лучшихъ и болѣе помѣстительныхъ домовъ обращены были на помѣщеніе единовѣрческаго духовенства и должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и дома, считавшіеся принадлежавшими попомъ Ястребову, Арсеньеву, и каменный домъ Тарбѣева. Многіе богатые купцы строили на Рогожскомъ кладбищѣ дома для помѣщенія въ нихъ раскольниковъ, иногда цѣлыми семействами, и содержали на свой счетъ *). Другіе раскольники, не столь богатые, но имѣвшіе связи съ вліятельными людьми Рогожскаго кладбища, строили для себя дома и жили въ нихъ до смерти. По смерти же такихъ хозяевъ строенія поступали въ общественное владѣніе. Послѣ умершихъ поповъ семейства ихъ проживали въ домахъ, которые были построены для нихъ обществомъ, получая содержаніе отъ какого-либо богатаго раскольника **). Обитатели кладбищенскихъ домовъ или жили на полномъ содержаніи общества наравнѣ съ призываемыми въ палатахъ, или, пользуясь однимъ помѣщеніемъ, имѣли свое хозяйство. Другіе платили даже за квартиру, а нѣкоторые, внесши единовременно извѣстную сумму денегъ, пользовались помѣщеніемъ пожизненно ***).

Въ 1854 году, при поступленіи Рогожскаго богадѣльнаго дома подъ правительственный надзоръ, были потребованы отъ частныхъ лицъ, владѣвшихъ внутри кладбищенской ограды домами, документы на ихъ строенія. Ни у кого документовъ и плановъ не оказалось, и 2-го ян-

*) Почетные граждане: Левинъ (коломенскій), Аллилуевъ, Карпъ Васильевичъ Соколовъ, Николай Осиповичъ Осиповъ; купцы: Рязановъ, Тарбѣевъ, Свочковъ, Абертышевъ, Турицыны, Млаовы, Кобыковы и купчихи: Шириева, Лубкова, Муравьева и др.

***) Такъ, на примѣръ, семейство пона Гоакима Петрова, состоявшее изъ шести женщинъ, принадлежавшихъ къ православному духовному званію, содержало почетнымъ гражданиномъ Солдатенковымъ. Семейство пона Ефима Федорова, состоявшее изъ двухъ его родственницъ, жило на общественномъ содержаніи и платило только за дрова («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1854 г., № 79).

****) Такъ, за домъ, оставшійся послѣ уставщика Заболотскаго, пятью женщинами въ 1839 году было внесено въ казну кладбища единовременно 4 тысячи рублей ассигнаціями. За домъ пона Арсеньева двѣ женщины заплатили 1.200 р. асс. Погодная взаемная плата была не высока: за домъ платили по 50, по 40 и даже по 10 руб. сер. въ годъ («Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1854 г., № 76).

варя 1857 года дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ строения Рогожскаго кладбища признаны были принадлежностью богадѣльнаго дома.

Собственно кладбище находится въ сѣверной части ограды, подлѣ Никольской часовни, нынѣ обращенной въ единовѣрческую церковь, и въ южной находится небольшой общественный садъ.

Для безопасности отъ пожара были на Рогожскомъ кладбищѣ двѣ пожарныя трубы и три бочки.

Рогожское кладбище имѣло свой значительный капиталъ, составленный изъ пожертвованій, дѣланыхъ въ разное время, изъ суммъ, назначавшихся по духовнымъ завѣщаніямъ *) , отъ кошельковаго сбора, отъ продажи въ часовняхъ свѣчъ и т. п. Увѣряюгъ, что рогожскій капиталъ въ цвѣтущее время кладбища простирался до 2¹/₂ милл. руб. сер., и что при каждомъ значительномъ расходѣ, произведенномъ изъ этого капитала, онъ немедленно пополнялся или подпиской, или даже по раскладкѣ между богачами. Значительнѣйшая доля этого капитала обыкновенно находилась на рукахъ у кого-либо изъ богачей, какъ, на-примѣръ, въ прежнее время у Аптіа Дмитріевича Шеллаутіна, и по смерти его у Федора Андреевича Рахманова. Они распоряжались общественными деньгами безотчетно, выдавая однако исправно извѣстные проценты на содержаніе часовенъ и богоугодныхъ заведеній кладбища. Незначительная часть рогожскаго капитала хранилась въ конторѣ въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, положенныхъ завѣщателями. Въ 1854 году, при пріемѣ Рогожскаго богадѣльнаго дома въ правительственное вѣдѣніе, найдено такихъ капиталовъ въ именныхъ биле-

*) Въ духовныхъ завѣщаніяхъ обыкновенно предоставлялось душеприказчику сдѣлать пожертваніе въ извѣстномъ размѣрѣ на *благоугодныя дѣла* по его усмотрѣнію, а куда и сколько дать — о томъ извѣщалась воля завѣщателя словесно или въ частной запискѣ. Такъ дѣлалось потому, что Рогожское общество не было обществомъ, признаннымъ правительствомъ, и гражданская палата могла бы не утвердить завѣщанія, если бы въ немъ ясно была высказана воля завѣщателя. Вотъ обыкновенная для того формула: *заимствуемъ ее изъ завѣщанія Оедора Андреевича Рахманова, утвержденного московскою гражданскою палатой 29-го іюля 1854 года (подлинникъ находится въ «свѣдѣственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Кочуева и другихъ раскольниковъ»): «Завѣщеваю душеприказчикамъ (Василью Григорьевичу и Алексѣю Алексѣевичу Рахмановымъ, Кузьмѣ Терентьевичу Солдатенкову и Николаю Дмитріевичу Царскому) изъ оставшагося по смерти моей капитала на поминаніе грѣшной моей души, на раздачу неимущимъ и бѣднымъ людямъ, нашей братіи, а равно на искупленіе должниковъ, содержащихся подъ стражей за долги, употребить такую сумму, *какую они, душеприказчики, благоусудятъ отъ ея общаго вѣся изъ согласія, по ихъ благоусмотрѣнію, ибо я сіе совершенно предоставляю на ихъ добрую волю и увѣренъ въ нихъ, что они исполнятъ мое назначеніе вполнѣ*». Изъ дѣла видно, что на дѣла благотворенія отчислено 600 тысячъ руб. сер. Но главное назначалось (отъ 300 до 400 тыс.) на Вѣлю-Крипицу, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, находящихся въ томъ же дѣлѣ.*

такъ московскаго опекунскаго совѣта только на 17.464 р. 82 к. *) и незначительное количество наличныхъ денегъ на текущіе расходы. Безыменныхъ билетовъ, которыхъ было много, не нашлось ни одного. Все было заблаговременно къ рукамъ припрятано. Наконецъ въ 1865 году и незначительный остатокъ громаднаго нѣкогда рогожскаго капитала былъ украденъ посредствомъ ловкаго мошенничества людей, переодѣвшихся жандармскимъ полковникомъ, квартальнымъ надзирателемъ и добросовѣстными.

Переходимъ засимъ къ замѣчательнѣйшимъ лицамъ изъ рогожскаго духовенства.

Въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія Владимірской губерніи, Юрьевскаго уѣзда, въ селѣ Пѣньѣ **) былъ священникъ Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ. Была у него жена, попадавъ ревнивая, Афимей звали, а попъ падохъ былъ на грѣховную женскую лѣноту. Грѣхомъ случилось такъ, что молоденькая попова работница отъ батюшки учинилась непрадна. Пока ревнивая попадья Афимя о такомъ дѣлѣ не свѣдала, Иванъ Матвѣевичъ заблагоразсудилъ вытравить ребенка въ утробѣ своей Агари. Пѣньевская Сарра не знала о продѣлкѣ своего Авраама и равнодушно смотрѣла, какъ работница, зѣчасъ отъ лихомаки, пила взварецъ, приготовленный руками самого батюшки. Но, должно-быть, Иванъ Матвѣевичъ очень уже поусердствовалъ, приготовляя цѣлебный напитокъ: прекрасная рабыня умерла. Началось уголовное дѣло о вытравленіи младенца и объ отравленіи его матери. Ястребову приходилось плохо. Провѣдавшіе о томъ рогожцы явились къ Ивану Матвѣевичу, предлагая ему тихое и безмятежное житіе на ихъ кладбищѣ. Онъ былъ непрочъ. Но двоюродный братъ Ястребова, Лука Ивановичъ Сокольскій, помощникъ секретаря владимірской коненсторіи, приказными своими продѣлками повернулъ дѣло на то, чтобы родственнику его остаться правымъ, а смерть работницы отпести къ волѣ Бо-

*) По бисетамъ: 1) купчихи Татьяны Ивановны Соколовой на вѣчное время вложены въ 1832 году въ пять тысячъ руб. асс. на содержаніе убогихъ; 2) за упокой купца Архипа Петровича Абертышева на вѣчное время положены въ 1820 году 200 тысячъ руб. асс. на содержаніе богадѣленъ; 3) по духовному завѣщанію купчихи Анисьи Никифоровны Левиной положены въ 1829 году 15 тис. руб. асс. на содержаніе богадѣленъ; 4) вложенные 1829 г. неизвѣстнымъ 200 руб. асс. на содержаніе богадѣленъ; 5) вкладъ московскаго купца Михаила Александра Емельянова 1847 года въ 2.860 руб. сер. на содержаніе богадѣленъ и 6) московскаго купца Петра Андреевича Мапуилова 1847 г. въ 3 тысячи руб. сер. на содержаніе богадѣленъ.

**) А не Пеньковѣ, какъ сказано по ошибкѣ писца въ «Журналѣ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета» 28-го іюня 1837 г., статья 8 (въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора). Села Пенькова нѣтъ во всей Владимірской губерніи. Село Пѣнье находится въ 37 верстахъ отъ Юрьева, подлѣ почтоваго тракта въ Переяславль («Списки населенныхъ мѣстностей Россійской имперіи», часть VI, № 6.080).

ждей. „Отъ Соколяскаго, вѣроятно, для такового же прикрытія, — сказано въ журналѣ: — передано секретарю Протопопову, отчего и неизвѣстно о немъ было епархіальному начальству“. При такомъ оборотѣ дѣла *) Иванъ Матвѣевичъ и раздумалъ-было идти къ раскольникамъ, но на бѣду очень онъ любилъ лошадокъ. Московскіе раскольники подвели ему великодушнаго рысака въ 800 рублей — деньги по тому времени очень большія, и попь не въ силахъ былъ удержаться передъ видомъ породистаго жеребца. Онъ перешелъ на Рогожское. Это было въ 1802 году. Полвѣка прожилъ Ястребовъ, этотъ хитрый, лукавый, но умный и начитанный попь, на Рогожскомъ кладбищѣ, пользуясь громаднымъ уваженіемъ раскольниковъ за свой фанатизмъ въ дѣлѣ раскола **). Но еще въ селѣ Пѣньѣ, къ крайней обидѣ попадѣ Афиньѣ, соблазнился на женскую красоту, — не покинулъ Иванъ Матвѣевичъ своей грѣховной страсти и на новомъ мѣстѣ. И не покидала его страсть сія даже до смерти. Соблазновъ же для сладострастнаго пастыря на Рогожскомъ было много: молодыя читалки жили какъ разъ ридомъ съ домомъ, выстроеннымъ для Ивана Матвѣевича. Ревнивая попадѣ Афиньѣ много скорбѣла, глядя на новыя любовныя похождения сожители, и не выдержала — подожгла келью читалокъ. Но Иванъ Матвѣевичъ не исправился и посялъ этого ***).

Но все прощалось рогожцами пону Ивану Матвѣевичу, прощалось за его безпредѣльную ревность къ расколу, за его „словеса учительныя и пользительныя старообрядству“, за важныя услуги, оказанныя имъ Рогожскому кладбищу. Еще онъ былъ „попомъ-новикомъ“ на Рогожскомъ, всего еще десять лѣтъ священствовалъ у раскольниковъ, какъ надъ Москвой разразилась французская гроза 1812 года. Старообрядцы въ страхѣ разбѣжались. Большею частью укрылись они въ Гавриловомъ посадѣ, Владимірской губерніи, въ Романовѣ и въ Керженскихъ ситахъ. Иванъ Матвѣевичъ остался на кладбищѣ. Извѣстно, что вступленіе непріятеля въ столицу было совершенно неожиданно для ея жителей, которыхъ графъ Росточинъ до послѣдняго часа обнадеживалъ въ

*) «Журналъ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета» 28-го іюня 1837 г., гдѣ и справки изъ дѣлъ владимірской консисторіи. «Дѣло владимірской духовной консисторіи 1801 года о священникѣ села Пѣньѣ Юрьевской округи, Іоаннѣ Ястребовѣ».

***) На его надгробномъ памятникѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, слѣдующая надпись: «Подъ сими камнемъ погребено тѣло священноіерея Іоанна Матвѣевича Ястребова, трудившагося паствою православныхъ христіанъ при семъ Рогожскомъ кладбищѣ 49 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Скончался 19-го декабря 1853 года. Житія его было 83 года».

****) Изъ «Записокъ В. А. Сапѣжкіна» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1864 г., № 11. О нѣкоторыхъ любовницахъ попа Ивана Матвѣевича, на основаніи официальныхъ документовъ, было сказано въ IX главѣ настоящихъ очерковъ. Все, что говорится въ настоящихъ очеркахъ о духовныхъ лицахъ Рогожскаго кладбища, основано на документахъ, хранящихся въ правительственныхъ архивахъ Петербурга и Москвы.

безопасности Москвы. Известно также, что изъ самыхъ даже кремлевскихъ соборовъ не успѣли вывезти заблаговременно драгоценности, которыя и сдѣлались добычей наполеоновской арміи. Драгоценности Рогожскаго кладбища тоже, разумеется, остались на своихъ мѣстахъ. Понь Иванъ Матвѣевичъ не бѣжалъ, подобно другимъ, въ виду непріятеля, хотя и имѣлъ къ тому все средства,—онъ остался хозяйничать на Рогожскомъ. Съ помощью нѣсколькихъ работниковъ, иконы, книги и все церковное имущество онъ успѣлъ скрыть въ нарочно вырытыхъ, а потомъ засыпанныхъ на кладбищѣ могилахъ. Ограбивъ Москву, французы пожаловали и на Рогожское кладбище, но, не найдя, чѣмъ поживиться, оставили его нетронутымъ. Какъ скоро они очистили городъ, Иванъ Матвѣевичъ, еще до возвращенія разбѣжавшихся старообрядцевъ, все поставилъ на своихъ мѣстахъ. Спасеніе рогожскихъ драгоценностей приписано было особенному покровительству Божью, оказанному послѣдователямъ „истинной вѣры“ *), и въ память того сдѣлана надпись въ Рождественской часовнѣ. „И дѣйствительно, — говорили рогожцы:—православныя церкви разграблены, у беспоповцевъ на Преображенскомъ кладбищѣ все цѣло, но потому, что преображенцы въ день вступленія французовъ въ Москву посылали къ французскому коменданту ходатая на поклонъ съ тарелкой золота, получили охранную стражу изъ жандармовъ, водворили на Преображенскомъ французскую фабрикацію русскихъ фальшивыхъ ассигнацій и даже удостоились посещения самого императора французовъ съ королемъ Неаполитанскимъ. А рогожцы никого не просили, а все осталось цѣло. Это чудо: Богъ ослѣпилъ враговъ, ничего они не нашли“, — стали говорить рогожцы, и такіе рассказы имѣли огромное вліяніе на увеличеніе обращеній въ поповщинскую секту православныхъ и нѣкоторыхъ беспоповцевъ. Другую услугу Рогожскому кладбищу оказалъ понь Иванъ Матвѣевичъ немедленно по очищеніи Москвы непріателемъ. Ему, говорятъ, обязано было Рогожское кладбище тѣмъ, что графъ Платовъ оставилъ въ немъ полотняную церковь, а начальникъ Москвы словесно разрѣшилъ служить въ ней обѣдни.

Возвысившись такимъ образомъ во мнѣніи старообрядцевъ въ году московскаго разоренія, Иванъ Матвѣевичъ окончательно стяжалъ славу „крѣпкаго адаманта и твердаго хранителя святоотеческихъ законовъ и древлецерковнаго благочестія“ вскорѣ послѣ воспретительнаго указа 1827 года. При послѣдовавшемъ, влѣдствіе того указа, „окудѣннн священства“, рогожскіе старообрядцы увидѣли себя въ безвыходномъ положеніи. Значительная ихъ часть громко заговорила о принятіи правильнаго священства, то-есть единовѣрія, особенно простонародье. Старики и фанатическіе ревнители раскола ужаснулись при видѣ столь несообразнаго съ ихъ видами и расчетами направле-

*) Протоіерей Арсеѣевъ. «Записки о Рогожскомъ кладбищѣ».

нія умовъ народа. Во что бы то ни стало они вознамѣрились поддерживать прежній порядокъ вещей и ни подъ какимъ видомъ не допускать на кладбищѣ единовѣрсческаго богослуженія *). Помогъ и въ этомъ случаѣ горю ихъ поць Иванъ Матвѣевичъ.

Много было по этому случаю собраній на Рогожскомъ. Много было толковъ, споровъ и ссоръ. У простыхъ людей и до драки дѣло доходило. Наконецъ, чтобы „умирить все народное множество“, по совѣту Ивана Матвѣевича, назначенъ былъ день для великаго собора. Наканунѣ отиѣли всенощную, поутру отпразднили часы и совершили крестный ходъ кругомъ часовни. Все это сдѣлано было съ особенною торжественностью, стройно и чинно, и сильно подѣйствовало на народную массу. Затѣмъ среди Рождественской часовни поставили аналогій, Иванъ Матвѣевичъ положилъ на немъ крестъ и евангеліе и сталъ возлѣ. Какъ скоро часовня наполнилась собравшимися на совѣщаніе, онъ, не допуская начала разсужденій, поднялъ руку съ двуперстнымъ сложеніемъ и громко произнесъ: „Стойте въ истинной вѣрѣ и за правый крестъ до послѣдней капли крови! Кто послѣдуетъ истинной Христовой вѣрѣ, подходи и цѣлуй крестъ и евангеліе, а кто не желаетъ оставаться въ прежнемъ положеніи — выходи вонъ“. Эффектъ вышелъ чрезвычайный: всѣ до единого приложились ко кресту, и о принятіи на кладбищѣ правильного священства и рѣчи больше не стало. Въеть объ этомъ распространилась по всему старообрядству, и слава Ивана Матвѣевича прогремѣла далеко **).

По смерти попа Ивана Ефимова, около 1825 года, Иванъ Матвѣевичъ сдѣлался старшимъ попомъ Рогожскаго кладбища. У него духовными дѣтьми, за весьма немногими исключеніями, была вся московская старообрядческая аристократія, всѣ богачи и вліятельные люди. Онъ былъ умнѣе и начитаннѣе другихъ рогожскихъ поповъ, и странное, по видимому, дѣло: между тѣмъ какъ товарищи его всячески старались какъ можно осторожнѣе выражаться о православіи, Иванъ Матвѣевичъ постоянно относился къ нему враждебно, съ желчью и нерѣдко даже съ богохульствомъ. Другіе попы замѣтно тяготились совѣтью при воспоминаніи объ отступничествѣ и старались хоть виномъ залить се: Ивана Матвѣевича никогда не мучило раскаяніе. Зато и пить онъ воздержно, предпочитая вину фрукты изъ оранжерей духовныхъ чадъ своихъ и красивыхъ дѣвицъ изъ собственного своего духовнаго вертограда. Другіе рогожскіе попы рано или поздно возвращались въ вѣдра

*) Протоіерей Арсеньевъ. «Записка о Рогожскомъ кладбищѣ».

***) «Журналъ московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета», 28-го іюня 1837 г. (въ архивѣ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора), изъ котораго видно, что объ этомъ пропестествіи писалъ саратовскій преосвященный московскому викарію, управлявшему епархіей за отсутствіемъ митрополита Филарета, жившаго тогда въ Петербургѣ для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ.

покинутой церкви: Иванъ Матвѣевичъ не допускалъ и мысли о примиреніи съ нею. Ни одинъ изъ дозволенныхъ поповъ не соглашался на учрежденіе заграничной старообрядческой іерархіи: Иванъ Матвѣевичъ былъ въ числѣ ея учредителей и впоследствии призналъ надъ собою главенство и бѣнокриницкаго митрополита, и Софронія, который нѣкогда подъ именемъ Стенки Жирова былъ у него въ пѣвчихъ. Въ то же время и съ рогожскою святыней Иванъ Матвѣевичъ обращался самымъ безцеремоннымъ образомъ и на свое служеніе постоянно смотрѣлъ какъ на доходное ремесло.

Другой рогожскій пошъ, очень уважаемый раскольниками и уважаемый по справедливости, Александръ Ивановичъ Арсеньевъ, былъ прежде православнымъ священникомъ въ Костромской епархіи. Приходъ у него былъ бѣдный, и Арсеньевъ нуждался въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ средствахъ. Прельщенный раскольниками, поразившими ему жизнь спокойную и не только безбѣдную, но даже роскошную, онъ бѣжалъ въ Рогожское въ 1817 году, и старшимъ попомъ Иваномъ Ефимовымъ перемазанъ въ полотняной церкви. Двадцать семь лѣтъ служилъ онъ на кладбищѣ, и странная судьба семейства Арсеньевыхъ: служилъ онъ раскольникамъ въ то самое время, когда родной братъ его, Константинъ Ивановичъ, нашъ извѣстный ученый, преподавалъ исторію и статистику Россіи наслѣднику цесаревичу. Александръ Ивановичъ Арсеньевъ былъ человѣкъ съ отличными природными способностями, большой начетчикъ и отличался безупречною жизнью, безукоризненною нравственностью. За то и пользовался онъ уваженіемъ и любовью старообрядцевъ. Многіе изъ нихъ, даже въ нѣкоторый ущербъ Ивану Матвѣевичу, считали его „что ни на есть лучшимъ попомъ“ *). Духовныхъ дѣтей было у него больше, чѣмъ у другихъ поповъ, особенно много бывало у него на духу женщинъ. Арсеньевъ былъ человѣкъ энергическій, рѣшительный, но въ то же время крайне самонадѣянный. Вслѣдствіе того онъ нерѣдко нарушалъ условія, съ соблюденіемъ которыхъ правительствомъ дозволяло понамъ, дозволеннымъ правилами 1822 года, доживать вѣкъ свой на Рогожскомъ кладбищѣ. Въ 1833 году онъ переправилъ въ расколъ солдатку, вѣнчалъ свадьбы ранѣе опредѣленнаго закономъ возраста, вѣнчалъ по-раскольнически православныхъ и даже выдавалъ въ томъ письменныя свидѣтельства. Возникли дѣла, и московскій совѣщательный о раскольникахъ комитетъ въ 1837 году постановилъ: отослать Арсеньева на законное сужденіе къ костромскому преосвященному, изъ епархіи котораго онъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ бѣжалъ. Для исполненія этого постановленія потре-

*) «Письмо московской купчихи Соколовой» къ Александрѣ, игуменѣ Игнатъевой обители въ Комаровскомъ скиту (Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи). 23-го марта 1840 года, находится при «дѣлѣ о бѣломъ іеромонахѣ Иларіи» въ архивѣ въ нижегородскомъ губернскомъ правленіи.

бывали Александра Ивановича въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, но рогожцы отвѣчали полиціи, что Арсеньевъ находится въ отсутствіи *), хотя отлучки рогожекимъ понамъ и были воспрещены закономъ. Дѣйствительно же Арсеньевъ не думалъ выѣзжать изъ Рогожскаго кладбища и жилъ спокойно въ своемъ домѣ, даже разѣзжалъ по Москвѣ въ каретѣ, но съ опущенными шторами на окнахъ. Такимъ образомъ, скрытно, но, конечно, безысзвѣстно для московской полиціи, проживалъ Александръ Ивановичъ цѣлыя семь лѣтъ, до самыхъ тѣхъ поръ, какъ наконецъ по высочайшему повелѣнію, 25-го апрѣля 1844 года, былъ взятъ и отправленъ въ Кострому **). Кладбищенскій конторщикъ Синицынъ и пѣвчій, а потомъ уставщикъ, Жигаревъ нерѣдко ѣздили въ Кострому и поддерживали связи Арсеньева съ московскимъ старообрядчествомъ. Черезъ нѣсколько времени онъ однако обратился къ единовѣрью и сдѣланъ былъ протоіеремъ и благочиннымъ всѣхъ единовѣрческихъ церквей Черниговской епархіи. Связи свои съ Рогожекимъ кладбищемъ онъ однако сохранялъ до самой смерти и, бывая въ Москвѣ, всегда посѣщалъ бывшихъ своихъ сослужбениковъ, поповъ Ястребова и Русанова ***). Двѣ большія записки его, одна — „о Рогожскомъ кладбищѣ“, другая — „о дѣйствіяхъ Кочужева“, писанныя въ 1854 году, служили важнымъ пособіемъ при составленіи этихъ очерковъ.

Пошъ Петръ Ермиловичъ Русановъ — лицо также весьма замѣтное въ старообрядствѣ. Онъ былъ православнымъ сельскимъ священникомъ во Владимірской епархіи и бѣжалъ на Рогожское въ началѣ 1822 года. Былъ слухъ, что раскольники, уговаривая его перейти къ нимъ, соблазнили его, подаривъ бочку самаго лучшаго, самаго чистаго дегтя. Объ этой молвѣ упоминается въ архивныхъ дѣлахъ. Веселый былъ человекъ Петръ Ермиловичъ и подъ пьяную руку самъ иногда подтверждалъ этотъ слухъ. „Ермилычъ“ — такъ обыкновенно звали этого забубеннаго попа — былъ человекъ пьяный, алчный до денегъ и распутный. Въ пьянствѣ всегда доходилъ до безобразія. Его терпѣли единственно „ради оскудѣнія священства“. Бывало, какъ только попадетъ ему въ голову, сейчасъ ругаться. Кто ни попадись на глаза, хоть сама мать Пульхерія, сейчасъ обзоветъ ее душой и раскольницей

*) «Журналы московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета» 28-го іюня 1837 и 17-го іюля 1838 года въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора.

**) Какъ его брали съ кладбища — подробно разсказано въ «Зрителѣ» 1863 года. Статья «Зрителя» перепечатана въ «Сборникѣ изъ исторіи старообрядчества» Н. Попова.

***) Собственноручное его показаніе, находящееся въ «Слѣдственномъ дѣлѣ о дѣйствіяхъ Авонія Кочужева и другихъ раскольниковъ», находящийся подъ слѣдствіемъ и прикосновенныхъ къ нему въ 1854 и 1855 годахъ. При «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 7-го мая 1853 года, № 8 — 519.

и начнеть обличать расколь и разсказывать всё извѣстныя ему рогожскія тайны. Онъ презиралъ раскольниковъ и не упустилъ ни одного случая посмѣяться надъ ними. На свадьбахъ, на обѣдахъ у богачей, если тутъ случался Ермилычъ, и хозяева и гости, бывало, Бога молятъ, чтобы пропесъ благополучно. Но этого никогда почти не вымаливали. Какъ напьется Ермилычъ, такъ и пойдетъ всёхъ еретиками обзывать и ругаться надъ расколомъ. Молодыя женщины и дѣвушки къ нему и на духъ не ходили. Съ Иваномъ Матвѣвичемъ онъ никогда не ладилъ. Не только при частныхъ встрѣчахъ, но и въ соборныхъ служеніяхъ, на которыхъ Ястребовъ занималъ первое мѣсто, не упустилъ, бывало, Ермилычъ колнуть сослужебника.

— Эхъ, ты, архипастырь! На сиваго жеребца свитую церковь промѣнялъ! — скажетъ ему, бывало, вполголоса.

— А ты, пьяница, на бочку дегтю, — злобнымъ шопотомъ отвѣтитъ Иванъ Матвѣвичъ и пабожно возведетъ горѣ преподобныя очи свои.

Впослѣдствіи, когда, за недостаткомъ поповъ, прекратились въ рогожскихъ часовняхъ соборныя служенія и осталось только двое священнослужителей — Ермилычъ съ Ястребовымъ, они ужъ и не встрѣчались. Бывало, Ермилычъ въ часовню, Иванъ Матвѣвичъ хоть и служить — ризы долой и вонъ. Привелось же однако Ермилычу отиѣвать своего друга. И въ числѣ погребенія у него ругательства мѣшалась съ молитвами. Не забылъ онъ, сказываютъ, надъ гробомъ преставльнагося и сиваго жеребца помянуть. Ужъ на что мать Пульхерія, всегда снисходительная къ попамъ и обвинявшая одною дьявола во всёхъ ихъ безобразіяхъ, и та послѣ говорила, что нехорошо было на похоронахъ Ивана Матвѣвича и грѣшно.

Особенно тѣмъ пугаль старообрядцевъ Петръ Ермилычъ, что при каждой съ ними брани грозилъ, что сейчасъ же пойдетъ къ митрополиту Филарету, падеть ему въ ноги, будетъ просить прощенія и дозволенія возвратиться въ православіе — и разскажетъ все, что знаетъ о раскольниковыхъ тайныхъ дѣлахъ. Много ему денегъ за то перепало, чтобы онъ какъ-нибудь и въ самомъ дѣлѣ не исполнилъ такого обѣщанія. Но подъ конецъ онъ возвратился же въ православіе. Въ 1854 году, 24-го іюня, давая отвѣты слѣдственной комиссіи по дѣлу о дѣйствіяхъ Кочуева и другихъ раскольниковъ *), Русановъ собственноручно написалъ: „всегда было и теперь желаніе мое есть присоединиться къ православію, но предоставляю это времени“. Ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ этого (23-го ноября) онъ дѣйствительно присоединился къ церкви на условіяхъ единовѣрія и остался жить на Рогожскомъ до самой смерти (въ январѣ 1857 года). Обратившись къ единовѣрью, Ермилычъ покинулъ пьянство и прежнія безобразія, но алчность къ деньгамъ не оставила его: онъ продавалъ рѣдкія книги и

*) Въ 1854 году высочайше учрежденная слѣдственная комиссія на некоторое время переведена была изъ Петербурга въ Москву.

прикидывался нищимъ, выпрашивалъ подаяній у единовѣрцевъ, хотя у него и лежало на сто тысячъ рублей процентныхъ бумагъ, какъ говорила дочь его *).

Изъ недозволенныхъ священнослужителей, которыхъ немало перебывало на Рогожскомъ кладбищѣ, упомянемъ о трехъ болѣе замѣчательныхъ: архимандритѣ Геронтіи, іеромонахѣ Иларіи и полѣ Ѳеодорѣ Васильевичѣ Соловьевѣ.

Геронтіи былъ архимандритъ греческій, съ Аоонской, кажется, горы, жилъ въ Оптиной Козельской пустыни и даже нѣкоторое время былъ въ ней настоятелемъ. Но, вдавнившись въ пьянство, вдался онъ и въ расколъ, конечно, какъ грекъ, не понимая вполне его сущности и перейдя къ раскольникамъ единственно изъ-за денегъ и изъ-за обѣщанной хорошей жизни. Въ 1825 году Геронтіи явился въ Макарьевъ монастырь**), гдѣ былъ принятъ настоятелемъ Евлогіемъ и всѣмъ „Вѣтковскимъ соборомъ“. Но подъ чинъ пріятія, то-есть подъ миропомазаніе, Геронтіи здѣсь не ходилъ, едва ли не потому, что въ вѣтковскихъ монастыряхъ на ту пору не случилось ни бѣлаго пола яи мира. Вскорѣ грекъ-раскольникъ явился на Рогожскомъ, гдѣ и былъ принятъ попомъ Алексѣевымъ, посредствомъ миропомазанія. Рогожцы очень было-возрадовались тому, что совершенно неожиданно попалъ къ нимъ не погъ, а цѣлый архимандритъ; но безобразіе Геронтіи, постоянно бывшаго въ безпробѣщномъ пьянствѣ, было такъ велико, что и они, вообще снисходительные къ подобнымъ поступкамъ пастырей, выслали Геронтія не только съ кладбища, но и изъ самой Москвы (около 1830 г.). Вскорѣ Геронтіи былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе за бродяжничество и уклоненіе въ расколъ. По увольненіи его тамъ на собственное прощальное слово, онъ покинулъ-было расколъ и по слезной просьбѣ былъ принятъ въ число братства Селенгинскаго Троицкаго монастыря. Въ 1833 году, отлучась на время изъ монастыря подъ благовиднымъ предлогомъ, Геронтіи былъ найденъ въ Урлукскомъ селеніи пьянствующимъ у тамошняго раскольникьяго уставщика. При немъ найдены запасные дары, старинный антиминсъ патриарха Іоасафа I и актъ, данный Геронтію отъ вѣтковского собора Макарьева монастыря и отъ Рогожскаго кладбища, свидѣтельствующій о пріемѣ его въ расколъ и повѣлывающій всѣмъ старообрядцамъ оказывать ему уваженіе и принимать отъ него, *яко отъ страдальца*, благословеніе ***). Оказалось, что Ге-

*) Вскорѣ по присоединеніи его къ единовѣрцію (24-го марта 1855 г.) раскольникъ, мѣщанинъ Василій Васильевъ, забравшись къ нему въ домъ, хотѣлъ убить его. Но пистолеть, поставленный въ упоръ, далъ три осычки сразу. Васильевъ смутился и кинжаломъ распоролъ себѣ животъ.

**) Могилевской губерніи, Гомельскаго уѣзда, основанъ около 1740 г., обращенъ въ единовѣрческій въ 1844 году.

***) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1834 г., № 55. Къ свидѣтельству была приложена печать Рогожскаго кладбища, вслѣдствіе чего оно было отобрано.

ронгій правилъ тѣбы у сибирскихъ раскольниковъ. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

Иларій происходилъ изъ купеческаго званія и былъ іеромонахомъ и казначеемъ въ Спасопреображенскомъ монастырѣ, что въ кремлѣ города Казани. Вѣжалъ къ раскольникамъ въ 1830 году. Онъ жилъ то на Иргизѣ, то въ Москвѣ, то въ Казани, то въ женской обители Игнатъевой Комаровскаго скита, въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губернии *). Приобрѣтеніе Иларія для раскольниковъ было очень важно: хотя въ то время у нихъ было довольно бѣлыхъ поновъ, но мало было черныхъ (іеромонаховъ), необходимыхъ для полнаго постриженія въ иноческій чинъ. Въ этомъ отношеніи Иларій вполне оправдалъ возлагшіяся на него надежды раскольниковъ: въ семнадцать или восемнадцать лѣтъ пребыванія между ними, говорятъ, онъ постригъ въ разныхъ мѣстахъ до двухъ тысячъ монаховъ и монахинь. Изъ этого числа дѣлая половина приходится на долю Москвы. Въ 1837 году, по обращеніи Средненикольскаго монастыря на Иргизѣ въ единовѣрческій, тамошніе отцы успѣли передать Иларію полотняную церковь во имя Симеона Столпника. Съ этою церковью Иларій разъѣзжалъ по Россіи, служа обѣдни; бывалъ онъ на Донѣ, на Уралѣ, въ Пермской и Вятской губерніяхъ, но преимущественно проживалъ въ Москвѣ, въ Казани, при тамошней Коровинской часовнѣ, и въ Игнатъевской обители Комаровскаго скита. Въ этомъ скиту священноинокъ сблизился съ сестрою тамошней игуменьи, сдѣлалъ ее инокиней и своею любовницею. Когда, по высочайшему повелѣнію, возникли розыски Иларія, онъ удалился съ своею подругою въ Яранскій уѣздъ Вятской губерніи, гдѣ и жилъ въ деревнѣ Починкѣ, подъ именемъ нижегородскаго мѣщанина Федора Григорьева. Изъ Починка ѣздилъ изрѣдка на Рогожское, а чаще въ Казань. Въ этомъ городѣ былъ взятъ и преданъ законному су-

*) Комаровскій скитъ близъ деревни Ефимова и Ронкина основанъ въ началѣ XVIII ст. раскольниковъ Комаромъ, пришедшимъ сюда изъ окрестностей Твери. Въ этомъ скиту была мужская обитель Іоанна, существовавшая до тридцатыхъ годовъ, и 16 женскихъ обителей, одна отъ другой независимыхъ. Въ числѣ такихъ обителей была обитель Игнатіева, находившаяся рядомъ съ Іоанной, одна изъ самыхъ богатыхъ и многолюдныхъ, съ большою часовней. Она была основана повоторжекимъ раскольниковъ, отцомъ Игнатіемъ, лично извѣстнымъ императрицѣ Екатерицѣ II. Впослѣдствіи (еще въ прошломъ столѣтіи) мужская Игнатіева обитель обращена въ женскую и существовала до 1853 г., когда вмѣстѣ съ другими уничтожена. Въ послѣднее время настоятельницей этой обители была крестьянская дѣвка государственной деревни Михайловой (Семеновскаго уѣзда) Агаѣя Константинова, во иночествѣ Александра, замѣчательная умомъ, фанатизмомъ, краснорѣчіемъ и толщиной: въ ней было тринадцать чудовъ вѣсу. Въ ея обители жила сестра ея, дѣвица Авдотья Константинова, въ иночествѣ Елизавета, съ дочерью Клавдіей и Александрой, рожденными отъ Иларія. По высылкѣ изъ скитовъ постороннихъ жителей, то-есть не приписанныхъ къ скитамъ по ревизіи, что было въ 1853 году, мать Александра жила въ деревнѣ Михайловой, гдѣ и умерла около 1860 года.

жденію. Его лишили сана и послали въ Соловецкій монастырь въ заточеніе.

Во время пересылки Иларія въ Соловки, раскольники совершили одну изъ самыхъ ловкихъ своихъ продѣлокъ. И побуждены они были къ этой продѣлкѣ не столько, быть-можетъ, ради достиженія сектаторскихъ цѣлей, сколько ради удовлетворенія горячаго чувства черноглазой, краснощекой старицы Елизаветы. Она дѣйствительно была очень хороша собой и въ пожилыхъ уже лѣтахъ, а дочери ея и Иларія были рѣдкія красавицы. Украли Иларія комаровскія матери слѣдующимъ образомъ. Изъ Казани онъ препровождался по этапу, и въ одной съ нимъ партіи шелъ до Нижняго-Новгорода нѣкто Волковъ, дворовый человѣкъ казанскаго помѣщика Палицына, за пьянство и воровство отданный въ солдаты и назначенный въ нижегородскій гарнизонный батальонъ внутренней стражи. Дѣйствуя по плану, напередъ обдуманному въ Игнатьевой обители, отецъ Иларій, при выходѣ изъ Казани, уговорился съ Волковымъ переимѣниться именами, обѣщавъ ему за то тысячу рублей и обнадеживъ, что во время пути по Вологодской губерніи раскольники отобьютъ его у козловъ и препроводятъ въ одинъ изъ скитовъ, гдѣ онъ спокойно и въ полномъ довольствѣ проведетъ остальную свою жизнь. Посулилъ пропойцѣ Волкову священноинокъ Иларій вина сколько хочетъ, сытныя обѣды, большіе деньги, теплыя кельи и любую изъ послушницъ или монахинь для сожительства. Волковъ соблазнился на предложеніе земаניתаго постригателя раскольниковъ и инокинъ. Въ городѣ Чебоксарахъ Иларій обрился, а на слѣдующемъ этапѣ, при переключкѣ пересыльных арестантовъ, переимѣнились именами: Иларій назвался Волковымъ, Волковъ Иларіемъ. Въ городѣ Василѣ Иларій сказанъ больнымъ и подъ именемъ рядового Волкова былъ оставленъ до выздоровленія въ тюремной больницѣ. Лжеиларій пошелъ далѣе и, не встрѣтивъ никакихъ раскольниковъ въ Вологодской губерніи, переплылъ Вѣлое море и попалъ въ Соловкахъ въ тюремное отдѣленіе, гдѣ и отданъ былъ подъ надзоръ некуснаго старца для убѣжденія его въ истинѣ православія и неправотѣ раскола, о которомъ Волковъ и понятія не имѣлъ. Но, опасаясь за обманъ и побѣгъ наказанія сквозь строй, онъ рѣшился молчать, тщательно хранить выросшую во время пути бороду и креститься двуперстнымъ сложеніемъ. Искусный старецъ обращался къ нему съ наставленіями, начиналъ съ нимъ богословскіе споры, но Волковъ молчалъ, не зная, чтó говорить. Монастырское начальство отмѣтило его въ арестантскихъ спискахъ самымъ упорнымъ и закостылымъ раскольниковъ, а архимандритъ Досіоей донесъ святѣйшему синоду, что повый заключенникъ не подастъ никакой надежды къ уразумѣнію святыхъ истинъ православной церкви. Такъ прошло немало времени. Не выдержавъ наконецъ мнимый Иларій — соблазнился солдатскою махоркой. Видитъ разъ искусный старецъ своего закостылаго старовѣра среди солдатъ соловецкой инвалидной команды

съ трубкой въ зубахъ. Тутъ все объяснилось. Волковъ признался во всемъ и, конечно, не миноваль наказанія *).

А Иларій между тѣмъ благополучно дошелъ до Нижняго и поступилъ въ тамошній гарнизонный батальонъ. Дѣло было въ концѣ сентября, и батальонный командиръ, хорошей знакомый съ матерью Александрой, игуменьей Игнатьевой обители, послалъ обритаго священноиннокъ въ шинели, вмѣстѣ съ другими солдатами и новобранцами, убирать на гарнизонныхъ огородахъ капусту. Огороды находились на островѣ рѣки Волги. Иларій въ тотъ же день бѣжалъ въ Заволжье, и счастливая старица Елизавета въ крытой кибиткѣ благополучно довезла своего любезнаго до Комаровскаго скита. Но здѣсь Иларію жить было опасно; и страстно любящаяся иночествующая чета, съ двумя плодами любви—въ образѣ миленькихъ дѣвочекъ, переехала въ Москву, гдѣ Иларій и жилъ до 1848 года, когда умеръ отъ холеры, оплаканный вѣрною подругой, малолѣтними дѣтьми и многочисленными московскими почитателями.

Вѣглый поля Ѳеодоръ Васильевичъ Соловьевъ, хотя и не очень долго жилъ на Рогожскомъ кладбищѣ, но въ короткое время успѣлъ приобрести немалое вліяніе на московское старообрядческое общество. Съ 1802 г. былъ онъ священникомъ въ селѣ Никола-Станѣ, недалеко отъ города Мосальска, Калужской губерніи, и духовнымъ начальствомъ неоднократно замѣчаемъ былъ въ дурномъ поведеніи и несообразныхъ съ священническимъ саномъ поступкахъ. Ожидая по дѣламъ своимъ воздаянія, Соловьевъ въ 1832 году бросилъ приходъ и бѣжалъ въ Тверскую губернію къ раскольникамъ города Ржева. Здѣсь, вмѣстѣ съ дозволеннымъ правилами 1822 года иномъ Василиемъ Смирновымъ, служилъ онъ при часовѣ, находившейся на Князь-Дмитріевской сторонѣ, и по временамъ пріѣзжалъ въ Москву помогать рогожскимъ ионамъ исправлять требы. Въ 1836 году его взяли въ Ржевѣ. При производствѣ слѣдствія Соловьевъ обратился—было къ православію, но тотчасъ же непрежнему сталъ раскольникать. Святѣйшій синодъ, опредѣленіемъ 23-го декабря 1836 года, лишилъ Соловьева сана съ отданіемъ его въ распоряженіе калужскаго губернскаго правленія, но покойный государь па синодскомъ докладѣ написалъ собственноручно: „лучше, лишивъ священническаго сана, заключить въ монастырь подъ строгій надзоръ“. Его помѣтили въ Козельскую Оптину пустынь, гдѣ Соловьевъ въ 1839 г. лицемерно раскаялся и просилъ о возвращеніи ему іерейскаго сана. Въ возвращеніи сана ему было отказано, но по чиноположенію его присоединили къ св. церкви. Послѣ того онъ въ третій разъ впалъ въ расколъ; его переводили изъ монастыря въ монастырь, наконецъ изъ Архангельскаго монастыря, что въ городѣ Юрьевѣ, Владимірской губер-

*) «Донесеніе соловецкаго архимандрита святѣйшему синоду» и находящееся въ нижегородскомъ губернскомъ правленіи «Дѣло о разысканіи по высочайшему повелѣнію бѣлаго іеромонаха Иларія».

ни, Соловьевъ бѣжалъ (30-го июня 1845 г.) на Рогожское кладбище, гдѣ и былъ принятъ, какъ вѣрнѣйшій великій иновѣдникъ; съ большими почестями. Но на самомъ кладбищѣ раскольники боялись держать пона Федора и помѣстили его въ Рогожской части, въ квартирѣ вольнаго хлѣбопашца Липатова, гдѣ онъ крестилъ, вѣнчалъ, иновѣдывалъ и причащалъ присылаемыхъ съ кладбища крестьянъ. Въ началѣ 1846 г. онъ былъ снова взятъ и заключенъ въ Суздальскій Спасо-Евоимевъ монастырь *).

Кромѣ рогожскихъ моленныхъ, въ Москвѣ было немало моленныхъ въ домахъ богатыхъ купцовъ, а въ Московской губерніи были, кромѣ того, и общественныя моленныя. Мы уже упомянули, что въ настоящее время (1867) въ Москвѣ считается 19 дозволенныхъ, открытыхъ моленныхъ, а въ Московской губерніи 35. Прежде было болѣе: въ 1838 г. ихъ считалось въ Москвѣ 28, а въ уѣздахъ 77, не считая множества тайныхъ.

Три моленныя въ Москвѣ были устроены съ алтарями и престолами: а) въ домѣ бывшаго почителя Рогожскаго кладбища Николая Дмитриевича Царскаго, близъ Тверской заставы, въ Суцевской части, едва ли не на мѣстѣ существовавшаго до 1771 года старообрядческаго кладбища; б) въ домѣ бывшаго почителя Павла Филипповича Дуякова, у Москворѣцкаго моста, въ Пятницкой части; и в) въ домѣ купца Григорья Степановича Рылова, за Большимъ Каменнымъ мостомъ, въ Якиманской части.

Изъ моленныхъ безъ алтарей особенно замѣчательны были: въ Рогожской части въ домахъ Саввы Борисова, Павла Аонасьевича Баулина (въ Таганкѣ), у купцовъ: Сергѣя Дмитриевича Худякова и Тимофея Краснкова (ихъ обонхъ общій домъ). Въ другихъ мѣстахъ столицы: въ домѣ Николая Осипова за Москвой-рѣкой на Красномъ холму, Медвѣдева—въ Кожевникахъ, Аргеникова—въ Покровскомъ, Ивана Аонасьевича Быкова—у Никиты Мученика, Рахмановыхъ, Соколова, Солдатенкова, Окорокова, Карташова и устроенная въ 1845 году новая моленная въ домѣ Андрея Александровича Досужева **).

*) «Слѣдственное дѣло о полкѣ Федорѣ Соловьевѣ» 1816 года въ архивѣ московскаго генералъ-губернатора.

**) Прочія московскія моленныя находились: въ Рогожской части: у купцовъ Федота Филиппова, Макара Коньгова и мѣщанина Петра Мпронова; въ Тверской части: у купца Ивана Царскаго; въ Басманной части: у купеческихъ братьевъ Емельяновыхъ; въ Пятницкой части: у бывшаго почителя Рогожскаго кладбища, купца Трифона Петровича Лубкова; въ Якиманской части: у купчихи Павловой и у мѣщанина Дементія Гаврилова; въ Прѣсенской части: въ домѣ ямщика Карманова; въ Серпуховской части: у купцовъ Дмитрія Широкова, Дмитрія Михайлова и Александра Столбова; въ Срѣтенской части: у купцовъ Шевадышева, Соколова и Чудинова. Кромѣ того, нѣсколько недозволенныхъ, хотя и извѣстныхъ полиціи. Все это замѣтено изъ разныхъ дѣлъ департамента общихъ дѣлъ мин. внутр. дѣлъ и канцеляріи московскаго генералъ-губернатора.

Изъ часовень, находящихся въ Московской губерніи, особенно были замѣчательны:

Въ городѣ Вереѣ каменная, устроенная по подобію церкви и принадлежавшая всему мѣстному старообрядческому обществу. При ней бывали бѣглые поны. Въ тридцатыхъ годахъ былъ тамъ понь Иванъ Петровъ Сергіевскій, бѣглый изъ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи, о помѣщеніи котораго на Рогожскомъ кладбищѣ въ 1829—1832 годахъ напрасно хлопотали у правительственныхъ лицъ московскіе раскольники.

Въ городѣ Коломнѣ деревянная, при домѣ купца Григорья Титова.

Бронницкаго уѣзда въ деревнѣ Чулковой, устроенная на подобіе церкви, деревянная, на каменномъ фундаментѣ, съ колокольней.

Серпуховскаго уѣзда—въ деревнѣ Глазовой.

Московского уѣзда — въ селѣ Коломенскомъ, составлявшая какъ бы отдѣленіе Рогожскаго кладбища, и при ней богадѣльня, а съ 1850 года училище.

Вольше всего часовень въ Богородскомъ уѣздѣ (1-го стана) въ такъ называемой Гуслицѣ. Тамъ ихъ было 53, а теперь (1867) 27 однихъ дозволенныхъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: въ деревняхъ Вѣливѣ, Заваленьи (въ каждой по двѣ часовни), Шувоѣ, Слободищахъ и Заполицахъ.

Всѣ эти часовни и молѣнныя находились въ прямой зависимости отъ Рогожскаго кладбища. Въ нихъ ничего важнаго не предпринималось и не дѣлалось безъ воли и благословенія рогожскихъ властей. Конторщики и матери Пульхерія и Александра также въ свое время надъ ними владычествовали.

ЧАСТЬ II.

I.

Кочуевъ.—Рогожскій соборъ 1832 года.

На правомъ, высокомъ и крутомъ берегу Оки, верстахъ въ семидесяти отъ ея устья, стоитъ небольшой городокъ Горбатовъ, смежный съ большимъ селомъ Избыльцомъ, длинно протянувшимся на полугорѣ, внизъ по теченію Оки. Изъ четырехъ съ половиной тысячъ населенія обѣихъ мѣстностей едва ли не четыре пятыхъ принадлежатъ къ расколу, хотя большинство по церковнымъ росписямъ и значится православнымъ. Расколъ появился здѣсь съ самаго его начала, но до нынѣшняго столѣтія содержался лишь немногими торговцами. Съ этого времени и въ Горбатовѣ и въ Избыльцѣ развилась прядильная промышленность. Стали готовить въ значительномъ количествѣ бечеву, употребляемую для закрушки краевъ рыболовныхъ сѣтей, и отправлять ее на Нижъ

для волжских и каспійскихъ рыбныхъ промысловъ. Этимъ горбатовцы вошли въ тѣсную связь съ поволжскими жителями Саратовской и Астраханской губерній, откуда и заимствовали расколъ. Съ другой стороны расколъ проникалъ въ Горбатовъ изъ села Сасова, Тамбовской губерній, откуда преимущественно привозили на прядильни пеньку. Горбатовцы, отправляя внизъ по Волгѣ бечеву, покупали на Низу рыбу и развозили ее для продажи по Верховью. У разбогатѣвшихъ такою промышленностью купцовъ и мѣщанъ появились при домахъ моленныя, въ которыхъ правили службу каноницы съ Иргиза, преимущественно же изъ скитовъ Семеновскаго уѣзда. Такихъ моленныхъ въ двадцатыхъ годахъ въ Горбатовѣ было три и сверхъ того четыре въ Избыльцѣ. Все небольшой и потаенныя. Православныя церкви опустѣли, хотя записныхъ раскольниковъ въ городѣ и селѣ считалось лишь нѣсколько десятковъ.

Въ этомъ городѣ жилъ небогатый кунецъ Кузьма Васильевичъ Кочуевъ; у него было три сына и нѣсколько дочерей. Двое старшихъ сыновей приучены были къ комиссіонной торговлѣ и занимались въ приказчики у разныхъ купцовъ, имѣвшихъ дѣла въ Астрахани. Меньшой, по имени Авооній, назначался отцомъ къ тому же занятію *). Грамотѣ онъ учился дома, въ Горбатовѣ, а потомъ жилъ при старшемъ братѣ Корнилѣ, въ Астрахани, въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ. Будучи лѣтъ четырнадцати, онъ въ 1818 году уже закупалъ рыбу въ Черномъ-Яру для отправки въ верховыя губерніи, а въ 1819 году удачно торговалъ въ Казани, затѣмъ принялся—было за тюлений промыселъ, но ненадолго. Достигнувъ шестнадцати лѣтъ отъ рожденія, Авооній Кочуевъ избралъ иное поприще для своей дѣятельности. Видя, что братъ Корниль, уже пятидесятилѣтній, при всей честности и умѣньи вести торговля дѣла, по временамъ оставался съ семьей безъ куска хлѣба, энергическій и

*) Объ Авооніи Кочуевѣ говорится въ нашихъ очеркахъ на основаніи дѣлъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ 9-го іюня 1843 г., № 177, 7-го мая 1853 г., № 8/519, и 23-го іюня 1853 г., № 62 (при послѣднемъ отчетѣ о современномъ состояніи раскола, часть шестая), а также на основаніи слѣдственнаго дѣла, произведеннаго по высочайшему повелѣнію особою комиссіей въ 1854 и 1855 годахъ, о дѣйствіяхъ Авоонія Кочуева и другихъ раскольниковъ. При этомъ дѣлѣ находится болѣе полутора тысячи подлинныхъ писемъ разныхъ раскольниковъ за время съ 1813 по 1853 годъ. Этими чрезвычайно любопытными письмами мы также воспользовались. Коллекція писемъ, о которой говоримъ, интересна для характеристики нравовъ и внутренней жизни старообрядцевъ; въ ней заключается все — отъ сектаторскихъ отношеній и торговыхъ дѣйствій до переписки, напримѣръ, одной молоденькой раскольницы, кушеческой дочки, влюбившейся въ писемоводителя становаго пристава, которая, обладая даромъ поэзіи, пишетъ стихи къ колокольчику становаго, возвѣщающему прїѣздъ милаго, описываетъ своего любезнаго, покоящагося въ объятіяхъ нѣжной супруги (писемоводитель былъ женатъ), назначаетъ ему свиданія, и тотъ каждый разъ соглашается на rendez-vous, но подъ условіемъ пригнати бутылочку мадеры. Тутъ же вмѣстѣ и свѣдѣнія о сектаторствѣ.

впечатлительный юноша бросилъ торговлю, какъ занятіе невѣрное и не обезпечивающее, рѣшился составить себѣ извѣстность и нажить богатство инымъ путемъ—путемъ сектаторства.

Еще живя на Низу, Авооній Кочуевъ сблизился съ раскольниками поповщинской секты и, подъ руководствомъ ихъ, съ ранней юности изучалъ старинныя книги. Одаренный рѣдкими способностями, на лету схватывалъ онъ познанія и въ шестнадцать лѣтъ былъ такимъ начеичкомъ, что старообрядцы только дивились. Между тѣмъ родители его, православные только по имени, съ устроившемъ въ селѣ Павловѣ *) единовѣрческой церкви, перешли въ единовѣріе. Авооній, поступивъ въ поповщину, уговаривалъ и родителей послѣдовать его примѣру, но они пока не соглашались. Затѣмъ, начитавшись книгъ аскетическаго содержания, онъ объявилъ отцу съ матерью о намѣреніи оставить міръ и посвятить себя отшельнической жизни. Они не соглашались, видя въ младшемъ сынѣ единственную опору своей старости. Произошла семейная ссора, и Авооній, оправдывая свой поступокъ житіями разныхъ святыхъ, безъ паспорта бѣжалъ изъ Горбатова. Это было въ началѣ 1822 года.

Въ Хвалынскѣ жило тогда богатое купеческое семейство Михайловыхъ, они же и Кузьмичевы, состоявшее изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ. Они были раскольники поповщинской секты. Кочуева Кузьмичевы знали. Будучи на Низу, онъ исполнялъ нѣкоторыя ихъ порученія по торговымъ дѣламъ. Къ нимъ-то въ 1822 году явился подъ видомъ круглаго сироты Авооній, прося покровительства и пріюта. Кузьмичевы, замѣтивъ въ юношѣ фанатическую ревность къ расколу, съ радостью приняли его и сдѣлали своимъ приказчикомъ. Восемнадцатилѣтній Кочуевъ до того вкрался въ довѣренность хозяевъ, что сдѣлался главой ихъ дома. Хитрый, изворотливый, онъ направлялъ все дѣйствія богатыхъ своихъ покровителей къ развитію поповщинской секты въ Саратовской губерніи, заставлялъ ихъ дѣлать большія денежные пособія бѣднымъ поселянамъ, выкупать на волю изъ крѣпостной зависимости склонявшихся въ расколъ, раздавалъ по деревнямъ безмездно значительные запасы хлѣба и т. п. Этимъ онъ хотѣлъ пріобрѣсти довѣренность и уваженіе толпы простолюдиновъ и вполнѣ достигъ своей цѣли, ибо все, благодѣтельствовавшее Кузьмичевыми, знали, кому они обя-

*) Село Павлово на Окѣ, извѣстное фабрикаціей стальныхъ издѣлій, въ старину — Павловъ-Перевоозъ. Подъ этимъ именемъ оно упоминается и въ «Розыскѣ» св. Дмитрія Ростовскаго. Единовѣрческая церковь построена здѣсь лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Она очень богата; въ ней замѣчательно дорогое на престольное облаченіе, сдѣланное изъ лонской серебряной съ золотомъ парчи, заказанной въ 1797 году для короновальиной робы императрицы Маріи Феодоровны, но оставшейся безъ употребленія, потому что Павелъ I ускорилъ своею коронаціей, желая ее совершить въ день Свѣтлаго Воскресенія 5-го апрѣля. Парча была привезена поздне, и ее купили впоследствии павловцы.

заны своимъ счастьемъ. Свободное время Кочуевъ посвящалъ изученію русской исторіи, греческаго и латинскаго языковъ, а въ особенности чтенію старопечатныхъ и старонисѣменныхъ русскихъ книгъ. Кузьмичевы находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Иргизомъ, особенно съ Верхнепресображенскимъ монастыремъ. И Кочуевъ, посредствомъ ихъ, сблизился съ тамошнюю братією, а особенно съ отцомъ Силуаномъ, человекомъ умнымъ, хитрымъ и энергически дѣятельнымъ. Получилъ молодой Авооній почетную извѣстность на Иргизѣ, списалъ онъ уваженіе старообрядцевъ города Хвалынска, но домъ Кузьмичевыхъ и вліяніе на хвалынскихъ раскольниковъ не удовлетворяли его. Тѣсны и недостаточны для широкой натуры Кочуева были достигнуты имъ общественныя отношенія: онъ жаждалъ извѣстности, громкой славы, обширнѣйшаго круга дѣятельности, почестей и богатства, мечталъ о вліяніи на всѣхъ русскихъ старообрядцевъ, мечталъ быть главой ихъ, руководителемъ, первымъ человекомъ во всемъ старообрядствѣ. Мечты не давали покоя честолюбивой душѣ его, и Авооній долго придумывалъ средства къ ихъ осуществленію. Онъ составилъ наконецъ планъ дѣйствій, изумившихъ впоследствии его почитателей и высоко поднявшихъ горбатовскаго бѣглеца во мнѣніи всего старообрядческаго люда.

Сдѣлавъ Авооній задумчивъ, избѣгалъ людей, мало сталъ говорить съ самими Кузьмичевыми. Все, бывало, сидѣть надъ книгами. Наложилъ на себя строгій постъ и рѣдко выходилъ изъ своей комнаты. Затѣмъ сталъ отлучаться, куда—никогда не зная. Тайственные отлучки дѣлались чаще и чаще, и наконецъ въ исходѣ 1822 года Кочуевъ исчезъ изъ дома Кузьмичевыхъ *). Всѣ развѣдыванія ихъ о возлюбленномъ приказчикѣ были напрасны. Какъ въ воду капнулъ молодой горбатовецъ.

Черезъ полгода, то-есть лѣтомъ 1823 г., въ приволжскомъ краѣ разнеслась между раскольниками вѣсть о проживающемъ въ лѣсахъ Саратовской губерніи пустынножителѣ, молодомъ, умномъ, начитанномъ, проводящемъ дни и ночи въ постѣ и молитвѣ. Открыли его келью, имъ самимъ построенную, и потекли къ ней толпами старообрядцы. Отшельникъ объяснялъ имъ догматы раскола, его начала и основанія, проповѣдуя, что спасеніе можно получить только чрезъ обращеніе въ старую вѣру и неуклонное храненіе древнихъ русскихъ обрядовъ и обычаевъ. И старообрядцы и православные съ благоговѣніемъ слушали пропо-

*) Протоіерей Арсеньевъ въ «Запискѣ о дѣйствіяхъ Кочуева» говоритъ, что исчезновеніе его изъ дома Кузьмичевыхъ случилось въ концѣ 1822 года. Но это было пятью годами ранѣе. Въ ноябрѣ 1822 года Корнилъ Кочуевъ, въ письмѣ къ отцу изъ Астрахани, спрашиваетъ: «Нѣтъ ли еще извѣстія отъ Авоонія?» — а 7-го марта 1823 года пишетъ: «Болѣзненно мнѣ отшельничество дражайшаго брата Авоонія Кузьмича. Вопстипу онъ благую часть избралъ по евангелію, то-есть безмолвіе, которое не отыскать отъ него, только бы Всевышній управилъ имъ во благо; прошу васъ меня увѣдомить — въ томъ ли мѣстѣ онъ пребываетъ или отошелъ въ другое».

вѣди пустытника, не открывавшаго своего имени. Немало было со-
вращеній въ расколъ. Богатые люди всѣми силами старались привлечь
„святого мужа“ въ домъ свой, но напрасно. Наконецъ узнали, что
этотъ сладкоглаголеый отшельникъ—Авеоній.

Когда узнали его имя, онъ покинулъ пустынную келью и ушелъ въ
Жигулевскія горы на безмолвіе. Въ Жигуляхъ много пещеръ, гдѣ въ
старые годы жилали сподвижники Стеньки Разина и волжскіе разбой-
ники, а съ половины XVIII столѣтія калугеры, странники, пустытники
и бѣгуны. Въ одной изъ такихъ пещеръ поселился Авеоній и обрекъ
себя на тяжкій подвигъ молчальника. Рыбные ловцы приносили ему
хлѣбъ изъ сосѣднихъ селеній, стали стекаться къ нему старообрядцы,
особенно женщины, чтобы поплакать о грѣхахъ и принять благосло-
веніе „преподобнаго“. Подлѣ Авеоніевой пещеры оказался родникъ
прекрасной воды, она была оглашена цѣлебною, даже чудотворною. По-
ставили надъ ключомъ икону, за ней другую, третью, и вотъ образова-
лась небольшая часовня, въ которой день и ночь молился нашъ мол-
чальникъ, истово творя крестное знаменіе двувертнымъ сложеніемъ и
перебирая кожаную лѣстовку. Болѣе и болѣе народу стекалось въ Жи-
гули къ Авеоніевой пещерѣ, наконецъ и здѣсь узнали имя молчальника.
Тогда Кочуевъ удалился въ Симбирскъ.

Верстахъ въ двухъ отъ этого города, въ саду раскольника Мин-
галева, между оврагомъ и вишневыми деревьями была пещера, въ ко-
торой и поселился Кочуевъ. Сюда пришелъ онъ въ одной рубашкѣ, въ
веригахъ, и на шеѣ носилъ большой мѣдный крестъ. Тутъ онъ принялъ
на себя третій подвигъ—подвигъ юродства. Однажды Мингалевъ, обо-
зрѣвая садъ, увидѣлъ въ пещерѣ молящагося по-старинному юрода и
пришелъ въ восторгъ отъ такой благодати. Онъ предложилъ ему домъ
свой. Юродивый ничего внятно не говорилъ, но только знаками просилъ
Мингалева дозволить ему остаться въ пещерѣ. Мингалевъ согласился.
Онъ спрашивалъ, какъ зовутъ его? „Авеоній“.— промычалъ юродъ, а Мин-
галеву послышалось: „Аооній“. И прозвали Кочуева „Аооня блаженный“.

Онъ бродилъ по саду, и къ нему стали стекаться симбирскіе и окрест-
ные раскольники. Приходили и хлысты, которыхъ довольно много въ
Симбирской губерніи. Старая дѣвка, хлыстовка, старалась склонить Ко-
чуева въ свою вѣру, гдѣ юродство въ столь большомъ уваженіи, но
„Аооня блаженный“ не прельстился на ея слова и въ старой дѣвкѣ на-
шелъ злого врага. Едва ли не черезъ нее провѣдала о блаженномъ
городская полиція и, какъ безпосѣменнаго, арестовала. Стали Аооню
разспрашивать, кто онъ такой,—онъ молчалъ. Высыбли Аооню розгами,
лили ему на голову холодную воду, дѣлали инны истязанія,—слова не
промолвилъ. Наконецъ отпустили его на поруки симбирскому кушу,
ревностному поборнику раскола, Ивану Ивановичу Константинову *).

*) Симбирскій губернаторъ 14-го августа 1853 года, то-есть черезъ
тридцать лѣтъ послѣ этого происшествія, писалъ въ министерство: «Около

Заточеніе, истязанія и твердость, съ которою Кочуевъ перенесъ ихъ, мгновенно распространились между симбирскими раскольниками, и они провозгласили неизвѣстнаго юрода святымъ человѣкомъ, страдальцемъ за вѣру. Стали пріѣзжать въ Симбирскъ старообрядцы и изъ другихъ городовъ на поклоненіе ему; пріѣхали Кузьмичевы и узнали въ немъ давно отыскиваемого ими возлюбленнаго своего приказчика. Кочуевъ сбросилъ личину юродства и заговорилъ. Онъ поспѣшилъ объяснить Кузьмичевымъ, что и въ дѣсу, и въ Жигуляхъ, и въ Симбирскѣ дѣйствовалъ онъ съ единственною цѣлью упроченія и прославленія старой вѣры. Кузьмичевы, привыкшіе видѣть въ Кочуевѣ человѣка необыкновеннаго, возымѣли къ нему еще большее уваженіе, еще большее довѣріе. Но возвратиться къ нимъ въ Хвалынскъ Кочуевъ не согласился, сказавъ: „Будеть еще время“.

Достигнувъ такимъ образомъ славы между поволжскими раскольниками, онъ, прекративъ юродство, смѣнилъ имя Авонія на имя „Авонасія“, около трехъ лѣтъ прожилъ въ Симбирскѣ, наверху дома Константинова, и былъ уставщикомъ въ часовнѣ Мингалева. Зная, что богатство есть первое средство къ достиженію значенія и силы, Кочуевъ, хотя и смиренно, но не безъ удовольствія принималъ щедрыя пожертвованія, посылавшіяся къ нему со всѣхъ сторонъ. Не переставалъ онъ покупать древнія книги и изучать ихъ. Въ Симбирскѣ сблизился онъ съ купеческимъ семействомъ Вандышевыхъ и на восемнадцатилѣтняго юношу изъ этого семейства, Петра Васильевича, пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе.

Между тѣмъ свѣдѣнія о приключеніяхъ Авонія достигли Горбатова. Они огорчили приближавшагося къ гробу престарѣлаго отца его. Огорчило его посярмленіе любимаго сына. Купеческій сынъ, сѣченный въ полиціи! Огорчили его и слухи о его нечистой жизни, о которыхъ старикъ Кочуевъ узналъ изъ безыменнаго письма мстительной дѣвки-хлыстовки. Онъ звалъ сына въ Горбатовъ, вызываясь прислать ему паспортъ. Сохранилось отвѣтное письмо Авонія, письмо длинное, широко-

---

1830 года, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска, въ горахъ найдены были человѣкъ, повидимому, пѣмой, въ одной рубахѣ, съ большимъ мѣднымъ крестомъ на шеѣ. Когда его представили въ полицію, то, по распоряженію правившаго должность полицеймейстера Филипина (умершаго), онъ былъ сѣченъ розгами и потомъ подвергаемъ пыткамъ, но все не говорилъ; нѣсколько времени содержался въ полиціи, а потомъ отданъ на поруки купцу Ивану Константинову, у коего заговорилъ и жилъ въ его домѣ наверху около трехъ лѣтъ, находился въ тѣсныхъ связяхъ съ раскольниками и былъ уставщикомъ часовни, находящейся на задахъ дома мѣщанина Мингалева. Родомъ онъ горбатовскій купецъ. Его звали всѣ Авоней, собственное же имя его было *Авонасій* Кузьмичъ. Когда о вліяніи его на раскольниковъ дошло до свѣдѣнія начальства, онъ скрылся изъ Симбирска, а впоследствии, пріобрѣтъ хорошей достатокъ, приписался въ хвалынскіе купцы».

вѣдательное, изъ котораго представляемъ выдержки, характеризующія писавшаго въ эту эпоху его жизни.

„Паки запятъ есмь злокозненнымъ врагомъ, паки князь тьмы и страстныхъ сладостей родитель—плѣнница мя сотвори... Почто такъ изволите себя беспокоить и сѣтовать мене ради всестрастнаго, ибо не стою ни малѣйшаго вниманія, не желаю вашего сожалѣнія, котораго не стою ниже помыслить—педостойный азъ, ниже могу нарещись сынъ вашъ... Азъ, непотребный, пребываю въ пространствѣ и не вижу дражайшаго ми креста, еже есть скорби, бѣды и напасти. Аще и сеть нѣкоторыя, по зависти дьяволи, по сіи весьма малы моему окаянству, и оныя не меня, по паче васъ оскорбили тщетно, благоутробные мои родители... Въ письмѣ вашемъ (отъ 21-го февраля) узрѣлъ великую вашу печаль и сѣтованіе, которое имѣете тщетно, нанесенное вамъ отъ противника. Но жаль, что такъ медленно оное у васъ продолжается, и не могъ скорѣе васъ освободить отъ него... Также имѣю побуждающихъ мою совѣть къ вашему сожалѣнію доброжелательныхъ страннолюбцевъ, изъ коихъ первая есть Елена Васильевна, мать Ивана Ивановича (Константинова), имѣетъ меня вмѣсто сына, чего не смѣю и помыслить. Истинно отъ врага сіе ваше ко мнѣ великое сожалѣніе и мое къ вамъ усердное благорасположеніе, чего нетерпѣливо желаетъ и разные свои многокозненные умыслы, сѣти и козни поставляетъ и самъ тщится прекратить мой путь, отъ нихъ же да избавить мя Всевышній Творецъ... Но зрите еще его (дьявола) лъстивыи козни, ибо нѣщцы здѣ въ невѣдѣніяхъ и ересѣхъ находящіеся, подвиженіемъ сатанинымъ движими, слетаютъ лезть и оскорбляютъ своими злохитрыми словесы васъ, певниіе и дражайшіе мои. А именно сіе произошло отъ нѣкоей нечестивой старой дѣвицы, которая оказала мнѣ все свое усердіе съ тѣмъ мнѣніемъ, дабы прельстить меня въ свою проклятую вѣру, еже есть хлыстовщина именуется, а по писанію евхитека ересь. Не терпяще обличенія и укоренія своей безбожной вѣры, паче же законопреступной ереси проклятой святыми богоносными отцы, обаче не явѣ и пространнѣ сіе сотвори, но отай, завистію сатаниною и ины нѣкіи плотскіи вины прилагающе, яко да о невѣдѣніи вашего и отъ ищущихъ вины погнѣбелі лукавыхъ глаголю, бѣсовъ, дабы вы снмъ прельстившись, соблазнили и повѣровали. Корень такого лукаваго дьявольскаго суда и подобныхъ имъ, ради вашего угѣшенія, спасенія и спокойствія, христосноснѣшествующу, искорените да подвигнитесь. Азъ же здѣ Господу Богу и Спасу нашему и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его сноснѣствовавшимъ, еже по силѣ моей, по обѣщавшихся понудити себе къ защищенію святыя, соборныя и апостольскія церкви, ибо испытано бысть о всемъ опасно и явѣ очищена была вся ея догматы, вещи и тайпы благодатію Христовою. Понестнѣ, нѣсть, непотребный и грѣшный! ни еднаго слова къ душеполезному наставленію и извѣщенію истины. Сего ради не отверзаю устъ своихъ и быхъ яко человекъ не слышахъ и не имый во устѣхъ своихъ обличенія Божія.

Приходящіе же къ моему окаянству христолюбивые поборники благочестія пріемлютъ пользу отъ божественныхъ книгъ, которыхъ у меня нынѣ довольно, по милости Божіей. Точію мои недостойные очи и персты служатъ къ ихъ пользѣ, которыми могу сыскать яже имъ на пользу, но сами читаютъ, ибо и сему недостойнъ есмь, но Богу тако изволившу, ради прочіихъ спасенія, попусти мнѣ дерзнути на сіе, яко же и древле скверными Валаамомъ учае, тако и нынѣ моимъ окаянствомъ... Не сія ли есть вина сему (что не соглашаются ему дозволить удалиться отъ міра, вѣротно, въ раскольникій монастырь), дражайшіе мои, яко не въ правовѣрїи находимся? Сего ради Богомъ васъ прошу, потщитесь испытать сіе опасно, ибо тако есть писано: „аще и вся добродѣтели исправитъ человекъ, а неправо вѣрить, ничто же себѣ пользы получить, но со еретики осудится“. И нынѣ *избавихся отъ заблужденія* *), чего и вамъ желаю вѣсѣмъ сердцемъ. Нѣтъ времени ясно вамъ писать — не посибю на почту. Сего ради Богомъ васъ прошу помолитесь о мнѣ всемогущему Богу. На что, драгіе мои, просите, чтобъ меня показать нашимъ кунцомъ? Чего не желаю. Или что такъ нетерпѣливо желаю видѣть мое достоинство, дражайшая сестрица, ибо грубъ есмь и невѣжда и не можете ни малѣйшія пользы отъ меня получить... Паспорта отъ васъ не желаю и васъ не требую, а что случится, то извѣщу. Если придетъ обо мнѣ сообщеніе въ магистратъ, то попросите, Господа ради, общество, дабы уволило навсегда мое окаянство, ибо уже оказался куда непотребень“ **).

Не знаемъ, продолжалась ли послѣ этого переписка у Авоонія съ отцомъ; знаемъ однако изъ послѣдующихъ обстоятельствъ, что все, о чемъ ни просилъ сынъ въ приведенномъ письмѣ, отцомъ было исполнено. Горбатовское городское общество дало ему увольнительный видъ, въ которомъ, называя Авоонія глухимъ и иѣмымъ, дозволяло ему вступить въ монастырь. Родители и вся семья Кочуевыхъ обратились въ расколь: въ 1830 году умеръ старикъ Кочуевъ и похороненъ въ Оленевскомъ скитѣ. Въ этотъ скитъ поступила его вдова Дарья Осипова и старшая дочь Авдотья Кузьминична. Обѣ постриглись: одна въ 1833 году подъ именемъ Доспоеи, другая подъ именемъ Елизаветы ****). Другія сестры Авоонія были замужемъ за раскольниками ****).

Получивъ увольненіе отъ горбатовскаго общества, Авооній Кузьмичъ подолго оставался въ Симбирекѣ. О сильномъ вліяніи его на раскольниковъ и совращеніи имъ многихъ православныхъ дошло до свѣдѣній

*) То-есть перешелъ въ расколь.

***) Письмо помѣчено 6 марта, но безъ означенія года.

****) По высылкѣ изъ скитовъ постороннихъ жителей въ 1853 г. Елизавета Кочуева, какъ семеновская мѣщанка, поселилась въ деревнѣ Колосковой, рядомъ съ Оленевскимъ скитомъ.

*****) Настасія за Простовитиновымъ, Авдотья за Галкинскимъ — горбатовскими кунцами.

правительства. Избѣгая бѣды, онъ скрылся у Кузьмичевыхъ, а отсюда перебрался въ Верхнепреображенскій Иргизскій монастырь. Это было въ 1828 году.

Настоятелемъ Верхнепреображенскаго монастыря въ то время былъ престарѣлый инокъ Гавріиль, но дѣлами управлялъ Силуянъ, человекъ умный, хитрый, довольно начитанный и еще не старый. Ему не было и сорока *).

Уроженецъ Александровской слободы, Гальяны тожъ, что подлѣ города Александра, Владимірской губерніи, сынъ крестьянина коношенинаго вѣдомства, Семень Никифоровъ, будучи лѣтъ шестнадцати отъ роду, поступилъ половымъ въ одинъ изъ московскихъ трактировъ, отлично выучился играть на бильярдѣ и передъ иашествіемъ Наполеона сдѣлался лучшимъ по Москвѣ маркеромъ. Глядя на красиваго парня въ бѣлой коленкоровой рубахѣ, съ кіемъ въ рукѣ, похаживавшаго вокругъ бильярда и возглашавшаго число очковъ, кто бы могъ подумать, что онъ вмѣстѣ съ Кочуевымъ возгласитъ первое слово объ учрежденіи заграничной старообрядческой іерархіи?

Вскорѣ по изгнаніи непріятели, когда одинъ рекрутскій наборъ слѣдовалъ за другимъ, искусный маркеръ сданъ былъ обществомъ въ рекруты. Служить ему не хотѣлось, и, не дойдя до полка, Никифоровъ бѣжалъ. Нигдѣ лучше нельзя было укрыться дезертиру, какъ у раскольниковъ. Смѣнивъ кій на лѣтовку, маркеръ въ качествѣ странника явился въ 1816 году въ Верхнепреображенскій Иргизскій монастырь, постушилъ въ число братства, постригся, принявъ имя Силуяна, и при помощи сильныхъ старообрядцевъ, по чужому паспорту, приписался къ хвалынскому городекому обществу **).

Престарѣлый и почти совсѣмъ уже ослабшій игуменъ Нижневоокренскаго монастыря, знаменитый въ исторіи старообрядства схимникъ Прохоръ, оказавшій много услугъ Иргизу и, между прочимъ, лично у императора Павла въ Гатчинѣ исходатайствовавшій избавленіе отъ рекрутской повинности жителей Иргиза, а потомъ получившій отъ его щедротъ шесть тысячъ рублей на возобновленіе сгорѣвшей въ Преображенскомъ монастырѣ церкви ***), Прохоръ, сорокъ лѣтъ правившій всѣми иргизскими монастырями и по всему старообрядству считавшійся за ревностнѣйшаго поборника „древляго благочестія“, въ 1828 году, согласясь на убѣжденія саратовскаго губернатора князя Голицына, далъ подписку о присоединеніи къ единовѣрью. Ужасъ объялъ Иргизъ и всѣ старообрядскія общины. Силуянъ, дотошъ еще мало извѣстный, завелъ

*) Изъ ревизской сказки 7 ревизіи по Александровской слободѣ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи видно, что онъ родился въ 1790 году.

**) «Дѣло департамента общинъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1835 г., № 103, и 1840 г., № 932.

***) Привезены тайнымъ совѣтникомъ Руничемъ.

по этому случаю дѣятельную переписку съ Рогожскимъ обществомъ въ Москвѣ, съ Королѣвскимъ въ Петербургѣ, съ Рязановымъ въ Екатерибургѣ, съ Казанью, Пермью, Керженцомъ, Дономъ, Ураломъ и линейными казаками на Кавказѣ. Дѣятельнымъ помощникомъ Силуяна и редакторомъ этой переписки былъ вновь прибывшій въ монастырь послушникъ Авооній Кузьмичъ, сдѣлавшійся монастырскимъ секретаремъ.

Отовсюду посыпались грозные упреки на Прохора. Съ помощью Кочуева, Силуянъ (самъ не мастеръ онъ былъ писать) составилъ увѣщаніе старику и частью уговорами, частью угрозами добился того, что Прохоръ отказался отъ данной подлинки. Это возвысило Силуяна въ глазахъ старообрядчества, и въ 1830 году, по смерти Гавриіла, онъ былъ единогласно выбранъ въ игумены Верхнепрображенскаго монастыря, въ которомъ, за обращеніемъ Воскресенскаго въ единовѣрческій, образовался новый центръ Иргиза. Самъ маститый схимникъ Прохоръ, по распоряженію правительства доживавшій дни свои въ этомъ монастырѣ, сдѣлался подначальнымъ Силуяну. И до 1841 года, то есть до тѣхъ поръ, когда послѣдній изъ иргизскихъ монастырей, Верхнепрображенскій, былъ обращенъ въ единовѣрческій, Силуянъ стоялъ во главѣ иргизскаго братства. Объ участіи Кочуева въ противодѣйствіи распространенію единовѣрія на Иргизѣ также разнеслась вѣсть по старообрядству. И вотъ имя его, пустыннаго учителя, молчальника, блаженнаго юрода, страдальца за вѣру, ревнителя по древлему благочестію, знатока святоотеческихъ книгъ, исповѣдника, проповѣдника, со славою промчалось повсюду. Достигалъ своей цѣли Авооній Кузьмичъ.

Незадолго передъ тѣмъ поступилъ въ Верхнепрображенскій монастырь воспитанникъ и напереникъ Кочуева, Петръ Васильевичъ Вандышевъ, принявшій въ постриженіи имя Платона. Вандышевы были люди достаточные и находились въ родственныхъ связяхъ съ богатыми купеческими старообрядческими домами Казани, Саратова и другихъ приволжскихъ городовъ. Чтеніе, подъ руководствомъ Кочуева, прологовъ и патериковъ о жизни и подвигахъ пустынниковъ, распѣваемые Авооніемъ псалмы объ Алексѣѣ чловѣкѣ Божіемъ, покинувшемъ богатый домъ родителей и молодую, прекрасную невѣсту, объ индѣйскомъ царевичѣ Іоасафѣ, что по внушеніямъ учителя своего Варлаама промѣнялъ сладкія яства на гнилую колоду, царекія вина на болотную воду, казну золотую на власяницу, Индѣйское царство на дикую пустыню, — воссламенили впечатлительную натуру юнаго купчика. Воспитанный отчасти по-свѣтски, любившій и тонкія вина, и карты, и даже танцы, немножко знавшій по-французски, большой охотникъ до свѣтской литературы, особенно до исторической, — Вандышевъ, оставивъ домъ родительскій и, какъ говорятъ, приготовленную ему невѣсту, бѣжалъ на Иргизъ по указанію Авоонія. Мать и невѣста бросились въ погоню. Но, достигнувъ Прображенскаго монастыря, онъ встрѣченъ былъ моло-

дымъ человѣкомъ въ пшоческомъ одѣянїи. Не было больше Петра Васильевича Вандышева: передъ ними, опустивъ глаза, смиренно стоялъ старецъ Платонъ. Иргизскіе монахи безъ искуса, безъ испытанїя, постригли его въ тотъ же день, какъ онъ прибѣжалъ къ нимъ, не забывъ взять изъ дома значительную сумму денегъ. Платонъ вскорѣ сдѣлался казначеемъ Преображенской обители.

Живя въ монастырѣ, отецъ Платонъ по молодости увлекался иногда мірскими соблазнами и впадалъ въ грѣховную суету. Но не безпросыпное пьянство, укоренившееся издавна на Иргизѣ, составляло утѣшеніе отца Платона. Вкусившій нѣсколько отъ плодовъ симбирской цивилизаціи, онъ былъ непрочь попить иной разъ съ прїятелями, но въ такомъ случаѣ не полуштофы кабацкой свухи, а тонкія вина, въ бутылкахъ съ золочеными этикетками, являлись на столѣ иночествующаго сибарита, и монашеская келья оглашалась звуками гитары, пѣніемъ страстныхъ романсовъ, стихами Пушкина, звуками пламенныхъ поцѣлуевъ съ сестрами Покровскаго монастыря и частымъ хлопаньемъ пробокъ если не шампанскаго, то, по крайней мѣрѣ, знаменитаго въ ту пору цыганскаго. Нерѣдко, окруженный бутылками, отецъ казначей закладывалъ прїѣзжимъ прїятелямъ банкъ или цѣлую почу папролетъ проигрывалъ съ ними въ ландскнехтъ и трынку. Но все прощалось Платону ради его рода, ради его ума, денегъ и огромныхъ связей по всему Поволжью.

И секретарь монастырскїй Кочуевъ и казначей Платонъ были искренними друзьями отца Силуяна и постоянными его собесѣдниками. Четвертымъ въ ихъ монастырскомъ обществѣ былъ экономъ монастыря, инокъ Аѳанасій, человѣкъ совѣтъ иного склада. Вышелъ онъ изъ простыхъ мужиковъ, но, благодаря природному уму и рѣдкимъ способностямъ, сталъ онъ неизмѣримо выше другихъ иргизскихъ монаховъ и сдѣлался напереникомъ Силуяна. Онъ былъ еще молодъ, только годомъ старше Кочуева: въ 1830 году ему исполнилось 27 лѣтъ *).

Абрамъ Абрамовичъ Кулябинъ былъ сынъ казеннаго крестьянина Вятской губерніи **). Отъ рожденїя старообрядецъ, лѣтъ двадцати отъ роду покинулъ онъ родину, поселился на Иргизѣ и постригся въ иноки, принявъ имя Аѳанасія. Онъ такъ же, какъ и названные выше лица, много читалъ и начитанностью прїобрѣлъ уваженіе въ средѣ старообрядцевъ и большое на нихъ вліяніе. Находясь въ дружескихъ отношенїяхъ съ главой глазовскаго раскола, Іоною Телицынымъ, съ глазовскимъ купцомъ Лысыковымъ, съ самарскими купцами Абачиными, хвалын-

*) Изъ ревизской сказки деревни Теляты 1811 года видно, что Абрамъ Абрамовъ родился въ 1803 году.

**) Деревни Теляты, Кулибинская тожъ, Глазовскаго уѣзда, Порѣзской (прежде Лумпунской) волости, верстахъ въ двадцати отъ центра тамошняго раскола — деревни Іоны Телицына, названной такъ по имени сарапульскаго 3-й гильдіи купца, тутъ поселявшагося и бывшаго главою раскола тѣхъ мѣсть.

скими—Кузьмичевыми или Михайловыми и села Мечетнаго *) Мальцовыми, этими столпами мѣтнаго старообрядства, Аванасій, посредствомъ этихъ благоговѣвшихъ передъ нимъ людей, имѣлъ громадное нравственное вліяніе на приволжскихъ и прикамскихъ старообрядцевъ. Слава о немъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ гремѣла во всѣхъ старообрядческихъ общинахъ восточной части Европейской Россіи. Казаки уральскіе и линейные благоговѣли предъ Аванасіемъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался старообрядческимъ епископомъ.

Весело и привольно жилъ на Иргизѣ этотъ избранный кружокъ молодыхъ иноковъ. Они властвовали надъ монастыремъ. Кормя братію и дозволяя ей пьянство и разгулъ, они во всемъ остальномъ держали ее въ ежовыхъ рукавицахъ. Остальные монахи и даже попы были рабами избраннаго кружка. Въ именьшей зависимости отъ нихъ находился и сосѣдній Верхнепокровскій женскій монастырь. Прямую тропинкой отъ мужского и женскаго монастыря не болѣе версты. Хотя и въ томъ и въ другомъ ворота запирались, но были калиточки, и иноки съ инокинями проводили не только дни, но и ночи другъ у друга. Избранный кружокъ не ходилъ въ гости къ покровскимъ инокинямъ. Монахини, послушницы и даже гостыи являлись въ кельи Силуяна, Платона, Аванасія и Кочуева, по назначенію. Это не считалось грѣхомъ: „это не грѣхъ, а только паденіе“, говорили иргизскіе подвижники и подвижницы. Сама покровская мать-игуменья Надежда благодушно взидала на грѣшки своихъ евангельскихъ дочерей и сквозь пальцы смотрѣла, какъ онѣ подъ вечерокъ шмыгали въ калиточку и пробирались завѣтною тропинкой къ ожидавшимъ ихъ въ Преображенской обители ищущимъ любовникамъ.

Былъ у отца Силуяна еще другъ-пріятель, богатый купецъ города Вольска, Гурій Ивановичъ Суетинъ, одинъ изъ умѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ старообрядцевъ поволжскаго края. Снимая въ Заволжьѣ, близъ Иргиза, обширные участки казенной земли подъ хлѣбопашество, имѣлъ онъ тамъ немало хуторовъ, а подлѣ Вольска, въ которомъ жилъ, обширные сады. Имѣя торговья дѣла на Кавказской линіи, онъ часто бывалъ и подолгу живалъ въ тамошнихъ старообрядческихъ станицахъ и пріобрѣлъ тамъ огромное нравственное вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Занимаясь исполненіемъ торговыхъ порученій отъ разныхъ купцовъ-раскольниковъ, Гурій Ивановичъ находился въ короткихъ, дружескихъ связяхъ съ главными членами Рогожекаго общества въ Москвѣ, съ богатыми старообрядцами Петербурга и нижняго Поволжья. Вліятельные старообрядцы Саратова, Сарапула и Екатеринбургa находились въ близкомъ родствѣ съ Суетинымъ **). Одаренный обширнымъ умомъ,

*) Впослѣдствіи города Николаевска, Саратовской, а нынѣ Самарской губерній.

***) Дѣти дочери Гурія Ивановича были за саратовскими куцями-старообрядцами: Марья за Гребенщиковымъ, Елена за Емельяномъ Уфимцо-

предпримчивостью и рѣдкою энергіей, Суетинъ былъ человѣкъ стараго закала, патриархальный домовладыка. Не только будучи во временныхъ отлучкахъ, но даже находясь впоследствии въ ссылкѣ въ Кутаисѣ, посредствомъ переписки онъ распорядился и домою, и хозяйствомъ, и семьей до малѣйшихъ подробностей. Изъ его переписки, находившейся у насъ подъ руками, видно, что сыновья, имѣвшіе уже своихъ дѣтей лѣтъ по пятнадцати, ворячая сотнями тысячъ, сюртука не смѣли шить безъ отцовскаго приказанія изъ пожизненной ссылки. Старшій сынъ его Иванъ Гурьевичъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ отца и по дѣламъ торговли и по дѣламъ секты *). Онъ воспитывался въ московской коммерческой академіи и былъ хорошо образованъ **). Старикъ Суетинъ не считалъ образованія помѣхой расколу и впоследствии ввучать помѣщаль въ коммерческую академію и другія учебныя заведенія. Чуждаясь православія, онъ не чуждался православнаго духовенства, и когда въ Вольскѣ была учреждена кафедра викариана архіерея—Суетинъ былъ въ восторгѣ отъ такой чести родному и горячо любимому имъ городу и дѣятельно хлопоталъ объ устройствѣ епископскаго дома, скупалъ для него сады и пр.

Разъ, обозрѣвая свои хутора, Гурій Ивановичъ захватилъ въ Верхне-преображенскій монастырь къ другу своему, Силуяну. Отслушавъ, по

вымъ, двѣ другія за купцами-старообрядцами сарапульскими—Александромъ за Сѣдовымъ. Анна за Михайломъ Коалчинымъ. Въ Екатеринбургѣ извѣстный Казанцовъ также находился въ родственныхъ связяхъ съ Суетинымъ.

*) Такъ, напримѣръ, Егоръ Матвѣевичъ Копыловъ изъ Астрахани, 18-го января 1850 года, пишетъ къ нему: «При отъздѣ нашемъ я просилъ васъ попросить вашего тятенку, а теперь всепокорнѣе васъ прошу: не имѣете ли въ виду старика трезваго, хорошаго поведенія, евангеліе читать, замолитвовать; а отъ 12-го марта того же года Копыловъ увѣдомляетъ, что присланный старичокъ Иванъ Сергѣевъ помѣщенъ на дворѣ астраханской часовни, но только читаетъ, замолитвовать не можетъ. Переписка Суетиныхъ въ «Дѣла департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ о приведеніи въ извѣстность раскола въ Саратовской губерніи» 1853 года. До этого Иванъ Гурьевичъ велъ переписку о дѣлахъ бѣлокриницкихъ съ Петербургомъ, а въ 1848 г. даже и съ Вѣной.

**) Образование Ивана Гурьевича однако не помѣшало ему попасть подъ уголовный судъ за поступокъ, несообразный съ понятіемъ объ образованности. Въ 1850 году была сильная засуха, а передъ тѣмъ на хуторѣ Суетина въ Новоузенскомъ уѣздѣ опіялся работникъ, крестьянинъ Колѣкинъ. Для прекращенія засухи и отвращенія чрезъ то неурожая, Иванъ Гурьевичъ велѣлъ выкопать Колѣкина изъ могилы и вколотить ему въ задъ осиновыи колъ. За то по суду былъ оштрафованъ деньгами (то же дѣло). Другой сынъ Гурія Ивановича, Яковъ, много горя принесъ родителю своимъ пьянствомъ и мотовствомъ, былъ, по его приказанію изъ Кутаиса, изгнанъ изъ дома и умеръ, передъ смертію принявъ православіе. Это послѣднее обстоятельство свело 73-хъ-лѣтняго поборника раскола въ гробъ (умеръ въ Тифлисѣ въ маѣ 1862 года). Изъ писемъ видно, что родные считали обращеніе Якова Гурьевича въ православіе «обидой всего своего рода».

обычаю, въ часовнѣ длинную уставную службу, потрапезовавъ съ братіей въ келарѣ, почетный гость отправился въ игуменскія кельи. Тамъ, кромѣ Силуяна, находился экономя Аванасій, казначей Платонъ и секретарь Кочуевъ. Съли собесѣдники за столъ, уставленный, по скитскому обычаю, икрой, балыками, разными солениями, орѣхами, пряниками, пастылой, финиками и ягодами. Грѣховныхъ утѣшеній, разумѣется, тутъ не было. Съ Гуріемъ шутить было нельзя: онъ постоянно носилъ толстую, суковатую палку, знакомую епископамъ иргизскихъ монаховъ и даже монахишъ. За часомъ, пушемъ, мадерой и цымлянскимъ повели бесѣду о тѣсныхъ обстоятельствахъ старообрядства.

— Главнѣйшій и богатѣйшій иргизскій монастырь Воскресенскій обращенъ въ единовѣрческій. Ходятъ вѣрные слухи, что и съ другими будетъ то же. Иргизу, этому Иерусалиму русскаго старообрядчества, грозитъ паденіе. Строго воспрещено иргизскимъ поцамъ отлучаться изъ монастырей. Строго запрещено вновь принимать бѣглыхъ священниковъ. Строго запрещено развѣзжать по Россіи иргизскимъ монахамъ и вновь принимать ихъ. Строго запрещено принимать поклонниковъ, стекавшихся на Иргизъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и даже изъ-за границы. Заграничнымъ раскольникамъ вовсе запрещено переходить, хотя бы и на время, въ русскіе предѣлы. Моленныя и часовни по всей Россіи описаны, и вновь не дозволено ни новыхъ строить ни старыхъ починять. Запрещено инокамъ называться иноками и носить иноческую одежду. Стали ссылать старообрядцевъ въ Закавказье. Назначили въ Пермской губерніи миссіонеровъ изъ духовенства, которые на первыхъ же порахъ нанесли сильный ущербъ старообрядству. Но всѣхъ бѣдъ горшая бѣда — „оскуднѣніе священства“. Вотъ что было предметомъ бесѣды въ кельѣ отца Силуяна. Что же будетъ? Что дѣлать? Оскуднѣніе священства уже и теперь, тотчасъ же послѣ состоявшихся воспретительныхъ постановленій, сдѣлалось тягостно, а впереди неизбежно что-нибудь одно: или идти въ безпоповщину, или принять единовѣріе. Ни того ни другого не хотѣлось. Что же надо дѣлать?

Объединить все старообрядство правильнымъ іерархическимъ началомъ и господствующей церкви противопоставить свою собственную, независимую и канонически устроенную церковь. Вотъ что, по мнѣнію собесѣдниковъ, надо было сдѣлать.

Но какъ этого достигнуть? Толковали много и наконецъ договорились, что исканіе архіерейства и учрежденіе независимой ничѣмъ отъ господствующей церкви старообрядческой іерархіи составляетъ единственный выходъ изъ тяжкаго ихъ положенія. Но гдѣ взять архіерея, гдѣ устроить ему кафедру, безопасную отъ преслѣдованій правительства, которыя, разумѣется, тотчасъ же послѣдуютъ?

Недоумѣвали собесѣдники. И поднялъ свой голосъ Авзоній: „Непремѣнно и неотложно надобно учредить архіерейство, — сказалъ онъ. — Поискать надо, итъ ли гдѣ на Востокѣ епископовъ, сохранившихъ „дре-

влее благочестіе“, а если такихъ не сыщется, пригласить русскихъ, если же не пойдутъ, то греческихъ, и принять согласно правиламъ святыхъ отецъ. Жительство же устроить непременно за границей, и всего лучше въ Буковинѣ, такъ какъ тамошніе старообрядцы имѣютъ привилегіи отъ австрійскихъ императоровъ, а турецкій султанъ теперь, послѣ войны, всякую волю русскаго правительства исполнить и, по требованію его, старообрядческое архіерейство разорить“ *).

Въ восторгъ пришли слушавшіе слова Кочужева. А онъ сталъ развивать планъ дѣйствій.

— Но это будетъ стоить большихъ денегъ, — замѣтили онъ.

— За деньгами не постоемъ, — закричалъ Суетинъ: — что имѣю — все отдаю, и Москва мощной тряхнетъ, дѣлый синодъ архіереевъ доведемъ.

Авоинъ принялся писать проектъ объ устройствѣ заграничной іерархіи. Суетинъ извѣстилъ объ иргизской мысли своего пріятели, одного изъ вліятельныхъ людей Рогожскаго общества и кладбищенскаго почитателя, Ивана Васильевича Окорокова; этотъ сказалъ Шелалутину, Федору Рахманову, Ивану Александрову и Федору Карташеву. Всѣми мысль иргизская была принята съ восторгомъ. То льстило особенно этимъ рогожскимъ тузамъ, что вотъ добудутъ они архіереевъ и станутъ помыкать ими, командовать надъ ними. Не попа какого-нибудь бѣлаго, что на сиваго жеребца церковь смѣнялъ, не какого-нибудь скитскаго игумена, бродящаго за сборомъ, а самого преосвященнаго владыку изругать иной разъ можно будетъ и всякимъ инымъ образомъ его „поначалить“. Вотъ что льстило. Таковы расчеты имѣли знаменитые рогожскіе толсто-сумы.

Сказали названные выше рогожцы объ иргизской затѣѣ попу Ястребову. Обрадовался попъ и благословилъ начинаніе. До поры до времени дѣло сохраняли въ тайнѣ. Въ то время Рогожское общество находилось въ сильномъ волненіи. Оскудѣніе священства до такой степени взволновало московскихъ старообрядцевъ, что, несмотря на рассказанную уже выходку попа Ястребова, многіе изъ нихъ вновь стали громко по-

* О буковинскихъ привилегіяхъ знали на Иргизѣ, куда перѣдко приходили изъ Молдавіи и Буковины тамошніе раскольники. Одинъ такой старецъ Веніаминъ въ ту самую пору жилъ въ Средненикольскомъ иргизскомъ монастырѣ. Это былъ московскій мѣщанинъ Василій Петровъ, жившій то въ Яссахъ, то въ Бѣлой-Криницѣ, то на Иргизѣ. Въ 1826 году онъ переехалъ въ московское мѣщанство. По обращеніи Средненикольскаго монастыря въ едноровчскій (1837), жилъ въ Москвѣ, работая лѣтовки и являя службу въ молельной Арженикова. Лѣтомъ 1839 года взять полиціей за пошеніе монашескаго платья и показалъ, что отецъ его былъ австрійскимъ подданнымъ и въ Яссахъ, во время возстанія грековъ противъ турокъ, сгорѣлъ, послѣ чего Веніаминъ, постриженный еще въ 1830 году, то-есть 14 лѣтъ отъ роду, пріѣхалъ въ Россію («Дѣло архива московскаго генералъ-губернатора» 1839 г., № 176). О немъ рассказываетъ В. А. Сафлѣкинъ («Русскій Вѣстникъ» 1864 г., № 243 и 244).

говаривать о принятіи на кладбище единовѣрческихъ священниковъ. Только небольшое число закоренѣлыхъ фанатиковъ оставались упорными защитниками прежнихъ порядковъ. Имъ-то для сохраненія своего вліянія и было необходимо придумать какое-нибудь средство противъ грозившей опасности остаться безъ поповъ и видѣть паденіе своей секты. Для обсужденія столь важнаго вопроса, старшины Рогожскаго кладбища рѣшили въ началѣ 1832 года собрать на соборъ людей начитанныхъ и уважаемыхъ изъ всѣхъ главныхъ пунктовъ русскаго старообрядства *).

Зимой 1831—1832 года двинулись на Москву послы изъ Вѣтки, изъ Стародубья, Керженца и Иргиза, изъ Саратова, Перми и Екатеринбурга, изъ Казани, Ржева, Торжка и Твери, изъ Тулы, Боровска и другихъ городовъ. Пріѣхали казаки донскіе, уральскіе и линейные — всѣхъ казачковъ до сорока человекъ.

Представителемъ Вѣтки былъ престарѣлый игуменъ Лаврентьева монастыря, Симеонъ, еще въ 1798 году поступившій въ настоятели по смерти игумена Теофилакта, о смерти котораго такъ много сожалѣлъ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, вотчинникъ трехъ мужскихъ и одного дѣвичьяго вѣтковскихъ монастырей **). Симеонъ наследовалъ милости и почетъ покровительствовавшаго вѣтковскимъ обителямъ канцлера, завѣдывавъ другими мужскими монастырями и даже дѣвичьимъ, по особому предписанію управляющаго гомельскимъ имѣніемъ фонъ-Фока ***). Изъ Стародубья прибыли: настоятель Покровскаго монастыря Рафаилъ, старецъ чрезвычайно уважаемый старообрядцами, и настоятель Никольскаго монастыря Сергій съ старцемъ Ипполитомъ. Съ Керженца — престарѣлый Илія, игуменъ Улангерской обители, и настоятель керженскаго Благовѣщенскаго монастыря Пафнутія, гусякъ родомъ °), у котораго въ монастырѣ жилъ инокъ Діонисій, родной братъ первѣйшаго столпа Рогожскаго общества, знаменитаго толстосума Федора Рахманова. Съ Иргиза явился Сидуянъ, а съ нимъ и затѣйникъ дѣла — Кочуевъ. Въ числѣ мірянъ представителемъ старообрядцевъ Саратовской губерніи былъ Гурій Ивановичъ Суетинъ °°).

Собраніе депутатовъ назначено было не въ Рождественской часовнѣ,

*) Протоіерей Арсеньевъ. «Записки о дѣйствіяхъ Кочуева».

***) Лаврентьевъ, Пахоміевъ и Макаріевъ, и кромѣ того дѣвичій въ Спасовой слободѣ.

****) Подьячникъ (29-го марта 1804 г.) находится въ дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 28-го сентября 1853 г., № 425—427. Тамъ же и письмо графа Румянцева.

°) Крестьянинъ г. Дубовскаго, изъ Богородскаго уѣзда Московской губерніи, Папкратъ Александровъ, лично намъ извѣстный, старецъ умный, хитрый, но мало начитанный и не всегда трезвый. Онъ уже умеръ. Имѣлъ большія связи въ Москвѣ.

°°) Въ «Запискѣ протоіерея Арсеньева» онъ названъ Иваномъ Гурьевичемъ, но это ошибка. Ивану Гурьевичу въ 1832 году было только 14 лѣтъ.

какъ водилое дотолѣ, а въ комнатахъ конторы. Изъ рогожскаго духовенства тутъ находились: Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ, Ермильчъ и другіе. Изъ московскихъ старообрядцевъ засѣдали только старшины и попечители, именно: Антипъ Дмитріевичъ Шелапутинъ, Ѳедоръ Андреевичъ и Василій Григорьевичъ Рахмановы, Николай Дмитріевичъ Царскій, Василій Ефремовичъ Соколовъ, Ѳедоръ Боконъ, Максимъ Горѣловъ, Иванъ Александровъ, Ѳедоръ Карташевъ; сынъ умершаго попа, занимавшійся дѣлами Шелапутина по Рогожскому кладбищу, Василій Акимовъ; Иванъ Васильевичъ О कोरोковъ, Егоръ Воробьевъ, Неокладной, Свѣшниковъ, Мотылевъ и другіе. Совѣщаніе началось разсужденіями на вопросъ — принимать или не принимать единовѣріе. Говорили и за и противъ. Попросилъ слова и секретарь иргизскій. Силою краснорѣчія и блестящими софизмами успѣлъ онъ убѣдить собраніе, что только старая вѣра непреложна и истинна, что только она одна даетъ жизнь и вѣчное спасеніе. Могучимъ помощникомъ Авѳонію явился попъ Иванъ Матвѣевичъ, слово котораго было закономъ для многихъ раскольниковъ, особенно для его духовныхъ дѣтей, которыхъ много было на соборѣ. Тутъ же связалъ онъ московскихъ старшинъ, а затѣмъ постепенно и всѣхъ остальныхъ страшною клятвою никогда и ни въ какомъ случаѣ не покидать старообрядства и подъ страхомъ вѣчнаго осужденія не открывать имѣющей возвѣститься великой тайны. Затѣмъ объявилъ, что въ собраніи находится великій подвижникъ, страдалецъ за вѣру отеческую, отъ Господа одаренный разумомъ и книжнымъ ученіемъ.

— Онъ возвѣститъ вамъ тайну сію, — сказалъ попъ Ястребовъ: — онъ укажетъ средство отклонить навсегда затрудненія въ недостаткѣ священниковъ; онъ дастъ нашему богоспасаемому обществу новую силу, крѣпость и жизнь. Вотъ онъ, — сказалъ попъ, выводя Кочуева на середину. — Отверзите уши ваши и того послушайте.

Смиренною, притворно-робкою поступью вышелъ на середину, ведомый старшимъ рогожскимъ попомъ, невзрачный, приземистый, худощавый, двадцативосьмилѣтній Авѳоній. Осуществлялись пылкія его мечтанія: что думалъ онъ въ Хвалынскѣ, въ саратовскомъ лѣсу, въ Жигуляхъ, въ Симбирскѣ, то сбывалось. Ему внимаютъ именитѣйшіе старообрядцы царствующаго града Москвы, на него съ уваженіемъ смотрятъ представители старообрядства всей Россіи. Тихимъ, ровнымъ, вкрадчивымъ голосомъ изложилъ онъ проектъ свой.

Для осуществленія предположенія Кочуевъ предложилъ сначала съѣздить въ Петербургъ и попробовать достигнуть предназначенной цѣли путемъ законнымъ; въ случаѣ же неудачи послать довѣренныхъ лицъ въ Турцію и Грецію, чтобы склонить къ себѣ одного изъ находящихся не у дѣлъ митрополита. О мѣстѣ пребыванія будущаго раскольникьяго іерарха не сказалъ ни слова. Да объ этомъ на сей разъ никому и въ голову не пришло.

Тѣмъ не менѣе предложеніе иргизскаго секретаря принято было съ

восторгомъ, хоги и не всѣми. Кромѣ Ястребова, все рогожское духовенство, какъ не имѣвшее доселѣ ни отъ кого законной зависимости, никакъ не хотѣло согласиться на осуществленіе проекта Кочуева и предлагало остаться попрежнему. Царскій съ своею партіею настаивалъ, чтобы, не вдаваясь въ такое новое, еще невѣрное и во всякомъ случаѣ опасное дѣло, ходатайствовать у правительства о возстановленіи силы правилъ 1822 года относительно пріема вновь бѣглыхъ поповъ. Но Шелапутинъ, Ѳеодоръ Рахмановъ, Воковъ и Горѣловъ крѣпко ухватились за мысль Кочуева и предлагали тотчасъ же просить у правительства дозволенія имѣть своего епископа, обѣщаннаго въ прошломъ столѣтіи, а въ случаѣ рѣшительнаго отказа — устроить тайно старообрядческую іерархію. Василій Григорьевичъ Рахмановъ и Ѳеодоръ Ананьевичъ Карташевъ, сначала молчаливіе, теперь сильно поддерживали эту мысль. Кочуевъ торжествовалъ. Для примиренія раздѣлившихся партій онъ предложилъ вести два дѣла разомъ: ходатайствовать о возстановленіи правилъ 1822 года, представивъ правительству записку о невозможности старообрядцамъ присоединиться къ единовѣрью, и въ то же время вести дѣло объ учрежденіи іерархіи. И то и другое онъ принималъ на себя. Всѣ согласились, кромѣ поповъ. Они съ негодованіемъ оставили собраніе, разумѣется, за исключеніемъ Ивана Матвѣевича *).

Рогожскій соборъ имѣлъ не одно засѣданіе. Въ виду „оскуднѣнія священства“ постановили нѣкоторые правила въ явную противность установленнымъ древнею церковью правиламъ, оправдывая себя любимымъ выраженіемъ старообрядцевъ: „по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ“. Такимъ образомъ на этомъ соборѣ установлена была заочная исповѣдь, предоставлено право не имѣющимъ іерейскаго сана чернецамъ не только исповѣдывать и приобщать, но даже постригать въ монашество. Пользуясь такимъ расширеніемъ власти, нѣкоторые монахи, по захолустьямъ, вѣнчали даже свадьбы.

Стали толковать о людяхъ, способныхъ на подвигъ хождения по разнымъ иноземнымъ государствамъ для отысканія архіерейства. Лаврентьевскій игумень Симеонъ заявилъ, что у него въ монастырѣ есть монахи, не по одному разу бывавшіе за границей, люди смѣлые, ловкіе, предприимчивые, имѣющіе связи и знакомства съ монахами раскольниковыхъ монастырей въ Турціи, Молдавіи и Буковинѣ. На отправление сихъ паломниковъ нужны были деньги. Открыли подписку и въ самое короткое время собрали два милліона рублей ассигнаціями. Главными жертвователями были: Шелапутинъ, Ѳеодоръ и Василій Рахмановы, Ѳеодоръ Карташевъ, Иванъ О कोरोковъ, Егоръ Воробьевъ, Николай Царскій, Не-

*) Протоіерей Арсеньевъ. «Записка о дѣйствіяхъ Кочуева» и «Записка о Рогожскомъ кладбищѣ». Ервояе Іевлева, саратовскаго мѣщанина, сотоварища Кочуева, «Записка объ австрійскихъ архіерейяхъ», доставленная имъ мѣ въ 1853 году. Іевлевъ вмѣстѣ съ Кочуевымъ былъ выслапанъ изъ Петербурга въ 1844 году.

окладной и Свѣшниковъ. Собранныя деньги положили на Рогожскомъ, а распорядителемъ ихъ сдѣлался Кочуевъ *), переѣхавшій на кладбище, гдѣ ему дали одинъ изъ двухъ домовъ конторщика Синицына. Рѣшено было привлечь и Королѣвское общество въ Петербургѣ къ участию въ этомъ дѣлѣ и къ пожертвованіямъ. Въ Петербургѣ для этой цѣли вызвался ѣхать Ѳедоръ Рахмановъ.

II.

Королевскіе.

Спустя полвѣка послѣ того, какъ въ русскомъ народѣ возникъ церковный расколъ старообрядства, въ то самое время, когда онъ началъ распадаться на секты поповскую и беспоповскую, волею Петра I на берегахъ Невы возникла новая столица. Основатель ея не жаловалъ раскольниковъ. Въ фанатическихъ защитникахъ старины онъ видѣлъ закоренѣлыхъ враговъ своихъ нововведеній и торжественно объявилъ ихъ „лютыми неприятелими, государю и государству непрестанно зломыслящими“. При всей широтѣ своего воззрѣнія на свободу совѣсти, для нихъ одинъ признавалъ онъ необходимыми мѣры неумолимой строгости. Всякаго званія и всякаго вѣроисповѣданія людей желалъ онъ видѣть въ новой столицѣ, не желалъ одинъ раскольниковъ. Раскольники не любили Петра и въ свою очередь не желали изъ старыхъ, русскихъ „богоспасаемыхъ градовъ и весей“ переселяться въ новый „нѣмецкій бургъ“, гдѣ, по ихъ понятіямъ, каждая пядь земли осквернена была грѣховнымъ нечестіемъ. При жизни Петра раскольники не имѣли осядлости въ Петербургѣ.

Но „нѣмецкій бургъ“ сдѣлался „дарствующимъ градомъ всея Росіи“, и Русь потянула къ нему, какъ до того тянула къ старинной Москвѣ. Потянуло наконецъ на нескія устья и старообрядцевъ. Сначала явились они на Охтѣ въ средѣ тамошнихъ плотниковъ и судостроителей, а потомъ и въ самомъ Петербургѣ, въ средѣ людей торговыхъ и промышленныхъ.

Московскіе раскольники преимущественно принадлежали и принадлежатъ къ поповщинской сектѣ; до половины XVIII столѣтія въ ней почти вовсе не было беспоповцевъ; въ Петербургѣ же, напротивъ, главная масса раскольниковъ слѣдовала и слѣдуетъ ученію разныхъ отраслей беспоповщины. Первые поселившіеся въ Петровую столицу раскольники были изъ нынѣшнихъ Олонецкой и Новгородской губерній, гдѣ особенно развитъ расколъ беспоповскій. Поповцы въ замѣтномъ количествѣ явились въ Петербургѣ не раньше сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

То были по преимуществу переселенцы изъ Московской, Тверской и

*) Протоіерей Арсеньевъ. «Записка о дѣйствіяхъ Кочуева».

Ярославской губерній, привлеченные торговыми выгодами. Число ихъ постепенно увеличивалось, и въ 1756 году они имѣли уже свою моленную въ домѣ богатѣйшаго изъ тогдашнихъ петербургскихъ поповцевъ, купца Гутуева *). Обыкновенно эта моленная называлась „Гутуевскою“; этимъ именемъ называлась и самая община поповцевъ въ Петербургѣ. До 1762 года Гутуевская моленная оставалась негласною. Дочь Петра, безусловно вѣрившая въ непогрѣшимость всѣхъ дѣйствій своего родителя и находившаяся подъ вліяніемъ духовенства, не отличавшагося въ то время духомъ терпимости, ни подъ какимъ видомъ не позволяла раскольникамъ отправлять въ своей резиденціи богослужебные ихъ обряды. Оттого Гутуевская моленная и содержалась въ глубокой тайнѣ. Едва скончалась Елизавета, петербургскіе старообрядцы открыто стали совершать службу въ своей моленной. Сохранилось преданіе, что самъ Петръ III разрѣшилъ имъ это. Указы его о сочиненіи особаго положенія о раскольникахъ ***) и о назначеніи на Керженецъ особыхъ опекуновъ для защиты тамошнихъ келейныхъ жителей отъ притѣсненій ****) даютъ поводъ думать, что преданіе это не лишено основанія. Облегченіе раскольниковъ, начавшееся въ кратковременное царствованіе Петра III, ободрило „гутуевцевъ“, прежде всѣхъ иногородныхъ собратій своихъ воспользовавшихся дарованною свободой. Велѣдъ затѣмъ Екатерина II цѣлымъ рядомъ узаконеній облегчила тяжкое дотолѣ положеніе старообрядцевъ, и они съ каждымъ годомъ стали болѣе и болѣе переселяться изъ внутреннихъ губерній, изъ Сибири и даже изъ-за литовскаго рубежа въ сѣверную столицу. Векорѣ Гутуевская моленная уже не могла вмѣщать быстро умножавшихся прихожанъ. Въ 1771 году, въ то самое время, когда въ Москвѣ заводились Рогожское и Преображенское кладбища, въ Петербургѣ послѣдователи поповщины получили правительственное дозволеніе на устройство двухъ моленныхъ, вмѣсто упраздненной по причинѣ тѣсноты Гутуевской. Возвести для этихъ моленныхъ отдѣльныя зданія петербургскимъ старообрядцамъ однако не было дозволено. Они должны были довольствоваться моленными, устроенными въ видѣ домовыхъ церквей. Одна такая находилась въ домѣ купца Родіона Захарова, въ Апраксиномъ переулкѣ, у Семеновскаго моста, другая на отведенномъ правительствомъ для раскольниковъ кладбищѣ, на Волковомъ полѣ. На этомъ кладбищѣ, по примѣру Рогожскаго, устроены были и богатѣльней домъ, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ.

*) Домъ Гутуева, въ которомъ была устроена моленная, находился въ центрѣ города, близъ Сѣнной площади, въ Спаскомъ переулкѣ. По имени Гутуева называется большой островъ на взморьѣ, принадлежащій теперь городу Петербургу.

**) 29-го января 1762 г. См. «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», т. XV, № 11.420.

***) 7-го февраля 1762 г. См. «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», т. XV, № 11.440.

Гутуевская община находилась въ духовной зависимости отъ Стародубья. Изъ тамошняго Покровскаго монастыря гутуевцы получали „исправленных“ поповъ, запасные дары и мнимо-древнее миро. Клищцы снабжали ихъ книгами, выходившими изъ-подъ станковъ тамошней старообрядческой типографіи, съ цензурнаго дозволенія суражскаго нижняго земскаго суда, а также вѣнчиками и разрѣшительными молтвами, возлагаемыми на усоншихъ. Изъ старообрядческихъ монаховъ являлись въ Петербургѣ преимущественно стародубскіе, а чаще всего изъ сосѣдняго съ Стародубьемъ, одного изъ вѣтковскихъ монастырей, Лаврентьева. Свято сохраняя старыя правила и обряды Стародубья, гутуевцы приходившихъ отъ великороссійской церкви принимали третьимъ чиномъ, безъ перемазанія. Впрочемъ, случаи такихъ приемовъ въ Петербургѣ были чрезвычайно рѣдки и потому не могли возбуждать разногласія въ тамошнемъ старообрядческомъ обществѣ. Вообще въ Петербургѣ раскольники всѣхъ сектъ никогда не отличались духомъ прозелитизма, и случаевъ обращенія изъ православія тамъ было весьма немного, сравнительно съ другими мѣстами. Умножились петербургскія раскольничьи общины исключительно посредствомъ переселеній старообрядцевъ изъ другихъ городовъ и селеній *).

Больше тридцати лѣтъ въ Петербургской общинѣ не было ни споровъ ни раздоровъ. Наконецъ московскіе рогожцы, враждовавшіе со стародублянами изъ-за перемазанія, произвели раздѣленіе и въ Петербургѣ. Извѣстно, что и на перемазанскомъ соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ декабрѣ 1779 года, крамольная партія нововводителей, во главѣ которой стоялъ Никита Павловъ, одержала верхъ надъ отвергавшими нововводное перемазаніе **). Глава послѣднихъ, московскій купецъ Григорій Федоровичъ Ямщиковъ, въ домѣ котораго пачался соборъ, не хотѣлъ, по окончаніи его, оставаться въ Москвѣ, гдѣ продолжались и умножались нескончаемыя ссоры, доходившія до открытаго насилія, ибо раздорники не одинъ разъ пытались доказать необходимость перемазанія кулаками и дубинами. Онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ старообрядцы и слышать не хотѣли о перемазаніи. Въ средѣ петербургскихъ старообрядцевъ онъ тотчасъ же приобрѣлъ большое значеніе и сталъ во главѣ ихъ. Пользуясь такимъ положеніемъ, Ямщиковъ ревностно поддерживалъ общеніе петербургскихъ старообрядцевъ съ отвергнувшимъ перемазаніе Стародубьемъ и всячески отстранялъ вліяніе усилившихся съ

*) Но этого нельзя сказать о разныхъ сресяхъ, появившихся въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія: скопческой, хлыстовской и ея отраслей, нашедшихъ послѣдователей и въ высшихъ сословіяхъ столицы (общество полковницы Буксгевденъ въ 1817 г., ея дочери, по мужу Татариновой, въ тридцатыхъ, и Адамитовъ, или Еввина клуба, въ сороковыхъ годахъ). Въ этихъ сектаторскихъ общинахъ прозелитизмъ былъ довольно силенъ.

***) Андрей Журавлева «Историческое извѣстіе о раскольникахъ», стр. 313—336.

каждымъ днемъ рогожскихъ кривотолковъ. Но недолго могъ онъ поддерживать внутренній миръ и братское согласіе между петербургскими старообрядцами.

Вліятельнѣйшіе (до переселенія Ямщикова въ Петербургъ) старообрядцы не совсѣмъ дружелюбно смотрѣли на него. Имъ было крайше досадно, что новый человекъ сразу занялъ положеніе, совершенно уничтожавшее ихъ значеніе. Особенно негодовалъ на это богатый купецъ Иванъ Никитичъ Ильинъ, до тѣхъ поръ глава петербургской старообрядческой общины. Съ самаго пріѣзда Ямщикова сталъ онъ къ нему во враждебное отношеніе, хотя и не открытое. Этимъ воспользовались московскіе кривотолки и съ Рогожскаго кладбища кинули на берега Фонтанки камень раздора. Небывалая дотола въ средѣ петербургскихъ старообрядцевъ разномыслія, внутреннія несогласія и самое раздвоеніе возникли между ними благодаря вмѣшательству рогожскихъ богослововъ, ссорами и побоями утверждавшихъ свое ученіе о перемазаніи.

Еще во время перемазанскаго собора въ Москвѣ, глава противной Ямщикову партіи, Никита Павловъ, съ рогожскимъ попомъ Александромъ, 24-го декабря 1779 года писалъ въ Петербургъ посланіе, въ которомъ, доказывая необходимость пріема никоніанъ вторымъ чиномъ, посредствомъ перемазанія, предостерегали петербургскую общину отъ противника этого ученія, Никодима, и его „хитросплетенныхъ кривоказаній“. Никодимъ, душа партіи Ямщикова, впоследствии основатель единовѣрія, какъ стародубскій инокъ, былъ хорошо извѣстенъ въ Петербургѣ и пользовался тамъ общимъ уваженіемъ. Поэтому на рогожское посланіе въ Петербургѣ сначала не было обращено особеннаго вниманія... Рогожцамъ даже не отвѣчали. Но когда въ Петербургѣ переселился Ямщиковъ и прежніе столпы тамошней поповщины потеряли прежнее значеніе, рогожское посланіе было вынуто изъ-подъ спуда, и въ Петербургѣ возбужденъ былъ вопросъ о перемазаніи. Ямщиковъ, вѣрный убѣжденіямъ, изъ-за которыхъ покинулъ родину, ревностно возсталъ противъ перемазанія и всѣми силами старался удалить изъ среды петербургскихъ старообрядцевъ самые толки объ этомъ предметѣ, повсюду внесемъ въ старообрядство вражду и раздоры. Но Ильинъ, руководившійся болѣе личнымъ недоброжелательствомъ къ своему недругу, чѣмъ желаніемъ утвердить пововодное перемазаніе въ Петербургѣ, составилъ сильную партію изъ богатѣйшихъ петербургскихъ старообрядцевъ, сталъ съ нею въ открыто-враждебное отношеніе къ Ямщикову и вошелъ въ письменныя сношенія съ Рогожскимъ кладбищемъ. Партію Ильина составляли: Иванъ Яковлевичъ Маришинъ, Семень Васильевичъ Савиновъ, Иванъ Ивановичъ Миловъ, Фѣдоръ Ивановичъ Автамоновъ, Викулъ Михайловичъ Кочерыжниковъ, Фѣдоръ Лукинъ, Петръ Макаровъ, Иванъ Смирновъ и другіе. Черезъ два года по полученіи въ Петербургѣ посланія съ перемазанскаго собора, 29-го ноября 1781 года, они послали на Рогожское, къ попу Александру и поечи-

телямъ Ивану Семеновичу и Александру Степановичу (фамиліи ихъ намъ неизвѣстны), вопросы, въ которыхъ просили разрѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній относительно перемазанія *). Рогожскіе старшины не медлили и въ 1782 году прислали отвѣты, которые однако не всѣхъ удовлетворили. Изъ пославшихъ вопросы, Миловъ, богатый несравненно болѣе Ильина, отсталъ отъ его партіи и многихъ увлекъ за собой. Раздѣленіе общины совершилось. Партія Ильина приняла перемазаніе, вошла въ общеніе съ Рогожскимъ кладбищемъ и разорвала связи съ Стародубьемъ надолго, до тѣхъ поръ почти, когда, около 1816 года, и тамъ окончательно утвердилось перемазаніе. Партія Ямщикова осталась вѣрною доселѣ существовавшимъ въ Петербургѣ стародубскимъ правиламъ; она была гораздо многочисленнѣе, зато члены ея были бѣднѣе единомышленниковъ Ильина, а потому менѣе сильны. Миловъ прісталъ къ Ямщикуву.

Произошли ожесточенные споры, вражда закипѣла между партіями, и хотя дѣло не дошло ни до рогожскихъ кулаковъ ни до стародубскихъ дубинокъ, но злобы и ненависти и въ Петербургѣ оказалось не меньше, чѣмъ въ Москвѣ и слободахъ Стародубскихъ. За ненавистью послѣдовали взаимныя проклятія, произнесено было слово „анагема“, и внутренній миръ дотолѣ единодушной общины окончательно былъ разрушенъ. Приверженцы Ильина съ приверженцами Ямщикова прервали общеніе и въ пищѣ и въ молитвѣ. А молитвенный домъ въ городѣ былъ одинъ. Перемазанцы овладѣли моленной въ домѣ Захарова и не пускали въ нее послѣдователей Ямщикова и Милова. Кладбищемъ на Волковомъ полѣ съ моленной и богадѣльной они же овладѣли. Ямщиковъ помогъ горю своихъ собратій. У него еще въ Москвѣ была богато устроенная моленная, со множествомъ старинныхъ иконъ, книгъ и разной церковной утвари, которую онъ сначала поставилъ было въ моленной Захарова и на Волковомъ полѣ. Теперь, послѣ долгихъ пререканій, едва не дошедшихъ до судебного разбирательства, онъ взялъ изъ обихъ моленныхъ свои вещи и перенесъ ихъ въ свой большой каменный домъ, стоявшій рядомъ съ Захаровскою моленной. Такимъ образомъ въ Апраксиномъ переулкѣ явились двѣ неповидинскія моленные: въ Ямщиковской служилъ попъ стародубскій, ирнятый третьимъ чиномъ, въ Захаровской — бѣглый изъ владимірской епархіи и перемазаный на Иргизѣ попъ Василій Андреевъ. Десять лѣтъ стояли рядомъ эти моленные. Такое сосѣдство послужило къ большому усилению вражды и перѣдко подавало поводъ къ соблазнительнымъ сценамъ. Чтобы положить этому конецъ, Ильинъ перенесъ перемазанскую моленную изъ дома Захарова въ свой, находившійся на правой сторонѣ Фон-

*) «Посланіе» 24-го декабря 1779 года. «Вопросы Ильина и Рогожскіе отвѣты» напечатаны въ «Сборникѣ для исторіи старообрядства» Н. Попова, II, стр. 244 и пр., по несправному списку.

танки, между Чернышевымъ и Апичковымъ мостами. Это было въ 1792 году.

Партія непріемлющихъ перемазанія, во главѣ которой стояли Ямщиковъ и Миловъ, какъ уже сказано, была многочисленнѣе рогожской партіи Ильина, и хотя въ ней находилось менѣе людей богатыхъ, зато немало было людей вліятельныхъ по своимъ знакомствамъ съ тогдашними правительственными лицами. Довольно сказать, что имъ покровительствовалъ всемогущій тогда князь Потемкинъ. Никодимъ и другіе стародубяне, бывая въ Петербургѣ, поддерживали и скрѣпляли связи этой партіи съ тѣми стародубскими общинами, которыя, отвергая перемазаніе, стремились къ большому сближенію съ православною церковью. Еще за два года до высочайшаго утвержденія извѣстныхъ платоновскихъ правилъ единовѣрія, въ 1798 году значительнѣйшая часть прихожанъ ямщиковской моленной изъявила желаніе принять православнаго священника отъ мѣстнаго митрополита на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ въ 1785 году дозволено было старообрядцамъ, новопоселеннымъ въ Таврической области и давно жившимъ въ намѣстничествахъ Черниговскомъ и Новгородсѣверскомъ, принимать священниковъ. Во главѣ согласившихся на такое примиреніе съ православною церковью былъ Миловъ. Ямщиковъ не былъ въ числѣ согласныхъ и не пустилъ въ свою моленную православнаго священника. Поэтому Миловъ, для новообратившихся къ единовѣрью, устроилъ въ своемъ домѣ, на Захарьевской улицѣ, временную церковь *). Это была первая единовѣрческая церковь въ Петербургѣ. Вскорѣ Миловъ, на свое иждивеніе, построилъ близъ своего дома особую каменную церковь во имя св. Николая Чудотворца. Она существуетъ до сихъ поръ и извѣстна подъ именемъ „Миловской“. Въ 1800 году прихожанамъ ея отдана старообрядческая часовня на Волковомъ полѣ, тогда же обращенная въ единовѣрческую церковь.

До обращенія Милова въ единовѣріе, ямщиковская партія была, какъ сказано выше, многочисленнѣе и сильнѣе перемазанцевъ. Теперь вышло наоборотъ. Оставшихся съ Ямщиковымъ въ расколѣ было несравненно меньше, чѣмъ прихожанъ моленной Ильина. Вскорѣ умеръ стародубскій попъ, служившій въ Апраксиномъ переулкѣ, и духовныя его дѣти, за неимѣніемъ другаго, стали ходить къ иргизскому пону Василію Андрееву. Наконецъ пожаръ 1804 года положилъ конецъ ямщиковской партіи и раздѣленію петербургской старообрядческой общины. Сгорѣли обѣ моленные, Ямщикова и Ильина. Ямщиковъ не возобновилъ своей, да и возобновлять ее было почти не для кого. Его единомысленники частью перешли въ миловскую единовѣрческую церковь, частью присоединились къ усилившимся перемазанцамъ, число

*) «Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода», т. I, стр. 766 — 768.

которыхъ постепенно увеличивалось посредствомъ переселеній въ Петербургъ раскольниковъ изъ разныхъ городовъ внутренней Россіи. Черезъ недѣлю послѣ пожара они устроили временную моленную *), а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Толмазовомъ переулкѣ **), въ домѣ мѣщанина Петрова, у нихъ явилась новая моленная, устроенная такъ же просторно и богато, какъ и существовавшая въ домѣ Ильина. Черезъ шесть лѣтъ (въ 1810 году) и она была истреблена пожаромъ, а въ 1811 году явилась снова въ несравненно болѣе обширномъ видѣ на Ивановской улицѣ, въ домѣ купца 1-й гильдіи, старообрядца Владимира Королева.

Эта моленная, открыто существовавшая въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ (1811 — 1844), была извѣстна подѣ названіемъ „Королѣвской“. Самая община петербургскихъ старообрядцевъ по ея имени стала называться „Королѣвской“, какъ нѣкогда по гутуевской моленной называлась Гутуевскою. Теперь уже болѣе двадцати лѣтъ прошло со времени уничтоженія Королѣвской моленной, а послѣдователи поповщины въ Петербургѣ и доселѣ (1867) еще называются „Королѣвскими“.

Весь верхній этажъ обширнаго каменнаго дома обращенъ былъ въ домовую церковь съ иконостасомъ, уставленнымъ древними иконами въ драгоценныхъ украшеніяхъ. Въ ней устроены были алтарь съ престоломъ, впрочемъ, неосвященнымъ; поэтому и литургіи здѣсь не совершались. Въ нижнемъ этажѣ зданія помѣщались больница и келарня (кухня со столовой). Въ особомъ деревянномъ флигелѣ помѣщалась богадѣльня на полтораста кроватей; внутреннее ея устройство было такое же, какъ и въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ, но въ меньшихъ размѣрахъ. Рядомъ съ домомъ Королева находился домъ старообрядца же Груздева, въ которомъ жилъ поцъ Василій Андреевъ съ сыномъ Иваномъ, уставщикомъ Королѣвской моленной. Тутъ же жили и пѣвцы.

Оба дома, Королѣвскій и Груздевскій, хотя официально и считались частною собственностью, но въ дѣйствительности еще съ 1811 года составляли принадлежность всего петербургскаго старообрядческаго общества, а въ 1824 году у крѣпостныхъ дѣлъ с.-петербургской гражданской палаты явлена была купчая крѣпость на продажу купцомъ

*) Въ квартирѣ московскаго купца Федора Рѣшетова, жившаго въ Щербаковомъ переулкѣ, въ домѣ Федора Ильина.

***) Не въ нынѣшнемъ Толмазовомъ переулкѣ, но въ существовавшемъ до постройки Александринскаго театра и Палерояля. Этотъ Палерояль однако не состоялся, и въ зданіяхъ, для него построенныхъ, были помѣщены театральное училище и дома министра внутреннихъ дѣлъ, департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій и министерствъ городского просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Отъ стараго Толмазова переулка остается до сихъ поръ небольшой тупикъ на набережной Фонтанки, близъ Чернышева моста. Сказываютъ, что моленная Петрова была на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александринскій театръ.

Королевымъ каменнаго дома *с.-петербургскому старообрядческому обществу* за 40.000 рублей *).

Едва была устроена Королевская моленная, какъ охтенскій протоіерей Андрей Ивановичъ Журавлевъ, извѣстный авторъ „Историческаго извѣстія о раскольникахъ“, 18-го апрѣля 1811 года донесъ петербургскому митрополиту Амвросію, что раскольники устроили на Ивановской улицѣ, въ домѣ Груздева, моленную и имѣють при ней бѣлаго попа. Началось дѣло. Полицеймейстеру графу Васильеву поручено было произвести формальное слѣдствіе. Онъ нашелъ моленную со всѣми церковными принадлежностями, кромѣ сосудовъ, но не въ домѣ Груздева, какъ писалъ протоіерей Журавлевъ, а въ домѣ Королева. Въ первомъ, какъ оказалось, жилъ престарѣлый попъ Василій Андреевъ. Бумаги этого попа были въ порядкѣ, у него былъ паспортъ, выданный ему въ Саратовѣ и подписанный тамошнимъ губернаторомъ Панчулидзевымъ. Въ этомъ паспортѣ попъ Василій названъ былъ „отпущеннымъ въ Петербургъ священникомъ Нижневоскресенскаго (что на Иргизѣ) монастыря“. Панчулидзевъ не имѣлъ права выдавать такихъ паспортовъ, но попъ не виноватъ же былъ въ томъ, что губернаторъ далъ ему видъ, какого не долженъ былъ выдавать. Другое дѣло — моленная, при которой служилъ Василій Андреевъ: ей грозила серьезная опасность. Старообрядцы, послѣ пожара въ домѣ Ильина, построили ее безъ разрѣшенія мѣстной власти, и потому она подлежала уничтоженію. Но дѣло, произведенное графомъ Васильевымъ, кончилось благопріятно для старообрядцевъ. Состоялась слѣдующая резолюція императора Александра Павловича, собственноручно имъ написанная 20-го августа 1811 года: „не дѣлать какихъ-либо новыхъ о ней (моленной) распоряженій, поелику она часовня не есть вновь заведенная, а оставить ее попрежнему до общаго разсмотрѣнія подобныхъ сему обстоятельствъ“ **). Послѣ того Королевская моленная существовала уже гласно, служеніе въ ней производилось открыто, попъ Василій оставленъ въ покоѣ, и графъ Васильевъ возвратилъ ему отобранныя у него при обыскѣ поручи. Продолжалъ священнодѣйствовать у Королевскихъ этотъ попъ, дожилъ до ста лѣтъ и умеръ около 1840 года ***).

Съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовало высочайшее повелѣніе объ оставленіи Королевской моленной неприкосновенною, прихожане ея, непрерывъ другъ передъ другомъ, стали украшать и обогащать ее. Старо-

*) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 440 и 441.

***) «Дѣло департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1839 г., № 79.

****) Въ 1816 году на пола Василія донесъ петербургскому митрополиту протопопъ Вшевскаго погоста (Лужскаго уѣзда) Галактионъ Барсовъ, что онъ разрѣшилъ крестьянину Петру Лазареву и другимъ непосвященнымъ совершать крещеніе и иѣкоторыя другія требы. Попъ Василій избѣгнулъ за то преслѣдованія (см. то же дѣло).

печатныя евангелія, обложенныя драгоцѣнными окладами, золотыя кресты, сребропозлащенные, унизанныя жемчугами и осыпанныя брильянтами и другимп дорогими камнями иконы, великолѣпныя плащаницы, хоругви и разныя другія церковныя принадлежности снесены были въ Королѣвскую моленную богатыми ревнителями древняго благочестія и благодѣпія храма. Вскорѣ петербургская моленная сдѣлалась одною изъ богатѣйшихъ старообрядческихъ церквей, хотя снаружи и пичѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ домовъ столицы: тотъ же ровный, гладкій фасадъ безъ всякихъ украшеній, съ двумя рядами оконъ: ни купола, ни креста, ни колоколовъ, ни даже наддверной иконы у входа не было видно; зато внутреннее устройство отличалось богатствомъ, блескомъ и даже нѣкотораго рода вкусомъ.

Не было у Королѣвцевъ ни соборнаго служенія съ девятью или двѣнадцатю попами, ни торжественныхъ крестныхъ ходовъ вокругъ часовень или на іорданъ, какъ это водилось на Рогожскомъ; не звонили на Ивановской улицѣ въ колокола, какъ на Иргизѣ; не ходили съ иконами и крестами для молебновъ на поля, какъ на Керженцѣ. Зато много рода торжество бывало здѣсь отъ времени до времени. Въ праздничные дни въ Королѣвской моленной, рядомъ съ купцами и мѣщанами, одѣтыми въ кафтаны стариннаго покроя, стояли въ мундирахъ, нерѣдко съ орденами, офицеры и даже генералы древляго благочестія, „благочестивая рать небреемая, Христовы стрѣльцы, сирѣчь казаки“^{*)}), это—линейцы, уральцы и донцы, вызываемые въ Петербургъ, въ собственный Его Величества конвой, и въ ту пору бывшіе все поголовно въ расколѣ. Кромѣ казаковъ, молившихся въ Королѣвской часовнѣ по старинной лѣстовкѣ, исповѣдывавшихся и причащавшихся у попа Василя, на свадьбахъ и на похоронахъ богатыхъ старообрядцевъ не въ диковинку было встрѣтить хорошихъ знакомыхъ ихъ и пріятелей, иногда даже родственниковъ, въ парадныхъ мундирахъ, въ лентахъ и звѣздахъ. Въ дни совершенія такихъ обрядовъ надъ кѣмъ-либо изъ членовъ значительнѣйшихъ старообрядческихъ семействъ, Ивановская улица во всю почти длину ея, а отчасти и Кабинетская, были заставлены каретами, и для наблюденія за порядкомъ при разѣздѣ паряжались къ моленной полицейскіе чины. Похоронныя процессіи, сопровождаемыя длинною вереницей экипажей, съ полицейскими чинами и жандармами по сторонамъ, тянулись иногда по улицамъ отъ Королѣвской моленной до Волкова поля и даже до Охты. Такой блескъ придавалъ особое значеніе Королѣвскимъ въ средѣ ихъ однодѣрцевъ. Монахи и монахини иргизскихъ, керженскихъ и стародубскихъ скитовъ и монастырей, находившіяся въ Петербургѣ со сборными книжками или для

*) «Греческій Златоструй», раскольническая рукопись. Въ ней такъ называются казаки-старообрядцы. Въ этой статьѣ, между прочимъ, идетъ рѣчь о намѣствіи Наполеона въ 1812 году и говорится, что Богъ даровалъ побѣду именно «небреемой рати, Христовымъ стрѣльцамъ».

„стоянія неугасимой свѣчи“, въ качествѣ канонницъ и читалокъ, возвратившись въ свои темныя захолустья, рассказывали объ этомъ блескѣ петербургскаго старообрядства съ обычными прикрасами и преувеличеніями. По рассказамъ ихъ, Королѣвская община пользовалась будто бы въ Петербургѣ покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ; въ своихъ разсказахъ и письмахъ они называли этихъ лицъ по именамъ, увѣряя, что въ тайнѣ эти знатные люди сами принадлежать къ старой вѣрѣ, и если бреютъ бороды и ходятъ въ православныя церкви, такъ единственно для приличія. Такого рода слухи въ свое время имѣли печальныя послѣдствія. Видя совершенное противорѣчіе въ дѣйствіяхъ мѣстной власти съ мнимыхъ покровительствомъ расколу сильныхъ людей въ Петербургѣ, жившіе въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ раскольники пришли къ естественному заключенію, что мѣстные власти не имѣютъ никакихъ повелѣній объ ограниченіи ихъ самовольства. Появились въ разныхъ мѣстахъ подложные указы о свободѣ раскольниковскаго богослуженія *), появились подстрекатели, и дѣло дошло до того, что, напримѣръ, въ 1837 году, при обращеніи Средне-Никольскаго монастыря на Иргизѣ въ единовѣрческій, раскольники оказали открытое сопротивленіе самому губернатору, такъ что пришлось для усмиренія ихъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Со временемъ открылось, что все это было прямымъ послѣдствіемъ подстрекательства людей, которые, желая въ мутной водѣ рыбу ловить, увѣряли раскольниковъ, что въ Петербургѣ никто и не думаетъ о водвореніи единовѣрія, что это выдуманно губернскимъ начальствомъ, для того и составившимъ будто бы подложное высочайшее повелѣніе. Подстрекателемъ, какъ увидимъ впоследствии, оказался извѣстный уже читателямъ Авоній Кузьмичъ Кочуевъ.

Въ тридцатыхъ годахъ во главѣ Королѣвскаго общества стояли братья Громы: Сергій и Федулъ Григорьевичи. Родомъ были они гусяки, земляки Рахмановымъ, Солдатенковымъ, Досужеву и другимъ вліятельнымъ рогожцамъ того времени. Поселясь въ Петербургѣ, Громы удачно занялись лѣсною торговлей, стали скупать лѣсныя дачи въ Новгородской и Олонецкой губерніяхъ, сплавлять въ столицу бревна, брусья и дрова, и, выгодно продавая ихъ, быстро умножили свое богатство. Удачная покупка у графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской лѣсныхъ дачъ и пристани на Невѣ, извѣстной подъ именемъ „Графской биржи“ **), довела состояніе ихъ до огромныхъ размѣровъ.

Какъ ни значителенъ былъ врученный Громыми набожной наслѣд-

*) Подложные указы о свободѣ раскольниковскаго богослуженія стали появляться между старообрядцами съ 1835 г., и Авоній Кузьмичъ Кочуевъ едва ли не былъ основателемъ этого рода литературы.

***) «Графская лѣсная биржа» находится въ Петербургѣ, на лѣвомъ берегу Невы, близъ Смольнаго монастыря. Она называется и «Громовскою», но болѣе извѣстна подъ прежнимъ названіемъ «Графской». Другая «Громовская биржа», или «Громовскій лѣсной дворъ», находилась у Чернышева моста, между Фонтанкой и переулками Чернышевымъ и Щербаковымъ.

ницѣ Чесменскаго героя капиталъ, но дѣйствительная цѣнность пріобрѣтеннаго ими имѣнія была далеко выше его. Благодаря этой покупкѣ предпринчивые и дѣятельные гусяки значительно расширили свои обороты и, сдѣлавшись одними изъ первыхъ богачей Петербурга, заняли первенствующее мѣсто въ Королѣвскомъ обществѣ.

Почетителями Королѣвской моленной они были еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ и съ тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ купцомъ Григорьемъ Дмитриевичемъ Дмитриевымъ *), управляли всѣми дѣлами петербургской старообрядческой общины. Значеніе Громовыхъ въ кругу петербургскихъ старообрядцевъ было такъ велико, что въ тридцатыхъ годахъ Королѣвскую моленную безразлично звали и „Громовскою“, а нѣкоторые петербургскіе жители, незнакомые съ расколомъ, даже и все поповское согласіе называли обыкновенно „Громовской вѣрой“. Изрѣдка такое названіе встрѣчается даже въ бумагахъ официальныхъ. Изъ Громовыхъ особенно ревностенъ былъ къ расколу старшій братъ, Сергій Григорьевичъ. До самой смерти **) онъ, въ качествѣ почетителя, управлялъ Королѣвскою моленною, и она своимъ благолѣціемъ и блескомъ служенія немало обязана его усердію. Жена его, Елена Ивановна, беззавѣтно преданная расколу, усердствовала еще болѣе, чѣмъ мужъ ея. Первая по богатству изъ петербургскихъ старообрядковъ, она дорожила своимъ первенствомъ, ревниво оберегала его и имѣла значительное вліяніе не только на Королѣвскую, но и на многія иногородныя общины старообрядства. Она не забывала щедрыми подаваніями ни скитовъ, ни монастырей, ни иноковъ и поповъ, снабжая ихъ не только деньгами, иконами и разною церковною утварью, но даже и до-никоновскими антиминсами, которые добывала за деньги извѣстнымъ ей путемъ изъ кафедральныхъ ризницъ и пересылала куда слѣдовало въ переплетныхъ доскахъ какой-нибудь книги самаго невиннаго содержанія ***). Въ разныхъ монастыряхъ и скитахъ проживали старицы на счетъ Елены Ивановны. Въ Петербургѣ не было старообрядческой обители, зато въ домѣ Громовой и при Королѣвской моленной, на ея иждивеніи, постоянно жило по нѣскольку монахинь и послушницъ; онѣ читали каноны по умершимъ и вели надзидательныя бесѣды съ благочестивою хозяйкой. Быть „читалкой у Громихи“ составляло величайшую честь для раскольниковскихъ монахинь и бѣлицъ. Какъ великаго счастья, добивались онѣ этой чести. Повсюду Елена Ивановна пользовалась уваженіемъ ея единовѣрцевъ, и монастырскія власти самой Вѣлой-Кривицы называли эту ревнительницу древляго благочестія не

---

*) Въ сектаторской перепискѣ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Боровкова и Каретника. Жилъ близъ сѣзжаго дома Каретной части, на Невскомъ проспектѣ.

**) Умеръ въ 1840 году.

***) «Слѣдственное дѣло объ Авѳоніи Кочевѣ».

иначе, какъ „госпожой дому Израилева, истинною рабою Христовой“ *).

Федуль Григорьевичъ Громовъ былъ не менѣ брата ревностенъ и усерденъ къ расколу, но болѣ его остороженъ. Будучи знакомъ со знатными людьми, съ нѣкоторыми изъ нихъ вода хлѣбъ-соль и находясь въ короткихъ сношеніяхъ съ сановниками, очень высоко поставленными, онъ боялся скомпрометировать себя слишкомъ явнымъ участіемъ въ раскольническихъ предпріятіяхъ. Положивъ устройству заграничной іерархіи прочное начало и въ тайнѣ заправляя этимъ дѣломъ, Федуль Громовъ, повидимому, устранился отъ него и даже приказалъ своимъ домочадцамъ написать къ властямъ Вѣлой-Криницы, чтобъ онѣ не адресовали своихъ писемъ на его имя и даже кому бы то ни было въ его домъ.

Королѣвскіе, а особенно Громовы—отличались отъ рогожскихъ своихъ единовѣрцевъ, а еще болѣ отъ старообрядцевъ провинціальныхъ, нѣкоторою долей образованія и виѣшними формами свѣтскости. Около 1830 года у Королѣвскихъ уже не замѣчалось той замкнутости, какая и донинѣ еще существуетъ въ нѣкоторыхъ домахъ Таганки, Покровскаго, Нѣмецкаго рынка и Замоскворѣчья. Въ ту пору рогожцы жили еще по образцу „Домостроя“, мать Пульхерія еще проповѣдывала о „несообщеніи со еретики“, а попы налагали тяжелыя епитиміи за свѣтскія удовольствія *). Лишь немногіе московскіе старообрядцы осмѣли-

*) «Письмо изъ Вѣлокриницкаго монастыря отъ Геронтія и Павла къ Алексѣю Васильевичу Великодворскому», 20-го іюля 1840 г.

**) Мы имѣемъ подъ руками списокъ епитимій, наложенныхъ безпоповскими наставниками Преображенскаго кладбища въ началѣ сороковыхъ годовъ на болѣе значительныхъ членовъ-прихожанъ Ѳдосѣевского Преображенскаго кладбища и Покровской моленной поженявшихся. Сотнями и тысячами поклоновъ они должны были заглаживать посѣщеніе клубовъ, собраній, театра и маскарадовъ, ношеніе моднаго платья, куреніе сигаръ; а одна молодая женщина, принадлежавшая къ богатому дому, за верхнюю ѣзду должна была долгое время очищать себя земными поклонами. Вотъ извлеченіе изъ «Обличенія грѣховъ», составленнаго отцами Преображенскаго кладбища въ 1846 г.: «Евстафій Петровичъ Б—нъ и жена его Александра Сидоровна принадлежать къ Покровской моленной поженявшихся. Уличенія согрѣшеній: ѣзда верхомъ на сѣдлахъ нѣмецкихъ, сидѣніе Александры Сидоровны на лошади бокомъ съ сигарой, въ мужской шляпѣ, въ платьѣ съ сатанинскомъ хвостомъ (амазонка). Ѣзда обоихъ супруговъ на конныхъ ристалищахъ въ сопровожденіи наемнаго наставника конной ѣзды, гаерски одѣтаго (берейторъ). Продіадина пляска обоихъ на сборищахъ (на базахъ и вечерахъ), соблазнительный покррой одежды мужа и жены, употребленіе мясной пищи по постамъ, питіе кофею даже съ молокомъ, яденіе травы салата. Иванъ Ѳедоровичъ Г—въ и жена его Марья Павловна, по Покровской моленной, оба уличаются въ томъ же, въ чемъ и предыдущіе, только хоти Марья Павловна не ѣздитъ верхомъ, зато излишне предается театральнымъ зрѣлищамъ и Иродіадиной пляскѣ, порочитъ взоръ свой конскими ристалищами. Е. Ѳ. Г., по Покровской моленной, обличается въ сожитіи съ иноплеменной иновѣркой изъ Польши. Прокопій Филипповичъ К—въ и жена его Анна Павловна, по Покровской моленной, обличаются, какъ и Б—ны, Павелъ Назаровичъ Р—нъ, по Ѳс-

вались, не слушаясь рогожских проповѣдей и не боясь епитимій, выѣзжать въ щегольскихъ коляскахъ подъ Новинское и въ Сокольники, и тамъ, въ строгомъ молчаніи, созерцать шумную суету міра сего. Въ Петербургѣ было не то. Еще до 1812 года тамъ поселился владѣлецъ несмѣтныхъ богатствъ, старообрядецъ, жившій открыто и роскошно,

досеевскому согласію, ради антихристовыхъ наградъ вдался въ разныя непотребства, участвуетъ въ сонмищахъ антихристовыхъ, клубами называемыхъ, играетъ въ карты, нумерныя зерна (лото), посѣщаетъ бѣги, куритъ сигары. Иванъ Васильевичъ С—въ, по Ѳедосеевскому согласію,—куритъ сигары. Братъ его, Иванъ же Васильевичъ С—въ, по Ѳедосеевскому согласію, предался изученію черной магіи, разгнѣвалъ демоновъ до того, что они на немъ разорвали рубашку: молитвами наставниковъ Василія Тимофеевича и Андрея Ефимовича хотя и отчитанъ, но еще бѣсъ, въ немъ пребывающій, водить часто его въ театръ. Семень (жена его Анна Кондратьевна) и Емельянъ И—вы, по Ѳедосеевскому согласію, обличаются въ ѣздѣ верхомъ на иноземныхъ сѣдлахъ, въ одѣяннѣхъ соблазнительныхъ; Анна Кондратьевна въ стягиваніи тѣла своего ради потѣхи демонской (корсетъ, надѣваемый на балы), въ ношеніи даже въ самой моделиѣ иноземныхъ перчатокъ изъ собачей шкуры, оскверненіи черезъ это самаго молитвеннаго храма. Ерофей Аванасьевичъ К—въ, по Покровской моленной, обличается въ ристаніи на бѣгу и въ чловѣкоугодіи въ этомъ мастерствѣ. Иванъ и Павелъ Васильевичи О—вы, по Ѳедосеевскому согласію, въ куреніи сигаръ. Аѳимогенъ Н—въ, Николай Н—въ и Ефимъ Ѳедоровичъ Г—въ, всѣ трое по Покровской моленной, обличены въ куреніи сигаръ, питьѣ кофey, яденіи мяса по постагъ. Книжные Преображенскаго кладбища: Кузьма В—въ и Петръ В—въ сами сознались, что при питіи водки демонъ понуждаетъ ихъ курить сигары въ сараѣ, гдѣ покойниковъ ставятъ (руконись, мнѣ принадлежащая). Тѣ же грѣхи наказывались строгими епитиміями и на Рогожскомъ кладбищѣ. Относительно костюма на Рогожекомъ было гораздо строже, чѣмъ на Преображенскомъ. На послѣднемъ давно уже можно было видѣть среди молящихся одѣтыхъ въ модныя сюртуки, а женщинъ въ шляскахъ. На Рогожскомъ этого до сего времени не допускается. Мужчины должны ходить въ часовню не иначе, какъ въ кафтанѣ стараго покроя, а женщины въ сарафанахъ, съ головами, покрытыми платками въ роспускъ. Послѣ 1812 года Мошанскіе первые, а за ними и немногіе другіе—стали ѣздить на гулянья подъ Новинское и въ Сокольники и за то считались людьми погибшими, особенно во мнѣніи провинціальныхъ старообрядцевъ. Въ «Повѣсти о томъ, что сдѣлала Рогожскаго кладбища попечители въ 1816 г.», находятся слѣдующія обличенія москвичей дьяконовца города Орла, Тужилина:

Если тѣхъ почтенныхъ особъ поколебались сердца,
То немаловажная есть потеря любимаго пми образца;
Во многіе праздники, торжества—
Представляетъ гульбища и комедіи Москва,
Ваши богачи почитаютъ за должность
Хранить узаконенную вами осторожность,
Въ означенную вами церковь (*не перемазанскую*) ходить почитаютъ
за великую причину.

А если пропускать позорище, оскорбляются, не видѣвши того чину.

Въ Петербургѣ было не то: тамъ, еще съ первыхъ годовъ царствованія императора Александра I, богатые раскольники, усвоивъ свѣтскую жизнь, пользовались общественными увеселеніями и т. п.

Злобинъ. Онъ первый подавъ столичнымъ раскольникамъ примѣръ соглашенія религіозныхъ уставовъ дравляго благочестія съ условіями быта образованнаго общества. Украшая свою родину (городъ Вольскъ) красивыми постройками, строя тамъ богатую часовню, Злобинъ задавалъ въ Петербургѣ такіе пиры для знатнѣйшихъ людей того времени, что послѣ о нихъ недѣли по двѣ говорило все высшее петербургское общество. Въ то время какъ супруга его снажбала свою Вольскую часовню древними драгоценными утварями и приобрѣтала плащаницу, будто бы вышитую еще до перваго вселенскаго собора *), Злобинъ устраивалъ въ окрестностяхъ Петербурга праздники съ музыкой, фейерверками и роскошными ужинами, на которые собиралась вся столичная знать. Въ то время какъ Пелагея Михайловна командовала Иргизомъ, собственноручно сдираала съ недостойныхъ, по ея мнѣнію, поповъ ризы и за разныя провинности собственноручно таскала ихъ за волосы, сожитель ея игралъ въ карты съ министрами **), бывалъ на раутахъ и балахъ великосвѣтскаго общества, водился съ иностранцами, покупалъ дорогія картины и статуи, о чемъ безъ ужаса не могли вспомнить иргизскіе фанатики. Къ довершенію ихъ ужаса, единственный сынъ Злобина женился на англичанкѣ... Разореніе Злобина и быстрый переходъ его отъ несмѣтнаго богатства къ нищенству жившіе по захоlustьямъ фанатики объясняли карой Господней за отступленіе отъ старыхъ обычаевъ, но это не остановило членовъ Королѣвской общины въ посильномъ подражаніи житью-быттю знаменитаго вольскаго старообрядца... Въ тридцатыхъ годахъ поселились въ Петербургѣ екатеринбургскіе милліонеры-старообрядцы, Зотовъ и зять его Харитоновъ ***).

*) Плащаница (за дорогую цѣну купленная въ Кіевѣ) бархатная, вышитая шелками и золотомъ, будто бы устроенная еще до перваго Никейскаго собора константинопольскимъ патріархомъ С. Митрофаномъ, имѣетъ греческую надпись. Она теперь въ Вольской еднновѣрческой церкви, въ которую обращена Злобинская часовня. Н. И. Костомаровъ осматривалъ эту плащаницу въ 1856 году и нашелъ, что она вовсе не такъ древняя, что въ вышитой надписи вовсе нѣтъ упоминанія, что Митрофанъ, устроившій плащаницу, былъ царьградскій патріархъ, и въ ней даже нѣтъ слова «патріархъ», а вмѣсто его стоитъ ἡγούμενος (начальникъ старцевъ) («Саратовскія Губернскія Вѣдомости» 1857 г., № 19).

**) Однажды на вечерѣ у одного знатнаго лица Злобинъ игралъ въ карты, къ нему подошелъ оберъ-полицеймейстеръ и сказалъ: «Василій Алексѣичъ, у васъ въ домѣ пожаръ». Злобинъ совершенно спокойно отвѣчалъ: «На пожарѣ должно быть вамъ, а не мнѣ», и продолжалъ игру. Домъ сгорѣлъ и въ немъ векселя и другіе документы. Это пошатнуло благосостояніе богача, а рискованныя и неудачныя предпріятія по поставкамъ во время отечественной войны совсемъ доконали его. Милліонеръ сталъ нищимъ. Передъ смертью онъ обратился въ еднновѣріе («Саратовскія Губернскія Вѣдомости» 1875 г., статья о городѣ Вольскѣ).

***) Въ началѣ царствованія императора Николая были обнаружены злоупотребленія (не сектаторскія) на принадлежавшихъ имъ горныхъ заводахъ въ Пермской губерніи. Тестъ и зять были высланы оттуда, и первый нѣкоторое время жилъ въ Кексгольмѣ подъ надзоромъ полиціи. Впо-

Они не водили, правда, подобно Злобину, хлѣба-соли съ лицами, стоявшими во главѣ центральной администраціи, но все-таки жили открыто, находились въ близкомъ знакомствѣ съ вліятельными людьми коммерческаго міра и второстепенными лицами петербургской бюрократіи. Земляки Злобина—вольскіе купцы Сапожниковы, имѣвшіе въ рукахъ своихъ обширныя рыбныя ловли на низовьяхъ Волги, земляки Зотова—Расторгуевы, владѣльцы горныхъ заводовъ въ Пермской губерніи, проживая въ Петербургѣ, вели такую же открытую, свѣтскую жизнь. Громы, достигнувъ богатства, вошли въ ту же колею. Они не чуждались общественной жизни и ея удовольствій, роскошно отдѣланный домъ свой наполнили рѣдкими картинами и другими произведеніями искусства, устроили едва ли не первую теперь въ Петербургѣ оранжерею, давали блестящіе пиры, выѣзжали на балы, въ театры, концерты, воспитывали дѣтей по-европейски, жертвовали деньги на разныя благотворительныя учрежденія, завели образцовый дѣтскій пріютъ въ Петербургѣ. Но это не мѣшало имъ оставаться ревностными старообрядцами и даже стать во главѣ задуманнаго на Иргизѣ и одобреннаго на Рогожскомъ кладбищѣ смѣлаго предпріятія.

слѣдствіи имъ дозволено было жить въ Петербургѣ. На похоропахъ Зотова (въ началѣ сороковыхъ годовъ) на улицахъ столицы, среди мундировъ и лентъ, явился бѣглый попъ Кириллъ въ полномъ облаченіи. Это послужило поводомъ къ дѣлу о Королевской моленной. Около того же времени въ Королевскомъ домѣ случился пожаръ, которому не дали распространиться, но все же онъ повредилъ моленную. Вопреки закону, неправильно опираясь на резолюцію Александра I, раскольники приступили къ поправкамъ. Возникло и объ этомъ дѣло. По разсмотрѣніи его было найдено, что «купленный раскольниками для моленной, въ 1824 году, отъ купца Королева домъ не можетъ оставаться въ ихъ владѣніи, потому что раскольническій общеста правительствомъ не признается, а слѣдовательно и не имѣютъ права пріобрѣтать и владѣть имуществомъ, такъ какъ въ 442 ст. Сводѣ Гражд. Законовъ (изд. 1842 г.) постановлено, что владѣніе вообще признается *незаконнымъ*, когда владѣлецъ, по званію своему, не имѣетъ права владѣть пріобрѣтеннымъ имуществомъ. Равнымъ образомъ и существованіе въ помянутомъ домѣ моленной на будущее время не можетъ быть допущено, по той причинѣ, что оный долженъ перейти въ частныя руки, и что отъ бывшаго въ томъ домѣ пожара моленная требуетъ исправленія, а 62 статью Свода устав. о предупрежд. и пресѣч. преступ. воспрещено какъ построеніе вновь раскольническихъ моленныхъ и молитвенныхъ домовъ, такъ и перестройка и возобновленіе прскныхъ ни по какому случаю. При такихъ обстоятельствахъ комитетъ о раскольникахъ принялъ во вниманіе, съ одной стороны, что раскольники за купленный ими отъ купца Королева домъ, какъ значится въ неправильно совершенной и засвидѣтельствованной петербургскими присутственными мѣстами купчей крѣпости, заплатили 40.000 рублей ассигнаціями, почему въ отношеніи денежной сумми неудобно было бы нарушить право собственности, а съ другой, что 1077 и 1078 статьями Свода законовъ гражданскихъ, лицамъ, получающимъ такія имущества, которыми они владѣть по закону права не имѣютъ, предоставляется шестимѣсячный срокъ на продажу ихъ. Въслѣдствіе этого комитетъ полагалъ: предоставить министру внутрен-

Послѣ Громовыхъ самыми вліятельными людьми въ Королѣвскомъ обществѣ были купцы Дрябины и уномянутый уже Григорій Дмитріевичъ Дмитріевъ, онъ же и Воровковъ.

Никита Васильевичъ Дрябинъ находился въ родствѣ съ Громовыми. Его жена, по имени Анна, пріятельница Елены Ивановны Громовой, не уступала этой „госпожѣ дому Израилева“ ни въ преданности расколу, ни въ усердіи къ монастырямъ и скитамъ, ни въ страннопріимствѣ келейныхъ матерей, пріѣзжающихъ въ Петербургъ за сборами съ Иргиза, Керженца и слободъ Стародубья. Григорій Дмитріевичъ Дмитріевъ, онъ же и Воровковъ, извѣстный въ сектаторской перепискѣ подъ именемъ Каретника, другъ Ѳедула Громова *), бывшій вмѣстѣ съ нимъ долгое время попечителемъ Королѣвской моленной, велъ дѣятельную переписку съ иногородними старообрядцами по дѣламъ вѣры и пользовался повсюду огромнымъ почетомъ. Его домъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ пріютовъ для пріѣзжавшихъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ старообрядцевъ; чрезъ Григорья Дмитріевича велся сверхъ того дѣла торговля, комиссіонныя и транспортныя петербургскихъ старообрядцевъ съ приволжскими и околomosковскими ихъ единовѣрцами.

Кромѣ названныхъ членовъ Королѣвской общины, особенною ревностью къ старообрядству отличались въ Петербургѣ купцы Скрябины, Фалины и Зиновьевскіе. Но гораздо важнѣе ихъ были люди молодые, не видные по своему положенію, не обладавшіе богатствами, неизвѣстные знатымъ людямъ и не выходившіе изъ своего замкнутаго круга въ суету жизни общественной. Отличаясь рѣдкими природными дарованіями, огромною начитанностью и дѣятельною энергіей, не знавшю никакихъ

нихъ дѣлъ сообщить петербургскому генералъ-губернатору слѣдующее распоряженіе, для исполненія существующихъ постановленій: 1) Объявить управляющимъ означеннымъ домомъ купцамъ Громову и Дмитріеву, что, за силою приведенныхъ выше узаконеній, они должны немедленно находящуюся въ томъ домѣ моленную обратить въ жилые покои и затѣмъ самый домъ продать частному лицу въ шестимѣсячный срокъ, совершивъ купчую крѣпость отъ своего имени, не упоминая въ актахъ и объявленіяхъ о такъ-называемомъ ихъ «старообрядческомъ обществѣ». 2) Полиціи неослабно смотрѣть, чтобы вмѣсто сей моленной не было раскольниками учреждено другой, а потому доставить заключеніе о находящейся въ поминутой моленной предметахъ богослуженія, которые не могутъ считаться частною собственностью, а составляютъ принадлежность церкви». Марта 21-го 1844 года императоръ Николай изволилъ разсматривать этотъ журналъ. См. «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858 г., стр. 440—442. Несмотря на 2-й пунктъ постановленія, тотчасъ по упраздненіи Королѣвской моленной возникло въ Петербургѣ нѣсколько тайныхъ, главнѣйшая у Дмитріева.

*) «Письмо Ѳед. Вас. Великодворскаго изъ Петербурга въ Вѣдую-Крилицу къ Геронтію» безъ означенія года (вѣроятно, въ 1841). Въ домѣ Дмитріева, на Невскомъ проспектѣ, противъ съѣзжаго дома Каретной части, по закрытіи Королѣвской моленной, существовала тайная старообрядческая моленная.

препонъ и противодѣйствій, эти молодые люди возвышались надъ едновѣрными богачами и незамѣтно для нихъ самихъ обратили ихъ въ послушныя свои орудія. То были крестьяне, мѣщане и ямщики, жившіе на „Графской биржѣ“ въ качествѣ громовскихъ приказчиковъ и при Королѣвской моленной въ качествѣ дячковъ и уставщиковъ. Изъ этой среды вышли люди, удивившіе всѣхъ необычайными своими похождениями. Съ рѣдкимъ самоотверженіемъ проникли они въ отдаленныя страны Востока, отыскивая небывалыхъ старообрядскихъ архіереевъ; ни болѣзни, ни морскія бури, ни разбой полудикихъ жителей Азіатской Турціи не могли остановить ихъ; они въ Константинополѣ вступили въ непосредственныя связи съ агентами Чарторыйскаго; они, при пособіи іезуитовъ, проникли въ блистательные салоны Вѣны, въ пріемную эрцгерцога Людвига и на аудіенцію самого императора Фердинанда; они ораторствовали на революціонномъ сеймѣ въ Прагѣ чешской; они написали старообрядческое богословіе для представленія императору Фердинанду; они устроили въ предѣлахъ Вуковины раскольниковую іерархію съ босносараевскимъ митрополитомъ во главѣ; они на нѣкоторое время сдѣлались руководителями милліоновъ старообрядцевъ, обитающихъ въ Россіи, Австріи, Турціи, Малой Азіи, Египтѣ и другихъ отдаленныхъ странахъ.

Изъ молодыхъ людей, жившихъ въ тридцатыхъ годахъ у Громовыхъ, особенно замѣчательны были братья Великодворскіе. Вотъ чтѣ мы знаемъ объ этомъ семействѣ.

По старой новгородской дорогѣ, по которой лѣтъ сорокъ тому назадъ устроено петербургское шоссе, рядомъ съ городомъ Валдаемъ, длиною улицы протянулся древній ямъ Зимогорье, извѣстный еще во времена борьбы Москвы съ Новгородомъ. Всѣ зимогорскіе жители приписаны были къ яму и по всей Россіи извѣстны подъ именемъ „валдайскихъ ямщиковъ“, хотя и не всѣ занимались прадѣдовскимъ промысломъ ямской гоньбы. Таковъ былъ и ямщикъ Василій Великодворскій, записной старообрядецъ. Онъ не гонялъ почты, а содержалъ постоянный дворъ, въ которомъ обыкновенно останавливались его едновѣрцы, ѣздившіе въ Петербургъ изъ разныхъ губерній по торговымъ и другимъ дѣламъ. Постоялый дворъ не принесъ богатства Великодворскому, обремененному многочисленнымъ семействомъ, зато доставилъ ему и дѣтямъ его знакомство и даже дружескія связи съ сильными людьми въ старообрядствѣ. У него было шесть сыновей: знаменитый впослѣдствіи Петръ (Шавель Вѣлокриницкій), Алексѣй, два Василія, два Федора и дочь Наталья. Дѣти Великодворскаго одарены были рѣдкими способностями, особенно двое старшихъ. Научившись читать еще въ малолѣтствѣ, съ юныхъ лѣтъ они пристрастились къ чтенію старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ, которыми снабжалъ ихъ Корытовъ, зажиточный купецъ города Валдая и попечитель тамошней старообрядческой моленной.

Съ раннихъ лѣтъ старшіе сыновья Великодворскаго рѣзко различились между собой. Старшій, Петръ, мягкаго, кроткаго права, имѣлъ стремленіе къ жизни созерцательной и, начитавшись Прологовъ и другихъ сказаній о житіи святыхъ, почувствовалъ наклонность къ жизни аскетической и остался вѣренъ своему призванію. Еще ребенкомъ, бѣгая по низменнымъ берегамъ Валдайскаго озера и съ свойственнымъ раскольнику враждебнымъ чувствомъ взирая на зданія Иверскаго монастыря, воздвигнутаго патриархомъ Никономъ, Петръ Великодворскій развивалъ въ себѣ ревность не по разуму къ такъ-называемому древлему благочестію и проникался враждой къ господствующей церкви, враждой, не допускавшей ни снисхожденія ни безпристрастнаго разсужденія. Такимъ онъ остался и на всю жизнь. Судя по фотографическому портрету, святому съ него въ городѣ Черновицахъ незадолго до смерти, это былъ человѣкъ воли непреклонной и энергіи необычайной. Длинное, худощавое лицо съ прямымъ, красиво очерченнымъ носомъ, крутой лобъ, умные, пронизательные глаза подъ густыми бровями, легкая улыбка на губахъ и небольшая борода — вотъ какова была наружность этого человѣка, сдѣлавшагося едва ли не самымъ замѣчательнѣйшимъ дѣятелемъ въ рускомъ расколѣ. По отзыву всѣхъ знавшихъ его, это былъ человѣкъ обширнаго ума, живого характера, обладавшій рѣдкимъ даромъ слова и умѣній привлекать къ себѣ сердца окружающихъ *). Жизни былъ онъ самой строгой и правилъ самыхъ честныхъ. Въ его положеніи онъ могъ бы нажить огромное состояніе, но, проживъ вѣкъ свой нестяжательнымъ инокомъ, не только ничего не оставилъ по смерти, но все, чтò имѣлъ, пожертвовалъ на созданную имъ бѣлокриницкую митрополію. Ему стоило лишь захотѣть — и омофоръ тотчасъ же былъ бы у него на плечахъ; ему стоило только слово сказать — и его сдѣлали бы не только епископомъ, но даже самымъ „митрополитомъ всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“; но, уклоняясь отъ всякихъ почестей, Великодворскій умеръ простымъ монахомъ. Уваженіе, которымъ онъ пользовался у старообрядцевъ, доходило до благоговѣнія: каждое слово его считалось святымъ. Онъ былъ душой старообрядческой іерархіи: митрополиты только служили обѣдни, а дѣйствовали онъ. И пока былъ живъ Великодворскій, все держалось въ Бѣлой-Криницѣ, держалось единственно его умомъ. Какъ скоро онъ умеръ — все пошло на иной ладъ. Не оставилъ по себѣ преемника Ве-

*) Н. И. Надеждинъ, видѣвшій Павла (Петра) Великодворскаго въ 1845 году въ Бѣлой-Криницѣ, такъ выражается о немъ: «Навель—голова чрезвычайно бойкая, отличный говорунъ. большой начетчикъ, искушенный во всѣхъ тонкостяхъ раскольническаго суемудрія; отъ этого человѣка, еще молодого, лѣтъ подъ тридцать, такъ и пышетъ свѣжею, живой Москвой». О заграничныхъ раскольникахъ напечатано въ I томѣ «Сборника» В. Келісѣва, стр. 93. Но въ 1845 году Павлу было около тридцати пяти лѣтъ. Моложавое лицо его ввело въ заблужденіе покойнаго Надеждина.

ликодворскій, и старообрядческая іерархія тотчасъ же по смерти его стала распадаться.

Едва старшіе Великодворскіе достигли совершеннолѣтія, отецъ ихъ умеръ, и хозяйномъ нераздѣльнымъ дома остался Петръ Васильевичъ. Онъ оказался совершенно неспособнымъ продолжать родительское дѣло. Каждый вечеръ зазывать проѣзжающихъ извозчиковъ, предлагая имъ дешевый овесъ и варево, и, перебраниваясь съ сосѣдями, каждое утро считаться съ постояльцами, торгуясь и бранясь за каждую копейку, заготовлять сѣно, овесъ и другіе принасы, приготавливать обѣды и ужины, — все это было не подъ силу Петру Великодворскому, у котораго съ юныхъ лѣтъ голова занята была совѣмъ другими думами. Къ тому же хозяйки въ домѣ не было, а безъ хозяйки держать постоялый дворъ невозможно. Вдова Великодворская вскорѣ по смерти мужа постриглась въ иночество, принявъ имя Алевтины *), сыновья были не женаты, а Наталья Васильевна въ хозяйки не годилась. Между тѣмъ рекрутскіе наборы слѣдовали одинъ за другимъ, а семья Великодворскихъ по ревизской сказкѣ состояла изъ семи душъ, стало-быть, сдача рекрута была для нея непобѣдна. Залежныхъ денегъ на покупку квитанціи не было, а Петръ, Алексѣй и братья ихъ не къ тому были готовлены, не такъ росли и воспитывались, чтобы сдѣлаться на всю жизнь солдатами. Завязанныя еще отцомъ ихъ знакомства съ богатыми старообрядцами выручили на этотъ разъ Великодворскихъ и въ то же время сблизили ихъ съ главами петербургскаго старообрядства. Разъ Сергѣй Григорьевичъ Громовъ проѣзжалъ черезъ Валдай и остановился у знакомыхъ ему Великодворскихъ. Побесѣдовавъ съ гостемъ отъ писанія, Петръ Васильевичъ рассказалъ ему про свое горе, и Громовъ тотчасъ же далъ ему денегъ на квитанцію. Чтобы заработать эти деньги, Алексѣй Великодворскій поступилъ въ услуженіе къ Громовымъ и поселился въ Петербургѣ на ихъ „Графской биржѣ“. Вслѣдъ затѣмъ Петръ Великодворскій передалъ отцовскій домъ меньшимъ братьямъ, а самъ поступилъ земскимъ въ мѣстное волостное правленіе.

Алексѣй былъ начитанъ не менѣ брата и не менѣ его преданъ расколу, но, не будучи провикнуть, какъ тотъ, духомъ аскетизма и не будучи склоненъ къ мистицизму, имѣлъ болѣе практическій взглядъ на жизнь и пошелъ по другой дорогѣ. Въ скоромъ времени его коротко узнали хозяева. Онъ понравился имъ своимъ умомъ, своею начитанностью, знаніемъ богослужебнаго устава и безпредѣльною ревностью къ древнему благочестію. Громовы стали отличать Алексѣя отъ другихъ служителей, и вскорѣ кабальный работникъ съ Графской биржи переселился въ домъ Сергѣя Григорьевича, сдѣлался его другомъ, ежедневнымъ собесѣдникомъ „госпожи дому Израилева“ и главнымъ уставщи-

*) Послѣ она жила на Рогожскомъ кладбищѣ въ обители матери Александры, съ которою потомъ и переселилась въ Бѣлую-Кривицу.

комъ Королёвской моленной. Въ его рукахъ сосредоточилась сектаторская переписка петербургской поповщины съ иногородными старообрядскими общинами. Онъ обзавелся семействомъ *), и Громы отвели ему помѣстительную квартиру на своемъ дворѣ. Тогда Алексѣй Васильевичъ меньшихъ братьевъ одного за другимъ помѣстилъ на службу къ Громынымъ. Они частью жили въ Петербургѣ, частью разъѣзжали по Новгородской и Олонецкой губерніямъ, исполняя порученія хозяевъ. Только Федоръ старшій остался въ родительскомъ домѣ, но и онъ нерѣдко гостилъ у Громыныхъ въ Петербургѣ.

Петръ Великодворскій недолго служилъ земскимъ писаремъ. Не знаемъ причинъ, заставившихъ его оставить волостное правленіе; почитатели памяти его говорятъ, что дѣятельность земскаго не удовлетворяла Петра Васильевича, что ему хотѣлось болѣе обширнаго поприща дѣятельности. Мистицизмъ и аскетизмъ, которыми онъ былъ проникнутъ съ юности, не могли примирить его съ обязанностями писаря. Оставивъ эту должность, онъ часто и подолгу гостилъ у брата въ Петербургѣ, короче познакомился съ Громыными и въ ихъ домѣ завелъ обширныя связи съ старообрядцами разныхъ мѣстностей, особенно съ стародубскими и вѣтковскими.

Въ русскомъ народѣ ходитъ много сказаній о кладахъ, зарытыхъ въ старыя годы разбойниками или спрятанныхъ во время непріятельскихъ нашествій. Мѣста закопанныхъ сокровищъ народная фантазія окружила различными сверхъестественными существами, оберегающими древнія драгоценности. Въ рѣдкой мѣстности не ходилъ слухъ о такихъ кладахъ. Есть даже рукописныя тетрадки, въ которыхъ описываются мѣстности каждаго клада, условія, при которыхъ можно имъ воспользоваться, и даже тѣ страхи и наводненія нечистой силы, которые однако можно побѣдить извѣстными словами и обрядами. Петру Великодворскому сдѣлалось извѣстно одно изъ такихъ мѣстонахожденій дорогого клада. Отъ кого-то онъ узналъ, будто въ погребу усадьбы одного помѣщика хранится въ старину закопанный кладъ: золото, серебро, жемчугъ и камни самоцвѣтные, иконы старинныя, чудотворныя, разная утварь церковная древнихъ лѣтъ. Разгорѣлось воображеніе Петра Великодворскаго при извѣстїи о такихъ сокровищахъ, дорогихъ не столько по цѣнности металла и камней, сколько по древности, ибо досужая молва говорила, будто бы святынь, зарытой въ погребу, будетъ не менѣе тысячи лѣтъ... Но какъ достать такой кладъ? Какъ придти въ помѣщичью усадьбу съ заступами и начать копать погребъ?

Вполнѣ увѣренный въ дѣйствительности клада, Великодворскій подыскалъ товарищей и съ ними отправился въ Петербургъ, чтобы просить самого государя о дозволеніи вырыть кладъ изъ помѣщичьего погреба.

*) Жену его звали Арпной Ивановной, у него была дочь Александра.

Онуфрій, епископъ браиловскій и намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита (нынѣ единовѣрческій инокъ), коротко знавшій Великодворскаго, прожившій съ нимъ въ любви и совѣтъ болѣе пятнадцати лѣтъ, пользовавшійся полною его довѣренностью, такъ рассказываетъ со словъ его объ этомъ дѣлѣ: „Петръ Васильевичъ валдайскій съ товарищами подавалъ прошеніе императору, чтобы было дозволено имъ кладъ у одного помѣщика на помѣстьѣ въ погребу вынуть: золото и серебро, иконы старинныя и чудотворныя сохраняются. Полиція (петербургская), слѣдившая за подавателями прошенія, ихъ похватала. Они отъ просьбы отреклись на допросахъ“ *). Тогда, какъ Великодворскій былъ въ Петербургѣ по этому дѣлу, ему привидѣлся странный сонъ. Видѣлъ онъ, что стоитъ передъ нимъ Николай Чудотворецъ въ голубой фелони съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ. Отставивъ въ сторону правую руку, святитель благословилъ спящаго и сказалъ: „все есть, какъ меня видишь“. Сонъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Петра Васильевича. Онъ рассказалъ его близкимъ, и тѣ рѣшили, что сновидѣніе предвѣщаетъ счастливый исходъ дѣла о кладѣ. Когда же кладъ не достался, Великодворскій сталъ объяснять свой сонъ предвѣстіемъ какого-то важнаго дѣла, которое ему суждено совершить. Впослѣдствіи, когда онъ всецѣло преданъ устроенію заграничной митрополіи, онъ всегда держалъ въ памяти странное сновидѣніе и непонятную фразу, имъ слышанную, безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣря въ успѣхъ начатаго предпріятія, для большинства казавшагося несбыточнымъ. Когда же достигъ онъ цѣли, написалъ „Сказаніе о явленіи святителя Николая“ и, сообразно съ сновидѣніемъ, заказалъ въ Россіи мѣстную икону Николая Чудотворца, въ ростъ человѣческой, въ голубой ризѣ, съ евангеліемъ и съ отставленною въ сторону благословляющею рукою. Эта икона поставлена имъ въ Вѣлой-Криницѣ, въ большой монастырской церкви, у сѣверныхъ дверей на лѣвой сторонѣ **). Липоване очень уважаютъ эту икону.

Сонъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Петра Великодворскаго. Съ дѣтства склонный къ мистицизму, самую мысль о случайности сновидѣнія почиталъ онъ за грѣховную и всеми силами

*) Записка Онуфрія: «Объ основаніи бѣлокриницкой іерархіи и о митрополитѣ Амвросіи», написанная въ 1866 году.

**) Онуфрій въ запискѣ «Объ основаніи бѣлокриницкой митрополіи» говоритъ: «Проживши въ С.-Петербургѣ по дѣлу клада, явился ему Никола Чудотворецъ въ ризѣ голубой, въ лѣвой рукѣ евангеліе, а правой, отставивши отъ себя руку, благословляетъ его спящаго. Никола Чудотворецъ, какъ явился и благословивши, сказалъ ему, что *все есть, какъ меня видишь*. Къ чему это слово? Еще искать епископа не было начато, а дѣло о кладѣ шло, и онъ явился ему. Послѣ онъ это явленіе описалъ, и икону написалъ въ ростъ человѣка, и икона эта привезена въ бѣлокриницкій монастырь, поставлена въ церкви на лѣвой сторонѣ у западныхъ дверей, и теперь всемъ зрима».

души вѣрилъ. что оно предвѣщаетъ ему нѣчто особенное, предрекаетъ совершеніе великихъ дѣлъ, къ исполненію которыхъ онъ предназначенъ судьбою. Утвердившись въ этой мысли, онъ рѣшился оставить міръ и принять иночество, къ которому давно имѣлъ стремленіе. Оставивъ гостепріимный домъ Громова, Петръ Васильевичъ уѣхалъ изъ Петербурга, недолго пробылъ на родинѣ и отправился въ Стародубье. Здѣсь, переходя изъ монастыря въ монастырь и присматриваясь къ жизни иноковъ, не нашелъ обители, которая хотя бы сколько-нибудь соответствовала составленному имъ понятію о монашествѣ. Распущенность нравовъ въ Стародубѣ поразила молодого аскета, и онъ бѣжалъ въ предѣлы вѣтковскіе. Здѣсь, въ пустынномъ монастырѣ Лаврентьевѣ, Петръ Великодворскій поступилъ послушникомъ къ иноку Аркадію (Шапошникову), впоследствии лаврентьевскому игумену, а затѣмъ епископу славскому. Петръ Васильевичъ жилъ при немъ немало времени, занимаясь изученіемъ старыхъ книгъ и пребывая въ жизни созерцательной.

Кромѣ братьевъ Великодворскихъ, еще нѣсколько человекъ жило у Громовыхъ въ качествѣ приказчиковъ, не занимаясь коммерческими дѣлами, но служа въ Королѣвской моленной. Изъ петербургской городской думы получали они приказчикинъ свидѣтельства съ тою лишь цѣлью, чтобы не быть въ числѣ людей, проживающихъ въ столицѣ безъ опредѣленныхъ занятій, и тѣмъ не обратить на себя вниманія полиціи. Не только дьячки, уставщики, пѣвцы и другіе причетники Королѣвской моленной, но и значительная часть богадѣленныхъ стариковъ, проживавшихъ при ней, также значились официально громовскими приказчиками и служителями. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательнъ былъ землякъ Великодворскихъ, валдаецъ родомъ, Игнатій Еремеевичъ Чистяковъ, человекъ ловкій и большой мастеръ сманивать въ расколъ православныхъ священниковъ и іеромонаховъ. Нѣкоторое время жилъ у Громовыхъ мѣщанинъ посада Крылова *), Звѣревъ, человекъ ловкій, бойкій и чрезвычайно энергическій. Онъ не былъ большимъ начетчикомъ, не былъ знакоомъ уставовъ старообрядства, но за древнее благочестіе готовъ былъ въ огонь и въ воду. Этотъ пылкій молодой человекъ энергіею едва ли не превосходилъ самого Петра Великодворскаго, уступая ему во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. За старую вѣру онъ готовъ былъ сложить голову, и немало бывало съ нимъ хлопотъ у Громовыхъ. Нерѣдко, особенно, какъ, бывало, попадетъ ему въ голову, Звѣревъ начиналъ при постороннихъ ругаться надъ православною церковью и собираться идти въ синодъ для обличенія его членовъ въ мнимой неправотѣ господствующей церкви. Громовы сочли опаснымъ держать при себѣ такого безпокойнаго человека и постарались подъ благовиднымъ предлогомъ выпроводить Звѣрева изъ Петербурга. Впоследствии

*) Полтавской губерніи, на правомъ берегу Днѣпра, противъ города Кременчуга.

стві, принявъ монашество, съ именемъ Алимнія, и перемѣнивъ за границей фамилію Звѣрева на Милорадова, онъ приобрѣлъ громадную извѣстность въ старообрядствѣ.

Монахи и монахини, пріѣзжавшіе въ Петербургъ изъ разныхъ скитовъ и монастырей за сборами, обыкновенно привитали въ страннопріимныхъ покояхъ при Королѣвской моленной, кромѣ взысканныхъ особыми милостями и расположеніемъ Громовыхъ, Дрябиныхъ или Каретника. Такіе счастливыцѣ останавливались въ ихъ домахъ. Всѣ они, по возможности, исправляли при моленной чередовую службу. Изъ скитовъ керженскихъ, пермскихъ, уральскихъ и иргизскихъ мало пріѣзжало въ Петербургъ *), эти держались больше Москвы. Съ петербургскою поповщинскою общиною въ настоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ находились преимущественно черниговскіе, вѣтковскіе, кіевскіе и бессарабскіе монастыри. Такимъ образомъ старообрядскія общины обѣихъ столицъ какъ бы раздѣлили между собой Россію. Къ Рогожскимъ тянула восточная часть, къ Королѣвскимъ западная. Казаки линейные и донскіе тянули однако больше къ Королѣвскимъ, что зависѣло отъ постояннаго пребыванія въ Петербургѣ чередовавшихся командъ, входившихъ въ составъ собственного его величества конвоя и состоявшихъ въ то время поголовно изъ раскольниковъ.

Когда на Рогожскомъ происходили совѣщанія по случаю оскуднѣнія священства и Авоній Кузьмичъ призывалъ русское старообрядство къ основанію независимой іерархіи, изъ Бессарабіи ѣхалъ въ Петербургъ молодой инокъ Геронцій, только-что избранный настоятель Серковскаго старообрядскаго монастыря **). Этотъ человекъ замѣчательнъ въ исторіи русскаго старообрядства не менѣ Петра Великодворскаго. Помѣщичій крестьянинъ Серпуховскаго уѣзда, сельца Ермолова ***), Герасимъ

*) Изъ шестидесяти обителей, находившихся въ шестнадцати керженскихъ и чернораменскихъ скитахъ, лишь изъ Манеонной обители Комаровскаго скита племянница игуменьи Маргариты, Мавра Гавриловна Иванова, да изъ обители Андрониковыхъ Оленевскаго скита инокиня Звѣнислава ѣзжали ежегодно въ Петербургъ и находились въ сношеніяхъ съ Громовыми и Дрябиными. Мавра Гавриловна, дѣвушка въ сороковыхъ годахъ еще молодая, какъ не постриженная, одѣвалась въ Петербургѣ по послѣдней модѣ и привозила въ Комаровъ сундукъ съ платьями и шляпками, чтобы хоть полюбоваться на нихъ, вспоминаячъ развеселое петербургское житье-бытье.

**) Серковскій или Сырковскій старообрядческій мужской монастырь былъ основанъ бѣжавшими изъ Россіи раскольниками еще до присоединенія Бессарабіи къ Россійской имперіи. Находился онъ подлѣ селенія Серкова или Сыркова въ Оргѣвскомъ цинутѣ (уѣздѣ), на землѣ, принадлежащей Авонской горѣ. Когда эта страна входила еще въ составъ Молдавіи, аѣонскіе отцы уступили подѣ раскольниковъ монастырь принадлежавшій имъ участокъ земли за извѣстную годовую плату. Серковскій монастырь закрытъ въ 1845 году по распоряженію правительства.

***) Ермодово, принадлежавшее г-жѣ Нащокиной, а отъ нея по наследству доставшееся ея дочери, г-жѣ Окуловой, лежитъ въ 22 верстахъ отъ

Исаевичъ Колпаковъ съ рожденія (1803 г.) находился въ расколѣ повидинскаго согласія и, по собственному его сознанію, съ дѣтства получилъ стремленіе къ иноческой жизни. Выучившись читать, онъ предался чтенію и изученію уважаемыхъ старообрядцами книгъ. Одаренный отъ природы рѣдкими способностями ума, еще въ отроческихъ лѣтахъ онъ обратилъ на себя вниманіе окрестныхъ ревнителей раскола, не безъ основанія ожидавшихъ, что изъ Герасима выйдетъ замѣчательный дѣятель по дѣламъ ихъ вѣры. Жизнь барщиннаго крестьянина немного лестнаго сулила ему въ будущемъ; притомъ семья, къ которой принадлежалъ онъ, состояла изъ четырехъ душъ; онъ былъ младшій братъ и притомъ холостой *), стало-быть, ему грозила участь, вмѣсто иноческой камилавки, носить солдатскую шапку. Деятнадцати лѣтъ Герасимъ женился на однодеревенской дѣвушкѣ Степанидѣ, по чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака ушелъ изъ Ермолова съ годовымъ паспортомъ и болѣе туда не возвращался. Этотъ побѣгъ былъ въ 1822 году. Замѣчательно, что въ одинъ годъ (1803) родившіеся, въ одинъ годъ (1822) и бѣжали ради аскетическихъ подвиговъ: Кочуевъ изъ Горбатова отъ родителей, а Колпаковъ изъ Ермолова отъ беременной жены. Это были люди, которымъ впослѣдствіи суждено было сдѣлаться главными дѣятелями при устройствѣ бѣлокриницкой митрополіи.

Тогда всѣ бѣглые великоруссы, особенно помѣщичьи крестьяне, стремились въ Новоросію. Тѣ изъ нихъ, которые держались старообрядства, уходили преимущественно на берега Днѣстра, гдѣ заселили слободы, бывшія дотолѣ весьма незначительными, какъ, напримѣръ, нынѣшній городъ Маяки, Плоское, Куничное (Куница), Грубно, Кулишовку и другія. Герасимъ Колпаковъ пошелъ протореннымъ путемъ въ эту

Серпухова, направо отъ рѣчки Лопасни, при прудахъ и ключѣ, называемомъ «Ольхово болото». Теперь въ немъ 30 дворовъ, 108 мужского и 135 женскаго пола душъ. «Списокъ населенныхъ мѣстностей Московской губерніи», № 5495.

*) Въ ревизской сказкѣ 6-й народной переписи 1811 года по селу Ермолову, помѣщицы Нащокиной, подъ № 4, записана семья крестьянина Исаи Иванова Колпакова, умершаго въ 1803 году, на 42 году отъ роду. Она состояла изъ вдовы его Татьяны Прохоровой и сыновей: Ивана, сданнаго въ рекруты въ 1797 году, Егора, Андрея, Тихона и новорожденнаго послѣ 5-й ревизіи Герасима. Онъ родился въ годъ смерти своего отца. Въ ревизской сказкѣ 8-й народной переписи (1834 года), подъ № 9, показаны: въ бѣгахъ Герасимъ Исаевъ съ 1823 года (съ 1822 по 1823 онъ ходилъ съ наспортомъ); его мать Татьяна Прохорова и братъ Тихонъ съ женой Авдотьей, съ тремя малолѣтними сыновьями и двумя малолѣтними же дочерьми, въ бѣгахъ съ 1827 года; его жена Степанида и дочь Наталья въ бѣгахъ съ 1831 года. Изъ ревизскихъ сказокъ 6-й, 7-й и 8-й народныхъ переписей видно, что до 1816 года пзъ сельца Ермолова побѣговъ никогда не было, а между 7-ю и 8-ю ревизіями изъ 120 человекъ мужского пола бѣжало 14, т.е. одна девятая часть, изъ 141 женщины 8,—все раскольники. Изъ семьи Колпакова съ 1822 по 1831 г. бѣжало 5 мужчинъ и 6 женщинъ, а осталось 5 человекъ обоего пола.

сторону и въ 1823 году, поселясь въ Серковскомъ монастырѣ, приписался къ нему, вѣроятно, по фальшивому паспорту, и платилъ податной окладъ *). Здѣсь онъ принялъ малое постриженіе и получилъ имя Нектарія **). Жившіе въ Бессарабіи старообрядцы имѣли постоянно сношенія съ своими единоплеменными единовѣрцами-липованами, поселеными въ сопредѣльныхъ Вуковинѣ, Молдавіи и Турціи. Братія Серковского монастыря нерѣдко посѣщала молдавскіе монастыри и липованъ, населявшихъ четыре слободы въ Вуковинѣ. Ходить за границу Колпаковъ началъ, вѣроятно, съ 1826 года ***).

Въ 1830 году, въ послѣднихъ числахъ августа, старообрядскіе иноки Нектарій и Ефремъ съ австрійскими паспортами перешли черезъ границу въ Волинскую губернію. Императоръ Николай Павловичъ, рассматривая вѣдомость волинскаго губернатора объ иностранцахъ, прибывшихъ изъ-за границы, замѣтилъ имена Никитарія (?) и Ефрема и повелѣлъ на будущее время не впускать подобныхъ иностранцевъ въ предѣлы русскаго государства °). Едва ли этотъ Никитарій не былъ Колпаковъ. Въ началѣ 1831 года онъ находился въ Серковѣ °°) и въ Куреневскомъ старообрядскомъ монастырѣ °°°), гдѣ съ 1827 или 1828 года жила его мать, принявшая также постриженіе. Около того же времени Нектарій принялъ постриженіе въ великій образъ, при чемъ получилъ имя Геронтія.

Двадцативосьмилѣтній Геронтій, со сборною книжкой Серковского монастыря, отправился въ 1831 году въ Петербургъ къ Королѣвскимъ благодѣтелямъ. Вѣроятно, завернулъ онъ по дорогѣ въ родное Ермолово, увидѣлъ покинутую жену и еще не знавшую отцовскихъ ласкъ девятилѣтнюю дочь... Когда Геронтій направлялъ путь изъ Москвы къ Петер-

*) Показаніе Геронтія, данное въ Петропавловской крѣпости черезъ десять съ половиною лѣтъ по заключеніи, 22-го ноября 1857 года. Въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1858 г., № 34.

**) Показаніе Геронтія, данное въ 1842 году дѣйствительному статскому совѣтнику Липранди, находящемуся въ «Дѣлѣ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ» 1847 г., № 39. Тогда Геронтій говорилъ, будто онъ уроженецъ бѣлокриницкій и постриженъ былъ 19 лѣтъ отъ роду въ малый образъ, съ именемъ Нектарія, іеромонахомъ Симеономъ, а въ 1839 г. въ большой образъ, съ именемъ Геронтія, іеромонахомъ Иринеємъ. Въ 1857 году въ Петропавловской крѣпости коменданту ся сказалъ, что постриженъ въ Сырковѣ, но про имя Нектарія умолчалъ.

***) Въ показаніи, данномъ въ 1857 г., онъ говоритъ, что жилъ постоянно въ Серковѣ до 1826 года.

°) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 122.

°°) Подольской губерніи, близъ Ольгополя. Тамъ мужской и женскій монастыри, основанные еще въ то время, какъ Подолія была подъ властью польскихъ королей. Замѣчательно, что Куреневскій раскольничій монастырь владѣлъ крестьянами до самаго манифеста 18-го февраля 1861 года (см. А. Г. Тройницкаго, «Крѣпостное населеніе въ Россіи»).

°°°) Въ городѣ Черкасахъ, Киевской губерніи, въ тамошнемъ раскольничьемъ женскомъ монастырѣ.

бургу, его жена Степанида съ девятилѣтней дочерью бѣжали изъ Ермолова... Впослѣдствіи обѣ онѣ жили въ Черкасскомъ монастырѣ, гдѣ Пелагея Герасимова воспитывалась подъ надзоромъ и попеченіемъ ма-тушки игуменьи Манеѣы.

Геронтій, по словамъ покойнаго Надеждина, лично его знававшего, былъ человѣкъ безъ образованія, но удивительно ловкій, распорядительный и большой краснорѣчивъ *). По отзывамъ близко знавшихъ его старообрядцевъ, онъ былъ хорошимъ начетчикомъ, но мало разумѣлъ силу писанія. Зато былъ отличнымъ хозяиномъ и домостроителемъ и въ качествѣ монастырскаго настоятеля былъ человѣкъ незамѣнимый. Предпримчивость Геронтія не знала никакихъ препятствій: дѣйствуя съ неустанною энергіей, онъ всегда съ успѣхомъ выходилъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Жизни былъ строгой и велъ себя прилично, съ достоинствомъ. Въ Петербургѣ Геронтій былъ замѣченъ Сергѣемъ Грозовымъ, и тотъ приблизилъ къ себѣ серковскаго сборщика. Весной 1832 года, когда московскіе послы пріѣхали въ Петербургъ, Геронтій жилъ у Громова, проводя дни и ночи въ задушевныхъ бесѣдахъ съ Алексѣемъ Васильевичемъ Великодворскимъ.

III.

Рогожскіе послы въ Петербургѣ.

Рогожскій соборъ кончился въ январѣ 1832 года, но назначенные имъ для переговоровъ съ Королевскими послы отправились въ Петербургъ не ранѣе конца мая. Промедленіе произошло вслѣдствіе несогласій, снова возникшихъ между партіями Рахмановскою и Царскаго. Мы видѣли, что это несогласіе проявилось еще на самомъ соборѣ, но было тотчасъ же прекращено благодаря ловкости Кочуева. Но какъ скоро развѣхались изъ Москвы иногородные депутаты, несогласія возникли вновь и съ большею силой. Рогожскіе попы, за исключеніемъ Ястребова, сильно противились исканію архіерейства, не желая разстаться съ независимостью и своевольствомъ. Пришелъ Великій постъ, и они внушали на духу, чтобы духовныя дѣти ихъ всѣчески береглись зачѣй Рахманова, говоря, что эти зачѣи могутъ быть пагубны не только для Рогожскаго кладбища, но и для всего старообрядства; Ястребовъ своимъ исповѣдникамъ внушалъ противное. Къ Пасхѣ несогласія рогожцевъ дошли до открытаго раздора. Царскій хотя и пожертвовалъ довольно значительную сумму на задуманное предпріятіе, но вскорѣ съ своею партіей сталъ настаивать, чтобы Рахмановы и ихъ единомышленники отказались отъ своей зачѣи. Найти правильнаго архіерея, который бы достоинъ былъ „возродить корень древлеправославной іерархіи“, едва ли дѣло быточ-

*) Н. И. Надеждина «О заграничныхъ раскольникахъ» напечатано въ «Сборникѣ» В. Кельсѣва, I, 93.

ное, говорили они, и во всякомъ случаѣ, найдемъ ли мы епископа, не найдемъ ли его, неизбежно возбудимъ противъ себя строгія преслѣдованія правительства, и тогда послѣдуетъ не только колючее „осудѣніе священства“, но и совершенное истребленіе старой вѣры. Въмѣсто того, чтобы пускаться въ столь опасныя предпріятія, Царскій, его партія и рогожскіе попы, кромѣ Ястребова, попрежнему стали требовать, чтобы старообрядскія общества продолжали ходатайствовать о возстановленіи правилъ 1822 года, то-есть о дозволеніи вновь принимать на убыльн мѣста бѣглыхъ отъ православной церкви священниковъ, и чтобы ничего другого не предпринимали. Партія Царскаго особенно усилилась, когда къ ней пристали Леонтіи Дмитріевичъ Мотылевъ и Иванъ Кирсановичъ Бѣловъ, попечители Рогожскаго кладбища.

Личное мнѣніе кладбищенскихъ попечителей всегда имѣло большое вліяніе на внутреннія дѣла Рогожскаго общества. Избранные этимъ обществомъ (хотя не безъ интригъ), извѣстные высшему столичному начальству, иногда даже утверждавшіеся имъ въ своемъ званіи, попечители имѣли какъ бы офціальное значеніе какихъ-то посредниковъ между старообрядскимъ обществомъ и правительственною властью. Въ случаѣ надобности они хорошо умѣли пользоваться такимъ положеніемъ своимъ для достиженія личныя цѣли или цѣли той партіи, къ которой принадлежали. Усиленная соучастіемъ попечителей, партія Царскаго взяла теперь рѣшительный верхъ. Ни богатство Рахмановыхъ, ни хитрая проповѣдь пона Ивапа Матвѣевича не могли болѣе одолѣть ее. Къ тому же получены были крайне неутѣшительныя для Кочуева и Рахмановыхъ письма отъ нѣкоторыхъ иногородныхъ денутатовъ, бывшихъ на соборѣ. Осторожно переданная ими надежнѣйшимъ старообрядцамъ мысль объ архіереѣ встрѣчена была въ нѣкоторыхъ обществахъ не только съ холодною, но даже съ враждебнымъ чувствомъ. Ревнителі „новой старины“ боялись, не будетъ ли это отступленіемъ отъ правилъ древляго благочестія, доселѣ со временъ Никона не имѣвшаго своихъ епископовъ. Самозванцы Авногенъ и Анеимъ были памяты раскольникамъ, и теперь они страшились повторенія соблазновъ, внесенныхъ этими пройдохами въ старообрядство.

Съ рѣдкимъ успѣхомъ начатое Кочуевымъ дѣло, казалось, погибало. Мечты ирпизскаго секретаря разрушались; не сбывалось ожиданія Рахмановыхъ и другихъ богачей, которымъ, не столько для устраненія собственнаго священства, сколько ради удовлетворенія личнаго честолюбія—такъ усердно желалось имѣть собственныхъ архіереевъ. Ловкій, изворотливый Авоніи и на этотъ разъ ихъ выручилъ. Онъ убѣдилъ попечителей и партію Царскаго не мѣшать по крайней мѣрѣ затѣянному предпріятію. „Будьте въ сторонѣ,—говорилъ онъ имъ:—и положитесь во всемъ на Королѣвскихъ. Пусть они руководятъ дѣломъ. Захотятъ они искать архіерея — будемъ искать, не захотятъ — забудемъ о нашемъ предположеніи и вмѣнимъ его яко не бывшее. А вы между тѣмъ пора-

дѣйте о святой церкви, устраните великую нужду, утолите духовную жажду древлеправославныхъ христіанъ, походатайствуйте у правительства о дозволѣніи попрежнему принимать отъ великороссійской церкви священниковъ“. Попечители и Царскій согласились. Кочуевъ самъ вызвался написать Мотылеву и Бѣлову записку для подачи московскому генераль-губернатору и исполнилъ обѣщаніе. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принималъ на себя ходатайство въ Петербургѣ о возстановленіи правилъ 1822 г. Такимъ образомъ Рогожское общество уступило въ этомъ дѣлѣ первое мѣсто петербургскому. Мы увидимъ, какъ впоследствии, безъ споровъ и борьбы, оно возвратило потерянное-было старѣйшинство.

Пока собиралось въ Петербургѣ рогожское посольство, Кочуевъ писалъ записку для попечителей. Федору Рахманову наскучило дожидаться. Съ Окороковымъ и Суетинымъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, приказавъ Кочуеву ѣхать вслѣдъ за нимъ, какъ только отдѣлается. Ъхать Кочуеву вѣльно было вмѣстѣ съ другимъ рогожскимъ грамотеемъ, Прокопомъ Васильевичемъ Кузнецовымъ, брильянтикомъ.

Вскорѣ записка была готова, и Мотылевъ съ Бѣловымъ подали ее князю Д. В. Голицыну 31-го мая. Вотъ это произведеніе пера Авоніева, любобытное во многихъ отношеніяхъ:

„Мы, граждане древней столицы, московскіе 1, 2 и 3-й гильдіи купцы и мѣщане, изъ числа кореннаго Россійскаго народа, нося на себѣ такое званіе на ряду съ другими исповѣданіями, свято повинujemy государственнымъ законамъ, исправляемъ по выборамъ общества гражданскія службы и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, по званію каждаго, исполняемъ обязанности повинновенія къ начальству, и во всѣхъ случаяхъ доказали вѣрность къ престолу и отечеству. По отправленію же службы Всемогущему Богу по древлепечатнымъ книгамъ, послѣ уничтоженнаго Великою Екатериною II названія „раскольника“, носимъ имя „старообрядцевъ“, до лѣтъ же московскаго патріарха Никона составляли единое, совокунное христіанское стадо, единаго пастыря и единую церковь имѣли.

„Со вступленіемъ на патріаршество Никона, при послѣдовавшемъ въ то время вновь напечатаній церковныхъ книгъ, оказались противу древлепечатныхъ немалыя разности и въ чиноположеніяхъ и обрядахъ святыя церкви. Чтѣ усмотрѣвъ тогда, предъя наши, по чувству ихъ совѣсти и душевнаго страха, усомнились и не пожелали принять въ обрядѣ никакихъ измѣненій, тѣмъ паче, что содержавшіе тѣ самыя обряды и отправлявшіе богослуженіе и всѣ тайны по древлепечатнымъ священнымъ книгамъ: благочестивіи Россійскіе цари, боголюбивіи великіе князья и святители, яко то: святыи Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ московскіе и преподобный Сергій и прочіе многіе Россійскіе чудотворцы, святостію житія просіявшии и негдѣніемъ и чудесы прославленіе отъ Бога. А потому, желая неизмѣнно во всемъ бытъ послѣдователями таковыхъ, святостію прославленныхъ отъ Бога мужей, по апостольскому

гласу, завѣщающему „помянуть наставники, взирать на скончаніе жительствова и подражать вѣрѣ ихъ“, остались при старыхъ чиноположеніяхъ и обрядахъ святаго церкви. Но чрезъ таковое непріятіе новопечатныхъ книгъ послѣдовало тогда отъ духовныхъ властей стѣсненіе. То дабы не сдѣлать насилія совѣсти, измѣненіемъ древнихъ преданій, и соблюсти оную непорочно предъ Богомъ, многіе изъ предковъ нашихъ рѣшились нѣкогда, оставя любезное отечество и съ нимъ все общественныя выгоды, удалиться—одни за границы польскія, другіе въ сибирскія, необитаемыя тогда пустыни и степи, и заселясь тамъ, имѣли съ собою священниковъ, съ ними удалившихся, и, до лѣтъ облегченія участи ихъ, отправляли службу Божію и христіанскія таинства въ тайнѣ. Премудрая великая государыня, императрица Екатерина II, удостовѣрясь въ утѣснительномъ положеніи и охотномъ снесеніи всехъ бѣдствій, къ пресѣченію оныхъ, изъ единого своего соболѣзнованія, всемілостивѣйшимъ манифестомъ 1762 года, декабря 4-го и указомъ правительствующаго сената того-жъ года, декабря 14-го, даровала отлучившимся за границу всепрощеніе, позволила селиться въ Саратовской, Черниговской и прочихъ губерніяхъ и повелѣла съ записныхъ старообрядцевъ сложить двойной окладъ, манифестомъ 17-го марта 1775 года 17-мъ пунктомъ, запрещеніе на вступленіе въ бракъ безъ позволенія мѣстнаго начальства разрѣшила, а денежныя пошлины съ женищихся тайно, не у церкви, отмѣнила. И объявлена полная свобода въ Россіи всехъ вѣроисповѣданій отправлять богослуженіе по чину и исповѣданію праотцевъ своихъ.

„Такимъ высокомонаршимъ милосердіемъ оживленные старообрядцы, разбѣянные за границы чужеземныхъ государствъ, съ восторгомъ спѣшили возвратиться въ любезное свое отечество, и казалось, что дарованною свободою они изъ мертвыхъ воскресли, или перешли въ новую жизнь. Съ того времени старообрядцами во многихъ городахъ, а нанпаче въ Черниговской, Могилевской губерніяхъ, Стародубовскихъ слободахъ и въ Саратовской губерніи, по рѣкѣ Иргизу, на отведенныхъ отъ правительства мѣстахъ, воздвигнуты многіе монастыри, церкви и молитвенныя храмы, между прочимъ, и мы, первопрестольнаго града жители, московскаго сословія старообрядцы, на отведенномъ отъ правительства предкамъ нашимъ въ 1771 году за Рогожскою заставою кладбищѣ, убождаясь духомъ челоуѣколюбія и страданія къ бѣднымъ, устроили каменные и деревянные богадѣльни, въ которыхъ нынѣ содержится на общемъ иждивеніи прихожанъ (доброхотнымъ подаяніемъ) обоего пола престарѣлыхъ и увѣчныхъ до 1000 душъ, кромѣ подкидышаемыхъ и воспитывающихся младенцевъ. При ономъ же богадѣльномъ домѣ три каменные молитвенныя храма имѣются, при которыхъ съ давнихъ лѣтъ, въ полотняной церкви Рождества Спасителя міра, по временамъ отправлялось служеніе божественной литургіи. Но въ 1823 г. отправленіе оной отъ правительства, неизвѣстно намъ почему, воспрещено; въ молитвенныхъ же храмахъ, находящихся у насъ по высочайшей волѣ,

священниками и дьяконами служба Божія и таинства по древлепечатнымъ книгамъ Вседержителю Богу и понынѣ отправляются. Священники таковые, рукополагаемые въ великороссійской церкви, сначала принимаемы были старообрядцами тайно, и тѣ только, которые, по вѣрѣ и внушенію совѣсти ихъ, пожелають быть съ нами во единомысліи и отправлять богослуженіе и таинства по древлепечатнымъ книгамъ и чиноположеніямъ святаго церкви. Но по мѣрамъ, тогда принимаемымъ со стороны мѣстныхъ начальствъ для пресѣдованія таковыхъ священниковъ, они не имѣли нигдѣ постоянного себѣ жительства, а, переходя изъ мѣста въ мѣсто, изъ одной губерніи въ другую и назирая свою паству, скрытно отправляли у старообрядцевъ богослуженіе и нужнѣйшія христіанскія таинства и требы, отчего происходили немалыя затрудненія въ отправленіи христіанскихъ требъ и таинствъ неудобства. Даже самое правительство и мѣстные начальства не могли знать, гдѣ, сколько и какіе находятся священники, и не имѣли точнаго свѣдѣнія о числѣ родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся старообрядческаго сословія, отчего въ отправленіи подушныхъ податей, рекрутской повинности и даже въ самихъ присутственныхъ мѣстахъ по разнымъ предметамъ, касательно старообрядцевъ, происходили немалыя затрудненія и недоумѣнія. Такимъ образомъ, со времени облегченія Великою Екатериною II участи старообрядцевъ, при всеобщемъ духѣ вѣротерпѣнія, издревле отличающемъ Россію, хотя и получили они полную свободу въ отправленіи своего богослуженія, но изъясненныя выше сего затрудненія, отъ неимѣнія положительныхъ правилъ происходящія, вполнѣ не прекратились.

„Принявъ бразды правленія, вѣчно достойный славы, государь императоръ Александръ I (кромѣ милостей изъ царственныхъ устъ его, старообрядцы ничего касающагося до совѣсти ихъ не слышали), по вступившимъ отъ нѣкоторыхъ губернскихъ начальствъ донесеній, относящихся до тѣхъ старообрядцевъ и священниковъ ихъ, всеобъемлющій духъ сего незабвеннаго монарха, въ указѣ 1803 года 21-го февраля начерталь, что правило, принятое его величествомъ, состоитъ въ томъ, чтобы, не дѣлая насилія совѣсти и не входя въ разысканіе внутренняго исповѣданія вѣры, строго воспрещать соблазны, не въ видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочнія и порядка, а въ указѣ 1816 г. 9-го декабря, данномъ на имя херсонскаго гражданскаго губернатора, о переселеніи духоворцевъ, изрекъ сіи достойныя памяти слова: „что не о переселеніи ихъ помышлять надлежитъ, но объ огражденіи скорѣе сихъ самыхъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній, за разномысліе въ видѣ спасенія и совѣсти, по коему принужденіе ни стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ“.

„Руководимый таковыми высокими правилами, усмотрѣвъ бдительнымъ прозорливымъ своимъ окомъ изъ выше упомянутыхъ донесеній нѣкоторыя стѣсненія по дѣламъ старообрядцевъ, отъ неустройства про-

псходящія, и желая тишины и спокойствія всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ, всемилостивѣйше благоволилъ для единообразнаго къ общему всѣхъ старообрядцевъ руководству даровать высочайше изложенныя въ 26-й день марта 1822 года правила, каковыя, по восшествіи на прародительскій престолъ, нынѣ благополучно царствующій государь императоръ Николай Павловичъ, изъявляя то же желаніе полного счастья всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ, соизволилъ оныя высочайшимъ указомъ въ 15-й день сентября 1826 года утвердить, которымъ всѣ, прежде построенныя и существующія церкви, молитвенные храмы и часовни повелѣно оставить въ настоящемъ ихъ положеніи, не дѣлая притѣсненій, и самый порядокъ перехода къ намъ священниковъ и дьяконовъ, существующій у старообрядцевъ болѣе полутора столѣтій, получилъ установленную форму, которымъ позволено жить при старообрядческихъ церквахъ, молитвенныхъ домахъ и часовняхъ, отправлять богослуженіе и таинства по старопечатнымъ книгамъ и вести для порядка метрики. Сямъ прекратились бывшія до того неустройства и возстановлень благоустроенный законный порядокъ, правительству извѣстно стало число старообрядцевъ и священниковъ, у нихъ находящихся, и самая дѣла по присутственнымъ мѣстамъ, касательно старообрядцевъ, получили правильный ходъ и законное теченіе. Успокоенные сямъ старообрядцы, благословляя милосердіе вѣнценосца, изливали теплѣйшія моленія къ Царю царей о здравіи и долгоденствіи его императорскаго величества и всего августѣйшаго дома.

„Такимъ образомъ, на основаніи выше изложенныхъ и высочайше утвержденныхъ правилъ, и были вездѣ принимаемы старообрядцами приходящіе къ нимъ, по внутреннему убѣжденію совѣсти, ихъ священники и дьяконы, каковыхъ у насъ въ Москвѣ, при Рогожскомъ кладбищѣ, находилось девять священниковъ и два дьякона, что и продолжалось до 1827 года. Но въ семъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, объявлена была намъ отъ мѣстнаго начальства высочайшая воля, состоящая въ томъ, чтобъ означенныхъ священниковъ и дьяконовъ оставить у насъ въ покоѣ, а сверхъ сихъ вновь болѣе уже не принимать. Но какъ въ послѣдствіи времени, смертію и по другимъ обстоятельствамъ *), означенное число священниковъ уменьшилось до пяти, каковое количество, по числу многочисленности прихожанъ Рогожскаго въ Москвѣ кладбища (коихъ какъ въ столицѣ, такъ и въ губерніи ея можетъ оказаться до 50,000 **), весьма недостаточно, такъ что и нынѣ уже въ самой столицѣ нужнѣйшія христіанскія требы и таинства исправляемы бывають съ большимъ затрудненіемъ; а колыми паче въ уѣздѣ и губерніи ея, гдѣ издавна построенные молитвенные храмы, въ которыхъ всегда находящимся при оныхъ священниками, какъ-то: Бронницкаго и Богородскаго

*) То-есть за переходомъ нѣкоторыхъ священниковъ въ православіе.

**) Официальная цифра, нѣсколько даже уменьшенная.

уѣздовъ въ деревняхъ: Чулковой, Слободищахъ и прочихъ, отправлялись богослуженія, христіанскія требы и таинства, но пниѣ, по немѣнѣ священниковъ, остаются впустѣ, и даже въ нѣкоторыхъ воспрещено старообрядцамъ собираться для общаго молитвословія, почему живущіе тамъ старообрядцы лишаются: умирающіе — христіанскаго напутствованія, умершіе — должнаго погребенія, а младенцы — святаго крещенія.

„Видя такое бѣдственное положеніе въ дѣлѣ спасенія души и обращаясь къ самимъ себѣ, съ горестью помышляемъ, что во времени благоустроенный вышеупомянутыми, высочайше утвержденными мудрыми правилами, законный порядокъ перехода къ намъ священниковъ неминуемо обратится на прежде бывшее неустройство, тѣмъ болѣе, какъ невозможно намъ быть безъ священства, отъ котораго, по вѣрѣ нашей, чрезъ совершаемыя имъ таинства, получаемъ мы освященіе, то нѣкоторые изъ старообрядцевъ по необходимости найдутся имѣть у себя не явное священство, а почему и должно для нихъ послѣдовать отъ мѣстныхъ начальствъ преслѣдованіе, а по присутственнымъ мѣстамъ въ дѣлахъ, касательно старообрядцевъ, паки прежде бывшія затрудненія и недоумѣнія, и самое правительство не будетъ имѣть о числѣ родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся старообрядцевъ и находящихся у нихъ священниковъ точнаго свѣдѣнія. Какая отъ сего неустройства произойти можетъ польза, разсуждать не осмѣливаемся.

„Находясь въ столь прискорбномъ для души настоящемъ положеніи и опасаясь будущихъ послѣдствій, возымѣли мы смѣлость въ 1827 г. повергнуть къ стопамъ великаго государя императора всеподданническое прошеніе, въ коемъ, объясняя угнетающія насъ обстоятельства, умоляли его благость о дозволеніи намъ попрежнему, на основаніи вышеупомянутыхъ, высочайше дарованныхъ намъ правилъ, принимать приходящихъ къ намъ священниковъ и дьяконовъ, въ чемъ питая несомнѣнную надежду на милосердіе и великодушіе августѣйшаго монарха нашего, ожидаемъ его милостиваго снисхожденія. Но между тѣмъ крайне стѣсняемся мы въ вышеозначенныхъ обстоятельствахъ почему въ 1831 году подали на имя министра внутреннихъ дѣлъ, г. Новосильцева, прошеніе о принятіи вновь на убылое мѣсто уволеннаго отъ своего начальства заштатнаго священника владимірской епархіи, села Рясницъ, Ивана Петрова Сергіевскаго *), изъявившаго добровольное согласіе имѣть жителство при московскомъ старообрядческомъ нашемъ Рогожекомъ кладбищѣ и отправлять богослуженіе и христіанскія таинства по древлепечатнымъ книгамъ. Вслѣдствіе такового прошенія послѣдовало на оное высочайшее повелѣніе: взять отъ насъ объяснительное показаніе касательно просимаго нами священника, желаемъ ли мы принять онаго какъ правильно уволеннаго духовнымъ начальствомъ, на правлахъ едино-

*) Рясницы, или Рясницыно, казенное село Александровскаго уѣзда, въ 116 верстахъ отъ уѣзднаго города. Повъ Сергіевскій находился тайно при часовнѣ въ городѣ Вереѣ.

вѣрческихъ церквей, на что, по чувствамъ нашей совѣсти, объявили мы, въ данномъ 1831 г., въ іюлѣ мѣсяцѣ, вашему сіятельству объясненіи, что на правилахъ единовѣрческихъ церквей принять означеннаго священника Сергіевскаго мы не желаемъ, и впродъ принимать на таковыхъ правилахъ священниковъ, по совѣсти нашей, изъявить согласія не можемъ, потому болѣе, что несомвѣтнымъ съ совѣстію почитаемъ имѣть пастыря не единомысленна съ нами, посліку таковой не по вѣрѣ и усердію его къ святочтимымъ нами древнимъ обрядамъ и чиноположеніямъ святаго церкви, внушеннымъ совѣстію, отправлять будетъ богослуженіе и христіанскія таинства, по древлепечатнымъ книгамъ, а токмо по волѣ и по предписанію духовнаго его начальства, безъ сердечнаго къ тому расположенія и душевнаго чувства, на которое призываетъ благость Божія, а потому и сомнѣваемся противу совѣсти нашей принять и ввѣрить такому нелицемѣрно дѣлу душевнаго спасенія нашего, въ которомъ праведно судящему Богу, Создателю душъ нашихъ, дать отвѣтъ почитаемъ себя обязанными.

„Объяснивъ такимъ образомъ выше сего причины, подвергнувшія многолюдное сословіе старообрядцевъ въ крайнее положеніе по недостатку священнослужителей, осмѣлялись нынѣ прибѣгнуть къ особой помощи и покровительству вашего сіятельства, какъ государственнаго намѣстника, коему ввѣрено внутреннее управленіе древней столицы, заключающей въ себѣ многіе разноплеменные народы, даже и не христіанскаго исповѣданія, изъ коихъ каждому мудрыми законами дарованы права по совѣсти ихъ отправлять безиреяетственно въ построенныхъ на то храмахъ ихъ служеніе, у коихъ и браки, совершаемые ими по ихъ обрядамъ, признаются во всѣхъ отношеніяхъ родства и наследства законными, но только одни старообрядцы, всегда вѣрные сыны отечества, точные исполнители всѣхъ гражданскихъ обязанностей, не имѣютъ еще совершеннаго счастья удостоиться, къ довершенію многихъ къ намъ милостей и снисхожденія, получить высочайшее разрѣшеніе о дозволеніи имъ принимать попрежнему для совершенія таинствъ священниковъ и дьяконовъ, на правилахъ, высочайше изложенныхъ въ 26-й день марта 1822 года и въ 15-й день сентября 1826 года всемилостивѣйше утвержденныхъ.

„И какъ по просьбѣ нашей о дозволеніи намъ принимать попрежнему священниковъ и дьяконовъ, судьба участи великаго числа старообрядцевъ зависѣть будетъ единственно отъ милосердаго вашего разрѣшенія, въ каковомъ случаѣ старообрядцы московской столицы и губерніи ея умоляютъ ваше сіятельство взойти въ крайнее совѣсти ихъ положеніе, быть представителемъ и ходатаемъ за нихъ у подножья престола милосердаго монарха о снисхожденіи въ изъявленіи имъ просимой милости къ успокоенію ихъ совѣсти и духа“ *).

*) *Дѣло* канцеляріи московскаго генералъ-губернатора», 31-го мая 1832 года, № 42.

Болѣ трехъ лѣтъ рогожскіе попечители ожидали благопріятныхъ для себя послѣдствій отъ этой записки. Но они ждали напрасно. Ни ходатайство ихъ въ Москвѣ, ни „хождение по дѣламъ“ Кочуева въ Петербургѣ, ни просьбы, подаваемая ими разнымъ начальствующимъ лицамъ и даже особамъ царской фамиліи, не увѣнчались тѣмъ успѣхомъ, какого они ожидали. Правительство твердо стояло на своемъ. Считаая оскорбительнымъ для церкви дозволеніе православнымъ священникамъ уклоняться въ расколъ, оно не только не возстановляло правилъ 1822 года, но съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе стѣсняло старообрядцевъ.

Здѣсь не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о главномъ лицѣ рогожскаго посольства, Ѳеодорѣ Андреевичѣ Рахмановѣ, который въ то время стоялъ во главѣ задуманнаго предпріятія образовать заграничную іерархію.

Въ Рогожскомъ обществѣ въ тридцатыхъ годахъ существовалъ кружокъ богачей, вышедшихъ изъ Гуслицкой волости, особенно же изъ Вохны *). Земляки связаны были между собою дружбою, единомысліемъ, а въкоторые даже родствомъ. Всѣ были сваты другъ съ другомъ. Къ этому кружку принадлежали и Рахмановы, до 1812 года крестьяне большой помѣщичьей деревни Слободищи, что въ Гуслицахъ **). Рахмановыхъ было три брата: Ѳеодоръ, Алексѣй и Дмитрій, и кромѣ того

*) «Статистическое описаніе Рогожскаго кладбища» 1845 года. Рукопись. Часть II. Изъ нея видно, что къ этому кружку, кромѣ Рахмановыхъ, принадлежали: а) почетный гражданинъ Николай Осиповъ, прежде крестьянинъ села Вохны, а потомъ богатый купецъ, имѣвшій 10 милліоновъ ассигнаціями капитала, домъ въ Пятницкой части и суконную фабрику; б) Терентій Егоровичъ Солдатенковъ, также изъ Вохны, имѣвшій до 13 милліоновъ ассигнаціями, нѣсколько домовъ и миткалевую фабрику; в) Аллилуевы, также изъ Вохны, хлѣбные торговцы, составившіе этимъ торговлѣ капиталъ до трехъ милліоновъ; г) Досужевъ, также изъ Вохны, торговлей сукномъ составившій капиталъ въ одинъ милліонъ; д) Александръ Ивановичъ Гречухинъ, также прежде вохонскій крестьянинъ, хлѣбною торговлей нажившій дома въ Москвѣ и до 700 тысячъ капитала; е) Ѳеодоръ Ивановичъ Симоновъ, прежде крестьянинъ Гуслицкой волости, составившій состояніе хлѣбною торговлей, а потомъ имѣвшій до двухъ милліоновъ капитала и бумагопрядильную фабрику; ж) Иванъ Никитичъ Царскій, прежде гуслицкій крестьянинъ, потомъ лѣсною торговлей составившій капиталъ въ 700 тысячъ руб. Къ тому же кружку принадлежали: Кулаковы Григорій, Егоръ и Иванъ Степановичи, мучные торговцы, мать ихъ до 1812 года была купчихой 2-й гильдіи, имѣли домъ въ Яузской части и въ 12 милліоновъ капиталъ, и Соколовъ Василій Ефремовичъ, прежде московскій мѣщанинъ, а потомъ купецъ, имѣвшій посессионную суконную фабрику и капиталъ въ 10 милліоновъ.

**) Богородскаго уѣзда. Деревни Слободищи, при рѣчкѣ Гуслицѣ, очень большая, въ ней 235 дворовъ и болѣе полуторы тысячъ душъ ревизскаго населенія. Прежде принадлежала г-жѣ Жеребповой, потомъ перешла къ г. Норду. Въ Слободищахъ находится раскольничья моленная, богато украшенная Рахмановымъ, «Списокъ населенныхъ мѣстностей Россійской имперіи», XXIV, № 600.

двоюродный братъ Василій Григорьевичъ. Откупившись отъ крѣпостной зависимости, они приписались въ купцы по городу Ардатову, но жили въ Москвѣ, производя, посредствомъ приказчиковъ, обширную торговлю на Волгѣ. Въ апрѣлѣ 1825 г. Рахмановы пожертвовали пятьдесятъ тысячъ рублей въ пользу комитета о раненыхъ, за то вскорѣ получили званіе потомственныхъ почетныхъ гражданъ и переписались въ московское купечество, но объявили капиталъ по 1-й гильдіи не раньше 1845 года, хотя давно ихъ считали въ восьми милліонахъ. Старшій изъ Рахмановыхъ, Фѣдоръ Андреевичъ, былъ человѣкъ добрый и щедрый, но не отличался ни особенными способностями, ни начитанностью, ни какою-либо долей образованія.

Мало разумѣя грамоту, немного заикаясь и притомъ картавя, не могъ онъ сдѣлаться „мужемъ совѣсти“, но богатство и щедрость его заставили забывать природные недостатки. Угодники льстили ему, и Фѣдоръ Андреевичъ, встрѣчая отовсюду удивленіе своему „высокому уму“, возмечталъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ необыкновенно умный и даже дѣловой человѣкъ. Былъ онъ крайне честолюбивъ, всячески искалъ извѣстности и почета и, полагая, что съ большими деньгами все возможно, онъ, недавно бывший крѣпостнымъ, захотѣлъ быть дворяниномъ. Въ то время купцу можно было достигнуть дворянства посредствомъ ордена, и Фѣдоръ Андреевичъ дѣлалъ одно за другимъ значительныя пожертвованія на общую пользу, надѣясь такимъ образомъ достигнуть дворянскаго достоинства. Дворянство сильнаго и богатаго члена Рогожской общины Шелапутина не давало спать Рахманову. И вотъ онъ, не жалѣя быстро нажитыхъ денегъ, сыплетъ ихъ щедрою рукой на общепользныя дѣла, но вожделѣнный орденскій крестъ какъ кладъ не дается, правительство считаетъ неприличнымъ сдѣлать рогожскаго туза кавалеромъ *). Для удовлетворенія непомернаго честолюбія

*) Такъ, напримѣръ, въ 1840 году, во время голода, по вызову московскаго генералъ-губернатора князя Голицына, составила компанія нѣсколькихъ богатыхъ московскихъ купцовъ, съ цѣлью отвращенія хлѣбнаго недостатка въ столицѣ и для продажи хлѣба по уменьшенной цѣнѣ. Въ этой компаніи приняли участіе изъ православныхъ: Куманины, Колесовъ, Алексѣевы, изъ раскольниковъ: Рахмановы, Шелапутинъ, Терентій Солдатенковъ и Василій Соколовъ. Они собрали до милліона рублей. Въ 1841 году Фѣдоръ Рахмановъ получилъ за это прямо золотую медаль на Владимірской лентѣ, а Алексѣю Рахмановымъ и Шелапутину было объявлено высочайшее благоволеніе. Рахмановы были представлены къ орденамъ (которые, впрочемъ, въ это время уже не приносили купцамъ дворянскаго достоинства), но комитетъ министровъ нашелъ, что хотя оказанная ими услуга достойна вознагражденія, но раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ, къ числу которыхъ принадлежить и поповщинская, можно только за превосходную заслугу или общепользныя подвиги назначать награды, исключая орденовъ, которыми вовсе неприлично украшать ихъ. Императоръ Николай Павловичъ утвердилъ это положеніе комитета 25-го іюля 1841 года («Собраніе постановленій по части раскола», стр. 388). Рахмановы и ихъ земляки Гречухинъ и Алдлуевы, а также Кулаковы

Федора Андреевича оставалось одно поприще — среда раскола. Его „тайности“ только и могли удовлетворить стремления Рахманова. Здѣсь ему, какъ ревностнѣйшему рачителю о древлеблагочестивой церкви, были и почетъ, и уваженіе, и первое мѣсто въ собраніяхъ. Здѣсь имѣлъ онъ значеніе, участвовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ, подавалъ совѣты попамъ и игуменьямъ, „началилъ“ уставщиковъ, пѣвцовъ, читалокъ и призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ. Его слушали съ уваженіемъ, зная, что каждое подобное вмѣшательство Рахманова въ кладбищенскія дѣла непременно кончится щедрымъ отъ него подаяніемъ. Величая его „свѣтлые разсудки“ и „высокій умъ“, славили усердіе его къ вѣрѣ отеческой, хвалили его милосердіе къ бѣднымъ, превозносили всѣ дѣла его, а тихонько въ сторонѣ подсмѣивались надъ „господиномъ Блакимъ“ *). Видя со всѣхъ сторонъ уваженіе, доходившее до крайняго низкопоклонства, Федоръ Андреевичъ уже не ставилъ никого выше себя и съ полною увѣренностью говорилъ, что все Рогожское только имъ и держится. Изъ переписки Кочуева знаемъ, что Рахмановъ надменно говаривалъ на кладбищѣ: „вы моимъ стараніемъ и моими успѣхами только и благополучны, безъ меня вы бы не умѣли и къ ставцу лицомъ сѣсть“, а рогожскіе жители и жительницы низко за то ему кланялись и говорили со смиреніемъ: „точно такъ, милостивый благодѣтель нашъ, Федоръ Андреевичъ: только вами и дышимъ“.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Рахмановъ подробно разсказалъ Громовымъ обо всемъ происходившемъ на рогожскомъ соборѣ и сталъ съ ними совѣтоваться о томъ, какъ приступить къ дѣлу. Громы не давали рѣшительнаго отвѣта и не высказывали окончательнаго своего мнѣнія. Окоороковъ и Суетинъ совѣщались о томъ же предметѣ съ Дмитріевымъ. Имя Автонія у всѣхъ было на устахъ. Много было говорено объ его умѣ и начитанности, о знаніяхъ его дѣлъ церковныхъ, объ его краснорѣчій и о тѣхъ подвигахъ, которые онъ принималъ на себя до поступленія въ Иргизскій монастырь. Королѣвскіе ждали его нетерпѣливо, но онъ медлил, ибо не успѣлъ еще кончить записку для Мотылева и Бѣлова.

Въ маѣ Кочуевъ съ Кузнецовымъ пріѣхали наконецъ въ Петербургъ. Путешествіе его въ невиданную еще до тѣхъ поръ столицу совершилось

пѣвшіе передъ голоднымъ годомъ большіе хлѣбные запасы, въ то же время нажили огромныя деньги: въ покупкѣ хлѣба обошелся имъ по 80 к., а они продали его по 3 р. 80 к. Но своимъ старобрядцамъ, продавали по своей цѣнѣ, отчего еще болѣе приобрѣли къ себѣ уваженіе Рогожскаго общества и гуслицкаго населенія, куда даже отправляли хлѣбъ для безвозмездной раздачи своимъ землякамъ («Статистическое описаніе Рогожскаго кладбища». Рукопись).

*) Федоръ Рахмановъ заикался и картавилъ. Читая вслухъ молитвы, онъ вмѣсто: «благого и вѣрнаго раба Твоего», произносилъ: «благого и вѣрнаго раба», отчего и прозванъ былъ «Блакимъ» («Саѣдственное дѣло о Кочуевѣ»).

благополучно, если не считать неблагополучіемъ свалившейся въ ровъ подлѣ шоссе кибитки съ рогожскими грамотеями. Въ Петербургѣ Кочуевъ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями всѣми важнѣйшими членами Королѣвскаго общества. Молва объ его подвигахъ, рекомендательныя письма уважаемаго королѣвцами Силуяна, отзывы Рахманова, Окорокова и Суетина — отворили ему двери во всѣ старообрядскіе дома Петербурга. Всякому прихожанину Королѣвской моленной желательно было хоть посмотрѣть на знаменитаго подвижника и „страдальца за старую вѣру“, обладающаго рѣдкимъ знаніемъ старинныхъ уставовъ, искуснымъ перомъ и необыкновеннымъ даромъ слова. Громы приняли его съ особымъ уваженіемъ и любовью. Кочуевъ водворился въ ихъ домѣ. Они стали смотрѣть на Авоонія какъ на челоувѣка, воздвигнутаго самимъ Богомъ на спасеніе и возстановленіе бѣдствующей церкви древляго благочестія.

Вотъ онъ, бѣдный горбатовецъ, еще недавно закупавшій небольшія партіи сухого судака, воблы и коренной рыбы на низовьяхъ Волги, еще такъ недавно державшій проповѣдь въ лѣсахъ, безмолвствовавшій въ Жигуляхъ и юродствовавшій въ Симбирскѣ, широковъщательно разглагольствуетъ въ громовскихъ роскошныхъ комнатахъ, ходитъ по мелко-штучному паркету и дорогимъ коврамъ, среди тропическихъ растений, при свѣтѣ только-что появившихся тогда у насъ карсельскихъ лампъ. Ему, еще недавнему бѣдняку, ходившему босикомъ, въ одной рубашкѣ по Симбирску, съ благоговѣніемъ внимають одни изъ первѣйшихъ богачей Петербурга. Кочуевъ прислуживаетъ въ моленной отцу Василию, Кочуевъ ведетъ умную бесѣду съ Великодворскимъ и Чистяковымъ, Кочуевъ услаждаетъ душеспасительными словами Елену Ивановну, о Кочуевѣ всѣ толкують, всѣ оказываютъ Кочуеву глубокое уваженіе.

Громы съ живымъ сочувствіемъ приняли проектъ Кочуева, но по наружности отнеслись къ нему какъ къ дѣлу невозможному и рогожскимъ посламъ наотрѣзъ отказали отъ содѣйствія рахмановскимъ затѣямъ. Но они хитрили. Сергѣй Григорьевичъ о предложеніи московскихъ послдовъ сказалъ Алексѣю Великодворскому. Тотъ одобрилъ проектъ, но, успѣвъ въ короткое время узнать вдоль и поперекъ и Кочуева и Рахманова съ Суетиннымъ и Окороковымъ, посоветовалъ Громовымъ отклонить на первое время отъ дѣла московскихъ богачей, а Авоонія Кузьмича удержать при себѣ. Рахмановъ гордился своимъ дѣломъ, какъ будто оно было ужъ сдѣлано, и былъ неостороженъ, рассказывая слишкомъ многимъ старообрядцамъ о московскомъ предпріятіи. Такимъ образомъ, благодаря его излишней разговорчивости, дѣло могло огласиться, какъ уже и огласилось-было въ Москвѣ. Великодворскій справедливо опасался, что такимъ образомъ намѣренія старообрядцевъ могутъ сдѣлаться извѣстными правительству, которое, конечно, приметъ строгія мѣры, чтобы уничтожить затѣю въ самомъ ея

началъ. Для этого онъ и предполагалъ отстранить до поры до времени участіе въ дѣлѣ московскихъ старообрядцевъ и даже отклонить ихъ отъ него, сказавъ, что исканіе архіерейства дѣло несбыточное и крайне опасное. Громы, посовѣтовавшись съ Григоріемъ Дмитріевымъ, такъ и поступили: Рахманову, Околокову и Суетину отъ имени всего Королевскаго общества объявили рѣшительный отказъ отъ всякаго участія въ дѣлѣ исканія архіерейства и совѣтовали имъ, чтобъ они лучше вмѣстѣ съ партіей Царскаго ходатайствовали о восстановленіи правилъ 1822 года. Околокова и Суетина тотчасъ же убѣдили Громы, и они уѣхали изъ Петербурга. Но не такъ легко было убѣдить упрямого Рахманова. Онъ настаивалъ на своемъ, горячо спорилъ и обижался, что не хотятъ во всемъ поступить, какъ онъ хочетъ. Къ крайнему изумленію Рахманова, Кочуевъ, тайно уже склонившійся на сторону Великодворскаго, громко и рѣшительно заговорилъ то же, что говорилъ и Громы. Мало того, Федоръ Андреевичъ получилъ непріятныя для его самолюбія извѣстія изъ Москвы: Околоковъ разсказалъ на кладбищѣ, какъ петербургскіе старообрядцы приняли рогожское предложеніе, передалъ всѣ опасенія Громыныхъ и открыто присталъ къ Царскому. За нимъ послѣдовали и другіе. Всѣ охладѣли къ дѣлу, за которое взялись-было такъ горячо. Попъ Иванъ Матвѣевичъ молчалъ. Надо думать, что онъ былъ посвященъ въ тайные замыслы столповъ Королевскаго общества, подобно конторщику Синицыну, которому обо всемъ сообщилъ Кочуевъ. Такимъ образомъ дѣло, повидимому, рушилось окончательно, но оно только начиналось.

Оскорбившійся Рахмановъ излилъ досаду на Кочуева и Кузнецова и, по обыкновенію, сталъ „началить“ ихъ. „Куда вамъ, дуракамъ, противъ меня идти? Я знаю, что надо дѣлать, вы должны меня во всемъ слушаться. А вы съ Громыными заодно. Что бы вы всѣ безъ меня были? Только моими стараніями и успѣхами вы и были благополучны. Безъ меня вы и къ ставцу лицомъ съѣсть не умѣете“. Кочуевъ съ Кузнецовымъ о нападкахъ „Благого“ писали на Рогожское кладбище одному изъ уставщиковъ, Петру Осиповичу Смыслову, державшемуся партіи Царскаго. Смысловъ, не подозрѣвая хитрости Кочуева, считалъ его искренно перешедшимъ на сторону Царскаго и отвѣчалъ шутивымъ письмомъ, совѣтуя вооружиться терпѣніемъ и сказать напрямки Рахманову, что пора его прошла, что разумные люди взяли верхъ надъ тщеславными богачами, и что въ Москвѣ все переходитъ на сторону противную „Благому“ *).

*) Вотъ отрывки изъ письма Смылова, отъ 9-го іюня 1832 г., изъ Москвы (подлинникъ въ «слѣдственномъ дѣлѣ о Кочуевѣ»): «Охъ вы, мои добліи страстотерпцы, претерпѣвшіе страшное пораженіе отъ паденія вашего въ канаву. Читая письмо ваше, усматриваю ваше несчастіе, еще въ пути васъ постигшее, — не могъ удержаться отъ смѣха... охъ бишь, извините, отъ сердечнаго соболезнованія вашего несчастія. Какъ это вы,

Рахмановъ, обращаясь въ средѣ королевскихъ старообрядцевъ, съ каждымъ днемъ чувствовалъ свое положеніе болѣе и болѣе неловкимъ. Въ Петербургѣ ему не угодничали, не кланялись, не удивлялись „мудрымъ рѣчамъ“ его и отъ предпріятія, которымъ онъ думалъ навѣки прославить свое имя, отказались равнодушно, иногда даже смѣялись надъ нимъ. Пожертвовавъ въ Королевскую моленную пудовыя свѣчи, съ заганеннымъ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія покинулъ Федоръ Андреевичъ негостепримные, по его мнѣнію, берега Невы и возвратился въ домъ свой.

На Рогожскомъ и думать перестали объ архіереяхъ. Нарушенное согласіе возстановилось. Всѣ единодушно постановили хлопотать о возстановленіи правилъ 1822 года, для чего и дали оставшемуся въ Петербургѣ Кочуеву довѣренность.

О предположеніи искать архіерея знали только Громы, Дмитріевъ, Алексѣй Великодворскій, Кочуевъ, да еще серковскій игуменъ Геронтій. Они раздѣляли увѣренность всѣхъ почти старообрядцевъ, что гдѣ-то на Востокѣ сохранилась неповрежденная православная вѣра и архіерей древляго благочестія. Надобно отыскать эту страну и уговорить одного изъ тамошнихъ епископовъ принять въ свое управленіе вдовствующую въ Россіи старообрядческую церковь. Вопросъ о томъ— гдѣ устроить кафедру древлеблагочестиваго епископа, окончательно рѣшили Геронтій. Необходимо устроить ее, говорилъ онъ, вѣдь предѣловъ Россіи, но неподалеку отъ границы. Для этого предстояло избрать мѣстность въ Турціи, Молдавіи или въ Австріи. Въ Турціи, то-есть въ Добруджѣ, сочли основаніе архіерейской кафедры невозможнымъ: султанъ исполняетъ всякую волю правительства и по первому требованію его уничтожить кафедру: притомъ же живущіе въ Добруджѣ старообрядцы, некрасовцы, народъ грубый, буйный, едва ли въ ихъ мѣстахъ епископъ будетъ безопасенъ. О Молдавіи и говорить нечего: она нахо-

сердеченные, сниты съ пути истиннаго и упали въ канаву! Радуюсь, что скоро возстали и исправились. Вижу также, что вы ненавидимы и претериваете отъ одного Блакого и вѣрнаго раба повсечасно жестокіе выговоры за московскія событія — ну, что дѣлать? Я увѣренъ, что у васъ еще и сверхъ онаго неудовольствія еще остается много терпѣнія. Также онъ проповѣдуетъ большую потерю вообще всѣхъ старообрядцевъ, и будто бы мы стараніями и усѣхами его были только и благополучны, а безъ него теперь будто уже и не умѣемъ съѣсть къ ставцу лицомъ. Ахъ, онъ окаянный! Какъ онъ могъ произнести такія слова, которыя покроютъ вѣчнымъ стыдомъ ихъ только самихъ? Скажите ему, что лукъ сильныхъ изнеможе, а не могущіе уже препоясашася силою... Онъ (Богъ) нынѣ скинулъ съ глазъ людей ту мрачную завѣсу, которая препятствовала многимъ видѣть свѣтъ истины... О Божѣ сотворимъ силу и тою расколотимъ злобіи и коварныя замыслы всѣхъ богачей, стужающихъ намъ... Насчетъ московскихъ обстоятельствъ новаго ничего нѣтъ, только болѣе разговоръ въ противную сторону Блакова и вѣрнаго раба... Съ началомъ (Петрова) поста нынѣшняго хотятъ приступить къ избранію новыхъ попечителей».

дядя тогда подъ совершенною властью Россіи. Оставалась Австрія. Геронтіи, какъ самовидецъ, разсказаль о трехъ слободахъ, населенныхъ въ Вуковинѣ липованами русскаго происхожденія, и о томъ, что въ одной изъ нихъ, Вѣлой-Криницѣ, есть маленькій монастырекъ, въ которомъ, по его мнѣнію, можно было бы устроить епископскую кафедру. Но бѣда въ томъ, что часть тамошнихъ липованъ совершенные безпоповцы, а другая, болѣе значительная, хотя и приѣмлетъ священство, но, придерживаясь отчасти согласія чернобольцевъ, сочувствуетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ безпоповству. Монаховъ тамъ мало, да и тѣ вовсе ненадежны. Прежде чѣмъ заводить въ Вѣлой-Криницѣ епископа, надо наполнить ее достойными монахами изъ Россіи, которые бы образовали изъ себя настоящее старообрядское братство.

Гдѣ же сыскать путешественниковъ, которые бы рѣшились отправиться въ дальнія странствованія для открытія древлеблагочестиваго епископа? Кочуевъ вспомнилъ, что на Рогожскомъ соборѣ игуменъ Лаврентьева монастыря Симеонъ говорилъ, что есть у него люди способные на такое дѣло. Лаврентьевскіе монахи коротко были извѣстны Королѣвскому обществу, ибо часто пріѣзжали въ Петербургъ за сборами; многихъ изъ нихъ хорошо знали Громы. Придумали послать изъ этого монастыря на Востокъ искателей архіерейства, а впослѣдствіи лучшихъ изъ лаврентьевской братіи переправить за границу для образованія изъ нихъ бѣлокриницкаго братства. Завести обо всемъ этомъ переговоры съ лаврентьевскою братіей поручено было Геронтію, который для того, возвращаясь въ свой Серковскій монастырь, долженъ былъ, минуя Москву, ѣхать по бѣлорусскому тракту и въ Могилевской губерніи остановиться на нѣкоторое время въ Лаврентьевѣ монастырѣ.

IV.

Лаврентьевъ монастырь.

Въ Могилевской губерніи, близъ славной нѣкогда старообрядской слободы Вѣтки, въ 12-ти верстахъ отъ нынѣшняго уѣзднаго города Гомеля, среди дремучаго столѣтняго бора, между трясины и болотъ, находился уединенный поповщинскій монастырь Лаврентьевъ, съ трехъ сторонъ окруженный глубокою, быстрою и омутистою Узой *). Вокругъ его стѣнъ жилья не было. Ближайшее находилось верстахъ въ полуторахъ — это мельница Папера, на которой когда-то приготавливали писчую бумагу; потомъ въ оцутѣлыхъ ея строеніяхъ проживали двѣ или три семьи крестьянъ изъ огромнаго гомельскаго имѣнія. Въ шести верстахъ отъ монастыря находилась и доселѣ существующая деревенька Давыдовка, населенная православными бѣлоруссами, а съ небольшимъ въ девяти —

*) Рѣка Уза впадаетъ въ рѣку Сожь.

небольшое старообрядское селеніе Миличи. Развалины Лаврентьева монастыря, уничтоженнаго въ 1844 году, и теперь существуютъ.

По дорогѣ къ нему, почти отъ самаго Гомеля начинался лѣсъ, сначала рѣдкій и мелкій, потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ гуще и рослѣе. Вокругъ самой обители дубы и осины достигали необычайной высоты и густоты; неприкосновенные росли они съ первой половины XVIII столѣтія; никогда звуки топора не оглашали этой заповѣдной дебри. Заботливо берегла этотъ боръ монастырская братія: онъ былъ и красотою мѣста и защитой пріютившейся въ чащѣ его обители. По узкой, пролежавшей къ монастырю этимъ лѣсомъ, дорожкѣ и въ ясный полдень бывало сумрачно; вѣчно шумѣвшія вершины развѣсистыхъ дубовъ, переплетаясь въ высотѣ, представляли изъ себя темный густолиственный сводъ, не пропускавшій на землю солнечныхъ лучей. Идя по узкой, неровной, мѣстами покрытой обнаженными отпрысками дубовыхъ корней, дорожкѣ, въ этомъ таинственномъ полумракѣ, при однообразномъ шумѣ вершинъ, подходившій къ обители путникъ невольно проникался чувствомъ благоговѣйнаго страха. И вдругъ, у самыхъ почти воротъ монастырскихъ, поражала его быстрая пере мѣна картины: вмѣсто темнаго, дремучаго бора, взору его представлялась небольшая веселая поляна, покрытая изумрудною зеленью; по ней, сверкая какъ бы искрами, бѣжала рѣчка и почти окружала красиво выстроенную обитель. Высокія, почернѣвшія отъ времени бревенчатыя стѣны окружали обительскія строенія. Надъ святыми вратами, обращенными къ лѣсу, стоялъ огромныхъ размѣровъ образъ Живоначальной Троицы. Когда солнце бросало лучи на эту надвратную икону, она какъ бы горѣла переливами свѣтлыхъ радугъ, и вышедшій изъ лѣснаго мрака путникъ невольно проникался чувствомъ уваженія къ мѣсту.

Лѣсъ, окружавшій обитель Лаврентьеву, въ глазахъ мѣстныхъ старообрядцевъ почитался какъ бы священнымъ. За грѣхъ считали его трогать. Оберегали отъ порубокъ Лаврентьевъ лѣсъ и ходившія въ народѣ легенды о болѣзняхъ и несчастіяхъ, преслѣдовавшихъ будто бы во всю жизнь того, кто, зная или не зная о неприкосновенности священной дубравы, дерзалъ срубить въ ней хоть одно дерево. Всѣ двѣнадцать дочерей Ирода, всѣ двѣнадцать лихоманокъ нападутъ на человѣка и станутъ мучить его до смерти. Вырубить въ лѣсу кто-нибудь дерево на домашнюю подѣлку—въ ту самую подѣлку на первый Спасъ *) ударитъ молнія, и сгоритъ домъ нарушившаго цѣлость Лаврентьева лѣса, а съ нимъ и деревня вся. И ничѣмъ того пожара утушить нельзя, кромѣ воды изъ рѣки Узы, освященной въ тотъ самый день перваго Спаса лаврентьевскимъ священникомъ. Свалившееся отъ старости дерево, сломившуюся вѣтвь нельзя поднять, не сказавъ; „Преподобный отче Лаврентіе, прости и благослови принять сіе древо за благословеніе“. И ничего нечистаго

*) Августа 1-го.

пзъ того древа дѣлать нельзя, и ничего ногами попираемаго; иначе въ домѣ едѣлавшаго будутъ свары и ссоры и кровопролитіе, и тати расхитятъ все имущество. Даже грибы да ягоды нельзя собирать въ томъ лѣсу безъ испрошенія благословенія у Лаврентія. Только деревца на троицкія березки да растущую по берегу Узы вербу для заутрени „Цвѣтного воскресенья“ *) можно всякому брать невозбранно: да еще дозволялось рвать прутья — на Егорьевъ день коровъ на первое поле выгонять. А кто „русальныя вѣйки“ въ томъ лѣсу станетъ завивать или „кумиться“ вокругъ дерева, а паче всего на день Предотечевъ **) „Кушалины огни“ зажигать, тому нѣсть прощенія ни въ семь вѣщъ ни въ будущемъ ***). Не говоря уже о старообрядцахъ, даже православные бѣлоруссы уважали неприкосновенность Лаврентьева лѣса. Даже жида боялись налагать на него руку. Они, вѣроятно, держали въ памяти не разъ повторившіеся случаи наказанія за неуваженіе, оказанное заповѣдному лѣсу. Въ архивахъ сохранились жалобы евреевъ на лаврентьевскихъ иноковъ, которые за ничтожныя порубки уважаемаго лѣса нещадно пороли племя Израилево вѣтвями священныя деревьевъ. Такими повѣрьями и такими обычаями охраняемый лѣсъ Лаврентьевъ росъ, старѣлъ, подгнивалъ и однажды отъ сильной бури разомъ повалился на огромномъ пространствѣ. Случилось это вскорѣ по закрытіи монастыря, въ концѣ сороковыхъ годовъ. Естественное явленіе старообрядцы объяснили чудомъ. „Разорили нашъ монастырь,—писали они въ Петербургъ:—разметали жилища наши и мѣсто свято, храмъ молитвы, аки негодную овощную хранину раскидали. Погубили славную красоту церковную и распустили стадо Христовыхъ овецъ. Все изгибло, все травой поросло. И красота драгоценныхъ мѣсть нашихъ, любезный нашъ, очамъ и сердцамъ нашимъ превожделѣнный боръ, вящше ста лѣтъ укрывавшій иноковъ премирное житіе и многолиственными вѣтвями осѣнявшій святую обитель, не стерпя онаго опустошенія и устыдяся такого поношенія мѣста, волею вся держащаго въ руцѣ своей Создателя, во единъ часъ паде на лицо земли, аки сѣно подь коною“ ****).

Начало Лаврентьева монастыря относится къ тридцатымъ годамъ

*) «Цвѣтнымъ воскресеньемъ» называется воскресенье передъ Пасхой, иначе называемое «Вербнымъ воскресеньемъ», когда церковь воспоминаетъ входъ Иисуса Христа въ Иерусалимъ.

**) Юня 24-го.

***) «Сказаніе о житіи и отчасти чудесъ преподобнаго отца нашего Викентія, иже на Новомъ Крупцѣ». Рукопись раскольническая, въ восьмушку; писана (то-есть перенесена), по всей вѣроятности, не ранѣе тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ Сибири или въ Пермской губерніи плохимъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, небрежно, со множествомъ орфографическихъ ошибокъ, а мѣстами до такой степени безграмотно, что трудно донекатся смысла.

****) Письмо, подписанное буквами *и. и. П.* (грѣшный инокъ П.) и адресованное въ Петербургъ, Еленѣ Ивановѣ Громовой, 14-го февраля 1848 года.

прошлаго столѣтія. На Страстной недѣлѣ 1735 года полковникъ Сынтинъ произвелъ такъ-называемую „первую вѣтковскую выгонку“. Сорокъ тысячъ бѣглыхъ великоруссовъ-старообрядцевъ, ушедшихъ отъ гоненій за литовскій рубежъ, силою оружія высланы были назадъ во владѣнія Анны Ивановны. Но высланы были не все. Иѣкоторые изыскали способы укрыться отъ драгунскихъ и казачьихъ полковъ въ лѣсахъ, находившихся неподалеку отъ Вѣтки. Въ числѣ ихъ былъ инокъ Лаврентій. Преданіе говоритъ, что былъ онъ родомъ изъ Калуги, пришелъ еще во дни Петра I на Вѣтку, принялъ здѣсь иночество и, постригаясь, желалъ получить имя своего святого согражданина Лаврентія, Христа ради юродиваго, калужскаго чудотворца, которому, какъ увѣрялъ онъ свою братію, будто бы приходился родственникомъ *). Немало лѣтъ жилъ Лаврентій въ Вѣтковскомъ монастырѣ въ послушаніи у игумена Власія, былъ свидѣтелемъ и едва ли даже не участникомъ пріема въ старообрядство епископа Елифанія. Избѣгнувъ высылки въ Россію, инокъ-схимникъ Лаврентій съ немногими изъ вѣтковской братіи удалился въ лѣсъ, на берега Узы, и здѣсь поставилъ келью и маленькую часовенку во имя Всемилостиваго Спаса лѣтомъ того же 1735 г., когда была произведена вѣтковская выгонка. Старообрядцы сходились къ Лаврентію, и черезъ немного лѣтъ на мѣстѣ его келіи возникъ довольно людный монастырь, хотя и чрезвычайно бѣдный. Въ первые годы его существованія, пока еще вновь не заселились великорусскими выходцами „вѣтковскіе предѣлы“, братія Лаврентія не столько ради подвижническаго, сколько ради нищеты невольной, питалась нерѣдко дубовою корой да кореньями. Въ часовнѣ, кое-какъ срубленной изъ дубовыхъ деревьевъ, было всего шесть иконъ, принесенныхъ Лаврентіемъ изъ Калуги **). Не было на этихъ древнихъ и потому уважаемыхъ старообрядцами иконахъ никакихъ украшеній, и только въ великіе праздники теплились передъ ними восковыя свѣчи; при обычной же, повседневной службѣ Лаврентій употреблялъ лучину. Зато обитель отличалась строгостью устава и истинно-подвижническимъ житіемъ иноковъ. Бывали уклоненія отъ строгаго аскетическаго образа жизни, но рѣдко, и каждый разъ, какъ скоро кто-либо изъ братіи бывалъ замѣченъ въ уклоненіи отъ обительскихъ правилъ, его „смпряли нещадно“. Если не внималъ онъ увѣ-

*) «Сказаніе о житіи и отчасти чудесъ преподобнаго отца нашего Викентія, иже на Новомъ Крупцѣ». Тамъ объ этомъ родствѣ говорится утвердительно.

**) Чуда Архангела Михаила въ Колосссахъ, во имя котораго была устроена вторая часовня; потомъ икона эта стояла въ трапезной церкви, и ей бывалъ въ монастырѣ храмовой праздникъ 6-го сентября; Введенія во храмъ Богородицы, Срѣтенія Господня, Знаменія Богородицы. Остальныя двѣ иконы, принесенныя Лаврентіемъ, намъ неизвѣстны. Все онѣ, скаазываютъ, были искусства древняго письма и очень уважались старообрядцами. Гдѣ онѣ теперь—неизвѣстно. Едва ли не въ Макаріевомъ единавѣрческомъ монастырѣ.

щаніямъ настоятеля и братскаго собора, ставили его на поклоны; если и это не дѣйствовало, сажали на цѣпь въ подпольѣ; если же и на цѣпи инокъ не исправлялся, со срамомъ изгоняли его изъ монастыря, запрещая, подъ страхомъ немилосердныхъ побоевъ, близко подходить къ монастырской оградѣ.

Изъ пришедшихъ съ Лаврентіемъ калужскимъ на берега Узы иноковъ, особенно отличался благочестивою жизнью и строгими подвигами отшельничества нѣкто Викентій, инокъ-схимникъ, изъ Москвы пришедшій на Вѣтку еще въ первыхъ годахъ ея заселенія великорусскими выходцами. Лѣтъ черезъ пять по водвореніи старообрядской обители на берегахъ Узы, этотъ Викентій, съ благословенія Лаврентія, оставилъ ее ради вящихъ подвиговъ и отошелъ на пустынножителство поближе къ тогдашней русской границѣ, къ литовскому рубежу, какъ тогда говорилось въ Россіи. Здѣсь, вблизи Стародубья, неподалеку отъ старообрядской слободы Крущовъ, въ горѣ ископалъ своими руками Викентій пещеру и поселился въ ней. Стали и къ нему стекаться старцы и вскорѣ подлѣ пещеры схимника устроили скитъ съ двумя часовнями и нѣсколькими кельями. Прошло еще немного времени, и кругомъ скитской ограды образовалась изъ пришедшихъ великоруссовъ старообрядская слобода, получившая названія Новыхъ-Крущовъ. Слава пещернаго жителя и крѣпкаго „древляго благочестія“ хранителя, строгость жизни въ его скитѣ, еще бѣльшая, чѣмъ въ монастырѣ Лаврентьевомъ, привлекали къ новому мѣстожителству старообрядскихъ подвижниковъ и приобрѣли ему великое уваженіе со стороны ихъ единовѣрцевъ. Вскорѣ Лаврентьевъ монастырь въ сравненіи съ обителью Викентія показался „жителствомъ слабымъ“. И былъ онъ еще въ большей бѣдности, еще большую нищету и нужду терпѣли духовныя чада Викентія, чѣмъ братія, собранная Лаврентіемъ.

Въ такой же бѣдности, но и въ такой же славѣ подвижничествомъ оставались и другіе старообрядскіе монастыри того края: Макаріевъ-Терловскій, устроенный около 1750 года, въ 32 верстахъ отъ Лаврентьева, инокомъ Макаріемъ, пришельцемъ изъ Вереи, — Пахоміевъ, заведенный около 1760 также великорусскимъ выходцемъ, но не знаемъ, изъ какого города, инокомъ Пахоміемъ, — и Асаховъ скитъ, построенный, одновременно съ Пахоміевымъ, старцемъ Іоасафомъ, пришедшимъ изъ города Гжатска. Асаховъ скитъ былъ неподалеку отъ Гомеля и назывался также Чолнскимъ, или Чонскимъ, по урочищу „Чолнскій-Обрывъ“, на которомъ былъ построенъ.

Черезъ годъ послѣ того, какъ воеводство Могилевское, въ которомъ находились названные старообрядскіе монастыри, было возвращено Россіи, умеръ Викентій крунецкій. Собранный имъ скитъ неминуемо долженъ бы былъ уничтожиться самъ собою, ибо подъ русскимъ владычествомъ нельзя было разводить раскольничьихъ скитовъ, какъ водилось это при польскихъ короляхъ; притомъ же не осталось въ Кру-

цахъ послѣ Викентія ни единого старца, который бы, равняясь покойному, могъ продолжать его дѣло. Особое обстоятельство поддержало однако Крупцы, хотя и ненадолго. Изсохшее, изможденное долговременнымъ постомъ, молитвами, ношеніемъ тяжелыхъ веригъ, копаніемъ стосаженнаго коридора въ горѣ, тѣло столѣтняго почти Викентія, находясь въ холодной, но сухой пещерѣ, не предавалось тлѣнію. Скитники стали разглашать о святости почившаго своего настоятеля, и пошла по старообрядству громкая молва, что просвѣтилъ Господь своею милостію богоспасаемые Новые-Крупцы, явилъ вѣрующимъ новоявленные мощи угодника своего, инока-схимника Викентія. Останки его крупецкіе скитники положили въ деревянную раку и поставили ее въ той самой пещерѣ, гдѣ подвизался онъ въ молитвенныхъ подвигахъ. Толпы богомольцевъ изъ старообрядскихъ слободъ сосѣдняго Стародубья одна за другой потекли на поклоненіе мощамъ преподобнаго Викентія Крупецкаго. Въ пещерѣ ежедневно пѣлись панихиды съ утра до вечера. Богомольцы брали изъ пещеры песочекъ, а изъ пещернаго, ископаннаго руками Викентія колодца — воду. То и другое, считая за цѣльбоносную святыню, разносили по домамъ. Пошли толки о чудотвореніяхъ, бывающихъ у раки новаго угодника. Кто-то составилъ, впрочемъ, довольно безтолково, а мѣстами безграмотно: „Сказаніе о житіи и отчасти чудесъ преподобнаго отца нашего Викентія иже на Новомъ Крупцѣ“, гдѣ, по подобію старинныхъ „Прологовъ“ и „Патериковъ“, рассказывалось о подвигахъ Викентія, о крѣпкомъ его состояніи въ „древлемъ благочестія“, о примѣрахъ его прозорливости и даже о томъ, какъ онъ пророчествовалъ и какъ однажды, находясь послѣ долговременной молитвы въ состояніи восторженности духа, имѣлъ будто бы видѣнія. Но недолго чествовались старообрядцами Викентіевы мощи. Извѣстіе о нихъ дошло до Петербурга.

Свѣдалъ про нихъ черниговскій архіерей Теофілъ (Игнатовичъ). Священникъ приходской церкви въ селѣ Денисовичахъ *), Иванъ Еланскій, въ 1774 году донесъ ему, что „въ слободѣ Крупцѣ, близъ часовни, жившій въ выкопанной въ горѣ келіи старецъ именемъ Викентій (который какъ умеръ другой годъ) крупецкими раскольниками сысканъ, гдѣ и нынѣ оное тѣло лежитъ, о коемъ раскольники по раскольническимъ слободамъ разгласили, якобы тотъ старецъ Викентій, чрезъ ихъ раскольническую вѣру, въ святость пришелъ, и ходя изъ околныхъ бѣлорусскихъ и раскольническихъ слободъ, тому тѣлу поклоняются“ **). Несмотря на то, что Крупецъ и другія бѣлорусскія старообрядческія слободы находились въ области архіепископа могилевскаго, знаменитаго Георгія Конисскаго, черниговскій архіерей счелъ правильнымъ предста-

*) Новозыбковскаго уѣзда Черниговской губерніи, при рѣчкѣ Адамовкѣ, въ 30 верстахъ отъ Чернигова, въ 15-ти отъ Новозыбкова.

**) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода», I, 681—682.

вить отъ себя святѣйшему синоду доношеніе священника Еланскаго. Синодъ 31-го августа 1775 года сдѣлалъ по рапорту архіерея слѣдующее постановленіе: „надлежитъ въ пещерѣ, въ которой раскольническія мощи лежатъ, отъ свѣтской команды приставить караулъ, и какое тамъ найдется мертвое тѣло, оное при опредѣленныхъ отъ епархіальнаго архіерея *) духовныхъ персонахъ освидѣтельствовать, а потомъ оное зарыть въ землѣ, въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы раскольники знать и, вырывъ, обратно взять къ себѣ не могли, о семъ узнавъ предварительно, разглашаемая ложныя мощи скрыть, то благоволилъ бы правительствующій сенатъ къ сему принять надлежащія мѣры, а притомъ бы и о раскольническихъ монастыряхъ, церквахъ и часовняхъ учинить подлежащее опредѣленіе и какое объ ономъ правительствующаго сената опредѣленіе послѣдуетъ, о томъ святѣйшій синодъ увѣдомить“ **).

„Свѣтская команда“ распорядилась нѣсколько иначе относительно Викентіева тѣла и Викентіева скита. Черниговской епархіи „духовныя персоны“ (едва ли не тотъ же священникъ Иванъ Еланскій) довели до свѣдѣнія той свѣтской команды, что безъ малаго сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ происходила подобная же „комиссія о ложно вымышленныхъ раскольниками мощахъ“, что полковникъ Сытинъ во время первой вѣтковской выгонки отпустилъ-было съ выселявшимися въ Стародубье раскольниками гробы съ ложными раскольничьими мощами Іоасафа, Θεодосія, Александра и Антонія, но что по повелѣнію императрицы Анны близъ Новгорода-Сѣверскаго тѣ гробы публично были вскрыты, и ложныя мощи сожжены. Примѣръ этотъ „свѣтскою командою“ былъ принятъ за основаніе. Викентіево тѣло сожгли, пещеру зарыли, скитъ разрушили, скитниковъ разослали по мѣстамъ ихъ ревизской приписки. Но жгли останки Викентія, вѣроятно, не секретно; въ потухшемъ кострѣ старообрядцы отыскали обгорѣлыя кости и кромѣ нихъ будто бы оставшееся цѣлымъ сердце сожженнаго и даже часть его срачицы. Устроивъ изъ бѣлой жести небольшой ящикъ по подобію раки, они благоговѣнно положили въ него собранные останки и тайно передали ихъ въ болѣе безопасное мѣсто — братіи Лаврентьева монастыря. Молва о находящихся въ этомъ монастырѣ „святыхъ мощахъ“ черезъ нѣсколько лѣтъ распространилась по бѣлорусскимъ старообрядческимъ слободамъ, а оттуда достигла до Стародубья и другихъ мѣсть. Стали стекаться на поклоненіе Викентію въ Лаврентьевъ, какъ стекались дотолѣ въ Новые-Круицы. По отдаленнымъ мѣстамъ даже распространенъ былъ слухъ, что сожгли не трупъ Викентія, а самого его заживо. Стали за то Викентія чтить страстотерпцемъ. Черезъ нѣсколько времени къ „Сказанію о житіи“ его прибавленъ написанный напыщеннымъ и широковыщательнымъ слогомъ искаженный рассказъ о томъ, какъ черниговскій архіерей Теофілъ

*) То-есть, казалось бы, могилевскаго архіерея, Георгія Конисскаго.

**) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», I, 682.

будто бы пытавъ, бизъ кнутомъ и наконецъ сожегъ живьемъ Викентія за его крѣпость въ „древлемъ благочестія“. Разсказъ этотъ особенно сильно распространяемъ въ мѣстахъ отдаленныхъ, напримѣръ, между сибирскими раскольниками. Прошли десятки лѣтъ, и въ самыхъ слободахъ бѣлорусскихъ въкоторые стали выдавать за непереложную истину сказку о томъ, что будто бы въ Новыхъ-Крупцахъ черниговскій архіерей живьемъ жегъ преподобнаго пещерника Викентія. Таковы были послѣдствія ревности не по разуму черниговскихъ „духовныхъ персонъ“ и слѣбного усердія посланной въ комнсію „свѣтской команды“. Безъ сомнѣнія, извѣстіе о томъ, какъ поусердствовали надъ Викентіемъ духовныя персоны и свѣтская команда, до свѣдѣнія императрицы Екатерины не дошло. Не въ ея духѣ были такія распоряженія, положительно вредныя, ибо они-то и поддерживаютъ болѣе всего силу раскола.

Въ іюлѣ 1775 года, пышно торжествуя въ Москвѣ славный Кучукъ-Кайнарджискій миръ, Екатерина пожаловала фельдмаршалу Румянцеву двѣнадцать наградъ, въ томъ числѣ „для увеселенія его — деревню въ пять тысячъ душъ въ Бѣлоруссіи“. Эта деревня была мѣстечко Гомель съ 293 тысячами десятинъ земли, на которой, между многочисленными поселеніями бѣлоруссовъ, находились старообрядческія слободы и монастыри Лаврентьевъ, Макаріевъ, Пахоміевъ и Асаховъ, или Чолнскій. Новый владѣлецъ гомельскаго имѣнія благосклонно отнесся къ старообрядцамъ „своимъ подданнымъ“, какъ онъ выражался, и постоянно покровительствовалъ ихъ монастырямъ. Вскорѣ по поступленіи этихъ монастырей во владѣніе кагульскаго героя умеръ Лаврентій, достигнувъ преклонной старости *).

Старообрядцы разсказываютъ, что, когда вокругъ смертнаго одра его собралась рыдающая братія, онъ благословилъ инока Теофилакта быть по себѣ игуменомъ и всѣхъ обязалъ клятвой неуклонно и строго соблюдать заведенный имъ въ монастырѣ порядокъ и навсегда сохранить суровый уставъ иноческаго житія, введенный имъ при первоначальномъ поселеніи на берегахъ Узы. Связавъ такою клятвой иноковъ и бѣльцовъ, умирающій будто бы въ пророческомъ духѣ сказалъ: „Се нынѣ, отходя свѣта сего, могу съ Богопріимцемъ рещи: „Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ, яко видѣста очи моя спасеніе людей Твоихъ“. Великій бояринъ, владѣтель мѣстъ сихъ, вась безпечальныя сотворить и тѣмъ содѣлаеть спасеніе ваше и святой обители сей. И богатство приидеть къ вамъ, братія, принесеть же его нѣкій юноша, жившій съ нами и суеты ради міра отошедшій инуду“. Пророчество Лаврентія сбылось. Дѣйствительно, Задунайскій и сыновья его покровительствовали обители. Дѣйствительно, жившій нѣкогда въ Лаврентьевой обители купецъ Морозовъ въ 1832 году, почти столѣтнимъ

*) Около 1778 года. Погребень въ Лаврентьевомъ монастырѣ.

старикомъ, возвратился въ покинутую въ юнѣствѣ обитель и до ста тысячъ рублей употребилъ на ея украшеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что сказаніе о предсмертной въ пророческомъ духѣ бесѣдѣ Лаврентія съ братіей составилось въ позднѣйшее время, когда уже оправдались мнимыя его пророченія. Особенно сомнительнымъ кажется намъ подлинность этого пророчества потому, что о немъ не сохранилось преданій ни въ самомъ Лаврентьевѣ монастырѣ, ни, сколько намъ извѣстно, у старообрядцевъ Петербурга, Москвы, Стародубья, Керженца и Иргиза. Сохраняется оно въ Пермской губерніи и въ Сибири и приписано къ тому самому „Сказанію о житіи Викентія“, въ которомъ разсказывается и о мнѣшномъ сожженіи его живымъ. Вѣроятно, это прибавочное сказаніе составлено въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія какимъ-нибудь выходцемъ изъ Лаврентьева монастыря въ сибирскіе или пермскіе предѣлы. По смерти Румянцевыхъ и Морозова досужему уму легко было изобрѣсть пророчество Лаврентія на смертномъ одрѣ его. Упомянемъ еще объ одномъ сказаніи, заимствуя его изъ той же сибирской раскольничьей рукописи. Умирающій Лаврентій завѣщалъ преемнику Теофилакту возвратить останки Викентія въ Новые-Крупцы. Это было исполнено, и дѣйствительно жестяная рака съ ними сохранялась въ Крупцахъ до 1838 года. Это извѣстно изъ дѣлъ официальныхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Румянцевъ-Задунайскій сдѣлался владѣльцемъ гомельскаго имѣнія, для тамошнихъ старообрядскихъ монастырей настало золотое время. Подъ его защитой и покровительствомъ положеніе Лаврентьевой и другихъ обителей значительно улучшилось. Въ 1775 г. гомельскіе старообрядцы, съ дозволенія фельдмаршала, устроили новые монастыри въ его владѣніяхъ, какъ, на примѣръ, женскій въ Спасовой слободѣ, составляющей какъ бы предмѣстье Гомеля. Всѣ монастыри, находившіеся на земляхъ Задунайскаго, надѣлены были имъ пахотными землями и сѣнокосами и получили право свободнаго вѣзда въ лѣса гомельской экономіи, гдѣ могли рубить не только дровяной, но и строевой лѣсъ. Боръ вокругъ Лаврентьева монастыря самимъ владѣльцемъ сдѣланъ былъ заповѣднымъ. Игуменъ Теофилактъ пользовался особеннымъ расположеніемъ кагульскаго герцога и перѣдко бывалъ у него въ Вишенкахъ. Здѣсь, въ бесѣдахъ съ фельдмаршаломъ, любившимъ богословскіе предметы, и съ покровительствуемымъ имъ Никодимомъ, впоследствии основателемъ единовѣрія, Теофилактъ, говорятъ, склонялся было къ сближенію съ церковью и изъявлялъ личное желаніе принять въ свой монастырь правильно поставленнаго и зависимаго отъ православнаго епископа священника. Но братія лаврентьевская упорно стояла на своемъ „древлемъ благочестія“, и водвореніе въ Лаврентьевомъ монастырѣ единовѣрія не состоялось. Зато монастырь Чолнскій принялъ его около 1800 года.

Въ декабрѣ 1796 года умеръ Задунайскій, и гомельское имѣніе досталось старшему его сыну, графу Николаю Петровичу, впоследствии

канцлеру Россійской имперіи. Гомель сдѣлался любимымъ его имѣніемъ, и графъ великолѣпно устроилъ его. Бывая въ Гомель (а онъ рѣдкій годъ не бывалъ въ немъ), графъ Румянцевъ неизрѣнно посѣщалъ своихъ „подданныхъ“, облеченныхъ въ камилавки и кафтыри. Въ Лаврентьевѣ и другихъ монастыряхъ встрѣчали его съ царскими, можно сказать, почестями. Заблаговременно извѣщенная о приближеніи знаменитаго гостя, монастырская братія выходила за ограду, встрѣчала графа съ колокольнымъ звономъ и пѣніемъ духовныхъ пѣсень. Навстрѣчу посѣтителю выносились кресты, иконы, хоругви, зажженные свѣчи. Румянцевъ, приложась ко кресту, обыкновенно входилъ съ пѣніемъ инокъ въ часовню, прикладывался къ образамъ и затѣмъ отправлялся къ настоятелю. Иногда привималъ участіе и въ братской трапезѣ. Можно представить, какое впечатлѣніе производили на старообрядцевъ, особенно жившихъ въ отдаленныхъ отъ Бѣлоруссіи краяхъ, такія посѣщенія ихъ монастырей столь важнымъ государственнымъ сановникомъ. Нимало не удивительно, что въ кругу старообрядскомъ и доселѣ есть старики, полагающіе за несомнѣнное, будто канцлеръ самъ придерживался „старой вѣры“. Чѣмъ же инымъ, говорятъ они, можно объяснить то великое участіе, которое графъ Николай Петровичъ принималъ во всемъ, относящемся до Лаврентьева и другихъ на его землѣ устроенныхъ монастырей? Онъ былъ ктитормъ ихъ и тайнѣ придерживался „древляго благочестія“. Одно то обстоятельство, что онъ пожертвовалъ въ Лаврентьевъ монастырь „походную икону“ своего знаменитаго родителя, съ которою онъ подвизался противъ турокъ, не служитъ ли, говорятъ они, тому доказательствомъ?

Конечно, нельзя допустить, чтобы покойный канцлеръ былъ дѣйствительно раскольниковъ. Ни воспитаніе его, ни вся молодость его, проведенная за границей среди дипломатовъ, ни отношенія его къ пастырямъ православной церкви не дозволяютъ ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что онъ никогда не былъ раскольниковъ. Тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ намъ правительственныхъ архивахъ сохранились слѣды о странномъ покровительствѣ его старообрядскимъ монастырямъ, которое до нѣкоторой степени не можетъ не казаться загадочнымъ. Такъ, на примѣръ, въ августѣ 1838 года могилевскій губернаторъ Марковъ нашелъ въ Лаврентьевѣ монастырѣ довольно богатую ризницу, въ которой особенно замѣчательна была „небольшая старинная икона, въ позлащенномъ окладѣ, принесенная въ даръ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцевымъ и извѣстная подъ именемъ *походной*. Таковыя же иконы Румянцевъ принесъ и во всѣ прочіе монастыри и часовни, находившіяся въ гомельскомъ его имѣніи“.

Канцлеръ, тотчасъ, какъ получилъ по смерти родителя гомельское имѣніе, оказалъ особенное покровительство Лаврентьеву монастырю. Вскорѣ послѣ смерти Лаврентьева преемника, игумена Теофилакта, когда монастырская братія была занята избраніемъ ему преемника,

пріѣхалъ въ монастырь мѣстный комиссаръ *) Харкевичъ и вмѣшался въ выборы. Произошли пререканія, за которыми послѣдовали угрозы комиссара запечатаніемъ часовни и келій, разогнаніемъ иноковъ и даже гнѣвомъ недавно передъ тѣмъ воцарившагося императора Павла... Харкевичъ упомянулъ даже про кибитки, въ которыхъ повезутъ лаврентьевскихъ монаховъ въ Сибирь... Монахи перепугались и написали слезно-жалобное письмо къ своему „милостивому благодѣтелю и отцу“ графу Н. П. Румянцеву, прося его защиты. Отвѣтное письмо къ Шустову, гомельскому казнохранителю, управлявшему въ то время всѣмъ румянцевскимъ имѣніемъ, и подписанное самимъ Румянцевымъ, сохраняется доселѣ въ архивныхъ дѣлахъ. Вотъ оно:

„Яковъ Шустовъ! Съ полученія сего имѣешь объявить старообрядческаго Лаврентьева монастыря инокамъ, что я письмо ихъ получилъ и сожалѣю о смерти начальника ихъ Теофилакта, тѣмъ болѣе, что онъ былъ, кажется, добрый и тихій человекъ. Но что-жъ касается до жалобы ихъ въ притѣненіи комиссара Харкевича, то увѣрь ихъ, что оныя кончились отрѣшеніемъ, по достоинству, за произведенные имъ наглые и дерзкіе поступки, чрезъ причиненіе *моимъ подданнымъ* обидъ,—отъ должности. А на мѣсто его опредѣленъ комиссаромъ Семковскій **), человекъ, по опытности знающій порядокъ, также и хранящій справедливость; слѣдовательно ожидать должны, что посредствомъ его не токмо они, но и всѣ *мои подданные* будутъ совершенно защищены отъ всякихъ угнетаній. 11-го апрѣля 1798 г. *Графъ Николай Румянцевъ*“. „Получено мая 6-го дня 1798 года“ ***).

Самъ могилевскій губернаторъ получилъ при этомъ немалыя неприятности. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе сорока почти лѣтъ, Лаврентьевъ и другіе монастыри, находившіеся на землѣ Румянцева, были какъ бы изъяты отъ вѣдѣнія уѣздной и губернской администраціи.

*) Въ родѣ нынѣшняго станового пристава.

***) Полякъ-католикъ,

***) Это письмо графа Румянцева, съ другими подобными документами и съ разными денежными актами и долговыми обязательствами къ Лаврентьеву монастырю разныхъ старообрядцевъ Огороденской волости Гомельскаго (прежде Бѣлицкаго) уѣзда, тщательно сохранялось въ ризницѣ Лаврентьева монастыря. По упраздненіи его въ 1844 году, присланные правительствомъ чиновники ихъ не нашли, и десять лѣтъ всѣ полагали, что эти документы пропали. Впослѣдствіи оказалось, что ихъ вмѣстѣ съ мощами Викентія тайно взялъ съ собой послѣдній лаврентьевскій игуменъ, инокъ Аркадій (Шапошниковъ), впослѣдствіи экзархъ некрасовскій и епископъ славскій. Бумаги эти найдены въ 1854 году чиновникомъ особыхъ порученій при бывшемъ харьковскомъ генералъ-губернаторѣ Кокоскинѣ, штабъ-ротмистромъ Родзинко, во время обыска, произведеннаго имъ въ городѣ Черкасахъ, Кіевской губерніи, въ тамошнемъ женскомъ старообрядческомъ монастырѣ, въ келіи родной сестры Шапошникова, вдовы Анны Родіоновны Бѣликовой. Теперь онъ хранится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Графъ Румянцевъ, заботясь о порядкѣ въ „своихъ“ старообрядскихъ монастыряхъ и о твердомъ храненіи въ нихъ иноческаго устава, силою помѣщичьей власти, а несравненно болѣе силою своего государственнаго значенія, распоряжался, ничѣмъ не стѣсяясь. Онъ изгонялъ изъ монастырей пришедшихъ со стороны раскольниковъ, если они чѣмъ-нибудь провинились передъ игуменомъ обители и передъ соборомъ монастырскимъ. Онъ приказывалъ тѣлесно наказывать монаховъ и бѣльцовъ, находившихся въ крѣпостной отъ него зависимости. Онъ самолично, или чрезъ управлявшаго гомельскимъ имѣніемъ г. фонъ-Фока, разбиралъ монастырскія ссоры и неурядицы и строго наблюдалъ за непорочностью инокинъ и бѣлицъ Спасовой слободы. Нѣмецъ фонъ-Фокъ *) переписывался по духовнымъ дѣламъ съ лаврентьевскимъ игуменомъ Симеономъ и, немного, конечно, смысла въ дѣлѣ раскола, пускался въ курьезныя разсужденія о правилахъ старообрядскаго житія, выдумывая при удобномъ случаѣ изъ своей головы небывалыя изреченія апостола Павла. Г. фонъ-Фокъ до того простеръ заботу о цѣломудріи разгульвыхъ бѣлицъ и инокинъ Спасовой слободы, что возвелъ въ санъ игуменъ дѣвичьяго монастыря инока, не принявъ во вниманіе, что избранная по его административнымъ соображеніямъ игуменья принадлежитъ не къ тому полу **).

*) Г. фонъ-Фокъ впоследствии былъ директоромъ особой канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ и завѣдывалъ дѣлами о раскольникахъ. Потомъ, въ началѣ царствованія императора Николая, былъ первымъ управляющимъ III отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

**) Собственноручное письмо г. фонъ-Фока взято у Анны Бѣликовой. Вотъ оно: «Лаврентьева монастыри начальнику отцу Симеону. Чрезъ пятигодичное мое въ Гомелѣ пребываніе не вижу порядка, кромѣ разстройства, въ дѣвичьемъ слободы Спасовой монастырѣ, какъ монахини съ прочими бѣлицами безпорядочно жительствоуютъ и принимаютъ къ себѣ различнаго рода бродягъ, за что въ прекращеніе ихъ своевольства не имѣющія надъ собой настоящей начальницы! За что я опредѣляю оный монастырь дѣвичій подъ ваше смотрѣніе и вѣдѣніе, дабы вы опредѣлили къ нимъ строгаго и честнаго поведенія монаха, который бы ихъ соблюдалъ и увѣщевалъ къ порядкамъ и житію законному, яже пишетъ (?) апостолъ Павелъ: «подобаетъ монахинямъ благоговѣно, въ тихости, кротости, воздержаніи, въ постѣ и молитвахъ, а не въ пьянствѣ и злослованіи». Но я васъ закону и обряду вашему не учу и не запрещаю, а какъ вы о законахъ сами учены, извѣстны, такъ и его наблюдайте и моленіе свое къ небу прострайте. Во вторыхъ, апостолъ Павелъ вопіетъ (?): «аще кто повинуется власти земной, той и повинуется Богу, аще кто противится власти земной, той противится и Богу». Но я вамъ вкратцѣ (sic) пишу, за то, что вы о законахъ сами извѣстны. Безпорочное и Богу угодное житіе ваше, устройство и порядокъ, которое въ монастырѣ, вами управляемомъ, существуетъ, кротость, поведеніе и строгае ваше наблюденіе правилъ монашескихъ удостовѣряютъ меня, что вы возстановите въ дѣвичьемъ монастырѣ такой же порядокъ къ благоугодности Божией и въ повиновеніи святыхъ Его заповѣдей. Если-жъ бы, сверхъ чаянія моего, на обузданіе развращенныхъ и на приведеніе ихъ въ послушаніе, пужна быть могла власть свѣтекая или помѣщичья, то изволите отнестись ко мнѣ или казнохранителю Шустову, кому над-

Подъ покровительствомъ Румянцева, гомельскіе старообрядскіе монастыри достигли цвѣтущаго состоянія, особенно Лаврентьевъ. Во всѣхъ монастыряхъ было болѣе двухсотъ человекъ братіи, въ женскомъ же до тридцати монахинь, не считая огромной вереницы нестриженныхъ дѣвокъ. И въ мужскихъ и въ дѣвичьемъ монастырѣ, въ надеждѣ на мощную защиту государственнаго канцлера, преспокойно жили бѣглецы и безпаспортные. Земская полиція Вѣлицкаго уѣзда не рѣшалась ихъ преслѣдовать, вѣроятно, памятуя участь комиссара Харкевича. Даже не на земляхъ Румянцева въ Вѣлицкомъ уѣздѣ привольно было жить старообрядцамъ: въ началѣ вышшняго столѣтія неподалеку отъ гомельскаго имѣнія устроился новый поповщинскій монастырь—Никольскій. Онъ заведенъ былъ въ имѣніи пана Поцѣя, помѣщика польскаго происхождения.

Чѣмъ же объяснить такое покровительство графа Румянцева старообрядству? Знавшіе лично канцлера объясняютъ это очень просто. Графъ, собравшій (преимущественно у старообрядцевъ) драгоценное собраніе старинныхъ русскихъ рукописей, находящихся нынѣ въ Московскомъ музеѣ, несмотря на огромное состояніе, несмотря на то, что у него не было потомства, былъ неимоვნю скупъ. Такъ, онъ Калайдовичу за такой трудъ, какъ „Іоаннь экзархъ Болгарскій“, заплатилъ только 25 р. ассигнаціями; такую же плату получали отъ него и другіе составители и переводчики издаваемыхъ имъ книгъ. Ограждая „своихъ подданныхъ“ старообрядцевъ, покровительствуя имъ, принося въ даръ ихъ монастырямъ родовыя иконы, Румянцевъ за безцѣнокъ, а большею частью и совсѣмъ даромъ, приобрѣлъ драгоценное собраніе. Старообрядцы Лаврентьева и другихъ монастырей, посредствомъ своихъ агентовъ, повсюду собирали древнія рукописи и дарили ихъ могущественному покровителю.

По смерти Теофилакта игуменомъ Лаврентьева монастыря избранъ Симеонъ (1797 г.), пользовавшійся большимъ уваженіемъ старообрядцевъ не только мѣстныхъ, но и отдаленныхъ. Особенно онъ былъ уважаемъ въ Петербургѣ. Былъ онъ уроженецъ города Ржева, пришелъ въ Лаврентьевъ монастырь еще въ молодости и прожилъ тамъ до преклонныхъ лѣтъ. Пользуясь особеннымъ покровительствомъ графа Румянцева, этотъ домостроительный игумень успѣлъ довести бѣдный до того монастырь до цвѣтущаго состоянія.

Въ Лаврентьевѣ монастырѣ была построена обширная холодная церковь, во имя Живоначальныя Троицы, деревянная на каменномъ фундаментѣ, о шести куполахъ. Рядомъ съ ней стояла колокольня съ колоколами и башенными часами съ боемъ. Другая часовня во имя Срѣтенія

зорь отъ меня порученъ, п ожидайте во всѣхъ случаяхъ, гдѣ къ порядку и устройству клонится, моего безпрекословнаго содѣйствія. *Іаковъ Фокъ*. Марта 29-го дня 1804 года, № 437. Курьезный документъ этотъ хранится въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Господня, теплая, и при пей трапеза или келарня стояли неподалеку. Кромѣ того въ оградѣ монастыря находились: большой домъ для настоятеля, семнадцать братскихъ келій, хлѣбный амбаръ, два сарая, конюшня—все деревянное. За оградою рига и другія хозяйственныя постройки. Все это построено при графѣ Николаѣ Петровичѣ Румянцевѣ и съ его разрѣшенія.

„Лаврентьевъ монастырь, — говоритъ въ своей запискѣ покойный В. А. Алябьевъ, бывший въ немъ передъ самымъ закрытіемъ: — стоитъ на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою Узой, за которою на нѣсколько верстъ тянутся непроходимые болота и лѣса. Черезъ рѣку положены „кладки“ *), черезъ которыя раскольники при появленіи полицейскаго чиновника **) усылають бродягъ и бѣглыхъ въ прилегающіе лѣса и болота. Этотъ монастырь самъ по себѣ, какъ и всѣ уединенныя мѣста, внушаетъ чувство благоговѣнія. Древность его, преданія, жизнь, повидимому, довольно строгая, дряхлыхъ и въ преклонныхъ лѣтахъ находящихся иноковъ — запечатлѣли въ народѣ это благоговѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ расширили молву о святости мѣста. Изъ Москвы, съ Дону и изъ отдаленныхъ губерній спѣшили усердствующіе и набожныя раскольники приносить сюда дары. Приношеніе одного московскаго купца, который умеръ въ этомъ монастырѣ инокомъ, простиралось въ недавнемъ времени, по словамъ монастырскихъ жителей, до пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями ***). Скопленное такими приношеніями богатство доказывается нынѣ, при всемъ умаленіи подаваній, многоцѣною ризницей, образами въ дорогихъ окладахъ, изъ коихъ нѣкоторые стоятъ, по словамъ иноковъ же, отъ трехъ до пяти тысячъ рублей ассигнаціями, постройкой деревяннаго зданія подъ названіемъ „ризицы“ ****) и по-

*) Узенькіе безъ перилъ мосточки.

**) Это писано черезъ 15 лѣтъ по смерти канцлера Румянцева.

***) Здѣсь дѣйствительный статскій совѣтникъ Алябьевъ разумѣетъ Іоасафа Морозова, о которомъ было упомянуто выше и впереди будетъ сказано. Но монахи въ разговорахъ съ чиновникомъ министра (Алябьевымъ) уменьшили стоимость морозовскаго вклада. Жившіе въ то время въ Лаврентьевомъ монастырѣ, теперь единовѣрческіе иноки, и московскіе старообрядцы, знающіе хорошо дѣло своей общины, единогласно утверждаютъ, что Морозовъ изъ своего милліона десятую долю отдалъ на монастырь.

****) Это трапезная церковь во имя Чуда Архангела Михаила ниже въ Колоссаехъ. Пожаръ былъ послѣ 1827 года, когда воспрещены новыя постройки и даже починки раскольниковскихъ часовенъ и моленныхъ. Поэтому лаврентьевскій игуменъ Аркадій, извѣщенный заблаговременно исправникомъ-католикомъ о пріѣздѣ министерскаго чиновника (Алябьева), вынесъ изъ трапезной церкви всю утварь, составляющую принадлежность церкви, и обратилъ такимъ образомъ храмъ въ ризницу. Въ этой ризницѣ хранились шесть иконъ, присланныхъ изъ Калуги основателемъ монастыря, его «Псалтырь», по которой онъ молился, и другія его богослужебныя книги, считавшіяся святынею; икона Ржевской Богородицы, принесенная игуменомъ Симеономъ, которой въ Лаврентьевѣ монастырѣ праздновали,

выхъ келій вмѣсто сгорѣвшихъ отъ бывшаго въ монастырѣ пожара, и наконецъ найденными въ монастырѣ хлѣбными запасами (1.000 четвертей). Такимъ образомъ знаменитость монастыря укоренилась, влияние его на народную массу усилилось до того, что онъ бралъ преимущество не только надъ другими монастырями Вѣлицкаго уѣзда, но и надъ находящимися въ слободахъ смежной Черниговской губерніи. Словомъ, Лаврентьевъ монастырь сдѣлался соборомъ раскольниковъ. Монахи-мѣщане *) — это бывшіе купцы. Они принесли съ собой значительные капиталы, остающіеся въ ихъ рукахъ до смерти, а потомъ поступающіе въ собственность монастыря. Всѣ они занимаются собственнымъ хозяйствомъ и свойственнымъ каждому ремесломъ. Продавая свои произведенія въ Гомелѣ, куда отлучаются по своей волѣ, они все добытое ими не отдаютъ въ общую братскую кассу, но оставляютъ для себя. Избранный ими настоятель обязанъ кормить ихъ, одѣвать, оплачивать за нихъ подати и ходатайствовать у мѣстнаго начальства за ихъ проступки, что и исполнять, дабы сохранить свое званіе, употребляя для сего два средства: приношенія усердствующихъ и разсылку по разнымъ губерніямъ иноковъ для сбора подаяній. Всѣ собранныя такимъ образомъ деньги настоятель расходуетъ безотчетно, равно и сборщики подаяній отдаютъ набранное настоятелю тоже безотчетно. Здѣсь каждый молчитъ, хотя мысленно и увѣренъ въ обманѣ, въ которомъ каждый участвовалъ или надѣется, въ свою очередь, когда-нибудь участвовать. Столь обезпеченное состояніе иноковъ, при собственномъ каждого достояніи, доставляетъ жителямъ монастыря жизнь спокойную, независимую, съ неограниченною волей каждому дѣлать все, что хочетъ, не отдавая никому отвѣта въ своихъ дѣйствіяхъ. На церковныхъ службахъ монахи и бѣльцы бывають, когда приходитъ имъ охота молиться“ **).

и другія вещи. Ризъ священническихъ парчевыхъ въ ризницѣ было 10, полуарчевыхъ 13, матерчатыхъ 31, всего 54; стихарей 29. Все это заимствовано нами изъ официальныхъ бумагъ, находящихся въ правительственныхыхъ архивахъ, гдѣ находится и подлинная записка Алябьева. Копію съ нея, нѣсколько отличную отъ официальной записки (только въ нѣкоторыхъ лишь выраженіяхъ), получили мы лично отъ В. А. Алябьева въ 1849 году на Керженцѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ покойнымъ, приводили въ извѣстность тогдашнее состояніе знаменитыхъ нѣкогда скитовъ Керженскихъ и Чернораменскихъ.

*) При закрытіи Лаврентьева монастыря, изъ 36 монаховъ и 6 бѣльцовъ было купцовъ 3-й гильдіи, записанныхъ по городу Вѣлицамъ, двое (монахъ Антоій 82 лѣтъ и бѣлецъ Алексій Филатьевъ, жившій съ 1832 года); мѣщанъ 19 монаховъ и два бѣльца. Этыхъ мѣщанъ-монаховъ было: записанныхъ по городу Вѣлицамъ, по Кременчугу и Калугѣ по 5, по Москвѣ 3, по городамъ Рѣчицѣ, Новозыбкову, Новогеоргиеву, Николаеву и Бендерамъ и по посадамъ Добрянкѣ и Клинкамъ по одному. Бѣльцовъ-мѣщанъ было два бѣлицкихъ, одинъ екатеринославскій и одинъ рогачевскій. Всѣ они изъ купеческихъ фамилій.

**) В. А. Алябьевъ. «Записки о Лаврентьевомъ монастырѣ».

Онуфрій, бывшій епископъ браиловскій и намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита, а потомъ инокъ Николаевскаго единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ, жившій нѣкоторое время въ Лаврентьевѣ монастырѣ, рассказываетъ, что сборщики, о которыхъ сейчасъ шла рѣчь, бывало, напередъ сторгуются съ игуменомъ—сколько дать ему по возвращеніи: половину или треть, а остальное удерживали съ свою пользу. Отправляясь въ путь, каждый сборщикъ напечетъ, бывало, просфоръ, насушитъ ихъ цѣлый мѣшокъ и пойдетъ съ нимъ страствовать по городамъ и деревнямъ, увѣряя старообрядцевъ, что онъ антидоръ раздаетъ. За эти просфоры собирали очень много денегъ отъ добрыхъ дателей. Нѣкоторые въ особыхъ ящикахъ разносили св. дары, но были ли они дѣйствительно освящены или нѣтъ—это же оставалось на совѣсти сборщиковъ. Особенно отличался въ Лаврентьевѣ монастырѣ сборщикъ старецъ Исаакій: никто, бывало, столько не наберетъ денегъ, какъ онъ, ибо имѣлъ большое знакомство съ зажиточными старообрядцами. Бывшій лаврентьевскій инокъ Іоакимъ Кашинъ *) однажды изъ одного Моршанска привезъ семь тысячъ рублей.

Пока живъ былъ канцлеръ Румянцевъ, не только полиція не имѣла вѣзда въ старообрядскіе монастыри гомельскаго имѣнія, но и православное духовенство лишено было возможности дѣйствовать на монастырскихъ жителей путемъ духовно-нравственнаго убѣжденія. Января 2-го 1826 года канцлеръ умеръ, и могилевскій архіепископъ Гавріиль не замедлилъ посѣтить Лаврентьевъ монастырь. Это было дѣломъ того же 1826 года. Старообрядскіе иноки встрѣтили его съ почетомъ: звонили въ колокола, вышли навстрѣчу съ пѣніемъ, съ иконами, свѣчами, съ хлѣбомъ-солью. Архіепископъ благосклонно отнесся къ инокамъ, осмотрѣлъ ихъ обитель и сталъ уговаривать принять единовѣріе. Семь монаховъ изъ самыхъ значительнѣйшихъ, и во главѣ ихъ Іаковъ, подписали актъ о присоединеніи къ православію на условіяхъ единовѣрія. Архіепископъ представилъ этотъ актъ въ Петербургъ, но присоединеніе не состоялось. Какъ скоро уѣхалъ Гавріиль, въ Лаврентьевѣ монастырѣ возникли ссоры и распри, были и драки, во время которыхъ побѣда оставалась, разумѣется, за болѣе многочисленными противниками Іакова. Симеонъ въ это время уже одряхлѣлъ и не могъ возстановить порядка. Полиція, дотошъ не вмѣшивавшаяся въ дѣла Лаврентьева монастыря, начала въ немъ расиоряться. Дѣло поведено было такъ, что неизбежная ссора монастырскихъ жителей представлена была въ видѣ „бунта Іакова“. Говорили и писали, что Іаковъ подписался на предложенный архіепископомъ Гавріиломъ актъ единственно съ цѣлью получить прибыльное мѣсто игумена. Говорили, что Іаковъ подверженъ закономъ—это дѣйствительно за нимъ водилось. Лаврентьевскіе монахи распространили слухъ, будто Іаковъ запоемъ пилъ и въ то время, когда

*) Московскій мѣщанинъ Иванъ Петровичъ Кашинъ, постриженникъ Лаврентьева монастыря.

въ монастырѣ былъ архіепископъ. Отъ имени братства написано было слезное просительное письмо о защитѣ къ брату канцлера, графу Сергѣю Петровичу, которому досталось гомельское имѣніе. Въ архивныхъ дѣлахъ есть указаніе, что, по его ходатайству, въ Петербургѣ дѣло о присоединеніи къ единовѣрью нѣкоторыхъ изъ лаврентьевской братіи было оставлено безъ послѣдствій. Старообрядцы ободрились, увидя, что и по смерти канцлера не лишились они сильнаго покровительства. Іаковъ съ единомышленниками былъ изгнанъ изъ монастыря съ позоромъ. Послѣ онъ жилъ въ Никольскомъ монастырѣ (Полоса), что близъ посада Клинцовъ. По настояніямъ родныхъ сестеръ, старообрядскихъ инокинь, онъ оставался въ расколѣ и умеръ въ немъ.

Тридцать два года управлялъ монастыремъ Лаврентьевымъ (1797 — 1829), держалъ въ немъ строгій порядокъ и возвысилъ въ средѣ старообрядцевъ доброе о немъ мнѣніе. Не богатствомъ украшеній церковныхъ, не многолюдствомъ иночествующей братіи, какъ монастыри иргизскіе, стародубскіе и керженскіе, прославился въ Симоново время Лаврентьевъ монастырь, но благоустройствомъ. Отдаленный отъ селеній, а что еще важнѣе — не имѣвшій въ сосѣдствѣ женскихъ монастырей, не представлялъ онъ возможности развиться въ монашеской средѣ разгуду, обыкновенно господствовавшему въ обителяхъ старообрядскихъ. Пьянство случалось, но далеко не столь безобразное, какъ, напримѣръ, на Иргизѣ. Безъ мѣры предававшихся этому пороку смиряли тѣлесными наказаніями, сидѣнемъ въ поварихѣ на цѣпи и даже изгнаніемъ изъ монастыря. Но не столько монастырскія наказанія, сколько боязнь гнѣва могущественныхъ покровителей обители, Румянцевыхъ, воздерживала отъ безпорядковъ лаврентьевскую братію. И въ другихъ старообрядскихъ монастыряхъ бывали игумены не хуже Симеона — люди благочестивые и строгіе, но никогда не могли они содержать безпастушную свою братію въ такомъ повиновеніи, какъ содержалъ ее Симеонъ; нигдѣ не могли такъ сохранить благочиніе, какъ сохранилось оно въ монастыряхъ гомельскаго имѣнія. По сознанію самихъ старообрядцевъ, столь нерѣдко бывающія въ средѣ ихъ безчинія, безобразные поступки и другія нарушенія устава, отъ буйства охмѣлѣвшихъ подвижниковъ до соблазнительныхъ споровъ и взаимныхъ клятвъ, которыми въ послѣднее время столь усердно обмѣниваются самые ихъ епископы, происходятъ единственно вслѣдствіе отсутствія сильной власти, власти законной, — власти, зорко наблюдающей за поступкамъ духовенства и монашества. При отсутствіи ея — своеволіе неизбѣжно, и средствъ уничтожить его нѣтъ. Для монастырей гомельскихъ государственный канцлеръ представлялъ если не законную, то весьма сильную и вліятельную власть. Достаточно было Симеону, возведенному графскою волей въ должность благочиннаго надъ всеѣми старообрядскими гомельскими монастырями, сказать одно слово о нарушителѣ монастырскаго благочинія, — его немедленно постигала грозная кара мо-

гущественнаго Румянцева (или выгонять, или выпорютъ). Не говоря уже о безчиніяхъ въ монастыряхъ мужскихъ, въ самія даже любовныя походы обитательницъ дѣвичьяго монастыря заботливо проникалъ всемиряющій взоръ государственнаго канцлера, а ревностный поборникъ цѣломудрія читалокъ. нѣмецкій человекъ фонъ-Фокъ, съ своею племенію его аккуратностію слѣшилъ все привести въ должный порядокъ. При такой сильной поддержкѣ, лаврентьевскому игумену не трудно было сохранять благочиніе въ монастыряхъ, вѣрныхъ его попеченію.

Въ послѣдніе годы своей жизни устарѣлый Симоонъ только носилъ званіе игумена. Лѣта и заботы утомили дѣятельнаго нѣкогда старца. Особенно ослабили его прежнюю энергію горькія испытанія 1826 года: смерть графа Николая Петровича, затѣмъ такъ-называемый „бунтъ Іакова“ и наконецъ строгость новыхъ правительственныхъ мѣръ относительно старообрядства. Они разрушительно подѣйствовали на здоровье и силы Симоона. Обительскими дѣлами управлялъ казначей Богдѣль. Симоонъ умеръ въ 1829 году, и на мѣсто его въ игумены избранъ старецъ Михаилъ, дѣйствительнымъ же правителемъ сдѣлался новопрібывшій тогда изъ Кременчуга инокъ Аркадій Шапошиковъ, о которомъ рѣчь впереди *).

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ Лаврентьевѣ монастырѣ доживали свой вѣкъ старцы, поселившіеся тамъ еще въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Таковы были: старецъ Аванасій, пришедшій въ монастырь еще въ 1788 году и семьдесятъ лѣтъ въ немъ прожившій. Онъ значился въ книгахъ бѣлицкимъ мѣщаниномъ Андреемъ Тимошевымъ, но вся монастырская братія говорила, что онъ не простого, а „высокаго рода“. Дѣйствительно, Аванасій происходилъ изъ бѣдныхъ великороссійскихъ дворянъ и поступилъ въ Лаврентьеву обитель подѣ чужимъ именемъ. Былъ онъ „простою человѣкъ“, жилъ въ совершенномъ послушаніи и отрѣшеніи своей воли, молился день и ночь, плакалъ и вообще велъ себя какъ младенецъ. Не былъ онъ юродивымъ, но, проникнутый до послѣдней степени аскетизмомъ — дошелъ до состоянія младенческаго незлобія, но въ то же время младенческой несмышленности. Его считали святымъ человѣкомъ, говорили, будто подобныхъ старцевъ и въ древности мало бывало, гордились такимъ подвижникомъ, что не мѣшало однакоже лаврентьевскимъ мнхамъ потѣшаться иногда надъ слабоумнымъ. Жилъ въ Лаврентьевѣ съ 1798 года старецъ Игнатій, числившійся бѣлицкимъ мѣщаниномъ Иваномъ Прокофьевымъ. Это былъ строгій жизни монастырскій конюхъ, также не отличавшійся

*) Въ IX главѣ, основываясь на «Запискѣ о Рогожемъ кладбищѣ» протоіерея Арсеньева, мы сказали, что на рогожемъ соборѣ 1832 года находился лаврентьевскій игуменъ Симоонъ. Но Симоона въ это время уже не было въ живыхъ, а управлялъ монастыремъ Михаилъ, который, вѣроятно, и пріѣзжалъ въ Москву въ 1832 году.

ви умомъ ни энергіей, зато усердно исполнявшій келейное правило, носившій тяжелыя вериги и до такой степени усилившій постъ, что въ иные дни питался лишь сѣномъ и овсомъ изъ однѣхъ яслей со ввѣренными попеченію его конями. Былъ въ Лаврентьевѣ строгій подвижникъ Ілія (бѣлицкій мѣщанинъ Родіонъ Демидовъ), родомъ бѣлорусецъ, жившій въ монастырѣ съ 1803 года. Не менѣе его подвижническою жизнью отличался инокъ Сергій (московскій мѣщанинъ Семень Сергѣевичъ Масленниковъ, уроженецъ калужскій), сдѣлавшійся казначеемъ по смерти инока Богодѣпа. Высокаго роста, здоровый, даже тучный, считался онъ самымъ благообразнымъ и представительнымъ инокомъ изъ лаврентьевской братіи, человекъ былъ умный, отличался трезвостью и ревностью къ старообрядству, доходившею нерѣдко до слѣпотаго фанатизма. Но всѣхъ болѣе отличался строгимъ подвижничествомъ старецъ Харалампій. Давно исшелъ онъ изъ монастыря ради болѣе суровыхъ аскетическихъ подвиговъ и поселился въ лѣсу, питался кореньями, носилъ тяжелыя вериги и только разъ въ недѣлю, по субботамъ, приходилъ изъ пустынной келіи въ монастырь. Никто никогда не замѣчалъ, чтобы отецъ Харалампій на кого-нибудь осердился или о комъ-нибудь сказалъ укорительное слово. Онъ почти не спалъ, а иногда налагалъ на себя обѣдъ молчанія и безмолвствовалъ года по два и больше. Такая молва шла про отца Харалампія, и старообрядцы заживо сочли его святымъ. Жилъ еще въ Лаврентьевѣ монастырѣ замѣчательный старецъ, о которомъ мимоходомъ было уже упомянуто. Еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, старообрядецъ по рожденію, уроженецъ Москвы, восемнадцатилѣтній юноша Морозовъ, начитавшись „Патерикоу“, возжелалъ подражать жизни преподобныхъ пустынниковъ стараго времени. Оставивъ родину и давъ предъ Богомъ обѣтъ сдѣлаться инокомъ, перешелъ онъ тогдашній литовскій рубежъ и явился къ Лаврентію. Лаврентій принялъ его къ себѣ въ послушника, но не болѣе трехъ лѣтъ пылкій юноша могъ раздѣлять труды и лишенія съ бѣдною еще тогда лаврентьевскою братіею. Смущали его и страсти, влекли онъ юнаго Морозова назадъ, въ легкомысленно покинутый имъ міръ. Видя внутреннюю борьбу въ своемъ послушникѣ, самъ Лаврентій потребовалъ отъ него, чтобы оставилъ онъ пустынную обитель и, пока не утихнутъ въ немъ страсти, пожилъ бы въ мірѣ. На возраженія Морозова, что онъ далъ уже предъ Богомъ обѣтъ нескончаемаго житія иноческаго, Лаврентій будто бы сказалъ ему: „будетъ время — надѣнешь камилавку, а теперь поживи пока въ мірѣ“. Объ этомъ-то юношѣ, рассказываютъ старообрядцы, предрекалъ умирающій Лаврентій, говоря, что принесетъ въ устроенную имъ обитель великое богатство нѣкій юноша, жившій въ монастырѣ, но суеты ради міра сего отшедшій инуду. Морозовъ, покинувъ монастырь, женился и занялся торговыми дѣлами. Счастье везло ему, и онъ вкорѣ составилъ хорошее состояніе. Переселившись въ Елисаветградъ, онъ сдѣлался тамъ самымъ значительнымъ купцомъ и нажилъ милліонный капиталъ. Жилъ

онъ въ этомъ городѣ до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Было ему почти сто лѣтъ, жизнь стала въ тягость. Свѣтъ опостылѣлъ, смерть не приходила. Много и слезно просилъ онъ Бога о концинѣ, но тщетно. И пришло богатому купцу въ помышленіе, что до тѣхъ поръ не вкуситъ отъ смерти, пока не исполнитъ даннаго Богу и нарушеннаго во дни юности обѣта. И вотъ, оставивъ міръ и почетъ, которымъ пользовался, направилъ онъ путь къ монастырю Лаврентьеву. Его сопровождалъ вѣрный его приказчикъ, Данила Астафьевъ, не захотѣвшій разлучиться съ хозяиномъ, рѣшившійся служить ему и въ монастырѣ. Поставили они себѣ въ Лаврентьевой обители келію, поселились въ ней и оба приняли иночество. Морозовъ наименованъ былъ Іоасафомъ, Астафьевъ — Дороеемъ. Это было въ 1832 году, въ то время, какъ началось дѣло исканія архіерейства. Пробывъ во иночествѣ лѣтъ шесть, Іоасафъ Морозовъ умеръ и былъ погребенъ подлѣ большой часовни, близъ гроба прежняго своего наставника, старца Лаврентія, основателя обители. До ста тысячъ рублей употреблено было имъ въ шесть лѣтъ на устройство монастыря, въ который пришелъ онъ искать смерти. Остальное богатство досталось родетвенникамъ. Хорошо устроенная келья Морозова была лучше игуменской и полна всякаго рода движимостью. По смерти хозяйни досталась она пришедшему съ нимъ въ монастырь иноку Дороею.

Въ послѣдніе годы Симеонова игуменства большое значеніе въ Лаврентьевомъ монастырѣ получилъ старецъ Аркадій, пришедшій изъ Кременчуга съ восемью другими старообрядцами этого города *). Онъ поселился здѣсь въ 1825 году, незадолго до смерти покровителя старообрядцевъ гомельскихъ, графа Николая Петровича Румянцева. Когда въ 1826 году пріѣхалъ въ обитель могилевскій архіепископъ, по совѣту этого самаго Аркадія, съ первыхъ дней пребыванія въ монастырѣ возвысившагося надъ прочею братіей умомъ и ловкостью въ обхожденіи, нежданному гостю сдѣланъ былъ почетный пріемъ. Но когда вслѣдъ затѣмъ извѣстный уже намъ Іаковъ вздумалъ обратиться въ единовѣріе, въ Аркадіи онъ нашелъ самаго спльнаго соперника. Стараніями кременчугскаго пришельца разстроено было намѣреніе соглашавшихся принять единовѣріе; онъ сочинялъ посланное къ графу Сергѣю Петровичу письмо, онъ возбуждалъ братію противъ Іакова и достигъ своей цѣли. Это возвысило Аркадія во мнѣніи старообрядцевъ, онъ стяжалъ своимъ поступкомъ славу крѣпкаго стоятеля за „древлее благочестіе“ и сдѣлался настоящимъ правителемъ обители еще при жизни престарѣлаго Симеона. Самъ игумень и казначей Боголѣпъ ничего не дѣлали безъ совѣта съ нимъ; всякое слово Аркадія было словомъ рѣшительнымъ на монастырскомъ соборѣ. По смерти Симеона избранъ былъ въ

*) Въ томъ числѣ старцы Савва и Евфросинъ, впоследствии съ Аркадіемъ ушедшіе въ Добруджу къ неграсовцамъ.

настоятели старецъ Михаилъ; при немъ вліяніе Аркадія на монастырскія дѣла еще больше усилилось. Послѣ кратковременнаго игуменства Михаила, братія единогласно избрала его въ настоятели.

Аркадій (Андрей) родомъ былъ изъ посада Клинцовъ, Черниговской губерніи, сынъ тамошняго мѣщанина Родіона Харлампіевича Шапошникова. По смерти родителей, онъ и всѣ братья и сестры его переселились въ Кременчугъ, кромѣ старшей сестры Татьяны, вышедшей замужъ на родниѣ за мѣщанина Черкасова. Старшій изъ братьевъ, Александръ, занимался въ Кременчугѣ соляною торговлей, двое другихъ, Василій и Андрей, писали иконы и продавали ихъ старообрядцамъ; младшая сестра, Анна, вышла замужъ за кременчугскаго купца Протопопова *).

*) Заимствуемъ изъ показаній родственниковъ Андрей Шапошникова (впоследствии епископъ славскій) извѣстія объ его родѣ-племени. Сестра его Анна Родіоновна Бѣликова, жившая въ 1854 году въ городѣ Черкасахъ, въ тамошнемъ женскомъ старообрядческомъ монастырѣ, находившемся подъ управленіемъ игумена Маргариты, на допросѣ показала: она купеческая вдова, 50 лѣтъ, родомъ изъ Клинцовъ, замужемъ была два раза: въ первомъ бракѣ за кременчугскимъ купцомъ Василюмъ Васильевичемъ Протопоповымъ, умершимъ въ 1835 году, когда уже братъ ея Андрей былъ настоятелемъ Лаврентьева монастыря; во второмъ бракѣ за кременчугскимъ же купцомъ Гаврилой Степановичемъ Бѣликовымъ, умершимъ въ 1837 г. Родители наши, клинцовскіе мѣщане, отецъ, Родіонъ Харлампіевичъ Шапошниковъ, и мать, Домника Петровна, уже скончались. У нихъ были дѣти: Александръ, давно умершій, Василій, жившій въ 1854 г. въ Кременчугѣ въ своемъ домѣ, онъ (въ то время былъ) приказчикомъ у купца Чибисова, торгующаго солью. Василій Родіоновичъ женатъ на кременчугской мѣщанкѣ Иринѣ Трофимовнѣ Романовой, у нихъ дѣти: Иванъ 18 и Марья 16 лѣтъ. Другой братъ — Андрей Родіоновичъ, во множествѣ Аркадій; былъ онъ въ Лаврентьевѣ монастырѣ прежде инокомъ, а въ 1835 году, когда ѣздилъ къ князю Паскевичу въ Варшаву, былъ уже настоятелемъ того монастыря. По уничтоженіи Лаврентьева монастыря, Аркадій ушелъ въ Турцію и первое письмо писалъ къ сестрѣ изъ Тульчи, гдѣ объяснялъ, что «онъ получилъ землю и насадилъ виноградъ», и что вообще тамъ жизнь хорошая. Онъ звалъ къ себѣ за границу обѣихъ сестеръ, уже овдовѣвшихъ, но онѣ, не зная навѣрное, гдѣ братъ ихъ находится, и не имѣя достаточныхъ средствъ для поѣздки за границу, приглашенія его не приняли. Аркадій былъ женатъ въ Кременчугѣ на Хіоніи Яковлевнѣ Дударевой. Отца ея звали Яковъ Ивановичъ, умеръ онъ года три тому назадъ, оставивъ домъ дочери Хіоніи, которая и теперь (въ 1854 году) въ немъ живетъ. Она вышла за Аркадія *вдовою*, сначала была за какимъ-то Игнагомъ, отъ коего у ней два сына, пасынки Аркадію — Михайла да Самойла, оба они выдѣлываютъ овчины въ Кременчугѣ. Отъ отца Аркадія у Хіоніи былъ сынъ, но умеръ въ малолѣтствѣ. Аркадій съ Хіоніею Яковлевною жилъ года три, а потомъ, не зная за что, разошлись; она осталась въ Кременчугѣ, а онъ пошелъ въ Лаврентьевъ монастырь. Онъ и братъ Василій долго жили въ Кременчугѣ, занимался иконописаніемъ. У самой Анны Родіоновны Бѣликовой двѣ дочери, племянницы Аркадію: Васса за кременчугскимъ купцомъ Яковомъ Андреевичемъ Шульгинымъ и Евдокія, уже умершая, бывшая замужемъ за мѣщаниномъ Петромъ Фатовымъ; у Евдокіи было нѣсколько дочерей, и старшую дочь ея, внучку Бѣликовой, Елену Петровну, Фатовъ недавно (1854 г.) выдалъ

Андрей Родіонович Шапошниковъ, будучи еще очень молодымъ чело­вѣкомъ, женился въ Кременчугѣ на вдовѣ Хіоніи Яковлевиѣ, дочери тамошняго купца Якова Ивановича Дударева, чело­вѣка достаточнаго. Хіонія Яковлевна отъ перваго мужа Игнатія, по фамиліи намъ неиз­вѣстнаго, имѣла двухъ сыновей: Михаила и Самуила, которые, можетъ-быть, и до сихъ еще поръ занимаютъ выдѣлкою овчинъ въ Кремен­чугѣ. Молодая вдова, кажется, не принесла семейнаго счастья Андрею Родіоновичу. Онъ имѣлъ отъ нея сына, умершаго въ младенчествѣ, и вскорѣ послѣ его рожденія начались у мужа съ женой несогласія. Въ 1824 году, послѣ трехлѣтней супружеской жизни, Шапошниковъ тайно оставилъ постылую жену и пасынкѣ и вмѣстѣ съ другими восемью старообрядцами ушелъ изъ Кременчуга „душу спасать“ *). На родинѣ,

замужъ за Федора Полякова; вѣлчались они въ посадѣ Крюковѣ у отпа Луки (старообрядскаго). Живетъ Анна Родіоновна Бѣликова въ Черкас­скомъ женскомъ монастырѣ, въ особой кельѣ, съ своею послушницей, мѣ­щанкой города Николаева, Настасьєю Миновною Юрковой, 23 лѣтъ. Отецъ Настасьи, Мина Юрковъ, занимается въ Старомъ-Осколѣ хлѣбными под­ридами; поступила Настасья въ монастырь въ 1853 г. по обѣту, данному во время болѣзни, постриглась въ монахини съ именемъ Аркадія. 20-го іюля 1854 г. Сама Анна Родіоновна Бѣликова не пострижена. При обыскѣ у Бѣликовой найдена жестяная рака Викентія, въ которой, кромѣ остан­ковъ этого схимника, находились, по объясненію Бѣликовой, часть камня отъ Гроба Господня и часть Животворящаго Древа. Все это сохранялось въ Лаврентьевомъ монастырѣ. При уничтоженіи монастыря Аркадія скрылъ эти вещи и, уходя за границу, отдалъ сестрѣ на сохраненіе. Была у Аркадія еще сестра, Татьяна Родіоновна, вышедшая замужъ за мѣщанина Черкасова въ Клинцахъ еще до переселенія Шапошниковыхъ въ Кремен­чугъ. Въ 1845 году Аркадія, удаляясь изъ Клинцовъ (куда, какъ въ мѣсто ревизской приписки, былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ 1844 г., при закрытіи Лаврентьева монастыря), оставилъ сестрѣ своей, Черкасовой, бумаги, взятая имъ изъ Лаврентьева монастыря, въ томъ числѣ приве­денныя выше: письмо графа Н. П. Румянцова къ Якову Шустову, письмо фонъ-Фока къ игумену Симеону, а также видъ, данный Аркадію княземъ Паскевичемъ, и объясненіе игумена Симеона въ бѣлицкое духовное прав­леніе о состояніи монастыря. Свѣдѣнія эти требовалъ извѣстный ученый протоіерей Иванъ Григорьевичъ, бывшій тогда гомельскимъ протопопомъ. Симеонъ даетъ ему самыя короткія и уклончивыя отвѣты 27-го ноября 1823 года. Кромѣ того, у Бѣликовой, въ бумагахъ Аркадія, найдено много долговыхъ обязательствъ Лаврентьеву монастырю и рекрутскихъ квитанцій, которыя Аркадія бралъ подъ залогъ даваемыхъ разнымъ окрестнымъ мѣщанамъ и крестьянамъ денегъ. По просроченнымъ закладнымъ рекрут­скимъ квитанціямъ поступали во владѣніе монастыря, и Аркадія торговалъ ими. Всѣ эти бумаги и самыя рекрутскія квитанціи, оставшіяся непро­данными, находятся въ архивныхъ дѣлахъ.

*) Вотъ что писалъ Аркадія изъ Славы къ сестрѣ своей, Аннѣ Бѣлико­вой, въ Кременчугъ. Пожелавъ добраго здоровья и совѣтуя ей оставить суету міра сего (что она и исполнила, поселивъ въ Черкасскомъ мона­стырѣ), Аркадія пишетъ: «Приходи въ нашу пустыню, она приѣмлетъ всѣхъ: не безъ труда достигнуть, но призывай Бога въ помощь. Онъ тебя не оставитъ и защититъ и покрываетъ отъ навѣтъ вражнихъ, а если найдутся тебѣ единомышленныя, то можешь и тѣхъ вести на трудный и тѣсный

въ Клинцѣхъ, Андрею жить не захотѣлось, и онъ рѣшился „бѣгати въ пустыню“. Пошли кременчугскіе выходцы въ Лаврентьевъ монастырь. Здѣсь страннопріимный Симеонъ принялъ ихъ подъ гостепріимную сѣнь своей обители. Узнала Хіонія Яковлевна, гдѣ укрылся ея сожитель, собралась наскоро и прискакала въ Лаврентьевъ, торопясь, чтобы застать мужа, пока еще онъ не надѣлъ иноческой мантии. Три дня, три ночи проплакала она у воротъ монастыря, не допустили ее на свиданіе, дали на возвратный путь денегъ, и она воротилась въ Кременчугъ. Андрей Шапошниковъ, постригшись въ иночество и получивъ имя Аркадія, приобрѣлъ, какъ сказано выше, большое вліяніе на дѣла монастырскія и снискалъ уваженіе лаврентьевской братіи.

путь, только не принимай къ себѣ Хіонію Я., ибо она неспособна къ сему житію; пусть молится на мѣстѣ, идѣ же пребываетъ, если же и она покусится сюда, то я не пребуду здѣсь, но отиду въ дальній путь, а мо же Богъ наставитъ; сего не разглашай никому, а умолчи; пиши въ Яссы, на имя Якова Ивановича Желѣзникава». Это письмо писано Аркадіемъ еще до посвященія его въ епископы, т. е. до 1854 года. Понятно, почему онъ, еще съ 1847 года хлопотавшій о полуцѣпн архіерейскаго омофора (хотя и не вѣрилъ въ правильность Бѣлокриницкой іерархіи), такъ боится своей сожительницы, что хочетъ даже въ случаѣ прибытія ея въ Славу бѣжать «само же Богъ наставитъ», то есть попросту сказать — куда глаза глядятъ. Не говоря уже о томъ, что въ Кременчугѣ въ свое время были, быть-можетъ, и невѣрные, злорѣчныя толки о вазорномъ будто бы поведеніи Хіоніи Яковлевны (а жене ославиву не подобаеетъ имѣти священному чину), прибытіе ея въ Славу огласило бы тщательно скрываемую до тѣхъ поръ Аркадіемъ тайну, что былъ онъ женатъ на вдовѣ. По церковнымъ правиламъ, кто былъ женатъ на вдовѣ, не можетъ быть и дьякономъ, не только архіереемъ. Въ «Памятникѣ происходившихъ дѣлъ Бѣлокриницкаго староѣрческаго монастыря» подъ 9-мъ августа 1847 года, № 33, читаемъ: «Прибыли сего числа изъ Турціи отъ задунайскихъ некрасовцевъ въ Бѣлую Крипицу депутаты изъ обители Славской: инокъ Евфросинъ, изъ казаковъ Григорій Архиповъ и Исая Ивановъ, изъ купцовъ: Савва Ивановичъ Ругавишниковъ и Онисимъ Ивановичъ съ сыномъ, и представили митрополиту Амвросію трехъ благоговѣйныхъ иноковъ: двухъ Аркадіевъ и Якова, которыхъ и просятъ хиротонисать для ихъ задунайскихъ обществъ: перваго во епископа, втораго во священноиноки, третьяго во дьяконы. Повелѣно митрополитомъ: быть собору для лучшаго разсмотрѣнія и ностановленія задунайскимъ обществамъ епископа и послѣдующихъ». Подъ № 34, отъ 11-го августа, въ томъ же «Памятникѣ происходившихъ дѣлъ Бѣлокриницкихъ» читаемъ: «По благоумотрѣнію господина митрополита Амвросія и освященнаго собора: инока Аркадія Дороеева во епископы, инока Якова въ дьяконы, а другою Аркадіемъ сильно заболѣлъ». Такимъ образомъ Аркадію Дороееву, по фамилии Лысыи, находившійся потомъ съ 1854 года въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ, предназначившійся во священники, поставленъ былъ во епископы, а кандидатъ въ архіереи Аркадію Шапошниковъ, бывший и сподоплемъ Лаврентьева монастыря, не удостоенъ Амвросіемъ даже дьяконства. Онуфрій, бывший намѣстникъ Бѣлокриницкаго монастыря, находившійся на этомъ соборѣ и вообще заправлявшій дѣломъ постановленія старообрядскихъ архіереевъ, затѣмъ инокъ московскаго Никольскаго единоѣрческаго, что на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, монастыря,

Онъ былъ одаренъ обширнымъ умомъ и рѣдкою энергіей. Въ Лаврентьевѣ онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и строго соблюдалъ иноческія правила. На совѣтахъ мнѣнія его преобладали надъ мнѣніями прочихъ. Онъ отличался въ средѣ лаврентьевской братіи разнообразіемъ и обширною начитанностію и умѣлъ хорошо писать — ясно, кратко, выразительно, хотя и весьма крупнымъ, прямымъ почеркомъ, который знакомъ намъ по архиву министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ сохраняется немало автографовъ Аркадія въ многочисленныхъ прошеніяхъ, подаваемыхъ имъ передъ закрытіемъ монастыря Лаврентьева. Не покидалъ Аркадій и въ обители, гдѣ водворился, кременчугскаго своего занятія: писалъ иконы. Доселѣ съ особеннымъ уваженіемъ хранятся у иныхъ старообрядцевъ образа его кисти. Необыкновенная память, рѣдкая быстрота соображенія, всегдашнее умѣнье найтись и благоразумно поступить въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ — отличали Аркадія отъ прочей лаврентьевской братіи. Громы были въ восторгѣ отъ него, и старики петербургскаго Королевскаго общества доселѣ не могутъ нахвалиться такимъ „знаменитымъ мужемъ“, каковъ былъ Аркадій. Старообрядцы, лично знавшіе Аркадія въ Лаврентьевѣ, единогласно отзываются о нравственныхъ его качествахъ съ большою похвалою. При другой обстановкѣ, въ другой средѣ, изъ этого человѣка долженъ бы былъ выработаться рѣдкій и замѣчательный дѣятель.

объясняетъ, что Амвросій и бѣлокриницкій соборъ не удостоили Аркадія Шапошникова архіерейскаго сана именно потому, что онъ былъ женатъ на вдовѣ, и что тогда же было рѣшено первопрестольнымъ старообрядскимъ митрополитомъ, чтобъ Аркадій Шапошниковъ никогда во всю свою жизнь не былъ удостоиваемъ никакихъ священныхъ должностей, ибо посвященіе желатаго на вдовѣ не дѣйствительно, и таковой епископъ, по правиламъ святыхъ отецъ, не есть епископъ. Но, чтобы не подать повода къ соблазну, посовѣтовали Аркадію Шапошникову притвориться больнымъ, что онъ и сдѣлалъ. Но ему очень хотѣлось омофора. Строгий до другихъ относительно соблюденія церковныхъ правилъ, Аркадій былъ весьма снисходителенъ къ себѣ; онъ постарался замять о женитьбѣ на вдовѣ и въ 1854 году, при смутныхъ обстоятельствахъ края (Добруджи во время крымской войны), успѣлъ достигъ архіерейства. А между тѣмъ Хіонія Яковлевна еще года за четыре до архіерейства своего супруга стала собираться въ Славу, неподалеку отъ сожителя «душу спасать». Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Аркадію пришлось бы бѣжать изъ Славы «само же Богъ наставитъ». Дѣло однако обошлось благополучно. Хіонія Яковлевна осталась въ Россіи, а супругъ ея сдѣлался преосвященнымъ владыкой. Говорятъ, будто дѣло сладилось на деньгахъ, будто епископъ Аркадій исправно выплачивалъ своей супругѣ въ извѣстномъ размѣрѣ пенсію, чтобъ она не ѣздила за границу. Говорятъ, будто и пасынки преосвященнаго получаютъ отъ него гораздо больше, чѣмъ выручаютъ за овчины, за то, чтобы молчали, въ какой степени свойства приходится они владыкѣ славскому. Не знаемъ, жива ли теперь (1867) Хіонія Яковлевна и гдѣ она пребываетъ, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ она здравствовала въ Кременчугѣ и извѣстна была подъ именемъ *владычицы*, на томъ основаніи, что покинувшій ее супругъ достигъ сана преосвященнаго владыки.

Аркадій сдѣлался игуменомъ Лаврентьева монастыря въ 1832 году. Въ это же время гомельское имѣніе перешло въ другія руки. Покровительствовавшій старообрядцамъ этого имѣнія не менѣе своего брата, графъ Сергѣй Петровичъ, послѣдній въ родѣ Румянцевыхъ, не имѣлъ законныхъ наслѣдниковъ, но у него были три побочныя дочери, по фамиліи Кагульскія, въ память славной побѣды ихъ дѣда, которымъ нельзя было по закону передать родового имѣнія. Чтобъ обратить его въ деньги, надо было продать. Но румянцевскія имѣнія были изъ такихъ, какія по своей многоцѣнности не всегда могутъ имѣть покупателей. Счастливый случай помогъ графу. За взятіе Варшавы въ 1831 году императоръ Николай осыпалъ повѣстивъ царскими милостыями фельдмаршала князя Паскевича, въ числѣ данныхъ ему наградъ былъ миліонъ рублей на покупку имѣнія. Узнавъ о желаніи Румянцева продать гомельское имѣніе, Паскевичъ поручилъ одному изъ пользовавшихся его довѣренностью офицеровъ осмотрѣть его. Обозрѣвая продажную вотчину, довѣренный фельдмаршала встрѣтился съ Аркадіемъ, который доставилъ ему немало свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи румянцевскаго имѣнія и способствовалъ выгодному для покупателя окончанію дѣла. Когда покупка была совершена и гомельская вотчина перешла къ князю Паскевичу, въ видѣ заповѣднаго майората безъ переоброченія, Аркадій, въ награду за свое усердіе, просилъ позволенія представиться фельдмаршалу въ Варшавѣ. Паскевичъ охотно согласился на это, и въ концѣ 1834 года Аркадій, вмѣстѣ съ монахомъ Іоилемъ *), отправился въ Варшаву. Ласково были они приняты намѣстникомъ Царства Польскаго и изъяснили ему о нуждахъ своего и другихъ старообрядческихъ монастырей, устроенныхъ въ гомельскомъ имѣніи. Паскевичъ подтвердилъ права, данныя этимъ монастырямъ Румянцевыми, и, прощаясь съ Аркадіемъ и Іоилемъ, въ январѣ 1834 года, далъ имъ нѣчто въ родѣ охраннаго листа на проѣздъ до Лаврентьева, за собственноручнымъ подписомъ и приложеніемъ намѣстнической печати. Этотъ документъ, найденный въ 1854 году при обыскѣ у жившей въ Клинцахъ сестры Аркадія, Татьяны Черкасовой, находится нынѣ въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Вотъ онъ:

„Могилевской губерніи, Бѣлицкаго уѣзда, старообрядческаго Лаврентьева монастыря, въ имѣніи моемъ состоящаго, настоятель Аркадій и инокъ Іоиль, пріѣзжавшіе въ Варшаву для личнаго объясненія со мною по дѣламъ своего и другихъ двухъ, тамъ же находящихся старообрядческихъ монастырей, отправляются отсюда обратно, почему, въ полномъ вниманіи къ подъятому ими для столь дальняго путешествія труду, желая предохранить ихъ отъ всякихъ на обратномъ пути остановокъ, прошу гг. начальниковъ, по предъявленіи имъ сего, дѣлать по-

*) Калужскій мѣщанинъ Иванъ Лаврентьевъ Поповъ, жившій въ Лаврентьевомъ монастырѣ съ 1815 года. Это не тотъ Іоиль, который впоследствии ушелъ изъ Лаврентьева за границу.

мянутымъ инокамъ свободный пропускъ и въ случаѣ надобности оказывать имъ законное покровительство. Въ Варшавѣ. 28-го января 1835 года. Намѣстникъ Царства Польскаго, генераль-фельдмаршалъ князь *Варшавскій*“.

Намѣстникъ въ этомъ листѣ Аркадія и Іоіля, можно сказать официально, называетъ—одного настоятелемъ, а другого инокомъ, хотя это и противорѣчило высочайше утвержденному положенію комитета министровъ 21-го декабря 1817 г. и закону, вошедшему въ изданный уже тогда „Сводъ Законовъ“ *). Впослѣдствіи, находясь въ рукахъ такого ловкаго человѣка, какъ Аркадій, листъ князя Паскевича вводилъ въ заблужденіе монгихъ раскольниковъ. Очевидно, что всѣ отношенія намѣстника Царства Польскаго къ лаврентьевскому настоятелю ограничивались нѣкоторыми услугами послѣдняго и обѣщаніемъ новаго владѣльца гомельскаго имѣнія не нарушать данныхъ Румянцевыми правъ старообрядскимъ монастырямъ на пользованіе лѣсомъ и участками пахотной и сѣнокошной земли; но впослѣдствіи, когда началось дѣло устройства русскими старообрядцами въ австрійскихъ владѣніяхъ митрополичьей каедры, документъ Паскевича, какъ сказываютъ, игралъ роль немаловажную. Полученіе его Аркадіемъ было одновременно съ началомъ исканія архіерейства. Впослѣдствіи, когда иные вліятельные старообрядцы опасались принимать дѣятельное участіе въ этомъ предпріятіи, говоря, что осуществленіе его есть противленіе волѣ государственной, что оно можетъ повредить всему старообрядскому обществу, ловкіе люди, въ родѣ Авнонія Кочуева или братьевъ Великодворскихъ, убѣждали нерѣшительныхъ тѣмъ, что будто бы основаніе заграничной іерархіи не противно волѣ государя. Конечно, говорили они имъ, государь не допуститъ учрежденія митрополии въ самой Россіи, но онъ ничего не имѣетъ противъ учрежденія ея за границей или даже въ Царствѣ Польскомъ. Такой близкій къ царю человѣкъ, такой довѣренный сановникъ, какъ князь Паскевичъ, говорили они, нарочно вызывалъ настоятеля лаврентьевскаго въ Варшаву для совѣщаній по этому предмету. Довѣрчивый вѣрилъ на слово, а менѣе довѣрчивому ловкіе люди совѣтовали съѣздить въ Лаврентьевъ монастырь и попросить игумена Аркадія только показать ему „Паскевичеву бумагу“. Онъ показывалъ ее охотно, ибо она льстила его самолюбію, и видѣшіе вѣрили во все и сами увѣряли другихъ.

Несмотря на энергическія усилія, принимаемая Аркадіемъ, благочиніе въ Лаврентьевскомъ монастырѣ, которымъ онъ славился при игуменѣ Спмеонѣ, быстро стало падать. Безъ сомнѣнія, главнѣйшею причиною того было прекращеніе патронатства Румянцевыхъ. Страху лаврентьевскимъ инокамъ не стало, вотъ причина возникшихъ въ монастырѣ неслыханныхъ дотолѣ безпорядковъ. Пржеде всего пьянство во-

*) «Сводъ Закон.» т. XVI, Уставъ о предупр. и пресѣчен. преступл., ст. 61.

дворилось въ иноческихъ келіяхъ, суровыя мѣры Аркадія не могли его уменьшить: упившіеся иноки ни во что ставили стараго игумена, приказаній его не исполняли, чуть не каждый день затѣвали крамолу. Унять безчинниковъ было некому и нечѣмъ, ибо боязнь, что самъ Румянцевъ вмѣшается въ дѣло, прекратилась. Говорятъ, будто бы Аркадій жаловался на безчиніе иноковъ въ письмѣ къ Паскевичу, но фельдмаршалъ не только себя, но и управленіе своей гомельской экономіи устранилъ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла монастырей и отъ опеки надъ нравственностью старообрядскихъ иноковъ. Иные изъ строгихъ подвижниковъ, не стерпя возникшихъ въ Лаврентьевой обители безобразій, покинули ее. Монастырь отъ того не опустѣлъ. Иноковъ стало даже больше, чѣмъ при Симеонѣ, но почти все они были „слабы житіемъ“ и ходили „по волямъ своимъ“. Немало мучился съ ними Аркадій, ревностно желавшій возстановленія благочинія, которымъ прежде славился управляемый имъ монастырь, но силъ его не доставало. Прежде иноки Лаврентьева и другихъ гомельскихъ монастырей видались между собой только разъ въ недѣлю, по понедѣльникамъ, на базарѣ въ Гомелѣ, куда сходились продавать свои рукодѣлья, собирать подаянія за поминовенія и потолковать между собою объ общихъ дѣлахъ. Теперь чуть не каждый день стали они бродить въ Гомель и обыкновенно возвращались оттуда мертвецки-пьяные. Иные пропадали по нѣсколькимъ днямъ, иные шатались изъ монастыря въ монастырь другъ къ другу въ гости, и каждое гощеніе безъ водки не обходилось. Кромѣ гостей, отъ времени до времени стали появляться въ монастыряхъ и гости. Тщетно Аркадій начиналъ братію, она его больше и слушать не хотѣла. Напрасно игуменъ приковывалъ пьяныхъ, какъ водилось прежде, при Румянцевѣ, къ цѣпи на поварнѣ; монахи съ цѣпи уходили, пропала наконецъ и самая цѣпь, и ее видѣли послѣ у какого-то жида въ шинкѣ. Благочестивые пустынножители ее пропили. Измученный Аркадій сознавалъ свое безсиліе; нерѣдко говаривалъ онъ близкимъ своимъ: „хоть бы ужъ поскорѣй запечатали нашъ монастырь!“

Еще болѣе заботы, еще болѣе опасеній причиняли Аркадію нѣкоторые обитатели Лаврентьева монастыря, люди трезвые, начитанные, строгой жизни и безукоризненные, но непокорные и властолюбивые. Примѣръ Іакова, хотѣвшаго, посредствомъ перехода въ единовѣріе и обращенія Лаврентьева монастыря въ единовѣрческій, достигнуть въ немъ игуменства, не остался безъ подражанія. Румянцевыхъ не стало, и некому было вновь отвратить отъ монастырей гомельскаго имѣнія грозившую въ тридцатыхъ годахъ всеѣмъ старообрядскимъ монастырямъ участь упраздненія или обращенія въ единовѣрческіе. Въ Лаврентьевѣ и Макарьевѣ явились иноки, желавшіе сдѣлаться единовѣрцами. Игумены лаврентьевскій Аркадій и макарьевскій Матвѣй и преемникъ послѣдняго Теофилактъ*) употребили все средства, чтобъ избавиться какъ-

*) Игуменъ Макарьева монастыря Матвѣй (мѣщанинъ Огороденскаго общества, Вѣлицкаго уѣзда Могилевской губерніи, Мартыиъ Васильевичъ

нибудь отъ этихъ людей. Въ то время въ Лаврентьевѣ водворился молодой инокъ Іоакимъ *), человекъ достаточный, съ большими связями въ старообрядскомъ мірѣ, начитанный, пылкій, всѣмъ увлекающійся и чрезвычайно нетерпѣливый. Онъ былъ трезвой жизни и врагъ всякихъ безпорядковъ въ иноческомъ житіи, особенно же разврата, болѣе и болѣе водворявшагося въ Лаврентьевѣ монастырѣ. Другъ и землякъ его, Павелъ Андреевъ, отлично знавшій церковный уставъ, лучший пѣвецъ въ монастырѣ и хорошо писавшій, былъ единомысленъ съ нимъ. Они успѣли составить партію изъ немногаго, впрочемъ, числа трезвыхъ монаховъ. Партіи этой хотѣлось на мѣсто Аркадія посадить Іоакима, а средство для того видѣли они въ принятіи единовѣрія. Но они скрывали такое намѣреніе до поры до времени, ибо при первомъ неосторожномъ

Смирновъ) жилъ въ обители съ 1819 года; онъ былъ на игуменствѣ преемникомъ Евлогія, принявшаго въ 1825 году въ расколъ греческаго архимандрита Геронтія, управляя монастыремъ лѣтъ десять и въ 1840 г. оставилъ свою должность вслѣдствіе внутреннихъ несогласій, но оставался жить въ томъ же монастырѣ. Преемникомъ его былъ Теофилактъ (Черниговской губерніи, посада Климова, мѣщанинъ Федоръ Матвѣевъ). Въ 1843 году изъ пятнадцати монаховъ Макарьева монастыря семеро изъявили желаніе присоединиться къ единовѣрью. Теофилактъ, узнавъ, что правительство хочетъ монастырь его обратить въ единовѣрческій, вмѣстѣ съ Матвѣемъ подкопался ночью подъ запечатанную уже казенными печатами холодную часовню, поднялъ въ алтарѣ полъ, и оба игумена выбрали всю лучшую ризницу, утварь, древнія иконы, словомъ — все цѣнное и уважаемое старообрядцами. Послѣ того Матвѣй отправился куда-то за сборомъ, Теофилактъ отправилъ въ Бѣлую-Креницу инока Галактіона (мѣщанинъ Огороднскаго общества Григорій Артемьевъ Кожемякинъ, 53 лѣтъ), а для послушника: Зиновій Ивановъ и Михалъ Ивановъ (изъ Новаго-Крупца, 75 лѣтъ) отправились въ Малиноостровскій старообрядскій монастырь, Черниговской губерніи. Они-то и разнесли по разнымъ мѣстамъ богатое достояніе Макарьева монастыря, выкраденное двумя настоятелями. Когда Макарьевъ монастырь, по высочайшему повелѣнію 27-го ноября 1844 года, обращенъ былъ наконецъ въ единовѣрческій, у монаховъ не осталось даже хлѣба въ достаточномъ количествѣ — все вывезъ Теофилактъ. Обокраденная Матвѣемъ и Теофилактомъ церковь сгорѣла 22-го февраля 1867 года.

*) Московскій мѣщанинъ Иванъ Петровичъ Каминъ, постриженникъ Лаврентьева монастыря. Родители его торговали шеницей и были люди богатые. Іоакимъ имѣлъ большое знакомство и разъ, съѣздивъ въ Моршанскъ за сборомъ, привезъ оттуда, какъ было нами упомянуто, 7,000 рублей ассигнаціями. Онъ оставался въ Лаврентьевѣ до 1844 года, то-есть до самаго его уничтоженія. Послѣ того жилъ онъ въ черниговскихъ посадахъ и по другимъ мѣстамъ, познакомился съ Рахмановыми, особенно же сблизился съ Діонисіемъ (Дмитрій Андреевичъ Рахмановъ). Съ нимъ въ 1848 году поѣхалъ въ Керженскій скитъ (Нижегородской губерніи, Семеевскаго уѣзда), гдѣ въ іюлѣ былъ арестованъ за безписьменность и заключенъ въ тюрьму. Здѣсь въ началѣ 1849 года онъ присоединился къ единовѣрью. Послѣ того Іоакимъ жилъ нѣкоторое время въ Керженскомъ скиту, обращенномъ въ единовѣрческій монастырь въ томъ же 1849 году, и былъ рукоположенъ въ іеромонахи. Потомъ онъ жилъ въ Черниговской губерніи.

словѣ авторитетъ ихъ тотчасъ же бы палъ. Но Аркадій, проникнувъ замыслы ихъ, всею душой возненавидѣлъ Іоакима и Павла Андреева и вступилъ съ ними въ тайную, но упорную и дѣятельную борьбу. Напрасно старался Аркадій внушить братіи, что противники его идутъ по столамъ Іакова, замышляютъ сдѣлать монастырь единовѣрческимъ, — Іоакимъ и сторонники его такъ были осторожны, что такія слова проникавшаго намѣренія ихъ игумена считались навѣтами, внушенными недоброжелательствомъ къ людямъ, открыто порицавшимъ нѣкоторыя пзъ его распоряженій. Борьба съ Іоакимомъ для Аркадія была несравненно труднѣе, чѣмъ съ водворившимися въ его обители поборниками разгула.

По документамъ, которыми мы пользуемся, можно было бы представить пространное сказаніе о дѣянiяхъ сихъ поборниковъ разгула въ монастыряхъ гомельскаго имѣнія. Ограничимся сказаніемъ лишь объ одномъ старомъ и хромомъ гулябѣ — регистровомъ товарищѣ Колычевѣ, баснословные рассказы котораго, будучи усвоены Лаврентьевскою братіей, содѣйствовали въ нѣкоторомъ отношеніи дѣлу исканія архіерейства за предѣлами Россіи.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ московскомъ университетѣ слушала лекціи медицинскаго факультета уроженецъ Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества, регистровый товарищъ Константинъ Константиновичъ Колычевъ. Онъ былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда поступилъ въ университетъ студентомъ, или вольнымъ слушателемъ, навѣрно не знаемъ. Почему-то курса онъ не кончилъ, по крайней мѣрѣ у него впоследствии не было диплома на званіе врача. Живя въ Москвѣ, Колычевъ познакомился съ старообрядцами Рогожекаго согласія, а черезъ нихъ сблизился съ земляками своими, старообрядцами Стародубья. Онъ хлопоталъ о признаніи его въ дворянскомъ достоинствѣ, но не получилъ его, что не помѣшало однакоже ему до конца жизни называться дворяниномъ, да еще принадлежащимъ къ старинной русской фамиліи Колычевыхъ и, на этомъ основаніи, родственникомъ святого Филиппа, митрополита московскаго, который, какъ извѣстно, былъ изъ этой фамиліи. У знакомыхъ московскихъ старообрядцевъ встрѣтился онъ однажды съ пріѣхавшими въ Москву за обычными сборами старицами Оленевскаго скита, что на Керженцѣ, и узналъ отъ нихъ, что въ числѣ тамошнихъ обителей есть одна, основанная еще въ концѣ XVII столѣтія внукою брата митрополита, старообрядскою инокиней, схимницею Анносою Колычевою. Константинъ Константиновичъ сказался роднею и Анноисѣ, отправился на Керженецъ, былъ встрѣченъ тамъ съ большимъ почетомъ и немало веселыхъ дней и ночей провелъ въ обители мнимой родственницы, въ обществѣ молодыхъ инокинь и бѣлицъ. Потомъ разъѣзжалъ онъ по разнымъ старообрядскимъ общинамъ, жвалъ на Дону, на Кубани, на Уралѣ и въ Сибири, и, сблизившись съ старообрядцами, самъ перешелъ въ поповщическое согласіе и записался въ купцы. Хотя Колычевъ и не

имѣть медицинскаго диплома, но лѣчилъ и даже составилъ себѣ извѣстность счастливымъ лѣченіемъ старообрядцевъ. Онъ собиралъ библіотеку и былъ прославленъ въ средѣ раскольниковъ за необычайно умнаго и ученаго человѣка. Въ 1805 г. Колычевъ сталъ печатать для старообрядцевъ книги. Извѣстно, что старообрядцы, воспользовавшись дозволеніемъ императрицы Екатерины II открывать всякому желающему вольныя типографіи, завели въ 1784 г. такую въ посадѣ Клищахъ. Типографія эта, принадлежавшая тамошнему купцу Ѳедору Карташеву, была закрыта въ 1797 г., когда по повелѣнію императора Павла всѣ вольныя типографіи прекратили свою дѣятельность. Хотя въ 1801 году императоръ Александръ Павловичъ и согласился было на возобновленіе въ Клищахъ типографіи, чтобы перепечатывать въ ней до-никоновскія книги для старообрядцевъ, но, по мнѣнію ярославскаго архіепископа Павла, принятому всѣмъ святѣйшимъ синодомъ, въ Москвѣ учреждена была типографія единовѣрческая, получившая право монополіи на „переводы“, то-есть на переписку старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ. Несмотря на то, въ 1805 г. старообрядцы завели двѣ типографіи безъ дозволенія правительства. Одну въ Клищахъ завелъ тотъ же Карташевъ, другую въ мѣстечкѣ Яновѣ*) Константинъ Константиновичъ Колычевъ, бывший въ то время кіевскимъ купцомъ. На деньги московскаго купца Дмитрія Ѳедорова (сто червонцевъ) купилъ онъ старообрядскую типографію у московскаго мѣщанина Павла Ивановича Селезнева, которую этотъ содержалъ тайно въ городѣ Махновкѣ, Кіевской губерніи. Посредствомъ факторовъ-евреевъ Колычевъ купилъ у Селезнева эту типографію лишь съ двумя станками, но значительно увеличилъ ее и работалъ въ Яновѣ на десяти и даже на двѣнадцати станкахъ. Ноября 24-го 1814 года Ѳедоровъ передалъ Колычеву въ управленіе Яновскую типографію по формально совершенной довѣренности. Для старообрядцевъ печаталось въ Яновѣ: „Страсти Христовы“, „Житіе Василія Новаго“, „О лжеучителяхъ, Аввы Доровея“, „Поученіе Іоанна Златоуста“, „Псалтирь“, „Часословъ“, „Евангеліе“, „Шестодневъ“, „Толковныя Евангелія“, „Канонники“, „Ефремъ Сиринъ“. Въ выходахъ этихъ книгъ обыкновенно выставлялось мѣсто печатанія и первоначальныя буквы именъ Колычева (К. К. К.) и купца Ѳедорова (Д. Ф.) Чтобы судить о количествѣ напечатанныхъ Колычевымъ книгъ, достаточно упомянуть, что типографія его существовала двѣнадцать лѣтъ (1805—1817), и что онъ самъ далъ показаніе графу Холоневскому**), производившему въ 1817 г. надъ нимъ слѣдствіе, что „книги изъ типографіи Яновской отпускаемы имъ были въ годъ четыре раза, количествомъ по одной ты-

*) Литинскаго уѣзда, Подольской губерніи.

**) Графъ Холоневскій, полякъ и католикъ, былъ владѣльцемъ Янова; онъ жилъ въ этомъ мѣстечкѣ, и ему, по званію маршала Литинскаго повѣта (литинскаго уѣзднаго предводителя), поручено было производство формальнаго слѣдствія надъ Колычевымъ.

счѣ всякой отправки, въ Москву, къ довѣрителю его Ѳеодорову“. Стало-быть, Колычевымъ переслано изъ Янова къ московскимъ старообрядцамъ во все время существованія Яновской типографіи около сорока восьми тысячъ экземпляровъ. Колычевъ не ограничивался, впрочемъ, печатаніемъ однихъ книгъ для старообрядцевъ, онъ печаталъ вѣщички и разрѣшительныя молитвы какъ старообрядцамъ, такъ и по заказамъ православныхъ священниковъ, напримѣръ, яновскаго протоіерея Степана Левицкаго. Кромѣ того Колычевъ печаталъ книги и для католиковъ, на польскомъ языкѣ: „Złoty Ohtarzyk“, „Oficyuszki“, „Elementarz“, „Grabia Olgosusky“, словари польско-латинскій и русско-польскій. Печаталъ также и другія книги на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Всѣ этого рода книги печатаемы были имъ съ цензурнаго разрѣшенія отъ виленскаго университета. Типографія Колычева въ іюлѣ 1817 года была запечатана; тогда онъ переѣхалъ изъ Янова въ селеніе Майданъ-Почапинецкій и здѣсь снова завелъ тайную типографію съ однимъ станкомъ для печатанія старообрядческихъ книгъ; она сгорѣла 25-го октября 1821 года. Послѣ того Колычевъ сталъ заниматься больше лѣченіемъ, собирать травы и дѣлать лѣкарства, которыхъ при обыскѣ въ 1822 году нашлось у него нѣсколько шкаповъ. Но не могъ онъ разстаться съ полюбившимся ему печатнымъ дѣломъ: въ 1822 г. въ третій разъ завелъ тайную типографію и въ томъ же году отправилъ въ Москву съ купцомъ Избушкинымъ тысячу книгъ и шесть тысячъ букварей. Въ 1823 году, согласно съ мнѣніемъ московскаго архіепископа Филарета и тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, всѣ типографскія принадлежности и старообрядскія книги, отобранныя у Колычева въ Майданъ-Почапинецкомъ и прежде того въ Яновѣ, были истреблены. Гражданскія книги, составлявшія бібліотеку Колычева, и медикаменты, въ которыхъ не найдено ничего недозволеннаго, — ему возвращены *).

Съ 1817 года Колычевъ въ разныя судебныя мѣста и разнымъ лицамъ подавалъ множество просьбъ о возвращеніи ему типографіи, а потомъ о вознагражденіи его за истребленныя типографскія принадлежности и книги. Не получая желаемаго, рѣшился онъ снова приняться за тайное печатаніе старообрядческихъ книгъ, но уже за границей. Для того ѣздилъ онъ къ некрасовцамъ, но тѣ и слышать не хотѣли ни о типографіи ни о новолечатныхъ книгахъ. Говорили они: „тѣ только книги святы, чтó напечатаны при патриархѣ Іосифѣ“. За всякія другія вводителя новшествъ обѣщали „намочить“, то-есть въ куль да въ воду. Года четыре пробылъ Колычевъ за границей, побывалъ въ Константинополь, пробирался къ казакамъ, живущимъ въ Малой Азій, но едва убрался оттуда по-добру по-здорову. Во время начавшейся у насъ войны съ турками въ 1828 году былъ онъ еще у некрасовцевъ, потому

*) О старообрядческихъ типографіяхъ помѣщаемъ особое приложеніе.

как-то перебрался въ русскій лагерь, а отсюда вышелъ въ Россію. Но желаніе завести вновь типографію не покидало Колычева, и вздумалъ онъ устроить четвертую на своемъ вѣку тайную типографію въ монастырѣ Лаврентьевѣ, куда и пришелъ въ 1829 году. Въ это время было ему уже лѣтъ подь семьдесятъ, давно уже онъ былъ хромъ и ходилъ на костыляхъ. Съ большимъ почетомъ принять былъ Колычевъ игуменомъ Симеономъ, братія взирала на него съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на дворянина-старообрядца *), хотя въ дѣйствительности онъ и не имѣлъ дворянскаго достоинства, какъ на мнимаго родственника святого Филиппа, какъ на странствователя по дальнимъ зарубежнымъ старообрядскимъ „палестинамъ“, какъ на врача-старообрядца и наконецъ какъ на великаго ревнителя по „древлему благочестію“, претерпѣвшаго столько бѣдъ за распространеніе полезныхъ у старообрядства книгъ. Заведеніе въ Лаврентьевѣ типографіи было по мысли приближавшемуся ко гробу отцу Симеоноу и ближайшимъ къ нему инокамъ. И слава и большіе барыши отъ распродажи книгъ обольщали ихъ. Надѣясь, что подь крѣпкою защитой графа Сергѣя Петровича Румянцеве они безпрещатственно поведутъ печатное дѣло, они отвели Колычеву особую, помѣстительную келью, гдѣ предполагено было поставить и станокъ. Типографія однако не состоялась. Кажется, самъ Румянцевъ

*) Старообрядцы всѣхъ толковъ чрезвычайно дорожатъ дворянами, принадлежащими къ ихъ согласіямъ. Не говоря о томъ, что они весьма почитаютъ единовѣрцевъ своихъ, дворянъ изъ казаковъ уральскихъ, кубанскихъ, терскихъ и донскихъ, всегда они съ гордостью упоминаютъ о князьяхъ Мышецкихъ (братьяхъ Денисовыхъ), о Спиридонѣ Потемкинѣ, Ѳеодорѣ Токмачевѣ (устроителѣ скитовъ на Керженцѣ), объ Анисѣ Колычевой, основательницѣ обители въ Оленевѣ, о княжнѣ Волховской, двоюродной сестрѣ царицы Евдокии Ѳеодоровны, основательницѣ обители Бояркиныхъ въ скитѣ Комаровѣ, о галицкой помѣщицѣ Свѣчной, основательницѣ скита Улангерскаго, и проч. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія жилъ въ одномъ изъ Керженскихъ скитовъ (Улангерѣ) инокъ Іона Сухонинъ. Онъ былъ мелкопомѣстный дворянинъ того же Семеновскаго уѣзда, въ которомъ находился и скитъ, пріютившій его. Несмотря на то, что Іона Сухонинъ былъ полоумный, онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ старообрядцевъ. До высылки въ 1853 г. изъ Керженскихъ скитовъ постороннихъ лицъ, жила въ Улангерѣ вдова одного гофъ-фурьера; на нее смотрѣли какъ на боярыню, удалившуюся отъ царскаго двора ради правой вѣры. Въ обители Бояркиныхъ скитской матери съ гордостью показывали на вѣнцѣ храмоваго ихъ образа Нерукотвореннаго Спаса александревскую ленту и орденъ, которые были привѣшены къ нему основательницей обители, княжной Волховскою въ XVIII столѣтіи. Орденскіе знаки достались ей по смерти внучатнаго ея племянника, генераль-ашефа Василія Абрамовича Лопухина, у котораго она жила въ домѣ до уклоненія въ расколъ и до поступленія въ скитъ. Нѣкоторые видятъ въ раскольникахъ демократическое направленіе; напротивъ, раскольники очень любятъ разныя знаки отличія, а дворянамъ, находящимися въ средѣ ихъ, всегда гордились и теперь гордятся. Слово «боярскаго рода» у нихъ много значить. Даже и лжедворяне, въ родѣ Константина Константиновича Колычева, у нихъ бывають въ немалой чести.

не одобрилъ затѣи своихъ „подданныхъ“. Колычевъ остался однако въ монастырѣ и вмѣсто шрифтовъ, кассъ и станковъ наполнилъ свою келью лѣкарствами. Самъ собиралъ травы, самъ сушилъ ихъ, самъ составлялъ лѣкарства. Стали къ нему стекаться больные изъ окрестныхъ мѣстъ, и не только старообрядцы, но и православные, католики и даже евреи. Слава о безмездномъ врачѣ-безсребренникѣ распространилась по Бѣлорусіи; иные, конечно, считали его знахаремъ, колдуномъ, увѣряя, что на снадобья онъ что-то нашептываетъ, заговоры говорятъ. Сперва Колычевъ въ самомъ дѣлѣ не бралъ денегъ за лѣченіе, но по смерти Симеона, случившейся вскорѣ по водвореніи врача-типографщика въ обители Лаврентьевой, не сталъ онъ отказываться отъ посильнаго вознагражденія за врачеваніе, впрочемъ, не иначе, какъ бутылками и штофами, которые и распивалъ съ самими болящими и съ винолюбивыми иноками, къ немалому горю Михаила. Не зная игумень, какъ и быть съ Колычевымъ: съ каждымъ днемъ онъ больше и больше спаивалъ честную братію. И жаль было Михаилу прогнать такую знаменитость, и не могъ онъ оставаться равнодушнымъ, видя, какъ славный мужъ распространяетъ въ пустынной обители горькое пьянство. Одинъ случай рѣшилъ наконецъ судьбу Колычева, избавивъ отца Михаила отъ напавшей на монастырь напасти. Къ Колычеву, какъ уже сказано, приходили изъ разныхъ мѣстъ больные разными недугами за исцѣленіемъ. Которые были „по древлему благочестію“ и лѣченіе которыхъ требовало немало времени, тѣхъ оставляли въ Лаврентьевой обители на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, и жили такіе въ кельѣ Колычева или по сосѣдству съ нею. Однажды привезли къ безмездному врачу двухъ дѣвушекъ: одну четырнадцатилѣтнюю съ ракомъ на груди, другую семнадцатилѣтнюю съ бѣлымъ на глазу. Обѣ были помѣщены въ кельѣ сѣдого какъ лунь и хромого Колычева. Онъ началъ ихъ пользоваться. Черезъ нѣсколько времени родители той и другой жаловались игумену и братіи, что престарѣлый врачъ обѣимъ дѣвушкамъ сдѣлалъ насиліе. Нашлись тому неоспоримыя доказательства. Молва о преступленіи Колычева распространилась, родители обезчещенныхъ дѣвушекъ потребовали отъ монастыря значительное денежное вознагражденіе, грозя въ противномъ случаѣ судебнымъ преслѣдованіемъ. Дѣлать было нечего, Михаилъ поспѣшилъ удовлетворить обиженныхъ изъ монастырской казны, по общему приговору соборныхъ старцевъ, а Колычева съ позоромъ изгнали изъ монастыря, задержавъ все его имущество для пополненія суммы, заплаченной монастыремъ. Старый сластолюбецъ, на костыляхъ, съ мѣшкомъ за плечами, побрелъ въ Москву. Здѣсь жилъ онъ до конца сороковыхъ годовъ, шатаясь изъ дома въ домъ и питаясь подаяніемъ. Онъ умеръ въ Москвѣ, будучи девяноста лѣтъ отъ роду и почти совершенно выживъ изъ ума.

Въ Лаврентьевѣ Колычевъ прожилъ года три либо четыре, то-есть все почти время настоятельства отца Михаила. Былъ онъ человѣкъ

словоохотливый и умѣлъ красно говорить, а будучи выше всѣхъ жителей обители по образованію, естественно увлекалъ ихъ разказами. Много видалъ онъ на своемъ вѣку, много странствовалъ по сушѣ и по морямъ и любилъ разказывать про видѣнное и слышанное, не скупясь при этомъ на прикрасы собственного вымысла. Разказывалъ онъ про житье-бытье старообрядцевъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, про скиты и монастыри, про жителство отшельниковъ въ лѣсахъ Пермскихъ, Кайгородскихъ и Велдужскихъ, про гробницы разныхъ старообрядческихъ угодниковъ; разказывалъ чудныя повѣсти о невидимыхъ градахъ и монастыряхъ, о славномъ озерѣ Свѣтлоярѣ, о Бѣловодѣ или Опонскомъ царствѣ, куда будто бы самъ ходилъ. Разказывалъ онъ и про житье „славнаго войска Кубанскаго“, то-есть некрасовцевъ, про житье потомковъ казаковъ, живущихъ въ Майносі и около Синопа; разказывалъ наконецъ и о такихъ заграничныхъ поселеніяхъ русскіхъ старообрядцевъ, какихъ никогда и не бывало. Лаврентьевцы заслушивались разказовъ Колычева и во всемъ вѣрили ему на-слово.

Легковѣрныхъ собесѣдниковъ красноглаголиваго Колычева не столько интересовали разказы его про житье некрасовцевъ и про разныя диковинки, будто бы видѣнныя и слышанныя имъ во время дальнихъ странствованій, какъ баснословныя сказанія его о небывалыхъ старообрядческихъ церквахъ и при нихъ епископахъ, пребывающихъ будто бы на Востокаѣ. Колычевъ увѣрялъ, что самъ онъ видалъ старообрядскіе монастыри и великія лавры, и не только епископовъ и митрополитовъ, но самого даже патріарха антиохійскаго, цѣло сохранившаго „древлее благочестіе“. „Былъ я, — сказывалъ онъ: — за Египтомъ, живутъ тамъ старообрядцы русскаго языка, во области, нарицаемой Емаканъ; тамъ у нихъ истинная вѣра сіяетъ какъ солнце: много церквей и монастырей, много святыхъ мощей и чудотворныхъ иконъ, и есть тамъ епископы истинно-древлей православной вѣры: молятся и благословляютъ въ два перста, аллилуію сугубятъ и служатъ на семи просфорахъ. А то еще на Черной Горѣ, за Сербской землей, гдѣ подвизался прендобный Никонъ Черныя Горы и писалъ „Уставъ“, тамъ есть свой „древляго благочестія“ епископъ, онъ и землю править по закону церковному, а не по гражданскому“. Такимъ образомъ Колычевъ и черногорскаго владыку сдѣлалъ въ своихъ разказахъ старообрядцемъ. Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ того, какъ баснословилъ онъ въ Лаврентьевѣ, старообрядскіе искатели архіерейства въ самомъ дѣлѣ пробрались-было къ черногорцамъ, но едва убрался отъ нихъ цѣлы. Разказывалъ Колычевъ и про „стрѣльцовъ“, будто бы ушедшихъ изъ Россіи отъ гоненій на старую вѣру въ Персію и тамъ доселѣ будто бы соблюдающихъ „древлее благочестіе“ ни въ чемъ неизмѣнно и имѣющихъ своихъ епископовъ, зависящихъ отъ патріарха антиохійскаго.

Много было толковъ между старообрядцами, жившими въ Бѣлоруссіи и Стародубѣ, по поводу розказней хромого паломника. Переходя изъ

устъ въ уста, они дѣлались болѣе и болѣе баснословными и даже принимали характеръ фантастическій. Къ сказочнымъ сокровеннымъ святымъ мѣстамъ старообрядцы не замедлили приурочить чуть не рай небесный. Въ тѣхъ мѣстахъ, благословенныхъ Господомъ, рассказывали досужіе повѣствователи, въ тѣхъ мѣстахъ, уготованныхъ самимъ Царемъ Небеснымъ для Своихъ избранныхъ, каждый, какъ во дни Соломона, живетъ подъ виноградомъ своимъ, подъ своею смоковницей; земли тамъ не пашутъ, хлѣбъ самъ родится; рыбы въ рѣкахъ такое множество, что зачерпни только ведромъ — и вынешь рыбы столько, что цѣлый день большая семья сыта будетъ. За скотомъ ухода никакого, безъ пастуховъ стада пасутся по тучнымъ пажитямъ, а къ вечеру коровы сами подходятъ къ домамъ, чтобъ ихъ подоили. Работать не надо, живи вѣкъ свой, руки сложа, только благодари Господа за Его милости. И между людьми тамошними ни ссоръ ни вражды не бываетъ; живутъ они въ мирѣ, въ любви да совѣтѣ; судовъ нѣтъ, для того, что судить некого: не бываетъ въ тѣхъ блаженныхъ мѣстахъ преступленій, нѣтъ у тамошнихъ людей никакихъ пороковъ, вѣѣ живутъ яко ангели на небесѣхъ, оттого и начальства нѣтъ никакого, кромѣ духовныхъ отцовъ и епископовъ.

Этимъ не удовольствовались слагатели басень. Еще до 1830 года ходилъ между старообрядцами слухъ, передаваемый, впрочемъ, за великую тайну, о благочестивомъ Персидскомъ царствѣ. Кольчевъ говорилъ только про „стрѣльцовъ“, будто бы живущихъ въ Персіи; какой-то досужій языкъ прибавилъ, что тамъ, у этихъ „стрѣльцовъ“, у сей „благочестивой Христовой рати небреемой“, пребываютъ не только истинные, старой вѣры епископы, бояре и вои, но самъ царь древлеблагочестивый, прямой потомокъ царя Михаила Феодоровича Романова. Вотъ отрывокъ изъ письма, отправленнаго изъ Стародубья въ Керженецъ въ юль 1830 г.:

„Еще же повѣдаю вамъ, матушка, какъ Христосъ хранить непорочную невѣсту Свою, святую церковь, по неложному Своему обѣщанію, что пребудетъ съ нами на землѣ до скончанія вѣка. Истинные свидѣтели отъ нашихъ христіанъ подъ клятвою увѣряютъ, что въ Персидской землѣ много обрѣтается нашихъ древлеблагочестивыхъ христіанъ, обѣжавшихъ изъ Россіи отъ огнепальнаго гоненія Никона патріарха. Идѣ же святыи мученикъ Іаковъ, за Христа пострадавый (зри о семъ въ „Прологъ“ 27-го поября), тамо нынѣ благочестіе сіяетъ, яко свѣтило. Не точию священнаго чина инокозъ исполнена страна та, но и епископы древлеблагочестивые въ ней есть, имѣютъ даже царя своего, благовѣрнаго и христолубиваго. Егда Никонъ патріархъ возвѣя на церковь всемрачную бурю и ересей море великое и пространное на Россійское царство испусти, царь же Алексій Михайловичъ и весь синклитъ и вся вои вослѣдъ онаго отца ересемъ пошли, тогда убо старѣйшій царевичъ, царя Алексія Михайловича сынокъ, не восхотѣлъ отступити отъ истинно-древней православной вѣры и крѣпко утвердися въ староцерковномъ благоче-

сти. И воздвиге на него царь гнѣвъ свой, и томлень бысть царевичъ во единой отъ царскихъ палатъ, яко въ темницѣ, обаче ни поколебати ни къ своимъ волею преклонити не возмогоша. И бѣжа тотъ старѣйшій царевичъ, съ благочестивыми стрѣльцами и съ казаками, за море, въ Персидскія страны и пріялъ бысть персидскимъ царемъ набожно (?), испроси у него земли ради населенія съ тѣми стрѣльцами и казаками... И устроилъ тамо благовѣрное царство и пріялъ отъ антиохійскаго патріарха, благочестива суца, митрополита и епископовъ, священный же и ивоческій чинъ и доживе до старости, устроая царство, честиъ животь свой сконча, на царство же Персидское благослови сына своего старѣйшаго. И до дней нашихъ царскій благочестивый корень тамо не изсяче. Аще и не пространно царство, обаче по Спасову словеси: „не бойся, малое стадо“, благочестіемъ сіяюще, яко до Никона патріарха вся Россія сіяла, то малое царство пребываетъ десницею Господнею прикровенно. И выходу оттуда благочестивымъ христіаномъ въ наши мѣста иѣтъ, приходящихъ же туда нашихъ христіанъ съ великою радостію пріемлютъ. Тако сіяетъ сокровенная Божія церковь, чистая и непорочная невѣста Христова, и такое Божіемъ милосердіемъ соблюдается царство то благочестивое по писанію, яко имать церковь быти до скончанія вѣка и врата адовы не одолѣють. Истинно извѣщаю вамъ, матушка пречестная инокиня Екатерина, что иѣкіе отъ нашихъ христіанъ ходили въ Ерсоалимъ (Іерусалимъ) поклонитися живоносному гробу Господню и святымъ мѣстамъ спасительныхъ страстей Христовыхъ и доходили до того мѣста, и въ томъ безъ сумнѣнія подъ клятвою утверждаютъ“ *).

Такимъ образомъ память о самозванцѣ-царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ, бывшемъ у Стеньки Разина (ходившаго и въ Персію), воскресла въ средѣ старообрядцевъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія. Пущенная въ ходъ, вѣроятно, вслѣдствіе баснословныхъ сказаній Колычева, сказка о Персидскомъ царствѣ и о царѣ изъ дома Романовыхъ поддерживалась отчасти и солдатами изъ старообрядцевъ, воротившимися изъ персидскаго похода 1826 года. Вслѣдствіе извѣстной склонности нашихъ солдатъ, побывавшихъ въ дальнихъ походахъ, рассказывать сельщинѣ - деревенщинѣ разныя диковинки съ обильнымъ украшеніемъ краснымъ словцомъ, басня о раскольникѣ царствѣ въ Персію разопласъ по разнымъ мѣстностямъ **). Въ своемъ мѣстѣ мы

*) Письмо отъ 13-го іюля 1830 г., подписанное *и. и. Е.*, то-есть «грѣшная инокиня Е.» (вѣроятно, ѣздившая за сборами), къ игуменѣ Екатеринѣ, бывшей въ Комаровскомъ скитѣ, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

**) Замѣчательно, что изданная въ 1831 году (то-есть во время распространенія толковъ о мнимомъ персидскомъ царѣ изъ дома Романовыхъ) книжка г. Берха: «Царствованіе царя Алексѣя Михайловича», въ которой едва ли не впервые въ русской печати говорилось о самозванцахъ-царевичахъ Алексѣѣ и Симеонѣ Алексѣевичахъ (1—261 и 279), разопласъ въ значительномъ числѣ экземпляровъ между старообрядцами. Въ любомъ

разскажемъ, какъ искатели архіерейства устремились въ персидскіе предѣлы, претерпѣвая страшныя лишенія въ пустынныхъ мѣстахъ Малой Азіи, и гибли тамъ отъ болѣзней, тщетно разыскивая благочестивое царство. Сколько силъ по пустынямъ растрачено было на эти исканія! При нной обстановкѣ, при иномъ образованіи, люди, погибшіе отъ болѣзней въ пустыняхъ, могли бы стать на ряду съ самоотверженными путешественниками изъ Западной Европы, проникавшими въ неизвѣданную глубину Африки и во внутренность австраійскаго материка. Нельзя не сочувствовать энергіи и самоотверженію русскихъ людей, пускавшихся въ многотрудныя дальнія странствія, но нельзя и не сожалѣть, что ихъ силы потрачены были лишь на разысканіе небывалыхъ архіереевъ и баснословнаго царя.

Во время Рогожскаго собора, бывшаго въ началѣ 1832 года, когда зашла рѣчь о людяхъ, способныхъ искать по иноземнымъ государствамъ епископовъ „древляго благочестія“, лаврентьевскій игумень, какъ мы уже сказали въ своемъ мѣстѣ, заявилъ, что у него въ монастырѣ есть такіе люди, не по одному разу бывшіе за границей, люди смѣлые, ловкіе и готовые на все. Вѣроятно, разумѣлъ онъ Колычева, жившаго въ то время еще въ Лаврентьевской обители, хотя по преклоннымъ его лѣтамъ (нодъ семьдесятъ лѣтъ) едва ли можно было рассчитывать на самостоятельныя его странствія. А можетъ-быть, увлеченные разсказами его, нѣкоторые изъ лаврентьевской братіи въ это время и сходили уже за границу, и ихъ-то разумѣлъ лаврентьевскій игумень въ предложеніи, сдѣланномъ на Рогожскомъ соборѣ.

Въ Лаврентьеву обитель, какъ сказано въ предыдущей главѣ, долженъ былъ заѣхать, по порученію петербургскихъ коноводовъ поповщины, Громовыхъ, пробиравшійся изъ столицы назадъ въ свой Серковскій монастырь игумень Геронтій. Пріѣхавъ въ Лаврентьевъ осенью 1832 г., онъ пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ осторожностью исполняя данное ему въ Петербургѣ порученіе. Присмотрѣвшись къ монастырскимъ порядкамъ, замѣтилъ онъ, что по столь важному дѣлу нечего ему и входить въ сношенія съ игуменомъ Михаиломъ, человѣкомъ старымъ и озабоченнымъ мелочами обыденной жизни монастыря: посылкой за сборами, закупкой припасовъ, кормленьемъ братіи и исправленіемъ обычныхъ богослуженій. Осторожно повелъ Геронтій рѣчь съ Аркадіемъ. Аркадій уже зналъ, что возникшая на Рогожскомъ соборѣ затѣя объ учрежденіи заграничной старообрядской іерархіи всеми оставлена, что Рахмановъ уѣхалъ изъ Петербурга ни съ чѣмъ, и что въ

екитѣ или монастырѣ старообрядскомъ можно было найти эту книгу. У Авонія Кочуева было нѣсколько экземпляровъ ея. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, сколько намъ извѣстно, раскольники не толковали о Персидскомъ царствѣ. По крайней мѣрѣ не сохранилось о томъ ни малѣйшихъ намековъ ни въ извѣстныхъ намъ раскольничьихъ рукописяхъ ни въ обозрѣнныхъ нами правительственныхъ архивахъ.

Москвѣ никто и не думаетъ болѣе объ осуществленіи кочуевскаго предположенія. Какъ только Геронтій завелъ съ нимъ объ этомъ дѣлѣ рѣчь, онъ отнесся къ нему даже съ негодованіемъ, говоря, что такія затѣи, вмѣсто пользы старообрядству, принесутъ ему одну пагубу. „Если и теперь, — говорилъ Аркадію Геронтію: — стѣсненія старообрядства въ Россіи съ каждымъ мѣсяцемъ усиливаются, что будетъ, если правительство узнаетъ объ этихъ замыслахъ? Если бы даже удалось намъ устроить заграничную іерархію, какія невзгоды постигли бы тогда старообрядцевъ въ Россіи! Кромѣ того, — продолжалъ онъ, и слова его оправдались на дѣлѣ: — приемъ епископа къ старообрядцамъ будетъ „новшествомъ“, ибо со дней Павла Коломенскаго, въ продолженіе ста семидесяти лѣтъ, не бывало у насъ епископа; это „новшество“ неминуемо произведетъ раздоръ и раздѣленіе въ старообрядствѣ“ *). Люди, хорошо и близко знающіе Аркадія Шапошникова, увѣряютъ, что онъ былъ противъ старообрядской іерархіи даже и тогда, какъ она уже основалась; что онъ до тѣхъ поръ не примирился съ нею, пока самъ не попалъ въ архіереи. Даже и во дни своего архіерейства, еще немного лѣтъ тому назадъ, поспоривъ на письмахъ съ Кирилломъ бѣлокриницкимъ, Аркадію писалъ къ нему: „Да что мы съ тобой за архіереи?“, явно высказывая, что не вѣритъ въ законность принятаго сана **).

Осторожный и сдержанный Геронтій не пускался болѣе въ разсужденія съ Аркадіемъ объ учрежденіи заграничной іерархіи. Черезъ нѣсколько времени завелъ онъ съ нимъ другую бесѣду, о переселеніи кого-нибудь изъ лаврентьевцевъ за границу, въ знакомую ему Бѣлую-Криницу, гдѣ бы, по петербургскому громовскому проекту, образовать братство изъ людей хорошихъ, начитанныхъ и степенныхъ. Аркадію былъ и противъ этого. Завелъ наконецъ Геронтій рѣчь объ отправленіи въ восточныя страны ходоковъ для отысканія древлеблагочестивыхъ епископовъ не ради приглашенія ихъ въ Россію, не для того, чтобъ они поставили русскимъ старообрядцамъ епископа, но единственно для удостовѣренія, справедливы ли распространившіеся въ послѣднее время о нихъ слухи. И тутъ не встрѣтилъ сочувствія Аркадія. Вѣроятно, убѣ-

*) Письмо Геронтія къ Алексѣю Великодворскому изъ Серкова монастыря, 3 февраля 1833 года.

***) Подлинное письмо Аркадія къ Кириллу, въ которомъ онъ такъ выражается, въ Москвѣ, и находилось у насъ подъ руками. О немъ скажемъ со временемъ въ своемъ мѣстѣ. Упомянемъ здѣсь лишь поводъ, побудившій Аркадія сказать такія неутѣшительныя для старообрядства слова. Кириллъ упрекнулъ его въ томъ, что онъ, какъ женатый на вдовѣ, по правиламъ святыхъ отецъ, не есть законный архіерей. Противъ такого аргумента сказать Аркадію было нечего, и онъ выразилъ ту мысль, что для старообрядцевъ и такіе архіереи, какъ онъ съ Кирилломъ, подходящи. «Какіе мы съ тобою архіереи, коли по правдѣ сказать?» — написалъ онъ «митрополиту бѣлокриницкому и всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ» Кириллу. Такъ несостоятельность старообрядской іерархіи сознается самими ихъ іерархами.

дясъ, что Аркадій не только не будетъ пособникомъ затѣянному въ Петербургѣ дѣлу, но еще, пожалуй, станетъ ему противодѣйствовать, Геронтіи не входилъ болѣе съ нимъ въ разговоры о томъ, за чѣмъ былъ посланъ. Бесѣдовали Аркадій съ Геронтіемъ о хозяйственныхъ дѣлахъ; тутъ они сошлись: и тотъ и другой были отличные домостроители. Они разстались добрыми пріятелями *).

Живя немалое время въ Лаврентьевѣ, Геронтіи успѣлъ узнать тамошнихъ иноковъ. Съ лучшими изъ нихъ была у него ведена рѣчь объ исканіи архіерейства и о томъ, какъ бы завести въ заграничной Бѣлой-Криницѣ благоустроенную обитель съ иноками хорошей жизни, преданными старообрядству, начитанными и энергическими. Такія слова Геронтіи пришлись имъ по сердцу. Нѣкоторые изъ нихъ заявили даже желаніе тотчасъ же двинуться въ путь—искать архіерея. Иноки Аркадій Лысый, Ираклій Сорокинъ и другіе рѣшились идти въ невѣдомыя страны. Всего охотниковъ странствовать набралось до двѣнадцати человѣкъ. Не говоря ни слова игумену Аркадію о своихъ намѣреніяхъ, одинъ за другимъ выбрались они изъ Лаврентьева, какъ бы за сборомъ подаяній, и перешли за молдавскую границу, гдѣ и собрались въ тамошнемъ Мануиловскомъ старообрядскомъ монастырѣ. Въ 1833 году было совершено ими первое хожденіе на Востокъ для поисковъ древлеблагочестивыхъ епископовъ.

Одновременно съ лаврентьевскими, даже, быть-можетъ, нѣсколько раньше, старообрядцы и изъ другихъ мѣстъ отправились на Востокъ искать тѣхъ блаженныхъ мѣстъ, гдѣ „древлее благочестіе“ сіяетъ. Въ 1833 году вообще стало замѣтно небывалое дотолѣ въ средѣ старообрядческой явленіе: до того времени они совершенно равнодушно относились не только къ святынямъ кіевскимъ, но и къ святымъ мѣстамъ Палестины. „Хоть и святы мѣста, да въ рукахъ никоніанъ,—говорили ихъ начетчики:— и потому благодати тамъ нѣтъ, одна мерзость запустѣнія, Даніиломъ пророкомъ предвозвѣщенная; не для чего ходить туда“. И старообрядцы слушались начетчиковъ, ходили только къ своимъ святымъ мѣстамъ на поклоненіе: въ лѣса пермскіе, къ тамошнему ихъ святому Іову, къ угодникамъ керженскимъ **), на Иргизъ и пр. ***).

*) Письмо Геронтіи къ А. Великодворскому изъ Серкова монастыря, 3-го февраля 1833 года.

**) Софроній въ лѣсу подлѣ большой дороги изъ Нижняго въ Вятку, у деревни Діанова, верстъ пять до города Семенова; Никандръ за деревней Песочной близъ той же дороги; Арсеній близъ деревни Ларионовой; Ефремъ, Варлаамъ, Ілія, Оекла, Голендуха и Фотинія въ Поломскихъ лѣсахъ и Козденецкихъ болотахъ.

***) Филаретъ жилъ еще въ концѣ XVII или въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. О часовнѣ, бывшей на его могилѣ, и о томъ, что туда на Троицынъ день сходятся богомольцы, производилось дѣло еще въ 1732 году («Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія» Г. В. Есипова, I, 236—269). Ровно черезъ сто лѣтъ, то-есть въ 1832 году, о ней возникло вновь дѣло. Коллежскій ассесоръ Бороздинъ, бывши случайно въ лѣсу, видѣлъ сборище на-

Во Ржевѣ оглашены были части мощей святого Саввы, именно глава его, взятая будто бы раскольниками изъ московскаго Андроньева мо-

рода на Θεодоритовой могилѣ и донесъ о томъ московскому генералъ-губернатору. Онъ писалъ: «На означенномъ мѣстѣ есть признаки могилы, находятся на столбѣ малые мѣдные образа и совершается раскольниками служеніе при многочисленномъ стеченіи народа изъ ближнихъ и даже нѣкоторыхъ дальнихъ деревень, въ дни Вознесенія Господня и Пятидесятницы; въ народѣ есть молва, что тутъ жилъ какой-то пустынникъ Θεодоритъ; во время народныхъ сборищъ бываетъ тамъ продажа нѣкоторыхъ мелочныхъ товаровъ и даже вина». Московскій совѣщательный о раскольникахъ комитетъ 8-го іюня 1832 года рѣшилъ, «чтобы воспретить раскольническімъ сборищамъ на могилѣ Θεодорита, предоставить военному генералъ-губернатору войти въ сношеніе съ владѣльцемъ того мѣста, генералъ-майоромъ Рахмановымъ, нельзя ли употребить оное мѣсто для земледѣлія, такъ чтобы слѣды могилы чрезъ то были закрыты и земля сдѣлана была неудобною для народнаго собранія». Г. Рахмановъ 10-го іюля 1832 года отвѣчалъ, между прочимъ, слѣдующее: «На берегу небольшой вершины находится межа, и при оной пахотная земля принадлежитъ крестьянамъ казенной деревни Лобановой. Раскольники утверждаютъ, что близъ той вершины, въ моемъ лѣсу, имѣется могила святого будто бы Θεодорита, и во дни Вознесенія Господня и Пятидесятницы собираются въ деревнѣ Лобановой, изъ которой выходятъ на упоминаемую межу для молебной службы, которую отправляетъ имъ вмѣсто попа дѣвка, живущая въ означенной деревнѣ Лобановой. При семъ бываютъ иногда пріѣзжіе изъ Ржева и изъ Гжатской пристани. Приходящіе на мѣсто ставятъ столбикъ, вѣшаютъ на оный мѣдные образа, читаютъ по книжкѣ будто бы панихиду, вырываютъ землю изъ-подъ берега, по-коему пролетаетъ межа, будто для исцѣленія отъ болѣзней; по продаже вина и мелочнаго товара не бываетъ при сборищѣ у мнимои могилы, которой даже и признаковъ нѣтъ, кромѣ ямы подъ межою, изъ которой они руками таскаютъ землю. Но, можетъ-быть, таковая продажа производится въ домахъ деревни Лобановой; на мѣстѣ же сборища ни пьяныхъ или какого шума не бываетъ, и раскольники оныхъ не терпятъ. Такъ какъ неподалеку отъ сего мѣста, въ дачахъ моихъ, я имѣю скотный дворъ, то однажды при обзорѣніи оного мнѣ случилось внезапно наѣхать на мѣсто и застать собравшихся раскольниковъ, которыхъ я со всею кротостью уговаривалъ, чтобъ они прекратили правительствомъ воспрещаемыя сборища, или ходатайствовали бы о позволеніи построить молебную; другихъ же способовъ къ прекращенію ихъ сборища я употребить не могъ, ибо пристанище ихъ бываетъ въ казенной деревнѣ, и изъ оной выходятъ они не на мое владѣніе, а на межу между моею и казенною землей. Раскольники продолжаютъ и понынѣ собираться, хотя столбъ, на которомъ поставляются ими образа, пастухами моими бываетъ выбрасываемъ. Запахъ же оное мѣсто нѣтъ возможности, во-первыхъ, потому, что находится на самомъ берегу вершины, во-вторыхъ, потому, что, запахивая оное, должно будетъ запахать межу, но сіе ни къ чему не послужитъ, ибо они подрываются изъ вершины подъ берегъ». Черезъ семь лѣтъ послѣ этого московскій митрополитъ писалъ гражданскому губернатору Олсуфьеву, что сборища на Θεодоритовой могилѣ продолжаютъ. «Мѣсто оное въ прошломъ 1838 году, по распоряженію духовнаго начальства,—писалъ митрополитъ:—было свидѣтельствовано благочиннымъ села Плоскаго, Николаевской церкви священникомъ, и оказалось, что тамъ есть впадина, мало похожая на могилу, и въ ней лежитъ дикій камень, довольно немалый, вросшій въ землю; при ней поставленъ деревянный столбъ, вновь тща-

настыря во время французскаго разгрома *). И сюда потихоньку ходили молиться. Около Москвы, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, между деревнями Лобановой и Хованью, въ лѣсу, погребены болѣе ста лѣтъ тому назадъ старцы Филаретъ и Θεодоритъ. Сюда на поклоненіе имъ собиралось множество народа не только окрестнаго, но изъ Москвы, изъ Ржева, изъ Гжатека, преимущественно же въ праздники Вознесенія и Троицы. Такъ много стало ходить сюда поклонниковъ, что въ эти дни на Θεодоритовой могилѣ устраивались даже сельскія ярмарки. Кромѣ того, по разнымъ мѣстамъ оглашены были древнія иконы чудотворными, напримѣръ, Казанской Богородицы въ скитѣ Шарнанскомъ, Николая Чудотворца въ Глафириной обители Комаровскаго скита **), Казанской Богородицы въ Макарьевскомъ монастырѣ, что въ гомельскомъ имѣніи, и много другихъ по разнымъ мѣстамъ. Сюда ходили набожные старообрядцы, минуя древнія святыни, какъ находящіяся въ храмахъ и обителяхъ православныхъ. Съ 1833 года старообрядцы поповщинскаго согласія, и только одного поповщинскаго, стали въ значительномъ количествѣ ходить на поклоненіе въ Кіевъ, откуда пробирались въ свои монастыри. Стали ходить и въ Іерусалимъ. Въ Константинополѣ и въ Палестинѣ чаще и чаще стали являться невиданные тамъ дотолѣ кафтыри и камилавки старообрядскихъ иноковъ. Появленіе тамъ старообрядцевъ замѣчено было и нашими дипломатическими агентами; они сообщали о томъ для свѣдѣнія правительству. Видѣли въ этомъ начало сближенія раскольниковъ съ православною церковью; никто и не догадывался, что странствователи-старообрядцы стремятся на Востокъ совсѣмъ съ иною цѣлью — отыскать вождѣнныя святыя мѣста, своихъ единовѣрцевъ и небывалыхъ своихъ архіереевъ.

Съ 1833 года между старообрядцами распространились такъ-называемыя „Іерусалимскія письма“. Намъ извѣстны два такія письма, но изъ было пущено въ обращеніе несравненно больше. Въ Саратовской губерніи ходило по рукамъ „Сказаніе нѣкоего христоробца о благочестіи во Египтѣ“. Авторъ не названъ, разумѣется, своего имени, но полагать можно, что онъ былъ изъ иргизскихъ монаховъ. Вотъ оно:

„Лѣта 7341 (то-есть 1833),—говоритъ онъ:—на праздникъ святя

тельно обдѣланный и покрытый новымъ тесомъ, подъ крышей коего поставленъ мѣдный образъ Казанской Божьей Матери. Собранія въ томъ мѣстѣ, по донесенію благочиннаго, бывають, какъ и прежде, на день Вознесенія Господня и на день Сочествія Святого Духа» («Дѣло въ архивѣ московскаго генераль-губернатора» 1852 года). Впослѣдствіи однако раскольники собирались для моленій на Θεодоритовой могилѣ.

*) Впослѣдствіи однимъ раскольниковъ она была отдана соборному протоіерею города Ржева, извѣстному отцу Матвѣю Александрову (съ которымъ Гоголь былъ въ перепискѣ). По этому случаю производилось дѣло, и какъ не было доказательствъ, что это дѣйствительно мощи св. Саввы, то и отдали главу на храненіе въ ризницу Тверскаго кафедральнаго собора.

**) Оба въ Семеновскомъ уѣздѣ.

Пасхи были мы съ товарищемъ во святомъ градѣ Ерусалимѣ и у гроба Господня, зрѣли како вси вѣры еретическія на единомъ мѣстѣ молятся. Отслужать свою службу проклятїи армене, на ихъ мѣсто пойдуть проклятїе латины, потомъ сирійцы, потомъ же кофты (копты), и арабы, всѣ въ шапкахъ и чуть не голы, пляшуть и бѣснуются, тутъ же и греческіе служатъ. Поистинѣ, смѣшеніе языковъ, каково бысть по потоку у столпа Вавилонскаго. Искохомъ благочестїян не обрѣтохомъ ни во Ерусалимѣ, ни въ Виелеемѣ, ни на рѣцѣхъ Иорданѣ — всюду пестро и развращенно; истиннаго же пѣнія и достойныя службы ко Господу нигдѣ нѣтъ. Молятся нѣкаково нелѣпо, и козлогласуютъ, и бѣснуются, и въ органы играютъ на мѣстѣ святѣ, въ зануствѣнїи сущемъ. И бывъ въ Ерусалимѣ, увѣдахомъ яко древлее благочестїе и святая непорочная вѣра Христова неблаженно соблюдается на островѣ Кипрѣ, иде же православный благочестивый архїенископъ, со епископы и со всѣмъ освященнымъ и мнишескимъ чиномъ, непреткновенно вѣру соблюли и преданїя, святыми отцы заповѣданя, крѣпко хранятъ. И тотъ кипрскїй архїепископъ ни подъ которымъ патриархомъ не состоитъ *); отъ того отъ самаго и сохранилъ вѣру и праведное житїе, не преткнувся на какую ересь или новшество. Будучи въ томъ зѣло самовидцами увѣрены, на Оминой недѣлѣ пошли мы во градъ Юппїю, чая отплыть въ Кипръ. Но сѣдши въ корабль греческїй, привезены были не на тотъ святой островъ, но въ великїй градъ Александрію, во Египетскую страну. Обманомъ взяли насъ греки и обманомъ привезли во ину страну. Во Александрію не обрѣтохомъ благочестїя, ниже въ Каирѣ **). И увѣдахомъ во ономъ градѣ, яко въ землѣ Фаваидской, глаголемой Емакань, благочестно Христова вѣра, отъ самихъ апостолъ насажденная и напоенная, сохраняется. По великой рѣцѣхъ Нилу, обширностію и широтою яко *наша* Волга, плыли мы много дней и потомъ иѣвши шли съ караванами египтянъ (зѣло разбойныхъ сущихъ, почитай нагихъ насъ оставили) до мѣста Емакань. Тамо люди благочестивы: молятся въ два перста и благословляютъ яко же и Христось, аллилуїю сугубятъ, а третїе: *слава Тебѣ Боже* возглашаютъ; крестятъ въ три погруженїя во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а не поливательно. Монастырь, въ немъ же насъ, странныхъ, христороубцы, спаси ихъ Богъ, милосердно успокоили и одежду намъ дали и всѣмъ довольны на обратный путь отпустили, стоитъ при древахъ и источникахъ и вельми красуется, *будеть съ нами Криволучный* ***). Братїи триста человекъ, а по пу-

*) Кипрскїй архїепископъ, равно какъ и синайскїй, дѣйствительно автокефалны и не зависятъ отъ патриарховъ. И до сихъ поръ нѣкоторые старообрядцы, разчитывая на старообрядство этихъ архїепископовъ, мечтають объ единенїи съ ними, помимо вселенской православной церкви.

**) Въ подлинникѣ: «Кагерѣ».

***) На Иргизѣ. По этому выраженїю и думаемъ, что сказанїе это писано кѣмъ-либо изъ жившихъ на Иргизѣ.

стынямъ и въ колибахъ подвизающихся таковое же, сказываютъ, число. Игумень зѣло старъ и сѣдинами благоукрашенъ, милостивъ и держитъ братію строго, въ послушаніи. Поистинѣ, въ томъ монастырѣ живутъ земные ангелы, небесные же человѣды. И священнаго чина у нихъ довольно—іереевъ и дьяконовъ. И сказывали намъ иноки того монастыря, что въ ихъ Емаканской землѣ три благочестивые епископа и полное освященіе. И пребыхомъ въ томъ монастырѣ три недѣли, увѣдахомъ и увѣрихомся яко церковь Божія не изсяче, аще и великими бурями ересей и новшествъ повсюду побораема, по неложному обѣтованію Христа Спаса, яко церковь святая пребудетъ до скончанія вѣка и врата адова не одолѣютъ“.

Въ другомъ извѣстномъ намъ письмѣ, относящемся къ 1834 году, находится три сказанія о мнимыхъ старообрядскихъ епископахъ. Какъ видно, составлялъ его какой-то молдавскій старообрядецъ Матвѣй Сидоровъ. Распространено оно было съ Рогожскаго кладбища по Москвѣ, по Московской губерніи *), а, вѣроятно, и по другимъ мѣстамъ. Вотъ это письмо, заключающее въ себѣ три сказанія:

„Прислана сія тетрадь изъ Еросалима въ 7342 (1833) году ноември въ 15 день. Былъ иѣкій человѣкъ, нашъ христіанинъ молдавскій, Матвѣй Сидоровъ, плѣненъ бысть отъ срацинь, и пришелъ въ Еросалимъ поклониться гробу Господню. Также обрѣте въ Еросалимѣ три человѣка, и сказали ему, что пришли также поклониться своему Создателю, а мы живемъ на Багатѣ рѣкѣ. И сказали ему все жительство свое, и написали ему сію тетрадь. И повѣда тако братъ веѣмъ христіаномъ:

„Сказаніе первое. Свидѣтельствуемъ вамъ, христолубивая наша братія, о христіанѣхъ, что на Дунаѣ рѣкѣ есть нашего согласія христіане даже до Яссы. Свидѣтельствуемъ о томъ и къ общей нашей пользѣ написали сіе. Если поревнуете избѣгнуть належащаго душевнаго глада,

---

*) Серпуховскій земскій исправникъ въ январѣ 1838 года донесъ, что экономической деревни Глазовой крестьянинъ Никита Федотовъ, раскольникъ, живущій въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, еще въ 1836 году, лѣтомъ, прислалъ эти сказанія въ деревню Глазову крестьянину Василью Максимову, съ кѣмъ—не помнитъ, только съ раскольниками. Максимовъ показал сказанія пришедшему въ ихъ часовню, гдѣ онъ, Максимовъ, уетавщикомъ, помѣщикъему крестьянину Филиппу Васильеву Бардину, который взялъ тетрадку на фабрику купца Путохина и показалъ ее православному рабочему Аксену Федорову, а тотъ, списавъ копію, представилъ ее Троицкаго собора протоіерею (доставившему митрополиту), а подлинникъ, по возвращеніи отъ Бардина, Максимовъ отослалъ обратно въ Москву къ Федотову съ раскольниками, но съ кѣмъ именно—не помнитъ. На очной ставкѣ 10-го февраля 1838 года Максимовъ уличалъ Федотова, что онъ получилъ отъ него въ 1836 г. присланиую, не помнитъ съ кѣмъ, тетрадь. Федотовъ отъ него отрекся. Смотритель Рогожскаго кладбища 27-го января 1838 года увѣдомилъ, что Федотовъ живеть на Рогожскомъ кладбищѣ въ числѣ псаломщиковъ и пѣвцовъ.

то можете къ намъ въ Еросалимъ отъ общества вашего прислать два или три человѣка для обстоятельнаго переговора; ибо всего за скоростію отъѣзда не могли написать. А мы въ Еросалимъ пришли три человѣка, ради поклоненія гробу Господню, и будемъ во Еросалимѣ жить до Пасхи. Если посланные ваши сдѣлаютъ успѣхъ и въ сказанное время прибудутъ въ Еросалимъ, гдѣ могутъ о всемъ слѣдующемъ отъ насъ узнать. Если же во Еросалимѣ не будетъ насъ, раззнать о насъ во Свялин (?), то есть пристань корабельная, отъ Еросалима разстояніемъ верстъ шестьдесятъ. Если и тамо не случится намъ съ вами видѣться, то да спросятъ островъ Санторинъ. А ежели же застанутъ и въ Санторинѣ, то спрашивать во Египтъ; тамо есть наши христіане, имѣютъ лавки и торгуютъ, и ихъ спрашивать о Багатѣ рѣкѣ, на которой мы имѣемъ жилище, разстояніемъ пятьсотъ верстъ отъ Египта, и мѣсто ко всему угодно, именуемое Емаканъ. Насъ тамъ немалое число, 5.000 или болѣе, имѣемъ же три епископа и поповъ изобильно. И когда у васъ належитъ душевный гладъ и ежели царь вашъ позволитъ, то *мы вамъ отправимъ епископа* и священниковъ къ душевной пользѣ. А у насъ христіанская вѣра и святая соборная апостольская церковь яко солнце сіяютъ, изобильно же вамъ къ душевной пользѣ и тѣлесной. Еще свидѣтельствуемъ вамъ, что есть христіане между землею Турскою и Перситскою при рѣкѣ Курѣ, именуемые „стрѣльцы“.

„*Второе сказаніе.* Еще свидѣствуемъ о христіанахъ. Сказаніе гречанина въ Яссахъ, который гречанинъ прежде сего живаль близъ Сербской земли у Никона Черныя Горы. Живутъ и тамо русскіе люди, близъ сербскаго града, званіемъ Бай. А въ тотъ градъ идти черезъ Дунай въ Болгарскую землю на Шведовъ; а отъ Шведова града на Перекветъ, а отъ Переквета на Солнокъ, а отъ Солнока на Пегитъ, а отъ Пегита на Буддинъ, а отъ Буддина на Тричинъ, а отъ Тричина на Бай; недалеко тутъ русскіе люди живутъ. И тому же сказанію гречанина сходно сказаніе Марка иконописца, и ему, Марку, сказываль во Святой Горѣ постриженникъ изографъ, именемъ Іоаннъ, родомъ москвичъ. Подлинно-де есть зовомые Филиппы *) въ Сербской землѣ близъ Никона Черныя Горы, а отъ Горы разстояніемъ ѣзды полтретья дня до Филипповъ, и ихъ два села большія, яко великіе грады; *въ тѣхъ двухъ селахъ два епископа православныхъ и деревнихъ.*

„*Третіе сказаніе.* Сказаніе плѣнника Симеона Иванова, который былъ въ плѣну за Царемъ-Градомъ на Вѣломъ **) морѣ, на островѣ Азамирѣ (?). Сказываль оный плѣнникъ: „Были мы съ хозияпомъ турчаниномъ на томъ же Вѣломъ морѣ на островѣ Карабузовѣ (?). Живутъ на томъ островѣ „стрѣльцы“, двумя селами, въ тѣхъ селахъ двѣ церкви и попы“. Гдѣ сказывали ему, плѣннику, мы поповъ беремъ изъ другого

• *) Филиппы—филипоны, липоване—такъ зовутъ старообрядцевъ въ юго-западной Россіи, въ австрійскихъ, турецкихъ и румынскихъ владѣніяхъ.

***) Архиепаго.

острова, отъ монастыря Семнскаго, и той монастырь близъ Окіана, а отъ острова Карабузова кораблемъ бѣгу 13 дней, а отъ Царя-Града до острова Карабузова 18 дней кораблемъ бѣгу. А градъ на островѣ Безароемъ (?), греческіе люди и села около русскихъ людей: первое Чемиликой, второе Ахазиди, а „стрѣльцовъ“ греки зовутъ русскими. А еще свидѣтельствуемъ: при Евфратѣ рѣкѣ есть множество христіанъ и монастырей. Видите, отцы и братіе, гдѣ есть христіане и что будемъ дѣлать увѣдавши сіе, или что будемъ требовать? Спросить въ Царѣ-Градѣ жителя цареградскаго, Ивана Васильевича, стрѣльца; живеть подлѣ Кужины, пашины Меледы*).

Такъ-называемыя „Іерусалимскія письма“ быстро расходились по разнымъ старообрядскимъ мѣстностямъ. Они читались, перечитывались, писались и переписывались нарасхватъ, съ каждымъ днемъ распространяясь болѣе и болѣе. Распространеніе этихъ „Писемъ“ важно въ томъ отношеніи, что старообрядцы по всеѣмъ захолустьямъ узнали изъ нихъ, что за границей есть христіане „древляго благочестія“. До того многіе изъ нихъ не знали о существованіи заграничныхъ единовѣрцевъ или имѣли о нихъ самое смутное понятіе. Въ большинствѣ, и притомъ самомъ значительномъ большинствѣ старообрядцевъ, утвердилось-было даже мнѣніе, что внѣ предѣловъ Россіи, въ государствахъ мусульманскихъ и латинскихъ, не только нѣтъ, но и быть не можетъ вѣры истинной. Если-бъ „Іерусалимскія письма“ не были благовременно распространены, если бы посредствомъ ихъ старообрядцы не узнали, что и внѣ Россіи можетъ существовать и существуетъ ихъ „древнее благочестіе“, по всей вѣроятности, появленіе въ австрійскихъ предѣлахъ бѣлокриницкой іерархіи было бы встрѣчено ими съ крайнимъ недоувѣріемъ. Они бы единогласно возопили тогда, что это не что иное, какъ ловушка въ латинскую ересь, какъ и говорили нѣкоторые, несмотря на торжественное на всю Россію возвѣщеніе властей бѣлокриницкихъ: „да не смущается сердце ваше, вѣруйте, яко можетъ Богъ и въ чуждѣй благочестія странѣ свѣтильникъ свой поставити“.

Петербургскіе дѣятели по дѣлу устроенія заграничной іерархіи воспользовались „Іерусалимскими письмами“. На Графской биржѣ Громоныхъ они переписывались во множествѣ экземпляровъ и распространялись посредствомъ сборщиковъ и сборщицъ, приходившихъ въ Петербургъ къ Королѣвскимъ за подаваніями. Авоніи Кузьмичъ Кочуевъ и Алексѣи Великодворскій неумоимо разсылали ихъ по разнымъ мѣстностямъ, близкимъ и отдаленнымъ, подготавливая такимъ образомъ народъ къ радушному принятію затѣяннаго ими дѣла.

---

*) «Дѣло въ архивѣ московскаго генераль-губернатора». 1830 года. «Пашины Меледы», то-есть у служителя какого-нибудь турецкаго пашы.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Записка о старообрядскихъ типографіяхъ въ Клинцахъ, Махновкѣ, Яновѣ, Майданѣ Почапніецкомъ.

Старообрядцы въ XVIII столѣтіи чувствовали большую нужду въ богослужебныхъ книгахъ. Какъ извѣстно, они принимаютъ книги лишь напечатанныя въ Москвѣ до второго лѣта патріаршества Никона, то-есть до 1654 года, когда былъ изданъ „Служебникъ“, заключающій первыя, по мнѣнію ихъ, „новшества никоніанскія“. Во времена Никона и его преемниковъ, особенно при Іоакимѣ, книги первыхъ пяти патріарховъ, при замѣнѣ ихъ исправленными, отбирались отъ церквей и монастырей и истреблялись. То же было и при Петрѣ I. У сибирскихъ раскольниковъ сохраняется преданіе, будто этотъ государь столько сжегъ старыхъ книгъ, что когда „пенель приказалъ лопатой развѣяти, и подгрести (мѣдныхъ) застежекъ отъ книгъ сорокъ пудъ“ *). Конечно, это преувеличено, но основаніе сказанію есть. Со времени Екатерины II, когда крутыя и фанатическія мѣры противъ раскольниковъ были прекращены, они стали печатать самыя необходимыя для нихъ книги въ тогдашнихъ польскихъ областяхъ, преимущественно же въ тамошнихъ православныхъ монастыряхъ, имѣвшихъ типографіи съ церковнославянскимъ шрифтомъ. Такъ, напримѣръ, въ 1767 г. былъ перепечатанъ іосифовскій „Часословъ“, а въ 1780 „Псалтырь“ въ Супраслѣ (близъ Бѣлостока). Когда были разрѣшены Екатериною II „вольныя типографіи“, старообрядцы, клинцовскіе купцы: Желѣзниковъ, а потомъ Ѳеодоръ Карташевъ, съ дозволенія новгородъ-сѣверскаго намѣстническаго правленія, завели въ посадѣ Клинцахъ типографію для печатанія „переводовъ“,

*) «Барнаульскіе отвѣты» или «Тюменскій странникъ». Рукопись. Сочиненіе это принадлежитъ крайней безпоповщинѣ, кажется, бѣгунамъ, и составлено не ранѣе тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, ибо въ немъ упоминается о мощахъ св. Митрофанія Воронежскаго, которыя открыты въ 1832 году.

то-есть перепечатокъ до-никоновскихъ, московскаго изданія, богослужбныхъ книгъ. Сначала Карташевъ приставлялъ къ книгамъ своей клинцовской печати „выходы“, въ которыхъ говорилось, будто онѣ напечатаны съ указнаго дозволенія польскаго короля Станислава-Августа (Понятовскаго) въ Почаевѣ, въ Гроднѣ, въ Супраслѣ, въ Вильнѣ и пр., а съ 1786 года сталъ печатать съ означеніемъ, что книга печатана въ Клинцахъ, съ дозволенія суражскаго нижняго земскаго суда *). Но нѣкоторыя книги все-таки печатались съ выходомъ супрасельскимъ **), а другія, какъ, напримѣръ, „Зонарь“, „Соловецкая“, „Челобитная“, „Скитское покаяніе“ и др., вовсе безъ выхода. Карташевъ печаталъ, кромѣ книгъ, вѣчники и разрѣшительныя молитвы, полагаемые на умершихъ. Произведенія его типографіи отвозились въ Москву, а оттуда распространялись по всей Россіи. Это дѣло доставило въ скоромъ времени Карташеву значительное состояніе.

Въ 1797 году императоръ Павелъ запретилъ „партикулярныя типографіи“ во всемъ государствѣ. Карташевъ прекратилъ свою дѣятельность. Но онъ хранилъ въ Клинцахъ принадлежавшіе къ его типографіи инструменты, шрифты, матеріалы и разныя вещи, а также и неконченныя печатаніемъ книги. Въ 1799 году узналъ о томъ малороссійскій военный губернаторъ Миклашевскій, и съ этого времени начались дѣла о старообрядскихъ типографіяхъ, продолжавшіяся до 1823 года. Производились эти дѣла въ обѣихъ столицахъ, въ Черниговской, въ Кіевской и въ Подольской губерніяхъ, какъ видно изъ слѣдующей, доставленной намъ записки:

„Въ 1799 году, по дошедшему до черниговскаго военнаго губернатора Миклашевскаго свѣдѣнію о существованіи типографіи у Карташева, она, командированнымъ штатной роты офицеромъ Чуряковымъ, найдена въ погребѣ, отобрана и представлена въ Черниговъ. Сія типографія состояла изъ двухъ станковъ съ принадлежностями и изъ отпечатанныхъ книгъ. Все сіе было отдано черниговскому городничему для храненія.

„Губернаторъ Миклашевскій немедленно приказалъ освидѣтельствовать представленные типографскіе инструменты, матеріалы и книги двумъ чиновникамъ, которые и донесли, что въ типографіи Карташева инструментовъ къ дѣланію *чего-либо фальшиваго* не найдено, а литеры служатъ лишь для отпечатыванія церковныхъ книгъ; изъ книгъ же, печатанныхъ въ той типографіи, по оглавленіямъ видно, что онѣ печатались „съ указнаго дозволенія“, свидѣтельствованы суражскимъ земскимъ судомъ и подписаны присутствующими въ томъ судѣ членами въ

*) Напримѣръ, «Шестодневъ» 1786 года, «Диоптра» 1787, «Лимонарь» 1787, «Канонникъ» 1787, «Сынъ церковный» 1787, кромѣ «Псалтырей», «Часослововъ», «Миней» и пр. т. п. Печатали и «Книгу о вѣрѣ» и «Кириллову книгу» и др. безъ означенія мѣста печати.

**) Напримѣръ, изданныя въ 1788 году «Служебникъ», «Скитское покаяніе», «Святцы», «Альфа и Омега», «Объ отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ», «Страсти Христовы» и др.

1787 году. Въ 1800 году, вслѣдствіе поданной Карташевымъ просьбы, черниговское губернское правленіе разрѣшило городничему книги, заарестованныя у Карташева, ему отдать, а принадлежащіе къ типографіи инструменты дозволить ему продать. Объ этомъ, правящимъ должность губернатора, вице-губернаторомъ Руновскимъ тогда же донесено было генераль-прокурору Оболянинову. Карташеву станки, книги и пр. были отданы, но продажа типографскихъ инструментовъ оставлена на томъ основаніи, что въ томъ же 1800 году отъ генераль-прокурора Оболянинова черниговскій губернаторъ Френедорфъ получилъ предписаніе, въ которомъ сказано: „Несмотря ни на что, непремѣнно оную типографію имѣть подъ присмотромъ и по содержанію высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія о непродажѣ типографіи, хранить ее впродъ до повелѣнія“.

„Въ маѣ 1801 года, незадолго предъ тѣмъ воцарившійся императоръ Александръ I лично присутствовалъ въ святѣйшемъ синодѣ. Въ этомъ засѣданіи, между прочимъ, обсуждался вопросъ о перепечатываніи для старообрядцевъ и единовѣрцевъ до-никоновскихъ книгъ. Александръ Павловичъ повелѣлъ: „Типографіи въ посадѣ Клинцовскомъ быть по-прежнему, съ тѣмъ, чтобы напечатаніе оныхъ книгъ производилось съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода, и для того назначить синоду съ своей стороны способныхъ надзирателей и поднести о семъ докладъ“ *). Вслѣдствіе сего повелѣнія святѣйшій синодъ 2-го іюня представлялъ государю, что „относительно печатанія, сходныхъ съ старопечатанными книгами, книгъ въ типографіи, въ Клинцовскомъ посадѣ состоящей, или гдѣ оная будетъ съ дозволенія правительства устроена, сообразно его императорскаго величества волѣ, синодъ не оставитъ съ своей стороны сдѣлать въ свое время нужныхъ о семъ распоряженій“ **).

Синодскій докладъ былъ утвержденъ, и святѣйшій синодъ, черезъ сенатъ, потребовалъ въ 1801 году увѣдомленія: „означенная въ Клинцовскомъ посадѣ типографія находится ли въ Клинцахъ, и производится ли въ ней книгопечатаніе, или оная гдѣ-либо уже въ другомъ мѣстѣ устроена; подъ чьимъ смотрѣніемъ и распоряженіемъ, какъ прежде состояла, такъ и теперь состоитъ? Также о количествѣ станковъ и другихъ для печатанія принадлежностей, инструментовъ и литеръ и какія въ той типографіи печатались книги? Дабы святѣйшій синодъ, получивъ свѣдѣнія, которыхъ онъ еще не имѣетъ, могъ приступить къ учиненію о семъ сообразно его императорскаго величества повелѣнію нужныхъ распоряженій, гдѣ таковыя старообрядцы пожелаютъ имѣть типографію“.

*) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», II, 1 и 2.

***) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», II, 1 и 2.

Черниговское губернское правленіе 5-го августа 1801 года подробно донесло синоду и сенату. Затѣмъ 18-го марта 1802 г. святѣйшій синодъ указомъ предписалъ черниговскому губернскому правленію: „Доставить свѣдѣніе, не было ли донесенія правленія 5-го августа 1801 г., а паче по силѣ именного высочайшаго, состоявшагося 9-го февраля 1802 года, указа *) подавано въ оное правленіе просьбы отъ кого изъ старообрядцевъ о возобновленіи въ Клинцовскомъ посадѣ поминутной типографіи, и та типографія подѣ смотрѣніемъ ли и нынѣ черниговскаго городничаго находится, или отдала въ чье-либо другое смотрѣніе, и не имѣеть ли въ виду сіе правленіе, послѣ означеннаго его рапорта, новыхъ по сему предмету обстоятельствъ, могущихъ открыться въ теченіе времени. Ежели же бы кто о возобновленіи, или заведеніи въ Клинцовскомъ посадѣ, или другомъ мѣстѣ, той типографіи просилъ дозволенія для напечатанія въ оной книгъ, сходныхъ со старопечатными, то бы сіе правленіе, не давая само собой такового дозволенія, представило о томъ святѣйшему синоду обстоятельно, для соображенія того съ высочайшею его императорскаго величества волею, въ указѣ 2-го іюня 1801 года изъясленною“. Въ отвѣтъ на этотъ указъ, черниговское губернское правленіе 21-го апрѣля 1802 г. донесло синоду, что ни отъ кого изъ старообрядцевъ просьбы о возобновленіи въ Клинцахъ типографіи и о возвращеніи ея подаваемо не было, что новыхъ обстоятельствъ по сему предмету не открылось, арестованная же типографія Карташева все еще находится попрежнему подѣ смотрѣніемъ черниговскаго полицеймейстера.

Между тѣмъ клинцовскіе старообрядцы, узнавъ, что на возстановленіе типографіи въ посадѣ Клинцахъ состоялось высочайшее соизволеніе, обратились въ 1802 году съ ходатайствомъ о томъ къ малороссійскому генераль-губернатору, князю Куракину. Князь Куракинъ, пользовавшійся особенною довѣренностью императора Александра Павловича, представилъ особый всеподданнѣйшій докладъ, ходатайствуя о разрѣшеніи открытъ въ Клинцахъ типографію для печатанія старообрядческихъ книгъ.

Мая 2-го 1803 года министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, сообщилъ князю Куракину, что государь утвердилъ его всеподданнѣйшій докладъ о возстановленіи въ Клинцовскомъ посадѣ старообрядческой

*) Въ указѣ этомъ, между прочимъ, говорится объ *исключительномъ* правѣ синодальной и другихъ, въ вѣдомствѣ синода состоящихъ, типографій печатать перковныя или по священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся книги («Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода», II, 11). При слушаніи этого указа въ засѣданіи синода, члены его согласились съ мнѣніемъ ярославскаго архіепископа Павла, что на этомъ основаніи и печатаніе книгъ для старообрядцевъ должно быть подвѣдомственно синоду, такъ какъ книги эти также церковныя и до вѣры относятся. Всѣ дѣйствія синода, о которыхъ въ этой запискѣ говорится, имѣли болѣе финансовую цѣль.

типографіи на правилахъ въ томъ докладѣ изображенныхъ, а именно: 1) основать типографію отъ общества, а не какъ принадлежность частнаго человѣка; 2) ограничить, по настоящему количеству старообрядцевъ и ихъ церквей, число отпечатываемыхъ книгъ, присоединяя къ тому, чтобы имѣли право на полученіе нужныхъ книгъ и всѣ не пользующіеся именемъ обращенныхъ къ церкви, и 3) присоединить для большаго старообрядцевъ увѣренія къ духовной цензурѣ члена со стороны гражданской цензуры. Сообщая князю Куракину объ этомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ высочайшую волю и петербургскому митрополиту Амвросію для зависящихъ отъ него по тому распоряженію. Августа 1-го того же 1803 года святѣйшій синодъ къ князю Куракину препроводилъ при своемъ указѣ для свѣдѣнія и подлежащаго о томъ по вѣдомству его соображенія записку, составленную изъ дѣла, производившагося въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ, о дозволеніи, для отправления богослуженія въ церквахъ, даваемыхъ всѣмъ принесшимъ истинное раскаяніе раскольникамъ, печатать книги сходныя со старопечатными, съ тѣмъ, что „когда святѣйшій синодъ получитъ отъ него, князя Куракина, увѣдомленіе, то и съ своей стороны не оставитъ къ должному исполненію высочайшей его императорскаго величества воли учинить подлежащее распоряженіе“. Въ эту записку внесено было мнѣніе синодальнаго члена, ярославскаго архіепископа Павла, уваженное святѣйшимъ синодомъ и удостоенное потомъ высочайшаго утвержденія. Сентября 14-го 1803 года министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, объявилъ малороссійскому генераль-губернатору, князю Куракину, высочайшую волю, дабы онъ, князь Куракинъ, въ тѣхъ распоряженіяхъ, какія по сему случаю пужны быть могутъ, сообразовался съ разсужденіемъ преосвященнаго Павла, въ виду поставленнымъ, и что сіи распоряженія высшаго правительства суть уже послѣднія по предмету клинцовской типографіи, почему и должны служить закономъ для мѣстнаго начальства.

Въ указѣ святѣйшаго синода повелѣно: „Печатаніе книгъ можетъ быть производимо однѣхъ только дозволенныхъ и необходимыхъ для богослуженія, безъ малѣйшей въ нихъ перемѣны, въ чемъ виновные отвѣтствовать будутъ по законамъ, а по отпечатаніи каждаго такового названія книги, должно будетъ въ свое время прислать въ святѣйшій синодъ по два экземпляра для повѣрки съ прежними“.

А въ высочайше утвержденномъ мнѣніи преосвященнаго Павла, архіепископа ярославскаго и ростовскаго, между прочимъ, сказано: „Нужно святѣйшему синоду вѣдать, что разумѣется подъ именемъ „цѣлаго общества“, котораго типографія полагаетъ принадлежностью. Если сіе есть общество клинцовское, или раскольническое, общимъ церковнымъ правиламъ не согласующееся,—то дарованіемъ ему права типографіи не предполагается ли и политическое его сознаніе? Когда чрезмѣрно увеличится въ сей типографіи книгопечатаніе и продажа изъ нея

церковныхъ книгъ усилятся, то спасительная цѣль о пришедшихъ въ соединеніе и о единовѣрческихъ церквахъ можетъ ли быть доступна, или паче не испровергнется ли? Приуспокоенное въ нихъ снисходительными мѣрами о достоинствѣ прежде печатныхъ книгъ мнѣніе, дарованнымъ симъ ихъ обществу правомъ возбудившись паки, не возродитъ ли новые споры и унорства? Ибо что церковь по единому чадолюбному снисхожденію и христіанской терпимости дѣлаеть, не будутъ ли какъ они, такъ и всѣ раскольники, почитать сіе достояніемъ, матерью отъ чады неправильно отторгнутымъ, а всегда имъ по праву принадлежавшимъ? Не содѣлаеть ли это клицковскія книги любимѣйшими простому народу, учебными у дѣтей его и употребительными во всякихъ случаяхъ? Затѣмъ, кромѣ сильнаго потрясенія въ церковныхъ постановленіяхъ, не положится ли спасительнымъ мѣрамъ, какія отческое его императорскаго величества, кротчайшаго во владыкахъ земныхъ, попеченіе предпріяло для распространенія народнаго просвѣщенія и для водворенія между поселянами вѣщнаго благонравія, дѣйствовать, сильная претрада? Ибо опытъ доказалъ, да и нынѣ у всѣхъ на виду, что потаенно напечатанныя и въ публику выпущенныя прежде изъ сей типографіи книги почти устроили число противящихся церкви, и что для невозждаемыхъ сими книгами всякое средство просвѣщенія неуспѣшно, ибо все то признаютъ они нововведеннымъ и еретическимъ. Народныя губернскія и градскія училища ихъ дѣтьми нигдѣ не посѣщаются. Намѣренія святѣйшаго синода въ напечатаніи сихъ книгъ для единовѣрческихъ церквей было и есть: дабы чрезъ то пресѣчь могущія вкрасться въ употребленіе развратныя книги и предупредить зло, каковое происходило и происходитъ можетъ отъ печатанія оныхъ разное своемысліе утверждающее. Что и его императорское величество, іюля 2-го дня 1801 года, высочайше утвердить соизволилъ, повелѣвъ назначить синоду съ своей стороны способныхъ надзирателей. Поводомъ такому положенію послужили вышесказанныя вышедшія изъ сей прежде потаенной типографіи и пущенныя въ публику книги, иныя хотя и церковно принятыя, но съ искаженіемъ или опущеніемъ ихъ обличающихъ текстовъ для поддержанія ихъ суевѣрія; другія, хотя также извѣстныхъ писателей, но церковно не признанныя и никогда въ печати не бывшія, напечатанныя же ими своемысленно и также съ порчею противъ подлинныхъ переводовъ; третья безыменныя, неизвѣстныя, противныя ученію христіанскому и церковной исторіи, противоправственныя: „Цвѣтники“, „Каноны“ разнымъ святымъ и на разные случаи; четвертыя, вновь сочиненныя, поносительныя на церковь, съ выборомъ словъ урывками изъ священнаго писанія и даже укорительныя царской власти, и всѣ ложью и клеветами исполненныя; такого роду: „Соловецкая челобитная“, „Страданія соловецкихъ мучениковъ“, кои всѣ были мятежниками противъ государя царя Алексѣя Михайловича. Изданіе въ публику такого рода книгъ есть зло гражданское, церковное и нрав-

ственное. Въ правилахъ высочайше утвержденного всеподданнѣйшаго доклада князя Куракина, какія для раскольниковъ нужны книги, не опредѣлено, но положено быть съ духовной и гражданской стороны по одному, и то цензорамъ, а не надзирателямъ (какъ то высочайшею волею повелѣно), которыхъ обязанности совершенно между собою различуютъ: цензора должность есть разсматривать только предлагаемыя ему для напечатанія книги, какія же напечатаны будутъ, за тѣ онъ не отвѣчаетъ; а надзирателя типографіи обязанность есть, никакой не печатать книги безъ одобренія цензуры, и за каждую напечатанную въ оной книгу долженъ онъ правительству отвѣтствовать“.

Мнѣніе архіепископа Павла заключается слѣдующими словами: „А хотя святѣйшій синодъ и опредѣляетъ предпоставить въ виду г. генераль-губернатору въ возобновляемой въ Клиновской типографіи не другія печатать книги, какъ съ печатныхъ при всероссійскихъ патріархахъ: Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, Іоасафѣ и Іосифѣ, но, по моему мнѣнію, надлежитъ и здѣсь принять въ разсужденіе, будетъ ли имѣть силу сіе положеніе святѣйшаго синода у такого общества, которое почитаетъ себя виѣ церковнаго правительства и виѣ обязанности повиноваться синоду? И мѣры, какія онъ предписывать будетъ въ печатаніи книгъ, ограждаются ли закономъ, а въ случаѣ нарушенія оныхъ, гражданское правительство будетъ ли поставлять своею обязанностию судить по тѣмъ мѣрамъ о виновныхъ и ихъ виѣ? Ибо въ подносимомъ отъ князя Куракина, высочайше подтвержденномъ докладѣ, ничего о томъ не сказано. Сіи-то обстоятельства поставляю я весьма нужными къ принятію въ разсмотрѣніе прежде, нежели пущена будетъ въ дѣйствіе типографія, дабы со всѣхъ сторонъ опредѣлить ея правилами, далѣе бы коихъ и общество и печатаніе въ ней книгъ простирались не могли, что и полагаю я быть согласнымъ какъ высочайшей его императорскаго величества волѣ о распорядженіяхъ, какія сдѣлать преосвященному митрополиту предоставлено, такъ и правиламъ благоразумія, которое совѣтуетъ, прежде нежели прорвана будетъ плотина, удерживающая въ рѣкѣ воду, которой дать теченіе нужда заставляеть, обезопасить ближайшія селенія отъ потопленія“.

Князь Куракинъ, принявъ указъ святѣйшаго синода какъ бы за знакъ неохотнаго дозволенія возобновить въ посадѣ Клиновскомъ типографію, отнесся о томъ 24-го августа 1803 года къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, а впоследствии представлялъ въ 1806 году святѣйшему синоду: „что по затрудненіямъ, найденнымъ преосвященнымъ ярославскимъ Павломъ о возобновленіи типографіи въ Кливахъ, и соображая тѣ правила, которыя почтены необходимыми при учрежденіи типографіи, находитъ онъ, князь Куракинъ, что для точнаго удостовѣренія, чтобы было только печатаніе книгъ, принадлежащихъ къ служенію въ церквахъ, полезнѣе будетъ, если дозволеніе о заведеніи типографіи ограничить на одну только въ Москвѣ типографію, о которой

просили единовѣрцы, въ Москвѣ живущіе, и гдѣ присмотрѣ, святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ требуемый, съ большимъ удобствомъ учредить ся можетъ“.

Такимъ образомъ прекратились дѣйствія по сему предмету князя Куракина. О возобновленіи типографіи въ посадѣ Клинцовскомъ ни отъ него ни отъ преемника его, генераль-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго, по Черниговской губерніи никакихъ распоряженій послѣ того до 1811 года не было.

На представленіе черниговскаго губернскаго правленія по просьбѣ, поданной въ 1811 году сыномъ уже умершаго тогда Федора Карташева, Акимомъ Карташевымъ, о возобновленіи въ посадѣ Клинцовскомъ типографіи, послѣдовалъ указъ святѣйшаго синода отъ 28-го іюня 1812 года. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, сказано: „Распоряженіе синода по сему предмету было сообщено бывшему малороссійскому генераль-губернатору князю Куракину въ 1803 году, и притомъ препровождена изъ дѣла записка. Нынѣ же, по открытіи въ Клинцовскомъ посадѣ типографіи, производщей печатаніе старообрядческихъ книгъ на девяти станахъ, она, какъ безъ дозволенія существующая, со всѣми принадлежащими къ ней инструментами и найденными книгами, совѣтникомъ черниговскаго губернскаго правленія Изюмовымъ запечатана и поручена надзору суражскаго земскаго суда, а самъ онъ, Карташевъ, по явкѣ его къ малороссійскому генераль-губернатору съ просьбой о дозволеніи ему имѣть типографію и производить въ ней печатаніе старообрядческихъ книгъ, былъ имъ, губернаторомъ, во всѣхъ предметахъ, по сему случаю, со всею снисходительностью, которая въ таковыхъ дѣлахъ требуется, допрошенъ“, и такъ далѣе.

Что касается до двухъ становъ и прочихъ при нихъ инструментовъ и литеръ, заарестованныхъ въ 1799 году и оставленныхъ у черниговскаго полицеймейстера, то изъ дѣлъ черниговскаго губернскаго правленія видно, что они поступили въ губернскія типографіи, черниговскую и полтавскую, и тамъ перелиты на гражданскія литеры. Существовавшіе девять становъ въ клинцовой типографіи Карташевымъ и его отцомъ были учреждены вновь.

„Разсматривая всѣ обстоятельства дѣла сего, я нахожу,—писаль въ святѣйшій синодъ черниговскій генераль-губернаторъ:—1) что открытая нынѣ въ Клинцовскомъ посадѣ кушца Карташева типографія существовала съ 1805 года, не только безъ всякаго дозволенія, но и безъ вѣдома о ней начальства и безъ надлежащаго надзора, повелѣннаго волею монаршею; 2) печатаніе въ ней книгъ производимо было безъ всякаго свидѣтельства и исполненія распоряженій св. синода и представленія къ разсмотрѣнію его по два экземпляра книгъ; 3) между прочими книгами печатались и такія, которыя, мнѣніемъ преосвященнаго архієпископа ярославскаго Павла, найдены недозволенными, какъ-то: „Цвѣтники“ и „Каноны“ съ самовольными добавленіями, что значитсѣ

изъ собственнхъ его, Карташева, показаній, и 4) что производство оной типографіи въ продолженіе сего времени, бывъ безъ всякаго за онымъ надзора отъ начальства, увеличилось до чрезмѣрности, такъ что угрожало послѣдствіями своими, объясненными въ мѣстнѣи преосвященнаго архіепископа Павла; а потому, не считая себя въ правѣ разрѣшить производство той типографіи, я приказалъ оставить оную со всеми ея принадлежностями и найденными при ней книгами запечатанною, подъ надзоромъ суражскаго нижняго земскаго суда, впредь до послѣдующаго о томъ распоряженія. Для чего, представляя все сіе благоусмотрѣнію высшаго правительства, испрашиваю на оное повелѣнія“.

Допросъ, снятый черниговскимъ генераль-губернаторомъ съ Карташева, состоялъ въ слѣдующемъ: „1817 года 7-го февраля, посада Клинцова, 3-й гильдіи купецъ Акимъ Карташевъ, бывъ спрошенъ малороссійскимъ генераль-губернаторомъ, показалъ: 1) Я и отецъ мой дозволенія на устройство типографіи не имѣли, а въ 1804 году узнали мы, что государь императоръ дозволилъ въ Клинцовой слободѣ типографію; но объявленія о томъ ни отъ кого не было, и было ли о томъ отцу моему объявлено, не знаю. 2) Отцомъ моимъ устроена типографіи въ 1805 году на шесть становъ, а три стана прибавлены мною въ 1809 году, о томъ подавалъ ли отецъ мой кому объявленіе, не знаю; я же не подавалъ, но просилъ черниговское губернское правленіе о дозволеніи мнѣ имѣть типографію въ 1806 и 1811 годахъ. 3) Объявленъ мнѣ указъ синода, что о томъ представлено бывшему генераль-губернатору князю Куракину; но какъ отъ онаго, такъ и отъ преемника его я ничего не слыхалъ, а производилъ книгопечатаніе, потому что и умершій въ 1805 году отецъ мой при жизни своей производилъ оное. 4) Книгопечатаніе производимо было ни подъ чьимъ надзоромъ; и книгъ печатанныхъ для свидѣтельства я нкуда не представлялъ, а перепечатывалъ самъ, по увѣренности, что оныя правительствомъ дозволены. 5) Перепечатывались слѣдующія книги: „Азбуки“, „Часовники“, „Псалтыри“ и иныя, необходимо нужныя для обученія дѣтей; касающіяся къ церковному кругу: „Канонники“, „Праздничныя Минеи“, „Общія Минеи“, „Цвѣтнички“, — книги сіи были во время дозволенной типографіи свидѣльствованы суражскимъ земскимъ судомъ; дѣлалъ я сверхъ того нужныя, но непротивныя закону добавленія въ книгахъ, мною перепечатанныхъ; „Праздничная Минея“ не была свидѣльствована суражскимъ земскимъ судомъ, но дозволена старообрядцамъ; равно и „Цвѣтнички“ не были свидѣльствованы, но печатаны по выбору изъ свидѣльствованныхъ книгъ. 6) Во всехъ годахъ печатались каждый годъ отъ 1.000 до 1.200 экземпляровъ всякой книги, а „Псалтырей“ и болѣе. 7) Продаваемы были эти книги въ Москву московскому купцу Якову Игнатьеву, живущему у Рогожской заставы, на Вороньей улицѣ, въ собственномъ домѣ, а равно по мелочамъ въ собственномъ домѣ продавалъ я желающимъ; бѣднымъ же давалъ безденежно.

8) Продажу оную я производилъ явно, по увѣренности, что она не противна правительству. 9) Управлялъ типографіею я самъ, а надсматривалъ надъ оной клинцовекій мѣщанинъ Василій Соболевъ, онъ же и Сухорукъ. 10) Рабочихъ въ типографіи употреблялось не равное число, отъ 12 до 25, наймомъ изъ клинцовскихъ обывателей старообрядческой вѣры. 11) Типографія не находилась ни подъ чьимъ покровительствомъ, ибо я былъ увѣренъ, что сіе не противно волѣ государя императора. 12) У родителя моего до 1799 года были гражданскія буквы, ибо онъ печаталъ съ 1797 по 1799 годъ, съ вѣдома и по условію черниговскаго губернскаго правленія, въ городѣ Черниговѣ, но въ 1799 году оныя губернскимъ правленіемъ у насъ отобраны, и болѣе таковыхъ не оставалось и доселѣ не было. 13) Извѣстенъ я, что есть таковая же типографія въ Махновкѣ или около оной, подлинно не знаю; извѣстенъ, что оттолъ таковыя же книги доставлялись въ Москву. 14) Производятся ли въ той типографіи печатаніе недозволенныхъ книгъ,—не знаю, но видѣлъ я продаваемыя въ Москвѣ книги таковыя же, которыя перепечатывались у меня и которыхъ не полагаю запрещенными. 15) Болѣе сего ничего не имѣю показать, ибо ничего о томъ не знаю и не слыхалъ“.

Въ журналѣ комитета министровъ 14-го апрѣля 1817 года по дѣлу о типографіи Карташева сказано слѣдующее: „Слушана записка управляющаго министерствомъ полиціи о старообрядческой типографіи купца Карташева, Черниговской губерніи, при посадѣ Клинцовскомъ. (Записка сія въ оригиналѣ препровождена къ тайному совѣтнику князю Александру Николаевичу Голицыну). Комитетъ, усматривая изъ донесенія малороссійскаго военнаго губернатора, что относительно существованія типографіи для печатанія старообрядческихъ книгъ бывший министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, 14-го сентября 1803 года, сообщилъ бывшему малороссійскому генералъ-губернатору князю Куракину высочайшую его императорскаго величества волю, дабы онъ, въ нужныхъ по сему случаю распоряженіяхъ, сообразовался съ высочайше утвержденнымъ разсужденіемъ синодальнаго члена, преосвященнаго архіепископа ярославскаго Павла, который не былъ согласенъ на предположенное святѣйшимъ синодомъ позволеніе; но какъ князь Куракинъ, влѣдствіе сего, не сдѣлалъ ничего положительнаго, а представлялъ только полезнѣйшимъ ограничить заведеніе таковыхъ типографій на одну типографію въ Москвѣ, и гдѣ присмотрѣ, касательно печатанія старообрядческихъ книгъ требуемый, съ большею удобностью учредить ся можетъ, то комитетъ и полагалъ: обстоятельство сіе передать на уваженіе святѣйшаго синода, съ тѣмъ, чтобы рѣшительное заключеніе по оному, чрезъ комитетъ министровъ, внесено было на высочайшее его императорскаго величества благоусмотрѣніе, до того же времени книгъ въ клинцовой типографіи печатать не дозволять; равнымъ образомъ поручить управляющему министерствомъ полиціи за-

претить таковое же печатаніе въ Махновкѣ, буде дѣйствительно есть тамъ типографія“.

При подписаніи журнала генераль-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ объявилъ, что государь императоръ, по разсмотрѣннн меморіи комитета министровъ, положеніе онаго высочайше утвердить соизволилъ. Тогда комитетъ министровъ опредѣлилъ: „сообщить обо всемъ этомъ управляющему министерствомъ полиціи графу Вязмитинову и тайному совѣтнику князю А. Н. Голицыну выписками изъ сего журнала къ надлежащему исполненію“. Записка управляющаго министерствомъ полиціи, внесенная въ комитетъ, по которой состоялось приведенное положеніе, отправлена къ князю А. Н. Голицыну. Управлявшій тогда министерствомъ полиціи, с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ графъ С. К. Вязмитиновъ 30-го апрѣля 1817 года сообщилъ о рѣшеніи комитета министровъ малоросейскому военному губернатору, для надлежащаго распорядженія, и тогда же предложилъ кіевскому гражданскому губернатору приказать, тотчасъ по полученіи бумаги, сдѣлать точнѣйшую выравку изъ дѣлъ: дѣйствительно ли въ Махновкѣ есть старообрядческая типографія, и если есть, то съ какого времени существуетъ, кѣмъ устроена, кѣмъ содержится, съ чьего позволенія открыта, какія печатаеть книги и куда ихъ отсылаеть. Обо всемъ этомъ кіевскій губернаторъ долженъ былъ подробнѣйшимъ образомъ увѣдомить графа Вязмитинова, приказавъ между тѣмъ, если типографія существуетъ, закрыть ее и впредь до повелѣнія не позволять производить въ ней печатанія.

Кіевскій гражданскій губернаторъ, 6-го іюня 1817 года, донесъ министру полиціи, что въ городѣ Махновкѣ дѣйствительно была старообрядческая типографія, находившаяся въ содержаніи московскаго купца Селезнева, но по несостоятельности хозяина къ дальнѣйшему ея содержанію, еще въ 1810 году, прекратила печатаніе, и веѣ шрифты, какіе въ ней были, забраны кіевскимъ купцомъ Константиномъ Кольчевымъ. Подольской губерніи Литинскаго уѣзда въ мѣстечко Яновъ, гдѣ въ настоящее время и производится печатаніе.

Управляющій министерствомъ полиціи 19-го іюня 1817 г. предложилъ подольскому гражданскому губернатору: если въ мѣстечкѣ Яновѣ окажется типографія, принять тѣ же мѣры, которыя сейчасъ исчислены относительно типографіи Селезнева, если-бъ она была найдена въ Махновкѣ. Нѣсколько прежде того подольскій архіепископъ Іоанникій 6-го мая 1817 года писалъ подольскому губернатору: „находящійся въ Подольской губерніи Литинскаго повѣта въ мѣстечкѣ Яновѣ раскольникъ Константинъ Кольчевъ, заведя типографію, печатаеть въ ней разныя раскольническія книги, которыя развозитъ для продажи въ разныя росейскія мѣста, и до такой степени увеличилъ оную типографію, что на двѣнадцати прессахъ не только раскольничьи книги, но даже вѣщички для погребенія мертвыхъ тѣлъ дѣлаеть“. Архіепископъ Іоан-

никій, увѣдомляя объ этомъ губернатора, просилъ его распоряженія о нарядѣ со стороны гражданской чиновника къ произведенію изслѣдованія о типографіи Колычева. Узнавъ, что печатаніе Колычевымъ старообрядскихъ книгъ въ Яновѣ началось еще съ 1809 года, что объ этомъ было производимо слѣдствіе, и не зная настоящаго хода дѣла, губернаторъ 2-го іюля 1817 г. поручилъ литинскому повѣтовому маршалу (уѣздному предводителю дворянства) графу Холоневскому узнать черезъ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ, на чемъ означенное слѣдствіе приостановлено и кто причиной его неокончанія, а между тѣмъ въ мѣстечкѣ Яновѣ *) произвести, при бытности духовнаго депутата, слѣдствіе безъ всякаго отлагательства: когда именно старообрядская типографія, съ чьего дозволенія и на чьемъ коштѣ устроена, какія въ ней печатаются книги и куда онѣ отпускаются. И когда откроется, что сія типографія раскольникомъ Колычевымъ или другимъ кѣмъ-либо устроена самовольно, то, прекративъ книгопечатаніе, сдѣлать подробнѣйшее описаніе всѣмъ инструментамъ и имѣющимся въ наличности книгамъ и вѣщичкамъ и все, что только могло бы открыться, опечатать и не допускать болѣе Колычева къ таковому книгопечатанію до рѣшительнаго о той типографіи постановленія, равномерно аккуратно разыскать, куда и сколько Колычевъ вывозилъ отпечатанныхъ въ своей типографіи книгъ, на какихъ діалектахъ и съ апробаціи ли цензуры онѣ печатаны или нѣтъ. Велѣдъ затѣмъ подольскій губернаторъ, въ отвѣтъ на предписаніе министерства полиціи отъ 19-го іюня, послалъ 29-го августа 1817 года списокъ съ представленія слѣдственной комиссіи, въ мѣстечкѣ Яновѣ учрежденной подъ предсѣдательствомъ графа Холоневскаго. Произведеннымъ слѣдствіемъ открыто: 1) Типографія въ Яновѣ устроена неизвѣстно за сколько лѣтъ назадъ, и о состояніи оной будто бы было извѣстно губернскому начальству. Печатаніе въ ней старообрядческихъ книгъ существовало еще во время управленія ею московскимъ мѣщаниномъ Павломъ Ивановымъ Селезевымъ. Колычевъ въ 1805 году купилъ эту типографію съ двумя станками у яновскихъ евреевъ, на капиталъ московскаго 2-й гильдіи купца Дмитрія Федорова, за 100 червонцевъ и умножилъ ее восемью добавочными и однимъ недѣйствующимъ прессами; онъ управляетъ типографіей по довѣренности купца Федорова, данной ему 24-го ноября 1814 г. 2) Печатаются въ яновской типографіи книги, однѣ на польскомъ діалектѣ, какъ-то подъ названіемъ: „Златой алтарикъ“, „Элементаржъ“, „Словари польско-латинскій и русско-польскій“, „графъ Олгоруескій“ и „Офиціушки“; а другія на русскомъ діалектѣ старообрядческія духовныя, на основаніи указовъ 1801 года іюня 2-го, 1803 и 1799 годовъ февраля 10-го, которыя напечатаны по благословенію святѣйшихъ патріарховъ московскихъ Филарета Никитича, Іоасафа, Іосифа по десятое лѣто, а царя

*) Оно принадлежало этому самому графу Холоневскому.

Алексея Михайловича по седьмое, и по которымъ святѣйшій синодъ благословляетъ священство исправлять службу Божию въ старообрядческихъ приходахъ, а именно: „Страсти Христовы“, „Василія Нового поученія“, „О лжеучителяхъ“, „Свищенноинока Дороога“, „Іоанна Златоуста поученія“, „Псалтыри“, „Евангелія толковья“, „Капоиники“, „Шестодневъ“, имѣющій службу на восемь гласовъ, „Ефрема Сирина“, „Аввы Дороога“. Книги во время производства типографіи отпускаемы имъ были въ годъ четыре раза количествомъ по одной тысячѣ всякой отправки въ городъ Москву, къ вѣрителю его Федорову. Вѣчники печаталъ онъ, Колычевъ, по требованію яновскаго священника Стефана Левицкаго, и такое требованіе произвелъ Левицкій два раза: въ 1814 году лично, а въ 1817, при бытности въ Яновѣ, чрезъ прѣзжавшаго изъ Каменца родного брата его Григорія. На сіи вѣчники давалъ онъ, Левицкій, собственную форму, каковая доставила ему отпечатать вѣчниковъ въ первый разъ на его бумагѣ 2.000 экземпляровъ, составляющихъ по десяти вѣчниковъ на каждомъ, съ полученіемъ платежа только за бумагу, а во второй также 2.000, на представленной священникомъ Левицкимъ бумагѣ безъ платежа; затѣмъ отобраны имъ, Левицкимъ, формы, и онъ, Колычевъ, уже никому затѣмъ не печаталъ таковыхъ.

Комиссія, бывшая подъ предѣтельствомъ графа Холоневскаго, опредѣлила: „Поеліку старообрядецъ Колычевъ на устроеніе въ мѣстечкѣ Яновѣ типографіи отъ гражданскаго правительства письменнаго дозволенія не предъявилъ, а ссылается голословно, что она учреждена за нѣсколько лѣтъ назадъ и о состояніи ея вѣдаеть будто бы гражданское начальство, да и имѣются на то въ литинскомъ нижнемъ земскомъ судѣ и у повѣтоваго стряпчаго разрѣшенія и указы: печатать старообрядческія книги, которыя духовнымъ сей консисторіи депутатомъ признаются быть греко-россійской восточной церкви противными и къ изданію недозволенными, и другія яко бы цензурнаго дозволенія, на что тоже письменнаго вида не представилъ, а признаеть самъ, что отпечаталъ старообрядческихъ вѣчниковъ 4.000 экземпляровъ будто бы для священника Левицкаго, для того учинить: 1) Въ литинскій нижній земскій судъ и къ повѣтовому стряпчему о сдѣланіи надлежащей между дѣлами выправки, есть ли дѣйствительно отъ губернскаго правленія дозволеніе на заведеніе старообрядцу Колычеву въ мѣстечкѣ Яновѣ типографіи, и о послѣдующемъ требовать скорого увѣдомленія; для послѣднѣйшаго же о семъ собиранія свѣдѣній, представить губернатору и просить въ разрѣшеніе его наставленія, какъ поступить съ самимъ Колычевымъ за отпечатаніе имъ 4.000 вѣчниковъ старообрядческихъ, который, состоя въ родѣ приказчика по довѣренности московскаго купца Дмитрія Федорова, рѣшился на злоупотребленіе; до полученія же отъ губернатора наставленія отпечатать типографію со всѣми инструментами и книгами и предписать мѣстной экономіи имѣть

надзоръ, дабы Колычевъ ничего изъ дому на сторону вывезти и самъ отлучаться впредь до разрѣшенія не могъ. 2) Священнику Левицкому послать повѣтку и требовать объясненія, когда именно и на какую надобность требоваль онъ отпечатанія въ два раза по 2.000 экземпляровъ, составляющихъ каждый по десяти вѣнчиковъ, откуда имъ взята форма и даваема была Колычеву на отпечатаніе вѣнчиковъ, гдѣ теперь она находится, и въ какую надобность то число вѣнчиковъ имъ употреблено“.

На запросъ, сдѣланный священнику Левицкому, сей послѣдній не сознался, будто бы заказываль вѣнчики, а показаль, что покупаль только изъ типографіи Колычева бумагу и въ ней нашель два листа, содержащіе по восьми старообрядческихъ вѣнчиковъ, и ихъ представиль по начальству, въ чемъ сослался на исправника. Исправникъ показаль, что онъ ничего не знаетъ, и священникъ Левицкій ему ничего о вѣнчикахъ не говорилъ, и что онъ, исправникъ, даже никакого понятія о типографіи въ Яновѣ не имѣль. На вторичный допросъ Колычевъ показаль, что священникъ Левицкій привозиль отъ брата своего, присутствующаго въ консисторіи, письмо, коимъ просиль его, Колычева, о напечатаніи 2.000 экземпляровъ вѣнчиковъ, но письмо это потеряно; а въ 1816 году братъ священника Левицкаго, Григорій, просиль его лично въ католическомъ яновскомъ костелѣ о напечатаніи вторично 2.000 экземпляровъ вѣнчиковъ, и что напечатанные вѣнчики самъ Левицкій, бывши у него, лично взяль. На то священникъ Левицкій лично въ комиссіи сказаль, что дѣйствительно былъ у Колычева, но купиль у него около 10-ти стопъ бумаги, и бумагу эту взяль самъ, но вѣнчиковъ не заказываль и не бралъ; а на двукратныя повѣтки комиссіи священникъ Левицкій не отвѣчалъ, требуя медленности до 20-го августа.

Такъ какъ дѣло это замедлилось, то слѣдственная комиссія просила у губернатора разрѣшенія: должна ли типографія остаться опечатанною, или дозволить ему, Колычеву, продолжать печатаніе?

По представленіи объ этомъ подольскаго губернатора на разрѣшеніе министерства полиціи, 17-го сентября 1817 года получено отъ графа Вязмитинова слѣдующее распоряженіе: „Сообразоваться въ отношеніи типографіи, въ мѣстечкѣ Яновѣ находящейся, съ положеніемъ на этотъ предметъ комитета господъ министровъ, состоявшимся 14-го апрѣля 1817 года, равно какъ и поступлено съ клинцовскою типографіей. О польской же типографіи удостовѣриться, было ли на заведеніе оной дано позволеніе купцу Колычеву, и поступить сообразно съ тѣмъ, что окажется“.

На дозволеніе завести въ Яновѣ польскую типографію Колычевъ никакихъ документовъ представить не могъ, какъ и о раскольническомъ печатаніи. Управлявшій министерствомъ полиціи 16-го августа 1818 года отнесся къ князю А. Н. Голицыну, прося его мнѣнія для рѣшительнаго заключенія по дѣлу о старообрядческихъ типографіяхъ. Князь А. Н. Го-

лицыъ 20-го октября увѣдомилъ графа Вязмитинова, что положеніемъ комитета министровъ, состоявшимся въ 27-й день августа 1818 года, постановлено: „1) На основаніи высочайше конфирмованнаго во 2-й день іюня 1801 года доклада святѣйшаго синода въ разсужденіи изданія книгъ, сходныхъ съ старопечатными, по коимъ отправляется нынѣ богослуженіе не токмо въ единовѣрческихъ церквахъ, но даже и у раскольниковъ, не имѣющихъ церквей, но примѣру единовѣрцевъ нашихъ, имѣть одну только типографію, которой и быть въ Москвѣ, на иждивеніи прихожанъ тамошней единовѣрческой церкви, какъ они и прежде о семъ просили. 2) Типографіи сей, въ отношеніи печатанія въ оной книгъ, состоять подъ присмотромъ особыхъ чиновъ, которые имѣютъ быть опредѣлены отъ святѣйшаго синода. 3) *А дабы не могло послѣдовать сей типографіи подрыва отъ изданія подобныхъ книгъ* въ существующихъ нынѣ типографіяхъ въ посадѣ Клинцовскомъ и селеніи (sic) Махновкѣ, въ Черниговской губерніи (?) состоящихъ, то оныя увичтожить, съ строгимъ запрещеніемъ печатанія въ нихъ и продажи книгъ, относящихся къ церковному служенію; а притомъ и самый ввозъ таковыхъ книгъ изъ-за границы оградить строжайшимъ запрещеніемъ и бдительнымъ надзоромъ. Въ противномъ случаѣ, если подобныя книги привезены будутъ изъ-за границы, то оныя конфисковать и, не предавая истребленію, отсылать въ московскую синодальную типографскую контору, или въ типографію при святѣйшемъ синодѣ состоящую, смотря по удобности; виновныхъ же въ провозѣ книгъ предавать сужденію по закону. 4) Содержателямъ типографіи, имѣющей открыться въ Москвѣ, на иждивеніе прихожанъ тамошней единовѣрческой церкви, предложить, не согласятся ли они купить все принадлежності въ существующихъ нынѣ типографіяхъ Клинцовой и Махновской, по добровольному, впрочемъ, въ цѣлѣ соглашенію“.

Это положеніе комитета министровъ, высочайше утвержденное въ Москвѣ 31-го декабря 1818 г., управлявшій министерствомъ полиціи разослалъ циркулярно ко всемъ начальникамъ губерній. Впослѣдствіи оно вошло въ „Полное Собраніе Законовъ“ и въ „Сводъ Законовъ“ *). Вслѣдствіе возникшаго вопроса со стороны министра финансовъ: какъ распознавать раскольническія книги отъ другихъ духовныхъ книгъ, привозимыхъ изъ-за границы, управлявшій министерствомъ полиціи входилъ въ сношеніе съ княземъ А. П. Голицынымъ, который объяснилъ, что узнавать ихъ можно по церковнымъ литерамъ (?), почему, несмотря ни на время изданія ихъ ни на иное какое-либо различіе, подвергать кон-

*) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», № 27.611, и «Сводъ Законовъ», томъ XVI, «Уставъ о предупредженіи и пресѣченіи преступленій», ст. 65 и 66. Сравни. «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», II, 134—138. Подъ заграничными изданіями, вѣроятно, разумѣются напечатанныя въ Яссахъ, но въ то время тамъ раскольничьихъ книгъ еще не печаталось.

фикаціи *). Что и было министромъ полиціи сообщено министру финансовъ 2-го іюня 1819 года и циркулярно всѣмъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и начальникамъ областей.

Повѣренный московскаго 2-й гильдіи купца Федорова, кievскіи 3-й гильдіи купецъ Константинъ Константиновъ Кольчевъ, 14-го августа 1819 года прислалъ въ министерство полиціи просьбу, въ которой писалъ, что „въслѣдствіе положенія комитета господъ министровъ объ уничтоженіи старообрядческихъ типографій, и вѣрителя его управляемая имъ типографія, переведенная изъ Махновки въ мѣстечко Яновъ, остается донныѣ съ іюля 1817 года, за печатаніе въ оной старообрядскихъ книгъ, подѣ запрещеніемъ. Но какъ въ ней производилось тисненіе съ дозволенія вiденскаго университета и на другихъ языкахъ, какъ-то: російскомъ, польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, каковыя буквы, такъ же, какъ и церковныя, обще съ напечатанными въ немаломъ количествѣ книгами старообрядскими, находятся подѣ секретомъ, то и просить приказать выдать, кромѣ церковныхъ, упомянутыхъ діалектовъ буквы, дозволить безиренятственное тисненіе оными книгъ попрежнему въ той же типографіи; а во-вторыхъ, возвратить уже отпечатанныя старообрядскія книги, насчетъ коихъ и въ вышенприведенномъ положеніи комитета ничего не сказано, и разрѣшить продажу оныхъ, дабы чрезъ то не подвергнуть вѣрителя его еще въ большій и безъ того уже ощутительный убытокъ“.

Управдившій министерствомъ полиціи, имѣя въ виду два положенія комитета министровъ: 14-го апрѣля 1817 года и 27-го августа 1818, относящіяся до печатанія старообрядскихъ книгъ, положилъ: „дозволить въ яновской типографіи печатаніе книгъ гражданскихъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ можно, но со строгимъ наблюденіемъ со стороны мѣстнаго начальства, чтобъ подѣ этимъ предлогомъ не было печатаемо книгъ старообрядскихъ; что же касается сихъ послѣднихъ, тамъ уже напечатанныхъ, то можно, кажется, въ отвращеніе убытка, предоставить содержателю типографіи, если онъ противу книгъ, кои въ московской типографіи для печатанія оныхъ учрежденной, не различествуютъ, продать той типографіи по обоюдному въ цѣнѣ соглашенію. Впрочемъ, все сіе управляющій министерствомъ полиціи передаетъ на благоусмотрѣніе комитета гг. министровъ“. О содержаніи просьбы Кольчева онъ сообщилъ и князю А. Н. Голицыну.

Князь А. Н. Голицынъ, получивъ отношеніе графа Вязмитинова 9-го мая 1820 года, отнесся къ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что, по содержанію просьбы Кольчева относительно книгъ церковной печати, онъ предлагалъ на разсмотрѣніе святѣйшаго синода; что же касается до книгъ гражданскихъ, которыя печатались въ яновской

*) Стало-быть, и «Краковскій Часословъ» 1491 года, и «Скориницкую Библию» 1517, и венеціанскія и тюбингенскія изданія XVI ст., и т. п.

или махновской типографіяхъ на російскомъ и иностранныхъ языкахъ, а потомъ арестованы, то объ оныхъ предписано отъ него, какъ отъ министра народнаго просвѣщенія, виленскому университету доставить подробныя свѣдѣнія: дѣйствительно ли въ помянутой типографіи дозволено было тисненіе книгъ гражданской печати съ дозволенія цензуры онаго университета, какого рода книги сіи, въ какомъ количествѣ онѣ были напечатаны, имѣлъ ли университетъ или цензура онаго какое-либо за сямъ смотрѣніе, и посредствомъ кого это смотрѣніе исполнялось. Святѣйшій синодъ предоставилъ князю Голицыну снести съ кѣмъ слѣдуетъ объ потребованіи достовѣрныхъ свѣдѣній: какія именно церковныя книги, напечатанныя въ махновской или яновской расколынической типографіи, находятся подъ запрещеніемъ, и въ какомъ количествѣ экземпляровъ каждая книга напечатана и нынѣ находится.

Сообщая объ этомъ постановленіи святѣйнаго синода управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, князь Голицынъ просилъ сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе, согласно мѣншію святѣйнаго синода, и спрашивалъ, не признаеть ли онъ за нужное потребовать свѣдѣнія не только о церковныхъ книгахъ старой печати, но и о книгахъ гражданскихъ, равно какъ и о типографскихъ принадлежностяхъ, заарестованныхъ въ яновской типографіи, дабы въ одно время можно было о тѣхъ и другихъ сдѣлать распоряженіе. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ истребовалъ эти свѣдѣнія отъ подольскаго губернатора и сообщилъ ихъ князю Голицыну.

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ 17-го іюля 1822 года сообщилъ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: „Преосвященный Филаретъ, архіепископъ московскій и коломенскій, 12-го іюня довелъ до свѣдѣнія, что его преосвященству представлены купленные въ Москвѣ книги, такъ-называемыя „Златоустникъ“ и „Славянская азбука“, печатанныя не въ тѣхъ типографіяхъ, которымъ дано на сіе право по узаконеніямъ. Вслѣдствіе чего, по отношенію его преосвященства, взято московскою полиціей и отослано, согласно съ узаконеніемъ, въ тамошнюю синодальную типографію великое количество подобныхъ книгъ недозволенной печати. По сему случаю онъ, преосвященный Филаретъ, поручилъ московской консисторіи войти въ надлежащія сношенія объ открытіи виновныхъ въ недозволенномъ печатаніи; но какъ до него по слуху дошло, что таковое печатаніе продолжается, то онъ, принимая въ уваженіе, что ввозъ въ Москву запрещенныхъ книгъ не всегда можетъ быть открытъ, какъ сіе удалось нынѣ, проситъ меня, чтобы для прекращенія недозволеннаго печатанія и въ предотвращеніе большого подрыва законнымъ типографіямъ, учинено было съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніе, дабы немедленно обращено было вниманіе на мѣсто запрещеннаго книгопечатанія, къ ирещченію злоупотребленія по сей части и для поступленія съ виновными по законамъ“. Съ тѣмъ вмѣстѣ преосвященный Филаретъ препроводилъ къ князю Го-

лицу вышепомянутыя книги: „Златоустник“ и „Славянскую азбуку“ и представленный ему выходный листъ „Псалтыри“, изъ котораго видно, что онъ печатанъ въ типографіи кіевскаго купца Константина Колычева, бывшей въ Подольской губерніи, въ мѣстечкѣ Яновѣ.

Изъ дѣлъ департамента духовныхъ дѣлъ, управляемаго княземъ Голицынымъ, открылось: „1) что 27-го августа 1818 года утверждено комитетомъ гг. министровъ положеніе святѣйшаго правительствующаго синода объ уничтоженіи двухъ расколыническихъ типографій, безъ вѣдома правительства расколыническими заведенныхъ, изъ коихъ одна существовала Черниговской губерніи въ Клинцовскомъ посадѣ, а другая Подольской губерніи въ мѣстечкѣ Яновѣ, куда была переведена изъ селенія Махновки; 2) что вмѣсто сихъ двухъ типографій позволено старообрядцамъ, прихожанамъ московской единовѣрческой церкви, завести при ней на свой коштъ одну типографію, согласно съ прежіею ихъ о семь просьбой, съ тѣмъ, чтобъ оной быть въ отношеніи тисненія книгъ подъ присмотромъ особыхъ чиновъ, назначенныхъ святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ. Въ предотвращеніе же могущаго послѣдовать подрыва сей новой типографіи отъ изданія подобныхъ книгъ въ вышеупомянутыхъ яновской и клинцовой типографіяхъ, строжайше запрещено, съ уничтоженіемъ оныхъ, гдѣ-либо, кромѣ предположенной въ Москвѣ типографіи, печатать и продавать книги, относящіяся къ церковному служенію. Самый ввозъ таковыхъ книгъ изъ-за границы огражденъ строжайшимъ запрещеніемъ и бдительнымъ надзоромъ. Въ противномъ же случаѣ постановлено: ввезенныя изъ-за границы книги конфисковать и отсылать по удобности для храненія въ московскую синодальную типографскую контору или въ находящуюся при святѣйшемъ синодѣ типографію, а виновныхъ предавать сужденію по законамъ“.

А какъ комитетомъ гг. министровъ было предоставлено министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія особо доложить по сему предмету государю императору, то его величество, по выслушаніи всеподданнѣйшаго доклада князя Голицына, 25-го мая 1819 года, Высочайше соизволил на таковое положеніе святѣйшаго синода, о чемъ князь Голицынъ того же числа довелъ до свѣдѣнія комитета министровъ. На основаніи сего заведена въ Москвѣ, при тамошней единовѣрческой церкви, типографія для изданія богослужебныхъ книгъ, сходныхъ съ старопечатными.

Поэтому князь Голицынъ обратился къ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, прося его, дабы онъ употребилъ законныя мѣры, не токмо къ немедленному уничтоженію типографіи купца Колычева и подобныхъ оной, буде таковыя окажутся гдѣ-либо внутри государства, но и къ надлежащему поступленію по законамъ съ помянутымъ Колычевымъ; тѣмъ болѣе, что возобновленное имъ, вопреки запрещенію правительства, печатаніе книгъ и тайный ввозъ оныхъ въ Москву и другія мѣста, безъ сомнѣнія, нанесли значительный подрывъ и убытокъ содер-

жателямъ вышеозначенной московской старообрядской типографіи, и что главное, безъ того надзора, который учрежденъ для сей послѣдней.

Юля 31-го 1822 года управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предложилъ малороссійскому военному губернатору: велѣть чрезъ благонадежнаго чиновника произвести слѣдствіе: не было ли въ Клинцовскомъ посадѣ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ возобновлено печатаніе богослужебныхъ книгъ, и ежели гдѣ окажется, то, заарестовавъ всѣ книги и самую типографію, учредителя предать суду; типографію же и книги перевезти въ губернской городъ, заарестовавъ оныя; обо всемъ арестованномъ въ министерство представить опись. То же предложено и подольскому губернатору. Князь Голицынъ объ этихъ распоряженіяхъ увѣдомленъ.

Сентября 23-го 1822 года, подольскій военный губернаторъ донесъ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что чиновникъ, которому поручено было изслѣдованіе по вышеозначенному предмету, отправясь на мѣсто, въ мѣстечко Яновъ, и узнавъ, что Колычевъ перешелъ на жительство въ селеніе, называемое Майданъ-Почапинецкій, въѣзжалъ туда въ домъ Колычева и по обыску нашелъ въ кладовыхъ нѣкоторыя книги безъ переплета и большое количество разныхъ лѣкарствъ въ шкапахъ, а за оными также въ разныхъ тайныхъ мѣстахъ сокрытыя книги, безъ переплета, церковной печати, нашелъ также нѣсколько станковъ типографскихъ со снарядами и литерами, да особо три станка, хранившіеся въ помѣщичьемъ чуланѣ.

При слѣдствіи Колычевъ хотя и объяснялъ, что послѣ данной имъ подписки въ 1819 году онъ не печаталъ книгъ, но по разысканію открылось противное, именно: 1) переселясь въ село Майданъ-Почапинецкій, онъ возобновилъ тутъ печатаніе дополненій къ книгамъ, прежде недопечатаннымъ, какъ-то: „Златоустнику“, „Славянской азбукѣ“ и выходному листу „Псалтири“ (?). 2) Производилъ печатаніе на одномъ станкѣ (съ частью литеръ въ формѣ, бывшихъ не болѣе полпуда), который сгорѣлъ 1821 года октября 25-го, и съ этого времени не печаталъ болѣе ничего. 3) Изъ числа отпечатанныхъ книгъ, нѣкоторую часть пріѣзжавшимъ пилипонамъ (то-есть раскольникамъ) продалъ (прозванія покупателей не знаетъ) до тысячи книгъ, а шесть тысячъ листовъ „Азбуки“ отправилъ въ Москву съ купцомъ Избушкинымъ; прочую же массу книжнаго товара, при немъ найденную, предполагалъ продать оптомъ купцамъ московскимъ или кременчугскимъ, но изъ нихъ никто не явился.

Всѣ найденныя у Колычева книги и типографскіе инструменты арестованы и сданы по описи, по распоряженію повѣтового маршала, въ архивъ литинскаго повѣтового суда, вмѣстѣ съ прочими вещами, для храненія, впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Найденные у Колычева медикаменты освидѣтельствованы и по описи арестованы до окончанія дѣла. По окончаніи слѣдствія о Колычевѣ положено сдѣлать распоря-

женіе объ отправленіи дѣла въ судебное мѣсто для сужденія Колычева по законамъ за возобновленіе печатанія книгъ въ противность воспрещенія, сдѣланнаго ему отъ правительства; онъ преданъ надзору мѣстной полиціи, дабы не могъ скрываться до окончанія надъ нимъ суда. Донося объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, подольскій губернаторъ представилъ шесть книгъ печати Колычева: „Златоустникъ“, „Славянскую азбуку“, „Псалтирь“, „Канонникъ“, „Часословъ“ и „Страсти Христовы“. Прочія же и книги и вещи не отправлены въ Петербургъ по огромному ихъ количеству, требовавшему большой издержки на перевозъ. Онѣ оставлены для храненія въ литинскомъ повѣтовомъ судѣ въ архивѣ.

Представленная подольскому губернатору опись найденному книжному и типографскому матеріалу, бумагамъ и книгамъ и вызолоченной медали, при именуемомъ кievскимъ 3-й гильдіи купцомъ (онъ же и регистровый товарищъ) Константинѣ Колычевѣ, составленная Литинскаго повѣта въ мѣстечкѣ Яновѣ, августа 21-го дня 1822 года, представлена въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Ноября 2-го 1822 года управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ князя Голицына объ открытіи и конфискованіи новой у Колычева тайной типографіи, въ которой найдены и тѣ самыя книги, о которыхъ писалъ московскій архіепископъ Филаретъ, и о томъ, что виновные преданы суду. Управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей при этомъ высказалъ князю Голицыну свое мнѣніе, что для прекращенія удобства къ подобному впредь покушенію раскольниковъ онъ полагалъ бы совершенно истребить все безъ изъятія вещи и типографскіе матеріалы, отобранныя у Колычева.

Изъ розысковъ, сдѣланныхъ по распоряженію малороссійскаго военнаго губернатора, не видно, чтобы въ завѣдываемомъ имъ краѣ существовала въ то время (1821—1822 гг.) старообрядческая типографія.

Князь А. Н. Голицынъ 11-го декабря 1822 года увѣдомилъ графа Кочубея, что все изложенное въ отношеніи его сообщалъ онъ архіепископу московскому Филарету; а послѣдній сообщилъ ему, что книги, поименованныя въ описяхъ, есть уже въ синодальной типографіи въ большомъ количествѣ и служатъ только къ обремененію ея; прочія же книги, составляющія собственную бібліотеку Колычева, подъ узаконеніе не подходятъ; что требованіе въ синодальную или единовѣрческую типографію въ видѣ покупки — болѣе представляетъ затрудненія, нежели пользы, а по симъ соображеніямъ онъ, архіепископъ московскій Филаретъ, полагаетъ, что изъ поименованныхъ въ описи книгъ и вещей ничего не нужно; только бы гражданскимъ правительствомъ приняты были точныя мѣры, чтобы тѣ книги и вещи впредь не остались предметомъ злоупотребленія. Сообщивъ объ этомъ отзывѣ московскаго архіепископа, князь Голицынъ присовокупилъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе графа Кочубея, а вѣрнѣйшимъ средствомъ къ отвращенію всякаго

злоупотребленія въ семь случаѣ считаетъ совершенное истребленіе всѣхъ книгъ и типографскихъ принадлежностей, отобранныхъ у купца Колычева.

Поэтому декабря 27-го 1822 года министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей предписалъ подольскому военному губернатору: „1) всѣ отобранныя у Колычева старообрядскія книги, типографскіе инструменты и матеріалы *истребить совершенно* подѣ наблюдениемъ благонадежнаго чиновника; 2) книги гражданскія, составляющія собственную бібліотеку Колычева, возвратить ему подѣ расписку; 3) также и медикаменты, разсмотрѣвъ предварительно, не заключаютъ ли въ себѣ чего непозволительнаго, отдать Колычеву подѣ расписку“.

Въ дополненіе къ этой запискѣ прилагаемъ еще нѣкоторыя выписки изъ дѣлъ святѣйшаго синода, относящіяся до старообрядскихъ типографій:

1. Въ 1802 году, Черниговской губерніи, Зыбковского посада (нынѣ городъ Новозыбковъ) купецъ Алексѣй Козинъ, единовѣрецъ, входилъ въ святѣйшій синодъ съ прошеніемъ, въ которомъ, ссылаясь на послѣдовавшій по докладу святѣйшаго синода высочайшій указъ 2-го іюня 1802 года о дозволеніи въ клинцовской типографіи печатать книги, сходныя съ старопечатными, для отправленія по онымъ богослуженія въ церквахъ, даваемыхъ, по высочайшему повелѣнію, всѣмъ принесшимъ истинное раскаяніе раскольникамъ, съ тѣмъ, чтобы печатаніе оныхъ книгъ производилось съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода, и изъясняя, что хотя типографія сія и содержима была клинцовскими купцами Желѣзниковымъ и Рукавишниковымъ, но какъ они были сущіе раскольники и, по своему суетвѣрію, противу старопечатныхъ книгъ дѣлали разныя поправки и искажали разными погрѣшностями, чрезъ что никто даже изъ самихъ раскольниковъ ихъ не покупалъ (?), то отъ сего означенное заведеніе и пресѣклось, да и впредь существовать не можетъ безъ злоупотребленія раскольниковъ, которые и нынѣ въ разныхъ мѣстахъ печатаютъ и продаютъ тайно старопечатныя книги, распространяя тѣмъ раскольническія суетвѣрія. Но какъ печатаніе означенныхъ книгъ дозволено однимъ только присоединившимся изъ раскола къ церкви старообрядцамъ, то онъ, Козинъ, прилагая данную ему отъ тамошнихъ старообрядцевъ довѣренность, просилъ святѣйшій синодъ о дозволеніи ему въ посадѣ Зыбковскомъ завести такую типографію, съ опредѣленіемъ къ ней надзирателя, съ тѣмъ, чтобы печатать въ оной книги съ указаго только дозволенія, и *дать ему привилегію*, чтобъ одна только эта типографія имѣла право печатать таковыя книги. Состоявшимся вслѣдствіе сего прошенія опредѣленіемъ святѣйшаго правительствующаго синода, 10-го октября 1802 года, положено: означенное прошеніе, оставя съ него и съ приложеннаго при немъ вѣрующаго письма въ канцеляріи святѣйшаго синода копіи, подлинныя, съ надписаніемъ, отослать, при указѣ, въ малороссійское черниговское правленіе, для отдачи ему, купцу Козину, обратно, для того: 1) что

писано оно по формѣ на высочайшее его императорскаго величества имя, а во многихъ пунктахъ употребленъ онъ, высочайшій его императорскаго величества титулъ, въ третьемъ лицѣ, каковыхъ прошеній, яко неисправныхъ, принимать не велѣно законами; 2) хотя бы сіе прошеніе и во всемъ, какъ должно, было исправно, то и тогда бы святѣйшій синодъ не могъ дать дозволенія на устроеніе просимой имъ въ Зыковскомъ посадѣ, для печатанія книгъ, сходныхъ съ старопечатными, типографіи, потому что прописываемымъ высочайшимъ его императорскаго величества, 2-го іюня прошлаго 1801 года состоявшимся, указомъ повелѣно: „производить оное печатаніе съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода въ типографіи, въ Клиновскомъ посадѣ (а не Зыковскомъ) состоящей, или гдѣ она будетъ, съ позволенія гражданскаго правительства, устроена.

II. Всеподданнѣйшій докладъ малороссійскаго генераль-губернатора князя Куракина, высочайше утвержденный 19-го апрѣля 1803 года и сообщенный министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ 2-го мая того же года, былъ слѣдующій: „Всеавгустѣйшая вашего императорскаго величества воля оставить каждаго снокойнымъ насчетъ принятаго имъ образа исповѣданія и церковнослуженія, сопровождаясь удовлетвореніемъ всѣхъ просьбъ старообрядцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ единовѣрцевъ (или къ церкви обращенныхъ), простерлась и въ томъ, что высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ прошлаго 1801 года іюня во 2-й день, послѣдовавшимъ на докладъ правительствующаго синода, относительно печатаемыхъ для употребленія въ церквахъ старообрядческихъ книгъ, повелѣно: „производить оное печатаніе съ вѣдома и дозволенія святѣйшаго синода, въ типографіи, въ Клиновскомъ посадѣ состоящей, или гдѣ она будетъ, съ позволенія гражданскаго правительства, устроена“. Помянутый посадъ находится въ губерніи Черниговской, и долгъ, возлагаемый на меня званіемъ моимъ, обязываетъ всеподданнѣйше вашему императорскому величеству донести и испросить всевысочайшаго разрѣшенія въ слѣдующемъ: 1) не будетъ ли всевысочайшаго дозволенія, при возобновленіи прежде существовавшей въ Клиновскомъ посадѣ типографіи, дабы упражненія ея были болѣе извѣстны и полезны, основать ее не такъ, какъ принадлежность частнаго человѣка, но цѣлаго общества, заплативъ единовременно за первыя заведенія хозяину ея подобающую сумму; 2) ограничивъ, по настоящему количеству старообрядцевъ и ихъ церквей, число отпечатываемыхъ книгъ, присоединить къ тому, чтобъ имѣли право на полученіе нужныхъ книгъ и всѣ не пользующіеся именемъ „обращенныхъ къ церкви“ и оставшіеся подъ общимъ названіемъ „раскольниковъ“, дабы сіи, не имѣя явнаго позволенія, не преподали средствъ или изъ сей же самой типографіи пользоваться книгами тайно, или учредить и новую, образомъ педозволеннымъ, какъ и прежде, и наконецъ 3) къ прекращенію единожды навсегда попользованія, вопреки закона и потаеннымъ

образомъ снабжать себя книгами, симъ людямъ нужными, чтобы не удержала ихъ боязнь пустить дѣйствіе типографіи подѣ тѣмъ предлогомъ, что будутъ оныя цензурованы духовенствомъ, къ коему они, по предразсужденіямъ своимъ, не довѣряютъ, присоединить цензора гражданскаго, для водворенія въ нихъ падѣянія, что уже ничто ихъ утѣснять не будетъ.

III. Вслѣдствіе высочайше утвержденного 31-го декабря 1818 года положенія комитета министровъ, святѣйшій синодъ предписалъ московскому архіепископу Августину слѣдующее: „1) чтобъ онъ объявилъ о томъ положеніи комитета министровъ прихожанамъ московской единовѣрческой церкви, истребовавъ отъ нихъ письменное свѣдѣніе относительно учрежденія типографіи въ Москвѣ, для изданія богослужебныхъ книгъ, сходныхъ съ старопечатными, на отчетѣ ихъ, но подѣ присмотромъ имѣющихъ опредѣлиться отъ святѣйшаго синода чиновъ; 2) по полученіи имъ свѣдѣнія имѣетъ онъ, преосвященный, составить, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, свое мнѣніе, и, избравъ кандидатовъ изъ духовныхъ особъ въ смотрители за печатаніемъ таковыхъ книгъ, представить святѣйшему синоду на разсмотрѣніе“.

IV. Правила о порядкѣ изданія въ московской единовѣрческой типографіи святѣйшимъ синодомъ утверждены 12-го января 1820 года. Вотъ они (дѣйствующія донныѣ): „1) Означенную типографію, какъ имѣющую все потребное къ печатанію въ готовности, открыть; которой и состоять на иждивеніи и отвѣтственности прихожанъ московской единовѣрческой церкви, дозволяя имъ для внутренняго дѣйствія по типографіи избрать изъ себя двухъ или трехъ человекъ въ видѣ попечителей. 2) При типографіи сей быть двумъ надзирателямъ изъ духовныхъ особъ, которые избираются епархіальнымъ преосвященнымъ, а утверждаются святѣйшимъ синодомъ. 3) Прихожане единовѣрческой церкви, или сами, или чрезъ попечителей, каждый разъ представляютъ епархіальному преосвященному оригиналъ той богослужебной книги, которую намѣрены печатать, съ показаніемъ предполагаемаго количества въ изданіи экземпляровъ оной. Преосвященный московскій, поручивъ сей оригиналъ духовнымъ надзирателямъ для повѣрки или сличенія съ таковыми же, хранящимися въ библіотекахъ синодальной или типографской; а по таковой повѣркѣ и сличеніи того оригинала и представленіи онаго за своимъ подписаніемъ преосвященному, возвращается отъ него прихожанамъ или попечителямъ для напечатанія съ онаго. 4) По наборѣ съ сего оригинала и совершенномъ исправленіи корректурую каждаго листа, вносится таковой къ одному изъ духовныхъ надзирателей, который, по надлежащей повѣркѣ онаго съ тѣмъ оригиналомъ, подписываетъ и отдаетъ къ печатанію. 5) При всякой таковой отпечатанной книгѣ припечатывать такъ-называемый *выходный листъ* сходно съ печатаемыми въ духовныхъ типографіяхъ, впереди заглавнаго прежняго листа той книги; но послѣ словъ „напечатана сія книга (NN) въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ“, дополнять: „въ типографіи единовѣр-

ческой церкви, въ лѣто отъ сотворенія міра *такое-то*, отъ Рождества же во плоти Бога Слова *такое-то*, индикта *такого-то*, мѣсяца *такого-то*, съ книги, напечатанной *тогда-то*, въ *такомъ-то* городѣ, при *такомъ-то* патріархѣ имя рекъ“ и сей выходной листъ имѣть быть одной съ напечатанною книгой бумаги и одного на пей въ штемпелѣ года. 6) По отпечатаніи каждой книги, когда духовные надзиратели удостовѣрятъ, что она во всемъ сходна съ тѣмъ рассмотрѣннымъ оригиналомъ, съ котораго печаталась; то для будущаго изданія оставлять одинъ экземпляръ за ихъ скрѣпую, шнуромъ и печатью въ типографіи и три экземпляра, кромѣ того, представлять, чрезъ нихъ же, надзирателей, къ епархіальному преосвященному, а сей одинъ изъ нихъ въ святѣйшій синодъ, другой въ московскую онаго контору для храненія въ патріаршей библиотекѣ, а послѣдній оставлять для себя, и сверхъ того отсылать прямо изъ типографіи, по общевведенному порядку, въ библиотеки Публичную и Академіи Наукъ, а потомъ уже только книги поступаютъ въ продажу. 7) Не возвращается прихожанамъ московской единовѣрческой церкви имѣть для сей продажи при оной лавку. 8) Назначеніе цѣны книгамъ для продажи и распоряженіе суммою, какая отъ сего будетъ получаемая, предоставляется непосредственному завѣдыванію самихъ прихожанъ; они же, по собственному усмотрѣнію, назначаютъ всѣмъ при типографіи людямъ жалованье; но если положено будетъ духовнымъ надзирателямъ, о томъ преосвященный митрополитъ московскій Серафимъ имѣть донести святѣйшему синоду. 9) Прихожане московской единовѣрческой церкви, яко содержатели помянутой типографіи, о всемъ, чтò касается будетъ по дѣйствию ея, сверхъ испрашиванія дозволенія на напечатаніе книгъ, входятъ съ прошеніемъ къ епархіальному преосвященному, а сей представляетъ святѣйшему синоду съ мнѣніями. 10) Прихожане или попечители, избранные ими, о званіи и количествѣ напечатанныхъ и печатающихся въ той типографіи книгъ представляютъ пополугодно преосвященному вѣдомость, а онъ доноситъ о томъ святѣйшему синоду. 11) Хотя нельзя предпологать, чтобы съ учрежденіемъ показанной типографіи и съ всемілостивѣйшимъ позволеніемъ на изданіе богослужебныхъ книгъ, сходныхъ съ старопечатными, могло открытись какое-либо злоупотребленіе въ изданіи книгъ невозволительныхъ, однако, ежели бы, паче чаянія, встрѣтилось сіе, то отвѣчаютъ за оное избранные отъ прихожанъ попечители и предаются суду по законамъ, за чтѣмъ имѣть наблюденіе и духовнымъ надзирателямъ“. Въ февралѣ 1820 года синодскій указъ объ этомъ былъ посланъ московскому митрополиту Серафиму *).

*) «Собраніе постановленій по частн раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», II, 4—7, 24—26, 134—138, 146—149.

АВВАКУМЪ ПЕТРОВИЧЪ.

(Биографическая замѣтка).

Аввакумъ Петровичъ, протопопъ города Юрьевца-Поволжскаго, расколоучитель XVII столѣтїя, родился въ селѣ Григоровѣ (въ нынѣшнемъ Княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи) между 1605 и 1610 годами. Отецъ его былъ священникъ того села (его звали Петромъ), по отзыву сына, горькій пьяница; мать Аввакума, по имени Марья, жепщина была благочестивая. Неподалеку отъ Григорова есть села: Вельдемашово, гдѣ въ 1605 году отъ мордвина Мины родился Никита, будущій патріархъ Никоиъ, и Колычево, гдѣ, около того же времени, родился у попа сынъ, впоследствии Павелъ Коломенскій. Личныя отношенія этихъ людей въ юномъ ихъ возрастѣ могутъ объяснить ненависть, которую питали они впоследствии одинъ къ другому. Послеъ пона Петра, Аввакумъ остался молодъ. На рукахъ попади Марьи осталась огромная семья, и бѣдность была большая; къ тому же вдову съ дѣтьми родственникъ ихъ, заступившій поповское мѣсто въ Григоровѣ, выгналъ изъ отцовскаго дома. Придя въ возрастъ, Аввакумъ женился на Настасьѣ Марковиѣ, сиротѣ, дочери обѣднѣвнаго кушца. Вскорѣ послеъ женитьбы былъ онъ посвященъ въ дьяконы, а черезъ два года (около 1640) въ попы села Лопатицъ (Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи). Аввакумъ былъ нрава крутого и имѣлъ ревность не по разуму, что и доставляло ему немало непріятелей и непріятностей. Въ Лопатицахъ имѣлъ онъ такую исторію: пришли къ нему въ село „скоморохи съ медвѣдями и съ бубнами и съ домрами“; Аввакумъ, какъ самъ рассказываетъ, „по Христъ ревнуя, изгналъ ихъ, а хари и бубны изломалъ, одинъ на многихъ напалъ и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ — одного ушибъ, но паки ожилъ, а другого пустилъ въ поле“. Въ это время бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ ѣхалъ Волгою на воеводство въ Казань (1648 года); скоморохи ему, какъ главному начальнику края, жаловались, и онъ, позвавъ Аввакума къ себѣ на суда, побранилъ его за самоуправство; а сынъ Шереметева, Матвѣй, послеъ побранки подошелъ къ Аввакуму нодъ благословеніе. Матвѣй Шереметевъ брилъ бороду—Аввакумъ не благословилъ его и, въ придачу, обругалъ. За это В. П. Шереметевъ велѣлъ ревностнаго попа бросить въ Волгу. Утонуть Аввакуму не дали, но протолкали въ шею на берегъ съ ругательствомъ. Послеъ этого Аввакумъ, бывавшій иногда въ Москвѣ, — такъ какъ приходъ его принадлежалъ къ епархіи патріарха, — свелъ

дружбу съ высшими лицами тогдашняго блага духовенства, особенно съ братьями Нероновыми и царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вои-
 фатьевымъ, сдѣлался извѣстенъ и патриарху Іосифу. Аввакума перевели
 въ Юрьевецъ протопопомъ. Здѣсь онъ не ужился съ воеводой. У воеводы
 была любовница; Аввакумъ отнилъ ее у него и отвелъ къ ея матери;
 воевода не разъ билъ за это Аввакума и однажды искусалъ ему пальцы.
 Аввакумъ и въ Лопатицахъ, и въ Юрьевцѣ, и послѣ того занимался
 изгнаніемъ бѣсовъ изъ людей посредствомъ отчитыванья и тѣмъ при-
 обрѣлъ извѣстность знаменитаго заклинателя чертей, за что, по словамъ
 его, не разъ и самому ему отъ чертей доставалось. Онъ извѣстенъ былъ
 также большою начитанностью: всѣ церковныя книги тогдашняго вре-
 мени онъ изучилъ и многое изъ нихъ зналъ наизусть, читалъ даже
 біблію, чтѣ было рѣдкостью въ то время. При такой начитанности про-
 слылъ онъ повсюду за человѣка ученаго и сказывалъ проповѣди въ
 Юрьевцѣ и въ Москвѣ, поучалъ крѣпко держаться обрядовъ и энерги-
 чески порицалъ всякаго рода нововведеній. Проповѣдывалъ онъ изы-
 комъ народнымъ, употребляя и слова бранныя, но нынѣшнему непри-
 личныя; но такой образъ выраженія нравился тогдашнимъ людямъ. До
 такой степени Аввакумъ сдѣлался извѣстенъ своею ученостью, что,
 послѣ смерти протопопа Силы, ему предлагали мѣсто настоятеля при-
 дворной церкви Снаса за Золотой Рѣшеткой; но „разъ не порадылъ о
 томъ“,—говоритъ Аввакумъ въ своей автобіографіи. Векорѣ патриархъ
 Іосифъ сдѣлалъ его справщикомъ церковныхъ книгъ, печатавшихся въ
 московской типографіи. Раздѣлялъ онъ здѣсь труды съ другомъ своимъ,
 Нероновымъ, и протопопами Никитою (Нустосвятомъ) Суздальскимъ,
 Даниломъ Костромскимъ, Лазаремъ Романовскимъ и другими. Они ввели
 множество ошибокъ въ книги, напечатанныя при патриархѣ Іосифѣ.
 Впрочемъ, некаженіе, ими сдѣланное, не было умышленно: справщики
 дѣйствовали по убѣжденію, признавая, по невѣжеству своему, совер-
 шенно лишнимъ и даже вреднымъ справляться съ греческими подлин-
 никами, которыхъ, впрочемъ, они и не понимали. Находясь въ Москвѣ
 справщикомъ, Аввакумъ сдѣлалъ большія связи не только въ средѣ ду-
 ховенства, но и между царедворцами; его жаловалъ самъ царь. Когда
 сдѣлался патриархомъ старинный знакомый Аввакума, Никонъ, и при-
 етушилъ къ исправленію церковныхъ книгъ, онъ удалилъ справщиковъ
 патриарха Іосифа изъ типографіи, замѣнивъ ихъ людьми учеными. Авва-
 кумъ принужденъ былъ удалиться въ Юрьевецъ. Павелъ, епископъ ко-
 ломенскій, и Аввакумъ первые возстали противъ Никона. Они—дѣти
 поновъ: Павелъ, льстившій себя надеждою управлять церковью именею
 патриарха Антонія, своего родственника, и лишенный этой надежды
 возведеніемъ Никона на патриаршество, Аввакумъ, славившійся сво-
 ею ученостью — были обличены въ невѣжествѣ Никономъ, сыномъ
 простаго вельдемановскаго мужика, мордвиномъ, котораго онъ зналъ
 въ дѣтствѣ! Аввакумъ въ Юрьевцѣ и въ Москвѣ, въ Казанскомъ

соборѣ, несмотря на запрещеніе патріарха, служилъ по іосифовекому обряду и поучалъ народъ — говорилъ, что Никонъ вводитъ новую вѣру. вмѣстѣ съ Данииломъ Костромскимъ онъ подалъ, въ 1655 году, челобитную царю Алексѣю Михайловичу, въ которой утверждалъ, что Никонъ вводитъ обряды, противныя православію, и просилъ государя возстановить прежній іосифовскій чинъ службы. Смѣлый фанатикъ, не смотря на какія препятствія, имѣлъ сильное вліяніе на народъ и даже на высшій классъ народа. Приверженцы его нашлись и при дворѣ; сама царица ему покровительствовала, и двѣ боярыни, дочери самаго приближеннаго къ ней человѣка, Прокоіа Ѳеодоровича Соковнина, вѣдавшаго царицыну мастерскую палату: Ѳедосія Прокопьевна, жена боярина Глѣба Ивановича Морозова, слѣдовательно свойственница царицы, и княгиня Авдотья Прокопьевна Урусова сдѣлались самыми ревностными послѣдовательницами Аввакума. Аввакумъ былъ призванъ на судъ. Служилъ онъ всю жизнь въ Казанскомъ соборѣ; патріаршіи бояринъ, Юрій Пелединскій, взялъ его и отвелъ въ тюрьму въ Андроньевъ монастырь; съ нимъ было взято 60 приверженныхъ къ нему стрѣльцовъ. Въ тюрьмѣ этой, — увѣрялъ послѣ Аввакумъ своихъ приверженцевъ, — послѣ трехдневнаго сидѣнія безъ пищи во мракѣ, среди мышей и сверчковъ, явился къ нему ангелъ и накормилъ его щами съ хлѣбомъ. На другой день повезли его на судъ въ крестовую патріарха; много увѣщевали, но Аввакумъ никакъ не хотѣлъ покориться и на вопросы отвѣчалъ ругательствами, смѣшивая ихъ съ текстами св. писанія. Сентября 15-го 1665 г. назначено было его разстричь; но царь, помня Аввакума и снисходя на ходатайство царицы и его приверженцевъ изъ царедворцевъ, упросилъ Никона не разстригать его. Аввакума прямо изъ Успенскаго собора отравили въ сибирскій приказъ, сдали дяку Третьяку Башмакову, тоже раскольнику, и потомъ отравили съ семействомъ на житье въ Сибирь. Его довели до Тобольска; здѣсь архіепископъ былъ землякъ Аввакума, Симеонъ, раздѣлявшій его убѣжденія относительно Никона и его дѣйствій. Онъ далъ ему мѣсто при церкви, и Аввакумъ жилъ въ Тобольскѣ съ годъ. Въ Тобольскѣ, какъ и вездѣ, Аввакумъ ссорился съ разными чиновными лицами: такъ, заступаясь за дячка Антона, высѣкъ архіепископскаго дяка Ивана Струну въ церкви ремнемъ, какъ самъ говоритъ. Произошелъ отъ того мятежъ, и цѣлый мѣсяцъ Аввакумъ долженъ былъ прятаться, чтобы его не бросили въ воду. Симеонъ въ это время былъ въ Москвѣ; но когда онъ возвратился, Аввакумъ успѣлъ возстановить его противъ Струны, и въ недѣлю православія они оба возгласили ему анаѹему за потворство кровосмѣшенію. Произошло въ соборѣ смятеніе, за что архіепископъ Симеонъ съ рождества 1657 г. до рождества 1658 г. былъ подѣль запрещеніемъ, а Аввакума отправили дальше въ Сибирь. Въ это время енисейскому воеводѣ, Аванасью Пашкову, велѣно было идти въ *новую* Даурскую землю съ ратными людьми и прискаты въ этой землѣ пашенныхъ

мѣсть со всякими угодыми и въ такихъ мѣстахъ ставить новые остроги. Аввакума прикомандировали къ даурской экспедиціи въ санѣ священника. Экспедиція ходила на рѣку Нерчу, поставила остроги Нерчинскъ, Албазинъ, Иркутскъ, Балаганскъ и др. Аввакумъ былъ вездѣ съ Пашковымъ и, между прочимъ, служилъ молебень на р. Амурѣ при основаніи Албазина. По безпокойному его характеру у него были безпрестанныя ссоры и съ Пашковымъ, и съ его сыномъ, и со всеми участниками экспедиціи. Описаніе его путешествія за Байкаломъ, помѣщенное въ его автобіографіи, заслуживаетъ вниманія. Между тѣмъ Никонъ, потерявъ всякое значеніе при дворѣ, поссорясь съ царемъ, жилъ въ своемъ Новомъ-Іерусалимѣ, и Аввакума, на котораго доселѣ смотрѣли только какъ на личнаго врага Никона, возвратили въ Москву (въ 1664 г.). Здѣсь онъ былъ „поставленъ къ рукѣ“, то-есть представленъ государю. Царь обошелся съ нимъ ласково. „Здорово ли, протопопъ, живешь? — спросилъ онъ: — вотъ еще Богъ привелъ свидѣться“, и много бесѣдовалъ о Сибири, и приказалъ дать ему помѣщеніе въ Кремлѣ на подворьѣ Новодѣвичьяго монастыря. Аввакуму предложено было любое мѣсто во всей Москвѣ, и даже была рѣчь, чтобы сдѣлать его царскимъ духовникомъ. Но вскорѣ увидѣли, что Аввакумъ противникъ не Никона, а господствующей церкви. Не видя Никона на Москвѣ, но видя въ церквахъ богослуженіе по его обряду, Аввакумъ началъ свою фанатическую проповѣдь противъ „новшествовъ“, укоряя и ругая архіереевъ, московское духовенство и все обряды. Много явилось ему послѣдователей не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ классахъ общества. Для нихъ онъ писалъ проповѣди, хуля исправленіе символа вѣры, трехперстное сложеніе, партесное пѣніе и проч., и наконецъ объявилъ, что не слѣдуетъ принимать таинства отъ тѣхъ священниковъ, которые служатъ по новоправленнымъ обрядамъ. Сочиненія Аввакума распространялись въ народѣ и многихъ соблазняли; пастыри церкви жаловались на него царю, и царь, все еще уважавшій Аввакума, ограничился тѣмъ, что послалъ къ нему Григорья Стрѣшнева съ совѣтомъ молчать и не распространять проповѣдей въ народѣ. Аввакумъ сначала было-послушался, но ненадолго: вскорѣ онъ еще сильнѣе прежняго началъ возставать на архіереевъ и послалъ царю новую челобитную, въ которой просилъ совершенно тогда еще невозможнаго изложенія Никона и возстановленія іосифовскихъ обрядовъ. Государь разгнѣвался, и бывшіе въ Москвѣ архіереи представили ему, что Аввакумъ не простой врагъ Никона, но расколуучитель, котораго необходимо удалить изъ столицы. Царь Алексѣй Михайловичъ все еще любилъ Аввакума и ограничился новымъ выговоромъ за то, что онъ отбиваетъ народъ отъ церкви. Тогда Аввакумъ возмечталъ о своей силѣ и еще съ большимъ противъ прежняго фанатизмомъ сталъ продолжать свою проповѣдь. Нерѣдко бывалъ онъ въ домѣ извѣстнаго окольничаго Ртищева и у него вступалъ въ споры съ православными учеными людьми. Тогда

рѣшено было отправить его въ новую ссылку, на Мезень, куда черезъ годъ по возвращеніи изъ Сибири и отправили его съ семействомъ. Саиъ протопопа остался однако за нимъ, но служить ему было запрещено. Въ Мезени онъ продолжалъ устно и письменно распространять свое ученіе, посылая грамотки въ Москву, Боровскъ и другія мѣста къ своимъ приверженцамъ, и наконецъ началъ писать окружныя посланія, именуя себя „рабомъ и посланникомъ Иисуса Христа“, „страдальцемъ, юзникомъ за вѣру“, „протосингеломъ російскія церкви“. Такъ прошелъ 1665 г. Между тѣмъ въ Москвѣ собрался соборъ для суда надъ Никоньомъ и для устройства церковныхъ дѣлъ. Главныхъ расколоучителей для соборнаго убѣжденія стали свозить въ Москву; привезли и Аввакума (февраль 1666 г.). Здѣсь сталъ-было его увѣщевать Павелъ, митрополитъ крутицкій, заклятый врагъ Аввакума и человѣкъ крутого нрава. Увѣщаніе кончилось обоюднымъ ругательствомъ и едва не дошло до драки. Аввакума увезли въ Боровскъ и заключили въ Пафнутьевскомъ монастырѣ подъ началъ. Присылали и сюда увѣщателей: ярославскаго дьякона Козьму и дьяка патриаршаго приказа; но Аввакумъ такъ говоритъ объ этомъ въ своей автобіографіи: „То же да то же говорятъ—долго ли тебѣ насъ мучить? соединишь съ нами, а я отрицаюсь, что отъ бѣсовъ, а они въ глаза пуще лѣзутъ, и сказку имъ тутъ написалъ съ большою укоризною и бранью. А Козьма тотъ не знаю какого духа человѣкъ—въявѣ меня уговариваетъ, а втайнѣ подкрѣпляетъ еще, говоря: протопоиъ, не отступай ты отъ стараго благочестія; великъ у Христа человѣкъ будешь, какъ дотерпишь до конца“. Черезъ два съ половиною мѣсяца Аввакума наскоро взяли къ Москвѣ. Это было въ началѣ мая. Въ патриаршую крестовую палату, гдѣ собрался соборъ русскихъ архіереевъ, подъ предѣдательствомъ Питирима, митрополита новгородскаго, перваго привели Александра, епископа вятскаго; но онъ раскаялся въ своемъ заблужденіи и тотчасъ же занялъ мѣсто на соборѣ. Затѣмъ привели Аввакума. Онъ, какъ сказано въ 4 дѣяніи собора, „стязанъ быша и не покорися клеветникъ и мятежникъ, паче же злобѣ злону прилагая, укори въ лицо весь освященный соборъ, вся неправославными нарицая; тѣмъ же правильно осудися іерейства лишень быти и онаемъ предатися“. Его расстригли и проклиали, вмѣстѣ съ Феодоромъ дьякономъ, въ Успенскомъ соборѣ, за обѣдней 13 мая 1666 г. Когда протодьяконъ возгласилъ имъ анаоому, Аввакумъ, а за нимъ и Феодоръ возгласили анаоому архіереемъ. И было смятеніе въ церкви, и въ то же время было „великое нестроеніе вверху“, то-есть во дворцѣ: царь Алексѣй Михайловичъ поссорился съ царицей Марьей, которая стояла за Аввакума, уѣхалъ въ Преображенское, гдѣ и пробылъ цѣлую недѣлю. Многіе бояре были тоже на сторонѣ Аввакума, особенно князь Воротынской и князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, содержавшій Аввакума на свой счетъ и извѣстный впоследствии по стрѣльцкому бунту. Хованскаго въ это время, за излишнюю приверженность къ расколь-

никамъ, наказали батогами. Разстриженный Аввакумъ былъ посаженъ на патриаршій дворъ, потомъ отвезенъ въ Угрѣшскій монастырь не дордогой, но, чтобы люди не видали, болотамп. Здѣсь сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, затѣмъ опять былъ переведенъ въ боровскій Пафнутьевъ монастырь, гдѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ безъ малаго годъ и распространялъ расколъ между монашествующими. Наконецъ повезли его въ Москву для новыхъ увѣщаній предъ лицомъ восточныхъ патриарховъ александрійскаго и антиохійскаго въ Чудовъ монастырѣ. Увѣщанія происходили черезъ переводчика, архимандрита Діонисія, такъ какъ патриархи по-русски не разумѣли. Они говорили Аввакуму, что всѣ православные на Востоку содержатъ тѣ самые обряды, которые и въ Москвѣ соблюдаются,—одинъ онъ стоитъ въ своемъ упорствѣ. „У васъ православіе пестро отъ насилія турецкаго,—отвѣчалъ непреклонный Аввакумъ: — и дивить на васъ нельзя, что немощны стали. Приѣзжайте и впередъ къ намъ учиться“. Патриархи, не понимая Аввакума, задумались, а русскіе архіереи стали горячо упрекать его въ дерзости. Его стали бить; Иванъ Уваровъ потащилъ-было его вонъ изъ палаты, но Аввакумъ закричалъ: „Постой, не бейте! Говори, Діонисій, патриархамъ: какъ вы, прибывши челоуѣка, станете обѣдно-то служить?“ Архіереи сѣли, а Аввакумъ легъ у дверей, говоря: „вы посидите, а я полежу“. Всѣ засмѣялись; русскіе говорили: „дуракъ Аввакумъ и патриарховъ не почитаетъ“.—„Мы юроди Христа ради“,—отвѣчалъ онъ. Тѣмъ увѣщанье и кончилось. И записано въ дѣяніи соборномъ: „наки увѣщенъ бѣ ко обращенію, но тщетенъ трудъ и жданіе быше тѣмъ же градскимъ судомъ на заточеніе посланъ въ острогъ Пустозерскій“. Сообщниковъ его въ это время казнили; казнь грозила и Аввакуму; но, по ходатайству царицы, она была замѣнена ссылкой въ Пустозерскъ. Ему даже не вырѣзали языка, какъ Лазарю и Епифанію, съ которыми онъ и Никифоръ, протопопъ симбирскій, былъ сосланъ въ Пустозерскъ. Но въ застѣнкѣ московскомъ онъ получилъ 70 ударовъ кнутомъ. Въ концѣ 1667 г. Аввакумъ съ женой былъ привезенъ въ Пустозерскъ и посаженъ въ земляную тюрьму, такъ же, какъ и Лазарь, Епифаній и Никифоръ. Но и сидя въ этой тюрьмѣ онъ продолжалъ такъ же, какъ началъ,—писалъ письма въ Москву и въ другія мѣста, писалъ даже посланіе къ царю. Четырнадцать лѣтъ просидѣлъ онъ въ Пустозерскѣ. Наконецъ дерзкое письмо его къ царю Феодору Алексѣевичу рѣшило участь Аввакума и его товарищей. Письмо это онъ начинаетъ скромно и смиренно: „Благого и преблагого и всеблагого Бога нашего благодатному устроенію блаженному, и преблаженному и всеблаженному государю нашему, свѣту свѣтику, русскому царю и великому князю Феодору Алексѣевичу—не смѣю нарещися богомолецъ твой, но яко нѣкій извергъ и непричастенъ, ногамъ твоимъ издалека воіюю, яко мытарь: милостивъ буди, Господи! Подстилаю главу и весь органъ тѣла моего со гласомъ: милостивъ буди мнѣ, Господи!“ Но потомъ,

когда начинать говорить о патриархах и архіереяхъ, забываетъ тонъ письма, много напоминающаго извѣстное посланіе Даніила Заточника, и такъ говоритъ: „А что, государь царь? Какъ бы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илья пророкъ, всѣхъ перепласталъ въ одинъ день, не осквернилъ бы тѣмъ рукъ, а освятилъ бы, чаю“. И затѣмъ, понося память царя Алексѣя Михайловича, ругая патриарха Іоакима, называетъ себя протопопомъ, хотя уже и былъ лишенъ этого сана, и посылаетъ царю благословеніе. Въ другихъ письмахъ изъ Пустозерска, особенно къ какому-то Симеону, онъ еще болѣе дозволяетъ себѣ. Патриархъ Іоакимъ сталъ настоятельно требовать казни расколуучителей, изъ далекаго Пустозерска поддерживавшихъ и распространявшихъ расколъ повсюду. Было повелѣно: „за великія на царскій домъ хулы сожечь ихъ“. Это было исполнено въ Пустозерскѣ 1-го апрѣля 1681 г. На площади построили срубъ изъ дровъ, на которомъ сгорѣли Аввакумъ, Лазарь, Елифаній и Никифоръ. Аввакумъ предвидѣлъ казнь и заблаговременно распорядился имуществомъ и роздалъ книги. На казнь собрался народъ и снялъ шапки... Дрова подожгли — замолчали всѣ; Аввакумъ народу говорить началъ и крестъ сложилъ двуперстный: „вотъ будете этимъ крестомъ молиться — вовѣкъ не погибнете, а оставите его — городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ, настанетъ и свѣту конецъ!..“ Огонь охватилъ казнимыхъ, и одинъ изъ нихъ закричалъ; Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли. Въ Пустозерскѣ за лѣсомъ есть площадка; тамъ крестъ стоитъ и зовется Аввакумовымъ. Раскольники считаютъ Аввакума мученикомъ и имѣютъ иконы его. Судя по этимъ иконамъ, Аввакумъ былъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ, съ длинной сѣдой бородой, кудрявыми сѣдыми волосами, имѣлъ большіе глаза, прямой, тонкій носъ, лицо сухощавое. Лазаря и Елифанія раскольники признаютъ также святыми, но Никифора не признаютъ за то, что онъ на кострѣ закричалъ и просилъ пощады, соглашаясь на все. Мѣстное преданіе въ Пустозерскѣ прибавляетъ, что только одного (Никифора) кости нашли въ пеплѣ, и что три, а не четыре голубя вились надъ горѣвшимъ костромъ въ поднебесьѣ. Никифора нѣтъ и въ „Россійскомъ Виноградѣ“, соч. княземъ Андреемъ Денисовичемъ Мышецкимъ. Сочиненія Аввакума (въ рукописи) слѣдующія *): 1. Посланіе изъ Пустозерска, начинается: „Моя братія возлюбленная“. 2. Бесѣда о наятыхъ дѣлателяхъ; нач.: „Благослови владыка благовѣстити“. 3. Объ Іонѣ, казначеѣ казанскомъ; нач.: „Въ 166 году посланъ бысть въ Казань“. 4. Посланіе къ Теодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Урусовой и Марьѣ Даниловой; нач.: „Протопопъ Аввакумъ рабъ и посланникъ“. 5. Второе посланіе къ нимъ же; нач.:

*) При каждомъ изъ сочиненій обозначены начальныя слова для того, что въ рукописяхъ эти сочиненія различаются между собою. Начальныя слова заимствованы изъ трехъ экземпляровъ XVII вѣка, находящихся у автора статьи.

„Не облѣнюся и еще приномянуть“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ эти два посланія соединены въ одно. 6. Отвѣтъ о крещающихъ младенцы; нач.: „По старому служебнику и новопоставленный попь“. 7. Посланіе изъ Пустозерска; нач.: „Борисушка, Богъ тебя простилъ“. 8. Посланіе изъ Пустозерска (на крестоборную ересь); нач.: „Бесѣда человѣка грѣшна“; называется также посланіемъ изъ рва львинаго. 9. Бытіе о московскомъ паденіи; нач.: „Бысть въ лѣта наши“. 10. Второе бытіе о московскомъ паденіи; нач.: „Паки и паки и еще къ вамъ побесѣдую“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ два бытія соединены въ одно. 11. Отвѣтъ о причастіи; нач.: „Есть въ правилѣхъ“. 12. На римскую и никоніанскую ересь; нач.: „Альманашники и звѣздохотцы“. 13. О Мельхиседецѣ; нач.: „Сей Мельхиседекъ“. 14. Книга старицѣ Меланіи съ сестрами и под-начальною Анисьею; нач.: „Благого и преблагого“. 15. Письма царю Θεодору Алексѣевичу изъ Пустозерска; нач.: „Благого и преблагого и всеблагого“. 16. Книга инокинѣ Θεодорѣ, а по-мірски боярынь Θεодосіи Морозовой съ сестрами; нач.: „Херувимамъ подобещеся“. 17. О прелюбодѣяхъ; нач.: „Слышалъ ли еси милосердіе Божіе“. 18. Первое посланіе изъ Пустозерска къ Симеону; нач.: „Чадо Симеоне, на горѣ я родился“. 19. Второе посланіе къ нему же; нач.: „Слышалъ ли еси“. 20. Третье посланіе къ нему же; нач.: „Чадо Богопріимче“. 21. Четвертое посланіе къ нему же; нач.: „Ну, Семенушка, вотъ тебѣ вѣсти“. 22. Поученіе; нач.: „Апостоль яже еста иносказаема сія“. 23. Поученіе; нач.: „Премудрость, къ римлянамъ посланіе“. 24. Повѣсть, писана въ духовномъ цвѣтникѣ; нач.: „Нѣкій священникъ“. 25. Поученіе; нач.: „Премудрость прости услышимъ“. 26. Снисканіе и собраніе о божествѣ и о твари; нач.: „Рече Господь“. 27. Посланіе къ Стефану Воинфатьеву, царскому духовнику; нач.: „Юзникъ темничный“. 28. Посланіе къ рабамъ Христовымъ; нач.: „Вопросъ твой, чадо“. 29. Второе посланіе къ рабамъ Христовымъ; нач.: „Возлюбленніи, молю вы“. 30. Автобіографія, написанная въ Пустозерскѣ по убѣжденію Епифанія; нач.: „Святѣи Діонисій Ареопагитъ“. 31. Похвала о церкви (дополненіе къ автобіографіи); нач.: „По семъ у всякаго православнаго прошенья прошу“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ соединено съ автобіографіей. Что касается до посланій его къ дьякону Θεодору, въ которыхъ Аввакумъ, по словамъ „Розыска“, нелѣно говорилъ о св. Троицѣ, о сошествіи Христа во адъ и пр., этихъ посланій нѣтъ. Князь Мышецкій въ „Россійскомъ Виноградѣ“ рѣшительно говоритъ, что это выдумка авторовъ книгъ „Розыска“ и „Пращицы“. Впрочемъ, Аввакумъ въ „Книгѣ инокинѣ Θεодорѣ“ говоритъ: „Молодой щенокъ Θεодоръ дьяконъ, сынъ духовный мнѣ, учалъ блудить надъ старыми книгами и о святой Троицѣ преткнулся и о Христовѣ во адъ сошествіи и оныхъ догматствуя по-никоніански, нелѣпно — *въ книгѣ моей написано и послано къ вамъ о Господѣ*“.

СЧИСЛЕНІЕ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

I.

Въ прошедшемъ столѣтіи, въ продолженіе шестидесяти пяти лѣтъ, правительство ежегодно производило гласное, открытое счисленіе раскольниковъ. Цѣль его была исключительно фискальная, податная. Петръ I установилъ это счисленіе съ цѣлью обложенія раскольниковъ подушною податью и притомъ двойною противъ православныхъ. Установленное въ 1715—16 годахъ, оно продолжалось до 20-го іюня 1782 г., когда сборъ двойного оклада съ раскольниковъ былъ навсегда отмѣненъ Екатериною II.

Счисленіе раскольниковъ производилось чиновниками мѣстной администраціи. Они представляли именныя вѣдомости въ центральное управленіе, находившееся въ Москвѣ. Сначала, пока счисленіе находилось въ вѣдомствѣ святѣйшаго синода, это управленіе находилось при *духовной инквизиціи*, а потомъ, когда счисленіе перешло въ вѣдомство правительствующаго сената, управленіе сосредоточено было въ особо учрежденной *раскольнической конторѣ*. Именныя вѣдомости повѣрялись, и счетъ раскольниковъ по возможности контролировался, но дѣйствительная численность разномыслящихъ съ господствующею церковью въ точности все-таки не была извѣстна. Цифры „духовной инквизиціи“ и „раскольнической конторы“ были гораздо ниже цифры дѣйствительной, что видно изъ множества правительственныхъ распоряженій прошлаго столѣтія объ отысканіи „потаянныхъ раскольниковъ“ и обложеніи ихъ двойнымъ окладомъ.

Перепись раскольниковъ введена Петромъ I при слѣдующихъ обстоятельствахъ. До него и при немъ подати и ратные люди собираемы были съ тяглыхъ дворовъ; такимъ образомъ повинности падали не на лица, а на землю, дома, промыслы, уголья и т. п. Система по нынѣшнимъ экономическимъ возрѣніямъ правильная и справедливая, но въ тогдашнее время внутренняго неустройства крайне невыгодная для государства. Войны, бунты, голодные года, чума, продолжавшіеся чрезъ все

почти XVII столѣтіе, во многихъ мѣстностяхъ совершенно обезлюдили тяглые дворы. Оставшіеся въ селахъ и деревняхъ тяглые люди должны были платить и за себя и за убылыхъ. Правда, имъ предоставляемо было пользованіе оставшимися впускъ, за уходомъ односельцевъ, землями, но силъ недоставало обрабатывать ихъ. Сельскіе люди стали „разбѣгаться въ рознь“, другіе во множествѣ закладывались кабалой за патріарха, за архіереевъ, за монастыри, за бояръ и за другихъ знатныхъ и сильныхъ людей, во владѣніи которыхъ крестьянину было жить несравненно легче. Иные записывались въ казаки, въ стрѣльцы, въ пушкари, въ монастырскіе служители, ибо этихъ чиновъ люди были избавлены отъ платска податей. Казна отъ этого много теряла.

А деньги Петру были крайне нужны на веденіе тяжелой, изнурительной войны со шведами. Для увеличенія средствъ къ ея веденію, онъ прибѣгалъ къ средствамъ чрезвычайнымъ: устанавливалъ новые налоги, собиралъ съ церковныхъ колоколенъ для литья пушекъ колокола, и пр. Въ то же время онъ заботился и объ установленіи такой податной системы, которая бы доставляла больше государственнаго дохода съ возможно меньшими расходами на ея взиманіе. Для того онъ велѣлъ произвести общую пародную перепись (ревизію) и обложить народъ *подушною податью*.

Указъ о производствѣ первой ревизіи состоялся 26-го ноября 1718 года, но еще до этого времени Петръ принималъ частныя (то-есть мѣстныя или сословныя) мѣры для производства народныхъ переписей, съ цѣлью обложенія людей подушною податью. Такъ, напримѣръ, въ 1710 году онъ велѣлъ переписать всѣхъ дворянъ, съ тѣмъ чтобы негодныхъ къ военной службѣ обложить подушнымъ окладомъ. Счисленіе раскольниковъ и обложеніе ихъ двойнымъ окладомъ въ 1716 году принадлежить къ числу такихъ же мѣръ. Оно послѣдовало вотъ по какому поводу.

Въ 1714 году въ Кіевской губерніи дѣйствовала комиссія для производства частной народной переписи. Тамошній губернаторъ, князь Голицынъ, представилъ государю „пункты о бѣглыхъ изъ великороссійскихъ губерній раскольникахъ, что поселились въ Стародубѣ, подлѣ литовской границы“. „Вѣдно, писалъ онъ къ государю, бѣглыхъ великороссійской породы всѣхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ вывозить въ великорусскіе. Въ Стародубскомъ уѣздѣ поселены слободы великороссійскаго народа раскольники, и комиссаръ ишетъ, что въ оныя слободы ѣхать опасно, дабы не разбѣжались за границу“. Февраля 18-го 1715 г. Петръ написалъ на этомъ докладѣ князя Голицына слѣдующее: „обложить въ окладъ“ *). Перепись произведена, окладъ положенъ, но не двойной, а обыкновенный. За исключеніемъ немногихъ отшедшихъ за рубежь, раскольники остались въ Стародубѣ.

*) «Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи», V, № 2889.

Сочиненія П. Мельпикова. Т. VII.

Черезъ годъ послѣ того, именно 8-го февраля 1716 г., Петръ велѣлъ переписать раскольниковъ обоюга пола по всему государству. Деньги ему тогда были чрезвычайно нужны, и потому онъ обложилъ ихъ двойнымъ окладомъ, полагая, что изъ мѣсть, удаленныхъ отъ границъ, раскольники не стануть бѣгать въ чужіе края, въ чемъ однако ошибся.

Окладъ назначенъ былъ вдвое противъ платимаго купцами и крестьянами. Женщины платили въ половину противъ мужчинъ. Стародубскіе раскольники, какъ жившіе у рубежа, оставлены были при платежѣ обыкновеннаго оклада *). Февраля 18-го того же года велѣно переписать для обложенія двойнымъ окладомъ раскольниковъ монаховъ и монахинь **).

Хотя въ указѣ 1716 года раскольники и приглашались записываться въ перепись „безъ всякаго сомнѣнія“, но они неохотно являлись къ производившимъ перепись. Несмотря на строгія мѣры правительства, значительная часть ихъ избѣгала счисления и обложенія окладомъ.

Въ 1721 году изданъ „Духовный регламентъ“. Въ немъ, между прочимъ, было сказано: „Полезно есть имѣть въ коллегіумѣ (то-есть въ святѣйшемъ синодѣ) вѣдѣніе, сколько во всѣхъ епархіяхъ обрѣтается раскольщиковъ, сія бо ко многимъ разсужденія требующимъ случаямъ помощно есть“ ***). Учрежденный въ томъ же году святѣйшій синодъ призналъ для себя полезнымъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи и двойной окладъ, взимаемый съ раскольниковъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій было ходатайство о предоставленіи въ его вѣдѣніе какъ счисления раскольниковъ, такъ и сбора съ нихъ двойного оклада. Ходатайство свое синодъ основывалъ на приведенной сейчасъ статьѣ „Духовнаго регламента“: „Понеже,—сказано было во всеподданнѣйшемъ докладѣ святѣйшаго синода:—по имению его императорскаго величества повелѣнію, по „Духовному регламенту“, раскольниковскія дѣла поручены синоду, того ради приличнымъ видится и собираемымъ съ нихъ двойного окладу деньгамъ и съ несповѣдующихся штрамамъ быть въ синодъ присылаемымъ“. Петръ былъ тогда на радостяхъ. „Жестокая школа, двадцать одинъ годъ продолжавшаяся“, какъ называлъ онъ шведскую войну, кончилась; онъ торжествовалъ заключеніе славнаго Ништадскаго мира. Принявъ титулъ императора, Петръ былъ въ это время такъ счастливъ, такъ радостенъ, такъ щедръ и милостивъ, какимъ никогда до того времени не бывалъ. „Рука моя расходилась“,—сказалъ онъ Румянцеву, щедро награждая его деньгами и имѣніями. Въ это-то время святѣйшій синодъ и представилъ свое ходатайство. Петръ ноября 19-го 1721 года написалъ на докладѣ, поднесенномъ ему: „быть по сему“ ****).

*) Тамъ же, V, № 2991.

**) Тамъ же, V, № 2996.

***) «Духовный регламентъ», изд. 1856 г., стр. 75.

****) «Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода», I, стр. 18.

Теперь въ деньгахъ онъ не нуждался, „рука у него расходилась“, и онъ отдалъ двойной окладъ въ вѣдѣніе синода. Но, отдавая въ вѣдомство духовенства эту немаловажную статью дохода, онъ, впрочемъ, назначилъ его на дѣла общепользныя: учрежденіе школъ и богадѣленъ при монастыряхъ и т. п.

Съ двойнымъ окладомъ и численіемъ раскольниковъ въ духовное вѣдомство поступило и преслѣдованіе раскольниковъ, не явившихся къ переписи, а также изслѣдованіе, дѣйствительно ли записывающіеся въ двойной окладъ состоятъ въ расколѣ, не были ли они прежде записаны въ приходскихъ исповѣдныхъ книгахъ и т. д. Для такихъ дѣйствій синодъ счелъ нужнымъ ввести въ Россіи *духовную инквизицію*, мысль о которой издавна занимала духовенство: нѣкоторые изъ его представителей пытались даже поставятъ въ примѣръ русскимъ государямъ усердіе къ инквизиціоннымъ дѣйствіямъ испанскихъ королей.

Инквизиція учреждена была въ Москвѣ. Строитель московскаго Данилова монастыря Паонутій назначенъ былъ „протоинквизиторомъ“; въ каждую епархію назначены „провинціаль-инквизиторы“, которымъ были подчинены „инквизиторы“, находившіеся по городамъ и уѣздамъ. Декабря 23-го 1721 года святѣйшій синодъ составилъ для нихъ особую инструкцію, напечатанную въ „Полномъ Собраніи Законовъ Россійской имперіи“ (VI, № 3870). Конечно, дѣйствія московской инквизиціи далеко не то, что дѣйствія инквизиціи римско-католической; она просуществовала не болѣе пяти лѣтъ и не успѣла развить свои дѣйствія, какъ хотѣлось инквизиторамъ. Притомъ дѣйствія ея были направлены не противъ всѣхъ разномыслящихъ съ господствующею церковью, но только противъ раскольниковъ, да еще суевѣровъ, „сказующихъ видѣнія или слышанія чувственная или сонная“. Главное же потому инквизиція не имѣла у насъ значительнаго развитія, что, будучи противна духу православія, она въ самомъ духовенствѣ не встрѣтила сочувствія. Это была затѣя архіереевъ, и то не всѣхъ, преимущественно Теофана Прокоповича и Питирима нижегородскаго, который самъ прежде былъ раскольникомъ и, какъ всякій неопитъ, относился съ фанатическою нетерпимостью къ бывшимъ своимъ единовѣрцамъ. Бѣлое духовенство не сочувствовало „духовной инквизиціи“, лишь темныя монахи, и, что замѣчательно, малорусскаго происхожденія, учившіеся въ Кіевѣ и мало знакомые съ великорусскими раскольниками, посвятали свое усердіе инквизиціоннымъ дѣйствіямъ. Свѣтскіе начальники еще менѣе сочувствовали дѣламъ инквизиціоннымъ и тѣмъ возбуждали жалобы усердныхъ преслѣдователей раскола. Въ одномъ только отношеніи инквизиція пришлась по сердцу приходскимъ причтамъ и свѣтскимъ чиновникамъ: она доставила имъ возможность увеличить сборы.

Въ распоряженіе духовной инквизиціи назначена была особая команда вооруженныхъ солдатъ; они употреблялись для отысканія раскольниковъ по лѣсамъ и пустынямъ, для истребленія устроенныхъ тамъ ихъ

жилицъ, для отысканія „потаенныхъ раскольниковъ“, для отправки ихъ на каторгу и для вырѣзыванія ноздрей, для истребленія у раскольниковъ и пераскольниковъ старопечатныхъ и харатейныхъ книгъ и т. п.

Къ счастью, инквизиція существовала у насъ недолго. Она была уничтожена при Екатеринѣ I, и въ то время какъ счисленіе раскольниковъ, такъ и сборъ двойного съ нихъ оклада перешли изъ синода въ вѣдѣніе правительствующаго сената. Для сего въ Москвѣ учреждена была „раскольниковская контора“ изъ свѣтскихъ лицъ. Она вела именныя списки раскольниковъ; въ нее поступилъ и двойной окладъ, собираемый по провинціямъ мѣстными властями. Такъ продолжалось до 1782 года, когда былъ отмѣненъ двойной окладъ, а съ нимъ и особое счисленіе раскольниковъ.

Число раскольниковъ въ XVIII столѣтіи не только не уменьшалось, но даже увеличивалось, несмотря на то, что они во множествѣ бѣжали или за границу, или въ пустыни закавказія и въ Сибирь. Изъ сенатскаго указа 17-го сентября 1742 года видно, что въ семнадцать лѣтъ, съ 1719 по 1736 годъ, въ Россіи было 2.100.469 душъ, изъ нихъ умерло 1.558.000, взято въ рекруты 202.000 и *бѣжало около 442.000*. Заявляя эти цифры, сенатъ прибавилъ: „уновательню и больше того оной убыли имѣется“ *). Изъ 442 тысячъ бѣглыхъ значительная часть была раскольниковъ. Изъ указа 7-го февраля 1762 года видно, что изъ одной только Нижегородской губерніи съ 1716 года, то-есть въ срокъ пять лѣтъ, семь восьмыхъ раскольниковскаго населенія, то-есть 35 тысячъ, велѣдствіе обидъ и притѣсненій со стороны духовенства, бѣжало преимущественно за литовскій рубежъ **). Изъ различныхъ правительственныхъ распоряженій, бывшихъ въ прошломъ столѣтіи, видно, что раскольники далеко не все были записаны въ книги двойного оклада. Кромѣ такъ-называемыхъ *записныхъ*, было гораздо болѣе такъ-называемыхъ *потаенныхъ*, которые однако въ духовныхъ росписяхъ значились принадлежащими къ господствующей церкви. Кромѣ того, въ XVIII столѣтіи возникли, или, вѣрнѣе сказать, распространились тайныя ученія хлыстовъ, скопцовъ, духоборцевъ, молоканъ и т. п. Послѣдователи всехъ этихъ ученій считались православными.

Съ 1782 года особое счисленіе раскольниковъ прекратилось. Попытка возобновить его сдѣлана была въ 1810 году, тотчасъ по учрежденіи особаго министерства полиціи, въ вѣдѣніе котораго поступили дѣла о расколѣ. Министръ полиціи, генералъ Балашовъ, призналъ нужнымъ (не знаемъ, по какимъ соображеніямъ) привести въ извѣстность современное число раскольниковъ и затѣмъ вести имъ ежегодный счетъ. Онъ доложилъ объ этомъ государю, и 18-го августа 1811 г. Александръ Павловичъ далъ повелѣніе: „вѣзмъ начальникамъ губерній собрать свѣдѣнія,

*) «Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи», XI, № 8619.

**) Тамъ же.

сколько въ которой находится старообрядцевъ, и вѣдомости о нихъ доставлять ежегодно къ 1-му января и 1-му июля министру полиціи“ *). Но предпріятію министра полиціи не суждено было осуществиться.

Въ Нижегородской губерніи губернаторомъ былъ тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ А. М. Руновскій, одинъ изъ способнѣйшихъ дѣятелей своего времени, вышедшій изъ школы Безбородки и Трошинскаго, человѣкъ безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ. Получивъ циркуляръ министра полиціи, онъ поручилъ городскимъ и земскимъ полиціямъ предварительно составить именныя списки раскольниковъ. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ открылось значительное число принадлежащихъ къ такъ-называемому Спасову согласію. Всѣ послѣдователи этого толка ***) въ исповѣдныхъ приходскихъ вѣдомостяхъ числились и числятся православными на томъ основаніи, что они, сообразно своему толку, крестягъ дѣтей и вѣчаютъ въ церквахъ православныхъ. Такіе же раскольники оказались и по другимъ уѣздамъ Нижегородской губерніи. Кромѣ того, въ уѣздахъ заволжскихъ: Семеновскомъ и Балахнинскомъ, нашлось много раскольниковъ *не записныхъ*, то-есть такихъ, отцы и дѣды которыхъ не платили двойного оклада и не значились въ спискахъ „раскольниковской конторы“. Полицейскіе чиновники, производившіе именную перепись, включили въ нее и этихъ людей. Узнавъ объ этомъ, тайные раскольники сами во множествѣ стали являться въ городскія и земскія полиціи, прося записать ихъ въ расколъ и представляя доказательства своей непринадлежности къ господствующей церкви. Приходское духовенство встревожилось, ибо запиской въ расколъ всѣхъ наличныхъ дѣйствительныхъ раскольниковъ оно во многихъ мѣстахъ могло бы совершенно лишиться доходовъ. Хотя производившійся по синодскому указу 15-го мая 1722 г. гривенный сборъ съ раскольниковъ въ пользу духовенства ****) еще въ началѣ царствованія Екатерины II былъ отмѣненъ, а приходскому духовенству запрещено было ходить въ дома раскольниковъ для вымогательства денегъ, но причты продолжали дѣлать поборы. Въ самой даже Москвѣ, обходя приходы со святою водою, священники выламывали у раскольниковъ, не хотѣвшихъ пускаться къ себѣ, ворота, двери и окна, требуя денегъ и свѣдѣній о новорожденныхъ, чтобы записать ихъ въ свои книги и такимъ образомъ зачислить ихъ своими прихожанами. По мѣстамъ отдаленнымъ, по глухимъ захолустьямъ, это продолжалось до самаго послѣдняго времени, что доказывается множе-

*) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 37.

**) Ихъ чрезвычайно много въ поволжскихъ губерніяхъ отъ Нижегородской до Астраханской. Объ нихъ не упоминали ни Андрей Іоанновъ ни другіе писатели о расколѣ до послѣдняго времени.

***) «Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи», VI, 4009. Тамъ, между прочимъ, сказано: «съ обрѣтающихся въ приходахъ раскольниковъ брать приходскимъ ихъ священникамъ съ причетниками со всякаго раскольниковскаго двора по гривнѣ съ души въ годъ, а сверхъ того отъ рожденія гривна, отъ женитбы гривна, отъ погребенія гривна».

ствомъ формальныхъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ. Перепись, производимая по циркуляру Балашова, должна была положить конецъ притизаніямъ приходскаго духовенства къ „независимымъ“ раскольникамъ, и оно сильно возрощало.

Вновь назначенный тогда на нижегородскую каѳедру епископъ Моисей вступился въ дѣло пересмотра раскольниковъ. Велѣдствіе того у него съ губернаторомъ Руновскимъ произошли пререканія. Синодальный указъ 19-го іюля 1777 года ясно говорилъ: „что касается до записки желающихъ въ расколъ, то слѣдуетъ ли ихъ въ оный записывать оставить на разсмотрѣніе свѣтской команды“, слѣдовательно епархіальному начальству и не слѣдовало вмѣшиваться въ неподлежащее его вѣдѣнію дѣло. Но Моисей, человекъ пылкій и заносчивый, и въ то же время слабо смотрѣвшій за духовенствомъ, за что впоследствии и подвергся непріятностямъ, думалъ иначе. Онъ находилъ, что открытою запиской тайныхъ раскольниковъ въ составленные списки наносится ущербъ церкви, и говорилъ, „что чиновники для записи въ расколъ указываютъ раскольникамъ къ тому способы и берутъ за то съ нихъ деньги“. Дѣло дошло до Петербурга и было разсмотрѣно въ комитетѣ министровъ. Въ положеніи его сказано: „при собираніи свѣдѣній о числѣ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи, чиновники, занимавшіеся этимъ дѣломъ, дѣйствовали не вполнѣ осторожно и открывали нѣкоторымъ образомъ способы записываться въ расколъ и такимъ, которые прежде были православными“. Императоръ Александръ Павловичъ на журналѣ комитета 18-го іюня 1812 года собственноручно написалъ: „и не слѣдовало никогда гласной переписки дѣлать; нужно только имѣть подъ рукою свѣдѣнія о нихъ“. На основаніи этой резолюціи, циркуляромъ министерства полиціи сообщено всѣмъ губернаторамъ, что „его величеству благоугодно было приказать, чтобы свѣдѣнія о старообрядцахъ не иначе были собираемы, какъ подъ рукою и безъ всякой малѣйшей огласки, и чтобы вѣдомости о нихъ по таковымъ собираемымъ свѣдѣніямъ присылаемы были къ министру полиціи единожды въ годъ, къ 1-му января“ *).

Это распоряженіе, совершенно противное принятой со времени императрицы Екатерины II системѣ и рѣзко отличающееся отъ предшествовавшихъ указовъ императора Александра, состоялось въ самую трудную минуту. Императоръ находился тогда въ Вильнѣ, при немъ былъ и Балашовъ, не участвовавшій въ засѣданіи комитета министровъ, когда обсуждалось дѣло о пререканіяхъ Руновскаго съ Моисеемъ. На присланномъ изъ Петербурга журналѣ Александръ Павловичъ написалъ выше приведенную резолюцію чрезъ шесть дней по вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи, въ то время, когда онъ уже приближался къ Вильнѣ. Въ такое время нельзя было предпринимать какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ, надо было всячески заботиться о полнѣйшемъ внутреннемъ согласіи.

*) «Собраніе постановленій по части раскола», стр. 40—41.

Начавшаяся перепись раскольниковъ была такимъ образомъ прекращена повсемѣстно. Она нигдѣ не была кончена. Въ составленныя для того книги внесены были одни только *записные* раскольники, то-есть потомки платившихъ двойной окладъ, да и то не все. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ эти книги были внесены только главы семействъ, въ другихъ одинъ только мужескій полъ и т. п. Списки, составленные такимъ образомъ по распоряженію 1811 года, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались безъ измѣненій даже до 1852 года. Такимъ образомъ во время изслѣдованій, произведенныхъ статистическими экспедиціями, о которыхъ будетъ сказано ниже, въ нѣкоторыхъ земскихъ судахъ было обнаружено, что именныя списки раскольниковъ велись безъ всякихъ измѣненій съ 1811 г., и въ продолженіе сорока лѣтъ умершіе изъ нихъ не исключались, новорожденные не приписывались, а ежегодно показываемое въ вѣдомостяхъ число раскольниковъ означалось наобумъ, одинъ годъ немножко побольше, другой немножко поменьше. Во многихъ уѣздахъ именныя списковъ вовсе не велось, а ежегодно показываемая въ отчетахъ цифра ставилась совершенно произвольно,

Число раскольниковъ между тѣмъ умножалось. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ покойный московскій митрополитъ Филаретъ уже указывалъ на быстро увеличивающееся въ Москвѣ число раскольниковъ и на необходимость принять противъ усиленія раскола рѣшительныя мѣры. Александръ Арсеньевъ, бывший долгое время раскольниковымъ попомъ на Рогожскомъ кладбищѣ и потому хорошо знавшій дѣла поповщинскаго раскола, впоследствии, когда уже былъ благочиннымъ единовѣрческихъ церквей Черниговской губерніи, официально заявилъ, что въ исходѣ 1823 года въ городѣ Москвѣ послѣдователей поповщинскаго раскола было до 35.000 человекъ, а въ 1825 году 68.000 *). А по спискамъ значилось въ 1826 году раскольниковъ всехъ толковъ, духоборцевъ, субботниковъ и скопцовъ, въ Москвѣ и во всей Московской губерніи 53.835 **). Раскольники Рогожскаго кладбища еще въ двадцатыхъ годахъ и раиѣ въ просьбахъ, подаваемыхъ въ разные учрежденія, постоянно упоминали, что число ихъ единовѣрцевъ во всей Россіи превышаетъ цифру пяти милліоновъ. Эта цифра никогда никѣмъ не оспаривалась, никогда никѣмъ не опровергалась, она показывалась даже въ конфиденціальныхъ бумагахъ какъ гражданскаго, такъ и духовнаго вѣдомства. А между тѣмъ, по официальнымъ донесеніямъ губернаторовъ, раскольниковъ всехъ толковъ считали во всей Россіи лишь около восьмисотъ тысячъ.

Министерство полиціи было упразднено въ 1820 году, дѣла о раскольникахъ перешли въ особенную канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ. Но и съ переходомъ въ новое министерство численіе рас-

*) «Дѣло о Кочуевѣ» въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

***) Варадинова «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», VIII, 163.

кольниковъ не улучшилось: губернаторы въ представляемыхъ вѣдомостяхъ показывали только *записныхъ* раскольниковъ, притомъ по инымъ губерніямъ только лицъ мужескаго пола, а по другимъ безъ причисленій новорожденныхъ. Изъ многихъ губерній вѣдомостей вовсе не доставлялось.

II.

Векоръ по воцареніи императора Николая Павловича, министерство внутреннихъ дѣлъ 26-го февраля 1826 года, по высочайшему повелѣнію, предписало губернаторамъ: доставлять ежегодно вѣдомости о числѣ раскольниковъ къ Новому году. Это не было новымъ распоряженіемъ, а только подтвержденіемъ состоявшагося въ 1811 году, но нигдѣ почти не исполненнаго. Въ томъ же 1826 году изъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ было образовано третье отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Губернаторамъ было предписано вѣдомости о раскольникахъ представлять по истеченіи каждаго года въ новое учрежденіе, а копіи съ нихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Такъ продолжается и до сихъ поръ (1868).

Въ вѣдомостяхъ, на этомъ основаніи доставляемыхъ губернаторами, показано раскольниковъ:

Въ 1826 году	827.721
„ 1827 „	825.391
„ 1837 „	1.003.816
„ 1839 „	889.926
„ 1841 „	911.671
„ 1849 „	821.215
„ 1850 „	829.971
„ 1859 „	875.382
„ 1864 „	917.097

Сюда, какъ уже замѣчено, включены только *записные* раскольники, то-есть потомки платившихъ въ XVIII столѣтія двойной окладъ. Да и тѣ не все; мы уже сказали, что въ иныхъ уѣздахъ цифры не измѣнялись *по сорока лѣтъ*, и, несмотря на естественное приращеніе населенія влѣдствіе перевѣса количества рожденій надъ числомъ умершихъ, число раскольниковъ показывалось или одно и то же черезъ цѣлю десятки лѣтъ, или съ каждымъ годомъ поемножку убавлялось неправниками, чтобы показать предъ начальствомъ „благополучіе уѣзда и усердіе свое“ къ ослабленію раскола.

Порядокъ составленія по уѣздамъ и губерніямъ вѣдомостей о раскольникахъ слѣдующій. Въ каждомъ городскомъ или уѣздномъ полицейскомъ управленіи ведется именной списокъ раскольниковъ, по въ этихъ спискахъ записываются далеко не все раскольники, особенно гдѣ ихъ много. Ежегодно составляемая числовая вѣдомость должна бы основыв-

ваться на этих именных списках, но этого не дѣлается: полицейскія управления обыкновенно придерживаются цифры предыдущихъ годовъ, убавляя ее понемножку.

Иные исправники, особенно изъ молодыхъ и вновь поступавшихъ на службу, пробовали представлять цифру раскольниковъ, ближе подходящую къ дѣйствительности, соглася ее или съ свѣдѣніями духовенства (по вѣдомостямъ духовнаго вѣдомства раскольниковъ почти повсемѣстно показывается больше, чѣмъ въ полицейскихъ управленіяхъ), или съ особенными наблюденіями. Цифра въ такомъ случаѣ оказывалась гораздо большею показанной за предыдущіе годы. При полученіи такой вѣдомости въ губернскомъ управленіи обыкновенно возникалъ вопросъ, отчего въ такомъ-то уѣздѣ число раскольниковъ быстро увеличилось. Отъ исправника требовались объясненія: почему расколъ усилился, кто виновенъ въ возвращеніи столь значительнаго числа вновь оказавшихся раскольниковъ, какія были приняты полиціей мѣры къ предупреденію и пресѣченію раскольничьей пропаганды, почему не было своевременно донесено о столь сильномъ увеличеніи раскола и т. п. Возникала непріятная для исправника перениска, оканчивавшаяся обыкновенно дѣлаемымъ ему замѣчаніемъ за неосновательность донесеній или за недостатокъ усердія къ пресѣченію развитія раскола. Разъ испытавъ такія послѣдствія согласованія ни на чемъ неоснованной цифры съ дѣйствительностью, исправникъ ужъ, конечно, никогда не повторялъ неудачнаго опыта, не подражали ему и преемники его, изъ старыхъ дѣль знавшіе, каково выказывать непрошенное усердіе къ точности статистической цифры. Такъ и оставались все при старой цифрѣ, ежегодно уменьшая ее понемножку. Но у каждаго дѣльнаго исправника прежде бывала и теперь есть своя, приблизительно вѣрная, цифра раскольничьяго населенія уѣзда, съ которою соображаются иногда и губернаторы, но она держится какъ бы въ секретѣ и обыкновенно называется *неофициальной цифрой*.

Въ свою очередь бывали случаи, что вной губернаторъ представлялъ по цѣлой губерніи число раскольниковъ болѣе согласное съ дѣйствительностью; результаты оказывались тѣ же или почти тѣ же. Начинались запросы, отчего да почему раскольники умножились въ такой-то губерніи, требовались объясненія, завязывалась перениска, и затѣмъ все приходило въ прежнюю колею.

Изъ самыхъ вѣдомостей о числѣ раскольниковъ, при тщательномъ ихъ счисленіи, ясно можно видѣть, до какой степени шатки заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія.

Въ послѣднія сорокъ лѣтъ (какъ видно изъ производившихся дѣлъ, изъ донесеній губернаторовъ, изъ представленій епархіальныхъ начальствъ, изъ специальныхъ изслѣдованій о расколѣ, производившихся на мѣстахъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ) расколъ усиливался преимущественно въ губерніяхъ великороссійскихъ, особенно же въ приволж-

скихъ и восточныхъ, а менѣе всего распространялся въ Западномъ краѣ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, что объясняется значительнымъ числомъ живущихъ тамъ иновѣрцевъ: римско-католиковъ, лютеранъ, евреевъ, а также и православныхъ, воссоединенныхъ изъ уни въ 1839 г., изъ числа коихъ доселѣ совратившихся въ расколъ не было. Но официальные цифры говорятъ совершенно противное. Изъ сличенія цифръ 1826—1864 годовъ выходитъ, что раскольниковъ во внутреннихъ и восточныхъ губерніяхъ стало значительно меньше. Такъ, въ губерніи Калужской ихъ будто бы уменьшилось на 9⁰/₀, во Владимірской на 13⁰/₀, Тамбовской на 15⁰/₀, Тульской на 28⁰/₀, Тверской на 29⁰/₀, Олонецкой на 34⁰/₀, Оренбургской, Саратовской и Симбирской взятыхъ вмѣстѣ на 34⁰/₀, Орловской, Псковской и Пермской въ каждой на 37⁰/₀, Ярославской на 44⁰/₀, Петербургской на 45⁰/₀, Костромской на 50⁰/₀, Новгородской на 52⁰/₀, Харьковской на 58⁰/₀, а въ Полтавской даже на 91⁰/₀.

Зато въ губерніяхъ, гдѣ расколъ въ дѣйствительности не усиливался, и если число раскольниковъ увеличивалось, то лишь вслѣдствіе естественнаго приращенія населенія, тамъ, гдѣ расколъ даже ослабѣвалъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ (напримѣръ, въ Землѣ Войска Донского и въ Могилевской губерніи, по уничтоженіи въ послѣдней старообрядческихъ монастырей Гомельскаго уѣзда), тамъ, по указанію официальныхъ цифръ, съ 1826 по 1864 годъ онъ усилился въ два и даже въ два съ половиною раза. Такъ, въ Курляндіи онъ показанъ усилившимся на 157⁰/₀, въ Могилевской губерніи на 148⁰/₀, въ Волынской на 145⁰/₀, въ Бессарабіи на 121⁰/₀, въ Кіевской губерніи на 80⁰/₀, въ Подольской на 80⁰/₀, въ Землѣ Войска Донского на 67⁰/₀, въ Екатеринославской губерніи на 59⁰/₀, въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской, взятыхъ вмѣстѣ, на 53⁰/₀, въ Херсонской на 47⁰/₀, въ Лифляндской на 30⁰/₀ и въ Витебской на 25⁰/₀.

Цифры духовнаго вѣдомства по нѣкоторымъ епархіямъ нѣсколько выше цифръ, представленныхъ губернаторами, по другимъ ниже. Вопросъ, отчего изъ одной губерніи доходили разныя вѣсти, разрѣшается очень просто: какъ губернаторы, такъ и архіереи представляли своимъ начальствамъ цифру фактическую, основаніе для которой заключалось единственно въ показаніяхъ за предшествовавшіе годы. Каждый оставался спокоенъ: безпокойныхъ запросовъ, непріятной переписки не было. Не ими такъ началось, не ими и кончилось. Замѣчательно однако, что и цифры, доставляемыя въ святѣйшій синодъ епархіальными архіереями, представляютъ то же самое, что и представляемыя въ министерство внутреннихъ дѣлъ губернаторами: гдѣ раскольниковъ въ 1826—1864 годахъ стало въ дѣйствительности больше, тамъ показывалось, что число ихъ уменьшилось, и наоборотъ.

Какъ цифры губернаторскихъ отчетовъ основываются на цифрахъ, представляемыхъ полицейскими управленіями, такъ и епархіальные до-

песенія о числѣ раскольниковъ основываются на ежегодно представляемыхъ приходскими причтами вѣдомостяхъ. Казалось бы, епархіальная цифра должна быть вѣрнѣе губернаторской, даже безусловно вѣрна. Кому же вѣрнѣе знать свой приходъ, кому всего удобнѣе имѣть на счету всѣхъ уклоняющихся отъ церкви, какъ не приходскому священнику? Но на дѣлѣ выходитъ не то. И приходскіе причты, составляя вѣдомости о раскольникахъ, не основываются на дѣйствительности, но, подобно исправникамъ, придерживаются цифръ прошлаго года. Если бы какой-нибудь священникъ и вздумалъ представить къ консисторію дѣйствительную цифру раскольниковъ, ему угрожали бы еще болѣе чувствительныя неприятели, чѣмъ исправнику. Бюрократизмъ и формалистика въ духовномъ вѣдомствѣ развиты едва ли еще не больше, чѣмъ въ гражданскомъ. Приходскій священникъ, рѣшась представить начальству дѣйствительную, извѣстную ему цифру раскольниковъ, долженъ бы былъ, вмѣсто прошлагоднихъ десятковъ, показать сотни. Отъ того произошли бы неизбежныя запросы, переписка и даже гораздо хуже. Увеличеніе цифры можетъ подать начальству мысль о неспособности священника. Чтѣ же онъ за пастырь, если изъ стада его вдругъ цѣлыя сотни уклонились въ расколъ? Вѣрно показавшій число раскольниковъ въ своемъ приходѣ можетъ такимъ образомъ подвергнуться строгому взысканію, даже лишиться мѣста.

Сверхъ того, причты тѣхъ приходоѡ, гдѣ много раскольниковъ, имѣють, къ сожалѣнію, еще особыя причины скрывать настоящее число ихъ. Раскольникъ *записной* для причта человѣкъ потерянный, съ него онъ не получитъ ни копейки. Напротивъ, *незаписной* составляетъ важную статью въ домашнемъ бюджетѣ церковнослужителей. Незаписной въ книгахъ раскольникъ считается православнымъ, но отмѣчается не бывающимъ у исповѣди и св. причастія или по *наклонности къ расколу*, чаще по *пареченію* или по *опущенію*, а иногда даже отмѣчается *бытчиюмъ* (непремѣнно одинъ разъ въ десять лѣтъ). Такой раскольникъ, сроду не бывавшій и на церковной палерти, но зачисленный по церковнымъ вѣдомостямъ православнымъ, несравненно выгоднѣе для причта, чѣмъ самый усердный прихожанинъ. За то, чтобы у него не исправлять требъ, онъ платитъ гораздо дороже, чѣмъ усердный къ церкви прихожанинъ за исправленіе ихъ. Притомъ доходъ съ „незаписного“ вѣрнѣе и обезпеченнѣе; чуть воспротивился онъ платить положенную дань, на него готовъ доносъ: отца похоронилъ въ лѣсу, сына крестилъ неизвѣстно гдѣ, дочь вѣнчалась не при церкви и т. п. Такъ бывало въ прежнее время, а по мѣстамъ и до сихъ поръ (1868) дѣлается. Начнется, бывало, слѣдствіе, и хотя дѣло ничѣмъ не кончится, ибо въ „Уложеніи о наказаніяхъ“ за подобные проступки наказанія не полагается, однако же несговорчивому даннику нахожденіе подъ слѣдствіемъ всегда обходилось гораздо дороже той суммы, которую онъ поупрямился заплатить своевременно. Дѣло затягивалось на нѣсколько лѣтъ; а находящемуся

подъ слѣдствіемъ не выдавали паспортовъ, и если онъ человѣкъ торго-
вый, то много терялъ отъ невольнаго домоусѣдства.

Вываившіе подъ судомъ раскольники за дѣйствія по расколу извѣстны
во многихъ мѣстахъ подъ именемъ *рѣшенныхъ*. Вотъ откуда произошло
такое странное названіе: до 1853 года каждое дѣло о раскольникахъ,
по разсмотрѣніи въ уѣздныхъ судахъ и въ уголовныхъ палатахъ, пред-
ставлялось, чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, на обсужденіе коми-
тета министровъ. По закону наказаніе полагается только совратителямъ,
свораченные же, по *рѣшеніямъ* комитета министровъ, обыкновенно
подвергались духовному увѣщанію, и если оставались послѣ того въ
расколѣ, то обязывались подпиской никого въ расколъ не совращать.
Во время существованія такого порядка много десятковъ тысячъ пере-
бывало въ консисторіяхъ на увѣщаніяхъ, но не было, кажется, ни одного
примѣра, чтобъ увѣщанія эти подѣйствовали на увѣщаемого, чтобы хоть
одинъ раскольникъ согласился остаться при церкви, а не идти въ число
рѣшенныхъ. Да и то надо сказать, что всѣ эти троекратныя увѣщанія
на практикѣ были не чтѣ иное, какъ троекратная плата известной суммы
денегъ. Казалось бы, такой *рѣшенный* не долженъ уже быть затѣмъ
считаться по церковнымъ росписямъ православнымъ, долженъ бы быть
причисленъ къ записнымъ раскольникамъ. Этого никогда не бывало.
Рѣшенный никогда не вносился въ списки раскольниковъ, тѣмъ менѣе
семья его; напротивъ, если у рѣшеннаго родился послѣ увѣщаній и дан-
ной имъ подписки ребенокъ, и онъ, какъ водится, окрестилъ его по сво-
ему обряду, на него поступалъ новый доносъ о *свораченіи въ рас-
колъ своего сына*, то-есть новорожденнаго-то. Начиналось новое дѣло,
въ концѣ котораго были новыя троекратныя увѣщанія.

Принадлежащіе къ сектамъ хлыстовскимъ (хлысты, монтаны, ляды,
лазаревщина, скопцы, шелалуты и пр.) и мистическимъ (сіонская цер-
ковь, десные христіане и пр.) почти никогда не показываются въ числѣ
отщепенцевъ отъ господствующей церкви. Принадлежащіе, напримѣръ,
къ хлыстамъ, по самымъ правиламъ своей секты, должны исправлять
всѣ требы въ православной церкви и дѣйствительно исправляютъ ихъ
съ виду усердіе самаго усерднаго православнаго и потому счи-
таются принадлежащими къ церкви, между тѣмъ какъ въ то же время
имѣютъ своихъ живыхъ боговъ, своихъ христовъ, богородицъ, проро-
ковъ и т. п.

Несообразность числа раскольниковъ, официально показываемаго, съ
дѣйствительною цифрой давно обращала на себя вниманіе. Такъ, на-
примѣръ, было обращено вниманіе на Пермскую губернію: въ 1826 году
показывалось въ ней 112.000 раскольниковъ; въ тридцатыхъ годахъ, при
бышемъ тамъ архіепископѣ Аркадіи, обращено изъ нихъ въ православіе
сто тысячъ, но въ 1841 году, по официальнымъ показаніямъ, ихъ оста-
валось еще 108 тысячъ. Въ сороковыхъ годахъ въ Пермской епархіи
обращено было изъ раскола еще до 100.000 человѣкъ, а въ 1850 году

все-таки показывалось 72.899; въ пятидесятихъ годахъ обращено еще до сотни тысячъ, а въ 1864 году показывалось еще 70 тысячъ.

Несообразность официальной цифры съ дѣйствительною самымъ поразительнымъ образомъ оказалась въ 1850 году. Въ ноябрѣ этого года исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича. Всѣ министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, кромѣ годовыхъ отчетовъ по своему управленію, представили государю отчеты за 25 лѣтъ. При отчетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ бывшій тогда министромъ графъ Л. А. Перовскій представилъ особую записку о расколѣ. Оказалось, что къ началу царствованія Николая Павловича раскольниковъ въ Россіи было 827 тысячъ, въ двадцать пять лѣтъ обратилось къ православію и къ единовѣрью болѣе милліона, и все-таки къ 1851 году осталось ихъ 750 тысячъ. Графъ Перовскій, рѣшительно отрицая приблизительную даже вѣрность послѣдней цифры, замѣтилъ, что дѣйствительное число раскольниковъ несравненно болѣе показываемаго официально, „конечно, ихъ *до десяти милліоновъ*», — замѣтилъ онъ. Незадолго передъ тѣмъ (въ концѣ сороковыхъ годовъ) произведены были изслѣдованія о расколѣ въ Московской губерніи состоявшимъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Липранди. Онъ доносилъ графу Перовскому, что въ той губерніи раскольниковъ не 73.485, какъ значится въ официальныхъ вѣдомостяхъ, а 186.000 *). Общее же число раскольниковъ по всему государству г. Липранди, основываясь на счетѣ самихъ московскихъ раскольниковъ, полагалъ въ девять милліоновъ **). На этомъ основаніи и говорить въ своей запискѣ графъ Перовскій.

Прочитавъ „Записку о расколѣ въ 1825 — 1850 годахъ“, императоръ Николай Павловичъ приказалъ графу Перовскому придумать средства, какимъ бы образомъ, не возбуждая пародныхъ толковъ о записи въ раскольники, негласно и самымъ осторожнымъ образомъ собрать возможно вѣрныя свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ, хоть въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Въ августовской книжкѣ „Православнаго Собесѣдника“ за 1867 годъ помѣщена статья „О численности раскольниковъ“; въ ней г. Ивановскій разсказываетъ, какимъ образомъ производились эти изслѣдованія. Но эта статья, будучи основана лишь на тѣхъ немногихъ официальныхъ запискахъ, которыя напечатаны г. Кельсиевымъ въ изданномъ имъ въ Лондонѣ „Сборникѣ правительственныхъ распоряженій о раскольникахъ“, неполна и не совсѣмъ вѣрна.

Г. Ивановскій введеніе въ наше общество мнѣнія о десятимилліонной численности раскольниковъ приписываетъ г. Липранди и ииущему эти

*) «Статистическія таблицы Россійской имперіи, издаваемыя по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ». Спб., 1863, стр. 235.

**) «Записка г. Липранди», напечатанная во 2 томѣ «Сборника правительственныхъ распоряженій о расколѣ», г. Кельсіева, стр. 104 и 146.

строки. Слишкомъ много чести! Мнѣше это основано не на моихъ изслѣдованіяхъ и не на изслѣдованіяхъ г. Липранди, а на свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ государства, съ одной стороны, генераль-губернаторами, губернаторами, чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ, статистическими экспедиціями, а съ другой — епархіальными, вслѣдствіе указа святѣйшаго синода, послѣдовавшаго въ іюнѣ 1853 года.

Вотъ какъ было дѣло, насколько мнѣ оно извѣстно. Во время министерства графа Перовскаго дѣла по расколу, какъ и теперь, завѣдывались департаментомъ общихъ дѣлъ министерства. Но въ этомъ департаментѣ производились тогда только дѣла, такъ сказать, обиходныя: переписка съ губернскими начальствами о раскольникахъ, разсмотрѣніе слѣдственныхъ дѣлъ о проступкахъ раскольниковъ, составленіе по этимъ дѣламъ записокъ для внесенія въ комитетъ министровъ, принятіе мѣръ противъ раскола сообразно мѣстнымъ условіямъ и т. п. Дѣла же большей важности, какъ, напримѣръ, о только-что возникшей въ то время Вѣлокриницкой митрополіи, по изслѣдованіямъ скопческой секты и хлыстовъ, по собранію свѣдѣній для исторіи раскола и самое составленіе ея, словомъ, всѣ работы, требовавшія не только знанія канцелярскаго порядка, но и научной подготовки—поручены были извѣстному ученому, бывшему предъ тѣмъ профессоромъ Московскаго университета и редакторомъ журнала „Телескопъ“, покойному Н. И. Надеждину *). Надеждинъ былъ редакторомъ и „Записки о расколѣ“, представленной императору Николаю Павловичу во время совершившагося двадцатипятилѣтія его царствованія. Получивъ повелѣніе привести въ возможную ясность число раскольниковъ, графъ Перовскій и это дѣло возложилъ на Надеждина, поручивъ ему придумать средства къ исполненію государственной воли и выбрать способныхъ на то людей какъ изъ министерскихъ чиновниковъ, такъ и изъ лицъ постороннихъ. Въ это время я, по порученію графа Перовскаго, ревизовалъ полиціи, думы и другія городскія учрежденія въ Нижегородской губерніи и, не кончивъ еще ревизіи, въ мартѣ 1852 года пріѣхалъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ министромъ. Во время этихъ объясненій графъ Перовскій сталъ разспрашивать меня о нижегородскихъ раскольникахъ и послѣ довольно продолжительнаго разговора сказалъ, что онъ намѣренъ дать мнѣ порученіе по дѣламъ раскола, и приказалъ объясниться съ Надеждинымъ. Отъ Надеждина узналъ я объ упомянутой „Запискѣ“ и о повелѣніи государя, въ исполненіи котораго я долженъ былъ принять участіе. Кромѣ

*). Подъ его руководствомъ въ сороковыхъ годахъ работали: дѣйствительный статскій совѣтникъ Липранди и нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ находились недавно бывший московскимъ губернаторомъ графъ А. К. Сиверсъ, нынѣшній (1868) одесскій градоначальникъ М. Н. Шидловскій и др. Принимали въ этихъ работахъ участіе В. И. Даль, завѣдывавшій тогда особою канцеляріей графа Перовскаго, и товарищъ министра, покойный П. Г. Сенявинъ. Дѣла, порученія Надеждину, производились помимо департамента.

меня къ этому былъ призванъ предѣдатель петербургской уголовной палаты И. С. Синицынъ. Начались совѣщанія, какъ исполнить волю государя, какъ узнать приблизительно вѣрное число раскольниковъ въ двухъ на первый разъ губерніяхъ, не подавая никому ни малѣйшаго повода къ заключеніямъ, что производится счетъ ихъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ, по назначенію министра, принялъ участіе еще одинъ изъ министерскихъ чиновниковъ, нынѣ (1868) статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ, бывший тогда вице-директоромъ хозяйственнаго департамента и завѣдывавшій дѣлами „временнаго статистическаго комитета“. По его мысли образованы были двѣ „статистическія экспедиціи“, одна въ губернію Нижегородскую, другая въ Ярославскую. Начальствующимъ первой графъ Перовскій назначилъ меня, а начальствующимъ второй—покойнаго Синицына. Статистическія экспедиціи составлены были изъ членовъ, назначенныхъ изъ министерскихъ чиновниковъ и изъ прикомандированныхъ къ нимъ, по соглашенію начальствующихъ съ мѣстными губернаторами, самыхъ способныхъ и лучшихъ чиновниковъ губернскаго управленія. Члены были избираемы гг. Надеждинымъ и Милутинымъ. Имъ же была одобрена составленная мною инструкция статистическимъ экспедиціямъ; она утверждена графомъ Перовскимъ и напечатана въ томъ же 1852 году въ „Сборникѣ циркуляровъ по министерству внутреннихъ дѣлъ“. Назначены были на обѣ экспедиціи особыя денежные средства (до 15 тысячъ) изъ министерства и, кромѣ того, изъ губернскихъ суммъ по соглашенію начальствующихъ экспедиціями съ губернаторами *).

Вскорѣ послѣ того, какъ статистическія экспедиціи отправились въ Нижегородскую и Ярославскую губерніи, графъ Перовскій призналъ нужнымъ произвести исчисленіе раскольниковъ еще въ одной губерніи, лежащей между двумя названными, въ Костромской. Но, не образуя для того цѣлой экспедиціи, онъ послалъ туда гг. Брянчанинова и Арнольди, на которыхъ не лежало обязанности собирать общія статистическія свѣдѣнія, и они исключительно занимались собраніемъ свѣдѣній о раскольникахъ.

*) Въ ярославской экспедиціи подъ начальствомъ Синицына находились: тайный совѣтникъ графъ Сиверъ (бывшій московскій губернаторъ), дѣйствительные статскіе совѣтники: А. П. Артемьевъ (старшій редакторъ центрального статистическаго комитета), Насиловъ (предѣдатель петербургскаго физиката) и Г. Г. Григорьевъ (владимірскій вице-губернаторъ), статскій совѣтникъ графъ Гуттенъ-Чапекій (бывшій петербургскій вице-губернаторъ) и магистръ богословія Пискаревъ. Въ нижегородской экспедиціи находились: статскіе совѣтники: Е. К. Огородниковъ (старшій редакторъ центрального статистическаго комитета) и Н. И. Зайцевскій (секретарь того же комитета), камеръ-юнкеръ П. А. Галаховъ и А. Н. Аксаковъ. Въ числѣ губернскихъ чиновниковъ при мнѣ находился К. В. Трубниковъ, позднѣе редакторъ «Виржевыхъ Вѣдомостей». Въ Костромскую губернію были посланы дѣйствительный статскій совѣтникъ Брянчаниновъ (бывшій ставропольскій губернаторъ) и статскій совѣтникъ Л. И. Арнольди (бывшій калужскій вице-губернаторъ).

Вотъ результаты счисленія раскольниковъ, произведеннаго въ 1852 году въ Нижегородской, Костромской и Ярославской губерніяхъ:

Въ Нижегородской, по officialному показанію губериатора, было 20.246 раскольниковъ обоого пола. По изслѣдованіямъ статистической экспедиціи ихъ оказалось 172.500.

Въ Костромской officialно показывалось 19.870 раскольниковъ. Брянчаниновъ и Арнольди насчитали 105.572.

Въ Ярославской officialно показывалось 7.454 раскольника, по изслѣдованію статистической экспедиціи оказалось 278.417.

Такимъ образомъ оказалось въ Костромской губерніи раскольниковъ въ пять разъ болѣе, въ Нижегородской въ восемь съ половиной разъ, а въ Ярославской въ *тридцать семь разъ*.

Изслѣдованія по тремъ губерніямъ представили слѣдующій результатъ: вмѣсто 47.570 раскольниковъ officialно показываемыхъ, оказалось ихъ 556.389, то-есть около двухъ третей officialной цифры, относящейся ко всей имперіи. Оказалось, что officialная цифра по тремъ губерніямъ, взятымъ вмѣстѣ, уменьшена въ *одиннадцать разъ*. На этомъ-то основаніи и стали считать дѣйствительную цифру раскольниковъ приблизительно отъ 9 до 10 милліоновъ. Общее число раскольниковъ по всей Россіи officialно за 1852 годъ показано было въ 910 тысячъ. Помноживъ его на одиннадцать, получимъ 10 милліоновъ. Вотъ какимъ образомъ произошла десятимилліонная цифра раскольниковъ. Впрочемъ, девятимилліонную цифру въ правительственныхъ сферахъ предполагали и прежде этого времени.

Статистическія экспедиціи продолжались до 1855 г., но съ начала 1853 года расколомъ онѣ уже не занимались. До 1855 года я и г. Синицынъ, оставаясь начальствующими экспедиціи, одни, безъ участія членовъ, занимались болѣе подробными изслѣдованіями о состояніи раскола, я по Нижегородской, онъ по Ярославской и Костромской губерніямъ. Это происходило уже въ министерство Д. Г. Бибикова.

III.

Еще счисленіе раскольниковъ статистическими экспедиціями не было кончено, какъ графъ Перовскій получилъ въ августѣ 1852 года другое назначеніе, а министромъ внутреннихъ дѣлъ государь повелѣлъ быть генераль-адъютанту Д. Г. Бибикову. Вскорѣ по представленіи результатовъ счисленія раскольниковъ, произведеннаго въ трехъ лишь губерніяхъ и подтвердившаго мнѣніе, что раскольниковъ въ Россіи находится до девяти милліоновъ, онъ 18-го февраля 1853 года входилъ объ этомъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, и государь, для обсужденія въ подробностяхъ дѣла о современномъ состояніи раскола, повелѣлъ новому министру составить особый комитетъ *), „которому заняться во всей

*) Онъ состоялъ изъ графа Блудова, оберъ-прокурора св. синода графа Протасова и министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова. См. «Собраніе поста-

подробности пересмотромъ изготовленнаго уже свода дѣйствующихъ постановленій о раскольникахъ и составить основной проектъ правилъ, которыя служили бы на будущее время руководствомъ при всѣхъ административныхъ распоряженіяхъ и въ судебныхъ дѣлахъ до раскольниковъ относящихся“^{*)}).

Во второмъ засѣданіи этого комитета 23-го мая 1853 года, между прочимъ, постановлено: „1) поручить епархіальнымъ преосвященнымъ собрать осторожнѣйшимъ образомъ, негласно, посредствомъ довѣренныхъ духовныхъ лицъ, и доставить свѣтлѣйшему синоду достовѣрныя, сколько можно, свѣдѣнія о нынѣшнемъ числѣ раскольниковъ и о состояніи раскола въ ихъ епархіяхъ съ означеніемъ, въ какихъ наиболѣе мѣстахъ проживаютъ раскольники, кто ихъ наставники и коноводы, и какими они располагаютъ средствами, чѣмъ особенно держится расколъ и чѣмъ бы съ большею благонадежностью могъ быть потрясенъ до основанія, и кто изъ мѣстныхъ духовныхъ лицъ способенъ быть употребляемъ противъ сектаторовъ; 2) въ видахъ усиленія противораскольниковыхъ духовныхъ миссій образовать при духовныхъ академіяхъ изъ наличныхъ студентовъ и изъ священнослужителей, кои изъявятъ на то желаніе, по небольшому отдѣленію для особаго приготовленія ихъ на дѣло съ раскольниками, какъ въ видѣ прямыхъ миссіонеровъ, такъ и въ видѣ священниковъ при церквахъ единовѣрческихъ и православныхъ, гдѣ есть раскольники; 3) приступить къ новому изданію книгъ, въ прежнее время изданныхъ въ обличеніе раскола; составить и издать обстоятельную исторію раскола въ Россіи и возможно полное обличеніе порознь самыхъ главныхъ сектъ его: поповщины и безпоповщины въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, поручивъ составленіе таковыхъ книгъ, подъ руководствомъ преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, извѣстнѣмъ и опытнѣйшимъ въ духовномъ просвѣщеніи лицамъ; 4) поручить казанской духовной академіи, какъ еще незанятой никакимъ повременнымъ изданіемъ, издавать духовный журналъ, съ преимущественнымъ направленіемъ его противъ раскола въ разныхъ его видахъ“.

Въ томъ же засѣданіи комитета состоялось постановленіе о приведеніи въ извѣстность современнаго положенія раскола и посредствомъ гражданскихъ лицъ, одновременно съ изслѣдованіями епархіальныхъ начальствъ, „дабы, — какъ сказано было въ журналѣ комитета, — повѣркой однихъ свѣдѣній другими можно было достигнуть до удовлетворительной въ нѣкоторой степени полноты и разносторонности въ обнаруженіи раскола“^{**}). Это предположеніе было высочайше утверждено 10 іюня 1853 года.

повленій по части раскола». Спб., 1858, стр. 586. Въ этомъ комитетѣ сверхъ того принялъ участіе и покойный архіепископъ херсонскій Иннокентій, находившійся тогда въ Петербургѣ для присутствованія въ свѣтлѣйшемъ синодѣ.

*) «Собраніе постановленій по части раскола». Спб. 1858, стр. 587.

***) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству свѣтлѣйшаго

Одновременно съ тѣмъ постановлено и государемъ утверждено: всѣ дѣла о раскольникахъ обратить къ общему ходу, то-есть изъ уголовныхъ палатъ не представлять ихъ болѣе чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ министровъ, а вершить на законномъ основаніи въ самихъ палатахъ или въ сенатѣ, смотря по сущности дѣла. Тогда же утверждено при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *особенное временное управленіе* изъ самаго малаго числа чиновниковъ для производства важнѣйшихъ дѣлъ о раскольникахъ. Дѣла о расколѣ изъ департамента общихъ дѣлъ были переданы въ особенную канцелярію министра, ими сталъ завѣдывать сенаторъ А. И. Войцеховичъ. Изъ занимавшихся расколомъ при графѣ Перовскомъ остались при тѣхъ же занятіяхъ, то-есть при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ статистики, догматики и исторіи раскола, только четверо: графъ Стенбокъ, А. И. Артемьевъ, И. С. Синицынъ и я. Надеждинъ сдѣлался тяжело боленъ и черезъ два года скончался, Н. А. Милютинъ, поступивъ на должность директора хозяйственнаго департамента, также прекратилъ всякое участіе въ дѣлахъ по расколу.

Данная по этому случаю инструкція напечатана въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, но не совсѣмъ точно, не вполне *). Вотъ она: „1) Сколько въ N. губерніи раскольниковъ. Такъ какъ они не вносятся въ церковныя метрическія книги, ревизскія же сказки повѣряются большею частію сими токмо книгами, то нужно обратить особенное вниманіе на то, нѣтъ ли между раскольниками людей не внесенныхъ въ ревизскія сказки, сколько ихъ и кто они именно **). 2) Въ какихъ мѣстахъ раскольники проживаютъ и по сколько именно въ городѣ, селѣ, выселкѣ и т. п. Всѣ пункты населенія ихъ должны быть отмѣчены на географической картѣ губерніи съ показаніемъ взаимнаго ихъ разстоянія и географическаго отношенія къ судоходнымъ рѣкамъ и къ другимъ путямъ торговыхъ и прочихъ сообщеній. 3) Къ какимъ сословіямъ принадлежатъ раскольники N. губерніи, сколько ихъ въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ разныхъ вѣдомствъ и наименованій, и какихъ именно. 4) Сколько изъ раскольниковъ N. губерніи постоянно проживаетъ на мѣстѣ и сколько находится въ отлучкѣ, на какое самое продолжительное время, по какимъ надобностямъ, извѣстно ли, гдѣ они находятся, снабжены ли они законными видами, и состоятъ ли они съ своими земляками въ сношеніяхъ. Не приходятъ ли въ N. губернію раскольники изъ другихъ мѣстъ, какихъ именно и по какимъ дѣламъ. 5) Нѣтъ ли въ N. губерніи скитовъ и другихъ раскольническихъ сборищъ, и если есть, то гдѣ они находятся, когда составились, въ какомъ числѣ

спнода», II, 526—529. «Собраніе постановленій по части раскола». Спб., 1858, стр. 592.

*) Редакція «Православнаго Собесѣдника» заимствовала се изъ лондонскаго «Сборника» г. Кельсѣва (т. IV, стр. 55 и далѣе).

***) Изслѣдованія производились одновременно съ повѣркой на мѣстахъ только-что произведенной тогда девятой народною переписи.

людей, и кто эти люди. 6) Нѣтъ ли въ N. губерніи послѣдователей секты странниковъ или бѣгуновъ, и если есть, то дознать, кто эти люди и гдѣ они укрываются. 7) Въ какомъ нравственномъ состояніи находятся раскольники по образу жизни, по занятіямъ и по понятіямъ, и во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, въ чемъ именно сходятся съ прочими жителями губернии и чѣмъ отличаются, распространяется ли между ними грамотность, у какихъ людей учились, у кого теперь дѣти ихъ учатся, какого рода книги и рукописи читаютъ, откуда получаютъ ихъ, и т. п. 8) На какія секты раздѣляются теперь раскольники N. губерніи, лжеученіе секты сихъ остается ли такимъ же, какимъ было прежде; если съ теченіемъ времени измѣнилось новыми толками, какими именно, и не образовались ли между ними новыя секты и какія,—въ какомъ направленіи и положеніи находится каждое изъ лжеученій и въ какомъ они взаимномъ отношеніи. Вообще нужно дознать о духѣ и направленіи раскольниковъ N. губерніи, какіе между ними ходятъ толки, въ чемъ состоятъ ихъ надежды, съ какими раскольническими обществами другихъ губерній состоятъ они въ сношеніяхъ, откуда получаютъ наставниковъ, какое производятъ дѣйствіе на прочихъ жителей, чѣмъ болѣе держится тамошній расколъ, и нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо слабыхъ сторонъ, обнаруженіемъ коихъ можно бы было воспользоваться. 9) Всего важнѣе дознать тщательнѣйшимъ и достовѣрнымъ образомъ личный составъ раскольническихъ обществъ и нравственное положеніе главныхъ членовъ въ каждомъ изъ нихъ, дабы обнаружить самый скелетъ раскола, то-есть, во-первыхъ, остающихся въ немъ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго вразумленія, а можетъ-статься, въ иныхъ мѣстахъ и по недостатку самыхъ храмовъ; во-вторыхъ, руководителей раскола по фанатизму; въ-третьихъ, коноводовъ, дѣйствующихъ не по убѣжденію, а изъ личныхъ выгодъ корысти, честолюбія и т. п. О послѣднихъ нужно собрать подробнѣйшія свѣдѣнія относительно ихъ характера, средствъ, связей, отношеній, и составить особенныя имъ епископы, съ означеніемъ соображеній о каждомъ, какимъ образомъ слѣдовало бы поступить съ нимъ, чтобы сдѣлать его безвреднымъ, и нѣтъ ли между ними даже такихъ людей, которыхъ можно было бы вразумить и обратить въ пользу и вразумленіе нынѣшнихъ послѣдователей ихъ“.

Вотъ въ чемъ состояли тѣ изслѣдованія раскола, о которыхъ составилось у насъ въ обществѣ превратное понятіе и о которыхъ усердными корреспондентами Герцена говорилось въ заграничной печати, какъ о чемъ-то подобномъ испанской инквизиціи. Вотъ въ чемъ состояли возглашенныя этою печатью „Вибиковскія гоненія раскольниковъ“. Всякій можетъ видѣть, было ли тутъ что-нибудь похожее на гоненія. Результатомъ произведенныхъ изслѣдованій было приведеніе въ ясность состоянія раскола, дотолѣ весьма мало извѣстнаго правительству.

По мѣрѣ поступленія отчетовъ о современномъ состояніи раскола, представленныхъ губернаторами и спеціальными чиновниками министер-

ства, они отправляемы были въ святѣйшій синодъ, гдѣ производилось сличеніе ихъ съ отчетами епархіальныхъ архіереевъ, и въ слѣдствіе того дѣлались по духовному вѣдомству надлежащія распоряженія. Первый отчетъ представленъ былъ изъ Нижегородской губерніи. Онъ заключался въ тринадцать томахъ съ приложениями. Сличеніе его съ отчетомъ нижегородскаго преосвященнаго Іеремія и критическій разборъ обоихъ производилъ преосвященный Григорій, архіепископъ казанскій, въ слѣдствіи митрополитъ петербургскій. Оказалось, что нижегородскій преосвященный нашелъ въ своей епархіи раскольниковъ еще болѣе, чѣмъ чиновникъ министерства. Официальная цифра была 20.246, министерскій чиновникъ опредѣлилъ ее въ 172.500, а преосвященный Іеремія въ 283.323 *). Затѣмъ поступилъ отчетъ отъ нековскаго губернатора и олонецкимъ архіепископомъ Аркадіемъ сличенъ съ отчетомъ о состояніи раскола въ Нековской епархіи, представленнымъ преосвященнымъ Платономъ. Третій, разсмотрѣнный такимъ образомъ отчетъ былъ симбирскій, начатый чиновниками министерства и копченый губернаторомъ. Сличеніе его съ отчетомъ симбирскаго преосвященнаго и критическій разборъ произведены были по порученію святѣйшаго синода архимандритомъ Софонією. Такимъ образомъ сличались и прочіе отчеты начальниковъ губерній и министерскихъ чиновниковъ съ отчетами епархіальныхъ архіереевъ, сличались для того, чтобы „повѣркой однихъ свѣдѣній другими достигнуть до удовлетворительной, въ нѣкоторой степени, полноты и разносторонности въ обнаруженіи раскола“.

Во всѣхъ отчетахъ, составленныхъ начальниками губерній и министерскими чиновниками, число раскольниковъ показано гораздо больше, чѣмъ въ официальныхъ ежегодныхъ отчетахъ. По многимъ губерніямъ оно показано въ семь, въ восемь, въ десять разъ болѣе, а по Ярославской даже въ тридцать семь разъ.

Въ отчетахъ епархіальныхъ архіереевъ то же самое. Преосвященный Іеремія нижегородскій показалъ, напримѣръ, дѣйствительное число въ одиннадцать разъ болѣе официального, увеличивъ такимъ образомъ число, насчитанное министерскимъ чиновникомъ, на цѣлую треть его.

При сличеніи отчетовъ въ святѣйшемъ синодѣ и при критической ихъ оцѣнкѣ, ни по одному не выражено ни малѣйшаго сомнѣнія въ невѣрномъ увеличеніи цифры.

Въ губерніяхъ, гдѣ изслѣдованія производились министерскими чиновниками, оказалось:

	Число раскольниковъ записанныхъ.	Число всѣхъ раскольниковъ.
Въ Московской	73.485	186.000
„ Нижегородской. . .	20.246	172.500

*) «Собраніе постановленій по части раскола по вѣдомству святѣйшаго синода», II, 673.

	Число расколь- никовъ запис- ныхъ.	Число всёхъ раскольни- ковъ.
Въ Новгородской	8.436	68.131
„ Саратовской	25.750	125.000
„ Костромской	19.870	105.572
„ Казанской	8.267	72.000 *)
„ Ярославской	7.454	278.417
„ Симбирской	7.500	85.000
Всего	171.008	1.092.620 **)

А принимая поправку нижегородскаго преосвященнаго Иеремія, нашедшаго цифру 172.500 неточною и опредѣлившаго число ихъ 233.323, получимъ общее число дѣйствительныхъ раскольниковъ въ восьми губерніяхъ 1.153.443. Стало-быть, ихъ оказалось въ семь разъ болѣе, чѣмъ показывалось офиціально.

Теперь представимъ нѣкоторыя цифры по изслѣдованіямъ, произведеннымъ генераль-губернаторами.

	Число расколь- никовъ запис- ныхъ.	Число всёхъ раскольни- ковъ.
Въ Олопецкой	3.850	18.197
„ Оренбургской	18.500	145.000
„ Самарской	28.750	85.194

Исчисленій по другимъ губерніямъ, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ въ настоящее время подъ руками. Но общій выводъ изъ нихъ былъ тотъ, что раскольниковъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ показывалось.

При производствѣ изслѣдованій на мѣстахъ по духовному вѣдомству преосвященнымъ, ни по гражданскому губернаторамъ и спеціальнымъ чиновникамъ, не было дано одинаковой программы дѣйствій, и потому каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію. Конечно, это большой недостатокъ, но онъ былъ неизбеженъ. Въ маѣ 1852 г., когда, предъ от-

*) Изслѣдованія по Казанской губерніи мною не кончены; пробывъ въ Казани не болѣе мѣсяца (въ февралѣ и мартѣ 1855 года), я отправился въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ министромъ. Въ это время изслѣдованіе по расколу прекратилось, и я не возвращался въ Казанскую губернію. Я успѣлъ собрать свѣдѣнія только о расколѣ въ самой Казани. Цифра, представленная мною здѣсь, сообщена мнѣ предъ отпращиваніемъ въ Казань находившимся тогда въ Петербургѣ казанскимъ архіепископомъ Григоріемъ (впоследствии митрополитъ петербургскій). Преосвященный, сообщая мнѣ разныя свѣдѣнія о расколѣ въ его епархіи, замѣчалъ, что раскольниковъ въ ней должно быть болѣе ста тысячъ.

***) По Петербургской губерніи изслѣдованія не были кончены.

правленіемъ изъ Петербурга статистическихъ экспедицій, я и покойный Синицынъ, какъ начальствующіе экспедиціями, откланивались графу Перовскому, министръ, на вопросъ—какіе употреблять при собраніи свѣдѣній о числѣ раскольниковъ, сказалъ: „Подробныхъ инструкцій дать вамъ нельзя; все зависитъ отъ мѣстныхъ условій, здѣсь намъ неизвѣстныхъ; предоставляю все вашей находчивости и умѣнью воспользоваться мѣстными обстоятельствами. Вы посылаетесь на первый разъ въ видѣ опыта; самыя ошибки ваши въ этомъ повомъ дѣлѣ будутъ полезны впоследствии при производствѣ такихъ же работъ по другимъ губерніямъ. Поэтому ведите подробные дневники о своихъ дѣйствіяхъ и посылайте ихъ къ Надеждину“. Въ 1853 году также не дано было однообразной программы.

Такъ какъ изслѣдователи дѣйствовали каждый по-своему, то, конечно, одинъ насчиталъ раскольниковъ больше, другой меньше. Такъ, напри- мѣръ, Синицынъ, въ Ярославской губерніи, признаками раскола считалъ домашнее употребленіе лѣстовоковъ, подручниковъ, ручныхъ кадильницъ и т. п. *). Если-бъ этотъ признакъ былъ принятъ въ основаніе по Нижегородской губерніи, то мнѣ пришлось бы все населеніе Заволжья отнести къ числу раскольниковъ поголовно. Но одинъ и тотъ же признакъ имѣеть смыслъ въ одной губерніи и не имѣеть его въ другой. Въ губерніяхъ южныхъ, напри- мѣръ, двуперстное сложеніе есть вѣрный признакъ раскола, а въ Нижегородской и Костромской около одной третьей доли православныхъ крестится двуперстно.

Отнюдь не выдавая свою систему дѣйствій за непогрѣшимую, пред- ставлю однако здѣсь, какимъ образомъ я считалъ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи. Я и члены экспедиціи объѣхали все приходы и сдѣлали выписки изъ исповѣдныхъ записей, сколько не бываетъ въ про- долженіе нѣсколькихъ лѣтъ у исповѣди и у св. причастія: а) по наклон- ности къ расколу, б) по нерадѣнію, в) по опущенію, г) по малолѣтству. Отъ многихъ священниковъ я слышалъ, что записываемые небытчиками по опущенію и нерадѣнію въ дѣйствительности раскольники. Это под- тверждалось сдѣланнымъ въ 1847 году общимъ по епархіи распоряже- ніемъ архіепископа Іакова: „не считать раскольниками не бывающихъ но нѣскольку лѣтъ у исповѣди и у св. причастія, если имъ не сдѣлано узаконеннаго увѣщанія и они епархіальнымъ начальствомъ не исклю- чены изъ числа православныхъ прихожанъ“. Тогдашній преосвященный Іеремія, принимавшій близкое участіе въ этомъ дѣлѣ, говорилъ мнѣ, что всехъ этихъ небытчиковъ слѣдуетъ считать раскольниками.

Затѣмъ собираемы были свѣдѣнія отъ мѣстныхъ властей, которымъ неофициально извѣстна приблизительно вѣрная цифра раскольниковъ, отъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, наконецъ отъ нѣкоторыхъ изъ влія-

*) Его изслѣдованіе напечатано во II томѣ «Сборника правительствен- ныхъ распоряженій о раскольникахъ» Кельсева.

тельныхъ въ своей средѣ раскольниковъ. Опредѣливъ такимъ образомъ цифру незаписныхъ раскольниковъ и опредѣливъ, сколько процентовъ общаго числа православныхъ они составляютъ, оставалось взять столько же процентовъ изъ числа не бывающихъ у исповѣди и у причастія за малолѣтствомъ и приложить ее къ числу незаписныхъ. Эта цифра, вмѣстѣ съ цифрой записныхъ, и составила 172.500 человекъ.

Что получаемая посредствомъ такого приема цифра не можетъ считаться преувеличенною, доказательствомъ тому служить то, что пресвященный Иеремія, имѣвшій, разумѣется, несравненно болѣе средствъ для дознанія приблизительно вѣрной цифры, чѣмъ я, насчиталъ раскольниковъ на цѣлую треть больше добытой мною цифры.

Примѣнимъ теперь этотъ способъ исчисленія раскольниковъ по всему государству, взявъ за основаніе отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1859 годъ.

Въ 1859 году всѣхъ православныхъ по церковнымъ росписямъ значилось 51.474.209 обоюгаго пола. Изъ того числа не бывшихъ у исповѣди и св. причастія:

По наклонности къ расколу	726.982
По нерадѣнію	3.416.231
Не причащавшихся по опущенію	2.196.714
Всего	6.340.927

Это и есть приблизительная цифра незаписныхъ раскольниковъ взрослыхъ. За малолѣтствомъ изъ 51.474.209 человекъ не было на исповѣди и у св. причастія 92.32.234, что составляетъ около одной пятой общаго числа. Одна пятая цифры 6.340.927 будетъ: 1.268.185. При совокупляя это число къ числу взрослыхъ незаписныхъ раскольниковъ, получимъ 7.709.112.

Записныхъ раскольниковъ по отчетамъ 1859 года значилось 875.382. Такимъ образомъ общее число раскольниковъ въ 1859 году было 8.584.494.

Въ изслѣдованіяхъ о числѣ раскольниковъ, произведенныхъ въ 1863 году въ центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ руководствомъ члена государственнаго совѣта А. Г. Тройницкаго, бывшаго тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, и въ томъ же году напечатанныхъ, сказано: „вѣрнѣе всего можно зривать (за раскольниковъ) 10% всего населенія Россіи или 1/6 всего православнаго населенія“ *). Изслѣдованія эти, произведенныя г. Вушеномъ, основаны также на цифрахъ 1859 года. Одна шестая доля тогдашняго православнаго населенія (51.474.209) составляетъ 8.580.000, то-есть то же, что и нами сейчасъ выведено.

*) «Статистическія таблицы, изданныя при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ». Спб., 1863 г., стр. 235.

Но кромѣ незаписныхъ (хотя и явныхъ) раскольниковъ, у насъ немало тайныхъ сектаторовъ, которые, слѣдя учению несравненно болѣе противному православію, чѣмъ всѣ виды такъ-называемаго старообрядства, считаются самыми усердными сынами церкви, ибо христіанскія обязанности исполняютъ усерднѣе всѣхъ. Они причащаются не однажды въ годъ, а по четыре раза, они не уклоняются и въ другое время отъ общественнаго богослуженія и почитаются приходскими клирами за самыхъ усердныхъ прихожанъ. Таковы хлысты во всѣхъ отрасляхъ этой секты: божьи люди, богомолы, ляды, кундоны, лазаревичина, монтаны, милютинская ересь, адамиты, шелануты, холгговщина, духовные скопцы и обыкновенные скопцы. Къ этимъ сектамъ, признающимъ своихъ христовъ, богородицъ, пророковъ, живыхъ боговъ, принадлежали даже духовныя лица *). Принадлежащихъ къ этимъ тайнымъ сектамъ исчислить нѣтъ никакой возможности. Центральный статистическій комитетъ полагаетъ, что ихъ въ Россіи не менѣе 110.000.

Кромѣ того, есть отрасль раскола, такъ-называемое Спасово согласіе, раздѣляющаяся на нѣсколько сектъ. Они исполняютъ требы въ православныхъ церквахъ, то-есть крестятъ дѣтей, приобщаются (особенно передъ свадьбой), вѣчаютя. Всѣ они записываются въ духовныхъ росписяхъ бытчиками у исповѣди и св. причастія. Они находятся преимущественно въ поволжскихъ губерніяхъ, отъ Нижегородской до Астраханской, а также въ Пензенской, Тамбовской и отчасти въ Воронежской. Въ одной Нижегородской губерніи ихъ болѣе 60.000 (они-то, вѣроятно, и составляютъ разницу въ цифрахъ, полученныхъ мною и преосвященнымъ Іеремією). Всѣхъ же послѣдователей Спасова согласія до 700.000.

Прибавивъ 110.000 послѣдователей тайныхъ сектъ и 700.000 Спасова согласія, получимъ цифру въ 9.300.000.

Эта цифра относится къ 1859 году. Съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ. Статистическія изслѣдованія о движеніи народонаселенія въ Россіи показываютъ, что у насъ ежегодное приращеніе равняется 1,3%, а въ девять лѣтъ 11,7. Слѣдовательно цифра, равнявшаяся девять лѣтъ тому назадъ 9.300.000, теперь уже возрасла *свыше десяти милліоновъ двухсотъ тысячъ*, именно 10.295.000. Но такъ какъ эту цифру нельзя считать положительно вѣрною, то мы и полагаемъ, что раскольниковъ теперь *отъ десяти до девяти милліоновъ*.

Въ послѣднее время (1868) немало говорятъ о томъ, будто число раскольниковъ умножается. И дѣйствительно, въ газетахъ часто встрѣчаются извѣстія объ уклоненіяхъ въ расколъ цѣлыми массами. Такъ, года четыре тому назадъ въ Симбирской губерніи разомъ обратилось въ рас-

*) Въ прошломъ (XVIII) столѣтіи въ Москвѣ монашествующіе Ивановаго и Петроваго монастырей, въ Петербургской губерніи — Зеленецкаго монастыря. Недавно, именно въ 1867 году, въ Харьковской губерніи въ одномъ изъ монастырей обнаружена такая же секта, о чемъ извѣщено было въ газетахъ.

колѣ болѣе пяти тысячъ, въ 1867 году половина города Петровска (Саратовской губерніи), то-есть пять тысячъ, въ октябрѣ 1867 половина села Богородскаго (Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи), то-есть три тысячи, и т. д. Къ мѣстнымъ начальствамъ и въ центральное управленіе часто поступаютъ просьбы отъ цѣлыхъ обществъ, въ которыхъ они, говоря, что издавна не принадлежатъ къ господствующей церкви, ходатайствуютъ о дозволеніи имъ отправлять религіозные обряды по-своему и объ исключеніи ихъ изъ списковъ православныхъ. Эти явленія еще не доказываютъ, чтобы число раскольниковъ дѣйствительно увеличивалось, чтобы совращенія въ расколъ совершались массами, и чтобы православная паства терпѣла ущербъ.

Это не что иное, какъ стремленіе независимыхъ раскольниковъ, составляющихъ около десяти десятыхъ общаго числа, попасть въ число записныхъ и тѣмъ окончательно избавиться отъ всякихъ столкновеній съ приходскими причтами. Въ послѣдніе годы, когда система правительственныхъ дѣйствій относительно раскольниковъ значительно измѣнилась и они уже не преслѣдуются за свои заблужденія, когда затѣмъ крѣпостная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ прекратилась, незаписные раскольники стали открыто заявлять принадлежность свою къ расколу, которому, впрочемъ, слѣдовали со дня своего рожденія. Число раскольниковъ, собственно говоря, не увеличивается, оно остается то же, но расколъ начинаетъ выходить наружу, и это явленіе нѣкоторыми принимается за усиленіе раскола. Въ дѣйствительности же расколъ значительно слабѣетъ противъ прежняго: слабѣетъ его духъ, его нетерпимость, его фанатизмъ. Гражданское полноправіе раскольниковъ и распространеніе въ народѣ образованія, безъ сомнѣнія, ослабятъ его еще болѣе и послужатъ къ совершенному его уничтоженію. Но, конечно, это можетъ совершиться не вдругъ, а въ продолженіе, быть-можетъ, еще многихъ десятилѣтій и при томъ непремѣнномъ условіи, что система стѣпеній, оказавшаяся на опытъ лишь способствовавшею къ умноженію раскольниковъ и къ усиленію фанатизма раскола, никогда и ни въ какомъ видѣ не будетъ возстапвляема.

1868 г.

ОЧЕРКИ МОРДВЫ.

I.

Изъ всѣхъ народовъ такъ-называемаго чудского или финскаго племени, обитающихъ въ Россіи, ни одно такъ не обрусѣло въ настоящее время (1867), какъ Мордва, особенно же та часть ея, которая живетъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ и называется терюханами. Здѣсь Мордва уже совсѣмъ почти забыла свой языкъ, и лишь въ нѣкоторыхъ немногихъ деревняхъ женщины сохраняютъ еще остатки мордовскаго наряда, но и то съ каждымъ годомъ встрѣчается все рѣже и рѣже. Многочисленное мордовское племя эрзя также наполовину обрусѣло.

Мордва, въ древности жившая въ нынѣшнихъ губерніяхъ Нижегородской, Симбирской, Саратовской и Пензенской и въ сѣверной части Тамбовской губерніи, теперь разбросана на огромномъ пространствѣ отъ Нижняго-Новгорода до Каспійскаго моря и отъ рѣкъ Цны и Мокши до Вугуруслана. Но тѣ изъ этого племени, что живутъ въ губерніяхъ Самарской, Астраханской и частью Саратовской, пришли на мѣста нынѣшняго населенія въ XVII и даже въ XVIII столѣтіи. Такъ, изъ современныхъ актовъ мы знаемъ, что бортники изъ племени терюханъ (нижегородская Мордва), изстари бывшіе людьми свободными, были раздаваемы монастырямъ и помѣщикамъ, а оставшіеся свободными, въ концѣ XVII столѣтія, подарены имперетинскому царю Арчилѣ, выѣхавшему въ Россію. Положеніе Мордвы ухудшилось, и она огромными толпами бѣжала внизъ по Волгѣ на дощаникахъ (небольшое волжское судно) съ женами, дѣтьми и имуществомъ. Примѣру ихъ послѣдовали эрзяне, также розданные въ XVII столѣтіи и даже во времена Ивана Васильевича Грознаго разнымъ частнымъ владѣльцамъ и монастырямъ, съ цѣлью обратить ихъ въ христіанскую вѣру. Бѣглецы, вмѣстѣ съ другою „вольницей“, укрывавшеюся отъ платежа податей, поселились на луговой сторонѣ Волги, въ нынѣшней Самарской губерніи, на казенныхъ земляхъ, распахали ее, никогда не паханную дотолѣ, и жили какъ „бобыли и захребетники“. Петръ Великій, узнавъ о томъ, послалъ гроз-

ный указъ самарскому воеводѣ, повелѣвая Мордву разыскать и выслать на старое жительство. Но, какъ ни строгъ былъ указъ Петровъ, Мордва далеко не вся возвратилась. Какъ скоро переселенцы свѣдали объ указѣ, бросились на югъ. Тамъ, на привольныхъ берегахъ Иргиза, близъ впаденія его въ Волгу, населили нѣсколько деревень и донинѣ существующихъ; частью перешли на нагорную сторону Волги и поселились въ нынѣшней Саратовской губерніи, въ уѣздахъ Хвалынскомъ, Вольскомъ, Саратовскомъ и Балашовскомъ, частью ушли еще далѣе, къ самому почти Каспійскому морю. Верстахъ въ тридцати отъ берега этого моря, по правую сторону протоковъ Вузана, прп Чуркинскомъ проралѣ, доселѣ существуютъ три мордовскіе поселка, построенные на владѣльческой землѣ.

Мордва раздѣляется на нѣсколько племенъ. Главное изъ нихъ *эрзл* или *эрдзяды*, живущіе въ Арзамасскомъ, Ардатовскомъ, Лукояновскомъ, Сергачскомъ и Княгининскомъ уѣздахъ Нижегородской губерніи (въ ней только двѣ деревни Лукояновскаго уѣзда населены мокшанами); въ губерніяхъ Пензенской, Симбирской и Саратовской эрдзяды живутъ смѣшанно съ племенемъ мокша, а въ Казанской губерніи среди нихъ, впрочемъ, особнякомъ, живетъ мордовское племя каратаи. Небольшое племя *терюханг*, самое сѣверное изъ мордовскихъ, жившее прежде по берегамъ Волги и Оки, осталось теперь (1867) лишь въ сорока селеніяхъ Нижегородскаго уѣзда, всего въ количествѣ тринадцати тысячъ душъ обоюго пола. Это племя было очень близко къ эрдзядамъ; теперь же оно почти совершенно обрусѣло. Нѣкоторые считаютъ терюханъ эрдзядами, но, судя по остаткамъ ихъ языка, судя по ихъ обычаю и религіозному культу, ихъ нельзя не признать особымъ племенемъ. Племя *мокшанг*, численностью немного уступающее эрдзядамъ, обитаетъ въ сѣверной части Тамбовской губерніи, въ западной половинѣ Пензенской, въ двухъ селеніяхъ Нижегородской, а также въ Симбирской и Саратовской губерніяхъ, смѣшанно съ эрдзядами. Полагаютъ, что племя мокшанъ въ VIII или IX столѣтіи было извѣстно арабскимъ писателямъ подъ именемъ „буртасовъ“. Эти писатели говорятъ, что на правомъ берегу Волги сѣверными сосѣдями прикаспійскихъ хозаровъ, въ двадцати дняхъ ѣзды отъ столицы ихъ Итиля (около Астрахани), жили буртасы, земля которыхъ простиралась въ длину на сѣверо-западъ также на двадцать дней ѣзды и граничила съ владѣніями болгарскими. По этому расчисленію оказывается, что земля буртасовъ начиналась приблизительно отъ нынѣшнихъ границъ Саратовской губерніи съ Астраханскою и достигала къ сѣверу до нынѣшняго Симбирска, а на западъ почти до Оки. Такъ какъ теперь въ этихъ мѣстахъ живутъ мордва-мокшане, то ориенталисты наши и признаютъ въ нихъ потомковъ буртасовъ, тѣмъ болѣе, что восточные писатели, упоминая о племени эрзи и даже о небольшомъ племени каратаевъ, совершенно умалчиваютъ о многочисленномъ племени мордвы-мокшанъ. Мокшане раздѣляются на двѣ группы:

одни называются *высокими* мокшанами, другіе *простыми*, и различаются между собой въ языкѣ. Наконецъ четвертое мордовское племя *каратаи*, весьма незначительное по числу, обитаетъ въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, противъ Камскаго устья. Въ Самарской и Астраханской губерніяхъ живутъ поселившіеся здѣсь, какъ сказано выше, въ XVII и XVIII уже столѣтіяхъ эрзяды и, кромѣ того, терюхане (совершенно потерявшіе здѣсь свои племенные особенности и слившіеся вполнѣ съ эрзядами).

Въ эпоху призванія Рюрика нѣкоторые народы чудскаго племени были уже подвластны славянамъ и въ первыя же времена существованія русскаго государства соевѣмъ обрусѣли. Таковы: *Весь*, жившая на Вѣлоозерѣ, среди которой, по сказанію Нестора, водворился одинъ изъ братьевъ Рюрика, *Меря*, жившая на озерахъ Мерскомъ (Галичскомъ), Церо (Ростовскомъ) и Клецинѣ (Переславскомъ), и *Мурома*, жившая по Окѣ. Въ главные города послѣднихъ двухъ племенъ, въ Ростовъ и Муромъ, Рюрикъ, какъ видно изъ лѣтописи, послалъ „мужей“ своихъ и обладалъ землями ихъ точно такъ же, какъ Новгородомъ и другими славянскими городами. Сыновья Владиміра, свв. Борисъ и Глѣбъ уже княжили въ чудскихъ городахъ, Ростовѣ и Муромѣ. Затѣмъ названія Веси, Муромы и Мери болѣе не появляются на страницахъ русской лѣтописи; ко времени нашествія монголовъ, конечно, все они уже совершенно обрусѣли, но мордва оставалась еще самобытною и независимою, ибо находилась внѣ славянскаго вліянія. Только передъ самымъ нашествіемъ монголовъ лѣтописи начинаютъ упоминать о Мордвѣ и рассказывать о столкновеніяхъ съ нею русскихъ князей; до тѣхъ же поръ только одинъ разъ, именно подъ 1103 годомъ, объ этомъ народѣ упоминаетъ лѣтописецъ: „бися Ярославъ (сынъ Святослава Черпиговскаго) съ Мордвою,—говоритъ онъ:—мѣсяца марта въ 4 день, и побѣдены бысть Ярославъ“.

Во время войнъ Андрея Боголюбскаго съ болгарами, Мордва, жившая тогда у устья Оки и далѣе по берегамъ Волги, безъ сомнѣнія, подвергалась нападеніямъ русскихъ дружинъ. Такъ, подъ 1173 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „Посла князь Андрей сына Мстислава на болгары, а Муромскій князь сына посла, а Рязанскій князь сына посла, и бысть не любъ путь тѣи всимъ людемъ снмъ, зане непогодье есть зимѣ воевати болгары, идучи не идяку. И бывши же на Городычѣ князю и совокупися съ братома своими, съ Муромьскимъ и съ Рязаньскимъ *на устьи Оки*, и ждаша дружинѣ своей двѣ недѣли и не дождавши, поѣхаша съ передними съ дружиною; и Борисъ Жидиславичъ воевода бѣ въ то время и нарядъ весь держаше; и въѣхаша безъ вѣсти въ поганяи и взяша селѣ и семое городъ, мужѣ извѣконя, а жены и дѣти поимаша. Слышавше же болгаре въ малѣ дружинѣ пришедше князя Мстислава, идуща съ полономъ, дослѣша вборзѣ и поѣхаша по нихъ въ 6.000, за маломъ не постигоша ихъ за 20 верстѣ, князю Мстиславу *на устьи* съ маломъ

дружины, а всю дружину пустивше отъ себе; и възврати Богъ поганыхъ отъ него, а хрестьяны покры рукою Своею“. Изъ этого дѣтописнаго разсказа трудно заключить, гдѣ и какія селѣ и какой городъ разорилъ воевода, но ясно, что князь Мстиславъ Андреевичъ все время стоялъ на устьѣ Оки, слѣдовательно на землѣ мордовской. Трудно предположить однако, чтобы русскій воевода зимой зашелъ такъ далеко: собственно къ болгарамъ, въ ихъ землю, то-есть въ вышнюю Казанскую губернію. Не воевалъ ли онъ Мордву, повидимому, находившуюся тогда въ подчиненіи у болгаръ?

Въ 1182 году великій князь Всеволодъ Юрьевичъ „заратися съ Болгары“ и достигъ до ихъ столицы, „Великаго Города Серебряныхъ Болгаръ“, какъ называетъ его дѣтописецъ. Набѣгъ Всеволода былъ удаченъ; съ пѣшимъ войскомъ воротился онъ во Владиміръ водой по Волгѣ, по Окѣ и по Клязьмѣ, „а конѣ пусти на Мордву“, то-есть конницу отпратилъ сухимъ путемъ черезъ мордовскую землю, черезъ нынѣшнія Симбирскую и Нижегородскую губерніи, „при чемъ,—говоритъ Татищевъ:—Всеволодъ разорилъ множество мордовскихъ селеній“. Въ 1186 году Всеволодъ изъ Городца, съ тамошними жителями, спустился въ ладьяхъ внизъ по Волгѣ, вторгнулся въ Болгарію и воротился съ добычей. Болгары и послушная имъ Мордва присмирѣли, а усобицы, возникшія по смерти Всеволода между его сыновьями, не дозволяли русскимъ князьямъ дѣлать попрежнему набѣги на богатыхъ болгаръ. Въ 1217 году сами болгары сдѣлали нападеніе на Устюгъ и обманомъ завладѣли имъ, напали также на Унжу, но тамошніе жители отбились. Какъ скоро усобица кончилась и во Владимірѣ сталъ спокойно владѣть Юрій Всеволодовичъ, онъ рѣшился свести счеты съ болгарами за Устюгъ и за Унжу. Въ 1220 году собрались на устьѣ Оки полки великаго князя и брата его Ярослава Череславскаго, а полки изъ Ростова и Устюга пробрались въ верховья Камы. Русскіе напали на болгаръ и на Волгѣ и на Камѣ. Этотъ набѣгъ изъ всѣхъ русскихъ набѣговъ на болгаръ былъ самый удачный и самый прибыльный. Зимой изъ Болгаріи пріѣхали во Владиміръ послы просить мира, но Юрій не соглашался и весной самъ выступилъ съ войскомъ въ Городецъ, намѣреваясь принять личное участіе въ нападеніи на богатую страну. На дорогѣ приходили къ нему еще послы, онъ и тѣхъ не послушалъ. Наконецъ въ Городецѣ пришли третьи послы, принесли великому князю богатые дары, и Юрій согласился на миръ. Но, на случай будущихъ предпріятій противъ болгаръ, онъ занялъ важный въ то время стратегическій пунктъ на устьѣ Оки, отправился туда изъ Городца и основалъ городъ, назвавъ его Новымъ Городомъ. Вислѣдствіи, для отличія отъ Новгорода-Ильменскаго, этотъ городъ стали называть Нижнимъ-Новгородомъ.

Это былъ первый шагъ русскихъ къ обладанію Мордвой. Естественно, что онъ повлекъ за собой непріязненные столкновенія. Взаимные набѣги продолжались однако недолго; вскорѣ и Русь, и Мордву, и бол-

гартъ постигла одинаковая участь: мечъ монголовъ прошелъ по землямъ ихъ.

Представивъ сухой переченьъ лѣтописныхъ сказаній о событіяхъ, предшествовавшихъ основанію перваго русскаго города въ землѣ мордовской, приведемъ какъ русскія, такъ и мордовскія преданія. Вотъ первое сказаніе, русское. Оно живетъ доселѣ въ памяти народной и найдено нами дѣтъ двадцать тому назадъ (1867) въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII столѣтія. Во времена стародавнія, гдѣ теперь стоитъ Нижній-Новгородъ, жилъ знатный, сильный мордвинъ, по имени Скворецъ. Онъ былъ другъ и товарищъ другому, такому же знатному, такому же сильному мордвину—Соловью, тому самому, что связанъ былъ Ильей Муромцемъ. Женился Скворецъ на восемнадцати женахъ, и родили онѣ ему семьдесятъ сыновей. Всѣ жили вмѣстѣ, занимались скотоводствомъ, пасли стада на горѣ и по вечерамъ гоняли ихъ на водою на Оку-рѣку. Тутъ же въ ущельѣ обиталъ чародѣй Дятель, тоже мордвинъ, тоже пріятель Соловью. И спросилъ Скворецъ Дятла о судьбѣ семидесяти сыновей своихъ. Отвѣчалъ Дятель: „Если дѣти твои будутъ жить мирно и согласно другъ съ другомъ, долго будутъ обладать здѣшними мѣстами, а поссорятся — будутъ покорены русскими. И тогда здѣсь, на устьѣ Оки, поставятъ русскіе городъ камень, крѣпокъ зѣло, и не одолѣютъ его силы вражескія“. И, сказавъ это пророчество, просилъ Скворца Дятель о честномъ ему погребеніи. Умеръ Дятель въ глубокой старости, и похоронилъ его Скворецъ на горѣ, на устьѣ Оки-рѣки; и прозвалось то мѣсто *Дятловой горы*. Затѣмъ померъ и Скворецъ, завѣщавъ семидесяти сыновьямъ своимъ миръ и согласіе. Сыновья и внуки Скворца жили хорошо между собою, но потомки ихъ размножились и стали враждовать другъ съ другомъ. И свершилось предреченіе чародѣя Дятла: одинъ святой князь, Андрей Боголюбскій, согналъ ихъ съ устья Оки, другой святой князь, Георгій, поставилъ на Дятловыхъ горахъ Нижній-Новгородъ. Съ нѣкоторыми измѣненіями легенда эта сохранилась въ устахъ народа. Но въ устномъ преданіи мордовскій патріархъ столь многочисленнаго семейства, владѣвшій устьемъ Оки, называется не Скворцомъ, а Соколомъ. Замѣчательно, что въ Нижнемъ-Новгородѣ, выше Дятловой горы (вверхъ по теченію Оки), подлѣ такъ-называемаго Гребешка, гора, отдѣляемая отъ сего послѣдняго оврагомъ, называется „Соколомъ“. Замѣчательно и то, что у некрещеной Мордвы до сихъ поръ сохраняется старинное ихъ обыкновеніе давать новорожденнымъ имена птицъ, какъ, напримѣръ: Торай (гусь), Тыръпырь (дикій голубь) и тому подобныя.

Другое русское преданіе о построеніи перваго города въ мордовской землѣ намъ не случилось видѣть въ старописьменныхъ книгахъ, и даже не знаемъ, записано ли оно было когда-нибудь. Вотъ оно: изъ-за Кудмы-рѣки мордвинъ Абрамка пришелъ на устье Оки и поселился на Дятловыхъ горахъ, поросшихъ дремучимъ лѣсомъ. Было у него четыр-

надцать сыновей и три дочери, и построилъ Абрамка семнадцать домовъ, тамъ, указываетъ мѣстный разсказъ, гдѣ находится теперь архіерейскій домъ. Это мордовское селеніе называлось „Абрамовымъ“, и Абрамка былъ „панкомъ“, то-есть правителемъ сосѣдней Мордвы (теріуханъ). Когда русскіе стали готовиться къ первому походу на Мордву, Абрамка укрѣпилъ свой городокъ, обнесъ его тыномъ и валами; въ немъ было тогда до пятисотъ человекъ. Въ городкѣ своемъ Абрамка устроилъ двое воротъ: одни съ южной стороны вала, широкія, съ дубовыми растворами, и завалилъ ихъ землей; другія—Тайницкія, у Коровьяго взвоза, на сѣверъ, изъ которыхъ ходили за водою на Волгу. Русскіе подошли къ Абрамову городку въ числѣ четырнадцати тысячъ и стали переговариваться съ Абрамкой:— „Уйди ты отъ устья Оки и давай князю нашему дань“. — „Я не князь мордовскій, а только выборный „панокъ“. — отвѣчала Абрамка:—меня Мордва не послушаетъ, а вотъ я соберу весь мордовскій народъ, поговорю съ нимъ и уговорю всю Мордву покориться русскому князю; только дай мнѣ сроку четыре года“. — „Не дамъ тебѣ четыре года, — отвѣчалъ русскій „мурза“:—а даю сроку четыре дня“. Абрамка согласился, оповѣстилъ ближайшую Мордву, и въ двѣ ночи черезъ Тайницкія ворота набралось въ его городокъ нять тысячъ Мордвы. На четвертый день условленнаго срока Абрамка велѣлъ раскопать засыпанныя землей ворота, и ударила Мордва на русскую рать. Но русскіе одолѣли, завладѣли городкомъ, сожгли его, разграбили, а жителей, которыхъ побили, которыхъ въ полонъ взяли. Самъ Абрамка былъ убитъ. Поставили русскіе свой городокъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ было *Абрамово городище*, а выше по теченію Оки, на мѣстѣ, которое приходится теперь супротивъ ярмарочнаго моста. Мордва, узнавъ о гибели панка Абрамки, и что городъ его и устье Оки заняты русскими, заволновалась, и шесть тысячъ мордовскихъ ратниковъ собрались отомстить за смерть своего „панка“ и выгнать русскихъ изъ земли своей. Русскихъ было только тысяча человекъ. Узнавъ о приближеніи Мордвы, они вышли навстрѣчу и бились съ нею около деревни Новой, иначе Щербинка, пробившись черезъ мордовскія полчища и черезъ Березполье уѣхали во Владиміръ. Русскіе были на коняхъ, а Мордва пѣшая, оттого она и не могла достигъ бѣжавшихъ русскихъ. Узнавъ объ этомъ, русскій великій князь самъ двинулся на Мордву и, завладѣвъ ихъ прибрежными мѣстами, основалъ Нижній-Новгородъ.

Отъ русскихъ преданій обратимся къ мордовскимъ. У племени теріуханъ, какъ ближайшаго къ Нижнему-Новгороду, сохраняется преданіе о первоначальномъ завладѣніи русскимъ княземъ Мурзою ихъ землями. Теріухане, какъ мы уже сказали выше, почти совершенно забыли свой языкъ. Они и пѣсни поютъ по-русски, и быліны свои сказываютъ на русскомъ языкѣ. Одну изъ такихъ былинъ священникъ села Сивухи, Рождественское тожъ, записалъ въ 1848 году и представилъ преосвященному нижегородскому Іакову, ревностно занимавшемуся собираніемъ

народныхъ сказаній во вѣрненной ему епархіи. Покойный пресвященный передалъ тамъ часть собранныхъ имъ, посредствомъ приходскихъ священниковъ, сказаній. Сказаніе о „мурзѣ“, московскомъ царѣ, увидишемъ на Дятловыхъ горахъ одѣтую въ бѣлые балахоны и молящуюся своему богу Мордву, и о томъ, какъ за дары этого русскаго „мурзы“, посланные модельщикамъ, старики мордовскіе послали хлѣбъ, соль и медъ, но молодые ребята, съѣвъ все это, поднесли „мурзѣ“ землю и песокъ, что онъ и принялъ за знакъ добровольнаго подчиненія мордовской земли его власти,—все это сказаніе носить на себѣ несомнѣнную печать древности. Приводимъ мордовскую былинку въ томъ видѣ, въ какомъ получили ее отъ покойнаго пресвященнаго Іакова:

На горахъ то было, на горахъ на Дятловыхъ,
Мордва своему Богу молится,
Къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняется.
Ѣдетъ мурза, московскій царь по Воложкѣ,
По Воложкѣ на камешкѣ.
Говоритъ мурза людямъ своимъ:
„Слуги вы мои вѣрные,
„Слуги вѣрные, неизмѣнные,
„Поглядите-ка, посмотрите-ка
„Вы на тѣ ли на горы на Дятловы,
„Что это за березникъ мотается,
„Къ землѣ-матушкѣ преклоняется?
„Вы, слуги мои, пойдите.
„Слуги вѣрные, доглядите,
„Что это за березникъ мотается,
„Мотается-шатается,
„Къ землѣ-матушкѣ преклоняется?“
Слуги пошли, доглядѣли,
Видятъ слуги: на горахъ на Дятловыхъ
Мордва въ бѣлыхъ балахонахъ стоитъ,
Стоитъ, своему богу молится,
Къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняется.
Слуги воротились,
Низко мурзѣ поклонились;
Говорятъ мурзѣ, московскому царю:
„То не березникъ мотается,
„Мотается-шатается,
„Къ землѣ-матушкѣ преклоняется,—
„То Мордва своему богу молится,
„Къ землѣ-матушкѣ преклоняется“.
Вопросилъ же ихъ мурза, московскій царь:
„Зачѣмъ же они кругомъ становятся,
„Съ чѣмъ же они молятся?“
Отвѣчаютъ мурзѣ слуги вѣрные:
„Стоять у нихъ въ кругу бадьи могучія,
„Съ суеломъ сладкимъ бадьи могучія,
„Въ рукахъ держать ковши завѣтные,
„Завѣтные ковши, большіе-набольшіе,
„Хлѣбъ да селъ на землѣ стоять,
„Каша да ячница на рычагахъ висять,

„Вода въ чанахъ кипить,
„Въ ней говядину янбедъ варить“.
И сказалъ слугамъ мурза, московскій царь:
„Слуги вы мои, подите,
„Слуги вѣрные, отнесите,
„Мордвѣ на молянѣ скажите:
„Вотъ вамъ боченокъ серебра, старики,
„Вотъ вамъ боченокъ злата, молеельщики,
„На мордовскій молянѣ такъ и ступайте,
„Старикамъ мордовскимъ серебро, злато отдайте“.
Вѣрные слуги отъ мурзы пошли,
Мурзинъ даръ старикамъ донесли;
Старики серебро, злато принѣли,
Суеломъ сладкимъ слугъ напоjali;
Слуги къ мурзѣ приходятъ,
Вѣсть мурзѣ приносятъ:
„Угостили насъ, напоили суеломъ сладкимъ,
„Накормили насъ хлѣбомъ мягкимъ“.
Мордовски старики отъ мурзы деньги получили,
Послѣ моляна судили, рядили:
Что намъ мурзѣ въ даръ дать.
Что московскому царю послать?
Меду, хлѣба, соли взялъ
Блюда могучія поклали,
Съ молодыми ребятами послали.
Молодые ребята, приуставши, сѣли,
Медъ, хлѣбъ да соль поѣли,
Говорятъ: „старики не узнають!“
Земли и желта песку въ блюда накладали,
Наклавши, пришли
И мурзѣ, московскому царю, поднесли.
Мурза землю и песокъ честно принимаетъ,
Крестится, Бога благословляетъ:
„Слава Тебѣ, Боже Царю,
„Что отдалъ въ мои руки мордовску землю!“
Поплылъ мурза по Воложкѣ,
По Воложкѣ на камушкѣ:
Гдѣ бросить земли горсточку —
Быть тамъ градечку;
Гдѣ бросить щепоточку,—
Быть тамъ селеньицу.

II.

Овладѣвъ устьемъ Оки, владимірскаго великаго князя Юрія Всеволодовича поневоля долженъ былъ продолжать покореніе земли мордовской. Почти каждый годъ ходили русскіе полки въ Мордву, опустошали ихъ селенія, сожигали и травили скотомъ заѣвныя мордовскія поля. Тѣспимая русскими, Мордва рѣшилась наконецъ отмстить за насилія; одни мордовскіе князьки или „панки“ собрались подъ начальствомъ Пургаса, жившаго недалеко отъ нынѣшняго города Кадома, на правомъ берегу рѣки Мокши; другіе, какъ, напримѣръ, Пуреша, приняли присягу на вѣрность русскому великому князю. Въ 1228 году, когда

самъ Юрій съ братомъ Ярославомъ и племянниками, сыновьями Константина Ростовскаго, пошелъ на Мордву въ окрестности Нижняго. союзникъ его, муромскій князь Юрій Давыдовичъ, вторгнулся зимой въ волости Пургаса и разорилъ ихъ. Мордва убѣжала въ лѣса и тамъ заперлась въ крѣпостцахъ своихъ („тверди“, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ). Не успѣвшіе укрыться погибли подъ мечами муромской рати. Пургасъ собрался съ силами и слѣдующимъ лѣтомъ отправился къ Нижнему, намѣреваясь разорить этотъ оплотъ русской силы въ мордовской землѣ, но жители едва возникшаго города отбились отъ мордовскаго князька. Съ большимъ урономъ отступилъ онъ къ себѣ на Мокшу, но на пути рать его была истреблена вѣрнымъ Юрію Пуршей; самъ Пургасъ едва спасся въ бѣгствѣ. Нашествіе монголовъ прекратило враждебныя столкновенія русскихъ съ Мордвой — и тѣ и другіе подпали подъ одну власть иноплеменнаго владѣтеля: и русскіе и мордовскіе князья одинаково сдѣлались подданныками монгольскаго хана.

Въ эпоху монгольскаго владычества Мордва жила попрежнему, занимаясь звѣроловствомъ въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, хлѣбопашествомъ на расчищенныхъ среди этихъ лѣсовъ полянахъ и бортевымъ пчеловодствомъ; мордовскіе ратники служили въ войскахъ хана и доставляли татарамъ звѣриныя шкуры, медъ и также соколовъ и кречетовъ для охоты. Но еще съ конца XIII столѣтія татары стали тѣснить Мордву; такъ, въ 1288 году сынъ Темира, князь Елартей, опустошилъ мордовскую землю. Съ половины XIV столѣтія Мордву стали тѣснить съ одной стороны татары, съ другой русскіе. Въ это время суздальскій великій князь Константинъ Васильевичъ перенесъ столицу свою въ Нижній-Новгородъ и оттѣснилъ Мордву отъ береговъ Оки, Волги и Кудмы въ Терюшевскіе лѣса и далѣе, а на опустѣлыя ихъ селища поселилъ русскихъ людей. Привлекаемые льготами, которыя предоставлялъ переселенцамъ Константинъ Васильевичъ, русскіе люди стекались на берега Оки, Волги и Кудмы и селились, гдѣ кто хотѣлъ, на мѣстахъ разоренныхъ мордовскихъ селеній. Приходили сюда русскіе не только изъ Суздаля, вотчины Константиновой, но и изъ разныхъ другихъ княженій. Константинъ Васильевичъ былъ по личнымъ своимъ достоинствамъ гораздо выше всѣхъ другихъ современныхъ ему князей. „Княжилъ онъ честно и грозно, — говорить о немъ лѣтописецъ: — бороня вотчину свою отъ татаръ и отъ сильныхъ князей“. Подъ покровительство такого князя снѣшли русскіе изъ разныхъ городовъ, избѣгая господствовавшихъ тамъ княжескихъ усобицъ и насилій татаръ, которые, какъ видно, не смѣли хозяйничать по-своему въ областяхъ нижегородскаго великаго князя. Такимъ образомъ въ половинѣ XIV столѣтія колонизація русскихъ въ нынѣшнюю Нижегородскую губернію положила начало обрусѣнію этого края. Мордва же, оттѣсненная новыми пришельцами, запряталась въ дремучихъ лѣсахъ, укрѣплялась тамъ въ своихъ „твердыхъ“, а которая была поближе къ русскимъ селеніямъ, стала давать дань князьямъ нижегородскимъ.

Подчиняясь такимъ образомъ вліянію болѣе могущественнаго племени, Мордва стала понемногу русѣть, но жившая въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ, подстрекаемая татарами, не терпѣла русскихъ, какъ своихъ притѣснителей, и постоянно враждовала съ ними. При вторженіяхъ татаръ въ русскія области, изъ этой Мордвы обыкновенно являлись путеводители, указывавшіе только имъ однимъ извѣстныя дороги по лѣснымъ дебрямъ. Во время такихъ нашествій мордва обыкновенно „какъ волки за полками“ слѣдила за татарскою ратью и грабила то, чего не успѣли или не хотѣли ограбить татары. Такъ, въ 1377 году Алабуга и другіе мордовскіе князьки навели татаръ на рать нижегородскую, безопасно предавшуюся разгулу на берегахъ Пьяны, а когда татары, разбивъ безпечныхъ и разоривъ Нижній-Новгородъ, ушли во-свои-си, Мордва бросилась опустошать беззащитныя русскія деревни Поволжья. Зато и русскіе не оставались въ долгу и мстили жестоко. Такъ, князь Борисъ Городецкій, мстя за опустошенія Мордвою Поволжья въ 1377 году, нагналъ Алабугу и другихъ мордовскихъ князьковъ, перетопилъ ихъ въ Пьянѣ, а слѣдующею зимой, при помощи московской рати, присланной Донскимъ, опустошилъ землю мордовскую, разорилъ всѣ тамошнія зимницы и привелъ въ Нижній огромный полонъ. Добычу раздѣлили, а плѣнниковъ волочили по льду Волги, травили собаками и казнили разными муками.

Въ то же время, то-есть въ половинѣ XIV столѣтія, другое племя Мордвы, мокшане, подверглось сильному вліянію татаръ. Во время возникшихъ въ Ордѣ междоусобій мурза Тагай изъ Бездежа завладѣлъ Мордвой, жившею въ нынѣшней Пензенской губерніи, и утвердился въ городѣ Наровчатѣ. Такимъ образомъ произошла „Наровчатская орда“, состоявшая собственно изъ мокшанъ.

Другіе мокшане, жившіе отъ Наровчатской орды далѣе къ западу, также подпали подъ власть особыхъ татарскихъ владѣтелей. Подчиненные прежде рязанскимъ князьямъ, имѣвшимъ свои крѣпостцы въ мордовской землѣ еще въ первыхъ годахъ XIII столѣтія, мокшане, жившіе по рѣкѣ Мокшѣ и ея притоку Цнѣ, благодаря монгольскому нашествію, высвободились изъ-подъ вліянія рязанскихъ великихъ князей, но подпали подъ власть татарскаго выходца изъ Большой-Орды, ширинскаго князя Бахмета, сына Хуссейнова, въ 1298 году. Сынъ его Беклемишъ крестился, нареченъ былъ Михайломъ и сдѣлался родоначальникомъ князей Мещерскихъ, владѣвшихъ Мордвой до 1380 года, когда правнукъ Беклемиша, князь Александръ Уковичъ, или Юрьевичъ, продалъ зацинскую Мордву Дмитрію Донскому. Впослѣдствіи въ мордовской землѣ возникли даже особыя небольшія татарскія владѣнія, въ родѣ нашихъ удѣловъ. Владѣтелями (мурзами) были большею частью ордынскіе выходцы, сначала зависимые отъ хана и по распаденіи Орды независимые; нѣкоторые изъ нихъ принимали христіанство, усваивали русскую народность, которую и распространяли между подвластною имъ

Мордвой. Такъ, мы знаемъ, что на мѣстѣ нынѣшней Саровской пустыни былъ городокъ Сараклычъ, гдѣ жили татарскаго происхожденія князья, владѣвшіе окрестною Мордвой. Другой такой же мурза жилъ въ селѣ Тюменевѣ, Елатомскаго уѣзда; остатки его укрѣпленій доселѣ замѣтны и извѣстны подъ названіемъ „Тюменева городища“. На берегу Тѣши, въ Саканяхъ, жилъ также мордовскій владѣтель и имѣлъ тутъ городокъ, остатки валовъ котораго сохранились до нашего времени. На берегу Мокши былъ городокъ Стельдема, гдѣ владѣли мурзы изъ роду Бедишевыхъ. Верстахъ въ десяти отъ нынѣшняго города Темникова, ниже по теченію Мокши, есть селеніе Городище; тутъ до 1535 года былъ городъ Старый-Темниковъ, въ которомъ были мурзы Еникѣвы и Тенишевы, выходцы изъ Астрахани, пачальствовавшіе темниковскою Мордвой. Арзамасъ, нынѣ уѣздный городъ Нижегородской губерніи на рѣкѣ Тѣшѣ, считается столицей племени Эрдзя и, по всей вѣроятности, есть тотъ самый городъ Арса, о которомъ упоминаетъ Ибнъ-Фоцданъ. Мѣстныя преданія говорятъ, что въ 1245 году, въ 26 верстахъ отъ Арзамаса, гдѣ находится теперь деревня Вторусская, населенная обрусѣвшею Мордвой, жилъ мордовскій князекъ Тѣшъ, поселившійся съ сыновьями своими на берегу рѣки, получившей его имя. Шелайко, старшій сынъ Тѣша, поселился на рѣкѣ Шамкѣ, впадающей подъ Арзамасомъ въ Тѣшу; другой сынъ, Акшейко — на ручьѣ Сорокѣ, протекавшемъ прежде внутри теперешняго города; Михалко — на протокѣ Михайловомъ, что въ верстѣ отъ города Арзамаса, и Кусилко — на горѣ Киселевой. Селенія, построенныя сыновьями Тѣша, распространяясь, со временемъ слились въ одно и составили городъ Арзамасъ. Другіе рассказываютъ, что въ старину жили тутъ два брата, Арса и Маса, построившіе городъ. Но какъ бы то ни было, во время похода Іоанна Грознаго на Казань, въ 1552 году, Арзамасъ былъ мордовскій городъ, въ которомъ сидѣли не татарскіе, но собственные мордовскіе князьки, управлявшіе окрестною Мордвой. До половины XVI столѣтія Арзамасъ писался „Мордовскимъ Арзамасовымъ городищемъ“. На рѣкѣ Тѣшѣ, тамъ, гдѣ теперь находится село Собакино (Арзамасскаго уѣзда), также былъ городокъ, въ которомъ имѣли пребываніе мордовскіе князьки. Село это до 1572 года, когда пожаловано Грознымъ шурину своему по третьему браку, кравчему Калисту Васильевичу Собакину, считалось въ числѣ дворцовыхъ и писалось: „село на Мордовскомъ городищѣ“. Собакинымъ названо оно по имени Калиста Собакина. На Алебастровой горѣ у рѣки Шьяны, близъ села Борнукова, извѣстной замѣчательною своею пещерой, описанною Палласомъ, мѣстность называется „Городищемъ“, и преданіе говоритъ, что тутъ сидѣли въ старину мордовскіе князьки или „пашки“. Въ Ардаговѣ (Симбирской губерніи), что на рѣкѣ Алатырѣ, былъ также городъ, и жившіе въ немъ князья мордовскаго происхожденія, Еделевы, правили сосѣднею Мордвой. Конечно, кромѣ указанныхъ здѣсь мурзъ или

князьковъ, владѣвшихъ Мордвой, много было ихъ и по другимъ мѣстамъ, но о нихъ мы не имѣемъ подъ рукою извѣстій. Впослѣдствіи, въ актахъ XVI и XVII столѣтій, нерѣдко встрѣчаются упоминанія о мурзахъ татарскихъ и мордовскихъ, которые служили въ войскахъ московскихъ государей. Мурзы въ XVI и XVII столѣтіяхъ все окрестились, а нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались и русскими помѣщиками. Размножаясь, они дѣлили землю свою между наслѣдниками, и отъ того потомки мурзъ до того обдѣлѣли, что многие изъ нихъ вошли въ составъ крестьянства. Несмотря на свою обдѣдность, потомки мордовско-татарскихъ мурзъ до сихъ поръ однако удержали княжескій титулъ, хотя и не были никогда признаны въ этомъ достоинствѣ и никогда не имѣли права на титулъ „сіятельства“, которымъ пользуются даже въ официальныхъ бумагахъ. Они все крещены еще въ XVII столѣтіи и тогда же обрусѣли.

Современное подчиненіе Мордвы русской власти относится ко времени покоренія Казани царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Во время его похода на Казань въ 1552 г. въ войскахъ нашихъ была темниковская Мордва съ своимъ княземъ изъ рода Еникѣевыхъ. Въ разныхъ селеніяхъ на пути царя Ивана Васильевича, въ нынѣшнихъ Нижегородской и Симбирской губерніяхъ, до сихъ поръ сохраняются преданія, что тутъ жила Мордва, покорно встрѣтившая московскаго царя, принесшая ему чашки съ землей и пескомъ, что означало добровольное покореніе, и тогда же крестившаяся. Иванъ Васильевичъ строилъ новокрещеннымъ церкви и жаловалъ ихъ иконами, иконостасами, царскими вратами и т. п. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ того края доселѣ показываютъ иконы, будто бы данныя Грознымъ, хотя и трудно согласиться, чтобъ онѣ были такъ древни. Вообще въ мѣстностяхъ, населенныхъ какъ обрусѣлою, такъ и необрусѣлою еще Мордвой, сохраняется свѣжая память о Грозномъ. О немъ поются пѣсни, о немъ разсказываются преданія; происхожденіе каждаго кургана, насыпаннаго въ степи, приписывается въ тѣхъ мѣстахъ царю Ивану Васильевичу: это онъ войско свое считалъ, говорятъ туземцы, каждый воинъ насыпалъ шапку земли на мѣстѣ ночлега, и по высотѣ насыпанныхъ ратниками бугровъ московскій государь дѣлалъ смѣту своему войску. Много былинъ распѣвается обрусѣлою Мордвой того края о Грозномъ царѣ; распѣваются онѣ и русскими, и каждая изъ нихъ начинается обыкновенно словами:

Грозенъ былъ воинъ царь, нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ.
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ-силою
Онъ прошелъ землю мордовскую,
Себѣ царство взялъ Казацкое,
Мимоходомъ Астраханское,
Вывелъ Перфила изъ Новагорода,
Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ.

Даже приведенную нами выше былинку, бесспорно относящуюся къ первому занятію русскимъ устья Оки, Мордва относитъ къ царю Ивану Васильевичу, разумѣя его подъ именемъ „мурзы, московскаго царя“.

Утвердивъ власть свою надъ Казанью и Астраханью, Иванъ Васильевичъ сдѣлался обладателемъ всѣхъ инородцевъ, обитавшихъ въ областяхъ, павшихъ подъ ударами его татарскихъ царствъ. Черемиса, чуваша (Горная Черемиса) и Мордва волей-неволей должны были признать надъ собой власть московскаго государя. Мы видимъ, что эти инородцы, равно какъ и татары, являются въ рядахъ русскихъ войскъ во время борьбы Грознаго съ западными сосѣдями. Одною изъ главныхъ заботъ Ивана Васильевича было обрусѣніе подпавшихъ подъ власть его инородцевъ. Средствомъ для выполненія этой важной государственной цѣли было распространеніе между полудикими племенами христіанской вѣры. И мы видимъ, что Иванъ Васильевичъ и потомъ Годуновъ принимали для распространенія христіанства самыя энергическія мѣры. Крещеніе было насильственное, сопровождаемое разрушеніемъ мечетей у магометанъ, кладбищъ, керметей, священныхъ рощъ и т. п. у язычниковъ. Оставляя въ сторонѣ обращеніе въ христіанство племень мусульманскихъ, а равно черемисъ, чувашъ, вотяковъ и другихъ, упомянемъ о средствахъ, которыя употребилъ Иванъ Васильевичъ относительно Мордвы. Мы принимаемъ за основаніе еще неизданные документы.

Въ архивѣ арзамаскаго уѣзднаго суда сохранилось нѣсколько любопытныхъ актовъ XVII и даже XVI столѣтія. Въ числѣ ихъ находится грамота царя Василя Ивановича (Шуйскаго) къ арзамаскому воеводѣ Тимоею Лазареву отъ 12-го апрѣля 1608 года, за скрѣпой дьяка Герасима Мартемьянова, о выдѣлѣ дьяку Петру Викулну части владѣній княгини Агаѣи Шейсуповой. Въ этой грамотѣ сказано, что село Казаково, доселѣ существующее въ Арзамаскомъ уѣздѣ и населенное русскими, происходящими отъ обрусѣлой еще безъ малаго триста лѣтъ тому назадъ Мордвы, было искони вотчиной мордовскихъ князей. Но такъ какъ всѣ вотчины мордовскихъ князей, сказано въ той грамотѣ, вельно по прежнему уложенію (царя Ивана Васильевича) „раздать боярамъ въ раздачу для крещенія Мордвы“, то Казаково по жребію досталось князю Шейсупову, который, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ 93 года (1585 года), построилъ въ немъ церковь великомученика Георгія. Такимъ образомъ искони вольная Мордва, ради крещенія, вѣрище сказать, ради обрусѣнія, поступила въ частное владѣніе служивыхъ людей московскаго государства.

Дикіе инородцы, подчиненные прежде Казани, старались-было свергнуть власть московскаго государя. Послѣдоваль цѣлый рядъ возмущеній, извѣстныхъ подъ именемъ черемисскихъ бунтовъ, продолжавшихся при Грозномъ и при Феодорѣ Ивановичѣ. Но Мордва не поднималась противъ русскихъ, ея крещеніе и обрусѣніе шли съ успѣхомъ. Для

большаго успѣха мордовскія села стали раздавать монастырямъ, въ той надеждѣ, что духовныя власти еще ревностиѣе позаботятся объ ея крещеніи, чѣмъ служилые люди. Окрестившимся давали важныя льготы отъ податей, но эти льготы оставались ненадолго: затруднительныя обстоятельства смутнаго времени требовали много денегъ и хлѣбныхъ запасовъ, льготы были нарушены, съ тѣхъ поръ и смирная дотолѣ Мордва возмущалась. Это послѣдовало въ то время, когда явился второй Лжедмитрій и противъ царя Шуйскаго возстали разные города. Подстрекаемая сторонниками Тушинскаго вора, Мордва возмущалась, соединилась съ шатавшимися холопами, бортниками, недовольными тяжкимъ положеніемъ своимъ крестьянами, и пристала къ такъ-названной современниками „вольницѣ“, ходившей изъ мѣста въ мѣсто и грабившей гдѣ и кого было можно. Мордва забунтовала отъ Нижняго до Алатыря, нападала на проѣзжавшихъ по большимъ дорогамъ, ловила царскихъ гонцовъ, посылаемыхъ изъ Москвы въ Нижній, Казань, Вятку и въ другіе города понизовые, и отправляла ихъ къ Самозванцу. Мордовская вольница выбрала изъ среды своей предводителей Москова и Вокардина. Они явились подъ Нижнимъ, остававшимся вѣрнымъ царю Василю. Не имѣя огнестрѣльнаго оружія, мордовскіе выборные опустошили русскія деревни, сожгли верхній посадь города, но, не могли взять Кремля и не имѣя лодокъ, не причинили вреда нижнему посаду, доступному лишь съ Оки и Волги. Долго стояла Мордва подъ Нижнимъ. Узнавъ, что Васильевъ воевода, князь Иванъ Михайловичъ Воротынский, идетъ на Арзамасъ, она бросилась назадъ спасать въ лѣсахъ свои семейства и пожитки. Воротынскій разсѣялъ толпы *выборныхъ мордовскихъ* людей Москова и Вокардина, возстановилъ власть царя Василя, усмирялъ вольницу: она бросилась внизъ по Волгѣ, другая часть ея черезъ Мещеру ушла къ Тушинскому вору.

Мордва не успокоилась; въ окрестностяхъ Нижняго, Арзамаса, Курмыша, Ядрина и Алатыря скрывалась въ лѣсахъ и оврагахъ и въ продолженіе всего 1607 года то и дѣло напала небольшими толпами на войска царя Василя, грабила русскія деревни, подступала и къ самымъ городамъ. По дорогамъ не было ни прохода ни проѣзда отъ Мордвы. Въ 1608 году Алатырь, Курмышъ, Ядринъ, Арзамасъ, Темниковъ и Касимовъ приняли сторону Тушинскаго вора, и тотчасъ же поднялись всѣ инородцы: мордва-эрзяне, мордва-мокшане, черемисы, чуваша, вотяки. Вояринъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ изъ Казани двинулся съ понизовою ратью на возмущившихся. Мордва-мокшане съ своими князиками Еникѣевымъ, Шугуровымъ и Смиленевымъ пошли навстрѣчу Шереметеву, а эрзяне и терюхане подъ начальствомъ измѣнчившаго царю Василю арзамасскаго воеводы Тимофея Лазарева пристали къ тушинскому воеводѣ князю Семену Вяземскому, шедшему съ тушинцами и ляхами на Нижній. Вяземскій послалъ къ Шугурову и Смиленеву приказъ, чтобъ они отнюдь не вступали съ Шереметевымъ въ рѣшитель-

ный бой, но чтобы Мордва раздѣлилась на малые отряды и чаще безпокоила набѣгами понизовую рать. Расчетъ былъ тотъ, чтобы замедлить походъ Шереметева и, пока онъ не поднимется къ Нижнему, овладѣть городомъ. Нижній былъ осажденъ, но въ январѣ 1609 года нижегородцы выступили навстрѣчу тушинцамъ и Мордвѣ, верстахъ въ десяти отъ города напали на нихъ и совершенно разсѣяли. Обоихъ воеводъ, князей Вяземскаго и Лазарева захватили въ плѣнъ и повѣсили на нижнемъ базарѣ, не считая нужнымъ не только испрашивать на то дозволенія московскаго царя, но даже и увѣдомлять его о совершенной народомъ казни. По мѣстному преданію, нижегородцы побили ляховъ и ихъ сообщниковъ тамъ, гдѣ теперь находится село Ляхово, названное этимъ именемъ, потому что стоитъ на костяхъ ляховъ. Въ прежнее время, сказываютъ, здѣсь на пашняхъ выпахивали человѣческія кости; теперь объ этомъ давно не слышно. Мордва-мокшане, предводительствуемые своими князьками Еникѣевымъ, Шугуровымъ и Смиленевымъ, соединившіеся-было съ черемисами и чувашами и предводимые тушинскими воеводами, потерпѣли ту же участь. Шереметевъ разбилъ ихъ 22-го декабря 1608 года у Чебоксаръ, но отступилъ; въ другой разъ онъ нанесъ мятежникамъ болѣе сильное пораженіе подъ Свіязскомъ, 1-го января 1609 года. „И тогали ихъ, и кололи, чѣбъ свиней, и трупы ихъ положили на семи верстахъ“, доносилъ Шереметевъ царю Василию Шуйскому. Мордва разсѣялась, но черемисы и чувашы съ своими князьками Елшаемъ Такшейковымъ и Еникѣемъ Коииковымъ успѣли перелѣзть на луговую сторону Волги, овладѣли Царевококшайскомъ, разорили Котельничъ. Вятскій воевода князь Ухтомекій освободилъ Котельничъ, разсѣялъ инородцевъ, но черемисы и чувашы долго-долго еще и послѣ того грабительствовали въ области Вятской. Разсѣявшаяся по берегамъ Мокши, Суры и Алатыря Мордва до самаго усмиренія земли русской производила грабежи. Въ 1614 г. ногайскій владѣтель Иштерьякъ, союзникъ Заруцкаго, послалъ-было въ русскія области 20.000 воиска; оно подступило къ Алатырю. Мордва тотчасъ же по приближеніи ногаевъ снова возстала повсемѣстно и впереди ихъ двинулась на Нижній. Воеводы царя Михаила Фѣдоровича, князья Сулешевъ и Барятинскій бились съ иштерьяковыми ногаями, но безъ успѣха; наконецъ Иштерьякъ примирился съ царемъ, ногаи возвратились во свояси, Мордва утихла, но еще не скоро вполне успокоилась.

Хотя въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія вооруженныя возстанія инородцевъ и прекратились, однако долго еще послѣ того не водворилось между ними совершеннаго спокойствія. Въ дальнихъ мѣстахъ, за Волгой и за Камой, время отъ времени происходили черемисскіе и башкирскіе бунты, въ областяхъ ближнихъ, населенныхъ преимущественно Мордвой, хотя открытыхъ возмущеній въ большихъ размѣрахъ и не бывало, но упорство въ неплатежѣ податей (ясака), хлѣбныхъ, стрѣлцкихъ и другихъ денежныхъ сборовъ вынуждало правительство

къ принятію мѣръ строгихъ. Къ этому присоединились насилія воеводъ и другихъ служилыхъ людей, особенно тѣхъ, которые собирали подати на государя. Мордва, бѣгая изъ деревень, стала укрываться въ лѣсахъ, стала уходить внизъ по Волгѣ и селиться тамъ на пустыхъ земляхъ, стала уходить по окрестностямъ въ имѣнія монастырскія и богатыхъ, сильныхъ вліяніемъ своимъ при дворѣ вотчинниковъ. Такъ, въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича много Мордвы поселилось въ вотчинахъ Троицкаго Сергіева монастыря и въ вотчинахъ боярина Бориса Ивановича Морозова, потому что этотъ монастырь и этотъ бояринъ, царскій своякъ и другъ, въ обиду своихъ крестьянъ никому не давали.

Послѣ смутнаго времени народу было очень тяжело. Для усмиренія внутреннихъ мятежей и смуты, на войну со шведами и Польшею надо было много денегъ, а царская казна была истощена, накопленныя же вѣками сокровища, которыя бы можно было, въ крайности, обратить въ деньги, были расхищены въ безгосударное время, когда поляки хозяйничали въ московскомъ Кремлѣ. Пришлось усиливать налоги, съ торговыхъ и промышленныхъ людей брать „пятую деньгу“ на жалованье ратнымъ людямъ, а съ крестьянъ собирать хлѣбомъ и другими припасами на продовольствіе войска, а также взимать съ нихъ ямскія деньги и другія денежныя повинности. Главная тягость падала такимъ образомъ на сельское населеніе. Къ тягостямъ государственнымъ присоединились тягости другого рода; сборщики податей, разбѣзжая по городамъ и селеніямъ, дѣлалъ жителямъ немало притѣсненій. Съ Мордвой же, какъ и съ другими инородцами, обращались они особенно строго, даже враждебно: забирали у нихъ безъ разбору хлѣбъ, домашній скотъ и проч., продавали все это на торгахъ, частью на пополненіе казенныхъ недоимокъ, а частью въ собственную пользу. Разоренная Мордва бѣгала въ лѣса или внизъ по Волгѣ, оставляя поля нескатыми, луга некошенными, медъ въ бортияхъ неломаннымъ; но сборщики податей, забирая оставленное Мордвой добро, ловили изъ нихъ кого попадо и, отвозя въ городъ, становили на правежъ.

Въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ сохранился отрывокъ изъ розыскаго дѣла о Петрѣ Корсаковѣ, что осенью 1630 года съ подьячимъ Дружиной Огарковымъ ѣздилъ въ Нижегородскую область „сыскивать про бѣглую Мордву“ и вмѣсто того, чтобы разобрать дѣло, дѣлалъ ей большія насилія и притѣсненія. Сборъ ямскихъ денегъ до того разорилъ Мордву, что лѣтомъ 1639 года, не дождавшись уборки хлѣба, все племя терюханъ и значительная часть эрдзянъ, обитавшихъ около Арзамаса, покинувъ деревни и поля, забрали скотъ и какую можно было домашнюю рухлядь и разсыпались по дремучимъ лѣсамъ Муромскимъ, Салавирскимъ, по рѣкѣ Сережѣ, нѣкоторые бѣжали въ лѣса Заволжья, другіе же сѣли въ лодки и поплыли внизъ по Волгѣ. Изъ Нижняго и Арзамаса посланы были стрѣльцы и пушкаріи выгонять Мордву изъ лѣсовъ и силой заставлять ихъ жать и молотить хлѣбъ. Но

посланные не могли проникнуть въ лѣсныя чащи, нахватали нѣсколько отставшихъ бѣглецовъ и пополнили ими нижегородскія и арзамасскія тюрьмы. Урожай въ тотъ годъ былъ необыкновенно обилень, но удивившійся въ изобилии хлѣбъ долженъ былъ погибнуть необраннымъ. Нижегородскій воевода доносилъ объ этомъ въ Москву, а между тѣмъ послалъ въ мордовскія деревни стрѣльцовъ изъ Нижняго. Набольшими у нихъ были: пушкаръ Антонъ Молочницынъ да стрѣлецъ Захаръ. Эти люди, по тогдашнему обычаю, захотѣли отъ того дѣла покормиться, стали хватать Мордву и бортниковъ и ихъ „для своей бездѣльной корысти мучили и связанныхъ въ подполья метали“, собирали съ нихъ большія деньги на себя и тѣмъ еще больше озлобили недовольныхъ: побѣги въ лѣса и внизъ по Волгѣ на небольшихъ судахъ усилились пуще прежняго. Между тѣмъ изъ Москвы пришло распоряженіе убрать мордовскій хлѣбъ и взять его въ казну: „и тотъ мордовскій опальный хлѣбъ всякими окольными людьми убрать и стеречь“. Для распоряженій по этому предмету, а также для изслѣдованія, отчего Мордва разбѣжалась, — отъ платежа ли ямскихъ денегъ или отъ обидъ и налоговъ, — посланы были сыщики Петръ Корсаковъ да Дружина Огарковъ. Корсаковъ сошелся съ пушкаремъ Молочницынымъ и вмѣстѣ съ нимъ, разъѣзжая по мордовскимъ селеніямъ, хваталъ, кто ни попадался, — не только Мордву, но и русскихъ, — вымогалъ отъ нихъ для себя кормы и деньги. Сначала Корсаковъ поселился въ мордовской деревнѣ Большой-Вадъ. Здѣсь дѣла начались тѣмъ, что Молочницынъ нижегородскихъ ямскихъ проводниковъ, привезшихъ въ Вольшой-Вадъ Корсакова, связалъ по рукамъ и по ногамъ и бросилъ въ подполье, требуя и съ нихъ денегъ. Затѣмъ произошелъ цѣлый рядъ насильствъ. Подьячій Огарковъ поссорился съ Корсаковымъ, и Корсаковъ, вмѣстѣ съ пушкаремъ Молочницынымъ, со стрѣльцомъ Захаромъ и съ своими людьми, подьячаго обругалъ, избилъ, бороду у него выдралъ, а когда Дружина убѣжалъ въ свою избу и заперся, бралъ ту избу приступомъ и бревнами вышибалъ изъ нея окна. Огарковъ бѣжалъ съ царской службы и отправился къ своимъ родственникамъ въ Курмышскій и Алатырскій уѣзды. Затѣмъ, воротясь, сталъ метить свою обиду: съ набранными людьми, вооруженными пищалями, саблями и ослопами, пришелъ въ Большой-Вадъ ко двору Корсакова, людей его избилъ ослопомъ, а самого ранилъ. Во время такихъ не порядковъ жали мордовскій хлѣбъ, но многіе окольные люди откупились отъ работы, а которые не хотѣли давать денегъ (рублей по 30 и болѣе — сумма чрезвычайно значительная по тому времени), тѣхъ били, мучили и связанныхъ метали въ подполья. Хотя мордовскій хлѣбъ жали даже и подъ снѣгомъ, но далеко не весь сняли. Мордва разбѣжалась окончательно, бѣжали изъ Нижняго и бывшіе тамъ въ тюрьмѣ и на правекѣ, въ лѣсахъ подѣлали они землянки, засѣли въ берлоги и прожили въ нихъ даже во время трескучихъ морозовъ. Множество Мордвы въ это время

перемерло, особенно женщинъ и малыхъ дѣтей. Узнали про все это въ Москвѣ, прислали новыхъ сыщиковъ, Семена Игнатьевича Болговскаго да подьячаго Нечаева. Намъ неизвѣстно, что сдѣлали эти новые сыщики.

Черезъ все XVII столѣтіе продолжаютъ стѣпенія Мордвы, то и дѣло заставлявшія ее бѣгать изъ мѣстъ своего жительства. Къ тяжкимъ податямъ, къ налогамъ, къ обидамъ воеводскимъ и разныхъ другихъ служилыхъ людей, со временъ патріарха Никона, присоединились еще новыя бѣды для Мордвы — насильственное обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру. Мы уже замѣтили, что царь Иванъ Васильевичъ раздавалъ вольную дотолѣ Мордву боярамъ и монастырямъ для крещенія. Въ царствованіе его и Федора Ивановича посредствомъ такой мѣры немало Мордвы обращено было въ христіанство, и вслѣдъ затѣмъ она до того обрусѣла, что черезъ столѣтіе послѣ „казанскаго взятъя“ во внукахъ и правнукахъ, крещенныхъ по волѣ Грознаго, трудно было узнать мордовскихъ потомковъ. Тогда иноки Троицкаго Селижарова монастыря были отправлены въ качествѣ миссіонеровъ для крещенія казанской Мордвы и немало обратили ея въ христіанство. Тогда иноки Саввина Сторожевскаго монастыря устроили миссіонерскій станъ на берегу рѣки Мокши для крещенія темниковской или Еникѣевой Мордвы; изъ этого стана вскорѣ образовался Пурдышевскій-Рождественскій монастырь, которому также дана была во владѣніе часть темниковской Мордвы, съ условіемъ окрестить ее. Пурдышевскіе монахи окрестили не только принадлежавшихъ ихъ монастырю по вотчинному праву язычниковъ, но распространили христіанство почти по всей темниковской Мордвѣ. Въ главнѣйшемъ мѣстѣ эрдзядовъ, въ Арзамасѣ, по повелѣнію царя Ивана Васильевича, былъ построенъ Спасскій монастырь, и доселѣ существующій. Ему, при первомъ еще настоятелѣ его Сергѣи (ум. 1588), отданы были во владѣніе „царскія мордовскія вотчины“: Ивановское съ деревнями Чернухою, Орѣховскою и проч. Монахи усердно стали крестить своихъ крестьянъ, но до смутнаго времени и сопровождавшаго его возмущенія Мордвы, кажется, не имѣли большихъ успѣховъ. Зато, какъ скоро въ Нижегородской области и вокругъ Арзамаса спокойствіе было восстановлено, спасскіе монахи ревностно принялись за крещеніе Мордвы. Особенно отличился въ этомъ дѣлѣ игуменъ Іовъ, бывшій въ Арзамасѣ съ 1628 года по 1638 и потомъ переведенный въ московскій Новоспасскій монастырь. Арзамасская Мордва, не стерпѣвъ притѣсеній отъ спасскихъ монаховъ, разбѣжалась и поселилась на мѣстахъ пустыхъ, никому тогда не принадлежавшихъ, на рѣчкѣ Ковакѣ, но Іовъ успѣлъ воротить ее и окрестить. Къ концу XVII столѣтія значительная часть арзамасской Мордвы, будучи окрещена, совершенно обрусѣла. На берегахъ Суры также монахи крестили Мордву. Какъ и въ Арзамасѣ, царь Иванъ Васильевичъ устроилъ въ городѣ Алатырѣ монастырь Троицкій и далъ ему во владѣніе Мордву,

ради крещенія. Миссіонерская дѣятельность алатырскихъ монаховъ, которые, обративъ свою Мордву, принялись и за чужую, не понравилась инородцамъ. Они долго терпѣли, но, какъ скоро въ смутное время земля замутилась, алатырская Мордва прежде всего захотѣла свести старые счеты съ монахами. Игумена „посадили въ воду“, то-есть утопили въ Сурѣ; монахи выбрали другого — и ему та же участь; выбрали третьяго — Мордва, ворвавшись въ монастырь, скинула его съ башни, зарѣзала одного іеромонаха, разогнала остальную братію, разграбила монастырь и, захвативъ все жалованныя ему грамоты, завладѣла его вотчинами. Оставшіеся монахи просили властей Троицкаго Сергіева монастыря, архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына, чтобъ ихъ монастырь былъ приписанъ къ нимъ. Въ 1615 году царь Михаилъ Федоровичъ согласился на то. Троицкія власти послали въ Алатырь своихъ миссіонеровъ, которые повели дѣло лучше: нѣкоторые мордвини даже сами стали просить о крещеніи. Такъ, въ 1619 году одинъ мордвинъ далъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь вкладъ, прося за то его окрестить. Тогда же мордвинъ, названный во св. крещеніи Тихономъ, отдавая Троицкому Сергіеву монастырю свою родовую вотчину Кирмальскій-Ухожей, самъ просилъ о водвореніи его между христіанами, „чтобъ ему христіанскія вѣры не отбыти“.

Когда патріархъ Никонъ принялъ въ свое управленіе русскую церковь, онъ съ извѣстною, ничѣмъ неудержимою ревностью сталъ заботиться о церковныхъ исправленіяхъ. Обращеніе язычниковъ въ христіанство сильно его озабочивало. Особенно же заботился онъ о крещеніи и обрусѣніи Мордвы. Никонъ самъ былъ мордовскаго происхожденія, сынъ обрусѣлаго мордвина Мины, крестьянина села Вельдеманова. Онъ лучше другихъ понималъ, что обращеніе въ православную вѣру его родичей можетъ и должно сдѣлать изъ нихъ совершенно русскихъ людей. Съ этою цѣлью „собиный другъ“ царя Алексѣя Михайловича, еще будучи новгородскимъ митрополитомъ, уговаривалъ царя назначить извѣстаго ему іеромонаха новгородскаго Деревяницкаго монастыря, Мисаила, рязанскимъ архіепископомъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ обращалъ Мордву племени мокшанъ, менѣе эрзядовъ обрусѣвшую, въ христіанство. Въ 1651 году, апрѣля 13-го, Мисаиль былъ рукоположенъ въ рязанскіе архіереи и немедленно принялся за обращеніе Мордымокшанъ, а также татаръ въ христіанство. Въ три года онъ въ Шацкомъ и Тамбовскомъ уѣздахъ окрестилъ 4.200 человекъ и послѣ того просилъ у Никона разрѣшенія вновь отправиться въ мордовскій край и къ касимовскимъ татарамъ, чтобъ окрестить и остальныхъ. Никонъ благословилъ его, а можетъ-быть, и разрѣшилъ истреблять почитаемыя Мордвой за святаыя ихъ заветныя дубравы и кладбища. Переѣзжая изъ мѣста въ мѣсто, Мисаиль въ началѣ 1655 года крестилъ Мордву, заставляя рубить ихъ священныя роци и сжигая срубы на ихъ кладбищахъ. Столь рѣшительныя мѣры рязанскаго архіерея увѣнчались-было

успѣхомъ: въ одномъ мѣстѣ онъ за одинъ разъ окрестилъ болѣе трехсотъ человѣкъ. На Страстной недѣлѣ 1655 года, уже возвращаясь въ Рязань къ празднику Пасхи, онъ остановился въ деревнѣ Ямбиревой (нынѣ село Конобѣево, Шацкаго уѣзда) и, падѣвъ архіерейскую мантию, началъ убѣждать мѣстныхъ жителей къ принятію св. крещенія. Въ это время огромная толпа окрестной Мордвы окружила архіепископа, гоня его и окружавшихъ его изъ деревни. Началась драка. Вооруженная луками Мордва стала стрѣлять, и Мисаилъ упалъ смертельно раненый. Это было 10-го апрѣля, во вторникъ на Страстной недѣлѣ; 19-го апрѣля, въ четвергъ на Пасхѣ, Мисаилъ умеръ. Черезъ годъ тѣло его было перевезено изъ деревни Ямбиревой и погребено въ рязанскомъ Архангельскомъ соборѣ. До сихъ поръ подъ его гробницею сохраняется архіерейская мантия, пробитая стрѣлами и съ замѣтными пятнами крови.

Послѣ трагической кончины Мисаила, обращеніе Мордвы въ христіанство производилось съ большою умѣренностью. Вскорѣ настало время возмущенія Стеньки Разина. Инородцы восточной Россіи, какъ и во времена самозванцевъ, тотчасъ пристали къ бунтовщику. Отъ Арзамаса до Шацка и до Симбирска вся Мордва заволновалась и открыто возстала противъ русскихъ. Въ сентябрѣ 1671 года Мордва съ татарами, чувашами и черемисами пошла-было на Симбирскъ, чтобы присоединиться къ толпамъ Разина, но воевода князь Барятинскій въ одну недѣлю (23—29-го сентября) пять разъ разбилъ инородцевъ: подъ сельцомъ Куланчи, на рѣкѣ Карлѣ, подъ татарскою деревней Крысадаки, подъ мордовскою деревней Поклоушъ и подъ городкомъ Тагаемъ; много было побитыхъ, много захвачено въ плѣнъ и тутъ же повѣшено. Октября 1-го князь Барятинскій разбилъ подъ Симбирскомъ самого Разина, едва успѣвшаго спастись бѣгствомъ, и разсѣялъ бывшихъ у него инородцевъ. Другія толпы Мордвы въ то же время (16-го сентября), въ сообществѣ съ казаками и русскими крестьянами, осадили Алатырь, пошли на городъ приступомъ, зажгли одну изъ башенъ острога, ворвались въ городъ и разорили его. Въ октябрѣ Мордва съ казаками разорила Верхній и Нижній Ломовъ, а въ декабрѣ собралась въ огромномъ числѣ въ селѣ Андреевкѣ (въ нынѣшнемъ Краснослободскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи), чтобы идти на Арзамасъ и Нижній, но знаменитый воевода, князь Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ, разогналъ всѣ „воровскія шапки“.

Мордва была приведена къ шерти, то-есть къ присягѣ; подавленное возмущеніе прекратилось, но еще нѣсколько лѣтъ инородцевъ нельзя было считать совершенно покойными. Мордва, не только оставшаяся въ язычествѣ, но и принявшая христіанство, часто сходилась въ лѣсахъ на совѣщанія о томъ, какъ бы грабить русскія деревни, и нерѣдко дѣйствительно грабила ихъ. По усмиреніи бунта Разина правительство обратило особенное вниманіе на инородцевъ. Неоднократный опытъ по-

казаль, что, какъ скоро возникнетъ внутренняя смута, инородцы немедленно пристають къ ней и тѣмъ увеличивають государственную опасность. Съ крайнею осторожностью стали смотрѣть въ XVII столѣтїи на Мордву и всѣми способами заботиться о наибольшемъ усиленїи русскаго населенїя между инородцами. Въ то же время запрещено было продавать имъ оружіе и всякія военныя принадлежности, не позволялось въ мордовскихъ деревняхъ заводить кузницы, и даже земледѣльческія орудїя и другїя металлическія вещи, необходимыя въ домашнемъ быту, дозволялось покупать только въ городахъ и притомъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ. По усмиренїи же бунта Разна мѣры предосторожности противъ Мордвы были усилены: у нея отбирали оружіе, запрещали имѣть даже луки и стрѣлы, запретили звѣрнную охоту. Въ то же время приняты дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенїю между ними христіанства, а главное, къ утвержденїю ихъ въ истинной вѣрѣ и къ возможно большему обрусѣнїю. Въ 1686 году послѣдовалъ указъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей изъ приказа Большого дворца, чтобъ епархіальные архїереи и монастырскїя власти обращали особенное вниманїе на новокрещенную Мордву, „которые въ христіанской вѣрѣ не тверды, въ церкви Божьей не приходятъ и отцовъ духовныхъ у себя не имѣють“. Этимъ указомъ повелѣвалось составить именныя списки новокрещенныхъ, жены и дѣти которыхъ оставались въ язычествѣ, и всѣхъ такихъ брать въ архїерейскїе дома или въ монастыри для наставленїя и утвержденїя въ христіанствѣ. Но болѣе всего на обрусѣнїе Мордвы и на обращенїе ея въ христіанство подѣйствовала правительственная мѣра, принятая въ концѣ XVII столѣтїя, согласно которой въ деревняхъ мордовскихъ стали селить русскихъ, а также и Мордву переселять въ русскїя деревни. Этотъ способъ былъ употребляемъ преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили терюхане. Вся Терюшевская волость, населенная терюханами, а также Лысковская, населенная русскими, были пожалованы въ 1690 году Арчилѣ, царю Имеретинскому, пришедшему съ женою и дѣтьми изъ разоренной турками и персіянами Грузїи въ Россїю, подъ покровительство единовѣрныхъ государей. Онъ умеръ въ Москвѣ въ 1713 году и въ двадцать три года владѣнїя терюханами, конечно, не самъ лично, а посредствомъ своихъ управителей, успѣлъ многое сдѣлать для обрусѣнїя пожалованной ему Мордвы. Подъ видомъ лучшаго устройства хозяйственныхъ дѣлъ въ обширныхъ вотчинахъ царя Имеретинскаго, его управители переселили множество русскихъ изъ Лысковской волости въ Терюшевскую и еще болѣе Мордвы изъ Терюшевской въ Лысковскую. Посредствомъ браковъ мордовское населенїе слилось съ русскимъ, стало забывать свой языкъ или говорить какимъ-то особымъ языкомъ, въ которомъ чуть не наполовину словъ было русскихъ. Обрусѣнїе терюханъ пошло такъ сильно, что даже оставшіеся въ язычествѣ, при совершенїи религиозныхъ обрядовъ, въ молитвахъ и пѣнїяхъ мѣшали русскїя слова съ мордовскими и съ

именами своихъ божествъ соединяли имена истиннаго Бога (напр., Саваоѣ) и христіанскихъ святыхъ.

Представивъ скатый перечень историческихъ фактовъ о Мордвѣ до XVIII столѣтія, мы въ слѣдующихъ очеркахъ изложимъ основанія мордовской вѣры и ея культа, коснемся нравовъ и обычаевъ Мордвы, теперь съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе исчезающихъ подъ вліяніемъ сильнаго обрусѣнія, и наконецъ, по неизвѣстнымъ еще документамъ, расскажем о событіяхъ, сопровождавшихъ окончательное приведеніе Мордвы въ христіанство.

III.

Мордовскія божества.

Совершенно несправедливо некрещеную Мордву называютъ идолопоклонниками. Никогда не имѣла она ни идоловъ ни какихъ другихъ изображеній божества. Правда, она почитала священныя деревья, подъ которыми приносила жертвы, но никогда не признавала ихъ божествами. Правда, она обращалась иногда съ молениями къ солнцу и лунѣ, но всегда считала ихъ созданіями Божьими.

Они вѣровали въ единаго верховнаго бога, отъ котораго зависитъ весь видимый и невидимый міръ. Эрдзяды, терюханы и каратаи называютъ его *Пасъ*, или *Чамъ-Пасъ* (верховный богъ), мокшане—*Шкай*.

Вотъ какія понятія имѣла Мордва объ этомъ высшемъ существѣ: онъ не имѣетъ ни начала, не будетъ имѣть и конца; видѣть его нельзя не только людямъ, но и богамъ, подчиненнымъ ему; онъ живетъ на небѣ, а какъ онъ живетъ, того никто знать не можетъ; онъ господствуетъ и на землѣ; и земля, и небо, и свѣтила небесныя, и боги (безплотные добрые духи), и люди, и животныя, и самые злые духи, всѣ отъ него имѣютъ свое начало; онъ творецъ всего видимаго и невидимаго міра, промыслитель, управляющій всѣмъ посредствомъ подчиненныхъ боговъ и богинь. Чамъ-Пасъ любитъ свои созданія, и отъ него происходитъ одно только добро, но, чтобы люди не забывались, онъ попустилъ Шайтану сотворить злыхъ духовъ и посадилъ ихъ въ болотахъ и омутахъ. Если человѣкъ сдѣлаетъ что-нибудь противное Чамъ-Пасу, онъ дозволяетъ злему духу сдѣлать вредъ тому человѣку, но когда человѣкъ обратится къ нему съ мольбой избавить его отъ зла, онъ запрещаетъ злему духу и велитъ ему сидѣть въ водѣ. Но одной частной молитвы недостаточно для умилостивленія разгнѣваннаго верховнаго бога: необходимы общественныя и домашнія моленія подчиненнымъ ему божествамъ, а еще необходимѣе добрая жизнь.

Обыкновенная молитва къ верховному богу у мокшанъ коротка: „*Шкай! ою Шкай, верду Шкай, ваньмысть!*“ Боже, верховный боже, начальный боже, помилуй насъ!“ Эрдзяды и терюханы обращаются къ нему съ молитвой: „*Чамъ-пасъ, вель Пасъ, помилуй насъ!*“, то-

есть: „верховный боже, боже міра (въ смыслѣ общества), помилуй насъ!“ Къ этому верховному богу Мордва обращалась въ началѣ каждой молитвы, къ какому бы божеству она ни относилась. По самому Чамъ-Пасу ни особыхъ праздниковъ ни особыхъ жертвоприношеній не отправлялось.

Кромѣ одинаго вѣчнаго бога, Мордва признаеть созданныхъ имъ добрыхъ и злыхъ духовъ. По ихъ понятіямъ, эти духи, какъ и люди, плодятся, и ихъ въ мірѣ множество. Вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, невидимо присутствуютъ какое-нибудь божество, исполняющее повелѣніе верховнаго бога или назначенное имъ для управленія какой-либо части вселенной. Этому одинаково вѣровали все племена мордовскія, но вѣрованія эрдзядъ и мокшанъ, относившіяся до боговъ второстепенныхъ и до участія каждого изъ нихъ въ управленіи міромъ, различны.

По понятіямъ эрдзядовъ и терюханъ (о богахъ племени Каратаи, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній), Чамъ-Пасъ, принявъ намѣреніе сотворить міръ, прежде всего создалъ во всемъ почти подобнаго себѣ духа, съ тѣмъ, чтобы онъ помогалъ ему въ сотвореніи и въ управленіи міромъ. Этотъ духъ былъ *Шайтанъ*. Вотъ разсказъ о сотвореніи шайтана, записанный въ 1853 году священникомъ Федоромъ Шаверскимъ въ селѣ Вечкамовѣ (Бугурусланскаго уѣзда, Самарской губерніи):

„Однажды, когда ничего еще не было на свѣтѣ, кромѣ одной воды, плылъ Чамъ-Пасъ на камнѣ по морю-океану и размышлялъ самъ съ собою, какъ сотворить видимый міръ и какъ управлять имъ. Тутъ онъ сказалъ: „Нѣтъ у меня ни брата ни товарища, съ кѣмъ бы могъ я посоветоваться объ этомъ дѣлѣ“, и при этихъ словахъ плюнулъ съ досады въ море и поплылъ далѣе. Отплывъ нѣкоторое разстояніе, Чамъ-Пасъ оглянулся и увидѣлъ, что слюна его обратилась въ огромный бугоръ и плыветъ за нимъ слѣдомъ. Чтобы уничтожить бугоръ, Чамъ-Пасъ ударилъ по немъ жезломъ; тотчасъ изъ него выскочилъ Шайтанъ и сказалъ: „Ты жалѣешь, господи, что у тебя нѣтъ ни брата ни товарища, съ кѣмъ бы тебѣ подумать да посоветоваться о сотвореніи міра; я, пожалуй, радъ быть твоимъ братомъ“. Чамъ-Пасъ обрадовался и сказалъ: „Ну, хорошо, будь мнѣ хоть не братомъ, а товарищемъ. Давай творить землю. Изъ чего же мы ее едѣлаемъ? Вѣдь кромѣ воды нѣтъ ничего“. Шайтанъ молчитъ, не знаетъ, изъ чего землю едѣлать. „Нырни, товарищъ, въ море-океанъ, — сказалъ ему Чамъ-Пасъ: — на днѣ есть песокъ, принеси его немного, изъ него и едѣлаемъ землю“. — „А я только-что хотѣлъ это самое сказать, братецъ“, — перебилъ Шайтанъ, потому что не хотѣлъ показать Чамъ-Пасу, что тотъ выше его и знаетъ больше, и все называлъ его братомъ, хотя Чамъ-Пасъ взялъ его только въ товарищи. „Такъ ступай же на дно, принеси песку, — сказалъ Чамъ-Пасъ: — да смотри же, товарищъ, какъ станешь брать песокъ, помяни имя мое“. Шайтанъ погрузился на дно. Тамъ, по гордости своей, не захотѣлъ онъ помянуть имя Чамъ-Паса, а помянулъ свое. Оттого и не могъ взять ни единой песчинки: изъ-подъ дна морского вышло пламя и обожгло Шайтана.

Обожженный вынырнул онъ на поверхность моря. „Не могу, братецъ,— говорить Чамъ-Пасу: — ни единой песчинки взять, потому что тамъ пламя изъ дна морского выходитъ, оно меня совѣзмъ-было спалило“. — „Ступай, товарищъ, опять на дно морское,—сказалъ ему Чамъ-Насъ:— пламя тебя не тронетъ, только помани имя мое“. Шайтанъ во второй разъ опустился на дно морское, но гордость опять не допустила его помянуть имя Чамъ-Паса, опять помянулъ онъ свое, и пламя опять опалило его. Выплылъ онъ на поверхность моря и вдругорядь явился къ Чамъ-Пасу безъ песку. „Что же, товарищъ, принесъ ли песку?“—спросилъ его Чамъ-Насъ. — „Не принесъ, братецъ, пламя опять опалило меня пуще прежняго“. — „Да помянулъ ли ты, товарищъ, имя мое?“—спросилъ Чамъ-Насъ. Шайтанъ, дѣлать нечего, сознался, что не поминалъ имени Чамъ-Паса. „Чье же ты имя помянулъ, товарищъ?“— „Свое, братецъ“,—отвѣчалъ Шайтанъ.—„Слушай же, товарищъ,—сказалъ тогда Чамъ-Насъ:—ступай ты въ третій разъ на дно моря-океана и возьми тамъ песку, помянувъ имя мое. Только помни, товарищъ, что, если ты не помянешь моего имени, огонь тебя совѣзмъ поалитъ, и не останется отъ тебя ничего“. Шайтанъ въ третій разъ опустился на дно и, боясь, чтобы пламя совѣзмъ его не спалило, помянулъ имя Чамъ-Паса и безъ всякой помѣхи набралъ полонъ ротъ песку. Вынырнувъ на поверхность моря, онъ отдалъ песокъ Чамъ-Пасу, но не весь, часть его утаилъ у себя за щекой. Думаетъ онъ себѣ: „Пусть его братъ мой творить свою землю, а я сотворю свою“. Чамъ-Насъ сталъ разбрасывать по морю песокъ, и онъ, увеличиваясь, дѣлался землей. Но по мѣрѣ того, какъ песчинки на морѣ вырастали, вырастали и тѣ, что остались за щекой у Шайтана; оттого голова у него разрослась въ огромную гору. Почувствовавъ отъ того нестерпимую боль, Шайтанъ заревѣлъ страшнымъ голосомъ. „Что кричишь, товарищъ?“—спросилъ его Чамъ-Насъ. Шайтану дѣлать нечего, покался. „Не всю, братецъ, говорить, землю я выплюнулъ, и она растетъ у меня въ головѣ, и мнѣ отъ того нестерпимое мученье“. Чамъ-Насъ ударилъ Шайтана жезломъ по головѣ и сказалъ: „Выплюнь песокъ, товарищъ, и исцѣлѣи отъ болѣзни“. Шайтанъ сталъ выплевывать песокъ изъ рта, но такъ сильно, что жидкая, еще не окрѣпшая земля отъ того поколебалась, отчего произошли ямы, овраги и долины, а изъ того песку, который онъ выплюнулъ, образовались бугры, холмы и горы. Когда Шайтанъ освободился отъ болѣзни, Чамъ-Насъ сказалъ ему: „Нѣтъ, не можешь ты быть мнѣ товарищемъ, ты золь, а я добръ; будь же ты проклятъ и ступай подъ дно морское, въ преисподнюю, въ тотъ самый огонь, что палилъ тебя за то, что, по гордости, не хотѣлъ ты помянуть имени творца своего. Сиди тамъ и мучься на вѣки вѣковъ“.

Въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ Мордва къ этому сказанію о Шайтанѣ прибавляетъ еще слѣдующее: Шайтанъ возгордился передъ творцомъ своимъ и сказалъ ему: „Чамъ-Насъ! Ты уже старъ, тебѣ пора

на покой, а я молодъ; такъ сиди ты на своемъ мѣстѣ и спи, а я одинъ буду управлять міромъ, который мы сотворимъ“. Чамъ-Пасъ проклялъ за то Шайтана, а этотъ такъ озлобился на него, что навѣки остался самымъ злымъ существомъ и ненавистникомъ всякаго добра. За то Чамъ-Пасъ и прогналъ его въ темную пропасть. Есть и другіе варианты о противленіи Шайтана Чамъ-Пасу при сотвореніи міра. Одинъ изъ нихъ, записанный въ селѣ Сырежевѣ, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губерніи, приводится ниже.

Послѣ того Чамъ-Пасъ сотворилъ богиню *Анге-Патяй* (слово въ слово: мать-богиня). Она источникъ жизни, чадородія и плодородія земли. Такимъ образомъ непосредственно отъ верховнаго Чамъ-Паса произошли только два божества: доброе—Анге-Патяй и злое—Шайтанъ. Эти два божества равносильны. Если Шайтанъ не можетъ равняться могуществомъ съ сотворившимъ его Чамъ-Пасомъ и потому не ведетъ съ нимъ прямой борьбы, то онъ вѣчно противодѣйствуетъ доброй Анге-Патяй, которая сама, и чрезъ произведенныхъ ею боговъ и богинь, ведетъ постоянную борьбу съ злымъ началомъ, охраняя жизнь и благоденствіе всякаго созданія.

Анге-Патяй родила четырехъ боговъ и четырехъ богинь.

Старшій сынъ ея, *Нишки-Пасъ*, богъ неба, солнца, огня и свѣта. Онъ же главный покровитель пчелъ. У него въ небѣ есть множество домовъ, въ которыхъ живутъ души добрыхъ людей. Какъ пчелы вьются вокругъ матки, такъ души добрыхъ людей вьются вокругъ Нишки-Паса. Поэтому онъ и называется *Нишки-Пасъ* (*нишки* или *нишке* по-мордовски значить пчельникъ). Онъ еще называется *Шиза-Пасъ*, или *Ши-Пасъ*, то-есть солнце-богъ. Ему, какъ первенцу богини Анге-Патяй, присвоивается именованіе сына божья, *Иниче-Пасъ*.

Второй сынъ матери боговъ Анге-Патяй былъ *Свѣтъ-Верешки-Веленъ-Пасъ*, обладатель земли и устроитель человѣческихъ обществъ (*веленъ*, сокращенно *вель*—міръ, въ смыслѣ общества), которыя устроены по подобію небеснаго пчельника его брата Нишки-Паса. Отсюда и названіе его Верешки (*веръ-нишки* земной,—собственно лѣсной, пчельникъ).

Третій сынъ верховной богини—*Назѣромъ-Пасъ*, богъ зимы, ночи, луны. Онъ принимаетъ въ свое царство (*назѣромъ-нишки*—темный пчельникъ) души всѣхъ умирающихъ: хорошихъ, добрыхъ отсылаетъ къ старшему своему брату Нишки-Пасу, а дурныхъ, злыхъ прогоняетъ въ области Шайтана.

Четвертый сынъ матери боговъ *Волцы-Пасъ*—есть высшій богъ всего живого, кромѣ человѣка. Онъ покровительствуетъ людямъ при звѣриной охотѣ, при стрѣляннн птицъ, при рыболовствѣ.

Изъ рожденных матерью боговъ богинь (Патяй) старшая называется *Нишкиндѣ-Тевляръ* (сестра Нишки-Паса, слово-въ-слово: „дѣвка Нишки“). Она также имѣетъ свой пчельникъ (*нишке*) на землѣ,

это ичельникъ настоящихъ пчелъ; она покровительница пчеловодства, которое изстари составляло любимое занятіе Мордвы. Нишкиндѣ-Тевтять въѣтъ съ тѣмъ и богиня судьбы. Когда родится челоѣкъ, ея мать Анге-Патяй приказываетъ ей составить судьбу новорожденнаго. Эта богиня родила сына *Пургинѣ-Паса*, который также называется *Мельказд* (Вѣрги-Мучкѣ-Мельказд, то-есть на землю сходящій духъ сына грома). Этому Мельказд, какъ скажемъ въ послѣдствіи, особенно вѣровалъ послѣдній мордовскій пророкъ, будто бы принимавшій его внушенія, Кузька-богъ, явившійся между тероханами въ 1808 году.

Вторая дочь матери боговъ—*Норрѡва-Апаручи*, богиня земледѣлія, родила *Мастырь-Паса* (земля-богъ), сидящаго внутри земли и дающаго ей силу произращать всѣ растенія, особенно же хлѣбъ и огородныя овощи.

Третья дочь верховной богини—*Пакся-Патяй*, покровительница полей, луговъ и огородовъ, родила бога *Ведъ-Паса* (вода-богъ) или *Ведъ-Мастырь-Паса* (воды на землѣ текущей богъ), управляющаго морями, рѣками, озерами, родниками и колодцами.

Четвертая дочь матери боговъ—*Вѣрья-Патяй*, богиня лѣсовъ, рощъ и деревьевъ. Ея сынъ *Варма-Пасъ*, богъ вѣтра и воздуха.

Народивъ этихъ дѣтей, Анге-Патяй пожелала какъ можно скорѣе наполнить весь міръ добрыми божествами, чтобы, не говоря уже о людяхъ, при каждомъ деревцѣ, при каждой травкѣ, при каждой былинкѣ присутствовали добрый духъ, который бы охранялъ созданія Чамъ-Паса отъ козней Шайтана. Она обратилась съ просьбой объ этомъ къ отцу своему и верховному міродержателю. Чамъ-Пасъ далъ ей огниво, а сынъ ея, Нишки-Пасъ, принесъ ей кремней. Анге-Патяй стала ударять огниво о камень, и сколько при этомъ вышло искръ, столько явилось добрыхъ духовъ *ѡзисовъ*. Шайтанъ увидалъ, что дѣлаетъ Анге-Патяй, взялъ изъ земли два кремня (огнива ему негдѣ было взять, ибо оно матерью боговъ было получено съ неба отъ самого Чамъ-Паса) и также сталъ высѣкать изъ нихъ огонь. Сколько вылетѣло искръ, столько произошло и злыхъ духовъ. И до сихъ поръ Анге-Патяй и Шайтанъ высѣкаютъ огонь, и оттого съ каждымъ днемъ умножаются какъ добрые, такъ и злые духи, сообразно тому, какъ размножаются люди, животныя и растенія.

Такимъ образомъ главныя божества мордовскія были слѣдующія:

- 1) Чамъ-Пасъ, 2) Анге-Патяй, дочь его, мать боговъ; 3) Нишки-Пасъ,
- 4) Свѣтъ-Верешкѣ-Велевъ-Пасъ, 5) Волцы-Пасъ, 6) Назаромъ-Пасъ,
- 7) Нишкиндѣ-Тевтять, 8) Наррѡва-Апаручи, 9) Пакся-Патяй, 10) Вѣрья-Патяй, 11) Пургинѣ-Пасъ, 12) Мастырь-Пасъ, 13) Ведъ-Мастырь-Пасъ и 14) Варма-Пасъ.

Кромѣ этихъ божествъ, отъ высѣканія богиней Анге-Патяй огня изъ кремней, посредствомъ небснаго огнива, произошло неисчислимое множество добрыхъ духовъ, которые вообще назывались у эрдзядовъ и те-

рюханъ *ѳзаисъ*, у мокшанъ *ѳзксъ*. Этими же словами означали и праздники, отправляемые въ честь того или другого божества.

Прежде всего Анге-Патяй высѣкла искры, произведшія охранительницъ дѣтей, богинь *Анге-ѳзаисъ*, помогающихъ женщинамъ при родахъ и охраняющихъ малолѣтнихъ дѣтей отъ болѣзней и всякихъ несчастій. При каждомъ ребенкѣ находится такая охранительница, наблюдающая за его здоровьемъ. Въ каждомъ домѣ изъ искръ, высѣченныхъ богиней Анге-Патяй, явился свой „Кардасть-Сярко-ѳзаисъ“, оберегатель отъ всякаго зла живущихъ въ домѣ людей и животныхъ, сохраняющій въ семействахъ миръ, тишину, согласіе и заботящійся объ изобиліи въ охраняемомъ имъ домѣ. Онъ имѣетъ пребываніе среди двора, въ ямѣ, подъ камнемъ, который по имени его называется „кардо-сярко“. Этому божеству помогаютъ: *Юрта-ѳзаисъ*, добрый духъ, охраняющій всю усадьбу домохозяина: *Кѣляда-ѳзаисъ* (собственно значить березовый богъ), охраняющій домашній скоть, въ особенности же животныхъ, любимыхъ богиней Анге-Патяй: овецъ, свиней, куръ. Отъ кѣлядовъ-ѳзаисовъ зависѣли боги, происшедшіе также отъ искръ, высѣченныхъ матерью боговъ: *Анаръ-ѳзаисъ*—богъ жеребцовъ, *Лшшманъ-ѳзаисъ*—богиня кобылъ и жеребятъ, *Тауньсяй* или *Таунь-ѳзаисъ*—богъ свиней и *Ревъ-ѳзаисъ*—богиня овецъ. Послѣднія два божества были въ особенности любимы богиней Анге-Патяй, такъ какъ свиньи и овцы были любимѣйшими ея животными.

Изъ искръ, высѣченныхъ верховною богиней, вышли для каждаго хозяйства людей: непосредственно подчиненные богинѣ Нишкиндѣ-Тевтарь, покровительницѣ пчельниковъ и бортей, *Нишки-ѳзаисъ*—охраняющіе пчельники, пасѣки и борти, а также подчиненные богинѣ Нарровѣ-Апаручи добрые духи: *Суавтума-ѳзаисъ*—покровитель пашень, *Пастъ-ѳзаисъ*—охраняющій посѣвы отъ червей, кобылки, саранчи и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, *Керѣтъ-ѳзаисъ*—богъ земледѣльческихъ орудій. Изъ тѣхъ же искръ, высѣченныхъ богиней Анге-Патяй, произошли: подчиненные Ведь-Пасу или водяному богу *Акъ-Шикаль-ѳзаисъ* (бѣлая рыба—духъ, покровительствующій рыболовству) и подчиненный Верья-Патяй, покровительницѣ лѣсовъ, *Келу-ѳзаисъ*, духъ, покровительствующій березѣ (полное имя его *Вечкй-Кезъ-Кѣльдинъ*), *Тумд-ѳзаисъ*—покровитель дуба, *Пекше-ѳзаисъ*—липы, *Пиче-ѳзаисъ*—сосны, *Шотъ-ранъ-ѳзаисъ*—божество бревень, *Керѣнь-ѳзаисъ*—божество лубьевъ, и т. д. Словомъ, по понятіямъ эрдядовъ и терюханъ, божества находятся повсюду. Каждое изъ нихъ охраняетъ вѣренное попеченію его созданіе верховнаго бога, Чамъ-Паса. Поддерживая въ немъ жизнь, производя за него постоянную борьбу съ злыми духами, твореніями Шайтана, добрые ѳзаисы исполняютъ велѣнія матери боговъ и всего добраго въ семь мірѣ Анге-Патяй, а ей повѣлываетъ самъ Чамъ-Пасъ.

Сверхъ того Мордва поклонялась предкамъ—*атятъ*. Умершіе люди,

поселившіеся въ „небесномъ пчельникѣ“ Нипки-Паса, заботясь каждый о своемъ родѣ и помогая своимъ потомкамъ во всеѣхъ вуждахъ и въ хорошихъ дѣлахъ, воздерживаютъ ихъ отъ дурныхъ и предостерегаютъ, въ случаѣ надобности, то сонными видѣніями, то иными предвѣщаніями. Отсюда произошли разныя примѣты, которыхъ у Мордвы едва ли не больше, чѣмъ у русскихъ. Предкамъ молились и приносили жертвы какъ въ домахъ, такъ и на кладбищахъ.

Созданные Шайтаномъ злые духи наносятъ болѣзни на людей и скотъ, посылаютъ на поля червь, саранчу, убиваютъ пчелъ, обратясь въ медвѣдя, истребляютъ ульи, наносятъ зловредные вѣтры, вредяшіе посѣвамъ, научаютъ людей злымъ дѣламъ и пр. По добрыя божества съ ними борются, и эта борьба вѣчна.

По понятіямъ мокшанъ, верховный, безначальный творецъ міра *Шкай* также прежде всего создалъ Шайтана себѣ въ помощники, но Шайтанъ вооружился противъ своего создателя и за то былъ свергнутъ имъ изъ верховнаго жилища, находящагося надъ небесами. Тогда Шкай создалъ вмѣсто него новое божество, *Солтана*, который называется также *Солтанъ-Керямтъ*, и еще *Мастыръ-Курди*, то-есть міродержатель, управляющій міромъ вещественнымъ, а не духовнымъ, землей, а не небомъ. Это единственный богъ мокшанъ, все остальные божества—женскаго пола. *Азарава* (то-есть верховная богиня) то же самое, что *Анге-Патяй* у эрзядовъ,—богиня жизни, чадородія и плодородія. Она во всемъ равна съ Солтаномъ, ибо создана самимъ Шкаемъ. Отъ Солтана и Азаравы произошли богини: *Юртазарава*—богиня надъ усадебнымъ мѣстомъ, гдѣ стоитъ домъ, *Кудазарава*—богиня самого дома и домашняго скота, *Банязарава*—богиня бани, *Авынъ-азарава*—богиня овина, *Паксязарава*—богиня полей и луговъ, *Виръязарава*—лѣсная богиня, *Ведъязарава*—богиня рѣкъ и озеръ. Этихъ второстепенныхъ богинь множество: въ каждомъ домѣ есть своя *Кудазарава*, на каждомъ полѣ своя *Паксязарава* и т. д.

Мордва вѣрила въ близкія сношенія боговъ съ людьми, разумѣется, кромѣ верховнаго бога Чамъ-Паса, который слишкомъ высокъ, чтобы вступать въ непосредственныя сношенія съ людьми. Замѣчательно, что сношенія второстепенныхъ мордовскихъ боговъ-бзалсовъ, какъ и въ классической мѣологии грековъ и римлянъ, были по преимуществу любовныя. Боги сходили на землю, соединялись съ дѣвушками и уносили ихъ на небо. Изъ разныхъ повѣрій этого рода приведемъ одно, о дѣвкѣ Сыржѣ. Оно сохраняется у терюханъ. Жила дѣвка, по имени Сыржа, которую все женихи обѣгали: и красива была изъ себя, и работающая, и ноги толстыя какъ бревна (особенное достоинство мордовскихъ женщинъ, краса ихъ), а почему-то никто не хотѣлъ на ней жениться. Вдругъ сдѣлалась сильная гроза, все люди попадали какъ мертвые, и, когда гроза миновалась, въ той деревнѣ, гдѣ жила Сыржа, появился пріѣзжій изъ какихъ-то дальнихъ, невѣдомыхъ странъ чело-

вѣкъ, изъ себя весь черный и съ глазами, горѣвшими какъ огонь. Онъ привсватался къ Сыржѣ; отецъ и мать съ радостью отдали ее за прѣзжаго, хотя и не знали, откуда онъ. Во время брачнаго пира женихъ сталъ вести себя не такъ, какъ слѣдуетъ: сталъ плясать по чашкамъ, по ложкамъ, по лавкамъ, по полцамъ, и при этомъ кричать громче и громче. Когда же настало ему время везти молодую жену къ себѣ домой, онъ крикнулъ какъ громъ, изъ глазъ его сверкнула молнія, отчего загорѣлась изба, всѣ гости упали какъ мертвые, а новобрачные исчезли. Это былъ Пургинѣ-Пасъ, богъ грома. Онъ улетѣлъ съ женою своею Сыржей на небо. И теперь, когда случается гроза, Мордва думаетъ, что это Пургинѣ-Пасъ на небѣ пляшетъ по чашкамъ, по ложкамъ, по скамьямъ и по полцамъ, какъ плясалъ онъ на своей свадьбѣ. Въ это время терюхане выходятъ изъ домовъ на улицу, и, глядя на небо, поднимаютъ руки вверхъ и кричатъ: „легцы, легцы, ты, чай, нашъ“ (легче, легче, ты, чай, нашъ). Дѣти, рожденные отъ боговъ и мордовскихъ дѣвушекъ, жили на землѣ, были до смерти своей правителями Мордвы, князьями, а по смерти возвращались на небо къ своимъ родителямъ. Можно думать, что и Пургасъ, сильный мордовскій князь, боровшійся съ русскими въ XIII вѣкѣ, почитался Мордвой за сына грома.

О Шайтанѣ и злыхъ духахъ, имъ созданныхъ и ему подчиненныхъ (всѣ мужского пола, кромѣ двѣнадцати лихорадокъ и тринадцатой оспы, которая женщины), мокшане думали одинаково съ эрдзядами, то-есть что злые духи всячески стараются сдѣлать зло человѣку, а добрыя божества, борясь съ ними, отвращаютъ зло.

О созданіи міра Мордва всѣхъ племень имѣетъ одинаковое понятіе. По сказаніямъ ихъ, верховный Богъ сотворилъ все видимое и невидимое. Когда онъ творилъ, Шайтанъ, по злобѣ своей, всячески старался испортить каждое твореніе, но премудрость Чамъ-Паса (Шкая) каждую порчу Шайтана обращала на добро. Такъ, когда создано было небо, оно было чистое голубое; шайтанъ набросалъ на него черныхъ тучъ. Чамъ-Пасъ не очистилъ небо отъ тучъ, но вложилъ въ нихъ дождь и велѣлъ имъ орошать землю, отчего она сдѣлалась плодородною. Чамъ-Пасъ создалъ рѣки съ гладкою, свѣтлою поверхностью; Шайтанъ напустилъ на нихъ вѣтры и произвелъ волненіе, но Чамъ-Пасъ построилъ барку, сдѣлалъ руль и весла, сшилъ парусъ и научилъ людей судоходству. Когда Чамъ-Пасъ захотѣлъ сотворить сушу, а воды въ это время были уже созданы, то увидалъ, что Шайтанъ въ видѣ утки плаваетъ по морю. Чамъ-Пасъ велѣлъ ему нырнуть на морское дно и достать оттуда немного земли. Шайтанъ нырнулъ, досталъ земли, но отдалъ Чамъ-Пасу не всю, немного удержавъ у себя во рту. Чамъ-Пасъ изъ принесенной со дна моря земли сотворилъ сушу. Земля изъ рукъ его вышла гладкая, ровная. Но Шайтанъ набросалъ на нее оставшейся у него во рту земли, отчего образовались горы, камни, овраги. Но

Чамъ-Пасъ поправиль порчу, сдѣланную Шайтаномъ: онъ положилъ въ горы золота, серебра, желѣза и драгоценныхъ каменьевъ. Изъ на-киданныхъ Шайтаномъ каменьевъ научилъ людей дѣлать мельничные жернова, а овраги наполнилъ водой, отчего произошло множество рѣчекъ. Чамъ-Пасъ создалъ землю, покрытую прекрасными деревьями, какъ садъ какой, но Шайтанъ поднялъ бурю и повалилъ множество деревьевъ; Чамъ-Пасъ оставшіеся оттого пустыя мѣста обратилъ въ пашни и луга и научилъ людей земледѣшеству и сѣвокошенію. Стараясь испортить каждое твореніе Чамъ-Паса, Шайтанъ хотѣлъ то же сдѣлать и съ человѣкомъ. Чамъ-Пасъ слѣпилъ человѣка изъ глины, и еще не вложилъ въ него души, ушелъ на нѣкоторое время въ другое мѣсто для сотворенія души, а чтобы Шайтанъ не испортилъ сотвореннаго тѣла, прѣставилъ собаку караулить его. А собака была прежде животное чистое, и на ней шерсти не было. Шайтанъ напустилъ страшный морозъ, такъ что собака едва не замерзла; онъ предложилъ ей одѣть ее шерстью, чтобы не было холодно, и за то допустить его ненадолго къ созданному Чамъ-Пасомъ, бездушному еще человѣку. Собака согласилась. Шайтанъ оплевалъ всего человѣка, отчего произошли болѣзни, потомъ сталъ вдыхать въ него злое свое дыханіе. Чамъ-Пасъ пришелъ и прогналъ Шайтана, собакѣ велѣлъ навсегда носить нечистую шерсть, а чтобы поправить испорченное тѣло человѣка, выворотилъ его на изнанку, но болѣзни, происшедшія отъ Шайтановой слюны, все-таки остались въ немъ. Потомъ, вдунувъ въ человѣка доброе свое дыханіе, оставилъ его. Оттого въ человѣкѣ и остались наклонности и къ добру и къ злу: добрыя наклонности отъ дуновенія Чамъ-Паса, а злыя отъ дуновенія Шайтана. Когда человѣкъ былъ такимъ образомъ созданъ, Шайтанъ сказалъ Чамъ-Пасу, показывая на человѣка: „Въ немъ половина души моей и половина твоей, раздѣлимъ же всѣхъ людей пополамъ, пусть одна половина будутъ твои люди, а другая—мои“. Чамъ-Пасъ прогналъ Шайтана, и чтобы люди, по причинѣ присутствія въ нихъ зла, всѣ не сдѣлались добычей Шайтана, вложилъ въ человѣка разумъ и научилъ его различать хорошее отъ дурного. Шайтанъ отъ досады сталъ творить свои созданія; сначала сотворилъ множество злыхъ духовъ, подобныхъ себѣ, но менѣе могущественныхъ, потомъ сотворилъ разныя болѣзни и напустилъ ихъ на людей; болѣзни эти—тоже злые духи.

Терюхане и нѣкоторые эрзяды Нижегородской и Симбирской губерній разсказываютъ о созданіи человѣка нѣсколько иначе. Человѣка вздумалъ сотворить не Чамъ-Пасъ, а Шайтанъ. Для того онъ собралъ глины, песку и земли отъ семидесяти семи странъ свѣта и слѣпилъ изъ нихъ тѣло человѣка. Но, сдѣлавъ тѣло, никакъ не могъ привести его въ благообразный видъ: то слѣпить свиньей, то слѣпить собакой, то гадомъ какимъ-нибудь, а Шайтану хотѣлось сотворить его по образу и по подобію Божью. И позвалъ Шайтанъ птичку-мышь и сказалъ ей: „Лети ты на небо, тамъ у Чамъ-Паса полотенце виситъ; когда онъ въ баню хо-

дить. тѣмъ полотенцемъ обтирается; виситъ оно у него на гвоздикѣ; заберись ты въ одинъ конецъ полотенца, свей гнѣздо, разведи дѣтей, чтобъ одинъ конецъ того полотенца сталъ тяжелѣй и упалъ бы ко мнѣ на землю“. Птичка-мышь послушалась Шайтана, свила гнѣздо въ концѣ Чамъ-Пасова полотенца, развела мышатъ, отъ тяжести ихъ полотенце и упало на землю. Шайтанъ тотчасъ подхватилъ его, оберъ имъ слѣпленнаго человѣка, и онъ получилъ образъ и подобіе Божье. Послѣ того Шайтанъ сталъ оживлять человѣка, но никакъ не могъ вложить въ него живую душу. Бился-бился онъ и уже хотѣлъ-было разрушить свое созданіе, но Чамъ-Пасъ сказалъ: „Убирайся ты, проклятый Шайтанъ, въ пропасть огненную, я и безъ тебя сотворю человѣка“. А Шайтанъ отвѣчалъ: „Я хоть подлѣ постою, когда ты будешь класть въ него живую душу; вѣдь я его работалъ, и на мою долю изъ человѣка что-нибудь надобно дать, а то, какъ хочешь, братецъ Чамъ-Пасъ, будетъ мнѣ общино, а тебѣ нечестно“. Спорили Чамъ-Пасъ съ Шайтаномъ, спорили, наконецъ Чамъ-Пасу надобло. „Слушай, Шайтанъ, — сказала онъ: — давай дѣлить человѣка: образъ и подобіе отъ моего полотенца, и душа моя, потому что я ее вдунулъ, а тѣло будетъ твое“. Шайтанъ поспорилъ-поспорилъ, но долженъ былъ согласиться, потому что Чамъ-Пасъ невпримѣръ сильнѣе его. Оттого, когда человѣкъ умираетъ, душа съ образомъ и подобіемъ Божьимъ идетъ въ небеса къ Чамъ-Пасу, а тѣло, лишаясь души, теряетъ и подобіе Божье, гниетъ, разваливается и идетъ въ землю на добычу Шайтану. А птичку-мышь Чамъ-Пасъ наказалъ за то, что она послушалась Шайтана, летала на небо и свила гнѣздо въ божьемъ полотенцѣ. За то Чамъ-Пасъ отнялъ у ней крылья и приставилъ ей голый хвостъ, такой же, какъ у Шайтана, и далъ такія же лапы, какъ у него.

Когда люди размножились, а это послѣдовало очень скоро по созданіи міра, тогда Чамъ-Пасъ раздѣлилъ ихъ на народы и каждому народу далъ свой языкъ и свою вѣру. Люди вѣрують одному и тому же Богу, но различно другъ отъ друга. Мордва говорить: какъ въ лѣсу каждое дерево имѣетъ свой особый листъ и свой особый цвѣтъ, такъ и каждый народъ имѣетъ свою вѣру и свой языкъ. Вѣры всѣ угодны Богу, потому что имъ самимъ даны, и погому переходить изъ одной въ другую грѣшно. Всего на землѣ семьдесятъ семь вѣръ и семьдесятъ семь языковъ.

Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ этихъ сказаній о сотвореніи міра Богомъ и о противодѣйствіи ему злого духа, существуя у другихъ финскихъ племенъ, напримѣръ, у черемисъ, чувашъ, вотяковъ и пр., сохраняются и въ русскомъ народѣ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, не только изустно, но и посредствомъ рукописей. На подобныя сказанія нельзя смотрѣть иначе, какъ на остатки вѣрованій русскаго народа еще во времена язычества. Кто отъ кого заимствовалъ эти вѣрованія, славяне ли отъ финновъ, или финны отъ славянъ, — рѣшить трудно, но, кажется, вѣрнѣе предположить, что вѣрованія эти были общи обоимъ

соединимъ племенамъ, славянскому и финскому, или чудскому, равно какъ и въ некоторые религіозные обряды, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

У Мордвы есть сказаніе и о грѣхопаденіи людей, въ общихъ чертахъ сходное съ сказаніемъ чувашскимъ и, что замѣчательнѣе всего, совпадающее нѣсколько съ христіанскими вѣрованіями о смерти Спасителя. Вотъ мордовское сказаніе.

Первые люди находились въ блаженномъ состояніи. Скота у нихъ было множество, земля не требовала никакого удобренія, а урожай были самыя тысячные; на каждомъ деревѣ въ лѣсу бортни со пчелами были. Всѣ люди были богаты, и имущество было у всѣхъ равное. Чамъ-Пасъ послалъ къ нимъ для управленія Нишки-Паса, котораго назвалъ своимъ сыномъ (Иниче-Пасъ), и онъ жилъ на землѣ въ образѣ человѣка и помогалъ людямъ во всемъ. Какъ только кто изъ людей заболѣетъ, Нишки-Пасъ тотчасъ того человѣка вылѣчитъ; дождя ли надо, ведра ли—какъ скоро попросятъ люди Нишки-Паса, онъ тотчасъ все сдѣлаетъ. И не было между людьми ни ссоръ ни вражды; все это отвращалъ Нишки-Пасъ, ходившій изъ одной деревни въ другую и поучавшій людей добру. Но Шайтанъ, по злобѣ своей, явился къ одному старику и, подавъ ему вѣтку неизвѣстнаго дотолѣ растенія, сказалъ: „Посади эту вѣтку въ землю и поставь вокругъ нея высокихъ тычинокъ, только не сказывай объ этомъ Нишки-Пасу“. Старикъ послушался, посадилъ вѣтку, и выросъ хмель. Тогда Шайтанъ снова явился къ старику и научилъ его дѣлать пиво и медъ, а также изъ муки курить вино. Отъ этого произошло пьянство, пьяные люди стали враждовать между собою, пошли ссоры, драки и даже смертныя убійства. Напрасно Нишки-Пасъ увѣщевалъ людей перестать пить пиво, медъ и вино, они его перестали слушаться, стали смѣяться надъ нимъ, плевать на него, бить и гонять изъ деревни въ деревню. Въмѣсто Нишки-Паса люди вздумали выбрать начальника надъ собою изъ своей среды, но тутъ произошли ссоры, драки и убійства, потому что всякій желалъ быть начальникомъ и никто не хотѣлъ подчиниться другому. Нишки-Пасъ напрасно увѣщевалъ ихъ. Шайтанъ, явившись на землѣ въ образѣ человѣка, сталъ говорить людямъ: „Зачѣмъ вы терпите между собой Нишки-Паса? Онъ васъ увѣрилъ, будто онъ сынъ Божій, это онъ лжетъ, онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, только человѣкъ недобрыи: не велитъ онъ веселиться, пиво и вино пить, любовницъ по многу имѣть, и хочетъ властвовать надъ всеми людьми“. Подстрекаемые Шайтаномъ, люди схватили Нишки-Паса, били его, мучили и наконецъ убили до смерти. Какъ скоро они его убили, то и увидѣли, что дѣйствительно онъ былъ сынъ Чамъ-Паса, ибо мертвый Нишки-Пасъ всталъ и вознесся на небо, сказавъ убійцамъ своимъ: „Не хотѣли вы со мной въ добрѣ жить, теперь безъ меня вамъ хуже будетъ“. И какъ только онъ сказалъ эти слова, тотчасъ же солнце стало свѣтить и грѣть въ семь разъ меньше, зима стала въ семь разъ суро-

вѣе, земля стала требовать удобренія и усиленнаго труда, да и то давала урожаи небольшіе, а временами и вовсе не стала хлѣба родить, скоть весь почти палъ, осталась самая малость. Тогда, чтобы держать между людьми порядокъ и разбирать ихъ распри, Чамъ-Пасъ назначилъ надъ народами царей, князей, судей и другихъ начальниковъ и далъ имъ власть надъ людьми такую, что за дурныя дѣла они сажаютъ въ тюрьму, велятъ бить кнутомъ и плетми, а за очень большія вины и смертью казнять.

Вслѣдствіе сближенія Мордвы съ христіанами, на мордовскую вѣру еще въ очень давнія времена христіанство имѣло большое вліяніе. Язычники стали признавать нѣкоторыхъ изъ христіанскихъ святыхъ. Такимъ образомъ, особенно уважаемый русскимъ народомъ, Николай Чудотворецъ издавна сдѣлался предметомъ почитанія не только Мордвы и другихъ инородцевъ финскаго племени: чувашъ, черемисъ, вотяковъ, самоѣдовъ и пр., но и татарскаго племени. Его уважаютъ даже магомстане. У эрзядовъ и терюханъ онъ даже явился въ числѣ Пасовъ и называется *Никола-Пасъ*. Извѣстно, что православная церковь празднуетъ память Николая Чудотворца 9-го мая и 6-го декабря. Въ эти самые дни и Мордва празднуетъ Николѣ-Пасу, совершая особія жертвоприношенія. Она отождествляетъ Николая Чудотворца съ двумя древними своими Пасами: весною съ Мاستырѣ-Пасомъ, богомъ, дающимъ землѣ силу растительности, а зимой съ Назаромъ-Пасомъ, богомъ зимы, ночи и луны. Такихъ отождествленій мордовскихъ божествъ съ православными святыми много. Начало такихъ отождествленій относится къ временамъ стародавнимъ. Вотъ извѣстныя намъ отождествленія; помѣщаемъ ихъ въ календарномъ порядкѣ.

Января 1-го православная церковь празднуетъ Василію Великому, который въ народѣ считается покровителемъ свиней; въ сѣверной и восточной Россіи сохраняется обычай въ этотъ день молиться своему богу свиней Таунъ-ѳазану и даже называютъ его въ молитвахъ Василіемъ (Вельки-Васій). Января 28-го, въ день Ефрема Сирина, а также 1-го ноября, въ день Косьмы и Демьяна, въ деревняхъ есть обычай „домового прикармливать“. Ему оставляютъ каши на загнеткѣ печи, — обычай, оставшійся, конечно, отъ временъ язычества; въ эти же дни и Мордва молится и приноситъ въ домахъ жертву: въ январѣ — Юртова-ѳазану, а въ ноябрѣ Кардасъ-Сярко-ѳазану, богамъ усадьбы и дома. Эрзяды, при молитвѣ къ послѣднему, призываютъ и Кузьму-Демьяна. Въ этотъ день приносятъ въ жертву божеству домовъ курицу — обычай, напоминающій народное повѣріе, что на Кузьму-Демьяна куры бываютъ именинницы, и жареная курица должна быть на столѣ. Апрѣля 3-го, въ день Никиты Исповѣдника, рыболовы иногда топятъ чужую лошадь для угощенія водяного; въ это же время и Мордва молится богу рыболовства Акъ-Шакаль-ѳазану и также приноситъ ему жертву, утопя лошадь въ рѣкѣ или озерѣ. Апрѣля 17-го, или въ ближайшую пятницу, Мордва молится

Нишкиндѣ-Тевтярь, богинѣ пчеловодства. Въ этотъ же день православные молятся св. Зосимѣ, покровителю пчелъ. Св. Георгій побѣдоносецъ (23-го апрѣля) отождествляется Мордвой съ Свѣтъ-Верешки-Велень-Пасомъ, богомъ земли и травъ. Въ Нижегородской губерніи терюхане молились ему на другой день весенняго Николина дня и называли „отцомъ Николы-Паса“. Такимъ образомъ 9-го мая они молились богу воды, а 10-го богу земли. Замѣчательно, что и по нашимъ народнымъ повѣрьямъ 10-го мая, на Симона Зилота, бываетъ земля именинница. Въ день пророка Іереміи (1-го мая), котораго русскій народъ считаетъ покровителемъ земледѣльческихъ орудій и зоветъ Еремѣемъ Запрягальникомъ, Мордва молится Кереть-ѳаису, богу земледѣльческихъ орудій. Въ Ивановъ день (24-го іюня) у Мордвы бываетъ большое празднество Нишки-Пасу, богу неба, солнца, свѣта и тепла, котораго отождествляютъ то съ Іоанномъ Предтечей, то съ Спасителемъ. Въ день Ілии Пророка (20-го іюля) молятся Пургинѣ-Пасу, богу грома, и отождествляютъ его съ пророкомъ, которому православный людъ приписываетъ владѣніе громами и молніями. Мордва своихъ боговъ коневодства Ангарь-ѳаисъ и Лишмань-ѳаисъ отождествляетъ съ евв. Флоромъ и Лавромъ (18-го августа) и въ день ихъ памяти совершаетъ моленія о своихъ лошадяхъ; на этомъ моленіи бываютъ только одни мужчины, женщинъ не пускаютъ: обычай, существующій и у русскихъ на лошадиномъ праздникѣ. Сентября 15-го, на Никитинъ день, въ русскихъ деревняхъ задабриваютъ водяного, отрывая голову у гуся и бросая его въ воду; у Мордвы въ этотъ день, или въ ближайшую пятницу, совершали такой же обрядъ приношенія жертвы Ведь-Мастырь-Пасу—богу воды. Этотъ богъ отождествляется съ св. Никитой, котораго въ русскихъ деревняхъ обыкновенно зовутъ гусятникомъ и гусорѣзомъ. Октября 29-го праздникъ овчарей; въ этотъ день молятся объ овцахъ св. Анастасіи, которую зовутъ поэтому „овечницей“. Мордва, отождествляя эту святую съ своею богинею Ревъ-ѳаисъ, покровительницей овецъ, молится ей въ тотъ же самый день 29-го октября или въ ближайшую пятницу. Ноября 8—день Михаила архангела; въ этотъ же день у терюханъ и эрзядъ бываетъ большой праздникъ Волцы-Пасу, богу звѣриной охоты: этого бога они отождествляли съ Михаиломъ архангеломъ. Въ день Рождества Христова Мордва совершала моленіе Анге-Патяй (другое молебствіе ей въ пятницу передъ Троицынымъ днемъ), которую отождествляла съ Пресвятою Дѣвой, и Нишки-Пасу, иначе Иниче-Пасъ (слово въ-слово сынъ Бога). На другой день праздновали той же богинѣ, какъ покровительницѣ дѣтей, родильницѣ. Принявшая христіанство Мордва отождествляла Анге-Патяй съ бабой Саломеей, лицомъ апокрифическимъ, будто бы послужившимъ Пресвятой Дѣвѣ при рожденіи Спасителя. Моленія на кладбищахъ умершимъ предкамъ совершались въ тѣ же дни, что установлены и православною церковью для поминовенія усопшихъ, то-есть въ пятницу (у крещеныхъ въ субботу) передъ масле-

ницей и на Өоминой недѣлѣ (Радунницѣ), и кромѣ того 1-го сентября и 1-го октября.

Какъ славяне, принявъ христіанство, приурочили своего громовержца Перуна къ Ильѣ пророку, а Волоса, скотъяго бога, къ св. Власію и т. д., такъ точно и Мордва приурочила свои божества къ христіанскимъ святымъ еще до принятія христіанской вѣры. Самого Чамъ-Паса, своего верховнаго бога, Мордва отожествила съ Господомъ Саваоомъ и въ молитвахъ къ нему называла его: „Святъ Господь Савагофъ“.

У мокшанъ также отожествлены древнія божества ихъ съ христіанскимъ Богомъ и святыми. Такъ, Шкай отожествленъ съ Господомъ Саваоомъ, Спаситель съ Солтаномъ, Азаравъ съ Богородицей, Кудазаравъ съ Сочельникомъ (5-го января), который они почитаютъ за святого человѣка, Баязаравъ съ Великимъ Четвергомъ, тоже почитаемымъ ими за святого человѣка; Авынъ-азараву мокшане отожествили съ апостоломъ Өомой и празднуютъ ей въ Өомино воскресенье. Объ остальныхъ божествахъ мокшанъ мы не имѣемъ свѣдѣній, съ какими святыми они ихъ отожествляютъ. Но Николай Чудотворецъ и у мокшанъ является особымъ богомъ, *Николазарава*, которому празднуютъ 6-го декабря и котораго считаютъ не богомъ, а богиней.

IV.

Мордовскія мольбища (керемети).

Мордва никогда не имѣла особыхъ храмовъ для совершенія богослуженія. Нигдѣ нѣтъ остатковъ ихъ. Ни въ лѣтописяхъ ни въ другихъ письменныхъ памятникахъ нѣтъ ни малѣйшаго о нихъ упоминанія. У самой Мордвы не сохранилось о нихъ никакихъ преданій. Наконецъ въ мордовскомъ языкѣ нѣтъ даже слова, означающаго храмъ. Слово „черьква“ уже русское и означаетъ храмъ исключительно христіанскій.

Зато въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ Мордва, указываютъ на мѣста старинныхъ мольбищъ: въ лѣсахъ, на поляхъ, на кладбищахъ. Здѣсь доселѣ иногда и давно уже крещеные тайно совершаютъ жертвоприношенія стариннымъ своимъ божествамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно же въ Симбирской, Пензенской, Самарской и Саратовской губерніяхъ, мордовскія кладбища называются *кереметями*. Мѣстами употребляютъ это названіе и въ Нижегородской губерніи. Едва ли оно не заимствовано Мордвой отъ чувашей. Въ каждой мордовской волости бывало по нѣскольку большихъ мольбищъ, или кереметей, и каждое изъ нихъ было посвящено особому божеству, которому и совершалось въ немъ жертвоприношеніе. Такъ, напримѣръ, у терюханъ Терюшевской волости было пять мольбищъ, въ которыхъ совершались общественные *молянны* *) цѣлою волостью. Въ полуверстѣ отъ села Сіухи, въ лѣсу.

*) *Молянн*, отъ русскаго слова *молить*, у нижегородской Мордвы значтъ молебствіе, праздникъ. Этимъ словомъ замѣнилось старинное мордов-

въ ровномъ долу, недалеко отъ рѣчки Мянги, находилось мольбище Нишки-Пасу; другое было на полѣ близъ деревни Инютина, неподалеку отъ ручья Майданки; здѣсь были приносимы жертвы Свѣтъ-Верешки-Велень-Пасу; третье близъ деревни Березниковъ, въ рошѣ, близъ рѣчки Пичеси; здѣсь были приносимы волостныя жертвоприношенія Анге-Паття и ея *сестреницамъ*, то-есть четыремъ ея дочерямъ Паттяй; четвертое въ лѣсу, близъ деревни Малаго-Сескини (Чертовка тожь), здѣсь бывали молебствія Волцы-Пасу, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія здѣсь же совершались жертвоприношенія и пророчествовалъ мордвинъ, извѣстный подъ названіемъ Кузьки-бога; наконецъ пятое мольбище Назаромъ-Пасу было на полѣ деревни Татарской, недалеко отъ рѣчки Кирмети.

Кромѣ того, при каждой деревнѣ было свое мольбище, на которомъ совершались молитвы и жертвоприношенія жителями одной этой деревни. Это—деревенскія мольбища, „пеціона-кереметь“.

Когда Мордва еще не была крещена, волостные, а мѣстами и деревенскіе керемети огораживались плетнемъ. Въ лѣсу или рошѣ избиралась небольшая четырехугольная ровная площадка, саженъ въ 20—30 длины и столько же ширины; ее огораживали, какъ сказано, плетнемъ, а иногда и высокимъ тыномъ. Загороженный такимъ образомъ кереметь имѣлъ трое воротъ (*ортѧ*), обращенныхъ на востокъ, на югъ и на сѣверъ. Люди входили черезъ южныя ворота; назначенный для жертвоприношенія скотъ вводился въ восточныя, а въ сѣверныя ворота носили воду для варенія жертвеннаго мяса. Внутри керемети, у восточныхъ воротъ, обыкновенно врывали три столба: одинъ изъ нихъ назначался для привязыванія приносимыхъ въ жертву лошадей *), другой для привязыванія жертвенныхъ быковъ, третій для привязыванія жертвенныхъ овецъ. Эти столбы назывались *теръ-жигать*. Съ западной стороны врывали также три столба *юба*; здѣсь закаляли приносимый въ жертву скотъ. Между столбами юба была вырывается небольшая яма, закрываемая каменною плитой; въ эту яму спускали кровь закалываемаго животнаго и потомъ закрывали плитой. Неподалеку отъ этой ямы ставился небольшой сарайчикъ, или, лучше сказать, навѣсъ, — *хорай-жигать* **). По срединѣ его врывали небольшіе столбики съ попе-

ское слово *бзизь* (у мокшанъ *озкъ*), которое теперь означаетъ добраго духа. Въ «Толковомъ словарѣ» В. И. Даля слово *молянъ* (ошибочно напечатано: молякъ, II, 938) объяснено такъ: «Нижегородское. Мордовскіе праздники, оставшіеся въ памяти съ языческихъ временъ». Русскія молебствія, отправляемыя Мордвой, называютъ также *моляннами*.

*) Лошадей Мордва приносила въ жертву только въ глубокой старинѣ. Еще языческая, сближалась съ русскими, она перестала употреблять въ пищу коняну, отчего прекратились и приношенія въ жертву лошадей. Сохранилось только жертвоприношеніе лошади богу рыбной ловли Акъ-Шакаль-бзизу, но ее уже не варили въ котлахъ и не ѣли, а топили въ водѣ.

**) *Хорай-жигать* по-мордовски значить кухня, поварня.

речно положеннымъ на нихъ брусомъ, на этотъ брусъ навѣшивались котлы, въ которыхъ варили мясо жертвенныхъ животныхъ. У южныхъ дверей ставилась *хума*, столъ, устроенный въ родѣ баннаго полка; на немъ разрѣзывали сваренное жертвенное мясо на столько кусковъ, сколько человекъ участвовало при богомольѣ. На восточныхъ столбахъ (*теръ-житъ*) были развѣшиваемы кожи, снятыя съ приносимыхъ въ жертву животныхъ. Въ старину всѣ кожи оставались навсегда на этихъ столбахъ, а въ послѣднее время ихъ продавали и на вырученныя деньги покупали соль къ слѣдующему богомолью.

Всѣ эти ограды и столбы кереметей въ свое время были тщательно истребляемы русскимъ духовенствомъ при помощи земской полиціи, особенно при обращеніи Мордвы въ православную вѣру въ сороковыхъ годахъ прошлаго (XVIII) столѣтія, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходили даже столкновенія полицейскихъ чиновъ съ вооруженными язычниками. Истребленныя мольбища не разъ были возобновляемы. Мордва, и по обращеніи въ христіанство, отъ времени до времени продолжаетъ совершать моленія по обрядамъ старинной своей вѣры, для чего обыкновенно наканунѣ или за день до назначеннаго жертвоприношенія ставятся столбы, нужные для совершенія обряда, но мольбища не обносятся никакою загородкой.

Керемети, на которыхъ приносились жертвы отъ одной только деревни, отличались отъ большихъ, волостныхъ, только обширностью: та же ограда, тѣ же столбы и та же кухня. Впрочемъ, ограда на деревенскихъ мольбищахъ, какъ сказываютъ, и въ старину устранялась въ рѣдкихъ случаяхъ.

На кладбищахъ совершали молитвы на самыхъ могилахъ, которыя большею частью бывали покрыты срубами изъ бревенъ, вѣнцовъ въ пять, и тесовою крышей, то-есть точно такъ же, какъ нерѣдко покрывались могилы и въ нашихъ селахъ. Моленія на кладбищахъ, при совершеніи которыхъ всѣ участвующіе ѣли и пили приготовленные дома блины и другія кушанья и пили ниво, почти совершенно сходны съ нашими поминками.

Домашнія моленія и жертвоприношенія совершались или на шесткѣ печи, или на загнеткѣ ^{*}), или на камнѣ *кардо-сярко*. Среди каждаго мордовскаго двора была положена вровень съ землей каменная плита, большей или меньшей величины, а подъ ней вырыта яма, куда, закалая животныхъ для домашнихъ жертвоприношеній, спускали кровь. Даже и въ такомъ случаѣ, если какое-либо животное забалывалось не для жертвоприношенія, а просто для обѣда, Мордва рѣзала его посреди двора и, поднимая плиту, спускала кровь въ находящуюся подъ ней яму. Пролить кровь животнаго (кромѣ птичьей) въ другое какое-либо

---

^{*}) *Загнетка* (въ Московской губерніи *загнивка*), лѣвый зауголокъ на шесткѣ русской печи, куда сгребается жаръ.

мѣсто, по понятіямъ Мордвы, — грѣхъ непростительный, онъ навлекаетъ на весь домъ проклятіе. Камень этотъ посвященъ мордовскому домовому богу, Кардасъ-Сярко-бзансу, и называется *кардо-сярко*.

У Мордвы не было ни жреческаго класса ни жрецовъ, которые бы на срочное время или пожизненно сохраняли за собой эту должность. Домашнія моленія и жертвы обыкновенно совершались старшіи мужчина въ домѣ, а въ извѣстныхъ случаяхъ старшая женщина. На кладбищахъ они же, каждый надъ могилами своихъ предковъ. Но для совершения моленій и жертвъ на общественныхъ, мірскихъ, волостныхъ молянкахъ каждый разъ избирались, по общему согласію, нѣсколько человекъ изъ уважаемыхъ міромъ стариковъ, которые вообще назывались *атепокишъ-тей*, то-есть хорошіе люди. По большей части должность старшаго изъ нихъ (*прявтъ* у терюханъ и эрдяздовъ, *шмятя* у мокшанъ) исполнялъ старшіи по лѣтамъ житель той деревни или волости, и всегда почти эта должность соединялась съ должностью деревенскаго или волостного старшины. Такимъ образомъ онъ былъ и жрецъ, и судья, и хранитель общественнаго имущества, и представитель общины передъ дравительствомъ. Прявтъ у эрдяздовъ и терюханъ занималъ свою должность пожизненно, но всегда могъ отказаться отъ нея по старости, по слѣнотѣ и пр., могъ быть и лишенъ своего званія по общему согласію всѣхъ домохозяевъ деревни или волости, если бывалъ замѣчаемъ въ какихъ-либо, несообразныхъ съ должностью его, поступкахъ.

Прявтъ (собственно значить „голова“) не былъ жрецомъ. Онъ не приносилъ жертвъ, не возглашалъ молитвъ, но былъ старшимъ изъ предстоявшихъ на молитвѣ. Ему первому подавали кусокъ жертвеннаго мяса, ему подавался первый ковшъ жертвеннаго пива, онъ собиралъ людей на молитву, онъ распускалъ по домамъ молящихся, но самъ не совершалъ никакихъ обрядовъ. У него въ домѣ хранились священные ковши, рычаги, паркы (кадки), жертвенные ножи и другая утварь, нужная для молебствій. Онъ же назначалъ и день молебствія. Хотя мордовскіе праздники, какъ мы уже сказали, совпадаютъ во времени съ праздниками христіанскими, но Мордва не разумѣетъ календаря и потому каждый разъ спрашиваетъ прявта, въ какой день онъ велитъ приготовляться къ жертвоприношенію тому или другому божеству. Онъ самъ, какъ умѣлъ, считалъ дни, а со времени распространенія христіанства узнавалъ отъ православныхъ священниковъ, въ какой день будутъ праздновать тому или другому святому, отождествленному съ однимъ изъ мордовскихъ божествъ, и въ ближайшую къ тому дню пятницу (день, почитаемый языческою Мордвой такъ же, какъ у насъ воскресенье) назначалъ жертвоприношеніе. Одинъ старикъ изъ эрдяздовъ въ деревнѣ Сарадонъ (Нижегородскаго уѣзда) сказывалъ намъ, что во времена стародавнія у нихъ на общественныхъ моленіяхъ первое мѣсто занимали „панки“ (князьки), а когда они перевелись и „вся Мордва пошла подъ бѣлаго (русскаго) царя“, то мѣсто ихъ заняли выборные прявты.

Главный жрецъ на общественныхъ моленіяхъ у эрзядовъ и терюханъ назывался *возатя*; онъ читалъ молитвы, онъ распоряжался и жертвоприношеніемъ. Возатя и его двѣнадцать помощниковъ избирались изъ самыхъ почетныхъ стариковъ волости передъ каждымъ волостнымъ молянью; но по большей части одни и тѣ же лица занимали эти должности по нѣскольку лѣтъ. Помощниками возати были: три *париндяита*, или *пурендяита* *), которые избирались большею частью на дѣлный годъ. Они собирали по домамъ хлѣбъ на пиво, медъ для сыты, а также и другіе припасы, напримѣръ, яйца, масло, равно и деньги. Прявтъ выдавалъ имъ священныя парки (кадки), въ которыя они наливали сваренное ими, сыченое медомъ и заморенное пиво — *пуре*, и во время молебствія разносили его молящимся. Три *яибеда*, избираемые за три дня до молебствія и получившіе тогда отъ прявта жертвенные ножи, разносили пароду *вологу*, то-есть жертвенное мясо. Три *кашангорода*, избираемые за день до молебствія и получившіе отъ прявта священныя ковши числомъ по сороку, до пятидесяти и даже по сотнѣ. Наконецъ было еще три помощника возати, *туросторы*, наблюдавшіе за благочиніемъ во время богослуженія, для чего становились на них, или на поставленные вверхъ дномъ кадки, дабы съ высоты можно было наблюдать за народомъ. Они же приготовляли *штатолы* (толстыя восковыя свѣчи, верхъ которыхъ утончался и загибался спиралью) и прилѣпляли ихъ по приказанію прявта къ заднему краю каждой парки. Нариндяиты, яибеды, кашангорода и туросторы находились въ полномъ распоряженіи возати.

Кромѣ того, для совершенія общественнаго моляна избирались еще три служителя, независимые отъ возати и подчиненные одному прявту. Ихъ называли *позанбунаведы*. Они избирались за три дня до молебствія и ходили по деревнямъ, отыскивая рыжаго быка, бѣлаго барана безъ малѣйшаго клочка другой шерсти; если же не находили такого животнаго, то и другою какого-либо цвѣта, но непременно одношерстное. Это животное они покупали на собранія париндяитами и яибедями общественныя деньги, приводили его на молянъ и закалывали.

*) *Пурендяитъ* значитъ слово-въ-слово пивоварь, отъ *пуре* — мордовскій медъ безъ хмеля, или насыченное медомъ пиво, которое морили, то-есть оставляли перебродить. Мореный медъ, или *пуре*, по-мордовски, въ большомъ употребленіи и у другихъ финскихъ народовъ восточной Россіи, у чувашъ, черемисъ, вотяковъ. Хотя въ него и не кладутъ хмеля, но онъ очень пьянъ. Если непривычному человѣку выпить стаканъ этого напитка, очень пріятнаго на вкусъ, голова у него останется свѣжа, зато ноги какъ будто отнимутся, ногныя мышцы совершенно не повинуются волѣ человѣка. Послѣ сна бываетъ страшная головная боль, продолжающаяся по суткамъ и болѣе. Но Мордва, а особенно чуваша, пьютъ свое *пуре* ковшами и бываютъ только веселы. Въ старицу и у русскихъ дѣлались такіе меды. Ихъ называли *ставленными*, или мореными. Мы называемъ вездѣ пурендяитовъ *париндяитами*, такъ какъ послѣднее названіе болѣе употребляется Мордвой.

У мокшанъ и божествъ было меньше, и обряды ихъ были далеко не такъ сложны, какъ у эрзядовъ и терюханъ. И служителей на ихъ моленьяхъ (ѳзкъ) было гораздо меньше. Домашніе ѳзксы совершаемы были, какъ и домашніе моляны эрзядовъ,—старшими въ домѣ, а для общественныхъ моленій (вель-ѳзкъ) избираемы были въ каждой деревнѣ старикъ и старуха. Старикъ *ини-атя*, или *инятъ* (главный старикъ, дѣдушка), совершалъ молебствія Солтану, а старуха *имбаба* (главная старуха, бабушка)—Азаравѣ. Эти старикъ и старуха пользовались огромнымъ уваженіемъ своихъ односельцевъ и почитались за первыхъ въ селѣ молитвенниковъ. Въ случаѣ частныхъ бѣдствій мокшане прибѣгали къ нимъ и просили молиться за нихъ Богу, или принять участіе въ домашнемъ молебствіи.

У.

Велень-Молянъ (Вель-ѳзкъ).

Прежде чѣмъ станемъ говорить о каждомъ мордовскомъ божествѣ особо и объ обрядахъ въ честь ихъ совершаемыхъ, представимъ обряды, исполнявшіеся вообще на всѣхъ общественныхъ мольбищахъ.

Богослуженіе, праздникъ, жертвоприношеніе означается у эрзядовъ и терюханъ однимъ словомъ *ѳзансъ* или *ѳзкъ* (у мокшанъ *ѳзкъ*). Но давно еще, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ годахъ прошлаго (XVIII) столѣтія, эрзядское слово *ѳзансъ* замѣнилось заимствованнымъ изъ русскаго языка и по-своему переименованнымъ словомъ *молянъ*. Словомъ *ѳзансъ* называются, какъ мы уже сказали, и мордовскіе боги низшаго разряда.

Моляны бывали: 1) общественные, волостные — *велень - молянъ* (свель - молянъ) по-эрзядски, *вель - ѳзкъ* по-мокшански (слово-въ-слово эти слова означаютъ „мірское богомолье“), 2) деревенскіе — *пейѳна-молянъ*, 3) полевые, совершаемые на поляхъ — *накъя-молянъ*, 4) совершаемые въ домахъ — *куда - молянъ*, и наконецъ 5) на кладбищахъ — *атятъ-молянъ*, то-есть молебствіе предкамъ.

Мы опишемъ здѣсь велень-молянъ, общественное богослуженіе въ честь всѣхъ боговъ мордовскихъ, совершавшееся преимущественно въ лѣтнее время, по случаю общественныхъ бѣдствій, напримѣръ, моровой язвы и т. п.

Мы преимущественно пользуемся при этомъ доставленною намъ покойнымъ нижегородскимъ архіепископомъ Іаковомъ запиской священника села Сивухи; свѣдѣніями о бытѣ и преданіяхъ Мордвы, доставленными изъ разныхъ мѣстъ Императорскому Русскому Географическому Обществу, слѣдственнымъ дѣломъ о Кузькѣ-богѣ и нѣкоторыми другими слѣдственными дѣлами. Мнѣ самому однажды привелось производить формальное слѣдствіе о мордовскомъ общественномъ моленіи. Это

было въ 1848 году. Лѣтомъ этого года холера сильно свирѣпствовала въ Нижегородской губерніи. Паническій ужасъ распространился въ народѣ. Въ городахъ и селахъ совершались молебствія, крестные ходы. Приготовляясь къ смерти, и старые и молодые говѣли, исповѣдывались и причащались. Юля 8-го, близъ села Сарлей, въ роцѣ деревни Сескина, почти все населеніе приобщилось св. тайнъ, а вечеромъ въ тотъ же день человекъ пятьдесятъ изъ причастившихся совершили въ роцѣ мордовскій молянъ, принеся въ жертву теленка, пиво, яичницы и проч. Бурмистръ имѣнія графа Сенъ-При, которому принадлежатъ Сарлей, захватилъ молеельщиковъ и представилъ ихъ къ суду, называя суевѣрный поступокъ отступничествомъ отъ христіанской вѣры. Мордву посадили въ тюремный замокъ, и мнѣ было поручено произвести объ нихъ формальное слѣдствіе. Арестованные были, разумѣется, отпущены и отданы на увѣщаніе духовному пачальству.

„Велень-атятія“, то-есть мірскіе старшины всѣхъ деревень извѣстной волости, посоветовавшись между собой, отправляются въ числѣ пяти или шести человекъ къ прявту и стоятъ передъ домомъ его съ непокрытою головою. Извѣщенный объ ихъ приходѣ прявтъ велитъ отворить ворота настежь, а самъ становится среди двора у камня кардо-сярко. Подойдя къ прявту, старики трижды кланяются ему молча, а потомъ говорятъ, что надо-де справиться „молянъ“, и чтобъ онъ назначилъ день и сдѣлалъ нужныя приготовленія. Прявтъ, назначивъ пятницу, ближайшую къ празднованію тому божеству, которому собираются молиться *), идетъ къ себѣ въ избу и становится у печки. Вынувъ изъ загнетки уголь, онъ вздуваетъ огонь и зажигаетъ хранящійся у него священный штатоль (восковая свѣча), оставшійся отъ предыдущаго моляна. Прежде горящій штатоль прявтъ ставилъ на шесткѣ печи, теперь же, по принятіи христіанства, зажигаетъ свѣчу передъ иконами. Старики повторяютъ свою просьбу, съ такими же поклонами, какъ и на дворѣ, и прявтъ, взявъ въ руку штатоль, снова объявляетъ имъ, въ какую пятницу надо совершить предположенный молянъ.

Загѣмъ старики, по приглашенію прявта, садятся по лавкамъ вокругъ стола и разсуждаютъ, сколько надо собрать денегъ, хлѣба, меду и прочихъ припасовъ для совершенія богослуженія, и кому быть возатей. Уговорившись, избираютъ трехъ париндяитовъ, призываютъ ихъ, если они не въ числѣ пришедшихъ на совѣтъ, и приказываютъ начинать сборъ. Къ каждому париндяиту назначается по одному янбеду изъ бывшихъ на предыдущемъ молянѣ. Каждому париндяиту прявтъ даетъ по священной „паркѣ“ (кадкѣ) для сбора муки и меду, и каждому янбеду по жертвенному ножу. Послѣ того сборщики расходятся въ три

*) Теперь (1867) у крещеной Мордвы, все еще совершающей по мѣстамъ обряды старинной своей вѣры, моляны совершаются по воскресеньямъ. Такъ и молянъ, бывшій въ деревнѣ Сескинѣ въ 1848 году, совершенъ былъ въ воскресенье.

стороны, въ каждую париндяить съ ябедомъ. На другой же день начинается сборъ.

Обрядъ сбора на молянъ нужныхъ для жертвоприношеній припасовъ весьма замѣчательнъ. Этимъ обрядомъ, по нашему мнѣнiю, можетъ быть объяснено одно непонятное до сихъ поръ мѣсто Несторовой лѣтописи.

Въ деревнѣ, куда отправляется за сборомъ париндяить съ соупствующимъ ему ябедомъ, уже заблаговременно знаютъ о днѣ, въ который они прѣйдутъ собирать, и женщины еще наканунѣ дѣлають къ тому приготовленiя. Шьютъ три, четыре и болѣе холщевыхъ мѣшечка и къ нимъ пришиваютъ по двѣ длинныя тесемки, или веревочки. Въ одинъ мѣшокъ хозяйка насыпаетъ фунтъ, два или болѣе муки, смотря по тому, сколько предполагается молельщиковъ на предстоящемъ молянѣ, въ другой кладетъ бурачокъ съ медомъ, въ третiй — нѣсколько гривенъ денегъ, въ четвертый — бурачокъ съ масломъ, въ пятый — бурачокъ съ яйцами и т. д. Потомъ накрываетъ столъ чистымъ рядомъ и раскладываетъ на немъ назначенные для сборщиковъ мѣшки и мѣшечки. Все это дѣлается однѣми женщинами: мужчины не должны даже видѣть этихъ приготовленiй, для чего съ ранняго утра уходятъ на работу въ поле, въ овины, или же прячутся въ хлѣва, какъ скоро узнають, что париндяить съ ябедомъ прѣехали въ деревню.

Но вотъ сборщики прѣехали. Они останавливаются съ возомъ у околицы. Бѣгающiя по улицѣ дѣвочки спѣшатъ сказать матерямъ, что ожидаемые гости въ деревнѣ (мальчиковъ на улицѣ не бываетъ, они прячутся съ отцами; при матеряхъ могутъ оставаться только грудные и не умѣющiе еще ходить дѣти мужескаго пола). Выждавъ нѣсколько времени, сборщики отправляются изъ дома въ домъ. Ябедъ пять разъ тычетъ жертвеннымъ ножомъ въ ворота, оставляемая незапертыми, и потомъ растворяетъ ихъ настезь. Потомъ париндяить съ ябедомъ идутъ прямо къ камню карко-сярко, въ который ябедъ тычетъ пять разъ жертвеннымъ ножомъ, а париндяить ставитъ на него священную парку дномъ вверхъ. Совершивъ этотъ обрядъ, оба идутъ въ сѣни, ябедъ тычетъ пять разъ жертвеннымъ ножомъ въ дверь избы и отворають ее.

Когда ябедъ тычетъ ножомъ въ ворота, онъ читаетъ слѣдующую молитву: „Чамъ-Пасъ, Нишки-Пасъ, Свѣтъ-Верешки-Пасъ, Анге-Патяй-Пасъ, Магушка Пресвятая Богородица, помилуй Васяй (имя хозяина), помилуй Машкасъ (имя хозяйки)“. Тыча въ камень карко-сярко, говорить: „Чамъ-Пасъ, Назаромъ-Пасъ, Кардасъ-сярко-бзаисъ, помилуй Васяй, помилуй Машкасъ“. Тыча въ дверь избы, обращается съ такою же мольбой къ Чамъ-Пасу, Волцы-Пасу и Юртова-бзаису, то-есть домовому богу, или собственно богу избы. Обращенiя къ тѣмъ или другимъ божествамъ, впрочемъ, измѣнялись, смотря по тому, по какому поводу совершался молянъ и какимъ божествамъ предположено было приносить на немъ жертву.

Когда яибедь отворяяъ избу, въ ней горѣлъ штатоль на шесткѣ печи, передъ которою стоялъ столъ съ мѣшками и мѣшечками. Передъ нимъ становились замужня женщины семьи, задомъ къ дверямъ; плечи и грудь у нихъ по поясъ были обнажены. Дѣвушки стояли подлѣ нихъ также задомъ къ двери, но не были обнажены. Надобно замѣтить, что мордовскія избы въ старину строились не совсѣмъ такъ, какъ русскія: печь ставилась въ переднемъ лѣвомъ углу, прямо противъ входа; такимъ образомъ мордовки, стоя передъ печкой, стояли задомъ къ двери *). Впослѣдствіи Мордва стала ставить печи по-русски, то-есть челомъ впередъ, къ окнамъ на улицу, а не къ двери. При такомъ расположеніи избы штатоль ставился у крещеныхъ передъ образами, а у некрещеныхъ на столѣ, поставленномъ въ правомъ переднемъ углу.

Париндяить съ яибедомъ, войдя въ избу, останавливались у самой двери, одинъ—держа палку, другой—жертвенный ножъ, и громко читали молитву Чамъ-Пасу, Анге-Патяй и Юртова-ѳаису. Тогда старшая замужня женщина брала обѣими руками за тесемки мѣшокъ съ мукой, закидывала его черезъ голову назадъ на голыя свои плечи и, не оглядываясь, ибо не должно было женщинамъ видѣть въ лицо сборщикавъ, пятилась задомъ къ дверямъ. Когда такимъ образомъ она подходила къ сборщикамъ, париндяить подставляя къ спинѣ ея священную парку, а яибедь, взявъ въ одну руку мѣшокъ, другою рукой пять разъ слегка кололъ подошедшую въ обнаженные плечи и спину, читая молитву, обращенную къ Анге-Патяй, а потомъ перерѣзывалъ тесемки; мѣшокъ падалъ въ парку, а концы тесемокъ оставались въ рукахъ женщины. Она отходила къ столу, не оглядываясь; за нею другая такимъ же образомъ подходила къ сборщикамъ съ другимъ мѣшкомъ, третья съ третьимъ, и т. д. Если же въ семьѣ была одна замужня женщина, она одна относила къ сборщикамъ описаннымъ порядкомъ приготовленные мѣшки одинъ за другимъ. Дѣвушки оставались у стола, опѣ не могли трогать приготовленныхъ мѣшковъ. Принявъ назначенные для жертвоприношенія принасы, париндяить и яибедь уходили, не затворяя ни дверей избы ни воротъ, складывали все полученное на возъ и отправлялись въ слѣдующій домъ. Какъ скоро они удалялись, женщины разводили на шесткѣ огонь, зажигая его горящимъ штатоломъ, и сожигали на немъ остатки тесемокъ. Пепель ихъ, вмѣстѣ съ углями, кляли въ загнетку съ молитвой къ Юртова-ѳаису, которую произносила старшая въ домѣ.

У преподобнаго лѣтописца Пестора подъ 1071 годомъ читаемъ: „Бѣси бо подъ токше на зло вводятъ, по семь же насмисаюся ввергше и въ пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажемъ бѣ-

*) Въ стѣнныхъ мѣстахъ губерній Пензенской, Тамбовской и Рязанской не только у Мордвы обрусѣлой и необрусѣлой, но даже у русскихъ до сихъ поръ можно встрѣтить избы съ печью, устье которой обращено къ двери.

совское наущенье и дѣйство. Бывши бо единою скудости въ Ростовскѣи области, встаста два влѣхва отъ Ярославля, глаголюща: „яко вѣ свѣвѣ кто обилѣе держитъ“; и поидоста по Вользѣ, кдѣ придуть въ погостѣ ту же нарицаху лучшиѣ жены, глаголюща, яко си жита держитъ, а си медь, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, выимаста либо жито, либо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнья ихъ отымашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро и бѣ у нее людѣи нѣ 300. Въ се же время приключися прити отъ Свѣтослава дань емлющу Яневи, сыпу Вышатиноу; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Вользѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Янѣ же испытавъ: „чѣя еста смерда?“ и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ, еже около ею суть, рече имъ: „выдайте влѣхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя“. Они же сего не послушаша. Янѣ же поиде самъ, безъ оружья, и рѣша ему отроки его: „не ходи безъ оружья, осоромятъ тя“, онъ же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отроковъ съ нимъ и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же ставши исполчишася противу, Яневи же идущю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ десять мужъ, придоша къ Яневи рекуще ему: „вида идещи на смерть, не ходи“, оному повелѣвши обити я, къ прочимъ же поиде“. Далѣе лѣтописецъ говоритъ, что Янѣ спросилъ двухъ волхвовъ: „что ради погубиста столько человѣкъ?“ Она же рекшема: „яко ти держать обилѣе, да аще истребивѣ сихъ будетъ гобино, аще ли хочещи, то передъ тобою вынемевѣ жито, ли рыбу, ли ино что“. Янѣ же рече: „попстинѣ лжа то: створилъ Богъ человѣка на землѣ, сставленъ костью и жилами отъ крове, нѣсть въ немъ ничего же; и не вѣсть ничто же, но токмо единъ Богъ вѣсть“. Она же рекоста: „вѣ вѣвѣ како есть человѣкъ створенъ“. Онъ же рече: „како?“ Она же рекоста: „Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отеръся ветъхомъ и верже съ небесе на землю; и расирѣся Сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка. И створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ не вложи; тѣмъ же аще умретъ человѣкъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу“ и т. д.

Волхвы, пришедшіе изъ Ярославля въ Ростовскую область и на Бѣлоозеро, принадлежали, конечно, къ финскому, или чудскому племени. Тамъ въ XI столѣтіи жили полуобрусѣлыя Меря и Везь, племена одного происхожденія съ Мордвой и, вѣроятно, имѣвшія одинаковыя съ ней религиозныя обряды. Несторовы волхвы о созданіи человѣка разсказываютъ такъ, какъ теперь разсказываетъ некрещеная Мордва въ Нижегородской и Симбирской губерніяхъ. Ходятъ два волхва, къ Яну выступаютъ десять мужей, повидимому, ближайшихъ ихъ совѣтниковъ — всего двѣнадцать человѣкъ, число прислужниковъ мордовскихъ возатей. Мордовскій обрядъ обрѣзыванія тесемокъ на голыхъ женскихъ плечахъ, конечно, перешедшій изъ глубокой древности, не объясняетъ ли темное

мѣсто лѣтоисца о вырѣзываніи волхвами у женщинъ изъ плечъ хлѣба и разныхъ съѣстныхъ припасовъ?

Собравъ нужное количество хлѣба, меда и пр., париндяиты съ ябедками привозили ихъ къ прявту. Тогда этотъ мордовскій старшина выдавалъ париндянтамъ священныя парки и приказывалъ имъ варить пиво изъ собраннаго хлѣба и дѣлать *пурѣ* — сыченое медомъ пиво, мореный медъ. Тогда же, назначивъ трехъ человекъ въ позанбунаведы, давалъ имъ собранныя деньги, на которыя они покупали для принесенія въ жертву быка, или овцу, или гусей и пр., смотря по тому, по какому случаю назначался волостной молянъ и какому божеству хотѣли молиться. Животное, назначенное для принесенія въ жертву, непременно должно быть одношерстное; если позанбунаведы не находили такого въ своей волости, отправлялись въ другую, въ третью и далѣе, пока не отыскивали.

Избраніе позанбунаведовъ обыкновенно бывало за три дня до жертвоприношенія. За два дня избирались новые ябеды, которымъ прявтъ выдавалъ священныя ножи для рѣзанія свареннаго мяса; большею же частью ябеды оставались прежніе. Наканунѣ дня, назначеннаго для принесенія жертвы, избирались кашангорода, которымъ прявтъ раздавалъ священныя ковши и рычаги. Тогда же были избираемы и туросторы. Возата обыкновенно сохранялъ свою должность въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду; онъ долженъ былъ хорошо знать обряды и читать наизусть, безъ ошибокъ, установленныя молитвы. Нѣкоторые изъ возатей, по увѣренію Мордвы, даже пророчествовали во время совершенія общественныхъ моляновъ. Возата во все время приготовленій къ моляву не появлялся на улицѣ, а въ ночь передъ жертвоприношеніемъ тихонько пробирался въ кереметь и тамъ взлѣзалъ на священное дерево и скрывался въ его вѣтвяхъ.

Въ день моляна париндяиты разставляли передъ священнымъ дубомъ или лицомъ парки и наливали ихъ пурѣ и пивомъ. Два или три боченка пурѣ перваго сусла ставили подъ священнымъ деревомъ по сторонамъ опрокинутой вверхъ дномъ кадки, или инымъ образомъ сдѣланнаго возвышенія, на которое впоследствии, при совершеніи обряда, становился возата. Париндяиты раскладывали по землѣ печеный хлѣбъ, соль, а иногда и медъ въ сотахъ или тонленый. Кашангорода стряпали на печныхъ заслонахъ „мірскія яичницы“ и вѣшали ихъ на рычагахъ, прикрѣпленныхъ къ вѣтвямъ деревьевъ. Народъ собирался къ молябщцу: мужчины отдѣльно, женщины отдѣльно, дѣвушки также отдѣльно. Прявтъ первый входилъ въ кереметь и становился передъ парками, за нимъ входилъ народъ: мужчины становились на правой сторонѣ, женщины на лѣвой, за ними дѣвушки. Женщины приносили съ собой на сковородахъ домашнія яичницы и пироги съ пшениною кашей (бичички); ихъ принимали кашангорода и также развѣшивали на рычагахъ. Всѣ становились, обрѣаясь лицомъ на западъ.

Позанбунаведы черезъ восточныя ворота вводили назначенное для жертвоприношенія животное и привязывали его къ одному изъ трехъ столбовъ (*теръ-жигатъ*), находящихся у этихъ воротъ: быка привязывали къ одному столбу, овцу къ другому и т. д. Потомъ животное проводили съ одного конца керемети на другой и привязывали къ одному изъ столбовъ *юба*. Позанбунаведы здѣсь закаляли его, спускали кровь въ землю подъ камень, снимали шкуру и, отнеся на восточную сторону, развѣшивали ее на теръ-жигатяхъ. Въ то время, какъ рѣзали животное, ябеды приносили сѣверными воротами въ священныя паркахъ воду, наливали ее въ пивной котель, подвѣшенный подъ сарайчикомъ въ поваря (хорай-жигатъ), и разводили подъ нимъ огонь, зажигая дрова священными штатолами. Тогда же туросторы, по приказанію правта, прилѣпляли горячіе штатола къ заднимъ сторонамъ парекъ, стоящихъ передъ священнымъ деревомъ. Очистивъ животное, выпувъ изъ него требуху и зарывъ ее въ яму подъ камень, позанбунаведы клали мясо въ котель, гдѣ уже кипѣла вода, приготовленная ябедами *).

Въ это время изъ вѣтвей священнаго дерева раздавался громкій голосъ возати: „*сакмеде!*“, т.-е. „молчите“. Всѣ скидали шапки, умолкали, и возати громко произносилъ: „Пурѣ пре за мѣрта, пайгуре за мѣрта, андря за мѣрта, шѣпете за мѣрта, великое за мѣрта, пащинъ коди“ **). Терюхане и эрдзяды до того обрусѣли и забыли древній языкъ свой, что они не знаютъ вполне значенія этихъ словъ, да и сами возати ихъ не понимаютъ. Громко произнося эти слова, возати приказываетъ собравшимся молещикамъ кланяться ниже. Всѣ низко кланяются много разъ, каждый приговаривая: „Чамъ-Пасъ, помилуй насъ; Вѣлды-Пасъ, Назаромъ-Пасъ, помилуй насъ; Нишки-пасъ, Свѣтъ-Верешки-Вѣлень-Пасъ, сохрани насъ; Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ!“ Поклоны съ произнесеніемъ этой молитвы продолжались по получасу и болѣе. Молитва произносилась вполголоса, но если число молещиковъ было значительно, отъ множества голосовъ бывалъ сильный шумъ.

Спрятавшійся возати снова кричитъ „сакмеде“, всѣ замолкаютъ и перестаютъ кланяться. Возати читаетъ другую, тоже непонятную для него самого молитву, начинающуюся словами: „чуваль-пузадѣ, иля-му задѣ, чясте, вясте!“ и приказываетъ молиться на колѣняхъ. Всѣ становятся на колѣни, поднимаютъ руки кверху, смотрятъ на небо и въ одинъ голосъ взываютъ: „Чамъ-Пасъ, Назаромъ-Пасъ, помилуй насъ; Нишки-Пасъ, Свѣтъ-Верешки-Вѣлень-Пасъ, сохрани насъ; Вѣлды-Пасъ, защити насъ; Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ!“ Имена божествъ произносятъ протяжно, а слова: „помилуй

*) При большихъ молинахъ, когда приносили въ жертву не по одному быку или барану, варили мясо въ нѣсколькихъ котлахъ. Мясо двухъ животныхъ въ одномъ котлѣ варить не позволялось.

**) За мѣрта—усердно молитесь. Пащинъ коди—кланяйтесь ниже.

насъ, сохрани насъ, защити насъ, умоли за насъ“ скоро и отрывисто. Нѣсколько разъ повторяютъ эту молитву; въ продолженіе ея возата слѣзаетъ съ дерева и становится на приготовленное для него возвышеніе у парекъ. По одну сторону этого возвышенія (обыкновенно столъ или опрокинутая вверхъ дномъ кадка) поставленъ боченокъ съ пурѣ, это такъ-называемая *государева бочка*, то-есть жертва, приносимая за благоденствіе государя. По другую сторону боченокъ съ сусломъ, это — *мірская бочка*, приносимая въ жертву за всѣхъ людей. Нерѣдко ставили и третій боченокъ съ пивомъ, приносимый въ жертву за начальство.

Взойдя на возвышеніе, возата машетъ во всѣ стороны руками и кричить: „сакмеде!“ Кольнопреклоненные молеельщики не остаются возглаголать молитвы и, ставъ на ноги, смотрятъ на возату, а онъ, съ открытою головою, воздѣвъ руки къ небу и обратясь на западъ, мысленно читаетъ про себя ту же молитву, которую передъ тѣмъ пѣли молеельщики. Послѣ того совершается жертвоприношеніе, по-мордовски *вознапаломъ*.

Возата, сойдя съ своего возвышенія, беретъ священный ковшъ изъ рукъ прявта и, положивъ въ него хлѣба и соли, подходитъ къ котлу, гдѣ варилось мясо. Взявъ у одного изъ янбедовъ жертвенный ножъ, онъ отрѣзываетъ кусокъ мяса и, кромѣ того, непременно языкъ животнаго, и кладетъ въ тотъ же ковшъ. Затѣмъ, стоя подлѣ хорай-жигати (поварня), на возвышеніи, поднимаетъ ковшъ къ небу и кричитъ: „Чамъ-Пасъ, гляди, бери! Назаромъ-Пасъ, гляди, бери!“ и т. д., пересчитывая божества одно за другимъ и къ имени каждаго прибавляя: „гляди, бери!“ Во время этого всѣ предстоящіе, обратясь къ востоку, гдѣ стоялъ возата, стоятъ молча, поднявъ руки къ небу. Кончивъ возношеніе жертвы, возата все, что было у него въ ковшѣ, бросаетъ въ огонь. При этомъ всѣ молеельщики становятся на колѣни, обратясь къ огню въ хорай-жигати, и долго, пока не сторитъ жертвенное, молятся, то поднимая руки къ небу, то опуская ихъ внизъ и призывая Чамъ-Паса и другихъ боговъ. Возата съ янбедами стоитъ между тѣмъ у огня, наблюдая, какъ горятъ мясо, хлѣбъ и соль, туда брошенные. Когда все сгорѣло, онъ взлѣзаетъ опять на возвышеніе у священнаго дерева и три раза кричитъ на три стороны: „сакмеде!“ Все умолкаетъ. Начинается вторая часть жертвоприношенія.

Возата, съ четырьмя стариками изъ народа, беретъ „государеву бочку“, то-есть пятиведерный боченокъ, налитый пурѣ, а нѣсколько челоуѣкъ, принеся большую дверь (обыкновенно воротное полотно), ставятъ на нее боченокъ; возата прилѣпляетъ къ нему горячіе штатолы и зажигаетъ ихъ отъ жертвеннаго огня. Приходятъ одинъ, два, а иногда и болѣе, *дудника* съ дудами (мордовскій инструментъ въ родѣ волынки), становятся на колѣни на воротное полотно подлѣ „государевой бочки“ и играютъ, а молеельщики, обратясь на западъ, стоя на колѣ-

нихъ и воздѣвая руки къ небу, поютъ подь акомпанементъ дудниковъ: „Господь Богъ Савагоевъ, Господь Богъ Савагоевъ, Господь Богъ Савагоевъ, Аяге-Патый-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, помогай бѣлому русскому чарю!“ Нѣсколько человекъ въ это время, взявъ воротное полотно, то поднимаютъ его съ боченкомъ и дудниками кверху, то опускаютъ на землю, то ставятъ себѣ на головы. Затѣмъ возата возглашаетъ: „сакмеде!“ все умолкаетъ, и онъ читаетъ молитву: „Чамъ-Пасъ, Нйшки-Пасъ, Свѣтъ-Верешки-Пасъ, спасай бѣлаго чаря“. Послѣ того всѣ становятся на колѣни, дудники снова начинаютъ играть, а модельщики пѣть молитву, провозглашенную возатей. По окончаніи этого обряда ставятъ на воротное полотно другой боченокъ, приносимый въ жертву за начальниковъ, съ тѣми же обрядами и молитвами, какіе совершаемы были надъ „государевой бочкой“. Наконецъ ставятъ третій боченокъ съ нивомъ, приносимый за весь народъ, и обрядъ повторяется еще разъ.

Послѣ принесенія каждаго боченка, возата, принявъ священный ковшъ отъ прятта, черпаетъ пурѣ, отойдя къ жертвенному огню, становится на кадку и, поднимая ковшъ вверхъ, кричитъ: „Чамъ-Пасъ! гляди, бери“ и т. д., прибавляя въ концѣ: „помогай бѣлому чарю, помилуй бѣлаго чаря, хороши (то-есть сохрани) бѣлаго чаря!“ Затѣмъ выливаетъ пурѣ на огонь, а народъ, обратясь на востокъ, стоя на колѣняхъ и поднявъ глаза и руки къ небу, поетъ молитву, произнесенную возатей. Съ такимъ же обрядомъ приносилось въ жертву ниво изъ второго и третьяго боченковъ.

Послѣ того „государеву бочку“ ставятъ на дверь, положенную на землѣ. Возата приказываетъ всѣмъ кланяться въ землю, а пряттъ, подойдя съ священнымъ ковшомъ къ боченку и налѣдивъ пива, шетъ, говоря: „Чамъ-Пасъ, Нйшки-Пасъ, Свѣтъ-Верешки-Пасъ, помогай бѣлому чарю—былъ здоровъ“. Въ это время кашангорода раздають священные ковши мужчинамъ, которые одинъ за другимъ подходятъ къ боченкамъ и пьютъ пурѣ, обращаясь къ богамъ съ молитвой о государѣ, какъ и пряттъ. Затѣмъ разливають пиво и пурѣ по паркамъ, кадкамъ, буракамъ и въ нихъ разносятъ по домамъ. Когда пурѣ и пиво разобраны, одинъ изъ париндяитовъ становится съ ковшомъ на дверь, стоящіе подлѣ поднимаютъ ее, а париндяитъ, держа въ правой рукѣ длинный еловый колъ, а въ лѣвой ковшъ, кричитъ: „дуръ-дуръ-дуръ, царе Мастыръ-Пасъ“, то-есть: „вотъ, вотъ, вотъ ковшъ Мастыръ-Паса“ (бога, сидящаго внутри земли и дающаго землѣ силу плодородія), и затѣмъ, набравъ молонъ ротъ пурѣ, брызгаетъ имъ въ народъ на три стороны. Это дѣлалось для того, чтобы былъ хорошій урожай хлѣба. Послѣ опрыскиванія париндяитомъ модельщнковъ, самъ возата взлѣзаетъ на дерево, ему подають ковшъ пурѣ и еловый колъ, и съ ними онъ прячется въ древесныхъ вѣтвяхъ. Оттуда кричитъ: „сакмеде!“ и, когда все стихнетъ, громко произноситъ: „Чамъ-Пасъ, Нйшки-Пасъ, Свѣтъ-Верешки-Вѣ-

лень-Пасъ, помилуй насъ, Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, пошли на хлѣбъ нашъ бѣлую зарницу и теплую росу, Мастыръ-Пасъ, ѣсть хотимъ, Ведь-Мастыръ-Пасъ, нить хотимъ, Наррдва-Анаручи, уроди хлѣба, Мастыръ-Пасъ, Корминець-Пасъ, корми насъ, Ведь-Мастыръ-Пасъ, давай дождя, Нйшки-Пасъ, свѣти на нашъ хлѣбъ, Вѣрги-Мучки-Мельказѡ, давай ведра, Варма-Пасъ, давай тихіе вѣтра, Тастъ-ѡзаисъ, береги нашъ хлѣбъ, Суавтума-ѡзаисъ, уроди много хлѣба, Мастыръ-Пасъ, уроди хлѣба, овесъ, гречу, пшено. Дуръ-дуръ-дуръ, паре Мастыръ-Пасъ!“ — и при этихъ словахъ, набравъ въ ротъ пурѣ, брызгаетъ имъ во всѣ стороны. Наконецъ возата наливаетъ по ковшу изъ каждой бочки, становится у священнаго дерева на землѣ, прилѣпляетъ къ нему горящій штатоль, кричитъ: „сакмеде!“, приказываетъ всѣмъ кланяться священному дереву, а самъ, обращаясь къ нему, провозглашаетъ молитву: „Чамъ-Пасъ, Нйшки-Пасъ, Свѣтъ-Верешки-Пасъ, помилуй насъ, Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ, Тумо-ѡзаисъ, помилуй насъ, Вечки-Кѣзь-Кельдигѡ, дай много дровъ, Пекше-ѡзаисъ, дай намъ много лаптей и много мочалы, Пиче-ѡзаисъ, дай намъ избы, Шоть-рань-ѡзаисъ, дай намъ бревенъ на избы, Керень-ѡзаисъ, дай намъ лубевъ“. Послѣ этой молитвы возата выливаетъ весь первый ковшъ на корни священнаго дерева, а изъ остальныхъ льетъ на корни другихъ деревьевъ, растущихъ въ керемети, стараясь, чтобы на всякой породы дерево непремѣнно было полито хотя нѣсколько жертвеннаго пива. Пока возата поливаетъ деревья, ходя по рошцѣ въ сопровожденіи кашангородовъ, носящихъ за нимъ ковши, народъ, стоя на колѣняхъ, поетъ сказанную возатей молитву лѣснымъ богествамъ.

Между тѣмъ жертвенное мясо сварилось. Позанбунаведы вынули его изъ котла и положили на огромныя деревянныя блюда (блюда могуція), съ которыми стояли передъ хорай-жигать (поварней) янбеды. Принявъ мясо, они отнесли его къ южнымъ воротамъ керемети и положили на находившейся тамъ столъ, устроенный въ видѣ баннаго полка (*хума*), и разрѣзали его жертвенными ножами на столько кусковъ, сколько людей находилось на молянѣ. *Вологу*—такъ называла Мордва жертвенное мясо—янбеды раздавали подходившему къ хумѣ народу, сначала прявту, потомъ старикамъ и старшинамъ. Къ котлу, въ которомъ оставался наваръ (по-мордовски щурья), подходятъ между тѣмъ кашангороды, черпаютъ священными ковшами и разносятъ щурью молеельщикамъ по старшинству. Одинъ ковшъ подаютъ на священное дерево все еще сидящему тамъ возатц, и онъ, громко прокричавъ; „сакмеде!“ и приказавъ всѣмъ стать на колѣни, громко произноситъ: „Чамъ-Пасъ, Вѡлцы-Пасъ, помилуй насъ, Кѣляда-ѡзаисъ, Ревъ-ѡзаисъ, береги нашъ скоть, Таунъ-ѡзаисъ, помилуй свиней, Ангаръ-ѡзаисъ, Лишманъ-ѡзаисъ, помилуй лошадей, Вѡлцы-Пасъ, дай много телятъ, ягнятъ, жеребятъ, поросятъ. Дуръ-дуръ-дуръ, паре Вѡлцы-Пасъ“—и съ этими словами,

набравъ въ ротъ щурьи, прыскаетъ ею во всѣ стороны, между тѣмъ какъ молещичики, кланяясь въ землю и воздвѣвая руки къ небу, протяжно поютъ произнесенную имъ молитву. Дудники подыгрываютъ на своихъ дудахъ.

Послѣ того обыкновенно слѣдовало приношеніе въ жертву висѣвшихъ на рычагахъ яичницъ и пироговъ съ кашей (бибички) *). Яичницы дѣлались такъ-называемыя выпускныя, или глазуни, въ каждомъ домѣ изъ столькихъ яицъ, сколько людей было въ семействѣ. Онѣ приносились на сковородахъ, а сковороды лычными веревками привязывались къ священнымъ рычагамъ, укрѣпленнымъ въ вѣтвяхъ священнаго дерева. Кромѣ того, на самомъ мольбищѣ дѣлались большія яичницы изъ яицъ, собранныхъ париндятами и янбедами при обходѣ волости предъ моляномъ. Большія, или мірскія яичницы дѣлались на печныхъ заслонахъ: ихъ бывало не менѣ четырехъ. Онѣ приготовлялись на поварифъ мольбища (хорай-жигать) позанбунаведами, которые потомъ отдавали ихъ кашангородамъ, а эти вѣшали заслоны на рычаги. Пирогъ и яичницы, принесенные изъ домовъ, если недоставало имъ мѣста на священномъ деревѣ, были развѣшиваемы на близъ стоявшихъ деревьяхъ. Возатя, взявъ въ руки заслонъ съ мірскою яичницей и положивъ на него пирогъ съ кашей, взлѣзалъ, подъ священнымъ деревомъ, на кадку, поставленную вверхъ дномъ, и кричалъ: „сакмеде!“, а потомъ, приказавъ всему народу кланяться, произносилъ молитву, поднимая яичницу и пирогъ надъ головой: „Чамъ-Пасъ, Нишки-Пасъ, Свѣтъ-Верешки-Пасъ, помилуй насъ, Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ, Анге-бзаисъ, помилуй дѣтей нашихъ, Анге-Натяй-Пасъ, дай намъ больше дѣтей, хорони (сохрани) куръ, гусей, утокъ, Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, Нишкиндѣ-Тевтярь, дай намъ много пчелъ“. Проговоря эту молитву, возатя слѣзалъ съ дерева и, взявъ отъ мірской яичницы кусокъ, подходилъ къ хорай-жигати (поварифъ), становился возлѣ нея на кадку, приказывая народу стать на колѣни, и, поднимая яичницу кверху, говорилъ: „Чамъ-Пасъ, гляди, бери, Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, гляди, бери, Анге-бзаисъ, гляди, бери“, и съ этими словами бросалъ яичницу въ огонь, а народъ оставался на колѣняхъ и, кланяясь въ землю на востокъ, къ жертвен-

*) Прежде вѣшали на рычаги и каму, сваренную въ горшкахъ, какъ видно изъ мордовской пѣсни, приведенной въ первой статьѣ этихъ очерковъ:

Стоять у нихъ въ кругу бадьи могучія (парки),
 Съ еусломъ сладкимъ бадьи могучія,
 Въ рукахъ держатъ ковши завѣтные,
 Завѣтные ковши больши-набольшіе,
 Хлѣбъ да соль на землѣ стоять,
Кама да яичница на рычагахъ висятъ,
 Вода въ чанахъ кипить,
 Въ ней говядину янбедъ варить.

ному огню, пѣлъ молитву личницы, сказанную на деревѣ возатей. Дудники подыгрывали на дудахъ.

Яичницы и пироги раздавались всѣмъ присутствовавшимъ на моланѣ; женщины, съѣвъ часть ихъ, остальное уносили домой для маленькихъ дѣтей.

Послѣ того всѣ молеельщики садятся на землю, ѣдятъ мясо, шурью, хлѣбъ, пироги съ пшенной кашей (бибички), пьютъ пурѣ, вино, сусло.

Когда всѣ усядутся, дѣвки, которымъ до сихъ поръ ничего не давали ни пить ни ѣсть, начинаютъ просить протяжнымъ, плаксивымъ голосомъ: „А, прявь староста, пить хотимъ, а старостиха, ѣсть хотимъ!“ Тогда имъ даютъ пива, мяса, шурьи, бибичекъ и личницы. Когда дѣвки побѣдятъ, одинъ изъ туросторовъ, по приказанію возати, становится на возвышенномъ мѣстѣ, то-есть на пенъ или опрокинутую кадку, и кричить: „сакмеде“. Обѣдающіе умолкаютъ, и туросторъ приказываетъ дѣвкамъ: „Тявтерь мурадо, пойте, дѣвки, позморѣ“ *). Изъ дѣвокъ для пѣнія жертвенной пѣсни *позморѣ* выбирались владѣющія громкими, сильными голосами; онѣ выходили на середину мольбища по призыву туростора. Затѣмъ онъ кричалъ: „нулама!“ (то-есть пузырь); на этотъ зовъ являлись дудники, и пѣніе *позморѣ* начиналось.

Позморѣ—длинная пѣсня на старинномъ мордовскомъ языкѣ, котораго эрдзяды и терюхане уже не понимаютъ. Эта пѣсня переходитъ изъ одного поколѣнія женщинъ въ другое, и онѣ поютъ, не понимая ни слова. Никто изъ Мордвы, къ кому я ни обращался, не могъ перевести мнѣ всей позморѣ. Начинается она обращеніемъ къ богамъ. Въ концѣ ея замѣчательно перечисленіе боговъ, съ относящимися къ каждому изъ нихъ днями недѣли:

А пятница Пасъ-Вѣленъ-Пасъ,
Недѣля Вѣлцы-Пасъ-укони,
Середа Чамъ-Пасъ,
Уторникъ Ведъ-Пасъ **),
Четвергъ Нѣшки-Пасъ,
Суббота Мастырь-Пасъ,
Понедѣльникъ Вамъ-Пасъ, то и кэ.

Послѣ позморѣ дѣвки пѣли по-русски, а дудники имъ подыгрывали:

Париндяиты, пить хотимъ,
А и староста чулкони,
Ай, староста, ѣсть хотимъ.
Тявтерь мурадонъ ***).

*) *Тявтерь*—дѣвки, *мурадо*—пойте, отъ глагола *мурома*, пѣть. Туросторъ всегда кричалъ это приказаніе съ русскимъ переводомъ. *Позморѣ*—жертвенная священная пѣсня.

***) Ведъ-Пасъ, сокращенное названіе Ведъ-Мастырь-Паса, богъ воды, а Вамъ-Пасъ, сокращенное Варма-Пасъ, богъ воздуха и вѣтра.

***) То-есть дѣвки спѣли.

Тутъ туросторъ кричалъ: „пулама мукить! тятвѣр къудамѡ!“ , то-есть: „пузырь *), молчать, дѣвки, молчать!“ Послѣ того онъ просилъ у сидѣвшихъ за трапезой распорядителей дать пить и ѣсть пѣвницамъ. Поѣвши, дѣвушки опять, по приказанію туростора, начинали пѣть позморѡ, опять ѣли, опять пили, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ всего, за исключеніемъ небольшого количества пива, мяса и явницы, относимыхъ домой.

Оставшіеся отъ принесеннаго въ жертву животнаго рога, кости, копыта и пр. иногда сожигались на жертвенномъ огнѣ по окончаніи пира, иногда же зарывались въ землю на керемети. Со временемъ рогъ и копыта Мордва стала продавать вмѣстѣ съ кожей, а на вырученныя деньги покупать соль и другіе принасы къ слѣдующему молянѹ.

Возати и его помощники, а также и позанбунаведы принимали участіе въ жертвенномъ пирѣ. Кромѣ того, возати съ его товарищами давалось съ каждаго дома по пирогу съ ишленною кашей. Эти пироги они дѣлили поровну.

По окончаніи молебствія, паркы, ковши, жертвенные ножи и прочія принадлежности мольбища относились къ прявту для храненія, равно какъ и огарки штатоловъ, бывшихъ у „государевой бочки“. Огарки остальныхъ штатоловъ разбирали домохозяева.

VI.

Богиня Анге-Патяй, праздники и моляны въ честь ея.

Большіе общественные, или такъ-называемые волостные моляны (вель-молянъ) совершаемы были Мордвой не часто, не болѣе пяти разъ въ году. Ихъ совершали въ честь главнѣйшихъ божествъ: Анге-Патяй, ея четырехъ сыновей: Нишки-Паса, Свѣтъ - Верешкѣ-Веленъ-Паса, Вѡлцы-Паса и Назаромъ-Паса, и четырехъ ея дочерей (сестриницъ Патяй). Въ однихъ мѣстахъ Мордва совершала волостные моляны въ честь названныхъ божествъ, а въ другихъ въ честь иныхъ. Такъ, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ, близкихъ къ Волгѣ, Сурѣ и другимъ большимъ рѣкамъ, гдѣ жители занимались отчасти и рыболовствомъ, совершаемы были большіе моляны Ведь-Мастырѣ-Пасу, водяному Богу, и т. п. Одной только богинѣ Анге-Патяй велень-моляны совершались повсемѣстно. Кромѣ того, почти вездѣ Мордва справляла „брачины“ (отъ русскаго братчины), начинавшіяся съ Покрова и продолжавшіяся до Казанской. Самому верховному богу Чамъ-Пасу особыхъ праздниковъ нигдѣ не бывало, но при всѣхъ моленіяхъ имя его поминалось первымъ, и ему, какъ міродержателю и творцу самихъ боговъ, молились прежде всѣхъ.

Моленіе Анге-Патяй, а съ нею и четыремъ дочерямъ ея, совершалось

*) Мордовская дуда дѣлается изъ бычачьяго пузыря.

два раза въ году: общественное, волостное, начинавшееся въ день Семика и оканчивавшееся черезъ недѣлю, и домашнее, въ день Рождества Христова и въ продолженіе святокъ. Анге-Патяй, по понятіямъ Мордвы, единственное божество, созданное самимъ Чамъ-Пасомъ и произведшее всѣхъ прочихъ боговъ и богинь. Она представлялась вѣчно-юною дѣвой *), полною силы, красоты и жизни и во всемъ мірѣ поддерживающею жизнь. То она представлялась чистою дѣвой, покровительницей дѣвицъ и цѣломудрія, то матерью боговъ, покровительницей женщинъ, помощницей при родахъ, охраняющею жизнь и здоровье родильницъ и поворожденныхъ дѣтей, покровительницей брака. Отсюда два праздника въ честь ея: одинъ дѣвъ Анге-Патяй, совершаемый лѣтомъ, въ поляхъ или рощахъ подлѣ рѣчки или источника, сначала дѣвушками, а потомъ вдовами; другой—зимній, совершаемый въ домахъ сначала дѣтьми, любимцами Анге-Патяй, а потомъ замужними женщинами и повивальными бабушками. Въ году, въ честь Анге-Патяй, совершалось вообще восемь праздниковъ: 1) въ четвергъ, въ день русскаго Семика, праздникъ, совершаемый дѣвушками частью въ деревнѣ, частью у воды. Это „кѣлу-молянъ“, моленіе березѣ, или, точнѣе сказать, божеству, покровительствующему березѣ, Кель-ѳзаису; 2) въ пятницу, на другой день Семика, большой мірской или волостной молянъ въ честь богини Анге-Патяй и Кель-ѳзаиса. Онъ назывался „тевтарь-молянъ“ (дѣвичій праздникъ), такъ какъ въ немъ главную роль играли дѣвушки; 3) въ четвергъ послѣ Троицына дня совершалось моленіе въ честь богини Анге-Патяй вдовами, надъ которыми главною бывала повивальная бабушка. Это моленіе называлось „бабанъ-молянъ“, то-есть старушечій праздникъ, или, точнѣе сказать, вдовій; 4) наканунѣ Рождества Христова совершалось дѣтьми обоого пола празднованіе богинѣ Анге-Патяй и Келяда-ѳзаису, охраняющему домашній скотъ; 5) въ самое Рождество Христова совершали домашній молянъ богинѣ Анге-Патяй и сыну ея Нйшки-Пасу, при чемъ происходило приглашеніе всѣхъ боговъ къ себѣ въ гости на праздникъ; 6) на другой день Рождества Христова общественный, мірской молянъ, совершаемый замужними женщинами въ домѣ повивальной бабушки; 7) зимніе праздники въ честь богини Анге-Патяй заключались празднествомъ дѣтей обоого пола ей и богу свиней Тауньсей, наканунѣ Новаго года, и 8) домашнимъ молянѣмъ богинѣ Анге-Патяй и богу свиней въ самый день Новаго года.

По понятіямъ Мордвы, Анге-Патяй живетъ и на небѣ и на землѣ. У

*) При обращеніи въ христіанство другихъ ипородцевъ финскаго племени для проповѣдниковъ истинной вѣры догматъ о безсѣмennomъ зачатіи Сына Божія нерѣдко представлялъ камень преткновенія. Мордва усвоила его легко, ибо и ихъ богиня Анге-Патяй представлялась также дѣвою и съ тѣмъ вмѣстѣ матерью боговъ. Равнымъ образомъ ученіе о смерти Спасителя, воскресеніи и вознесеніи на небо Мордва приняла легко, ибо и у нихъ было вѣрованіе въ Нйшки-Паса, сына Божія, убитаго людьми, но потомъ воскресшаго и вознесшагося на небо.

ея вверху, за тучами, есть свой домъ, наполненный сѣменами растений, зародышами разныхъ животныхъ, какъ домашнихъ, такъ и дикихъ, и душами еще не родившихся людей. Изъ этого дома она разливаетъ на землю жизнь, сходящую то въ росѣ, то въ дождѣ, то въ снѣгѣ, то въ зарницѣ. Зарница особенно плодотворна: опускаясь на землю, она проникаетъ въ самое жилище Мастырѣ-Паса и даетъ ему силу земной производительности. Въ Симбирской губерніи Мордва звала ее *Зарн-бзасъ* и почитала любимѣйшею внучкою Анге-Патяй и главнѣйшею ея помощницей. Въ своемъ небесномъ домѣ Анге-Патяй молода и прекрасна собой, когда же сходитъ на землю, дѣлается старухой, но чрезвычайно сильною. Здѣсь она какъ желѣзная—ступитъ па землю, земли подгибается, ступитъ па камень, на камнѣ остается слѣдъ поги. Иногда видали богиню на землѣ, то въ видѣ большой птицы съ длиннымъ золотымъ хвостомъ, у которой изъ золотого клюва сыпались по полямъ и лугамъ зерна, то въ видѣ бѣлоснѣжной голубки, которая съ высоты кидала цвѣты ичеламъ для собиранія меда и хлѣбныя крохи своимъ любезнымъ курамъ. По чаще всего люди видятъ одну тѣнь благодѣтельной богини, когда она навѣщаетъ нивы. Случается, что въ ясный лѣтній день, около полудня, вдругъ пронесется по полю легкая тѣнь отъ едва замѣтнаго облачка, заслонившаго солнце. Это, по мнѣнію Мордвы, тѣнь Анге-Патяй, которая невидимо для людей ходитъ по землѣ, оплодотворяя ее и лелѣя любимыя ею животныя и растенія. Приставляя къ каждому младенцу особаго духа-хранителя (*Анге-бзасъ*), Анге-Патяй сама часто навѣщаетъ дѣтей во снѣ и ласкаетъ ихъ. Если спящій ребенокъ улыбается — значить, добрая богиня ласкаетъ его. На землѣ Анге-Патяй надзираетъ, трудолюбивы ли женщины, и въ особенности каково онѣ прядутъ. Анге-Патяй сама пряжа. На небѣ она прядетъ на серебряномъ гребнѣ золотымъ веретеномъ пряжу. Поэтому въ дни празднованія ей, то-есть въ недѣлю отъ Рождества Христова до Новаго года и отъ Семька до слѣдующаго четверга, мордовки не прядутъ, считая то за великій грѣхъ и думая, что льняная одежда, на которую будетъ употреблена выпряденная въ эти дни пряжа, принесетъ много бѣдъ человѣку, который будетъ носить ее. Летящія въ ясные дни по осени пряди паутины считаются пряжей матери боговъ. Она посылаетъ на землю своихъ прислужницъ съ зародышами животныхъ и съ душами людей, и сама присутствуетъ невидимо при рожденіи дѣтей.

Изъ домашнихъ животныхъ особенно любимы богиней Анге-Патяй куры за свою плодovitость; поэтому ей и приносятъ въ жертву куръ и яйца. Куриныя яйца, снесенныя въ Семикъ, то-есть въ праздникъ богини Анге-Патяй, на другой день красили въ луковыхъ перьяхъ, отчего они выходятъ желтовато-красными. Эти яйца зовутся золотыми; ихъ берегли и во время пожара кидали въ огонь для укрощенія пламени и перемѣны вѣтра, клали въ лѣсу на деревьяхъ, гдѣ устраивали борти, чтобы пчелы лучше роились, и, изрубивъ, кормили ими съ

молитвой къ Анге-Патяй молодыхъ цыплятъ, чтобы, выросши, они несли больше яицъ. Эти же яйца ѣли женщины, которыя не рожали, или у которыхъ дѣти умирали въ младенчествѣ. Во время скотскихъ падежей и болѣзней домашняго скота, особенно же овецъ, изрубивъ эти яйца, раскидывали въ хлѣвахъ, а скорлупой вмѣстѣ съ луковыми перьями окуривали скотину. Мордва рассказываетъ, что при началѣ міра Анге-Патяй сказала всѣмъ животнымъ и женщинамъ, чтобы онѣ каждый день приносили плодъ. Всѣ отказались, говоря, что это очень тяжело и мучительно; одна курица согласилась исполнить желаніе богини и за то сдѣлалась любимымъ ея животнымъ. Кромѣ курвцы, была еще одна птица, которая согласилась исполнить желаніе богини и сдѣлалась-было также ея любимицей, но потомъ возроптала на тяготу ежедневнаго дѣторожденія. Это была кукушка, которая также предназначалась быть домашнею птицей. Анге-Патяй разгнѣвалась на нее, выгнала ее изъ человѣческаго жилья въ лѣсъ и не позволила вить своего гнѣзда, а велѣла класть яйца въ чужія гнѣзда. Въ знакъ же неисполненнаго ею обѣщанія, сдѣлала ее рябою и самыя яйца ея рябыми. Съ тѣхъ поръ кукушка жалобно кукуетъ по лѣсамъ, тоскуетъ о человѣческомъ жилищѣ, едѣ ей было такъ привольно жить.

Посылая на землю полевою плодотворную зарницу, Анге-Патяй удерживаетъ бурю, громъ и молнію; безъ ея помощи давно бы весь міръ разрушился. Когда идетъ дождь, она изъ небеснаго своего дома прыскаетъ молокомъ. Капли этого молока, упавши на коровъ, увеличиваютъ въ нихъ молоко. Изъ млекопитающихъ животныхъ любимѣйшія этою богиней овца и свинья, за то, что онѣ больше другихъ плодятся; оттого и въ жертву Анге-Патяй, вмѣстѣ съ курами и яичницей, приносятъ лѣтомъ бѣлую овцу, а зимой свинью.

Изъ растений Анге-Патяй особенно любить просо и ленъ, за то, что они даютъ больше сѣмянъ, чѣмъ другія воздѣлываемыя человѣкомъ растенія. Она сама собираетъ ленъ съ полей, съ каждой десятины по одной лянночкѣ, и изъ него на своемъ серебряномъ гребнѣ прядетъ пряжу на рубашки своимъ дѣтямъ-богамъ. Съ бѣлыхъ овецъ выщипываетъ по шерстинкѣ; собирая такимъ образомъ волну прядетъ, потомъ красить въ лазури небесной, въ красномъ солнцѣ, въ желтомъ мѣсяцѣ, въ алой зарѣ, этою разноцвѣтною шерстью вышиваетъ на рубашкахъ боговъ, по мордовскому обычаю, подолъ и плечи. Радуга — это подолъ рубашки Нишки-Наса, вышитый матерью его Анге-Патяй. Если женщина беременна и Анге-Патяй имѣетъ особое благоволеніе къ носимому ею ребенку, она изъ своей пряжи приказываетъ своей дочери (вѣроятно, Нишкиндѣ-Тевтярь) выткать рубашку для новорожденнаго и посылаетъ ее на землю съ Анге-ѳансомъ. Это тѣ младенцы, которые рождаются въ такъ-называемыхъ сорочкахъ. Они считаются счастливыми и всю жизнь находящимися подъ покровительствомъ Анге-Патяй. Сорочку зашиваютъ въ ладонку и надѣваютъ на младенца; онѣ

носить ее всю жизнь, и по смерти ее кладутъ съ нимъ въ гробъ. Потерять ладошку съ сорочкой значить навлечь на себя множество несчастій и потерять покровительство богини. Просо, такъ же, какъ и ленъ, составляетъ любимое растеніе Анге-Патяй: оттого больныхъ дѣтей кормятъ просяною кашей (пшленною), сваренною на овечьемъ молокѣ, такую же кашей кормятъ на свадебномъ пиру молодыхъ; при рожденіи ребенка (теперь на крестинахъ) бабушка-повитуха пшленною кашей кормитъ всѣхъ присутствующихъ, пшленную кашу старухи приносятъ въ жертву богинѣ Анге-Патяй на такъ-называсомомъ „бабань-молянѣ“; ею, призывая имя богини, кормятъ курь, чтобы лучше неслись. Кромѣ того, Анге-Патяй покровительствуетъ еще луку и чесноку, поэтому луковицы мордовки кладутъ подъ подушку младенца больного или такого, который мало спитъ, и окуриваютъ его луковыми черьями. Не любитъ Анге-Патяй хмелю, потому что онъ выросъ изъ вѣтки, принесенной къ людямъ Шайтаномъ; потому на праздникахъ въ честь ея никогда не употреблялось пиво, сваренное съ хмелемъ, а только одно сыченое сусло „пурѣ“. Изъ деревьевъ любимымъ деревомъ Анге-Патяй почиталась береза, потому что она скорѣе другихъ деревьевъ размножается. Какъ безъ яицъ и проса, такъ и безъ березы не обходились праздники въ честь Анге-Патяй. Даже во время зимнихъ праздниковъ употреблялись распаренные березовые вѣтвики.

Изъ насѣкомыхъ Анге-Патяй особенно любитъ ичелу за ея трудолюбіе и плодovitость. Пчела, подобно курицѣ, изъявила при созданіи согласіе на предложеніе Анге-Патяй ежедневно родить дѣтей, за что и удостоилась особеннаго ея благоволенія. Зато лишь изъ ея воска можно, по завѣту Анге-Патяй, дѣлать священные штатолы и только изъ ея меда варить жертвенное „пурѣ“. Осамъ и шмелямъ этого не предоставлено, какъ не изъявившимъ согласія на вызовъ богини. Муравей, по призыву богини, также вызвался-было на плодородіе и вѣчную труженническую работу, но, смущенный Шайтаномъ, сталъ зарывать свои соты въ землю и прятать дѣтей въ мусоръ, чтобы не доставались они людямъ. За то Анге-Патяй лишила „муравьиное масло“ сладости и вкуса и велѣла муравьямъ трудиться въ землѣ. А муравьиное масло прежде было медомъ.

Анге-Патяй, какъ источникъ жизни, покровительствуетъ повивальнымъ бабкамъ и сама поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется „Буламань-Патяй“, т.-е. богиня-повитуха. На другой день зимняго ея праздника, въ каждой деревнѣ въ домѣ бабушки-повитухи совершаемы были особыя жертвоприношенія, сохранившіяся повсюду и до сихъ поръ въ видѣ „сборныхъ обѣдовъ“. Богиня жизни покровительствовала также и лѣкаркамъ, помогая имъ лѣчить всякія болѣзни. При особомъ обрядѣ лѣченія „притки“ (порчи), о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, лѣкарки употребляли яйца и просо, безъ которыхъ не обходился ни одинъ обрядъ, совершаемый въ честь Анге-Патяй. По сви-

дѣтельству о. Шаверскаго, въ Самарской губерніи до сихъ поръ мордовскія лѣкарки снимаютъ съ человѣка порчу при пособіи яйца, пшена и березовой вѣтки или вѣника.

Передъ лѣтнимъ праздникомъ Анге-Патяй, париндянты и янбеды собирали хлѣбъ, солодъ, медъ и другіе припасы по тому же обряду, какой описанъ выше, но на этотъ разъ не женщины обнажали плечи и грудь и подавали припасы сборщикамъ, но дѣвушки. Замужнія женщины стояли одалъ. Взявшись одною рукой за обѣ тесемки, другою дѣвушка прикрывала грудь, въ знакъ своей дѣвственности. Наканунѣ праздника дѣвушки убирали избы и дворы зелеными вѣтвями, преимущественно березовыми, и ставили передъ домами березки, какъ у насъ ставятся въ Троицынъ день. Изъ древесныхъ вѣтвей и цвѣтовъ плели вѣнки и надѣвали ихъ на голову, а также вѣшали ихъ снаружи избы въ такомъ количествѣ, сколько въ домѣ было дѣвушекъ. Дѣвушки развѣшивали такіе же вѣнки надъ своими изголовьями, призывая при этомъ въ молитвѣ покровительницу свою, богиню Анге-Патяй, слѣдующимъ образомъ: „Чамъ-Пасъ, помилуй насъ, Анге-Патяй-Пасъ матушка, помогай дѣвкѣ твоей (имя) чисто жить и давай поскорѣй жениха хорошаго“. А повѣсивъ вѣнки, говорили; „Свѣтъ Нишки - Пасъ, шли жениха до насъ“.

Наканунѣ праздника Анге-Патяй, то-есть въ самый день русскаго Семика, мордовскія дѣвушки изъ всей деревни собирались вмѣстѣ и съ березовыми вѣтвями въ рукахъ, съ вѣнками на головѣ ходили отъ дома къ дому съ громкимъ пѣніемъ. Въ своей пѣснѣ обращались онѣ къ дѣвѣ Анге-Патяй, прося ее сохранить ихъ и прибавляя молитву къ Нишки-Пасу, чтобы онъ прислалъ къ нимъ жениховъ. Мужчины не имѣли права присутствовать при этой церемоніи. Если бы какой-нибудь смѣльчакъ осмѣлился проникнуть въ это время въ кружокъ дѣвушекъ, онѣ имѣли бы право схватить его, трепать и щекотать, пока онъ не откупится десяткомъ свѣжихъ яицъ. Только дудникъ могъ ходить съ дѣвушками, если онѣ приглашали его играть на нехитромъ мордовскомъ инструментѣ. Дѣвушки выбирали изъ среды себя „прявтѣ-тевтяръ“ (начальница дѣвицъ, слово-въ-слово „голова-дѣвка“). Она шла впереди, а передъ нею маленькія дѣвочки несли березку („келу“), украшенную полотешцами, платками и „каркъ-чамакомъ“ предводительницы процессіи прявтѣ-тевтяръ. Слѣдомъ за нею шли избранныя ею изъ любимѣйшихъ подругъ три „тевтяръ-париндянты“ съ кузовками, пещурами или бураками, украшенными березовыми вѣтвями. Вереница дѣвушекъ, подходя къ каждому дому, пѣла особую пѣсню, называемую „кѣлморо“ (пѣсня березы: отъ „кѣль“, „келу“—береза и „мурома“—пѣть). У Мордвы, забывшей свой языкъ, „кѣлморо“ поется такъ:

Здоровѣ бѣла береза,
Здоровѣ большой листь клѣнь,
Здоровѣ гожій духъ липушка,

Здоровá красны дѣвушки,
Здоровá наша хозяйошка,
Къ тебѣ, ко хозяйошкѣ,
Пришли красны дѣвицы,
За пирогами, за яичницей,
За желтою за драчною.

Хозяйка въ окно подавала яйца, а также пшеничной муки и масла на драчону. Яйца принимала „прывѣ-тевтярь“, а муку и драчону дочери, внучки или племянницы хозяйки того дома, изъ котораго подаютъ. Въ кузовокъ одной изъ „париндяить-тевтярь“ складывались набранныя яйца, въ кузовокъ второй—мука, въ кузовокъ третьей—масло.

Когда хозяйка дома подавала въ окно дѣвушкамъ припасы, то говорила: „Анге-Патяй-Пасъ матушка... береги мою дѣвку, чтобы не полюбилъ ее злой человекъ, чтобы не завялъ ее зеленый вѣнокъ“.

Отходя отъ окна, дѣвушки становились вокругъ передъ окнами дома и съ звуками дуды пѣли „величанье“ своей подругѣ-дѣвушкѣ изъ того дома, гдѣ сейчасъ подала. Вотъ для примѣра три такія величанья, которыя въ Пензенской губернии (Саранскаго и Краснослободскаго уѣздовъ) поются еще по-мордовски, несмотря на то, что поющiе и многiе изъ слушающихъ пѣсню плохо или даже вовсе не понимаютъ ея смысла.

I.

Кати Катерька матерка,
Катерька якѣй щѣгольста.
Кати щѣгольста, чѣванста,
Вай Саратовской чѣлкаси,
Сѣри кѣчкери башмакса,
Кѣта квѣлмаса пѣля са,
Кѣмъ кафтова рѣця са
Вай, пѣлы заря штофъ ной са.

(Катя, Катерька (то-есть Катенька) матерка, щегольски одѣвается, ходитъ щегольски и важно! Ай, въ саратовскихъ чулкахъ, въ высокопятахъ башмакахъ, въ шестиполосной узорчатой рубахѣ, съ двѣнадцатью платками за поясомъ *), какъ заря, горитъ она въ штофиомъ платѣ).

*) Шестиполосная узорчатая рубашка — самая щегольская одежда мордовскихъ дѣвушекъ. Эти полосы вышиваются узорами по бѣлой холщевой рубахѣ шерстями разныхъ цвѣтовъ, преимущественно же красною, зеленою и синею; полосы эти идутъ вдоль рубашки отъ плеча до подола по три на сторонѣ; подолъ и воротъ также расшиваются узорами. Двѣнадцать платковъ за поясомъ составляютъ верхъ щегольства мордовокъ. Обыкновенно онѣ подпоясываются поясомъ (каркъс-чамакъс), къ которому сзади пришито много бахромы изъ шерсти, иногда съ раковинками, извѣстными подъ названiемъ «змѣиныхъ головокъ» или «ужовокъ», а у богатыхъ и съ серебряными деньгами; но когда мордовка въ полномъ на-

II.

Тѣвтырьсь іонось Татьянась,
Мѣздя паро сонъ?
Палниниза мазынить,
Ожанынза кѹвакать,
Сѣлыми нанза рѹжгать.

(Дѣвка хорошая Татьяна. А почему она хороша? Потому что рубашечка на ней красивенькая, рукавички у ней долгонькіе, глазки у ней черненькіе).

III.

Рязанань Сѡфась,
Шечкъ лѣзань пѣша,
Сѡфань рѡнгаянць,
Илянась котфъ кринкъсь,
Пильгень карцифаць,
Вай лемщѣ лѣвкенъ,
Пильгень шѣчафкъсь.

(Софья Рязанова! Какъ облупленная липа, бѣло ея тѣло; какъ скатанный льняной холстъ — на ногахъ ея обувь *); а походка ея какъ у дѣтища лучшей лошади).

Величанья дѣвушекъ поются и при другихъ случаяхъ, напримѣръ, на свадьбахъ ими величаютъ невѣсту, на посидѣлкахъ поютъ то одной, то другой мордовской дѣвушкѣ также похвалы. Иногда эти величанья вставляются въ пѣсни. Такимъ образомъ первое изъ приведенныхъ величаній поется въ срединѣ пѣсни о томъ, какъ мордовская красавица, имѣвшая много жениховъ, не хотѣла идти за богатыхъ, потому что въ домѣ богатаго работы много, и вышла за бѣдняка, у котораго не было ни кола ни двора; а третье въ началѣ пѣсни о томъ, какъ одну красавицу выдали замужъ за разбойника, и какъ она ночью нечаянно увидала, что онъ натачиваетъ ножъ.

Набравъ достаточное количество яицъ, масла и муки, дѣвушки, неся разукрашенную березку, подъ вечеръ идутъ изъ деревни на ближайшую

ридѣ, то за каркъс-чамакъс затыкають двѣнадцать платковъ изъ тонкаго льняного холста, расшитыхъ красною шерстью, а у богатыхъ даже и крученымъ золотомъ. Платки эти называются «руцять».

*) «На ногахъ ея обуви, какъ скатанный льняной холстъ». Мордовки особенно щеголяютъ своими ногами, для чего и носятъ короткія рубахи и понявы. Условіе красоты ногъ состоитъ въ ихъ толщинѣ и крѣпкой походкѣ. Мордовки для того наматываютъ вмѣсто онучъ по нѣсколку аршинъ тонкаго льняного, хорошо выбѣленнаго холста и стараются, чтобъ онъ лежалъ какъ можно глаже. Мордовки отлѣчаются бодрою походкой, онѣ всегда держатъ голову прямо и высоко, никогда не опускаютъ глазъ въ землю и ступаютъ сильною, ровною поступью. Отсюда сравненіе походки дѣвушки съ походкой породистой лошади.

рѣчку, ручей, ключъ или колодець съ пѣснями, сходными съ русскими семиковыми. Какъ скоро выйдутъ за околицу, поютъ:

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ идти,
Вѣнокъ сплести
Березовый.

Ой Дидь Ладо *)!

Березка моя!

Мы въ лѣсъ идемъ,
Цвѣтковь нарвемъ,
Вѣнки сошьемъ.

Ой Дидь Ладо!

Березка моя!

Пойдемъ шажкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ,
Слонимъ съ березы вѣточку,
Сошьемъ вѣнки,
Бросимъ на воду.

Ой Дидь Ладо!

Березка моя!

Плыть ли вѣнку,
Тонуть ли вѣнку
Березовому?

Плыви, вѣнокъ,
Не тони, вѣнокъ.

Ой Дидь Ладо!

Березка моя!

Придя на рѣчку, становять разукрашенную березку на берегу и разводятъ огни для приготовленія яичницы и драконы. Въ иныхъ мѣстахъ съ березки снимаютъ все навѣшанное и привязываютъ къ вѣтвямъ березки, стоящей на корню. Вокругъ нея дѣвушки становятся кругомъ, прятъ-тевтярь, какъ начальница праздника, кричитъ: „сакмеде!“ (молчите), и, когда все замолчать, читаетъ: „Кѣлу-Пась! вынимань монь (божество березы, помилуй насъ); Анге-Патяй-Пась! давай намъ добра здоровья“. Затѣмъ кланяются березѣ въ землю, и это повторяется трижды. Послѣ этого поклоненія божеству березы, снимаютъ съ головъ своихъ вѣнки и бросаютъ ихъ въ воду. При этомъ замѣчаютъ: чей вѣнокъ поплыветъ, та дѣвушка скоро замужъ выйдетъ, а чей потонетъ, та скоро умретъ. Затѣмъ разуваются и моютъ въ водѣ ноги. Наконецъ „раздѣваютъ“ березку, то-есть снимаютъ съ нея все на ней навѣшенное, разламываютъ ее и бросаютъ въ огонь, на которомъ готовятъ яичницу и дракону. Когда кушанье готово, прятъ-тевтярь кри-

*) Дидь Ладо — заимствованы, конечно, мордвой у русскихъ. Они упоминались въ мордовскихъ пѣсняхъ издавна. По крайней мѣрѣ, изъ записокъ Мильковича о «Мордвѣ Симбирскаго намѣстничества» (рукопись), знаемъ, что это было болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ первой половинѣ XVIII столѣтїя.

чить: „сакмеде!“ и читает молитву, обращаясь сначала къ Чамь-Пасу, потомъ къ Анге-Патяй, прося ее о здоровьи и о хорошихъ женихахъ, а наконецъ въ Кель-ѳзаису, принося въ жертву этимъ божествамъ приготовленныя кушанья, при чемъ сковороды трижды поднимаютъ вверхъ. Съѣвши все изготовленное, дѣвушки начинаютъ „кумиться“. Для этого дѣлаютъ большіе вѣнки изъ березовыхъ вѣтвей и послѣ пѣсни цѣлуются черезъ вѣнокъ одна съ другою. Пѣсня въ Симбирской и Нижегородской губерніяхъ при этомъ поется слѣдующая. Она употребляется и русскими:

Покумимся, кума, покумимся,
Мы семицкою березкой покумимся.
Ой Дидь Ладо честному Семику,
Ой Дидь Ладо березкѣ моей,
Еще кумуникѣ, да голубушкѣ.
Покумимся,
Покумимся,
Не браняся, не сваряся!
Ой Дидь Ладо, березка моя!

Покумившись, дѣвушки возвращаются въ деревню всюю гурьбой съ громкими пѣснями:

Матушка Троица,
Еще Богородица,
Да еще Семикъ честной,
Дайте намъ шильцо да мыльцо,
Вѣлое бѣлильцо,
Да зеркальцо,
Копейку да денежку,
Ой Дидь Ладо,
Семика честного яичницу.

Здѣсь обращеніе къ Троицѣ есть, по всей вѣроятности, остатокъ бывшаго прежде обращенія къ тремъ главнымъ божествамъ: Чамь-Пасу, Нйшки-Пасу и Ведь-Пасу, обращеніе къ Богородицѣ есть несомнѣнно обращеніе къ богинѣ Анге-Патяй, а подъ именемъ честного Семика разумѣется Келу-ѳзаисъ, богъ березы, въ честь котораго справлялся этотъ праздникъ мордовскими дѣвушками.

На другой день, въ кереметь, посвященный богинѣ Анге-Патяй, на общественный молянъ собирались и старые и молодые, и мужчины и женщины. Три дѣвушки приводили купленную на собранья париндянтами и янбедами деньги бѣлую годовалую овцу. Передъ тѣмъ мыли ее въ рѣчкѣ и къ рогамъ иногда привязывали березовыя вѣтви. Если на молянъ собиралось много народу, приводилось двѣ, три и болѣе овецъ. Введя въ восточныя ворота керемети овецъ, дѣвушки отдавали ихъ позабунаведамъ, которые привязывали ихъ къ овечьему юбу (столбу у восточныхъ воротъ), отводили на поварню (терь-жигать), кололи жертвеннымъ ножомъ, шкуру вѣшали на юбахъ, а янбеды варили мясо. Дѣ-

вѣтки съ березовыми вѣтвями, украшенными платками, и съ полотенцами въ рукахъ, становились предъ священной березой, которую также украшали, привязывая къ ней полотенца, платки, каркъсъ-чмаксы и пр. Позади дѣвушекъ становились женщины, а за ними мужчины. Принесенныя изъ домовъ яичницы, драчону и пшеничную кашу въ горшкахъ развѣшивали на рычаги, а передъ березой ставили бочку сыченаго пива (пурѣ). Дѣвушки, избравъ изъ себя трехъ, давали имъ яйца изъ собранныхъ наканунѣ, и тѣ на заслонѣ дѣлали „мірскую яичницу“. Затѣмъ возата влѣзаль на дерево и совершалъ обрядъ моленія, какъ онъ описанъ въ предыдущей главѣ. вмѣсто прысканья на народъ пивомъ, онъ, обратясь съ молитвой къ Келу-ѳансу, бросаль зеленныя березовыя вѣтви съ священнаго дерева, ихъ подбирали дѣвушки и, сдѣлавъ изъ нихъ вѣнки, надѣвали на головы. Имъ первымъ на этомъ молянѣ давали и сыченаго пива, и баранины, и щурьи, и яичницы съ драчоной.

По окончаніи моляна мужчины и замужнія женщины расходились по домамъ, а дѣвушки съ пѣснями шли къ ручью, разувались и мыли ноги. Потомъ опять кумились, то-есть цѣловались другъ съ другомъ черезъ вѣнокъ, и затѣмъ какъ вѣнки, такъ и березовыя вѣтви, что держали при жертвоприношеніи въ рукахъ, бросали въ воду.

Этимъ весенній праздникъ Анге-Патяй не оканчивался. Черезъ недѣлю, въ четвертокъ на Троицкой недѣлѣ, совершался такъ-называемый „бабань-молянъ“, въ которомъ принимали участіе старухи, или, точнѣе сказать, вдовы, безъ участія мужчинъ, замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ. Изъ молодыхъ вдовъ могли участвовать только не имѣвшія намѣренія вступить въ новый бракъ. Въ свою очередь, если у старухи мужъ былъ еще живъ, она не имѣла права участвовать въ бабань-молянѣ, хотя бы ей было и девяносто лѣтъ отъ роду. Такимъ образомъ третій лѣтній праздникъ въ честь Анге-Патяй былъ вдовьимъ праздникомъ, почему и назывался „бабань-каша“, или „бабань-молянъ“ *). Наканунѣ четверга собирались нять, шесть или семь старухъ и ходили по деревнѣ собирать припасы. Собирали девять куриць, съ каждаго двора по нѣсколько копеекъ денегъ, съ каждой женщины по четыре яйца и нѣсколько масла, сметаны, муки, круць, хлѣба, соли и пр. Собранное отдавали избранной старшей старухѣ, „прявь-баба“. Эту должность обыкновенно занимала повивальная бабушка деревни — „буламънъ“. На собранныя деньги покупали старую овцу. Въ четвергъ поутру, при восходѣ солнца, старухи собирались въ одно мѣсто и несли на рѣчку, ручей или ключъ впереди всего березку, на которую навѣшивали нѣсколько бѣлыхъ платковъ или полотенець, затѣмъ несли пятнадцать горшковъ сваренной изъ собраннаго пшена каши, прочіе припасы и живыхъ овцу и куръ. Для закланія

*) Русское слово «баба» у Мордвы не означаетъ замужнюю женщину, по только вдову. Замужняя женщина, хотя бы и старуха, называется «молода», «молодѣха». Впрочемъ, и у русскихъ слово «баба» употребляется иногда въ смыслѣ вдовы. «Толковый словарь» В. И. Даля, I, 28.

овець и куръ вдовы приглашали вдовца-старика, обыкновенно кого-либо изъ позанбунаведовъ. На берегу ручья или ключа, но непременно въ рощѣ и преимущественно березовой, старухи разводили огонь и вѣшали надъ нимъ котлы. Въ одномъ, ведрѣ въ десять, варили салму — жидкое тѣсто съ масломъ, и на большихъ заслонахъ дѣлали личницу. Когда все это сварится, онѣ все приготовленное разставляютъ на землѣ и въ серединѣ разставленнаго кушанья втыкали въ землю, принесенную изъ деревни, разукрашенную платками и полотенцами березку. Затѣмъ становились вокругъ, и три изъ нихъ, выступивъ впередъ, говорили въ одинъ голосъ молитву. Мы не имѣемъ текста старинной мордовской молитвы, употреблявшейся на „бабань-молянѣ“, но вотъ какъ теперь, по свидѣтельству священника села Вечкова, Вугуруеланскаго уѣзда, Федора Шаверскаго, старухи читаютъ молитву передъ иконой, которую приносятъ съ собой изъ дома: „Господи Пасъ-Корминець! пой насъ и корми, а народу православнова роди многа всякій хлѣбъ“. Потомъ, глядя на небо, продолжаютъ: „Ты, батюшка Илья Великій, шли на землю теплую росу и тиху погоду“. Затѣмъ, взглянувъ на рѣчку или на родникъ: „Вода матушка, подай всѣмъ хрещенымъ людямъ добрый здоровья. Кто выпьетъ, кто съѣстъ тебя, тому дай здоровья, а кто купатся, тому дай легость и радость. Дай добрый здоровье и скотина, котора тебя пьетъ“. Послѣ того, притрогиваясь ко всему поставленному на землѣ, старухи говорятъ: „Тебѣ, Господи, салма, личница, лепешки и сметана — принимай, а чего просимъ давай. Дай, Господи-Пасъ и матушка Пресвятая Богородица, народу православнова много всякой скотины, чтобы родилось много ребятъ, чтобы росли большіе и были здоровъ“.

Эта молитва, какъ говорить въ своей запискѣ о. Шаверскій, читается старухами трижды. Конечно, основой ея послужила забытая уже Мордвой старинная ихъ молитва, обращенная къ божествамъ. Судя по ея содержанію, можно, кажется, безошибочно заключить, что въ ней обращались сначала къ Чамъ-Пасу, именемъ котораго начиналась у эрзядовъ и терюханъ каждая молитва, Нишки-Пасу, котораго крещеная Мордва переименовала въ Илью Великаго, къ Ведъ-Мастыръ-Пасу, богу воды, и наконецъ къ Анге-Патая.

Прочитавъ приведенную молитву, старухи, говорятъ о. Шаверскій, начинаютъ ѣсть салму, смѣшивая ее съ яичницей и сметаной, и позавтракавъ такимъ образомъ, тутъ же ложатся спать. Проснувшись около полдень, онѣ принимаютъ за жертвоприношеніе. Приходитъ приглашенный старикъ, колетъ овцу и девять куриць и варитъ мясо ихъ въ водѣ безъ соли. Когда все уварится, старикъ вынимаетъ мясо изъ щурь, кладетъ въ корыто и ставитъ на землю близъ рѣки или родника. Старухи къ мясу приставляютъ пятнадцать горшковъ каши, выкладываютъ ее въ чашки и мѣшаютъ съ масломъ. Изготовивъ все такимъ образомъ, становятся на колѣни передъ иконой, и три старухи читаютъ слѣдующую

молитву: „Господи Пасъ-Корминець! Пой насъ и корми и давай намъ много всякаго добра, а всему народу добрый здоровья. Великій Пасъ, дай, чтобъ мы были здоровы, дай спорину въработѣ и во всякомъ дѣлѣ, куда пойдемъ, дай счастливый путь. Чего у тебя просимъ, о чемъ молимъ, того, Пасъ-Корминець, всегда давай намъ. Матушка Пресвятая Богородица, уроди много хлѣба, дай намъ лошадей, коровъ и овецъ, и чтобъ на нихъ мягкая была шерсть. Спаси, Господи Пасъ-Корминець, весь народъ православный отъ лихого человѣка, отъ голодуна *), непусти на насъ, поставь его, Господи, вверхъ ногами и сломи ему правую руку и вышиби у него правый глазъ“. Затѣмъ, дотрогиваясь до каши, баранины и пр., говорятъ: „Вотъ Тебѣ, Господи Пасъ-Корминець, вотъ Тебѣ, матушка Пресвятая Богородица, каша, цѣльный хлѣбъ, овечье мясо, куряттина и щурьба. Принимай, чего просимъ, подавай“. По прочтеніи этой молитвы трижды, старухи садятся на землю кругомъ приготовленнаго кушанья и обѣдаютъ. Тутъ приходятъ на молебнице и мужчины и молодья женщины изъ той же деревни, и старухи даютъ имъ часть своего обѣда. Затѣмъ остатки собираютъ и уносятъ домой. Часть изъ остатковъ каши зарывали потомъ въ западномъ углу овечьяго загона, а другую клали подъ камень „кардо-сярко“, остальное же съѣдали съ домашними на другой день. Березку ставили въ овечьемъ загонѣ, а вѣтви съ нея развѣшивали по наместямъ куръ.

Зимніе праздники въ честь богини Анге-Патяй назывались *кѣляденякъ* **) и совершались на святкахъ. Въ нихъ преимущественно принимали участіе замужнія женщины и дѣти обоего пола. Особымъ же почетомъ пользовались бабушки-повитухи.

Къ Рождеству молодья женщины варили сычешое медомъ пиво (пурѣ), не допуская до этого ни старухъ ни мужчинъ. Хмелю въ него не клали, ибо Анге-Патяй не любитъ этого, принесеннаго Шайтаномъ, растенія. За день до Рождества Христова кололи среди двора, у камня „кардо-сярко“, свинью съ особыми обрядами. Назначенную на колотьё свинью откармливали недѣли три и болѣе. Всю оставшуюся барду отъ варенья пива къ празднику Назаромъ-Паса (6-го декабря) отдавали ей, такъ же, какъ и барду отъ рождественскаго пива. За три дня до колотьё свинью впускали въ избу, гдѣ она и жила обыкновенно подъ печкой. Декабря 23-го молодья женщины наряжали свинью, то-есть повязывали ей на шею полотешце, за которое затыкали нѣсколько розогъ изъ распареннаго вѣника, вели ее въ передній уголъ, наливали въ чашку бѣольшую часть отвара, оставшагося отъ паренья вѣниковъ, и поили свинью. Потомъ хозяйинъ велъ ее на середину двора и колоть, не снимая съ животнаго полотенца и розогъ, а кровь спускалъ подъ камень „кардо-сярко“. Палили свинью на этомъ самомъ камнѣ на березовыхъ лучинахъ, за-

*) Колдунъ.

**) *Кѣляденякъ* по-мордовски святки. Собственно же это слово значить: праздникъ божества Келяды-оаиса.

жженныхъ священнымъ штатоломъ, при чемъ молились Анге - Патяй, Нишки-Пасу и Таунъ-бзайсу (богу свиней). Полотенце тутъ же сожигали. Но окровавленные розги хозяйка брала къ себѣ, чтобъ утромъ въ Рождество будить ими дѣтей. Когда они еще спали, мать сильно стегала ихъ прутьями, приговаривая: „Анге-Патяй казинесь, Кельчяннъ казинесь, Кель-Келяда казинесь“ (то-есть: Анге-Патяй подарила, березовый праздникъ подарилъ, Коляда подарила). Это дѣлается для здоровья; чѣмъ дѣти громче при этомъ плачутъ, тѣмъ здоровѣе будутъ, потому что покровительница ихъ, Анге-Патяй, скорѣй ихъ услышитъ. Въ праздникъ обыкновенно варили лапшу или салму со свиной, свиную голову, и жарили свинья кишки, начиненныя пшенной кашей.

Наканунъ Рождества Христова у Мордвы, какъ и въ русскихъ деревняхъ, дѣти „колядуютъ“. Не вдаваясь въ разсужденія о томъ, происходитъ ли слово „коляда“ отъ латинскаго *calendae* или отъ славянскаго *коло*, замѣтимъ, что у Мордвы оно, по имени березоваго божества, покровительствующаго домашнимъ животнымъ, называется *кѣляда*, что собственно значить *березовый*, отъ *кѣль* или *кѣлу*, береза. Береза, какъ уже сказано, было любимое дерево Анге-Патяй или посвященное этой богинѣ. Съ свѣжею березкой ходятъ дѣвушки и вдовы во время лѣтняго праздника, а такъ какъ наканунъ Рождества нельзя имѣть свѣжихъ березокъ, то мордовки распариваютъ березовые вѣники въ горячей водѣ, въ которую прибавляли молока, выпускали нѣсколько яицъ и кидали горсть проса. Этою водой послѣ обмывали дѣтскія колыбели, ею же спрыскивали во время родовъ женщинъ.

Вечеромъ въ рождественскій сочельникъ собираются дѣти до четырнадцатилѣтняго или пятнадцатилѣтняго возраста обоого пола. Дѣвочки ходятъ съ березовыми вѣниками, на которые навязываютъ платки и полотенца. Эти вѣники и называются „Кель-Келяда“. Мальчики ходятъ съ палками, колокольчиками, бубенчиками и печными заслонами. Впереди одна дѣвочка носитъ мѣшокъ, а передъ ней другая идетъ съ горячимъ восковымъ штатоломъ въ фонарѣ, который привязывается къ палкѣ и носится высоко. Ходя, дѣти поютъ:

Кель, Келяда,
Золотая борода,
Ходимъ по нуждѣ своей.
Приходила Келяда,
Растворй орта *),
Давай Келядѣ
Кишки да ножки,
Бабы лепешки.
Кель, Келяда,
Золотая борода!

Во время этого пѣнія мальчики звонятъ въ колокольчики и бубен-

*) Орта, по-мордовски ворота.

чики, стучать въ заслоны и поднимають страшный крикъ и шумъ на всю деревню. Подойдя къ окну, поютъ слѣдующую пѣсню:

Вой Кѣляда!
 Столбы ти красны,
 Вой Кѣляда!
 Вороты ти часты, золочены,
 Вой Кѣляда *)!
 Заборы ти горѣли серебряны.
 Васяй, братецъ, гдѣ спишь, ночуешь?
 На печи жарко,
 На казенкѣ чадно,
 На палаты дымно,
 На лавкѣ тѣсно,
 На кутникѣ мѣсто.
 Тутъ шли-прошли старики,
 Пропивали старухи,
 Прошли молодцы,
 Пропивали молодцы;
 Васяй, братецъ, богатой,
 Деньги гребеть лопатой,
 Кишки, лепешки,
 Кѣлянгемень пирожки.

Молодые женщины, разряженные въ лучшія платья, подаютъ въ окошко крашенныя лукомъ яйца, свиныя кишки, начиненныя пшенной кашей, сдобныя прѣсныя лепешки и такъ-называемыя „кѣлянгемень“ — пирожки съ пшенной кашей и яйцами, сдѣланные въ видѣ овецъ, свиней и куръ. Все поданное дѣти кладутъ въ мѣшокъ и переходятъ отъ одного дома къ другому. Обойдя деревню, они собираются въ одну избу: ставятъ большой украшенный вѣникъ и горящій штатолъ въ передній уголъ и всѣ вмѣстѣ ужинають собраннымъ; что останется, относятъ домой.

Молодые женщины стряпаютъ съ половины дня въ сочельникъ. Огонь въ печкѣ разводятъ въ это время съ соблюденіемъ слѣдующихъ обрядовъ: зажигаютъ передъ печкой штатолъ и ставятъ березовый вѣникъ, другимъ распареннымъ березовымъ вѣникомъ выметають изъ печи и изъ загнетки золу дѣчиста, а потомъ кладутъ дрова, непременно березовыя, если же мало такихъ дровъ, то хотя одно полѣно. Хозяйка беретъ пукъ березовой лучины и зажигаетъ его штатоломъ, говоря: „Чамъ-Пась, помилуй насъ, Анге-Патяй-Пась, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ, Свѣтъ-Нѣшки-Пась, поднимай красно солнце, обогрѣй насъ тепломъ, уроди намъ много хлѣба“. Горящую лучину кладутъ на шестокъ и на нее головешку, тщательно сохраняемую отъ прошлогодняго Рождества. Когда эта головешка разгорится, ее кладутъ въ загнетку, а лучиной растапливаютъ дрова въ печи. Въ загнетку же, кромѣ головешки, кладутъ еще сырое березовое полѣно, которое и курится три дня. Остающуюся головню заливаютъ отваромъ, въ кото-

*) «Вой Кѣляда» повторяется послѣ каждого стиха.

ромъ распаривали вѣники, и берегутъ подъ печкой до слѣдующаго зимняго праздника Анге-Патяй. Заливать головню должно дитя, самое младшее въ домѣ, исключая тѣхъ, что не умѣютъ еще ходить. Прежде чѣмъ залить головню, мать ребенка посыпаетъ ее солью. Соль трещитъ на огнѣ, а мать приговариваетъ: „Нйшки-Пасъ, свѣти на насъ, шибче соли не греми, Пасъ-Пургин“ *).

Истопивъ печь, выметають подъ не помеломъ, а распареннымъ березовымъ вѣникомъ, съ молитвой къ Анге-Патяй. Въ этотъ день жарятъ свиные кишки, красятъ луковымъ перьемъ яйца, пекутъ прѣсныя лепешки на свиномъ салѣ и пироги съ пшенной кашей (кѣлягемень). На другой день, то-есть въ самое Рождество, замужнія женщины устилають въ избѣ весь полъ чистою соломой, ставятъ въ переднемъ углу березовый вѣникъ, комлемъ внизъ, а передъ нимъ незажженный штатоль, потомъ начинаютъ стряпать: варятъ лапшу со свиной и особо свиную голову. Когда ее сварятъ, кладутъ ей въ ротъ крашеное яйцо и распаренный березовый прутикъ съ листьями. Подъ свиную голову на блюдо разстилають, въ видѣ бороды, пучокъ окрашенныхъ въ красный цвѣтъ нитокъ. Это называется „золотая борода“.

Въ полдень 25-го декабря хозяинъ зажигаетъ штатоль и становится со всѣми домашними на козѣна передъ окномъ, которое раскрываютъ. Мордва при каждомъ моленіи, совершаемомъ въ домѣ, непременно открывала окно и, молясь, смотрѣла черезъ него на небо. На этотъ разъ всѣ кланялись въ землю и воздѣвали руки къ небу, а хозяинъ такъ приглашалъ къ себѣ въ гости боговъ: „Чамъ-Пасъ, помилуй насъ **); Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, ступи къ намъ въ домъ на праздникъ твой Кѣльчянянъ; Нйшки-Пасъ, Иниче-Пасъ (сынъ божій), ступи къ намъ въ домъ на праздникъ твой Кѣльчянянъ; Свѣтъ-Верешкй-Вслень-Пасъ (затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе прочихъ боговъ), приходите къ намъ въ домъ съ Анге-Патяй и съ сыномъ ея Иниче-Пасъ на ихъ праздникъ Кѣльчянянъ“.

Послѣ приглашенія боговъ хозяинъ приказываетъ собирать обѣдъ. Хозяйка подаетъ ему на блюдѣ свиную голову, и онъ идетъ съ ней изъ избы въ сопровожденіи дѣтей; изъ нихъ самый малый несетъ передъ отцомъ березовый вѣникъ, взятый изъ передняго угла. Хозяинъ несетъ свиную голову прежде на камень „кардо-сярко“, а потомъ въ конюшню, во всѣ хлѣва, въ курятникъ, на погребъ, въ баню, въ овинъ и на коло-

*) Пургъ-ини—богъ грома.

***) Верховный богъ Чамъ-Пасъ не приглашался посѣтить домъ хозяина. Это божество слишкомъ велико, и никакой челоуѣкъ, какой бы святой жизни онъ ни былъ, недостоинъ его присутствія. Мордва говоритъ, что если бы Чамъ-Пасъ пришелъ къ кому-нибудь въ домъ, вся деревня со всѣми живущими въ ней, со всѣми строеніями, скотомъ, полями, лѣсами, и даже рѣчками и колодцами, сторѣла бы во мгновеніе ока. Вообще Чамъ-Паса Мордва хотя и поминаетъ въ началѣ каждой почти молитвы, но съ насущными своими прошеніями обращается къ низшимъ богамъ.

дець, вездѣ читая молитвы Анге-Патяй, Нишки-Пасу и мѣстному, такъ сказать, божеству, напимѣрь, въ овчариѣ богинѣ Ревъ-бзаясу, въ коношнѣ Лишмень-бзаясу и т. д. Обойдя все домашнія принадлежности, возвращаются въ избу, гдѣ на столѣ, покрытомъ чистымъ рядомъ, поставлены уже все кушанья, и въ числѣ ихъ три пирога съ пшенной кашей (кѣлянгемень), два рядомъ, третій на нихъ: верхній посвященъ самой Анге-Патяй, а нижніе — Нишки-Пасу и остальнымъ сыновьямъ и дочерямъ богини Анге-Патяй. Возлѣ стола на полу ставятъ кадку съ пурѣ. Хозяинъ ставитъ свиную голову на середину стола, а березовый вѣвникъ въ передній уголъ. Послѣ того все становятся на колѣни, и хозяинъ читаетъ молитву: „Чамъ-Пасъ, помилуй насъ; Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, умоли за насъ; Нишки-Пасъ, Иниче-Пасъ, пой насъ и корми. Кланяемся съ хлѣбомъ, съ солью, съ полнымъ столомъ. Вотъ тебѣ, Анге-Патяй-Пасъ, свиная голова, кѣлянгемень (пирожки), хлѣбъ, соль, ведро пурѣ и яйца крашены. Вотъ тебѣ, Нишки-Пасъ (снова перечисленій кушаній). Вотъ вамъ, боги (перечисленіе ихъ и новое перечисленіе кушаній). Сколько на столѣ хлѣба и соли, столько дай намъ добра. Сколько въ пирогахъ крупъ, столько дай намъ добра. Сохрани насъ отъ злыхъ людей и нечистой силы, а свиней и овецъ отъ волковъ. Анге-Патяй-Пасъ, что посеяно у насъ въ землю, зароди, сошли бѣлую зарницу и теплую росу. Свѣтъ-Нишки-Пасъ, свѣти и грѣй нашъ хлѣбъ; Анге-Патяй-Пасъ, уроди толстую солому, крупный колосъ, желтое съ куриное яйцо зерно. Какую шерсть любить Юрта-бзаясъ (домовой), такой скотъ и давай. Дай намъ много лошадей и съ упряжью, здоровыхъ и сильныхъ, какъ медвѣдь. Дай намъ коровъ, свиней, куръ, гусей и утокъ, и всякій скотъ и всякую птицу. Старымъ добромъ кланяемся, новаго давай“ *). Прочитавъ эту молитву, хозяинъ беретъ верхній кѣлянгемень, посвященный богинѣ Анге-Патяй, отрѣзываетъ отъ него горбушку и на нее укладываетъ кусочки мяса, сначала отъ свиной головы, потомъ отъ свинины, что въ лапшѣ, кусочекъ крашеннаго яйца, прѣсной лепешки и прочихъ кушаній, находящихся на столѣ. Взявъ въ правую руку эту горбушку, а въ другую ковшъ пурѣ, онъ, не становясь на колѣни, читаетъ въ третій разъ приведенную сейчасъ молитву. Прочіе же все молятся на колѣняхъ. Когда въ молитвѣ хозяинъ перечисляетъ кушанья,

*) Эта молитва доселѣ на русскомъ языкѣ употребляется обрусѣвшею Мордвой въ Самарской губерніи, по свидѣтельству о. Шаверскаго, но обращенія къ языческимъ божествамъ тамъ уже нѣтъ. Молитва начинается такъ: «Верхній Богъ, Великій Богъ, пой насъ и корми». вмѣсто обращенія къ Анге-Патяй говорятъ: «Вотъ тебѣ, Рождество Христово, свиная голова» и т. д. вмѣсто обращенія къ Нишки-Пасу, обращеніе къ Богу, котораго называютъ при этомъ «Пасъ-Корминичекъ» (Богъ кормилецъ). Березоваго вѣвника нѣтъ, свѣча зажигается передъ иконами, молятся на колѣняхъ съ крестнымъ знаменіемъ, при обходѣ хозяиномъ двора со свиной головой, передъ нимъ ходитъ ребенокъ съ иконой. Передъ молитвой курятъ передъ иконами ладономъ.

при названии каждого притрогивается къ нему горбушкой. Затѣмъ горбушку съ положенными на нее кусочками передаетъ женѣ, а она кладетъ въ загнетку на курящіяся тамъ старую головню и новое березовое полѣно. Послѣ того хозяинъ передаетъ женѣ ковшъ пурѣ, а она выливаетъ его въ загнетку, читая молитвы богинѣ Анге-Патяй, и зажигаетъ въ загнеткѣ сухую березовую лучину, чтобы поскорѣе сгорѣло принесенное въ жертву. За обѣдомъ прежде всего принимаются за свиную голову, сначала кусочекъ отъ нея отрѣзываетъ и ѣстъ хозяинъ, потомъ жена его отрѣзываетъ кусочки себѣ и прочимъ семейнымъ. Свиныя уши и хоботокъ обыкновенно даются дѣтямъ. Послѣ обѣда хозяйка беретъ кусочекъ отъ свиной головы и въ ковшѣ нѣсколько пурѣ, относитъ на дворъ и тамъ кусочекъ мяса кладетъ подъ камень „кардо-сарко“ и облиываетъ его пурѣ.

На другой день, 26-го декабря, былъ совершаемъ всюю деревней „пещона-молянъ“ (общественное деревенское молебствіе) въ домѣ повивальной бабушки, которая при этомъ была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Пурѣ, пироги, каша, необходимые при совершеніи обрядовъ, были сборные, какъ вообще бывало на волостныхъ и деревенскихъ молянхъ, но припасы для того не собирались царндяитами и яябедами, а готовые пурѣ и кушанья были приносимы къ повивальной бабушкѣ хозяйками домовъ, а сама она варила только двѣ пшеничныя каши, крутую и жидкую, для чего, еще за нѣсколько дней до Рождества, приносили ей проса и масла родившія въ продолженіе послѣдняго года женщины.

Въ этомъ праздникѣ принимали участіе женатыя мужчины, замужнія женщины и маленькія ихъ дѣти; ни вдовцамъ, ни вдовамъ, ни молодымъ парнямъ, ни дѣвушкамъ не было на немъ мѣста. Этотъ праздникъ, называемый „буламанъ-молянъ“ (молебствіе повивальной бабушки), справляемъ былъ вечеромъ. Изъ каждой семьи или къ бабушкѣ хозяинъ, хозяйка и маленькія дѣти, не достигшія еще семилѣтняго возраста; они на этотъ день назывались внуками и внучками какъ богини Буламанъ-Патяй, такъ и принимавшей ихъ при рожденіи повивальной бабки. Каждый внукъ или внучка приносили бабушкѣ пирогъ съ пшеничною кашей и макомъ и два ситные коровая. Отецъ приносилъ ведро пурѣ, а мать аршинный пирогъ съ кашей, два ситные коровая и лопатку вареной свинины или говядины. Мать жертвуетъ отъ себя и отъ тѣхъ дѣтей, которыя еще не могли сами нести подарковъ бабушкѣ, завязывала въ бѣлый балахонъ, къ которому пришивала двѣ длинныя тесемки, и, обнаживъ плечи, клала на нихъ узелъ и привязывала его накрестъ тесемками. Накинувъ поверхъ его шубу, мать шла впереди, за нею дѣти, сзади мужъ. Подойдя къ воротамъ бабушки, мать, взявъ на руки маленькаго ребенка, вмѣстѣ съ дѣтьми поетъ:

Благослови, бабушка
Буламанъ-Патяй!

Встрѣчай, бабушка,
Встрѣчай, матушка,
Я къ тебѣ иду,
Большу ношу несу;
Молись, бабушка,
Молись, матушка,
Станемъ къ тебѣ ходить,
Станемъ по многу носить
Хлѣба да соли,
Свинины да пива,
Пироговъ, короваевъ.

Пропѣвъ это привѣтствіе, семья входитъ въ сѣни, мать сбрасываетъ съ плечъ шубу и, войдя въ избу, оборачивается задомъ; бабушка подходитъ къ ней съ словами: „Милости просимъ къ намъ въ домъ со своимъ добромъ“, потомъ, держа узелъ одною рукой, другою колеетъ слегка женщину пять разъ ножомъ по голымъ ея плечамъ и по спинѣ и перерѣзываетъ тесемки узла. Такимъ образомъ и здѣсь повторяется обычай собиранія припасовъ париндяитами и янбедами для велень-моляновъ. Взявъ узелъ съ припасами, бабушка цѣлуется съ принесшею, цѣлуетъ внуковъ и внучекъ и принимаетъ отъ нихъ пироги и корован. Послѣ того отецъ ставитъ на столъ ведро пурѣ и кланяется въ ноги бабушкѣ.

Когда соберутся все, бабушка накрываетъ столъ чистымъ рядомъ, ставитъ хлѣбъ, соль, коровой, пироги, блюдо со свиной и говядиной и два горшка каши, жидкую для дѣтей, крутую для взрослыхъ. На столъ ставитъ она парку пурѣ, прилѣпляетъ къ ней горящій штатолъ и открываетъ окошко. Громко крикнувъ: „сакмеде!“ (молчите), приказываетъ всемъ стать на колѣни и молиться въ окно, а сама читаетъ: „Чамъ-Пасъ, самъ Господь Савагофъ, помилуй насъ! Анге-Патяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, дай добра здоровья внучкамъ, дѣткамъ, отцамъ, матерямъ. Буламанъ-Патяй, береги внучковъ, чтобы были теплы и сыты, и въ добромъ здоровьѣ. Анге-бзаисъ, береги внучковъ отъ дурного глаза, отъ голодуна (колдуна) и всякой нечистой силы. Анге-Патяй-Пасъ, почаще сходи изъ своего золотого небеснаго дома утѣшать внучковъ и дѣтокъ. Дай матерямъ много молока выкормить внучковъ. Дай много дѣтей, чтобы выросли большіе и были здоровы!“ Во время этой молитвы бабушка съ помощью женщинъ три раза поднимаетъ столъ съ поставленными на немъ кушаньями. Затѣмъ, обходя его три раза посолонь съ штатоломъ въ рукѣ, говоритъ, притрогиваясь къ кушаньямъ: „Анге-Патяй-Пасъ, Буламанъ-Патяй-Пасъ, вотъ тебѣ хлѣбъ, соль, пироги, корован, вотъ тебѣ пурѣ, вотъ тебѣ каша и масло“, послѣ чего выкладываетъ обѣ каши въ разные блюда и маслитъ ихъ, продолжая молиться богинѣ. Взрослые и дѣти въ это время стоятъ на колѣняхъ. Затѣмъ, взявъ въ ковшъ пурѣ, бабушка подходитъ къ окну, высовываетъ его наружу, читая: „Чамъ-Пасъ, самъ Господь Савагофъ, поми-

луй насъ; Анге-Патяй-Пасъ, Буламань-Натяй-Пасъ, матушка Пресвятая Богородица, дай здоровья внучкамъ и дѣткамъ, дай здоровья отцамъ, матерямъ, чтобы дѣти росли, а у матерей молока было много въ груди!“ и, набравъ въ ротъ пурѣ, брызжетъ на женщинъ и дѣтей со словами: „дурь-дурь-дурь, пурѣ Анге-Патяй-Пасъ“. Исполнивъ этотъ обрядъ, бабушка пьетъ немного пурѣ, потомъ пьютъ его женщины, а за ними мужчины. Бабушка садится на лавочку, беретъ ложку крутой каши и ѣсть, за ней ѣдятъ по ложкѣ женщины и мужчины, наконецъ бабушка изъ своихъ рукъ даетъ по ложкѣ жидкой каши дѣтямъ; послѣ чего всѣ садятся за три стола и ужинаютъ.

На слѣдующій день, 27-го декабря, къ бабушкѣ собираются одни дѣти, безъ родителей. Она разогрѣваетъ имъ оставшееся кушанье. Съѣвъ его, дѣти берутъ бабушку подъ руки и водятъ по деревнѣ изъ дома въ домъ съ пѣсней:

Пойдемъ, бабушка,
Пойдемъ, матушка,
Отецъ пиво варилъ,
Мать кашу варила;
Гуляй, бабушка,
Гуляй, матушка.

Въ каждомъ домѣ бабушку принимаютъ съ почетомъ, угощаютъ ее пивомъ, пирогами, кашей. Каша въ этотъ день варится въ свиномъ желудкѣ (сычугѣ).

На святкахъ холостые мужчины и дѣвушки, такъ же, какъ и въ русскихъ деревняхъ, переряживаются и ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями и съ дудниками, которые играютъ въ мордовскіе инструменты: дуду, паламу и кайгу (скрипка), на перекресткахъ, у околицъ и у колодцевъ останавливаются, составляютъ что-то въ родѣ хороводовъ и пляшутъ. При этихъ увеселеніяхъ, какъ и при колядованьи, въ нѣкоторыхъ мордовскихъ деревняхъ посятъ вѣнникъ и въ фонарѣ зажженную свѣчу. Это повторяется каждый вечеръ съ 27-го декабря до крещенскаго сочельника, а въ иныхъ мѣстахъ только до Новаго года.

Святочныя гаданья у Мордвы такія же, какія и у русскихъ: дѣвушки гадаютъ о суженомъ, молодые люди о рекрутствѣ. Священникъ села Итманова, населеннаго обрусѣлою Мордвой племени эрдзядовъ, въ запискѣ своей „О жителяхъ села Итманова“ говоритъ: „Въ святочные вечера, по общему обыкновенію, и здѣсь гадаютъ: льютъ олово и ходятъ слушать. Рекрутскій наборъ, свадьба, смерть и семейные раздѣлы болѣе всего занимаютъ итмановскихъ поселянъ и служатъ поводомъ къ гаданьямъ. Если олово, влитое въ ковшъ свѣжей холодной воды, разбившись, упадетъ на дно, это принимается за вѣрный признакъ семейнаго раздѣла; олово, слившееся въ видѣ гроба, означаетъ смерть, въ видѣ раица или ружья—отдачу въ рекруты, въ видѣ вѣнца—свадьбу. Собираются слушать преимущественно на перекрестки, обводятъ во-

кругъ себя кругъ березовымъ вѣникомъ, помеломъ или лопатой, въ огражденіе отъ злыхъ духовъ, и, ложась на землю, слушаютъ, а главный въ этомъ сборницѣ, нерѣдко старикъ, стоитъ и машетъ вѣникомъ во всѣ стороны. Если кому послышится скрипъ обозовъ — будетъ въ слѣдующемъ году изобильный урожай хлѣба, если же ничего не слышно — будетъ недородъ. Иному слышатся стоны и вопли, изъ чего заключаютъ, что годъ будетъ тяжелъ для народа. Наканунѣ Нового года, послѣ ужина, крошки, остающіяся на столѣ, и соръ съ лавки сметаютъ въ одну кучу и оставляютъ до утра; рано на зарѣ смотрятъ, иѣтъ ли тутъ какихъ зеренъ: какого хлѣба найдутъ зерно, такого будетъ урожай въ слѣдующемъ году“.

Дѣвушки гадаютъ о суженыхъ слѣдующимъ образомъ: 1) кладутъ подъ подушку первый кусокъ, взятый за ужиномъ — женихъ во снѣ приснится; 2) завязываютъ лошади глаза, дѣвушка садится на нее: если лошадь пойдетъ къ воротамъ, быть свадьбѣ, а если къ стойлу — оставаться въ дѣвкахъ; 3) съ которой стороны услышитъ собачій лай, въ ту сторону замужъ выйдетъ; 4) ходить считать у хлѣбнаго амбара бревна, приговаривая къ каждому: „кузовъ, коробъ, сусѣкъ“: если на послѣднее бревно придется слово „кузовъ“ — быть замужемъ за бѣднымъ; если „коробъ“ — за человѣкомъ средняго состоянія, а если „сусѣкъ“ — то за богачомъ. Берутъ въ горсть гороха и считаютъ съ тѣми же словами горошины. Кромѣ гаданій, дѣвушки хоропятъ золото, поютъ подблюдныя пѣсни, какъ и русскія.

Вечеромъ подъ Новый годъ у Мордвы справляется *таунсей*, что значитъ свиной (праздникъ). Отсюда, кажется, произошелъ и русскій *таусень* или *авсень*, обряды котораго очень сходны съ обрядами мордовскаго таунсея. Русскій таусень едва ли не старинный мордовскій обрядъ, перешедшій къ русскимъ. По крайней мѣрѣ онъ справляется только въ тѣхъ мѣстностяхъ Великой Руси, гдѣ издревле обитала Мордва. Вотъ какъ празднуетъ Мордва свой свиной праздникъ.

Наканунѣ Нового года зажиточные люди, у которыхъ много свиней, колютъ свиною съ такими же почти обрядами, какъ передъ рождественскимъ праздникомъ. Но назначенная на закланіе свинья живетъ въ избѣ, пока не заколютъ рождественскую, а потомъ отправляется въ особый отъ другихъ свиней хлѣвъ, гдѣ откармливается до 31-го декабря. Распаренный вѣникъ при закланіи ея не употребляется. У небогатыхъ людей, которые не въ состояніи заколотъ на святкахъ двухъ свиней, отъ рождественской оставляютъ къ Новому году ножки, непрѣмѣнное кушанье въ праздникъ таунсей. Свиныя ножки варятъ наканунѣ Нового года, въ тотъ же день дѣлаютъ прѣсныя лепешки на свиномъ салѣ, пирожки въ видѣ свиней и сдобные колобки въ формѣ и размѣрѣ куриного яйца. Какъ и наканунѣ Рождества, мальчики и дѣвочки ходятъ по домамъ (но безъ березовыхъ вѣниковъ и безъ штатала въ фонарѣ) съ слѣдующею пѣсней:

Таунсей!
Разступись, земля,
Уродися, хлѣбъ,
Колосъ съ дугу,
Зерно съ кочедыкъ,
А соломушка
Съ оглоблюшку.
Таунсей!
Зерно толкай *),
Пирогѣ некай **),
Клади въ окно:
Прилетитъ голубокъ ***)
Возьметъ зернушки,
А мы пирожокъ.
Таунсей!
Наша подачка
Въ дверь не пролѣзетъ,
Въ окошко шлетъ.
Свины ножки, ленешки,
Въ печкѣ сидѣли,
На насъ глядѣли.
Таунсей!

Если поющимъ нескоро подають, они стучать въ заслопы, звонятъ въ колокольчики и поють:

Подавай пирога!—
Не дашь пирога,
Замараемъ °) ворота;
Не дашь каши горшокъ,
Всадимъ вилы въ бокъ;
Подавай пирога,
Пшениной каши горшокъ,
Таунсей!

Когда же подадутъ имъ въ окно лепешекъ, свиныхъ ножекъ и пшеничной каши, дѣти величаютъ хозяевъ:

У Деянъ Лазуныя °°)
Изба свѣтла,
Оконки бѣлы,
Ворота нестры,
Верей красны,
Таунсей!

*) Толки.

**) Пеки.

***) Анге-Патай прилетаетъ на землю въ видѣ бѣлаго голубя.

°) Тутъ вмѣсто «замараемъ» употребляютъ слово, неудобное къ печати.
°°) Это имя хозяйина. По-русски Деянъ Лазуныя значитъ: Денисовичъ Лазарь. Мордва нѣкоторые христіанскія имена передѣлываетъ по-своему, напримѣръ: Лазарь—Лазуныя, Дмитрій—Митиний и Митрюсь, Софья—Софась, Дарья—Дарюныя. Отчество (оканчивается на *имъ* или *анъ* безразлично и въ мужскихъ и женскихъ именахъ, ибо въ мордовскомъ языкѣ родовъ пѣтъ) ставится прежде имени, напримѣръ: Иванъ Василь—Василій Ивановичъ, Колованъ Петрай—Петръ Николаевичъ, Михаянъ

Денянь Лазунась
Свѣтель мѣсяць,
Молода мазай *),
Красно солнышко;
У Деняня дѣтки
Частыя звѣздки.

Таунсяй!

Уродися Денянь хлѣбъ —
Не провезти въ ворота,
Уродися поросятъ,
Телятъ, ягнятъ,
Гусей, лебедей,
Сѣрыхъ уточекъ.
Таунсяй!

Послѣ величанья хозяина дѣти входятъ въ домъ, и старшій изъ нихъ, что носить мѣшокъ, куда кладутъ подачки, вынимаетъ изъ рукавицы насыпанныя туда зерна разнаго хлѣба и бросаетъ на хозяевъ, приговаривая: „Корминечекъ-Пасъ пошлетъ хлѣба на васъ!“. Хозяева собираютъ эти зерна и хранятъ ихъ до посѣва.

Обойдя деревню, дѣти собираются въ одинъ домъ и ужинаютъ собраннымъ. Взрослые не ѣдятъ этихъ подачекъ, но часть ихъ отдается курамъ, уткамъ, гусямъ, телятамъ, поросятъ, ягнятамъ, но отнюдь не старому скоту.

Въ Новый годъ, въ самый полдень, хозяинъ открываетъ окно и, зажегши передъ нимъ штатоль, молится со всема домашними на колѣняхъ, говоря: „Чамъ-Пасъ, помилуй насъ, Анге-Патяй-Пасъ, умоли за свиней, за овецъ, за поросятъ и за куръ (и т. д., перечисляетъ скотъ). Таунъ-озаисъ, береги нашихъ свиней отъ волка; давай много поросятъ. Вельки Васяй (то-есть Василій Великій, котораго Мордва отождествляетъ съ своимъ Таунъ-озаисомъ) Таунсяй, давай поросятъ черныхъ и бѣлыхъ, какихъ самъ любишь“. Послѣ молитвы хозяйка подаетъ мужу на блюдѣ свиную голову (безъ березовыхъ прутьевъ, безъ золотой бороды и безъ яйца во рту), онъ съ дѣтьми ходитъ къ камню „кардо-сярко“, въ свинарникъ и по другимъ хлѣвамъ. Впередѣ идетъ старшій его сынъ или дочь. При выходѣ изъ избы мать даетъ ему въ ротъ сваренный свиной хвостикъ; ребенокъ, держа его въ зубахъ, а въ одной рукѣ рукавицу съ зерномъ разнаго хлѣба, ходитъ

Софасъ — Софья Михайловна. Называть человека прежде по отчеству, а потомъ именемъ, свойственно и другимъ народамъ финскаго племени, на примѣръ, зырянамъ, которые о лицѣ отсутствующемъ говорятъ не иначе, какъ перебравъ его предковъ, начиная съ прапрадѣда и постепенно нисходя до имени и праправнука. На примѣръ: «Петыр-Кузь-Яке-Седе-Вась» Василій сынъ Селивестра, внукъ Якова, правнукъ Кузмы, праправнукъ Петра. См. статью г. Михайлова «Домашній и семейный бытъ зырянъ» въ 3-й книжкѣ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» за 1852 годъ.

*) Молода мазай—жена-красавица.

передь отцомъ и осыпаетъ зернами камень кардо-сарко, хлѣва, соху, борону, телѣги, бросаетъ зерна въ овинъ, на сѣвницу, словомъ, повсюду, а отецъ, ходя съ свиною головою, говоритъ: „Анге-Патяй-Насъ, уроди хлѣба и скота, Таунь-бзаисъ, Вельки Васий, Таунсий, береги свиней, чтобы волкъ не съѣлъ“. Обойди дворъ и хлѣва, возвращаются въ избу и, прочитавъ трижды молитву, подобную той, которую читаютъ въ Рождество, садятся обѣдать. Послѣ обѣда свинья уши и кончикъ рыла хозяйка зарываетъ подь передній уголъ дома.

Солома, положенная въ избѣ передь Рождествомъ, остается на полу до 2-го января. Въ этотъ день ее собираютъ. Хозяйка беретъ пукъ ея, кладетъ на камень кардо-сарко и зажигаетъ штатоломъ. Потомъ беретъ другой пукъ, зажигаетъ его и окуриваетъ курятникъ. На другой день, то-есть 3-го января, также окуриваетъ коровникъ. Остальную солому въ крещенскій сочельникъ кладутъ передь домомъ и зажигаютъ штатоломъ. Отъ курева этой соломы, по мнѣнію Мордвы, убѣгаютъ нечистые духи. Въ самое же Крещенье молодые люди, дѣвушки и дѣти катаются по улицѣ на санкахъ, возя другъ друга. Во время этого катанья, по ихъ мнѣнію, веѣмъ злымъ духамъ, дѣтямъ Шайтана, они ломаютъ ноги.

Изъ всего сказаннаго о мордовской богинѣ Анге-Патяй и о совершаемыхъ въ честь ея весеннихъ и зимнихъ праздникахъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

Анге-Патяй, по понятіямъ Мордвы, высшее божество послѣ верховнаго творца Чамъ-Наса. Она есть источникъ жизни, покровительница чадородія женщинъ, размноженія домашняго скота и хлѣбныхъ посѣвовъ. Въ ея небесномъ домѣ находится непземаемый источникъ жизни: души еще не родившихся людей, зародыши домашнихъ животныхъ (а также и дикихъ, ибо у Вѣлцы-Наса, ихъ покровителя, пѣть такого запаса зародышей, какъ у его матери), сѣмена растений. Ко всякому младенцу, ко всякому новорожденному животному, ко всякому растенію, отъ большихъ деревьевъ до послѣдней былинки, добрая Анге-Патяй приставляетъ особое божество для его охраненія и для противодѣйствія злымъ духамъ, порожденіямъ Шайтана, которые стараются уничтожить или, по крайней мѣрѣ, обезобразить каждое созданіе верховнаго творца Чамъ-Наса.

Женщины и дѣти главныя любимцы богини Анге-Патяй. Первымъ она помогаетъ въ родахъ, вторыхъ хранить и оберегаетъ посредствомъ подчиненныхъ ей Анге-бзаисовъ. Не ограничиваясь ихъ пенесеніями, она по временамъ сама сходить съ неба и сама во время сна ласкаетъ маленькихъ дѣтей. Какъ источникъ жизни, богиня Анге-Патяй покровительствуетъ повивальнымъ бабкамъ, ея служительницамъ и жрицамъ, покровительствуетъ и лѣкаркамъ.

Изъ животныхъ и растений въ особенноти покровительствуются богиней Анге-Патяй отличающіяся плодородіемъ: свиньи, овцы, куры, пчелы, березы, просо, ленъ. Этими животными и ихъ плодами: молокомъ, масломъ, яйцами, медомъ, воскомъ и пр., жертвуется богинѣ Анге-Патяй

въ видѣ каши, лепешекъ на овечьемъ молокѣ и на свиномъ салѣ, ячницами и крашеными въ луковыхъ перьяхъ яйцами, ставленнымъ медомъ (пурѣ), восковыми штатолами. Береза непремѣнно употребляется при всѣхъ празднествахъ въ честь матери мордовскихъ боговъ; зимой, когда деревья обнажены, нарочно распариваютъ березовые вѣники для совершенія обрядовъ. И съ весенними и съ зимними празднествами въ честь Анге-Патий соединяется поклоненіе березовымъ богамъ, весной въ полѣ Кель-ѳзаису (по-русски Семику), зимой Келядѣ (по-русски Колядѣ), богу березы и домашняго скота.

Какъ богиня поддержанія жизни и покровительница чадородія, Анге-Патий заботится о судьбѣ дѣвушекъ. Поэтому онѣ и молятъ ее о женихахъ. При описаніи свадебныхъ мордовскихъ обрядовъ, поведеніе богини о бракахъ постараемся выяснитъ еще болѣе.

На весеннихъ праздникахъ Анге-Патий приносились ей въ жертву овцы, куры, на зимнихъ — свиныи и куриныя яйца. Зимой съ празднованіемъ ей соединялось празднованіе богу свиней Таунъ-ѳзаису. Мы не имѣемъ свѣдѣній, чтобы съ весеннимъ праздникомъ соединялось празднованіе богинѣ овецъ Ревъ-ѳзаисъ, но позволяемъ себѣ думать, что въ старину это дѣлалось такъ.

Просо, любимое растеніе богини, употреблялось при всѣхъ празднованіяхъ въ честь ея. Изъ проса варили кашу, съ нимъ пекли пироги, его употребляли при распариваніи березовыхъ вѣниковъ, имъ, вмѣстѣ съ другими хлѣбными зёрнами, производили осмыпанье въ день Нового года. Просяная или пшениная каша, какъ увидимъ впоследствии, употреблялась также при обрядахъ свадебныхъ и совершавшихся послѣ рожденія младенца, въ воспоминаніе Анге-Патий, покровительницы браковъ и чадородія.

Неоспоримо, что въ обряды, совершаемые Мордвой въ честь богини Анге-Патий, вошло немало русскихъ новѣрій и даже иѣсенъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время бѣдная часть мордовскаго населенія, забывъ свой языкъ, употребляетъ русскій, даже и въ языческихъ своихъ молитвахъ. Но нельзя отвергать, чтобы нѣкоторые старинные мордовскіе религиозные обряды не перешли къ русскимъ. Такъ, напримѣръ, мы думаемъ, что коляда и таусень, или авсень, заимствованы нашими предками у Мордвы или у другого какаго-либо финскаго племени, на что указываютъ самыя названія того и другого святочнаго обряда. Въ русскихъ деревняхъ недѣля передъ Троицынымъ днемъ зовется *зелеными святками*. Здѣсь видно тожество праздниковъ Семика и святокъ, которое вполне объясняется празднованіемъ Мордвы, въ оба праздника, одной богинѣ Анге-Патий и березовымъ богамъ — лѣсному Келу-ѳзаису и домашнему Келядѣ.

Сведемъ въ заключеніе мордовскіе обряды съ русскими.

Мордовскій Келу-молянъ во всемъ похожъ на русскій семикъ. Мордовскія дѣвушки поютъ теперь о чествомъ семикѣ, замѣняя имъ своего

стариннаго Келу-бзаиса. И въ мордовскихъ и въ русскихъ деревняхъ дѣвушки собираютъ въ день семика яйца, дѣлаютъ яичницы, плетутъ березовые вѣнки, кумятся, цѣлуясь черезъ нихъ, и бросаютъ ихъ въ воду, съ цѣлью угадать, выйдутъ ли вскорѣ замужъ или умрутъ. Шѣни при этомъ, употребляемая у того и другого народа, чрезвычайно сходны между собой.

Мордовская келяда совершенно сходна съ русскою колядой. Дѣти одинаково ходятъ подъ окнами собирать свиные кишки и лепешки, носятъ зажженную свѣчу и т. д.

Буламань-молянъ имѣетъ сходство съ русскимъ обычаемъ въ этотъ день приносить повивальнымъ бабушкамъ кашу, отчего самый день называется у русскихъ „бабьи капи“.

Вареніе каши въ свиномъ сычугѣ, то-есть желудкѣ, совпадаетъ съ русскимъ обычаемъ варить свиной желудокъ 29-го декабря (двумя днями послѣ Мордвы) въ день св. Анисьи, которая поэтому и называется Анисья-желудочница.

Мордовскій таунсейя совершенно одинаковъ съ русскимъ таусенемъ. Такъ же дѣти ходятъ подъ окнами, выпрашивая свиныхъ пожекъ и лешекъ, такъ же бранятъ хозяевъ, если они долго не подають имъ подачки, и такъ же величаютъ ихъ, какъ и русскіе.

Въ день Новаго года у Мордвы, какъ и у русскихъ, свиная голова на столѣ. Въ этотъ день Мордва празднуетъ богу свиней, а русскіе считаютъ празднуемаго въ этотъ день церковью Василия Великаго покровителемъ свиней.

На другой день Новаго года и у русскихъ и у Мордвы окуриваютъ курятники для отогнанія злыхъ духовъ. На третій день Мордва окуриваетъ рождественскою соломой коровъ съ тою же цѣлью. Мы не знаемъ, дѣлаютъ ли это гдѣ-нибудь у русскихъ, но въ южныхъ губерніяхъ есть повѣрье, что на пророка Малахію (3-го января) вѣдьмы задаиваютъ коровъ до смерти.

Въ крещенскій сочельникъ у Мордвы сожигаютъ рождественскую солому передъ домою, для изгнанія изъ деревни нечистой силы. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ русскіе совершаютъ въ тотъ же день подобный обрядъ; старухи посреди двора жгутъ навозъ, съ цѣлью изгнать нечистаго (изъ дома онъ выгоняется мѣловыми крестами, которые ставятъ надъ дверью и окнами). Мордовскія женщины на другой день такъ же жгутъ солому посреди двора на камнѣ кардо-сярко.

Вообще мордовская вѣра имѣла, кажется, большое сходство съ языческою вѣрой русскихъ славянъ, если не была одна и та же. У русскихъ, уже девятьсотъ лѣтъ принявшихъ христіанство, она совершенно забылась, но остатки ея сохранились въ разныхъ обрядахъ, изъ которыхъ многіе трудно или вовсе невозможно объяснить. Мордва крещена не такъ давно и еще помнить старинную свою вѣру. По сохранившимся у Мордвы религіознымъ обрядамъ и по преданіямъ объ ихъ религіи можно объяснить многіе русскіе обычай и обряды.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ О НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

(Посвящается нижегородцамъ, всѣмъ и каждому порознь).

...Наступилъ славный въ лѣтописяхъ міра, но тяжкій для Руси *тринадцатый вѣкъ*. Еще никто изъ русскихъ не предчувствовалъ близкаго переворота, никто не думалъ, что новый *народъ невѣдомый* скоро явится съ мечомъ истребленія отъ востока и распространитъ гибель и плѣнь по землямъ христіанскимъ. Да и кто могъ предвидѣть этотъ переворотъ, кто могъ знать, что монголы собираются ринуться на западъ, готовятся напомнить Европѣ забытыя уже времена Аттилы. У насъ князья, по обычаю, враждовали между собою за удѣлы, ссорились, мирились, утверждали власть свою надъ городами и лишались ея, не предчувствуя, что близко то время, когда они сами принуждены будутъ признать надъ собою власть народа чуждаго, народа дикаго, народа славянаго силою и жестокостью. Они не знали о странахъ заволжскихъ, — только темныя сказанія носились въ народѣ о земляхъ невѣдомыхъ, населенныхъ народами хищными, о земляхъ, изъ которыхъ прежде вышли и хозары, и печенѣги, и половцы, преемственно получавшіе другъ отъ друга вражду съ Русью, которая такъ часто трепетала отъ ихъ набѣговъ. Наши предки въ это время изъ восточныхъ сосѣдей знали только половцевъ, кочевавшихъ въ степяхъ смежныхъ съ Чернымъ моремъ, да болгаръ, славившихся своею гражданственностью и торговлею, стремленіемъ къ владычеству надъ сосѣдями и враждою съ князьями суздальскими. Знали они еще немного полудикихъ сыновъ Біарміи, у которыхъ мало-по-малу исчезла та гражданственность, которая когда-то сдѣлала у нихъ такіе важныя успѣхи, но теперь и отъ сосѣдства болгаръ и русскихъ, дѣлавшихъ біармійцевъ своимъ орудіемъ, и отъ этого уединенія отъ прочихъ народовъ, въ которомъ они находились, пришедшую въ упадокъ.

Въ началѣ этого несчастнаго для Руси вѣка Юрій II Всеволодовичъ совершенно утвердился на престолѣ, оспариваемомъ у него братомъ его

Константиномъ Ростовскимъ. Это было въ 1219 году, когда Константинъ умеръ. Константинъ Всеволодовичъ былъ слабъ духомъ и не имѣлъ твердой воли; онъ умѣлъ раздавать богатыя милости нищимъ и духовенству, но по слабости характера не умѣлъ и не могъ пресѣчь раздоры и твердою рукою держать скипетръ великокняжескій; онъ боялся оскорбить кого-нибудь своею строгостью, хотѣлъ только утѣшать всякаго, и на престолѣ былъ болѣе монахомъ, нежели государемъ. Братъ его Юрій, подобный дѣду своему только именемъ, возвышался нѣсколько силою духа надъ Константиномъ, легко могъ одержать верхъ надъ нимъ, и если до 1219 года онъ не сдѣлался единственною главою сѣверо-восточной Руси, такъ это потому, что онъ и самъ былъ не твердаго характера и не имѣлъ нѣсколько силы души. Смерть князя ростовскаго развязала руки Юрію, который теперь обратилъ вниманіе на сосѣднихъ болгаръ и на устройство городовъ. Суздальскіе князья любили строиться: мыслью Юрія Владиміровича Долгорукаго было — основать вдали отъ Кіева государство отдѣльное, быть въ немъ великимъ княземъ, имѣть своихъ удѣльныхъ князей, свои отдѣльныя дѣйствія, — словомъ, составить новое общество русское на берегахъ Оки и Волги, и по внутреннимъ и по внѣшнимъ формамъ сходное съ обществомъ на Днѣпрѣ. Слѣдствіемъ этого было раздѣленіе Руси на двѣ отдѣльныя части: сѣверо-восточную или суздальскую, и юго-западную или кіевскую. Этимъ кончилась распря двухъ поколѣній Ярослава за право быть *сильнѣйшимъ и великимъ княземъ Кіева*, кончилась такъ, что обѣ стороны остались въ выигрышѣ: старшее поколѣніе осталось въ Кіевѣ, младшее сдѣлалось сильнѣйшимъ. Первымъ княземъ Руси сталъ князь суздальскій. Уснѣвъ въ своемъ намѣреніи, князья суздальскіе все еще любили Кіевъ, почитали этотъ городъ, какъ мать городовъ русскихъ, какъ драгоценный залогъ русской гражданственности, какъ городъ, въ которомъ Русь сознала бытіе свое, озарилась свѣтомъ истинной вѣры и сохранила священный прахъ князей славныхъ. Привязанные сердцемъ къ отдаленному югу, они съ уныніемъ вспоминали въ лѣсахъ своихъ про широкій Днѣпръ, про соборы кіевскіе, про святую лавру Печерскую. Поэтому они наполнили свою страну городами, въ именахъ которыхъ звучали имена родныхъ полей кіевскихъ: явились Владиміръ-на-Клязьмѣ, Переяславль-Залѣсскій, Юрьевъ-Поволжскій, Галичь и др. Прежде князья кіевскіе бывали и властителями Новгорода, и народъ русскій привыкъ думать, что только первый князь русскій можетъ владѣть столицею перваго великаго князя. Вслѣдствіе этого князья суздальскіе всячески старались упрочить власть свою надъ столицей Рюрика; но когда послѣ сильныхъ духомъ и твердыхъ волею первыхъ князей суздальскихъ остались Константины и Юріи, они оставили этотъ замыселъ, и князья южные водворили власть свою на берегахъ Волхова. Но Суздалью нуженъ былъ Новгородъ, — того хотѣли князья, того требовало общественное мнѣніе, и Юрій рѣшился сдѣлать свой Новгородъ.

Суздаль сдѣлалъ уже свой Переяславль, свой Галичь; почему же ему не сдѣлать было своего Новгорода? Юрій выжидалъ только удобнаго случая, который вскорѣ представился.

Сосѣдями суздальскихъ князей были Мордва и болгары. Въ южной части нынѣшней Нижегородской губерніи и въ сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ Симбирской и Тамбовской обитали полудикіе „поганые идолопоклонники Мордва“. Они жили въ дремучихъ лѣсахъ, остатки которыхъ сохранились и до сихъ поръ *), не знали почти никакой гражданственности; не имѣя городовъ, они жили большими селеніями по Окѣ, Кудьмѣ, Пьянѣ и другимъ рѣкамъ. Управлялись они своими князьями, съ которыми часто дѣлали нападенія на сосѣднія области русскія. Мордва то платила русскимъ дань, то разоряла ихъ селенія, то убѣгала отъ ихъ оружія въ знакомыя только имъ однимъ чащи лѣсовъ. Внезапные набѣги ихъ сильно беспокоили великихъ князей суздальскихъ, которые, желая придать своимъ владѣніямъ формы покинутого Кіева, нашли въ нихъ своихъ половцевъ. Поэтому они необходимо должны были построить городъ, который сторожилъ бы движенія Мордвы и держалъ бы ее въ повиновеніи, или, по крайней мѣрѣ, въ страхѣ.

Въ нынѣшней Казанской губерніи жили болгары, издавна утвердившіеся на берегахъ Волги, составившіе здѣсь сильное, богатое и цвѣтущее государство, которое производило обширную торговлю и съ полудикими племенами финскими, и съ Русью, и съ арабами, изъ пышныхъ городовъ Востока пріѣзжающими подивоваться на великій городъ, купить мѣховъ сибирскихъ и драгоценностей Урала. Чтобъ удобнѣе производить свою торговлю, болгары заводили складочныя мѣста и ярмарки въ разныхъ мѣстахъ, а чтобы оградить свои богатыя владѣнія отъ завистливыхъ сосѣдей, строили по границамъ города. Въ XI и XII вѣкахъ для болгаръ опаснѣйшими и вмѣстѣ съ тѣмъ выгоднѣйшими въ торговомъ отношеніи сосѣдами были русскіе, которые были сильнѣе и образованнѣе Мордвы, уды-муртовъ, коми-утировъ и прочихъ сосѣдей болгаръ. Притомъ въ это время слава арабовъ уже пала, халифатъ ослабѣлъ, народъ пророка уналъ духомъ, и ни одинъ купецъ изъ Куфы или Багдада не являлся на площадяхъ столицы болгарской: одни русскіе вели выгодную торговлю съ болгарами, они одни вымѣнивали на свои произведенія металлы и произведенія фабрикъ болгарскихъ. Чтобъ удобнѣе было вести съ русскими торговлю, болгары основали близъ суздальскихъ владѣній ярмарку **); а чтобы защититься отъ русскаго оружія, построили городъ на мѣстѣ нынѣшняго Нижняго-Новгорода. Но ярмарка пала, городъ разрушенъ былъ князьями русскими, и болгары

*) Около Мурома, Сарова и проч.

***) Гдѣ нынѣ Балахна. Такъ говорятъ преданія. Это очень естественно. Притомъ самое имя Балахны звучитъ по-восточному и напоминаетъ торговый Балхъ въ Персіи. «Балыкъ» значитъ рыба; «балхиденъ» — примиряться. Впрочемъ, исторической этимологіей не все можно доказывать.

въ этомъ потеряли многое. Чтобы вознаградить эту потерю, они вознамѣрились овладѣть берегами Ужи. Великій князь враждебными глазами смотрѣлъ на болгаръ, старавшихся увеличить свои владѣнія, и видѣлъ необходимость построить на болгарскихъ границахъ городъ, изъ котораго бы удобнѣе было дѣйствовать противъ сильныхъ и смѣлыхъ болгаръ и въ случаѣ нужды защищать свои владѣнія.

Такимъ образомъ три побудительныя причины имѣлъ великій князь для основанія Нижняго-Новгорода: во-первыхъ, онъ хотѣлъ имѣть свой Новгородъ; во-вторыхъ, хотѣлъ имѣть сторожевой городъ противъ Мордвы; въ-третьихъ, хотѣлъ имѣть оплотъ отъ болгаръ. Лучшаго мѣста онъ не могъ выбрать: находясь у Оки и Волги, Нижній могъ владычествовать и надъ Мордвой, жившею по Окѣ, и надъ болгарами, жившими по Волгѣ.

Въ то время, какъ прогнанные изъ Ужи и увидѣвшіе столицу свою въ рукахъ Святослава Всеволодовича, болгары и просьбами и подарками выпрашивали мира у Юрія, этотъ князь былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкогда городокъ болгарскій. Онъ плѣнился мѣстоположеніемъ: гора, возвышавшаяся надъ Волгою, напоминала ему далекій Кіевъ; выгоды, истекающія отъ двухъ рѣкъ, пришли ему на умъ; необходимость имѣть оплотъ противъ Мордвы и болгаръ заставила его основать на этомъ мѣстѣ городъ. Новгородъ Волховскій, казалось, былъ потерянтъ для Суздаля, но Юрій имѣлъ теперь свой Новгородъ-Нижній, Новгородъ земли Низовскія. Всѣ три цѣли его были достигнуты.

„Древль Низовскою землею владѣли идолопоклонники Мордва. Благочестивый великій князь, нынѣ духомъ въ Бозѣ, а петлѣннымъ тѣломъ своимъ въ градѣ Владимірѣ почивающій, Юрій Всеволодовичъ Суждальскій, дабы оградить владѣнія свои отъ набѣговъ поганой Мордвы (и болгаръ), заложилъ въ 6720 (6730) году на устьѣ Оки рѣки градъ, и нарекъ имя ему Нижній-Новгородъ, и постави въ немъ церковь во имя святаго Архистратига Михаила деревянную, а въ 6726 (6736) и каменну соборную“ *).

Такъ лѣтописи и надписи на Архангельскомъ соборѣ рассказываютъ о началѣ этого города, въ стѣнахъ котораго въ продолженіе шести вѣковъ совершилось столько важнаго.

Основавъ Нижній-Новгородъ, Юрій въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ его сдѣлать Новгородомъ; онъ завелъ въ немъ *сече*, вѣроятно, посадниковъ, и послалъ туда своихъ родныхъ князьями. Безъ сомнѣнія, если бы Ниж-

*) Время основанія Нижняго показывается различно. Надпись собора Архангельскаго показываетъ 1199 (6707); лѣтописецъ нижегородскій, напечатанный въ XVIII томѣ «Россійской Впвлюфики»—1212 (6720); лѣтописецъ нижегородскій, напечатанный въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета», ошибкою показывасть 1221, когда тутъ же въ скобкахъ стоитъ годъ 6720. Другіе лѣтописи и исторпки показываютъ 6730 или 1222. Это справедливѣе, что можно видѣть изъ хода событій.

ній имѣлъ такія же средства усилиться, какъ Новгородъ, онъ тоже бы составилъ республику особенную. Но обстоятельства не позволили этого; во все продолженіе времени зависимости Нижняго отъ Суздаля, однажды только чернь *посль мятежнаго вѣча* убила бояръ княжескихъ, но тотчасъ же была усмирена. Другихъ своевольствъ народа нижегородскаго не видно въ исторіи этого времени. Должно-быть, князья поваго Новгорода умѣли лучше держать народъ въ повиновеніи, нежели князья Новгорода устарѣлаго въ своевольствахъ. Намъ неизвѣстны имена князей, бывшихъ въ Нижнемъ во время зависимости его отъ Суздаля, кромѣ имени Михаила, смирившаго въ 1304 году мятежную чернь. Въ Архангельскомъ соборѣ, кромѣ праха Іоанна Васильевича († 1417), Василя Іоанновича († 1446) и сыновей его Іоанна и Василя Гребенки, покоятся еще прахъ князей Зиновія, Петра, инока Зосимы, инока Іоны и великой княгини Ирины. Быть-можетъ, что эти князья управляли Нижнимъ въ это время.

Мордва враждебными глазами смотрѣла на новый русскій городъ; она не могла не видѣть, что онъ стѣнить ей свободу, и потому начала свои набѣги на землю русскую. Юрій Всеволодовичъ въ 1228 году послалъ-было противъ мордовскаго князя Пургаса племянника своего Василька Константиновича и своего приближеннаго Еремѣя Глѣбовича, но возвратилъ ихъ, потому что дождливая осень не благопріятствовала ихъ походу. На другой же годъ онъ самъ, съ братомъ своимъ Ярославомъ, племянниками Василько и Всеволодомъ Константиновичами и княземъ муромскимъ Юріемъ Давидовичемъ, пошелъ противъ Пургаса. Великій князь разогналъ Мордву и разорилъ ихъ селенія. Мордва скрылась въ лѣса свои, но вскорѣ умѣла воспользоваться онлошностью молодыхъ князей,—захватила и перебила ихъ. Но это не спасло ни Мордвы ни Пургаса. Великій князь успѣлъ утвердить безопасность своихъ владѣній, и болгары, постоянные враги русскихъ, шедшіе теперь на помощь Пургасу, воротились съ дороги, услыхавъ о мщеніи Юрія Всеволодовича. Едва великій князь удалился изъ предѣловъ мордовскихъ, Пургасъ, собравъ разбѣжавшихся своихъ подданныхъ, бросился на Нижній, опустошилъ его окрестности и сжегъ монастырь Богородицы, находившійся подлѣ крѣпости *). Но, боясь Юрія, онъ въ тотъ же день отступилъ отъ Нижняго. Великій князь, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же отправилъ съ войскомъ сына воеводы своего Пуреша. Этотъ молодой военачальникъ застигъ гдѣ-то Мордву, разбилъ Пургаса на-голову и заставилъ его съ бѣдными остатками своей силы убѣжать еще далѣе въ лѣса ему знакомые. Въ 1232 году Мордва была снова разбита и съ тѣхъ поръ уже

*) Вѣроятно, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь церковь Благовѣщенія. Эта церковь, впрочемъ, выстроена Дмитріемъ Константиновичемъ послѣ 1377 года, несчастнаго для Нижняго. Этотъ князь выстроилъ ее деревянную. Думаютъ также, что монастырь этотъ былъ на мѣстѣ Печерскаго, который былъ разрушенъ отъ спуска горы.

не нападала на владѣнія великаго князя. Послѣ этихъ происшествій великій князь лучше укрѣпилъ Нижній-Новгородъ и построилъ въ немъ каменную црковь архангела Михаила (1236). Укрѣпленіе этого города было необходимо, потому что Мордва снова могла сдѣлать набѣгъ на него; притомъ и миръ, заключенный въ 1230 году съ болгарами, былъ непроченъ.

Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ основанія Нижняго-Новгорода. Этотъ городъ скоро зацвѣлъ на землѣ русской. Многіе изъ жителей другихъ городовъ великаго княжества Суздальскаго стекались на устье Оки, куда привлекали ихъ и выгоды мѣстоположенія и пламенное желаніе Юрія видѣть основанный имъ городъ вторымъ Новгородомъ. Мордва утихла, и нижегородцы мирно жили въ юномъ городѣ, строили церкви Божьи и свои дома на берегу Оки и стремились къ утверженію власти своего города надъ сосѣдственными племенами не русскими. Вѣрные Юрію, они не хотѣли подражать Новгороду великому, уже начинавшему величаться своеволіемъ и распріею съ князьями за власть верховную. Они только желали жизни безмятежной и были вполне увѣрены, что въ будущемъ они будутъ счастливы. Они видѣли, что Мордва боится стѣнъ Нижняго, что болгары страшатся имени русскаго, и питали себя, можетъ-быть, надеждою подчинить власти своей окрестныхъ народовъ точно такъ же, какъ Новгородъ Ильменскій подчинилъ себѣ сосѣднія племена финскія. Блистательно было будущее Нижняго; жители его благословляли Юрія, создавшаго имъ городъ. Въ немъ было все тихо, всѣ были счастливы и настоящимъ и будущимъ...

Вскорѣ послѣ основанія Нижняго-Новгорода, въ 1224 году, толпы такихъ-то народовъ приходили въ степи черноморскія. Тамъ разбили онѣ половцевъ и потомъ отразили рать русскую, подъ предводительствомъ трехъ Мстиславовъ, шедшую для того, чтобъ удержать эти толпы отъ набѣга на земли христіанскія. Русская рать была разбита, а враги съ побѣдою возвратились назадъ. Никто не зналъ, откуда приходили эти толпы, никому не было извѣстно, куда онѣ скрылись. Поговорили, потолковали о нихъ и въ дворцахъ княжескихъ и въ убогихъ хижинахъ земледѣльцевъ—и забыли о ихъ набѣгѣ такъ же скоро, какъ прежде забывали о набѣгахъ половцевъ и другихъ народовъ чужеземныхъ, тѣмъ болѣе, что эти новые пришельцы не разорили ни одного русскаго города. Были еще рады ихъ нашествію, потому что они истребили половцевъ, столь страшныхъ для Руси. Мало думали о татарахъ (такъ называли русскіе новый народъ) въ юго-западной Руси; еще менѣе заботились о нихъ въ сѣверо-восточной и въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ 1229 году въ Нижнемъ, какъ въ городѣ ближайшемъ къ Волгаріи, въ то самое время, какъ въ немъ заботились объ усмиреніи Мордвы, пришла изъ Болгаріи новая вѣсть о татарахъ. Говорили, что какіе-то саксины прибѣжали къ берегамъ Волги отъ татаръ, сдѣлавшихъ нападеніе на ихъ мирныя кибитки. Пошли новые толки, новыя предположе-

ня, но векорѣ затихли и они; только неясный говорѣ носился въ народѣ о новыхъ врагахъ. Ожидали чего-нибудь чрезвычайнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись, что Богъ не попуститъ народу идолопоклонническому разить христіанъ.

Прошло еще восемь лѣтъ—слухъ о татарахъ совсѣмъ замолкъ: о нихъ рассказывали какъ о счастливо минувшей опасности, говорили какъ о пустомъ страхѣ, поселенномъ въ людяхъ недобрыми слухами. О нашествіи ихъ никто не думалъ. Осенью въ 1237 году узнали на Руси, и сперва всего въ Нижнемъ, о новомъ появленіи татаръ. Говорили, что они уже въ Болгаріи, что жители *великаго города* избиты хищниками, что отъ зданій его остались только развалины. Не знали, вѣрить ли этому слуху; думали, что и эта гроза безъ удара пронесется надъ головою Руси: всѣ боялись и надѣялись. Если и думали, что нашествіе варваровъ неизбежно, то никому не приходило въ голову, что оно будетъ такъ ужасно, что послѣ приближающейся зимы на Руси будетъ, вмѣсто городовъ, кучи непла и осиротѣвшихъ развалинъ. Полагали, что враги, сдѣлавъ нѣсколько набѣговъ на сосѣднія княжества, потомъ уйдутъ во свояси, а тамъ еще будутъ занимать въ службу княжескую, какъ половцы...

Во Владимірѣ явились послы рязанскіе, сказали Юрію, что татары требуютъ отъ рязанцевъ десятины всего имущества и подданства, и просили помощи. Юрій, заботясь только о себѣ и предполагая, что татары удовольствуются грабежомъ одной Рязанской области и не пойдутъ далѣе громить города русскіе, отказалъ посламъ и отдалъ Рязань на жертву иноплеменникамъ. Татары разрушили Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, послѣ пятидневной осады опустошили Рязань и двинулись противъ Суздаля... У Коломны были разбиты отряды Юрія, и Батый съ огнемъ и мечомъ прошелъ по великому княжеству Суздальскому... Владиміръ и Суздаль были разрушены, прочіе города имѣли ту же участь, великій князь палъ на Сити, и къ марту 1238 года вся сѣверо-восточная Русь лежала въ развалинахъ. Города опустѣли, люди крылись въ лѣсахъ и тамъ мерзли отъ холода, гибли тысячами отъ мечей татарскихъ. Народъ упалъ духомъ, и Русь, казалось, отжила свой вѣкъ. Не вдругъ ожила она отъ перваго удара, но и въ ожившей въ ней было не жизнь, а мучительное томленіе... Насталъ новый порядокъ въ Руси, особенно въ великомъ княжествѣ Суздальскомъ...

Цельзя сказать рѣшительно, были ли татары въ Нижнемъ-Новгородѣ во время всеобщаго опустошенія великаго княжества Суздальскаго. Но можно предполагать, что онъ избавился отъ этого несчастья. Лѣтописцы, описывая походъ Батия, говорятъ, что его войско во Владимірѣ раздѣлилось на двѣ части: одна пошла на Ростовъ, а другая, опустошивъ Волжскій-Городецъ, устремилась на Галичъ. Изъ этого видно, что татары миновали Нижний, можетъ-быть, по малозначительности его; иначе бы лѣтописцы не умолчали о нападении на него...

Ужасная буря нашествія иноплемениковъ пронеслась, оставя за собою страшные слѣды опустошенія. Буря промчалась, но волны разсвирѣвшаго моря еще не улеглись, онѣ еще колыхались, и долго-долго благодатная тишина не покрывала ихъ поверхности. Русскіе не могли возстать всею силою духа, они не могли еще опомниться отъ страшнаго удара, такъ внезапно разразившагося надъ головами ихъ. Ярославъ, братъ Юрія, началъ *господствовать надъ развалинами и трупами*, но своею дѣятельностью, своею угодливостью предъ ханами умѣлъ хоть нѣсколько залѣчить свѣжія раны Руси, едва не повергнувшія ее въ вѣчную могилу. Великое княжество Суздальское возстало изъ развалинъ и снова начало жить, хотя и не самостоятельную жизнью. Нижній-Новгородъ попрежнему зависѣлъ отъ него, имѣлъ своихъ князей, имѣлъ вѣче, словомъ, былъ точно такимъ же, какимъ былъ и до нашествія монголовъ... Въ Суздаль и Владиміръ также пошло все по старому; опять стали враждовать князья между собою: начались раздоры за первенство и за Владиміръ, словомъ, возобновился тотъ порядокъ вещей, кикой былъ на Руси предъ возвышеніемъ Суздаля надъ Кіевомъ. Кончились эти распри тѣмъ, что Москва, взявъ перевѣсъ и предъ Тверью и предъ Суздалемъ, завладѣла Владиміромъ и титуломъ великокняжескимъ. Въ ней было младшее поколѣніе Ярослава Всеволодовича. Старшая линія осталась господствовать надъ Суздалемъ, Городцомъ, Нижнимъ и нѣкоторыми другими городами прежде бывшаго великаго княжества Суздальскаго.

Въ то время, какъ Іоаннъ Даниловичъ Московскій рѣшительно овладѣлъ великокняжескимъ престоломъ и, оставаясь въ Москвѣ, устроилъ въ этомъ наслѣдственномъ своемъ городѣ кафедрѣ митрополита всея Руси, старшимъ въ родѣ князей суздальскихъ, и слѣдовательно старшимъ всего поколѣнія Юрія Долгорукаго, былъ Константинъ Васильевичъ. Этотъ государь былъ не такъ слабъ духомъ, какъ отецъ и дѣдъ его, — онъ принялъ твердое намѣреніе возстановить въ родѣ своемъ принадлежащее ему по праву достоинство великокняжеское и началъ борьбу съ князьями московскими, сильными общественнымъ мнѣніемъ, видѣвшимъ въ нихъ потомковъ Александра Невскаго и любимцевъ первосвятителей... Но, видя, что Москва взяла рѣшительный перевѣсъ надъ Суздалемъ, онъ вздумалъ, подобно предку своему Юрію Долгорукому, основать для себя отдѣльное великое княжество и перевести въ него изъ Москвы центръ дѣлъ Руси, такъ же точно, какъ прежде онъ былъ переведенъ изъ Кіева во Владиміръ. Для этого онъ избралъ Нижній-Новгородъ и въ 1350 году перенесъ въ этотъ городъ свою столицу. Съ образомъ Спасителя, принесеннымъ изъ Греціи, въ рукахъ, и съ враждою къ Москвѣ въ сердцѣ, вступилъ Константинъ въ стѣны вѣрнаго ему Нижняго-Новгорода и началъ устраивать свое новое *великое княженіе*. Такъ называлъ онъ свое владѣніе; такъ называли его и преемники его. И до сихъ поръ потомство читаетъ надписи на гробни-

цахъ князей нижегородскихъ: на нихъ съ именемъ князи соединяется всегда почетное титло *великаго*. И до сихъ поръ въ титлахъ русскихъ владѣтелей съ именемъ Нижняго-Новгорода соединяется титло великаго князя...

Съ этихъ поръ исторія Нижняго-Новгорода дѣлается болѣе извѣстною. Тенерь онъ сталъ мѣстомъ пребыванія старшихъ князей русскихъ, главнымъ городомъ княжества Суздальскаго, блескъ котораго хотя и затмился отъ страха татарскаго и сіянія Москвы, но все еще жилъ въ памяти всѣхъ русскихъ, помнившихъ, по преданіямъ, золотое время Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго, Всеволода и другихъ князей суздальскихъ. Съ этихъ поръ Нижній является городомъ враждебнымъ Москвѣ, и князья его соперниками князей московскихъ. Вражда за престолъ великокняжескій не потухала; мысль о первенствѣ Суздаля предъ Москвою не истреблялась, но жила въ Нижнемъ и безпрестанно проявлялась въ борьбѣ князей его съ князьями московскими. Потомъ исторія Нижняго представляетъ намъ борьбу его князей между собою за право обладанія этимъ городомъ, далѣе—борьбу ихъ съ Москвою за самостоятельность Нижегородскаго великаго княжества. Долго тянулась послѣдняя борьба: самостоятельность Нижняго исчезла не вдругъ, а постепенно, то совѣмъ погасая, то усиленно вспыхивая, чтобы потомъ, исчезая мало-по-малу, умереть совершенно ко благу Руси, благу, которое состояло въ соединеніи частей ея подъ власть единой державной. Если будемъ смотрѣть на Нижній съ другихъ точекъ зрѣнія, то увидимъ, что этотъ городъ во времена татарскаго владычества былъ проѣзжимъ городомъ въ Орду, и потому никто изъ русскихъ, ходившихъ въ Сарай поклониться хану кипчакскому, не могъ миновать этого города, когда-то основаннаго для того, чтобы не было для Руси опасности отъ народовъ восточныхъ. Во время борьбы Руси съ Казанью, этимъ бѣднымъ остаткомъ страшной иѣкогда силы татарской, Нижній служилъ сборнымъ мѣстомъ для русскихъ войскъ. Въ то время, когда власть чужеземниковъ западныхъ угрожала Руси, когда новый Батый владѣлъ святынями московскими, Нижній сдѣлалъ великое дѣло—возвратилъ народу русскому цѣлость вѣры, царя и свободу отечества.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Гдѣ скончался св. Александръ Невскій?

Въ русскихъ лѣтописяхъ единогласно говорится, что св. великій князь Александръ Ярославичъ Невскій, возвращаясь изъ Орды въ 1263 году, пріѣхалъ больноу въ Нижній-Новгородъ, оттуда поѣхалъ далѣе, но на пути скончался въ *Городцѣ*. Гдѣ же этотъ Городецъ?

Въ старину подѣ словомъ *городецъ* разумѣли небольшой городъ, *городокъ*. Но это нарицательное слово употреблялось иногда въ смыслѣ собственнаго имени, и нѣсколько городовъ русскихъ носили на себѣ названіе Городца. Вотъ сколько Городцовъ встрѣчается въ нашей исторіи: а) Городецъ Кіевскій, б) Городецъ на Осетрѣ, в) Городецъ Черниговскій, г) *Городецъ Волжскій или Радилловъ*, д) Городецъ Тверской, е) Городецъ Серпуховскій, ж) Городецъ Московскій, з) Городецъ Касимовъ, и) Городецъ Бѣлозерскій и і) Городецъ Новгородскій. Изъ всѣхъ этихъ Городцовъ особенно замѣчательнъ Городецъ Волжскій или Радилловъ, нынѣ большое и торговое село Балахонскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Онъ дѣлается извѣстнымъ въ первый разъ въ 1171 году, когда описывается война русскихъ съ болгарами *); въ послѣдствіи былъ столицею особеннаго удѣльнаго княжества Городецкаго, потомъ, присоединенный къ Москвѣ, принадлежалъ князю Владиміру Андреевичу Храброму, и наконецъ вошелъ въ составъ государства московскаго. Онъ находится на лѣвомъ берегу Волги, верстъ на сорокъ выше Балахны и верстъ на сто выше Нижняго. На подробной картѣ Россіи онъ названъ Большимъ-Кириловымъ.

Въ этомъ Городцѣ и до сихъ поръ находится Федоровскій мужской монастырь, въ которомъ Александръ Невскій, предъ кончиною своею, принялъ схиму; до сихъ поръ показываютъ въ монастырѣ мѣсто келіи, гдѣ скончался этотъ князь знаменитый; до сихъ поръ носится въ народѣ

*) Бывшу же князю Мстиславу на Городци, совокупашися съ братама своимъ съ Муромскимъ и съ Рязанскимъ.

преданіе о Городцѣ, какъ о мѣстѣ кончины Невскаго, и, кромѣ того, объ этомъ же говоритъ и надпись, въ Федоровскомъ монастырѣ находящаяся.

Но нѣкоторые наши историки, не знаю съ чего, взяли, будто бы св. Александръ скончался въ *Городцѣ Касимовѣ* (нынѣ городъ Касимовъ, Рязанской губерніи, около 200 верстъ выше Нижняго, по Окѣ). Первый пустилъ въ ходъ такое историческое извѣстіе покойный Миллеръ въ своемъ „Географическомъ Лексиконѣ Россійскаго Государства“ на страницѣ 70, подъ словомъ Городецъ. Его извѣстіе перешло въ Словарь Щекатова (подъ тѣмъ же словомъ I, 218), и наконецъ въ одномъ и томъ же томѣ „Энциклопедическаго Лексикона“ Плюшара (XV) явились два извѣстія: въ одной статьѣ кто-то, по слѣдамъ Миллера и Щекатова, написалъ, что Александръ Невскій скончался въ Касимовѣ, между тѣмъ какъ въ другой говорится, что этотъ князь кончилъ жизнь свою въ Городцѣ Волжскомъ. Чему прикажете вѣрить?

Я не бывалъ въ Касимовѣ, но слышалъ отъ людей достовѣрныхъ, что въ этомъ городѣ многіе толкуютъ, будто бы Невскій и въ самомъ дѣлѣ скончался въ ихъ городѣ. Одинъ извѣстный русскій ученый сказывалъ мнѣ, что какой-то касимовецъ (фамилію позабылъ) собирается издать въ свѣтъ изслѣдованіе объ этомъ предметѣ и доказать, даже исчисленіемъ дней пути, то, чтѣ говорили безъ основанія Миллеръ и его послѣдователи. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ этого изслѣдованія, но между тѣмъ представляемъ и свои доказательства въ пользу Городца Волжскаго.

Во время татарскаго владычества въ Орду ходили Волгою. Правда, впоследствии, когда Москва взяла совершенный перевѣсъ надъ прочими княжествами русскими, отправлялись въ татарскія страны изъ Коломны и слѣдовательно ходили Окою мимо Касимова, но это начали дѣлать не ранѣе, какъ съ XIV столѣтія. Такъ и архіепископъ Гурій держалъ путь изъ Москвы въ Казань и проч. Но во времена Невскаго, когда престоль великокняжескій былъ во Владимірѣ, а Москва была еще городкомъ незначительнымъ, въ Орду ходили слѣдующимъ образомъ: сажались на суда или около верха Бѣжецкаго, или около Ярославля, или около Юрьевца-Поволжскаго, или около Городца, и плыли мимо Нижняго и далѣе внизъ по Волгѣ до самой Орды. Если вѣхали сухимъ путемъ, то всегда держались береговъ Волги.

Много фактовъ историческихъ можно привести въ подтвержденіе того, что ходили въ Орду Волгою. Ограничусь только слѣдующими: св. Алексѣй митрополитъ, на пути своемъ въ Орду, былъ въ Нижнемъ, когда умеръ Іоаннъ Калита. Симеонъ, возвратившійся изъ Орды, былъ въ Нижнемъ; новгородцы, грабившіе во времена Донскаго татарскія владѣнія, отправлялись внизъ по Волгѣ. Я нарочію привелъ факты изъ московскаго періода, чтобъ показать, что и во время владычества Москвы старинный путь въ Орду нескоро былъ забытъ.

Первымъ изъ князей, ходившихъ въ Орду, минуя Нижній, былъ едва ли не Дмитрій Донской. Скажутъ: если изъ Москвы вѣздили въ Орду Окою

и Волгою, то и Нижняго не миновали и мимо Касимова ѣздили. И въ доказательство тому, что ѣздили изъ Москвы до Нижняго, слѣдую теченію Оки, я приведу слѣдующее обстоятельство Въ 1368 году в. к. нижегородскій Дмитрій Константиновичъ съ московскимъ войскомъ шель противъ брата своего Бориса, засѣвшаго въ Нижнемъ. Борисъ смирился и вышелъ навстрѣчу къ брату до Бережда. А Бережець былъ суздальскій городъ и находился на правомъ берегу Клязьмы, нѣсколько выше ея устья. Но все это было въ московскомъ періодѣ, когда ѣздили въ Москву или изъ Москвы. А Невскому зачѣмъ было держать путь къ Москвѣ, тогда городу весьма незначительному? Александръ, ѣхавъ во Владиміръ, кажется, думалъ побывать въ Новгородѣ...

Вотъ слова лѣтописи о кончинѣ св. Александра Невского: „Князь велики Александръ поиде въ Орду ко царю Беркаю и удръжаша и царь не пусти его въ Русь и зима въ Ордѣ тамо и разболѣсь и доиде Новагорода Нижнего и пребывъ ту мало иде на Городецъ и тамо въ болшій недугъ впаде и пострижеса въ черньци носмврія 14, тое же ноци и престависъ: святое же тѣло его *понесоша* къ Володимерю, митрополитъ Кириль съ чиномъ церковнымъ, вкупѣ жъ князи и бояре и всь возрастъ малии и велиции и *срътоша* и у *Боголюбина* со свѣщами и кандили“ („Кіев. лѣт.“, листъ 865).

Значить, изъ Городца *понесли* тѣло Александра сухимъ путемъ, прямо ко Владиміру, т.-е. на Стародубъ и Боголюбъ,—слѣдую теченію Клязьмы отъ того мѣста, гдѣ впаде въ нее Теза.

Боголюбовъ, или Боголюбинъ, находится на рѣкѣ Клязьмѣ къ с.-в. отъ Владиміра. Ёхавши изъ Городца Волжскаго во Владиміръ, нельзя было миновать Боголюбова. Ёхавши изъ Касимова въ Боголюбовъ, нельзя было миновать Владиміра.

Какимъ же образомъ володимірцы встрѣчали тѣло Александрово, припесенное изъ Касимова въ Боголюбовъ? Рѣшите это, гг. защитники Миллера и иже съ нимъ!

Село Городецъ—мѣсто любопытное: много воспоминаній, много интереснаго настоящаго. Преданіе о больномъ Китежѣ, повѣрье о Кириловыхъ горахъ, Федоровскій монастырь, воспоминаніе объ удѣльныхъ князьяхъ, объ Александрѣ Невскомъ, его сынѣ Акурсѣ, объ императрицѣ Екатеринѣ II-й, промышленность Городца, его пряники, главная часовня поповщины, архимандритъ Петръ, жившій долгое время въ Китаѣ,—все эти предметы интересуютъ всякаго посѣтителя столицы Бориса Константиновича.

II.

Гдѣ жилъ и умеръ Козьма Мининъ?

Въ Нижнемъ-Новгородѣ ходитъ слухъ, будто Козьма Мининъ, послѣ освобожденія Россіи, жилъ постоянно въ этомъ городѣ и умеръ въ при-

ходъ Похвалы Пресвятыя Богородицы, и будто на погостѣ этой церкви онъ первоначально былъ погребенъ. Прибавляютъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тѣло Минина было перенесено въ Спасо-Преображенскій соборъ велѣдетвіе *особаго царскаго указа*. Знаю нѣсколько ревнителей памяти незабвеннаго нижегородца, которые тщательно отыскивали въ церквахъ и архивахъ этотъ указъ, — но тщетно. Досужая молва ходила между тѣмъ по городу, и слухъ о погребеніи Миина при церкви Похвалы даже почитался *народнымъ* преданіемъ, которому все безусловно вѣрили. Пріѣзжалъ ли въ Нижній любитель старины—ему показывали на церковь XVIII столѣтія и увѣряли, что при ней жилъ и былъ погребенъ избавитель Россіи. Требовались ли какія свѣдѣнія о Мининѣ—церковь Похвалы являлась въ донесеніяхъ. Никто не спорилъ, все вѣрили. Мало этого: являлись люди, которые, въ припадкѣ сумасшествія, толковали, будто имъ являлся Мининъ въ ночномъ видѣніи и приказывалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было *сначала* положено тѣло его, построить церковь. Чернь вѣрила охотно толкамъ; находились люди и изъ высшихъ сословій, которые раздѣляли съ необразованными престолюдинами увѣренность въ истинѣ этихъ *сплетенъ*. Имя незабвеннаго человѣка сдѣлалось вывѣскою обмана — и гдѣ же?—на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ благовѣстилъ спасеніе Руси... Бредни, распушенные, кажется, единственно только для того, чтобъ имѣть даровой домъ *), наконецъ затихли, но все еще есть люди, которые вѣрятъ имъ, и все еще носится преданіе о томъ, что Козьма Мининъ жилъ въ Нижнемъ, въ приходѣ Похвалы, и что при этой церкви онъ былъ сначала похороненъ.

И я, года два съ половиной тому назадъ, говоря въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1840 г.) о Нижнемъ-Новгородѣ, вѣрилъ этому преданію и предлагалъ его вниманію благосклонныхъ читателей; прежде меня—Свиньинъ, Орловъ, Рожанскій, Духовскій и др. писали то же; писали и послѣ меня.

Теперь (1842), имѣя подъ руками нѣсколько старинныхъ актовъ, я рѣшился исправить общію нашу ошибку. Кто ведетъ дѣла свои со-вѣстливо, кто занимается наукою безкорыстно, тотъ долженъ выказывать свои прежнія заблужденія и ошибки, а не утаивать то, что хотя и справедливо, но противорѣчитъ прежде высказанному мнѣнію. Ошибка свойственна человѣку, который потому и обязанъ исправлять прежнія свои прегрѣшенія.

1) *Козьма Мининъ послѣ 1612 года не жилъ въ Нижнемъ, а пріѣхалъ въ этотъ городъ незадолго до своей смерти*. Это доказывается царскою грамотой нижегородскимъ воеводамъ, князю Бахтеярову-Ро-

*) Тѣ, которымъ являлась тѣнь Минина, говорили, будто она приказываетъ нижегородскому градскому обществу построить домъ и подарить его тѣмъ, кого она удостоила своимъ явленіемъ. Какое выгодное посѣщеніе замочнаго гостя!

стовскому и Нащокину, объ изыятіи сына, братьевъ и крестьянъ Козьмы Минина отъ суда въ Нижнемъ-Новгородѣ, кромѣ случаевъ татыбы и разбоя *). Въ ней сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Вилъ намъ челомъ думной нашъ дворянинъ Кузьма Мининъ, что *живетъ онъ на Москвѣ при насъ*, а помѣстья-де и вотчинка за нимъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ, и братья его и сынъ живутъ въ Нижнемъ-Новгородѣ“ и пр. Грамота эта писана была 1615 года мая 31, а Козьма Мининъ скончался между сентябремъ 1615 и июнемъ 1616 годовъ **). Слѣдовательно, если Мининъ и жилъ въ Нижнемъ, то никакъ не болѣе одного года.

2) *Домъ Козьмы Минина до 1612 года находился* въ Благовѣщенской слободѣ, на берегу Оки, выше Благовѣщенскаго монастыря, *въ приходѣ Рождества Іоанна Предтечи*. Носилось прежде объ этомъ преданіе въ Нижнемъ-Новгородѣ — преданіе, сообщенное въ 1807 году г. Бантышъ-Каменскому *минимъ* родственникомъ Минина, Подсѣвальщиковымъ. Но такъ какъ въ настоящемъ трактатѣ преданія не могутъ имѣть силы, то поищемъ въ актахъ доказательствъ нашему положенію. Благовѣщенская слобода, остатки которой существуютъ и до сихъ поръ. была въ приходѣ Іоанна Предтечи, церкви, существующей и теперь. Другой ближайшей церкви къ Благовѣщенской слободѣ нѣтъ и не было. Церковь Рождества Іоанна Предтечи существовала въ 1621 году: она описана на оборотѣ 16 листка сотной грамоты 1621 года, хранящейся въ Нижегородской градской думѣ (въ 4-ю д. на 435 листкахъ, за скрѣпою дьяка Банма Волгина, справилъ Левка Полухтовъ). Въ домѣ Козьмы Минина жила впоследствии, сосланная въ Нижній, невѣста царя Михаила Феодоровича, Марья Ивановна Хлопова, что видно изъ царской грамоты въ Нижній-Новгородъ отъ 31 марта 1633 года ***). Въ слѣдственномъ дѣлѣ о Марьѣ Хлоповой, напечатанномъ въ „Собраніи Госуд. Граматъ и Договоровъ“, говорится, что въ Нижнемъ у ней былъ духовникомъ предтеченскій попъ. Слѣдовательно домъ Козьмы Минина находился въ приходѣ Рождества Іоанна Предтечи, а не въ приходѣ Похвалы Богородицы.

3) *Церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы во времена Минина еще не существовала*.—Въ сотной грамотѣ 1621 года, о которой мы выше упоминали, подробно описаны все церкви нижегородскія, исключая кремлевскихъ, но о церкви Похвалы не говорится ни слова. Даже самое мѣсто, гдѣ теперь она находится и гдѣ находилась до пожара, показано въ этой грамотѣ за острогомъ, т.-е. оно было не заселено. Въ переписной книгѣ Нижняго-Новгорода, 1678 года, упоми-

*) Напечатана въ III томѣ «Ак. Арх. Эксп.» подъ № 71.

**) Въ послужномъ спискѣ старинныхъ русскихъ чиновниковъ кончина Козьмы Минина показана подъ 124 годомъ (отъ октября 1615 года), 5 июля 1616 г. была пожалована царская грамота уже *вдовѣ* Минина (см. «Ак. Арх. Экспед.», III, № 83).

***) См. «Ак. Арх. Экспед.», III, № 213.

пается о церкви Похвалы Богородицы, которая была деревянная. Следовательно она построена была между 1621 и 1678 годовъ, т.-е. гораздо позже послѣ смерти Козьмы Минина.

4) *Домъ Минина послѣ 1613 года былъ въ нижегородскомъ кремль.*—Въ сотной грамотѣ 1621 года на 31 листѣ сказано: „а на другой сторонѣ соборныя церкви дворы: дворъ стряичево Нефедья Кузмина сына Минина съ огородомъ, а по скаскѣ нижегородцовъ посадскихъ выборныхъ людей то мѣсто бывало государево дворовое“. Итакъ, Минину вмѣстѣ съ помѣстьемъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ пожалованъ былъ дворъ въ городѣ, для прѣзда людей, для проживанія родственниковъ и для временной квартиры его самого. Дворъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ: въ кремль, на площади, подлѣ собора — значить, на мѣстѣ нынѣшняго собора. Въ сотной грамотѣ онъ упоминается первымъ послѣ съѣзжей избы. Неподдалеку отъ него находился домъ брата Козьмы — Безсона, мѣсто нестяглое, вѣроятно, по особой милости царя къ родственникамъ великаго человѣка.

Въ старину мертвыхъ клали при той церкви, близъ которой они прежде жили. Мѣсто такого кладбища, окружавшее обыкновенно церковь, называлось погостомъ. Хоронили мертвыхъ и возлѣ соборныхъ церквей—доказательствомъ этого служить то, что по близости нижегородскаго Спасопреображенскаго собора находили множество человѣческихъ костей. Козьма Мининъ скончался въ приходѣ этого собора и былъ положенъ *при немъ*; сынъ его Нефедій такъ же. Какъ человѣка важнаго, уважаемаго нижегородцами и богатаго, а следовательно положившаго богатый вкладъ въ церковь, его, быть-можетъ, положили и въ самомъ соборѣ, по не на той сторонѣ, гдѣ положены были князья, а на другой, гдѣ впоследствии полагали тѣла архіереевъ. Когда похороненные при соборѣ Козьма и Нефедій Минины записаны были въ соборный синодикъ, и впоследствии (при Петрѣ Великомъ), когда подвигъ великаго нижегородца былъ оцѣненъ какъ должно,—имена ихъ начали произносить на вселенскихъ панихидахъ. 30 мая 1722 года императоръ Петръ Великій, бывъ въ соборѣ Преображенскомъ у обѣдни, спросилъ: „Гдѣ похороненъ Мининъ?“ Ему показали мѣсто. Державный, почтивъ земнымъ поклономъ могилу спасителя Россіи, спрашивалъ о его потомкахъ... Съ этого времени началась слава Минина, до тѣхъ поръ почти забытаго. Память о немъ воскресла, стали показывать гробъ Минина, стали говорить о Мининѣ. Впоследствии нашли въ Пурихѣ знамя князя Пожарскаго, знаменитаго сподвижника Минина, списали съ него списокъ и поставили надъ долго пребывавшею въ забвеніи могилою. А ложная молва между тѣмъ распространилась: стали говорить о первоначальномъ погребеніи Минина при Похвалинской церкви, о перенесеніи *костей* его въ Спасопреображенскій соборъ по приказанію царя Алексія Михайловича. „И прочеся слово сіе“ въ Нижнемъ „даже до сего дне“.

Если несправедливыми покажутся защитникамъ Похвалинской церкви эти замѣчанія, предлагаемъ имъ слѣдующіе вопросы:

Есть ли въ Похвалинской церкви записи или приклады, свидѣтельствующіе о жительствѣ Минина въ ея приходѣ? Были — да сгорѣли въ 1771 году, во время большого пожара, — скажутъ мнѣ. Положимъ, что такъ. А гдѣ записи Преображенскаго собора о перенесеніи праха Минина въ этотъ храмъ? Утрачены? А почему же въ соборномъ синодикѣ записанъ и на вселенскихъ панихидахъ поминается и сынъ Козьмы — Нефедій, *здѣ лежащій*? Если только потому, что онъ былъ сынъ Козьмы, то почему же бы не поминать жены Козьмы, Татьяны, его отца Мины, его братьевъ Сергія и Безсона? Да притомъ къ чему было нести тѣло умершаго въ кремль Минина цѣлыя двѣ версты до Похвалинской церкви?

Результатъ всего сказаннаго состоитъ въ слѣдующемъ:

Козьма Мининъ, будучи посадскимъ, жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ приходѣ Іоанна Предтечи, около Благовѣщенскаго монастыря, а сдѣлавшись думнымъ дворяниномъ, жилъ въ Москвѣ. Черезъ три года послѣ того онъ пріѣхалъ побывать въ Нижний и остановился въ пожалованномъ ему отъ государя домѣ, который находился въ кремль, подлѣ собора. Здѣсь онъ умеръ и былъ похороненъ при Свасопреображенскомъ соборѣ. Впослѣдствіи въ этомъ же домѣ умеръ и сынъ его, стряпчій Нефедій Козьмичъ Мининъ, и былъ похороненъ подлѣ своего отца.

III.

О царицѣ Маріи Петровнѣ.

Царь Василій Іоанновичъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ московскій, съ котораго онъ успѣлъ согнать Самозванца, несмотря на свою старость, рѣшился сочетаться бракомъ, въ надеждѣ имѣть наследниковъ для полученнаго имъ по случаю престола. Выборъ его палъ на Екатерину Петровну, дочь боярина, князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовскаго. Ее взяли на верхъ государевъ, нарекли царицею и назвали Маріею. 17 января 1608 года былъ совершенъ бракъ... Въ русской исторіи еще встрѣчается примѣръ перемѣны имени той, которая была возводима въ санъ царицы: лѣтъ черезъ восемь послѣ брака царя Василія Іоанновича, невѣста царя Михаила Феодоровича, Марія Хлопова, была названа Анастасіею; но съ перемѣною имени и счастье измѣнилось: жертва интригъ Салтыкова — она была сослана изъ дворца и провела остатокъ плачевной жизни своей въ Нижнемъ-Новгородѣ. Не лучшая участь постигла и супругу Василія: черезъ полтора года она лишилась престола, была разлучена съ супругомъ, заточена въ монастырь. Карамзинъ говоритъ: „Постригли и несчастную царицу Марію, также безмолвную въ обѣтахъ, но краснорѣчивую въ изъявленіи любви къ супругу: она рвалась къ нему, стонала, называла его своимъ *госуда-*

ремъ милымъ, царемъ великимъ народа недостойнаго, ея супругомъ законнымъ и въ рясы инока. Ихъ разлучили силою, отвели Василія въ монастырь Чудовскій, Марію въ Ивановскій“. Дальнѣйшая судьба этой несчастной царицы неизвѣстна; но въ сотной нижегородской грамотѣ 1621 и 1622 годовъ, хранящейся въ Нижегородской градской думѣ, находятся нѣкоторыя извѣстія объ ея участи. Она въ монашествѣ получила имя Елены. Ей были пожалованы, безъ сомнѣнія, царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ помѣстья въ Бѣлогородѣ и въ Городцѣ *), два дома въ нижегородскомъ кремлѣ. Она имѣла своего приказчика и приказныхъ людей. Вотъ слова сотной грамоты, свидѣтельствующія объ этомъ:

На 34 л. на об. и на 35-мъ: „Дворъ царя Василія Ивановича царицы иноки Елены Петровны приказныхъ ея людей изъ вотчины Бѣлогородскія волости, а въ немъ живеть дворникъ Нестерко Саложникъ— петяглое мѣсто“.

На 43 л. на об.: „Дворъ для осаднаго времени царя Василія Ивановича царицы Елены Петровны изъ Городецкіе волости приказчика Карпа Верещагина, а въ немъ живеть дворникъ ярыжной Ивашко Ржевитивъ“.

Царица Елена Петровна скончалась въ 1626 году, по извѣщенію Никоновской лѣтописи **). Входя святыми воротами въ церковь Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря—это домовище русскихъ царицъ и царевенъ, вы встрѣтите на лѣвой сторонѣ у стѣны гробницу: здѣсь покоится прахъ несчастной трехъименной царицы.

Затѣмъ при семь случаѣ, что, по стеченію обстоятельствъ, въ первые годы царствованія Михаила было въ живыхъ 6 русскихъ царицъ и царевенъ ирежнихъ династій, и всѣ онѣ были пострижены неволью.

IV.

О родственникахъ Козьмы Минина.

Въ одномъ изъ писемъ г. Бантыппъ-Каменскаго къ г. Малиновскому сказано о родственникахъ Минина, Подсѣвальщиковыхъ. Дополнимъ это извѣстіе: у Михайлы Алексѣева Подсѣвальщикова, внука Михайлы Петрова, который *будто бы* былъ родной внукъ сестры Козьмы Минина, Дарьи—были еще родные дяди Иванъ и Василій Михайловы, изъ которыхъ у перваго былъ сынъ Григорій. У этого Григорія сыновья: Гаврила и Сергѣй. Гаврилы Григорьева дѣти: Андрей и Степанъ; Сергѣй Григорьевъ и сынъ его Александръ живы еще и до сихъ поръ; они купцы города Казани. И у Михайлы Алексѣева Подсѣвальщикова, котораго г. Бантышъ-Каменскій называетъ бездѣтнымъ, родились послѣ 1807 года дѣти — Сергѣй и Алексѣй. Старшій отданъ былъ отцомъ въ

*) Село нынѣшней Нижегородской губерніи, прежде столица удѣльнаго княжества.

***) «Ник. лѣт.», VII, 258.

солдаты, а младшій пошелъ въ военную службу охотою. Оба они живы. Вотъ извѣстiя, за подлинность которыхъ ручаюсь и которые можно доказать ревизскими сказками. Но какъ доказать подлинность происхожденiя всѣхъ этихъ лицъ отъ Дарьи Миничны, имени которой нѣтъ ни въ какомъ актѣ? Фамилнымъ преданiемъ? Но чтѣ значить преданiе? Оно важно только въ такомъ случаѣ, если дополняетъ или объясняетъ обстоятельства, доказанныя актами, и еще тогда, когда оно характеризуетъ извѣстный вѣкъ. Во всякомъ другомъ случаѣ основываться на преданiи значитъ строить храмину на пескѣ. Опровергаетъ родословную г. Вантышъ-Каменскаго слѣдующее обстоятельство: въ ней сказано, что Дарья Минична была замужемъ за Иваномъ Семеновичемъ Кавтаревымъ, посадскимъ, котораго внукъ Михайла написалъ себя въ ревизiи Подсѣвальщиковымъ. Ни въ сотной грамотѣ Нижняго 1621 года, ни въ переписной книгѣ нижегородскихъ жителей 1678 года не упоминается о Кавтаревыхъ, а о Подсѣвальщиковыхъ упоминается. Слѣдовательно Подсѣвальщиковы были Подсѣвальщиковыми гораздо прежде ревизiи, только пять лѣтъ спустя послѣ смерти Козьмы Минина. Прибавимъ и преданiе: старожилы говорятъ, что родъ Подсѣвальщиковыхъ ведется въ Нижнемъ съ незапамятныхъ временъ.

Теперь скажемъ о другихъ родственникахъ Козьмы Минина. У него были родные братья, чтѣ доказывается царскими грамотами, напечатанными въ „Актахъ Археогр. Эксп.“ (т. III, №№ 71 и 85). Этими грамотами братья Минина и его крестьяне освобождались отъ суда въ Нижнемъ, кромѣ татевныхъ и разбойныхъ дѣлъ, — первую по челобитью самого Козьмы, вторую по челобитью оставшагося послѣ него сына Нефедья. Последняя оканчивается словами: „А сию нашу грамоту отдали (бы воевода и дьякъ) Нефедя Минина людемъ его, кого онъ съ сею нашею грамотою къ вамъ въ Нижней пришлетъ, и онъ ее держитъ у себя впередъ для нашихъ иныхъ воеводъ и приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125 октября въ 31 день“. На оборотѣ грамоты этой, подъ адресомъ, гдѣ на старинныхъ актахъ обыкновенно писалось, кто именно отдалъ грамоту по адресу, написано: „125 года генваря въ 19 день съ *Сергемъ Миничемъ*“. Обыкновенно подавались царскiя грамоты воеводамъ или самими лицами, о которыхъ шло дѣло, или холопьями ихъ; исключенiя рѣдки. Если привозилъ грамоту холопъ, то писалось: съ такого-то человѣкомъ такимъ-то, и притомъ писалось не полное его имя, а полуимя: Иванка, Сергѣйка и проч.

Послѣ этого должно заключить, что Нефедiй Миничъ послалъ въ Нижнiй царскую грамоту съ дядей своимъ *Сергемъ*. Весьма вѣроятно, что Сергѣй Миничъ отправился въ Москву къ своему племяннику сказать, что „нижегородцы, да иныхъ городовъ всякiе люди на дядьехъ его и на людѣхъ и на крестьянѣхъ поклевавъ, ищутъ напрасно, и въ томъ ставятся имъ и крестьянамъ продажи и убытки великiе“. Нефедiй Миничъ билъ челомъ государю-царю и, выхлопотавъ несудимую

грамоту, послалъ ее въ Нижній съ своимъ дядею, до котораго также касалось дѣло.

Изъ сотной грамоты 1621 года видно, что незадолго до этого времени въ нижегородскомъ кремлѣ жилъ другой братъ Козьмы Минина— *Безсонъ*. Онъ имѣлъ свой домъ, съ котораго подати не взимали не потому, что владѣлецъ его обвинялъ, но, конечно, по особой жалованной грамотѣ. Послѣ онъ перешелъ во владѣніе посадскаго Пустобоярова. Вотъ слова сотной грамоты: „Дворъ Якова Пустобоярова, а сказали быть за посадскимъ человѣкомъ, за Безсономъ за Мининимъ: *а мѣсто бывало не тяглось, а Безсонъ Мининъ съ посадскими людьми съ тяглы не былъ, и нынѣ обвинялъ*“ (листъ 33 на об.).

Въ выписи изъ переписной книги 1678 года, на 32 листкѣ упоминается о дворахъ гостинной сотни Никиты Минина и гостинной сотни Клементія Минина. Не родственники ли они Козьмѣ? Можетъ-быть. Впрочемъ, утвердительно сказать этого нельзя, потому что у насъ, на Руси, всякій имѣвшій отца Мина назывался и называется *Мининимъ*.

Въ городѣ Балахиѣ есть кулеческая фамилія Мининыхъ; говорятъ, она происходитъ отъ одного изъ братьевъ Козьмы.

Въ сотной грамотѣ 1621 года, при перечисленіи лавокъ въ нижегородскомъ мясномъ ряду, сказано: „лавка вымолная на одно лицо посадскихъ людей *Богдана Кузьмина да Михайла Имятьева Сухоруковыхъ* съ полатыми на два замка мѣрою до вымла полчетверты сажени безъ трехъ вершковъ, оброку платить въ земскую избу по осмнадцати алтынъ, а нынѣ изоброчено и съ старымъ оброкомъ тридцать алтынъ“ (листъ 334).

Извѣстно, что Козьма Мининъ имѣлъ прозваніе Сухорукій, былъ *«художествомъ говядаръ»*, по словамъ хронографовъ, и торговалъ въ мясной лавкѣ. Не въ этой ли лавкѣ торговалъ онъ? Не перешла ли она послѣ возвышенія Минина къ его родственникамъ, можетъ-быть, двоюроднымъ братьямъ Богдану Кузьмичу и Михайлѣ Игнатьевичу?

Акты, относящіеся до Минина, вѣроятно, находятся въ частныхъ рукахъ. Въ нижегородскихъ архивахъ я не нашелъ ни одного. Вспомнимъ при этомъ случаѣ, что такіе акты, напечатанные въ „Ак. Арх. Эксп.“, получены въ Твери отъ *частнаго лица* г. Строевымъ. Желательно, чтобъ частные люди, обладающіе старинными актами, относящимися до Минина, напечатали ихъ, а не хранили подъ спудомъ. Вумаги о подобныхъ вещахъ не частная собственность: это достояніе націи.

ЗАМѢЧАНІЕ О ГОРОДАХЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Русскіе города являются въ исторіи еще прежде того, какъ на берегахъ Ильмена отважные витязи норманскіе положили начало государству русскому, или, лучше сказать, бросили зерно граждаственности, изъ котораго со временемъ выросло такое огромное, величественное дерево. Иначе и быть не могло. Славяне, занимавшіе искони восточную часть Европы, отличались не только храбростью, столь свойственною народамъ необразованнымъ, но и мирными занятіями. Они были народъ земледѣльческій; чрезъ ихъ земли пролегали торговые пути изъ Царяграда и пышныхъ городовъ Востока. Эти обстоятельства имѣли неминуемымъ слѣдствіемъ то, что города славянъ и до X вѣка по Р. Х. представляли не только крѣпости (городъ — значитъ ограда, мѣсто огражденное, укрѣпленное), но и мѣста безопаснаго пристанища рукодѣлія, ремесль, промышленности и торговли.

Со времянъ пришествія къ восточнымъ славянамъ Рюрика, число городовъ въ земляхъ, составляющихъ теперь Россійскую имперію, значительно умножилось. Это произошло отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, оттого, что русскіе, утверждая власть свою надъ сосѣдними племенами, строили въ земляхъ ихъ крѣпости для содержанія въ повиновеніи новыхъ данниковъ и для того, чтобы имѣть тамъ мѣста, въ которыхъ бы сидѣлъ туиъ и собирались пошлины на князя; во-вторыхъ, потому, что при размноженіи потомства святого Владиміра увеличивалось число удѣльныхъ городовъ и слѣдовательно удѣльныхъ князей. Во времена Рюрика было 8 городовъ, какъ намъ извѣстно, а именно: Кіевъ, Новгородъ, Ладога, Изборскъ, Бѣлоозеро, Смоленскъ, Ростовъ и Муромъ; во времена же нашествія на землю русскую монголовъ ихъ было до полутораста, если еще не болѣе.

И всѣ эти города были не только крѣпостями, но и мѣстами пристанища такъ-называемой городской промышленности. Императрица Екатерина II, зашивавшаяся и на тронѣ исторію врученнаго ей Богомъ на-

рода, справедливо сказала въ грамотѣ, дарованной въ 21 день апрѣля 1785 года городамъ Россійской имперіи: „Всероссійскіе самодержцы отъ самыхъ древнихъ лѣтъ, съ расширеніемъ предѣловъ владычества ихъ и съ умноженіемъ народнымъ, умножали и число городовъ, дая въ нихъ безопасное пристанище торгу и рукодѣліямъ“ *).

Во время татарскаго владычества число городовъ русскихъ постоянно увеличивалось. Еще болѣе оно увеличивалось со временъ Іоанна III какъ посредствомъ завоеваній, такъ и по причинѣ основанія новыхъ городовъ.

Въ концѣ XVI столѣтія въ Россіи было уже значительное число городовъ, какъ видно изъ „Книги Большому Чертежу“. Всѣ города платили уже тогда городскія пошлины, то-есть таможенныя, кабацкія и мн. др., которыхъ начало должно искать въ татарскомъ періодѣ.

Изъ сочиненія Флетчера „of the Russe Common-Wealth“ видно, что при царѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ слѣдующіе города Россіи платили болѣе пошлины и слѣдовательно были значительнѣе:

Старая Руса (солеварни)	18.000 руб.
Москва	12.000 „
Псковъ.	12.000 „
Казань.	11.000 „
Смоленскъ.	8.000 „
Нижній-Новгородъ.	7.000 „
Новгородъ	6.000 „
Вологда	2.000 „
Кострома	1.800 „
Ярославль	1.200 „

Послѣ безпорядковъ на Руси, бывшихъ слѣдствіемъ восшествія на московскій престолъ Самозванца, царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ повелѣно было составить *писцовыя книги*, т.-е. подробныя описанія городовъ, и списки съ нихъ дать городамъ (*сотныя грамоты*). До сихъ поръ во многихъ старинныхъ русскихъ городахъ сохраняются писцовыя книги или сотныя грамоты, въ другихъ онѣ теряются, истребляются пожарами или небреженіемъ архиваріусовъ. Какую бы пользу принесло наукѣ собраніе оставшихся въ цѣлости этихъ грамотъ. Издавать ихъ исполнѣ едва ли нужно; но описанія замѣчательныхъ церквей, число домовъ, жителей, раздѣленныхъ по сословіямъ, лавокъ, бань, количество выгонной земли были бы весьма интересны для всѣхъ занимающихся изученіемъ русской исторіи и статистики. Тогда бы и настоящее положеніе русскихъ городовъ представилось чрезъ сравненіе въ лучшемъ свѣтѣ;

*) Грамота, данная городамъ Р. И. 21 апрѣля 1785 года, стр. 2; «Полное Собр. Зак. Р. И.», т. XXII, № 16.187. Извѣстно, что императрица Екатерина написала четыре тома «Занеокъ, касательно Россійской Исторіи», Спб. 1787.

ибо статистика, говоря словами нашего знаменитаго статистика П. И. Кеппена, „можетъ быть основана только на сравненіи или сличеніи, безъ коего нѣтъ повѣрки“ *).

Изъ нѣкоторыхъ актовъ XVII столѣтія можно видѣть состояніе русскихъ городовъ того времени. Такъ, напримѣръ, изъ окладныхъ книгъ о сборѣ денегъ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ по новому 1671 г. окладу—можно видѣть количество дворовъ въ нѣкоторыхъ городахъ съ нѣкоторыми принадлежащими къ нимъ селеніями. Изъ этого акта видно, что

Въ Ярославлѣ было	2.296	двор.
„ Вологдѣ	1.220	„
„ Нижнемъ	1.274	„
„ Костромѣ	1.079	„
„ Симбирскѣ	510	„
„ Казани	310	„
„ Арзамасѣ	555	„
„ Ельцѣ	264	„
„ Воронежѣ	344	„
„ Орлѣ	60	„
„ Переяславлѣ Рязанскомъ .	165	„
„ Тулѣ	312	„
„ Владимірѣ	400	„
„ Галичѣ	499	„
„ Твери	487	„
„ Ст.-Русѣ	342	„
„ Торжкѣ	624	„
„ Уфѣ	33	„
„ Серпуховѣ	307	„
„ Бѣлевѣ	357	„
„ Калугѣ	1.045	„
„ Кунгурѣ	1.651	„
„ Курскѣ	599	„
„ Пензѣ	41	„
„ Василѣ	193	„
„ Балахнѣ	514	„
„ Угличѣ	528	„
„ Устюгѣ Великомъ	10.450	„
На Вяткѣ	12.377	„
Въ Соликамской	7.053	„
„ Перми Великой	3.292	„

*) См. «Bulletin Scientifique», Т. VIII, № 10 и 11. Русскій переводъ статьи П. И. Кеппена «О городахъ Россійской имперіи» напечатанъ въ № 127 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1841 года.

Время преобразования Россіи императоромъ Петромъ I было вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ увеличенія числа городовъ Россійской имперіи. Изъ показанія Кирилова видно, что въ годъ смерти Великаго, то-есть въ 1725 году, было въ Россіи городовъ:

Столичныхъ	2
Губерискихъ	10
Провинціальныхъ	39
Полковыхъ, малороссійскихъ, слободскихъ и двухъ казацкихъ (Черкасскъ и Яикъ)	17
Уѣздныхъ и крѣпостей	272
Пригородовъ	60
Большихъ торговыхъ слободъ съ купцами и маги- стратами	18
Казачьихъ городовъ	137
Мѣстечекъ	316
Остроговъ	74
<hr/>	
Итого	945
Изъ того числа городовъ	340

Въ царствованіе императрицы Екатерины II число городовъ Россійской имперіи значительно умножилось: въ первые 23 года ея царствованія открыто 216 новыхъ городовъ.

ПРЕДАНИЯ ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Изъ преданій въ Нижнемъ-Новгородѣ первое мѣсто занимаетъ легенда о построеніи города. Во времена стародавнія на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Нижній-Новгородъ, жилъ мордвинъ Скворецъ, другъ и помощникъ Соловья-Разбойника, связаннаго Ильею Муромцемъ. Здѣсь онъ женился на 18-ти женахъ, которыя родили ему 70 сыновей. Всѣ они жили вмѣстѣ, занимались скотоводствомъ, пасли стада на горѣ и по вечерамъ гоняли ихъ на водоной на Оку рѣку. Здѣсь же въ ущельяхъ горы обиталъ чародѣй Дятель, бывший также нѣкогда въ ладахъ съ Соловьемъ.

Его спрашивалъ Скворецъ о будущей судьбѣ своихъ дѣтей. Дятель отвѣчалъ: „Если дѣти твои будутъ жить мирно другъ съ другомъ, то долго будутъ владѣть здѣшними мѣстами; а если поссорятся, то будутъ покорены русскими, которые построятъ на устьѣ Оки градъ каменный и крѣпокъ зѣло-зѣло, и не одолѣютъ его силы вражескія“.

Въ заключеніе Дятель просилъ Скворца о честномъ ему погребеніи. Умеръ чародѣй Дятель, и похоронилъ его Скворецъ на мѣстѣ нынѣшняго Благовѣщенскаго монастыря; и прозвалось то мѣсто *Дятловы горы*. Умеръ за нимъ и Скворецъ. Предъ смертью онъ заповѣдалъ дѣтямъ своимъ взаимное согласіе и единодушіе. Но потомки ихъ, размножившись, стали враждовать между собою; и тогда св. Андрей Боголюбскій изгналъ ихъ съ устья Оки, а племянникъ его св. Юрій Всеволодовичъ, построивъ Нижній-Новгородъ, исполнилъ предсказаніе Дятла.

Преданіе сіе о построеніи Нижняго-Новгорода найдено даже записаннымъ въ одной рукописи время Петра Великаго, гдѣ о Скворцѣ, между прочимъ, сказано: *онъ же Мессетянинъ*. Въ подтвержденіе преданія скажемъ: а) Татищевъ въ своей исторіи говоритъ, что на мѣстѣ Нижняго-Новгорода былъ нѣкогда городъ болгарскій; то же говоритъ и

императрица Екатерина II въ своихъ „Запискахъ касательно Россійской Исторіи“ (III, подъ 1222 г.). б) Въ „Книгѣ Большему Чертежу“, составлен-ной при царѣ Феодорѣ Иоанновичѣ, сказано, что Нижній-Новгородъ стоитъ на Дятловыхъ горахъ. в) Въ древней мѣстной пѣснѣ воспоминается Мордвою о Нижнемъ-Новгородѣ:

На горахъ, на горахъ на Дятловыхъ
Мордва богу (то-есть своему) молятся,
Къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняются.
Бдетъ мурза московскій царь по Воложкѣ,
По Воложкѣ на камышкѣ;
Говорить мурза слугамъ своимъ:
Слуги вы мои вѣрные,
Вы взгляните-ка на Нижній градъ,
Поглядите-ка на тѣ горы на Дятловы,
Что это за березникъ мотаается, шатаается,
Къ землѣ-матушкѣ преклоняется;
Вы, слуги мои, подите,
Слуги вѣрные, доглядите:
Что это за березникъ шатаается,
Къ землѣ преклоняется.
Слуги возвратились,
Низко царю поклонились:
Это Мордва своему богу молятся,
Къ землѣ-матушкѣ преклоняются, и пр.

Въ объясненіе этой пѣсни обрусѣвшая нижегородская Мордва подъ мурзою московскимъ царемъ разумѣетъ Іоанна IV, плывшаго подъ Казань. Но такое приуроченіе, очевидно, несправедливо и основано на одномъ безотчетномъ воспоминаніи походовъ Грознаго на Казань. Какая молящаяся своему богу Мордва могла быть въ Нижнемъ-Новгородѣ при Грозномъ, когда въ немъ было до 40 церквей съ монастырскими? Гораздо правдоподобнѣе относить содержаніе пѣсни ко времени св. Андрея Боголюбскаго, который могъ плыть по Окѣ и Волгѣ противъ болгаръ и видѣть на мѣстѣ Нижняго-Новгорода Мордву съ ея языческимъ идоло-служеніемъ. Отсюда заключеніе въ пользу глубокой древности легенды о построеніи Нижняго-Новгорода на Дятловыхъ горахъ и въ пользу того мнѣнія, что на мѣстѣ Нижняго-Новгорода, до построенія его въ 1221 году Юріемъ II Всеволодовичемъ, находился болгарскій городъ, и жила въ немъ Мордва, прогнавшая отсюда болгаръ.

Другое преданіе разсказывается въ Нижнемъ-Новгородѣ о кремлевской *Коромысловой* башнѣ. Названіе ея относить ко временамъ набѣговъ татарскихъ. Тогда, какъ только-что успѣли выстроить въ Нижнемъ-Новгородѣ стѣну кремлевскую *), приходили подъ Нижній казанскіе царевици Сенть, да Булатъ, да Качелей (1520 г.). Подошедши къ Нижнему, какъ записано въ лѣтописи, они простояли тутъ три дня, — *ми-*

*) Въ нынѣшнемъ видѣ кремль нижегородскій со стѣною и башнями построенъ въ 1508 году итальянскимъ архитекторомъ Петромъ Фрязинымъ.

чтоже сотворше отгидоша вснять. О причинѣ же отступленія ихъ преданіе рассказываетъ такъ. „Три дня стояли подъ Нижнимъ разбойники-татары; всѣ православные заперлись въ кремль, и на новую-то стѣну надѣялись, и татарь-то боялись, никто не смѣлъ выйти за ворота кремлевскія. Была тогда въ городѣ одна дѣвица-красавица; имени и отчества ея не помнятъ. Понадобилось ей за водой сходить на Почайну рѣку; не хотѣлось, видно, нить колодезной. Вотъ взяла она ведра на коромыселъ, а коромыселъ тотъ былъ желѣзный, только два пуда вѣсомъ. И пошла она, дѣвица, за городъ на Почайну рѣку. Татары замѣтили ее возлѣ башни и, кто ихъ знаетъ, въ полонъ ли хотѣли взять, красотѣ ли ея позавидовали, только кинулись всѣ на нее опрометью. Вотъ она, видя бѣду неминуемую, поставила ведра на землю, помолилась на соборы нижегородскіе и, взявъ коромыселъ въ руки, дожидалась перваго татарина. Подходили къ ней татары не по одному, не по два, а цѣлыми сотнями: и всѣхъ тѣхъ татаръ дѣвица уложила возлѣ башни спать непробуднымъ сномъ. Уже этихъ татаръ она била-била, а все еще ихъ много было. Одолѣли они наконецъ дѣвицу, изрубили ее въ мелкіе куски и похоронили у башни вмѣстѣ съ коромысломъ ея. Князья же татарскіе Сеить, да Булатъ, да Качелей подумали-погадали—да и рѣшили отъ Нижняго убираться по-добру по-здорову.— „Если бабы въ Нижнемъ такія сильныя,—говорили они:—что же съ нами будетъ, если ратные люди на насъ выступятъ?“ Вотъ отчего та башня зовется *Коромысловою*: возлѣ нея было это побоище“.

Третье преданіе о св. Алексіи митрополитѣ, худо принятомъ нижегородцами. Въ простой ризѣ страинника они не узнали великаго святителя; и онъ, въ первый разъ бывши въ Нижнемъ, не нашелъ даже ночлега. Говорятъ, что по этому-то случаю онъ сказалъ: „Городъ каменный, люди желѣзные“. А о мѣстѣ, гдѣ отдыхалъ святитель, говорятъ, что на немъ построена Алексѣевская часовня у Благовѣщенскаго монастыря.

Четвертое преданіе у нижегородцевъ о концѣ ихъ города и кончинѣ міра. Они говорятъ, что давно сказалъ одинъ святой человѣкъ, родомъ изъ Нижняго, что послѣднія времена будутъ тогда, какъ въ Нижнемъ будетъ великое торжище. Суевѣрные видятъ въ ярмаркѣ исполненіе этого пророчества. А конецъ Нижняго-Новгорода будетъ слѣдующій. Есть въ Нижнемъ подлѣ крѣпости маленькій ручеекъ; онъ течетъ по оврагамъ и близъ Никольской церкви впадаетъ въ Волгу. Зовутъ его Почайной, и говорятъ, что Юрій Всеволодовичъ, основатель Нижняго-Новгорода, назвалъ такъ этотъ ручей, будучи пораженъ сходствомъ мѣстоположенія нижегородскаго съ мѣстоположеніемъ кievскимъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Почайна беретъ свое начало, есть большой камень, на которомъ прежде было что-то написано, но теперь уже стерлось. Отъ этого камня зависитъ судьба Нижняго-Новгорода: въ послѣднее время онъ сдвинется съ мѣста; изъ-подъ него выступитъ вода и потопитъ весь Нижний.

Пятое преданіе говоритъ о ходахъ въ кремлевской стѣнѣ, что они во время набѣговъ татаръ и Мордвы были продолжены въ одну сторону до Марьиной рощи, а съ другой выходили на лѣвый берегъ Волги, прокопанные подъ русломъ этой рѣки. Во время осады города жители спасались этими проходами; теперь они засорены и забыты.

Кромѣ того, есть преданія въ Нижнемъ-Новгородѣ о подвигахъ Козьмы Минина, о казни князя Вяземскаго (1608 г.) и Терлева на нижнемъ базарѣ, о казни сообщниковъ Стеньки Разина, о папскихъ буграхъ, на коихъ теперь раскинуть англійскій садъ, о казни грабившаго по р. Окѣ Судейки въ Благовѣщенской слободѣ. Но всѣ эти преданія такъ темны, что нельзя сказать почти ничего объ нихъ опредѣленнаго. Равнымъ образомъ неопредѣленны преданія о нижегородскихъ уроженцахъ, преподобныхъ Макаріи Желтоводскомъ и Евиміи Суздальскомъ, кромѣ указанія на мѣсто жительства ихъ родителей у церкви Женъ Мироносицъ *). О пребываніяхъ Петра Великаго и Екатерины II въ Нижнемъ-Новгородѣ къ письменнымъ извѣстіямъ преданіе прибавляетъ немного. Говорятъ, что царь въ 1722 году велѣлъ запечатать Строгоновскую церковь за то, что узналъ въ ней писанныя для него въ С.-Петербургѣ иконы, а царица въ 1767 г. наградила мѣщанку за то, что она скинула съ себя платокъ и подослала подъ ноги, когда красное сукно приподнято было вѣтромъ.

Въ Нижегородскомъ уѣздѣ замѣчательно преданіе о „Барановомъ ключѣ“, куда ѣздятъ нижегородцы для богомолья и прогулки. Но это преданіе соединено съ необычайными явленіями тутъ животнаго и разными видѣніями.

---

*) См. составленное мною «Сказаніе о жизни и чудесахъ преп. Макарія Желтоводскаго и Унженскаго чудотворца». Москва 1851 года, стр. 16.

ДОРОЖНЫЯ ЗАПИСКИ *).

(На пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь).

I.

Саровская пустынь.—Илевскій заводъ.—Ардатовъ.—Липня.—Выгъздное.—
Арзамасъ.—Дорога къ Нижнему.—Анкудиновка.

Мы пріѣхали въ Бутаково (село Тамбовской губерніи, Темниковскаго уѣзда, въ 39 верстахъ отъ уѣзднаго города). Какъ живописны окрестности этого села! Вдали на сѣверѣ тянется черною полосою лѣсъ, отразилъ лѣсовъ Муромскихъ, славныхъ своимъ Соловьемъ-разбойникомъ и сильнымъ могучимъ богатыремъ Ильею. Какъ звѣздочки, блестятъ на этой полосѣ куполы Саровской пустыни; а тамъ, гдѣ лѣсъ сливается съ отдаленностью, бѣлѣется церковь Сарминскаго-Майдана. На обширной равнинѣ, между этимъ лѣсомъ и возвышенностью, на которой расположено Бутаково, разбросаны кучами деревни и хутора; они такъ хорошо рисуются на золотомъ полѣ богатой нивы. Направо Мокша ленточкой вьется по полямъ, между дубовыми рошицами и деревьями, налѣво отлогая возвышенность, покрытая пашнями; дальше видѣются колокольни и двѣ-три минары мусульманскія. При выгъздѣ изъ Бутакова стоятъ памятникъ времянъ татарскихъ.

Татарскій камень (какъ обыкновенно зовутъ этотъ памятникъ) есть не чтѣ иное, какъ могильная плита изъ бѣлаго камня, поставленная стоймя, аршина два вышиною. Съ одной стороны, между арабесками, вырѣзанъ большой параллелограмъ, на которомъ замѣтны полусоскобленные слова, вырѣзанныя татарскою вязью. Мѣстные жители приписываютъ камню цѣлебную силу отъ зубной боли и соскабливаютъ слова безъ всякаго уваженія къ старинѣ. Въ параллелограмѣ можно разобрать только одно татарское слово (бутакуфъ), которое, быть-можетъ, отно-

*) Очерки эти помѣщены въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839—1842 гг. Здѣсь изъ нихъ дано лишь все то, чтѣ сохранило современный интересъ и вообще не утратило извѣстнаго значенія.

сится къ селу. На другой сторонѣ, обращенной къ кеблѣ, удѣлѣли выраженія изъ корана съ обычнымъ *калатъ* (сказаль) и внизу число года девятьсотъ семьдесятъ два, чтó значить по-нашему 1564 годъ.

Въ то время, какъ намъ отводили комнаты и переносили изъ экипажа вещи, я отправился осмотрѣть монастырь. Онъ расположенъ при рѣчкахъ Сатисѣ и Саровѣ; кругомъ его дремучій лѣсъ; монастырскія строенія каменные и обнесены каменной стѣной; церкви великолѣпны. Надъ всѣмъ монастыремъ возвышается огромная колокольня (вышиною 42 сажени, какъ мнѣ сказывали), которая далеко видна и за лѣсомъ.

Церковь Успенія великолѣпна и богата; въ ней, въ числѣ мѣстныхъ образовъ, показали мнѣ образъ св. Дѣвы Маріи, принесенный въ даръ царвеною Маріею, сестрою Петра Великаго, въ 1711 году; послѣ онъ украшенъ великолѣпною ризою. Кромѣ церкви Успенія, въ Саровѣ замѣчательна церковь св. печерскихъ, устроенная въ пещерахъ, въ которыхъ, говорятъ, укрывались монахи въ смутныя времена мордовскихъ набѣговъ. Въ этой церкви весь иконостасъ сдѣланъ изъ желѣза.

Послѣ обѣдни мы снова отправились въ путь, вѣхали въ Нижегородскую губернію и поворотили на *Илевскій заводъ*. Онъ, такъ же, какъ и заводы Гусерскій (во Владимірской губерніи) и Вознесенскій (въ Тамбовской), принадлежит Баташеву, бывшему владѣтелю Выксунскаго завода. Желѣзная руда, въ большомъ количествѣ находящаяся въ этомъ краю, привозится сперва на Малый Илевскій заводъ, находящійся въ полуторѣ верстѣ отъ Большаго завода: тамъ она перерабатывается въ чугуны; а на Большомъ дѣлаютъ желѣзныя полосы.

Дорога отъ Илевскаго завода къ городу Ардатову пятнадцать верстѣ идетъ лѣсомъ; миновавъ этотъ лѣсъ, мы опять очутились на равнинѣ, усѣянной холмами, деревнями и покрытой нивами... Мы пріѣхали въ *Ардатовъ*, уѣздный городъ Нижегородской губерніи. Расположенный по косогуру у двухъ ручьевъ Лемети и Сіазьмы, онъ походитъ болѣе на село, нежели на городъ. Три церкви, семь каменныхъ домовъ, тротуарные столбики да двѣ-три будки съ заржавѣвшими алебардами у дверей напоминали, что это не простая деревня. Грязь, дома, крытые соломой, заросшія травою улицы и площадки, огромныя лужи, въ которыхъ стаями полоскались утки, какъ грозные оппоненты силились доказать всю негодность этого города, и, признаюсь, доказательства этихъ господъ имѣли свои причины и были сильны. Словомъ сказать, Ардатовъ городъ, какихъ на матушкѣ святой Руси довольно количество, особливо тамъ, въ Украинѣ, да тамъ, около Урала и Камы.

Мѣстное преданіе вотъ чтó рассказываетъ о началѣ Ардатова. Когда царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный въ 1552 году шелъ на Казань чрезъ эти мѣста, тогда мордвини, жившіе на Лемети, вызвались быть его проводниками. Три брата, Ардатка, Кужендей и Торша, провели войско русское чрезъ знакомые имъ лѣса и послѣ, съ милостью царскою, возвратились на Леметь. Ардатка поселился на мѣстѣ Ардатова, а братья его на

мѣстѣ села Кужендеева (верстахъ въ четырехъ отъ города). Мордва охотно селилась вмѣстѣ съ проводниками царскими, и вскорѣ на этомъ мѣстѣ явилась деревня, сдѣлавшаяся впоследствии дворцовымъ селомъ, а съ 1779 года городомъ Нижегородскаго намѣстничества.

Изъ Ардатава, чрезъ деревню Мѣякуши, принадлежащую г-ну М—у, мы своротили на московскую дорогу и прѣѣхали въ деревню *Липно*... Липня можетъ похвалиться красотою своего мѣстоположенія. Она расположена на возвышенности, саженьяхъ въ восьмидесяти отъ Тѣши, которая живописно извивается между кустарниками. За Тѣшею лѣсъ, а далѣе, вправо, виднѣются церкви Арзамаса, впрочемъ, не для близорукихъ.

Дорога къ Арзамасу вообще скучна, хотя изрѣдка и попадаются пріятныя для глазъ сельскіе виды. Версть за восемь Арзамасъ весь открывается прекрасной панорамой. Довольно значительная возвышенность, полукругомъ огибающая Тѣшу, покрыта красивыми каменными домами, изъ-за которыхъ смотрятъ колокольни, одна другой выше, одна другой великолѣпнѣе; въ срединѣ величественный соборъ, съ прекрасною колоннадою и огромнымъ куполомъ, поражаетъ всякаго своею колоссальностью; лѣвѣе видны церкви Алексѣевской общины; еще далѣе роца и монастырь Святогорскій. Въ Россіи немного и губернскихъ городовъ, которые бы при такомъ счастливомъ мѣстоположеніи были такъ красивы, какъ Арзамасъ. Версты за четыре отъ города большая дорога превращается въ прекрасную аллею изъ густыхъ акацій, которыя, переплетаясь между собою, тянутся по сторонамъ зелеными стѣнами. По обѣ стороны отъ этихъ акацій находится садъ гг. Салтыковыхъ, прежде хорошо обработанный, а теперь совершенно заброшенный и заросшій травой. Множество разбитыхъ статуй и остатки огромнаго театра свидѣтельствуютъ о быломъ его великолѣпіи. Этотъ арзамасскій Кароагенъ принадлежитъ къ селу *Выѣздному*, которое можно назвать предметомъ Арзамаса. Выѣздное выстроено правильно; улицы въ немъ широки, и главная даже вымощена камнемъ. Множество каменныхъ заводовъ и красильень свидѣтельствуютъ о богатствѣ жителей этого села. Въ немъ двѣ церкви, изъ которыхъ одна очень великолѣпна. Внутреннее украшеніе ея вполне соответствуетъ наружному великолѣпію. Особенно красивъ куполь этой церкви, легко и смѣло раскинутый рукою художника; образцомъ для него служилъ, кажется, куполь Софійской мечети въ Константинополѣ. Поля, прилегающія къ Арзамасу и Выѣздному, засѣяны по большей части лукомъ, который въ большомъ количествѣ отправляютъ въ Нижній и другіе ближніе города. Такая торговля была причиною того, что арзамасцевъ сосѣди ихъ зовутъ *луковниками*. Влизъ Выѣзднаго есть слобода Пушкарки; преданіе говоритъ, что она населена была пушкарями, сосланными сюда послѣ стрѣleckаго бунта.

Выѣздное соединяется съ городомъ посредствомъ моста, устроеннаго на сваяхъ чрезъ Тѣшу и продолжающагося болѣе полуверсты по низ-

кому мѣсту, которое весною затопляется водою. Тѣша у города очень глубока, пониже она мелка до того, что ее можно перейти въ бродъ. Это обстоятельство влечетъ за собою то неудобство, что Арзамасъ, этотъ богатый и промышленный городъ, не можетъ имѣть съ другими городами постоянного водяного сообщенія. Онъ поддерживается единственно неутомимою дѣятельностью его жителей и счастливымъ положеніемъ у соединенія дорогъ: одной изъ Нижняго въ южныя губерніи, и другой изъ Москвы въ Симбирскъ и далѣе.

Торговая дѣятельность въ Арзамасѣ обширна: каждый день отправляются изъ него транспорты въ разныя мѣста. Первое, что обращаетъ на себя вниманіе всякаго прѣзжаго въ Арзамасъ, это *соборъ*, которому подобнаго я не видалъ ни въ одномъ губернскомъ городѣ, тѣмъ болѣе въ уѣздномъ. Онъ выстроенъ на главной площади здѣшнимъ купечествомъ въ воспоминаніе 1812 года. По двѣнадцати колоннъ поддерживаютъ каждый изъ четырехъ фронтоновъ; пять куполовъ возвышаются надъ этими фронтонами; средній изъ нихъ очень обширенъ. Внутри соборъ еще не оконченъ работою, средній алтарь еще не освященъ. Стѣнная и иконостасная живопись очень хороша — это работа Ступинской школы живописи. Стѣнная живопись исполнена не красками, а тушью, что придаетъ картинамъ видъ литографированныхъ. Соборъ выстроенъ по плану архитектора Варенцова, подъ надзоромъ академика Корпиоскаго; во время постройки лопнули-было нѣкоторыя колонны; чтобы поправить это, нужно было много времени. Особенно замѣчательно въ этомъ храмѣ расположеніе оконъ: когда вы стоите въ самой срединѣ зданія, подъ среднимъ куполомъ, вы видите окна только надъ головою. между тѣмъ какъ освѣщенія очень много. Оконъ въ стѣнахъ изъ центра не видно, потому что косяки сдѣланы не прямо, а вкось; такое освѣщеніе придаетъ много эффекта. Въ соборѣ будетъ пять алтарей, одинъ подлѣ другого. На той же площади, на которой воздвигнутъ этотъ соборъ, находится Никольскій женскій монастырь. Онъ основанъ въ 1606 году. Удивительная чистота въ церквахъ, порядокъ службы ставятъ его на ряду съ лучшими монастырями русскими; приятное пѣніе привлекаетъ къ слушанію богослуженія все лучшее арзамасское общество. Сестры этой обители занимаются вышиваніемъ золотомъ, и работа ихъ, по чистотѣ своей, высоко цѣнится покупателями. Кромѣ соборовъ (теплаго и холоднаго), на площади стоитъ еще одна церковь (Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы), которая, стоя не на мѣстѣ (и притомъ безъ прихода), очень много отнимаетъ вида у площади, очень обширной, но мало обстроенной хорошими домами, которые соответствовали бы собору.

Къ этой грязной площади примыкаетъ обширный, каменный гостинный рядъ, который спускается подъ гору. За этимъ гостиннымъ дворомъ и небольшимъ оврагомъ находится Спасскій монастырь и Благовѣщенская церковь, окруженные нѣсколькими другими храмами. Снасопре-

ображенскій монастырь основанъ по приказанію Іоанна Васильевича Грознаго, вскорѣ послѣ взятія Казани, въ память похода его чрезъ здѣшнія мѣста. Онъ одаренъ былъ набожнымъ завоевателемъ царства Казанскаго многочисленными отчинами и угодами. Въ 1685 году онъ былъ перестроенъ; теперь въ немъ три церкви: холодная, теплая и еще надъ воротами. Въ этомъ монастырѣ мнѣ показали три старинныя грамоты; одна изъ нихъ подписана тремя патріархами, Іовомъ, Гермогеномъ и Филаретомъ, другая—Филаретомъ, а третья—Адріаномъ. Клавовѣщенская церковь обращаетъ на себя вниманіе всякаго по внутреннему великолѣпію; въ ней показываютъ большое евангеліе, принесенное въ эту церковь Вулгаковымъ, съ собственноручною надписью этого вельможи.

Въ концѣ города надъ Тешею находится знаменитая *Алексѣевская община*. Прежде на мѣстѣ ея находился Алексѣевскій монастырь, основанный при царѣ Мххалѣѣ Теодоровичѣ и упраздненный въ 1765 году. Чрезъ нѣсколько времени Марья Петровна Протасьева, по совѣту іеромонаха Теодора (Ушакова), строителя Сенаксарской пустыни, водворилась, съ дозволенія начальства, въ этомъ монастырѣ съ нѣсколькими сестрами. Вскорѣ число сестеръ начало увеличиваться и наконецъ достигло до 500. Всѣ онѣ не подвергаются обряду постриженія и поступаютъ въ общину безъ всякихъ условій, связывающихъ свободу, имѣя право оставить стѣны обители во всякое время. Но, говорятъ, не было примѣра, чтобы поступившая въ общину вышла изъ нея. Всѣ онѣ, безъ исключенія, несутъ на себѣ по силамъ своимъ разныя должности, работаютъ сами на принадлежащей имъ мельницѣ, приготавливаютъ для себя все пужное, исправляютъ даже должность каменщицъ. Руководія въ общинѣ, особенно вышиваніе золотомъ, доведены до возможнаго совершенства; въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи можно найти плащаницы и образы ихъ работы. Въ общинѣ есть больница для престарѣлыхъ и больныхъ сестеръ и гостиница для бѣдныхъ богомольцевъ.

Изъ общины мы отправились въ школу живописи академика Ступина, заведеніе столько полезное въ здѣшнемъ краѣ и бывшее единственнымъ въ Россіи до основанія подобныхъ Чуриковымъ въ Воронежской губерніи и Надеждинымъ въ Козловѣ. Въ Ступинской школѣ образуется человекъ пятнадцать воспитанниковъ, большею частью изъ крѣпостныхъ людей.

Арзамасъ — старинный городъ, это замѣтно при первомъ на него взглядѣ. Въ новомъ городѣ вы не встрѣтите такого множества церквей. Мѣстное преданіе говоритъ, что на мѣстѣ Арзамаса жили два мордовскіе князя: на горѣ Арза, а подъ горою Маза; но когда это было, арзамасцы не припомнятъ, хотя и готовы горой стать за истину этого преданія, напоминающаго сказаніе о Мосохѣ и Квѣ. Я замѣтилъ, что жители Арзамаса великіе патріоты: они себя почитаютъ *людьми по пре-*

и *и*муществу; все несчастные обитатели других городов, по ихъ понятіямъ—варвары. Какъ же послѣ этого не отстаивать имъ древность своей родины? Основаніе Арзамаса относится къ началу XV вѣка. При царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ немъ была деревянная крѣпость, устроенная на валу, и особенный воевода (Шетневъ). Во время смутныхъ обстоятельствъ царствованія Василія Іоанновича Шуйскаго Арзамасъ былъ разоренъ Мордвою и толпами бродягъ, а жители его ушли въ тушинскій станъ. Вскорѣ однако воевода Пушкинъ привелъ городъ въ подданство Василю. Крѣпость арзамасская сгорѣла въ 1726 году, когда уже Арзамасъ былъ провинціальнымъ городомъ Нижегородской губерніи (съ 1799). Въ 1779 году онъ сдѣланъ провинціальнымъ городомъ Нижегородскаго намѣстничества...

Отъ Арзамаса до Нижняго только 114 верстъ, стало-быть, меньше чѣмъ черезъ сутки мы будемъ въ этомъ городѣ, знаменитомъ и своей стариной, и своей ярмаркой, и своимъ мѣстоположеніемъ. Ближе и ближе подѣзжали мы къ Нижнему; дѣятельность на дорогѣ постепенно увеличивалась, особенно когда мы выѣхали на большую московскую дорогу. Мы миновали нѣсколько деревень, расположенныхъ въ виду большой дороги; между прочими обратила на себя наше вниманіе деревня Анкудивовка. Это родина славнаго въ русской исторіи патріарха Никона.

Но вотъ между двухъ возвышенностей, закрывающихъ всю лѣвую сторону, мелькнула Ока и весь ея живописный луговой берегъ. Черезъ нѣсколько времени опять открылся лѣвый берегъ Оки, а прямо предъ глазами какъ будто изъ земли выросъ Нижний-Новгородъ. Съ московской дороги видъ этого города нисколько не привлекателенъ: это просто большой фруктовый садъ, изъ котораго выглядываютъ или крыши домовъ, или куполы церквей. Но видъ за Оку и сифющійся вправо лѣвый берегъ Волги общали много въ самомъ городѣ и за рѣками. При самомъ вѣздѣ въ городъ находится женскій монастырь (Крестовоздвиженскій), основанный въ XIV столѣтіи, а на это мѣсто перенесенный въ 1812 году. При вѣздѣ нашемъ въ городъ мы не нашли его шумнымъ, какъ предполагали; напротивъ, онъ какъ бы опустѣлъ: вся жизнь его, вся дѣятельность переѣхала за Оку, на ярмарку.

II.

Нижній-Новгородъ.

Нижній-Новгородъ находится у рѣкъ Волги и Оки на Высокой горѣ. Онъ построенъ около 1220 года, — въ точности пельзя опредѣлить время его основанія, за разногласіемъ лѣтописей. Въ продолженіе шести столѣтій многое совершилось въ стѣнахъ его. Онъ былъ сторожевымъ городомъ отъ болгаръ, отъ Мордвы, былъ резиденціею суздаль-

ских князей, спорить съ Москвой о первенствѣ, былъ сборнымъ мѣстомъ войскъ русскихъ, шедшихъ на Казань, спасъ Россію въ 1612 году, видѣлъ въ стѣнахъ своихъ князей суздальскихъ, Александра Невскаго, Алексея митрополита, Симеона Гордаго, Дмитрія Донскаго и Василія Дмитріевича; онъ первый изъ русскихъ городовъ привѣтствовалъ побѣдителя Казани, встрѣтилъ Петра Великаго, Екатерину II, Павла; онъ недавно осчастливленъ былъ посѣщеніями императора Николая и наследника его великаго царства... Но я не пишу его исторію—буду говорить о томъ, что я въ немъ видѣлъ и о чемъ слышалъ.

Нижній-Новгородъ раздѣляется на четыре части: кремль, верхній, нижній и ярмарку, которая вмѣстѣ съ Александровскою слободою (иначе Кунавино) находится на лѣвой сторонѣ Оки. Построеніе нижегородскаго кремля относится къ XIV столѣтію; прежде этого, въ Нижнемъ была только деревянная крѣпость, которая въ первый разъ разрушена была ордынскимъ царевичемъ Арапшею въ 1377 г., потомъ сгорѣла въ 1513 г. и наконецъ, во второй разъ возобновленная, сгорѣла въ концѣ XVI столѣтія. Начальное построеніе каменной крѣпости лѣтописи приписываютъ великому князю Дмитрію Константиновичу, сопернику и тестю Дмитрія Донскаго, владѣвшему до самой смерти своей Нижнимъ-Новгородомъ. Онъ, послѣ разоренія Арапшею его владѣнія, увидѣлъ, что это несчастіе произошло оттого, что городъ былъ худо укрѣпленъ, и потому вознамѣрился построить каменную крѣпость. Но при жизни этого князя успѣли только построить башню съ воротами и часть стѣны. Эта башня и эти ворота до сихъ поръ носятъ названіе Дмитріевскихъ; они находятся на Благовѣщенской площади и служатъ соединеніемъ верхняго города съ кремлемъ. Послѣ смерти Дмитрія Константиновича крѣпостныя работы остановились и были возобновлены не прежде, какъ въ 1500 году. Іоаннъ III Васильевичъ, видя, что Нижній, по своему мѣстоположенію, весьма удобенъ для построенія крѣпости, нужной какъ для огражденія русскихъ предѣловъ отъ казанцевъ, такъ и для содержанія запаснаго войска, вздумалъ довершить намѣреніе своего предка. При немъ, по извѣстію соликамскаго лѣтописца, была построена Тверская башня; но этимъ работы, кажется, и кончились. Уже въ 1508 г. Василій Іоанновичъ, желая окончить предпріятіе своего родителя, послалъ въ Нижній архитектора Петра Фрязина, для продолженія работъ. Фрязинъ сперва старый ровъ обложилъ кирпичомъ, а потомъ приступилъ къ устройству кремля. Этотъ-то кремль, поправляемый послѣ того раза три, существуетъ до сихъ поръ и есть единственный въ своемъ родѣ памятникъ XVI вѣка. Во всей Россіи нѣтъ ни одной крѣпости этихъ временъ, которая бы спускалась внизъ по горѣ и имѣла бы контрфорсы. Нижегородскій кремль имѣетъ въ окружности 2 версты 141 сажень 1 аршинъ и 3 четверти. Фланкируется тринадцатю башнями, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ свои названія. Въ одной изъ нихъ (Дмитріевской) помѣщается архивъ гу-

бернскаго правленія, въ другой (Егорьевской) находится арсеналь; въ третьей показываютъ любопытнымъ страшныя орудія пытокъ, о которыхъ забыла Россія. Въ стѣнѣ, кажется, были устроены галереи, по крайней мѣрѣ окна изъ нихъ видны въ разныхъ мѣстахъ крѣпости; а подлѣ Егорьевской башни было отверстіе въ стѣнѣ, теперь, кажется уже заложено. Я влѣзъ въ это отверстіе и очутился въ комнатѣ, или въ коридорѣ; пройдя направо шаговъ десять, я нашелъ лѣстницу (въ этомъ мѣстѣ стѣна спускалась по горѣ). Темнота и душливый сырой воздухъ заставили меня отказаться отъ дальнѣйшихъ разысканій. Преданіе говоритъ, что тутъ содержались преступники.

Въ кремль находятся двѣ горы, раздѣляемыя дорогою въ нижній городъ; одна изъ нихъ называется *Часовою*: она крутизна необыкновенной; въ самомъ дѣлѣ, часъ времени нужно употребить для того, чтобы прямо взобраться на нее. Мы вошли въ кремль Дмитріевскими воротами, и первое, что представилось глазамъ нашимъ — это былъ громадный Спасопреображенскій соборъ, главный храмъ всей Нижегородской земли, священный для всякаго русскаго по своей старинѣ и потому, что въ немъ покоится прахъ знаменитаго Минина. Онъ во многомъ сходенъ съ Большимъ Успенскимъ соборомъ въ Москвѣ. Огромный параллелепипедъ съ пятью большими главами, такъ-называемой византійской архитектуры, съ узкими и длинными въ два ряда окнами, безъ колоннъ — вотъ наружный видъ этого собора. Онъ первоначально былъ построенъ княземъ суздальско-нижегородскимъ Константиномъ Васильевичемъ въ 1352 году и, уцѣлѣвшій отъ разрушенія въ 1377 г., онъ былъ на другой годъ разрушенъ татарами, посланными отъ Мамаея. Лѣтописцы, упоминая объ этомъ происшествіи, особенно сожалѣютъ о церковныхъ дверяхъ, которыя „бѣша чудно устроены мѣдью золоченою“. Дмитрій Константиновичъ возобновилъ Преображенскій соборъ, и онъ оставался съ этого времени безъ перестроекъ до 1652 г.; въ этомъ году за ветхостью онъ былъ построенъ *на счетъ государевой казны*, а въ 1683 г. митрополитъ нижегородскій Филаретъ перестроилъ на немъ главы и покрылъ ихъ черепицей. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ немъ образовалась трещина по обѣимъ стѣнамъ и по сводамъ, такъ что онъ готовъ былъ развалиться на двѣ части. Поэтому служеніе въ немъ было прекращено и онъ запечатанъ. Въ 1829 г. по высочайшему повелѣнію онъ сломанъ и къ 1834 году перестроенъ въ прежнемъ видѣ. Въ августѣ 1834 г. онъ былъ освященъ Амвросіемъ, епископомъ нижегородскимъ и арзамасскимъ, а въ 1837 г. украшенъ стѣпною живописью живописцами мастерской Желѣзнова. Подъ всѣмъ соборомъ устроенъ огромный подвалъ, въ которомъ поставлены гробницы всѣхъ лицъ, похороненныхъ въ этомъ соборѣ... Мы вошли въ соборъ: внутри онъ нѣсколько теменъ, несмотря на то, что много свѣта проникаетъ въ окна главъ; громадныя пилястры, идущія въ два ряда, поддерживаютъ своды храма; иконостасъ вызолоченъ; образа всѣ греческой живописи. Между ними особенно замѣча-

тельны: образъ Спасителя, который былъ принесенъ изъ Греціи въ Россію, а Константиномъ Васильевичемъ изъ Суздаля въ Нижній-Новгородъ, а другой — Богородицы Одигитріи; этотъ образъ былъ списанъ съ настоящаго образа въ Царѣградѣ и присланъ оттуда Діонисіемъ, архіепископомъ суздальскимъ, нижегородскимъ и городецкимъ 1381 г. Еще заслуживаетъ вниманія въ этомъ соборѣ царское мѣсто, пожалованное Алексѣемъ Михайловичемъ: оно все исписано буквами, которыя прежде были позолочены; теперь же ихъ вельзя прочесть. Но болѣе всего замѣчательны здѣсь гробницы мужей, ознаменовавшихъ себя дѣяніями доблести; по сѣверной и южной стѣнамъ храма вѣзано 13 чугуныхъ досокъ съ золотыми надписями. На лѣвой сторонѣ, за второю пиластрою, между гробницами митрополита Павла († 1696) и архіепископа Питирима, славнаго истребленіемъ на нѣкоторое время раскола на рѣкѣ Керженцѣ, своими сочиненіями и заведеніемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ семинаріи, видна доска, на которой находится слѣдующая краткая, но краснорѣчивая надпись: „Гражданинъ Козьма Мининъ“... На этомъ-то мѣстѣ покойся прахъ человѣка, возвратившаго цѣлому народу отечество, царя и цѣлость вѣры.

Близъ Козьмы Минина погребенъ сынъ его Нефедій (Меодій); неизвѣстно, гдѣ похоронена жена его Татьяна; вѣроятно, близъ церкви Похвалы Богородицы, потому что въ приходѣ ея жилъ и умеръ самъ Козьма Мининъ. Да и тѣло его, погребенное на оградѣ похвалинской, было перенесено въ соборъ уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Недалеко отъ гробницы Мининыхъ стоятъ 13 знаменъ нижегородскаго ополченія. Императору Александру благоугодно было, чтобы знамена, сопровождавшія нижегородцевъ въ 1812 году, вѣчно осѣняли прахъ того нижегородца, который спасъ Россію въ 1612 году.

Могила Минина осѣняетъ списокъ съ знамени князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, этой орифламмы народа русскаго, съ которой этотъ князь пошелъ, по совѣту Минина, выгнать изъ Москвы враговъ и умирить отчизну. Этотъ списокъ на полотнѣ, шириною одинъ аршинъ и тринадцать вершковъ, а длиною 2 аршина и 9 вершковъ. Онъ утвержденъ на древкѣ и находится въ позолоченной рамѣ. Съ одной стороны на немъ изображенъ Спаситель въ облакахъ съ евангелиемъ; наверху надпись: „Иисусъ Христосъ Вседержитель“; а по каймѣ написано вязью: „Съ вышнихъ призирая и убогія приѣмля, посѣти озлобленныя грѣши Владыко Всемилостиве. Молитвамъ Богородицы даруй душамъ нашимъ велию милость. — Всякіе скверны Всемилостиве азъ быхъ дѣлатель и во отчаяніи ровъ впадя; но стеною отъ сердца и воію къ тебѣ: Слове ускори, щедрый, и потщися на помощь нашу яко милостивъ“. На другой сторонѣ изображенъ, на овальной подушкѣ, архангелъ Михаилъ; въ правой рукѣ у него обнаженный мечъ, въ лѣвой ножны; предъ нимъ на одномъ колѣнѣ Иисусъ Навинъ, его мечъ у ногъ архангела; за нимъ видна Иериховская крѣпость. Кругомъ надпись: „Бысть егда бѣше

Иисоу оу Ерихона и възрѣ очима своима видя челоуѣка стояща предъ нимъ и мечъ обнаженъ въ рудѣ его и приступивъ къ нему рече: нашъ ли еси или отъ сопостать нашихъ; онъ же рече азъ Архистратигъ силы Господня нынѣ пріидохъ семо, и паде Исусъ поклонися лицемъ своимъ на землю и рече: Владыко, что повелѣваеши рабоу твоемоу; и рече Архистратигъ Господень ко Исусоу: изуй сапогъ твой съ ногу твою, мѣсто бо, на немъ же стоиши, свято есть, — и створи Исусъ тако“.

Кромѣ гробницъ Мшияна, Питирима и Павла, на лѣвой сторонѣ собора находятся гробницы: 1) архіепископа Веніамина Красногѣвкова († 1811), 2) епископа Іоанна Дубенскаго († 1743), 3) митрополита Филарета, въ схимѣ Θεодосія († 1694), перваго епархіальнаго архіерея нижегородскаго и присутствовавшаго при крещеніи Петра Великаго. На другой сторонѣ собора поконтся прахъ *великихъ* князей нижегородскихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) близъ клироса гробница Бориса Константиновича († 2 мая 1394), несчастнаго князя, три раза лишавшагося престола и видѣвшаго наконецъ паденіе самостоятельности Суздальско-Нижегородскаго княженія; 2) гробница Симеона Іоанновича, внука Борису Константиновичу, 3) Василья Дмитріевича Кирдяны († 1403), бывшаго съ Тухтамышемъ подъ Москвою и при восьми ханнахъ пскавшаго престола нижегородскаго; 4) и 5) Симеона Дмитріевича и брата его Іоанна, прозваннаго Брюхатымъ; оба они были сыновья Дмитрія Константиновича (великаго князя) и оба умерли въ одинъ день, въ то время, когда Аранша разбилъ русскихъ у Пьяны (1377); первый былъ убитъ, а другой утонулъ въ рѣкѣ; 6) славнаго въ лѣтописяхъ *великаго* князя Константина Васильевича Мудраго, перваго князя нижегородскаго; этотъ князь, но происхожденію старѣйшій князей московскихъ, а по уму превосходившій всѣхъ своихъ современниковъ, видя, что Москва взяла рѣшительный перевѣсъ надъ Суздалемъ, удаллся въ Нижній, кажется, въ намѣреніи основать тамъ отдѣльное великое княжество, подальше отъ Москвы. Переселясь на новое мѣсто, онъ построилъ и этотъ соборъ, и жилъ до 1355 года, когда скончался; лѣтописецъ говоритъ о немъ, что онъ „княжилъ честно и грозно, бороня отчизну свою отъ татаръ и сильныхъ князей“; 7) Андрей Константиновича († 1364); онъ наследовалъ престолъ нижегородскій послѣ смерти отца своего и былъ любимъ нижегородцами за его кротость и добродушіе; 8) великаго князя Дмитрія Константиновича суздальско-владимірскаго, а потомъ нижегородскаго; онъ скончался въ 1383 году; 9) князя Іоанна Борисовича Туголукаго, недостойнаго потомка мудраго Константина; 10) Анны Грековны, супруги Константина Васильевича, и 11) Анастасіи, въ монашествѣ Вассы — супруги Андрея Константиновича.

Съ паперти, на которой, по преданію и по сказанію лѣтописи, совершилось нѣкогда чудо, простекло мпро изъ креста, которымъ Алексѣи, архіепископъ суздальскій, осѣнялъ князя Андрея Константиновича, мы

прошли въ теплый соборъ Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ мимо колокольни, на которой, какъ говоритъ преданіе, большой колоколъ звонилъ самъ собою при князьяхъ нижегородскихъ. Въ этомъ соборѣ заслуживаютъ вниманія гробницы епископа Моисея († 1827) и католикоса Антонія, сына царя Грузіи. Его гробница, украшенная грузинскимъ гербомъ, сдѣлана изъ мрамора и довольно великолѣпна. Антоній скончался лѣтъ 10 тому назадъ, въ глубокой старости; послѣдніе дни своей жизни онъ провель въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ этомъ же соборѣ устроено малое царское мѣсто, говорятъ, къ прїѣзду императора Павла I. На Часовой горѣ стоитъ небольшой храмъ съ куполомъ въ видѣ шатра, съ узкими окнами и признаками глубокой старины. Это соборъ архистратига Михаила — первая церковь въ Нижнемъ по времени построенія. На паперти прибита желѣзная доска съ надписью: „Древле-низовскою землею владѣли идолопоклонники Мордва. Благочестивый великій князь, нынѣ духомъ въ Возѣ, а телѣннымъ тѣломъ своимъ во градѣ Владимірѣ почивающій, Георгій Всеволодовичъ владимірскій, дабы обезпечить княженія свои отъ набѣговъ сосѣдственныхъ народовъ, заложилъ въ 6707 году на устьѣ рѣки Оки градъ, нарекъ имя ему Нижній-Новгородъ и поставилъ въ немъ первую церковь во имя архистратига Михаила, деревянную, а потомъ въ 6735 году и каменную“ — и прочее...

Андрей Константиновичъ въ 1359 году эту церковь перестроилъ и поставилъ ее близъ двора своего великокняжескаго; разрушенная Арапшею, она возобновлена Дмитріемъ Константиновичемъ и въ этомъ видѣ оставалась до 1620 г. Въ этомъ году, по причинѣ многихъ утратъ въ благолѣпіи своемъ отъ бывшихъ пожаровъ, снова перестроена, и въ это время верхъ на ней сдѣланъ былъ шатромъ. Потомъ въ 1672 году, по грамотѣ патріарха Іосафа, къ ней пристроенъ придѣлъ во имя св. Іоанна Богослова. Въ 1704 году она сгорѣла во время сильнаго пожара, бывшаго въ кремлѣ, но не разрушилась; въ 1732 году была обновлена, по благословенію архіепископа Пятирима, иждивеніемъ Іоанна Михайловича Волинскаго, бывшаго тогда правителемъ Нижняго-Новгорода. Наконецъ князь Василій Ивановичъ Долгорукій, въ бытность свою нижегородскимъ вице-губернаторомъ въ 1795 году, придѣлъ украсилъ вновь иконостасомъ, который епископомъ Павломъ и былъ освященъ во имя апостола Іоанна и святого Георгія, основателя Нижняго-Новгорода и этого храма, — князя, бывшаго предкомъ фамиліи Долгорукихъ.

Въ Архангельскомъ соборѣ по обѣимъ сторонамъ за клиросами погребены тѣла князей нижегородскихъ: Василія Юрьевича, которому Дмитрій Шемяка, въ 1446 году, отдалъ-было Нижній въ независимое владѣніе; сына его Іоанна, который владѣлъ Нижнимъ и Суздалемъ, въ качествѣ присяжника государя Московскаго; князя Василія Васильевича Гребенки-Шуйскаго — брата предыдущему, сражавшагося въ рядахъ новгородцевъ противъ Іоанна III, а послѣ бывшаго намѣстникомъ его въ Псковѣ, потомъ владѣтелемъ Нижняго и первымъ вельможею въ со-

вѣтъ великаго князя Василя Іоанновича и бывшаго въ силѣ при Еленѣ. Кромѣ этихъ князей, въ соборѣ погребены еще князя Іоаннъ, Петръ, Зиновій, инокъ Зосима, инокъ Іона и княгиня Ирина. Исторія молчитъ о нихъ; только гробницы напоминаютъ потомству о ихъ существованіи. Впрочемъ, надобно полагать, что это князья, жившіе послѣ паденія самостоятельности Нижняго; иначе они бы погребены были въ Спасопреображенскомъ соборѣ. Въ Архангельскомъ соборѣ я видѣлъ грамоту царя Михаила Теодоровича, съ своеручною его подписью, отъ 18 іюня 1613 года. Дѣло въ ней идетъ о жалованьи священникамъ. Выходя изъ Архангельскаго собора, я искалъ глазами того мѣста, на которомъ нѣкогда стоялъ дворецъ великокняжескій; но время изгладило и послѣдніе слѣды его существованія. Его мѣста теперь невозможно отыскать ни между вновь возникшими зданіями, ни на большой площади, простирающейся отъ Архангельскаго собора до самаго края Часовой горы.

Съ большею достовѣрностію можно сказать, что въ составъ площади вошла та площадь, на которой, во время княжества нижегородскаго, собирався народъ, на которой пала самостоятельность Нижняго, и на которой наконецъ сдѣлалъ возваніе Козьма Мининъ. Въ лѣтописи говорится, что посланные отъ Василя Дмитриевича московскаго внушены въ кремль Борисомъ Константиновичемъ, по совѣту вѣроломнаго боярина Румянца, *миновали дворъ великокняжескій, прибыли на площадь* и ударили въ колокола. Мѣстоположеніе нынѣшней площади Архангельскаго собора, близъ котораго былъ дворецъ, и Дмитриевскихъ воротъ, чрезъ которыя должны были проѣхать послы,—все это подтверждаетъ и слова лѣтописи и мое предположеніе. Напротивъ Архангельскаго собора выстроены казармы 4-го учебнаго карабинернаго полка — зданіе огромное и красивое, какъ снаружи, такъ и внутри; по своей величинѣ оно занимаетъ первое мѣсто между зданіями Нижняго-Новгорода. Этому полку принадлежитъ также прекрасно выстроенная церковь во имя Успенія Богородицы. Она окружена колонадою іоническаго ордена и украшена четырьмя фронтонами и красивымъ куполомъ. Внутренняя отдѣлка ея, особенно живопись, очень хороша, освѣщеніе превосходно. Чтобы судить о величинѣ этого храма, довольно сказать, что три алтаря устроены рядомъ въ немъ — средній изъ нихъ очень обширенъ. Церковь эта была построена въ 1828 году г-жою Мертваго и до тѣхъ поръ, пока не былъ отстроенъ Спасопреображенскій соборъ, она была лѣтнею кафедральною церковью. Въ 1834 году она, по высочайшей волѣ государя императора, лично обзрѣвавшаго ее, была отдана только-что сформированному въ то время 4-му учебному карабинерному полку. На площади, о которой я уже говорилъ, воздвигнуть монументъ князю Пожарскому и Минину. Во всемъ Нижнемъ, столь счастливымъ своимъ мѣстоположеніемъ, нѣтъ ни одного мѣста лучше того, на которомъ онъ воздвигнуть. Оно возвышается надъ всѣмъ городомъ, раскинувшимся по горѣ, и, окруженное

липовою аллеєю, кажется съ Волги какъ бы увѣнчаннымъ лаврамъ. Монументъ состоитъ изъ высокой гранитной полированной пирамиды, поставленной на пьедесталѣ также гранитномъ, но только не полированномъ. По сторонамъ пирамиды сдѣланы изъ бронзы барельефныя изображенія Пожарскаго и Минина, увѣнчанныхъ славою, и надписи съ одной стороны: „Князю Пожарскому благодарное потомство 1826 года“, а съ другой: „Гражданину Минину благодарное потомство 1826 года“. Вверху пирамида нѣсколько попорчена во время перевозки. Монументъ сдѣланъ по проекту архитектора Мельникова, имя котораго вырѣзано на пьедесталѣ. Извѣстно, что этотъ памятникъ воздвигнуть въ Нижнемъ взамѣнъ того знаменитаго монумента, который былъ приготовленъ для Нижняго, но поставленъ на Красной площади въ Москвѣ. Это обстоятельство ввело въ заблужденіе иностранныхъ писателей, которые до сихъ поръ увѣряютъ, что въ Нижнемъ есть «le beau monument en bronze élevé par l'empereur Alexandre, il représente Minine et Pojarski jurant de sauver la patrie». И это говорить одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ французскихъ ученыхъ.

Мы стали на краю Часовой горы, и что за виды открылись предъ нами? Я не знаю, если ли въ Россіи что-нибудь подобное этому? Гора изъ-подъ ногъ вашихъ спускается внизъ; она какъ будто хочетъ опуститься въ Волгу; но бѣлая стѣна крѣпости останавливаетъ ее и, заградивши ей путь, смѣло взлетаетъ уступами на ея вершину. Подъ вами спускается дорога въ нижній городъ, а подъ нею, на обширномъ лугу, обсаженномъ деревьями, стоитъ одинокая церковь Симеона Столпника, осѣняемая стѣною крѣпости и башнями. Взоръ вашъ переступаетъ за крѣпость, и вотъ за зубцами ея разстилается Волга; она покрыта множествомъ барокъ; легкія лодки перерѣзываютъ ее въ различныхъ направленіяхъ. Посмотрите на эту черту, такъ замѣтную въ водѣ: это граница двухъ рѣкъ, слившихся вмѣстѣ подъ Нижнимъ-Новгородомъ, но все еще спорящихъ о первенствѣ. Влѣво отъ насъ виденъ почти весь нижній городъ, съ его огромными домами, съ его церквами и новою набережною; далѣе, переброшенный чрезъ Оку мостъ, окруженный цѣлымъ тѣсомъ мачтъ...

Дмитріевскими воротами мы вышли изъ кремля въ верхній городъ на Благовѣщенскую площадь, которая прекрасно обстроена большими зданіями и служитъ соединеніемъ пяти улицъ. Налѣво отъ площади до самой Егорьевской башни идетъ большой проспектъ, съ одной стороны котораго продолжается стѣна кремлевская и бульваръ, а съ другой выстроено зданіе семинаріи. Прямо противъ Дмитріевскихъ воротъ выходитъ на площадь Варварская улица, оканчивающаяся красно выстроеннымъ въ видѣ замка острогомъ. Самая площадь нѣсколько загромождена двумя церквами (Благовѣщенія и св. Алексѣя митрополита), которыя много отнимаютъ у нея вида. Старожилы сказываютъ, что тутъ была еще третья церковь, но буда, за тѣсною мѣста, была

перенесена на другое мѣсто. До 1835 года на этой площади находился такъ-называемый верхній базаръ: вдоль стѣны построены были изъ досокъ лавки, а за ними были овраги, въ которые стекала весенняя вода и всякія нечистоты. Теперь вмѣсто этого видны одни бульвары. Старики помнятъ на мѣстѣ нынѣшняго бульвара противъ семинаріи двѣ стрѣлецкія улицы, населенныя стрѣльцами, сосланными сюда послѣ бунта.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ всѣхъ церквей будетъ до сорока, изъ нихъ многія построены очень давно. Еще за пятьсотъ лѣтъ предъ симъ этотъ городъ славился многочисленностью храмовъ Божьихъ, и еще въ 1377 году Арапша смегъ въ немъ *тридцать двѣ церкви*. По изъ старинныхъ церквей уцѣлѣли до сихъ поръ немногія, потому что предки наши строили ихъ по большей части деревянные, часто разрушаемыя пожаромъ. О постройкѣ каменной церкви лѣтописцы упоминали, какъ о необыкновенномъ происшествіи, вмѣстѣ съ описаніемъ явленій небесныхъ и важныхъ перемѣвъ политическихъ. Мы скажемъ здѣсь по нѣскольку словъ о каждой старинной церкви, сохранившейся до сихъ поръ. Первое мѣсто занимаетъ между ними соборъ Благовѣщенія, на площади только-что описанной нами. Онъ построенъ въ византійскомъ вкусѣ, и если я не ошибаюсь, то эта церковь должна стоять на мѣстѣ Богородицкаго монастыря, бывшаго за городомъ и сожженнаго вскорѣ послѣ основанія его мордовскимъ княземъ Пургасомъ въ 1230 году. По словамъ нижегородцевъ, эта церковь есть одна изъ самыхъ древнѣйшихъ. Церковь св. Николая Чудотворца на нижнемъ базарѣ также принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ храмовъ нижегородскихъ. Въ первый разъ о ней упоминается подъ 1378 годомъ, гдѣ сказано, что великій князь Дмитрій Константиновичъ, возобновляя Нижній-Новгородъ послѣ набѣга Арапши, „постави церковь каменну на Почайнѣ во имя Николая Святителя“. Эта Почайна есть ручей, текущій въ Волгу близъ этой церкви. Далѣе о ней упоминается подъ 1656 годомъ, въ которомъ она была построена: „строена церковь каменная Николая Чудотворца, близъ гостинаго двора у таможи, а строилъ гость Семень Задорнякъ да дьякъ Патокинъ“. Послѣ того она еще разъ была поновлена.

Близъ оврага, черезъ который нынѣ построенъ земляной мостъ, а до 1837 года былъ деревянный, называвшійся Лыковымъ, по имени боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, устроившаго его въ 1619 году, — стоитъ двухъярусная церковь Жень Мироносца, построенная по византійскому стилю, мрачная и внутри и снаружи. Эта церковь принадлежитъ также къ числу древнихъ. Въ такомъ видѣ, какъ она теперь есть, построена она попомъ Михайлой въ 1649 году, но о неѣ упоминается еще гораздо прежде: въ лѣтописцѣ нижегородскомъ подъ 1535 годомъ говорится: „7043 года августа въ 28 день въ Нижнемъ на Щипаговѣ дворѣ священа церковь Жень Мироносца“. Такимъ образомъ ей теперь болѣе трехсотъ лѣтъ отъ первоначальнаго ея основанія.

Изъ всѣхъ церквей Нижняго-Новгорода обращаетъ на себя вниманіе прїѣзжаго церковь Рождества Богородицы, находящаяся въ нижнемъ городѣ, близъ ярмарочнаго моста. Эта церковь извѣстна болѣе подъ именемъ Строгоновской, потому что въ XVIII ст. Строгоновъ положилъ ежегодно на содержаніе ея по 600 рублей и украсилъ богатою ризницею. Въ первый разъ объ этой церкви упоминается въ 1520 году по случаю пожара, истребившаго весь нижній посадъ. Впослѣдствіи о ней говорится подъ 1653 годомъ, гдѣ сказано, что гость Семень Задоринъ сълизъ своего двора, въ нижнемъ посадѣ, на бечевѣ, строилъ церковь каменну Рождества Пресвятыя Богородицы. Когда окончена постройка этой церкви, неизвѣстно; по извѣстіямъ видно только, что при Петрѣ Великомъ для нея написаны были два образа придворнымъ живописцемъ, что Петръ Великій, въ бытность свою въ Нижнемъ, хвалилъ устройство ея, но неизвѣстно почему запретилъ въ ней служеніе, и что она освящена была уже въ 1726 году. Въ послѣдніе годы нѣкоторыя поврежденія были въ ней исправлены. Архитектуры она готической и имѣетъ большое сходство съ Успенскою церковію въ Москвѣ на Покровкѣ. Снаружи она не выпукатурена; карнизы, витыя колонны и прочіе орнаменты сдѣланы изъ бѣлаго мячковскаго камня. Внизу она поддерживается огромными контрфорсами, сдѣланными тоже въ готическомъ вкусѣ. Осмотрѣвъ старинныя церкви Нижняго и, сказать правду, найдя немного въ нихъ стариннаго, мы отправились въ Печерскій монастырь. Онъ находится за городомъ, на берегу Волги, близъ Сибирской дороги. Въѣхавъ въ его внутренность, мы увидѣли фруктовый садъ; тѣнистыя деревья осѣняли монастырскія зданія и множество надробныхъ памятниковъ, поставленныхъ вокругъ главной церкви. Печерскій монастырь, такъ сказать, виситъ на утесѣ; надъ нимъ гора, покрытая деревьями; подъ нимъ утесистая скала опускается до самой Волги, которая, скажу мимоходомъ, въ этомъ мѣстѣ очень мелѣла. Строеніе въ монастырѣ все каменное; въ одномъ изъ корпусовъ помѣщается духовное уѣздное училище, въ другомъ—больница и келья архимандрита; въ третьемъ—кельи братіи. Павильонъ архимандритской кельи заслуживаетъ особеннаго вниманія: онъ устроенъ на самой вершинѣ скалы; голова закружится, если посмотрѣть внизъ. Здѣсь Волга у вашихъ ногъ; налѣво вы видите и бѣлокаменный кремль, гордо возносящійся надъ всѣмъ городомъ, и сліяніе Оки съ Волгою, и этотъ дѣсь мачтъ, которымъ обсажена ярмарка; видите и ярмарку, и ея соборъ, и минару мечети...

Въ Печерскомъ монастырѣ, который основанъ въ XIV столѣтіи Діонисіемъ, епископомъ суздальскимъ, находятся четыре церкви: главный соборъ во имя Вознесенія Господня, теплая церковь во имя Успенія Богородицы, и церкви: одна во имя Макарія, а другая во имя Еввоимія суздальскаго, двухъ свѣтильниковъ російской церкви, подвизавшихся въ этой обители. Учителемъ ихъ въ благочестіи былъ основатель этого монастыря, Діонисій, тотъ самый, котораго жизнь была въ опасности въ

то время, когда Василій Кирдяпа вздумалъ казнить въ Нижнемъ Са-райку, послѣ Мамаева: стрѣла татарина изорвала на Діонисіи мантию. Еще славится въ Печерскомъ монастырѣ какой-то старецъ Павелъ, о которомъ упоминають лѣтописцы XIV вѣка.

Нынѣшній Печерскій монастырь стоитъ на другомъ уже мѣстѣ; прежде онъ находился верстахъ въ двухъ ниже по Волгѣ, но въ 1596 году іюля 12 засыпанъ землею. Вотъ какъ объ этомъ происшествіи рассказываетъ лѣтописецъ: сперва поверхъ монастыря образова-лась большая расщелина. Гора начала осыпаться, и лѣсъ, росшій на горѣ, повалился съ шумомъ и трескомъ. При общемъ смятеніи въ мо-настырѣ, архимандритъ Трифонъ, взявъ крестъ и икону Богородицы, вышелъ съ братією изъ обители и началъ служить молебенъ. Богъ услы-шалъ молитву ихъ: „прошла оная гора подъ монастырь землею и вышла на рѣку Волгу и стала буграми, а струги подъ монастыремъ стали на сухомъ берегу далеко отъ воды“. Но зданія монастырскія были однако разрушены: отъ соборной церкви остался только одинъ верхъ надъ жертвенникомъ; колокольня „разсыпалась“, теплую церковь рас-патало и опустило въ землю; все прочее строеніе нереломало. Братія должна была переселиться на другое мѣсто, и монастырь, по повелѣнію царя Феодора Іоанновича, былъ построенъ на нынѣшнемъ мѣстѣ воево-дою Леонтіемъ Аксаковымъ. Тамъ, гдѣ прежде былъ монастырь, теперь стоитъ слобода Подновье, славная своими солеными огурцами и ка-пустою. Въ этой слободѣ есть церковь св. Николая; она построена на мѣстѣ бывшаго собора.

Положеніе Нижняго-Новгорода на утесистой горѣ глинистой почвы способно къ такимъ обваламъ. Въ лѣтописяхъ не одинъ разъ встрѣ-чается описаніе подобныхъ происшествій: какъ въ 1370 году снѣгъ сползъ съ горы, около Благовѣщенскаго монастыря, и засыпалъ дома и людей, такъ 1422 года гора сползла и съ лѣсомъ на слободу и за-сыпала 150 дворовъ съ людьми и скотомъ. Да для чего намъ брать лѣ-тописи временъ давно прошедшихъ: въ 1833 году, ночью, на самый день Успенія, послѣ долговременныхъ дождей, гора оползла около церкви Пятницы и разрушила два дома. Впрочемъ, теперь уже нѣтъ болѣе домовъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ бы могло случиться подобное несчастье.

Влѣзъ Егорьевской башни, почти напротивъ церкви св. Георгія, есть полуразрушенная стѣна съ башнями — это остатки *Зачатейскаго* мо-настыря. Супруга великаго князя нижегородскаго Андрея Константино-вича, Анастасія, по смерти своего супруга, построила его и сама, подъ именемъ инокини Вассы, постриглась въ немъ. Это было въ 1365 году. Монастырь скоро наполнился, потому что сто десять боярынь и дѣвицъ двора великокняжескаго послѣдовали примѣру благочестивой Анаста-сіи. Вотъ начало этого монастыря. Сперва онъ стоялъ въ полугорѣ, но въ 1684 году, послѣ пожара, истребившаго до основанія монастырскія

строенія, онъ былъ перенесенъ на гору, напротивъ церкви св. Георгія, саженьхъ въ 20 отъ кремля, и получилъ названіе „Происхожденскаго“. Главная церковь, выстроенная въ 1716 году и поправленная въ 1745 г., пришла въ ветхость въ началѣ нынѣшняго столѣтія; потому и вознамѣрились перестроить монастырь. Когда же въ 1809 году онъ сгорѣлъ, то игуменья Дорожея перенесла его (въ 1812 году) на московскій выѣздъ. Съ новымъ мѣстомъ, онъ получилъ и новое названіе „Крестовоздвиженскаго“.

Третій монастырь, находящійся въ Нижнемъ-Новгородѣ, есть Благовѣщенскій. Онъ расположенъ въ полугорѣ напротивъ ярмарки и поддерживается огромнымъ контрфорсомъ, устроеннымъ въ 1832 и 1833 годахъ. Не доходя до монастыря, вы найдете старинную каменную часовню; прежде она была окружена строеніемъ, но пожаръ 1834 года совершенно истребилъ его. Въ часовнѣ этой есть бассейнъ самой чистой ключевой воды. Эта часовня построена на томъ мѣстѣ, гдѣ св. Алексѣй митрополитъ въ 1359 году, на пути своемъ въ Орду, совершилъ свою убогую трапезу: этотъ ключъ — тотъ самый, въ которомъ святой мужъ размачивалъ дорожные сухари свои. Возвращаясь изъ Орды, св. Алексѣй былъ принятъ въ Нижнемъ великимъ княземъ Борисомъ Константиновичемъ, крестилъ у него сына Ивана и, осматривая городъ, прельщенъ былъ положеніемъ того мѣста, на которомъ онъ прежде остана-вливался. Онъ заложилъ тутъ каменную церковь Благовѣщенія Богородицы, устроилъ монастырь и „удоволилъ его и селы и водами“. Великій князь нижегородскій также сдѣлалъ важныя пожертвованія въ этотъ монастырь. Онъ далъ въ 1393 году грамоту этому монастырю (вмѣстѣ съ Спасскимъ соборомъ) на рыбныя ловли и *бобровыя гоны на рѣкѣ Суры*; въслѣдствіи великій князь нижегородскій Александръ Иваловичъ далъ ему разныя привилегіи, подтвержденныя послѣ великимъ княземъ нижегородскимъ Даніиломъ Борисовичемъ и великимъ княземъ московскимъ Василиемъ Дмитриевичемъ. Послѣдующіе государя также одарили его разными угодами и волостями, такъ что до учрежденія штатовъ за нимъ состояло 4197 душъ крестьянъ. Теперь въ немъ находятся два огромныхъ собора, одинъ, построенный въ 1649 году, а другой въ 1834 году. Въ первомъ иконостасъ вызолоченъ и вся живопись греческаго письма. Въ немъ замѣчательны: образъ Корсунскія Богородицы, писанный въ Греціи іеромонахомъ Симономъ въ 6501 году (993), (говорятъ, что этотъ образъ былъ принесенъ въ Россію вѣкорѣ послѣ крещенія святого великаго князя Владиміра) и большой потиръ старинной работы. Кромѣ двухъ соборовъ, въ монастырѣ находятся еще церкви Успенія Богородицы и Алексѣя митрополита, и пещеры, вырытыя въ горѣ съ различными излучинами: сказываютъ, что тутъ спасались затворники. Монастырь Благовѣщенскій обогатился особенно въ 1830 и 1831 годахъ; когда въ Нижнемъ свирѣяла холера, многіе пріѣзжіе купцы на ярмарку, бывшіе жертвою этой болѣзни, были

погребены въ этомъ монастырѣ, а родственники ихъ дѣлали значительные вклады въ оный.

Нижній-Новгородъ славенъ еще тѣмъ, что въ немъ родился знаменитый русскій механикъ, Иванъ Петровичъ Кулибинъ, которому всѣ удивлялись при дворѣ Екатерины Великой. Простая, невысокая насыпь, совершенно незамѣтная между другими, показываетъ мѣсто могилы Кулибина. Впрочемъ, прежде былъ тутъ устроенъ памятникъ со всѣми механическими атрибутами и съ моделями всѣхъ произведеній Кулибина; но онъ сгорѣлъ во время пожара на кладбищѣ.

...Я былъ въ гостяхъ у одного старожилы нижегородскаго, который родился и дожилъ до сѣдыхъ волосъ, не выѣзжая за десять верстъ изъ своего города. Изъ разказовъ его всего любопытнѣе для меня былъ разказъ его о преданіяхъ нижегородскихъ, посящихся до сихъ поръ въ народѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Есть въ Нижнемъ башня, зовутъ ее *Коромыслова*, а стоитъ она на углу кремля, тамъ, у Зелени. И вотъ почему она называется Коромысловою. Давно это было, больно давно, тогда, какъ только-что успѣли выстроить въ Нижнемъ стѣну кремлевскую, приходили подъ Нижній казанскіе царевичи Сеить, да Булатъ, да Кочелей (въ 1520 году). Много бѣды надѣлали они на матушкѣ святой Руси, много городовъ пожгли, много людей въ полонъ побрали; а къ Нижнему только подошли, да попустому: три дня стояли подъ Нижнимъ разбойники-татары; всѣ православные заперлись въ кремль, и на новую-то стѣну надѣялись, и татарь-то боялись,—никто не смѣлъ выйти за ворота кремлевскія. Была тогда въ городѣ одна дѣвица-красавица, имени и отчества ея не помнятъ; понадобилось ей за водой сходить на Почайну-рѣчку—не хотѣлось, видно, пить колодезной. Вотъ взяла она ведра на коромыселъ, а коромыселъ тотъ былъ желѣзный, только два цуда вѣсомъ; и пошла она, дѣвица, за городъ на Почайну-рѣчку. Татары замѣтили ее возлѣ башни и, кто ихъ знаетъ, въ полонъ ли хотѣли ее взять, красотѣ ли ея позавидовали, только кинулись всѣ на нее опретью. Вотъ она, видя бѣду неминуемую, поставила ведра на землю, помолилась на соборы нижегородскіе и, взявъ коромыселъ въ руки, дождалась перваго татарина. Подходили къ ней татары не по одному, не по два, а дѣлыми сотнями; и всѣхъ тѣхъ татарь дѣвица уложила возлѣ башни спать непробуднымъ сномъ. Уже этихъ татарь она била-била, а все еще ихъ много было. Одолѣли они наконецъ дѣвицу, зарубили ее въ мелкіе куски и похоронили у башни вмѣстѣ съ коромысломъ ея. Князья татарскіе Сеить, да Булатъ, да Кочелей подумали-погадали да и рѣшили отъ Нижняго убираться по-добру по-здорову. Если бабы въ Нижнемъ такія сильныя,—говорили они,—что же съ нами будетъ, если ратные люди на насъ выступятъ? Вотъ отчего та башня зовется Коромысловою: возлѣ нея было это побоище“. Отъ этого разказчика я узналъ, что въ народѣ до сихъ поръ сохраняется преда-

ніе о подвигахъ Минина, о казни князя Вяземскаго, о казни Теряева. При случаѣ расскажу и всѣ прочіе его рассказы, а теперь скажу пока о томъ, какимъ образомъ св. Алексѣй митрополить, по преданію, былъ худо принятъ нижегородцами. Въ простой ризѣ странника они не узнали великаго святителя; и онъ, въ первый разъ бывши въ Нижнемъ, не нашелъ даже ночлега. Говорятъ, что по этому случаю онъ сказалъ: „городъ каменный, люди желѣзные“. У нижегородцевъ есть свои повѣрья о концѣ ихъ города и кончинѣ міра; они говорятъ, что давно сказалъ одинъ святой человекъ, родомъ изъ Нижняго, что послѣднія времена будутъ тогда, какъ въ Нижнемъ будетъ великое торжище. Суевѣрные видятъ въ ярмаркѣ исполненіе этого пророчества. А конецъ Нижняго-Новгорода будетъ слѣдующій: есть въ Нижнемъ, подлѣ крѣпости, маленький ручеекъ: онъ течетъ по оврагамъ и близъ Никольской церкви впадаетъ въ Волгу; зовутъ его Почайною, и говорятъ, что Юрій Всеволодовичъ, основатель Нижняго-Новгорода, назвалъ такъ этотъ ручей, будучи пораженъ сходствомъ мѣстоположенія нижегородскаго съ мѣстоположеніемъ кievскимъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Почайна беретъ свое начало, есть большой камень, на которомъ прежде было что-то такое написано, но теперь уже стерлось, вѣроятно, тогда, какъ грамотный народъ пересталъ быть на Руси диковиной. Отъ этого-то камня зависить судьба Нижняго-Новгорода: въ послѣднее время онъ сдвинется съ мѣста, изъ-подъ него выступитъ вода и потопитъ весь Нижний. Вотъ еще одно преданіе; изъ него увидите вы, что наши предки думали давнымъ-давно о томъ, что недавно вздумали англичапе. Это, впрочемъ, очень часто приходится замѣчать, какъ посмотришь на нѣкоторыя изобрѣтенія чужеземныя: часто случается вспоминать, что это на Руси уже было изобрѣтено, или, по крайней мѣрѣ, задумано. Вотъ, напримѣръ, давно ли у насъ было столько шума о *новомъ иностранномъ изобрѣтеніи*—артезіанскихъ колодцахъ: судили, рядили, а никто не догадался, что артезіанскіе колодцы у насъ существуютъ уже лѣтъ полтораста тому назадъ, если не больше. Гдѣ?—спросите вы. Въ Пермской губерніи на солеваренныхъ заводахъ: не угодно ли съѣздить да посмотреть? Тамъ достаютъ соленый рассоль точно такимъ образомъ, какъ воду въ артезіанскихъ колодцахъ... Да, если бы и нижегородское преданіе было справедливо на дѣлѣ, то оно непременно вовсе бы уничтожило славу лондонскаго туннеля и французскаго инженера Брюннеля... О ходахъ въ кремлевской стѣнѣ преданіе говоритъ, что они во времена набѣговъ татаръ и Мордвы были продолжены въ одну сторону до Марьиной рощи, а съ другой выходили на лѣвый берегъ Волги, прокопанные подъ русломъ этой рѣки. Во время осадъ города жители спасались этими ходами,—теперь они засорены и забыты.

III.

Въѣздъ въ Пермскую губернію.—Оханскъ и Кама.—Дорога въ Пермь.—Начало Перми.—Пристань.—Монастырь и памятники.—Ермаково оружіе.—Дорога къ устью Чусовой.—Чусовая.—Полазна.

...Наконецъ мы выѣхали изъ земли вотяковъ: вотъ каменный столбъ съ медвѣдемъ и лукомъ, — мы въ Пермской губерніи. Начали встрѣчаться и деревни съ русскими названіями, и люди съ русскимъ нарѣчіемъ. Живъ такъ долго въ Вятской губерніи, прислушиваясь къ ломанному русскому языку, который употребляютъ уды-морты (такъ называютъ себя вотяки), я былъ очень-очень радъ, пріѣхавъ въ русскую сторону.

При первомъ взглядѣ на Пермскую губернію я замѣтилъ, что жители ея болѣе, нежели жители прочей Россіи, сохранили въ себѣ русскаго духа. Они гостепріимны, радушны; все русское, вытѣсненное въ другихъ мѣстахъ обстоятельствами и временемъ, здѣсь господствуетъ во всей силѣ, во всей красотѣ старины заповѣдной. Здѣсь преддверіе Сибири, той Сибири, которая, будучи удалена отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ болѣе дѣйствуютъ, или дѣйствовали, иноземныя нововведенія, осталась по наружности тою же Русью, какою была за полтора ста лѣтъ предъ симъ. Милое радушіе и рѣдкая честность отличаютъ пермскаго крестьянина отъ крестьянъ волжскихъ, не говорю уже о живущихъ близъ столицъ. Надобно тому пожить въ Сибири, или въ Пермской губерніи, кто хочетъ узнать русскій духъ въ неподдѣльной простотѣ. Здѣсь все — и образъ жизни, и преданія, и обряды — носитъ на себѣ отпечатокъ глубокой старины.

Мы подѣзжали къ Оханску; верстъ за 14 до этого города мнѣ особенно понравилось мѣстоположеніе. Это именно то мѣсто, гдѣ находится село Очерскій - Острожокъ; на первомъ планѣ картины довольно широкая рѣка Очеръ или Ошшоръ извивается по зеленой долинѣ; нѣсколько деревень расположено по берегамъ ея. Вдали, направо и налево, идутъ горы, покрытыя зеленью и пихтовыми рощами, такими угрюмыми, такими мрачными. Нѣкоторыя изъ горъ стоятъ отдѣльно, и одна изъ нихъ, находящаяся направо, очень высока.

Горы идутъ хребтомъ, и противъ нихъ, верстахъ въ полуторыхъ, возвышенность, которая однако гораздо ниже этихъ горъ. Ложбина между этими двумя возвышенностями была, мнѣ кажется, нѣкогда русломъ Камы, которая теперь течетъ отъ этого мѣста верстахъ въ 12. Въ этомъ убѣждало меня, во-первыхъ, что по всей этой ложбинѣ нѣтъ лѣса, котораго много на возвышенностяхъ; во-вторыхъ, что въ ложбинѣ почва земли иловатая и глинистая, когда на возвышенностяхъ она каменистая; въ-третьихъ, что городища расположены по этой горѣ; думаю, что такой торговый народъ, какъ біармійцы, скорѣе бы построили свои города и укрѣпленія на той рѣкѣ, по которой производились у нихъ и

торговля и всё сношенія, нежели на горѣ въ такомъ незначительномъ разстояніи отъ Камы.

Мы доѣхали до Оханска, уѣзднаго города Пермской губерніи, который расположенъ на возвышенномъ берегу Камы. Городъ маленький и чрезвычайно бѣденъ, потому что малое число жителей его не имѣтъ никакихъ средствъ къ улучшенію его. Въ немъ всего одинъ каменный домъ, да и тотъ казенный; изъ улицъ немного лучше та, черезъ которую идетъ большая дорога, да и на той лачуга возлѣ лачуги; окружныя деревни гораздо лучше Оханска. Чтобы лучше показать незначительность этого города, довольно сказать, что у него нѣтъ даже городского выгона. Оханскъ сдѣланъ городомъ въ 1781 г., т.-е. во время открытія Пермскаго намѣстничества,—до того времени здѣсь было экономическое село Оханное, жители котораго занимались преимущественно рыболовствомъ. Отъ этого произошло какъ самое названіе города, такъ и гербъ его, представляющій рыбацкія сѣти.

Версты полторы ѣхали мы берегомъ Камы, прежде нежели пріѣхали на перевозъ; здѣсь Кама довольно широка (около 460 сажень), берега—совершенная пустыня: лѣсъ, лѣсъ и больше ничего. Рѣдко-рѣдко попадется на глаза вамъ бѣдная землянка рыбака и возлѣ нея колеблющаяся на водѣ лодочка и раскинутая сѣть. Кромѣ этихъ лодочекъ, ничего нѣтъ на Камѣ: рѣка совершенно пуста; это не то, что на Волгѣ, гдѣ круглое лѣто одно судно перегоняетъ другое и дощанки безпрестанно ходятъ то вверхъ, то внизъ. Судоходство по Камѣ бываетъ по временамъ: во-первыхъ, тотчасъ послѣ вскрытія рѣки идетъ желѣзный караванъ; за нимъ слѣдуетъ соляной, недѣли двѣ спустя послѣ вскрытія; во-вторыхъ, въ концѣ іюня или началѣ іюля идутъ суда съ сибирскими товарами въ Нижвѣй на ярмарку; а потомъ въ сентябрѣ, незадолго до замерзанія Камы, возятъ хлѣбъ изъ Сарапула въ Усолъе, Соликамскъ и Чердынь. Въ другое время вы не увидите жизни на Камѣ, она вамъ представляется совершенно пустынною рѣкою.

Кама течетъ около 900 верстъ по Пермской губерніи. Положеніе береговъ ея непостоянно: то лѣвая сторона возвышеннѣе, то правая; впрочемъ, крутыхъ береговъ болѣе на лѣвой сторонѣ, которая почти вся покрыта лѣсомъ; на правой въ иныхъ мѣстахъ есть луга, въ другихъ болота. Здѣсь она замерзаетъ обыкновенно въ началѣ ноября и вскрывается въ апрѣлѣ.

Ступивъ на лѣвый берегъ Камы, мы были въ Пермскомъ уѣздѣ; съ версту отъ берега идетъ дорога песчаная по тѣмъ мѣстамъ, которая весною покрывается водою. Проѣхавъ эту версту, мы нашли опять прекрасную гальковую дорогу и совершенно не замѣтили, какъ доѣхали до Югокамскаго завода. Этотъ заводъ не слишкомъ значителенъ въ сравненіи съ другими уральскими заводами. Онъ основанъ въ 1746 году и принадлежит княгинѣ Бутеро. Мы проѣхали лѣсъ, поднялись на гору, и глазамъ нашимъ представилась Пермь. Почти вся она скрыта была

за бульваромъ, который идетъ отъ Московской заставы направо до Кунгурскаго выѣзда. Сквозь пушистыя березы кое-гдѣ мелькали домики и, показавшись на одну минуту, будто прятались въ вѣтвяхъ. Я взглянулъ на Пермь: налѣво стояло красивое зданіе Александровской больницы: богатая чугунная рѣшетка, окружавшая это зданіе, еще болѣе увеличивала красоту его. Взглянувъ на этотъ домъ, я подумалъ, что Пермь, должно-быть, очень красивый городъ, но впоследствии узналъ, что это зданіе, точно такъ же, какъ и зданіе училища дѣтей канцелярскихъ служителей, находящееся у Сибирской заставы, были не больше, какъ хитрость пермскихъ жителей, выстроившихъ такіе дома у заставы для того, чтобы съ перваго взгляда поразить пріѣзжаго красотой и отвлечь вниманіе его отъ прочаго строенія, весьма незатѣпливаго. Прямо надъ домами возвышалась церковь неизвѣстной архитектуры. Это соборъ, или монастырь, какъ угодно назовите, — это будетъ всеравно.

Пермь, единственный губернской городъ, стоящій на Камѣ, расположенъ на лѣвомъ, возвышенномъ берегу этой рѣки, въ 18 верстахъ нпже устья рѣки Чусовой. Онъ выстроенъ правильно, можно сказать, правильнѣе Нью-Йорка: ровные, большіе кварталы, прямое и параллельное направленіе улицъ и переулковъ бросаются въ глаза при первомъ взглядѣ каждому пріѣзжему и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о недавнемъ основаніи этого города. Прежде на мѣстѣ Перми была деревня, принадлежавшая къ огромному имѣнію бароновъ Строгоновыхъ; въ 1723 году главный правитель казанскихъ и сибирскихъ заводовъ, Дегеннъ, построилъ, по повелѣнію Петра Великаго, здѣсь мѣдеплавильный заводъ, который названъ былъ Егошихинскимъ, по имени рѣчки, на которой былъ основанъ. До царствованія Елизаветы Петровны онъ принадлежалъ казнѣ, а императрица Елизавета пожаловала его канцлеру графу Воронцову, которому онъ и принадлежалъ до самаго основанія Перми. Въ 1780 году казанскій губернаторъ князь П. М. Мещерскій, во время проѣзда изъ Казани въ провинціальныи городъ Соликамскъ, осматривалъ этотъ заводъ. Ему понравилось его мѣстоположеніе, и онъ представилъ государынѣ объ устройствѣ на этомъ мѣстѣ губернскаго города для предположеннаго Пермскаго намѣстничества. Екатерина была согласна, и въ 1781 году Егошихинскій заводъ превращенъ былъ въ главный городъ Пермскаго намѣстничества и получилъ названіе Перми. Обстроился онъ скоро, такъ что черезъ 10 лѣтъ послѣ своего начала онъ занималъ столько же пространства, сколько и теперь. Мѣстоположеніе Перми выгодно и красиво. Между двухъ довольно высокихъ горъ, находящихся на берегу Камы, образуется ложбина, возвышенная сажень на 15 отъ уровня рѣки. Съ одной стороны эта ложбина омывается рѣчкою Егошихою и ручьемъ, которому пермскіе выдумщики нашлись дать названіе классическаго Стикса, а съ другой — рѣчкою Данилихою, въ которой найдены были слабыя признаки золотого песка. На этой-то ровной ложбинѣ расположенъ городъ. Незначительность воз-

вышенія надъ рѣкою была очень удобна для устройства пристани. На пермской пристани выгрузка товаровъ легка, и суда могутъ быть нагружаемы съ большею скоростью, нежели на другихъ какихъ-нибудь пристаняхъ. Здѣсь болѣе всего заслуживаетъ вниманія *срузка чая* и другихъ китайскихъ товаровъ, которые, такъ же, какъ и произведенія Сибири, везутся до Перми сухимъ путемъ, а здѣсь нагружаются въ барки для сплава на нижегородскую ярмарку. Эта операція обыкновенно производится въ концѣ іюня, между 20 и 30 числомъ. Тогда дѣятельность на набережной улицѣ, въ другое время безжизненной и совершенно пустой, увеличивается; толпы рабочихъ людей покрываютъ берегъ и барки. Кромѣ этого времени дѣятельность на пристани бываетъ еще въ то время, когда приходитъ соляной караванъ: въ пермскіе запасные магазины ежегодно доставляется изъ соляныхъ промысловъ, казенныхъ и частныхъ, до 404.000 пудовъ соли. Вскорѣ послѣ вскрытія рѣки приходятъ ладьи съ солью, и начинается выгрузка. Тогда изъ окружныхъ селеній стекаются женщины, которыя за довольно хорошую цѣну носятъ кулями соль изъ ладей въ магазины. Въ другое время пристань совершенно пуста, и вы, сидя въ ротондѣ, устроенной надъ рѣкою, смотрите хоть дѣлтый день на Каму, не увидите на ней ничего, кромѣ рыбацкихъ лодокъ. Съ этой ротонды видъ очень хорошъ. Кама у васъ подъ ногами; тамъ, на противоположномъ берегу, лѣсъ и пустыня; направо, вдали, высокая и крутая гора, будто опаленная молніей: ни одной былинки не растетъ на скатѣ ея. Подъ этой горой расположенъ заводъ Мотовилихинскій; далѣе, за этою горою, на берегу Камы, которая отъ нея заворачиваетъ на сѣверъ, идутъ тѣ же пустые лѣса, а за ними вдали виденъ зеленѣющійся правый берегъ Чусовой. Этотъ берегъ, покрытый пашнями и по высотѣ своей господствующій надъ лѣсами, рѣзко отличается отъ нихъ; въ мрачной рамѣ пустыни онъ какъ будто улыбается и, окруженный угрюмыми лѣсами, кажется какъ бы свѣтлою мыслью въ омраченной душѣ ожесточеннаго грѣшника.

Я былъ въ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ живетъ епархіальный епископъ; викарій его находится въ Екатеринбургѣ. Монастырь, находящійся въ Перми, первоначально былъ построенъ въ 1570 году на устьѣ рѣки Вискорки (около Соликамска) зажиточнымъ человѣкомъ Максимомъ Строгоновымъ и, пользуясь доходами съ соляныхъ Дедюхинскихъ промысловъ, отданныхъ въ пользу его Строгоновыми, былъ чрезвычайно богатъ. Въ 1775 году онъ былъ переведенъ въ Соликамскъ, а въ 1781 году — въ новый городъ Пермь. Въ теплой церкви этого монастыря, сооруженной во имя св. Стефана Великопермскаго, иконостасъ сдѣланъ изъ мрамора темно-кофейнаго цвѣта. Находясь въ темной церкви, онъ не имѣетъ хорошаго вида. Я уже послѣ узналъ, что онъ мраморный; въ первый разъ, когда я былъ въ церкви, я принялъ его за простой, деревянный старый иконостасъ, подобный тѣмъ, какіе бывають въ старинныхъ церквахъ. Въ оградѣ монастыря есть кладбище, и на немъ

много красивых чугунныхъ и мраморныхъ памятниковъ, которые здѣсь, по своей дешевизнѣ, не рѣдкость.

Здѣшняя гимназія довольно обширна для Перми. Въ ней обращаетъ на себя вниманіе такъ-называемое ермаково оружіе, привезенное сюда изъ Екатеринбургскаго арсенала. Это оружіе состоитъ: а) изъ желѣзнаго большого ружья, вѣсомъ фунтовъ въ 60, съ замкомъ и деревянною ложею; б) изъ двухъ чугунныхъ пушекъ, одна длиною аршина въ 2¹/₂, другая въ 2, съ узкими дулами, такъ что ихъ надобно заряжать ружейною пулею; в) изъ фитиля. Большое ружье украшено рѣзьбою въ видѣ чешуи и насѣчками. Никакихъ доказательствъ нѣтъ однако, чтобы это оружіе принадлежало завоевателю Сибири. Надобно замѣтить, что Ермакъ живеть въ памяти жителей Пермской губерніи; много преданій и пѣсенъ о немъ сохранилось до сихъ поръ. Въ селахъ и деревняхъ у всякаго зажиточнаго крестьянина, у всякаго священника вы встрѣтите портретъ Ермака, рисованный большею частью на желѣзѣ. Ермакъ изображается на этихъ портретахъ въ кольчугѣ, иногда въ шинакѣ, съ золотою медалью на груди. Приписывая своему герою чудесныя дѣянія, сибиряки хотять освятить его именемъ всякую старинную вещь; и потому каждый изъ нихъ, имѣющій у себя старинную пицаль или какое-нибудь другое оружіе, называетъ его *ермаковымъ*, и готовъ пожертвовать всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно, чтобы только увѣрить васъ, что ружье, валяющееся у него въ пыли, было прежде въ рукахъ Ермака, или, по крайней мѣрѣ, у кого-нибудь изъ его сподвижниковъ. Такимъ образомъ 3 пицали, которыя я видѣлъ въ Аунгурѣ у кушцовъ Пилкиныхъ, выдаются тоже за ермаковы. Я не думаю даже, чтобы это оружіе можно было отнести и къ началу XVII вѣка, — развѣ къ концу его. Вѣроятно, оно было прежде въ острожкахъ и крѣпостяхъ, во множествѣ находившихся въ Пермской губерніи для защиты отъ набѣговъ башкирцевъ.

Первый изъ заводовъ, встрѣтившійся намъ на пути, былъ Мотовилихинскій, казенный, мѣдеплавильный. Онъ находится въ 4 верстахъ отъ города, на рѣчкахъ Большой и Малой Мотовилихахъ и ручьѣ Ивѣ, и расположенъ между двухъ горъ, изъ которыхъ одна отдѣляетъ его отъ города, а другая находится выше по теченію Камы. Мотовилихинскій заводъ основанъ въ 1736 году по указу Государственнаго Бергъ-Директоріума на земляхъ бароновъ Строгоновыхъ и пошелъ въ ходъ въ 1738 году. По управленію онъ зависеть отъ казеннаго Юговскаго завода, находящагося также въ Пермскомъ уѣздѣ. Мѣдную руду, впрочемъ, очень бѣдную, достаютъ въ шахтахъ, находящихся около Перми.

До устья Чусовой мы ѣхали лугами, по самому берегу Камы, потому что дорогу въ горахъ въ это время поправляли. Мы видѣли на лугахъ мастеровыхъ, занимавшихся уборкою сѣна. Тутъ я имѣлъ случай замѣтить здѣшній образъ кошенія сѣна, совершенно отличный отъ того, который употребляется въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ. Здѣсь, точно

такъ же, какъ и въ Вятской губерніи, косятъ *горбушами*. Горбуша длиннѣе нашей косы; она насаживается на коротенькій, кривой черенокъ, называемый *косникомъ*. Чтобы косить горбушею, надобно безпрестанно нагибаться; слѣдовательно это еще труднѣе, нежели жать. Русскія косы здѣсь зовутъ *литвянками*, и къ этимъ литвянкамъ никакъ не могутъ пріучиться крестьяне. Они говорятъ, что горбушей сѣно косится и скорѣе п чище; что лезвее ея беретъ траву подь самый корень, и что тутъ ни одна былинка не пропадаетъ. Конечно, это справедливо, особенно въ отношеніи къ скорости, потому что размахъ горбуши больше; но какое различіе въ удобствѣ! Укладываютъ сѣно здѣсь не *стогами*, а *зарядами*. Зарядъ бываетъ длинный, гораздо ниже нашего стога, и скать его круче. Это очень хорошо, потому что при крутомъ скатѣ сѣно менѣе портится отъ дождей. Смерклось. Въ воздухѣ тихо. Кама ровна, гладка, какъ стекло. Противоположный берегъ, покрытый пирамидальными соснами, отражаясь въ водѣ, придавалъ поверхности рѣки видъ огромнаго полированного малахита. Въ сумракѣ нельзя было различить границу между лѣсомъ настоящимъ и отражавшимся въ водѣ: все сливалось въ одну темно-зеленую массу. Картина была превосходная. Мы любовались ею и не замѣтили, какъ доѣхали до перевоза черезъ Чусовую, который устроенъ въ полуверстѣ отъ ея устья у деревни Левшина. Вода въ Чусовой гораздо чернѣе камской; самый ледъ ея, идущій весною, легко можно отличить отъ льда камскаго. Въ устьѣ ширина ея около 80 сажень, а глубина до 7 аршинъ. Она течетъ всего 550 верстъ и дѣлается судоходною отъ деревни Кургановой (въ Кунгурскомъ уѣздѣ), въ 475 верстахъ отъ устья. Берега Чусовой замѣчательны своей крутизною: представьте себѣ двѣ бѣлыя известковыя стѣны, вышиною отъ 10 до 20 сажень. Между этими стѣнами быстро несется Чусовая. Отъ необыкновенной быстроты своей эта рѣка *неспособна* къ судоходству, мало того, что никакія усилія человѣческія не могутъ ввести судна вверхъ ея, — даже и внизъ, по ея теченію, сплавъ барокъ возможенъ только весною, при полои водѣ. Имѣя чрезвычайно быстрое теченіе, Чусовая наноситъ множество мелей изъ галекъ и песка, такъ что во многихъ мѣстахъ ее можно перейти въ бродъ. Сверхъ того на ней находится болѣе 17 камней, затрудняющихъ въ весеннее время судоходство; нѣкоторые изъ этихъ камней чрезвычайно велики; камень *Разбойникъ*, напримѣръ, длиною будетъ сажень 20 вдоль по теченію рѣки; другіе находятся не въ водѣ, а выдаются съ берегового утеса, какъ, напримѣръ, Волеговъ, близъ деревни этого же имени (въ Кунгурскомъ уѣздѣ). Онъ высунулся съ праваго берега п, вися надъ водою, кажется, хочетъ упасть и заирудить рѣку. Находясь же невысоко отъ уровня воды, онъ очень много препятствуетъ ходу барокъ.

Замѣчательенъ образъ судоходства по Чусовой. Судоходство по этой рѣкѣ возможно только весною; но и въ это время нужны нѣкоторыя приготовления для удобнаго сплава судовъ. Изъ множества рѣкъ и рѣчекъ,

текущихъ въ Чусовую, очень немногія прямо, всею массою воды вливаются въ нее: почти на всѣхъ устроены заводы, для которыхъ необходимы пруды, потому что паровыя машины введены еще въ немногихъ мѣстахъ, и до сихъ поръ всѣ заводскія работы приводятся въ дѣйствіе водою. Количества же воды, происходящей отъ таянія снѣга по берегамъ Чусовой и по низовьямъ запруженныхъ рѣкъ, недостаточно для того, чтобы покрыть хотя ненадолго всѣ мели и откосы на Чусовой. Слишкомъ большой склонъ русла рѣки производить то, что новая вода скоро сбѣгаетъ въ Каму, не покрывъ камней и мелей. Чтобы отвратить это неудобство, сплавляютъ товары слѣдующимъ образомъ: еще въ то время, когда начинаетъ ломаться ледъ, спѣшатъ нагрузить караваны судовъ: чугуномъ, желѣзомъ, мѣдью и рудою, заготовленными въ продолженіе цѣлаго года. Послѣ этого начинаютъ спускать пруды, одинъ прежде, другой позже, смотря по разстоянію его отъ Чусовой. Вода изъ прудовъ вдругъ наполняетъ Чусовую, и теперь быстрымъ токомъ воды несутся суда въ Каму. Нѣсколько дней продолжается эта искусственная прибыль. Но какъ скоро вода въ прудахъ придетъ въ такое положеніе, какое необходимо для производства работъ, опять затворяютъ плотины, и Чусовая дѣлается мелка попрежнему. Кто опоздалъ отправить свой караванъ въ урочный *часъ*, тотъ долженъ дожидаться другой весны. Поэтому, говорятъ, и рѣка названа *Часовою*, или *Чусовою*, по пермскому выговору. Разумѣется, это несправедливо: названіе Чусовой принадлежало этой рѣкѣ еще и тогда, когда не было на ней ни заводовъ, ни каравановъ, ни прудовъ на побочныхъ рѣкахъ ея. Названіе Чусовая взято изъ языка пермчскаго. Видя много рѣкъ камской системы, я не могъ не замѣтить, что рѣки, текуція въ нее съ лѣвой стороны, несравненно быстрѣе тѣхъ, которыя вливаются въ нее съ правой. Причина этому очевидна. Камскій бассейнъ находится въ ложбинѣ, у которой съ одной стороны тянется Уралъ, а съ другой незначительныя, въ сравненіи съ Ураломъ, возвышенности, находящіяся въ Вятской губерніи. Кама проходитъ по самымъ низкимъ мѣстамъ этой ложбины, а рѣки, впадающія въ нее, текутъ по скатамъ возвышенностей. Скатъ хребта Уральскаго гораздо круче, нежели скатъ вятскихъ возвышенностей, что зависитъ отъ вышины горъ. Естественно, что рѣки, проходящія по крутому скату Урала, должны быть гораздо быстрѣе, нежели тѣ, которыя текутъ по скату болѣе отлогому. На самомъ устьѣ Чусовой, на правомъ берегу этой рѣки, есть маленькая деревня, называющаяся Усть-Чусовая. Я слышалъ, что прежде тутъ были остатки вала, котораго устроеніе преданіе приписываетъ не Чудакамъ, а Строгоновымъ. Теперь рѣшительно неизвѣстно названіе этого городка; хотя Карамзинъ, Миллеръ и Свиньинъ и думали, что тутъ былъ или Канкаръ, или Орель-городокъ, но это несправедливо. Ни Канкара, ни Орла, ни Кергедана, ни даже Чусовскаго-Городка никогда не бывало на этомъ мѣстѣ. Орель до сихъ поръ существуетъ подъ этимъ же названіемъ близъ Новаго-Усоля, Канкаръ или

Камгоръ былъ построенъ противъ *Пыскарскія курги*, которая и теперь и во времена Строгоновыхъ находилась въ 145 верстахъ выше устья Чусовой. Кергедакъ былъ тоже около нынѣшняго Усолья, а Чусовскій-Городокъ существуетъ и до сихъ поръ, но все же не на этомъ мѣстѣ. Но что это былъ строгоновскій городокъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, ибо въ грамотахъ, пожалованныхъ Строгоновымъ, прямо говорится, что они имѣли въ этихъ мѣстахъ крѣпостцы для защиты отъ дикихъ сосѣдей.

Ночью мы пріѣхали въ заводъ Полазну, принадлежащій г. Лазаревымъ. Онъ основанъ въ 1794 г., слѣдовательно позже прочихъ лазаревскихъ заводоѡвъ. Онъ находится верстахъ въ 2 отъ Камы, въ 26 верстахъ отъ Перми. Большая часть руды и чугуна, получаемыхъ Лазаревыми въ Кизеловскихъ дачахъ, обрабатывается на Чермазскомъ заводѣ, а на Полазнѣ и въ Хохловскомъ заводѣ производство очень невелико; на послѣднемъ выработка желѣза еще вдвое менѣе выработки полазнинской. Но оба эти завода привозятъ готовый уже чугунъ съ Кизеловскаго завода. Сплавляютъ его по рѣкѣ Косвѣ весною, когда мелкія закамскія рѣки наполняются водою и *тулуны* ихъ закрываются. Чугунъ на Полазнѣ передѣлывается въ полосовое желѣзо въ кричныхъ горнахъ. Выдѣланное здѣсь желѣзо отправляютъ на общихъ караванахъ Камою и Волгою до Нижняго-Новгорода. Заводскихъ зданій въ Полазнѣ 2; въ нихъ находится 8 кричныхъ горновъ, которые раздуваются мѣхами. Эти мѣхи приводятся въ движеніе водою. Въ Полазнѣ выдѣлывается желѣза отъ 40 до 65 тысячъ пудовъ въ годъ. Выѣхавъ изъ этого завода, мы должны были подняться на довольно значительную возвышенность, съ которой видъ былъ очень живописенъ. Съ одной стороны, какъ голубая ткань, разстился прудъ; берега его или опушены лѣсомъ, или обстроены домами, которые отражаются въ зеркальной влагѣ. Направо Кама серебрится вдали; возвышенный правый берегъ ея зеленою полосою отдѣляетъ воду отъ небосклона; ближе — бѣлая, высокая Лунжеская гора; огромные камни ея висятъ подъ ложбиною и, кажется, ежеминутно угрожаютъ паденіемъ; между этими камнями лѣнятся березки и елки, вершина горы опушена кудрявыми соснами. Прямо предъ вами пустынный лѣсъ, состоящій изъ сосны, ели, пихты, лиственницы и другихъ хвойныхъ деревьевъ; рѣдко-рѣдко встрѣтится молоденькая береза или тренещущая осина, одиноко, какъ сирота, растущая между чуждыми ей деревьями. Мы ѣхали этимъ лѣсомъ, то поднимаясь на возвышенности, то спускаясь съ нихъ; наконецъ лѣсъ началъ перемежаться, и мы поѣхали мѣстами низкими, сырыми, грязными. Проѣхавъ дорогу, лѣпвшуюся у этой пасмурной горы, мы вскорѣ пріѣхали къ рѣкѣ Косвѣ. Эта рѣка чрезвычайно быстра, гораздо быстрѣе Чусовой: за 100 сажень слышно, какъ шумитъ она, пробираясь черезъ камни. Такія же наносныя мели, такія же косы изъ галекъ, какъ на Чусовой, находятся и на этой рѣкѣ. На ней очень много *тулуновъ*, и нѣкоторые изъ нихъ довольно высоки (четверти 2) и даже образуютъ пороги. Берега и дно ея усыпаны ро-

зовыми, малиновыми и зелеными кремнями, разноцвѣтными яшмами, агатами и кругленькими кварцами. По Косвѣ сплавляютъ изъ Кизеловскаго завода и рудниковъ чугуны въ Полазну и Хохловскій заводъ и желѣзную руду въ Чермазскій заводъ. Косва у перевоза въ ширину будетъ слишкомъ 30 сажень. Тутъ на правомъ берегу ея находится довольно большое село Перемское. Имя его напоминаетъ бывшую нѣкогда здѣсь Віармію и Великую-Пермію. Дорога идетъ берегомъ Косвы до станціи Микулиной. Здѣсь рѣка эта течетъ между двухъ равныхъ по вышинѣ своей крутыхъ береговъ. Невысокій лѣсъ и луга находятся по обѣимъ сторонамъ рѣки. Пятьдесятъ верстъ мы ѣхали сырыми мѣстами — лѣсъ, пустыня совершенная; множество мелкихъ рѣчекъ пересѣкали дорогу, такую однообразную, такую скучную... Наконецъ мы доѣхали до рѣки Яйвы, столь же быстротой, какъ и Косва. По ней сплавляютъ чугуны и руду изъ Кизеловскихъ дачъ въ Пожевскій заводъ Всеволожскаго, который находится на той сторонѣ Камы, близъ устья Яйвы. Мы перѣхали Яйву и пріѣхали въ Романово.

IV.

Дорога къ Новому-Усолью.—Исторія соляныхъ промысловъ.—Производство соли.

Изъ Романова дорога идетъ лѣсомъ. Мы перѣхали чрезъ рѣчки Пекурку, Зюзву, Волимъ, Песьянку, потомъ поднялись на крутую гору. Опять лѣсъ, опять дикая природа. На дорогѣ намъ попалась деревня Балахонцова, населенная выходцами изъ усолья *балахонскаго*, привлеченными сюда богатствомъ соляныхъ ключей здѣшняго края. Подлѣ Балахонцова мы перѣхали рѣчку Ленву. Лѣсъ кончился, и мы увидѣли предъ собой картину, которая чрезвычайно походила на картину внутренней Россіи. Лѣса нѣтъ — значитъ, мы близко отъ соляныхъ промысловъ, которыхъ сосѣдство для него столько же губительно, какъ дружба мотовъ для молодого человѣка, получившаго богатое наслѣдство. Налѣво, надъ мелкимъ кустарникомъ, закрывшимъ Каму, видѣлся соборъ усольскій, еще двѣ церкви, каменные дома и огромные соляные складочные магазины; клубами развивавшійся въ воздухѣ дымъ изъ варницъ какою-то фантастическою пеленою раскинулся надъ Новымъ-Усолемъ. Ближе къ намъ находилась большая деревня Усть-Зырянка, прямо предъ глазами село Веретія, за ними вдали Ленва, а на небольшой возвышенности — горный городъ Дедюхинъ, съ облаками дыма, носившимися надъ варницами. Направо, на горѣ, село Зырянка. И всѣ эти селенія такъ близко одно отъ другого, и всѣ они такъ красивы; окрестности ихъ не угрюмы, не мрачны.

Изъ Веретіи мы ѣхали песками, которые весною покрываются водою. Мы проѣхали мимо Ленвенскихъ промысловъ, новоротили направо

и проѣхали па берегъ Камы напротивъ самаго Усоляя. Перевозъ. Берега Камы оживлены; прямо предъ нами широко раскинулось Усолъе; на обонхъ концахъ его дымятся варницы, и густой дымъ клубами развѣвается падъ всѣмъ селеніемъ. Рядъ красивыхъ каменныхъ домовъ, которые не были бы лишними даже и въ столицѣ, тянулся по берегу Камы, или, сказать правду, не по берегу этой рѣки, а по краю возвышенности, у подошвы которой находятся преглубокіе пески. Среди этихъ домовъ возвышается соборъ усольскій съ высокою колокольнею. Направо отъ села высокая, крутая, полуобнаженная гора, и по ней живописно раскинулась деревня Камень: далѣе на косогорѣ видны двѣ церкви и нѣсколько домовъ, — это остатки древняго монастыря Пыскорскаго и Пыскорскаго мѣдеплавильнаго завода. На лѣвой сторонѣ Камы—Дедюхинъ, Ленва, Усть-Зырянка, расположенные одно подлѣ другого, оживляютъ берегъ. За ними вдаль, на возвышенности, село Зырянка, стоя на послѣднемъ планѣ, увеличиваетъ красоту окрестностей и какъ бы господствуетъ надъ живописнымъ лѣвымъ берегомъ Камы.

Новоусольскіе и Ленвенскіе соляные промыслы принадлежатъ нынѣ (1842) пяти владѣльцамъ, а именно: графу Г. А. Строгонову, графинѣ С. В. Строгоновой, князю С. М. Голицыну съ племянниками, княгинѣ В. П. Бутеро и господамъ Лазаревымъ. Эти промыслы получили свое начало еще въ XVI столѣтіи, а можетъ-быть, и ранѣе. Они основаны на земляхъ, пожалованныхъ Строгоновымъ въ разныя времена отъ государей русскихъ. Полагаютъ, что выварка соли началась здѣсь съ 1556 года; но существованіе соляныхъ ключей въ этомъ краѣ было извѣстно и прежде, потому что въ грамотѣ, данной царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ Аникѣ Строгонову въ 7064 (1556) году, говорится: „а гдѣ въ томъ мѣстѣ росоль найдеть и ему варницы ставити и соль варити“. Изъ этихъ словъ ясно видно, что въ 1556 году знали о соляныхъ камскихъ ключахъ, или росолахъ; можетъ-быть, въ это время существовали уже и варницы (въ Соли-Камской). Съ землею, пожалованною Строгонову въ 1556 году, было отдано ему во владѣніе 2332 двора крестьянъ соликамскихъ, обвинскихъ и косвенскихъ. Получивъ такую важную награду, Строгоновъ въ 1564 году устроилъ первый соляной промыселъ на правой сторонѣ Камы, напротивъ устья рѣки Яйвы. Здѣсь завелъ онъ одну варницу и поселилъ людей для работы. Мѣсто это сдѣлалось постояннымъ мѣстопребываніемъ Строгоновыхъ и получило названіе Орла-города. Есть преданіе, объясняющее происхожденіе этого названія. Оно говоритъ, что на этомъ мѣстѣ въ старину стоялъ огромный кедръ, и на этомъ кедрѣ свилъ себѣ гнѣздо орелъ, величины и силы необыкновенной. Онъ былъ ужасомъ окрестностей: похищаль мелкій скоть и даже дѣтей. Никто не отваживался убить этого хищника, всѣ боялись близко подойти къ гнѣзду его и, тревожимые страхомъ, оставляли его въ покоѣ. Аника Строгоновъ самъ рѣшился убить эту птицу, отправился къ гнѣзду ея и уснѣлъ въ своемъ намѣреніи. Мѣсто,

на которомъ былъ кедръ, понравилось ему, и онъ рѣшился тутъ устроить городокъ. Вскорѣ нашли тутъ соляные ключи, и началось солевареніе. Городокъ же оставилъ за собою названіе Орла-города, въ память пернатого хищника, прежде тутъ обитавшаго. Что касается до соликамскихъ варницъ, то онѣ, кажется, были устроены рапѣ орловскихъ, и если я не ошибаюсь, то промышленниками, пришедшими изъ Балахны и съ промысловъ сольвычегодскихъ, тотемскихъ и леденгскихъ. Это доказывается названіями разныхъ селеній и мѣстъ этого края, напри- мѣръ, Балахонцова, населеннаго балахонскими пришельцами, рѣки и деревни Зырянки, населенной пришельцами изъ того края, который населенъ былъ зырянами. Самое названіе Новога-Усолья не есть мѣст- ное: оно, происходя отъ словъ *у соли*, было названіемъ балахонскихъ промысловъ, существовавшихъ гораздо ранѣе камскихъ. Вѣроятно, всѣ здѣшніе промыслы заведены были опытными уже солеварами, при- шедшими сюда или по своей волѣ, или по приглашенію Строгоновыхъ. Это подтверждаетъ и соликамскій лѣтописецъ, въ которомъ сказано, что Ленвенскіе промыслы основаны были *балахонцемъ* Ивашкою Со- коловымъ въ 1610 году. Но, какъ бы то ни было, въ XVI столѣтіи со- ликамскіе промыслы были гораздо значительнѣе строгоновскихъ: въ 1579 году писецъ Яхонтовъ, описывая соль камскую, нашелъ въ ней уже 37 варницъ. Въ началѣ XVII столѣтія число варницъ и росолоизвлека- тельныхъ трубъ на камскихъ промыслахъ увеличилось: въ 1610 году открыты Строгоновымъ промыслы въ Новомъ-Усольѣ, росоль усольскій найденъ чрезвычайно хорошимъ, и потому солеварни въ Орлѣ начали мало-по-малу уменьшаться и къ концу XVII столѣтія были вовсе уни- чтожены. Главною причиною закрытія варницъ въ Орлѣ было то, что стремленіемъ весенней воды онѣ постепенно разрушались. Теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде были трубы и варницы орловскія, протекаетъ Кама. Въ 1610 году также были открыты варницы на Ленвѣ, на- противъ Усолья, а немного позже Иванъ Нарыгинъ завелъ промыселъ на рѣкѣ Зырянкѣ и построилъ на этомъ мѣстѣ село Веретію. Вскорѣ явились также соляные промыслы и на устьѣ Зырянки и въ селѣ Зы- рянкѣ. Веретійскія варницы перешли во владѣніе Богдану Левашеву, который въ 1620 году продалъ ихъ Григорію Никитникову. Тогда ихъ было двѣ. Зырянскіе и Веретійскіе промыслы въ 1652 году отошли въ казну, которая и владѣла ими до самаго времени ихъ уничтоженія. Они были закрыты по причинѣ слабости росола, а Усть-зырянскіе, какъ по этой же причинѣ, такъ и потому, что Кама, постепенно уклоняясь къ низменному лѣвому берегу, обмывала берега болѣе и болѣе и нако- нецъ почти совсѣмъ разрушила промыселъ. До сихъ поръ на днѣ Камы встрѣчаются остатки усть-зырянскихъ росолоизвлекательныхъ трубъ.

Ленвенскій промыселъ, основанный въ одинъ годъ съ Новоусольскими балахонцемъ Ивашкою Соколовымъ, впоследствии перешелъ во владѣ- ніе нижегородскимъ гостямъ Семену Задорину и Владиміру Черкасову.

Эти продали его Михайлѣ Шорину, а Шоринъ, въ 1681 году, московскимъ гостямъ Шустову и Филатьеву, которые, будучи привлечены выгодами въ этотъ отдаленный край, завели варницы и въ Соли-Камской. Ленвенскій промыселъ въ 1681 году былъ незначителенъ: въ немъ была всего одна росолоизвлекательная труба; но Шустовъ и Филатьевъ привели его въ цвѣтущее состояніе. Черезъ 16 лѣтъ, т. е. въ 1697 году, на Левѣ было уже 44 варницы, 21 амбаръ, 23 росолоизвлекательныя трубы и *мельница нѣмецкая*. Но такъ какъ эти промыслы были устроены на земляхъ строгиновскихъ, то у Филатьева и Шустова возникла тяжба съ именитымъ человѣкомъ Григорьемъ Дмитриевичемъ Строгиновымъ. Эта тяжба кончилась въ 1697 г. Вслѣдствіе *жалованной правой грамматы*, Г. Д. Строгиновъ получилъ Ленвенскій промыселъ въ потомственное владѣніе. Дедюхинскій промыселъ основанъ былъ вскорѣ послѣ Орловскаго Аникою Строгиновымъ. Этотъ Аника Строгиновъ, предъ смертью своею, пошелъ въ основанный имъ неподалеку отъ Орла и Дедюхина монастырь Пыскорскій, постригся въ немъ и принялъ имя Іоасафа. Въ завѣщаніи своемъ онъ отдалъ новый Дедюхинскій промыселъ монастырю, которому внослѣдствіи достался и Березниковскій промыселъ, находившійся возлѣ Дедюхинскаго. Отъ этихъ промысловъ монастырь получилъ большія выгоды; довольно замѣтить то, что онъ въ 1711 г. поставилъ въ Нижній-Новгородъ соли 584.238 пудовъ. Въ 1764 году, во время учрежденія штатовъ монастырскихъ, всѣ промыслы, принадлежавшіе Пыскорскому монастырю, отошли въ казну. Дедюхинскій былъ преобразованъ въ горный городъ, а Березниковскій закрытъ по причинѣ слабости росола. Были еще Чусовскіе соляные промыслы, на р. Чусовой; но они въ 1773 году закрыты какъ по слабости росола, такъ и потому, что доставка дровъ къ нимъ сдѣлалась затруднительна; промыслы Яйвенскіе, Верхне-Веретійскій (принадлежавшій Новому-Іерусалиму), Криветскій, Куркесскій на рѣкѣ Зырянкѣ, но всѣ они давно закрыты по слабости росола. Въ началѣ XVIII столѣтія всѣ камскіе соляные промыслы, за исключеніемъ соликамскихъ, принадлежавшихъ разнымъ солепромышленникамъ, и Дедюхинскаго, были во владѣніи именитаго человѣка Строгинова. До 1747 г. это огромное имѣніе не дробилось, но съ этого времени пошло въ раздѣлъ между разными лицами строгиновской фамиліи, а нѣкоторыя части его были даже проданы въ постороннія руки (Лазаревымъ, Всеволожскому); отъ этого теперь Новоусольскіе и Ленвенскіе соляные промыслы принадлежатъ яяти разнымъ владѣльцамъ.

Казенный горный городъ Дедюхинъ находится на лѣвой сторонѣ рѣки Камы, немного повыше Ленвенскихъ соляныхъ промысловъ. Управляетъ работами на Дедюхинскихъ солеварняхъ особенное соляное правленіе, состоящее изъ управляющаго и двухъ совѣтниковъ. Образъ производства въ Дедюхинѣ точно такой же, какъ на Новоусольскихъ и Ленвенскихъ промыслахъ. Верстахъ въ тридцати отъ Дедюхинскихъ и Новоусольскихъ промысловъ находятся Соликамскіе промыслы. Они устроены

въ уѣздномъ городѣ Пермской губерніи, Соликамскѣ, по рѣкѣ Усольѣ, верстахъ въ 7 отъ Камы. Прежде владѣли и нынѣ владѣютъ ими частныя соленопромышленники. Соликамскіе промыслы не могутъ идти въ сравненіе съ Новоусольскими или Дедюхинскими: въ нихъ и росоль слабѣ и производство небольшое. Впрочемъ, несмотря на всю бѣдность ихъ, они далеко превосходятъ промыслы Балахонскіе (въ Нижегородской губерніи). Всего въ Пермской губерніи получается соли до 7.000.000 пудовъ, слѣдовательно немного менѣ *одной трети* всего количества соли, добываемаго въ Россіи (до 22 съ половиною милліоновъ пудовъ). Если сравнимъ производство соли въ Пермской губерніи съ производствомъ ея въ другихъ мѣстахъ Россіи, то увидимъ, что: 1) Одни только озера перекопскія доставляютъ болѣе соли (до 7.300.000 пудовъ); Бурназское и Хаджи-Ибраимское озера (въ Бессарабіи) могутъ доставлять также болѣе, но не всегда: въ 1832 году, напримѣръ, съ нихъ получено только 350.000 пудовъ. 2) Количество соли, добываемой на пермскихъ промыслахъ, болѣе въ 6 разъ количества соли, добываемой съ Елтона, въ 9 разъ болѣе количества, получаемаго въ Илецкой-Защитѣ, въ 3 раза болѣе противъ количества соли, получаемаго изъ озеръ генческихъ, въ 6 разъ болѣе противъ керченскихъ; въ 6 разъ противъ евиаторійскихъ, въ 6 разъ противъ озеръ астраханскихъ и кавказскихъ, въ 65 противъ старорусскихъ и въ 67 противъ леденгскихъ. 3) Количество выварочной пермской соли (7.000.000) въ 14 разъ превосходитъ количество выварочной соли въ другихъ мѣстахъ Россіи (около 500.000 пудовъ), — это яснѣе можно видѣть изъ слѣдующей таблицы. *Добывается соли выварочной:* въ Пермской губерніи до 7.000.000 пудовъ; въ Вологодской губерніи 228.000; въ Архангельской губерніи 148.000; въ Старой-Русѣ 180.000; въ Троицкомъ заводѣ (Енисейской губ.) 50.000; въ Иркутской губерніи (на заводахъ Иркутскомъ, Усть-кутскомъ и Охотскомъ) 195.000; въ Балахнѣ до 100.000. Изъ этого можно ясно видѣть всю важность камскихъ соляныхъ промысловъ, находящихся въ Пермской губерніи.

V.

Новое-Усолье, Ленва, Дедюхинъ и Пыскорскій монастырь. — Соликамскъ. — Исторія Соликамска. — Церкви и старинныя дома. — Древности. — Поѣздка Камою. — Пожневскій заводъ.

Въ Новомъ-Усольѣ три церкви: а) Соборная, стоящая на берегу Камы, прежде бывшая ставропигіальною; б) церковь Рубежская у Верхняго промысла, и в) церковь Никольская, или графа Строгонова. Первая изъ нихъ основана Строгоновыми; близъ нея погребены были нѣкоторыя лица фамиліи этой. Иконы въ ней стариннаго письма и съ богатыми серебряными и золотыми ризами. Рубежская церковь небольшая

и ничѣмъ не замѣчательна. Никольская замѣчательна и архитектурою, и украшеніемъ, и нѣкоторыми находящимися въ ней вещами. Она выстроена въ римскомъ вкусѣ: довольно большой куполь, четыре фронтона, поддерживаемые колоннами тосканскаго ордена, богатыя чугунныя рѣшетки вокругъ креста, по краямъ фронтоновъ и вокругъ храма, — вотъ наружный видъ Никольской церкви. Въ самой церкви живопись прекрасная, во вкусѣ итальянской школы. Особенно замѣчательны образа: 1) на царскихъ дверяхъ, которыя вылиты изъ бронзы, два образа Дѣвы Маріи и Гавріила, работы В. Л. Ворониковаго. Какъ божественны черты Пресвятой, какое высокое выраженіе лица ея! Оно, несмотря на видимое смрвенномудріе, такъ высоко, что самъ небожитель, всегда предстоящій престолу Вышняго, взираетъ на нее очами благоговѣнія. Это лучший образъ во всей церкви: я не могъ насмотрѣться на него, нѣсколько разъ подходилъ къ нему, и когда отходилъ, мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на него. Этотъ образъ, такъ же точно, какъ и образа четырехъ евангелистовъ, писанъ на желѣзѣ. 2) Списокъ съ корреджіевою „Ночи“, работа нижегородскаго художника Веденецкаго. Списокъ очень хорошъ, жаль только, что стоитъ не на мѣстѣ: свѣтъ скользитъ на картинѣ. Изъ вещей, находящихся въ Никольской церкви, замѣчательны, какъ по драгоцѣнности, такъ и по изящной работѣ: двѣ дароносицы, блюдо, на которомъ во время всенощной освящаютъ хлѣбы, и огромное бронзовое напикадло. Изъ древностей въ этой церкви замѣчательно рукописное евангеліе въ листъ. Оно написано было въ началѣ XVII столѣтія и въ 1603 году принесено въ даръ въ церковь Нохвалы Богородицы въ Орлѣ-городкѣ именнымъ человѣкомъ Никитю Григорьевичемъ Строгоновымъ. Въ этой церкви оставалось оно до 1820 года, въ которомъ, съ разрѣшенія пермскаго епископа Мелетія (бывшаго послѣ въ Харьковѣ), перенесено въ эту церковь за должныя промысламъ орловскою церковью деньги (350 руб.). Преданіе говоритъ, что это евангеліе писано рукою схинонахини Татьяны, дочери Никиты Григорьевича. Въ одномъ съ нимъ переплетѣ находится грамота, данная въ 1703 году Діонисіемъ, епископомъ вятскимъ и великопермскимъ, въ орловскую церковь... Въ Новомъ-Усольѣ замѣчательна общая любовь къ изящнымъ искусствамъ и особенно къ живописи. Не буду подтверждать словъ моихъ тѣмъ, что я здѣсь повсюду встрѣчалъ такъ много хорошихъ картинъ, слышалъ такъ много толковъ о художествахъ, скажу только, что Новое-Усолье произвело двухъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, именно: А. Н. Воронихина, который родился здѣсь въ 1780 году и составилъ себѣ славу построеніемъ Казанскаго собора въ Петербургѣ, и Пицалкина, хорошаго живописца и гравера.

Въ Новомъ-Усольѣ торговая дѣятельность очень велика. Здѣсь вы найдете все, что вамъ угодно — даже сукна, шелковыя матеріи, галантерейныя вещи, книги. Впрочемъ, въ Пермской губерніи такія села не рѣдкость. Въ Усольѣ много мелочныхъ лавокъ — въ другомъ городѣ

столько не встрѣтите ихъ. Зимой торгъ здѣсь еще обширнѣе; тогда бывають открытыя лавки на *палояхъ*... Улицы очень нечисты, а все оттого, что жители, принадлежащіе одному владѣльцу, ссылаются на принадлежащихъ другому, эти — на принадлежащихъ третьему, и такъ далѣе, а село раздѣлено не по участкамъ, а по домамъ: здѣсь домъ строгиновскій, рядомъ съ нимъ голицынской, и такъ далѣе. Ужасный беспорядокъ! Я видѣлъ планъ Усолья, на которомъ часть каждаго владѣльца означена особой краской. Боже мой, какая пестрота! Только въ одномъ углу есть часть одного гр. Строгонова, и потому въ этой части прекрасный порядокъ: устроены мостовыя изъ галекъ, улицы всегда выметены... Солеварни находятся отдѣльно отъ села: одна часть ихъ выше по теченію Камы (*Верхній промыселъ*), другая ниже по этой рѣкѣ (*Нижній промыселъ*). Последняя часть обширнѣе и лучше устроена. Раздѣленіе варницъ и трубъ тоже не по правиламъ межеванья. Впрочемъ, этихъ правилъ и примѣнить сюда невозможно. Село Ленва гораздо хуже обстроено, нежели Новое-Усолье: дома въ немъ хотя большіе, но старыя; зато планированы лучше Нового-Усолья. Возлѣ Ленвы есть каналъ, о которомъ я говорилъ уже... Горный городъ Дедюхинъ находится въ верстѣ отъ Ленвы, вверхъ по теченію Камы. Напротивъ Дедюхина, надъ Камою, возвышается крутая гора, по скату которой кое-гдѣ попадаются великолѣпныя кедры. Вершина ея опушена кустарникомъ. Эта гора и деревня, стоящая на ней, называются Камень. Выше этого Камня вы замѣчаете большое село, расположенное по скату горы, съ двумя церквями, но безъ облаковъ дыма; слѣдовательно это ни заводъ ни соляные промыслы. Это остатки славнаго во время оно Пыскорскаго монастыря и Пыскорскаго мѣдеплавильнаго завода. Пыскорскій монастырь основанъ въ 1570 году Аникоемъ Федоровичемъ Строгоновымъ, который и самъ былъ въ немъ монахомъ, подъ именемъ Юасафа. Основатель монастыря обогатилъ его пожертвованіемъ Дедюхинскаго и Березниковскихъ соляныхъ промысловъ. Отъ этихъ промысловъ онъ получалъ огромные доходы и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей русскихъ. При учрежденіи монастырскихъ штатовъ, соляные промыслы, ему принадлежавшіе, были взяты въ казну. Монастырь началъ клониться къ упадку; находясь въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ онъ не могъ имѣть постоянныхъ доходовъ, онъ не имѣлъ способовъ поддерживать свое существованіе. Правительство въ 1775 году перевело его въ Соликамскъ на мѣсто уничтоженнаго тамъ, еще въ 1764 году, монастыря Вознесенскаго. Въ 1781 году изъ Соликамска онъ былъ переведенъ въ Пермь. Пыскорскій мѣдеплавильный заводъ построенъ былъ въ царствованіе императора Петра Великаго и принадлежитъ казнѣ. Это былъ первый мѣдеплавильный заводъ, устроенный въ странѣ этой. Вскорѣ онъ былъ закрытъ по причинѣ слабости рудъ. Близъ Пыскорскаго монастыря находился Канкоръ, построенный Строгоновымъ въ первые годы его въ этихъ странахъ поселенія (прежде 1558). На-

добно полагать, что на этомъ мѣстѣ, до прибытія Строгоновыхъ, находилось или селеніе туземцевъ, или одно изъ тѣхъ „селищъ чудскихъ пустыхъ и заросшихъ“, которыхъ такъ много въ Пермской губерніи и о которыхъ упоминается въ грамотахъ, данныхъ Строгоновымъ. Въ этомъ увѣряетъ меня самое названіе „Камкорь“, или „Кам-каръ“, или „Камгоръ“, или наконецъ „Камгордь“, какъ встрѣчается оно въ разныхъ спискахъ. Это чисто пермчское слово: Камгордь значитъ слово-въ-слово *домъ на Камь*, Кам-каръ — *жилье на Камь*. Есть также и преданіе, что тутъ было чудское городище. Теперь же имени Кам-коръ въ народѣ вы не услышите—осталась только рѣчка Камкорка. Карамзинъ говоритъ, будто Камкоръ былъ основанъ близъ устья Чушвай; это совершенно несправедливо. Здѣсь онъ самъ противорѣчитъ словамъ своимъ: „основали... Камкоръ на мысу Пыскорскомъ, гдѣ былъ монастырь Всемилостиваго Спаса“. Это, какъ видно, говорится именно о Пыскорскомъ монастырѣ, который никогда не былъ на устьѣ Чусовой. Сверхъ того, не Камкоръ основанъ тамъ, гдѣ былъ монастырь, а монастырь тамъ, гдѣ былъ Камкоръ. Городокъ построилъ ранѣе 1558, а монастырь уже въ 1570 г.

Мы рѣшились отправиться въ Соликамскъ. Дорога идетъ лѣсомъ почти до самаго города. Природа однообразна: этотъ лѣсъ, весь состоящій изъ хвойныхъ деревьевъ, смотреть такъ мрачно, такъ грустно. Мнѣ показалось бы, что я гдѣ-нибудь въ отдаленномъ сѣверѣ, на берегахъ Печоры, въ сосѣдствѣ съ дикими вогулами и оленями, если бы прекрасная гальковая дорога и покойный экипажъ безпрестанно не увѣряли меня въ противномъ. Изрѣдка намъ попадались кедры, эти красавцы сѣверной природы; горделиво раскинувъ свои пышные вѣтви, они будто величались красотой своей предъ окружающими ихъ пирамидальными, тонкими елями. Шумомъ, похожимъ на шумъ отдаленнаго водопада, они будто звали насъ, утомленныхъ жаромъ полудня, подъ густую тѣнь свою. Черезъ два съ половиной часа послѣ отъѣзда изъ Новаго Усолья мы были у Соликамска. Этотъ городъ расположенъ въ ложбинѣ, по которой протекаетъ неширокая рѣчка Усолка, и его нельзя видѣть издалека: тогда только явятся глазамъ вашимъ его старинныя церкви и старыя, полуразвалившіеся дома, когда вы будете почти въ самомъ городѣ. Кама въ семи верстахъ — ея не видно. За Соликамскомъ начинается огромная и вмѣстѣ съ тѣмъ отлогая возвышенность, совершенно покрытая лѣсомъ и представляющаяся настоящею пустынею. Эта синеватая полоса отдаленнаго лѣса, сливающаяся въ одно съ синевою неба, кажется завѣсою, заграждающею смѣлому человѣку путь въ отдаленный сѣверъ, еще дѣвственный, еще не измятый его суетною стопою, еще не зараженный его дыханіемъ. И точно, кромѣ дороги въ Чердынъ и немногаго числа деревень близъ этой дороги, все мертво въ этой пустынѣ. Но все-таки далека еще отъ Соликамска тотъ дѣвственный сѣверъ, въ которомъ рѣдко бываетъ и стопа вогула, этого власте-

липа лѣсовъ сѣверныхъ, въ которомъ, развѣ изрѣдка, гоняясь за сохатымъ, промчится на лыжахъ своихъ этотъ дикій сынъ дикой пустыни, или зароеется въ сугробъ, чтобъ отдохнуть отъ суточныхъ трудовъ своихъ.

Соликамскъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Усолки, впадающей въ Каму. Берега этой рѣки низменны и ровны; весной вода выходитъ изъ береговъ, и потому находящіеся близъ рѣки дома много терпятъ отъ наводненія. Семь мостовъ, устроенныхъ чрезъ Усолку, соединяютъ одну часть города съ другою. Строеніе почти все старое, обветшалое; на всякомъ шагѣ замѣтно былое великолѣпіе этого города: большія церкви, большіе каменные дома стоятъ на берегахъ Усолки и видимо разрушаются. Городъ не улучшается, а съ каждымъ годомъ падаетъ болѣе и болѣе. Соликамскъ основанъ ранѣе половины XVI столѣтія промышленниками сольвычегодскими, тотемскими и балахонскими, нашедшими въ этой странѣ богатые соляные ключи. Городъ, послѣ основанія его, быстро началъ распространяться и улучшаться; въ 1579 году, когда описывалъ его писецъ Иванъ Яхонтовъ, было въ немъ уже 190 домовъ, 26 лавокъ, 16 соляныхъ варницъ, но посадскихъ людей немного—только 201 человекъ. Вскорѣ въ окрестностяхъ Соликамска явились богатые выходы изъ Соли-Вычегодской, Строгоновы, и, получивъ отъ государя много земли, завелъ на ней соляные промыслы и городки, для защиты отъ сосѣднихъ народовъ, татаръ, башкировъ, вогуловъ и пр. Къ нимъ-то въ Орелъ явился волжскій удалецъ, донскій казакъ Ермакъ Тимоѣевичъ, съ предложеніемъ воевать непокойныхъ сосѣдей ихъ. Строгоновы согласились, дали ему вспоможеніе, и воложскій разбойникъ сдѣлался покорителемъ царства Сибирскаго. Но въ то время, какъ онъ еще не дошелъ до горъ Уральскихъ, нашла гроза на Соликамскъ и его окрестности. 1581 года, въ самый Новый годъ (1-го сент.), пелымскій князь Кихекъ, собравъ 700 человекъ войска, призвавъ на помощь разныхъ мурзъ и улановъ сибирской земли и взявъ съ собою неволею татаръ сылвенскихъ, иренскихъ, косвенскихъ, инвинскихъ и обвинскихъ, остяковъ и вогуличей, вотяковъ и башкирцевъ, бросился на Чердынь и едва не взялъ его; оттуда пошелъ на Кай-городокъ, а отсюда въ Соликамскій. Соликамскій посадь былъ сожженъ, множество людей погибло при этомъ случаѣ; окрестныя селенія, а также Канкоръ, Кергеданъ, чусовскіе городки, Яйвенскій и Сылвенскій Осторожки—все сдѣлалось добычею Кихека. Соликамскъ лишился многихъ жителей, но скорѣ новая жизнь возникла въ опустошенномъ городѣ, и онъ скоро сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Руси: причиною этого была перемѣна сибирской дороги, что случилось въ 1595 г. Когда Сибирь была подчинена Россіи совершенно, тогда русскіе купцы начали отправляться въ это „золотое дно“ за мѣхами драгоцѣнными и другими произведеніями сибирскими. Изъ Москвы купцы ѣздили на Вычегду, а оттуда въ Верхотурье черезъ Чердынь: прямого пути не было. Путь изъ Сольвычегодска въ Чердынь черезъ Кай-городокъ и Со-

ликамскъ былъ удобнѣе, но очень многіе купцы пускались въ Чердынъ другою, кратчайшею дорогою—берегами Вычегды и потомъ чрезъ лѣса на Каму. Такимъ образомъ Соликамскъ оставался въ сторонѣ и не пользовался отъ сибирской дороги никакими выгодами. Вскорѣ путь московскій измѣнился: стали ѣздить чрезъ Нижній, Казань и Вятку въ Чердынъ—тутъ Соликамска нельзя было миновать. Но все-таки онъ не былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ по сибирской дорогѣ, все-таки Пермь-Великая отнимала у него выгоды. Наконецъ, вельдствіе жалобъ купцовъ на дальность дороги, царь Θεодоръ Іоанновичъ приказалъ „провѣдать“ новый путь прямо изъ Соликамска въ Верхотурье. Въ 1595 году провѣдалъ его верхъусольскій крестьянинъ Артюшка Бабиновъ, за что царь пожаловалъ его грамотою безданою и безпошлинною. Новая дорога была гораздо короче: вмѣсто 2.500 веретъ, какъ было прежде, теперь вышло только 250 веретъ. Когда открыта была эта дорога, всѣ промышленники стали ѣздить чрезъ Соликамскъ, и городъ началъ богатѣть. Но и тутъ сдѣлалось то же, что почти вездѣ дѣлается въ подобныхъ случаяхъ: богатѣть начали богатые, а бѣдные—посадскіе и крестьяне—еще болѣе разорялись. Они теперь должны были исправлять новыя повинности: возить царскую казну сибирскую, быть у сибирскихъ запасовъ, поправлять дорогу и мосты, держать ямскую гоньбу и сверхъ того платить еще особыя деньги. Все это вынуждало громкій ропотъ простолюдиновъ соликамскихъ; жалобы ихъ доходили до царя, и — то смягчаемы были налоги ихъ, то увеличиваемы еще болѣе. Такое время было тогда — время смутныхъ царствованій Годунова, Самозванца и Шуйскаго. Сверхъ того, временные перекоры соликамцевъ съ вычегодцами, чердынцами, кайгородцами и вятчанами о ямской гоньбѣ вовлекли ихъ въ безпрестанныя тяжбы. Всѣ эти неурядицы кончились не ранѣе 1660 года. До этого времени „наймы у нихъ были дороги, потому что волоки гористы, а стройнаго яму не было, гоняли ямскую гоньбу міромъ отъ Соли-Камскія на четыре стороны, зимою и лѣтомъ, до Казани и до Соли-Вычегодской, и до Верхотурья, и до Кай-городка, и исходило у нихъ на ямскую гоньбу съ сохи тысячи по полутори и больши“. Въ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ уже казенныя вещи возить на наемныхъ подводахъ.

Въ смутныя времена начала XVII столѣтія жители Соли-Камской отличались преданностью законной власти. Въ 1608 году они опустили въ Вологду рати своей вдвое болѣе обыкновеннаго, тогда какъ сосѣди ихъ пермичи и кайгородцы не дѣлали этого. За это усердіе къ пользамъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, они получили отъ него въ 1609 году грамоту, которою сложено было съ нихъ взысканіе денегъ, занятыхъ ими изъ казны для найма ратниковъ, и постановлено, чтобы они пользовались одинакими правами съ пермичами и кайгородцами. Въ 1609 году, на вызовъ нижегородцевъ идти къ Москвѣ для изгнанія „воровскихъ людей“, они немедленно согласились исполнить

это. Потомъ, когда вычегодцы звали ихъ вмѣстѣ съ пермичами и кайгородцами на помощь Ярославлю,—они отправились и участвовали въ пораженіи Лисовскаго и приверженцевъ Лжедмитрія II подъ Ярославлемъ. Кромѣ того, они безпрестанно посылали на ратное дѣло денежные вспоможенія и участвовали въ усмиреніи бунта въ Вятской области (1609 г.). За такое усердіе ихъ, Василій Ивановичъ освободилъ ихъ отъ платежа по 50 рублей съ сохи, на наемъ нѣмецкихъ ратныхъ людей. Когда пришла къ нимъ крестоцѣловальная грамота „о бытіи со всею землею въ любви и въ совѣтѣ, и въ соединеніи, и противъ враговъ, разорителей вѣры христіанскія, польскихъ и литовскихъ людей со всею землею стояти за одинъ и идти въ сходъ подъ Москву къ боярамъ, и къ воеводамъ, и ко всей земли московскаго государства, московское государство очищать“—они съ радостью приняли по ней присягу и отправили рать, которая участвовала въ освобожденіи Руси отъ иноземниковъ...

Соликамскъ, вмѣстѣ съ Кай-городомъ, зависѣлъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ отъ воеводъ чердынскихъ. Впрочемъ, извѣстно, что въ 1622 году были тамъ воеводы особые: Воинъ Корсаковъ и Василій Сьяновъ; но потомъ, въ 1637 году, великопермскій воевода Комынинъ называется и соликамскимъ; бывший же передъ нимъ воеводою Телѣпшъ не завѣдывалъ Соликамскомъ. Между тѣмъ городъ увеличивался болѣе и болѣе: промышленность развивалась, торговля распространялась. Въ 1623 году, когда Соликамскъ былъ описываемъ Иваномъ Кайсаровымъ, считалось уже въ немъ 333 двора посадскихъ, 24 бобельскихъ, 20 нищихъ келій и 12 пустыхъ дворовъ, 620 человекъ людей, 59 лавокъ и 37 варницъ. А въ 1678 г. въ немъ уже считалось 465 домовъ. Соляное производство распространялось болѣе и болѣе, торговля тоже процвѣтала въ Соликамскѣ. Жители его торговали съ гостями иностранными въ Архангельскѣ, въ Кяхтѣ, въ Якутскѣ. Въ 1699 году Петромъ Великимъ пожалованъ былъ ковшъ серебряный Андреяну Жданову за то, что онъ, торгуя въ Кяхтѣ, принесъ важную пользу казнѣ *у вина, у картъ и у мнѣнъ соболей*. Соликамскъ съ 1682 года, вмѣстѣ съ Чердыню, находился подъ вѣдомствомъ казанскаго приказа; потомъ, въ 1719 году, былъ приписанъ къ Вятской провинціи, а въ 1724 самъ сдѣланъ былъ провинціальнымъ городомъ Казанской губерніи и имѣлъ въ зависимости своей Чердынь и Кунгуръ; въ 1737 провинціальное вѣдомство перенесено было изъ него въ Кунгуръ, а въ 1781, когда учреждено было Пермское намѣстничество, присоединенъ къ нему въ качествѣ уѣзднаго города.

Последнее время предъ открытіемъ намѣстничества было временемъ самаго цвѣтущаго состоянія Соликамска. Онъ находился на главной сибирской дорогѣ и обогащался отъ обширной своей торговли; въ 1770 году въ немъ было 1354 купца, по извѣстію Чулкова. Когда же, при основаніи Перми, сибирская дорога была назначена новая, тогда

Соликамскъ, равно какъ и другіе, нѣкогда богатѣйшіе города сѣверной части Пермской губерніи, быстро начали клониться къ упадку. Капиталы были переведены въ другіе города, купцы оставили Соликамскъ, и этотъ, нѣкогда великолѣпный городъ превратился нынѣ въ полуразрушенное селеніе, въ которомъ остались только нѣкоторые слѣды его былого богатства. Въ Соликамскѣ десять церквей; всѣ онѣ носятъ на себѣ признаки старины. Вотъ о нихъ нѣкоторыя извѣстія, которыя удалось мнѣ собрать во время моего короткаго пребыванія въ Соликамскѣ:

1) Троицкій лѣтній соборъ, находящійся близъ Усолки, на главной площади города. Архитектура его старинная, подходящая болѣе ко вкусу венеціанскому, нежели къ византійскому. Въ первый разъ упоминается объ этомъ соборѣ въ 1557 году, когда онъ сгорѣлъ отъ молніи; потомъ онъ сгорѣлъ въ другой разъ въ 1635 году; въ 1688 году пристроенъ къ нему придѣлъ во имя Іоанна Предтечи, но на слѣдующій годъ онъ въ третій разъ былъ истребленъ огнемъ. Въ томъ же году онъ былъ снова заложенъ и выстроенъ къ 1697 году на счетъ государственной казны изъ тамошнихъ (соликамскихъ) *усольскихъ, таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ*. Постройка его стоила въ то время *двѣсти* рублей. Послѣ этого онъ былъ поврежденъ отъ пожара въ 1743 году и, поправленный въ 1744, стоитъ до сихъ поръ въ томъ же видѣ. Въ знакъ того, что онъ построенъ на казенный счетъ, на южной сторонѣ вставленъ въ стѣну небольшой, гончарной работы, російскій гербъ. Внутри церковь довольно сумрачна. Въ этомъ соборѣ намъ показали образъ св. Николая Чудотворца весьма древней работы. Преданіе говоритъ, что въ то самое время, когда царь Иванъ Васильевичъ находился съ войскомъ своимъ подъ Казанью, погайскіе татары сдѣлали набѣгъ на пермскія земли. Соликамскъ находился въ большой опасности, и жители его послали гонцовъ подъ Казань къ царю съ просьбою о помощи. Посланные прибыли въ станъ русскій въ то самое время, какъ подконы были уже сдѣланы, и всѣ съ часа на часъ ожидали нападенія на крѣпость казанскую. Царю нужно было войско, и онъ не могъ послать помощи жителямъ осаждаемаго Соликамска. Въ сто рати, онъ далъ посланнымъ эту икону и свою грамоту, поручая городъ ихъ заступленію святителя. Преданіе молчитъ, избавился ли Соликамскъ отъ непріятелей, лѣтописи молчатъ и о самомъ нашествіи татаръ на этотъ городъ. Но, какъ бы то ни было, до сихъ поръ хранится въ соборѣ этотъ образъ, до сихъ поръ всѣ соликамцы имѣютъ къ нему большое почтеніе. О грамотѣ говорятъ, что она хранилась въ этомъ же соборѣ, но сгорѣла въ 1743 году. Важная потеря! 2) Крестовоздвиженскій зимній соборъ стоитъ ближе къ Усолкѣ, готической архитектуры. Построенъ въ 1730 году. Въ немъ есть нѣкоторые образа съ богатыми вѣнцами, сдѣланными изъ финифти. Между соборами Троицкимъ и Крестовоздвиженскимъ находится высокая старинная колокольня. Она устроена на большомъ трехъэтажномъ домѣ, въ которомъ помѣщаются

магистратъ, городская дума и духовное правленіе. Самая колокольня сдѣлана съ верхомъ въ видѣ шатра. Наверху высокій шпигъ съ флюгеромъ. Колокольня совсѣмъ отдѣлена отъ обоихъ соборовъ. 3) Церковь Преображенія Господня находится въ сѣверо-восточномъ краѣ города. Первоначально она была построена въ 1687 г., при существовавшемъ уже на этомъ мѣстѣ дѣвичьемъ монастырѣ, иждивеніемъ вдовы Евдокии Никифоровны Щепоткиной; но во время пожара 1688 года церковь эта сгорѣла и вновь была построена уже въ 1692. Изъ находящихся теперь церквей соликамскихъ, Преображенская всѣхъ древнѣе. Подлѣ нея находится зимняя церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, построенная въ 1702 году. Прежде она принадлежала къ дѣвичьему монастырю, который въ 1764 году переведенъ отсюда въ Уфу и извѣстенъ нынѣ подъ именемъ Крестовоздвиженскаго. 4) Церковь Богоявленія находится между Преображенскою и Соборною. Стиль архитектуры ея очень древній; массивныя колонны внутри, двери низкія, устройство трапезы, иконостасъ—все это носитъ признаки неподдѣльной старины. Въ такомъ видѣ, какъ она находится теперь, устроена она въ 1695 году. Она въ два яруса; на верхней паперти сдѣланы съ двухъ сторонъ во всю стѣну окна, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, вставлена слюда—признакъ глубокой старины. Оклады иконъ, находящихся въ этой церкви, очень богаты. 5) Воскресенская церковь находится близъ самыхъ соборовъ. Она построена на этомъ мѣстѣ въ 1713 году, на мѣстѣ бывшей тутъ деревянной церкви. 6) Церковь Нерукотвореннаго Спаса находится отъ соборовъ внизъ по теченію Усолки. Когда она построена—неизвѣстно, но надобно полагать, что не прежде конца XVII столѣтія. Стиль архитектуры ея древній, ближе подходящий къ стилю византійскому. Ризница ея чрезвычайно богата: въ приходѣ ея жили въ старину главные богачи солкамскіе, которыхъ огромные дома близъ этой церкви до сихъ поръ разрушаются временемъ. Въ ней также много образовъ, странныхъ по своему устройству: они не четырехугольной формы, какъ дѣлаются обыкновенно, а сердцеобразной, и притомъ складные. На всѣхъ почти изъ нихъ вѣнцы сдѣланы изъ финифти. При этой церкви находится зимняя церковь во имя архистратига Михаила, освященная въ 1725 г. Говорятъ, тутъ прежде былъ монастырь; это нѣсколько доказывается обширною оградю, которою обнесена Спасская церковь. 7) На кладбищѣ, церковь во имя Жень Мироносицъ, построенная въ 1780 году богатѣйшимъ изъ соликамскихъ солепромышленниковъ, Максимомъ Суровцевымъ.

Въ Соликамскѣ, при самомъ началѣ его, устроенъ былъ на рѣкѣ Усолкѣ монастырь Вознесенскій, который былъ потомъ перестроенъ въ 1608 году. Монастырь этотъ былъ довольно богатъ: до учрежденія штатовъ за нимъ считалось 645 душъ. При учрежденіи штатовъ онъ былъ упраздненъ, а въ 1775 году на мѣсто его переведенъ былъ монастырь Пыскорскій. Пыскорскій монастырь находился здѣсь до 1781 г.;

когда основана была Пермь, онъ былъ переведенъ въ этотъ новый городъ и назначенъ для жительства епархіального архіерея. Въ Соликамскѣ же на мѣсто его переведенъ изъ села Истобенскаго, находящагося на рѣкѣ Вяткѣ, въ Вятской губерніи. Этотъ Вознесенскій Истобенскій монастырь существуетъ въ Соликамскѣ и до сихъ поръ. Въ немъ только одинъ архимандритъ и четыре монаха. Церковь старинная, но замѣчательнаго въ ней ничего нѣтъ. Изъ часовенъ, находящихся въ Соликамскѣ, одна, находящаяся близъ кладбища, заслуживаетъ вниманія любопытныхъ. Она, какъ говорятъ, основана еще въ половинѣ XVI столѣтія и до сихъ поръ существуетъ безъ малѣйшей передѣлки. Другое преданіе говоритъ, что она построена нѣсколько позже, именно въ 1582 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ были погребены соликамцы, убитые во время осады города Кихекомъ... Укрѣпленій, ни древнихъ ни новыхъ, нѣтъ въ Соликамскѣ. Находившійся на горѣ „старинный рубленый деревянный городокъ съ башнями и со многимъ другимъ строеніемъ“ сгорѣлъ еще въ 1672 году. Теперь не только нѣтъ слѣдовъ его, но я даже не могъ ни отъ кого узнать и мѣста, гдѣ находился онъ. Въ Соликамскомъ уѣздномъ судѣ находится, впрочемъ, очень много старинныхъ бумагъ и грамотъ, писанныхъ въ разное время къ воеводамъ Великой-Перми и Соли-Камской. Несмотря на частые пожары, опустошавшіе Соликамскъ, успѣли спасти эти драгоценные памятники до нашего времени. Древнѣйшіе изъ нихъ относятся къ началу XVII столѣтія. Чтобы показать, какъ много въ Соликамскѣ древнихъ актовъ и какъ любопытны эти акты, довольно замѣтить, что въ „Актахъ Археографической Экспедиціи“ помѣщено ихъ 184 (болѣе, нежели изъ другого какого-нибудь мѣста). Въ магистратѣ, между другими древними актами, замѣчательны: „Книга Сошнаго Письма города Камскаго, составленная писцомъ Яхонтовымъ въ 1579 году“ и „Писцовая книга Кайсарова“, относящаяся къ 1623 году.

Дорога отъ Соликамска къ Усолью идетъ лѣсомъ, прямо, почти безъ малѣйшихъ изгибовъ. Двумя черными стѣнами тянулся лѣсъ передъ нами, рѣдко прерывались эти стѣны. Иногда только попадались намъ то ложбина, покрытая болотами, то обгорѣлыя деревья во время послѣднихъ лѣсныхъ пожаровъ. Едва скрылось изъ глазъ нашихъ Новое-Усолье, какъ мы увидали на правомъ берегу деревню Гурдино, принадлежащую гр. Строгонову и заключающую въ себѣ 25 домовъ. Жители ея работаютъ на новоусольскихъ варницахъ. Въ этой деревнѣ находится самая глубокая росолоизвлекающая труба и устроена пыльная мельница на двѣ рамы. Берега живописны. Чтò ни поворотъ катера, то новый пейзажъ. Полдень. Солнце чуть-чуть не съ самаго зенита бросаетъ раскаленные лучи свои, которые, скользя по водѣ, золотятъ ее. Поверхность Камы покрыта всѣми возможными переливами свѣта лазури и зелени, отражающейся у береговъ. Но вотъ гора, которая издали кажется, будто выдалась въ Каму, а теперь движется постепенно назадъ, прижимается

къ берегу. Поворотъ катера, нѣсколько ударовъ веслами — и она уже стоитъ вровень съ остальнымъ берегомъ. За нею открылась ложбина, и тамъ небольшое село съ каменной небольшой церковью.

— Вотъ Орель-городъ, — сказали мнѣ мой спутникъ: — вотъ прежде бывшая столица Строгоновыхъ. Здѣсь жилъ Анпка до своего пострѣженія. Сюда пришелъ Ермакъ съ просьбою о помощи; отсюда отправился онъ на покореніе царства Сибирскаго; около этихъ мѣстъ былъ Кергеданъ.

Такъ вотъ Орель, — думалъ я: — сколько историческихъ воспоминаній! Такъ вотъ это селеніе, 300 лѣтъ тому назадъ построенное въ странѣ лѣсовъ и болотъ, въ странѣ, которую давно уже оставили люди съ гражданственностью. Вотъ сѣмя населенія здѣшняго края, которое, вырастивши столько заводовъ, столько богатыхъ селеній, само такъ незначительно, такъ невидно! Посмотрите: церковь очень обыкновенная; десятка три крестьянскихъ домовъ самой обыкновенной фizioноміи — и только. Гдѣ же палаты владѣтеля Пермскаго края? Гдѣ крѣпость, построенная отъ набѣговъ дикихъ сосѣдей? Гдѣ первыя варницы, заведенныя здѣсь? — Ничего нѣтъ. Гдѣ памятники старины? — Ихъ нѣтъ: они исчезли, погребены во времени, и, если бы не исторія, никто бы не догадался, что это маленькое село Орель есть тотъ Орель-городъ, о которомъ столько преданій и историческихъ и не историческихъ носится до сихъ поръ въ народѣ.

...Жители Орла приписаны къ солянымъ промысламъ, но такъ какъ село ихъ довольно далеко отъ Новаго-Усоля (восемь верстъ), то они употребляютъ на доставку соли въ Пермь и Нижній. Лѣтомъ въ Орлѣ остаются только женщины, старики и дѣти; всѣ прочіе уходятъ на ладьяхъ. Мѣсто, гдѣ находится Орель, называется также орловскимъ волокомъ; на этомъ-то волокѣ построены были Кергеданъ. Проѣхавъ четыре версты отъ Орла, мы увидѣли село Таманъ, принадлежащее графу Строгонову. Отъ Тамана на низъ пойдутъ горы, какихъ не видѣли мы отъ самой горы Пыскорской. Въ этихъ горахъ находится мѣдная руда — главная порода въ нихъ песчаный камень, проникнутый мѣдною рудою. Этотъ песчаный камень гораздо плотнѣе и зерна его гораздо крупнѣе въ сравненіи съ песчанымъ камнемъ, находящимся въ рудникахъ Мотовилихинскаго, Юговскаго и другихъ прикамскихъ мѣдеплавильныхъ заводовъ. Притомъ самая руда болѣе встрѣчается такъ называемыми *штздами*, нежели ровными пластами. Попадались и самородная мѣдь въ такъ называемомъ *тонко-налетномъ видѣ*, въ камняхъ известковой породы, которые были проникнуты частицами мѣди, и наконецъ въ видѣ агрегатовъ, которые простой народъ называетъ *куреть*. Самородки и агрегаты составляютъ главное отличіе руды этихъ горъ отъ той, которая находится ниже по Камѣ. Въ Таманѣ, въ 1726 году, по открытіи здѣсь мѣдныхъ рудъ, устроенъ былъ мѣдеплавильный заводъ по указу главнаго правителя казанскихъ и сибирскихъ горныхъ заводовъ, майора Дегенна. Но онъ въ 1774 году былъ закрытъ по недостатку рудъ. Строеніе заводское уже давно совершенно

разрушилось. Жители Тамана причислены къ промысламъ, но исправляютъ только внѣшнія работы, т.-е. смотреть за уборкой полей, приплавливаютъ изъ магазинновъ дрова и т. п. Потомъ мы проѣхали мимо деревни Усть-Кондасъ; она стоитъ на устьяхъ рѣчки Кондасъ. Можетъ-быть, на этомъ мѣстѣ было какое-нибудь поселеніе древнѣйшихъ поселенцевъ этого края. Конъ, по-пермяцки, значитъ *ставка, шатеръ*, Дасъ—*десять*, Кондасъ — *десять шатровъ*. Мы миновали деревню Быструю, съ которой начинается владѣніе Всеволожскаго, село Городище, и пристали у перевоза въ Питерѣ. Лошади уже дожидались насъ, и мы тотчасъ же отправились въ Пѣжвенскій заводъ, до котораго оставалось только десять верстъ. Къ вечеру мы доѣхали до этого завода. Пѣжвенскій или Пѣжевскій заводъ находится на рѣкѣ Пожевѣ, которая впадаетъ въ Каму. Она принадлежитъ г-ну Всеволожскому и замѣчательна по своему устройству. Вездѣ дѣйствуетъ паръ; машины такъ хороши, удобны. Сперва заведена была здѣсь термолампа, но послѣ того, какъ отъ нея произошелъ пожаръ, ее оставили. Этотъ заводъ основанъ въ 1756 году по указу Государственной Берг-Коллегіи на земляхъ, купленныхъ у бароновъ Строгоновыхъ. Въ 1777 году въ немъ находилось уже двѣ фабрики съ восьмью мѣдеплавильными печами; руды мѣдная доставлялись съ близъ-находящихся рудниковъ; ежегодно добывали до 290 пудовъ чистой мѣди. Впрочемъ, вскорѣ этотъ мѣдеплавильный заводъ былъ закрытъ: по близости находившіяся руды истощились, и владѣлецъ завода почелъ лучшимъ завести заводъ желѣзоплавильный, потому что желѣзную руду удобнѣе можно было доставлять, нежели мѣдную, несмотря на то, что она находилась въ отдаленныхъ Кизеловскихъ дачахъ. Изъ Кизеловскихъ дачъ можно приплавлять ее по рѣкѣ Яйвѣ, а мѣдную руду надобно было бы возить сухимъ путемъ чрезъ значительное разстояніе. Въ 1794 году построены были двѣ доменные печи, для проплавки руды желѣзной, а вскорѣ послѣ этого пятнадцать кричныхъ молотовъ и тридцать горновъ для превращенія руды въ желѣзо. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого, въ 1800 году, здѣсь уже выплавлялось чугуна отъ 117.000 до 177.000 пудовъ и выковывалось желѣза отъ 83.000 до 120.000 пудовъ. Сверхъ этого тутъ же устроены были фабрики якорная, слесарная, кузнечная, на которыхъ приготовлялись разнаго рода подѣлки для производства соли на Новоусольскихъ промыслахъ и для отправки ея водою. Въ то время еще была въ Усольѣ и Всеволожскаго часть. Устроена была также *пловильня* или *катальня* для производства листового желѣза, которое однако не шло въ продажу, а употреблялось только на прени въ соляныхъ промыслахъ. Кромѣ того, были разръзная фабрика, устроенная для разръзыванія полосового желѣза на сортовое, и проволочная. При заводѣ тогда считалось 1646 человекъ мастеровыхъ и 876 крѣпостныхъ. Послѣ того Пѣжвенскій заводъ пришелъ-было въ упадокъ, но въ послѣдніе годы поднялся и теперь занимаетъ первое мѣсто изъ всѣхъ

камскихъ заводовъ по чистотѣ отдѣлки вещей, на немъ дѣлаемыхъ, по машинамъ, по прекрасному раздѣленію труда *силъ естественныхъ* (des agens naturels) и пр.

Въ этомъ заводѣ находится одна доменная печь и семь кричныхъ горновъ. Руда привозится изъ Кизеловскихъ дачъ весною, въ то время, какъ Яйва разливается, а известь съ Луневскихъ горъ, находящихся, какъ я уже говорилъ, около Полазницкаго завода. Расстояніе до Кизеловскихъ дачъ 140 верстъ, а до Луневской горы 120. Известь возятъ лѣтомъ Камюю. Выпускъ чугуна бываетъ два раза въ сутки, каждый разъ выпускается до 300 пудовъ. Для каждаго выпуска потребно сорокъ коробовъ или сто шестьдесятъ маленокъ угля. На Пожвенскомъ заводѣ ежегодно добывается чугуна болѣе 100.000 пудовъ, а желѣза 85.000. Для производства желѣзодѣлательныхъ работъ устроена паровая машина въ 36 силъ, и въ то время, какъ мы были на этомъ заводѣ, устраивали еще другую въ 12 силъ. Къ заводу этому принадлежить 114.000 десятинъ земли и 2.000 душъ крестьянъ. Кромѣ разныхъ подѣлокъ и машинъ, здѣсь дѣлаются прекрасные ножи, ножницы, которые однако далеко уступаютъ завьяловскимъ, также различныя сельскія орудія: косы, топоры, серпы и прочее. Но главное производство состоитъ въ приготовленіи полосового, листового и сортового желѣза, которое частью продается въ Пермской и Вятской губерніяхъ, частью отправляется водою на Нижегородскую ярмарку. Устраиваютъ также разныя машины. Сказывали, что въ прошедшемъ (1841) году устроенъ былъ здѣсь и отправленъ въ Петербургъ паровозъ „Пермякъ“.

На близъ-лежащемъ отъ Пожвенскаго завода Елизаветопожвенскомъ заводѣ, устроенномъ на той же рѣкѣ Пожевѣ въ 1798 году и имѣющемъ въ себѣ четыре кричные горна, получается желѣза полосового, сортового и листового до 50.000 пудовъ въ годъ. Оба эти завода имѣютъ 104.300 десятинъ лѣса, изъ котораго жгутъ уголь. Впрочемъ, здѣсь заботятся и объ отысканіи каменнаго угля. Еще въ 1820 году въ Кизеловскихъ дачахъ Лазаревыхъ и Всеволожскаго былъ найденъ каменный уголь. Тогда въ одну весну на берегу Косевы и близъ Губахинской пристани было добыто его до 7.000 пудовъ на глубинѣ 5 сажень. Онъ найденъ хорошимъ и весьма удобнымъ для производства работъ, но, по незнанію, какъ обрабатывать и какъ употреблять его, добываніе его было остановлено. Послѣ того находили еще въ разныхъ мѣстахъ около Кизеловскихъ дачъ каменный уголь, исцѣпляли его, разлагали, но не ввели въ употребленіе.

VI.

Дорога къ Чермазскому заводу. — Пермяки. — Чермазскій заводъ.

...Ночь была прелестная. Я не назову ея итальянскою, — итъ, въ изыбженной Италіи не знаютъ такихъ ночей. Это была ночь сѣвера,

ночь, прекрасная по-своему, очаровательная только для питомца свѣговъ и морозовъ. Несмотря на то, что это было въ концѣ юля мѣсяца, холодъ постепенно увеличивался и заставилъ меня приюкнуться. Я прилежъ: тихое качанье долгуши, монотонный звонъ колокольчика и холодъ клонили меня ко сну. Я началъ засыпать, вдругъ слышу: молчаливый до тѣхъ поръ ящикъ нашъ звонкимъ голосомъ заиѣлъ заунывно:

Аз да мамѣ озъ любитѣ,
 Соз да вонѣ озъ радэйтѣ —
 Боста мэ, боста нопь сѣ,
 Боста мэ, боста бѣдъ сѣ,
 Муна мэ, муна кузь туй кузя,
 Воа мэ, воа сѣдъ вѣршэрѣ,
 Вашка мэ, вашка ыжить кѣзъ сѣ,
 Кая мэ, кая ыжить кѣзъ вылызъ,
 Визета мэ, визета ыжить вонѣзъ.

То-есть:

Отецъ и мать не любить,
 Сестра и братъ не уважають (меня) —
 Возму я, возму котомочку,
 Возму я, возму дубиночку,
 Пойду я, пойду по долгой дорогѣ,
 Буду я, буду въ черномъ лѣсу,
 Ударю я, ударю въ большую елку,
 Взлѣзу я, взлѣзу на верхушку елки,
 Увижу я, увижу я большого брата.

— Чтѣ это за тарабарская пѣсня? — спросилъ меня мой путевой товарищъ. — Если я не ошибаюсь, такъ этотъ ящикъ вязниковецъ и пѣлъ офенскую пѣсню.

Не думаа — отвѣчалъ я: — языкъ офенскій составленъ по формамъ русскаго, а въ его пѣснѣ грамматика, кажется, своя... Ты не русскій? — спросилъ я иѣвца.

— Пермьякъ, батюшка.

Прекрасно! Такъ вотъ пермячскій языкъ, а я слышалъ отъ многихъ, что пермяки забыли языкъ свой и говорятъ по-русски. Принять къ свѣдѣнiю и на станциі попросить его, чтобы онъ продиктовалъ свою пѣсню! Теперь же не до разспросовъ — вѣтеръ свѣжѣлъ, и миѣ становилось очень холодно. Я окутался сколько было возможно и, дрожа всѣмъ тѣломъ, засыпалъ подъ шумъ лѣса, подъ звонъ колокольчика и подъ звуки пермячской пѣсни:

Ульдѣрасъ мѣ сѣдъ вѣрасъ вѣтлымѣ,
 Ту и съ дырьянъ сѣдъ мѣдъ ѣктымѣ,
 Туээнъ мѣдемъ босьталымъ да сѣнмъ,
 Вэсъ боршкикинѣй, батюшко!
 Ты вужеттанъ, вужеттанъ мѣнэ
 Мѣдла пѣласъ кэдрамъ сулалѣ —
 Кэдра ултесъ кроватясъ шогмисѣ,
 Кроватясъ ныль да зонъ куйлоны

Ныя гусэнъ мыйкѣ *байтинѣ*
Мѣнэ сэтшэ жэ корэны...

То-есть:

Подъ лѣсъ мы черный ходили,
Туисы полны черныхъ ягодъ набрали,
По ягодкѣ одной собирали и съѣдали.
Добрый перевозчикъ, батюшка —
Ты перевези, перевези меня.
На той сторонѣ (рѣки) кедръ стоитъ,
Подъ кедромъ кровать поставлена,
На кровати дѣвица и молодець сидятъ,
Они тихонько между собою разговариваютъ,
Меня къ себѣ же зовутъ...

Конца пѣсни я не слыхалъ: сонъ одолѣлъ меня... Я не слыхалъ, какъ переѣхали мы чрезъ Инь-ву, которая протекаетъ въ 15 верстахъ отъ Пожвенскаго завода. Предъ нами въ большой ложбинѣ показался Чермазскій заводъ. Какое большое селеніе!

Мы остановились на отводной квартирѣ, и въ то время, какъ начали пить чай, я послалъ за извозчикомъ-пермякомъ, который такъ заинтересовалъ меня своими пѣснями — *силанами*, какъ говорилъ онъ.

— Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь сказокъ? — спросилъ я пермяка.

— Какъ не быть сказка, — есть *вистасемъ*.

— Что такое вистасемъ?

— Ну — русска сказка, а нашъ пермячка — вистасемъ.

— Говори же, говори поскорѣе, скажи намъ самую лучшую, какую у васъ рассказываютъ.

Пермякъ началъ:

„Бобей, бобей кыгшэ вѣтвинъ?“

— Чожэ гуѣ взтаи.

„Мый да мый сѣинъ?“

— Віанъ нянѣнъ сѣи.

„Мѣимъ колинья?“

— Коли тай.

„Пѣшви тай, да абу?“

— Надъ то сѣдъ понъ сѣисъ

„Кытѣнъ сѣдъ понысъ?“

— Сювьѣ пырама.

„Кытѣнъ сювьѣйсъ?“

— Біанъ согшэмъ.

„Кытѣнъ біисъ?“

— Ваенъ кусемъ.

„Кытѣнъ ваисъ?“

— Сѣра ѣшка юѣмъ.

„Кытѣнъ ѣшкайсъ?“

— Вудъ вывѣ каэмъ.

„Кытѣнъ вудысъ?“

— Быйкѣпъ ширъ пырѣтѣмъ.

„Кытѣнъ ширысъ?“

— Налькѣ шѣдемъ.

„Кытѣнъ налыкысъ?“

— Лѣкъ тшэрѣнъ кѣрасемъ.

„Кытѣнъ лѣкъ тшѣрысъ?“

— Лѣкъ зудъанъ лямсентъ.

„Кытѣнъ лѣкъ зудысъ?“

— Брусъ вывѣ пуктѣмасъ,

Сысянъ усѣмъ да шерп тшѣтѣмъ.

„Кытѣнъ торъѣсъ?“

— Энъ гѣгѣръ тшапкы сѣмъ.

Вѣлысъ тшаньнасъ гѣрѣвтѣмъ,

Мѣсьысъ куканьнасъ бакѣстѣмъ,

Порѣисъ пшанъ насъ выпѣстѣмъ,

Баляисъ дзельнасъ бакѣстѣмъ.—

Ыбвылынъ сѣра кай,

Вадѣръ дорынъ гора кай.

То-есть:

„Бабочка, бабочка, гдѣ ты по-
бывала?“

— Ненадолго въ погребѣ была
„Что да что ѣла?“

— Съ масломъ хлѣбъ ѣла.
 „А оставила ли мѣтъ?“
 — Оставила тамъ.
 „Я посмотрѣла тамъ, да нѣтъ?“
 — Видно, черная собака съѣла.
 „Гдѣ черная собака?“
 — Въ костицу ушла.
 „Гдѣ костица?“
 — Огнемъ сгорѣла.
 „Гдѣ огонь?“
 — Водой погасили.
 „Гдѣ вода?“
 — Пестрый быкъ выпилъ.
 „Гдѣ быкъ?“
 — На лужайку ушелъ.
 „Гдѣ лужайка?“
 — Вею мышъ исконала.
 „Гдѣ мышъ?“

— Въ ловушку попала.
 „Гдѣ ловушка?“
 — Злымъ топоромъ истреблена.
 „Гдѣ злой топоръ?“
 — Злымъ брусомъ иступлень.
 „Гдѣ злой брусъ?“
 — На грядку положили,
 Оттуда упалъ да переломился.
 „Гдѣ части (обломки)?“
 — Кругомъ неба разбросаны.
 Лошади съ жеребятами ржали,
 Коровы съ телятами ревѣли,
 Свины съ поросятами визжали,
 Овцы съ ягнятами ревѣли,
 На поляхъ нестрая птичка,
 На краю берега голосистая
 птичка.

Пермяки называютъ себя коми-утиръ, или коми-утирь, то-есть камскими людьми. Отчего они называются пермяками, объ этомъ было много толковъ. Въ Пермской губерніи есть преданіе, что это имя получили они отъ богатыря своего Пери, — преданіе, не имѣющее вѣроятія. Говорятъ, будто этотъ Перя жилъ во времена Іоанна Васильевича Грознаго, будто силою своею славился между единошлеменниками, будто жилъ онъ на Камѣ, верстъ пятьдесятъ выше нынѣшняго села Гайна. Прибавляютъ, что этотъ Перя показалъ ближайшую дорогу въ Сибирь одному русскому промышленнику и снабдилъ его съѣстными припасами на дальшій путь; что этотъ промышленникъ, возвратясь въ Русь, сталъ рассказывать соотчичамъ о силѣ и добродушіи богатыря пермяческаго, что вѣсть объ этомъ достигла до Москвы, и царь самъ захотѣлъ видѣть Перю-богатыря. Посланы были за ними посланцы; явился Перя ко двору царскому, удивилъ царя и бояръ своею силою необычайною. Грозный далъ ему сѣти шелковыя для ловли соболей и грамоту несудимую за своею подписью. Принесъ Перя свою грамоту на родину; но воеводы великопермскіе понаскучили тѣмъ, что дѣти и правнуки Пери ссылались часто на эту грамоту, и постарались истребить ее. Г. Лепехинъ вѣритъ этому преданію и тому, что пермяки отъ Пери получили свое названіе. Вѣроятно, онъ не зналъ о норманскомъ названіи этой страны — Віармія, и о новгородскихъ грамотахъ, въ которыхъ гораздо ранѣе Іоанна Грознаго встрѣчается имя Перми; не зналъ и о томъ, что когда пожалована была Печора фрязинамъ, тогда эти владѣльцы брали для себя подводы изъ Перми со временъ Іоанна Калиты, кажется, до конца царствованія Дмитрія Донского. Преданіе, о которомъ сказалъ я, кажется, позднѣйшаго сочиненія и, вѣроятно, имѣло основаніемъ открытіе дороги Артюшкою Бабиновымъ, который получилъ за это грамоту безданную и безошлинную. Н. С. Поповъ, составившій въ 1804 году „Хозяйственное описаніе Пермской губерніи“, думаетъ, что названія: „пермякъ“

и „Пермь“ произошли оттого, что новгородцы, узнавъ прежде небольшія пермячскія селенія, называвшіяся Перемь или Пармы, лежавшія ближе къ Новгороду, стали и всю страну называть Пермію. Можетъ-быть, это и правда: подобные случаи нерѣдки въ исторіи. Но надобно вспомнить, что еще прежде русскихъ норманнамъ было извѣстно названіе Біарміи и слово Пермія. Пермь есть искаженное слово Біармія, Беормія. Кажется, всего вѣроятнѣе слѣдующая гипотеза: норманны дѣлали иногда вторженія въ государства финскія, или чудскія, основанныя издревлѣ на сѣверѣ Европы и Азіи особымъ племенемъ, вышедшимъ изъ Средней Азіи; съ этими же государствами они вели и торговлю. Государствъ чудскихъ было много на всемъ пространствѣ отъ Лапландіи до горъ Алтайскихъ, но всѣ они имѣли между собою общую связь. Эти норманны проникли и въ общество коми-утировъ, то-есть камскихъ финновъ, имѣли тамъ притоны, которыхъ имя норманское до сихъ поръ звучитъ въ названіяхъ нѣкоторыхъ деревень и селъ пермячскихъ. Норманны назвали коми-утировъ — *горцами*, а страну ихъ *Горною, Біармія, Беормія, Бярмія* (отъ норманскаго слова *baig, beorg* — гора), потому что они жили у высокихъ горъ Уральскихъ. Впослѣдствіи русскіе, слышавъ отъ дѣдовъ своихъ о Біарміи, распространили на страну эту свое вліяніе и назвали ее Пермію, исказивъ слово Бярмія. Коми-утиры продолжаютъ до сихъ поръ называть себя коми-утирами, а названіе „пермячъ“ имъ столько же приличествуетъ, какъ чеченцамъ названіе горецъ, какъ дейчерамъ названіе нѣмецъ, и проч. т. п. У нихъ даже нѣтъ словъ близкихъ къ слову *Пермь*, развѣ только *пырема* — уходить, и *парма* — крестъ. Поэтому пермяки думаютъ, что мы ихъ зовемъ пермяками, переводя русское слово „крещеный“. Г. Поповъ думаетъ, что названіе это произошло отъ названія деревень, близкихъ къ землямъ новгородскимъ и называвшимся Перма и т. п. Въ земляхъ, близкихъ къ бывшимъ новгородскимъ владѣніямъ, извѣстна только зырянская волость Пермца, да еще Лузская-Пермца (въ Вологодской губерніи), упоминаемая не разъ въ древнихъ грамотахъ — и только. А если и есть нѣсколько селеній, которыхъ названіе похоже на названіе Пермь, такъ это въ самой внутренности земли пермяковъ: село Пармы въ Юрминской волости Чердынскаго уѣзда, село Пермское, о которомъ я упоминалъ уже, и др. Притомъ, кто поручится за тысячелѣтнюю давность этихъ деревень? Самая древняя изъ нихъ, Пермца-Лузская, въ первый разъ упоминается только въ 1590 году.

Но обращаюсь къ пермякамъ. Исторія ихъ мало извѣстна. Не распространяясь теперь о біарміяцахъ, я скажу только, что пермскія племена издавна находились въ сношеніяхъ съ Русью, и особенно съ Новгородомъ. Подъ именемъ Перми того времени не должно однакоже подразумѣвать однихъ пермяковъ, или коми-утировъ, — нѣтъ, кромѣ этого племени, было еще нѣсколько племенъ, и всѣ они теперь называются общимъ именемъ — Пермь, такъ же точно, какъ прежде назывались

общимъ именемъ біармійцевъ. Нашествіе монголовъ имѣло вліяніе и на этихъ народовъ, и въ особенности на коми-утировъ. Многіе изъ біармійцевъ бѣжали: одни за горы Уральскія, другіе въ Норвегію, гдѣ конунгъ Гаконъ принялъ ихъ благосклонно. Коми-утиры, безъ сомнѣнія, не ходили въ Норвегію; Уральскія горы, пустынные степи печорскія были ближе къ нимъ. Во время Дмитрія Іоанновича Донского Стефанъ Ярапъ просвѣтилъ ихъ крещеніемъ. Но не пермяковъ крестилъ онъ, а зырянъ проповѣдывалъ, на ихъ языкъ переводилъ св. писаніе, въ ихъ землѣ проповѣдывалъ онъ. Усть-Вымень, Старая-Пермь — все это въ зырянской землѣ. Ученіе христіанское проникло однако и къ коми-утирамъ. Коми-утиры зависѣли издавна отъ великихъ князей и управлялись, вмѣстѣ съ Кегролою, Чакалою, Немьюгою и жителями у Шильихъ горъ, государевыми намѣстниками. Новгородцы всячески старались подчинить ихъ себѣ, выгоняли не разъ намѣстниковъ великокняжескихъ и наконецъ около 1470 года совершенно ихъ „за себя привели“.

Москвитяне продолжали торговать съ Пермью, которая въ это время имѣла уже средоточіемъ своимъ берега Камы и Колвы, гдѣ находились Пермь-Великая, Искоръ, Уросъ и другіе города, гдѣ владѣли князья христіанскіе въ зависимости отъ Новгорода, и гдѣ главное народонаселеніе состояло изъ коми-утировъ. Въ 1472 году нѣсколько москвитянъ было обижено въ Перми-Великой; Іоаннъ, желая отнять у новгородцевъ эту область, богатую серебромъ закамскимъ, отправилъ на берега Колвы войско подъ предводительствомъ князя Θεодора Пестраго. Пестрый взялъ Искоръ и другія укрѣпленныя мѣста пермскія, а воевода Нелидовъ завладѣлъ Уросомъ, осадилъ самую Пермь и вскорѣ взялъ ее. Князь пермскій Михаилъ былъ взятъ въ плѣнъ; коми-утиры покорились Іоанну. Между вещами, посланными изъ Перми ко двору Іоанна, упоминаются 29 поставовъ сукна иѣмецкаго, три панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя. Не ясное ли это доказательство, что потомки торговыхъ біармійцевъ не забыли совсѣмъ торговли до временъ Іоанновыхъ?.. Князь Михаилъ былъ возвращенъ изъ Москвы на родину; онъ и потомки его владѣли землею пермскою въ видѣ присяжниковъ государя московскаго. Намѣстникомъ великокняжескимъ назначенъ былъ князь Коверъ, который поселился въ Перми. Коми-утиры, вытѣсненные съ береговъ Колвы, остались только между Иньвою и Камою; прочіе смѣшались съ русскими, вогулами и пр. Жившіе же выше по Колвѣ уцѣлѣли до сихъ поръ. Въ 1535 году на мѣстѣ Великой-Перми построена была Чердынь, и эта Чердынь, называемая часто и Великою-Перміею, была резиденціею намѣстниковъ до XVIII столѣтія.

Теперь (1842) пермяки живутъ большею частью въ странѣ между Камою и Иньвою; Юксѣвская волость въ Чердынскомъ уѣздѣ вся населена пермяками. Они занимаются хлѣбопашествомъ, но плохо: неблагоприятная почва рѣдко вознаграждаетъ труды ихъ. Ловятъ они звѣрей, по это не составляетъ ихъ главнаго занятія; больше всего они занимаются

рубкою лѣса и сплавкою его къ солянымъ промысламъ. Это занятіе не приноситъ имъ большого дохода, и потому они живутъ въ крайней бѣдности. Они всѣ христіане, и у нихъ рѣшительно никакихъ обрядовъ, оставшихся отъ временъ язычества. Ихъ считается болѣе сорока тысячъ. Они болѣе и болѣе смѣшиваются съ русскими, но, несмотря на это, сохраняютъ языкъ свой, и хотя вліяніе русскихъ на нихъ чрезвычайно сильно, однако онъ держится между ними. Онъ сходенъ съ вотячскимъ, но на чувашскій и черемисскій, на которые татарскій имѣлъ вліяніе, не походить, отличенъ также и отъ языка вогуловъ, сосѣдей ихъ. Языкъ пермячскій можно видѣть изъ пѣсенъ и сказокъ, помѣщенныхъ въ этой статьѣ. Но для образчика вотъ еще нѣсколько словъ: Енъ — Богъ. Сонъ — сынъ. Зонъ — молодой человекъ. Нянь — хлѣбъ. Сорнасъ — рубашка. Куль — дьяволъ. Ану — дочь. Нылъ — дѣвушка. Тичерь — рыба. Ви — огонь. Аэ — отецъ. Итшиня — тетка. Соэ — сестра. Пэль — ухо. Ва — вода. Мамэ — мать. Инъ — женщина. Омъ — ротъ. Пизъ — мука. Веръ — лѣсъ. Употребляются и русскія слова, напримѣръ: баба, зинунъ, дядя, батюшка и пр. Пермяки народъ кроткій, послушливый и добродушный. Они невысокаго роста; волосы у нихъ по большей части темно-рыжіе. Въ отношеніи домоводства они, хотя живутъ хуже русскихъ, но зато гораздо опрятнѣе вотяковъ, сосѣдей своихъ. Умственное развитіе у этого народа невысокое: они даже не умѣютъ читать. Есть у нихъ своя поэзія, которой образчики видѣли читатели — поэзія безыскусственная, грубая, или, лучше сказать, такая же незамысловатая, какъ и сама жизнь пермяковъ. Въ ней не выражается высокихъ чувствъ, да они и не знаютъ ихъ; посмотрите: у нихъ даже нѣтъ слова „любить“...

Чермазскій заводъ, принадлежащій нынѣ Лазаревымъ, находится на рѣкѣ Вольшомъ-Чермазѣ въ Соликамскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу рчки Камы, верстахъ въ 7-ми отъ этой рѣки. Онъ построенъ въ 1761 году барономъ Н. Г. Строгоновымъ на собственной землѣ его и назначенъ былъ для плавки мѣди; но такъ какъ доставка рудъ мѣдныхъ была затруднительна, а въ сосѣднихъ мѣстахъ рудники были слабы, то заводъ передѣлали вскорѣ въ желѣзоплавильный и желѣзодѣлательный, находя, что подвозъ руды и чугуна съ Кизеловскаго завода и изъ Артемьевскаго рудника гораздо удобнѣе, нежели подвозъ мѣдной руды съ близкихъ окрестностей Уральскаго хребта. По раздѣлу 1763 года Чермазскій заводъ перешелъ во владѣніе старшему сыну Н. Г. Строгонова, барону Г. Н. Строгонову, а отъ него наследникамъ его, генерал-майору барону А. Н. Строгонову и малолѣтнему барону А. С. Строгонову. Ими въ 1778 году, апрѣля 20-го, проданъ онъ былъ д. с. с. И. В. Лазареву, а отъ него перешелъ къ его племянникамъ, нынѣшнимъ его владѣльцамъ. Въ 1800 году въ Чермазскомъ заводѣ было доменныхъ печей двѣ, кричныхъ горновъ девять и восемнадцать молотовъ; вы-

плавлялось чугуна въ годъ 110.000 пудовъ, выковывалось разнаго сорта желѣза отъ 151.000 до 180.000 пудовъ. Мастеровыхъ считалось 1.082 человекъ. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ Чермазскій заводъ значительно улучшился и пришелъ въ такое цвѣтущее состояніе, что нынѣ считается однимъ изъ первыхъ желѣзныхъ заводовъ хребта Уральскаго; даже по количеству выковываемаго желѣза онъ занимаетъ теперь шестое мѣсто во всемъ Уралѣ и седьмое по всей Россіи: на немъ выковывается болѣе $\frac{1}{42}$ всего количества желѣза, выковываемаго въ Россіи. Дома въ немъ такъ опрятны, такъ хорошо выстроены, улицы такъ правильно планированы, что Чермазскій заводъ покажется всякому лучше многихъ уѣздныхъ городовъ.

Поздно ночью мы подѣхали къ низменнымъ берегамъ Обвы, рѣки, знаменитой своими лошадьми, извѣстными здѣсь подъ именемъ *обвенки*, а въ остальной Россіи подъ именемъ „вятскихъ“. Мы пріѣхали въ село Ильинское, въ которомъ находится главное управленіе имѣнія графини Строгоновой.

VII.

Обва.—Біармійцы.—Ильинское.—Заводъ Добрянскій.

...Низменными, зеленымъ ковромъ зелени покрытыми берегами Обвы вѣхали мы въ это прелестное іюльское утро. Какъ живописны берега этой Обвы! Какіе плѣнительные ландшафты представлялись со всѣхъ сторонъ глазамъ нашимъ! Смотри на нихъ, любуйся ими, я не видалъ болѣе предъ собой суровой Перміи; мнѣ казалось, что я тамъ, далеко—на югѣ. Представьте себѣ рѣку довольно широкую; низкіе берега ея покрыты свѣжею зеленью; сочная трава блеститъ алмазами росы утренней; вдали въ разныхъ мѣстахъ видяются возвышенности съ мрачными пихтовыми рощами; ближе живописно разбросанные кустарники, а на самыхъ берегахъ Обвы качаются гибкія ивы. Множество селеній съ своими бѣлыми церквями рисуются на послѣднемъ планѣ. Лѣса нѣтъ, горизонтъ широко раскинулся. Обва тихо, непримѣтно катитъ струи свои. Это не уральская рѣка: она не шумитъ *тулунами*, не мутится сѣрымъ пескомъ, не перекачиваетъ на днѣ своемъ цвѣтныхъ галекъ; тихо, безмятежно извивается она по зеленымъ полямъ и медленно несетъ свои свѣтлыя струи въ широкую, быструю, угрюмую Каму. Представьте себѣ эту картину, освѣщенную первыми лучами іюльскаго солнца; вспомните, что эта картина — среди лѣсныхъ пустынь, близъ необъятныхъ тундръ, и вы поймете всю прелесть природы обвенской... Обва, протекая по долинѣ, богатой прекрасными лугами, получила названіе *луговой рѣки*—Ыбъ-ва. Она имѣетъ свое верховье въ сѣверо-западномъ углу Оханскаго уѣзда, близъ Вятской губерніи, течетъ 193 версты и имѣетъ ширины отъ 40 до 60 сажень и глубины отъ

1 до 6 аршинъ. Она очень тиха въ сравненіи съ прочими рѣками камской системы; берега ея частью низки, частью полого-горпсты. Обва—рѣка славная; судоходна она только весною—отъ села Ильинскаго. Берега ея очень населены: въ долинѣ, которою течетъ она, находится болѣе 1.600 селеній. Берега этой рѣки въ древности были населены коми-уирами и входили въ составъ такъ-называемой Біарміи. Доказательства этому: самое ея названіе и сосѣдство съ Масляной горой, на которой до сихъ поръ цѣло чудское городище и около которой находятся много старинныхъ вещей, безспорно принадлежавшихъ *чудакамъ*. Послѣ того, какъ финское народонаселеніе истребилось въ этомъ краю, берега обвенскіе заняли люди строгоновскіе и другіе выходцы русскіе. Мѣста пустыя отдавались просившимъ ихъ въ полное владѣніе съ значительными льготами, о которыхъ мы можемъ судить изъ хранящейся въ Соликамскомъ уѣздномъ судѣ царской грамоты въ Пермь-Великую къ чердынскому воеводѣ Остафьеву (писанной 1639 года марта 17) Тѣ берега Обвы, которые составляютъ нынѣ Ильинскую волость, входили въ составъ Обвенскаго и Ильинскаго становъ, приписанныхъ къ Чердыни еще въ то время, „какъ Пермь въ крещеніе приведена“. Волость Ильинская изстари славилась плодородіемъ земли и большими удобствами. Интересно читать въ грамотѣ, писанной слишкомъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, о выгодахъ страны приобвенской въ сравненіи съ выгодами Чердыни. Крестьяне Обвенскаго и Ильинскаго становъ исходатайствовали у царя Михаила Теодоровича указъ о припискѣ ихъ къ Соли-Камской, *къ льготному мѣсту*, какъ говорили чердынцы.

Пермскіе-чердынскіе старосты и крестьяне упросили однако царя измѣнить указъ *п велѣтъ бытъ имъ съ обвенцами попрержнему*. Это было въ 1639 году. Вътѣ что говорили пермичи объ удобствахъ земель обвенскихъ и о неудобствахъ своихъ земель: „Они (обвенскіе крестьяне) передъ нами живутъ въ великой льготѣ, потому что изомногихъ мѣстъ къ нимъ на Обву и на Иньву крестьяне селятся многіе, и пашни у нихъ великія, и мѣсто теплое, и *земли родимыя*, и хлѣбъ ѳ медь и хмель у нихъ рождаются по вся годы, а... у пермичей—мѣсто подкаменное, студеное, хлѣбъ не родится, побиваетъ морозъ по вся годы“... Такъ было за двѣсти лѣтъ, такъ и теперь, кромѣ только того, что нынѣ на Обву не приходятъ переселенцы. А это потому, что *земель нѣтъ пустыихъ*:—большая рѣдкость въ Пермскомъ краю.

Эти „земли родимыя и мѣсто теплое“ обратили на себя вниманіе великаго просвѣтителя земли русской. Отъ зоркаго глаза перваго и геніальнаго императора не укрылись удобства земли, удаленной отъ мѣстъ его подвиговъ. Онъ въ 1702 году, пожаловавъ обвенскія земли именитому человѣку Г. Д. Строгонову, выписалъ туда съ острова Эзеля лошадей, устроилъ на Обвѣ заводъ и подарилъ его Строгонову. Этихъ лошадей развелось множество какъ здѣсь на Обвѣ, такъ и въ Вятской губерніи. Онѣ всѣ небольшого роста, круглы станомъ, но отличаются

крѣпостью и быстротою въ бѣгѣ, и извѣстны въ Пермской губерніи подъ именемъ *обвенюкъ*, а въ остальной Россіи подъ именемъ *вятскихъ*. По берегамъ Обвы жители занимаются и хлѣбопашествомъ довольно успѣшно, и потому здѣсь рѣдко покупается сарапульскій хлѣбъ, которымъ снабжается сѣверная часть Пермской губерніи. Горныхъ работъ здѣсь нѣтъ, и потому-то здѣшнія страны имѣютъ свою особенную фizioномію; здѣсь народъ богаче, здоровѣе, воздухъ чище, самая природа смотреть какъ-то веселѣе. Такъ и должно быть...

..Мы пріѣхали въ село Ильинское, принадлежащее графинѣ Строгоновой. Церковь въ Ильинскомъ построена только около ста лѣтъ тому назадъ; но, несмотря на это, я замѣтилъ въ ней два-три образа старинной работы. Называли ихъ греческими подлинниками, но несправедливо: они принадлежатъ къ тому разряду иконъ, который слыветъ подъ названіями *сибирскаго*, *устюжскаго*, *строгановскаго*, *баронскаго*, и который имѣетъ по большей части золотое поле. Въ Пермской губерніи много такихъ образовъ, особенно въ Соликамскѣ и его окрестностяхъ. Во время моего путешествія я встрѣчалъ тамъ не разъ образа *новгородскіе стараго писма*, но подлинныхъ греческихъ не видалъ. Въ Ильинскомъ строится еще церковь старообрядческая. Расколъ, нѣкогда въ большой силѣ господствовавшій въ Пермской губерніи, благодаря ревности миссіонеровъ и увеличенію числа приходскихъ училищъ, почти совсѣмъ прекратился. Старообрядческія церкви составляютъ переходъ отъ раскола къ чистому православію, отъ заблужденій къ истинѣ. Раскольниковъ и старообрядцевъ въ Пермской губерніи называютъ *кержаками*. Употребляютъ и глаголь *кержачить*—раскольничать. Это слово образовалось слѣдующимъ образомъ. До Петра Великаго, въ Пермскомъ краю раскола не было. Но когда этотъ просвѣтитель Руси напелся вынужденнымъ употребить мѣры строгія противъ отщепившихся отъ церкви православной, тогда явился расколъ и въ здѣшней сторонѣ. Обширные лѣса Керженскіе, находящіеся въ Нижегородской губерніи и принадлежавшіе прежде великимъ княгинямъ, были населены во времена Петра закоренѣлыми раскольниками. Питиримъ, сперва игумень Николаевского Переяславль-Залѣскаго монастыря, а потомъ епископъ нижегородскій и алатырскій, ревностно занимался *равноапостольскимъ дѣломъ* обращенія раскольниковъ и при самомъ началѣ своихъ увѣщаній обратилъ болѣе 2.000 человекъ духовнаго и мірскаго чина. Но когда нѣкоторые закоренѣлые изувѣры не только что не слушали увѣщаній Питирима, но еще старались увеличить какъ можно болѣе число своихъ единомышленниковъ, тогда Петръ Великій принужденъ былъ сослать нѣкоторыхъ *керженскихъ* раскольниковъ въ Сибирь и Пермскую губернію. По въ числѣ этихъ сосланныхъ былъ лжеучитель ихъ Власовъ. Онъ и клеветы его разсѣяли гибельныя сѣмена раскола по Сибирѣ и по Пермской губерніи. Петръ Великій въ бытность свою въ Астрахани отмѣнилъ приказаніе

это, узнавъ о слѣдствіяхъ, и повелѣлъ раскольниковъ керженскихъ впредь ссылатъ въ Рогервикъ. Но зло, занесенное въ Сибирь, развилось и только въ нынѣшнее время почти кончилось. Сначала раскольниковъ звали въ Пермской губерніи пришедшими съ рѣки Керженца — кержаками; впоследствии это слово превратилось въ нарицательное, имѣющее одинаковое значеніе со словомъ „раскольникъ“.

Ильинское не заводъ, а просто село, и жизнь въ немъ отлична отъ заводской. На заводахъ и въ Новомъ-Усолѣ мы не видали ни одной женской души: тамъ женщины не выходятъ, кажется, изъ своихъ гинеевъ; здѣсь, напротивъ, онѣ были налицо, изукрашенные, разрисованныя...

Мы отправились въ Пермь. Переѣхавъ Каму, мы были въ Добрянскомъ заводѣ. Онъ принадлежитъ графинѣ Строгоновой и существуетъ съ 1752 года. Производство на немъ желѣзодѣлательное, для котораго чугуны поставляется съ Билимбаевского завода, находящагося въ Кунгурскомъ уѣздѣ, близъ Уральского хребта. Сплавляютъ его весной внизъ по рѣкѣ Чусовой и потомъ возятъ вверхъ по Камѣ до Добрянскаго завода. Въ этомъ заводѣ мастеровыхъ считается до 950 человекъ, 13 кричныхъ и другихъ горновъ, на которыхъ вырабатывается полового и сортового желѣза отъ 90 до 100 тысячъ пудовъ. Прежде производилась здѣсь плавка мѣди, которую добывали въ близъ-находящихся рудникахъ: было три мѣдеплавильныхъ горна, и на нихъ вылавлялось до 150 пудовъ штыковой мѣди. Это бѣдное производство оставлено, потому что не покрывало даже издержекъ, на него употребляемыхъ.

Мы отправились изъ Полазненскаго завода послѣ обѣда. Доѣхали мы до Чусовой и благополучно переправились черезъ эту рѣку. Я не прощался съ ней, надѣясь видѣть ея верховье; но, къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили мнѣ этого сдѣлать... Вотъ и Пермь раскинулась предъ нами. Видъ на этотъ городъ съ Камы и съ низменныхъ мѣстъ, находящихся у подошвы горы Мотовилихинской, очень хорошъ. Большіе каменные дома тянутся длинною линіей по берегу Камы; надъ ними возвышаются церкви и монастырь; по лѣвую сторону города высокая и крутая гора съ своими мелкими кустарниками еще болѣе увеличиваетъ красоту ландшафта. Ближе ея, въ ущельѣ рисуется Мотовилиха съ облаками дыма надъ заводскими зданіями. Но вотъ мы пріѣхали въ Пермь — и гдѣ тотъ прекрасный ландшафтъ, которымъ издалека любовались мы? Тѣ большіе каменные дома, которые находятся по берегу Камы, стоятъ безъ рамъ, безъ оконъ, съ провалившимися крышами, съ обвалившейся штукатуркой; на улицахъ нечистота, дырявые тротуары, крапива по колѣни. Воля ваша, а Пермь какъ хороша снаружи, такъ незавидна внутри.

VIII.

Пермь.—Наружное устройство города.—Промышленность и торговля.—
Жизнь въ Перми.—Заключение.

Въ „Вивлюоикѣ“ Новикова есть статья о Пермской губерніи,— статья небольшая, заключающая въ себѣ нѣкоторыя географическія свѣдѣнія объ этомъ краѣ. Въ этой статьѣ, писанной лѣтъ десять спустя послѣ основанія Перми, находится описаніе этого города. И статья не устарѣла! Пермь въ продолженіе пятидесяти лѣтъ почти нисколько не улучшилась, не распространилась. Если вамъ случилось видѣть планъ Перми—не судите по немъ объ этомъ городѣ: это только проектъ, проектъ, который едва ли когда-нибудь приведется въ исполненіе. Почти половина улицъ пермскихъ существуетъ лишь на планѣ. Въ Перми только 28 улицъ и переулковъ. Улицы расположены параллельно съ берегомъ Камы и соединяются одна съ другою посредствомъ параллельныхъ переулковъ, пересекающихъ улицы подъ прямыми углами. На улицахъ выстроены дома на довольно большомъ разстояніи одинъ отъ другаго; въ переулкахъ же (исключая только двухъ)—нѣтъ ни одного дома. Поэтому, съ перваго взгляда, Пермь представляется городомъ обширнымъ; но какъ скоро вы въѣдете во внутренность ея, увидите какую-то мертвенную пустоту.

Въ Перми только три церкви: одна въ монастырѣ, другая соборная, третья приходская. Есть еще церкви—на кладбищѣ, въ больницѣ, въ тюремномъ замкѣ, въ квартирѣ епархіальнаго архіерея и старообрядческая. О церкви въ монастырѣ и ея мраморномъ иконостасѣ я уже говорилъ прежде; прибавлю здѣсь нѣсколько словъ объ иконахъ, въ ней находящихся. Въ холодной церкви онѣ очень обыкновенны, но въ теплой довольно замѣчательны: онѣ строгоновскаго стиля и хотя не древни, но отличаются красотою неподражаемыми. Особенно хороша икона св. евангелиста Іоанна: въ пурпуровой одеждѣ, этотъ святой, кажется, совсѣмъ выходитъ изъ золотого поля иконы. вмѣстѣ съ этимъ достоинствомъ живописи образъ этотъ не лишень и достоинствъ иконописи. Какой-то ревнитель итальянской живописи, подправляя эти иконы, положилъ на лица святыхъ румянецъ и этимъ, разумѣется, испортилъ все дѣло. Церковь въ домѣ епархіальныхъ архіереевъ устроена недавно. Въ приходской церкви во имя пресвятой Богородицы я встрѣтилъ нѣсколько устюжскаго стиля образовъ, довольно высокой работы. Малочисленность церквей въ Перми заставила прихожанъ позаботиться о распространеніи этой церкви: выломали въ ней стѣны, построили другія, оставя прежній куполь, и увидѣли, что зданіе должно скоро развалиться. Не знаю, успѣли ли предупредить это несчастіе. Такъ какъ въ Перми много поляковъ, то въ ней открытъ католическій костель. Особаго зданія для него, впрочемъ, не существуетъ: онъ помѣщается въ одномъ

изъ большихъ каменныхъ домовъ, находящихся на берегу Камы и съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе разрушающихся.

Городъ обстроень очень незавидно: каменныхъ домовъ только 40, и изъ этого небольшого количества едва ли не 20 стоятъ пустыми. Большая часть ихъ находится на берегу Камы, на самомъ видномъ и на самомъ лучшемъ мѣстѣ города. Когда Пермь была основана, богатые владѣльцы окрестныхъ имѣній и заводовъ построили по одному или по два дома въ новомъ городѣ. Эти-то дома, принадлежавшіе гр. Строгонову, гр. Строгоновой, Лазаревымъ, Яковлеву, Демидовымъ, кн. Голицынымъ и проч., никѣмъ, кромѣ повѣренныхъ, не заняты и, пустые, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе приходятъ въ ветхость. Въ Перми встрѣтите и такіе каменные дома, которые, не бывъ еще достроены, развалились. Лучшее зданіе въ Перми—Александровская больница; присутственные мѣста и гимназія помѣщаются въ домахъ посредственныхъ, и, кромѣ этихъ домовъ, во всей Перми нѣтъ ни одного порядочнаго дома. Гостинный дворъ самаго жалкаго вида: онъ чрезвычайно сходенъ съ казанскимъ дегтярнымъ рядомъ.

Мостовыхъ въ городѣ нѣтъ, и отъ этого нѣкоторыя пермскія улицы въ ненастное время рѣшительно непроходимы: весною и лѣтомъ, во время дождей, по главной площади обыкновенно протекаетъ огромный ручей, который часто бываетъ похожъ на порядочную рѣчку. Деревянные тротуары не приносятъ никакой пользы: опасно ступить на нихъ, потому что легко можно отъ этого переломить ногу. Фонарей на улицахъ въ Перми не знали и не знаютъ, и потому въ осенніе вечера пѣшеходамъ бываетъ довольно нелегко добраться до своихъ квартиръ. Лѣтомъ въ Перми площади и улицы обильно покрываются злаками, зимой снѣгомъ, счищать который не имѣютъ обыкновенія. Поэтому по обѣимъ сторонамъ дорогъ образуются обыкновенно высокія снѣжные стѣны, а площади покрываются огромнѣйшими сугробами. Снѣгу бываетъ каждый годъ въ здѣшней сторонѣ очень много, и потому въ Перми маленькіе домики, находящіеся близъ поля, рѣшительно заносятся имъ; тогда-то на дворы ихъ пріѣзжаютъ и приходятъ *не въ ворота, а черезъ ворота.*

Разсматривая Пермь въ отношеніи промышленномъ, мы увидимъ, что и тутъ состояніе этого города едва ли выгодно. Вся пермская промышленность ограничивается канатнымъ производствомъ на фабрикѣ купца Смышляева и кожевненнымъ—въ десяти баняхъ, присваивающихъ себѣ названіе заводовъ. Первое производство поддерживается единственно тѣмъ, что въ Перми производится грузка сибирскихъ товаровъ на суда для отправки въ Нижній-Новгородъ; вторымъ же болѣе занимаются выходцы изъ Кунгура — этого города, въ которомъ всякій житель непременно или кожевникъ, или сапожникъ. Торговля Перми также не въ завидномъ положеніи. Она страдательная: вся находится въ рукахъ вязниковскихъ ходябщиковъ, въ ру-

кахъ офеней, поселяющихся въ Перми на время — впредь до обогащенія.

Вотъ въ короткихъ словахъ образъ пермской внутренней торговли. Вязниковскій или гороховскій мальчикъ, не имѣющій на своей многолюдной, но малоземельной родинѣ хлѣба насущнаго, занимается въ приказчики къ ходебщику съ книгами и краснымъ товаромъ. Выйдявъ себѣ копеечку, онъ закупаетъ галантерейныхъ вещей и смѣло отправляется въ Пермь за вѣрнѣйшимъ барышомъ. Этотъ вѣрнѣйшій барышъ чрезвычайно великъ. Обыкновенно вязниковецъ покупаетъ галантерейныя вещи, вышедшія изъ употребленія. Прежде эти вещи продавались, положимъ, за 1.300 рублей съ лажемъ, т.-е. за 1.000 ассигн., — но теперь онѣ залежались, и купецъ съ радостью продаетъ ихъ ходебщику за свою цѣну, или даже и въ убытокъ себѣ, лишь бы только онѣ не занимали у него въ лавкѣ мѣста. Положимъ, онъ продаетъ все это за 975 р., т.-е. за 750 рублей ассигнаціями. Этотъ товаръ онъ везетъ въ Пермь и продаетъ тамъ закамскимъ „невѣгласямъ“ за самый модный, за привезенный недавно изъ Парижа. „Въ Москвѣ, — говоритъ пермяку торговецъ: — заплатилъ я за этотъ товаръ 1.300 руб.; къ этому я прибавляю только 260 руб. Двадцать процентовъ, кажется, немного. Посудите сами: безъ малаго полторы тысячи верстъ я везъ товаръ этотъ, чтобъ вамъ продать его“. Пермякъ всѣмъ объемомъ души своей обрадовался такой дешевизнѣ; онъ слышалъ, что въ самомъ дѣлѣ эти вещи были въ модѣ, и, не говоря ни слова, даетъ безкорыстному торговцу просимые имъ 1.560 руб. ассигнаціями. Торговецъ получаетъ такимъ образомъ на 750 руб. 810 руб. барыша. На будущій годъ онъ всѣ эти 1.560 руб. пускаетъ въ ходъ и получаетъ уже на нихъ около 1.600 р. барыша. Такимъ аферами онъ лѣтъ въ семь составитъ себѣ капиталъ тысячь, по меньшей мѣрѣ, въ 35 или 40; и тогда, поклонившись пермякамъ, уѣзжаетъ на свою родину, или въ какой-нибудь торговый городъ, гдѣ заживаетъ себѣ, благодаря черезчуръ патріархальной простотѣ степныхъ жителей степенной Перми.

Если покупатели жаловались на эти непомѣрные барыши и говорили, что купецъ долженъ продавать, напр., аршинъ сукна за 22 рубля, тогда послѣдній съ обычною своей ужимкою говорилъ: „Помилуйте-съ; въ Нижнемъ четыре рубля дороже того, что вы изволите жаловать-съ“. — Да это съ лажемъ, а вы хотите взять безъ лажа. — „Потому-то я и желаю взять безъ лажа, что въ Перми нѣтъ его“. Что вы будете съ нимъ дѣлать? А вещь нужна; цѣна ея во всѣхъ лавкахъ одинакова, и, хочешь-не-хочешь, заплатишь за нее цѣну непомѣрную. Не выписывать же изъ-за тысячи верстъ вещь, которая нужна сейчасъ. При такомъ образѣ торговли возможно ли ея усовершенствованіе? Можетъ ли Пермь сдѣлаться торговымъ городомъ? Конечно, нѣтъ, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ ни капиталовъ ни купеческаго сословія, а есть только торгаши, своими оборотами обирающіе добрыхъ, но не сметливыхъ пермяковъ.

Торговля не может развиваться въ Перми и по причинѣ ея невыгоднаго положенія. Отчего же Пермь основана? Оттого, что мѣсто, на которомъ она построена, понравилось казанскому губернатору князю Мещерскому. Нужно было образовать главный городъ намѣстничества—и основали Пермь, которая есть не что иное, какъ колонія правительства. Другихъ побудительныхъ причинъ къ основанію Перми не было, да и быть не могло. Что же вышло? Образовался городъ, но купцовъ въ немъ не было; учредили въ немъ три годовыя ярмарки, но на нихъ ничего не стали привозить; отъ недостатка капиталовъ явилось отсутствіе всякой промышленности. Кѣшенъ весьма справедливо замѣтилъ, что въ Россіи города не могутъ быть признаваемы исключительно мѣсто-пробываніемъ промышленности, и что чаще учрежденіе ихъ зависитъ отъ потребности правительственной, отъ необходимости имѣть средоточіе для управленія какимъ-либо краемъ. Все это было причиной того, что въ Перми нѣтъ постоянного мѣстнаго общества, нѣтъ дворянъ, потому что, немногочисленные, но зато богатѣйшіе изъ всѣхъ русскихъ помѣщиковъ, дворяне пермскіе живутъ въ столицахъ.

Улучшеніе пермскихъ фабрикъ едва ли возможно. Причиною этого можно считать существованіе Ирбитской ярмарки. Эта ярмарка, едва ли не третья въ Россіи, находясь близъ Перми, значительно подрываетъ ея торговлю. Торговый Кунгуръ съ довольно обширною ярмаркою находится только верстахъ въ 90 отъ Перми, въ окрестностяхъ которой и сельскихъ ярмарокъ множество. Все это служитъ сильнымъ противодѣйствіемъ къ развитію и усовершенствованію ярмарокъ пермскихъ. Скажутъ: Пермь на Камѣ, на такой большой рѣкѣ!.. На это отвѣчаю: если-бъ желѣзные и соляные караваны, идущіе въ Нижній, суда съ китайскими товарами, которыхъ часть грузится въ Перми, да коломенки съ сарапульскимъ хлѣбомъ, который везутъ въ безплодную Чердынь,—если-бъ всѣ эти суда, въ срочное время разъ въ годъ, не оживляли Камы, тогда бы эта огромная, но пустынная рѣка имѣла совершенное сходство съ Обью, Енисеемъ, Леною, Колымою и пр. Кама только въ древности видѣла на берегахъ своихъ мѣста торговли,—нынѣ она не видитъ ихъ. И потому-то рѣка эта не можетъ для Перми сдѣлать ничего больше того, что она сдѣлала. А сдѣлала она Пермь мѣстомъ грузки части китайскихъ товаровъ, отправляемыхъ на Нижегородскую ярмарку. И то еще хорошо. Если бы не Нижній, плохо бы было Перми!

Кстати о языкѣ въ Перми. По-русски здѣсь говорятъ, не перемѣняя *о* на *а*; замѣчательно, что во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ говорятъ вмѣсто *о*—*а*, противный этому выговоръ называютъ *высока*, а въ Перми говорить *высока*—значитъ говорить по московскому нарѣчію. Другая замѣтная въ Перми особенность языка состоитъ въ томъ, что всѣ говорятъ речитативомъ, и притомъ послѣднее слово рѣчи поютъ. Это чрезвычайно непріятно для слуха, а особенно если слышишь гово-

ращими такъ людей высшаго класса. Много употребляется въ Перми словъ особенныхъ. Не могу всёхъ перечислить, но предлагаю здѣсь нѣкоторыя: *шаньга*—родъ ватрушки; *лохтитъ*—пить; *займжа*—дача; *уобзйтъ*—поставить кого-нибудь въ неприятное положеніе (говорится во время карточной игры); *бардадымъ*—трефовый король; *баскодй*—хорошій; *ланскдой*—прошлогодній; *бусой*—дымчатый; *рббитъ*—дѣлать, работать; *бахилы*—широкіе сапоги; *шуйй*—верхнее платье женщины, душегрѣйка; *шудать*—пугать; *балакирь*—горшокъ, въ которомъ держать молоко; *отятдй*—проклятый, чортъ; *шатунгъ*—бродяга, чортъ; *крещеный*—русскій, православный; *кержджъ*—раскольникъ; *идлубецъ*—приступокъ у русской печи; *затъ*—видно; *казаматъ*—неблагопрістойный домъ; *утресь*—утромъ, и многія другія. Изъ нихъ нѣкоторыя я замѣчалъ прежде.

На иныхъ словахъ дѣлаются неправильныя ударенія: *пѣреворотъ* и др.; въ дѣйствительныхъ глаголахъ изъявительнаго наклоненія настоящаго времени второго и третьяго лицъ единственнаго и перваго и второго множественнаго числа — опускаютъ букву *e*, напр.: *знашь*, *знатъ*, *знамъ*, *знате*; *дѣлашь*, *дѣлатъ*, *дѣламъ*, *дѣлате*, и проч. т. п.

Еще одна особенность пермской жизни—пельмени. Эти маленькіе, изъ пшеничной муки сдѣланные прожки съ свиной играютъ важную роль въ Перми. Названіе свое они получили оттого, что имѣютъ форму уха, а по-пермячески *пэль* значить ухо, *нянь*—хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ въ видѣ уха составляетъ любимѣйшее кушанье пермяковъ. Въ самомъ дѣлѣ, пельмени очень вкусны—въ Перми они едва ли не лучше всего прочаго. Особенно въ заговѣнье и въ розговѣнье потребляется необъятное количество пельменей. Свиная рубится на деревянныхъ доскахъ, и одинъ проказникъ высчиталъ, что въ заговѣнье въ Перми православные вмѣстѣ съ пельменями съѣдятъ четыре полѣна дровъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы пойдете пѣшкомъ вечеромъ въ заговѣнье по пермскимъ улицамъ, въ каждомъ домѣ услышите звукъ ножа, которымъ рубятъ свинину для пельменей. Всѣ, не исключая и высихъ, часто зовутъ къ себѣ гостей на *пельмени*. Въ такомъ случаѣ почти весь столъ состоитъ изъ пельменей. Ъдятъ ихъ вареные съ уксусомъ, ѣдятъ пельмени подъ соусомъ, пельмени жареные и прочая и прочая. Это кушанье имѣетъ большое вліяніе на семейную жизнь пермяковъ. Сколько составилось свадебъ, сколько людей влюблялось, дружилось, сеорилось, мирилось—за пельменями!

Чѣмъ заключить описаніе Перми?.. Развѣ сказать нѣсколько словъ вообще о ея характерѣ. Пермь—городокъ порядочный, но безжизненъ, торговли и промышленности въ немъ почти нѣтъ, грамотности много, образованности не бывало. Его жители радушны, гостепримны, добры, довольно странны... Пермь тиха, безмятежна; жизнь въ ней ровненькая, безъ бурь, только съ крошечными страстишками. Знаютъ только двѣ

страсти: въ карточки поиграть да гостя получше угостить. И Пермь завистлива: она считаетъ себя лучше всѣхъ городовъ и упорно стоитъ за свое. Пермь настоящій русскій Китай... И какое китаismo въ ней — удивительно! Скоро ли она выйдетъ изъ своего безжизненнаго оцѣпенѣнiя? Давай Госноди поскорѣе. Чтѣ ни говорите, а вѣдь Пермь на матушкѣ Святой Руси; вѣдь не послѣдняя же она спица въ колесницѣ.

СОЛНЕЧНЫЯ ЗАТМЕНІЯ, ВИДѢННЫЯ ВЪ РОССІИ ДО XVI СТОЛѢТІЯ.

(1842).

Наши иноки-лѣтописцы записывали въ свои тетради не одни дѣла ратныя, удѣльныя междоусобицы и учрежденія церковныя. Нѣтъ, въ свои временники они заносили все, что ни случалось любопытнаго на землѣ русской, все, что ни поражало современниковъ своей необычайностью. Потому что часто встрѣчаемъ въ русскихъ лѣтописяхъ извѣстія то о чудныхъ знаменіяхъ небесныхъ, то о знаменіяхъ, бывшихъ отъ иконъ чудотворныхъ, то о пожарахъ, землетрясеніяхъ, гладѣ, морѣ, наводненіяхъ и пр. т. п. Солнечныя затменія также были записываемы лѣтописцами.

Это послѣднее обстоятельство весьма важно въ историческомъ отношеніи; замѣтки о затменіяхъ могутъ служить однимъ изъ доказательствъ подлинности нашихъ лѣтописей. Какъ могли позднѣйшіе писатели съ такою математическою точностью означать даже часы затменій? Неужели же нашимъ инокамъ были извѣстны астрономическія таблицы? Если позднѣйшій писатель составлялъ временники, почему же онъ не упомянулъ о затменіяхъ XVI и XVII вѣковъ? А исчислить ихъ было легко, найти о нихъ извѣстія можно было скорѣе. Молчаніе лѣтописцевъ о позднѣйшихъ затменіяхъ мы приписываемъ тому, что предки наши въ XVI и XVII столѣтіяхъ уже начали получать нѣкоторыя свѣдѣнія объ астрономіи *) и уже смотрѣли на затменія, какъ на дѣло обыкновенное, смотрѣли почти такъ же, какъ и мы смотримъ на эти явленія. Чѣмъ болѣе просвѣщеніе распространялось по русской землѣ, тѣмъ рѣже записывались извѣстія о затменіяхъ и прочихъ небесныхъ явленіяхъ въ записки современниковъ.

---

*) Я видѣлъ здѣсь, въ Нижнемъ, одну весьма любопытную старописменную русскую книгу (XVII стол.) о солицѣ, лунѣ и о звѣздномъ небѣ, съ чертежами и рисунками, написанную прекрасно и снабженную чертежами. Она показываетъ понятіе нашихъ уже возмужалыхъ предковъ объ астрономіи.

Затменія солнечныя производили сильное впечатлѣніе на русскій народъ. Необразованные боялись, чтобъ чародѣйство совершенно не истребило лучезарнаго свѣтила; люди болѣе образованные со страхомъ смотрѣли на необыкновенное помраченіе всегда свѣтлаго диска солнечнаго, удивлялись „*Божью смотрѣнію*“. Но тѣ и другіе собирались на улицахъ, на поляхъ, на площадяхъ и просили Бога, чтобъ это знаменіе Онъ обратилъ на добро. Они плакали, смотря на постепенно тратившійся свѣтъ солнечный, веселились, когда видѣли возвращеніе обычнаго свѣта; полагали, что *знаменіе* предвѣщаетъ что-нибудь необыкновенное, но не думали, чтобы оно одному злу предшествовало: потому-то и молились Богу при этомъ случаѣ, да обратитъ Онъ на добро страшное знаменіе. Большія затменія сравнивали съ бывшимъ во время страданій Спасителя; иногда при видѣ ихъ смущались, *мняше, яко скончаніе міра прїиде*. Если иноки-лѣтописцы узнавали внослѣдствіи, что во время затменія случилось гдѣ-нибудь несчастье для міра христіанскаго, то записывали во временники, что тамъ-то было то-то — *и солнце сего не терпя лучи своя скры*. Такъ говорили о затменіяхъ 1187 и 1366 годовъ. Первое, по мнѣнію предковъ нашихъ, произошло оттого, что Саллахъ-Эдинъ отнялъ Іерусалимъ у христіанъ, второе оттого, что „царь египетскій Салтанъ“, то-есть султанъ мамелюкскій, въ то время гналъ христіанъ въ Палестинѣ. Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что наши предки только *одинъ разъ* замѣтили, что солнце скрывало лучи свои при видѣ несчастій русскнхъ. Это было въ 1406 году, когда литовцы избили многихъ москвитянъ въ своей землѣ. Солнце затменіями своими *предвозвѣщало* для русскихъ невзгоды, какъ, напримѣръ, смерть Всеволода Ярославича, разореніе сѣверо-восточной части Россіи Батыемъ, нашествіе Мамаю и пр. Мы упомянули слегка, какъ западное духовенство, быть-можетъ, отчасти понимавшее причину солнечныхъ затменій, пользовалось впечатлѣніемъ, произведеннымъ на умы народныя. Наши духовныя дѣйствовали совсѣмъ иначе. Умилительно читать краткія, но сильныя смиреніемъ увѣщанія, во множествѣ сохранившіяся въ лѣтописяхъ, какъ при каждомъ несчастіи они только скорбѣли о грѣхахъ своихъ и смиренно, въ духѣ истиннаго христіанства, говорили о покаяніи. Приведемъ примѣръ, взятый изъ лѣтописи на выдержку: „То же, братія, Богъ казнить за грѣхы наша, кажа насъ на покаяніе, да быхомъ ся отстали отъ злобъ своихъ; аще согрѣшихомъ, нъ не отчаемся Твоеа милости, Твоя бо есть, Господи, власть казнити и лаки миловати. Казнивъ, Господи, помилуй насъ!“ *) Сколько чувства, сколько смиренія, доблести христіанской въ этихъ немногихъ простыхъ словахъ!

Съ 1065 года, когда въ первый разъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ о солнечныхъ затменіяхъ, по 1501 годъ было наблюдаемо 34, и въ томъ числѣ 8 полныхъ **). Само собою разумѣется, что было затме-

*) «Полн. Собр. Русск. Лѣтопис.», III, 66 и 68.

**) 1124, 1185, 1187, 1271, 1360, 1399, 1415 и 1476 годовъ.

ній гораздо болѣе, но должно вспомнить, что большая часть частныхъ затменій осталась незамѣченною, потому что эти затменія не были предсказаны; во время ихъ свѣта солнечнаго не убавлялось, и никто не обращалъ вниманія на солнце въ это время. Кромѣ того, пасмурная погода могла часто препятствовать наблюденіямъ. Всѣ затменія, извѣстія о которыхъ мы находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ, были болѣе 5 дюймовъ. Самыя меньшія изъ упоминаемыхъ нашими лѣтописями затменія были въ 1460 и 1475 годахъ.

Въ русскихъ лѣтописяхъ до 1027 года не упоминается ни о затменіяхъ ни о другихъ какихъ-нибудь небесныхъ явленіяхъ: доказательство подлинности и добросовѣстности первыхъ лѣтописателей. Если подѣ 6419 (911) мы и встрѣчамъ извѣстіе о звѣздѣ копейнымъ образомъ, то-есть кометѣ, то вспомнимъ, что это занесено изъ византійскихъ хроникъ. Въ 1027 г. было видимо *на Руси* „знаменіе на небеси и змиевое яко видѣти *всей земли*“. И съ этихъ поръ начинается длинный рядъ извѣстій о небесныхъ знаменіяхъ. Замѣтимъ при семъ случаѣ, что слово *всей земли*, какъ здѣсь, такъ и при описаніи послѣдующихъ явленій природы, значитъ *всей русской земли*.

1) Въ первый разъ о солнечномъ затменіи лѣтопись упоминаетъ подѣ 1065 годомъ. Лѣтописецъ, упоминая о немъ, говоритъ: „солнце премѣнися и не бысть свѣтло, но яко мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущу“ *). Это затменіе, вмѣстѣ съ кометою и другими необычайными явленіями природы, сильно подѣйствовало на умы народа, уже уstraшеннаго набѣгами новыхъ враговъ своихъ—половцевъ. Ждали несчастій и дождались — междоусобія. Лѣтописецъ, говоря о затменіи 1065 года, укоряетъ своихъ современниковъ въ нечестіи и пророчить за грѣхи ихъ невзгоду на землю русскую, приводя изъ исторіи примѣры подобныхъ предзнаменованій.

2) 1091 года мая 21, во 2 часу дня, то-есть въ 7 часовъ утра, было большое солнечное затменіе. „Софійскій Временникъ“ относитъ это явленіе ко 2 часу дня 22 мая 1088 года, но это несправедливо: ибо всѣ другіе списки говорятъ, что оно было 21 мая 1091, а Карамзинъ пишетъ, что это согласно съ астрономическими таблицами въ *I Art de vérifier les dates*, I, 72. Затменіе это было неполное, но одно изъ самыхъ большихъ, вѣроятно, оно было около 11 дюймовъ; ибо лѣтописецъ говоритъ: „того же лѣта бысть знаменіе въ солнци, яко погибнути ему и *мало ся его оста* и акы мѣсяць бысть“. Быть-можетъ, въ сосѣднихъ земляхъ это затменіе было и полное. Современники, пораженные этимъ явленіемъ, считали его однимъ изъ предзнаменованій случившейся скорѣ кончины великаго князя Всеволода I Ярославича.

Начало XII вѣка было богато знаменіями, изъ которыхъ нѣкоторыя были преувеличены суевѣріемъ, другія приписаны особому Божію про-

*) «Софійскій Временникъ», I, 138 и 139.

изволенію: въ Кіевѣ случилось съверное сіяніе, и вскорѣ послѣ этого видны были солнечныя парелин (1102 года февраля 5), страшныя грозы, ниществіе ангела, явленіе *райской* птицы... Послѣднимъ радовались; а первыя... „и сія видяху знаменія благовѣрній черноризьци со въздыханіемъ моляхуся Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменія сія на добро“ *). Какъ вѣрно характеризуютъ слова эти эпоху.

3) 1113 года марта 19 было большое частное затменіе въ первомъ часу дня, то-есть въ 7 утра. Величина его была около 11 дюймовъ; небольшой остатокъ его имѣлъ фигуру молодого мѣсяца, обращеннаго внизъ рогами своими. Это затменіе было именно въ то время, которое мы показали, въ чемъ свидѣтельствуесть изданіе Археографической Комиссіи „Собранія Полныхъ Русскихъ Лѣтописей“, но лѣтописцы, какъ, напримѣръ, новгородскій (второй), никоновскій и многіе другіе, относить явленіе это къ слѣдующему 1114 году **). Безъ сомнѣнія, это произошло отъ небрежности позднѣйшихъ писцовъ. Новгородская лѣтопись, описывая это затменіе, говоритъ слѣдующее: „бысть знаменіе въ солнцѣ: тако же погыбе въ часъ 1 дни, бысть видѣти всемъ, остана его мало акы мѣсяца долу рогама, мѣсяца марта въ 19, бысть солнце акы мѣсяць“ ***). Никоновская лѣтопись и „Софійскій Временникъ“ говорятъ то же самое и почти тѣми же словами °). Черезъ два мѣсяца умеръ Святославъ Изяславичъ, и многіе считали это явленіе предсказаніемъ этого происшествія.

4) Лѣтомъ 1115 года было затменіе солнца, по свидѣтельству Новгородской первой лѣтописи, которая говоритъ: „бысть знаменіе въ солнцѣ, яко же погыбе“ °°). Оно считалось предвѣстникомъ кончины Олега Святославича, который умеръ осенью послѣ этого затменія.

5) Въ 1121 году, по извѣстію Никоновской лѣтописи, было затменіе солнца °°°).

6) 1124 года августа 11, въ 3 часу пополудни, было *полное* солнечное затменіе. Вскорѣ послѣ полудня началось помраченіе; народъ пришелъ въ ужасъ, когда увидѣлъ, что солнце сперва было похоже на мѣсяць, а потомъ и совсѣмъ померкло. Распространился повсюду необыкновенный сумракъ, и на темно-синемъ небѣ показались звѣзды. Страхъ былъ всеобщій. Наконецъ, когда солнце вышло изъ полнаго затменія, свѣтъ его быстро началъ увеличиваться къ радости народа, отчаявшася-было увидѣть опять на небѣ померкшее свѣтило. Объ этомъ затменіи упоминаютъ „Софійскій Временникъ“, Новгородская вторая

*) «Никонов. Лѣтоп.», II, 34 и 35.

***) «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», III, 123 и примѣч. изъ той же страницѣ подъ буквою б. Срав. «Никонов. лѣт.», II, 43.

****) «Полное Собр. Русскихъ Лѣтописей», III, 123.

°) «Никонов. лѣтоп.», II, 43. «Соф. Врем.», I, 185.

°°) «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», III, 4.

°°°) «Никонов. лѣтоп.», II, 54.

лѣтопись *) , Никоновская **) и почти всея прочіе списки. Впечатлѣніе было такъ сильно, что все лѣтописатели занесли это явленіе въ свои тетради.

7) 1133 года было солнечное затменіе передъ вечернею, по свидѣтельству новгородскихъ лѣтописей ***) . Оно было частное.

8) 1140 года марта 20, вечеромъ, было видимо въ Новгородѣ частное солнечное затменіе. Величина его была около $8\frac{4}{7}$ дюйма. Затменіе это происходило часу въ 5 пополудни, потому что совершенно окончилось еще до захода солнца. Въ другихъ мѣстахъ Россіи, кромѣ Новгорода, вѣроятно, оно было незначительно и потому не замѣчено; но крайней мѣрѣ другія лѣтописи, кромѣ новгородскихъ ****) , не упоминаютъ о немъ. Объ этомъ явленіи говорится въ первой Новгородской лѣтописи слѣдующее: „Въ лѣто 6648 въ 20 марта, бысть знаменіе въ солнци и толико оста его яко же бывасть 4 дни, и нацы до захода пащались“ °).

9) Въ 1147 году было затменіе солнечное, по извѣстію Никоновской лѣтописи °°). Въ Новгородѣ оно или совсѣмъ не было видимо, или было весьма незначительно; лѣтописи новгородскія умалчиваютъ объ этомъ явленіи.

10) 1185 года, мая 1 числа, было видимо въ Россіи солнечное затменіе. Оно случилось вечеромъ, въ то время, какъ звонили къ вечернѣ, и продолжалось болѣе часа: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (около Новгорода) оно было, кажется, и полное °°°), но и въ другихъ мѣстахъ, по сказаніямъ лѣтописцевъ, оно было столь велико, что можно было видѣть звѣзды и часть свѣтящагося кольца. Необыкновенный, *зеленоватый* сумракъ покрылъ землю, все предметы представлялись людямъ зелеными. Отъ солнца осталась весьма малая часть въ видѣ серпа, закрытая лунною тѣнью. Окружность солнца была обаймлена свѣтящеюся дугою, которая похожа была на пламень, находящійся въ самомъ сильномъ движеніи. Казалось, будто это пламя исходило изъ концовъ серпообразнаго остатка солнца. Темнота въ среднѣ затменія была такъ велика, что простымъ глазомъ можно было видѣть звѣзды. Распространился всеобщій страхъ, смѣнившійся радостью, когда затменіе стало приходить къ концу.

*) «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», III, 5 и 123.

**) «Никон. лѣт.», II, 56.

***) «Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей», III, 6 и 124.

****) «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», III, 8 и 124.

°) «Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей», III, 8. Во второй Новгородской лѣтописи извѣстіе то же.

°°) См. «Никон. лѣт.», II, 96.

°°°) Такъ, первая Новгородская лѣтопись говоритъ просто: «солнце померче яко на часу и болѣ, и звѣзды быша и нацы просвѣтися и ради быхомъ» (см. «Полное Собрание Русск. Лѣт.», III, 18), когда все прочіе сравниваютъ солнце съ мѣсяцемъ.

11) 1187 года, сентября 4-го, въ полдень было видимо солнечное затмѣніе въ Галичѣ (въ нынѣшней Галиціи), Новгородѣ и другихъ мѣстахъ, но въ Кіевѣ никто его не замѣтилъ: вѣроятно, потому, что въ этомъ городѣ оно было не такъ значительно, и, быть-можетъ, погода была тогда пасмурна, чего можно ожидать, судя по времени года. Кіевская лѣтопись говоритъ, что затмѣніе это случилось 4-го сентября *); новгородскія **)—9-го того же мѣсяца, но Карамзинъ исправилъ эту ошибку: онъ говоритъ, что по астрономическимъ таблицамъ оно было 15-го сентября ***)). Случилось оно въ то самое время, когда іерусалимскіе депутаты вели переговоры съ Саллахъ-Эддиномъ, обложившимъ войсками своимъ святой городъ °). Оно произвело сильное впечатлѣніе на умы юго-западныхъ русскихъ, какъ потому, что въ ихъ сторонѣ оно было *полное*, такъ и потому, что дѣла Востока были на югѣ Россіи извѣстнѣе, нежели на сѣверѣ. На западныхъ христіанъ оно произвело впечатлѣніе еще сильнѣйшее. Вильгельмъ Тирскій, главный хроникарій того времени, описывалъ осаду Іерусалима и, говоря о необыкновенныхъ небесныхъ явленіяхъ, ознаменовавшихъ это несчастье для міра христіанскаго, замѣчаетъ: „la lumière du soleil s'obscurcit pendant plusieurs jours (!?)“. Такъ преувеличивалъ онъ обыкновенное явленіе природы. Въ Галичѣ затмѣніе было *полное*, видны были звѣзды и свѣтящееся кольцо, которое лѣтописецъ сравниваетъ съ *облаками онепрозрачными*. Въ Новгородѣ оно было частное, но довольно велико и продолжалось недолго. Принимали это явленіе несчастьемъ, постигнутому городѣ, ознаменованнымъ страданіями Спасителя; говорили: эти знаменія не на добро!

12) Въ 1203 году было видимо въ Россіи частное солнечное затмѣніе, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи °°).

13) 1207 года февраля 28-го послѣ полудня было видимо солнечное затмѣніе, величина котораго была около $11\frac{1}{7}$, слѣдовательно оно было немногимъ болѣе того, какое въ нынѣшнемъ году будетъ видимо въ Черни. Начало его было въ полдень, а конецъ предъ вечернею. Народъ былъ въ страхѣ и ужасѣ: толпами сходились онъ дивоваться на знаменіе небесное и, по обыкновенію, молился Богу, да обратитъ Онъ это странное явленіе на добро. Въ слѣдующемъ году оказался во многихъ мѣстахъ моръ и конскій падежъ, и суевѣрные считали эти несчастія предвозвѣщенными затмѣніемъ 1208 года. Вотъ слова Никоновской лѣтописи, повѣствующія объ этомъ затмѣніи: „тоя же зимы бысть знаменіе въ солнци, мѣсяца февраля въ 28 день въ среду сырныя недѣли, стояше

*) См. Карамзина «И. Г. Р.», III, пр. 153.

**) См. «Полное Собр. Русскихъ Лѣтописей», III, 19 и 126.

***) См. Карамзина «И. Г. Р.», III, пр. 153.

°) Michaud «Histoire des croisades», T. II. Liv. VII.

°°) «Никон. лѣт.», II, 277.

отъ полудня до неонима *) и оста его точно аки мѣсяць на статьи 1-го дни и мнози человекѣ сходящися, смотрящи, дивяхуся и молящися Богу и Пречистой Богородици, дабы обратилъ Господь Богъ знаменіе то на добро“ **). Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что 28-е февраля въ 1207 году приходилось, въ самомъ дѣлѣ, въ среду сырной недѣли.

Разореніе сѣверо-восточной Руси въ 1238 году татарами, приходшими подъ предводительствомъ Батяя, было, по словамъ лѣтописей, предсказано многими небесными явленіями и чудесами, а также и солнечными затменіями, изъ которыхъ о двухъ сохранились извѣстія до нашего времени.

14) 1230 года, 14-го мая, поутру было затменіе солнца; въ Кіевѣ оно было значительнѣе, нежели въ Новгородѣ. Въ послѣднемъ величина его была около $7\frac{5}{7}$ дюймовъ, а въ первомъ, вѣроятно, около 11 дюймовъ, ибо хотя здѣсь и не совершенно затмилось солнце, однако видима была часть обычнаго *свѣтящагося* кольца. Это *кольцо* представлялось огнемъ, который какъ облако сходилъ на рѣку Лыбедь; оно было весьма значительной толщины, находилось въ сильно волнуемомъ состояніи, будто огонь пылающій съ „яростію велію“. Оно было разныхъ цвѣтовъ; внутри красное, затѣмъ желтое, потомъ зеленое, черное, голубое и синее. Народъ былъ въ большомъ отчаяніи: ждали скончанія міра, плакали, молились Богу и радовались, когда это явленіе окончилось, „прейде чрезь градъ весь *безъ пакости*“. Весьма замѣчательно, что Антонъ де-Уллоа, наблюдавшій полное затменіе солнца 24-го іюля 1774 года, во время переѣзда изъ Терсейры къ мысу С.-Вицентъ, говорить о свѣтящемся кольцѣ почти то же самое, что упоминается и въ Никоновской лѣтописи при описаніи затменія 1230 года.

15) Въ 1236 году было видимо на Руси довольно значительное частное затменіе солнца. Величина его была около $8\frac{4}{7}$ дюймовъ; оно было въ воскресенье, а какого мѣсяца и числа—лѣтописецъ не упоминаетъ. Видимо было на всей русской землѣ. Вотъ слова лѣтописца: „Бысть знаменіе веліе: погиге солнце по всей землѣ въ день недѣльный, да только убо погиге, якоже бысть мѣсяць 4-хъ дней“ ***). Затменія сего нельзя смѣшивать съ бывшимъ въ слѣдующемъ 1237 году, ибо это послѣднее было 3 августа, а 3 августа было 1236 года въ среду.

16) 1237 года, августа 3-го, въ полдень было частное солнечное затменіе, котораго величину можно опредѣлить въ $7\frac{5}{7}$ дюймовъ. Это было за полгода до несчастной битвы съ татарами при рѣкѣ Сити, и потому современники считали явленіе сіе предвѣстникомъ плѣненія земли христіанской „отъ безбожныхъ Измаелитъ“. Лѣтописцы замѣтили и истинный ходъ этого затменія: зельная тьма (зеленая тѣнь) начала

*) То-есть *вечерни*. Отъ среды на масленицѣ до четверга на первой недѣлѣ Великаго поста называются ефимопами.

***) «Никон. лѣт.», II, 295.

****) «Никон. лѣт.», II, 369.

закрывать солнце съ западной стороны; остатокъ восточнаго края солнца былъ похожъ на луну пяти дней; тѣнь прошла черезъ дискъ солнца, и тогда восточная часть свѣтила покрылась мракомъ, тогда какъ западная представляла видъ серпа или луны. Народъ находился, по обыкновенію, въ ужасномъ страхѣ, смотрѣлъ съ боязнью на рѣдкое явленіе природы; тѣ, которые не видали этого затменія, были не въ меньшемъ страхѣ, когда услышали о немъ.

17) 1271 года, марта 15-го, было видимо въ Россіи *полное* затменіе солнца. Оно началось поутру и къ полудню окончилось. Какъ обыкновенно во время этого явленія, народъ былъ въ страхѣ, и „ради быхомъ“, — говоритъ новгородскій лѣтописецъ, — когда солнце наполнилось.

18) 1321 года, іюня 26-го числа, въ 9-мъ часу утра, было въ сѣверной Россіи значительное солнечное затменіе. Въ Новгородѣ величина его была около 10,5 дюйма, такая же и въ московскихъ предѣлахъ, что доказываютъ свидѣтельства лѣтописей Новгородской второй, Псковской и „Софійскаго Временника“.

19) 1330 года, ноября 30-го, по извѣстію лѣтописей Никоновской *) и Новгородскихъ первой **) и второй ****), было видимо въ Россіи солнечное затменіе; оно происходило поутру и продолжалось два часа. Вотъ слова Новгородской лѣтописи: „Мѣсяца ноября въ 30 день, на память святого апостола Андрея, бысть помраченіе въ солнци и стоя отъ 1 часа до 3-го“.

20) Въ 1360 году было солнечное затменіе, по извѣстію Никоновской лѣтописи, которая говоритъ: „Того же лѣта бысть знаменіе на небесн: погиге солнце и потомъ мѣсяць обратися въ кровь“ °). Едва ли оно было не *полное*, ибо слова: „мѣсяць обратися въ кровь“ должны, кажется, относиться къ свѣтящемуся кольцу, явившемуся во-кругъ покрытаго тѣнью солнца. Да притомъ лѣтопись говоритъ: „погиге“ (въ *совершенно-прошедшемъ* времени).

21) 1366 года, августа 7-го, поутру, было видно на русской землѣ солнечное затменіе, которое съ подробностью описано въ нашихъ лѣтописяхъ: Никоновской °°), Троицкой °°°), „Софійскомъ Временникѣ“ °°°°) и др. Величина его была около 9,5 дюймовъ, т.-е. немногимъ меньше противъ затменія 1842 года въ Петербургѣ. По мнѣнію нашихъ предковъ, оно произошло отъ гибели многихъ христіанъ на Востокѣ.

*) «Ник. лѣт.», III, 157.

**) См. «Поли. Собр. Русск. Лѣт.», III, 7.

***) «Поли. Собр. Русск. Лѣт.», III, 131.

°) «Ник. лѣт.», III, 217.

°°) «Ник. лѣт.», VI, 14 и 15.

°°°) Карамзинъ, «Ист. Рос. Росс.», т. V и проч.

°°°°) «Соф. Врем.», I, 341.

22) 1374 года, іюля 29-го, рано поутру было солнечное затменіе, по извѣстію Никоновской лѣтописи, которая говоритъ: „Того же мѣсяца (іюля) въ 29 день въ недѣлю солнце погисло“ *). Но въ 1374 году 29 іюля было въ субботу; не въ 1375 ли году было это затменіе?

23) 1378 году, а по Никоновской 1377 года **), 29 іюня было затменіе солнца, вмѣстѣ съ другими необычными явленіями природы, считавшееся предвѣстникомъ Мамаева нашествія.

24) 1385 года, января 30-го, передъ полуднемъ, въ обѣдъ, было видимо на Руси, въ московскихъ предѣлахъ, солнечное затменіе, величина котораго была около $8\frac{4}{7}$ дюймовъ. Конецъ его былъ въ 1 часъ пополудни, въ вечернюю годину, какъ говаривали въ старину. Объ этомъ явленіи упоминаетъ Никоновская лѣтопись ***) слѣдующими словами: „Тоя же зимы мѣсяца генваря въ 30 день, на память великаго Василия Кесарійскаго, въ понедѣльникъ во обѣдъ погисе солнце, и остаея его аки мѣсяцъ четырехъ дней, и пакы во вечернюю годину наполнися“. Но 30 января въ 1385 году было въ субботу, а 1 января, когда также празднуется память Василия Великаго, было въ пятницу.

25) 1395 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по извѣстію лѣтописей Троицкой и Никоновской °), было видимо въ московскихъ предѣлахъ солнечное затменіе.

26) 1399 года, октября 29-го, было видимо въ Новгородѣ полное затменіе солнца; въ московскихъ предѣлахъ, вѣроятно, оно было только частное, ибо Никоновская лѣтопись только слегка упоминаетъ объ этомъ явленіи, говоря: „знаменіе бысть на небеси въ солнци“ °°) и не показывая даже дня, въ который происходило затменіе. Въ Новгородѣ же сначала солнце приняло форму сериа и потомъ совершенно закрылось; распространилась повсюду темнота, и на мѣстѣ солнца показалось свѣтящееся кольцо, подобное кровавымъ лучамъ съ дымомъ. Вотъ слова Новгородской первой лѣтописи °°°): „той же осени бысть помраченіе въ солнци и тма бысть, а солнце погыбе и явися серпъ на небеси, а потомъ явися солнце, кровавы луча испущающи съ дымомъ, мѣсяца октября, на память святыя мученицы Анастасіи“ (29 октября).

27) 1406 года, іюня 16-го, въ 10-мъ часу утра, было видимо въ Россіи солнечное затменіе, величина котораго была около 9,5 дюйм., т.-е. такая же, какая будетъ въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Астрахани и Иркутскѣ. Распространился необыкновенный сумракъ, сдѣлалось темно, и слишкомъ черезъ часъ явился обычный свѣтъ солнечный. Лѣтописецъ полагаетъ, что это явленіе про-

*) «Ник. лѣт.», IV, 42.

**) «Ник. лѣт.», IV, 55.

***) «Новг. лѣт.», IV, 148.

°) «Ник. лѣт.», IV, 265.

°°) «Ник. лѣт.», IV, 96.

°°°) «Полн. Собр. Русск. Лѣт.», III, 101. «Соф. Врем.» говоритъ то же.

изошло отъ того, что въ тотъ самый день на Литвѣ было убито много москвитянъ.

28) 1415 года, въ пятницу, іюня 7-го, въ 10-мъ часу утра, было видимо въ Россіи *полное* затменіе солнца. Въ сѣверныхъ частяхъ ея и въ Новгородѣ оно было частное, ибо новгородскія лѣтописи только слегка упоминаютъ объ немъ **); какъ частное, оно было видимо во всей русской землѣ, по словамъ Воскресенской и Архивской лѣтописей ***). Въ московскихъ краяхъ видѣли, какъ зеленая тѣнь начала покрывать солнце съ западной стороны его; она закрывала болѣе и болѣе дискъ свѣтила, распространился сумракъ, и люди видѣли друга друга какъ бы стоящими въ крови: наконецъ и совершенно закрылось солнце, на мѣстѣ его образовалось свѣтящееся кольцо, его сравнивали съ мракомъ кровавымъ, увидѣли звѣзды и зарю, покрывавшую края видаемаго горизонта. Это явленіе продолжалось съ небольшимъ часъ; уstraшенные свидѣтели его сравнивали это затменіе съ тѣмъ, которое было во время страданій Спасителя ****). Явленіе это было незадолго до рожденія Василія Васильевича Темнаго, и наши предки во время смутнаго правленія еего великаго князя не разъ вспоминали про это страшное знаменіе, предвѣщавшее, по ихъ мнѣнію, „скорбь и тугу земли русскія“.

29) Въ 1423 году, когда голодь свирѣпствовала въ всѣхъ странахъ Россіи, когда люди принуждены были даже пожирать себѣ подобныхъ, когда русскіе цѣлыми семействами перебѣгали въ Литву, не находя въ отчизнѣ средствъ къ прокормленію, когда отъ сильныхъ морозовъ путники умирали на дорогахъ и всѣ со скорбью молили Господа „призрѣть отъ святаго жилища, отъ престола славы Его на нихъ милосердымъ окомъ Своимъ“ — въ этотъ несчастный для Руси годъ наши предки были уstraшены затменіемъ солнечнымъ. Считали его предзнаменованіемъ новыхъ несчастій, ждали переменъ:—черезъ два года вступилъ на престолъ Василій Васильевичъ Темный, начались смуты, междоусобія, русская земля страдала, вспоминали затменіе 1423 года и говорили, что оно предвѣстило эти несчастія.

30) 1433 года, іюня 17-го, было видимо солнечное затменіе, которое тѣмъ болѣе уstraшило свидѣтелей, что вскорѣ замѣчено было и лунное затменіе.

31) 1460 года, 17 іюля, отъ 7 до 10 часовъ утра, видимо было въ Россіи солнечное затменіе. Въ московскихъ предѣлахъ величина его была около $7\frac{5}{7}$ дюймовъ (Ник. лѣт.) ****), а въ новгородскихъ

*) «Июли. Собр. Лѣт.», т. III. стр. 105—135.

**) «Бысть знаменіе по всей землѣ». См. «Соф. Врем.», I. Здѣсь слова «по всей землѣ» значать по всей Руси. Подобныя выраженія часто встрѣчаются въ лѣтописяхъ.

***) См. «Соф. Врем.», въ примѣчаніи.

****) «Ник. лѣт.», V, 287.

только около $5\frac{1}{7}$ дюймовъ („Соф. Врем.“ *). Значитъ, оно было гораздо меньше будущаго въ нынѣшнемъ году, но если сравнить его съ затмѣнѣмъ, бывшимъ 6 іюля прошлаго 1841 года, то можно сказать, что московское затмѣнѣ 1460 года было одинаково съ енисейскимъ 1841 года, а нижегородское 1841 года—съ новгородскимъ 1460 года.

32) 1475 года, сентября 20-го, въ Коломнѣ видѣли солнечное затмѣнѣ въ 8 часу утра, по извѣстію Троицкой лѣтописи, приводимому Карамзинымъ въ примѣчаніяхъ къ VI тому „Исторіи Государства Россійскаго“: величина его была около 4 дюймовъ, т.-е. такая же, какъ въ прошломъ году была въ Ревелѣ и Дерптѣ; закрылась одна треть диска солнечнаго, и дневное свѣтло представилось въ видѣ молодой луны. Странно, что въ Москвѣ никто не видалъ этого затмѣнѣ: вѣроятно, была пасмурная погода, что весьма легко можетъ быть, судя по времени года; притомъ и затмѣнѣ было не такъ значительно.

33) 1476 года, февраля 25-го, поутру въ 8 часу, было видимо *полное* солнечное затмѣнѣ, которое, впрочемъ, продолжалось недолго. Мракъ, распространившійся по землѣ, былъ такъ великъ, что люди не могли другъ друга видѣть въ лицо и находились въ страхѣ и въ ужасѣ. „25 февраля во 2 часу дня, — говоритъ лѣтописецъ: — бысть гибель солнцу и тьма велика, яко и человекомъ другъ друга въ лицо не видѣти и того бысть недолго. Людямъ страхъ былъ великъ“ (**).

34) 1491 года, въ маѣ мѣсяцѣ, было довольно большое затмѣнѣ солнца; величина его была около 8 дюймовъ. „Бысть знаменіе въ солнци, — говоритъ лѣтописецъ: — мѣсяца мая и двѣ части изгибе“ (***)).

Вотъ извѣстія о солнечныхъ затмѣнѣхъ, видѣнныхъ на Руси до XVI вѣка, сохраненныя въ лѣтописяхъ. Весьма желательно, чтобы наши астрономы обратили на нихъ должное вниманіе, свѣрили ихъ съ астрономическими таблицами, повѣрили своими вычисленіями. Это во многомъ исправило бы хронологію русской исторіи, которая часто сбивчива.

*) «Соф. Врем.», III, 80.

**) См. прим. къ «Ист. Гос. Росс.» Карамзина, т. VI.

***) См. тамъ же.

ВЕЛИКІЙ ХУДОЖНИКЪ.

(Изъ Мицкевича).

Есть въ мірѣ Великій Художникъ,
Творческой кистью Онъ на эфирѣ рисуетъ картины.
Чудно-велики картины Его, изящны, прекрасны!
Мысль въ нихъ высокая кроется. Онъ выражаетъ мысль эту
Въ радугѣ свѣтлой, семью полосами цвѣтовъ испещренной;
Онъ выражаетъ ее и въ лазури небесъ, и въ стоцвѣтныхъ
Неба отливахъ, и въ красномъ лучѣ заходящаго солнца;
Или когда облака съ золотыми краями несутся
Въ небѣ высокомъ и въ морѣ спокойномъ себя отражаютъ
Тѣнью дрожащей; или когда въ тучахъ синихъ, угрюмыхъ
Свѣтъ ослѣпительно-яркій блеснетъ, извиваясь змѣю...

Лѣтъ тысячь семь и побольше люди живутъ на землѣ сей,
Каждый день видятъ они тѣ картины небесной
Кисти Художника-Бога и смотрятъ на нихъ равнодушно.
Взоръ ихъ прикованъ къ землѣ, а чувство погрязло въ ихъ тѣлѣ —
Имъ непонятна, имъ недоступна идея Творца ихъ.
Мысль, проявленную въ радугѣ, въ солнцѣ, въ лазури, сначала
Люди постичь не могли, а потомъ не хотѣли. Такъ въ мірѣ
Остался Великій Художникъ непонять...

Есть въ мірѣ Великій Художникъ,
Мыслью единою Онъ въ безпредѣльномъ пространствѣ вдругъ создалъ
Видимый міръ, въ которомъ разставилъ Свой изваянья, —
Чудно-велики, прекрасны Его изваянья—созвѣзды!
Мысль въ нихъ высокая кроется, Онъ выражаетъ мысль эту
Въ солнцахъ огромныхъ, въ кометахъ, планетахъ, разсыпанныхъ въ небѣ,
Онъ выражаетъ ее въ громадныхъ горахъ бѣлоглавыхъ,
Въ льдахъ океана вѣчно нетающихъ, вѣчно растущихъ;
Въ глыбахъ металловъ, разсыпанныхъ въ нѣдрахъ земли; и въ каменьяхъ,
Чудно горящихъ блескомъ огней, переливами свѣта...

Лѣтъ тысячь семь и побольше люди живутъ на землѣ сей,

Каждый день видятъ они эти всѣ изваянья, однако
Имъ недоступна, имъ непонятна идея Творца ихъ.
Гордые люди хотять вѣрить только лишь опыту, чувствамъ,—
Опытъ обманчивый часто скользитъ по наружности чувства.
Въ сущность предмета не могутъ проникнуть и такъ въ заблужденн
Опыта люди *не могутъ* постичь той идеи. Такъ въ мірѣ
Остался Великій Художникъ непонять...

Есть въ мірѣ Великій Художникъ,
Мыслию Онъ въ безпредѣльномъ пространствѣ вдругъ создалъ гармонию.
Чудно-велика, изящна, прекрасна гармонія эта!
Ею всѣ чувства вдругъ поражаются, такъ же, какъ вѣтромъ
Вдругъ поражаются слухъ, осязанье и зрѣніе. Въ громѣ,
Въ громкихъ раскатахъ Его выражается мысль той гармонии, —
Мысль та высокая! — Слышны ея выраженія также
Въ шумѣ валовъ, бунтующихъ на морѣ, въ шумѣ потока;
Въ страшиномъ вулканѣ, когда онъ дымится, и стонетъ, и пламя,
Камни и пепелъ къ небу бросаетъ съ грохотомъ страшнымъ;
Въ музыкѣ звѣздъ, этихъ струнъ, настроенныхъ солнечнымъ свѣтомъ...

Лѣтъ тысячь семь и побольше люди живутъ на землѣ сей,
Каждый день слышать они эти звуки, однако до сихъ поръ
Имъ недоступна, имъ непонятна идея Творца ихъ.
Звуковъ гармонии небесной люди и слышать не могутъ,—
Люди ничтожны—велики они однимъ лишь безсмертьемъ!
Ихъ ли ушамъ можно слушать звуки небесной гармонии?
Ихъ ли умамъ понимать идею тѣхъ звуковъ, которыхъ
Міръ земной, міръ небесный исполнены. Музыки громкой
Люди боятся, — тихихъ напѣвовъ звѣздъ и лучей ихъ
Они на землѣ не услышать. Такъ, недоступно для нихъ здѣсь
Въ Вожіемъ мірѣ разлитое море звуковъ гармонии!
Мысль этихъ звуковъ прекрасныхъ имъ непонятна.—Такъ въ мірѣ
Остался Великій Художникъ непонять...

Есть въ мірѣ Великій Художникъ,
Мысль безконечнаго, истину неба, тайну завѣта
Въ слово людей Онъ облекъ. Наша мысль высока лишь тогда, какъ
Быстрымъ потокомъ молній быстрѣйшимъ летитъ на языкъ:
Слово сковало ее, голосъ новыя цѣли бросилъ на мысль,
Мысли поэта въ словесной одеждѣ и слабы, и чужды
Ихъ первообразу. Это Великій Художникъ зналъ. Чтѣ же
Онъ сдѣлалъ?—Мысль безконечнаго выразилъ словомъ небеснымъ,
Истину неба Онъ доказалъ чудесами, завѣта же
Тайну великую въ дѣлѣ Своемъ Онъ открылъ всѣмъ намъ смертнымъ.
Чтѣ выше тѣхъ словъ, тѣхъ чудесъ, того дѣла? Близкія мысли
Къ творческой мысли гдѣ вы найдете? А люди давно ужъ

Въ мірѣ живутъ, по имъ непонятна высокая мысль та,
Имъ недоступна идея Творца. Почему-жъ недоступна?
Люди вѣдь поняли мысль безконечнаго, люди узнали
Истину неба, людямъ открылася тайна завѣта
Въ словѣ великомъ—святомъ откровеніи Божія Сына.
Люди живутъ лишь для тѣла:—прежде они понимали
Мысль и идею Великаго Бога твердо вѣрой,
Умъ ограниченный черпалъ изъ кладезя свѣта живую
Воду и ей напойся. Умъ былъ ужъ полонъ, но много
Въ кладезѣ было воды; вѣрой единой могъ онъ
Все остальное исчерпать. Вѣрою онъ понималъ мысль,
Истину, тайну. Когда же въ гордости буйной хотѣли
Люди назвать своимъ братомъ Того, Кто имъ объяснилъ мысль,
Истину, тайну—и вѣру оставили, умъ въ заблужденіи
Думать сталъ, будто бы все онъ постигъ, будто бы мысли
Нѣтъ въ той водѣ, которую онъ исчерпать не можетъ.
Людамъ не стало понятно Творца откровенье. Такъ въ мірѣ
Остался Великій Художникъ непонять...

Что-жъ ты, художникъ земной, что же ты ропщешь на небо?
Или тебя оскорбили толки людей о твоёмъ дарованьѣ?
Вспомни:—Художникъ ээпра, міровъ, гармоньи и слова
Ими непонять. Чего отъ людей ожидать? Непонять
Ими остался Великій Художникъ!

1840. Мая 31.

Нижній-Новгородъ

Оглавление

VII ТОМА.

	СТР.
Очерки поповщины.	
Часть I. — I. Начало раскола старообрядства	3
II. Первая мысль исканія архіерейства	14
III. Зарубежные старообрядцы. Исканіе архіерейства въ Молдавіи	32
IV. Епископъ Епифаній	50
V. Аоиногенъ	81
VI. Анѳимъ	98
VII. Исканіе архіерейства въ концѣ XVIII столѣтія	130
VIII. Поповщина въ началѣ XIX столѣтія. Рязановъ	146
IX. Бѣглые поны въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ	177
X. Рогожское кладбище	204
Часть II. — I. Кочуевъ. Рогожскій соборъ 1832 г.	250
II. Королѣвскіе	268
III. Рогожскіе послы въ Петербургъ	293
IV. Лавреитъевъ монастырь	307
Приложеніе: Записка о старообрядскихъ типографіяхъ въ Клинцахъ, Махновкѣ, Яновѣ, Майданѣ Почапнѣцкомъ	352
Аввакумъ Петровичъ. Біографическая замѣтка	376
Счисленіе раскольниковъ	387
Очерки Мордвы	410
Историческія извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ	484
Историческія замѣтки.	
I. Гдѣ скончался св. Александръ Невскій?	496
II. Гдѣ жилъ и умеръ Козьма Мининъ?	498
III. О царицѣ Маріи Петровнѣ	502
IV. О родственникахъ Козьмы Минина	503
Замѣчаніе о городахъ Россійской имперіи	506
Преданія въ Нижегородской губерніи	509
Дорожныя записки. (На пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь)	514
Солнечныя затменія, видѣнныя въ Россіи до XVI столѣтія.	576
Великій Художникъ. Изъ Мицкевича	587

F

24.152/7